

СБОРНИКЪ

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ

ДУХОВНАГО ЧТЕНІА.

Сборнаго іеромонаха (нынѣ игумена) Никифора

МОСКВА.

ТИПОГРАФІА Л. И А. СНЕГИРЕВЫХЪ.

ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.

1888.

Фото-гравюра Шерера, Набольцы и К^о в^оз^м Москва.

Дозволено цензурою. Москва 1888 года января 10 дня.
Цензоръ Архимандритъ *Амфилохій*.

О г л а в л е н і е.

І. ПРОПОВѢДИ И РѢЧИ.

	<i>Стр.</i>
1. Слово на день открытія Братства св. Равноапостольной Маріи въ недѣлю св. женъ мученицъ 11-го апрѣля 1871 года	1
2. Слово по случаю празднованія дня св. Равноапостольной Маріи Магдалины Братствомъ Ея имени 1871 г.	7
3. Поученіе въ день Братскаго праздника св. Равноапостольной Маріи въ 1874 г.	12
4. Слово въ день Братскаго праздника св. Равноапостольной Маріи въ 1876 году	18
5. Слово въ день Братскаго праздника св. Равноапостольной Маріи въ 1877 году	25
6. Слово въ день годичнаго праздника Братства св. Равноапостольной Маріи въ 1880 году	33
7. Слово на день св. Равноапостольной Маріи и праздникъ Маріинскаго Братства въ 1886 г.	40
8. Бесѣда на день св. Равноапостольныхъ Маріи Магдалины и въ праздникъ Маріинскаго Братства въ 1887 году.	48
9. Поученіе при освященіи зданія для Донскаго училища	57
10. Бесѣда на день Пятидесятницы	62
11. Слово въ день Святителя и Чудотворца Николая	70
12. Изъ слова на день святителя Филиппа въ 1878 г.	78
13. Слово на память святителя Алексія, въ субботу первыя недѣли Великаго поста.	83
14. Слово въ недѣлю пятую Великаго поста и праздникъ Благовѣщенія.	91

	<i>Стр.</i>
15. Поученіе въ Великій Пятокъ	96
16. Рѣчь при прощаніи съ учениками Донскаго Духовнаго училища.	100
17. Рѣчь при гробѣ Пресвященнаго Никодима Епископа Дмитровскаго.	104

И. И С Т О Р І Я.

1. Святая Благовѣрная Княгиня Ольга, во св. крещеніи нареченная Еленою	107
2. Очеркъ жизни св. Саввы архіепископа Сербскаго.	131
2 Былъ ли когда св. Апостоль Петръ въ Римѣ?	141
3. Святыи Фасцій Цецилій Кирианъ епископъ Кароагенскій.	148
4. Воспоминаніе о священномученикѣ Григоріѣ патріархѣ Константинопольскомъ.	165
5. Изъ жизни русской церкви и духовенства въ 1812 году	177
6. Моавитскій памятникъ	214
8. Папскій конклавъ	230
9. Папскіе конклавы	241
10. Кельнскій конгрессъ	258
11. Нѣсколько воспоминаній изъ жизни Неандера	263
12. Очерки жизни о Гіацинта Лойзона.	276
13. Лейстерскій конгрессъ (въ Англии) о Русской церкви	286
14. Историческій очеркъ Никола-Перервинскаго монастыря	296
а) Мѣстоположеніе Никола-Перервинскаго монастыря и его окрестностей	297
б) Наименованіе Никола-Перервинскаго монастыря	299
в) Начало Никола-Перервинскаго монастыря и первоначальное его состояніе	300
г) Состояніе Никола-Перервинскаго монастыря въ 1623—24 гг. и въ послѣдующее время до патріарха Адріана.	302
д) Состояніе Никола-Перервинскаго монастыря во время патріарха Адріана и въ послѣдующее время — до митрополита Платона	310
е) Состояніе Никола-Перервинскаго монастыря при митрополитѣ Платонѣ	323
ж) Состояніе Никола-Перервинскаго монастыря въ 1812 году.	337
з) Состояніе Никола-Перервинскаго монастыря послѣ митрополита Платона: при архіепископѣ Августинѣ и митрополитахъ: Серафимѣ, Филаретѣ, Иннокентіи, Макаріи и Иоанникіи.	345
и) Состояніе Никола-Перервинскаго монастыря въ настоящее время.	362

i) Тѣла іеромонаховъ и нѣкоторыхъ мірянъ, погребенныхъ въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ	366
--	-----

Примѣчанія къ описанію Перервинскаго монастыря	367
--	-----

III. БОГОСЛУЖЕНІЕ.

1. Литургія Англиканской церкви	386
2. Крещеніе въ Лондонѣ новорожденнаго сына Герцога и Герцогини Единбургскихъ	389
3. Совершеніе таинства крещенія въ Англиканской церкви	391
4. Церковное торжество бракосочетанія Августѣйшихъ Особъ 11 Января 1871 года по отзыву газеты Times. Форма совершенія брака по обряду Англиканской церкви.	398
5. Похороны русскаго моряка корвета „Бояринъ“ по англиканскому обряду.	408
6. Представленіе „Страстей Христовыхъ“ въ Оберъ-Аммергау.	410
7. Страстная седмица и Пасха въ Римѣ въ 1870 г.	459
8. Богослуженіе въ греческой Волвергамтонской церкви св. пророка Іліи (въ Англіи).	489

IV. МИССИОНЕРСТВО.

1. Рѣчь секретаря лондонскаго миссіонерскаго общества Р. Робинсона	492
2. Христіанство въ Японіи.	495
3. Страна восходящаго солнца.	513
4. Письмо Англійскаго миссіонера Д. Лопга о его пребываніи въ Москвѣ и ея окрестностяхъ	530

V. БИБЛЮГРАФІЯ.

1. Назначеніе, указываемое Промысломъ Православной Россіи, и ея призваніе къ возстановленію западной православной католической церкви. Овербекъ. Галль. 1869 г.	538
2. По вопросу о взаимнообщеніи англиканской церкви съ восточными православными церквами	549
3. Докладъ о взаимнообщеніи съ восточными православными церквами	569
4. О преемствѣ апостольскаго рукоположенія въ Англиканской церкви	578

5. Біографія Высокопреосвященнаго Макарія митрополита Московскаго въ Англійскомъ журналѣ	587
6. Мученическая церковь. — Повѣствованіе о началѣ, распространеніи и торжествѣ христіанства на о. Мадагаскарѣ. Уильяма Еллиса. Лондонъ. 1870 г.	590
7. Взглядъ православнаго англичанина проф. Николая Дамалоса на произведеніе православной восточной Богословскѣй литературы.	603
8. Электицизмъ и браманизмъ	622
9. Изъ надгробнаго слова Декана Стэнли при погребеніи Гершеля 1871 года	641
10. Изъ надгробнаго слова—при погребеніи Ливингстона.	650
11. Бисмаркъ во время Франко-Германской войны.	657

VI. ЮБИЛЕИ.

1. Юбилей заштатнаго священника села Яковлевскаго Пехорка тожъ Д. П. Войнова	664
2. Адресъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія председателю этого Общества Прот. о. І. Н. Рождественному по случаю его 50-лѣтняго юбилея 2 сентября 1876 года.	667
3. Рѣчь по случаю 25-лѣтняго юбилея служенія о. Протоіерея В. П. Рождественскаго.	670

VII. НЕКРОЛОГИ.

1. Протоіерей Александръ Евфимовичъ Нечаевъ	674
2. Воспоминаніе о почившемъ въ Бозѣ архіепископѣ Евгеніи.	677
3. Воспоминаніе о почившемъ архіепископѣ Леонидѣ Ярославскомъ.	681
4. Протоіерей А. С. Терновскій	684
5. Иванъ Захаровичъ Крыловъ	686
6. Генвортъ Диксонъ	687

VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. На отъѣздъ преосвященнаго Игнатія изъ Москвы въ Кострому 9 марта 1878 г.	689
2. На день 100 лѣтняго юбилея Митрополита Филарета — Декабри 26 дня 1882 года.	700
3. Стихотворенія Епископа Линкольна къ Констанскому конгрессу 1873 г.	706

IX. СТАТЬИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

	<i>Стр.</i>
1. Празднованіе двухъ-сотлѣтія Иверской Иконы Божіей Матери	709
2. Нѣсколько словъ о русскомъ современномъ духовенствѣ.	713
3. О нравственномъ воспитаніи въ народныхъ школахъ.	718
4. О безплатной раздачѣ воскресныхъ листовъ народу въ 1869 г.	722
5. По поводу изданія Воскресныхъ Бесѣдъ	724
6. Распространеніе духовно нравственныхъ книгъ въ Россіи въ царствованіе Александра I.	726
7. О земныхъ поклонахъ.	731
8. О юбилейномъ днѣ 18 мая 1871 г.	738
9. Мысли предъ Новымъ Годомъ.	739
10. Весна—Образъ Воскресенія (размышленіе).	742
11. Рѣчь епископа Штрессмайера о папской непогрѣшимости.	744
12. Взглядъ англичанина на воссоединеніе.	761
13. Рѣчь д-ра Деффа на Митингѣ британскаго Библейскаго Общества о всепобѣждающей силѣ Библии.	776
14. Рукоположеніе въ санъ старокатолическаго епископа Рейкенса.	779
15. Переписка православнаго съ членомъ Континентальнаго Общества въ Англіи.	790
16. Посланіе Д-ра Деллингера къ Мюнхенскому Архіепископу	803
17. Пастырское посланіе епископа Рейкенса.	820
18. Воззваніе къ клиру и мірянамъ I. I. Овербека.	855
19. Бесѣды I. I. Овербека о возстановленіи западной православной церкви.	857
20. Бесѣда 1. Цѣль жизни.	864
21. 2. Сущность религіи.	874
22. 3. Молитва: условія обѣтованія и дѣйствія оной.	887
23. Грѣхи Парижа и слабыя стороны Галликанской церкви.	891
24. Гора Кармилъ въ Палестинѣ.	893
25. Исповѣдь Франціи.	897
26. Рѣчь Д-ра Кеннеди о религіозномъ воспитаніи народа.	901
27. Взглядъ англичанина на классическое образованіе.	907
28. Французское остроуміе.	910
29. Поученіе предъ отпѣваніемъ тѣла Сергія Александровича Колосова.	

Настоящій *Сборникъ для любителей Духовнаго Чтенія* обнимаетъ собою труды автора съ 1862 г. по 1888 годъ, печатанные, по преимуществу, въ изданіяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, и нѣкоторые въ Православномъ Обзорѣннѣи, какъ напр.: *Страстная Седмица и Пасха въ Римѣ въ 1870 г. Рѣчь Епископа Штросмайера о папской непогрѣшимости.*— Статьи въ немъ оригинальныя, какъ напр. *Проповѣди, Рѣчи (1—104), изъ жизни русской Церкви и духовенства въ 1812 году (177—214) Историческій очеркъ Николо-Перервинскаго Монастыря (296—386), Юбилей (664—670) Некрологи (674—687) Стихотворенія*, и нѣсколько статей разнаго содержанія и переводныя, или передѣланныя, съ иностранныхъ языковъ: *латинскаго (Libellus invitatorius ad clerum etc, D. Overbeck), съ французскаго (Conclaves des papes изъ L'Union Chretienne), и, въ особенности, съ Англійскаго изъ лучшихъ журналовъ и газетъ: Good words, The Guardian, Times, и другихъ, какъ напр.: Ober-Ammergau Passion Play—представленіе Страстей Господнихъ въ Оберъ-Аммергау Christianity in Japan—христіанство въ Японіи, и многія другія. Проповѣди и рѣчи, помѣщенныя въ Сборникѣ были произносимы въ свое время въ Успенскомъ Соборѣ, Чудовомъ Монастырѣ, и другихъ Московскихъ храмахъ, нѣкоторыя оригинальныя статьи были читаны въ засѣданіяхъ Общества Люб. Дух.*

Просвѣщенія и другихъ, переводныя же статьи приспособлялись къ выдающимся современнымъ событіямъ церковно-общественной жизни западной церкви и другихъ инославныхъ обществъ за означенный періодъ времени (какъ напр. изъ надгробныхъ проповѣдей *Д. Стенли надъ погребеніемъ Германа и Ливингстона, статьи о взаимообщеніи между Восточною Церковію и западными, бесѣды Д-ра Овербена о возстановленіи западной православной Церкви, страна Восходящаго солнца и другія.*

Что имѣло особенный интересъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ виду возникшаго вопроса о взаимообщеніи между Восточною и Западными Церквами,— то не можетъ быть безъинтереснымъ въ нѣкоторой мѣрѣ и въ настоящее время,—такъ какъ знакомить православнаго читателя съ частностями вѣроучительной и бытовой стороны Западной Церкви и другихъ инославныхъ обществъ, которыя своими новшествами и очевидною несостоятельностью, еще болѣе усиливаютъ блескъ православной неизмѣнной Восточной истины.

І. Проповѣди и рѣчи.

Слово въ день открытія Братства св. Равноапостольной Маріи въ недѣлю св. женъ мѣроносицъ, 11-го апрѣля, 1871 года.

Благодѣянія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугождается Богъ (Евр. 13, 16).

Не безъ особенной цѣли достопочтенное общество, собравшееся нынѣ въ храмъ Господень для молитвы и для испрошенія благословенія Божія на вновь открываемое имъ благотворительное учрежденіе, избрало для осуществленія своего благаго дѣла день сей, посвященный памяти св. Женъ Мѣроносицъ, и въ ихъ числѣ св. Равноапостольной Маріи. Наравнѣ съ апостолами, св. Марія Магдалина раздѣлила труды и подвиги апостольскаго служенія, учила и проповѣдовала евангеліе Божіе; потому св. Церковь почитала ее наименованіемъ Равноапостольной. До нашего времени сохранилось древнѣйшее преданіе церкви объ одномъ умилительно-трогательномъ событіи изъ ея жизни. По Вознесеніи Господа на небо, она явилась въ языческой Римъ съ проповѣдію о воскресшемъ Спасителѣ, предстала предъ Императора Тиверія, и, подавши ему яйцо, окрашенное въ красный цвѣтъ, какъ изображеніе жизни, возсіявшей изъ гроба, и приобрѣтенной цѣною Крови Христовой, начала предъ нимъ благовѣстіе объ искупленіи словами: *Христосъ воскрес!*

Высокая цѣль нынѣ, съ помощію Божіею, открываемаго благотворительнаго Братства главнымъ образомъ состоитъ въ развитіи образованія въ той средѣ нашего общества, которая доселѣ, по обстоятельствамъ, не могла пользоваться достаточными плодами онаго, именно въ средѣ дѣвицъ духовнаго званія, и по преимуществу дочерей бѣдныхъ сельскихъ священно-церковно-служителей. Еще высшее значеніе получаетъ это святое, благотворное дѣло, когда подумаемъ, что въ женскомъ училищѣ при Братствѣ будутъ не только получать общее образованіе, но и специально приготовляться взрослые дочери лицъ духовнаго званія къ занятію учительскихъ и наставническихъ должностей при народныхъ, и церковно-приходскихъ школахъ, и что, кромѣ того, оно имѣетъ въ виду насадить разсадники просвѣщенія для малолѣтнихъ дѣтей той же среды при сельскихъ благочиніяхъ и приходсахъ. Такимъ образомъ, при благословеніи Божіемъ можемъ уповать, что здѣсь не только будетъ сосредоточиваться свѣтъ просвѣщенія для однихъ учащихся, но и разольетъ чрезъ нихъ съ теченіемъ времени свои лучи на другія мѣста нашего отечества, и живительно и благотворно.

Поистинѣ, святое дѣло христіанскаго просвѣщенія предпринимаемое Братствомъ—равноапостольно; не безъ глубокаго значенія становится оно подъ покровъ св. Равноапостольной Маріи и въ честь Ангела Августѣйшей Государыни Цесаревны, Маріи Θεодоровны, удостоившей около пяти лѣтъ тому назадъ Своимъ посѣщеніемъ здѣшнее женское училище, принимаетъ на себя наименованіе Братства св. Равноапостольной Маріи.

Если мы, бл. слуш., послѣ этихъ общихъ мыслей остановимъ наше вниманіе на утѣшительномъ явленіи нерѣдко повторяющагося возникновенія различныхъ благотворительныхъ Братствъ и Обществъ, особенно характеризующихъ настоящее время, и затѣмъ перейдемъ къ болѣе подробному выясненію задачъ нынѣ открываемаго Братства, то увидимъ, что основаніе подобныхъ учреждений сколько благотворно, столько же и отрадно. Благотворно, потому что въ нихъ видимо осуществляется апостольская заповѣдь: *Благотворенія и общенія не забываютъ*, именно общими силами, взаимнымъ содѣйствіемъ, облегчаются общественныя нужды, возвышается общественное благосостояніе; отрадно потому, что, по той же самой заповѣди, *таковыми жертвами благоугождается Богъ*.

Преувеличимъ ли дѣло. если осмѣлимся сказать, что на подобныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, видимо, почиваетъ благословіе Божіе. По начинанію одного или нѣсколькихъ лицъ, собираются во имя Господне нѣсколько десятковъ. или сотенъ добротныхъ дателей, сочувствующихъ недостаткамъ бѣднаго человѣчества,—освящаютъ молитвою свое благое начинаніе, вносятъ въ общую сокровищницу свои посильныя лепты, будутъ ли онѣ состоятъ въ личномъ трудѣ, или въ матеріальной жертвѣ, и, чудное дѣло. успѣхъ благаго дѣла быстро возрастаетъ, и изъ зерна, брошеннаго на добрую почву, вырастаетъ плодъ сторицею. Какіе благотворные результаты для общественнаго блага достигаются въ настоящемъ и будущемъ отъ подобныхъ учреждений! Сколько добра является отъ совокупной дѣятельности этихъ безкорыстныхъ дѣателей! Сколько благодѣній расточается ими для удовлетворенія нуждъ и потребностей, перѣдко, цѣлыхъ краевъ, племень и обществъ!

На эти, собранныя во едино, лепты воздвигаются и поддерживаются храмы Божіи, просвѣщаются и цивилизуются дикія племена; призрѣвается беспомощная старость; образуется и воспитывается бѣдное отрочество и юношество; отираются слезы вдовъ и сиротъ. Удивительно ли что всякій разъ, когда слышишь, или читаешь, объ основаніи подобныхъ учреждений, мысль невольно переносится къ первенствующимъ временамъ Апостольской церкви, — свѣтлымъ временамъ дѣятельной, никогда неоскудѣвающей любви къ ближнему, единаго Братства во Христѣ, когда у вѣрующихъ было все общее — и они раздѣляли все по нуждѣ каждаго.

Открываемое нынѣ Братство св. Равноапостольной Маріи, безъ сомнѣнія, вызвано тѣмъ же чувствомъ христіанской любви, которая горѣла яркимъ свѣтомъ въ первенствующей Церкви, и учрежденіе онаго тѣмъ отраднѣе для насъ, бл. сл., что оно имѣетъ главную свою цѣлю—вспомоществованіе нуждамъ лицъ, трудящихся въ словѣ и ученіи, которое и по своему положенію, и по своему многотрудному служенію, заслуживаетъ полнаго общественнаго вниманія, сочувствія и помощи. Благотворительное, имѣющее быть открытымъ, учрежденіе, стремится оказать содѣйствіе и помощь духовенству, преимущественно сельскому, въ одной изъ главныхъ и тяжелыхъ заботъ его, именно въ дѣлѣ обра-

зованія его дочерей. Духовное сословіе, какъ сословіе разрушается; составъ церковныхъ причтовъ сокращается; зачисленіе и сдача мѣстъ при церквахъ за дочерьми священно-церковнослужителей прекращается; къ духовнымъ должностямъ дается право доступа лицамъ всѣхъ званій, и тѣмъ болѣе, конечно, кандидатамъ духовныхъ должностей будетъ даваться право избирать себѣ женъ изъ всѣхъ званій. При такихъ новыхъ, устанавливающихся условіяхъ, положеніе дочерей духовенства, если образованіе ихъ останется на прежней степени развитія, выйдетъ крайне неутѣшительно и беспомощно. Безъ надлежащихъ средствъ къ жизни, безъ достаточнаго образованія, не успѣвши пристроиться, онѣ могутъ остаться бременемъ и для небогатой семьи своей, и для самихъ себя. Въ это-то наступающее трудное время для женской части семействъ духовнаго, преимущественно сельскаго званія, Господь благовременно и являетъ свою помощь. По христіанской мысли, проникнутой истинною любовью — устрояется Братство съ прекрасною, высокою цѣлю готовить взрослыхъ дѣвицъ духовнаго званія на должности учительницъ въ народныя и церковно-приходскія школы, — и вообще заботиться объ ихъ образованіи. Поистинѣ, это самый лучший исходъ, какого только можно было ожидать и желать для нихъ!

Это такое святое, благотворное дѣло, которое неоспоримо имѣетъ величайшую важность сколько по отношенію къ облегченію нуждъ самихъ священно-церковно-служительскихъ дочерей, столько же и по отношенію къ успѣшнѣйшему развитію малолѣтнихъ дѣтей, крестьянскихъ ли то, или и другихъ сословій. — Какъ отрадно, утѣшительно думать, что этимъ путемъ легко можетъ быть достигнуто современемъ образованіе женщинъ, для которыхъ съ вопросомъ объ образованіи тѣсно связанъ другой вопросъ — о существованіи. И какъ благодѣтельно, человѣколюбиво подать имъ руку помощи въ эти трудныя минуты ихъ жизни, — приготовить къ свѣтлой будущности эти новыя, свѣжія силы, пропадавшія нерѣдко безъ пользы для родины!...

Впрочемъ благотворительная цѣль Братства не ограничивается однимъ приготовленіемъ взрослыхъ дѣвицъ духовнаго званія къ полезной наставнической дѣятельности въ народныхъ школахъ; въ своей благотворности она простирается далѣе, принимаетъ большіе размѣры. По мѣрѣ приготовленія учительницъ и расши-

ренія средствъ Братства оно предполагаетъ учреждать женскія школы для малолѣтнихъ дочерей священно-церковно-служителей въ селахъ при благочиніяхъ и приходахъ, гдѣ представится на это возможность.

При обсужденіи устава Братства, лицами Московскаго духовенства и представителями земскихъ, общественныхъ и церковно-приходскихъ учреждений, мысль о начальныхъ женскихъ школахъ приходскихъ и благочинническихъ, была принята, какъ самая благотворная и удобоисполнимая. Очевидно, что обученіе въ сельскихъ школахъ при благочиніяхъ и приходахъ потребуетъ чрезвычайно мало средствъ, такъ какъ содержаніе и помѣщеніе и содержаніе въ деревнѣ несравненно дешевле городского; очевидно и то, что недостаточные родители могутъ доставлять продукты своего хозяйства на содержаніе своихъ дочерей, обучающихся въ ближайшемъ училищѣ, устроенномъ Братствомъ, не обременяя себя особыми издержками; одежда можетъ быть также принята самая простая, какую обыкновенно носятъ въ селахъ. И мы думаемъ, что такое простое воспитаніе въ сельской здоровой сферѣ, при правильно распределенныхъ умственныхъ и физическихъ трудахъ, можетъ благотвѣтельно повліять на развитіе и здоровье воспитанницъ и приготовить сколько умственно развитыхъ дѣвушекъ, столько и готовыхъ къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ, отъ которыхъ не желательно отрывать въ раннемъ возрастѣ дочерей сельскихъ жителей, къ какому бы онѣ сословію не принадлежали. Послѣ такой школы, гдѣ дѣвицы могли бы обучаться—лѣтъ до 14—15, пока ихъ силы не окрѣпнутъ и онѣ сами не сознаютъ необходимости болѣе полнаго или спеціальнаго образованія, онѣ могутъ, при содѣйствіи Братства, поступать въ учительскую семинарію для приготовленія къ учительской должности, или на другіе спеціальныя курсы. Итакъ главная задача данной минуты—это приготовить хорошихъ учительницъ и при помощи ихъ воспитать молодое поколѣніе на самыя небольшія средства.

Изъ вышесказаннаго видно, какое благотворное значеніе можетъ имѣть нынѣ открываемое Братство св. Равноап. Маріи Муроносицы, и къ утѣшенію нашему нельзя не замѣтить, что оно открывается при счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Женское училище, въ которомъ будутъ образовываться духовныя стипендіатки Братства, около 5 лѣтъ тому назадъ, къ своему наскazanному счастью,

удостоилось Августѣйшаго посѣщенія Ея Императорскаго Высочества, Государыни Цесаревны Маріи Теодоровны. Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Московскій весьма сочувственно взглялъ на цѣль Братства и благоволилъ принять на себя званіе почетнаго Попечителя онаго. Московское земство, городское и сельское духовенство, также отнеслись къ мысли объ учрежденіи Братства съ полнымъ сочувствіемъ. Первое положило даже предоставить назначенныя имъ 20 стипендій исключительно дочерямъ сельскихъ священно-церковнослужителей на приготовленіе ихъ на должности учительницъ въ сельскія земскія школы.

Мы хорошо помнимъ открытіе Братства святителя Николая въ 1865 г.; намъ памятно, что горячее сочувствіе, съ какимъ отозвалось духовенство и общество на помощь въ дѣлѣ образованія бѣдныхъ сыновей его; прошло только нѣсколько лѣтъ—и сотни бѣдныхъ сыновей сельскаго духовенства, которымъ грозила самая неутѣшительная будущность, находятъ теперь, благодаря пособіямъ Братства, и пріютъ и содержаніе и средства къ своему ученію. Сколько слышится тайныхъ и явныхъ благословеній, какія усердныя молитвы возносятся предъ престоломъ Божиимъ бѣдными священно-церковнослужителями за благотворителей, уравнивающихъ своимъ матеріальнымъ содѣйствіемъ не легкій путь школьнаго образованія дѣтей ихъ. Открываемое нынѣ Братство св. равноапостольной Маріи имѣетъ въ виду другую часть того же бѣднаго, по преимуществу, сельскаго духовенства,—дочерей его. Это самое больное мѣсто въ жизни нашего духовенства при настоящемъ его положеніи; образованіе, воспитаніе, устройство дочерей—это печаль и горе его сердца, это непрестанный предметъ его думъ, заботъ, тревогъ и опасеній. Откажемъ ли мы въ общемъ сочувствіи святому дѣлу Братства, на которое оно имѣетъ право, и въ томъ содѣйствіи, которое ему необходимо?

Бл. собраніе! Если когда, то въ этотъ многознаменательный для насъ день, намъ особенно прилично вспомнить Вожегственную Заповѣдь Спасителя: *уже сотворитъ и научитъ, сей велиій наречетъя въ царствіи небесномъ*, и заповѣдь Апостольскую: *благотворенія и общенія не забывайте, таковыми бо жертвами благоугодается Богъ* (Евр. 13. 16). Аминь.

Слово по случаю празднованія дня св. Равноапостольной Маріи Магдалины Братствомъ Ея имени 1871 г.

Поминайте наставники ваши...: ихъ же взирающе на скончаніе жительства подражайте вѣрь ихъ. — (Евр. 13, 7).

Въ настоящій день, празднуется память св. Равноапостольной Маріи Магдалины; она покровительница, Ангель хранитель недавно открытаго, посвященнаго ея имени, Братства, потому что оно въ самомъ началѣ ввѣрено ея покрову и храненію. Да, сл. хр., если промысломъ Божиимъ назначаются Ангелы хранители для церквей, странъ, городовъ, отдѣльных лицъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, они назначаются также и для различныхъ благотворительныхъ учрежденій, Братствъ, обществъ, каково настоящее. Гдѣ задумано и приводится въ исполненіе какое-либо благое дѣло, тамъ, несомнѣнно, присутствуетъ Господь Иисусъ Христосъ, а вмѣстѣ съ Нимъ и Ангель хранитель. — *Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое*, сказалъ Господь, *тамъ Я, посреди ихъ.* (Мат. 18, 20). Потому-то настоящій день есть праздникъ Братства, такъ сказать день его тезоименитства. — Сугубо радостенъ для насъ день сей еще и потому, что въ оный празднуется тезоименитство Августѣйшихъ особъ Царствующаго дома, покровительницъ различныхъ женскихъ нашихъ учебныхъ заведеній, Государыни Императрицы съ своею Дщерію и Государыни Цесаревны. По истинѣ, благознаменитъ день праздника нашего, собравшій насъ нынѣ въ храмъ сей для молитвы.

Но чтобы сей праздникъ не остался безъ нѣкоторой духовной трапезы, то, слѣдуя Апостольской заповѣди: — *помянуть наставниковъ нашихъ... и подражать ихъ вѣрь* (Евр. 13, 7), постараемся передать вкратцѣ существенныя черты изъ жизни празднуемой святой, и найдти въ нихъ назиданіе и поученіе для своей дѣятельности.

Преданіе сообщаетъ немного свѣдѣній о жизни св. Равноапостольной Маріи до времени обращенія Ея къ Господу Иисусу. Извѣстно, что она происходила изъ Галилеи, и, какъ кажется, получила свое имя отъ г. Магдалы, лежавшаго на берегу Генисаретскаго озера. По словамъ Евангелія, Господь Иисусъ исцѣлилъ

Ее отъ тяжелой болѣзни, именно изгналъ изъ нея семь бѣсовъ, и съ тѣхъ поръ въ сердцѣ испѣленной воспламенился святой огонь любви къ Божественному Учителю, и неугасимо, яркимъ пламенемъ, горѣлъ до самаго конца ея жизни. Въ силу этой любви благодарная Марія вмѣстѣ съ Апостолами и нѣкоторыми другими женами, слѣдовала повсюду за Господомъ, слушала Его Божественное ученіе и служила Ему своимъ имѣніемъ. Вотъ какъ замѣчаетъ объ этомъ св. Евангелистъ Лука: *Онъ проходилъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуя и благовѣствуя Царствіе Божіе, и съ Нимъ двѣнадцать и нѣкоторыя женщины, которыхъ Онъ исцѣлилъ отъ злыхъ духовъ и болѣзней; Марія, называемая Магдалиною... и многия другія, которыя служили Ему своимъ имѣніемъ.* (Лук. 8. 2 — 3). Любовь Ея къ Господу Иисусу во время Его земной жизни до самаго конца оной была такъ сильна, что не останавливалась ни передъ какимъ препятствіемъ. Она слѣдовала всюду за Нимъ, хотя Онъ не имѣлъ никакой собственности въ этомъ мірѣ, не имѣлъ даже гдѣ преклонить главу: въ Иерихонѣ Онъ назначаетъ себѣ пристанище у Закхея (Лук. 19. 5); беретъ чужаго осла для входа въ Иерусалимъ (Лук. 19. 35); у отца сыновъ Заведеевыхъ занимаетъ горницу для празднованія Пасхи (Лук. 22—12). Марія Магдалина, владѣя земными благами, отдала ихъ въ распоряженіе Тому, Кому была обязана всею своимъ разумомъ, своею свободою, счастливая тѣмъ, что можетъ, по ея мнѣнію, облегчать для Него тяжесть человѣческой жизни, которую Онъ принялъ на себя для нея и для спасенія міра. Эта святая любовь воодушевляла ее идти за Христомъ, грядущимъ въ униженіи и поруганіи на Голгофу, когда самые ближайшіе ученики Его бѣжали и оставили Его одного на этомъ страшномъ пути. Она придавала ей силу и мужество стоять при крестѣ и выносить зрѣлище позора и страданій Божественнаго, Невиннаго Страдальца, побуждала ее выказывать свое участіе къ Распятому въ присутствіи самыхъ страшныхъ и смѣлыхъ враговъ Его. По смерти, погребеніи, воскресеніи Господа, любовь къ возлюбленному Божественному Учителю не угасаетъ въ ея сердцѣ, но горитъ столь же ярко, какъ и прежде, если даже не болѣе. Въ первый день недѣли, когда еще было темно, Марія Магдалина спѣшитъ съ ароматами къ гробу— помазать тѣло Спасителя, и, затѣмъ, по Его вознесеніи на небо, побуждаемая тою же свя-

тою любовію, она не страшится проникнуть съ проповѣдію о Распятіи въ самую столицу языческаго міра, является съ отряднымъ словомъ благовѣстія предъ лицомъ самого Кесаря, и несмотря ни на какія опасности и труды, обходитъ грады и веси съ Евангельскою проповѣдію о Христѣ; въ Ефесѣ, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ Апостоломъ Христовымъ, и до самой своей смерти—апостольски служитъ человѣческому спасенію (Чет. мин. 22 іюля). За свою высокую самоотверженную любовь, св. Равноапостольная Марія получила столь же высокую награду: она удостоилась быть первою свидѣтельницею воскресенія Христова, избранною, чтобы возвѣстить о Немъ тѣмъ, которые назначены были возвѣстить о Немъ міру; она была, такъ сказать, первенцемъ утѣшенной церкви, къ которой обращены первыя слова воскресшаго Спасителя. Принесшая нѣкогда въ сосудѣ ароматы съ муромъ на гробъ Спасителя, она сама сдѣлалась сосудомъ принесенной Имъ людямъ благодати и истины, и благовоніе этого духовнаго мѹра распространилось далеко по вселенной, на цѣлые вѣка и тысячелѣтія, такъ что и въ насъ святая память ея жива, и мы поучаемся и назидаемся святою ея жизнію. Святая церковь почтила ее наименованіемъ Равноапостольной.

Сл. хр., примѣръ св. Равноапостольной Маріи глубоко назидателенъ для насъ и какъ для христіанъ вообще, и какъ для членовъ сего Братства въ частности. Въ немъ олицетворена для насъ любовь твердая, постоянная, пламенная, любовь, не останавливающаяся ни передъ какими препятствіями, такая любовь, которая, по слову Апостола, есть союзъ совершенства (Кол. III, 14). Подобная любовь должна быть первою цѣлію, главнымъ предметомъ и всей нашей христіанской дѣятельности, и она, безъ сомнѣнія, есть существенно необходимое условіе для надлежащей, полезной, истинной, общественной христіанской благотворительности. Если мы желаемъ, чтобы наши благотворительныя Общества, братства и другія учрежденія, достигали надлежащей цѣли, были истинно полезны и приносили желанный плодъ, то для сего непремѣнно необходимо, чтобы члены оныхъ, рѣшившіеся послужить святому дѣлу, постоянно одушевлялись и согрѣвались твердою и пламенною любовію къ оному. Кто изъ насъ, сл. хр., не знаетъ, что христіанская любовь есть источникъ всего прекраснаго и высокаго въ дѣяніяхъ человѣческихъ? Кому не извѣстно,

что всё подвиги, добродѣтели, коими такъ богата исторія христіанства, произошли изъ этой любви? Если и въ настоящее время не рѣдко открываются къ нашему утѣшенію различныя благотворительныя Братства и Общества, устрояются школы, пріюты, богадѣльни для облегченія нуждъ бѣдствующаго и страждущаго челоуѣчества, то это есть прямое и чистое слѣдствіе христіанской любви къ ближнему. Да и настоящее, такъ недавно открытое Братство, имѣющее своею заботою образованіе и воспитаніе дочерей бѣднаго сельскаго духовенства, и такимъ образомъ сильное облегченіе его нуждъ, по какимъ побужденіямъ открыто, какъ не по побужденіямъ святой, христіанской любви къ ближнему? Отрадны и утѣшительны подобныя проявленія христіанской любви въ современномъ обществѣ. Они показываютъ, что и въ настоящій вѣкъ свято помнится истинными христіанами заповѣдь Божественнаго Учителя истины: *да любите другъ друга*;— заповѣдь, которую Онъ Самъ запечатлѣлъ своею крестною смертію, возлюбивъ своихъ сущихъ въ мірѣ до конца. И если бы, съ другой стороны, уничтожить эти общественныя проявленія христіанской любви къ ближнему, что стало бы тогда съ обществомъ? Безъ всякаго сомнѣнія, оно показало бы тѣмъ, что стоитъ на пути къ разрушенію; въ немъ останется тогда лишь подобіе жизни, а самая жизнь исчезнетъ. Впрочемъ, рѣшившись раз навсегда принять на себя званіе члена какого бы то ни было благотворительнаго учрежденія, и такимъ образомъ послужить общему дѣлу христіанской любви, мы непрестанно должны заботиться о томъ, чтобы стяжать себѣ въ семъ служеніи такую любовь, которая, по слову Апостола, есть союзъ совершенства. Не безъ цѣли въ словахъ Апостола употреблено выраженіе: *стяжите любовь*. Оно значитъ: облекитесь въ любовь, т. е. облекитесь такъ, какъ воинъ, выступая на дѣло своего служенія, облекается во всеоружіе, облекитесь всецѣло и совершенно. Этимъ выраженіемъ Апостолъ указываетъ на полноту, твердость, постоянство христіанской любви къ ближнему, какъ частной, такъ и общественной. Христіанская любовь, какъ и всякое другое доброе чувство, можетъ имѣть свои недостатки, можетъ страдать своими недугами, непостоянствомъ, измѣнчивостію, неполнотою. Въ настоящее время, къ сожалѣнію, бываетъ иногда такъ, что въ началѣ открытія какого бы то ни было

Братства, или благотворительнаго Общества, замѣтно сильное одушевленіе, говорятъ съ особеннымъ увлеченіемъ и жаромъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ и цѣляхъ предпріятого. вызывается много желающихъ содѣйствовать и служить благому дѣлу, но проходитъ немного времени — увлеченіе пропадаетъ, одушевленіе и ревность исчезаютъ, жаръ остываетъ и ихъ мѣсто заступаютъ холодность и равнодушіе. Такое мимолетное, скоропреходящее проявленіе любви, хотя и можно назвать христіанскимъ, но оно не имѣетъ въ себѣ христіанскаго постоянства и стойкости, существенно необходимыхъ для полнаго успѣха всякаго святаго предпріятія. Оно походитъ на блестящій метеоръ, который съ шумомъ является и летитъ, но чрезъ нѣсколько мгновеній бесслѣдно исчезаетъ въ воздушныхъ пространствахъ; или скорѣе его можно сравнить съ горючимъ матеріаломъ, который легко воспламеняется отъ соприкосновенія съ искрою, но тотчасъ же и погасаетъ. Нѣтъ, слуш. хр., всякое общественное благое дѣло, въ которомъ лишь только мы рѣшились принять участіе, должно быть постоянно согрѣваемо и одушевляемо полною, твердою, постоянною любовію къ нему. Скажемъ не обинуясь, — съ этой самой минуты, оно должно сдѣлаться нашею собственною заботою, и всегдашнимъ нашимъ собственнымъ попеченіемъ, важнымъ дѣломъ, касающимся сколько общества, столько же лично насъ самихъ. Посмотримъ въ этомъ отношеніи на чудную въ женахъ, которой память празднуемъ мы нынѣ. Какая твердая, постоянная, пламенная ея любовь къ Господу и къ принятому на себя дѣлу служенія Ему! Она повсюду слѣдуетъ за Нимъ; служитъ Ему своимъ имѣніемъ, стоитъ при крестѣ Его; еще сущей тѣмъ идетъ на гробъ съ ароматами; проповѣдуетъ Его въ средѣ язычниковъ. Таковы, по возможности должны быть и наши любовь и усердіе въ дѣлѣ общественнаго служенія ближнимъ, а въ лицѣ ихъ самому Господу Иисусу. Только подобная самоотверженная любовь можетъ увѣнчаться полною наградою въ будущемъ, — именно успѣхомъ, процвѣтаніемъ, истинною пользою тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которымъ мы послужили въ духѣ любви христіанской.

Бл. сл., когда идетъ вопросъ о дѣятельности богоугодной, общепользней, не будемъ приводить въ оправданіе своего бездѣйствія, или малодѣйствія, недостатокъ силъ, времени, средствъ

для принятія участія въ оной. Всякій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ слабъ, можетъ быть полезенъ общественному дѣлу, лишь было бы съ его стороны усердіе и болѣе или менѣе важное усиліе къ совершенію онаго. Затѣмъ, дѣло уже переходитъ въ покровительство Божіе. Богъ самъ идетъ человѣку навстрѣчу, со всѣмъ своимъ могуществомъ непобѣдимымъ и благотворнымъ. *Смужи каждый тѣмъ даромъ, который помучилъ отъ Бога*, говоритъ Апостоль Петръ. Празднуемая нынѣ Св. Равноапостольная Марія была слабая женщина, одержимая тяжкою болѣзнію, не знатнаго происхожденія, рожденная вдали отъ центра просвѣщенія, и однако, чѣмъ она сдѣлалась? Она сдѣлалась Апостоломъ, т. е. достигла возможности быть полезною многимъ странамъ и цѣлому міру. И неудивительно. Она хотѣла совершенства, стремилась къ нему, и потому достигла. Такъ, при помощи Божіей, и каждый изъ насъ можетъ быть полезенъ всякому общественному дѣлу, тѣмъ или другимъ образомъ.

Въ сей праздникъ нашего Братства, благочестивые слушатели, возблагодаримъ Господа, благословившаго и благословляющаго начальные дни его существованія, и съ молитвою за Августѣйшихъ Тезоименитыхъ Особъ Царствующаго Дома, вознесемъ къ Нему молитву, чтобы ходатайствомъ Св. Равноапостольной покровительницы Братства, Онъ всадилъ въ наши сердца такую любовь, *яже, по слову Апостола, есть союзъ совершенства*. Аминь.

Поученіе въ день Братскаго праздника св. Равноапостольной Маріи въ 1874 г.

Братство возлюбите. (1 Петра, 2, 17).

Въ праздникъ Братства св. равноапостольной Маріи Мвроносицы, собравшій насъ нынѣ, благоч. братчики, въ храмъ Господень для молитвы и благодаренія, невольно переносится наша мысль и благоговѣйное воспоминаніе къ древнимъ церковнымъ братствамъ православной русской церкви, какъ представлявшимъ въ себѣ живое и дѣятельное олицетвореніе заповѣди апостольской о взаимной братской и дѣятельной любви всѣхъ вѣрующихъ между собою. Сіе воспоминаніе не уместно теперь уже въ томъ отношеніи, что изъ воспоминаній добраго, свѣтлаго прошлаго по-

черпаются полезные уроки для настоящего, — а потому краткій очеркъ цѣли, внутренней организаціи, и дѣятельности тогдашнихъ братствъ можетъ служить въ нѣкоторомъ родѣ и указателемъ, и мѣриломъ и руководствомъ для всѣхъ подобныхъ учреждений настоящаго времени, а въ числѣ ихъ и братства св. равноапостольной Маріи.

Основываемыя подъ вліяніемъ евангельской любви, еще за долго до нашего времени, по преимуществу въ западныхъ епархіяхъ Русской церкви,—какъ напр.: Кіевской, Львовской, Могилевской — древнія братства имѣли двойной характеръ. Съ одной стороны — они имѣли характеръ религіозный—вооружаясь на защиту православнаго вѣроученія, колеблемаго въ бурное время уніи лжеученіями Римской и другихъ иновѣрныхъ церквей, а съ другой, и по преимуществу, имѣли характеръ филантропическій, поставляя своею главною задачею, — развитіе народнаго образованія, — образованіе и воспитаніе сиротъ, матеріальную помощь бѣднымъ, содержаніе старцевъ и больныхъ, и тому подобныя дѣла христіанскаго благотворенія. — Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они особенно славились и сіяли живымъ свѣтомъ по всей землѣ Русской. — Устройство при братскихъ храмахъ многочисленныхъ школъ, пріютовъ, типографій, богадѣленъ, больницъ, лучше всего характеризуетъ прекрасную и благотворную дѣятельность означенныхъ учреждений тогдашняго времени. По удачному выраженію одного изъ статутровъ Львовскаго Братства, они служили, такъ сказать, маяками просвѣщенія, окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, убѣжищемъ для всѣхъ несчастныхъ. Невѣжество, матеръ духовнаго рабства, въ означенное время было сильно и глубоко. Если и существовало тогда нѣсколько школъ, то они не пользовались особенною популярностію и служили только къ приготовленію чтецовъ и пѣвцовъ на служеніе церкви, вслѣдствіе чего въ православномъ народонаселеніи живо ощущался недостатокъ образованія. Вотъ почему школа и народное образованіе, помимо другихъ филантропическихъ цѣлей, были предметомъ особеннаго попеченія и заботъ со стороны братствъ; вотъ почему подъ ихъ вліяніемъ и руководствомъ — открывались многочисленные школы и типографіи, которыя дѣлаясь, такимъ образомъ, центрами народной педагогіи, разсадниками образованныхъ и нравственно развитыхъ молодыхъ людей — много содѣйствовали благо-

состоянію общественной и церковной жизни и смягченію народных нравовъ. Не безынтересную и, въ нѣкоторомъ родѣ, поучительную картину для насъ представляетъ и внутренняя организація или устройство означенныхъ братствъ. Первымъ дѣломъ, предшествовавшимъ открытію всякаго братства, было составленіе братскаго регламента, или устава, который обыкновенно представлялся на утвержденіе верховной власти, отъ которой и исходило утвержденіе онаго. Затѣмъ новоизбранные члены вносили свои имена въ братскій каталогъ. Въ составъ братства вступали извѣстнѣйшія лица изъ духовнаго и свѣтскаго сословія. Чтобы получить доступъ въ члены братства нужно было обязаться хранить все его постановленія, поцѣловать крестъ изъ рукъ священника, и дать клятвенное обѣщаніе свято повиноваться братству, и не открывать его тайнъ. Братство ежегодно избирало четырехъ старшинъ членовъ которымъ вмѣнялось въ обязанность заботиться объ общихъ интересахъ и завѣдывать его управленіемъ. Эти старѣйшіе члены имѣли право требовать себѣ почтеніе и покорность отъ всехъ членовъ, судили виновныхъ, примиряли несогласія и служили представителями при сношеніяхъ братства съ гражданскою властію. Всемъ членамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность вносить въ опредѣленное время въ братскую кассу извѣстную сумму, кромѣ того, присутствовать при богослуженіяхъ въ братской церкви,—при погребеніи братчиковъ, провожать ихъ съ горящими восковыми свѣчами до могилы, и наконецъ принимать правильное участіе въ братскихъ засѣданіяхъ. Это послѣднее правило составляло одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей для каждаго члена. Нарушеніе онаго или другаго какого либо изъ означенныхъ, подвергало виновнаго денежному штрафу, или обязательству доставить извѣстное количество воску. Денежная касса хранилась въ ящикѣ въ братской церкви. Одинъ изъ старшихъ членовъ хранилъ у себя ключъ отъ храма,—двое другихъ ключи отъ кассы. Расходная смѣта составлялась въ общемъ собраніи. Четвертый старшій членъ велъ приходорасходныя книги и вообще завѣдывалъ экономическою отчетностію. Отчеты составлялись ежегодно. Кромѣ того старшіе члены должны были заботиться объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ братства, слѣдить за точнымъ выполненіемъ братскаго устава, поддерживать порядокъ во время засѣданій, и предлагать на обсужденіе собранія различные воп-

росы, касающіеся братства. Частныя собранія братчиковъ происходили еженедѣльно, общія ежемѣсячно. Считаемо не излишнимъ привести здѣсь слѣдующій документъ, взятый нами изъ одного изъ братскихъ сборниковъ, и наглядно характеризующій означенныя собранія: „Въ домѣ или братской залѣ, въ которыхъ должно происходить засѣданіе, ставится столъ, на которомъ полагается евангеліе, стоятъ горящія восковыя свѣчи и братскій ящикъ съ денежною кассою. Передъ началомъ засѣданія священникъ, или старшій изъ братчиковъ, стоя на ногахъ поетъ гимнъ: *блаю есть служить Господу*, за тѣмъ, по призваніи Имени Божія и по произнесеніи краткой правоучительной рѣчи, говоритъ слѣдующее:

Братія! Если кто изъ васъ знаетъ что либо касающееся братства, тотъ пусть сообщитъ объ этомъ!—Тотъ, кто не успѣлъ сдѣлать опредѣленнаго братствомъ взноса,—пусть внесетъ оный!—Этою обычною формулою открывалось каждое братское засѣданіе. Затѣмъ уже приступали къ обсужденію текущихъ дѣлъ и различныхъ вопросовъ.

Изъ этого хотя и краткаго очерка внутренней организаціи братствъ, нельзя не видѣть, что члены оныхъ были крѣпко соединены во едино единою мыслию, что всѣ они свято служили избранному девизу и постоянно одушевлялись тою могущественною энергіею, которую способно сообщить только глубоко проникнутое убѣжденіе въ важности на себя принятой миссіи. Вотъ чѣмъ объясняется цвѣтущее состояніе братствъ въ тогдашнее тяжелое и неутѣшительное время и успѣхъ всѣхъ ихъ благотворительныхъ предпріятій.—Какъ во времена первенствующей христіанской церкви у всѣхъ вѣрующихъ было одно сердце и одна душа, такъ и члены этихъ обществъ соединялись однимъ чувствомъ живой, дѣятельной любви къ Богу и ближнему.

Отъ этого прекраснаго зрѣлища—древнихъ братствъ, отдѣленныхъ отъ нашего времени нѣсколькими столѣтіями,—обратимся къ братству св. Равноапостольной Маріи, основанному лишь три года тому назадъ. Цѣль учрежденія онаго, какъ и въ древнихъ братствахъ, была вызвана христіанскою любовію и состраданіемъ къ дочерямъ священно-церковно служителей московской епархіи, наиболѣе нуждающихся въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ для ихъ образованія и воспитанія. Братство поставило ближайшею своею задачею—взрослымъ изъ нихъ давать образо-

ваніе и воспитаніе въ московской учительской женской семинаріи, а малолѣтнимъ—въ двухъ открытыхъ братскихъ школахъ, съ гимназическимъ курсомъ, въ которыхъ они могли бы подготовиться къ поступленію въ женскую семинарію. Оно имѣетъ въ виду главнымъ образомъ въ этихъ школахъ приготовленіе дѣвицъ на должности учительницъ въ народныхъ, церковно приходскихъ и женскихъ школахъ, а современемъ и на другія полезныя практическія должности какъ напр. руководѣльныя, санитарныя и т. п. mogućія обезпечить ихъ въ будущемъ. Какая прекрасная и высокая цѣль!—Съ одной стороны путемъ образованія и воспитанія въ братскихъ школахъ дочерей наиболѣе нуждающагося духовенства облегчаются его матеріальныя нужды, снимается съ плечъ его одна изъ самыхъ тяжелыхъ заботъ, и такимъ образомъ дается ему возможность безпрепятственнѣе проходить свое высокое служеніе; а съ другой приготовленіемъ ихъ на должность народныхъ учительницъ оказывается весьма важное содѣйствіе существеннѣйшему вопросу общественной жизни—дѣлу народнаго образованія. Въ наше время, когда дѣло народнаго образованія стало почти на первый планъ и сдѣлалось насущною потребностію, когда всюду, въ городахъ, селеніяхъ, всякъ устрояются многочисленныя народныя школы для дѣтей крестьянскаго люда, и основываются учительскія семинаріи для приготовленія въ нихъ опытныхъ учителей и педагоговъ,—задача, предположенная себѣ братствомъ, оказывается особенно своевременною и полезною. Черезъ осуществленіе оной можетъ значительно пополниться контингентъ лицъ для занятія учительскихъ должностей въ народныхъ школахъ, хотя бы лица эти были и женскаго пола.

Дѣло такъ важно, при всюду распространяющемся стремленіи къ оному, требуетъ столькихъ свѣжихъ силъ и опытной дѣятельности, что въ немъ и для учителей и для учительницъ всегда найдется соотвѣтствующее мѣсто и занятіе. Къ утѣшенію нашему—цѣль братства св. Равноапостольной Маріи въ этомъ отношеніи мало чѣмъ разнится отъ цѣли древнихъ церковныхъ православныхъ братствъ, всегда поставлявшихъ дѣло и преуспѣяніе народнаго образованія на первомъ планѣ. Въ краткій трехлѣтній промежутокъ времени основанія братства,—оно успѣло основать значительное количество стипендій и въ женской учительской семинаріи, и въ другихъ основанныхъ ею братскихъ школахъ для

бѣдныхъ, но способныхъ стипендіатокъ изъ дочерей духовенства. Зерно брошено въ землю, будемъ уповать и надѣяться, что, съ Божіею помощію, оно принесетъ въ свое время обильный плодъ на пользу и благо общественной жизни.

Что касается до внутренней организаціи древнихъ братствъ, то, судя по выше приведенной нами выдержкѣ, она принята въ общемъ за образецъ и норму большею частію современныхъ русскихъ братствъ и обществъ, а въ числѣ ихъ и братствомъ св. равноапостольной Маріи, развѣ за исключеніемъ немногихъ формальностей, вызванныхъ потребностями того времени. Непремѣнною обязанностію членовъ — братчиковъ, по мимо прочихъ обязанностей, было вносить ежегодно опредѣленный денежный взносъ въ братскую кассу и правильно посѣщать засѣданія братства. Благодареніе Господу! Наше Братство не можетъ сѣтовать на значительныя опущенія въ томъ и другомъ отношеніи. Большинство столичныхъ и сельскихъ храмовъ, монастыри, многіе изъ членовъ братчиковъ духовнаго и свѣтскаго званія, по мѣрѣ силъ и возможности, денежнымъ взносомъ и нравственнымъ содѣйствіемъ способствуютъ пользамъ и преуспѣянію братства. Воздадимъ имъ за это нашу сердечную благодарность и признательность, и да вознаградитъ ихъ Господь сторицею за святое дѣло любви христіанской! Будемъ при этомъ уповать, что, съ Божіею помощію, и въ будущемъ не оскудѣютъ лица, сочувствующія матеріальнымъ нуждамъ и потребностямъ лицъ духовнаго званія и облегченію оныхъ мѣрами, предпринятыми братствомъ: — и не оскудѣетъ дѣйственная, живая любовь къ братству!

Въ заключеніе нашего слова, остановимся на одномъ свѣтломъ, отрадномъ фактѣ, ознаменовавшемъ минувшій годъ братства, — такою фактѣ, который и ободряетъ и назидаетъ и придаетъ новую энергію и силы для трудовъ къ братскому дѣлу. Августѣйшая дочь Ихъ Императорскихъ Величествъ, — Государя Императора и Государыни Императрицы, — Великая Княгиня, Марія Александровна предъ своимъ отъѣздомъ съ Августѣйшимъ своимъ супругомъ въ Англію, удостоила посѣтить женскую учительскую семинарію, въ которой были собраны воспитанницы братскихъ школъ. Во время посѣщенія означеннаго учебнаго заведенія, продолжавшагося къ нашему сердечному удовольствію не малое время, она съ истинно благосклоннымъ и милостивымъ вниманіемъ и сочув-

ствіемъ отнеслась къ цѣли и задачамъ братства,—къ вопросу образованія и воспитанія стипендіатокъ въ братскихъ школахъ,—и въ доказательство того, что и въ отдаленной странѣ, въ которой суждено ей проводить новую жизнь, она помнитъ и сочувствуетъ всякому полезному начатію и дѣлу въ общественной Русской жизни, прислала въ даръ братству два своихъ изображенія и денежное пособіе на пользу братскихъ школъ.

Благоч. братчики! День св. Равноапостольной Маріи Магдалины, небесному покрову которой вручило себя наше Братство, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны, Августѣйшей покровительницы разныхъ учебныхъ женскихъ заведеній и благотворительныхъ учреждений, и—Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны—и Герцогини Единбургской Маріи Александровны, оказавшей свое милостивое вниманіе нашему братству. Помолимся же въ сей сугубый для насъ праздникъ о здравіи и благоденствіи сихъ Августѣйшихъ Покровительницъ, съ истинно материнскою любовію и много-попечительностію заботящихся о нуждахъ образованія и воспитанія молодаго женскаго поколѣнія всѣхъ званій и состояній,—и, слѣдуя заповѣди апостольской, будемъ искренно живо, не только словомъ и устами, но дѣломъ и истиною любить братство т. е. другъ друга, а равно и всѣ благотворительныя учрежденія, основанныя для взаимной другъ другу помощи.—*Братство возлюбите!* Аминь.

Слово въ день Братскаго праздника св. Равноапостольной Маріи въ 1876 году.

*Такоже мнози едино тѣло есмь о Христвѣ,
а по единому другъ другу члены. (Рим. XII, 5).*

Въ праздникъ Братства Св. Равноапостольной Маріи и тезоименитства высокой покровительницы онаго, Ея Императорскаго Величества, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы, Маріи Александровны, и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княгинь, Государыни Цесаревны Маріи Ѳеодоровны, Герцогини Единбургской—Маріи Александровны и Великой Княгини Маріи

Павловны особенно благовременно остановиться мыслию на семь изрѣченіи Апостола. *Мы мноіе, говоритъ онъ, составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь одинъ для другаго члены*, т. е. всѣ мы вѣрующіе во Христа, возрожденные въ благодатной купели крещенія, вкупѣ составляемъ одно тѣло во Христѣ, единую церковь Божію, а по отношенію другъ къ другу есмы члены этого духовнаго тѣла, чада Единаго Отца Небеснаго и, слѣдовательно, братья между собою. Нравственный выводъ отсюда такой: когда въ вещественномъ тѣлѣ члены, имѣя каждый свое дѣло, способствуютъ правильному отправленію всей тѣлесной дѣятельности, или, какъ братья по тѣлесному сродству между собою, помогаютъ и заботятся другъ о другѣ, такъ и всѣ мы, братья по духу во Христѣ и духовные члены тѣла Его, дабы не было раздѣленія въ тѣлѣ, должны одинаково заботиться другъ о другѣ (1 Кор. XII, 25) и помогать одинъ другому въ нуждахъ. Прекраснымъ сравненіемъ подтверждаетъ далѣе Апостоль Павелъ эту высокую истину: какъ въ вещественномъ тѣлѣ, говоритъ онъ, если страдаетъ одинъ членъ и съ нимъ страдаютъ всѣ члены, такъ и въ тѣлѣ духовномъ, т. е. обществѣ вѣрующихъ, страданіямъ одного члена должны сострадать всѣ. И какъ въ тѣлѣ вещественномъ членъ только тогда не чувствуетъ страданій другихъ членовъ, когда бываетъ отдѣленъ отъ нихъ, такъ точно и въ обществѣ вѣрующихъ христіанинъ можетъ не скорбѣть съ прочими вѣрующими только тогда, когда уже не соединенъ съ ними союзомъ вѣры и любви.

Для насъ, славящихъ Христа, какъ я уже и сказалъ, особенно благовременно при настоящемъ случаѣ подробнѣе остановиться на семь многознаменательномъ изрѣченіи св. Апостола. Ибо не на немъ ли основываются всѣ дѣла многообразной общественной благотворительной дѣятельности, которыми, по справедливости, можетъ считаться настоящее время? Не его ли силою вызвано къ жизни учрежденіе многообразныхъ братолюбивыхъ христіанскихъ обществъ, братствъ, богадѣленъ, больницъ, школъ, пріютовъ для призрѣнія бѣдныхъ, старыхъ и безпомощныхъ, или для воспитанія и образованія нуждающихся дѣтей обоого пола— дѣвицъ и юношей. И наше скромное юное братство — въ силу чего иного возникло, какъ не вслѣдствіе святой истины Апостола и сердечнаго желанія оказать братскую любовь и помощь тѣмъ

нуждающимся служителямъ алтаря, которые при многосемейности отягощались житейскими нуждами, и оказать путемъ совершенно новымъ, путемъ образованія, воспитанія ихъ малолѣтнихъ и взрослыхъ дочерей, и устройства съ этою цѣлю для нихъ пріютовъ? По истинѣ, слушатели христіане, на приведенномъ нами изрѣченіи Апостола зиждется вся широкая заповѣдь милосердія христіанскаго и различный милованія образъ (Златоустъ). Посему, чтобы тверже запечатлѣть оное въ нашемъ умѣ и сердцѣ, и чаще осуществлять въ своей христіанской дѣятельности, рассмотримъ: была ли извѣстна и сознаваема мысль о братствѣ и взаимномъ членствѣ людьми древнихъ до-христіанскихъ временъ, и какъ она была поставлена на твердомъ основаніи и освящена ученіемъ Иисуса Христа и Его апостоловъ?

Хотя Господь Иисусъ Христосъ и Его апостолы часто и съ особенною силою останавливались въ своемъ ученіи на томъ, что всѣ мы братья между собою и члены другъ друга, однако не безъ основанія можно думать, что мысль о взаимномъ братствѣ и членствѣ людей между собою не была совершенно безъизвѣстною и людямъ, жившимъ до временъ Христа Спасителя. Ее смутно понимали и старались, хотя и безуспѣшно, осуществить въ общественной жизни многіе мудрецы, философы и правители древнихъ временъ. Въ вѣка отдаленной древности существовало и поддерживалось даже вѣрованіе, что всѣ люди сольются со временемъ въ одно великое братство. Конечно, эта мысль, въ дѣйствительности, осуществлялась очень слабо, сознавалась очень смутно, но тѣмъ не менѣе, она мерцала блѣднымъ свѣтомъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и, подобно сновидѣнію о какомъ-то потерянномъ раѣ, то неожиданно являлась въ воображеніи людей, то быстро убѣгала отъ нихъ, но при этомъ никогда не исчезала совсемъ, потому что въ основаніи ея таилась такая истина, которая въ сущности была божественною, хотя и предоставлялась слову откровенія только при наступленіи полноты временъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не заключалась ли извѣстная доля истины въ томъ воззрѣніи, какое раздѣляли и древніе философы, что человѣкъ можетъ достигнуть своего высшаго развитія только тогда, когда онъ соединенъ твердыми и неразрывными узами братства съ другими, состоя членомъ общества и раздѣляя съ нимъ общія чувства, симпатіи и нужды, и что человѣкъ, живущій совер-

шенно изолированную жизнь от других, легко может потерять благородство характера и погибнуть в самолюбивом разобщении? И вот, зародившись однажды в умах людей, эта мысль долго искала себя выхода на Божий свет, радушнаго приема и наиболее широкаго приложения къ тогдашней общественной жизни; но все человѣческія усилія поддержать и осуществить ее оказывались тщетными.

Съ этою цѣлію люди прибѣгали къ силѣ, но, въ концѣ концовъ, очень скоро чувствовали свое безсиліе; прибѣгали къ философіи, проповѣдывали, что все люди—одно, но и слово мудрости человѣческой раздавалось тщетно, какъ гласъ вопіющаго въ пустынь; затрогивали утилитарное направленіе, указывая на то, что въ единствѣ и объединенной дѣятельности людей заключается гораздо болѣе силы и выгоды, чѣмъ въ разъединенности и разобщеніи, но и эта попытка не имѣла успѣха. Однимъ словомъ, все ихъ усилія и труды постепенно разрушались, и только одинъ зародышъ божественной истины, таившейся въ ней, могъ соединить ее столь долгое время. Только, по исполненіи полноты времени, Господь Иисусъ Христосъ благоволилъ открыть людямъ ту высокую истину, на которой основывалось все, именно *отчество Бога*, и изрекъ въ своемъ евангеліи то высокое слово: *Отче Небесный*, которое люди такъ долго искали прежде и никогда не могли найти.

Въ этомъ-то именно, слушатели христіане, и заключается существенное отличіе ученія Христа Спасителя и Его апостоловъ о взаимномъ братствѣ и членствѣ людей отъ ученія всѣхъ философовъ, которые когда-либо существовали. Въ то время, какъ они старались проповѣдывать братство отъ земли, Онъ открылъ людямъ истину—объ отчествѣ свыше; Онъ училъ, что люди между собою братья, потому что они чада Божіи, и что то всеобщее понятіе объ общественной жизни и любви, которое такъ дорого сердцу каждаго изъ нихъ, есть не болѣе какъ отраженіе святой истины, вышей всѣхъ мѣстъ и временъ, что все люди—чада Божіи, а потому между собою братья.

Такимъ-то образомъ откровеніе о Богѣ, какъ Отцѣ, любящемъ своихъ чадъ и требующемъ отъ нихъ въ свою очередь любви, откровеніе, данное во Христѣ Иисусѣ, сообщило мысли о человѣческомъ братствѣ и членствѣ совершенно новый видъ, и съ

того времени даже до сего усиливало и развивало оную съ небывалою прежде силою. Въ доказательство сего послѣдняго укажемъ только на нѣсколько историческихъ фактовъ.

Обратимъ, напримѣръ, вниманіе на движеніе въ человѣческой жизни, которое возникло подъ охраною и защитою христіанства. Гдѣ въ настоящее время убійства, самоубійства, бой гладиаторовъ, убійственныя потѣхи и игры на аренахъ, придуманныя съ цѣлю разрушенія человѣческой жизни, съ такою силою свирѣпствовавшіи во времена до-христіанскія? Благодаря вліянію христіанскаго ученія на общественные умы, преданы достойно заслуженному суду народнаго проклятія. Если же теперь и встрѣчаются иногда нѣкоторыя изъ подобныхъ ненормальныхъ явленій, то онѣ не болѣе какъ рѣдкія исключенія, производящія ужасъ и содраганіе въ каждомъ христіанинѣ. Что случилось съ широко раскинувшимся нѣкогда по землѣ огромнымъ зданіемъ рабства и невольничества, со всею его организованною системою законовъ и постановленій, служившею основою цивилизованныхъ и нецивилизованныхъ обществъ? Оно изгнано христіанствомъ за предѣлы новѣйшей цивилизаціи, и хотя враги ея долго и сильно боролись за ихъ существованіе, но все-таки онѣ пали, уступивъ могущественной силѣ ученія христіанскаго. Или, обратимъ свой уметвенный взоръ отъ того, что христіанство разрушило, къ тому, что оно создало, посмотримъ на многочисленныя благотворительныя учрежденія, которыми по справедливости гордится въ настоящее время каждая христіанская нація. Не христіанство ли осватило въ такихъ громадныхъ размѣрахъ благотворную систему для вспомошествованія тѣмъ, которыхъ оно называетъ своими бѣдными братьями? Не оно ли разсѣяло по лицу земли множество богадѣленъ, госпиталей, школъ, пріютовъ, сиротскихъ домовъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій, и, въ концѣ концовъ, не служить ли все это самымъ сильнымъ доказательствомъ той истины, что только одно христіанство могло дать надлежащее мѣсто и силу ученію о взаимномъ братствѣ людей, имѣя въ своемъ основаніи любовь, что будучи братьями во Христѣ и чадами Божиими, *мы все члены друга друга.*

Такъ слушатели христіане, хотя это единство въ сущности есть духовное, а не видимое какое единство, однако мы члены другъ друга въ общественной жизни, при чемъ каждый членъ въ

частности отправляетъ свою собственную обязанность, и притомъ заимствуетъ силу и жизнь отъ цѣлаго. Да и можетъ ли быть иначе? Возьмите какой угодно классъ общества, отдѣлите его отъ остальныхъ и посмотрите, что съ нимъ будетъ; возьмите на-примѣръ богатаго и отдѣлите его отъ бѣднаго; оставьте его одного съ его золотомъ и обширными помѣстьями, и вы увидите, что если онъ прежде отрекался отъ братской помощи бѣдному, то теперь уже не станетъ отказываться. Или возьмите, на-примѣръ, средніе классы, служащіе, такъ сказать, каналами, чрезъ которые протекають и встрѣчаются капиталы богачей и труды бѣдныхъ, отдѣлите ихъ отъ высшаго и низшаго классовъ, и вы услышите, что онѣ сами сознають тогда свой неоплаченный долгъ предъ прочими членами общественнаго тѣла и сами произнесутъ надъ собою справедливый судъ, что личное ихъ благосостояніе зависитъ отъ благосостоянія цѣлаго. И замѣтте притомъ, какъ человѣческая мысль о братствѣ облагорожена, очищена и освящена великою истиною, которую открылъ людямъ Господь Іисусъ въ своемъ евангеліи, именно тою истиною, что все эти разнообразныя взаимныя нужды богатыхъ и бѣдныхъ входятъ въ премудрые планы домостроительства Отца Небеснаго, что надъ всѣмъ человѣчествомъ господствуетъ Единый, предвидѣвшій все это и положившій въ своемъ вѣчномъ Совѣтѣ, что все такъ и должно быть на вѣки, пока человѣкъ владычествуетъ землею; что каждое общество, каждый классъ, даже каждая личность, волею или неволею, должны дѣйствовать не только на свою пользу, но и на пользу другихъ, должны содѣйствовать общему благу цѣлаго, или, въ противномъ случаѣ, должны быть наказаны за свою самолюбивую недѣятельность отдѣленіемъ отъ общественнаго тѣла! Теперь невольно рождается въ умѣ такая мысль: не имѣлъ ли особенно въ виду эту святую истину Господь Спаситель, когда оставилъ послѣ Себя своимъ ученикамъ и ихъ послѣдователямъ, какъ послѣднее драгоценное завѣщаніе, нѣчто такое, что должно было говорить имъ не слабымъ языкомъ человѣческимъ объ ихъ духовномъ единеніи съ Его тѣломъ, и объ обязанности для нихъ братской взаимной любви другъ къ другу. Сила Его тѣла должна была питать ихъ; духъ Его жизни долженъ былъ переходить въ нихъ; этому-то, безъ всякаго сомнѣнія, Онъ и желалъ научить ихъ, когда освятилъ на послѣдней вечери таинство евхаристіи,

дабы вѣрующіе могли пріобщаться Его тѣла и крови, въ воспоминаніе спасительныхъ страданій Его и смерти; и мнѣ кажется, что если въ другое время человѣкъ часто бываетъ въ состояніи забывать о взаимномъ братствѣ, то возможно ли, чтобы хрістіане, въ извѣстное время приступающіе всѣ вкупѣ, безъ различія званій и состояній, богатые на ряду съ бѣдными, образованные на ряду съ необразованными, сильные и могущественные на ряду съ слабыми и худородными, къ трапезѣ Господней, для пріобщенія тѣла и крови Христовой, могли не чувствовать и забыть хотя въ эту великую минуту, что всѣ люди братья между собою во Христѣ и члены другъ друга?

Отъ сихъ общихъ разсужденій о взаимномъ хрістіанскомъ братствѣ, обратимся, слушатели хрістіане, къ нашему братству, въ которомъ мы состоимъ членами и братчиками. Прекрасная цѣль учрежденія онаго, состоящая въ образованіи и воспитаніи малолѣтнихъ дочерей бѣдныхъ служителей алтаря и церкви на посильныя пожертвованія отъ добродѣтельныхъ дателей, по преимуществу, отъ лица ихъ же собратій, извѣстна всѣмъ намъ, извѣстна также и дѣятельность еще юнаго Братства, съ Божіею помощію, идущаго впередъ, хотя и тихо, и не останавливающагося предъ различными затрудненіями и препятствіями, почти неизбѣжно встрѣчающимися въ началѣ каждаго добраго общественнаго дѣла. Посему не будемъ распространяться объ оныхъ. Скажемъ только одно, что для нашей братской дѣятельности—мы можемъ отнынѣ почерпать свѣжую силу и энергію въ томъ отрадномъ событіи, которымъ ознаменовалось для Братства начало текушаго года.

Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Александровна, достойная супруга Монарха нашего, день тезоименитства которой радостно празднуетъ нынѣ вся Россія, благоволила принять братство св. равноапостольной Маріи подъ свое Августѣйшее покровительство во вниманіе къ благой цѣли и дѣятельности онаго. Событіе—по истинѣ отрадное для насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-поучительное. Подобно св. равноапостольной Маріи, своей святой покровительницѣ, Она вся преисполнена любовію къ бѣднымъ, нуждающимся и скорбящимъ. Сколько несчастныхъ внутри нашего отечества, которыхъ Она Сама непосредственно принимаетъ подъ свое материнское покровительство? Сколько учеб-

ныхъ, братолюбивыхъ, благотворительныхъ заведеній и обществъ, учрежденныхъ единственно съ высокою цѣлю вспомошествованія нуждѣ, бѣдности и горю, во главѣ которыхъ ярко сіяетъ Ея Высокое Имя? Какъ св. равноапостольная Марія, любовію Господа посланная на проповѣдь любви, Она милостиво воззрѣла и на наше благотворительное учрежденіе для образованія и воспитанія малыхъ и взрослыхъ дочерей бѣдныхъ служителей алтаря, питающихся отъ алтаря, ставъ въ главѣ онаго. Посему-то, слушатели христіане, да одушевляеть насъ выну въ нашей братской дѣятельности—этотъ высокій примѣръ христіанской любви къ ближнему, будемъ трудиться на общую пользу—*тщаниемъ не лннивы, духомъ горяще* (Римл. XII, 11); пусть каждый изъ насъ удѣляетъ свою лепту для осуществленія благихъ цѣлей Братства, *якоже изволеніе имате сердцемъ, не отъ скорби, ни отъ нужды* (1 Кор. IX, 7) и что главнѣе и важнѣе всего, *да не будетъ распри въ тѣлеси, но да тожде пекутся въ себѣ уди. Все бо тѣло Христово есмь, и уди отъ части* (1 Кор. XII, 28). Аминь.

Слово въ день Братскаго праздника св. Равноапостольной Маріи въ 1877 г.

Марія же стояше у гроба, вѣтъ плачуши. И глаголаста ей (ангелы): жено, что плачешися; глагола има: взяша Господа Моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его (Іоан. XX, 11—14).

Напоминаніе о слезахъ Маріи Магдалины при живоносномъ гробѣ воскресшаго Господа съ перваго взгляда представляется мало приличествующимъ цѣли настоящаго празднества. День сей для насъ, братчиковъ, не есть день печали, но день радости, какъ годичный праздникъ Братства, и сугубой радости, какъ день тезоименитства августѣйшей покровительницы Братства, благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны. Въ такой сугуборадостный день, спрашиваемъ, подходяще ли хотя бы то простое напоминаніе о слезахъ?

И однако мы можемъ быть вполне увѣрены, что о нихъ упоминается въ боговдохновенномъ повѣствованіи о воскресеніи, читанномъ сегодня на литургіи, не безъ надлежащаго основанія. Въ

нашемъ конечномъ состояніи здѣсь на землѣ невозможно отдаваться постоянно и всецѣло одному какому либо приливу чувства: нѣтъ радости безъ своей частицы горя, нѣтъ горя безъ своего оттѣнка радости, и всю нашу жизнь, если позволительно выразиться, можно сравнить не болѣе, какъ съ картиною, попеременно то освѣщаемую, то отемняемую. Слезы или *печаль міра сего* бывають иногда не разумныя и, по слову Писанія, *смерть содѣлываютъ*; но Марія Магдалина вполне сознавала, о чемъ она плакала, и когда ангелы сказали ей: *жено, что плачешися*, она немедля отвѣчала: *взяша Господа Моего, и не възъмъ идѣ положишиа Его*. Такимъ образомъ въ слезахъ Маріи есть должное и совершенное основаніе, потому что онѣ ясно показываютъ сея сильную, нѣжную любовь, самую разумную изъ всеѣхъ видовъ любви для совершенно нравственнаго существа. И потому-то слезы ея, при всей глубокой трогательности, всегда назидательны и поучительны для насъ, и напоминаніе о нихъ никогда не омрачить радостнаго характера настоящаго праздника.

Марія Магдалина, пришедшая, *еще сущей тѣмь*, на гробъ, надѣялась найти въ немъ пречистое тѣло Господа Іисуса, но горько обманулась въ своемъ ожиданіи и надеждѣ. *Взяша Господа Моего*, но въ ея словахъ отзывается не одно только разочарованіе и обманутая надежда; въ нихъ слышится кромѣ того твердое намѣреніе и рѣшимость искать Его, доколѣ не обрящетъ. *И не тѣмь, итъ положишиа Его*. Изъ сего видно, что любовь Маріи Магдалины къ Господу Іисусу не была чувствомъ, или проблескомъ чувства, мгновенно явившимся и исчезнувшимъ, какъ это иногда бываетъ у нѣкоторыхъ изъ насъ, но была продолжительна и сильна. Онъ освободилъ ее отъ грѣховной и постыдной жизни; Онъ изгналъ изъ нея семь бѣсовъ, и Его любовь на этотъ разъ пала не на неблагодарное сердце. Когда Онъ возлежалъ въ дому фарисея, который, вопреки древнему восточному обычаю, не озаботился предложить для омовенія воду, бѣдная кающаяся грѣшница сгѣшила помазать Его ноги и отереть ихъ волосами своей главы. И когда Онъ въ страшныхъ мукахъ висѣлъ на Голгофѣ, то здѣсь, вмѣстѣ съ пречистою Матерію и возлюбленнымъ ученикомъ Господа, находилась и Марія Магдалина, привлеченная неудержимою любовію къ Нему. И въ вертоградѣ Іосифа Аримаѣйскаго, раннимъ утромъ въ самый день воскресенія, мы видимъ ее первую

пришедшею на гробъ воскресшаго Господа; она не смыкала очей и еще *сущей тѣмъ*, спѣшила на гробъ съ тѣмъ, чтобъ скорѣе оказать послѣднюю почестъ Тому, Который былъ неизмѣннымъ предметомъ ея благоговѣнія и любви. Здѣсь не неумѣстно замѣтить, что по самому вѣроятному объясненію евангельскаго повѣствованія о воскресеніи, Марія Магдалина дѣйствительно припла на гробъ первюю изъ всѣхъ, хотя и представляется нѣсколько затруднительнымъ согласить слова евангелиста Іоанна съ словами другихъ евангелистовъ. Св. Іоаннъ, въ вышѣ чтенномъ евангеліи, говоритъ, что Марія Магдалина пришла одна, тогда какъ другіе евангелисты говорятъ о нѣсколькихъ мѣроносицахъ, въ числѣ которыхъ находилась и она. Св. евангелистъ Матѳей говоритъ о двухъ, св. Маркъ о трехъ мѣроносицахъ, пришедшихъ на гробъ и нашедшихъ оный пустымъ. Это мнимое разногласіе, кажется, всего легче примирить слѣдующимъ естественнымъ предположеніемъ, что въ то время какъ мѣроносицы, а съ ними и Марія Магдалина, отправилась предъ разсвѣтомъ на гробъ, который, какъ извѣстно, находился внѣ града, Марія Магдалина отдѣлилась и упредила прочихъ, какъ позднѣе одинъ изъ учениковъ упредилъ св. Петра. Ея пламенная любовь неудержимо влекла ее впередъ и заставляла упреждать шаги прочихъ мѣроносицъ, хотя, безъ сомнѣнія, и тѣ горячо любили своего Господа. Такимъ образомъ очевидно, что на гробъ были сдѣланы два посѣщенія. Сначала пришла Марія Магдалина и, увидавъ оный пустымъ, тотчасъ возвратилась раздѣлить свое безпокойство съ св. Петромъ и Іоанномъ, и вслѣдъ за нею приходятъ другія жены и также находятъ камень отваленнымъ отъ гроба. Не слѣдуя примѣру Маріи, онѣ отдѣльно входятъ въ гробницу и получаютъ приказаніе отъ ангеловъ возвратиться и объявить, что Онъ воскресъ. Между тѣмъ Марія Магдалина снова возвращается на гробъ съ Петромъ и Іоанномъ, которые, впрочемъ, скоро ушли, оставивъ ее одну передъ пустымъ гробомъ. Здѣсь она стоитъ и горько плачетъ. Іисусъ — вотъ единственная мысль, которая наполняетъ ея умъ и сердце, и когда ангель спрашиваетъ ее: *жено, что плачешься*, она отвѣчаетъ *взяши Господа Моего, и не възмъ, идъ положиши Ею*. Такимъ образомъ Марія Магдалина въ первые часы преславнаго дня воскресенія, особенно ярко выдается въ средѣ прочихъ мѣроносицъ, и ея отношеніе къ воскресенію можно назвать въ

своемъ родѣ единственнымъ. Она, слабая женщина, первую является на гробъ; ей же является воскресшій Иисусъ, прежде чѣмъ явился Петру и Иоанну. И тайна этого высокаго отличія заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ пламенной ея любви къ Господу. *Она возлюбила многу*—вотъ за что еще прежде были вполнѣ прощены грѣхи! *Она возлюбила многу*—вотъ что главнымъ образомъ сблизило ее гораздо болѣе, чѣмъ кого либо другаго, съ славою Христа воскресенія!

И, дѣйствительно, слушатели, что такое правильно и разумно управляемая любовь, какъ не нравственная сила высшей степени? Св. ап. Павелъ говоритъ: *любовь Христова нудитъ ны и есть союзъ совершенства*; и блаженный Августинъ въ слѣдующихъ словахъ показываетъ ея высокое значеніе и силу: *только любви,—и тогда можешь сдѣлать все, что захочешь...* Да поистинѣ, слушатели, любовь есть, такъ сказать, одинъ изъ важнѣйшихъ жизненныхъ нервовъ нравственной силы. Если человѣчество постепенно улучшалось и улучшается въ различныхъ степеняхъ и отношеніяхъ,—то это благодаря людямъ возлюбившимъ и любящимъ своего ближняго. Если мы видимъ множество нуждающихся, бѣдствующихъ и несчастныхъ различныхъ возрастовъ, званій и состояній, нашедшихъ и находящихъ облегченіе своей участи, образованіе, воспитаніе, покой и довольство въ различныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ,—то это опять сдѣлано и дѣлается друзьями человѣчества, поступающими такъ въ силу христіанской любви, заповѣданной Спасителемъ.

И если наше благотворительное учрежденіе, въ которомъ мы состоимъ братчиками, не смотря на юность и недавность своего основанія, съ Божіею помощію успѣло уже оказать путемъ образованія и воспитанія посильную помощь въ семейной средѣ недостаточно обезпеченнаго матеріальными средствами духовенства, и приготовить изъ дочерей его,—хотя по времени и не большое число,—опытныхъ наставницъ,—то и это наконецъ въ силу той же христіанской любви усердныхъ братчиковъ и жертвователей, которые съ самаго начала основанія Братства не возгнушались и не смущаются приносить своей возможной лепты на пользу и успѣхъ святаго дѣла.—Намъ скажутъ, что все это общія мѣста; положимъ такъ: тѣмъ не менѣе, обязанность проповѣдника сколько можно чаще напоминать о нихъ и особенно въ настоящее время,

когда съ одной стороны многіе и многіе погружены всецѣло въ свое собственное я, забывая о нуждахъ и недостаткахъ своихъ собратій, — а съ другой — нерѣдко смотрять на любовь не какъ на главнѣйшую христіанскую обязанность, но просто какъ на душевный порывъ и увлеченіе, свойственныя только юности и женщинамъ, и не заслуживающія никакого уваженія отъ людей, дѣйствующихъ разсудочно. — Человѣку взрослому, говорятъ они, такъ мало дѣла до этихъ душевныхъ порывовъ и увлеченій, какъ мало дѣла отцу до игрушекъ своихъ дѣтей, или мужу — до гардероба своей жены. — Подобное предположеніе, слушатели, чисто ошибочно, и вызывается ни чѣмъ инымъ, какъ скрытымъ себѣлюбіемъ. Правда, что всякая любовь есть душевный порывъ и увлеченіе, но не всегда послѣднія составляютъ любовь. Являясь внезапно, также мгновенно исчезая, онѣ весьма часто оказываются безсильными, тогда какъ истинно христіанская любовь всегда — сила.

Постоянное сосредоточеніе и дѣйствованіе въ какой бы то ни было средѣ христіанской любви неудержимо влечетъ человѣка впередъ, — прогрессивно развиваетъ его, и, такимъ образомъ, далеко не составляя монополію однихъ дѣтей и женщинъ, любовь, по истинѣ, есть высокое достоинство человѣка. Она возбуждаетъ разумъ къ дѣятельности; она даетъ толчекъ и направленіе волѣ, и горе человѣку, который чуждъ любви и энтузіазма, и если еще при этомъ онъ хвалится своею скудностію, и если еще при этомъ и любовь къ ближнему въ другихъ вызываетъ съ его стороны одну только улыбку. Что бы онъ ни воображалъ себѣ, — но его умъ и здравый смыслъ безъ любви — почти ничего не значать, потому что онъ самовольно разъединилъ ихъ съ тою тайною, могущественною силою, безъ которой ничего нельзя сдѣлать ни для блага человѣчества, ни для славы Божіей. — Далѣе любовь, подобная любви Маріи Магдалины, побѣждаетъ всѣ трудности и не падаетъ ни передъ какимъ обманутымъ ожиданіемъ. — Что слышится съ словъ ея: *взяша Господа Моего*, какъ не обманутое ожиданіе?

Можетъ быть подумаютъ, что Марія Магдалина ожидала слишкомъ многого; но нѣтъ никакого основанія думать, что она вѣрила въ большее, надѣялась болѣе, или видѣла глубже и далѣе, чѣмъ прочіе апостолы. Они ожидали найти Іисуса во гробѣ, — и

она также. Они принимали слова Его образно,—точно также и она. Они полагали, что враги Христовы восторжествуют окончательно,—и она несомненно раздѣляла ихъ убѣжденіе.—Но Божественный Учитель, хотя и лежащій во гробѣ, былъ неизмѣннымъ предметомъ и сосредоточеніемъ ея мысли и ея любви. Для нея ничего не оставалось болѣе. — Голосъ, манеры, живое присутствіе, пламенная любовь, дѣла милосердія—все исчезло на вѣки, быть можетъ думала она, — но въ гробѣ остается еще безжизненное тѣло Его, — и вотъ надъ нимъ-то она спѣшитъ излить свою любовь и оказать послѣднюю почесть Божественному Мертвецу. На этотъ разъ гробъ былъ для нея все.—И вотъ по своемъ пришествіи, она находитъ его пустымъ. Подобная неожиданность была ужасна.—Въ одно мгновеніе—рушился и послѣдній остатокъ надежды, одушевлявшій ее. Она стояла и плакала, и на вопросъ о причинѣ горести отвѣчала: *Взяли Господи Моего*. Въ эту крайне тяжелую для себя минуту,—она какъ бы не замѣчаетъ двухъ свѣтозарныхъ ангеловъ, передъ которыми пали римскіе воины. Что до нихъ?! Все то, о чемъ она заботилась, на что надѣялась, о чемъ думала, было погребено здѣсь вмѣстѣ съ Божественнымъ тѣломъ, снятымъ съ крестнаго древа на Голгофѣ...

Какой глубокотрогательный и вмѣстѣ поучительный урокъ для насъ, слушатели, въ означенной чертѣ изъ жизни св. равноапостольной Маріи!... Въ ней стоящей передъ святымъ гробомъ,—мы видимъ не одну только любовь и обманутое ожиданіе, но и присутствіе твердой рѣшимости. *Не вѣль идѣ положити Ею*. И такъ, послѣ всего, она нисколько не думаетъ отказаться, отступить отъ цѣли. Быть можетъ, въ ея сердцѣ было какое либо темное предчувствіе о славной дѣйствительности; быть можетъ, она надѣялась случайно кого-либо встрѣтить и добиться отъ него истины. Не знаемъ. Очевидно одно, что обманутая надежда не заставляетъ ее пасть духомъ. Святая любовь всецѣло наполняетъ ее сердце, а подобная любовь умѣетъ хорошо владѣть и управлять какою бы то ни было печалью. Она не отчаявается отъ того, что встрѣтила неудачу. Въ ея словахъ обращенныхъ къ вертоградарю: *Господи, аще ты еси взялъ Ею, повѣждь ми, идѣ положишь еси Ею: и азъ возму Ею*, не только не видно какихъ либо слѣдовъ отчаянія, но скорѣе видны настойчивость, энергія

и рѣшимость сильная и терпѣливая рѣшимость. — Вотъ образецъ истинно христіанской надежды, которая всегда непоколебима, не изнемогаетъ подъ бременемъ невзгодъ, — постоянно вѣруетъ, что даже за самую темную ноцію непременно послѣдуетъ радостное утро. Этой-то христіанской надеждѣ открылся Іисусъ. Надъ Марією Магдалиною и исполнилось древнее обѣтованіе: *ищущиіи рано обрящутъ Меня*. Передъ ея очами во гробѣ не было причистаго тѣла Іисуса, холоднаго и безжизненнаго, — но за нею стоялъ уже Онъ Самъ, и о еслибы она только знала, съ любовію несравненно высшею, чѣмъ ея собственная. *Обратися вспять*, говоритъ евангелистъ, *и видѣ Іисуса стояща: и не ѣдъаше, яко Іисусъ есть*. *Глагола ей Іисусъ: жено, что плачещи; кого ищещи; она же мнящи, яко вертоградаръ есть, глагола Ему: Господи аще Ты еси взялъ Его, повѣждь ми, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возму Его*. *Глагола ей Іисусъ: Маріе; она же обратися глагола Ему: Раввунни*. Она узнала Его голосъ. Этого было достаточно. — Тотъ, котораго она искала въ гробѣ, стоялъ живымъ передъ ея глазами, и ея радость исполнилась.

Образъ Маріи Магдалины, слушатели, стоящей передъ пустымъ гробомъ Господа Іисуса, встрѣчается во всѣ времена и въ каждомъ поколѣніи христіанъ. Она служитъ прообразомъ тѣхъ душъ, которыя при христіанской любви къ религіи и ближнимъ, порою, испытываютъ временный обманъ и разочарованіе въ своихъ надеждахъ и ожиданіяхъ, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, — Подобное душевное состояніе очень тяжело, и можетъ быть очень опаснымъ, если продолжится долгое время.

Возьмемъ для примѣра человѣка, который, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, мало думалъ о Богѣ и ближнихъ. Предположимъ, что онъ и не нарушалъ явно Божественныхъ заповѣдей; предположимъ, — что это просто человѣкъ, всецѣло отдавшійся современной, разнообразной дѣятельности, или наукѣ, или обществу, но вслѣдствіе чего бы то ни было, — и онъ едва ли находилъ время думать о нѣхъ. Впрочемъ порою, въ минуты неизбѣжнаго для каждаго, хотя и мимолетнаго, религіознаго раздумья, онъ смутно припоминаетъ себѣ, чему учился въ дѣтствѣ отъ своей матери, — дѣтскія утреннія и вечернія молитвы, чтеніе священныхъ и духовно назидательныхъ книгъ, чистую и невинную дѣтскую радость при первомъ причастіи Св.

Христовыхъ таинъ,—первую подачу милостыни бѣднымъ, и вотъ сознавая теперь, что годы быстро идутъ впередъ и что съ каждымъ изъ нихъ человѣкъ ближе и ближе становится къ могилѣ, онъ рѣшается, подобно Маріи Магдалинѣ, идти, такъ сказать, на гробъ своей прежней, ранней, невинной жизни, съ тѣмъ чтобы возгрѣть здѣсь свою угасшую любовь, а, быть можетъ, и всецѣло найти тѣло Иисусово. — Онъ припоминаетъ при этомъ все прошлое, сравнивая его съ настоящимъ, — и съ тоскою видитъ, что настоящее далеко не то, что было прошлое. Тогда съ обманутой надеждой, разочарованіемъ и слезами онъ говоритъ въ своей душѣ: *взяша Господа Моего, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его...* Не удивляйтесь, что люди при этомъ, подобно Маріи Магдалинѣ, впадаютъ въ ошибку, забывая неизмѣнное теченіе времени. Марія ожидала найти все такъ, какъ было въ Великую Пятницу, — и обманулась въ своемъ ожиданіи. Если бы она сидѣла, не отходя ни на шагъ, противу гроба, то неминуемо была бы свидѣтельницею славнаго воскресенія; она видѣла бы, какъ былъ отваленъ камень отъ гроба, и какъ въ свѣтозарномъ сіяніи воскресъ изъ мертвыхъ Господь Иисусъ; но такъ какъ она на нѣкоторое время удалялась отъ гроба, то и потеряла нить постепенности. Въ свое время она, конечно, нашла Господа, но Онъ былъ уже въ саду, а не въ гробѣ. Не такъ ли, слушатели, нерѣдко случается и съ нѣкоторыми изъ насъ? Повѣрьте, что старая истина остается неизмѣнно тою же, какою была и прежде, но время тѣмъ не менѣе сдѣлало свое дѣло. Что удивительнаго, если въ періодъ времени, отъ вашего дѣтства до настоящаго возраста, произошло много перемѣнъ,—не смотрите на это и вѣруйте, что тѣло Иисусово не потеряно для васъ. Не приходите въ смущеніе отъ того, что вы не можете найти его въ извѣстную минуту въ гробѣ минувшаго времени. Будьте терпѣливы, какъ была терпѣлива Марія; уповайте, какъ уповала Марія; и ваши слезы смѣнятся радостію Маріи, когда религиозную мысль и намѣреніе дитяти вы измѣните на рѣшимость и твердость зрѣлаго мужества. Только не отчаявайтесь, что духовная гробница на мгновеніе кажется пустою; только полагайтесь выну на благодать Божию, оказанную и оказываемую особенно вѣмъ ищущимъ Его.

Св. равноапостольная Марія! Твоему святому имени посвящено наше малое благотворительное Братство сіе, Твоими св.

молитвами и ходатайствомъ, — храни его на пользу того благаго христіанскаго дѣла, которому оно посвятило себя; выну и выну возгрѣвай любовь въ служащихъ оному; и еслибы, порой, они встрѣтили разочарованіе въ своемъ ожиданіи, и обманъ въ своей надеждѣ, — отыми отъ нихъ уныніе и малодушіе и даруй имъ терпѣніе и рѣшимость неустанно идти до конца предположенной цѣли, — доколѣ они не обрящутъ того, чего искали. Аминь!

Слово въ день годичнаго праздника Братства св. равно- апостольной Маріи въ 1880 г.

*Богу бо есмь споспѣшница: Божіе тяжаніе,
Божіе зданіе есте (1 Кор. III. 9).*

Такъ въ слышанномъ нами нынѣ апостольскомъ чтеніи изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ опредѣляется сущность апостольскаго служенія по отношенію къ Богу и вѣрующимъ. *Мы соработники у Бога*, говоритъ св. апостоль Павелъ, *а вы Божія нивы, Божіе зданіе*. Нельзя не видѣть, что въ означенномъ изрѣченіи апостолы представляются соработниками Богу, т. е. какъ бы оратаями и зодчими, а всѣ вѣрующіе—трудящимися подъ прекраснымъ образомъ духовной нивы, напоенной Кровію Христовою, и зданія Божія, основаннаго на краеугольномъ камнѣ Христѣ. Какъ трудящіеся словомъ, ученіемъ, таинствами надъ воздѣлываніемъ духовной нивы и созиданіемъ Божіяго зданія, составляемыхъ вѣрующими, апостолы называются *споспѣшниками* Богу, соработниками Единаго, Премудраго Домовладыки и Архитектона оныхъ, Господа нашего Иисуса Христа. Но, естественно, могутъ спросить, какія же при этомъ отношеніи другъ къ другу самихъ вѣрующихъ? На этотъ вопросъ, не обвинуясь, можемъ отвѣтить слѣдующими словами того же св. апостола: *такожде мнози едино тѣло есмь о Христѣ, а по единому другъ другу члены*, т. е. всѣ мы вѣрующіе во Христа, возрожденные въ благодатной купели крещенія, вкупѣ составляемъ единое тѣло во Христѣ, единую церковь Божію, единую ниву Божію, единое Божіе зданіе, а по отношенію другъ къ другу—есмы члены, члены этого духовнаго тѣла и церкви, колосья этой обширной Божіей нивы,—каменіе этого величественнаго Божіяго зданія. Нравственный выводъ от-

сюда такой: какъ въ вещественномъ тѣлѣ члены, имѣя каждый свойственное ему назначеніе, способствуютъ правильному отправленію всей тѣлесной дѣятельности, или какъ братья по тѣлесному средству между собой, помогаютъ и заботятся другъ о другѣ, такъ и всѣ мы, братья по духу во Христѣ и духовные члены Тѣла Его, дабы не было раздѣленія, въ тѣлѣ, должны одинаково заботиться другъ о другѣ и взаимно помогать одинъ другому въ нуждахъ.

Въ день годовичнаго праздника Братства Святой Равноапостольной Маріи, особенно благовременно остановиться мыслю на семь послѣднемъ апостольскомъ изрѣченіи.—*Мы мноіе* говоритъ онъ, *составляемъ едино тѣло во Христѣ, а порознь—одинъ для другаго члены,*—это по истинѣ такая необъятно-высокая истина, на которой, какъ на изрѣченіи Спасителя о милости, зиждется вся широкая заповѣдь христіанскаго милосердія и различный милованія образъ! Но для того, чтобы намъ тверже запечатлѣть оную въ умѣ и сердцѣ, и чаще осуществлять въ христіанской дѣятельности, въ *благозначимый день праздника нашею* займемся разсмотрѣніемъ для нашего назиданія: *была ли извѣстна и сознаваема мысль о духовномъ братствѣ и взаимномъ сочленствѣ людьми древнихъ до христіанскихъ временъ, и если такъ, то какимъ образомъ она была поставлена на твердомъ основаніи, и освящена ученіемъ Иисуса Христа и Его апостоловъ.*

Хотя Господь Іисусъ Христосъ и Его апостолы часто и съ особенною силою останавливались въ своемъ ученіи на той истинѣ, что всѣ мы между собою братья и члены другъ друга, однако не безъ основанія можно полагать, что мысль о взаимномъ духовномъ братствѣ и сочленствѣ людей не была совершенно безъизвѣстною и людямъ жившимъ до времени Христа Спасителя. Конечно эта мысль, въ дѣйствительности, осуществлялась очень слабо и сознавалась очень неясно, но тѣмъ не менѣе она мерцала блѣднымъ свѣтомъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ и подобно сновидѣнію о какомъ то потерянномъ раѣ, то неожиданно являлась въ воображеніи людей, то быстро убѣгала отъ нихъ, но при этомъ никогда не исчезала совсѣмъ, потому что въ основаніи ея таилась искра той истины, которая въ сущности была Божественною. По истинѣ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и многихъ поколѣній, она могла глухо доходить до нихъ, какъ отдаленное эхо

того величественнаго, Божественнаго глагола, который, при гранитныхъ скалахъ Суная, такъ нѣкогда вѣщала еврейка: — *возлюбиши искренно твоего яко самъ себе!* (Лев. XIX 18).

Мудрецы древности проповѣдывали ту истину, что человѣкъ можетъ достигнуть своего высшаго развитія только тогда, когда онъ соединенъ твердыми и не разрывными узами братства съ другими, состоя членомъ общества и раздѣляя съ нимъ общія чувства, симпатіи и нужды, и что человѣкъ, живущій совершенно отчужденной жизнію отъ другихъ, легко можетъ потерять благородство характера и погибнуть въ самолюбивомъ разобщеніи? Эта мысль долго искала себѣ выхода на Божій свѣтъ, радушнаго приема и наиболѣе широкаго приложенія къ тогдашней общественной жизни; но всѣ человѣческія усилія поддержать и осуществить ее оказывались тщетными. Съ этою цѣлью люди прибѣгали къ силѣ, но, въ концѣ концовъ, очень скоро чувствовали свое безсиліе; прибѣгали къ философіи, проповѣдывали, что всѣ люди—одно, но и слово мудрости человѣческой раздавалось тщетно, какъ гласъ вопіющаго въ пустынь, затрогивали интересы человѣчества, указывая на то, что въ единствѣ и объединенной дѣятельности людей заключается гораздо болѣе силы и выгоды, чѣмъ, въ разъединенности и разообщеніи, но и эта попытка не имѣла успѣха. Однимъ словомъ всѣ ихъ усилія и труды постепенно разрушались, и только одинъ зародышъ Божественной истины, таившейся въ ней, могъ поддерживать ее столь долгое время. Только, по исполненіи полноты временъ, Господь Иисусъ Христосъ благоволилъ открыть людямъ ту высокую истину, на которой основывалось все „*Отчество Бога*“ и изрекъ въ Своемъ Евангеліи то высокое слово: „*Отець Небесный*“, которое люди такъ долго искали прежде и никогда не могли найти.

Въ этомъ-то именно, слушатели христіане, и заключается существенное отличіе ученія Христа Спасителя и Его апостоловъ о взаимномъ братствѣ и сочленствѣ людей отъ ученія всѣхъ философовъ, которые когда либо существовали. Въ то время какъ они старались проповѣдывать братство отъ земли. Онъ открылъ людямъ истину — *объ Отчество святое*. Онъ училъ, что люди между собою братья, потому что они чада Божіи, и что то всеобщее понятіе объ общественной жизни и любви, которое такъ дорого сердцу каждаго изъ нихъ, есть не болѣе какъ отраженіе

святой истины, высшей всёхъ мѣстъ и времени, что всё люди— чада Божіи, а потому между собою братья. Такимъ-то образомъ Откровеніе о Богѣ, какъ Отцѣ, любящемъ Своихъ чадъ и требующемъ отъ нихъ въ свою очередь любви къ къ ближнему, данное во Христвъ Іисусѣ, сообщило мысли о человѣческомъ братствѣ и сочленствѣ, совершенно новый видъ, и съ того времени даже до сего усиливало и развивало оную съ небывалою прежде силою. Въ доказательство сего послѣдняго укажемъ только на нѣсколько историческихъ фактовъ.

Обратимъ, на примѣръ, вниманіе на уваженіе къ человѣческой жизни, которое возникло подъ охраною и защитою христіанства. Гдѣ въ настоящее время убійства, самоубійства, бой гладиаторовъ, убійственныя потѣхи и игры на аренахъ, придуманныя съ цѣлью разрушенія человѣческой жизни, съ такою силою свирѣпствовавшія во времена до-христіанскія? Благодаря вліянію христіанскаго ученія на общественныя умы преданы достойно заслуженному суду народнаго проклятія. Если же теперь и встрѣчаются иногда нѣкоторыя изъ подобныхъ явленій, то онѣ не болѣе какъ исключенія, производящія ужасъ и содраганіе въ каждомъ христіанинѣ. Что стало съ широкораскинувшимся нѣкогда по землѣ огромнымъ зданіемъ рабства и невольничества, со всею его организованною системою законовъ и постановленій признанными нѣкогда цивилизованными и даже не цивилизованными обществами? Оно изгнано христіанствомъ за предѣлы новѣйшей цивилизаціи, и хотя враги ея долго и сильно боролись за ихъ существованіе, но всетаки они пали, уступивъ могущественной силѣ ученія христіанскаго. Или обратимъ свой умственный взоръ отъ того, что христіанство разрушило, къ тому, что оно создало, посмотримъ на многочисленныя благотворительныя учрежденія, которыми по справедливости гордится въ настоящее время каждая христіанская нація. Не христіанство ли осватило въ такихъ громадныхъ размѣрахъ благотворительную систему для вспоможенія тѣмъ, которыхъ оно называетъ своими бѣдными братьями! Не оно ли разсѣяло по лицу земли множество богадѣленъ, больницъ, школъ, пріютовъ для призрѣнія бѣдныхъ, старыхъ, безпомощныхъ, или для воспитанія и образованія нуждающихся дѣтей обоого пола—дѣвицъ и юношей? Возьмемъ въ частности: благотворительное учрежденіе братства святой равноапостольной Маріи, основанное девять лѣтъ

тому назадъ для пособія образованію и воспитанію дочерей недостаточно обеспеченнаго духовенства, съ цѣлью приготовленія изъ нихъ опытныхъ городскихъ и сельскихъ учительницъ,—Филаретовское епархіальное училище, основанное съ цѣлью образованія и воспитанія сиротъ—дѣвицъ духовнаго званія, Братство св. Николая, имѣющее свою задачу вспомошествованіе сыновьямъ тѣхъ-же недостаточно обеспеченныхъ священно и церковно-служителей, обучающимся въ духовныхъ школахъ, въ силу чего много возникли всѣ онѣ, какъ не вслѣдствіе одушевленія святою истиною апостола, и сердечнаго желанія со стороны духовенства и мірянъ, оказать имъ братскую любовь и помощь? Въ концѣ концовъ, не служить ли все это самымъ сильнымъ доказательствомъ того, что только одна христіанская любовь, основанная на ученіи Христа Спасителя и Его апостоловъ, могла дать надлежащее мѣсто и силу ученію о взаимномъ духовномъ братствѣ людей, выраженному въ слѣдующихъ словахъ: *такжеже мнози едино тѣло есмь о Христѣ, а по единому другъ другу члены* (Рим. XII. 5). Такъ, слушатели христіане, хотя это единство въ сущности есть духовное, а не видимое какое единство, однако мы члены другъ друга въ общественной жизни, при чемъ каждый членъ въ частности отправляетъ свою собственную обязанность, и при томъ заимствуетъ силу и жизнь отъ цѣлага. Да и можетъ-ли быть иначе? Замѣтьте при этомъ, какъ человѣческая мысль о братствѣ облагорожена, очищена и освящена великою истиною которую открылъ людямъ Господь Іисусъ въ Своемъ Евангеліи, именно тою истиною, что всѣ разнообразныя взаимныя нужды богатыхъ и бѣдныхъ входятъ въ премудрые планы домостроительства Отца Небеснаго, что надъ всѣмъ человѣчествомъ господствуетъ Единный, предвидѣвшій все это и положившій въ Своемъ вѣчномъ Совѣтѣ, что все такъ и должно быть на вѣки, пока человѣкъ владычествуетъ землею; что каждое общество, каждый классъ, даже каждая личность волею или неволею, должны дѣйствовать не только на свою пользу, но и на пользу другихъ, должны содѣйствовать общему благу цѣлага, или, въ противномъ случаѣ, должны быть наказаны за свою самолюбивую недѣятельность отдѣленіемъ отъ общеннаго тѣла! Теперь невольно рождается въ умѣ такая мысль: не имѣлъ-ли особенно въ виду эту святую истину Господь Спаситель, когда оставилъ послѣ Себя Своимъ ученикамъ и ихъ

послѣдователямъ. какъ послѣдній драгоценный залогъ нѣчто такое, что должно было говорить имъ не слабымъ языкомъ человѣческимъ объ ихъ духовномъ единеніи въ Его Тѣлѣ и объ обязанности для нихъ братской взаимной любви другъ къ другу. Сила Его пречистаго Тѣла должна была питать ихъ; духъ Его всесвятой жизни долженъ былъ переходить въ нихъ; этому-то, безъ всякаго сомнѣнія, Онъ и желалъ научить ихъ, когда установилъ на послѣдней вечери Таинство Евхаристіи, дабы вѣрующіе могли приобщаться Его Тѣла и Крови, въ воспоминаніе Спасительныхъ страданій Его и смерти; и кажется, что если въ другое время человѣкъ часто бываетъ въ состояніи забывать о взаимномъ братствѣ, то возможно-ли, чтобы христіане, въ извѣстное время приступающіе все въкупѣ, безъ различій званій и состояній, богатые на ряду съ бѣдными, образованные на ряду съ необразованными, сильные и могущественные на ряду съ слабыми и худородными, къ трапезѣ Господней, для приобщенія Тѣла и Крови Христовой, могли не чувствовать и забывать, хотя въ эти великія минуты, что все они между собою братья во Христѣ, и члены другъ друга?

Возьмемъ еще другой умилительно трогательный изъ обрядовъ нашей церкви примѣръ. Вотъ совершается торжественное, единственное въ году, пасхальное утреннее Богослуженіе. Передъ окончаніемъ онаго, послѣ пѣнія словъ церковной пѣсни: „*другъ друга объяемъ*“, все находящіяся въ храмѣ, безъ различія званій и состояній, подъ вліяніемъ общей всеобъемлющей духовной радости Воскресенія Христова, сливаются въ одномъ братскомъ лобзаніи, съ извѣстнымъ радостнымъ привѣтствіемъ. Какое необъятно-величественное зрѣлище представляется въ эти священныя минуты во всѣхъ безчисленныхъ храмахъ нашего дорогаго отечества, когда все безъ исключенія, богатый и бѣдный, образованный и необразованный, могущественный и худородный соединяются, такъ сказать, въ одну великую духовную семью, передъ лицомъ самой церкви, какъ братья между собою и какъ чада Единаго Отца Небеснаго? И не ощущалъ-ли тогда каждый изъ насъ особой рѣшимости и желанія помочь бѣдному, облегчить положеніе страждущаго, или оказать какое либо другое дѣло христіанскаго милосердія, именно въ силу сознанія той истины; что онъ также членъ этой многочисленной духовной семьи, и этого великаго духовнаго

братства, собранныхъ во едино страданіями, смертію и Воскресеніемъ Господа?

Такожде мнози едино тѣло есмь о Христвъ, и по единому другъ другу члены! (Рим. XII. 5). Отъ сихъ общихъ разсужденій о взаимномъ христіанскомъ братствѣ и духовномъ сочленствѣ, обратимся мыслію къ нашему братству, въ которомъ многіе изъ насъ состоятъ членами и братчиками, имѣя въ своей главѣ почетнымъ попечителемъ, благостнаго Владыку Архипастыря, Высокопреосвященнѣйшаго, митрополита Макарія.

Прекрасная цѣль учрежденія онаго, состоящая въ образованіи и воспитаніи малолѣтнихъ и взрослыхъ дочерей нуждающихся служителей алтаря и церкви, на посильныя пожертвованія отъ добротныхъ дателей, по преимуществу отъ лица ихъ-же собратій, извѣстна всѣмъ намъ; извѣстна также и дѣятельность нашего братства, идущаго съ Божіею помощію впередъ, хотя и тихо, но съ твердою вѣрою въ свою будущность. Многія изъ дѣвиць. получившихъ образованіе и воспитаніе въ братскихъ школахъ, со времени его учрежденія, съ замѣтнымъ успѣхомъ проходятъ уже должности учительницъ въ сельскихъ народныхъ школахъ. Другія готовятся къ занятію таковыхъ-же должностей, — заканчивая свое образованіе въ женской учительской семинаріи.

Распространеніе въ средѣ учащихся крестьянскихъ дѣтей столь необходимаго въ наше время, въ религіозно-нравственномъ духѣ, обученія, чрезъ болѣе способныхъ къ тому образованныхъ дѣвиць и, притомъ, изъ духовнаго званія; средства, доставляемыя должностію учительницъ къ безбѣдному ихъ содержанію, а не рѣдко и къ облегченію положенія ихъ нуждающихся родителей; — вотъ несомнѣнно благіе плоды!

Что-же скажемъ въ заключеніе? Заклучимъ, сл. хр. нашу бесѣду наставленіемъ того-же св. апостола, изрѣченіе котораго привели въ самомъ началѣ оной. Будемъ трудиться на общую пользу „тщаніемъ не лѣнны, духомъ горяще“. Пусть каждый изъ насъ удѣляетъ свою лепту на алтарь братства, „яко-же изволеніе имать сердцемъ не отъ скорби, ни отъ нужды“, и что главнѣе и важнѣе всего, „да не будетъ распри въ тѣлеси, но да тожде пекутся въ себѣ уди. Все бо тѣло Христово есмь и уди отъ части“. Св. Равноапостольная Марія, имени которой посвящено Братство да поможетъ намъ въ томъ своими молитвами и ходатайствомъ! Аминь.

Слово на день св. Равноапостольныхъ Маріи, и праздниѣ Маріинскаго Братства въ 1886 г.

Въ лицѣ празднуемой нынѣ Св. Равноапостольной Маріи, небесному покровительству которой вѣрено настоящее Братство, и имя которой носить земная покровительница оного, Тезоименитая ей, Благочестивѣйшая Государыня Императрица, Марія Теодоровна, мы видимъ, бл. слушатели и братчики, живое и полное олицетвореніе пламенной любви ея къ Господу.

Всѣ четыре Евангелиста, безъ исключенія, и неоднократно, упоминаютъ ея имя и свидѣтельствуютъ объ ея глубокой любви къ своему Божественному Учителю.

Исцѣленная нѣкогда Господомъ отъ тяжелой болѣзни (Лук. VIII. 3), благодарная Марія съ тѣхъ поръ, вмѣстѣ съ Апостолами и нѣкоторыми другими женами, повсюду слѣдуетъ за Господомъ, и служитъ Ему своимъ имѣніемъ (Лук. XIII. 2—3).

Воодушевленная святою любовію, она, вмѣстѣ съ прочими женами, шестуется за Христомъ на Голгоѣ, стоитъ при крестѣ, мужественно выноситъ страшное зрѣлище страданій и смерти Божественнаго, наповиннаго Страдальца (Мар. XV. 40—41. Лук. XXII. 49. Іоан. XIX. 25).

Влекомая тою же неудерживою силою любви, она *завтра еще сущей тьмѣ, спѣшитъ на гробъ, и, не нашедши въ немъ тѣла Иисусова, стоитъ у гроба въ плачущи* (Іоан. XX, 2. 12).

Удостоившись быть первою свидѣтельницею Воскресенія Господа, она и по вознесеніи Его на небо, не престаеъ свидѣтельствовать свою пламенную любовь къ Нему, безбоязненно идетъ въ самую столицу языческаго міра, и съ отраднымъ словомъ благовѣстія о Распятѣ и Воскресшемъ, какъ говоритъ преданіе, неустрашимо является предъ лицомъ самаго Кесаря; а затѣмъ, не смотря на никакія опасности и труды, обходитъ съ евангельскою проповѣдію различные грады и веси, и въ Ефесѣ, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ ученикомъ Христовымъ, до самой своей кончины апостольски служитъ человѣческому спасенію (Четь-Минеи 22 июля).

За высокую, самоотверженную любовь къ Богу и труды Св. Церковь почтила ее наименованіемъ Равноапостольной; и если, прибавимъ отъ себя, возлюбленнаго ученика Господа справедливо

нарицають *Апостоломъ любви*, то и воспоминаемую нынѣ Св. Марію Магдалину, мы, не обинуясь, можемъ наименовать *ученицею Божественной любви*.

И не безъ особеннаго значенія то Братство, которому мы служимъ, и которое совершаетъ нынѣ свой годичный праздникъ, бл. сл., посвящено имени любвеобильной, равноапостольной Маріи, и ввѣрено, въ особенности, ея небесному ходатайству и покрову.

Въ семь наименованіи и посвященіи содержится и указаніе на то, что настоящее благотворительное учрежденіе, основанное пятнадцать лѣтъ тому назадъ,—съ благою цѣлю содѣйствовать образованію и воспитанію малолѣтнихъ и подроставшихъ дочерей нуждающагося, преимущественно, сельскаго духовенства, вызвано истинно христіанскою любовію, искренно добрымъ желаніемъ—облегчить симъ путемъ нужды и тягость семейной жизни ихъ родителей,—равно какъ и напоминаніе о томъ, что, зиждясь на краеугольномъ камени любви, оно выну должно дѣйствовать въ духѣ любви христіанской дѣятельной и созидающей, и никогда не угашать въ себѣ духа оной.

Позволимъ себѣ въ благознаменитый день праздника нашего, обратиться съ нашимъ воспоминаніемъ, съ сего священнаго мѣста, къ незабвенному дню открытія настоящаго братства, за пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и мы увидимъ, что главнѣйшій двигателемъ учрежденія онаго была истинно-христіанская любовь, и при томъ проявившаяся въ одномъ изъ лучшихъ своихъ видовъ,—въ оказаніи помощи бѣдствующимъ служителямъ алтаря и церкви.

Вотъ, въ одно прекрасное, весеннее, воскресное утро, въ древнемъ храмѣ Святителя Николая, что на Берсеневкѣ, происходитъ духовное торжество. Божественная литургія совершается архіерейскимъ служеніемъ; послѣ оной, при колокольномъ звонѣ, съ хоругвями и иконами, въ предшествіи священно-служителей въ блестящихъ облаченіяхъ, направляется мѣстный крестный ходъ, въ зданіе женскихъ педагогическихъ курсовъ,—помѣщавшихся въ означенное время недалеко отъ Николаевского храма; затѣмъ, въ одной изъ обширныхъ залъ учебнаго заведенія совершается архіерейское соборное молебствіе передъ иконою Св. Равноапостольной Маріи,—и происходитъ торжественное засѣданіе въ присутствіи многочисленныхъ посѣтителей изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, на которомъ читается уставъ новооткрытаго Братства, и

учреждаются первыя стипендіи. Что это за торжество, и какая причина онаго? Это духовное торжество, которое вѣроятно, помнятъ еще многіе изъ присутствующихъ здѣсь братчиковъ, происходило 11 Апрѣля 1871 г., въ недѣлю св. женъ муриносищъ. Это былъ знаменательный день открытія Братства Св. Равноапостольной Маріи, братства совершенно новаго по своей благотворной цѣли и дѣятельности, основаннаго по мысли нѣкоторыхъ братолюбцевъ, и благословенію приснопамятнаго Святителя Иннокентія. Благая цѣль его заключалась въ оказаніи помощи нуждающемуся, преимущественно, многосемейному сельскому духовенству. а путемъ къ достиженію сей благой цѣли было образованіе и воспитаніе малолѣтнихъ и подроставшихъ его дочерей въ братскихъ школахъ. Въ семъ учрежденіи, повторимъ опять, высказалась истинно христіанская любовь и, при томъ, въ одномъ изъ лучшихъ ея видовъ. Ибо что можетъ быть лучше и выше—любви пасомыхъ къ своимъ пастырямъ,—оказанія вещественной помощи тѣмъ, которые вспомошествуютъ имъ духовно, ради облегченія тяжкаго бремени въ семейной жизни лежащаго на выяхъ тѣхъ, которые выну преклоняють свои колѣна и выи передъ Престоломъ Божиимъ?

Въ подобномъ благотворительномъ учрежденіи для духовенства давно уже ощущалась насущная потребность, и вотъ христіанская любовь вызвала и создала оное въ видѣ настоящаго Братства.

Скудость матеріальныхъ средствъ, дороговизна жизни, перешедшая изъ столицъ и въ села, насущная потребность содержать своихъ сыновей въ Московскихъ училищахъ и Семинаріяхъ,—устраивать будущность своихъ дочерей,—все это часто при многосемейности,—въ такой-то неприглядной обстановкѣ,—*влачило*, можно сказать, свое незавидное *существованіе* въ началѣ семидесятихъ годовъ, и еще за долго до сего времени, большинство нашего сельскаго духовенства. Но самымъ *большимъ*, такъ сказать, *мѣстомъ* въ организмѣ ихъ семейной жизни были дочери, малолѣтныя, подроставшія, и взрослыя. Жизнь шла впередъ, и предъявляла свои суровыя требованія. Нужно было учить, воспитывать и устраивать ихъ, не отставая отъ другихъ классовъ общества. Но откуда взять средствъ на то, при недостаточномъ обезпеченіи,—и времени, при не особенно легкой церковно-приходской дѣятельности?—Правда, существовали уже, не задолго

передъ тѣмъ, основанныя приснопамятнымъ Святителемъ Филаретомъ, Филаретовское сиротское училище, и Братство Свят. Николая, и оба они приносили несомнѣнную пользу и помощь, но первое изъ нихъ имѣло главнымъ образомъ въ виду воспитаніе дѣвицъ духовнаго званія, оставшихся сиротами по смерти своихъ родителей, а второе оказаніе—денежныхъ пособій нуждающимся ученикамъ Москов. Семинарій и училищъ. Посему, преувеличимъ ли, если скажемъ, что это было далеко неутѣшительное, *темное*, такъ сказать, время для сельскаго духовенства. и что *разсвѣтъ* лучшей будущности его только еще начинался.

И вотъ въ эту-то темную годину его существованія, неожиданно является ему помощь. Собирается, во Имя Господне, нѣсколько братолюбцевъ,—сочувственно отзываятся на великую, давно уже выносимую, нужду духовенства,—задаются мыслію посылить помочь ему въ этой великой его семейной нуждѣ и, притомъ, помочь наилучшимъ къ тому способомъ,—идутъ смѣло и рѣшительно, идутъ, скажемъ словами Евангелія, *зѣло заутра, есть сущей тѣмъ*, на починъ святаго дѣла,—съ сердечною готовностію *послужить Господу отъ своихъ имѣній, елико могутъ*, въ лицѣ нуждающихся дѣтей, тѣхъ дѣтей, которыхъ такъ любилъ Спаситель за незлобіе и простоту, и при томъ, дѣтей тѣхъ лицъ, которые призваны на особенное Ему служеніе,—и завѣтная мысль братолюбцевъ осуществляется. Съ Божіею помощію открывается новое по своей благотворной цѣли и дѣятельности Братство Св. Равноапостольной Маріи. О, воистину скажемъ, день сей, день открытія Братства, посвященнаго имени той любвеобильной Святой, память которой празднуется сегодня, и затѣмъ Всемилоствѣйше принято подъ Августѣйшее покровительство, Тезоименитой ей, Государыни Императрицы—воистину *день сей былъ день Господень!* И несомнѣнно, что, въ сей знаменательный день, многія и многія сердца бѣдныхъ и нуждающихся служителей артаря и церкви преисполнялись радостію и веселіемъ „видя въ новомъ благотворительномъ учрежденіи зарю, разсвѣтъ и первые лучи восходящаго солнца, проникающіе и разгоняющіе мракъ и тьму ихъ семейнаго быта, въ которомъ они томились доселѣ“.

Основавшись на краеугольномъ камени истинно христіанской любви, Маріинское Братство въ томъ же духѣ любви начало и вело свою пятнадцатилѣтнюю благотворную дѣятельность. Обоз-

рѣвая теперь мыслию не малый уже періодъ его существованія, мы видимъ, съ благодареніемъ къ Господу и небесной покровительницѣ Братства, что благотворная его дѣятельность за все означенное время была не безуспѣшна. Зерно, брошенное 15 лѣтъ назадъ на добрую почву, съ Божіею помощію, дало плодъ и разрастается теперь въ вѣтвистое дерево, подѣ сѣнью котораго находитъ себѣ пріютъ, образованіе и воспитаніе, уже достаточное число отроковицъ и дщереи духовнаго званія.

Вносились братскіе, и частію ученическіе денежныя взносы, учреждались стипендіи,—дѣлались пожертвованія отъ Архипастырскихъ щедротъ,—и на эти средства, главнымъ образомъ, содержалось и поддерживалось Маріинское Ризположенское братское училище. Теперь мы съ утѣшеніемъ видимъ, какъ многія изъ бывшихъ воспитанницъ онаго, получившихъ въ немъ первоначальное свое воспитаніе, и потомъ закончившихъ свое образованіе въ женской учительской Семинаріи, давно уже трудятся на поприщѣ народнаго образованія, въ качествѣ сельскихъ учительницъ, принося несомнѣнную пользу благому дѣлу общественному. Теперь мы съ увѣренностію, и съ благодареніемъ къ Господу можемъ сказать, что *домъ сей*,—домъ нашего Братства,—*во истину созда Господь*, и что *не всуе трудишася змждущіе*. Правда, что порой бывали и тяжелыя минуты для братства, какъ и во всякомъ общественномъ учрежденіи, но, и за малую любовь возлюбившихъ братство, милосердый Господь всегда невидимо посылалъ ему свою богатую помощь. Важный вопросъ о самостоятельномъ существованіи братскаго училища,—о возведеніи онаго на степень шестикласнаго, —временами, скудость денежныхъ средствъ, не соразмѣрнымъ съ постоянно расширяющеюся братскою дѣятельностію; тѣснота училищнаго помѣщенія, и при томъ наемнаго, и печальная необходимость, вслѣдствіе того, отказывать въ пріемѣ въ училище многимъ и многимъ нуждающимся дѣвцамъ, все это часто приводило въ смущеніе и недоумѣніе сердца и умы братчиковъ. *Кто отвалитъ намъ камень*, не отъ дверей гроба, но отъ дверей братства, спрашивали они тогда самихъ себя съ скорбію и стѣсненнымъ сердцемъ, подобно муроносицамъ, шедшимъ *зѣло рано* на гробъ Иисусовъ; и какъ часто подобно имъ же получали благодатное утѣшеніе и помощь свыше! *И воззрѣвши видѣша, яко отваленъ бѣ камень* (Мар. XVI. 4).

Братское училище, съ Божію помощію „вступило на самостоятельный путь, и теперь является предъ нами въ видѣ шести-класснаго епархіальнаго женскаго училища; число воспитанницъ въ немъ почти упятерилось сравнительно съ первыми годами его существованія, и вотъ предъ нами первый выпускъ, *первенцы*, такъ сказать, уже самостоятельнаго, и вполне организованнаго, Епарх. Маріинскаго училища, вполне и тщательно подготовленныя для должности домашнихъ учительницъ. Благостивѣйшій нашъ архипастырь, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Іоанникій, при дѣятельномъ участіи Предсѣдателя Братства, преосвященнѣйшаго епископа Мисаила, отечески воззрѣлъ на Братство и братскую школу, и милостивно вникнулъ въ ихъ насущныя потребности и нужды. Его то архипастырскою любовію и щедротами отваленъ послѣдній камень отъ дверей братства, и при томъ, камень *всѣмъ згло*. Разумѣемъ тѣсноту и неудобство наемнаго училищнаго помѣщенія, въ которомъ доселѣ тѣнились и скучивались, такъ сказать, братскія воспитанницы. Этотъ камень долгое время заграждалъ собою двери Маріинскаго братскаго училища для многихъ и многихъ дѣтей, желавшихъ поступить въ оное. Они приходили къ дверямъ братства, толклись въ нихъ, но двери не отверзались, просили и не получали просимаго, искали и не обрѣтали желаемаго, потому что камень *былъ весьма великъ*. Кто отвалитъ намъ этотъ камень? Съ сердечною скорбію спрашивали себя и отцы дѣтей толкущихся, и сами братчики, съ стѣсненнымъ сердцемъ, по крайней необходимости, отказывая многимъ просящимъ и ищущимъ. И вотъ, въ этомъ затруднительномъ положеніи братства, милосердый Господь неожиданно посылаетъ ему на помощь своего Ангела въ лицѣ нашего любвеобильнаго архипастыря, и мы съ радостію видимъ теперь, что этотъ тяжелый камень отваленъ. Онъ, который, по примѣру Господа, Спасителя нашего, возлюбилъ и любить дѣтей истинно отеческою любовію, и особенно дѣтей духовенства, служащихъ алтарю и церкви, онъ, который еще въ столь краткое время своего благотворнаго архипастырскаго служенія на московской кафедрѣ, успѣлъ уже устроить два обширныхъ общежитія для сыновей его, нуждающихся учениковъ Визанской и Московской Семинаріи,—онъ, говоримъ, отечески и сердечно отнесся и къ незавидному положенію малолѣтныхъ и подроставшихъ дочерей его, и для большинства ихъ

отверзь двери Маріинскаго Епарх. училища. Вотъ мы видимъ теперь съ радостію, что вблизи сего храма, въ которомъ происходитъ наше духовное торжество, воздвигается, и въ настоящее время уже близится къ окончанію *это велие*, училищное зданіе со всѣми удобствами и новѣйшими приспособленіями; оно воздвигается его архипастырскою любовію и щедротами, и въ немъ, несомнѣнно, найдутъ для себя пріютъ, образованіе и воспитаніе сотни отроковицъ и дочерей духовн. званія, которыя выну будутъ поминать съ благодарностію имя своего благодѣтеля, и—будутъ молиться за него. Но что выше и дороже всего,—внутри сего новаго училищнаго зданія устроится храмъ Божій, въ честь *Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы*, закладка котораго совершена такъ недавно самимъ владыкою. Не отрадна ли, неутѣшительна ли мысль о томъ, что дщери служителей алтаря и церкви будутъ учиться и воспитываться, такъ сказать, при прагѣ храма Божія, подобясь той Преподобной въ женахъ, которая еще отроковицей была введена во храмъ Господень и неотлучно пребывала въ немъ,—будутъ одушевляться неизмѣнною любовію къ церкви,—и выну дѣйствовать и учить въ духѣ церкви, когда, по окончаніи своего воспитанія здѣсь, займутъ должности наставницъ и учительницъ? Что, повторяемъ, можетъ быть выше и дороже сего?

Таковы то идеалы и олицетвореніе любви истинно христіанской, дѣятельной, создающей, которую мы видѣли въ лицѣ празднуемой нынѣ святой, — и послѣдовавшаго ея примѣру нашего Высокопреосвященнѣйшаго Владыки. Да будутъ же онѣ выну предъ нашими умственными очами, и да послужатъ павсегда свѣтлымъ образомъ, которому неуклонно отнынѣ должны слѣдовать, и постоянно руководствоваться братчики и члены сего благотворительнаго учрежденія.

Вотъ мы видѣли, что, и за скудную любовь, и за малую искру любви, въ сердцахъ *возлюбившихъ* настоящее братство, Господь часто и невидимо посылалъ Свое благословеніе и помощь. Потщимся же въ нашемъ дальнѣйшемъ служеніи святому братскому дѣлу—возгрѣть эту искру въ огонь горищій,—стяжать въ себѣ такую любовь, которая, по слову Апостола, есть союзъ совершенства. *Стяжите любовь, яже есть союзъ совершенства*, говоритъ Онъ. Не безъ цѣли, бл. сл., въ словахъ апостола упот-

реблено выраженіе: *стяжайте любовь*. Оно значить *облекитесь въ любовь*, т. е. облекитесь такъ, какъ воинъ, выступая на дѣло своего служенія, облачается во всеоружіе,—облекитесь всецѣло и всесовершенно, т. е. будьте тверды, постоянны и преисполнены сею любовью. Христіанская любовь, какъ и всякое другое, доброе чувство, можетъ имѣть свои недостатки, можетъ страдать своими недугами непостоянствомъ, измѣнчивостью, неполнотою, недостаткомъ стойкости. Да хранить насъ Господь отъ подобныхъ недуговъ, отъ сихъ мимолетныхъ, скоропреходящихъ проявленій любви, подобно блестящему метеору, съ шумомъ являющемуся и летящему, а затѣмъ безслѣдно исчезающему въ воздушныхъ пространствахъ. Да не будетъ. Если когда, то особенно въ настоящее время, въ нашемъ дѣлѣ—нужна любовь искренняя, твердая, неизмѣнная.

Братская дѣятельность постоянно расширяется,—*нивы побѣтлы уже готовы къ жатвѣ* (Іоан. IV. 35) и сѣятелямъ и жателямъ—открывается впереди обширное поле для усиленныхъ заботъ и трудовъ.—Напѣ Благодѣйшій Архипастырь показываетъ намъ образцовый примѣръ, какъ нужно дѣйствовать и подвизаться на поприщѣ твердой и созидающей любви христіанской. Посему да послужитъ каждый изъ насъ настоящему Братству, искренно и сердечно и ревностно, тѣмъ даромъ, который получилъ отъ Бога.

Къ вамъ теперь краткое слово мое, юныя, будущія дѣятельницы на поприщѣ образованія и воспитанія, какого бы то ни было народнаго или домашняго; только что закончившія свое образованіе и воспитаніе въ Маринскомъ епархіальномъ братскомъ училищѣ.

Примѣръ и свѣтлый образъ Св. Равноапостольной Маріи, имени которой посвящено Братство, давшее вамъ образованіе и воспитаніе, да будутъ на всегда запечатлѣны въ вашихъ сердцахъ. Призывайте Ея святое имя, сколь можно чаще, въ вашихъ молитвахъ, и старайтесь подражать Ей въ пламенной любви къ Господу.—Она проповѣдовала евангеліе невѣдущимъ Бога, и вамъ придется вносить живительный свѣтъ Богопознанія въ умы и сердца малютокъ, которыя, по своему возрасту, мало, очень мало, знакомы съ ученіемъ о Богѣ и—православной вѣрѣ, въ которой родились и крещены. Всаждайте же ревностно въ юныя сердца ихъ, и наипаче, страхъ Божій.—Не уstraшайте различ-

ныхъ препятствій и камней преткновенія, неизбежно встрѣчающихся на пути каждаго изъ насъ, и могущихъ встрѣтиться и на пути вашей будущей педагогической дѣятельности, но идите безбоязненно впередъ, подобно той любвеобильной въ женахъ, память которой празднуется сегодня. Не смотря ни на тьму, ни на кажущіяся затрудненія, съ надеждою на помощь Божию, и—всегда памятью глубоко назидательное слово Ахрипастыря и Благодѣтеля Вашего, которое вы имѣли счастье недавно слышать изъ устъ его.

Въ заключеніе же, возблагодаримъ Господа, благословившаго пятнадцатилѣтіе настоящаго Братства, и не престающаго благословлять оное, и съ молитвою за Августѣйшую Покровительницу Братства, Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну, истинную Матерь всѣхъ бѣдныхъ и нуждающихся, вознесемъ къ Нему усердную молитву, чтобы Онъ, ходатайствомъ Св. Равноапостольной Маріи, выну возгрѣваль въ сердцахъ нашихъ истинную любовь—къ Братству и малую искру оной возжегъ бы въ огонь горящій.—Аминь.

Бсѣда на день Св. Равноапостольныя Маріи Магдалины и въ праздникъ Маріинскаго Братства въ 1887 г.

Св. Апостоль Павелъ, говоря въ одномъ изъ своихъ посланій о ветхозавѣтныхъ мужахъ, которые вѣрою побѣждали царства, получали обѣтованія, замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: *и что еще скажу? Не достанетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедееонѣ и Варакѣ, о Самсонѣ и Иеффатѣ, о Давидѣ, Самуилѣ и другихъ пророкахъ.* (Евр. XI. 32).

Таковой многочисленный сонмъ свидѣтелей вѣры представлялся его духовному оку, когда онъ говорилъ о неотразимой силѣ и дѣйствиіи вѣры, *въ ней же свидѣтельствованы быша древніи.* (Евр. XI. 2).

Если теперь. бл. сл., съ сего священнаго мѣста, въ сей праздникъ нашего Братства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ высокаторжественный день Тезоименитства Августѣйшей Покровительницы онаго Благочестивѣйшей Государыни, Императрицы, Маріи Ѳеодоровны,—мы обратимся мыслію къ празднуемой нынѣ святой, Рав-

ноапостольной Маріи Магдалинѣ, небесному покровительству которой вѣрено настоящее Братство, то, безъ сомнѣнія, увидимъ на страницахъ Ветхаго и Новаго Завѣта также многихъ и многихъ св. женъ, — свидѣтельницахъ вѣры, — творившихъ правду и получившихъ обѣтованія. Впрочемъ, по выраженію Св. Ап. Павла, — не достанетъ намъ времени, чтобы повѣствовать о Ветхозавѣтныхъ женахъ, свидѣтельствованныхъ вѣрою, какъ то о *Саррѣ и Ревекѣ, Лии и Рахили, Руфи и Раавѣ*, и многихъ другихъ.

Потому остановимся краткою мыслію и благоговѣйнымъ воспоминаніемъ, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ св. женахъ, которыя упоминаются въ Евангеліи и, вообще, въ Новомъ Завѣтѣ.

Примѣръ святой жизни и христіанской дѣятельности св. Евангельскихъ женъ, выну предносясь предъ нашимъ умственнымъ, духовнымъ окомъ, какъ высокій идеаль всего добраго, чистаго и возвышеннаго, несомнѣнно можетъ имѣть благотворное вліяніе на развитіе воли и сердца учащихся въ семь духовно-учебномъ заведеніи, можетъ созидать во благое характеръ, и укрѣплять христіанскую дѣятельность учащихся и, вообще, поддерживать на надлежащей высотѣ благіе труды членовъ и братчиковъ на пользу и преуспѣяніе святаго дѣла.

А все это, говоримъ, особенно важно въ настоящее время, когда многими и многими изъ насъ на первомъ мѣстѣ поставляются удобства и выгоды земной жизни, и отодвигается на задній планъ, или и совсѣмъ предается забвенію, жизнь духовная, несравненно важнѣйшая тѣлесной, со всѣми свѣтлыми идеалами и образами оной.

Первое и самое главное мѣсто въ числѣ Евангельскихъ женъ, несомнѣнно, принадлежитъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, Препоблагословенной между женами, Честнѣйшей Херувимъ и Славнѣйшей, безъ сравленія, Серафимъ. Она, безъ сомнѣнія, высочайшій Идеаль всевозможныхъ добродѣтелей и нравственныхъ совершенствъ для всѣхъ насъ на все времена и вѣки. Она сіяетъ, какъ яркое солнце, отъ котораго заимствуютъ свѣтъ духовной жизни и мужи и жены, и юные и старые, и бѣдные и богатые. Кому изъ насъ, слуш., неизвѣстна съ самаго дѣтства эта святая, непорочная жизнь Единой Благословенной со всѣми главнѣйшими событіями оной, какъ напр.: Ея Рождество, — Введеніе во храмъ, — Благовѣщеніе и славное Успеніе? У кого изъ насъ не запечатлѣны глубоко въ

сердцѣ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ нашей дѣтской жизни, и священные мѣстности тѣсно связанныя съ сими событіями, какъ-то: Вифлеемъ, Назаретъ, Іерусалимъ, Голгова, Геѳсиманія? Кто изъ насъ не умилялся сердечно предъ Ея глубочайшимъ смиреніемъ, съ каковымъ приняла Она благовѣстіе Архангела о рожденіи отъ Нея Сына Божія?—Не приклонялся въ душѣ предъ Ея совершенною чистотою и непорочною, —Ея любвеобильнымъ милосердіемъ ко всѣмъ бѣдствующимъ,—предъ Ея неистощимымъ терпѣніемъ, безропотною покорностію, съ какими переносила Она всѣ скорби, напасти и горести земной жизни, отъ самыхъ Вифлеемскихъ яслей—до Голго夫скаго Креста, когда оружіе, предреченное Сумеономъ Богопріимцемъ, непрестанно и всѣмъ остріемъ пронзало Душу Ея? Кто изъ насъ, наконецъ, не приходилъ въ благоговѣйное изумленіе отъ Ея необычнаго образа жизни въ храмѣ Іерусалимскомъ—примѣръ особенно назидательный для всѣхъ отроковицъ, дѣвъ и женъ, — когда до шестнадцати-лѣтняго возраста, какъ говорить преданіе, утро проводила Она въ сердечной молитвѣ, день—въ чтеніи Священнаго Писанія и рукодѣліи—пряла шерсть и лень, ткала даже цѣлыя одежды, какъ напр. нешвенный хитонъ Спасителя,—а вечеръ опять посвящала молитвѣ?!

Такъ, повторяемъ, Она всюду сіяетъ, какъ яркое солнце, лучами котораго животворно озаряются всѣ вѣрующіе,—Она Богоизбранный Сосудъ и вмѣстилище всевозможныхъ добродѣтелей и совершенствъ, изъ которыхъ, какъ изъ многоводнаго источника, съ обиліемъ могутъ почерпать для себя драгоценные назидательные уроки смиренія, преданности Волѣ Божіей, безропотнаго терпѣнія, чистоты и непорочности, христіанскаго милосердія, неустаннаго трудолюбія,—люди всѣхъ половъ и возрастовъ, всѣхъ званій и состояній.

Вся Слава дщери Царя внутри, восклицала нѣкогда въ пророческомъ духѣ о Богоизбранной Отроковицѣ Царь пророкъ Давидъ, провидя Ея величіе; одежда Ея шита золотомъ. И за тѣмъ прибавляетъ: Въ испещренной одеждѣ ведется Она къ Царю и за нею ведутся дѣвы, подруги Ея. (Пс. 44, 45).

Какъ ведутся и приводятся онѣ къ Царю? Несомнѣнно путемъ возможнаго подражанія тѣмъ добродѣтелямъ и совершенствамъ, каковыми преобильно украшена внутри преславная Дщерь Царева, Пресвятая Дѣва Марія.

Для нагляднаго доказательства сего обратимся къ Евангелію, и вообще, къ свящ. книгамъ Новаго Завѣта.

Уже на первыхъ страницахъ Евангелія, именно Евангелія отъ Луки, на самомъ пограничномъ рубежѣ Вѣтхаго и Новаго Завѣта, мы видимъ двухъ праведныхъ старицъ, въ испещренной одеждѣ добродѣтелей и нравственныхъ совершенствъ. Это Св. Пр. Елисавета, жена священника Захаріи,—и Св. пророчица Анна, дочь Фануилова. *Оба они, замѣчаетъ Евангелистъ о первыхъ, были праведны предъ Богомъ, поступая по всемъ заповѣдямъ и уставамъ Господнимъ непорочно* (Лук. I. 6). Святая же пророчица Анна, говоритъ онъ, *будучи вдовою, 84 лѣтъ, неотходила отъ храма, постомъ и молитвою служа Богу день и ночь* (Лук. II. 3). Чудную, умиительно-трогательную картину представляетъ св. Евангелистъ Лука изъ жизни той и другой святой. Вотъ передъ нами—страна нагорная, городъ Іудинъ, домъ священника Захаріи и жены его Елисаветы. Вскорѣ, послѣ отрадныхъ глаголь Благовѣщенія, Пресв. Дѣва Марія идетъ съ посѣщностію въ градъ Іудинъ навѣстить свою родственницу Елисавету и какъ скоро вошла Она въ домъ Захаріинъ, и начала привѣтствовать Елисавету,—та, исполнившись св. Духа, въ порывахъ восторженной духовной радости, воскликнула громкимъ голосомъ: *Откуда это мнѣ, что пришла Матерь Господа моего ко мнѣ* (Лук. I. 42). Такъ она первая признала неизмѣримо-высокое преимущество *благословенной между женами* предъ всеми земнородными и не находила даже словъ чтобы достойно оцѣнить высокую честь, оказанную ей посѣщеніемъ Дорогой Гостьи.

Вотъ передъ нами, во второмъ случаѣ, храмъ Іерусалимскій, сорокадвухъдневный Богомладенецъ Іисусъ приносится Іосифомъ и Марією, по закону Моисееву, въ храмъ, чтобы представить Его предъ Господа. Престарѣлый старецъ Сумеонъ, пришедшій въ храмъ по вдохновенію, срѣтаетъ и приѣмлетъ на свои руки Богомладенца Іисуса, благословляетъ Его, пророчествуетъ о Немъ и — Его Пречистой Матери, а св. пророчица Анна, *подошедши, славить Господа и говоритъ о Немъ всемъ, ожидавшимъ избавленія въ Іерусалимѣ* (Лук. II. 38).

Примѣры добродѣтелей, которые мы видимъ въ лицѣ св. праведныхъ Елисаветы и Анны, какъ то хожденіе по заповѣдямъ и уставамъ Господнимъ непорочно, вѣрностное слу-

женіе Богу, частое посѣщеніе храма Божія, постъ, молитва, сл. Хр., не есть удѣлъ только однихъ избранниковъ Божіихъ, но и всѣхъ насъ, носящихъ на себѣ имя христіанъ, съ самаго нашего крещенія. Потому спросимъ себя: всегда ли мы стараемся подражать упомянутымъ святымъ женамъ во всѣхъ сихъ отношеніяхъ, — если не всецѣло, то по мѣрѣ силъ нашихъ и возможности? — Съ другой стороны — Царица неба и земли, Пр. Дѣва Марія, нерѣдко удостоиваетъ и насъ грѣшныхъ, даже въ настоящее время, своимъ высокимъ посѣщеніемъ, подобно тому, какъ посѣтила нѣкогда Елисавету; удостоиваетъ — въ лицѣ своихъ чудотворныхъ иконъ, какъ напр.: *Иверской* чудотворной иконы и другихъ, приглашаемыхъ въ дома по желанію и усердію каждаго. Что же мы? Всегда ли достойно цѣнимъ эту высокую честь? Всегда ли съ благоговѣніемъ принимаемъ оныя? Стараемся ли исправлять свой образъ жизни, послѣ каждаго изъ таковыхъ дорогихъ посѣщеній? О, если бы это было такъ! А вы, юныя дѣвы и отроковицы, получающія свое образованіе и воспитаніе, можно сказать, при прагѣ храма сего, всегда ли вспоминаете и должнымъ образомъ оцѣниваете великое благодѣяніе, явленное вами Благостнымъ Архипастыремъ въ устройствѣ сего учебно-воспитательнаго заведенія съ храмомъ среди онаго? Вотъ вы находитесь теперь, можно сказать, подъ особеннымъ покровомъ Царицы небесной, — Матерь Божія выну незримо обитаетъ среди васъ. Какое, повторяемъ, это безцѣнное благодѣяніе для всѣхъ васъ! Потому старайтесь непрестанно подражать *пр. Елисаветѣ* — въ соблюденіи заповѣдей Господнихъ и уставовъ церковныхъ, — неопустительно посѣщайте храмъ сей во всѣ воскресные и праздничные дни, служа въ немъ Богу, *подобно Аннѣ пророчицѣ*, своими дѣтскими молитвами и словословіемъ Господа предъ иконою Царицы небесной.

Слѣдую далѣе по Евангелію, мы видимъ передъ собою двухъ Виванскихъ сестеръ, *Мароу и Марію*, имена которыхъ, вмѣстѣ съ ихъ братомъ Лазаремъ, неоднократно упоминаются Евангелистами. Домъ благочестиваго семейства, находился въ небольшомъ городкѣ Виваніи, расположенномъ на Ю. В. сторонѣ горы Елеонской, и былъ нерѣдко посѣщаемъ Господомъ Иисусомъ. Въ характерѣ и дѣятельности упомянутыхъ сестеръ Лазаря представ-

ляется нѣкоторая противоположность, хотя, несомнѣнно, обѣ онѣ одинаково любили Своего Божественнаго Учителя.

Въ лицѣ Марѳы замѣтно наглядное олицетвореніе женщины-хозяйки, многозаботливой, и радушно гостепрѣимной; такъ напр. во время одного изъ посѣщеній ихъ дома Господомъ Иисусомъ, она, по слову Евангелиста, *молвить о службѣхъ многихъ*, т. е. всецѣло погружена въ хозяйственныя заботы объ угощеніи дорогаго Гостя. (Лук. X. 40); равно какъ и на вечерѣ, уготованной Иисусу въ Виваніи, за 6 дней до Пасхи, она опять представляется *служащею* и погруженною въ заботы и хозяйственныя хлопоты.—Марія-же сестра ея, это чистый типъ женщины идеальной, помышляющей болѣе о духовномъ, чѣмъ о тѣлесномъ, предпочитающей *единое на потребу* всему земному и суетному; такъ, во время перваго посѣщенія, *Она садится у ногъ Иисусовыхъ и слушаетъ Слово Его*. (Лук. X. 39). Во время же вечера въ Виваніи, — *береть драгоценное миро, помазываетъ имъ ноги Иисуса, и отираетъ ихъ волосами мавы своей*. (Іоан. XII. 1 — 3).

Безъ сомнѣнія каждому изъ насъ, извѣстны отечески-кроткое замѣчаніе, сдѣланное Господомъ Марѳѣ за ея чрезмѣрное попеченіе о земномъ и житейскомъ, сравнительно съ духовнымъ и внутреннимъ, — и восхваленіе поступка Маріи въ томъ и другомъ случаѣ. (Лук. X. 42. Мар. XIV. 3).

Обращаясь теперь мысляю отъ упомянутыхъ Евангельскихъ сестеръ къ самимъ себѣ, спросимъ самихъ себя, благочестивые слушатели, не увлекаемся-ли часто и мы, подобно — Марѳѣ, мовою житейскихъ попеченій въ такой мѣрѣ и степени, что совершенно забываемъ *единое на потребу*? Слушаемъ-ли Слово Божіе съ тѣмъ благоговѣйнымъ напряженнымъ вниманіемъ, съ каковымъ слушала оно Марія, расположившаяся при ногахъ Иисусовыхъ? Или, хотя и слушаемъ, то непадаетъ ли оно у насъ часто въ терніе, т. е. не заглушается-ли заботами, богатствомъ и наслажденіями житейскими? Хуже того, — не предпочитаемъ-ли иногда чтенію Слова Божія, единаго могущаго умудрить во спасеніе, чтеніе книгъ пустыхъ, иногда даже малонравственныхъ?

О, если это, къ сожалѣнію, такъ, то не избѣгнуть намъ осужденія отъ Господа, стократа вящаго, чѣмъ то, которое было сдѣлано Имъ Марѳѣ?!

Въ дальнѣйшемъ Евангельскомъ повѣствованіи—мы не одинъ разъ встрѣчаемся съ прекраснымъ олицетвореніемъ пламенной любви къ Господу въ жизни и дѣятельности воспоминаемой нынѣ Церковію *Св. Равноапостольной Маріи Магдалины*. Небольшой городокъ Магдала, въ Галилеи, мѣсто ея рожденія и жительства, отсюда и ея наименованіе.—Господь исцѣлилъ ее нѣкогда отъ тяжелой болѣзни, и, вотъ съ того времени, она прониклась такою неудержимою любовію къ Своему Божественному Учителю и Цѣлителю, что никогда не оставляла Его до самой крестной смерти. Вмѣстѣ съ другими женами, изъ Галилеи, она повсюду слѣдуетъ за Нимъ,—служить Ему своимъ имѣніемъ,—стоитъ при крестѣ вмѣстѣ съ страждущею Матерію Господа,—идеть, *еще сущей тѣмъ*, въ первый день недѣли, на гробъ Иисусовъ помазать тѣло Его ароматами. За столь пламенную любовь Господь явился ей первой по своему Воскресеніи, и первую послалъ ее сообщить ученикамъ сію радостную вѣсть. Трогательное Евангельское повѣствованіе о семъ послѣднемъ событіи мы слышали на нынѣшней Литургіи. За Апостольскіе труды и служеніе Господу Св. Церковь удостоила ее наименованіемъ *Равноапостольной*. А мы люди современнаго общества, всегда ли стараемся възгрѣвать въ сердцахъ своихъ любовь къ Господу, Спасителю нашему, хотя сколько либо подобную оной, которой пламенѣло во всю жизнь сердце празднуемой святой. Вотъ Онъ, Милосердый, весьма часто посылаетъ намъ свои многоразличныя благодѣянія,—нерѣдко исцѣляетъ насъ отъ тяжкихъ яедуговъ и болѣзней,—*Имъ мы живемъ, движемся и есмь*. (Дѣян. XVII. 28). И что-же? Поглощаемые разными житейскими заботами, увлекаемые чувственными удовольствіями, не забываютъ-ли весьма многіе изъ насъ, почти на каждомъ шагѣ, своего небеснаго Благодѣтеля? Не вспоминаютъ-ли о Немъ единственно въ тяжкія минуты горя, нужды, несчастій, съ тѣмъ, чтобы съ перемѣною обстоятельствъ къ лучшему, снова забыть Его до новаго горя и несчастія?—Служать ли Ему искренно и нелицемѣрно отъ своихъ избытковъ въ лицѣ Его бѣдствующей меньшей братіи, положимъ хоть, напр., въ лицѣ нуждающихся служителей алтаря и церкви, содѣйствуя образованію и воспитанію ихъ дѣтей, въ семъ учебно-воспитательномъ заведеніи, тѣмъ или другимъ образомъ? О, еслибы примѣръ любвеобильной Маріи остался навсегда запечатлѣннымъ въ сердцахъ нашихъ, и възгрѣвалъ сердца наши,

въ нашъ холодный, себялюбивый вѣкъ, истинною христіанскою любовію къ Господу и ближнимъ!

Не будемъ останавливаться долгимъ воспоминаніемъ на прочихъ св. женахъ, вообще упоминаемыхъ въ Новомъ Завѣтѣ. Писатели священныхъ книгъ Новаго Завѣта мало говорятъ о нихъ, останавливаясь только на выдающихся чертахъ, или на одной какой-либо выдающейся чертѣ ихъ нравственной дѣятельности. Однѣ изъ нихъ, напр., являются почти постоянными спутницами Господа Иисуса. Подъ вліяніемъ того же чувства любви, которая ярко горѣла въ сердцѣ Богоматери и Маріи Магдалины, онѣ совокупно слѣдуютъ изъ Галилеи за Господомъ, служатъ Ему своимъ имѣніемъ,—стоятъ при крестѣ Его,—идутъ *зѣло рано* на гробъ помазать тѣло Иисусово мѣромъ. Это—*Марія Клеопова*, мать Іакова меньшаго и Іосіи, *другая Марія* сестра Богоматери (Мѣ. 28, 1), *Саломія*—мать Іакова и Іоанна, сыновъ Заведеевыхъ (Мѣ. 27. 56. Мар. XV. 40). Къ нимъ можно причислить и *Іоанну*, жену Хузы, домоправителя Иродова, и *Сусанну*, которыя по замѣчанію евангелиста Луки, также служили Господу своимъ имѣніемъ (Лук. VIII. 3).

Другія жены, упоминаемыя въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и Посланіяхъ, проявляютъ свою христіанскую дѣятельность различнымъ образомъ, такъ, напр., *Марія*, упоминаемая апостоломъ Павломъ, *много потрудилася для Апостоловъ* (Римл. XVI. 6),—*другая Марія*, упоминаемая въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, по преданію, мать евангелиста Марка, отличалась радушнымъ общеніемъ съ вѣрующими,—*въ домъ ея многіе собирались и молились* (Дѣян. XII. 12). *Тавива*, воскресенная нѣкогда ап. Петромъ изъ мертвыхъ, *была исполнена добрыхъ дѣлъ и творила много милостыни* и отличалась особенною любовію и искусствомъ въ рукодѣліяхъ. Когда она умерла, трогательно замѣчаетъ писатель Дѣяній Апостольскихъ, то все вдовицы со слезами предстали предъ ап. Петромъ, показывая рубашки и платья, какія дѣлала Тавива, живя съ ними (Дѣян. IX. 39). *Лидія*, изъ города Тиафиръ, торговавшая багрянницею, *чтила сердечно Бога*, и по своемъ крещеніи, оказала гостепримство ап. Петру (Дѣян. XVI. 14—40). *Персида*, которую ап. Павелъ называетъ возлюбленною, *вмѣстѣ съ Трифеною и Трифосою, много потрудилася о Господѣ* (Римл. XVI. 12). *Фива*, діаконесса церкви Кенхрейской, была

помощницею многихъ и самому ап. Павлу (Римл. XVI, 1). Наконецъ, *Кладія*, отъ лица которой ап. Павелъ привѣтствуетъ Тимофея; *Юнія*, сестра Андроника, была соузницею ап. Павла, и прославилась между апостолами (Рим. XVI 7), *Юлія* и нѣкоторыя другія.

Дѣйствительно, повторимъ опять, писатели священныхъ новозавѣтныхъ книгъ, мало говорятъ объ упомянутыхъ здѣсь св. женахъ, останавливаясь большею частію на одной какой-либо выдающейся чертѣ ихъ нравственной дѣятельности; но и въ этихъ краткихъ чертахъ, замѣтимъ съ своей стороны, какое обиліе драгоценныхъ, нравственныхъ уроковъ для всѣхъ насъ вообще, и для васъ въ особенности, отроковицы и дѣвы. Въ лицѣ ихъ видимъ искреннюю, нелицемѣрную любовь къ Господу, усердное служеніе Ему, многіе труды для Него самаго, Его апостоловъ, и всѣхъ нуждающихся, дѣланіе добрыхъ дѣлъ, раздаваніе милостыней, сердечное общеніе съ вѣрующими, радушное гостепріимство,—усидчивые домашніе труды и руководѣліе. Входя въ самыя тонкія подробности при обзорѣ ихъ нравственной дѣятельности, мы не замѣтили въ нихъ ни малѣйшаго пристрастія къ суетности, или къ свѣтскимъ удовольствіямъ,—ни излишнихъ заботъ о роскошныхъ блестящихъ нарядахъ,—или о разнообразныхъ украшеніяхъ для своей особы,—ни празднаго препровожденія времени, — ни легкомысленнаго пустословія или болтовни; въ нихъ все, напротивъ, благочестивая серьезность мысли, трезвость духа, гдѣ нужно — твердость и мужество, и всегда христіанская простота и скромность. Правда въ двухъ мѣстахъ Новаго Завѣта, именно въ Евангеліи отъ Луки и въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, выставлены двѣ несчастныя женщины, погибшія въ послѣдствіи ужасною смертію, то дочь *Иродіады*, угодившая своею искусною пляскою Ироду до того, что онъ далъ ей за то главу Іоанна Крестителя, на блюдѣ и *Салфира*, дерзнувшая солгать Св. Духу и тутъ же павшая бездыханною; но это доказываетъ, съ одной стороны, только то, что на нивѣ Божіей и между пшеницею растутъ плевелы, а съ другой—то, какъ губельно бываетъ чрезмѣрное пристрастіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ, и какъ еще губельнѣе и ужаснѣе бываетъ ложь Св. Духу. Таковы-то, повторяемъ, свѣтлые идеалы и образы, являющіеся намъ, въ лицѣ св. новозавѣтныхъ

жень. Будемъ же выну имѣть ихъ предъ собою и руководствоваться оными; *имѣя вокругъ себя*, по слову ап. Павла, *такой облакъ свидѣтелей*, или скорѣе, свидѣтельница вѣры, *свернемъ съ себя всякое бремя и запинающій насъ грѣхъ*, и съ *третьимъ* будемъ проходить *предлежащее намъ поприще*, какъ нашей земной жизни. вообще, такъ и частной нашей полезной дѣятельности, въ качествѣ членовъ и братчиковъ сего Братства, взирая на начальника и совершителя вѣры Иисуса, Пречистую Его Матерь, и празднуемую нынѣ, св. равноапостольную Марію Магдалину небесную покровительницу онаго, вкупѣ съ прочими св. жеманями. Аминь.

Поученіе при освященіи зданія для Донскаго училища.

Сей день Господень!

(Изъ стихиръ на праздникъ Рождества Богородицы).

Воспомявая нынѣ радостнѣйшее событіе въ христіанскомъ мірѣ, именно Рождество Пресв. Владычицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи, *изъ нея же возсія солнце правды Христосъ Богъ нашъ*, св. церковь называетъ оное днемъ Господнимъ и приглашаетъ всѣхъ вѣрующихъ къ духовной радости. *Сей День Господень*, восклицаетъ она, *да радуются люди*.

Для насъ, достопочтенные отцы и братія, собравшіеся нынѣ на настоящее празднество по случаю новоотстроеннаго Донскаго училища, ввѣреннаго небесному Покрову Царицы Небесной, сугубо знаменателенъ торжественный призывъ церкви. Во истину—*сей есть день Господень* какъ по воспоминанію объ отрадномъ духовномъ событіи для всего міра, такъ и по цѣли настоящаго нашего собранія, заключающейся въ томъ, чтобы открыть и освятить молитвою начальный разсадникъ духовнаго ученія, существующій уже сорокъ лѣтъ, но отъ времени пришедшій въ ветхость и потому перестроенный за ново. — *Сей день Господень*, потому что въ этотъ день мы освящаемъ за ново передѣланный, или лучше вновь созданный, домъ ученія, а, по слову Псалмиста, *еще не Господь созиждетъ домъ, все трудившася зиждующіе*, и кто, какъ не Господь, — споспѣшествовалъ своею небесною помощію въ нелегкомъ дѣлѣ строенія и зиждительства, и

благословили труды зиждущихъ приведеніемъ ихъ дѣла къ желанному концу?!

Такимъ образомъ, дабы намъ, въ *благозначимый день праздника нашего* (стих. на Рождество Богородицы), яснѣе себѣ представить и удобнѣе уяснить себѣ значеніе настоящаго праздника, перенесемъ воспомянемъ къ первоначальному дню открытія и первымъ годамъ существованія освящаемаго нынѣ училищнаго зданія.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, именно въ 1835 году, мая 13 дня, въ стѣнахъ исторически знаменитой Донской обители, происходило, подобное настоящему, скромное духовное торжество. По архипастырскому соизволенію и благословенію въ Бозѣ почившаго, незабвеннаго архипастыря московскаго, митрополита Филарета, (архіерейство его да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ!) въ небольшомъ каменномъ зданіи, любовно пожертвованномъ монастырскими властями епархіальному начальству, отфривался новый начальный вертоградъ духовной науки, въ добавленіе къ двумъ уже существовавшимъ тогда Высокопетровскому и Спасо-Андроніевскому. Вѣроятно нѣкоторые изъ предстоящихъ здѣсь еще помнятъ скромный праздникъ этого открытія,—какъ утромъ этого майскаго дня, въ присутствіи духовенства, вновь назначенныхъ начальниковъ, наставниковъ и учениковъ, передъ иконами, дарованными въ знакъ архипастырскаго благословенія новооткрываемому училищу, бывшимъ тогда ректоромъ м. семинаріи и архимандритомъ, а нынѣ мѣститымъ первосвященителемъ собора российскихъ іерарховъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Исидоромъ, было совершено соборнѣ молебствіе съ водоосвященіемъ, а затѣмъ и освященіе онаго. Скромное было это духовное торжество, но благословеніе Божіе, равно драгоцѣнное и живительное какъ для самаго великаго, такъ и для самаго малаго дѣла,—благословеніе Божіе, о ниспосланіи котораго несомнѣнно съ усердіемъ молились въ тотъ день Господу и призванные къ дѣлу наставленія и собравшіеся вкусить *нказанія добрыхъ учений*,—видимо пріосѣнило, и въ сорокалѣтній періодъ времени не представляло осѣнять новооткрытое училище.—Вскорѣ, по его открытіи, при немъ было положено основаніе общежитія или какъ называютъ теперь *интерната*. Въ двухъ комнатахъ нижняго этажа училищнаго зданія, бывшихъ прежде подвалами и потому неудоб-

ныхъ, низкихъ и со сводами, пріютились на первый разъ, съ горемъ пополамъ, жаждущіе ученія бѣдняки изъ малолѣтнихъ сыновей сельскаго духовенства. За крайне незначительную цѣну за годичное содержаніе, простиравшуюся въ начальные годы отъ 10 до 15 руб., а въ послѣдующіе поднявшуюся, вслѣдствіе дороговизны, до 25, 30 и 35 р., находили они себѣ при училищѣ пріютъ, тепло, столъ и, что важнѣе всего, постоянный и бдительный надзоръ за своими учебными занятіями и поведеніемъ. Сотни такихъ малолѣтнихъ бѣдняковъ изъ учащихся, — не имѣвшихъ, гдѣ главу поклонити, проводили въ стѣнахъ училищнаго общежитія шестилѣтній курсъ ученія — до времени своего поступленія въ семинарію, — и, вѣроятно, многіе и многіе изъ нихъ, находясь теперь на служеніи церкви и обществу, вспоминаютъ доселѣ еще съ чувствомъ благодарности, хотя скудную и тѣсную, но тѣмъ не менѣе обезпечившую имъ дальнѣйшій путь къ образованію, училищную, пансіонерскую жизнь.

Дѣйствительно, — если мы примемъ во вниманіе съ одной стороны малообезпеченность въ матеріальныхъ средствахъ большей части нашего сельскаго духовенства, а съ другой — выгоды, представляемыя училищными общежитіями во всѣхъ почти отношеніяхъ для ихъ учащихся сыновей, то легко поймемъ причину, почему Донское общежитіе всегда преизбыточествовало пансіонерами, не смотря на тѣсноту и скудость своего помѣщенія. Родителей влекла и побуждала помѣщать своихъ дѣтей сюда и значительная дешевизна содержанія сравнительно съ квартирнымъ, и близкое сосѣдство съ храмомъ Божиимъ, и постоянный надзоръ за ихъ успѣхами и поведеніемъ со стороны училищной администраціи, и, вслѣдствіе сего, лучшіе ихъ успѣхи по наукамъ и поведенію сравнительно съ успѣхами и поведеніемъ учениковъ, приходившихъ съ квартиръ. Число пансіонеровъ простиралось въ иные годы до 50 и 60 человекъ, тѣснившихся въ двухъ нижнихъ комнатахъ, и, при всемъ томъ, многимъ и многимъ изъ просителей приходилось отказывать за недостаткомъ свободныхъ мѣстъ. Бѣдность и нужда, — неразлучныя при крайней дешевизнѣ содержанія этихъ маленькихъ интернантовъ, облегчались порою, посильными жертвами со стороны доброхотныхъ благотворителей, помнявшихъ свою прежнюю горькую училищную жизнь, и потому посильно заботившихся объ облегченіи нуждъ малолѣтнихъ

бурсаковъ, — жившихъ въ училищѣ. Таковы, между прочими, были въ Бозѣ почившіе (да упокоитъ Господь Богъ души ихъ въ небесныхъ обителяхъ радости и свѣта) Троицкій на арбатѣ протоіерей С. И. Тихоміровъ и управлявшіе Донскимъ монастыремъ — архимандритъ Теофанъ и архіепископъ Евгеній. Прошло не мало лѣтъ со времени основанія Донскаго училища; но много, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, произошло перемѣнъ въ судьбѣ духовно учебныхъ заведеній. Волею Благочестивѣйшаго Государя Императора, съ 1867 года, въ нихъ былъ введенъ новый уставъ. Съ его введеніемъ для училищъ и семинарій занялась заря новой жпзни, предвѣщающая прекрасный день строго классической науки, — но вмѣстѣ съ тѣмъ явились новыя условія и требованія ихъ существованія. Донское училище далеко не соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ устава ни по своей величинѣ и расположенію, ни по своей жалкой обстановкѣ. Новыя требованія заключаются въ томъ, чтобы старое обновлялось, тѣсное расширялось, ветхое улучшалось, а Донское училищное зданіе со всѣми помѣщеніями было старо, тѣсно и ветхо, и все въ немъ громко вопіяло о необходимости новыхъ, капитальныхъ перестроекъ и исправленій; и хотя училище въ концѣ шестидесятихъ и началѣ семидесятихъ годовъ, по милости Божіей, ревностно и съ успѣхомъ вело дѣло обученія и воспитанія находящихся въ немъ дѣтей, примѣнительно къ требованіямъ новаго устава,—но его наружность и обстановка, особенно въ первопрестольной Москвѣ, отличающейся благоустройствомъ своихъ учебныхъ заведеній, казалось далеко неутѣшительною и непривлекательною,—и никакъ не соотвѣтствовала внутренней жизни и занятіямъ учащихся. Капитальныя перестройки училищнаго корпуса были неизбѣжно необходимы, а суммъ, потребныхъ на оныя, не предвидѣлось ни откуда. Въ сихъ-то трудныхъ и тѣсныхъ для себя обстоятельствахъ училищное правленіе прибѣгло къ архипастырской помощи Высокопреосвященнѣйшаго іерарха московскаго, который, какъ чадолубивый отецъ, всячески заботится и покровительствуетъ преуспѣянію духовныхъ учебныхъ заведеній московской епархіи, всегда близко принимаетъ къ сердцу горе и недостатки, и нужды своего духовенства, а наипаче нуждающихся сельскихъ священно-церковнослужителей и ихъ учащихся малолѣтнихъ сыновей и дочерей. Надежды училищнаго правленія не

оказались тщетными, Господь и на сей разъ не лишилъ своей небесной помощи оскудѣвшее и обветшавшее училище. По архипастырскому соизволенію, благословенію и милости благодѣйшаго іерарха московскаго воздвиглось сіе немалое трехъ-этажное каменное училищное зданіе, съ соблюденіемъ, по возможности, всѣхъ удобствъ какъ для учениковъ общежитія, такъ и для приходящихъ. Присутствуя на праздникѣ освященія новоотстроеннаго училища и видя благоустройство, приличность и облагороженность онаго почти во всѣхъ отношеніяхъ, невольно приводишь себѣ на мысль слова псалмопѣвца: *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудитася зиждущіе*, и въ чувствахъ глубокой благодарности благодарному Господу не можемъ удержаться отъ радостнаго восклицанія вмѣстѣ съ церковію: *сей день Господень!*..

Къ вамъ теперь слово и мольба, достойные отцы и братія, собравшіеся на настоящее празднество! Большинство изъ васъ суть представители *Донскаго училищнаго округа*, взявшаго на себя труды и заботы по выполненію недостатковъ и нуждъ принадлежащаго къ округу училища. Ради добраго и святаго дѣла, за которое Вы взялись, не откажитесь покрывать и въ будущемъ, какъ покрывали доселѣ, своимъ расположеніемъ, любовію и матеріальнымъ содѣйствіемъ новоотстроенное училище, которое заслуживаетъ этого и по немаловременности своего существованія, и по своему значенію, какъ надежный пріютъ для учащихся въ Москвѣ, бѣдныхъ сыновей вашихъ сельскихъ собратій по священству. Конечно, матеріальныхъ средствъ для поддержки училища въ обновленномъ его видѣ теперь потребуется болѣе, быть можетъ, вдвое, сравнительно съ прежними годами, но не забудемъ и того, что современныя требованія далеко не тѣ, какія были старыя. Чистота, приличность, удобства ставятся въ настоящее время на первый планъ, какъ необходимые аксесуары учебныхъ занятій во всякомъ училищѣ—свѣтскомъ ли то, или духовномъ. Родители обучающихся и живущихъ въ здѣшнемъ училищѣ дѣтей! Училище обновлено, расширено, улучшено съ цѣлью доставить большія удобства къ занятіямъ вашихъ малолѣтнихъ сыновей и уладить вообще тернистый путь ихъ современнаго образованія; потщитесь же выну помянуть въ своихъ молитвахъ предъ престоломъ Божиимъ драгоценное имя Благочестивѣйшаго Государя Императора, даровавшаго новую жизнь духовно-учебнымъ

заведеніямъ введеніемъ новаго устава въ оныя, молитесь также о здравіи и долгоденствіи маститаго архипастыря московскаго, который всѣми мѣрами заботится о восполненіи скудости и недостаточности нуждающихся служителей церкви, то открывая пріютъ для немощныхъ и престарѣлыхъ изъ нихъ, то устроивая школу иконописанія для ихъ малолѣтнихъ, но неспособныхъ къ ученью сыновей, то даруя значительныя средства къ возобновленію и улучшенію нынѣ существующихъ духовныхъ училищъ мужскихъ и женскихъ, какъ напр.: Дмитровскаго, Донскаго, Филаретовскаго, назначенныхъ для обученія ихъ сыновей и дочерей. Дѣти, собравшіеся въ это училище для занятія или продолженія своего ученія, и особенно живущіе въ немъ! Да пребудутъ вѣчно въ вашей памяти и въ вашихъ дѣтскихъ молитвахъ имя Высокаго вашего Благотворителя, и имена прочихъ жертвователей. Въ признательность за ихъ благодѣянія неусыпно старайтесь своими занятіями, успѣхами и поведеніемъ постоянно оправдывать надежды всѣхъ лицъ, заботящихся о вашемъ содержаніи, ученіи и воспитаніи. Пусть и ваше поведеніе и ваши занятія постоянно обновляются и улучшаются, какъ улучшено и обновлено для вашей же пользы перестроенное старое училищное зданіе! Аминь.

Бесѣда на день Пятидесятницы *).

Князь міра сею осужденъ бысть
(Іоан. XVI. 11).

Указывая на троякое служеніе Святаго духа, Утѣшителя, Господь Іисусъ Христосъ въ прощальной бесѣдѣ съ учениками сказалъ: *И пришедъ оны, обличитъ міръ о грѣсъ, и о правдѣ, и о судѣ... О судѣ, яко князь міра сею осужденъ бысть* (Іоан. XVI. 11).

Намъ нѣтъ нужды долго останавливаться на вопросѣ, кто называется здѣсь княземъ міра сего. Достаточно и того, что въ Свящ. Писаніи оны изображается олицетвореніемъ всякаго зла и называется различными именами: то отцемъ лжи, то челоуѣкоубійцею, то княземъ власти воздушныя и духомъ, дѣйствующимъ нынѣ въ сынѣхъ противленія, то діаволомъ и сатаною. Этотъ-то

*) Передѣлано изъ проповѣди англійскаго проповѣдника Фаррара на день Пятидесятницы.

князь міра сего, по непреложному предреченію Господа, былъ, есть и будетъ осужденъ во вѣки. Въ сей день, нарочито посвященный празднованію Св. Духа, благовременно поразмыслить о томъ, какъ исполнилось и исполняется доселѣ означенное предсказаніе.

Не представляется ли, повидимому, страннымъ предреченіе Христа Спасителя объ осужденіи князя міра сего,—если мы обратимъ вниманіе на положеніе Предрекавшаго и на ту обстановку, при которой оно было произнесено? Кто былъ предрекавшій по сужденію тогдашняго міра, и частію въ глазахъ Его слушателей? Не болѣе, какъ преслѣдуемый Назаретскій пророкъ, все служеніе Котораго ограничивалось одною, постоянно безуспѣшною борьбою послѣдній годъ жизни Котораго проходилъ въ постоянномъ переходѣ изъ одного мѣста въ другое, и для Котораго особенно наступающія минуты грозили страшною опасностію. Что, казалось, могло быть плачевнѣе Его положенія и несомнѣннѣе Его конечной гибели?

Саддукей и фарисей, раввинъ и первосвященникъ, Иродъ и Пилать,—всѣ, какъ будто, сговорились предать Его на жертву невообразимо мучительной, позорной, крестной казни. Съ другой стороны обратимъ вниманіе и на обстановку, среди которой произнесено предреченіе. Когда Онъ, въ этотъ послѣдній вечеръ, воссѣдалъ въ вечернемъ сумракѣ Сіонской горницы, съ немногими, увѣровавшими въ Него бѣдными, галилейскими рыбаками, предатель Иуда спѣшилъ уже на исполненіе своего беззаконногнуснаго замысла,—и наступающій разсвѣтъ долженствовалъ быть свидѣтелемъ такого неслыханнаго, ужаснаго зрѣлища, какое едва ли когда-либо видѣлъ міръ. Это былъ, такъ сказать, часъ духа тьмы и година темная, въ которую все казалось погибшимъ. Оставалось только нѣсколько часовъ до кроваваго пота въ Геесиманіи, креста и страданій — на Голгоѣ, смерти и погребенія въ саду Іосифа Аримаѣйскаго. И, вотъ, при такой то невыразимо мрачной обстановкѣ, въ эти минуты душевнаго смиренія и ужасныхъ предчувствій въ средѣ учениковъ, слышится безстрепетный, невозмутимо-спокойный голосъ ихъ возлюбленнаго Учителя,—предрекающій несомнѣнное пораженіе и гибель князя міра сего. Что, казалось, повторимъ опять, могло быть неправдоподобнѣе этого предрѣченія и невѣроятнѣе осуществленія онаго? И, однако, оно исполнилось и исполняется доселѣ поразительно

и во очю всѣхъ. Князь міра сего, не смотря на свое кажущееся, по временамъ, торжество, былъ, есть и будетъ осужденъ на вѣки.

Онъ былъ осужденъ еще за цѣлыя тысячелѣтія до нашего времени, во времена ветхозавѣтныя. Тогда еще, въ минуты мнимаго своего торжества, этотъ гордый Левіаѳанъ неоднократно и разнообразно былъ поражаемъ въ самую свою главу. Былъ осужденъ въ то время, какъ Господь потопилъ Фараона и все воинство его въ водахъ Чермнаго моря... былъ осужденъ въ шатрахъ едомитянъ и моавитянъ, измаильтянъ и агаритянъ.... былъ осужденъ въ древне-міровыхъ тиранніяхъ,—въ аравійскомъ нашествіи,—въ ассирійскихъ арміяхъ, въ вавилонской гордости.... былъ осужденъ въ лицѣ Адонибезека, Сеннахарима, Навуходоносора, Вальтасара и Антіоха, и притомъ въ самомъ разгарѣ ихъ преступныхъ дѣяній и необузданной гордости. Но никогда онъ не былъ осужденъ такъ явно и поразительно, какъ въ минуты страданій и смерти Богочеловѣка. Съ осужденіемъ Его на смерть, казалось, была осуждена на смерть всякая святость, чистота и даже самая мысль о Богѣ. Первосвященникъ, царь іудейскій, правитель римскій, — іерусалимская чернь — всѣ были противъ Него. Но что случилось въ послѣдствіи со всѣми этими врагами и распинателями Христа? Каіафа былъ низложенъ на слѣдующій же годъ; Иродъ вскорѣ сосланъ въ суровую ссылку; Пилать съ позоромъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, іудейскіе священники смѣшали свою кровь съ жертвами; іерусалимскій храмъ сдѣлался дымящею грудю развалинъ; священный городъ іудеевъ—огромною могилою безжизненныхъ труповъ; ихъ потомки обречены на разсѣяніе по лицу земли и муки.

Осужденный такимъ образомъ въ лицемѣрномъ іудейскомъ формализмѣ, князь міра сего не менѣе поразительно былъ осужденъ въ послѣдствіи въ колоссальномъ идолопоклонствѣ язычниковъ тогдашняго міра. Есть преданіе, хотя мы и не вполне ручаемся за достовѣрность онаго, что въ страшную минуту кончины Богочеловѣка, начиная отъ храма Юпитера Капитолійскаго до алтари Одина и пещеръ Еллары,—всѣ оракулы внезапно замолкли, и адъ стѣня завопіялъ, пораженный въ самое свое сердце. Высоко надъ торговымъ Ефесомъ поднимался, окруженный башнями, пользовавшійся міровою извѣстностію, громадннй храмъ Артемиды, но

оакель Герострата оказался менѣ роковымъ и гибельнымъ для его величія, чѣмъ проповѣдь св. апостола Павла. Гордо высиленъ надъ голубыми волнами Эгейскаго моря бѣломраморный Парѳенонъ, но ни копье, ни шлемъ языческой богини — Аѳины не спасли пресловутую *храмину весталокъ* отъ переназначенія оной въ христіанскій храмъ въ честь Пресвятой Богоматери. Издалека былъ видѣнъ, громоздившійся надъ гордыми дворцами Рима, громадный амфитеатръ Флавія, но вотъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, оглашаемомъ нѣкогда рыканіемъ львовъ и тигровъ, — и на почвѣ, напоенной нѣкогда кровію множества мучениковъ, — раздается теперь стройное и гармоническое пѣніе христіанскихъ гимновъ въ честь и славу Единаго Трѣхъипостаснаго Бога. Тщетно язычество напрягало всѣ свои усилія противъ *непобѣдимой силы слабости*. Не казалось ли на мгновеніе, что князь міра сего какъ бы праздновалъ свою побѣду, когда императоръ Діоклитіанъ, послѣ кроваваго гоненія, вычеканилъ на своихъ медаляхъ — надпись, обь отмѣнѣ христіанской религіи? Но черезъ 20 лѣтъ послѣ сего, Константинъ Великій объявилъ оную господствующею въ своей имперіи. Не казалось ли на мгновеніе, что князь міра сего какъ будто снова торжествовалъ въ то время, какъ богоотступникъ Юліанъ вооружился на защиту языческихъ боговъ? Но вскорѣ же послѣ того онъ и погибъ ужасною смертію къ полному посрамленію того, кому онъ рабаки служилъ. *Что теперь дѣлаетъ галилейскій плотникъ*, съ насмѣшкою спрашивалъ языческой софистъ Ливаній у одного христіанина. *Онъ дѣлаетъ гробъ*, спокойно и съ достоинствомъ отвѣчалъ послѣдній; и дѣйствительно вскорѣ послѣ сего тотъ же софистъ Ливаній говорилъ надгробную рѣчь надъ погибшимъ авторитетомъ и обезображеннымъ трупомъ Юліана. *Vicisti Galilaeae* — побѣдилъ галилеянинъ, — говорилъ, или нѣтъ, Юліанъ при своемъ послѣднемъ издыханіи эти традиціонныя слова, для насъ все равно, но они выражаютъ только ту вѣчную истину, передаваемую изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, для нашего вразумленія и предостереженія, что тотъ, *кто падетъ на камень сей, сокрушится, а на кого падетъ очкай, избіенъ будетъ*.

При дальнѣйшемъ развитіи нашей мысли, не будемъ долго останавливаться на томъ, какъ неоднократно былъ осуждаемъ князь міра сего съ постепеннымъ усиленіемъ силы и могущества христіанской религіи во всѣ послѣдующіе вѣка, — какъ, почти при

повсемѣстномъ распространеніи аріанской ереси, противъ оной возсталъ и одержалъ верхъ единственный голосъ св. Аѳанасія Александрійскаго, — какъ, почти при всеобщей гибели цивилизаціи подъ наплывомъ варварства, свирѣпые готы, презрѣвъ своихъ боговъ, преклонили головы передъ Христомъ-Спасителемъ; какъ норманскіе пираты, оставивъ обычные грабежъ и жестокости, составили изъ себя отряды крестоносцевъ, и устремились въ Палестину для освобожденія святыхъ мѣстъ отъ руки невѣрныхъ; какъ, наконецъ, вопреки грубому насилію и беззаконному разврату, въ мрачное время феодализма, потомки могущественнаго рода Цезарей смиренно склонились предъ тою самою религіею, которую римскіе историки и философы называли самою гнусною сектою. Возьмемъ примѣръ болѣе разительный изъ эпохи, ближайшей къ нашему времени, чѣмъ вышеуказанныя. Вотъ конецъ 18 столѣтія. Это было, такъ сказать, полное господство невѣрія, конечно въ несравненно большей силѣ, чѣмъ оно проявляется теперь въ западной Европѣ. Тогда было публично, не какъ теперь въ обработанныхъ заграничныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, но формальными эдиктами объявлено, что христіанство устарѣло, что смерть есть ничто, что Христосъ былъ простообыкновеннымъ человѣкомъ, а отнюдь не Богочеловѣкомъ. Объявить себя въ то время христіанами значило или подвергнуться всеобщему осмѣянію за лицемѣріе, или возбудить всеобщее сожалѣніе въ идиотствѣ. Страшное то было время. Повсюду господствовали убійство и развратъ, — потому что юношество воспитывалось безъ всякихъ понятій о Богѣ, долгѣ, чести и нравственности, гордясь единственно своими сарказмами противъ всего божественнаго, и безстыдствомъ обращенія въ отношеніи къ людямъ. Тогда Господь Богъ, *умалившій Себя на время*, и долгое время безмолвно внимавшій всеѣмъ этимъ богохульнымъ воплямъ, вдругъ какъ бы громовымъ ударомъ, измѣнилъ тронъ Франціи на эшафотъ. Грознымъ отвѣтомъ и кровавымъ возмездіемъ за гордость и преступления цѣлыхъ столѣтій послужила французская революція. Но всеобщее состояніе дѣлъ находилось въ такой крайней распущенности и упадкѣ, что мщеніе оной оказалось на столько же преступнымъ, на сколько были преступны тѣ дѣянія, за которыя она мстила. Она была ничто иное, какъ союзъ убійствъ и атеизма. Вожди и двигатели революціи, отпраздновавъ обрученіе оной съ Франціею

эпифотомъ,—торжествовали самый брак—публичнымъ обоготвореніемъ безстыдной танцовщицы въ оскверненномъ ими алтарѣ собора Нотр-Дамъ. Это происходило въ ноябрѣ 1793 года. Возмездіе не замедлило послѣдовать. Менѣе чѣмъ черезъ годъ спустя послѣ того, въ іюль 1794 года, начались тѣ ужасныя сцены гильотинъ и убійства, во время которыхъ всѣ эти богохульники получили достойный, по своимъ дѣламъ, конецъ. Одѣтый въ ту же самую одежду, которая была на немъ въ день гнуснаго богохульства въ Нотр-Дамъ, — съ скрежетомъ зубовъ отъ тщетной попытки избавиться отъ казни самоубійствомъ, почти полумертвый отъ страха, глава этихъ богохульныхъ поклонниковъ богинь разума, среди народныхъ проклятій, былъ влеченъ на гильотину, на которой скоро и испустилъ свой духъ. *Да, Робеспьеръ, воскликнулъ одинъ старикъ—бывшій свидѣтелемъ этого, есть Богъ!* Да, прибавимъ съ своей стороны вопреки насилію, тиранніи невѣрію и нравственному разврату, пусть встанетъ здѣсь самый послѣдній, бѣдный христіанинъ, въ рубищѣ, оковахъ, ранахъ,— и пусть вооружатся противъ него всѣ цари, всѣ служители науки, всѣ представители знанія,—даже весь міръ,—онъ всегда, въ тысячу разъ, будетъ спокойнѣе, счастливѣе, блаженнѣе, чѣмъ какой-либо Неронъ, или Юліанъ, или Робеспьеръ, или Вольтеръ. Да, воистину, князь міра сего осужденъ былъ, есть и будетъ!

Осужденъ многократно и разнообразно, такъ что, какой бы видъ онъ ни принималъ на себя, какъ бы ни являлся среди людей,—подъ маскою ли то удовольствія, или мнимо-интеллектуальности, или честолюбія, или богатства,—шествуетъ ли онъ подъ знаменами армій, или возсѣдаетъ въ собраніяхъ нечестивыхъ,—нѣтъ никого въ Божьемъ мірѣ презрѣннѣе, развратнѣе, бессильнѣе его. Удивительно только то, что его чада и поборники не видятъ этого! Впрочемъ онъ такъ лукавъ, такъ умѣетъ наполнить умы своихъ рабовъ беспорядочными мечтами, такъ искусно дѣлаетъ правдоподобною свою чудовищную ложь, на столько омрачаетъ сердце, ослѣпляетъ воображеніе, изсушаетъ совѣсть, что тѣ находятся въ постоянномъ убѣжденіи относительно непобѣдимости своего владыки. Помимо того, — особенно въ настоящее время онъ старается провести въ различныхъ заграничныхъ книгахъ и журналахъ для нашего убѣжденія такого рода мысль, что Христосъ побѣжденъ, и что напротивъ, здравый смыслъ, счастье

и благополучіе находятся только на сторонѣ невѣрія. Такимъ-то образомъ его рьяные поклонники, сами не замѣчая того, боготворять только туловище Дагона, тогда какъ его голова и руки давно уже лежатъ разбросанными по капищу, — и мы можемъ быть увѣрены, что силы ада громко посмѣваются злѣйшимъ смѣхомъ этому дикому, бессмысленному поклоненію.

Никто другой, какъ только Святыи Духъ Божій, по слову Христа Спасителя, можетъ обличить міръ о судѣ. На это, пожалуй, возразятъ, что для всего человѣчества подобное обличеніе могли сдѣлать Синай, исторія, совѣсть; — что для каждаго изъ насъ въ частности это дѣлаютъ различныя горести, болѣзни, наказанія и разочарованія; или, наконецъ, можетъ сдѣлать неизбежная, неумолимая смерть. Но, увы, не отсюда главнѣйшимъ образомъ идетъ грозное обличеніе міра сего о судѣ. Князь міра сего обличается Духомъ Святымъ не въ одной только исторіи, но въ каждой грѣшащей христіанской душѣ, среди насъ, обличается по непреложной логикѣ вѣчныхъ законовъ. Даже одинъ язычникъ сказалъ, что грѣхъ, болѣзни и смерть вошли въ міръ, связанные неразрывными узами, — и, не смотря на то, человѣчество, хотя и видитъ общій законъ, но всячески старается отвергнуть индивидуальное примѣненіе онаго. Отчего такъ? Оттого, что каждый изъ насъ, по самой природѣ, охотно готовъ внимать внушеніямъ діавола, что съ нимъ будетъ поступлено не такъ, какъ съ прочими, что онъ есть, такъ сказать, любимецъ Провидѣнія, избранникъ небесъ, что онъ одинъ только можетъ грѣшнить безнаказанно сравнительно съ прочими. Если другіе, говоритъ онъ въ сердцѣ своемъ, — лгутъ, обманываютъ, развратничаютъ, нарушаютъ Божіи заповѣди, то они и будутъ наказаны, а не я, хотя дѣлаю тоже. Но такъ ли это? Избѣгнетъ ли онъ наказанія? О, юноши, дѣвы, мужи, жены, если въ вашихъ сердцахъ горитъ тайный огонь какой-либо сознательной страсти, скрытой отъ всѣхъ прочихъ, спасетесь ли вы отъ наказанія за оную? О, нѣтъ, какъ вѣрно то, что вы рѣшаетесь на грѣхъ, такъ вѣрно и то, что вы понесете за онъ наказаніе! Для сего не нужно ни чудесъ, ни грома, ни молній, ни особенныхъ уполномоченныхъ служителей мщенія, — самая ваша совѣсть проснется рано или поздно и сожжетъ васъ, какъ пламеняющій факель фуріи. Самый грѣхъ вашъ, самъ собою, собственною своею силою и ядомъ, отравитъ все

ваше земное счастье, и поразить васъ неизмѣримо тяжело желѣзнымъ жезломъ своего отмщенія. Вы можете смѣяться теперь надъ Библиею, во всю свою жизнь не бывать ни разу въ церкви, — злобно острить и насмѣхаться надъ служителями церкви, — считать всѣ таинства и обряды христіанской религіи устарѣвшими и не своевременными, — но какой страшный отвѣтъ рано или поздно придется дать вамъ за это передъ судомъ вашей совѣсти?!

Князь міра сего, наконецъ, осужденъ и осуждается въ наше время, — и нашей общественной жизни. Для сего миѣ нѣтъ нужды представлять предъ вами зрѣлище послѣдняго, великаго, страшнаго дня. Я не стану говорить и о томъ, — какъ всевидящее око, свѣтлѣйше въ миллионы разъ солнца, прочтетъ нѣкогда самыя скрытыя помысленія вашего сердца, хотя бы онныя и были скрыты здѣсь, на землѣ; я не намѣренъ поражать вашъ слухъ тѣмъ громовымъ, потрясающимъ землю трубнымъ гласомъ, который услышать нѣкогда всѣ живые и умершіе, съ грознымъ призывомъ на всеобщій судъ. Это несомнѣнно будетъ. Всѣ мы станемъ предъ судищемъ Христовымъ, *да приметъ кѣждо яже съ тѣломъ содѣла, или благи, или зла.* Тогда поставятся престолы, отверзутся книги, — и начнется страшный, нелицепріятный судъ. Все это будетъ въ свое время, когда то благоугодно Господу. Но Св. Духъ Божій и во все время нашей земной жизни обличаетъ всякое зло, происходящее отъ князя міра сего, и осуждаетъ оное. Хочешь ли ты, вопрошаетъ Онъ каждую вѣрующую, но грѣшную душу, дѣлать зло, а не добро, получить проклятіе, а не благословеніе? Хочешь ли ты, въ полномъ сознаниі своей отвѣтственности, вооружиться противъ Бога, любящаго тебя, противъ Спасителя, умершаго за тебя, и встать на сторону осужденнаго искони и побѣжденнаго врага Христова? Хочешь ли ты отдать твою бессмертную жизнь на вѣчную погибель? Хочешь ли ты расточить тѣ богатые и благородные дары, которыми одарилъ тебя Господь, все то, что можетъ быть радостнаго въ твоей жизни, благороднаго въ твоей натурѣ, расточить на удовлетвореніе низкихъ животныхъ страстей? Хочешь ли ты принести себя въ жертву не Богу и Христу, но міру и діаволу, не истинѣ и любви, но лжи и ненависти, не самоотверженію въ пользу другихъ, но самолюбію и эгоизму? О, если ты дѣлаешь это сознательно и упорно, то бойся и трепещи! Но если, напротивъ, ты грѣшишь по невѣднію и съ по-

стояннымъ желаніемъ добра, то, во имя Христово, ничего не бойся. Князь міра сего побѣжденъ, осужденъ, низвергнутъ! Быть можетъ, тебѣ придется вынести долгую борьбу, подвергнуться большимъ страданіямъ, грѣхи твои, при твоей слабости, могутъ казаться неодолимыми, но ничего не бойся! Какъ самые грѣхи, такъ и искушитель, прельщающій тебя оными, осуждены Господомъ. Ободришь и укрѣпишь. Съ молитвою о помощи къ Всемогущему вооружись скорѣе противъ грѣховъ и виновника оныхъ, попирай ихъ ногами, поражай ихъ мечемъ Божиимъ, вѣрь, что непреложны обѣтованія Божія: *созижду церковь мою, и врата адавы не одолѣютъ то: и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка. Аминь.*

Слово въ день святителя и чудотворца Николая.

Правило вѣры и образъ кротости, воздержанія учителя яви тя стаду твоему яже вецеи истина. (Троп. св. Николая).

Между многими достоподражаемыми чертами въ жизни празднуемаго нынѣ великаго святителя Мирликійскаго и чудотворца Николая, который, по слову Св. Писанія, для всѣхъ былъ образъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (1 Тим. IV, 12) особенное вниманіе обращаетъ на себя его глубокая вѣра и ревность по оной. *Правило вѣры* — вотъ первое, что указываетъ намъ въ немъ сама церковь своею въ честь его пѣснію. И дѣйствительно, по словамъ его жизнеописателя, въ царствованіе Діоклитіана и Максиміана, когда за одно слово: *я христіанинъ*, влекли каждаго, какъ уголовного преступника, на остеръ или подъ мечъ, святитель Мирликійскій неумолчно и безбоязненно оглашалъ паству свою словомъ евангельскимъ. Его заключили въ темницу, гдѣ онъ терпѣлъ голодъ и жажду и тѣсноту; но его глубокая вѣра и здѣсь не охладѣла: темница его сдѣлалась училищемъ благочестія, въ которомъ раздавалась его проповѣдь евангельская, утѣшающая, ободряющая и улаждающая узниковъ. Такъ пламенѣла святая душа святителя божественнымъ, неугасимымъ огнемъ высокой дѣятельной вѣры къ Господу и Его церкви.

Сл: Хр., Слово Божіе говорить: *помяните наставники ва-ша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, иже взирающе на скончаіе жителства, подражайте вѣрь ихъ* (Евр. XIII, 7). По-сему празднуя нынѣ память великаго святителя, особенно прославившагося своею ревностію по вѣрѣ, и вспомяная въ своихъ молитвахъ тезоименитыхъ святителю Благовѣрныхъ Государей Великихъ Князей, Николая Александровича, Николая Константиновича и Николая Михайловича, съ цѣлю душеспасительнаго на-зиданія остановимся нашею мыслию на размышленіи о томъ: ка-кія неоцѣненные блага доставляетъ намъ святая вѣра.

Вопервыхъ, что есть вѣра? По слову апостола Павла, *вѣра есть упованиемъхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ*, т. е. увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ (Прост. Кат. Фил. стр. 2-я). Впрочемъ для лучшаго уразумѣнія высокаго апостольскаго понятія о вѣрѣ отвѣтимъ прежде на другой вопросъ: какимъ образомъ, по слову тогоже апостола, *вѣра оправдываетъ человека* (Гал. III. 24), т. е. дѣлаетъ его праведнымъ и непорочнымъ, каковымъ онъ и долженъ быть, предъ чистѣйшимъ и святѣйшимъ Существомъ Божіимъ? Вѣра есть упованиемъхъ извѣщеніе т. е. увѣренность въ невидимомъ какъ бы въ видимомъ, слѣдовательно она открываетъ духовному оку христіанина, кто такое человекъ, и кто такое Богъ, а это, безъ сомнѣнія, есть одно изъ вѣрнѣй-шихъ средствъ, ведущихъ человекъ къ святости и праведности предъ Богомъ. Вѣра возвышаетъ цѣли, намѣренія, мысли чело-вѣка отъ видимаго къ невидимому, отъ вещественнаго къ не-вещественному, отъ земли къ небу. Каково состояніе человекъ безъ вѣры, внѣ духовнаго созерцанія славной, но невидимой, истины, открываемой ему вѣрою? Это состояніе невольника, по-тому что невѣрующій всегда оказывается рабомъ видимой при-роды и вещества. Когда духовному оку человекъ не открывается иной, высшій міръ, кромѣ міра видимаго, подлежащаго чувствамъ, онъ неизбѣжно подпадаетъ подъ тяжкое мучительное иго чувстви-тельности и внѣшней природы; весь умственный его горизонтъ огра-ничивается только тѣломъ и чувствами; всѣ его взгляды ограни-чиваются единственно тѣмъ, что онъ можетъ видѣть, слышать, осязать, обонять и т. д. По его мнѣнію, видимый міръ состав-ляетъ все, и самъ олъ, и его ближній, суть не болѣе какъ жи-

вотныя, отличающіяся отъ прочихъ животныхъ только высшимъ устройствомъ тѣлеснаго состава, и вотъ, въ подкрѣпленіе своего не христіанскаго лже-мышленія, онъ съ жаромъ и ревностію, достойными лучшаго, старается подмѣтить — какъ обычный ходъ въ жизни человѣчества рожденія, возрастанія, смерти и разложенія, сходствуетъ съ подобными же явленіями въ жизни окружающихъ его животныхъ. Чувство для него есть не болѣе какъ нервная раздражительность, мысль только фосфоръ, а душа какое-то отвлеченное понятіе, которое составилось изъ обманчивыхъ представленій чувствъ, и вотъ, жемудрствуя такимъ образомъ, невѣрующей, къ стыду своему, какъ бы заживо погребаетъ всякую мысль и чувство въ нѣдрахъ вещества и чувственности. Впрочемъ, быть можетъ, онъ и не имѣетъ особенной склонности къ отвлеченному мышленію, и исключительно занятъ тѣмъ, что непосредственно соприкасается съ его чувствами, можетъ быть его домъ, поля, магазины, семейство, составляютъ для него все, что единственно можно видѣть и желать. Можетъ быть... Но такъ какъ нѣтъ ничего непреложнѣе того закона, по которому мы, люди, всегда уподобляемся тому, на что постоянно смотримъ: становимся небесными и духовными, если возводимъ умъ свой горѣ, земными и чувственными, если низводимъ его доду, то, естественно, что человѣкъ, живущій въ веществѣ и только для вещества, съ каждымъ днемъ все болѣе, и болѣе, все сильнѣе и сильнѣе, грубѣетъ въ духовномъ отношеніи и зарастаетъ, такъ сказать, внутреннею корою чувственности. И если здравый смыслъ начинаетъ предостерегать его, что вещественный міръ неизбѣжно долженъ перейти и кончиться, если какой либо голосъ извнѣ начинаетъ заявлять, что вещество не удовлетворяетъ, какая до того нужда? обычнымъ правиломъ такъ мыслящихъ и дѣйствующихъ неизмѣнно остаются однѣ и тѣже безотрадныя слова древнихъ эпикурейцевъ: *ямы и ніемы, утрѣ бо умремъ*. Благороднѣйшіе люди въ каждомъ поколѣніи сознавали всю непоправимую глубину подобнаго зла, они чувствовали, что человѣкъ созданъ для гораздо высшаго назначенія, чѣмъ рабское порабощеніе веществу и чувствамъ, и вотъ, для устраненія онаго, за неимѣніемъ лучшаго средства, придумали такой исходъ: обратить свой умъ и воображеніе къ дѣятельному занятію философіею и поэзіею. Поэзія, съ одной стороны, часто служитъ какъ бы попыткою

ввести человѣческую жизнь въ нѣкую высшую духовную область; она есть заявленіе человѣческой души противъ ненормальной, унижительной для человѣка, однообразно-узкой, чувственной жизни невѣрующаго; она есть какъ бы усиліе воображенія дать иное направленіе той его безотрадной мысли, что человѣкъ есть не болѣе какъ животное, только одаренное высшимъ устройствомъ тѣлеснаго состава предъ прочими животными. Философія же, съ другой стороны, стремится восходить отъ предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, къ тому, что недостигаемо для нихъ; подняться отъ явленій и дѣйствій къ причинамъ, производящимъ оныя, объединить все, по возможности и чрезъ то приготовить для человѣческой мысли какъ бы нѣкое убѣжище, или, нѣтъ, болѣе, какъ бы нѣкій престолъ надъ грубой вещественностію. Такимъ образомъ и философія и поэзія, своими усиліями поднять и возвысить чисто-вещественную жизнь невѣрующаго только свидѣтельствовали о крайне низкомъ и жалкомъ состояніи оной. Нѣтъ, если человѣкъ не хочетъ подвергнуться гибельному вліянію вещественности, онъ долженъ облечься во всеоружіе вѣры. Вѣра есть какъ бы новый родъ зрѣнія: она открываетъ душѣ человѣка особый новый міръ, недоступный для его тѣлесныхъ чувствъ. Вѣра въ сущности, есть какъ бы новое чувство, ведущее къ познанію Бога и уразумѣнію Его Божественнаго откровенія. Ею отличается вѣрующій отъ невѣрующаго, какъ отличается зрячій человѣкъ отъ человѣка, потерявшаго тѣлесное зрѣніе. Открывая незатемненному, духовному оку христіанина невидимый міръ, величіе и безпредѣльность Существа Божія, славу Богочеловѣка, Господа Иисуса Христа, сѣдящаго одесную престола величія на небесахъ, тысячи тысячъ и тьмы темъ ангеловъ и небесныхъ воинствъ окружающихъ престолъ Господа, славословящихъ Его и непрестанно посредствующихъ между небомъ и землею, вѣра вводитъ душу человѣка въ новую высшую область, въ которой она постепенно улучшается и совершенствуется, если только отрѣшилась отъ мелкихъ житейскихъ интересовъ, и устремила свое вниманіе къ красотѣ Божественнаго и вѣчнаго. Такимъ-то образомъ, постоянно возвышая душу человѣка горѣ, и поставляя, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ неизмѣняемымъ Существомъ Божиимъ, вѣра содѣйствуетъ къ нравственному, духовному улучшенію человѣка, или, говоря иначе, къ его оправданію предъ Богомъ.

Второе благо, доставляемое человѣку вѣрою, состоитъ въ томъ, что она столько же расширяетъ и укрѣпляетъ всѣ отдѣлы его жизни и воли, всѣ его душевныя движенія и сердце, сколько и самый умъ,—и чрезъ то даруетъ ему возможность достигать правильности и святости предъ Богомъ.—На это могутъ возразить, что вѣра есть не болѣе, какъ дѣло умственнаго воспріятія, только простое движеніе ума къ воспріятію истинъ, не подлежащихъ чувствамъ. Такое понятіе, отвѣтимъ, очень ошибочно, потому что вѣра въ своемъ началѣ, столько же обнимаетъ собою сердце и волю, сколько и разумъ; даже болѣе, она преимущественно принадлежитъ сердцу и волѣ, хотя и начинается въ мысляхъ (Прост. Кат. 2 стр.), *Сердцемъ бо зряется въ правду* (Рим. 10, 1.), говоритъ апостолъ. Вѣра основываетъ свою колыбель въ сердцѣ и волѣ, и никакъ не есть только дѣло ума, хотя къ сожалѣнію, у многихъ изъ насъ она весьма часто оказывается бесплодною. *И бѣсы зряютъ и трепещутъ*; они понимаютъ о Богѣ точно такъ же какъ невѣрующій понимаетъ о какомъ либо грозномъ естественномъ явленіи, они не могутъ не видѣть Его существованія, но признаютъ Его только со страхомъ, они вѣруютъ, но и трепещутъ. Этотъ разительный примѣръ вѣры разединенной съ любовію и добрыми дѣлами служить грозно поучительнымъ урокомъ для тѣхъ изъ насъ, которые хотя и владѣютъ истиною, но живутъ нечестиво и беззаконно. Вѣра, по слову апостола, нераздѣльна отъ любви, и какъ просвѣщенный ею умъ стремится постичь Существо Божіе, такъ равно ею воспламеняется сердце и обнимается воля. Воистину, вѣра, какъ говоритъ апостолъ, *поспѣшествуется любовію* (Гал. V, 6). Если желаемъ доказательствъ на то, какъ вѣра мгновенно переходитъ изъ области ума въ область сердца и воли, и обнаруживается въ нихъ, то припомнимъ себѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ случаевъ, взятыхъ изъ жизни воспоминаемаго нынѣ великаго угодника Божія, святителя Николая чудотворца. Его глубокая вѣра выражалась исповѣданіемъ сей самой вѣры, ревностію по вѣрѣ и обнаруживалась въ безчисленныхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ всѣмъ нуждающимся. Объ исповѣданіи имъ св. вѣры мы сказали выше; вотъ одинъ чудный фактъ его пламенной и глубокой ревности по вѣрѣ. Это было на первомъ вселенскомъ соборѣ, созванномъ, какъ извѣстно, въ Никеѣ въ 325 г. противъ еретика Арія,

нечестиво учившаго о Сынѣ Божіемъ. На Никейскомъ соборѣ въ числѣ другихъ св. отцевъ присутствовали и свят. Николай. Когда Арій, не смотря на обличенія, все-таки продолжалъ упорствовать въ ереси, то великій святитель Божій не вынесъ богохульства: онъ рѣзкимъ тѣлеснымъ движеніемъ заградилъ уста еретика, изрыгавшія хулу на Господа. Человѣческой судъ нашель такой поступокъ неумѣстнымъ, но Тотъ, Кто внушилъ оный святителю, Тотъ Самъ чудеснымъ образомъ оправдалъ и прославилъ святую ревность вѣры. Что сказать о дивныхъ плодахъ его вѣры? Они, поистинѣ были безчисленны. Отъ него всегда получали чудесную помощь и плѣнные, и темничные узники, и бѣдные, и больные, и терпѣвшіе опасности въ морѣ. Вотъ почему въ нашемъ отечествѣ, даже среди самыхъ невѣрныхъ, имя святителя Николая милостиваго пользуется особымъ уваженіемъ передъ именами прочихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Вотъ почему св. церковь и воспѣваетъ въ честь его: *Кій градъ, блаженне, не имѣетъ тебе помощника? Кая ли душа не призываетъ твоего честнаго имени?* (Кан. 3-й пѣсн.). Впрочемъ если для нѣкоторыхъ сего примѣра недостаточно, то они сами могутъ прочитать XI главу посланія апостола Павла къ Евреямъ, и тогда увидятъ, что такое вѣра, какъ она дѣйствительна, какъ она ведетъ человѣка къ благодѣланію и страданію, какими духовными благами она обогащаетъ человѣческую жизнь, и какъ, наконецъ, она содѣйствуетъ нашему оправданію предъ Богомъ.

Наконецъ третье величайшее благо, доставляемое намъ вѣрою, состоитъ въ томъ, что посредствомъ оной мы спасительно участвуемъ въ страданіяхъ и смерти Иисуса Христа Искупителя. То, что дѣлаетъ человѣка святымъ и праведнымъ, и то чего онъ никогда не можетъ достигнуть самъ собою, даруется ему отъ единого, всесовершеннаго, безгрѣшнаго Существа, и вѣра есть воспріемлющая способность души, которою человѣкъ усваиваетъ себѣ этотъ безцѣнный даръ. Св. апостоль Павелъ многократно свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ не можетъ получить оправданіе безъ Иисуса Христа. *Всѣ люди, по слову апостола, согрѣшили; лишлись славы Божіей* (Рим. III. 25), и возимѣли нужду въ оправданіи свыше, подаваемомъ туне благодатію Иисуса Христа. Вѣра не была бы дѣйствительна и плодотворна, если бы она не имѣла передъ собою въ лицѣ Богочеловѣка высочайшаго

образа, чуждаго грѣха слабостей, Существа неизмѣннаго и непорочнаго. Человѣкъ не могъ самъ собою возстать изъ праха и ничтожества, его долженствовала возстановить высшая сила, оправдать повиннаго предъ Богомъ *правда ѣчная* (Рим. III, 22, 23), т. е. чудная сила крестныхъ страданій и смерти Богочеловѣка Иисуса, оправдывающая посредствомъ благодати и вѣры въ Него. Да, единственно въ лицѣ Богочеловѣка мы видимъ человѣчество такимъ, какимъ оно долженствовало и долженствуетъ быть. Вся земная жизнь Возлюбленнаго Сына Божія, *Иже грѣха не сотвори, ниже обрѣтется лъсть въ устахъ Его*, и въ Которомъ Отецъ небесный открылъ *Свое благоволѣніе*, вся жизнь Его есть высшій образецъ для подражанія всеѣмъ вѣрующимъ. Онъ вмѣняетъ оправданіе всеѣмъ своимъ послѣдователямъ; Онъ свободилъ ихъ отъ проклятія закона, вознесши грѣхи ихъ тѣломъ Своимъ на древо крестное, и ставъ за нихъ клятвою;—Онъ есть ихъ миръ; Онъ сдѣлался для нихъ оправданіемъ и искупленіемъ. Мало того, по Своей безконечной любви къ человѣчеству, Онъ дарствуетъ участіе въ своей *правдѣ* даже слабѣйшимъ изъ своихъ братій, дарствуетъ черезъ Святаго Духа и святыхъ таинства. Св. Духъ именуется Духомъ Христовымъ, такъ какъ Онъ творитъ насъ участниками въ дѣлѣ Божественнаго Испушителя. Его Таинства въ христіанской религіи безспорно занимаютъ важнѣйшее мѣсто и особенно безцѣнны для насъ, такъ какъ служатъ проводниками и орудіемъ, чрезъ которыя Онъ сообщаетъ свои дары намъ. Но какимъ образомъ, съ своей стороны мы можемъ воспріять эти неоцѣненные благодѣянія? Отвѣтъ простой — вѣрою. — По слову блаженнаго Августина, Тотъ, который сотворилъ и искупилъ насъ безъ нашего собственнаго содѣйствія, не спасетъ насъ, если мы сами не приложимъ къ тому труда и усилій, т. е. не спасетъ насъ безъ сознательнаго и рѣшительнаго воспріятія Его спасенія, — и это воспріятіе туне подаемаго дара Божія производится вѣрою. Вѣра есть конечное дѣйствіе души, желающей приобщиться нравственной правдѣ Иисуса Христа и усвоить себѣ Его страданія и смерть. Вѣрою душа емлется за Божественный крестъ Испушителя, какъ воинъ за свое побѣдное знамя, заимствуя изъ таинствъ живительную силу, которая, по Его искупительной любви, въ нихъ заключается; посредствомъ оной грѣшный и повинный предъ Богомъ человѣкъ облачается въ брачную

одежду искупленія, и водворяется вмѣстѣ съ святыми и прославленными на брачной вечери Отца Небеснаго. Она неизмѣримо возвышаетъ человѣка надъ всѣмъ земнымъ и вещественнымъ, и, посредствомъ молитвы, ведетъ его къ сознанию своей слабости, ничтожества, окаянства, и къ воіющему чувству духовной алчбы и жажды, которыя онъ не въ силахъ утолить самъ собою; она дѣлаетъ человѣка такимъ, какимъ онъ всегда долженствуетъ быть, дарствуя ему безцѣнный даръ оправданія Иисуса Христа.

Потщимся же сл. хр., сколь можно чаще обращаться съ усердною молитвою къ Господу, да даруетъ намъ спасительный даръ вѣры, безъ которой не возможно угодить Ему, или, *ище мнимся имѣти оную*, будемъ пламенно молиться объ усиленіи въ насъ оной. *Господи умножи нашу вѣру, Господи, вѣрую, помози моему невѣрью*, таковы были молитвенныя изліянія человѣческой души, за осьмнадцать вѣковъ тому назадъ, и несомнѣнно, что Богу содѣйствующу, онѣ могутъ быть столько же сильными и могущественными и въ настоящее время, каковыми были и во время земной жизни нашего Господа. Святителю отче Николае, тебя ублажаетъ святая церковь, какъ *правило истинной вѣры*, предъ тобою благоговѣтъ вся святая Русь, и даже самые невѣрующіе, какъ передъ великимъ и милостивымъ ревнителемъ оной. Посему, предстои нынѣ престолу Вседержителя, въ сонмѣ духомъ праведникъ совершенныхъ, моли Господа, Законоположника и Совершителя вѣры и нашего спасенія, да содѣлаетъ оную неизмѣннымъ правиломъ всей нашей частной и общественной жизни, ибо вѣра, вѣра по истинѣ, есть неборимый нашъ щитъ и утвержденіе, и въ ней, несомнѣнно, кроется единственный и навѣрнѣйшій залогъ всякаго нашего общественнаго благополучія и благоденствія, подъ мудрою, благопопечительнѣйшею державою Благочестивѣйшаго Государя нашего Императора, Александра Николаевича, и Его Августѣйшаго царствующаго благовѣрнаго дома. Аминь.

Изъ слова въ день святителя Филиппа 1878 г. *).

Истина безсмертія души человеческой.

Когда Господь нашъ Иисусъ Христосъ въ Своей прощальной бесѣдѣ съ учениками сказалъ: *яко же Азъ живу и вы живи будете* (Іоан. XIV. 19), Онъ имѣлъ въ виду Свои наступающія страданія и смерть.—Дѣйствительно, въ скоромъ времени Онъ долженъ былъ скрыться во гробѣ отъ взоровъ человѣческихъ, и потому-то говоритъ: *еще мало и міръ къ тому не увидитъ Меня*, но такъ какъ послѣ славнаго воскресенія, которымъ была поправа и низложена смерть,—какъ врагъ безсильный,—ученики Его должны были узрѣть Его очами тѣлесными, а за тѣмъ и всѣ вѣрующіе, во всѣ послѣдующіе вѣка, очами вѣры, то къ этимъ словамъ Онъ прибавляетъ другія: *вы увидите Меня: яко Азъ живу, и вы живи будете*. И эта жизнь Его и воскресеніе, по истинѣ, есть основаніе нашей блаженной, вѣчной, безсмертной жизни.—*Богъ*, какъ говоритъ Премудрый, *созда чловѣка въ нетлѣніе* (Прем. 11, 23), и чловѣкъ есть также существо безсмертное по душѣ, какъ онъ существо мыслящее, по самому непреложному закону своего бытія;—и если бы кто изъ мудрыхъ совопросниковъ вѣка сего возразилъ на это, что все кругомъ насъ умираетъ и исчезаетъ, и что это никогда непрестающее разрушеніе всего вещественнаго грозитъ и чловѣку также всецѣлымъ уничтоженіемъ по смерти, то отвѣтимъ, что такіе люди очевидно забываютъ ученіе Новаго Завѣта о томъ, что чловѣкъ сотворенъ для вѣчной и безсмертной жизни, — и что, прежде пришествія на землю Господа нашего Иисуса Христа, даже лучшіе изъ мыслителей языческаго міра, не просвѣщенные свѣтомъ Божественнаго Откровенія, хотя смутно, но все таки постигали истину безсмертія души!

Походитъ ли сколько либо чловѣческая душа на какое либо органическое существо,—наприм. на растеніе и животное? очевидно нѣтъ.—Въ чемъ состоитъ существенное различіе и несходство между душою и всякимъ органическимъ существомъ?—Во первыхъ въ томъ, что духъ, или душа чловѣка всегда сознаетъ

*) Говорено въ Успенскомъ соборѣ 9 января.

въ себѣ способность, если не къ неограниченному, то къ постоянному развитію и дѣйствованію.— Возьмемъ для примѣра какое либо растеніе или животное; что видимъ въ нихъ? Видимъ, что, при всей ихъ силѣ и живучести, они скоро достигаютъ высшей точки своего развитія, и за тѣмъ немедленно увядаютъ, или умираютъ. Растеніе приноситъ въ должное время свойственныя ему почки, листья, плоды, и вотъ жизненная сила истощается, и оно иссыхаетъ. Животное при своемъ существованіи, конечно, можетъ достигнуть извѣстной степени силы и красоты, свойственной ему, но, по достиженіи означеннаго, оно также умираетъ. Но не такъ съ душою человѣка, какъ съ живою и мыслящею силою.— Если естествоиспытатель сдѣлалъ какое либо великое открытіе; если ученый человѣкъ открылъ какую либо новую, научную истину; если государственный мужъ изобрѣлъ рядъ мудрыхъ правительственныхъ мѣръ, то имѣемъ ли мы право сказать, что, вслѣдствіе сего, онъ окончательно истощился въ своихъ силахъ? Конечно, душа человѣка въ нѣкоторой степени зависитъ отъ его тѣла, и если послѣднее чувствуетъ ослабленіе и упадокъ силъ, — то вліяніе оныхъ неминуемо отражается и на первой; но и тогда душа старается какъ бы противодѣйствовать тѣлу, и громко заявляетъ о своемъ обособленномъ существованіи отъ тѣла. Постоянно стремиться впередъ и впередъ къ живительному свѣту истины— вотъ цѣль и назначеніе души.— Тоже самое происходитъ съ совѣстію и нравственными обязанностями человѣка.— Въ этой духовной области мы видимъ даже болѣе, одно доброе дѣло влечь за собою другое, одна жертва сопровождается другою, и кто осмѣлится сравнить это никогда непрестающее стремленіе души къ добру, напр. съ кратковременнымъ процессомъ произрастанія въ деревѣ, или съ какою либо другою, самоистощающеюся силою?— *Задняя забываети, въ предняя же простираетися* (Фил. III, 13)— таковъ глаголь вѣчности, изреченный человѣческой волѣй, и, вотъ въ силу онаго,— душа человѣка дѣйствительно неустанно стремится впередъ,— тогда какъ всякое другое органическое существо, достигнувъ извѣстнаго предѣла развитія, обратно возвращается въ небытіе.— Во вторыхъ умъ человѣка вполне сознаетъ и высоко цѣнитъ свое собственное бытіе, тогда какъ въ органическомъ мірѣ, — мірѣ растений и животныхъ, мы видимъ совершенно противное. Самое красивое дерево существуетъ только

для услажденія другихъ; оно не сознаетъ ни малѣйшаго удовольствія въ своемъ произрастаніи, и не чувствуетъ никакого страданія, если посякается и во огонь бросается.—Животное, правда, можетъ чувствовать удовольствіе и страданіе,—но это чувствованіе есть не болѣе какъ скоропреходящее и мимолетное; оно лишено способности объединять свои чувствованія, и видѣтъ въ жизни нѣчто цѣлое; оно всецѣло живетъ—настоящимъ, не сознаетъ прошедшаго, тогда какъ будущее для него не существуетъ; оно ничего не знаетъ о смерти, кромѣ развѣ того, что испытываетъ посредствомъ чувственныхъ страданій, въ самую минуту смерти. Не ясно ли открывается изъ сказаннаго нами—громадное различіе между растеніемъ, животнымъ, и самосознающею, самоиспытывающею душою человѣческой? Душа человѣка живетъ болѣе въ прошедшемъ и будущемъ, чѣмъ въ настоящемъ,—и именно съ цѣлю духовнаго самоусовершенствованія. Человѣкъ, какъ существо духовное, нерѣдко обращается къ прошедшему и собираетъ изъ онаго полезные для себя уроки; какъ существо духовное, онъ часто стремится къ будущему, и внимательно всматривается вдаль онаго, чтобы не поработиться единственно настоящимъ; какъ существо духовное, онъ высоко поднимается надъ чувственностію, составляющею для животнаго всю суть жизни; какъ существо духовное, онъ высоко цѣнитъ свое существованіе, видитъ особенное величіе въ ономъ предъ прочими окружающими его животными, и потому не сказано алчеть и жаждетъ продолженія своего бытія въ будущемъ, даже нескончаемомъ будущемъ. Вотъ почему даже лучшіе изъ язычниковъ, хотя не совершенно и смутно, но все-таки постигали истину безсмертія души человѣческой.—Для нихъ, не просвѣщенныхъ свѣтомъ Божественнаго Откровенія, въ удостовѣреніе этой высокой истины, свидѣтельствовала безсловесная и бездушная природа. Ибо въ цѣломъ мірѣ, какъ глубокомысленно замѣчаетъ одинъ изъ знаменитыхъ витій нашей церкви, нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготавлило къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу. (Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погрѣ-

баются въ морѣ и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя,—воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь,—воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни, человѣкъ ли, вѣнецъ земли и зеркало неба, падаетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ безнадѣяѣ червя, хуже зерна горчицы? (Слова Филар. т. I, стр. 215).—Это свидѣтельство природы видимой, которое, можемъ сказать—не обинуясь, даже было въ состояніи привести нѣкоторыхъ избранныхъ, находившихся внѣ благодати, къ вратамъ церкви Божіей, въ своей сущности не расходится съ ученіемъ христіанства о безсмертіи души. Господь нашъ Иисусъ Христосъ провозгласилъ оное, какъ несомнѣнную истину, и пролилъ на оную лучезарные потоки свѣта Своимъ славнымъ Божественнымъ воскресеніемъ, которое открыло для всѣхъ вѣрующихъ входъ въ царство небесное. И, дѣйствительно, какая неслыханно высокая эта истина! Какое заключается въ ней глубоко отрадное удостовѣреніе для всѣхъ и каждаго, что всѣ мы должны жить вѣчно и вѣчно,—со всѣми способностями нашей безсмертной души! Пройдетъ сто лѣтъ и, безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ насъ не останется въ живыхъ въ своей тѣлесной оболочкѣ; несомнѣнно—всѣ мы перейдемъ въ иной загробный міръ,—но для чего инаго, какъ не для вѣчной, безсмертной, лучшей жизни? Пройдетъ десять тысячъ лѣтъ,—или, даже если можемъ только себѣ представить, десять милліоновъ лѣтъ, и будетъ тоже самое; всѣ мы, и каждый изъ насъ, не престанемъ существовать съ своею памятью, умомъ, волею и совѣстію, въ нашемъ общемъ мѣстѣ успокоенія.

И это-то возвышеніе, облагороженіе, подыятіе нашей духовной природы изъ праха и грѣховнаго поврежденія содѣлано Совершителемъ нашего спасенія Господомъ Иисусомъ Христомъ.—Онъ Самъ назвалъ Себя *Путемъ, Истиною и Жизнію*, и потому Онъ есть единственный виновникъ новой жизни. Вотъ почему, св. ап. Павелъ, дабы показать отношеніе Господа къ роду человѣческому, называетъ Его вторымъ Адамомъ: какъ Адамъ естественно есть глава всего человѣчества, которое составляетъ одно съ нами по естественному происхожденію отъ него, такъ Иисусъ

Христость, въ Которомъ Божество соединилось съ человѣчествомъ, благодатию сдѣлался новою всемогущею главою человѣковъ, которыхъ соединяетъ съ Собою посредствомъ вѣры. *Яко же облакочомся въ образъ перстнаго, да облачемся и во образъ небеснаго* (Кор. 15, 49). Но, можетъ быть, спросятъ, какъ Онъ сообщаетъ намъ свою новую, вѣчную жизнь теперь, когда Онъ, по вознесеніи на небо, сдѣлался невидимымъ? Во первыхъ—Духомъ Святымъ.—Духъ Христовъ, благодатно преобразующій умы, сердца и волю людей, есть податель новой благодатной, вѣчной жизни до конца временъ. *Онъ, по изрѣченію Господа, отъ Моего приметь и возвьститъ вамъ* (Іоан. XVI, 14), и св. апостолъ говоритъ: *уже не имать въ себѣ Духа Христова—сей тѣсть Ею, и въ другомъ мѣстѣ: аще кто во Христь—нова тварь*. Во вторыхъ Онъ сообщаетъ Свою новую вѣчную жизнь—посредствомъ таинствъ,—которыя, несомнѣнно, составляютъ одно изъ существеннѣйшихъ условій для полученія оной. Черезъ оныя мы, такъ сказать, соприкасаемся невидимому Спасителю и укрѣпляемся Имъ на поприщѣ нашей многотрудной жизни. Онъ суть видимыя орудія невидимой благодати, и мы не можемъ обойтись безъ нихъ. Такъ напр. мы не можемъ обойтись безъ таинственного погруженія въ воду, ибо Христось Самъ сказалъ: *аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе* (Іоан. III, 5); не можемъ обойтись безъ таинственного хлѣба и вина, служащихъ воспоминаніемъ о невидимомъ Спасителѣ, ибо Онъ Самъ сказалъ: *аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пїете крови Ею, животи не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53). И, теперь если мы не можемъ понять, какимъ образомъ изливаются на насъ такое не оцѣненное благодѣяніе и сила непосредственно отъ Самого невидимаго Слова, то удивительно ли, что также мало постигаемъ въ области окружающаго насъ? Что за источникъ жизни въ муравьѣ и деревѣ? Почему жизнь одного поддерживается животною пищею, а жизнь другаго влагою? Нашъ здравый смыслъ и наше знаніе касаются только поверхностно этого таинственнаго міра, суть же онаго находится внѣ предѣловъ нашего разумнія. Въ дѣйствительности нашей вѣчной жизни мы удостоверяемся единственно—жизнію и воскресеніемъ Господа нашего Іисуса Христа; и Онъ премудро ведетъ насъ къ этой вѣчности, даруя намъ, по мѣрѣ нашего усердія, *духъ праць и сердце ново*.—Какова эта жизнь,—

и что можетъ сдѣлать благодать Его изъ бѣднаго и слабаго чело-
вѣчества,—мы вообще можемъ видѣть въ жизнеописаніяхъ свя-
тыхъ угодниковъ Божіихъ. Какова наша собственная жизнь, безъ
сомнѣнія, мы знаемъ это сами; мы знаемъ также, какъ иногда
она бываетъ отдалена отъ образа жизни, указуемаго намъ свя-
тымъ евангеліемъ,—и какъ часто не походить на древне-христи-
анскую жизнь св. угодниковъ Божіихъ. Отчего это такъ?—Передъ
нашимъ духовнымъ окомъ—тотъ же самый образецъ высочайшей,
истинной жизни нашего Господа,—тѣ же самыя надежды и опа-
сенія,—тѣ же самыя предостереженія и поощренія, — которыя были
даны и первенствующимъ христианамъ, жившимъ за долго до на-
шего времени. Не отъ того ли это, что мы, современные христи-
ане, весьма часто упускаемъ изъ виду ту важную мысль, что
истинная жизнь дается челоѣку единственно Тѣмъ, имя Кото-
раго на себѣ носимъ? Не отъ того ли это, что мы болѣе полага-
емся на свой умъ и знаніе, чѣмъ руководствуемся вѣрою и
любовію? *Нынѣ убо ближайшее намъ спасеніе... Ношъ преиде, а
день приблизися* (Римл. XIII, III), возстанемъ убо и устремимся
къ благодѣланію. Передъ нами вѣчность, но какова будетъ эта
вѣчность? Вотъ величайшій вопросъ, передъ которымъ все прочее
становится ничтожнымъ; вотъ вопросъ,—на который можетъ развѣ
отвѣтить та христианская душа, которая, подобно еленю, неус-
танно стремится пить воду изъ кладезей спасенія, и непрестанно
слышитъ въ сердцѣ своемъ отрадный гласъ древле изреченнаго
обѣтованія: *отхлужаются тебѣ ирси твои*, и другаго, еще болѣе
многозначущаго, обѣтованія: *яко же Азъ живъ—и вы живи будете!*

Слово на память святителя Алексія, въ субботу первыя не- дѣли Великаго Поста *).

*Поминайте наставники ваша, иже глаголаша
вамъ Слово Божіе, иже взирающе на скончаніе
жителства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII—7).

Особенно благовременнымъ представляется сіе наставленіе апо-
стольское въ настоящій день, посвященный церковію памяти свя-
тителя Христова Алексія,—въ храмѣ семъ имъ самимъ сооружен-
номъ и хранящемъ въ себѣ, какъ драгоцѣнную святыню, св. мощи

*. Произнесена въ Чудовомъ монастырѣ 12 февр. 1877 г.

Его, и при настоящемъ случаѣ, когда, по окончаніи первой седмицы св. четырехдесятницы, многіе изъ насъ удостоились сподобиться Животворящей Божественной трапезы Агнца Божія. Ибо день сей не отдѣляется ли малымъ чѣмъ, развѣ лѣтомъ единымъ, отъ отдаленнаго поприща пяти столѣтій, протекшихъ со дня блаженной кончины Великаго Святителя? Не благоухаетъ ли святою памятію о немъ какъ самый храмъ сей, болѣе чѣмъ за пять столѣтій до нашего времени, созданный Его благочестивымъ тщаніемъ и трудами, такъ и все находящееся въ ономъ, какъ то св. нетлѣнные, многоцѣлебные останки и священная риза его, здѣ хранящаяся во очію всѣхъ, и святое Евангеліе, имъ собственноручно написанное. и обычно износимое діакономъ на маломъ входѣ въ дни посвященные памяти святителя?—Наконецъ, не будетъ ли особенно отрадно и назидательно для каждаго изъ насъ, а тѣмъ паче для причастниковъ св. Тѣла и Крови Христовой, выслушать, такъ сказать, изъ самыхъ Устъ Богопросвѣщеннаго учителя отечественной церкви, краткое, но благодатное слово назиданія, сохраненное до насъ, временемъ, о силѣ и значеніи онаго?

Приникнемъ же благоговѣнною мыслию и воспоминаніемъ къ честнѣй рацѣ сей, *яже имать въ себѣ исцѣлѣній благодать—честное тѣло Его* (стих. на малой веч.), и, послѣдуя заповѣди апостольской, взыщемъ для себя слово разума въ богоугодномъ житіи и благодатномъ ученіи святителя, прославленнаго Богомъ, дабы, *взирая на скончаніе его жительства*, потщились *подражать вѣрѣ его?*

И, во первыхъ, что усматриваемъ мы въ предлежащихъ здѣ нетлѣнныхъ останкахъ Великаго Святителя, который, во время жизни на землѣ, горѣлъ яркимъ свѣтильникомъ на свѣщникѣ церкви Россійской, и въ самомъ гробѣ своемъ, по преставленіи въ вѣчность, не престаётъ открывать для истинно-вѣрующихъ источникъ благодатныхъ исцѣленій?—Наглядное подтвержденіе, той боговдохновенной истины, что *праведникъ живъ будетъ во вѣки и, яко финикъ, процвѣтетъ* (псал. ХСІ—13), что *Господь хранитъ самыя кости праведныхъ*, и тѣлеса нѣкоторыхъ изъ нихъ, подобаясь лавровымъ и другимъ деревьямъ, постоянно растущимъ и зеленѣющимъ даже зимою, процвѣтають начатками нетлѣнія, по самой смерти тѣлесной, и чудесно изливаютъ, *яко тукъ и масть*, небесную благодать и многоцѣлебную силу на вѣрующихъ, кто бы ни были. Если мы глубже вникнемъ въ причину сего сверхъ-естественнаго и чуднаго

освобожденія нѣкихъ избранныхъ святыхъ Божіихъ отъ общаго закона тлѣнія, которому подлежитъ все человѣчество,—то увидимъ, что кромѣ особеннаго дѣйства Всемогущества Божія, она заключается въ ихъ высокой праведности и благочестіи, награждаемыхъ Господомъ, когда то Ему благоугодно, нетлѣніемъ ихъ останковъ— и за предѣлами смерти тѣлесной, и, при томъ, во очію всѣхъ, дабы симъ побудить насъ живущихъ къ выщей вѣрѣ и благочестію.— Ибо если обратимъ вниманіе съ одной стороны на то, что смерть и тѣлесное тлѣніе вошли въ міръ грѣхомъ *единымъ*, чрезъ преслушаніе имъ въ Раю божественной заповѣди,—а съ другой на то, что *блгочестіе*, по слову апостола, *на все полезно есть обьтлѣніе и мзше живота нынѣшняго и грядущаго*, то найдемъ ли страннымъ и удивительнымъ, что возвращеніе человѣка въ первобытное *нетлѣніе*, для котораго онъ и созданъ, возможно и достигается только путемъ противоположнымъ грѣху, путемъ праведности и благочестія, или, что чудная сила оныхъ подобно нѣкоему животворному елею, благотворно вліяетъ не только на душу, но и на самое тѣло особенныхъ подвижниковъ благочестія, и не только при жизни ихъ, но и за предѣлами смерти, предохраняя оное отъ общаго всему человѣчеству тѣлеснаго тлѣнія? Посему то, какъ глубокомысленно замѣчаетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ знаменитыхъ церковныхъ витій, самое тѣло христіанина, въ которомъ постоянно обитаетъ благодатная сила Христова, проникается ею во всемъ составѣ своемъ, и даже благоухаетъ ею для другихъ, подобно сосуду, долго хранившему въ себѣ благовонную масть, и заимствующему отъ нея силу благоуханія. И поелику *сила Христова* нетлѣнна, то естественно, что она, вселяясь въ человѣковъ, *Иже Христовы суть*, (Гал. V—24), и самымъ тѣлесамъ ихъ сообщаетъ нетлѣніе; поелику сила Христова всемогуща, то съ естествомъ ея согласно и то, что она чудодѣйствуетъ, подобно, какъ нѣкогда чудодѣйствовала чрезъ главоотяжи и убрисцы, которые были на тѣлѣ св. апостола Павла и приняла въ себя потъ его (Дѣян. XIX—12), и чрезъ одно оскѣненіе тѣнію св. апостола Петра (Дѣян. V—15). Какое дивное воздаяніе за благочестіе и праведность, если чрезъ оное и самое тѣло, упражнявшееся въ благочестныхъ духовныхъ подвигахъ, дѣлается причастнымъ благодатной силы Христовой, животворящей и чудодѣйствующей! И если сіе на земли еще, то на небеси какая

жизнь, какое могущество, какая слава ожидаетъ благочестивыхъ (Слова и рѣчи Филарета том. II, стр. 182).

Такъ, по истинѣ, Сл. Хр., *праведницы во вѣки живутъ, и въ Господь мзда ихъ; они процвѣтѣютъ, яко финиксы и самыя кости ихъ*, какъ бы въ грозное обличеніе современнаго невѣрія нѣкоторыхъ, сисящагося все объяснить естественными законами, или, *изъ страха Суда Божія* и съ цѣлю—грѣховной разнузданности, дерзающаго безумно говорить въ сердцѣ своемъ: *ямы и тѣмы, утръ бо умремъ*,—самыя кости ихъ во очію вѣхъ, источая многообразныя исцѣленія и чудеса, *тучнѣютъ въ самыя гробахъ своихъ, яко вертоградъ и яко источникъ, ему же не оскудѣ воды*. (Ис. LVIII—11)!

Отъ сего общаго разсужденія перенесемъ краткимъ, но благоговѣйнымъ воспоминаніемъ къ жизни празднуемаго нынѣ святи-теля Алексія, жизни, продолжившейся за предѣлы, указанные царемъ св. Пророкомъ (Ис. 89,—10), по выну, съ самаго дѣтства и до блаженной кончины, *возрѣваемой Духомъ Святымъ*,—жизни, отдѣленной отъ нашего времени почти пятью столѣтіями, но всегда незабвенной въ исторіи церкви отечественной и отечества. Это воспоминаніе святой высокобогугодной жизни, сколько съ одной стороны можетъ объяснить намъ одну изъ главныхъ причинъ нетлѣнія и чудодѣйственности св. Его останковъ, столько же съ другой, должно побудить насъ къ посильному подражанію Его вѣрѣ и благочестію, и особенно въ настоящіе великіе дни св. Четырехдесятницы.

Родившійся въ 1293 году отъ Московскаго Болярина Феодора и супруги его Маріи,—воспринятый отъ купѣли св. Крещенія великимъ Княземъ, и нареченный Елѣвероіемъ, получившій по тогдашнему времени самое лучшее воспитаніе,—празднуемый святи-тель еще, въ лѣтахъ отрочества, былъ чудесно призванъ къ новой, благодатной жизни гласомъ свыше.—Трогательнъ расказъ о семъ Его жизнеописателя. Однажды отрокъ Елѣвероій занимался, такъ любимой дѣтскимъ возрастомъ, забавой—ловлей птицъ сѣтью. Утомленный забавою—онъ заснулъ. Вдругъ во снѣ онъ слышетъ голосъ: *Алексій! для чего понапрасну трудился? Я сотворю тебя, ловцемъ человѣковъ!* Елѣвероій проснулся и никого не видѣлъ вокругъ себя.—Самое это чудное призваніе, замѣтимъ съ своей стороны, не указывало ли ясно само собою на то, что

богобоязненный отрок предназначается быть избранным сосудом Божественной благодати, избранным жилищем св. Духа? Возлюбив Господа Иисуса отъ дѣтства, онъ скоро понялъ, чей это гласъ призывалъ его и неуклонно послѣдовалъ ему во время всей своей жизни. Двадцати лѣтъ отъ рожденія, оставивъ домъ и родителей, всѣ удовольствія семейной и общественной жизни, и *Единому Владыцѣ Христу работати вождемъ*, какъ въ красно-рѣчивой простотѣ замѣчаетъ его жизнеописатель, *приде въ монастырь св. Боявленія, иже въ Москвѣ и пострижесе въ монашескій чинъ отъ Игумена Стефана, брата Преподобнаго Сергія*, съ новымъ именемъ *Алексія, нареченнымъ прежде свыше*. Какая чудная, необычайная и самоотверженная рѣшимость—для юноши знатнаго происхожденія, крестника великаго князя, приготавлиемаго отъ дѣтства къ высшимъ должностямъ гражданской службы и, притомъ, въ самую цвѣтущую пору жизни!—Скромная Богоявленская обитель служить не безмолвною свидѣтельницею высокихъ духовныхъ подвиговъ юнаго подвижника, священно-инока Алексія,—когда онъ, въ стѣнахъ ея, *постомъ, всенощнымъ стоянiемъ и непрестанными молитвами работалъ Господу, и когда мноие и мноие, чудились таковому ею подвигу*. Какой высокой, глубоко поучительный примѣръ для всѣхъ вообще, и въ частности для добровольно избравшихъ себѣ не легкой, но спасительный путь жизни иноческой, и небрегающихъ о достойномъ прохожденіи онаго! Впрочемъ среди духовныхъ подвиговъ, келейной жизни священно-инокомъ Алексіемъ не мало удѣлялось времени и на другой не менѣе спасительный подвигъ, духовно-умственный трудъ.—Переводить съ Греческаго на Русскій духовныя книги, исправлять прежніе переводы—сдѣлалось любимымъ занятіемъ св. Алексія, когда ему уже въ санѣ намѣстника св. Митрополита Всероссійскаго Θεогноста, было поручено управленіе церковными судами. Въ это самое время онъ, по глубокомысленному замѣчанію приснопамятнаго святителя Московскаго Филарета, особенно потрудился въ чистомъ изглаголаніи Слова Божія, когда Славянское предложеніе всего Новаго Завѣта съ Греческимъ подлинникомъ повѣрилъ, и отъ несовершенствъ стараго нарѣчія и отъ описокъ невнимательныхъ переписчиковъ очистилъ и исправилъ... чрезъ то предварительно обличилъ неправое мнѣніе людей, явившихся послѣ него, которые даже до нынѣ ут-

верждаютъ, будто въ священнѣхъ и церковнѣхъ книгахъ и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ не позволительно и противно православію (сл. и рѣч. Филарета Том. II, стр. 77). Драгоценнымъ памятникомъ сего, во истину, спасительнаго духовно-умственнаго труда, служить сохранившійся до нашего времени, какъ бы въ обличеніе ревнителей мнимой старины, имъ собственноручно написанный и во многихъ мѣстахъ, противу прежнихъ переводовъ, исправленный Новый Завѣтъ.

Дальнѣйшая жизнь св. Алексія, по словамъ жизнеописателя, *это любимого св. Митрополитомъ Θεогностомъ и великимъ княземъ Московскимъ, Сумеономъ и за премноую обродѣтель, сначала поставленнаго епископомъ великому граду Владиміру, а, по блаженной кончинѣ Θεогноста, уже на шестидесяти лѣтнемъ возрастѣ, возведеннаго въ санъ Митрополита Кіеву и всея Россіи.*— Жизнь свѣтло украшенная высокими подвигами благочестія, и славными дѣлами на пользу церкви Россійской и Россіи, составляетъ драгоценнѣйшее и незабвенное достоинство оной. *И пріемши то великое церкви правленіе, замѣчаетъ его жизнеописатель въ особенности и послѣднихъ 24-хъ годахъ его жизни, Алексій святой нѣча болѣе подвизатися, труды ко трудомъ прилагая: и быше въсь свѣтло и образъ стаду, словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою и чистотою.*

Среди непрестанныхъ заботъ и трудовъ о благѣ паствы, при тяжкихъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ нашего отечества,—св. Алексій со страхомъ содѣловалъ и свое собственное спасеніе. Слава о его добродѣтеляхъ не только прошла во всю Русскую землю, но и достигла столицы хановъ Золотой Орды, господствовавшихъ тогда надъ Россією. Чудесное исцѣленіе отъ ослѣпленія любимой супруги Монгольскаго хана,—Тайдулы, совершенное единственно по глубокой вѣрѣ и молитвамъ святителя Алексія,—не только прославило его святое имя, но и возвеличило предъ невѣрными христіанскую вѣру. И сіе послѣднее дѣяніе — какой чудный, назидательный урокъ спасительной вѣры и упованія на помощь Божію, и особенно для тѣхъ изъ насъ, которые часто въ настоящее время колеблются въ вѣрѣ, а не рѣдко и совсѣмъ впадаютъ въ невѣріе!

„Мы слышали, писалъ грозный ханъ Чанибекъ Великому князю Московскому, что у васъ есть служитель Божій, который о чемъ не помолится, бываетъ услышанъ Богомъ, Пришли его къ намъ: пусть онъ испросить здравіе нашей супругѣ“. Велико было испытаніе для святителя,—но онъ не поколебался въ своемъ упованіи на помощь Божию, и, по усиленнымъ просьбамъ Великаго князя Димитрія, немедленно собрался въ путь. Въ соборномъ храмѣ Успенія Божія Матери служилъ онъ напутственный молебенъ, и вдругъ, чудомъ, какъ бы въ подкрѣпленіе его вѣры, свѣча, стоявшая при гробѣ Святителя Петра, зажглася сама собою! Успокоенный этимъ чудомъ, и събравъ изъ воска чудесно возжегшейся свѣчи другую меньшую, св. Алексій отправился въ орду, совершилъ здѣсь молебенъ, освятилъ воду, и, по окропленіи ею царицы Тайдулы, болѣзнь прошла, и глаза ея съблались совершенно здоровы. Памятникомъ сего чуднаго исцѣленія,—служить самая св. обитель сія, построенная на мѣстѣ, подаренномъ ему Тайдулою,—и перстень—также даръ Тайдулы, хранящійся въ Московской Патріаршей ризницѣ.

Среди непрерывныхъ духовныхъ подвиговъ и неусыпныхъ трудовъ на пользу церкви и отечества достигнувъ глубокой старости, 85 лѣтняго возраста, и почувствовавъ приближеніе своей кончины св. Алексій въ послѣдній разъ совершилъ Божественную литургію, преподалъ благословеніе Великому князю и всему народу, и когда уста его произносили утреннія молитвы, св. душа его воспарила къ Богу. Это было 12 февраля 1378 года.

Кончина вполне достойная всей истинно-благочестивой жизни Царедника!—Чрезъ нѣсколько десятилѣтій, послѣ кончины, Господь прославилъ нетлѣніемъ св. тѣло его;—отъ св. мощей его, аки отъ спасительнаго источника, полились многоразличныя исцѣленія и чудеса, записанныя современниками и очевидцами; въ теченіе цѣлыхъ столѣтій народъ русскій не преставае, какъ и доселѣ не престае, прибѣгать съ вѣрою и любовью къ сему неусыпному молитвеннику о землѣ Русской! Самъ благополучно нынѣ царствующій Государь Императоръ, Александръ Николаевичъ, еще младенцемъ принесенъ былъ и сподобился принять святое Крещеніе и Мѣропомазаніе при мощахъ св. Алексія и положенъ на раку Великаго Святителя, и тѣмъ самымъ порученъ Его молитвамъ...

Мы коснулись теперь почти всей жизни св. Алексія, отъ дня его рожденія—до дня блаженной кончины, чему же можемъ поучиться при святомъ гробѣ семъ?—Тому, безъ сомнѣнія, что *благодетіе*, такъ нерѣдко забываемое въ нашъ вѣкъ, по преимуществу, практическаго направленія, *на все полезно есть*,—что вопреки современному свободомыслію нѣкоторыхъ, *память праведника съ похвалами и благословеніе Господне на мѣсть его!* и что наконецъ *во благословеніи правыхъ возысится градъ, усты же нечестивыхъ раскоплется!* (Прит. глав. XI. стих. X).

За симъ предлагаемъ вниманію вашему, —слуш., нѣсколько наставленій Богомъ просвѣщеннаго святителя сохраненныхъ для насъ временемъ, и особенно благовременныхъ для настоящихъ дней молитвы, покаянія и поста. „Братіе, какъ бы гласить онъ собственными устами изъ Святаго гроба сего, приходите къ іерею, отцу духовному съ покаяніемъ и слезами. Отвергните отъ себя всякія дѣла злыя, и не возвращайтесь къ нимъ. Истинное покаяніе въ томъ и состоитъ, чтобъ возненавидѣть свои прежніе грѣхи... Къ церковной службѣ будьте послѣшны, ибо церковь именуется земнымъ небомъ, и въ ней закаляется агнецъ—Сынъ и Слово Божіе, для очищенія грѣховъ всего міра; въ ней проповѣдуется Евангеліе Царствія Божія и писанія св. апостоль; въ ней престоль Славы Божіей, невидимо осѣняемый херувимами; въ ней руками священническими приемотся тѣло и кровь Божественная, и преподается вѣрнымъ на спасеніе и очищеніе души и тѣла. А входя въ церковь, вострепещи душею и тѣломъ, ибо не въ простую храмину входите. И не смѣйте, дѣти, прогвѣлять Бога своими разговорами въ церкви... Имѣйте знаменіе Христово въ душахъ вашихъ. Григорій Богословъ пишетъ: не легко украсть овцу, на которой положенъ знакъ. Знакъ же для овецъ стада Божія есть приобщеніе тѣла и крови Христовой. Посему, какъ овцы словеснаго стада, не пропускайте ни одного поста, не возобновивъ на себѣ сего знаменія, но будьте причастниками тѣла и крови Христовой“ (Приб. къ твор. св. отецъ 1848 год. стр. 102).

Великій Святителю Христовъ Алексіе! Ты похвала земли Російской, Ты и защищеніе, Ты сокровище неизживаемое дарованій духовныхъ (стих. на малой вечер.), вразуми насъ твоими молитвами и ходатайствомъ, и наипаче въ сіи спасительные дни св.

Четырдесятницы, руководствуи насъ къ истинной Богоугодной жизни и къ вѣчному спасенію, вѣрою и любовію чтущихъ св. память Твою! Аминь.

Слово въ недѣлю пятую Великаго Поста и праздникъ Благовѣщенія *).

И поемъ пики обанадесять, начать имъ глаголати, яже хотяху ему быти: яко се восходимъ во Иерусалимъ и Сынъ человеческій преданъ будетъ Архїереомъ и книжникомъ и осудятъ Его на смерть. (Мар. X. 33).

Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою! (Лук. 1, 28).

Такъ не задолго до страданій Господь Иисусъ Христосъ предсказалъ своимъ ученикамъ свои страданія, крестную смерть и воскресеніе, ожидавшія Его въ Иерусалимѣ, — вкратцѣ предсказалъ то, что мы подробнѣе услышимъ изъ Евангельскихъ чтеній въ имѣющую векорѣ наступитъ седмицу Страстей Господнихъ. — По истинѣ, воспоминаніе печальное для души вѣрующаго христианина!

Но не одно только это событіе воспоминаетъ нынѣ Св. Церковь, она торжественно воспоминаетъ Архангельское благовѣстованіе Пресвятой Дѣвѣ Маріи утѣшительное и радостное для каждаго изъ насъ Въ городъ Назаретъ къ Богоизбранной отроковицѣ является, по повелѣнію Божію, Архангелъ Гавріилъ и благовѣствуетъ о зачатіи отъ Нея Сына Божія. *Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою* привѣтствуетъ Пренепорочную Небесный Вѣстникъ. Такое сочетаніе двухъ воспоминаній въ текущемъ году однихъ изъ насъ, Сл. Хр., должно утѣшить и ободрить на пути спасенія, другихъ возбудить и расположить къ нему. И къ каждой душѣ христіанской Св. Церковь обращается съ словами Архангельскаго благовѣстованія, сказанными нѣкогда Пречистой Дѣвѣ Маріи *радуйся... Господь съ Тобою!* Въ ней самой, такъ сказать, должно совершиться торжество благовѣщенія въ сіи душе-спасительные дни Св. Четырдесятницы, хотя преполовившейся и близящейся къ концу; но не смотря на то, требующей отъ насъ

*) Произнесено въ Успенскомъ соборѣ 25 Марта 1873 года.

постоянныхъ подвиговъ поста и покаянія,—постоянной борьбы съ врагами спасенія — плотію, міромъ, діаволомъ. Какимъ образомъ христіанинъ можетъ всегда исполняться небесной, духовной радости, такъ сказать, ощущать въ своей душѣ благовѣстіе, и особенно въ настоящіе святые дни, которые Апостоль называетъ временемъ для насъ благопріятнымъ, днями спасенія?

Въ отвѣтъ на это, Сл. Хр., рассмотримъ вкратцѣ обстоятельство, предшествовавшія, сопровождавшія благовѣстіе Архангела и послѣдовавшія за онымъ, и приложимъ, по возможности, оныя къ состоянію каждой души христіанской, желающей всегда радоваться о Господѣ и торжествовать духовно.

Передъ пришествіемъ въ міръ Христа Спасителя, родъ человѣческій находился въ бѣдственномъ и самомъ томительномъ состояніи страха и трепета, ожидая за свои грѣхи гнѣва и казни отъ Божественнаго правосудія. Онъ ясно сознавалъ беспредѣльное величіе Божіе и свое ничтожество, не лицепріятное правосудіе Божіе и свои безчисленные неправды, и въ такомъ то состояніи скорби, печали и сокрушенія находились даже лучшіе люди Вѣтхаго Заѣта. Но вотъ въ мірѣ является заря, предвѣстница солнца, Пресвятая Дѣва, отъ Которой долженъ былъ родиться Святѣйшій Святыхъ, Богъ невидимый; открывается тайна, умолчанная отъ лѣтъ вѣчныхъ (Рим. 14. 24), сокровенная отъ вѣкъ и родовъ въ Бозѣ (Кор. 1. 26). Невмѣстимый Богъ вселяется въ Дѣвическую утробу.—Родившись отъ Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, Она, по ихъ обѣту, на трехлѣтнемъ возрастѣ вводится въ храмъ Господень и здѣсь подлѣ сѣнью Алтара Господня, пребываетъ въ молитвѣ и постѣ, въ чтеніи Божественныхъ писаній, въ благочестивыхъ размышленіяхъ о грядущемъ Мессіи. Какъ бы въ доказательство того, что Пресвятая Дѣва и въ скромномъ домѣ Іосифа, которому была обручена по выходѣ изъ храма, какъ нѣкогда во Святая Святыхъ, непрестанно упражнялась въ Богомыслии и молитвѣ—Икона Благовѣщенія представляетъ Ее въ молитвенномъ положеніи съ раскрытою предъ Нею книгою. И вотъ когда, какъ говорятъ учителя Церкви, она съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ помышляла о величій Той, Которая содѣлается Матерію Господа, Спасителя міра и мысленно желала быть у Нея послѣднею рабынею. Ей внезапно предсталъ Небесный Вѣстникъ съ торжественнымъ привѣтствіемъ:

Радуйся, Благодатная Господь съ Тобою! Ты самая та истинная Дѣва, Которой опредѣлено быть матерію Господа! (Св. Андрей Критскій). Чувство небесной радости наполнило душу Пречистой, по отшествіи Архангела: *и возрадовался духъ мой о Богѣ и Спасителѣ моемъ, что призрѣлъ Онъ на смиреніе рабы своея...* Сама Она засвидѣтельствовала впоследствии въ хвалебной пѣсни предъ своею родственницею Елисаветою. Нѣчто подобное, Сл. Хр., совершается и съ каждымъ вѣрующимъ христіаниномъ, когда онъ, преникнутый дѣйствіемъ благодати, и восчувствовавъ свое грѣховное состояніе, сокрушается скорбію о содѣянныхъ грѣхахъ, печалію по Богѣ, стремится въ дворы Господни, какъ стремится елень на источники водные,—считаетъ себя окаяннѣйшимъ изъ всѣхъ, съ чувствомъ глубокаго смиренія, въ искренномъ исповѣданіи грѣховъ, преклоняется предъ подножіемъ Креста Господня,—пытается выну духовно хлѣбомъ жизни, глаголами живота вѣчнаго и благомысліемъ. О какъ блаженъ этотъ христіанинъ! При такомъ сердечномъ расположеніи, радость, возвѣщенная нѣкогда Архангеломъ Пречистой Дѣвѣ Маріи, можетъ исполнить и его душу, — и онъ подобно Пренепорочной, можетъ воскликнуть *и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасителѣ моемъ!* И въ самомъ дѣлѣ, Сл. Хр., если истинно вѣрующій христіанинъ успѣлъ до сего дня примириться съ Богомъ, усердно посѣщаль святыи храмъ его, прилѣжно внималъ здѣсь чтенію и пѣнію сладчайшихъ его глаголовъ сокрушался и изливался предъ Нимъ въ искренномъ исповѣданіи грѣховъ, то не имѣетъ ли онъ достаточныхъ причинъ для чистой, небесной духовной радости по Бозѣ? И чѣмъ инымъ бываетъ для него служитель Церкви съ отраднымъ словомъ примиренія на устахъ при таинствѣ покаянія, чѣмъ другимъ бываетъ, какъ не Ангеломъ, возвѣщающимъ радость велію, изрѣкающимъ прощеніе грѣховъ, благовѣствующимъ милость и любовь Отца небеснаго? По истинѣ,—въ такъ расположенной душѣ христіанина незримо совершается торжество Благовѣщенія,—и онъ достойно можетъ возрадоваться радостію о Господѣ и торжествовать духовно.

Съ какимъ чувствомъ приняла Богоизбранная Отроковица благовѣстіе Архангела? Съ чувствомъ страха, недоумѣнія и смиренія. Самъ небесный посланникъ долженъ былъ сказать Ей слово ободренія: *Не бойся Маріамъ, говоритъ онъ, обрѣла бо еси благодать...*

Какъ будетъ сіе? въ недоумѣніи вопрошаетъ Богоотроковица. *Духъ Святой найдетъ на Тя и сила Вышняго осѣнитъ Тя*, — провѣщаль Архангелъ. *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему* — изречла Богоблагодатная. Съ подобнымъ же страхомъ, смиреніемъ и преданностію Богу должны и мы принимать тайну нашего Благовѣщенія! И служителю примиренія не нужно ли бываетъ говорить къ смущенной душѣ: „не убойся, ниже устращися, се бо азъ человекъ подобострастный есмь. Се Христосъ невидимо предстоитъ, видяи твои помышленія. Я только служитель Его недостойный и властію отъ Нею мнѣ данною прощаю и разрушю“! Но въ уничтоженной душѣ грѣшника, возникаетъ вопросъ: како будетъ сіе? Какъ загладятся преступленія, коими оскорблена мною вѣчная правда Божія. Какъ обновится духъ, истлѣвпій въ похотѣхъ, умерпій прегрѣшенми? Духъ Святой найдетъ на тя и сила Вышняго осѣнитъ тя, можетъ сказать и ей служитель Церкви. Самъ Духъ Божій, вся животворящій, ради крестной смерти, подъятой за тебя Сыномъ Божиимъ, обновить благодатію, всемошною, оправдаетъ, освятитъ, оживотворитъ духъ твой, и содѣлаетъ тебя новою тварію о Христѣ Иисусѣ, членомъ тѣла Его.

Такъ, по истинѣ блаженъ христіанинъ, если онъ въ сіи душепоспасительные дни, послѣ подвиговъ поста и покаянія, молитвъ и бдѣнія, предстоялъ служителю вѣры съ чувствами глубокаго сокрушенія и смиренія, исповѣдалъ предъ нимъ свои беззаконія, и потомъ, со страхомъ Божиимъ и вѣрою, приступилъ къ Святымъ Тайнамъ! Въ дупѣ его незримо совершилось торжество Благовѣщенія, она обновилась всецѣло, омылась въ крови Агнчей, освятилась, оживотворилась благодатію Божіей; и въ эти то минуты онъ особенно можетъ слышать и ощущать въ себѣ гласъ Архангельскій: *радуйся, ... Господь съ тобою!*

Казалось бы, что, послѣ чуднаго благовѣстія, для Благословенной въ женахъ, откроются тотчасъ же на землѣ свѣтлые дни радости и блаженства? Нѣтъ. Сл. Хр., на землѣ доколѣ она остается страню проклятія и изгнанія, ни кому нельзя быть безъ скорбей, — и особенно многи скорби на ней праведнымъ. Потому то Пренепорочной Дѣвѣ, избранной быть Матерію Господа, честнѣйшей Херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія Серафимъ, предстояло испытать тяжесть скорбей самыхъ ужасныхъ, такъ, что правед-

ный Сумеонъ, изображая всю лютость этихъ скорбей, уподобляетъ ихъ оружію, проходящему душу. *И Тебѣ самой оружіе пройдетъ душу*, изрекъ Ей праведный старецъ въ храмѣ Іерусалискомъ. И какихъ лютейшихъ скорбей, какихъ самыхъ ужасныхъ мукъ не испытала святѣйшая и чистѣйшая душа Богоматери? Еще благословенный плодъ чрева не созрѣлъ, а цѣломудренный Іосифъ колеблется на счетъ Ея бурей помысленій сумнительныхъ. Потому она скорбитъ надъ бѣдною Его колыбелью въ вертепѣ, бѣжить съ Нимъ въ Египеть отъ меча Иродова, сѣтуеть о Немъ въ теченіи всей смиренно-страдальческой жизни Его, рыдаетъ при Его истязаніяхъ, раздирается сердцемъ при крестѣ, види Его распинаема! И каждому христіанину; Сл. Хр., хотя онъ и удостоивается чистой, небесной радости въ дни сіи чрезъ благодать покаяніи и причащенія, предстоить (еще многими скорбями внити въ царствіе Божіе. Его неминуемо встрѣчаютъ сіи скорби, какъ только онъ начинаетъ очищать себя отъ всякой скверны плоти и духа, вступая въ рѣшительную борьбу съ страстною плотію, съ грѣховными похотями, воюющими во удѣхъ его и съ міромъ, во злѣ лежащимъ. Его ждетъ еще Голгова и предстоить Крестъ Христовъ, который онъ долженъ поднять изъ любви и благодарности къ своему Господу и для собственной радости и блаженства, долженъ поднять и нести во всю жизнь и распяться на немъ. Но не бойся, вѣрующій христіанинъ, крестъ страшенъ въ началѣ, а за нимъ—рай сладости и блаженства.

Вотъ какъ совершается въ душѣ нашей, Сл. Хр., тайна Благовѣщенія! Крестомъ начинается, — Крестомъ и вѣнчается. Счастливы ты, христіанинъ, несущій сей крестъ и послѣ таинствъ исповѣди и пречастія, идущій неуклонно за Спасителемъ на Голгооу. Сама Матерь Божія да усладитъ твое шествіе, облегчитъ, укрѣпитъ и речетъ: *„радуйся, Господь съ Тобою“!*

Поученіе въ Великій Пятокъ *).

*Богъ Сына своего не пощадѣ, но за насъ весьгъ
предалъ есть Его (Рим. 8—32).*

Пилать, Римскій Правитель Іудеи, желая расположить Іудеевъ къ невинному Іисусу и склонить ихъ на жалость къ Нему употребилъ такое средство — выставилъ Его въ измученномъ видѣ, съ терновымъ вѣнцемъ на главѣ, съ окровавленнымъ лицомъ, и воскликнулъ: *се человекъ!* Нѣчто подобное имѣеть въ виду Св. Церковь и нынѣ, въ сей великій день, посвященный нарочитому воспоминанію страданій и смерти Господа. — Желая возбудить въ насъ чувства сокрушенія о грѣхахъ и умиленія, Она послѣ трогательныхъ церковныхъ пѣснопѣній, износитъ предъ очи вѣрующихъ Св. Плащаницу, или изображеніе Распятаго, умершаго и погребеннаго Спасителя, и какъ бы взываетъ къ намъ: *се человекъ! Се человекъ,* обліянный кровію, прибитый ко кресту, біенный, умученный за васъ! *Возрите на Него и склонитесь къ жалости о себѣ самихъ, обратитесь къ Нему и видите, аще есть бользнь, яко же бользнь Его,* подъятая за васъ. — И, дѣйствительно, при взглядѣ на сей образъ Небеснаго Страдальца, лежащаго во гробѣ, чье сердце останется холодно къ Его страданіямъ и смерти? Чей глазъ не оросится горькою слезою при мысли, что Бого-человѣкъ Господь Іисусъ пострадалъ и умеръ за наши грѣхи? Кто не содрогнется при воспоминаніи о томъ, что каждый изъ насъ былъ виновникомъ и причиною сихъ ужасныхъ страданій и крестной смерти, что за каждаго изъ насъ пролилась на крестѣ драгоценная кровь Сына Божія?

Но, Сл. Хр., прежде чѣмъ по чиноположенію церковному, мы станемъ поклоняться Св. Плащаницѣ и лобызать на оной изображенныя крестныя язвы Господа, — дерзнемъ благоговѣйною и смиренною мыслию приникнуть къ великой тайнѣ искупленія, совершеннаго за насъ и для насъ на древѣ крестномъ, Агнцемъ Божиимъ, вземлющимъ грѣхи міра. — Подобное размышленіе тѣмъ необходимѣе для насъ, что по выраженію одного изъ учителей

*) Говорено въ Успенскомъ соборѣ. Апрѣля 2 дня 1876 г.

церкви, возносится выну мыслію на Голову, повертается выну ниць предъ Крестомъ Господнимъ, впрюю лобызая язвы Его, — составляетъ насущную потребность души Христіанской.

Богъ сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предаль есть Его — въ такихъ краткихъ, но сильныхъ и много выразительныхъ словахъ, говорить ап. Павелъ о великой тайнѣ искупленія.

И такъ, — чей образъ — изнесенъ нынѣ предъ нами, съ крестными язвами на рукахъ и ногахъ, съ прободеннымъ ребромъ, съ главою, увѣнчанною терніемъ, лежащій въ маломъ гробѣ? Это образъ Возлюбленнаго Сына Божія, *Единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1—14), Который, *будучи сіяніемъ славы и образомъ ипостаси Его*, — *держитъ все словомъ силы своей* (Евр. 1. III), Который *имѣетъ славу у Отца прежде бытія міра* (Іоан. 17—5), *о имени Котораго преклоняется всякое колено небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Филип. 2—10); это Образъ Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣка, Бого-человѣка Иисуса, который, когда пришла полнота времени, родился отъ жены, принялъ на себя образъ раба, сдѣлался подобнымъ человѣкамъ, уничижилъ себя самага, подчинился закону. . (Гл. IV фил. 11, 7 10).

Это образъ Спасителя нашего, Который, по вочеловѣченію, во время всей своей земной жизни, начиная отъ Виодеема даже до самой Голговы, терпѣлъ уничиженіе, *искушенъ былъ по всяческимъ* и страдалъ подѣ крестомъ различныхъ лишеній, скорбей и бѣдъ, — Который будучи Сыномъ Божиимъ, родился, какъ человѣкъ, въ малѣйшемъ градѣ малѣйшаго изъ царствъ земныхъ, былъ повитъ пеленами, положенъ въ ясляхъ, подвергнутъ кровавому обряду обрѣзанія, понесъ искушеніе отъ діавола, переносилъ алчбу и жажду, не имѣлъ мѣста, гдѣ преклонить главу, терпѣлъ поношенія и оскорбленія отъ фариисеевъ и книжниковъ, умылъ ноги своимъ ученикамъ, молился до кроваваго пота въ саду Геосиманскомъ, — былъ осужденъ на крестную смерть съ двумя злодѣями, — распятъ на крестѣ, напоенъ оцтомъ и желчію, прободенъ копіемъ, умеръ въ ужасныхъ страданіяхъ, оставленный всѣми, даже Отцемъ своимъ и, наконецъ, былъ заключенъ въ маломъ гробѣ, подобно мертвцамъ человѣческимъ. *Какой не измѣримо тяжкій крестъ, понесенный Начальникомъ нашего спасенія? Кто взвѣситъ его тяжесть? Кто исчислитъ разнообразное множество крестовъ, изъ которыхъ онъ, какъ изъ капель море,*

составляется? Такъ, Богъ Сына своего не пощаде. (Слова и рѣчи) Митр. Филарета (том. 1-й 1873 года).

Но для чего же, спросите, все это? Для чего Сыну Божию, *Его же Отецъ положи наследника всѣмъ. Имъ же и вѣки сотвори*, принявшему на себя естество человѣческое, надлежало такъ пострадать, -- и умереть такую позорною смертію. Отвѣтъ на сіе находимъ въ дальнѣйшихъ словахъ Апостола: *но за насъ всѣхъ предалъ есть Его.*—Онъ терпѣлъ, страдалъ и умеръ за насъ человѣковъ, за наши грѣхи и беззаконія, *нашего ради спасенія.*—Грѣхъ, который совершили прародители въ Раю, который угрожалъ намъ вѣчною погибелю, и за который не могли удовлетворить *Богу ни мы сами, ни заслуги святыхъ*, и даже самихъ Ангеловъ—по закону вѣчнаго Правосудія могъ быть изглаженъ только страданіями и смертію Бого-человѣка.

Въ Адамѣ всѣ мы согрѣшили и, по правосудію Божию, должны были понести наказаніе за грѣхъ, — а Бого-человѣкъ, Христосъ Іисусъ, принялъ это наказаніе на Себя, — *грѣхи наши Самъ вознесъ Тѣломъ своимъ на древо* (Пет. II—24). По правосудію Божию, всѣ мы подверглись проклятію за грѣхъ, а Онъ, по безконечному человѣколюбію, *искупилъ насъ отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою* (Гал. III. 13.) По правосудію Божию, всѣ мы осуждены были за грѣхъ на смерть, а Онъ, по своему неизрѣченному милосердію, воплотившись и вочеловѣчившись, умеръ за всѣхъ насъ и *своею смертію лишилъ силы имѣющаго державу смерти т. е. діавола* (Евр. II—15).

Христіанинъ! предстоящій нынѣ гробу Твоего Искупителя, желаешь ли видѣть не оцѣненные плоды, произросшіе для тебя отъ древа крестнаго, на которомъ пострадалъ и умеръ Бого-человѣкъ Іисусъ волею? Посмотри на эту окровавленную главу, увѣчанную терніемъ, — чрезъ этотъ терновый вѣнецъ и ты нѣкогда получишь вѣнецъ нетлѣнія;—на эти руки съ ранами отъ гвоздей: онѣ бывъ распростерты на крестѣ, отверзли тебѣ врата Небснаго Царствія. Взгляни на это прободенное ребро: — изъ него истекла кровь и вода, утоляющая твою духовную жажду. Посмотри на это изможденное тѣло, въ которомъ нѣтъ ни вида, ни доброты, оно питаетъ и укрѣпляетъ твою душу въ таинствѣ причащенія; — посмотри, наконецъ, на этотъ тѣсный гробъ, въ коемъ почилъ яко Левъ, волею за ны закланный Агнецъ Божій,

илъ него возсіяла для тебя жизнь новая, блаженная и святая. О безконечное милосердіе Божіе! О неизрѣченная Его благодать!

Но отъ сего живоноснаго гроба обратимся и къ самимъ себѣ, Сл. Хр., и помыслимъ: заслуживаемъ ли мы толикой несказанной милости къ намъ Отца Небеснаго? Стараемся ли, покрайней мѣрѣ, быть благодарными Ему за столь великое, безпримѣрное для насъ самопожертвованіе Сына Его? И что будетъ съ нами, если мы окажемся недостойными всего, что для насъ сдѣлано? Поищемъ въ собственной нашей совѣсти отвѣта на первые два вопроса; а на послѣдній будетъ отвѣчать намъ Правосудіе Божіе въ страшный день воздаянія Его праведнаго! Безъ всякаго сомнѣнія, Сл. Хр., насъ должна постигнуть самая горькая участь, если мы, закосяввая во грѣхахъ, окажемся недостойными великаго дѣла искупленія, *отще вльчимъ страданіе и смерть нашего Искупителя*, потому что, если такъ строго и не умолимо было правосудіе Божіе для самаго Сына Божія, въ страшную годину Его страданій, — то смягчится ли оно для насъ виновныхъ въ смерти сего праведника? Если оно допустило страдать Его, и страдать невыразимо, за чужіе грѣхи, то освободитъ ли отъ достойнаго наказанія насъ, которые грѣхами своими распяли, и доселѣ не перестаемъ *второе распинать* (Евр. VI. 6) нашего Господа? Увы, праведникъ погибаетъ за нечестиваго, невинный умираетъ за злодѣя и грѣшника! Что же будетъ съ самымъ нечестивымъ и грѣшникомъ? Рука правосудія сокрушаетъ и истребляетъ древо зеленое и плодовитое: какъ же избѣгнетъ сѣкиры и огня—древо сухое и неплодное? — Земледѣлецъ, истощая свои силы на обработываніе своей нивы, и видя ее безплодною, по неволѣ оставляетъ ее и проклинаятъ. Такъ поступлено будетъ и съ нами въ день гнѣва и праведнаго суда Божія, если мы окажемся неблагодарными Богу за Его о насъ попеченіе. Тогда то во всей силѣ своей разразится надъ нами громъ Правосудія Божія, *ибо не будетъ спасающаго, ниже милюющаго насъ*. Самая кровь Божественнаго Агнца, пролитая за насъ на крестѣ, будетъ вопіять объ огмщеніи насъ за ея поруганіе. Тогда геенна *въчная, отъ не утѣшующій, и чертъ не умирающій*, по непреложному слову Божественной Истины, будутъ нашимъ удѣломъ.

Какъ же, спросить кто, усвоить себѣ заслуги Искупителя, воспользоваться спасительными плодами Его страданій и смерти?

Св. Церковь, Сл. Хр., такъ ясно и удовлетворительно открыла намъ ихъ въ благоговѣйныхъ молитвахъ и умиленныхъ обрядахъ Св. Четырехдесятиницы, что не возможно, понявъ ихъ, не слѣдовать имъ. Живая и сердечная вѣра, искренное покаяніе, достойное принятіе Св. причастія, распинаніе плоти съ ея страстями и похотями,—вотъ что было предметомъ увѣщаній и напоминаній ея въ сіи Святые дни! Но поприще духовныхъ подвиговъ нашихъ, Св. Четырехдесятиница, уже окончилось, и, при этой мысли, мы невольно должны вспомнить о поприщѣ другой великой четырехдесятиницы жизни нашей. Когда оно окончится для насъ? Продлится ли оно еще, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ, мѣсяцевъ, даже дней? Сл. Хр., будущее для насъ не извѣстно, и скрыто подъ непроницаемою завѣсою. Будемъ же, одушевляемые святою вѣрою, стараться, на сколько достанетъ силъ, постоянно пребывать въ духовномъ бодрствованіи, молитвѣ и покаяніи! А теперь, — падемъ ницъ предъ гробомъ Божественнаго нашего Искупителя и, изъ глубины сердецъ нашихъ, возопіемъ къ Нему: *Покланяемся страстемъ Твоимъ Христе, — поклоняемся страстемъ Твоимъ Христе! Покланяемся страстемъ Твоимъ Христе! Покланяемся страстемъ Твоимъ Христе! По кажи намъ и славное воскресеніе Твое! Аминь.*

Прощальная рѣчь съ учениками Донскаго Духовнаго училища.

Любезные дѣти и ученики мои! Сегодня въ послѣдній разъ я прихожу побесѣдовать съ вами въ качествѣ вашего начальника и наставника. — Новое назначеніе на учебно-воспитательную дѣятельность въ другое училище, въ которомъ учатся такіе же дѣти, какъ и вы, только большею частію не имѣющіе родителей, и потому нуждающіеся въ большемъ призорѣ, уходѣ и воспитаніи, чѣмъ вы, разъединяетъ меня съ вами, и, говоря откровенно, мнѣ грустно разставаться съ вами особенно съ тѣми изъ васъ, которымъ я преподавалъ Законъ Божій и объясненіе богослуженія въ III и IV классахъ. Впрочемъ, при разставаньи съ вами, меня отчасти утѣшаетъ и успокоиваетъ та мысль, что, если не все, то большая часть васъ, посильными своими трудами и хорошимъ поведеніемъ, оправдывали и не престають доселѣ оправды-

вать надежды вашихъ начальниковъ и наставниковъ—видѣть въ васъ со временемъ добрыхъ людей, честныхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей, на пользу церкви и общества. Своимъ стараніемъ и внимательностію при изученіи важнѣйшаго для человѣка—христіанина изъ всѣхъ знаній, сущность котораго заключается въ томъ, да *познаемъ Бога истиннаго и да будемъ въ истинномъ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ* (Іоан. V. 20), вы облегчали для меня нелегкій трудъ преподаванія, и нерѣдко доставляли мнѣ минуты истиннаго удовольствія. Душевное спасибо вамъ за это!—Сердечно желаю, чтобы Господь всеильною своею благодатію и впредь помогалъ вамъ — учиться и вести себя еще лучше, заниматься еще ревностнѣе, чѣмъ прежде. Впрочемъ, прощаясь съ вами не могу удержаться отъ желанія—дать вамъ нѣсколько мудрыхъ совѣтовъ, взятыхъ изъ священнѣйшей для христіанина книги и несомнѣнно полезныхъ для человѣка во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни.—*Искупуите время* говоритъ апостоль, *яко дни лукави суть*, Вотъ первый совѣтъ вамъ.—Приучайтесь дорожить каждымъ часомъ, каждую минутою вашей жизни, и—всегда употреблять оныя на что либо полезное; потому что дни нашей жизни, съ ихъ злобою — заботами, хлопотами и разсѣянностію скоропреходящи, непостоянны, измѣнчивы; тогда какъ только постояннымъ трудомъ и непрерывными занятіями человѣкъ — христіанинъ исполняетъ высокое назначеніе своей жизни,—жить для труда и трудиться для жизни. — Приучившись къ постоянному труду вы не только во время первоначальнаго вашего образованія здѣсь, но и при дальнѣйшемъ образованіи,—гдѣ бы то ни было,—всегда найдете въ немъ надежную опору и вѣрное прибѣжище для себя въ трудныя и тяжелыя минуты вашей жизни. *Время—деньги*, говоритъ одна изъ народныхъ пословицъ, — и, дѣйствительно опытъ показываетъ, что кто съ малолѣтства умѣетъ цѣнить время, и съ пользою употребить оное, тотъ собираетъ и сберегаетъ для себя великое сокровище и наслѣдство.

Будьте мудры яко зми,—и *чисты яко голуби*, говоритъ Христосъ Спаситель. Вотъ второй, существенно важный и необходимо нужный для васъ совѣтъ,—и особенно послѣднія слова его. Старайтесь постоянно сохранять дѣтскую чистоту и непорочность своего сердца; а для сего избѣгайте дурныхъ товариществъ, вскромныхъ выраженій и непристойныхъ игръ. Все это, а осо-

бенно дурныя товарищества, какъ видно изъ опыта, нерѣдко на вѣкъ дѣлають человѣка несчастливимъ! Вотъ почему и псалмопѣвецъ говорить: *блаженъ человекъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ*, — называетъ блаженнымъ того, — кто чуждается сообщества съ дурными людьми. Если что особенно драгоценно въ дѣтяхъ, которые особенно близки Богу, предъ очами Божиими, такъ это ихъ младенческое незлобіе и простота, ихъ голубиная чистота и непорочность. — Помните, что за всякое праздное слово, сказанное человѣкомъ, онъ долженъ будетъ дать отчетъ Богу въ день судный, а тѣмъ болѣе за слово непристойное и оскорбляющее цѣломудріе. Въ будущемъ, если не всё, то большая часть изъ васъ, съ Божіею помощію, — поступитъ на служеніе церкви, въ той или другой степени, какъ же дерзнуть явиться на столь высокое служеніе, — съ сердцемъ нечистымъ и испорченнымъ?!

Непрестанно молитесь — вотъ и еще вамъ совѣтъ апостольскій. Дѣтская молитва особенно сильна предъ Господомъ; она восходитъ прямо къ Нему, какъ ойміамъ кадильный. Потому-то, во всё минуты вашей дѣтской жизни, радостны ли то, или скорбныя, старайтесь, сколь можно чаще, обращаться съ своею дѣтскою молитвою къ Тому, отъ котораго истекаетъ всякая премудрость и разумъ. — Помните, при этомъ, что Господь Богъ всевѣдущъ; Онъ все вѣдаетъ, все знаетъ; даже самое сокровенное, въ жизни человѣка, не можетъ отъ Него утаиться; помните, что Онъ вседѣсущъ, — и всегда близокъ къ человѣку, — находится ли онъ въ радости, или горѣ; помните наконецъ еще, что Онъ всемогущъ, и все можетъ сдѣлать, что Ему угодно; потому-то, и при вашихъ учебныхъ успѣхахъ и неуспѣхахъ, и въ вашей дѣтской радости или горѣ, сколь можно чаще и усерднѣе молитесь Ему—Отцу Небесному. Усердная молитва и неуспѣхъ обращаетъ въ успѣхъ, и горе превращаетъ въ радость. — Повѣрьте, что многіе и многіе извѣдали это своимъ собственнымъ опытомъ.

О всемъ благодарите... Но, съ молитвою въ храмѣ ли то, или дома, всегда соединяйте чувство благодарности. Благодарите Бога за все, что съ вами ни случится въ жизни, радость или горе, придетъ ли счастье или невзгода. Чувство благодарности, особенно истекающее изъ чистаго дѣтскаго сердца, самое пріятное для Господа. И къ самимъ начальникамъ, наставникамъ и

воспитателямъ—также старайтесь всегда относиться съ благодарностію. Они заботятся о васъ, вашемъ счастіи и благополучіи, какъ бы о счастіи своихъ собственныхъ дѣтей. Вы сами почувствуете это, когда время труднаго поѣва здѣсь пройдетъ, и наступитъ время жатвы,—т. е. когда вы сдѣлаетесь людьми самостоятельными и вступите на общественную службу. Дѣло и труды вашихъ воспитателей и наставниковъ, особенно въ настоящее время, — далеко не легки, потому-то старайтесь облегчить ихъ своимъ прилежаніемъ, внимательностію и хорошимъ поведеніемъ. — Это будетъ самою лучшею благодарностію съ вашей стороны за ихъ заботы и попеченіе о васъ. Да и какъ не благодарить? — Вы окружены теперь наилучшими условіями для вашего успѣшнаго развитія и образованія. Ваши наставники — люди опытные, преданные своему дѣлу; искренно любящіе васъ и зорко слѣдящіе за вашимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Доказательствомъ тому служить то, что училище, въ которомъ вы учитесь, находящееся подъ покровомъ Царицы Небесной, Донской Божіей Матери, — даже до 1874 года, постоянно преуспѣвало и отличалось своими учебными успѣхами. Самое перестроенное и обновленно училищное зданіе, по милости и щедротамъ высокопреосвященнѣйшаго архиепископа нашего, митрополита Иннокентія должно располагать васъ къ новымъ усиленнѣйшимъ трудамъ и занятіямъ. Оно теперь далеко не то, что старое училищное зданіе, въ которомъ учились ваши предшественники. Въ немъ сухо, тепло, чисто и просторно, и подъ тщательнымъ надзоромъ и уходомъ вашихъ воспитателей, вы живете здѣсь, какъ бы въ домахъ родительскихъ. И такъ поминайте всегда въ вашихъ дѣтскихъ молитвахъ трудящихся на пользу вашего образованія и воспитанія, и паче всего вашего высокаго благодѣтеля, отечески заботящагося о васъ, и всѣхъ прочихъ благодѣтелей, и усердно молитесь Господа, чтобы Онъ помогъ имъ правильно образовать и воспитать въ васъ будущихъ истинныхъ служителей церкви и общества. Повторяю опять — *молитесь и благодарите*,

Сими краткими совѣтами закончу мое прощанье съ вами. Хотѣлось бы еще и еще долго и долго бесѣдовать съ вами, какъ бывало бесѣдовалъ на классахъ Закона Божія; но не довольно ли на сей разъ будетъ, если хоть десятая доля моего скуднаго слова

найдеть доступъ къ вашему дѣтскому сердцу, — и съ Божіею помощію осуществится въ вашей настоящей и будущей дѣятельности?!

Въ заключеніе — еще разъ вамъ душевное спасибо за ваши посильные труды, усѣхи и благонравное поведеніе. Старайтесь хорошо учиться и благонравно вести себя и при новомъ начальникѣ, который скоро заступитъ мое мѣсто. — На память же обо мнѣ—оставляю вамъ каждому по брошюркѣ, передѣланной мною въ 1870 году съ иностраннаго языка, „нѣсколько воспоминаній о Неандеръ“. Въ ней найдете для всѣхъ много понятнаго, хорошаго и поучительнаго.—Еще разъ—прощайте !

Рѣчь при гробѣ Преосвященнаго Никодима Епископа Дмитровскаго.

Землии убо, —отъ земли создахомся и въ землю туюжде поидемъ, возглашаетъ церковная пѣснь при каждомъ повторяющемся печальномъ обрядѣ погребенія усопшихъ; и вотъ въ силу этого грознаго и непреложнаго суда Господня, изреченнаго еще въ раю надъ согрѣшившими прародителями всемогущимъ глаголомъ: *земля еси и въ землю пойдеши,*—земля еще разверзаетъ свои нѣдра, дабы воспріять на себя бранные останки въ Бозѣ почившаго, боголюбивѣйшаго, преосвященнѣйшаго епископа Никодима; разверзаетъ, по сужденію человѣческому, слишкомъ рано, когда онъ еще далеко не перешелъ предѣла жизни, указавнаго для всего человѣчества царь-пророкомъ Давидомъ, — разверзаетъ, по ожиданіямъ человѣческимъ, слишкомъ преждевременно, когда онъ еще такъ много обѣщалъ въ будущемъ на пользу святительскаго дѣла — церковнаго и общественнаго. — Что сказать въ утѣшеніе плачущимъ, болѣзнующимъ и чающимъ утѣшенія, при настоящемъ гробѣ, похитившемъ столь рано и безвременно—жизнь многодѣятельную и дорогую для всѣхъ предстоящихъ?

Развѣ то, что именно та самая земля и мѣстность, на которыхъ прошло дѣтство и отрочество новопочившаго, чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ того, дѣлается послѣднимъ пріютомъ его вѣчнаго упокоенія? Развѣ то, что таже самая обитель преподобнаго отца нашего Саввы Звенигородскаго, которая послужила

первоначальною колыбелью его духовнаго образованія и воспитанія, — грустно-торжественно принимаетъ его въ послѣдній разъ подъ сѣнь своего древняго храма на вѣчный покой? — Ей, — во истину такъ! — Ты, почившій въ Бозѣ іерарше, всегда, начиная съ юныхъ лѣтъ твоего дѣтства, особенно любилъ эту красиво-расположенную, древнюю обитель, въ которой впервые научился Богопознанію, — и вотъ въ награду за твою любовь къ ней, Господь судилъ тебѣ найти въ ней свой послѣдній вѣчный пріютъ. Во время своей тяжкой болѣзни, проживая въ стѣнахъ оной, ты, какъ передавали намъ, часто съ грустію восклицалъ: *Сей покой мой здѣ, во вѣкъ вѣка, здѣ веселюся, яко же изволихъ*, и вотъ Господь, молитвами преподобнаго Саввы Звенигородскаго, здѣ почивающаго нетлѣнными своими останками, устрояетъ согласно твоему послѣднему желанію. Пройдетъ нѣсколько минутъ, и земля сокроетъ до дня всеобщаго воскресенія твое бренное тѣло, но мы твердо вѣруемъ и уповаемъ, что твой духъ и память о тебѣ выну пребудутъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ обширнаго нашего отечества, которыя, въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ, были ознаменованы твоею неутомимою, многополезною дѣятельностію. Онѣ выну пребудутъ въ Спасо-Виѳанскомъ и Московскомъ разсадникахъ образованія и воспитанія духовнаго юношества, въ которыхъ ты такъ много, ревностно и самоотверженно трудился надъ воспитаніемъ и образованіемъ будущихъ служителей алтаря Господня. Онѣ выну пребудутъ и въ знаменитой лаврѣ царствующаго града на берегахъ Невы, въ которой ты нѣкоторое время такъ мирно и многополезно настоятельствовалъ, подъ мудрымъ руководствомъ старѣйшаго изъ іерарховъ Русской Церкви; и въ древнемъ славномъ Новгородѣ, на берегахъ Волхова, въ котормъ тебѣ суждено было Господомъ начать во истину не легкій подвигъ святительскаго служенія, и наконецъ въ первопрестольной столицѣ, на берегахъ Москвы, въ которую за годъ предъ симъ ты былъ призванъ вышею волею для продолженія своего святительскаго служенія въ санѣ помощника маститому архипастырю Московскому, и гдѣ тяжкая, долгая болѣзнь такъ неумолимо пресѣкла многообѣщающіе дни твоей жизни. Забудемъ ли и мы, заботящіеся о преуспѣяніи духовнаго просвѣщенія въ народѣ и предстоящіе теперь окрестъ гроба сего, то недалекое еще отъ насъ время, когда въ Бозѣ почивающій въ семъ гробѣ, еще въ санѣ

архимандрита и настоятеля древней Богоявленской обители принималъ живое участіе въ дѣятельности Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія то въ качествѣ дѣйствительнаго члена онаго, то въ должности временнаго председателя. Въ 1871 году, онъ былъ избранъ председателемъ Отдѣла по изданію журнала: Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. И въ томъ и въ другомъ дѣлѣ его руководство было плодотворнымъ. Выну исполненный сердечнаго стремленія къ истинѣ, онъ постоянно говорилъ и дѣйствовалъ въ духѣ святой истины. Много потрудился почившій для Общества и своими научными и археологическими трудами, всегда глубокоосновательными и строго критическими, которые онъ помѣщалъ въ изданіяхъ общества, и общество глубоко цѣнило его труды и дѣятельность, избравъ его единогласно въ почетные свои члены. Уже больной, въ послѣдній годъ своей жизни, онъ помѣстилъ въ изданіи общества два своихъ историческихъ труда. Ей воистину, имя почившаго долго и долго будетъ памятно въ исторіи Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Да упокоитъ же Господь Богъ, Отецъ свѣтовъ и всякія истины, душу новопреставленнаго святителя, преосвященнѣйшаго епископа Никодима, въ селеніяхъ праведныхъ, и архіерейство его да помянетъ во царствіи своемъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

II. Исторія.

Святая Благовѣрная Княгиня Ольга, во св. Крещеніи нареченная Еленою. *).

Святая Ольга, занимающая столь видное мѣсто въ исторіи распространенія Православія въ Россіи, доселѣ продолжаетъ жить въ сердцахъ чадъ Православной, Восточной Церкви, не смотря на тысячелѣтіе протекшее со дня Ея рожденія до нашего времени, — тысячелѣтіе, день котораго 11 Юля 1883 г. былъ торжественно отпразднованъ на мѣстѣ ея рожденія—въ Псковѣ, и другихъ мѣстахъ. Какъ Сама она, такъ ея внукъ Владиміръ, и Александръ Невскій, могутъ быть названы по преимуществу *Русскими святыми*, особенно чтимыми въ народѣ, святыми—возросшими, такъ сказать, на ея почвѣ, и принимавшими важное участіе въ ея славной національной исторіи. Доселѣ еще не только Русскіе, но и Греки питаютъ особенное благоговѣніе къэтой святой, тезоименитой ихъ настоящей Королевѣ, Ольгѣ Константиновнѣ; и потому, естественно, они сердечно желали какъ можно подробнѣе ознакомиться съ святою, славною жизнію Россійской Княгини Ольги, нареченной во св. Крещеніи Еленою.

Вотъ почему ученый Грекъ, Софокль Экономось, издалъ въ Афинахъ, еще въ 1867 году, интересную греческую брошюру, за-

* Заимствовано изъ Англійскаго журнала, издаваемого Д. Овербекомъ: *The orthodox Catholic Review* съ значительными дополненіями изъ Русскихъ источниковъ.

ключавшую въ себѣ исторію св. Ольги. Онъ написалъ ее по совѣту Архимандрита Кирила. Вы спрашиваете меня, возлюбленный Отецъ, говорить онъ въ предисловіи къ своей брошюрѣ, о блаженной Ольгѣ, когда она процвѣтала, и когда былъ освященъ Церковію день ея памяти для празднованія и восхваленія Православными Славянами, и почему ея имя не находится въ настоящее время въ нашихъ (т. е. греческихъ) мѣсяцесловахъ и Четь-Минейхъ. Охотно удовлетворяю ваше благочестивое желаніе, и представляю на вашъ просвѣщенный судъ все то, что я собралъ о святой Ольгѣ изъ авторитетныхъ и достовѣрныхъ Русскихъ источниковъ, присоединяя также къ означенному труду посильный краткій очеркъ (ὁ λόγος ἀποστολικός) о неудовлетворительномъ состояніи нашихъ Четвхъ-Миней...

Несторъ, старѣйшій изъ Русскихъ лѣтописцевъ, прозванный *Отцемъ Русской Исторіи*, повѣствуетъ что Св. Андрей Первозванный, сдѣлавъ Стахія первымъ епископомъ Константинопольскимъ, прошелъ Скиюю, воздрузилъ крестъ на горахъ Кіевскихъ и проповѣдовалъ Христа Славянамъ, населявшимъ означенную страну. Архіепископъ Филаретъ (въ своей исторіи Русской Церкви) высказываетъ по поводу сего такое мнѣніе, что Несторъ принялъ это преданіе изъ Корсуна (Херсонеса-Таврическаго), какъ частное мнѣніе, не какъ подтвержденный фактъ, потому онъ и прибавляетъ въ концѣ своего мнѣнія слѣдующія слова „*по народному преданію*“; но слово *преданіе*, какъ кажется относится только къ послѣднему факту, упоминаемому въ мнѣніи. именно, что Св. Андрей отправился изъ Россіи въ Римъ. Какъ бы то ни было, сѣмена христіанства, посѣяныя въ Россіи столь рано, взошли только, по прошествіи восьми вѣковъ, когда преемники Ап. Стахія сдѣлались духовными отцами и наставниками возникающей Русской Церкви.

Когда въ Константинополѣ царствовали Михаилъ III, а Фотій правилъ Великою Церковію, въ это время Моравскіе братья, Кирилль и Меодій, въ 863 году отправились въ Придунайскія страны для проповѣданія слова вѣчной жизни. Они первые ввели у Славянъ азбуку, искусство писать и перевели Библію на Славянскій языкъ, почему и получили наименованіе *первоучителей Славянскихъ*. По прошествіи нѣкотораго времени послѣ того, два соотечественника Рюрика, перваго Русскаго Князя, кіевскіе князья,

Аскольдъ и Дирь, съ сильнымъ войскомъ и 200 кораблей предприняли въ 866 году походъ на Константинополь и отовсюду облегли оный. Тогда Михаилъ воевавшій въ это время съ Турками, поспѣшилъ домой, пробившись черезъ станъ окружающихъ враговъ, и отправился вмѣстѣ съ Патріархомъ Фотіемъ въ храмъ Пресвятой Богородицы, расположенный въ Константинопольскомъ предмѣстїи, именуемомъ *Влахерны*,—въ торжественной процессїи изнесъ изъ онаго на море ризу (*Μαφόριον*) Богоматери, погрузилъ оную въ тихія воды, — и вотъ вдругъ поднялась сильная буря, разсѣявшая и истребившая корабли враговъ. Нѣсколько спасшихся челоуѣкъ признали въ постигшемъ ихъ бѣдствїи персть Божїй, послали уполномоченнаго отъ себя въ столицу, прося крещенїя, и, какъ говорить св. Фотїй, измѣнили свое нечестивое ученїе, которое исповѣдовали прежде, на чистую и незапятнанную религію христіанскую, и добровольно сдѣлались нашими друзьями и союзниками, хотя не задолго до сего хищнически нападали на насъ; и ихъ религіозная ревность оказалась столь великою, что они просили себѣ Епископа и священниковъ, и получили оныхъ,—послѣ чего они отправляли свои религіозныя обязанности съ необыкновеннымъ усердіемъ... „Миссіонеры Евангелїя разсѣивали божественное сѣмя Христіанства въ Россїи, вводя въ тоже самое время употребленїе *Кириллицы*, и провѣщая народъ Кирилловымъ переводомъ Библии. Единновременно съ этимъ упоминается также и о церквахъ, построенныхъ близъ Кїева, въ которыхъ были погребены Аскольдъ и Дирь, коварно умерщвленные воинами Олега. Олегъ, котораго Рюрикъ, по своей смерти, назначилъ воспитателемъ своего малолѣтняго сына Игоря, послѣ убїенїя Дира и Аскольда, сдѣлался правителемъ Кїева, города, ставшаго впоследствии *Матерїю Руси*. Впрочемъ Олегъ, хотя и оставался самъ язычникомъ, не препятствовалъ распространенїю Христіанства въ своей столицѣ. Велѣдствїе сего между Греками и Русскими возникли оживленныя сношенїя, и многіе изъ крещенныхъ Русскихъ служили въ Византїйской арміи и флотѣ. Когда Игорь достигъ совершеннолѣтїя, Олегъ женилъ его (въ 903 г.) на Ольгѣ, отличавшейся своею красотою и мудростїю.

По сказанїю Нестора, Ольга родилась въ одномъ селенїи *Выбутъ*, находящемся не подалеку отъ настоящаго города Пскова. Онъ, впрочемъ, не упоминаетъ объ именахъ ея родителей. Къ

счастію сохранились записи другой лѣтописи, авторомъ которой, какъ полагаютъ былъ Іоакимъ, поставленный въ 996 году первымъ епископомъ Новгородскимъ, родомъ Грекъ, прибывшій въ Россію съ книжницею Анною, супругою св. Владиміра. Она сообщаетъ, что Ольга родилась въ селеніи Изеворскомъ (Izevorgsky), называлась *Прекрасною*, и была правнукою Гостомысла, извѣстнаго воеводы, правившаго еще до Русскихъ князей Новгородомъ, и по совѣту котораго Русскіе призвали къ себѣ въ князья Варяга Рюрика, какъ нѣкогда и Греки призвали править собою Иноха, Кадма и Цекроповъ. Отецъ Ольги былъ родственникомъ Рюрика, и послѣ Олега она сдѣлалась правительницею Россіи. Что касается самаго происхожденія слова *Олга*, то мы не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, будто это слово произошло якобы отъ Греческаго глагола *Ελγω*, что значить *поднимать, возвышать* и что, слѣдовательно, наименованіе *Олги* равносильно наименованію: *Августа* т. е. святая, державная. Какъ кажется справедливѣе въ своемъ мнѣніи Византійскіе писатели, которые не называютъ ее Ольгою, но Ельгою, что достаточно указываетъ на настоящій истинный Скандинавскій корень слова, т. е. *Helga*, — означающій *пламя*. Съ Несторомъ согласуется жизнеописаніе Св. Ольги и въ *Четьихъ-Минейхъ*, составленныхъ Св. Димитріемъ Ростовскимъ изъ старинныхъ рукописей и разныхъ лѣтописцевъ. Она также называетъ мѣстомъ ея рожденія *Выбуть* и упоминаетъ объ ея славномъ происхожденіи. Родословная Книга (т. е. Степенная книга), которую началъ составлять Кипріанъ, Митрополитъ Московскій около 400 года, и которую Макарій, одинъ изъ его предшественниковъ, довелъ до 1559 года, повѣствуетъ, что Игорь, вступившій въ юношескій возрастъ, былъ страстный охотникъ, постоянно ѣздившій по городамъ, селеніямъ и лѣсамъ своихъ владѣній съ цѣлю травли дикаго звѣря. Вотъ, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда онъ охотился въ лѣсахъ, раскинувшихся на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Псковъ, онъ увидалъ на противоположномъ берегу рѣки свою любимую дичь, но такъ какъ у него не было лодки, то онъ стоялъ смотря на нее издали. Вдругъ нечаянно онъ увидѣлъ молодаго человѣка, переплывающаго рѣку, и попросилъ его перевезти себя на другой берегъ. Сидя въ лодкѣ, онъ пристально разсматривалъ гребца, и увидалъ, что это не юноша, но прекрасная лицомъ дѣвушка. Молодой Игорь воспламенился къ

ней любовію, и старался прельстить ее словами и общаніями. Но цѣломудренная дѣвица, замѣтивъ возбужденное состояніе Игоря, отвѣчала ему:—За чѣмъ ты возбуждаешься, князь, и думаешь о ничтожномъ? Твои слова показываютъ, что ты стараешься прельстить меня. Но я даже не хочу и слушать тебя. Выкинь изъ головы дурныя мысли. Вспомни, что ты князь, и долженъ служить для всѣхъ образцемъ добродѣтели; и если ты, уступая нечистой похоти, рѣшишься сдѣлать со мною что либо дурное, то какъ, въ такомъ случаѣ, съумѣешь обуздывать злыя страсти другихъ и справедливо судить твоихъ подданныхъ? Посему, оставь твою злую страсть, которая безчеститъ всякаго честнаго человѣка. Да, самые злодѣи возненавидятъ и осмѣютъ тебя. Знай и то, что ты никоимъ образомъ не восторжествуешь надо мною, хотя я слабая и одинокая женщина; и если бы ты прибѣгнулъ къ насилію, то ложе рѣки сдѣлается моею могилою; потому что я скорѣе соглашусь броситься въ рѣку, сохранивъ чистоту дѣвства, чѣмъ пережить мой позоръ. „Эта мудрая рѣчь блаженной Ольги глубоко поразила Игоря, и онъ со стыдомъ и въ молчаніи выслушалъ оную. Переплывъ рѣку, они разстались, но Игорю глубоко запали въ душу ея мудрость и цѣломудріе. И въ этомъ мѣстѣ Св. Димитрій Ростовскій почти повторяетъ слова Нестора, и по поводу оныхъ краснорѣчиво замѣчаетъ слѣдующее. — „Вотъ, по истинѣ, прекрасное и чудное начинаніе блаженной Ольги, которая, хотя и не познала еще истиннаго Бога, не слыхала еще Божіихъ заповѣдей, тѣмъ не менѣе обнаружила такую ревность къ цѣломудрію, что могла сохранить свое дѣтство въ чистотѣ, и мудрыми словами обуздать постыдную страсть молодаго князя, ведущаго чувственный образъ жизни. Лѣтописцы полагаютъ, что въ это время ей было 15 лѣтъ отъ роду“.

Когда наступило время, что Олегъ пожелалъ женить Игоря, вступившаго уже въ совершеннолѣтіе, то сей послѣдній, хотя ему и былъ предоставленъ свободный выборъ между многими очень красивыми молодыми дѣвушками благороднаго происхожденія, ни къ одной изъ нихъ не чувствовалъ влеченія, но постоянно помня о мудрой, прекрасной Ольгѣ, просилъ ее себѣ въ жены. Уступая его просьбамъ, Олегъ немедленно отправился за нею, проводилъ ее съ великими почестями въ Кіевъ, и законнымъ образомъ выдалъ ее за мужъ за Игоря.

По смерти Олега, въ 912 году, когда Игорь вступилъ на княжескій престолъ, не только Древляне, но и другіе сосѣднія племена, нарушили мирные трактаты, вторглись и грабили окрестныя страны; но Игорь, вооружившись скоро разбилъ ихъ. Въ это время Ольга родила сына, Святослава, который впослѣдствіи сдѣлался отцемъ великаго Князя Владиміра. Въ послѣдніе годы своей жизни Игорь обзрѣвалъ свои владѣнія, собирая обычную подать, но когда онъ пришелъ въ Древлянскую землю, то, какъ бы въ наказаніе за прежнее возмущеніе, обложилъ Древлянъ двойною податью. Древляне же, посовѣтовавшись съ своимъ княземъ, именемъ Мала, рѣшились убить его. И такъ, когда Игорь посылалъ главную часть своей арміи съ собранною данью въ Кіевъ и остался здѣсь только съ нѣсколькими воинами, то Древляне неожиданно напали на него, убили солдатъ, схватили Игоря, и варварски убили его близъ Коростеня, гдѣ онъ и былъ зарытъ въ землю.

Княгиня Ольга, взявши бразды правленія при малолѣтнемъ своемъ сынѣ Святославѣ, оплакала со всѣми своими подданными своего умерщвленнаго супруга, и жестоко наказала убійцъ — Древлянъ, прибѣгнувъ для сего, по свидѣтельству лѣтописцевъ, къ такимъ ухищреніямъ и уловкамъ, которыя очевидно свидѣтельствовали объ ея остроуміи и тактическомъ искусствѣ, свойственномъ тѣмъ временамъ и народу, хотя и не согласовались съ божественнымъ Евангельскимъ ученіемъ, въ которое она еще не была посвящена; потому что Древляне, вмѣсто изъявленія смиренія послѣ совершеннаго ими злодѣянія, на столько оказались дерзкими, что стали просить Ольгу въ жены своему князю Малу, быть можетъ, надѣясь, посредствомъ убійства Святослава впослѣдствіи подчинить себѣ его владѣнія. „Двадцать знаменитыхъ пословъ Древлянскихъ, говоритъ лѣтописецъ, приплыли въ ладьяхъ къ Кіеву, и сказали Ольгѣ: мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князья Древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супругою нашего князя Мала“. Ольга съ ласкою отвѣчала: „Рѣчь ваша мнѣ пріятна. Уже не могу воскресить супруга. Завтра окажу вамъ должную честь. Теперь возвратитесь въ свою ладью, и когда мои люди придутъ за вами, велите имъ нести себя на рукахъ“. Между тѣмъ Ольга приказала *на теремномъ дворѣ* ископать глубокую яму, и звать пословъ къ себѣ на слѣдующій день. Исполняя волю

ея, они сказали: „не хотимъ ни идти, ни ѣхать: несите насъ въ ладѣ! Кіевляне отвѣчали: „что дѣлать! Мы невольники: Игоря нѣтъ, и Княгиня наша хочетъ быть супругою вашего Князя“—и понесли ихъ. Ольга сидѣла въ своемъ теремѣ и смотрѣла, какъ Древяне гордились и величались, не предвидя своей гибели; такъ какъ Ольгины воины, донесши ихъ до середины двора, вмѣстѣ съ ладьею бросили ихъ въ яму. „Довольны ли вы сею честію?“ спросила у нихъ метительная Княгиня. Несчастные воплемъ изъявили раскаяніе въ убійствѣ Игоря, но было уже поздно; Ольга велѣла ихъ закопать живыхъ землею, и чрезъ гонца объявила Древянамъ, что они должны прислать за нею еще болѣе знаменитыхъ мужей, иначе Кіевляне не отпустятъ ее въ землю Древянскую. Легковѣрные повѣрили, и немедленно отправили въ Кіевъ лучшихъ гражданъ и начальниковъ своей земли. Тамъ, по древнему Славянскому обычаю, для гостей изготовили баню, и въ ней сожгли ихъ. Тогда Ольга велѣла сказать Древянамъ, что она уже идетъ къ нимъ, но желая предъ вступленіемъ во второй бракъ совершить тризну надъ могилою перваго своего супруга, просить ихъ сварить медъ въ Коростенѣ.

Ольга дѣйствительно прибыла со свитою къ этому городу, оросила слезами прахъ Игоревъ насыпала высокой бугоръ надъ его могилою, доселѣ видимый, какъ увѣряютъ, близъ сего мѣста и въ честь ему совершила тризну. Началось веселое пиршество. Отроки княгини Ольги угощали знаменитѣйшихъ Древянъ, которые вздумали, наконецъ, спросить о своихъ послыхъ, но удовольствовались отвѣтомъ, что они придутъ вмѣстѣ съ *Игоровою* дружиною.—Скоро дѣйствіе крѣпкаго меда отуманило головы неосторожныхъ. Ольга удалилась, подавъ знакъ своимъ воинами и 5,000 Древянъ, убитыхъ ими легло вокругъ могилы Игоревой.

Возвратясь въ Кіевъ, Ольга собрала многочисленное войско, и выступила съ онымъ противъ Древянъ, уже наказанныхъ хитростію, но еще не покоренныхъ силою. Она встрѣтилась съ ними, и юный Святославъ самъ началъ сраженіе. Копье, брошенное въ неприятеля слабою рукою отрока, упало къ ногамъ его коня; но полководцы Святослава съ воинскимъ крикомъ бросились въ битву. Древяне бѣжали съ поля, и затворились въ своихъ городкахъ. Чувствуя себя виновными болѣе чѣмъ, другіе, жители Коростеня цѣлое лѣто оборонялись съ отчаяніемъ. Тутъ Ольга при-

бѣгла къ новой хитрой выдумкѣ. „Для чего вы упорствуете? велѣла она сказать Древлянамъ: всѣ ваши города уже сдались мнѣ, и жители ихъ мирно обрабатываютъ свои поля: а вы хотите умереть голодомъ. Не бойтесь мщенія; оно уже совершилось въ Кіевѣ и на могилѣ супруга моего“. Древляне предложили ей въ дань медь и кожи звѣрей; но Княгиня, будто бы изъ великодушія, отказалась отъ подобной дани и желала имѣть единственно съ каждаго двора по три воробья и голубя. Они съ радостію исполнили ея требованіе, и съ нетерпѣніемъ ждали, чтобы Кіевское войско удалилось. Но вдругъ, при наступленіи темнаго вечера, пламя объяло всѣ дома ихъ. Ко взятымъ ею птицамъ Ольга велѣла привязать зажженный труть съ сѣрою и въ такомъ видѣ пустить ихъ на волю: онѣ, конечно, возвратились съ огнемъ въ свои гнѣзда, и произвели общій пожаръ въ городѣ. Устрашенные жители хотѣли спастись бѣгствомъ, и попались въ руки Ольгинымъ воинамъ. Великая Княгиня, осудивъ нѣкоторыхъ старѣйшинъ на смерть, другихъ на рабство, всѣхъ прочихъ обложила тяжелою данью.

Таковы подробности, передаваемыя лѣтописцемъ о мести и хитрости Княгини Ольги противъ убійць своего супруга—Древлянъ. Онѣ, какъ замѣчаетъ нашъ славный Исторіографъ—Карамзинъ, отчасти не согласны ни съ вѣроятностями разсудка, ни съ важностію исторіи, и, безъ всякаго сомнѣнія взяты изъ народной сказки, но въ основѣ ихъ должно лежать истинное происшествіе. . Истинное же происшествіе, отдѣленное отъ баснословныхъ обстоятельствъ, состоитъ, кажется, единственно въ томъ, что Ольга умертвила въ Кіевѣ Древлянскихъ пословъ, которые, быть можетъ, думали оправдаться въ убійствѣ Игоря, оружіемъ снова покорила сей народъ, наказала виновныхъ гражданъ Коростена, и тамъ, по обряду язычества, праздновала воинскими играми память Игореву.

Возвратившись, послѣ сего, съ торжествомъ въ Кіевъ, Ольга уже на слѣдующемъ году объѣхала всѣ свои владѣнія, раздѣлила страну на погосты, или волости, назначила подати, построила селенія и города, ввела гуманные законы, поощрила торговлю и промышленность, вообще сдѣлала все возможное, сообразуясь съ обстоятельствами, для благосостоянія своихъ подданныхъ; и даже дикихъ Древлянъ утѣшила благотворнымъ вліяніемъ мудрой адми-

нистраціи. И не одни только Древляне, но и прочіе подчиненные ей народы, долгое время съ благодарностію вспоминали объ ея мудрыхъ и благогворныхъ распоряженіяхъ. Водворивши такимъ образомъ всюду внутренний порядокъ и благоустройство, Ольга по своемъ возвращеніи въ Кіевъ, правила съ великою мудростію— награждала добрыхъ, наказывала злыхъ, творила справедливый судъ, выслушивала безъ отлагательства приносимыя ей жалобы, — и исполняла справедливыя требованія, питала жалость къ бѣднымъ и нуждающимся. и, при всемъ томъ, была страшна своимъ врагамъ. Во время ея правленія Россія сдѣлалась извѣстною и Европейскимъ Государямъ, такъ какъ она посылала посланниковъ въ Германію, съ тѣмъ чтобы заключить союзъ съ Императоромъ Оттономъ I. Она проводила честную жизнь въ безпорочномъ вдовствѣ, и все дѣла ея, хотя она была еще язычницею, были благоудны въ очахъ Божіихъ, и достойны той благодати, которая ожидала ее, когда она познала христіанскую истину. При вступленіи Святослава въ совершеннолѣтіе, Княгиня Ольга передала ему бразды правленія государствомъ, а сама, освободившись отъ всѣхъ заботъ, посвятила себя всецѣло мирной и благотворительной жизни.

Такимъ образомъ Ольга достигла уже тѣхъ лѣтъ, когда человекъ, удовлетворивъ главнымъ побужденіямъ земной дѣятельности, видитъ предъ собою близкій конецъ ея, и особенно чувствуетъ суетность земнаго величія.—Тогда истинная вѣра, болѣе чѣмъ когда либо, служить ему опорой, или утѣшеніемъ, въ печальныхъ размышленіяхъ о тлѣнности человека. Ольга была еще язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Господу угодно было, по Своей благодати, возсіять болѣе блестящій свѣтъ христіанской вѣры въ Россіи, чѣмъ тотъ, который только теплился доселѣ въ бѣдныхъ храмахъ, и свѣтилъ только не многимъ, и когда Онъ опредѣлилъ вести Россіянъ къ полнѣйшему познанію истины, то избралъ своимъ орудіемъ Княгиню Ольгу, такъ какъ видимо нашелъ ее избраннымъ сосудомъ для своей божественной благодати. Какъ мы замѣтили выше, Имя Божіе славилось уже въ Кіевѣ во времена Ольги; уже со времени Аскольда и Дира въ немъ были христіане съ священниками и храмами, въ которыхъ проповѣдывалось христіанское ученіе. Ольга слышала объ этомъ благовѣстіи евангельскомъ, открыла

свои очеса къ истинѣ, узрѣла безуміе и мерзость идольскаго служенія и пожелала очиститься крещеніемъ. Для того, чтобы получить болѣе точное познаніе объ истинномъ Богѣ, она отправилась въ Константинополь, столичный градъ, составлявшій тогда славу и украшеніе міра, бывшій питомникомъ св. Первозваннаго Апостола Андрея, въ которомъ благодатію св. Духа собирались вселенскіе Соборы, и хранились записи опредѣленій, постановленій и правилъ Св. Каѳолической Церкви;—какъ нѣкое безцѣнное сокровище; — городъ, въ которомъ самымъ блистательнымъ и торжественнымъ образомъ совершалось божественное богослуженіе, просвѣщавшее жителей онаго. Здѣсь также, не задолго до означеннаго времени (957 г.), былъ крещенъ Патріархомъ Теофилактомъ *Джайлазъ* (Gylas), князь Венгерскій, котораго воспріялъ отъ купели крещенія самъ Константинъ Багрянородный. Джайлазъ, при возвращеніи въ отечество, взялъ съ собою благочестиваго монаха Геродея, сдѣлавшагося впоследствии епископомъ Венгрии, и обратившаго многихъ язычниковъ къ христіанской вѣрѣ, какъ то утверждаютъ Зонаръ и Кедринъ. Въ 955 г. Ольга отплыла въ Константинополь. Она взяла съ собой священника Григорія, шестнадцать почетныхъ свойственниковъ, двадцать благородныхъ и знатныхъ госпожъ, и восемнадцать дѣвушекъ—служанокъ. По прибытіи въ Константинопольскую гавань, она отправила гонца къ Императору съ вѣстію, что прибыла сюда съ цѣлію обрѣсти свѣтъ истины, пріяты христіанскую вѣру черезъ крещеніе отъ руки Патріарха, дабы получить отпущеніе своихъ грѣховъ, умереть въ томъ же свѣтѣ христіанскаго богопочитанія, какимъ озарены могущественныя Императоры Царицы всѣхъ градовъ (т. е. Константинополя), и заключить съ ними братскій союзъ любви во Христѣ“. Таково сказаніе Нестора о прибытіи ея къ Константинополю. Императоръ Константинъ Багрянородный, весьма возрадовался при этомъ извѣстіи. Онъ самъ подробно описалъ торжественный приемъ ея, 9-го сентября, въ такъ называемой *храминѣ Юстиниановой*, и большое празднество, данное въ честь ея, 18-го октября, со всемъ блескомъ Византійской роскоши. (См. Визл. Γαζτω; В. іє стр. 594 — 598). Приводимъ нѣсколько любопытныхъ подробностей этого замѣчательнаго ея представленія къ Двору Константинопольскому.

Когда Ольга прибыла во Дворецъ, говорится въ описаніи, за

нею шли Княжескія особы, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, Русскіе послы и кушцы, обыкновенно жившіе въ Константинополѣ. Императоръ съ своею супругою и блестящей свитой придворныхъ и вельможъ, встрѣтили княгиню Ольгу; вошедши во дворецъ она остановилась тамъ, гдѣ Логоѣтъ или канцлеръ обыкновенно предлагалъ иноземнымъ посламъ вопросы. За нею у баясь стали Русскіе послы или чиновники (Α:θικρισιαρισι) и кушцы. Логоѣтъ ввелъ великую княгиню въ посольскую залу, гдѣ Императоры въ такихъ случаяхъ обыкновенно сидѣли на золотыхъ креслахъ, между всѣми чиновниками Двора, изъ которыхъ каждый отличался особеннымъ знакомъ. Поговоривъ съ Императоромъ, она долженствовала идти чрезъ разныя комнаты въ Августеонъ или круглое зданіе со многими крытыми переходами и тамъ сѣла. Когда Императоръ возвратился изъ залы въ палату, тогда слѣдовало второе представленіе въ комнатахъ у Императрицы. Въ Юстиніановой залѣ стояло возвышенное мѣсто, покрытое коврами багрянаго цвѣта; на немъ стоялъ тронъ Императора Θεοφιλα, а съ другой стороны золотыя царскія кресла, на тронѣ сидѣла Императрица, на креслахъ ея невѣстка. Ольгу проводили изъ Августеона въ ближайшую горницу, и ввели въ залу, когда въ оной собрались ближайшія госпожи. Церемониймейстеръ именемъ царицы предложилъ княгинѣ нѣкоторые вопросы; послѣ чего Ольга вышла въ другую комнату, называемую Σχόλα. Императрица также удалилась въ свои внутреннія комнаты. Туда же отвели и Княгиню Россійскую, гдѣ Императоръ находился со всѣмъ царскимъ семействомъ, посадивъ ее они вступили съ нею въ разговоры. Въ этотъ первый день, 9 сентября, былъ великолѣпный обѣдъ въ огромной, такъ называемой, *храминѣ Юстиніановой*, гдѣ Императрица сидѣла на тронѣ, и гдѣ Россійская Княгиня въ знакъ почтенія къ супругъ великаго Царя стояла до самаго того времени, какъ ей указали мѣсто за однимъ столомъ съ придворными дамами. Предъ обѣдомъ княжескія особы кланялись Императрицѣ до земли. Ольга же только кивнула головой. Русскіе послы обѣдали въ золотой палатѣ (Χρυσόστροφικίον). Въ часъ обѣда играла музыка, пѣвчіе славили величіе царскаго дома, и происходили пляски и танцы. Потомъ дарили гостей деньгами... На особенномъ золотомъ столикѣ были поставлены закуски приготовленныя для императорскаго семейства и гостей. Тогда на золотой

осыпанной драгоценными камнями, тарелкѣ, поднесли ей въ даръ 500 миліаризій (δραχματα μιλιαρρησια) т. е. 32 червонца; шести ея родственницамъ каждой по 20-ти — и восемнадцати служительницамъ каждой по 8. Октября 18 Княгиня вторично обѣдала во дворцѣ, и сидѣла за однимъ столомъ съ Императрицею, ея невѣсткою, съ супругою Романа, и съ его дѣтьми; самъ Императоръ обѣдалъ въ другой залѣ со всѣми Русскими. Угощеніе заключилось также дарами, еще болѣе умѣренными, чѣмъ первыя. Ольга получила только 200 миліаризій, а всѣ прочіе менѣе по соразмѣрности. Хотя тогдашніе Русскіе Государя не могли быть еще весьма богаты драгоценными металлами; но *одни учтивость*, какъ замѣчаетъ нашъ Исторіографъ, безъ сомнѣнія заставила Великую Княгиню принять въ даръ 16 червонцевъ.

Во время своего пребыванія въ Константинополь Ольга была наставляема въ истинахъ христіанской вѣры Патріархомъ Полиевктомъ, ежедневно присутствовала при богослуженіяхъ и, удивляясь величію христіанской вѣры, такъ воспламенилась горячею любовію къ Богу, что приняла св. вѣру безъ всякаго сомнѣнія, и воспріяла св. крещеніе отъ руки Патріарха. По ея просьбѣ Императоръ былъ ея восприемнымъ отцемъ, и назвалъ ее Еленою или потому, что такъ называлась его супруга, или въ честь св. Равноапостольной Елены, матери Константина Великаго. Послѣ крещенія она приняла Причащеніе отъ руки Патріарха, который обратился къ ней съ слѣдующими словами: Блаженна ты между Русскими женами, потому что оставила тьму и обратилась къ свѣту истинному, возненавидѣла многобожіе языческихъ идоловъ, и возлюбила Единаго истиннаго Бога, избѣгла вѣчной смерти и получила въ наслѣдіе жизнь безсмертную; отнынѣ всѣ сынове Русскіе нарекутъ тебя блаженною. Выѣстѣ съ Великою Княгинею Ольгою, была крещена и ея свита, мушныи и женщины. Когда наступило время отправиться изъ Константинополя, Княгиня Ольга отправилась къ Патріарху просила его благословенія, и получила оное, какъ драгоценное напутствіе на путь въ свою отчизну. Преклонивъ главу, она съ сердечнымъ умиленіемъ слушала увѣщанія и наставленія Патріарха о молитвѣ, постѣ, воздержаніи, милостынѣ, и прочихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Патріархъ далъ ей въ даръ драгоценный крестъ, св. иконы, богослужебныя книги, св. сосуды, и назначилъ ѣхать съ

нею одному изъ псаломщиковъ. Она же поднесла ему въ свою очередь, въ знакъ своего глубокаго уваженія, золотой дискосъ съ изображеніемъ Спасителя на драгоценномъ камнѣ. Императоръ простился съ нею, сдѣлавъ также предварительно многіе драгоценные подарки, и назвавъ ее своею *дочерию*.

Къ симъ достовернымъ извѣстіямъ о пребываніи Княгини Ольги въ Константинополь народное сказаніе прибавило въ древней лѣтописи Нестора слѣдующее: будто бы Императоръ, восхищенный ея разумомъ и красотою, предлагалъ ей свою руку и корону, но что Ольга—нареченная во св. крещеніи Еленою, отвергнула его предложеніе, напомнивъ своему воспріемнику объ ея духовномъ союзѣ съ нимъ, который, по христіанскому закону, служить препятствіемъ для вступленія таковымъ лицамъ въ брачный союзъ. Но это сказаніе очевидно не выдерживаетъ никакой критики: во 1-хъ Константинъ имѣлъ уже супругу; во 2-хъ Ольгѣ было тогда уже не менѣе 60 лѣтъ. Она могла плѣнить его своимъ умомъ, а не красотою.

Не смотря на все сіе, невольно рождается вопросъ: была ли довольна Ольга въ глубинѣ своей души пріемомъ, оказаннымъ ей при дворѣ Константинопольскомъ? Едва ли, и вотъ тому доказательство. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда въ Кіевъ туда прибыли Греческіе послы съ требованіемъ, чтобы Великая Княгиня исполнила свое обѣщаніе, и прислала въ Грецію вспомогательное войско; просили также даровъ, какъ то: невольниковъ, драгоценныхъ мѣховъ и воску.—Ольга отвѣчала имъ на это въ слѣдующихъ словахъ:—когда царь вашъ, постоитъ у меня на Почайкѣ (нынѣ маленькая рѣчка, текущая отъ Кіева къ Сѣверу, и впадающая въ Днѣпръ) столько же времени, сколько я стояла у него въ *Судѣ* (Константинопольской Гавани): тогда приплю ему дары и войско... съ чѣмъ послы и возвратились къ Императору.

Въ этомъ отвѣтѣ какъ бы слышится ироническій намекъ на то, что подозрительные Греки не скоро пустили Ольгу въ городъ, и что обыкновенная надменность Византійскаго двора оставила въ ея сердцѣ непріятное впечатлѣніе.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга усердно исполняла наставленіе Патріарха, и употребляла все мѣры къ тому, чтобы просвѣтить языческихъ обитателей Россіи истиннымъ свѣтомъ вѣры Христовой. Для сего, между прочимъ, она воздвигла церковь св.

Николая надъ могилою Аскольда, — и многіе Кіевскіе жители приняли христіанскую вѣру. Она пыталась также привести своего сына Святослава къ познанію истиннаго Бога; но гордый юный Княжичъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Могу ли, отвѣчалъ онъ, одинъ принять новый законъ, чтобы дружина моя насмѣялась надо мною? Впрочемъ онъ никому не препятствовалъ принимать крещеніе, и многіе изъ его войска и народа крестились. — Богобоязненная Ольга не ограничивала свои благодѣтельныя дѣла однимъ Кіевомъ; она ѣздила также въ Новгородъ и другіе города, истребляла идоловъ, обращала народъ въ христіанство, и повсюду воздвигала кресты, и свыше совершались многія знаменія и чудеса для утверженія вѣрующихъ и убѣжденія невѣрующихъ. Въ 965 году она посѣтила также страну Псковскую съ тѣмъ — чтобы повидаться съ своими родственниками, и обратиться къ Христу. Здѣсь она увидала три свѣтлыхъ луча, сходящихся съ неба на страну Псковскую, и на рѣку Великую; и всѣ бывшіе съ нею также видѣли этотъ свѣтъ.

Обратившись къ своей свитѣ Ольга сказала присутствовавшимъ: Знаете ли вы, что по волѣ Божіей, на семь мѣстѣ, освещенномъ тремя лучами, будетъ воздвигнутъ храмъ Пресв. Троицы, и основанъ великій и знаменитый городъ. Послѣ долгой молитвы она воздвигла на семь мѣстѣ крестъ; по возвращеніи же въ Кіевъ, она послала Псковитянамъ золота и серебра для построенія церкви св. Троицы. Этотъ храмъ сдѣлался, такъ сказать, ядромъ, около котораго вскорѣ возросъ знаменитый нѣкогда городъ Псковъ. Жители сего города, еще во времена Нестора, хранили у себя, какъ сокровище и святыню, *повозку* (ἔλυθρον) святыя Ольги.

Живя въ Кіевѣ, Ольга заботилась о своихъ внукахъ и ставляла ихъ въ христіанской вѣрѣ, но не крестила ихъ, боясь разгнѣвать тѣмъ своего сына. Между тѣмъ князь сей единственно думалъ о подвигахъ военной храбрости, и непрестанно воевалъ то съ Казарами, то съ Ясами и Касогами, то, наконецъ, съ Болгарами, которыхъ онъ покорилъ, и въ столицѣ которыхъ прѣшествовалъ; въ это именно время Печенѣги напали на Россію и осадили Кіевъ, въ которомъ затворилась Ольга съ своими внуками. Впрочемъ, по ея усердной молитвѣ, опасность была предотвращена; потому что когда Русскій воевода, по имени *Претичъ*, стоявшій на другомъ берегу Днѣпра, услышалъ о страш-

ной опасности, грозившей Кіеву, то послѣшили на помощь, разбилъ враговъ и преслѣдовалъ ихъ на далекое разстояніе. Тогда Ольга вышла изъ города на встрѣчу къ храброму воеводѣ, и послала гонца къ Святославу, продолжавшему пиршествовать въ столицѣ Болгарской, сказать ему, что онъ для завоеванія чуждыхъ земель жертвуетъ собственною, что свирѣпые враги едва не взяли столицу и семейства его, и чтобы онъ, сжалившись надъ бѣдствіемъ отечества, престарѣлой матери и юныхъ дѣтей своихъ, скорѣе воротился въ Кіевъ.

Святославъ не заставилъ себя долго ждать, — скоро вернулся, обнялъ свою большую мать и дѣтей, радуясь ихъ освобожденію отъ грозной опасности, но не могъ, при этомъ, забыть удовольствій и богатствъ Болгаріи, и заявилъ матери свое намѣреніе снова вернуться въ Переяславецъ, столицу Болгарскую.

Съ горькими слезами отвѣчала ему на это огорченная мать: „зачѣмъ ты хочешь оставить меня? Кому хочешь ты порекомендовать свою собственность, домогаясь того, что принадлежитъ другимъ? Твои дѣти еще не возросли, а я, преклонная въ лѣтахъ и больная, ожидаю скорой смерти, и желаю быть со Христомъ, въ Котораго вѣрую. Я не помышляю ни о чемъ иномъ. Крайне грустно мнѣ, что послѣ моихъ неоднократныхъ убѣжденій ознакомить тебя съ Христовою вѣрою, я не успѣла въ томъ. Впрочемъ, я знаю, что за это неповиновеніе, ты дурно кончишь здѣсь на землѣ, а по смерти потерпишь наказаніе, уготованное невѣрующимъ. Теперь исполни, по крайней мѣрѣ, мою послѣднюю просьбу. Остайся здѣсь, въ Кіевѣ, до дня близкой моей смерти. По смерти же пусть духовенство погребетъ мое тѣло по обряду христіанскому. Пусть надъ моею могилою будетъ насыпанъ надгробный холмъ, и не позволяй отправлять на оной трехдневное пиршество (тризну), какъ то обыкновенно дѣлаютъ Славяне въ честь своихъ усопшихъ вождей. Попли денегъ къ Константинопольскому Патріарху для раздачи бѣднымъ; пусть онъ молится Богу объ упокоеніи души моей“.— Таково было любвеобильное и трогательное завѣщаніе св. Ольги. Спустя три дня послѣ сего, почувствовала приближеніе смерти, она приняла святаго таинства покаянія и причащенія, и на четвертый день мирно опочила въ Господѣ, 11-го іюля, въ 969 году, имѣя девяносто лѣтъ отъ роду и оплаканная сыномъ, внуками и благодарнымъ народомъ. Ея

погребеніе совершилось, согласно завѣщанію, христіанскими священниками, на мѣстѣ ея самою для того избранномъ.

Преданіе нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, Исторія *Мудрою*, а Несторъ Лѣтописецъ знаменательно сравниваетъ ее съ *денищицею и луною спасенія*, послужившей убѣдительнымъ примѣромъ для Св. Князя Владиміра, и приуготовавшей торжество истинной вѣры въ государствѣ Россійскомъ.

Всѣ предсказанія Св. Благовѣрной Княгини Ольги, изреченныя ею передъ смертію, исполнились въ точности. Такъ напримѣръ, когда Святославъ возвращался съ убійственной войны противъ Цимисхія, Печенѣги окружили со всѣхъ сторонъ его войско, дали битву и убили его. Князь ихъ, Куря, отрубивъ Святославу голову, сдѣлалъ чашу, оправленную въ золото, изъ его черепа, съ слѣдующею, какъ говоритъ преданіе, надписью на оной: — *пойдеши за чужимъ, свое утратиши*. И другое предсказаніе касательно Россіи оказалось также истиннымъ, такъ какъ не прошло и двадцати лѣтъ современіи Ея блаженной кончины, какъ внукъ ея Владиміръ воспріялъ св. крещеніе, а съ нимъ почти вся тогдашняя Русь обратилась къ Христіанству. Онъ въ 996 году построилъ первую каменную церковь въ Кіевѣ въ честь Пресвятой Богородицы, и пожертвовалъ на ея поддержаніе десятую часть изъ своихъ княжескихъ суммъ, отчего она и получила наименованіе *Десятинной* церкви *). Съ помощію Леонтія, Митрополита Кіевскаго, онъ устроилъ перенесеніе въ Кіевъ останковъ своей матери, обрѣтенныхъ нетлѣнными и испускающими благоуханіе. Онъ поставилъ оныя на возвышенномъ мѣстѣ такъ, чтобы ихъ могъ видѣть весь народъ и вотъ—не только многіе страдающіе отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, и приближающіеся къ нимъ съ вѣрою, получали себѣ исцѣленіе, но и изгонялись демоны, и произносились истинныя предсказанія при мощахъ Св. Ольги, такъ что Имя Господа, *днано во святыхъ своихъ*, славилось и восхвалялось вѣрующими. Все это конечно превосходитъ

*) Такъ какъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ времени, эта церковь обратилась въ развалины, то Петръ Могила, Митрополитъ Кіевскій, вздумалъ возобновить ее. При раскопкѣ земли подъ соборомъ нашли тогда нетлѣнную главу св. Владиміра, и Митрополитъ торжественно перенесъ оную въ Кіево-Печерскій монастырь.—Прим. автора.

человѣческое разумѣніе, на мѣстѣ не менѣе было засвидѣтельствовано очевидцами чудесъ. *Плотскій человекъ не въруетъ въ такія чудеса, и не знаетъ, что благодатные дары Божіи (ухризма) сообщаются по мѣрѣ вѣры, и малыя дары—модямъ, одушевленнымъ малою вѣрою, и великіе — совмѣщающимъ въ себѣ обиліе вѣры (εὐρυχωρίαν),* какъ пишетъ св. Григорій Нисскій въ своемъ жизнеописаніи св. Макрины. Съ этого времени по всей Руси стали воздвигать многіе храмы, и нѣкоторые изъ нихъ посвящать имени св. Ольги. Равно и Греція достойно чтить память Благовѣрной Россійской Княгини, которой тезоименита настоящая Греческая Королева, Ольга Константиновна, и обращается къ ней съ усердными моленіями.

Быть можетъ нашимъ читателямъ покажется страннымъ, что св. Ольга, хотя и измѣнила при крещеніи свое прежнее имя на имя Елены, но доселѣ удержала, даже въ церковно-богослужебныхъ книгахъ, свое первое наименованіе. На это должно сказать, что подобные случаи не рѣдкость. Такъ напримѣръ Персидская мученица, *Голиндуха*, происходившая изъ знаменитой фамиліи, по принятіи Христіанской Православной вѣры, хотя измѣнила свое прежнее имя при крещеніи на имя *Маріи*, но тѣмъ не менѣе сохранила за собой свое языческое имя даже по своей смерти, и мы читаемъ въ Четвѣ Минейхъ (12 іюля): *Память св. мученицы Голиндухи*. Да и кромѣ св. Ольги св. Благовѣрный князь Владиміръ и другіе Русскіе святые доселѣ сохраняютъ въ церковно-богослужебныхъ книгахъ свои прежнія, носимыя ими до крещенія, наименованія, хотя къ нимъ и прибавляется: *во св. крещеніи нарѣченный, или нарѣченная имя-рекѣ...*

Теперь, постараемся показать, почему имя св. Ольги не числится въ Греческихъ жизнеописаніяхъ святыхъ. Достаточно извѣстенъ фактъ, что въ царствованіе Льва Мудраго (въ 887 г.) Русская церковь занимала шестьдесятъ первое мѣсто въ числѣ Архіепископій Великой церкви, и что всѣ Кіевскіе Митрополиты рукополагались Вселенскимъ Патріархомъ, по 24 правилу четвертаго Вселенскаго Собора, и многіе изъ нихъ были Греки. Посему каждое важное духовное дѣйствіе требовало одобренія и согласія Патріарха съ тѣмъ, чтобы сохранить нерушимыми духовныя узы между тою и другою церковію. Слѣдовательно каждая канонизація святыхъ въ Русской церкви, послѣ соборнаго изслѣдованія,

долженствовала быть первоначально одобрена Патріархомъ. Такъ поступилъ и Митрополитъ Кіевскій, Григорій, въ Патріаршество Іоанна Ксифалина (1072 г.) относительно канонизаціи св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Равнымъ образомъ и Θεогностъ, Митрополитъ всея Руси, по совѣту и одобренію Патріарха Іоанна Калеки (Καλέκας), въ 1339 г. канонизировалъ св. Митрополита Петра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что точно также поступали и въ прочихъ случаяхъ канонизаціи прежде или послѣ означенныхъ нами періодовъ времени. Посему недостатокъ письменныхъ документовъ не можетъ поколебать того нашего убѣжденія, что митрополитъ Леонтій, послѣ перенесенія мощей св. Ольги, и многихъ чудесныхъ отъ нихъ знаменій, ходатайствовалъ о согласіи Великой перкви причислить ее къ лику святыхъ, и Константинопольскій Патріархатъ, конечно не имѣлъ никакого основанія отказать въ своемъ на то согласіи. И когда Русская церковь спустя 150 лѣтъ послѣ паденія Константинополя, въ теченіе означеннаго періода несчастныя полигическія обстоятельства Востока временно прекратили сношенія между тою и другою Церковью, получила себѣ перваго Патріарха изъ Россійскихъ Митрополитовъ, поставленнаго Іеремію, Патріархомъ Константинопольскимъ и прочими Восточными Патріархами (въ 1582 г.), и когда Петръ Великій измѣнилъ Патріаршество на св. Правительствующій Синодъ, она никогда не преставала сноситься по всеѣмъ важнымъ дѣламъ съ Великою Церковью, принимая и признавая синодальныя постановленія сей послѣдней, и храня такимъ образомъ нерушимо братскія узы и единеніе. Сравнительно не такъ еще давно, при Патріархѣ Константинопольскомъ Константинѣ I, Русская Церковь входила въ сношеніе съ Константинопольскою касательно причисленія къ лику святыхъ Митрофана Воронежскаго, почившаго 24 ноября 1703 года, и обрѣтеніе мощей котораго послѣдовало 7 августа 1832 года. Согласіе и содѣйствіе Патріарха высказались въ томъ фактѣ, что на Аѳонѣ съ его соизволенія, впослѣдствіи была выстроена Церковь, посвященная имени святителя Митрофана, а въ храмѣ св. Гроба была поставлена его икона.

Но вслѣдствіе чего же мы не встрѣчаемъ въ Греческихъ Четь-Минеехъ ни имени св. Ольги, ни имени прочихъ Славянскихъ святыхъ?! Причина сего, кажется, состоитъ въ слѣдующемъ:—

когда Сумеонъ Метафрастъ, по просьбѣ Императора (какъ-то передаетъ Пселль), предпринялъ въ 914 году приведеніе въ порядокъ Греческой Минологіи (Четь-миней), скорѣе парафразируя, чѣмъ копируя документы, въ Русской церкви не было еще не одного національнаго святаго. Вскорѣ послѣ того Императоръ Василій Багрянородный (975) позаботился о томъ, чтобы всѣ минологіи, употребляемыя въ церквахъ, были составлены на основаніи древнихъ документовъ и мартирологій, и содержали въ себѣ жизнеописанія святыхъ на каждый день года. Одно изданіе означенной Минологіи было издано въ трехъ томахъ въ Урбино, въ 1727 году. Но и въ ней не оказывается Славянскихъ свитыхъ. Твореніе Іоанна Евхаитона (1030), исправившаго означенную Минологію, къ сожалѣнію, затерялось. Что же касается Мавриція, прозваннаго *Синиксаритомъ*, діакона Великой церкви, написавшаго сокращенную исторію жизнеописаній святыхъ, то мы не знаемъ вѣка, въ которомъ онъ жилъ; но полагаемъ, что, по всей вѣроятности, онъ жилъ въ то время, когда крестоносцы, разграбили Константинопольскіе архивы. Потому-то въ минологіи Мавриція нѣтъ многихъ жизнеописаній святыхъ, жившихъ въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ послѣ времени Сумеона Метафраста. Однако мы видимъ этихъ Палестинскихъ святыхъ въ одномъ манускриптѣ, сохранившемся доселѣ въ церкви св. Константина. Тоже самое можно сказать о Никифорѣ Каллистѣ Ксанфопулѣ (1333 г.) весьма тщательно обзрѣвшемъ всѣ документы въ извѣстномъ соборѣ св. Софіи (*Αγία Σοφία*), и составившемъ брошюру подѣ заглавіемъ *краткій обзоръ святыхъ въ теченіе года*, въ ямбическихъ стихахъ. Онъ, равно какъ и Христофоръ Патрицій, уроженецъ Митилена, жившій за долго до времени Мавриція, и составившій свою минологію, и всѣ ихъ послѣдователи, вполнѣ основывались на минологіи Сумеона Метафраста. Въ ихъ трудахъ рѣшительно нѣтъ полнаго описанія всѣхъ святыхъ Православной Каѳолической церкви

Наконецъ наступилъ роковой 1453 годъ, въ которомъ Константинополь впалъ въ руки невѣрныхъ, доселѣ еще благодаря Англійскимъ христіанамъ *), владычествующихъ въ немъ, когда

*) Не пужно забывать, что это пишетъ англичанинъ, давно уже извѣстный въ богословской сферѣ своими учеными трудами и своею ревностію по православію Д-ръ Овербекъ.

всѣ архивы Великой церкви были разграблены и все пришло въ смятеніе. Необходимымъ слѣдствіемъ рабства было усиленіе невѣжества въ народѣ, который ограничивался простымъ списываніемъ существующихъ документовъ, на сколько то было нужно для церковнаго употребленія, съ опущеніемъ многихъ частей. Различныя затрудненія этихъ временъ не позволяли заниматься благородными научными изслѣдованіями, такъ какъ умъ и энергія попораннаго народа были подавлены игомъ Турокъ. Тиранамъ не нравилось также и то, чтобы поработанные ими входили въ сношеніе съ прочими могущественными Православными націями, и особенно съ Русскими. По сему-то нѣкоторыхъ изъ Патріарховъ, обвиняемыхъ яко бы въ Руссофильствѣ, сводили съ Патріаршаго престола, а иныхъ даже вѣшали и задушивали. Такъ Паревній II, будучи обвиненъ въ томъ, что имѣлъ переписку съ Русскимъ Правительствомъ, былъ брошенъ въ море въ 1651 году. Въ 1657 году, Патріархъ Паревній III былъ повѣшенъ за то, что онъ, по ложному навѣсту, будто бы подуцалъ Казаковъ и Русскихъ напасть на Турцію. Въ 1659 году, Архіепископъ Гавриилъ былъ задушенъ въ Пруссіи, потому что онъ, яко бы „дружилъ“ съ Русскими. Великій Логоетъ, Константинъ Гуліанъ, и прочіе государственные люди Греціи, избѣгли висѣлицы, только спасшись бѣгствомъ. Въ 1722 г. Іеремія III былъ заключенъ въ тюрьму, такъ какъ его оклеветали въ томъ, что онъ, будто бы, побуждалъ Петра Великаго напасть на Турцію. Въ царствованіе Екатерины, Турки подозрительно смотрѣли на Грековъ Оттоманской Имперіи за то, что они праздновали день св. Екатерины. Въ 1807 году, при взрывѣ войны между Россією и Турцією, Патріархъ Григорій былъ вынужденъ разослать Энциклику съ увѣщаніями Православнымъ оставаться вѣрными Султану. Въ 1835 году, Патріархъ Констанцій I, былъ лишенъ сана, такъ какъ его заподозрили въ дружбѣ съ Россією, и что онъ былъ, *якобы*, причиною переселенія многихъ Болгарскихъ семействъ въ Россію. Въ 1852 году. *Питциніосъ*, отрекшійся отъ Православія, и сдѣлавшійся Папистомъ, клеветалъ на православныхъ, что они поютъ будто бы гимны, оскорбительные для государственной династіи, и только Патріархъ Анѳимъ IV, едва былъ въ состояніи убѣдить ослѣпленное Правительство въ злобномъ и ложномъ обвиненіи.

При такой явной ненависти и подозрительности со стороны Турокъ, казалось очень естественнымъ, что Греческіе подданные Турціи были, такъ сказать, всегда на сторожѣ, и не обнаруживали никакихъ знаковъ привязанности къ Россіи. Теперь, если бы какой православный житель Константинополя вздумалъ распространять Греческіе Минологіи внесеніемъ въ оныя Славянскихъ святыхъ, то на это, конечно, взглянули бы какъ на демонстрацію въ пользу Россіи. По сему когда Максимъ Маргуній, около 1529 года, освободилъ монаховъ отъ труда списыванія *Четь-Миній*, напечатавъ ихъ въ Венеціи, онъ ничего не могъ измѣнить въ сущности дѣла. Это насильственное сдерживаніе отъ всего, что только могло напоминать Россію, со стороны Византійскихъ Грековъ, обратилось въ такую національную привычку, что пережило даже періодъ Греческаго освобожденія. Такъ Варлоломей Кутлумусіанъ, хотя исправилъ и существенно улучшилъ прежнія изданія Минологіи, собравши для сего многія рукописи съ горы Аѳонской, и изъ монастыря пр. Богородицы на о. Халки, но и онъ, однако не внесъ въ нее жизнеописаній Славянскихъ святыхъ, слѣдуя примѣру прежнихъ составителей; а онъ, конечно, не могъ не ознакомиться, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторыми изъ оныхъ изъ Греческаго перевода Патерика, сдѣланнаго въ 1694 году, Космою, монахомъ горы Аѳонской, и сохранившагося доселѣ въ метохіи (*μετόχιον*) св. Гроба въ Константинополь.

Изъ приведенныхъ нами историческихъ фактовъ слѣдуетъ: 1) что во все время, какъ Русская церковь занимала шестьдесятъ первое мѣсто въ числѣ Митрополій Вселанскаго Патріархата, — канонизація Русскихъ святыхъ, всегда производилась съ согласія Великой церкви, которая признавая такимъ образомъ канонизованныхъ святыхъ, чтитъ ихъ, и побуждала вѣрующихъ къ благоговѣйному почитанію. 2) Приведеніе въ порядокъ и исправленіе Минологіи въ Восточной церкви, послѣ Василия Богрянороднаго, очевидно, велось небрежно и не точно. 3) Со времени паденія Константинополя невѣжество Грековъ и деспотизмъ Турокъ, вмѣстѣ съ ихъ ненавистію къ Россіи, имѣли слѣдствіемъ то, что даже пересмотръ Минологіи велся неопредѣленно и неаккуратно. Къ этому должно присовокупить и тотъ фактъ, что въ означенное время, почти въ теченіе полутора столѣтій, сама Россія терзалась внутренними беспорядками, что, конечно, затрудняло сно-

шеніе между обѣими церквами, и значительно вредно отозвалось на ихъ церковно-богослужесныхъ книгахъ. Съ тринадцатаго столѣтія, послѣ нашествія Татаръ, измѣненія, сдѣланныя православными мыслителями въ Славянскихъ Четь-Минейхъ въ жизнеописаніяхъ нѣкоторыхъ святыхъ, побудили неутомимаго Митрополита Московскаго Макарія—созвать Соборъ 26 февраля 1547 года, который и опредѣлилъ, что епископы и настоятели монастырей должны особенно тщательно озаботиться переводомъ Греческихъ Мартирологій и собраніемъ жизнеописаній Россійскихъ святыхъ, древнѣйшаго и новѣйшаго времени, изъ рукописныхъ источниковъ. Димитрій Ростовскій (1669--1700) составилъ изъ біографическихъ очерковъ, сдѣланныхъ имъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ подвѣдомаго духовенства, безцѣнное сокровище для Русской церкви, такъ именуемые *Четь-Миней*. Въ недавнее, сравнительно время, извѣстный Русскій духовный писатель, А. Н. Муравьевъ—собралъ въ двѣнадцать томахъ жизнеописанія: *святыхъ Русскихъ, Грузинскихъ и прочихъ Православныхъ Славянъ*. Свой замѣчательный трудъ онъ основалъ на одной рукописи сокращенной церковной Минологіи, составленной еще во времена Патріарха Никона. Трудъ Муравьева былъ напечатанъ въ Петербургѣ въ 1855 году. Покойный Феодоръ Вальяновъ, перевелъ два первые тома на Греческій языкъ. Большую услугу оказалъ бы Греческой церкви, тотъ, кто перевелъ бы и остальные томы, и издалъ бы ихъ въ цѣломъ.

Основываясь на вышесказанномъ, мы видимъ, что ни Св. Ольга, ни прочіе Русскіе святые, никогда не были включены въ Греческіе минологіи, но мы благоговѣйно чтимъ, какъ Ея честную память, такъ и память всѣхъ святыхъ и мучениковъ Русской Церкви. Потому что православная Каѳолическая Церковь, какъ Церковь вселенская, воспоминаетъ и восхваляетъ ежегодно всѣхъ, во всемъ мірѣ, угодившихъ Богу своею вѣрою и добрыми дѣлами, и прославленныхъ за то чудесами и причтенныхъ къ лику святыхъ св. Церковію и просіявшихъ, какъ наслѣдниковъ вѣчной славы. И великая Восточная Церковь признаетъ и восхваляетъ всѣхъ святыхъ, почившихъ въ благочестивой Россіи, и причтенныхъ Святѣйшимъ Синодомъ къ лику святыхъ, равно какъ и Русская Церковь признаетъ и почитаетъ святыхъ Греческихъ, какъ древняго, такъ и новаго времени. Церкви Греческая и Россійская суть едино.

Ихъ св. вѣра и православіе суть однѣ и тѣже. Единъ и тотъ же есть Святыи Духъ, освящающій святыхъ, и просвѣщающій іерарховъ къ обрѣтенію ихъ. Духовное общеніе между матерію и дочерію, между Русскою и Греческою Церквами, сохраняется непрерывно, неизмѣнно, постоянно, какъ и истина догматовъ, исповѣдуемыхъ одинаково тою и другою Церковію, и основанныхъ на единомъ краеугольномъ камнѣ вѣры, — какъ совершенно справедливо замѣчаетъ глава новѣйшей Греческо-православной каѳедры, Константіянъ Экономосъ. Святѣйшій Греческій Синодъ, по замѣчанію Софокла Экономоса въ 1867 году, озабоченъ теперь тѣмъ, что ходатайствуетъ предъ Вселенскимъ Патріархомъ объ установленіи чина богослуженія Св. Ольгѣ для совершенія въ Греческихъ Церквахъ. Къ этому онъ прибавляетъ, что Церковнымъ властямъ слѣдовало бы установить болѣе строгія правила канонизаціи, и внести въ Греческія минологіи Святыхъ Россійской Церкви.

Когда Греція возстала и сдѣлалась независимымъ королевствомъ, тогда западъ — этотъ непримиримый врагъ Православія не переставалъ стараться изъ всѣхъ силъ о томъ, чтобы отдѣлить Грековъ отъ ихъ Русскихъ единовѣрцевъ, всегда изъявлявшихъ самое искреннее сочувствіе къ своимъ собратіямъ по вѣрѣ, и помогавшихъ имъ въ дѣлѣ національнаго ихъ возрожденія. Но не одно только духовное общеніе между матерію и дочерію одушевляетъ ту и другую Церковь, но и родственныя связи соединяютъ обѣ націи, болѣе чѣмъ въ теченіе тысячелѣтій; такъ какъ Анна, дочь Императора Романа II, была за мужемъ, за св. Владиміромъ (988), до самой своей смерти (1014) неумоимо помогала ему въ распространеніи Православія на Руси. Лѣтописецъ Несторъ повѣствуетъ, что Усвольдъ, сынъ Ярослава, женился на Греческой княжнѣ, дочери Константина Мономаха. Алексѣй, сынъ Императора Исаака Комнина, женился на Евфиміи, внукъ великаго Князя Святослава. Мануиль Палеологъ женилъ своего сына Іоанна на Аннѣ, дочери Василя (1414 г.). И послѣ паденія Константинополя, Софія вторая дочь Ѳомы Палеолога, Господаря Морей и брата Константина, столь мужественно сражавшагося и павшаго въ бою предъ столицею, вышла за мужъ въ 1472 году за Великаго Князя, Ивана Васильевича, которому она принесла въ даръ государственннй гербъ Греческой Имперіи, двухглаваго орла, который доселѣ еще считается государственнымъ гербомъ Россійской Импе-

ріи. Съ означеннаго времени Россія едѣлалась болѣе извѣстною въ Европѣ, и вступила въ политическій кругъ Западныхъ націй. Между Греческими бѣглецами изъ Константинополя, поселившимися въ Россіи, находилось много ученыхъ людей, подвинувшихъ впередъ науки и искусства, и обогатившихъ церковныя книгохранилища цѣнными рукописями, спасенными отъ дикихъ варваровъ, во время оттоманскаго нашествія. Когда Великій Князь Василій увидалъ груды рукописей, собранныхъ матерію его Софією и нагроможденныхъ во дворцѣ, онъ сталъ искать челоуѣка, способнаго привести ихъ въ порядокъ, и перевести нѣкоторыя изъ нихъ; но не найдя таковаго въ Россіи, обратился къ патріарху, который ему ученаго монаха, Максима, постриженника горы Аѳонской, и обучавшагося до этого времени въ Парижѣ и Италіи. Такимъ образомъ супружескія узы, соединившіе Россію съ Константинополемъ, оказались также благодѣтельными и для цивилизаціи Россіи. Впрочемъ, эти литературныя сокровища, какъ ни были они значительны, не могли же удовлетворить требованіямъ ума, пробужденнаго единожды, и, потому стремившагося впередъ, но дали новый толчекъ къ дальнѣйшей его дѣятельности. Вотъ почему впоследствии Патріархъ Никонъ отправилъ монаха, Арсенія Суханова, на Востокъ для собранія и изслѣдованія новыхъ рукописей, оказавшихся ему нужными въ великомъ дѣлѣ исправленія Церковнобогослужебныхъ книгъ.

И теперь, черезъ четыре столѣтія,—такъ заканчиваетъ свою статью Д. Овербекъ,—Божественному Промыслу угодно было возобновить узы, связующія Греческій народъ съ Русскимъ, возведши на престолъ Эллады Короля Греческаго Георга съ его благочестивою Супругою, бывшею Русскою Княжною, Ольгою Константиновною, которая, по истинѣ, есть Матерь своего народа и вѣрная Дщерь своей Церкви. Православіе есть ея величайшее сокровище... Какъ нѣкогда радуга явившаяся на небѣ, послужила знаменіемъ мира и Божіяго благословенія, такъ и Царствованіе Ихъ, Королевскихъ Греческихъ Величествъ, да послужитъ печатью прошлаго и пророчествомъ будущаго,—*печатью*, что бѣдствія и страданія рабства оканчиваются, *пророчествомъ*, что наступаютъ лучшія времена.

Вполнѣ раздѣляя симпатіи достопочтеннаго Д. Овербека къ Православной, единовѣрной намъ Греціи, пожелаемъ и съ своей

стороны, чтобы Греческая Церковь восполнила опущенное ею въ ея минологіяхъ, и при пересмотрѣ оныхъ, включило въ оныя какъ жизнеописаніе Св. Благовѣрныхъ Княгини Ольги, такъ и другихъ Россійскихъ и Славянскихъ Святыхъ.

Очеркъ жизни св. Саввы, архіепископа сербскаго *).

Св. Савва, первый архіепископъ сербской восточной церкви и учредитель сербской іерархіи, былъ сынъ Стефана Немани 1, который соединилъ отдѣльныя области Сербіи подъ одну власть и почитается основателемъ этого государства. Домъ Немани далъ Сербіи десять государей, царствовавшихъ отъ 1159 до 1367 г. и въ этомъ періодѣ заключается исторія независимой, счастливой монархіи. До нашего времени дошли двѣ біографіи этого государя, написанныя въ 13-мъ столѣтіи его сыновьями, Саввою и Стефаномъ первоначальными.

Жизнь св. Саввы, написанная на сербскомъ церковно-славянскомъ языкѣ его ученикомъ, іеромонахомъ въ Халиндарѣ, Домитіаномъ, недавно была напечатана въ Бѣлградѣ литературнымъ обществомъ. Слѣдующій очеркъ взятъ изъ этого жизнеописанія, кратко переданнаго докторомъ *Кристикомъ* въ извѣстномъ его сочиненіи *Исторія Сербіи*.

Въ этомъ трудѣ опущены характеристическія, богословскія черты и подробности древней біографіи, но передаются тѣ важные факты изъ жизни св. Саввы, которые показываютъ, какого рода онъ былъ человекъ, и какое важное значеніе имѣлъ собственно для своего времени. Какъ смотрѣли на него соотечественники, легко можно видѣть изъ словъ сербскаго историка:

„Онъ отказался, говорить онъ, отъ блестящей жизни; но свѣтомъ своей вѣры и ученія стяжалъ себѣ и своему отечеству высшую славу. Изъ его добродѣтелей въ особенности ярко сіяютъ двѣ: благочестивая мудрость, съ которою онъ основалъ независимую, сербскую іерархію, и любовь къ отечеству, одушевленный которою онъ неоднократно спасалъ оное отъ вѣншихъ враговъ и внутреннихъ раздоровъ“.

*) Память его празднуется 12-го апрѣля.

Прежде поступленія въ иночество, Савва назывался *Растко*. Онъ былъ младшій сынъ великаго жупана Немани и родился въ то время, когда Неманя покорилъ подъ свою власть Боснію (около 1169 года). Въ дѣтствѣ Савва обнаруживалъ рѣдкія дарованія; какъ дитя, онъ былъ скромень, послушливъ и прилеженъ къ ученію. По исполненіи 15-ти лѣтъ, отецъ отдѣлилъ сыну часть своихъ владѣній, и онъ долженъ былъ жить въ нихъ особо съ своей свитою. По своему характеру, Савва рѣзко отличался отъ своихъ сверстниковъ; онъ съ радостію ходилъ въ храмъ Божій; избѣгалъ шумныхъ пировъ; былъ кротокъ и благочестивъ. На 17-мъ году родители немѣревались женить его, но Савва отказался, потому что въ сердцѣ его хранилось тайное желаніе всецѣло посвятить свою жизнь на служеніе вѣрѣ и народному благу.

Незадолго до описываемаго времени, во дворецъ Немани пришли нѣкоторые благочестивые старцы съ горы Аеонской. Между ними находился одинъ старецъ, родомъ изъ Россіи. Савва случайно былъ въ это время при дворѣ своего отца и познакомился съ посѣтителями, которые разказали ему про тихую, уединенную жизнь иноковъ на горѣ Аеонской. Тишина и безмолвіе иноческой жизни понравились благочестивому юношѣ, и онъ рѣшился вступить въ иночество. Онъ убѣдилъ аеонскихъ иноковъ взять его съ собою на святую гору. Когда наступило время отправляться имъ въ путь, Савва испросилъ у своего отца позволеніе выѣхать со свитою на охоту. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, онъ скрылся отъ своихъ спутниковъ и, при наступленіи ночи, присоединился къ ожидавшимся его старцамъ. Родители Саввы глубоко огорчились узавши о бѣгствѣ своего сына, и ихъ печаль усилилась еще болѣе, когда они услышали, что онъ ушелъ на Аеонскую гору. Неманя немедленно отправилъ пословъ требовать возвращенія своего сына, и чтобы сильнѣе понудить аеонскихъ иноковъ возвратить Савву народу сербскому, вручилъ имъ письмо отъ Солунскаго градоначальника.

Но можетъ ли человѣкъ воспрепятствовать тому, что устрояетъ Богъ? Послы Немани возвратились въ Сербію безъ всякаго успѣха, потому что при ихъ личномъ присутствіи Савва принялъ постриженіе и произнесъ иноческіе обѣты. Въ знакъ того, что надъ нимъ совершилась воля Божія, и что онъ сдѣлался теперь избраннымъ воиномъ Божиимъ, Савва послалъ отцу часть своихъ волосъ

и свѣтскую одежду; а въ утѣшеніе своихъ родителей написаль имъ письмо, въ которомъ, умоляя ихъ не считать его погибшимъ, отказывался отъ возвращенія въ Сербію и выражалъ надежду видѣть нѣкогда своего отца на горѣ Аѳонской.

Савва принялъ постриженіе въ 1186 или 1187 г., въ монастырѣ Русикѣ передъ праздникомъ Благовѣщенія, — потому что, уже какъ инокъ, онъ былъ приглашенъ на праздникъ Благовѣщенія въ монастырь Ватопедскій и получилъ особенно отличный пріемъ въ этомъ первомъ изъ всѣхъ монастырей горы Аѳонской. Онъ предавался здѣсь строгой иноческой жизни, ходилъ во власяницѣ и босикомъ, и просилъ позволенія вести совершенно отшельническую жизнь, но Протъ, первенствовавшій игуменъ св. горы, ради его молодости, отказалъ ему въ этомъ. Во время своего пребыванія здѣсь, Савва получилъ отъ своего отца письмо, съ большою суммою денегъ, которую онъ и раздѣлилъ между бѣдными. Неоднократно послѣ сего Неманя посылалъ деньги и различные дары на гору Аѳонскую; въ монастыри онъ жертвовалъ золотые и серебряные сосуды, шитыя золотомъ ризы и богато украшенныя иконы, а своему сыну — деньги для раздачи бѣднымъ. Савва нѣкоторую часть денегъ употреблялъ на милостыню бѣднымъ, а на остальныя строилъ монастырскія зданія и покрылъ соборную церковь свинцовою кровлею.

Прошло нѣсколько лѣтъ съ того времени какъ Савва поселился на горѣ Аѳонской, и вотъ Неманя, будучи, уже въ преклонной старости, пожелалъ видѣть своего сына и послалъ ему приглашеніе прибыть въ Сербію. Онъ отказался на этотъ разъ, и совѣтовалъ своему отцу сложить съ себя тяжкое бремя правленія, принять иноческое постриженіе и удалиться на святую гору. Также и своей матери онъ совѣтовалъ сдѣлаться инокинею. Благочестивый Неманя рѣшился послѣдовать этому совѣту. Преданный православною вѣрѣ, великій жупанъ, во время своего правленія, съ великою ревностію старался искоренить иновѣріе въ сербскомъ народѣ. Для сего онъ воздвигнулъ въ своемъ государствѣ много храмовъ и между прочимъ основалъ прекрасную обитель Студеницкую *). Жизнь сына служила ему примѣромъ, какъ онъ могъ,

*) Студеницкая обитель въ 50 верстахъ отъ города Карновица, въ нынѣшнемъ княжествѣ сербскомъ. Она стоитъ въ дикой гористой мѣстности,

на концѣ своей жизни, еще болѣе благоугождать Богу; и вотъ онъ рѣшился всецѣло посвятить послѣдніе дни оной на служеніе Ему Единому. Возымѣвъ это намѣреніе, Неманя собралъ весь свой синклитъ и народъ въ обитель Студеницкую, объявилъ имъ свое желаніе принять иноческое постриженіе, напомнилъ, въ какомъ дурномъ состояніи нашель онъ государство въ началѣ своего царствованія, и убѣждалъ ихъ жить въ любви и мирѣ. Послѣ сего, передъ всеѣмъ соборомъ духовенства, въ церкви св. Петра и Павла, *) онъ передалъ корону своему сыну Стефану, объявивши его великимъ жупаномъ, а второму своему сыну, Вулкану, отдать во владѣніе Жичу и наименовалъ его великимъ княземъ, приказавши, впрочемъ, во всемъ повиноваться старшему брату. Засимъ, угостивши вельможъ своихъ трапезою, онъ распростился съ ними. На слѣдующій день Неманя отправился съ своею женою Анною и епископомъ Калиникомъ въ Студеницкую обитель, и здѣсь, въ 1195 году, 25-го марта, въ праздникъ Благовѣщенія, принялъ постриженіе съ именемъ Сумеона. Одновременно съ этимъ приняла постриженіе и супруга его Анна, съ именемъ Анастасіи. Пробывши съ небольшимъ два года въ этой обители, онъ рѣшился оставить Сербію и отправиться на гору Аѳонскую—посмотрѣть на своего возлюбленнаго сына. Онъ взялъ съ собою много сокровищъ: различные церковные сосуды, иконы, облаченія, ризы, и отправился въ путь. Стефанъ сопровождалъ его до границъ Греціи. Ему пожелали сопутствовать также на Аѳонскую гору многіе вельможи, которые въ своей юности ратовали подъ его знаменами, и теперъ, въ преклонныхъ лѣтахъ, не хотѣли разстаться съ своимъ государемъ. Поздно осенью, въ началѣ ноября, Неманя прибылъ на святую гору и остановился здѣсь на нѣкоторое время въ монастырѣ Ватопедскомъ (1197 г.). Савва весьма былъ обрадованъ прибытіемъ своего отца на гору Аѳонскую, и трогательно было свиданіе престарѣлаго Сумеона съ своимъ сыномъ. Теперъ они общими силами могли оказывать монастырямъ

на югѣ Сербіи. Въ ней сохраняется много памятниковъ отъ временъ св. Саввы, какъ-то: его одежды, крестъ и пр.

*) Эта церковь доселѣ еще стоитъ вблизи Ново-Пасаро, на турецкой землѣ, въ старой Сербіи. Она мала, низка и близка къ конечному разрушенію.

различныя щедроты и благодѣянія, — устроили церкви, келліи для иноковъ и страннопріимные дома для бѣдныхъ. Между прочимъ, въ это время, украшена была прекрасною живописью трапеза въ Ватопедѣ.

Во время пребыванія Немани на св. горѣ, св. Савва два раза ѣздилъ въ Константинополь. Въ первый разъ посылалъ его игумень Ватопедскій по монастырскимъ дѣламъ. Греческій императоръ Алексѣй Комнинъ оказалъ ему радушный пріемъ. Съ успѣхомъ кончивъ данное ему порученіе и пользуясь расположеніемъ къ себѣ императора, онъ испросилъ у него позволеніе возобновить халиндарскій монастырь, находившійся тогда въ развалинахъ. Императоръ Алексѣй исполнилъ просьбу Саввы и онъ, возвратившись на Аѳонъ, началъ съ помощію своего отца возобновлять оный. Въ это время пришелъ къ нему нѣкоторый старецъ и убѣждалъ его устроить изъ Халиндаря сербскій монастырь; но когда игумень и братія Ватопедскаго монастыря не соглашались на это, то, по окончаніи работъ, Неманя снова отправилъ Савву въ Константинополь донести императору объ устроеніи монастыря и ходатайствовать, чтобы Халиндаръ былъ объявленъ императорскимъ монастыремъ и находился единственно подъ его вѣдѣніемъ. Второе путешествіе его въ Царьградъ было также благополучно, какъ и первое. Савва возвратился съ императорекою грамотою (хрисовулла), въ которой Халиндаръ былъ объявленъ императорскимъ монастыремъ, и привезъ своему отцу императорскій жезль, который должно было хранить въ церкви, и который монастырская братія, при выборѣ игумена, должна была поставлять среди себя какъ эмблему императора. Этотъ жезль означалъ, что императоръ утверждалъ новоизбраннаго игумена въ его санѣ. Халиндаръ сдѣлался тогда сербскою лаврою, которую великій жупанъ Стефанъ одарилъ многими землями и богатыми вкладами.

Неманя прожилъ на Аѳонѣ съ небольшимъ два года. Сдѣлавшись боленъ, онъ передалъ Саввѣ управленіе халиндарскимъ монастыремъ, и завѣщалъ ему перенести свое тѣло въ Сербію, въ Студеницкую обитель. Онъ скончался въ 1200 г., 13-го февраля, 87 лѣтъ отъ роду.

Савва, по его кончинѣ, продолжалъ вести богоугодную жизнь точно такъ же, какъ и началъ оную: строилъ церкви, раздавалъ милостыню, велъ строгую, отшельническую жизнь, спалъ на тростникѣ и жилъ въ уединеніи.

По ходатайству Прота Аѳонской горы, Домитіана, епископъ іерисскій Николай рукоположилъ его въ санъ пресвитера въ халиндарскомъ монастырѣ, а вскорѣ послѣ сего, когда онъ былъ посланъ по монастырскимъ дѣламъ въ Солунь, митрополитъ ессалійскій Константинъ, съ тремя другими епископами, возвелъ его въ санъ Солунскаго архимандрита. Савва писалъ объ этомъ своему брату въ Сербію и при этомъ случаѣ послалъ ему святое мѣро изъ гробницы отца.

Между тѣмъ въ царствѣ Сербскомъ возникло семейное несогласіе: между братьями Вулканомъ и Стефаномъ произошелъ раздоръ, вслѣдствіе котораго началась междуусобная война. Война была такъ кровопролитна и Сербія такъ сильно страдала во время оной, что многіе сербы оставили свое отечество. Съ помощію короля венгерскаго, Вулканъ отнялъ много земель у своего старшаго брата. Конечно онъ раскаялся въ послѣдствіи въ своихъ злодѣяніяхъ и возвратилъ брату отнятыя у него земли, но тѣмъ не менѣе зло и раздоры проникли уже въ страну; и нужна была нѣкоторая особенная помощь, чтобы возвратить Сербіи прежнюю силу и спокойствіе. Трогательнымъ посланіемъ молилъ Стефанъ своего брата Савву придти съ мощами родительскими въ родную землю и водворить миръ между единокровными.

Савва внялъ мольбамъ своего брата и взялъ съ собою тѣло своего родителя, св. Сѹмеона Мѹроточиваго. Съ великимъ торжествомъ оно было положено въ мраморномъ гробѣ, въ Студеницкой обители (1203 г.).

Онъ желалъ теперь снова возвратиться на Аѳонскую гору; но по усиленнымъ просьбамъ старшаго брата своего Стефана, согласился остаться на нѣкоторое время игуменомъ Студеницкой обители. Здѣсь онъ написалъ правила для иноковъ, постановилъ, чтобы старшій изъ братіи имѣлъ санъ архимандрита и назвалъ обитель Студеницкую Лаврою св. Сѹмеона. Обходя грады и веси, онъ всюду проповѣдывалъ евангельское ученіе, водворялъ благочестіе и исцѣлялъ болящихъ мѹромъ, истекшимъ отъ мощей своего родителя. Временно оставался онъ въ лаврѣ Студеницкой, но началъ воздвигать съ помощію брата своего Стефана и собственную обитель Вознесенія, въ урочищѣ Жича, намѣреваясь сдѣлать оную нѣкогда каедрою сербскаго митрополита.

Во время своего настоятельства въ Студеницкой лаврѣ, Савва

водворилъ миръ между сербами и болгарами, которыхъ вооружалъ противъ сербовъ Стрець, родственникъ болгарскаго князя.

Черезъ нѣсколько лѣтъ пребыванія своего въ Сербіи, Савва возвратился опять на св. гору. Но прежде сего онъ назначилъ на свое мѣсто игумена, написалъ для братіи уставъ и привелъ въ порядокъ монастырскія дѣла. Напрасно являлъ его Стефанъ снова въ Сербію, Савва, въ уединенной своей келліи на Кареи, оставался непреклоннымъ.

Дѣла Сербскаго государства снова пришли въ разстройство, когда великій жупанъ Стефанъ, вступивъ во второй бракъ съ родственницею венеціанскаго дожа Дандоло, вошелъ чрезъ это въ сношеніе съ Папою, который началъ домогаться, чтобы его вѣнчаніе на царство было совершено римскимъ епископомъ. Савва находился въ это время въ сношеніяхъ съ греческимъ императоромъ Θεодоромъ Ласкаремъ, на дочери котораго женился Радолавъ, сынъ Стефана. Онъ представилъ ему, какъ необходимо было сербамъ, для сохраненія вѣры восточной церкви, имѣть своего собственнаго архіепископа. Императоръ охотно принялъ это предложеніе, и патріархъ Германъ рукоположилъ его въ санъ перваго архіепископа Сербіи, въ городѣ Никеѣ, въ 1221 году. Савва сначала отказывался принять столь высокой санъ, но наконецъ согласился. Онъ постановилъ, чтобы сербскіе архіепископы были избираемы и рукополагаемы сербскими епископами.

Савва возвратился изъ Никеи на Аѳонскую гору и оттуда въ Сербію, гдѣ, какъ архіепискоцъ, былъ принятъ народомъ съ торжествомъ и радостію.

Какъ скоро было окончено построеніе монастыря въ Жичѣ *), назначеннаго имъ для кафедры сербскаго митрополита, онъ созвалъ въ оный духовенство и синклитъ, и въ праздникъ Вознесенія Господня (1222 г.) вѣнчалъ своего брата великаго жупана Стефана на царство, королевскою короною. По сему случаю возвратились къ православію многіе сербы, которые, во время неурядицъ въ своемъ отечествѣ, заразились было иновѣріемъ. Савва

*) Монастырь въ урочищѣ, называемомъ Жича, стоитъ на красивой мѣстности между рѣками Иберомъ и Моравою, недалеко отъ города Карановацъ; среди новыхъ построекъ можно еще видѣть остатки древней церкви.

всѣми средствами старался утвердить православную вѣру въ Сербіи. Онъ раздѣлялъ государство на 12-ть епархій *) и поставилъ въ нихъ епископами учениковъ своихъ, взятыхъ съ горы Аѳонской. Онъ проходилъ по всей странѣ, всюду поучая народъ вѣрѣ въ духѣ православной церкви.

Это было крайне необходимо въ это время, потому что въ сосѣднихъ странахъ и въ самой Сербіи начали распространяться разныя лжеученія. Правда, что Неманя многое сдѣлалъ для искорененія ихъ въ Сербіи, но Савва, какъ архимандриту, было предназначено докончить дѣло, начатое отцомъ.

Около этого времени Андрей, король венгерскій, изъявивши неудовольствіе на то, что Савва вѣнчалъ Стефана на царство, объявилъ сербамъ войну. Его войско приближалось уже къ сербскимъ границамъ. Стефанъ, не желая войны, молилъ своего брата отправиться къ венгерскому королю и склонить его къ миру. Савва отправился на свиданіе съ Андреемъ, и не только прекратилъ вражду, но даже сдѣлалъ его другомъ Стефану. Вскорѣ послѣ сего король Стефанъ сдѣлался боленъ, и Савва уже на смертномъ одрѣ постригъ его въ иночество съ именемъ Сумеона. По смерти его онъ вѣнчалъ на царство, въ Жичѣ, сына его Радослава въ 1228 году.

Вслѣдъ за симъ Савва оставилъ Сербію и отплылъ изъ Далмаціи въ Іерусалимъ. На пути своемъ, онъ посѣтилъ многія святыя мѣста, и на возвратномъ пути въ отечество съ честію былъ принятъ въ Никее греческимъ императоромъ Іоанномъ Ватцесомъ, который снарядилъ для него корабль, для отправленія на гору Аѳонскую. Отсюда онъ отплылъ въ Солунъ и возвратился въ Сербію.

По возвращеніи въ отечество, онъ во второй разъ прошелъ всю сербскую землю, утверждая святую вѣру и перенесъ изъ лавры Студеницкой въ Жичу тѣло своего брата, короля Стефана.

Такъ какъ его племянникъ Радославъ отказался неспособнымъ къ управленію дѣлами государства, или, по словамъ нѣкоторыхъ

*) Эти епархіи раздѣляли между собою земли отъ Бѣлграда до береговъ Адриатическаго моря и заключили въ себѣ настоящее княжество Сербію, Герцеговину, Цетинью. Старую Сербію и приморье или южныя берега Далмаціи.

историковъ, впалъ въ разстройство умственныхъ способностей, то вельможи возстали противъ него; онъ убѣжалъ въ Дураццо и и кормило правленія принялъ младшій братъ его Владиславъ. По совѣту его дяди, Радославъ принялъ иночество, и тогда Савва короновалъ на царство Владислава, третьяго короля Сербіи, и убѣдилъ его вступить въ супружество съ дочерью болгарскаго царя Асѣна. Владиславъ, по вступленіи на престолъ, началъ строить обитель *Милшевскую* *).

Пробывши нѣсколько лѣтъ въ Сербіи и видя, что православіе возстановлено и государство наслаждается миромъ, Савва возымѣлъ намѣреніе сложить съ себя трудныя обязанности архіепископа и, оставивъ свое отечество, еще разъ посѣтить святыя мѣста. Онъ открылъ свое намѣреніе королю, вельможамъ и епископамъ. Всѣ умоляли его не покидать Сербію, но самыя усердныя просьбы сановниковъ остались тщетными. Созвавши соборъ въ Жичѣ, въ присутствіи короля Владислава, вельможъ и епископовъ, онъ посвятилъ вмѣсто себя еккліасіарха Арсенія въ архіепископы Сербіи, и за сѣмъ, простившись со всѣми, отправился въ Діоклею и отсюда въ Акру. Изъ этого города онъ отплылъ Кессарію, посѣтилъ Іерусалимъ, Александрію, пустыню Мевійскую, Оиваиду, Іорданъ, Вавилонъ, Египеть, и черезъ армянскія и турецкія владѣнія прибылъ въ Константинополь. Во время путешествія, патріархи Іерусалимскій, Александрійскій и Антіохійскій, принимали его съ особеннымъ уваженіемъ и радушіемъ, а сарацинскіе султаны Дамаска и Египта съ большими почестями. Султанъ Дамаска, узнавши о прибытіи Саввы, приказалъ приготовить для него самое лучшее помѣщеніе и доставлять изъ своего дворца все необходимое для его содержанія; а султанъ египетскій назначилъ ему для жительства покои митрополита Египетскаго и снабжалъ его всѣмъ необходимымъ также изъ своего дворца. Митрополитъ, христіане, и самыя магометане дивились чрезвычайной милости, которой доселѣ еще не удостоивался отъ султана ни одинъ христіанинъ **). Во время своего путешествія,

*) Въ пяти верстахъ отъ с. Прилѣпа, въ вышней Герцогвинѣ.

**) Вышеприведенный рассказъ о приемахъ, которыхъ удостоился св. Савва во время своего путешествія, по мнѣнію автора этой статьи, можетъ показаться страннымъ и забавнымъ; но не должно забывать того, что даже

Савва собралъ много святыхъ мощей и другихъ драгоценныхъ, по священнымъ воспоминаніямъ, предметовъ, для препровожденія оныхъ въ свое отечество. Возвратившись въ Сербію, онъ пожелалъ посѣтить своего друга, болгарскаго короля Асѣна и, прибывши въ Болгарію, послалъ извѣстить его о своемъ приближеніи. Асѣнъ выслалъ къ нему на встрѣчу своихъ вельможъ и приказалъ имъ провожать его до Тернова, гдѣ онъ приготовилъ для его пребыванія свой зимній дворецъ. Асѣнъ оказывалъ Саввѣ особенное, дружеское расположеніе, и потому былъ весьма доволенъ его посѣщеніемъ. Въ праздникъ Богоявленія, по желанію короля Асѣна и патріарха Іоакима, онъ совершилъ божественную литургію въ Терновскомъ соборѣ и торжественный обрядъ великаго водоосвященія.

Это было послѣднее священнослуженіе Саввы, потому что вскорѣ послѣ сего онъ сдѣлался боленъ. Король Асѣнъ выѣхалъ въ это время на охоту, оставивши Савву въ своемъ дворцѣ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ, собравши бывшія у него свѣчи, книги, церковныя одежды и святыя мощи, часть ихъ подарилъ Болгарскому патріарху, а прочее отправилъ съ своими служителями въ Сербію. Такъ, и на смертномъ одрѣ своемъ, Савва продолжалъ заботиться о церкви своего отечества; онъ не пожелалъ, чтобы плоды его великихъ трудовъ и собранныя имъ церковныя сокровища остались у болгаровъ, въ чужой землѣ, а не у любезнаго ему народа сербскаго. Во время болѣзни навѣстилъ его патріархъ Іоакимъ и, видя, что Савва приближается къ смерти, просилъ его позволенія воротить короля съ охоты. Но умирающій Савва не велѣлъ тревожить короля и просилъ самого патріарха оставить его одного. Онъ скончался въ полночь, въ субботу, 12 января, въ 1237 году. Тѣло св. Саввы было погребено въ Терновѣ, въ храмѣ сорока мучениковъ. Асѣнъ приказалъ воздвигнуть надъ его гробницею памятникъ. Преемникъ и ученикъ Саввы, сербскій архіепископъ Арсеній, представилъ королю Владиславу, что было бы стыдно и безславно оставить тѣло св. Саввы въ чужой землѣ, внѣ Сербіи. Посему Владиславъ просилъ позволенія Асѣна перенести останки святителя изъ болгарской столицы Тер-

и въ настоящее время сербы приписываютъ великое значеніе степени радущія, съ которымъ принимаютъ гостя.

нова въ свое отечество. Когда же Асѣнъ изъявилъ на то согласіе, Владиславъ самъ отправился за мощами и велѣлъ перенести оныя съ великимъ торжествомъ въ Сербію и положилъ въ монастырѣ Милешевскомъ (1238 г.). Мощи сначала лежали подъ спудомъ, потомъ были вынуты изъ гробницы и открыто поставлены въ монастырской церкви, гдѣ они и почивали до 1595 г.; но въ этомъ году великій визирь Синанъ-паша разграбилъ монастырь, а мощи приказалъ нести до Бѣлграда, и публично сжегъ оныя въ Вракорѣ, одномъ изъ городскихъ предмѣстій. Вокругъ того мѣста, гдѣ было сожжено тѣло св. Саввы, благочестивые жители Бѣлграда соорудили ограду; но съ теченіемъ времени она разрушилась, и теперь это мѣсто болѣе неизвѣстно.

Св. православная церковь, равно какъ и римская, причислили Савву къ лику святыхъ и празднуютъ память его, какъ перваго сербскаго архіепископа и просвѣтителя, въ 12 день января. Въ Сербіи онъ почитается покровителемъ учебныхъ заведеній, и въ 1865 году, зала бѣлградской академіи была открыта сербскимъ княземъ въ день св. Саввы *).

Быль ли когда св. Апостоль Петръ въ Римѣ?

(Составлено по Англійскимъ источникамъ).

Вопросъ о пребываніи св. Петра въ Римѣ и его отношеніяхъ къ Римской церкви, безъ сомнѣнія, составляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ и важныхъ современныхъ церковно-историческихъ вопросовъ. Относительно его существуютъ три различныхъ мнѣнія: одни, и въ особенности римско-католическіе церковные историки и богословы, утверждаютъ, что Петръ находился въ Римѣ въ теченіи двадцати пяти лѣтъ и былъ епископомъ Римской церкви; другіе говорятъ, что онъ вовсе не былъ въ Римѣ; тогда какъ третій разрядъ писателей допускаетъ то мнѣніе, что, быть можетъ, Апостоль и приходилъ въ Римъ на краткое время предъ своею смертію, и пострадалъ здѣсь, но никогда не былъ епископомъ Римской церкви, и не жилъ здѣсь въ теченіи долгаго времени.

*) From the occasional paper of the Eastern Church Association. № 2 January. 1865.

Первое мнѣніе единственно основывается на извѣстномъ преданіи Евсевія, что Петръ отправлялся въ Римъ во времена Императора Клавдія (42 г.) для свиданія съ Симономъ волхвомъ, который многихъ прельщалъ; что онъ проповѣдывалъ Евангеліе и основалъ здѣсь церковь, былъ епископомъ этой церкви, и претерпѣлъ мученическую смерть при Неронѣ (въ 67 г.)^{а)}; отъ Евсевія заимствовалъ это преданіе Иеронимъ, и затѣмъ оно принято во всѣхъ церковныхъ исторіяхъ. Вотъ основаніе, на которомъ опирается первенство Римскихъ папъ; Римско-католическіе богословы, разумѣется, старались всячески защищать это мнѣніе, какъ непреложную истину; но основываясь на Свящ. Писаніи и древнихъ свидѣтельствахъ отцевъ церкви, мы смѣло можемъ думать, что св. Петръ никогда не былъ епископомъ Римской церкви; и что хотя онъ и потерпѣлъ въ Римѣ мученичество, но несомнѣнно посѣтилъ Римъ на самое короткое время, не задолго до своей кончины.

Изслѣдуя Свящ. Писаніе относительно означеннаго вопроса, мы можемъ начать съ того факта, который послужилъ причиною обращенія Апостола Павла. Когда это случилось? Это случилось по смерти Стефана, и во время сильнаго гоненія на христіанъ, какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Сиріи. Въ этомъ гоненіи Ап. Павелъ былъ дѣйствующимъ лицомъ, и очевидно принималъ въ немъ участіе еще прежде своего достопримѣчательнаго путешествія въ Дамаскъ.

На томъ основаніи, что Тиверій былъ явнымъ врагомъ Иудеевъ б), и оказывалъ расположеніе къ христіанамъ по причинѣ своего почтенія ко Христу в), мы не безъ основанія можемъ думать, что жестокое гоненіе на христіанъ отъ Иудеевъ произошло не въ царствованіе этого императора. Тиверій умеръ въ 37 году. Если мы предположимъ, что гоненіе, по смерти Тиверія, свирѣпствовало два года, то годомъ обращенія Апостола Павла, по всей вѣроятности, можно считать 39 годъ по Р. Х. Спустя три года послѣ обращенія Ап. Павла, онъ отправился для свиданія

а) Евсев. церков. истор. книг. II гл. XIV—XV.

б) Тацитъ. *Лѣтописи*, II. 85. Иосифъ *Иудейскія древности*. книг. XVIII 3—5.

в) Тертулл. *Апология*, гл. V.

съ ап. Петромъ, который былъ въ то время въ Иерусалимѣ г), такъ что время этого посѣщенія падаетъ на 42 годъ. До сего времени Ап. Петръ не оставлялъ Иерусалима, за исключеніемъ краткаго путешествія въ Самарію, въ сообществѣ съ Иоанномъ, по случаю извѣстія, что Самаряне приняли слово Божіе д); по отправленіи Ап. Павла изъ Иерусалима, по словамъ книги Дѣяній Апостольскихъ, Ап. Петръ *обходилъ востгъ*: такъ онъ путешествовалъ по значительной части Палестины, проповѣдовалъ Евангеліе язычникамъ въ дому Корнилія въ Кесаріи, и послѣ возвратился въ Иерусалимъ е). За тѣмъ началось гоненіе на церковь отъ Ирода. Ап. Петръ былъ схваченъ въ Иерусалимѣ и заключенъ въ темницу, изъ которой чудесно былъ освобожденъ Ангеломъ. Иродъ, узнавъ объ освобожденіи Ап. Петра, приказалъ предать смерти темничныхъ стражей, отправился въ Кесарію, и тамъ внезапно умеръ, въ четвертый годъ царствованія Клавдія, въ 45 г. ж). Вотъ время освобожденія Ап. Петра, и отсюда ясно видно, что до означеннаго времени онъ не оставлялъ на долгое время Иерусалима, и не могъ отправиться въ Римъ, какъ то полагаютъ, во второй годъ царствованія Клавдія.

По освобожденіи Ап. Петра изъ темницы мы знаемъ, что *онъ вышедши пошелъ въ другое мѣсто з)*, но въ какое мѣсто? Что онъ оставилъ Иерусалимъ на нѣкоторое время, это ясно; но что онъ отправился въ Римъ—на это нѣтъ никакихъ доказательствъ; напротивъ, принимая во вниманіе его особенное призваніе какъ Апостола обрѣзанія и), мы скорѣе можемъ думать, что онъ обратился на востокъ для Евангельской проповѣди многочисленнымъ Иудеямъ въ этой странѣ, а не въ Римъ, главное мѣстопробываніе язычниковъ, въ которомъ тогда находилось сравнительное меньшинство Иудеевъ, которые устремились въ значительномъ числѣ на западъ только по разрушеніи Иерусалима. Предположеніе, будто бы онъ отправился проповѣдывать Евангеліе среди язычниковъ, очевидно невѣроятно, если мы обратимъ вниманіе на ту силу,

г) Посл. къ Гал. I, 18.

д) Дѣян. VIII, 14.

е) Дѣян. IX, 36—39.

ж) Дѣян. XI 2, гл. 8, отд. 2.

з) Иосифъ „Иудейск. древности“ XIX кн.

и) Дѣян. XII. 17.

которая заключается въ слѣдующихъ словахъ посланія Ап. Павла къ Галатамъ: *и узнавъ о благодати, данной мнѣ, Иаковъ, Кифа и Иоаннъ почитаемые столпами, подали мнѣ и Варнаву руку общенія, чтобы намъ идти къ язычникамъ, а имъ къ обрѣзаннымъ* (Гал. II, 9). Мы снова встрѣчаемъ Петра въ Иерусалимѣ на состоявшемся тамъ соборѣ касательно вопроса объ обрѣзаніи, по каковому случаю, какъ кажется, собрались вмѣстѣ всѣ апостолы въ послѣдній разъ; изъ этого обстоятельства довольно ясно видно, что до сего времени Иерусалимъ былъ центральнымъ пунктомъ, въ который они всегда возвращались послѣ своихъ миссіонерскихъ путешествій по Палестинѣ. Время Иерусалимскаго собора опредѣляется самимъ Ап. Павломъ, именно спустя четырнадцать лѣтъ послѣ его обращенія; формою выраженія, повидимому, ясно указывается, что эти года должно считать отъ его обращенія, какъ *terminus a quo*, а не отъ его перваго путешествія въ Иерусалимъ послѣ обращенія i). Это опредѣляетъ время собора въ 53 году по Р. Х., и не только нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, что Ап. Петръ до этого времени когда-либо посѣтилъ Римъ, но и не остается ни малѣйшаго свободнаго времени, которое могло бы дозволить ему означенное путешествіе.

Спустя нѣсколько времени послѣ іерусалимскаго собора мы встрѣчаемъ Ап. Петра въ Антиохіи л). Послѣ этого обстоятельства, въ Священномъ Писаніи опять не встрѣчается положительныхъ фактовъ, относящихся до исторіи Ап. Петра: но намекъ на него въ первомъ посланіи Павла къ Коринѳянамъ, написанномъ въ Ефессѣ въ 57 году, ясно указываетъ, что до сего времени Ап. Петръ не имѣлъ опредѣленнаго мѣстопробыванія, и былъ принужденъ путешествовать вокругъ, изъ мѣста на мѣсто, съ проповѣдію Евангельскою:—*Или не имѣемъ власти имѣть спутницею сестру жему, какъ и прочіе Апостолы и братія Господня, и Кифа? м.)*. Въ концѣ перваго посланія Ап. Петра есть одно выраженіе, которое не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія касательно его мѣстопробыванія, когда онъ писалъ оное:— *Привѣт-*

i) Гал. II 7.

к) Гал. II, 1, 2.

л) Гал. II. 11.

м) 1 Кор. IX. 5.

стуетъ васъ избранная, подобно вамъ (церковь) въ Вавилонѣ и Маркъ смыслъ мой (1. Пет. V. 13). Предположеніе, будто подѣ Вавилономъ Ап. Петръ разумѣлъ Римъ, крайне неосновательно, и ни на минуту не можетъ выдержать исторической критики н). Противно всеѣмъ здравымъ началамъ истолкованія разумѣть аллегорическій смыслъ въ собственномъ имени, встрѣчающемся среди простыхъ историческихъ фактовъ. Сверхъ того, страны упоминаемыя въ началѣ посланія „Понтъ, Галатія, Каппадокія, Асія и Вионія“ перечисляются отъ востока къ западу и югу, въ какомъ порядкѣ и естественно было перечислить ихъ писателю, пребывавшему въ Вавилонѣ, а не отъ запада къ востоку, какъ конечно сталъ бы перечислять ихъ писатель, проживавшій въ Римѣ. Посему, мы не безъ основанія можемъ заключать, что изъ Антиохіи Ап. Петръ отправился на востокъ, и написалъ свое первое посланіе въ Вавилонѣ,—вѣроятно, около 60 года по Р. X. о).

Изъ всего этого ясно, что преданіе, будто Ап. Петръ въ теченіе 25 лѣтъ былъ Римскимъ епископомъ, не только безосновательно, но и совершенно противосрѣчить историческимъ фактамъ.

Мы можемъ привести и другой родъ доказательствъ въ подтвержденіе того, что Ап. Петръ не жилъ въ Римѣ до этого времени. Посланіе къ Римлянамъ, по согласію всеѣхъ тщательно изучавшихъ хронологію жизни Св. Павла, было написано въ 58 году, но въ немъ нигдѣ не содержится ни малѣйшаго намека на Ап. Петра. Посланіе обращено „ко всеѣмъ, находящимся въ Римѣ, возлюбленнымъ Божіимъ, призваннымъ святымъ“ (Рим. 1. 7), въ немъ упоминаются многія имена, но имени Петра нѣтъ. Это отсутствіе всякаго указанія на него дѣлается мало понятнымъ, если бы онъ находился въ это время въ Римѣ, или даже еслибы онъ потрудился здѣсь въ Евангельской проповѣди прежде, и еще болѣе непонятнымъ отъ значительнаго числа любвеобильныхъ привѣтствій въ концѣ посланія къ членамъ Римской церкви.

Самъ Ап. Павелъ былъ приведенъ въ Римъ, какъ плѣнникъ, въ 61 году, и въ теченіе двухлѣтняго пребыванія своего здѣсь, въ

н) Евсевій. Церков. Исторія. II. 15.

о) По мнѣнію Англійскаго профессора Визелера. Journal of sacred literature, vo. I. pp. 314, 315.

гостинницѣ п), продолжалъ свою проповѣдь о царствіи Божіемъ. Въслѣдъ за своимъ прибытіемъ онъ созвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ изъ Іудеевъ и изложилъ предъ ними причину своего прибытія въ Римъ, и ихъ слова въ отвѣтъ ему: *желательно намъ слышать отъ тебя, какъ ты мыслишь, ибо извѣстно намъ, что о семъ ученіи вез отъ спорять*, ясно показываютъ, что до сего времени Евангеліе не было вполнѣ, или особенно, проповѣдано Римскимъ Іудеямъ. Не должны ли мы заключать изъ сего, что Петръ, *Апостолъ обрѣзанія*, не былъ здѣсь? — Невѣдѣніе Римскихъ Іудеевъ касательно христіанскаго ученія совершенно непримиримо съ тѣмъ положеніемъ, что Ап. Петръ жилъ и трудился между ними. Во время своего темничнаго заключенія, Ап. Павелъ написалъ посланія къ Ефесянамъ, къ Колоссянамъ, Филиппійцамъ, Филимону, и къ Евреямъ, но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на присутствіе Петра въ Римѣ, и на его пребываніе здѣсь.

Когда Ап. Павелъ былъ освобожденъ, въ 69 году, онъ оставилъ Римъ; но куда онъ за тѣмъ отправился, — въ Испанію ли р), какъ однажды и намѣревался, или къ востоку въ Грецію и Малую Азію, мы не имѣемъ на это никакихъ положительныхъ указаній. Не невѣроятно, что онъ совершилъ то и другое путешествіе. Въ виду освобожденія онъ выразилъ свое намѣреніе путешествовать черезъ Македонію въ Азію с), и затѣмъ могъ отправиться въ Испанію. По всей вѣроятности въ Никополь, гдѣ намѣревался провести зиму т), онъ былъ схваченъ и отправленъ обратно въ Римъ, гдѣ и заключенъ въ темницу, какъ преступникъ. Во время вторичнаго своего темничнаго заключенія, онъ написалъ второе посланіе къ Тимоею, въ которомъ жалуется, что многіе изъ старыхъ друзей оставили его, и просить Тимоея прибыть къ нему. Впрочемъ и въ этомъ посланіи, написанномъ не за долгое время до его мученической кончины, не встрѣчается ни малѣйшаго указанія на присутствіе Петра, или его служеніе въ Римѣ.

п) Дѣян. XXVIII. 17—31.

р) Посл. къ Рим. XV. 24.

с) Послан. къ Филимону 22; къ Филип. II. 24.

т) Посл. къ Титу III. 12.

Изъ всего этого мы должны заключать, что если Ап. Петръ былъ въ Римѣ, то это на короткое время предъ своею кончиною. Это негативное доказательство, взятое изъ Свящ. Писанія, весьма важно, и никакъ не можетъ быть опровергнуто простымъ неизвѣстнымъ преданіемъ. Авторомъ исторіи пребыванія и епископства Ап. Петра въ Римѣ былъ нѣкто Папій, котораго творенія утрачены; но его положеніе, приводимое и сохраненное Евсевіемъ, получило общее вѣрованіе въ христіанской церкви. Свидѣтельства отцевъ, которые говорятъ объ этомъ, въ различныхъ отношеніяхъ, противорѣчатъ одно другому, и полное молчаніе другихъ, которые безъ сомнѣнія, высказались бы въ пользу послѣдняго мнѣнія, если бы это было фактически вѣрно, вполнѣ подтверждаетъ наше заключеніе, что Ап. Петръ не былъ основателемъ Римской церкви, и никогда не былъ въ ней епископомъ. Самое важное и вѣроятное изъ древнихъ свидѣтельствъ есть свидѣтельство Діонисія Коринтскаго, по которому Ап. Петръ посѣтилъ Римъ не прежде 66 года, и пребылъ въ немъ не болѣе года передъ кончиною у). Быть можетъ, Ап. Петръ приходилъ въ Римъ и пострадалъ здѣсь въ краткій промежутокъ между временемъ написанія втораго посланія къ Тимооею и мученическою кончиною Ап. Павла. Но даже и это не можетъ быть доказано.

И вотъ на такомъ-то шаткомъ, въ большей части онаго ложномъ основаніи Римскокатолики вздумали основывать главенство Папы,—строить зданіе на пескѣ.

у) Bibliotheca sacra. January, 1859. Translation of Ellendorfs Historico critical inquiry.

Святый Фасцій Цецилій Киприанъ, епископъ Карфагенскій.

Очеркъ осьмаго юненія на христіанъ при Валеріанъ и Галліенъ.

(Составлено по Англійскимъ источникамъ 1) History of the Church under Roman Empire by A. Crake и 2) The Life and Passion of J. Cyprianus by R. Wallis).

ГЛАВА I.

Удивительно хороша была картина, которую освѣщали палящіе лучи лѣтняго африканскаго солнца, въ то время какъ золотистые лучи его отражались въ сверкающихъ волнахъ Карфагенскаго залива, и позлащали собою высокія городскія башни и загородныя виллы.

Гордо и красиво выглядывали изъ за городскихъ стѣнъ дворцы, бани, циркъ и тѣнистые сады, такъ приспособленные для пріятнаго отдыха, послѣ дѣловой, — обыкновенной городской жизни; свѣжесть и прохлада невольно манили къ сверкающимъ на солнцѣ фонтанамъ, осѣненнымъ отъ солнечнаго зноя широколиственными, густозелеными деревьями и кустарниками; но увы, все это было теперь пусто, оставлено, безжизненно; ни одинъ челоуѣкъ не появлялся на извилистыхъ широкихъ дорожкахъ этихъ роскошныхъ садовъ; ни одинъ веселый звукъ не нарушалъ господствовавшаго здѣсь мертваго молчанія, — страшнаго молчанія мора и смерти, отъ неумолимой руки которой каждый часъ теперь падали цѣлыя сотни городскихъ жителей.

Городъ, столь прекрасный издали, представлялъ ужасный видъ внутри. Всюду на улицахъ и въ домахъ, валялись мертвые и умирающіе; изрѣдка, въ зачумленномъ воздухѣ, слышались безнадежныя стоны, или жалобные дѣтскіе крики, но тѣ и другіе оставались безъ отвѣта. Помогать было некому. — На широкихъ мраморныхъ ступеняхъ одного богатаго дворянскаго дома лежало двое полуживыхъ, истощенныхъ, томимыхъ жаждою, дѣтей. Съ напряженіемъ и тоскою ждали они — не услышатъ-ли гдѣ человѣческихъ шаговъ; не раздастся-ли гдѣ звукъ человѣческаго голоса; не дастъ ли имъ какая челоуѣколюбивая рука хоть каплю холодной воды. Шаги дѣйствительно послышались; слышавъ ихъ, старшая изъ

малютку, девятилѣтняя дѣвочка, быстро подняла свою курчавую головку и протянувъ свои худощавыя руки къ появившемуся вблизи незнакомцу, жалобно просила о помощи.—Но тотъ плотникъ закутался въ свою тогу, и поспѣшно прошелъ мимо съ выраженіемъ отвращенія и ужаса.—Малютка съ грустію снова опустила свою головку на грудь, и еще крѣпче прижала къ себѣ спящаго у нея на колѣняхъ ребенка. „Если бы я могла достать хоть одну каплю воды“, пробормотала она со вздохомъ, въ то время какъ палящіе лучи солнца немилосердно падали на ея плохо прикрытое тѣло и больную голову; „по крайней мѣрѣ я прикрою мою Пенелопу“, продолжала она, и, за тѣмъ, слабыми, дрожащими пальчиками хотѣла было покрыть своимъ рубищемъ маленькую сестренку; но, увы, безсильная рука не повиновалась ей болѣе, а губы только лепетали: *мнѣ остается умереть!* Между тѣмъ она все еще продолжала лихорадочно блуждать взорами вокругъ себя, какъ бы ища послѣдней помощи; и вдругъ оживилась снова надеждою, слышавъ быстро приближающіеся шаги. „Воды!“ жалобно закричала она. „О, не проходите мимо насъ! Каждый убѣгаетъ отъ насъ! Вѣрно вы не откажете намъ въ капелькѣ воды, въ одной только капелькѣ!“

Незнакомецъ остановился и ласково взглянулъ въ лице дѣвочки.

Бѣдныя дѣти! тихо сказалъ онъ; у васъ будетъ вода и постель, поудобнѣе этой.

Но гдѣ-же? мы сироты.

Не сироты—пока живъ Кипріанъ, отвѣчалъ незнакомецъ.

Какъ, вы Кипріанъ! Епископъ *моцифуговъ* ¹⁾ воскликнуло дитя со страхомъ! а мы не болѣе, какъ невольники; уже-ли же вы захотите спасти насъ?

Да, мое бѣдное дитя; я мало обращаю вниманія на то, кто христіанинъ и кто язычникъ; кто господинъ и кто невольникъ, когда я могу служить имъ чѣмъ либо, сказалъ Кипріанъ; встаньте, напейтесь изъ этого сосуда, а я позову собратій для оказанія мнѣ содѣйствія.

Дѣвочка съ жадностію напилась изъ сосуда, тогда какъ Ки-

¹⁾ Такъ называли язычники христіанъ.

пріанъ отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону, и скоро воротился обратно въ сопровожденіи шести, или семи, человекъ.

Приподними тихонько малютку; она заснула,—сказаль Кипріанъ одному изъ своихъ спутниковъ. Понтій, я отдаю этихъ дѣтей на твое попеченіе; Діонисій будетъ помогать тебѣ. Мы же, продолжалъ онъ, обращаясь къ остальнымъ, пойдемъ отыскивать другихъ страдальцевъ.

Діаконъ Понтій и Діонисій осторожно подняли дѣтей съ ступеней крыльца, и принесли ихъ въ ближайшій домъ, въ которомъ заботились о нихъ съ материнскою нѣжностію. и старались облегчить ихъ страданія.

Между тѣмъ Кипріанъ и его сослужители отправились дѣлать новыя благотворенія, отыскивая больныхъ, утѣшая умирающихъ, и принося съ собою миръ всюду, куда не приходили. Какъ скоро Кипріанъ и его діаконы находили умирающаго христіанина, то, кромѣ облегченія и его тѣлесныхъ нуждъ, они выслушивали его исповѣдь, приобщали Св. Христовыхъ Тайнъ, и совершали надъ нимъ таинство елеосвященія. Тѣ люди, которыхъ покидали ближайшіе друзья и родственники, пользовались дружескими услугами со стороны христіанъ; тѣ самые, которые, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время седьмага гоненія на христіанъ при Деціѣ, громче всѣхъ вопили: *Surgianus ad leones!* (т. е. Кипріана ко львамъ), первые обращались къ нему за помощію, въ которой тотъ никогда не отказывалъ; вдовы, сироты, безпомощные старцы и старицы, римляне и варвары, язычники и христіане — всѣ одинаково пользовались отъ щедротъ Кипріана и его достойныхъ сослужителей, и взирали на него съ мольбою о помощи въ то страшное время, когда всякій думалъ единственно о томъ, чтобы поскорѣе бѣжать изъ роковаго и зачумленнаго города, и, по возможности, старался избѣгать улицъ, усеянныхъ не только мертвыми и умирающими, но также скелетами и бѣлѣющими костями. Кипріанъ съ своими спутниками, проходя по всѣмъ улицамъ, заглядывая въ бани, прежде кипѣвшія жизнью, но теперь пустыя и оставленныя — посѣтивши знаменитый форумъ, также теперь безмолвный и безжизненный, успѣлъ, до наступленія ночи помочь многимъ страдальцамъ, похищая ихъ изъ челюстей смерти, подобно тому какъ спасъ двухъ маленькыхъ сестеръ, о которыхъ мы сказали выше, и унося ихъ съ собою въ надежныя убѣжища

отъ палящихъ дневныхъ лучей солнца, и холоднаго, сыраго, вреднаго ночнаго воздуха.

Такъ изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю, подвизался Кипріанъ съ прочими христіанами на поприщѣ святой христіанской благотворительности, ни сколько не опасаясь того, что все они сами ежеминутно могли пасть добычею страшной болѣзни, — которая, дѣйствительно по временамъ обезображивала и ослѣпляла ихъ; но не смотря ни на что, они продолжали свою благотворительность. то заботясь о больныхъ днемъ, то погребая мертвыхъ ночью до толѣ, доколѣ страшная гостья не оставила городъ, и труды ихъ не прекратились сами собою; но какую разительную разность произвелъ этотъ суровый предвѣстникъ смерти въ жителяхъ Кареагена, уменьшивъ число ихъ до такой степени, что самъ епископъ удивлялся почти чудесному своему спасенію со множествомъ вѣрующихъ!

На форумъ не являлись уже болѣе сильные, здоровые юноши упражняться въ искусствѣ краснорѣчія, но вмѣсто ихъ, вездѣ и впередъ сновали какія-то тѣни постарѣвшія и преждевременно согнувшіяся подъ бременемъ болѣзней и страданій; дѣвушки съ блѣдными лицами хотъ и выходили порою на улицу, но скоро удалялись, будучи не въ состояніи выносить свѣжій воздухъ.

И Кипріанъ, епископъ Кареагенскій, въ сопровожденіи своего діакона Понтія, вышелъ такъ же прогуливаться по форуму.

Увы! сказала діаконъ со вздохомъ; какое страшное зло причинила эта болѣзнь; вотъ теперь едва ли находится третья часть изъ того числа, какое обыкновенно бывало здѣсь въ другое время. И, однако, святой отецъ, если бы не ты, то, можетъ быть, многіе и изъ этихъ не существовали.

Нѣтъ, Понтій, кратко отвѣчалъ на это Кипріанъ, мы только орудія Высшей Силы, мы не должны гордиться тѣмъ, что составляетъ нашу прямую обязанность; — возблагодаримъ лучше Господа за то, что Онъ пощадилъ насъ и сохранилъ въ живыхъ.

Вскорѣ, по прекращеніи мороваго повѣтрія, народонаселеніе Кареагена оживилось; снова открылись бани; форумъ снова наполнился посѣтителеми; судебныя мѣста вновь открыли свои засѣданія, и опять въ циркѣ и амфитеатрѣ начались игры и представленія; такъ какъ Кареагенскіе гладіаторы не укрѣпились еще въ силахъ для гладіаторскихъ игръ и битвъ съ звѣрями, то Кареагеняне выписывали ихъ изъ другихъ городовъ.

ГЛАВА II.

Почти въ продолженіе года, послѣ мороваго повѣтрія, Фасцій Цецилій Кипріанъ, епископъ Карѳагенскій, мирно жилъ и управлялъ своею паствою; его благотворительность во время губительной болѣзни многихъ обратила ко Христу; но большая часть, по минованіи опасности, забыла своего благодѣтеля, и смотрѣла на него съ презрѣніемъ, какъ на священника люцифуровъ.

Императоръ Валеріанъ въ началѣ своего царствованія былъ очень благосклоненъ къ христіанамъ, и они наслаждались миромъ и спокойствіемъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Конечно, нѣкоторые утверждали, что онъ самъ былъ расположенъ принять христіанство, такъ какъ, по словамъ Евсевія, ссылающагося на Діонисія: *весь дворецъ его былъ наполненъ благодѣтельными и заключалъ въ себѣ цѣлое собраніе вѣрующихъ* ¹⁾. Положимъ это отчасти и было справедливо, но къ несчастію, онъ попалъ подъ вліяніе нѣкоего Макріана, преторіанскаго префекта, начальника и главы волхвовъ, которые пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы уговорить императора снова начать гоненія на христіанъ. Языческіе жрецы присоединяли свои убѣжденія; каждое землетрясеніе, моровое повѣтріе, или другое какое общественное бѣдствіе, (а въ то время подобныя бѣдствія случались нерѣдко) они объясняли какъ знакъ божественнаго гнѣва противъ тѣхъ, которые терпѣли атеистовъ, или люцифуровъ, какъ обыкновенно называли тогда христіанъ.

Валеріанъ сдался наконецъ на это убѣжденіе своихъ многочисленныхъ клеветовъ, и въ 257 году по Р. Х., спустя полтора года послѣ мороваго повѣтрія, началось восьмое гоненіе на христіанъ.

Вмѣсто благодарности за сдѣланныя карѳагенянамъ благодѣянія Кипріанъ, лишь только началось гоненіе, былъ схваченъ и приведенъ къ проконсулу Патерву.

Онъ защищался предъ нимъ съ бодростію и твердостію, но, не смотря ни на что, былъ приговоренъ къ изгнанію въ Керу-

¹⁾ Смотр. History of the Church under the Roman Empire by A. D. Grace.

бисъ, городъ находящійся въ двѣнадцати лигахъ ¹⁾ Карфагена и расположенный на морскомъ берегу.

Понтій, его діаконъ и нѣкоторые другіе христіане послѣдовали за нимъ въ добровольную ссылку въ ту прекрасную мѣстность, на которой лежитъ городъ Керубисъ, и вотъ здѣсь-то изгнанный епископъ, въ самую первую ночь своего прибытія, имѣлъ чудесное видѣніе, которое мы передаемъ его собственными словами ²⁾.

„Лишь только я началъ засыпать, говоритъ Кипріанъ, мнѣ явился молодой человекъ необыкновенной красоты, который, какъ будто, повелъ меня въ преторію, гдѣ я очутился предъ трибуналомъ проконсула и, затѣмъ, сѣлъ. Когда проконсулъ взглянулъ на меня, то не говоря ни слова, началъ писать приговоръ на своей дощечкѣ, но какой именно — я не зналъ, потому что онъ не предлагалъ мнѣ ни одного изъ обычныхъ вопросовъ. Впрочемъ юноша, помѣстившійся за его спиною весьма внимательно слѣдилъ затѣмъ, что тотъ записывалъ; а такъ какъ онъ не могъ выразить мнѣ словами сущность приговора, то показывалъ понятными знаками, что проконсулъ записывалъ на своей дощечкѣ. Такъ, напр., одною рукою, простертою на подобіе лезвія меча, онъ подражалъ удару обычнаго наказанія, и, казалось, желалъ, что бы я также ясно понималъ эти знаки, какъ бы самыя слова. Я понялъ будущій приговоръ моихъ страданій; и потому началъ молить и просить, чтобы мнѣ дали, по крайней мѣрѣ, хоть на одинъ день отсрочку наказанія, пока я не приведу въ порядокъ моихъ дѣлъ. И когда я усиленно повторялъ мою просьбу, онъ снова началъ записывать, не знаю что, на своей дощечкѣ; хотя по спокойствію его осанки я могъ нѣсколько догадываться, что онъ оцѣнилъ справедливость моей просьбы. Тотъ же самый юноша, который далъ мнѣ аллегорическій намекъ на ожидающія меня страданія, поспѣшилъ сообщить также знаками, что отсрочка дарована; и послѣ того, я—будто бы возрадовался и возвеселился духомъ“.

Образъ жизни св. Кипріана въ г. Керубисъ былъ спокойный и счастливый; его посѣщали многіе изъ его послѣдователей и, прогуливаясь по цвѣтущимъ окрестностямъ города, онъ нерѣдко

1) Въ 36 географическихъ миляхъ.

2) Смолри *The Zixе and Passion of Cyprian*, translated by R. E. Wallis.

бесѣдовалъ съ ними о нуждахъ церкви и славномъ распространѣніи христіанства. Какъ поживаютъ наши братья въ Кароагенѣ? спрашивалъ однажды епископъ у своего спутника, стройнаго мальчика чудной красоты. Они прогуливались въ это время по морскому берегу, и мальчикъ, по имени Этеокль, долженъ былъ тѣмъ же самымъ вечеромъ возвратиться въ Кароагенъ.

Гоненіе дѣлается все сильнѣе и сильнѣе, св. отецъ, — отвѣчалъ мальчикъ. Нѣсколько дней тому назадъ пострадали за Христа Кельсій и Антонинъ; Кельсій сожженъ на медленномъ огнѣ, а Антонинъ растерзанъ тигромъ на игрищѣ въ амфитеатрѣ. Мы бѣжали изъ нашего послѣдняго убѣжища, и теперь нерѣдко должны скрываться на ночь въ развалинахъ.

Андріанъ говорилъ мнѣ, что и ты, Этеокль, также пострадалъ — сказалъ епископъ.

Да, отвѣчалъ мальчикъ спокойно.

А за что? какъ они узнали о тебѣ? спрашивалъ Кипріанъ.

Мы спрятали имущество нашей церкви, а они хотѣли захватить его, отвѣчалъ Этеокль. Они хотѣли уморить меня голодомъ въ темницѣ, — и три дня я оставался безъ пищи; но сотникъ любилъ вино, и въ то время, какъ онъ, напившись, крѣпко заснулъ за дверью, забывши запереть ее, я убѣжалъ ночью и снова присоединился къ моимъ братьямъ.

И ты не выдалъ тайну, мой сынъ? ласково сказалъ епископъ. Ты мужественно соблюлъ ее до конца, не смотря на свои отроческіе года?!

Ахъ, св. отецъ! я неоднократно колебался и ослабѣвалъ духомъ, потому что почти умиралъ съ голоду; но любовь къ церкви превозмогла все; я вспомнилъ, что время земныхъ страданій окончится, а за нимъ готовится вѣнецъ всѣмъ пострадавшимъ за истину, какъ ты училъ меня, св. отецъ, въ дѣтствѣ; и вѣра дала мнѣ силу перенести мученіе голода.

Такъ, мой сынъ, сказалъ торжественно епископъ; и если ты претерпишь до конца, то Господь несомнѣнно даруетъ тебѣ въ награду вѣнецъ правды.

Онъ положилъ свою руку на наклоненную голову мальчика, и произнесъ благословеніе.

Въ это самое время изъ за тучъ выглянуло заходящее солнце и освѣтило яркими лучами высокаго, почтеннаго, убѣленнаго сѣ-

динами епископа и стройнаго, прекраснаго мальчика: долго скользило оно по нимъ своими косвенными золотистыми лучами, какъ бы жалѣя разстаться съ тѣмъ священнымъ мѣстомъ, на которомъ стояли изгнанникъ и его молодой спутникъ.—Къ этой прекрасной группѣ скоро присоединился крѣпко сложенный юноша, и съ почтеніемъ преклонился предъ епископомъ.

Ахъ, Андрианъ, сказалъ старецъ, какъ это ты нашелъ насъ? Мнѣ помнится, что ты остался дома нѣсколько отдохнуть послѣ утомительнаго пути?

Точно такъ, св. отецъ, отвѣчалъ Андрианъ; но нашъ путево­дитель говорить, что собирается буря и что, поэтому, мы должны отправиться въ путь до наступленія полуночи.

Буря? съ изумленіемъ, повторилъ епископъ, смотря на ясное голубое небо, съ багрянымъ отблескомъ лучей заходящаго солнца.

Я разумѣю не простую, обыкновенную бурю, отвѣчалъ Андрианъ, но кареагеняне услышали, что здѣсь находится Этеокль, и, въ бѣшенствѣ на его бѣгство, они погнались за нами.

Но что безопаснѣе: отдаться ли имъ самимъ въ руки, или остаться со мною? спросилъ епископъ, взглянувъ на Этеокла.

О, остаться съ тобою, св. отецъ, съ живостію воскликнулъ Этеокль.

Нѣтъ Этеокль, возразилъ на это Андрианъ, остаться здѣсь— это значило бы подвергнуть опасности отца Кипріана. Что для тебя лучше—пострадать самому, или подвергнуть его мученіямъ?

Я, я, пострадаю прежде, съ живостію воскликнулъ мальчикъ; мы не можемъ еще обойтись безъ нашего земнаго отца; и разговаривать объ этомъ нечего; я сейчасъ-же отправлюсь въ путь.

Нѣтъ, сынъ; мой судъ уже произнесенъ, сказалъ ласково Кипріанъ; онъ можетъ быть еще отсроченъ, но не предотвращенъ. даже если бы я вздумалъ воспрепятствовать этому, за что ежедневно благодарю Бога.

Время не терпитъ святой отецъ,—почтительно, но съ нетерпѣніемъ, замѣтилъ Андрианъ; мнѣ кажется, я уже слышу шаги и голоса преслѣдующихъ.

Да благословить тебя Господь, сынъ мой, сказалъ епископъ, протягивая руки надъ головою колѣнопреклоненнаго мальчика, и едва только первый успѣлъ произнести свое благословеніе, какъ Этеокль, окруженный солдатами, снова былъ схваченъ.—Онъ не

испугался и не задрожалъ, очутившись въ рукахъ своихъ враговъ, но только бросилъ прощальный взглядъ на Андріана и низко поклонился епископу.

Твой часъ также скоро пробѣтъ, воскликнулъ начальникъ стражи, грубо смѣясь въ лице епископа.

Кипріанъ въ отвѣтъ на это только склонилъ свою голову и тихо произнесъ: *да будетъ воля Твоя!*

Поплатится же мнѣ этотъ презрѣнный Этеокль за свое бѣгство, продолжалъ съ клятвою начальникъ стражи; и не моя вина, если онъ не будетъ привлеченъ на игры въ слѣдующій же разъ!

ГЛАВА III.

Необычное волненіе господствовало на улицахъ Карагена, спустя нѣсколько дней послѣ описанныхъ нами событій; граждане озабоченно проходили взадъ и назадъ, какъ бы готовясь къ какому великому событію. При наступленіи же полудня всѣ они вереницами потянулись по одному и тому же направленію. Послѣдуемъ за ними,—и вотъ, вмѣстѣ съ ними, мы наконецъ подошли къ дверямъ амфитеатра.

Часть амфитеатра, выходящая на арену (*podium*) почти вся наполнена зрителями, и богатыя тоги сенаторовъ, судей, весталокъ, иностранныхъ пословъ, и другихъ сановниковъ, по роскоши и великолѣпной отдѣлкѣ затмѣваютъ одна другую.—Вотъ тога богато окрашенная извѣстною, дорогою тирскою краскою, густо затканная золотомъ, и усыпанная драгоцѣнными камнями; рядомъ съ нею видится тога кармазиноваго цвѣта, сплошь обшитая серебряными кружевами;—за тѣмъ—ярко бѣлая,—алая и т. д.

Чернь и лица среднего класса сидятъ за подіумомъ въ ложахъ поднимающихся ярусами вверхъ, и капельдинерамъ стоило не мало труда усадить тѣхъ и другихъ въ ожиданіи начала игры.

Наконецъ всѣ мѣста заняты; нетерпѣніе громадной публики выражается громкими кликами; и вотъ дверь съ одной стороны арены, подъ ложами подіума, раскрывается, и изъ нея выходятъ на арену два гладіатора, вооруженные дротиками, и начинаютъ бой.

Зрители, очевидно, не обращаютъ никакого вниманія на гладіаторскую потѣху, которая кажется имъ слишкомъ обыкновенною, и преимущественно заняты разговорами *о пари*, или о томъ,

какъ выдержать себя нынѣ лицомъ къ лицу съ дикими звѣрями „атеистъ“.

Говорятъ, онъ просто дитя, сказалъ одинъ изъ сенаторовъ, обращаясь къ сосѣду. Готовъ биться на какой угодно закладъ, что Валеріанъ не знаетъ этого; помните, онъ сильно разгнѣвался, услыхавъ объ играхъ, на которыхъ пали недавно жертвою своего упорства и ожесточенія — два молодыхъ люцифуга. Одинъ изъ нихъ, кажется, Антонія, находился когда-то въ большомъ фаворѣ у императора.

Да, я слышалъ объ этомъ, отвѣчалъ послѣдній. Валеріану вѣтъ необходимости заходить такъ далеко; и, не смотря на то, повѣрьте мнѣ, что, если Макріанъ будетъ и впредь держаться подобной-же политики, то къ намъ скоро воротятся снова времена Максимина.

Тише! говорите тише, прошепталъ первый; смотрите — вотъ выбѣгаетъ на арену львица; сейчасъ начнется представленіе.

Игры дѣйствительно начались теперь, и всевозможныя битвы слѣдовали одна за другой, пока на арену не былъ выведенъ молодой христіанинъ. Долгіе оглушительные крики потрясли воздухъ, и когда они замерли, Этеокль, блѣдный, но спокойный, окинулъ взоромъ сначала публику, потомъ взглянулъ на дверь клѣтки, которая, открывшись, выпустила на арену молодого, красиваго леопарда.—На прекрасныхъ чертахъ мальчика въ первое мгновеніе отразился неописанный ужасъ, но потомъ когда онъ сталъ наблюдать извивавшееся и прыгавшее по аренѣ дикое животное, лице его снова оживилось.

Онъ съ благоговѣніемъ сдѣлалъ на себѣ знаменіе креста, а уста его шептали молитву. Медленно, какъ кошка, ползалъ леопардъ около своей добычи, и если бы не пристальный, стекло-видный взоръ, который онъ ни на секунду не сводилъ съ мальчика, то можно было бы подумать, что онъ забылъ, или боится своей жертвы.

Затаивъ дыханіе ждали зрители роковаго прыжка, который такъ долго не наступалъ, и въ ожиданіи многіе перешептывались между собою о дѣтствѣ и красотѣ мальчика, одни съ жалостію, другіе съ презрѣніемъ, а нѣкоторые съ удивленіемъ.

Но вотъ ужасное, роковое мгновеніе наступило; какъ молнія, бросился леопардъ на горло своей жертвы, и Этеокль повергся

бездыханнымъ на усыпанный пескомъ полъ арены, при громкихъ крикахъ и аплодисментахъ публики, перекатывавшихся по амфитеатру. — Затѣмъ на арену ввели осла съ двумя, висящими назади, крючьями, — и, захвативъ ими тунику мученика, увлекли его со сцены его страданій и славы.

Когда игры кончились, и амфитеатръ опустѣлъ, нѣсколько христіанъ поспѣшили купить у язычниковъ тѣло мученика отрока, и, въ ночномъ безмолвіи они погребли его въ катакомбахъ съ честію и благоговѣніемъ, какъ мученика церкви.

ГЛАВА IV.

Кирианъ спокойно жилъ въ Керубисѣ; онъ слышалъ о героической кончинѣ Этеокла, и съ покорностію волѣ Божіей ожидалъ осуществленія видѣнія, которое имѣлъ въ первую ночь, по своемъ изгнаніи.

Кажется, мой чередъ еще не пришелъ, говорилъ однажды вечеромъ епископъ своему діакону; и хотя я чувствую нѣкоторое разочарованіе вслѣдствіе этого, впрочемъ доволенъ тѣмъ, что гоненіе нѣсколько ослабѣло и наши братья не имѣютъ болѣе надобности спать на открытомъ воздухѣ.

Я также радуюся, отецъ, что ты оставленъ намъ еще на нѣкоторое время, отвѣчала Понтій. Геройство нашего послѣдняго отрока — мученика, какъ кажется, обуздало ярость язычниковъ противъ христіанъ. Когда-то мы снова увидимъ Кареагенъ?

Да; мы уже болѣе девяти мѣсяцевъ находимся здѣсь, сказалъ епископъ.

Очень можетъ быть, отецъ, что одинъ день отерочки, который вы испрашивали себѣ въ сонномъ видѣніи, означаетъ годъ, — замѣтилъ Понтій.

Какъ онъ долго тянется, сказалъ Киприанъ; я имѣю теперь время привести въ порядокъ мои церковныя дѣла и готовъ слѣдовать всюду, куда призоветъ Господь.

Въ эту минуту, въ столовую, въ которой происходилъ означенный разговоръ, вошелъ одинъ изъ служителей епископа, и попросилъ у Киприана двѣ минуты вниманія.

Въ чемъ дѣло? спросилъ епископъ. Я получилъ свѣжія извѣстія изъ Кареагена, отвѣчалъ служитель. Проконсулъ Патерній умеръ.

Умеръ?! воскликнули одновременно епископъ и діаконъ.

Да, отецъ; и пріемникомъ его назначень Галерій Максимъ.

Галерій Максимъ — благосклонно расположенъ къ намъ, замѣтилъ діаконъ, не такъ какъ Патерній.

Кромѣ того, я слышалъ также отецъ, продолжалъ вѣстникъ, что гоненіе почти прекратилось, если не совѣтъ окончилось.

Въ такомъ случаѣ—намъ придется просгиться съ Керубисомъ ранѣе, чѣмъ я предполагалъ то, сказалъ Понтій.

Можетъ быть, замѣтилъ епископъ; какъ знать?!

Спустя два мѣсяца послѣ означеннаго разговора епископъ и Понтій тихо прогуливались по зеленѣющимъ рощамъ и долинамъ Керубиса.

Это странно, какъ все почти располагается по нашему желанію, сказалъ съ улыбкою Кипріанъ; мы пробыли здѣсь одиннадцать мѣсяцевъ, и вотъ теперь Галерій Максимъ снова зоветъ насъ въ Кароагенъ.

Не только зоветъ, отвѣчалъ Понтій, но и самые сады, первоначально проданные вами на пользу бѣдныхъ Кароагена, возвращаются вамъ обратно любовію вашихъ друзей.

А я охотно возвратилъ бы ихъ бѣднымъ, если бы не думалъ я оскорбить тѣмъ моихъ друзей, отвѣчала епископъ. Прекрасное мѣсто, въ которомъ мы жили, сдѣлалось дорого для меня, но и все таки снова желаю видѣть мою паству.

Послѣ того они полюбовались нѣсколько великолѣпнымъ закатомъ солнца, почти такимъ же, какой былъ въ послѣдній разъ при свиданіи его съ Этеокломъ и, затѣмъ, возвратились домой—провести послѣднюю ночь ссылки въ Керубисѣ.

ГЛАВА V.

Въ одинъ изъ ясныхъ, лѣтнихъ дней августа 258 года, Фасцій Цецилій Кипріанъ прогуливался въ своихъ садахъ въ Кароагенѣ, окруженный вѣрующими. Ослабленіе гоненія служило для нѣкоторыхъ источникомъ радости; но для большинства она казалась предательскою тишиною, обыкновенно предшествующею болѣе яростному взрыву бури, чѣмъ прежде бывшіе.

Теперь опасность миновалась, отецъ, сказалъ одинъ изъ юнѣйшихъ его послѣдователей, и мы можемъ снова ожидать мира.

Нѣтъ, сынъ мой, сказалъ съ улыбкою Капріанъ, опасность не

миновалась; даже и теперь я ожидаю палача, который явится сюда и позовет меня;—нѣсколько дней тому назадъ я получилъ извѣстіе отъ Ксиса о готовящейся мнѣ мученической кончинѣ.

„И вотъ въ каждодневномъ ожиданіи кончины“, говоритъ Уоллисъ, „онъ съ каждымъ днемъ приобрѣталъ себѣ новый и новый мученическій вѣнецъ“.

Между тѣмъ, многіе друзья его, въ числѣ которыхъ находились вліятельнѣйшія лица въ городѣ, посѣщали его и непрестанно совѣтовали ему бѣжать; они предлагали даже ему надежныя мѣста убѣжища, но онъ отъ всего отказывался, такъ какъ сознавалъ, что его идеалъ мученичества съ каждымъ днемъ становится ближе и ближе къ осуществленію и, потому не рѣшался оставить болѣе Кароагена. Такъ мирно и безмятежно текли дни его, доколѣ не вышелъ второй, строжайшій указъ Валеріана, и Киприанъ приготовился ко всему худшему, что только можетъ быть съ человѣкомъ. Это гоненіе было жесточе и беспощаднѣе, чѣмъ все прежде бывшія, и мученія, которымъ подвергали христіанъ, были, по истинѣ, ужасны. Мушны, женщины, дѣти, безъ различія возраста, пола, званія, все одинако были подвергаемы мученіямъ, если не хотѣли измѣнить христіанству, и амфитеатръ часто бывалъ свидѣтелемъ ихъ святой, геройской, мученической кончины.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ бичевали до смерти, другихъ предавали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, третьихъ жгли на медленномъ огнѣ, или жарили живыми, или бросали въ котлы съ кипящимъ масломъ; однимъ словомъ, жестокость язычниковъ не знала границъ.

Опасаясь, что во время случайнаго отсутствія проконсула въ Утику, его отвезутъ въ этотъ городъ, Киприанъ на время скрылся, но, по возвращеніи Галерія Максима, снова, по своему обыкновенію, явился въ своихъ садахъ. Не разъ предлагали ему средства къ бѣгству, и надежныя мѣста, въ которыхъ можно было бы скрыться, но онъ противился всемъ просьбамъ и настояніямъ, и не желалъ спастись бѣгствомъ.

Что пользы?! отвѣчалъ онъ съ спокойствіемъ. Я знаю и чувствую, что мое мученичество приближается, и куда бы не скрылся, я все равно приму оно; а что я приму вѣнецъ мученичества—это также вѣрно, какъ и то, что остаюсь здѣсь.

Такимъ образомъ, не смотря на всевозможныя убѣжденія, Кипріанъ оставался твердымъ въ своемъ намѣреніи, и не хотѣлъ покинуть Карфагенъ. Видя его непреклонность—друзья, наконецъ, перестали убѣждать и оставили его съ миромъ.

Утро 31 августа — 12 сентября 258 г. по Р. Х. было ясно и прекрасное; Кипріанъ совершивъ Божественную литургію, по обыкновенію, прогуливался въ своихъ садахъ, какъ вдругъ къ нему неожиданно явился офицеръ, съ нѣсколькими солдатами.

Мы пришли арестовать тебя именемъ Галерія Максима, сурово, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ почтенія, произнесъ, обращаясь къ нему, офицеръ.

Ведите меня, спокойно отвѣчалъ Кипріанъ, я готовъ; и съ смиреннымъ видомъ но—доблестнымъ сердцемъ, онъ отдался въ руки воинской стражи.

Солдаты обращались съ нимъ съ особеннымъ почтеніемъ, такъ какъ почти всѣ слышали объ его различныхъ благотвореніяхъ во время бывшаго мороваго повѣтрія; и, вотъ, въ сопровожденіи ихъ, онъ былъ приведенъ въ *Сексти*, маленькій городокъ, находящійся въ шести миляхъ отъ Карфагена, гдѣ пребывалъ въ означенное время проконсулъ для поправленія своего здоровья. Немедленно, по прибытіи, его ввели было въ преторію, но такъ какъ допросъ былъ отложенъ до слѣдующаго утра, то онъ и возвратился съ офицеромъ снова подъ стражу въ его собственный домъ. Послѣднюю ночь своей жизни онъ провелъ въ молитвѣ, и подкрѣпился нѣсколько спокойнымъ сномъ. Страхъ былъ чуждъ ему, такъ какъ онъ зналъ уже о своемъ мученичествѣ и пріѣтствовалъ его съ радостію.

ГЛАВА VI.

Скоро по всему Карфагену разнесся слухъ, что Кипріанъ привлеченъ къ суду проконсула, потому что онъ былъ вездѣ славенъ своимъ благочестіемъ и благотворительностію. — Со всѣхъ сторонъ стекалось множество народа видѣть его, и такъ какъ стража, присматривавшая за нимъ, была не слишкомъ строга, то его друзья воспользовались случаемъ провести съ нимъ, по обычному, остатокъ дня; а во время ночи изъ опасенія, чтобы что-либо не обезпокоило его, они поставили караульныхъ у наружныхъ дверей дома воинскаго начальника. На слѣдующій день,

когда его снова повели въ преторію, онъ неожиданно былъ окруженъ мужчинами, женщинами и дѣтьми, собравшимся въ такомъ множествѣ, что съ большимъ трудомъ могъ прокладывать себѣ дорогу. По прибытіи въ преторію, въ слѣдствіе замедленія Галерія Максима, запоздавшаго къ судопроизводству, Кипріанъ былъ помѣщенъ въ отдѣльную комнату. Когда онъ сидѣлъ здѣсь утомленный и обливаясь потомъ отъ жару, такъ что вся одежда его взмокла, Тессерарій, одинъ изъ офицеровъ, бывшій прежде христіаниномъ, предложилъ ему переѣмнить взмокшую одежду на его собственную сухую.

Нѣтъ нужды обращаться за помощію къ лекарствамъ противъ такихъ болѣзней, которыя все сегодня же кончатся ¹⁾, отвѣчала Кипріанъ.

Лишь только онъ сказалъ это, какъ явился чиновникъ звать его предъ лице проконсула. Безъ малѣйшаго колебанія Кипріанъ всталъ и послѣдовалъ за нимъ.

Галерій Максимъ сидѣлъ въ переднемъ углу преторіи, окруженный двѣнадцатью ликторами и множествомъ другихъ судей. Кипріанъ безбоязненно приблизился къ нему, и спокойно ожидалъ обычныхъ допросовъ.

Твое имя?!—спросилъ проконсулъ.

Фасцій Цецилій Кипріанъ—отвѣчала епископъ.

Твое званіе?!

Епископъ Кареагена.

Галерій Максимъ взялъ пергаментный листъ и прочиталъ слѣдующее:

Мы обвиняемъ тебя Фасцій Цецилій Кипріанъ, епископъ Кареагенскій въ томъ, что ты ересіархъ и врагъ боговъ.

Кипріанъ молчалъ при чтеніи взводимаго на него обвиненія, и проконсулъ обратился къ нему такъ:

Пожри богамъ, Цецилій Кипріанъ, пожри имъ; и все кончится хорошо для тебя.

Кипріанъ неподвижно стоялъ предъ проконсуломъ, не отвѣчая ни одного слова, даже не дѣлая ни малѣйшаго движенія головою; тицетно упрасивалъ его проконсулъ; епископъ былъ не

¹⁾ Смол. *Life and Passions of Cyprian*, by R. WoIjis.

подвижнымъ, и наконецъ Максимъ тихо и не охотно прочиталъ слѣдующій приговоръ:

Именемъ императоровъ Валеріана и Галліена присуждаю тебя Фасція Цецилія Кипріана къ отбѣченію главы отъ тѣла.

Кипріанъ съ кроткою, радостною покорностію волѣ Божіей склонилъ свою голову; но толпа христіанъ, слѣдовавшая за нимъ въ преторію, подняла внезапный крикъ: И мы умремъ съ нимъ! И мы умремъ съ нимъ!

Вслѣдъ за тѣмъ епископъ былъ снова окруженъ стражею, и выведенъ изъ преторіи. Со всѣхъ сторонъ его окружали солдаты, а по сторонамъ ѣхали сотники и трибуны. Онъ шелъ на мѣсто казни легкими шагами и съ веселымъ видомъ.

Мѣстомъ для совершенія казни была выбрана широкая покрытая густою зеленью и окруженная со всѣхъ сторонъ деревьями, дуговина, и только что священномученикъ взошелъ на нее, какъ изъ-за-тучъ проглянуло яркое солнце и освѣтило фигуру почтеннаго епископа, въ простой тогѣ, окруженнаго вооруженными солдатами, сотниками и трибунами, съ сверкающимъ оружіемъ на солнцѣ, — а кругомъ ихъ стояло множество христіанъ, жаждущихъ видѣть въ послѣдній разъ мученика. Но такъ какъ мѣсто, избранное для казни, было не слишкомъ обширно для помѣщенія всѣхъ зрителей, то многіе взлѣзали на деревья, чтобы хотя мелькомъ взглянуть на него; вѣтви деревьевъ ломались подъ тяжестью и множествомъ зрителей. Солдаты отступили на нѣсколько шаговъ отъ епископа, когда онъ достигъ середины поляны, и оставили его одного съ палачемъ. Окинувъ взоромъ своихъ усердныхъ послѣдователей, съ лицомъ, на которомъ была написана небесная радость, Кипріанъ преклонилъ свои колѣна и нѣсколько минутъ посвятилъ жаркой, усердной молитвѣ. За тѣмъ онъ тихо приподнялся, и началъ снимать съ себя верхнюю одежду.

Между тѣмъ воздухъ оглашался громкими криками и воплями вѣрующихъ: Что намъ дѣлать безъ нашего отца? кричали одни. Что станетъ съ церковью безъ епископа? жалобно восклицали другіе. Но громче всѣхъ раздавался крикъ: Умремъ и мы съ нимъ! Умремъ и мы съ нимъ!

Даже самые солдаты и тѣ были тронуты зрѣлищемъ плачущей толпы; вопли дѣтей, слезы женщинъ, стenanія мужчинъ —

все это переиживалось одно съ другимъ, могло потрясти даже самаго безчувственнаго человѣка.

Стоя съ обнаженною, убѣленною сѣдинами, головою, въ яркихъ лучахъ жаркаго августовскаго солнца, съ лицомъ, исполненнымъ несказанной радости, престарѣлый епископъ снялъ съ себя тогу и отложилъ ее въ сторону; за тѣмъ, обратившись къ палачу, тихо сказалъ ему: поди сюда! Палачъ подошелъ къ нему съ опущенными въ землю глазами.

Вотъ двадцать пять золотыхъ монеть, сказалъ епископъ: возьми ихъ, и кончай поскорѣ!

Палачъ не охотно взялъ деньги, и Киприанъ еще разъ взглянулъ на народъ. Вопли и стоны, слезы и вздохи мгновенно усилились, но никто не могъ смотрѣть на спокойное лице епископа, не проникаясь его собственнымъ спокойствіемъ; и когда епископъ въ послѣдній разъ на землѣ тихо обводилъ прощальнымъ взглядомъ свою паству, то рыданія и вопли становились тише, и наконецъ совсѣмъ прекратились. Мѣстами, сквозь листву деревьевъ, просвѣчивали поля, покрытыя густыми, созрѣвшими, волнующимися колосьями пшеницы. Природа, казалось, одѣлась въ самый роскошный уборъ въ этотъ знаменательный день, и взоръ епископа невольно съ отрадою остановился на этомъ прекрасномъ ландшафтѣ. Но это было уже послѣднее прости; постоявъ нѣсколько, онъ въ послѣдній разъ преклонилъ свои колѣна, закрылъ лице руками и ждалъ роковаго удара. Но палачъ колебался; съ блѣдными щеками, блуждающимъ взоромъ, и дрожащими руками, онъ, казалось, долго не могъ совладѣть съ собою; но, вотъ, наконецъ блестящая сталь сверкнула на солнцѣ, послышался глухой звукъ, тяжелое паденіе чего-то, и Фасцій Цецилій Киприанъ, епископъ Карфагенскій, сподобился пріять вѣнецъ мученическій.

Воспоминаніе о священномученикѣ Григоріѣ патріархѣ Константинопольскомъ.

Въ греческихъ газетахъ сообщаютъ, что въ Аѣинахъ недавно вышла вторымъ изданіемъ служба священномученику Григорію V, патріарху константинопольскому.—Мощи священномученика Григорія, пострадавшаго въ Константинополь, какъ извѣстно, перенесены были изъ Одессы въ Аѣины въ апрѣлѣ 1871 года, и, по освидѣтельствованіи, найдены нетлѣнными. Въ августѣ того же года онѣ были переложены въ сребро-позлащенную раку и вскорѣ оглашены святыми. Праздество священномученику Григорію установлено 10-го апрѣля въ день его страданія.—Въ Русскихъ газетахъ много писали въ свое время о торжествѣ перенесенія мощей св. патріарха изъ Одессы въ Аѣины; но, мы надѣемся, что, не смотря на двухлѣтіе, протекшее со времени означеннаго событія, не безъ интереса, прочтутъ и слѣдующее описаніе торжества съ краткимъ очеркомъ жизни священномученика, вышедшее недавно изъ подъ пера извѣстнаго англійскаго писателя и помѣщенное въ одномъ изъ лучшихъ англійскихъ журналовъ: „Good Words“... Онъ былъ очевидцемъ торжественнаго событія, и его повѣствованіе проникнуто глубокимъ сочувствіемъ къ свѣтлой личности замученнаго Турками св. Патріарха Константинопольскаго.

Повѣствованіе.

Въ началѣ лѣта прошлаго года на Востокѣ произошло событіе, приведшее въ неописанное волненіе все христіанское народонаселеніе отъ береговъ Босфора до равнинъ Аттики, но слабое эхо народнаго энтузіазма, возбужденнаго на востокѣ, дошедшее до нашей страны (Англій), совершенно заглохло въ бурномъ шумѣ все еще продолжавшейся чудовищной борьбы Франціи съ Германіей.

Въ то время, какъ ежедневно, почти ежечасно, погибало безчисленное множество героевъ и мучениковъ, едва-ли, мы думаемъ, возбудилось бы сильное участіе въ нашемъ обществѣ къ такому христіанскому герою и мученику, который, послѣ пятидесятилѣтняго пребыванія въ могилахъ, въ нѣдрахъ Русской земли, произвелъ истинно свѣтлый праздникъ въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ.—Впрочемъ обстоятельства его неожиданнаго прибытія

въ родную землю, въ этотъ знаменательный годъ, были такъ по-
разительны и поучительны, что означенное событіе никакъ нельзя
пройти молчаніемъ. Мы счастливы, что можемъ передать все
подробности онаго со словъ очевидцевъ,—присутствовавшихъ при
ономъ.

Первый актъ драмы начался на разсвѣтъ прекраснаго весен-
няго дня, когда блѣдный свѣтъ еще не взошедшаго солнца про-
зрачно отражался на большихъ скалахъ, образующихъ „ворота“
между бурнымъ Чернымъ моремъ и тихимъ, спокойнымъ Босфо-
ромъ. Этимъ классическимъ входомъ проходилъ величественный,
обитый желѣзомъ, фрегатъ, съ развѣвающимся на немъ греческимъ
флагомъ. Скользя по голубымъ волнамъ Стамбула, онъ постепенно
уменьшалъ свой ходъ, и наконецъ остановился для того, чтобы
множество кайковъ и судовъ, выѣхавшихъ на встрѣчу ему, могли
безъ затрудненія собраться вокругъ него. Странную и живопи-
сную толпу представляли лица, наполнявшіе эти прекрасные кайки;
въ нихъ находились Восточные христіане изъ всѣхъ странъ и
земель, соединенные во едино въ эту минуту искреннымъ, сер-
дечнымъ сочувствіемъ къ герою-мученику. Всѣ они находились
въ состояніи сильнаго возбужденія—размахивали руками, и вы-
ражали свою радость громкими восклицаніями. Спустя нѣсколько
времени къ фрегату приблизился небольшой турецкій пароходъ,
и съ его палубы быстро перешелъ на бортъ фрегата представи-
тель Греціи при Портѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты.
Не останавливаясь для привѣтствія официальныхъ лицъ, сто-
явшихъ кругомъ, онъ благоговѣнно осѣнилъ себя крестнымъ зна-
меніемъ, и потомъ, когда его примѣру послѣдовала вся свита,
смирненно преклонился предъ пышнымъ катафалкомъ, который за-
нималъ собою почти всю верхнюю палубу, и на верху котораго
подъ богатою драпировкою изъ атласа и золота стоялъ нѣсколько
обветшавшій гробъ. Онъ былъ закрытъ, и виднѣвшіяся на немъ,
вполнѣ сохранившіяся печати Россійской Имперіи, служили яс-
нымъ доказательствомъ, что къ нему не прикасалась ни одна
святотатственная рука; впрочемъ въ верхней части гроба было
вставлено небольшое квадратное стекло, чрезъ которое можно
было видѣть формы тѣла почтеннаго старца, облаченнаго въ свя-
щенныя одежды архіепископа Восточной церкви, его бѣлоснѣж-
ную бороду, касающуюся рукъ, сложенныхъ въ положеніи сми-

ревной покорности и державших на сердцѣ крестъ; лице его было закрыто покровцемъ съ изображеніемъ Спасителя. По сторонамъ гроба стояло множество священниковъ съ ярко горящими восковыми свѣчами на ясномъ утреннемъ воздухѣ. Какъ скоро Греческій министръ, и его свита въ глубокомъ молчаніи расположились кругомъ гробницы, а фрегатъ двинулся впередъ — раздались торжественные звуки древнихъ восточныхъ погребальныхъ пѣснопѣній, пробѣжавшіе громкимъ эхомъ по живописнымъ берегамъ тихаго Босфора. Медленно двигался впередъ по тихимъ волнамъ, облитый первыми лучами восходящаго солнца, погребальный корабль, и все плывшіе мимо корабли преклоняли свои флаги въ знакъ траура, а тысячи наполнявшихъ оныя обнажали свои головы, и дѣлали на себѣ крестное знаменіе — Проплывъ между густыми оливковыми рощами Скутари съ одной стороны, Стамбуломъ, сіявшимъ подобно золотому городу въ ослѣпительномъ свѣтѣ, съ другой, во всю длину Босфора, фрегатъ остановился еще разъ. Греческій министръ и его свита — сошли съ него, снова преклонившись предъ безмолвнымъ путешественникомъ, который держалъ свой путь въ родной ему городъ — Аѳины, — къ ожидавшимъ его тамъ почестямъ.

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ этотъ безжизненный трупъ переплывалъ на кораблѣ Босфора — на вѣншіи взглядъ уединенный, беспомощный и покинутый всѣми, какъ только возможно для смертнаго, но, по вѣрованію своихъ соотечественниковъ, — окруженный невидимымъ величіемъ и славою, далеко превосходящими всякую человѣческую роскошь и величіе. Покоившійся мирнымъ сномъ смерти подъ этимъ роскошнымъ балдахиномъ былъ Григорій, занимавшій въ теченіе многихъ лѣтъ постъ патріарха Восточной церкви, — человѣкъ, который, по святости своей жизни и мученичеству, могъ вполне удостоиться чуда, совершившагося, по сказанію многихъ, надъ его безжизненнымъ тѣломъ, плывшимъ, 50 лѣтъ тому назадъ, мимо Стамбула. — Краткій очеркъ его жизни достаточно выяснитъ намъ обстоятельства, доставившія имени патріарха Григорія, постоянное мѣсто въ ряду людей, отличавшихся возвышеннымъ героизмомъ и благочестіемъ.

Патріархъ Григорій родился въ Пелопонезѣ въ 1751 году. Его родители Джани и Анселина Ангелопуло происходили изъ древней, хорошо извѣстной фамилии, и имѣли средство дать ему хо-

рошее образованіе и воспитаніе. Съ ранняго дѣтства онъ обнаруживалъ замѣчательное благочестіе и жажду къ наукамъ, которую старался удовлетворить въ богословскихъ школахъ Аѳинъ и Смирны. Свои ученые занятія онъ закончилъ на о. Патмосѣ, гдѣ воспоминанія о великомъ изгнанникѣ—Апостолѣ воспламенили его религиознымъ энтузіазмомъ и мужествомъ, доставившимъ ему славный мученическій вѣнецъ. Григорій скоро прошелъ степени діакона, священника, архидіакона и епископа, и наконецъ, въ 1788 году, по смерти митрополита Константинопольскаго, былъ возведенъ Синодомъ Восточной церкви на степень Вселенскаго патріарха. — Въ то время эта должность считалась очень трудною и опасною, потому что патріархъ былъ не только духовнымъ главою всего христіанскаго народонаселенія, но и единственнымъ защитникомъ своихъ угнетенныхъ братьевъ на Востокъ, — уже давно стлавшихъ подъ тяжкимъ турецкимъ игомъ, и нетерпѣливо ждавшихъ минуты освобожденія.

Неоднократно Григорій своею мудростію, любовію и святымъ, безъ униженія, смиреніемъ, защищалъ ихъ передъ тиранами, среди которыхъ, подобно древнему апостолу, стоялъ въ ежечасной опасности. Въ теченіе двадцати двухъ лѣтънаго патріаршаго его служенія въ магометанской столицѣ, три раза изгонялъ его Султанъ на Аѳонскую гору и столько же разъ Св. Синодъ Восточной церкви былъ вынуждаемъ избирать другаго патріарха на его мѣсто; но каждый разъ само турецкое правительство такъ сильно чувствовало недостатокъ въ его мудромъ правленіи, что его немедленно снова возвращали изъ ссылки на патріаршій престолъ. Когда онъ занялъ въ третій разъ свой опасный постъ, кровавый свѣтъ мученика уже сіялъ вокругъ его престола, и онъ зналъ, что возвратился для мученической кончины за братьевъ, которымъ не могъ далѣе оказывать помощи. Въ этотъ періодъ образовалась Этерія, или тайное общество для освобожденія Греческой націи отъ турецкаго ига, и многочисленные члены онаго горячо желали видѣть патріарха въ своихъ рядахъ; но, сердечно сочувствуя ихъ усиліямъ къ освобожденію возлюбленной страны, онъ зналъ, что если откроется его имя въ списокъ членовъ, то это подвергнетъ крайней опасности все христіанское народонаселеніе, — и потому-то рѣшился подвизаться одинъ за дѣло Греческой независимости въ самой твердынѣ мусульманскаго владычества.

Положеніе патриарха при такихъ обстоятельствахъ было столько опасно, что его соотечественники предложили ему въ полное распоряженіе корабль, на которомъ онъ могъ бѣжать въ особенно опасныя минуты; но св. старецъ рѣшительно отказался прибѣгать къ какой либо изъ подобныхъ мѣръ. Онъ объявилъ, что никогда не оставитъ своего стада, но до самой своей смерти будетъ управлять имъ, какъ духовный глава и защитникъ его интересовъ. Ему не долго было суждено ждать своего приговора, яснаго и несомнѣннаго по его предчувствію.

Въ февралѣ, 1821 г., благородный Греческій вождь, Ипсиланти, произвелъ вторженіе въ Молдавію, и счастливый успѣхъ предпріятія разорвалъ первое звѣно цѣпи, державшей столь долгое время Еллиновъ подъ магометанскимъ игомъ. Ярость Султана Махмуда, а съ нимъ и всего турецкаго народонаселенія, возрасла до такой степени, что было рѣшено цѣловное истребленіе всѣхъ христіанъ въ Константинополѣ. 2 апрѣля Султанъ призвалъ къ себѣ Шейка-Эль-Ислама, духовнаго главу магометанъ, и требовалъ отъ него—написать указъ съ предписаніемъ страшнаго избиенія.

Услыхавъ объ этомъ ужасномъ приказаніи, патриархъ поспѣшилъ къ Шейку, и такъ подѣйствовалъ на него краснорѣчивымъ разъясненіемъ всей преступности подобнаго злодѣйства, что тотъ отказался обнародовать декретъ, безъ котораго даже самъ Султанъ не имѣлъ власти уполномочить истребленіе цѣлой націи въ предѣлахъ Турецкой Имперіи.

Впрочемъ мужественная защита со стороны патриарха имѣла успѣхъ только на краткое время. Махмудъ немедленно изгналъ въ ссылку Шейка, и потомъ велѣлъ предать его смерти; а на его мѣсто назначилъ другаго, который не только былъ готовъ исполнить всѣ кровавыя желанія Султана, но и самъ отличался фанатическою ненавистію къ христіанамъ.

Лишь только этотъ Шейкъ получилъ назначеніе, какъ до Константинополя достигло извѣстіе о всеобщемъ возстаніи въ Пелопонезѣ за дѣло Греческой независимости.

Вечеромъ 14 апрѣля разнеслась объ этомъ вѣсть по городу, и патриархъ хорошо зналъ, что если онъ не воспользуется ночью для бѣгства, то его участь рѣшена. Въ качествѣ главы восточныхъ христіанъ — онъ дѣлался первою жертвою Турецкаго Пра-

вительства, теперь совсѣмъ обезумѣвшаго отъ повсемѣстнаго возстанія порабощеннаго народа, который смѣло и мужественно сбрасывалъ съ себя оковы, такъ долго его тяготившіе. Но Григорію представлялось возможнымъ, что своею мученическою кончиною онъ можетъ утолить, по крайней мѣрѣ на время, мщеніе тирана, и дать возможность менѣе знатымъ Грекамъ убѣжать изъ города, прежде чѣмъ надъ ними разразится буря ярости Султана.

Слѣдовательно въ умѣ престарѣлаго старца не было даже ни малѣйшаго помысленія о своемъ собственномъ спасеніи. Со всевозможнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ, всегда отличавшими его, онъ отправился на слѣдующее утро въ Соборъ для совершенія литургіи. Это было Вербное Воскресенье и во время чтенія Евангелія—о торжественномъ входѣ въ Иерусалимъ Спасителя міра, гдѣ его ожидали страданія и крестная смерть, яростная толпа турокъ напала на Соборъ, разграбила и подожгла его. Въ то же самое время въ другихъ мѣстахъ было избито множество Грековъ, занимавшихъ разные должности при турецкомъ правительствѣ, въ томъ числѣ князь Мауруза, бывшій Драгоманомъ при Портѣ. Онъ былъ почетный сановникъ и глава одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Греціи. Писатель означенной статьи хорошо помнитъ, какъ спустя нѣсколько лѣтъ послѣ кроваваго событія, онъ стоялъ съ дочерью Мауруза, сіявшею величественной *царской* красотою своего рода, около гробницы Султана Махмуда; онъ до сихъ поръ не можетъ забыть, какъ она простирала въ отчаяніи свои руки надъ богато-убранною, чалмоною его гробницею, призывая громкія проклятія на прахъ убійцы своего отца.

Дальнѣйшіе дни, послѣ 21 апрѣля. были проведены патріархомъ въ тяжкихъ заботахъ спасти свое стадо отъ участи, которая, какъ онъ зналъ, готовилась ему; но среди повсемѣстной тоски и ужаса, св. старецъ, слабый отъ преклонныхъ лѣтъ и горестей, съ аскетическою строгостію соблюдалъ обряды, которыми у восточныхъ христіанъ отличается каждый день страстной седмицы.

Наступилъ канунъ Пасхи. Патріархъ еще жилъ, но похоронный звонъ постоянно раздавался въ его ухахъ, потому что онъ зналъ какой конецъ готовится ему. Весь этотъ день былъ проведенъ въ уединенной молитвѣ, и въ полночь, въ сильномъ изнеможеніи, онъ отправился въ Соборъ совершать величественную

Пасхальную Утреню, которою для восточныхъ христіанъ начинается праздникъ Воскресенія Спасителя. Присутствующіе замѣтили что, при совершеніи оной, онъ былъ особенно растроганъ и предавалъ все драгоцѣнное ему болѣе надежному покрову и за щитѣ, чѣмъ его собственныя

Когда, въ концѣ обѣдни, ему сказали, что патріаршія палаты окружены Турецкими войсками, онъ нѣжно и торжественно благословилъ своихъ пасомыхъ, и въ послѣдній разъ простился съ ними; а за тѣмъ, съ полнымъ спокойствіемъ и рѣшительностію прошелъ черезъ ряды солдатъ, и ожидалъ въ пріемномъ залѣ своего приговора.

Спустя нѣсколько часовъ, когда Восточное солнце уже ярко сіяло на безоблачномъ небѣ, и обливало своими блестящими лучами величественный городъ, и его тихія голубыя воды, въ это прекрасное великое пасхальное утро, въ патріаршія палаты явился начальникъ воинской турецкой стражи въ сопровожденіи нѣсколькихъ высокихъ сановниковъ. Ему не нужно было объяснять цѣль своего прибытія; впрочемъ патріархъ принялъ его съ достойнымъ спокойствіемъ, и радушно приказалъ было подать кофе и трубки, всегда предлагаемыя посѣтителемъ на Востокѣ.—Угрюмый сановникъ отказался отъ предложенія и приказалъ патріарху немедленно отправиться въ темницу на одномъ изъ ожидавшихъ его кайковъ подъ воинскимъ конвоемъ.—По прибытіи въ одну изъ городскихъ темницъ, въ которыхъ тогда совершались ужасныя пытки и мученія, старецъ долженъ былъ подвергнуться послѣднему страшному испытанію вѣры и постоянства. Его предали жестокимъ пыткамъ, и при крайнемъ изнеможеніи духа и тѣла, ему предложили не только освобожденіе отъ мукъ, но жизнь и свободу, если онъ согласится отказаться отъ христіанской религіи и принять магометанство. Это оскорбленіе, казалось, на мгновеніе возвратило его падающія силы. Громкимъ, яснымъ голосомъ онъ просилъ ихъ перестать насмѣхаться надъ патріархомъ христіанскаго народа, который умретъ, какъ жилъ, неизмѣняя Своему Распятому Господу и Богу. Величественное спокойствіе и твердость, съ которою онъ говорилъ, не смотря на ужасныя страданія и муки, такъ воспламенили ярость палачей, что они, безъ дальнихъ словъ, снова бросили его въ кайкъ, и перевезли въ христіанскій кварталъ столицы для позорной казни въ виду пасомыхъ.

Въ означенное время, казни вообще совершались въ центрѣ главной улицы, и какъ скоро патріархъ былъ высаженъ на берегъ, онъ преклонилъ свои колѣна на камни, и устремивъ весь свой умъ къ Богу, склонилъ свою почтенную, убѣленную сѣдинами, главу, для принятія смертельнаго удара. Но жизненная чаша не была еще испита до конца. Съ ударами и проклятіями палачъ приподнялъ его, и сказалъ, что, подобно самому послѣднему злодѣю, онъ долженъ быть повѣшенъ на воротахъ патріаршаго дома. Истощенный перенесенными пытками и муками, погоняемый безжалостною стражею, онъ едва могъ двигаться по этому истинно *скорбному*, пути. Но, вотъ, приблизились къ воротамъ того дома, въ которомъ патріархъ такъ часто преподавалъ утѣшеніе Христіанской религіи своей любезной паствѣ. Для этого послѣдняго, страшнаго акта не было сдѣлано никакихъ приготовленій, такъ какъ палачъ думалъ, что самыя ворота могутъ замѣнить висѣлицу; но они оказались слишкомъ низкими, и вслѣдствіе того, наскоро приступили къ устройству висѣлицы. Патріархъ стоялъ въ спокойномъ ожиданіи, съ связанными назадъ руками, когда вбивали въ землю, по ту и другую сторону воротъ, столбы, и прикрѣпляли къ верху ихъ поперечную перекладину съ привязанною къ ней веревкою. Затѣмъ одинъ высокій человѣкъ поднялъ патріарха на плечи, и петля крѣпко обвилась вокругъ его шеи. Съ связанными назадъ руками, онъ, конечно, не могъ осѣнить себя въ послѣдній разъ крестнымъ знаменіемъ, и тѣмъ засвидѣтельствовать свою вѣру, неослабѣвшую даже до конца; но въ замѣнъ того, онъ устремилъ свой краснорѣчивый взглядъ, съ тихою улыбкою, къ небу, и чистая, благородная душа его навсегда освободилась отъ узъ тѣла и страданій земной жизни.

Висѣлица была окружена толпою турокъ и жидовъ, такъ какъ все христіане бѣжали съ мѣста казни въ страхъ и ужасъ. Дикая, жестокосердная толпа, при видѣ совершившагося мученичества, разразилась громкими кликами торжества и богохульства, бросала камнями въ тѣло, и старалась нанести ему всевозможныя оскорбленія; но пріѣхавшій поспѣшно гонецъ, въ сопровожденіи солдатъ, разогналъ толпу, и объявилъ что ѣдетъ великій Визирь взглянуть на тѣло мученика. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ онъ прибылъ верхомъ на лошади, съ большою свитою и, приказалъ подать себѣ скамью, сѣлъ, закурилъ трубку, и съ

торжественнымъ выраженіемъ удовлетворенной ненависти долго смотрѣлъ на блѣдный, безжизненный трупъ патріарха.

Нѣсколько позже явилось новое лице полюбопытствовать на это зрѣлище; хотя онъ и старался скрыть свою голову и лице въ драгоценной кашемировой шали, но, по рабскому почтенію, которое оказывала ему свита, всякій могъ признать въ немъ самаго султана Махмуда. Долго стоялъ онъ противъ висѣлицы, устремивъ свой мутный взоръ на обезображенные насильственной смертію останки его жертвы.

Три дня висѣло тѣло, строго охраняемое стражею. На третій день Султанъ далъ приказъ снять его съ висѣлицы и бросить въ море. Палачи хотѣли было приступить къ исполненію этого приказанія, но неожиданно собравшаяся толпа фанатиковъ—турокъ старалась нанести послѣднее оскорбленіе тѣлу несчастнаго патріарха; она тащила его веревками по камнямъ и грязи до самой пристани. Здѣсь солдаты опять приняли его въ свое распоряженіе, и чтобы не допустить всплытія, прокололи его въ нѣсколькихъ мѣстахъ штыками, привязали къ рукамъ и ногамъ тяжелые камни, и съ этою тяжестію бросили трупъ въ море, въ центрѣ Золотога Рога.

По несомнѣнному вѣрованію всѣхъ восточныхъ христіанъ сохранившемуся до нашего времени, во очію всѣхъ, проявилось содѣйствіе небесной помощи въ будущей судьбѣ останковъ патріарха. Какъ бы то ни было, мы передаемъ исторію такъ, какъ слышали ее отъ восточныхъ христіанъ.

Тѣло въ виду всѣхъ потонуло;—враждебная толпа разсѣялась, осталось только нѣсколько христіанъ, которые съ слезами на глазахъ, съ тихою молитвою на устахъ, долго смотрѣли на то мѣсто, гдѣ на вѣки скрылся возлюбленный отецъ ихъ и пастырь. Вдругъ взорамъ ихъ представилось чудное зрѣлище,—наполнившее сердца изумленіемъ и ужасомъ. Со дна тихихъ голубыхъ водъ медленно и величественно всплыли на поверхность благообразные останки замученнаго патріарха, чудеснымъ образомъ освобожденные отъ веревокъ и тяжелыхъ камней. Какъ будто покоясь на мирномъ ложѣ, онъ плылъ по лону водъ, съ убѣленными сѣдинами власами, облитыми солнечнымъ сіяніемъ, и распростертыми вокругъ его главы, какъ ореолъ славы; руки были крестообразно сложены на груди; лице его отражало на себѣ невозмутимое ду-

шевное спокойствіе и тихую улыбку — подобно лицу спящаго дитяти; въ этомъ положеніи онъ тихо неся волнами; какъ будто съ предвзятымъ намѣреніемъ, по направленію къ кораблю, плывшему по Босфору.

Это былъ русскій корабль, плывшій въ Одессу; на бортѣ его находился чловѣкъ среднихъ лѣтъ, въ одеждѣ греческаго священника, который, склонивъ голову на руки, горько плакалъ. Онъ занималъ при патріархѣ мѣсто домашняго священника, какъ принято въ этой странѣ,—и жилъ съ нимъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ сынъ съ любимымъ отцемъ. Въ роковое утро, когда немилосердные палачи влекли святаго старца на позорную казнь, и не будучи въ состояніи помочь ему, онъ бѣжалъ для спасенія своей собственной жизни, и сѣлъ на корабль отправлявшійся въ Россію. Но все это тяжелое для него время онъ проводилъ въ слезахъ, и съ плачемъ часто восклицалъ: *отецъ мой; о, мой отецъ!* потому что, зналъ, какая ужасная трагедія разыгралась на берегу. Капитанъ, по имени Яни Склавось, стоялъ теперь рядомъ съ нимъ, и напрасно старался утѣшить безнадежнаго горюна. Но вдругъ морякъ стремительно бросился впередъ, и голосомъ, въ которомъ слышались ужасъ и изумленіе, воскликнулъ: *Великое небо! Что это?* За тѣмъ онъ грубо поворотилъ священника за плеча, и велѣлъ ему смотрѣть впередъ. Плачущій старецъ взглянулъ по означенному направленію; выраженіе благоговѣйнаго ужаса отразилось на его лицѣ; онъ вскопчалъ на ноги, приблизился къ краю корабля, устремилъ свой внимательный, неподвижный взоръ на тихо плывшее по волнамъ безжизненное тѣло, протянулъ къ нему свои руки, и громко воскликнулъ: *Чудо! Чудо! Это отецъ мой! Это святѣйшій патріархъ!*

Едва могли удержать его, чтобы онъ не бросился въ воду на встрѣчу святому путешественнику, который все еще продолжалъ двигаться по направленію къ кораблю; впрочемъ капитанъ успѣлъ во время остановить его за плечи; за тѣмъ пораженная ужасомъ тюна спустила боть, съ благоговѣйнымъ трепетомъ вынула изъ воды тѣло замученнаго патріарха и перевезла его на корабль, гдѣ оно было положено на верхней палубѣ, въ виду всѣхъ,—съ должными почестями.

Потомъ корабль на всѣхъ парусахъ понесся по направленію къ Одессѣ, и лишь только прибылъ въ этотъ портъ, повсюду рас-

пространилась вѣсть, что на кораблѣ находится тѣло мученика. Одесскій губернаторъ для удостовѣренія въ истинѣ немедленно созвалъ къ себѣ тѣхъ городскихъ жителей, которымъ приходилось видѣть патріарха, и, по тщательномъ всеобщемъ осмотрѣ останковъ, отправилъ нарочнаго курьера въ Петербургъ съ объясненіемъ всего дѣла, и испрашиваніемъ императорскихъ приказаній касательно погребенія.

Императоръ Александръ I. принялъ это извѣстіе съ сердечнымъ удовольствіемъ, и послалъ немедленный приказъ въ Одесу — похоронить патріарха съ царскими почестями въ Троицкомъ соборѣ. Погребеніе его съ величественнымъ церемоніаломъ и пышностію, совершилось 29 іюля, 1821 года.—Когда минуло полстолѣтія, и, вслѣдствіе упрочившейся независимости Греціи, установились дружескія дипломатическія отношенія между Портою и этою странюю, перенесеніе останковъ въ Аѳины черезъ Босфоръ сдѣлалось возможнымъ, что долгое время составляло предметъ пламенныхъ желаній всей греческой націи.

Вслѣдствіе того, Святѣйшій Синодъ Восточной церкви обратился съ прошеніемъ къ настоящему русскому Императору о дозволеніи перевезти тѣло своего послѣдняго мученика въ его отечественную землю. Позволеніе было дано немедленно; греческій министръ въ Константинополѣ, не безъ хлопотъ успѣлъ достать фирманъ отъ Султана, позволяющій проѣздъ погребальнаго корабля чрезъ Босфоръ.

Въ день пятидесятой годовщины его мученичества, тѣло было положено въ Одессѣ на палубу того самаго фрегата, который, какъ мы уже видѣли, величественно плылъ въ глубокомъ траурѣ по водамъ Золотаго Рога. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того онъ торжественно входилъ въ Пирейскую гавань, гдѣ ожидала его встрѣча, которая никогда не забудется очевидцами.

Солнечный восходъ раннимъ утромъ въ Греціи!—Какой очаровательный видъ представляютъ тогда эти опаловаго цвѣта облака, эти воды съ разноцвѣтными оттѣнками! Какое благоуханіе разлито въ воздухѣ!—На разсвѣтѣ такого то прекраснаго утра, чрезъ оливковыя рощи и покрытые густыми гроздами виноградники, торжественно несли останки патріарха, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія возвратившагося въ родную страну, къ мѣсту послѣдняго своего успокоенія.

Когда похоронная процессія приблизилась къ вратамъ столицы, печати Русской Имперіи, оставшіяся на гробѣ нетронутыми въ теченіи пятидесяти лѣтъ были вскрыты—крышка приподнята, и взорамъ безчисленной, собравшейся кругомъ, толпы, представились останки, покоившіеся какъ бы въ тихомъ снѣ. Архіерейское облаченіе, обветшавшее отъ времени, все еще покрывало оныя; голова, съ бѣлоснѣжными волосами и бородою, сохранилась почти такъ же хорошо, какъ при жизни.

Въ то время, какъ громадная толпа, знаменуя себя крестнымъ знаменіемъ, съ молитвою на устахъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ лицезрѣла святые останки, на лице патріарха снова былъ возложенъ покровъ, и процессія, при громѣ ежеминутной пушечной и ружейной стрѣльбы, двинулась по направленію къ собору въ которомъ должно было предаться погребенію его тѣло.— Патріаршую митру и посохъ несли впереди; передъ гробомъ шли тридцать архіепископовъ и епископовъ съ пѣніемъ погребальныхъ пѣснопѣній; за гробомъ слѣдовали пѣшкомъ греческій король и королева, съ своимъ дворомъ, министрами, *дипломатическимъ корпусомъ*, и почти всеми городскими жителями.—Но лица, слѣдовавшія по сторонамъ погребальной колесницы, возбуждали почти такой же энтузіазмъ и благоговѣніе въ средѣ безчисленной толпы, какъ и самые останки патріарха. Это было нѣсколько престарѣлыхъ старцевъ, согбенныхъ подъ тяжестію лѣтъ, въ потухающихъ взорахъ которыхъ встрѣча съ незабвеннымъ другомъ своей юности, воспламенила еще разъ тотъ огонь и жаръ, съ которымъ они нѣкогда бились за свободу своей родины. Это были послѣдніе останки той славной арміи патріотовъ, которые вели войну за независимость. У всѣхъ нихъ на груди сіяли звѣзды и различныя украшенія, свидѣтельствовавшія о томъ, какое высокое мѣсто занимали они въ лѣтописяхъ патріотизма. Всѣ приближавшіеся къ нимъ оказывали имъ также знаки глубокаго уваженія и преданности, какъ и самому королю, но эти герои минувшихъ дней были тамъ теперъ такъ ветхи и слабы отъ долговременной жизни, что казалось, они только ожидали радостной минуты возвращенія на родину своего незабвеннаго вождя, и теперъ съ радостію готовы слѣдовать за нимъ, и раздѣлить съ нимъ на вѣки мѣсто послѣдняго успокоенія.

Такъ, окруженный живыми символами славнаго прошлаго тихо

двигался впередъ патріархъ Григорій въ своей гробницѣ на почвѣ возлюбленной Греціи, въ торжественной процессіи, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ и благоуханіи ѳиміама, густыми клубами поднимавшагося къ верху. Глубокое душевное волненіе и умиленіе безчисленной толпы народа при этомъ зрѣлищѣ было такъ сильно, что изумило, и даже вызывало слезы сочувствія присутствовавшихъ на ономъ иностранцевъ. Процессія останавливалась на каждомъ перекресткѣ, и во время остановокъ читали должныя мѣста изъ Св. Писанія, а за тѣмъ она снова двигалась черезъ триумфальныя арки, съ одинаковою на вѣхъ простою надписью „*возрожденіе Греціи*“ по направленію къ древнему Аѳинскому собору. По прибытіи въ соборъ, гробъ былъ поставленъ предъ алтаремъ, а Архіепископъ Сиры и Теноса, еще такъ недавно посѣтившій нашу Англію, произнесъ краснорѣчивую рѣчь о свѣтлой и чистой жизни того, который въ послѣдній разъ являлъ имъ свое благородное лице съ выраженіемъ торжественнаго спокойствія. За тѣмъ было дано *последнее цѣлованіе*, которымъ такъ трогательно оканчивается погребальная служба на Востокѣ. Наконецъ гробъ былъ опущенъ въ заранѣе приготовленный для него склепъ. Стекло осталось въ гробѣ, какъ и прежде, чтобы Греки будущихъ поколѣній могли всегда видѣть лице страдальца и мученика за благо своей родной страны.

Изъ жизни русской церкви и духовенства въ 1812 году *).

Шестидесятью пятью годами отдѣляется отъ настоящаго года грозный и незабвенный въ Русской Исторіи 1812-й годъ, — называемый такъ выразительно *французскимъ погромомъ*. — Теперь также на вершинахъ Балкана и въ малой Азіи происходитъ одна изъ самыхъ кровавыхъ и ожесточенныхъ войнъ, когда либо внесенныхъ въ лѣтописи исторіи, съ врагами креста и христіанства, — Русско-Турецкая война, — знаменуемая постоянными подвигами самоотверженія русскаго христіолюбиваго воинства и славою

*) Читано въ годичномъ собраніи Общества любителей духовнаго просвѣщенія 1877 года, декабря 11 дня.

русскаго оружія.— Настоящій годъ, кромѣ того, особенно замѣчательнень въ томъ отношеніи, что на долю онаго—приходится празднованіе столѣтія со дня рожденія Императора Александра Благословеннаго, имя котораго всецѣло и неразрывно связано съ 1812 годомъ.— Этогъ, по истинѣ, замѣчательнѣйшій день для насъ Русскихъ—приходится въ понедѣльникъ 12-го декабря текущаго года.— Посему для насъ, мм. гг., какъ членовъ Общества любителей дух. просвѣщенія, — не безынтересно будетъ привести на память и представить, такъ сказать, въ наглядной картинѣ то горячее и живое участіе, какое принимали отечественная церковь и духовенство въ незабвенныхъ событіяхъ громоноснаго года.— Для сей цѣли мы не намѣрены излагать здѣсь—подробную военную лѣтопись происшествій, которая есть достояніе Русской гражданской исторіи, а только собрать замѣчательнѣйшіе факты изъ исторіи Русской церкви и духовенства, тѣсно связанные съ описываемымъ годомъ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія — явился новый исполинъ—завоеватель, Наполеонъ I, уроженецъ г. Аяччіо, на о. Корсикѣ, изъ простаго Корсиканскаго жителя—сдѣлавшійся императоромъ французовъ. Для произведенія подобнаго ему, говорилъ Шатобрианъ, потребно 10-ть вѣковъ.— Лестецы называли его, какъ было выражено въ Катехизисѣ, изданномъ по его повелѣнію, *L' image de Dieu vivant* (образъ Бога живаго) и есть преданіе, что упоенный громкою славою своихъ побѣдъ онъ приказалъ выбить золотую медаль, съ изображеніемъ Вседержителя Бога и съ слѣдующею надписью: *Tibi coelum, mihi terra* (тебѣ небо—мнѣ земля).

Дѣйствительно, сцена его военныхъ подвиговъ была огромна, отъ береговъ Сены и до роковыхъ береговъ Москвы, и передъ 12-мъ годомъ почти вся Европа, за исключеніемъ Россіи, лежала поработенная у ногъ гордаго завоевателя.

Замѣчательно, что въ Русскомъ народѣ, особенно въ простонародѣ, о Наполеонѣ ходили смутные и темные слухи. Одни называли его Аполіономъ, о которомъ написано въ 9-й главѣ Апокалипсиса, другіе—антихристомъ, который при помощи сатаны собралъ великія силы, съ львиными зубами и скорпіоновыми хвостами.— Даже исчислили, что въ числѣ 666 (число звѣрино)—содержится имя Наполеона.—Свят. Правительствующій Синодъ,

еще въ 1807 году, въ одномъ изъ своихъ указовъ выразился о Наполеонѣ такъ, что онъ въ Египтѣ пріобщился гонителямъ церкви Христовой и проповѣдывалъ алкоранъ Магометовъ, а во Франціи воздавалъ раввинамъ почести и установилъ новый синедріонъ, который нѣкогда осудилъ на распятіе Христа.

Тогда какъ взоры всей поращенной Европы обращались на императора Александра Благословеннаго, какъ на единственный оплотъ ея, надмѣнный завоеватель самъ поспѣшилъ, къ своей пагубѣ, ускорить разрывомъ съ Россіей.

Еще 3-го августа предшествующаго 12-му году, онъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, среди всего дипломатическаго корпуса, съѣлъ русскому посланнику въ Парижѣ, князю Куракину, дерзкій выговоръ будто бы за неприязнь къ нему Россіи, и только позднее время года препятствовало ему начать немедленно свой походъ. Война была неизбѣжна и съ обѣихъ сторонъ дѣлались грозныя приготовленія.—Тихо и спокойно, какъ передаютъ современники, наступилъ для русскихъ незабвенный двѣнадцатый годъ.—Впрочемъ не было недостатка въ небесныхъ предзнаменованіяхъ о наступающей темной годинѣ, — конечно, особенно поразительныхъ для умовъ вѣрующихъ. Еще Фридрихъ II, Прусскій король, сказалъ, что съ необычайными явленіями природы бываютъ сопряжены необычныя политическія событія, и что тайна эта извѣстна Тому, Кто управляетъ природою и судьбою человѣчества.—Дѣйствительно, наступленіе французскаго погрома знаменовалось нѣкоторыми особенными явленіями природы. — По небу ходила большая комета съ огромнымъ блестящимъ хвостомъ, которую въ народѣ звали *метлою Божіею*, а Наполеонъ—своею *путеводною звѣздою въ Россію*.—Въ Россіи и другихъ государствахъ чрезвычайно разливались рѣки, свирѣпетовали сильныя бури, и случались даже землетрясенія, какъ напр. въ Дубоссарахъ, Очаковѣ, а въ Москвѣ, по сказанію современниковъ, *бушевали сильныя вѣтры, несшіеся съ юга, и предвѣщавшіе что-то недоброе*. Быть великой войнѣ, — говорили старожилы, и даже тому обстоятельству, что со времени основанія Москвы истекалъ 665-й годъ. Придавали особенное значеніе.

Въ началѣ весны французскія и союзныя войска — собрались уже на разныхъ пунктахъ Германіи, а русскія войска и гвардія—въ Вильно, куда, для осмотра ихъ, во вторникъ на 6 недѣль

великаго поста, 9-го апрѣля, въ самую распутицу, выѣхаль Государь Императоръ.

Отъѣздъ Государя въ армію, по православному обычаю, былъ предваренъ напутственнымъ молебствіемъ, совершеннымъ Петербургскимъ митрополитомъ Амвросіемъ съ первенствующимъ духовенствомъ, въ Казанскомъ соборѣ.—Такъ какъ извѣстный манифестъ, начинающійся словами: „Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ мѣръ“ и такъ далѣе, былъ уже изданъ, то народъ съ нетерпѣніемъ ждалъ роковаго начала войны, и вотъ когда по выходѣ Государя изъ собора, онъ сталъ садиться въ дорожную коляску, то, по словамъ современниковъ среди перекатныхъ звуковъ *ура*, среди несдержанныхъ рыданій, слышались возгласы: *Боже, спаси царя!*

Не безынтересно для насъ описаніе означеннаго Государева путешествія. Онъ прибылъ въ Вильно 14 апрѣля, въ самое Вербное воскресенье, въ два часа пополудни, и повсюду былъ встрѣченъ съ необыкновеннымъ торжествомъ, а у соборной церкви знатнѣйшимъ духовенствомъ. Въ первые дни страстной седмицы ему представлялись наше православное и католическое духовенство, магистратъ, университетъ и еврейскій кагалъ. — Никто не запомнить, чтобы въ Вильно было когда либо такое стеченіе народа, какъ въ то время.

Наступилъ день Св. Пасхи, приходившійся тогда на 21 апрѣля. Въ домѣ Виленскаго генералъ-губернатора, въ которомъ имѣлъ тогда пребываніе Государь, устроили полковую церковь. Передъ заутреней собрались туда всѣ важнѣйшія особы, окружая Императора. Когда заиѣли *ди воскреснетъ Богъ и расточится врази Ею*, въ церкви громко повторилась эта молитва.

По окончаніи литургіи, принявъ отъ всѣхъ обычныя поздравленія, Государь вошелъ во внутренніе свои покои.—Въ полдень—за городомъ былъ блестящій парадъ всѣмъ находившимся тамъ войскамъ въ присутствіи Государя и всего генералитета. — Вообще дни Св. Пасхи въ Вильно были ознаменованы цѣлымъ рядомъ праздниковъ. — Въ Москвѣ въ свѣтлый день праздника также происходило особенное торжество. — 21 апрѣля, какъ извѣстно, день рожденія Императрицы Екатерины II, и этотъ день былъ назначенъ для постановки бюста Государынѣ, изваяннаго извѣстнымъ въ то время художникомъ Мартосомъ, въ домѣ благо-

роднаго собранія. Бюсть торжественно былъ открытъ въ присутствіи 1500 членовъ собранія, и при многочисленномъ собраніи зрителей, помѣщавшихся на хорахъ.

Теперь обратимся къ образу дѣйствій императора французовъ и его арміи. — Наполеонъ, пробывши въ Дрезденѣ съ своими вѣнценосными друзьями до 29 мая, — въ этотъ день отправился форсированнымъ маршемъ въ Парижъ, а оттуда въ Польшу. — Въ Варшавѣ онъ занялъ войсками всѣ тамошніе монастыри и, какъ говорятъ, многихъ римско-католическихъ монаховъ и священниковъ побралъ въ солдаты. — Грозное полумилліонное войско, изъ двадцати языковъ, быстро подвигалось къ берегамъ историческаго Нѣмана, — и знаменитая переправа черезъ эту рѣку началась въ ночь на 12-е іюня, — при раскатахъ грома и проливномъ дождѣ, какъ говорятъ современники. — *Замѣчателенъ* дневной апо-столю 12 іюня, именно того дня, въ который французы, въ 1812 году, вступили въ наши границы. Онъ начинался слѣдующими словами: *Открывается ннльъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду*, и одинъ изъ извѣстнѣйшихъ церковныхъ витій того времени, преосвящ. Августинъ ивель это изрѣченіе въ своемъ словѣ, произнесенномъ при освященіи Успенскаго собора 1814 г. 30 августа. — Здѣсь кстати можно замѣтить, что число 12 представляется весьма знаменательнымъ въ царствованіе Императора Александра I. — Онъ родился 12 дек., вступилъ на престолъ 12 марта, роковая война съ французами началась въ 12-мъ году; Наполеонъ вторгнулся въ Россію 12 іюня, совершенно были вытѣснены французы изъ Москвы 12 октябри.

При извѣстіи о переходѣ непріятельскихъ войскъ черезъ Нѣманъ — русскія арміи начали быстро отступать внутрь Россіи. — Въ главной квартирѣ Государя при Полоцкѣ были изданы памятные манифесты къ Москвѣ и народу. „Да встрѣтитъ врагъ“, говорилось между прочимъ во второмъ изъ нихъ, „въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина“.

„Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. — Святѣйшій Синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. — Народъ русскій, храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ

и тигровъ! Соединитесь всѣ"... Подписавъ манифесты, Государь въ ту же ночь (6 іюля) отправился въ Москву.—Во время проѣзда его черезъ Смоленскъ — Смоленскими дворянами было положено начало народной войнѣ.

Въ высокой степени интересенъ для насъ разговоръ Наполеона съ русскимъ уполномоченнымъ Балашовымъ, посланнымъ къ нему для напоминанія о народныхъ правахъ при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій. Правда ли, что Москву называютъ священной и сколько въ ней церквей, спрашивалъ за обѣдомъ у Балашова надменный завоеватель.—На отвѣтъ послѣдняго, что церквей въ Москвѣ болѣе двухсотъ, Наполеонъ продолжалъ: къ чему такая ихъ бездна?

Русскіе очень набожны, оговѣчалъ Балашовъ.

Впрочемъ большое количество монастырей и церквей, замѣтилъ на это Наполеонъ, всегда служить признакомъ отсталости народа.

Не всегда, остроумно замѣтилъ Русскій посолъ, кромѣ Россіи есть еще Испанія, въ которой также много церквей и монастырей.—Наполеонъ нахмурился и замолчалъ, потому что дѣла его въ Испаніи въ это время шли очень дурно.

Между тѣмъ Наполеонъ преслѣдовалъ нашу первую армію; подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, Даву—вторую подъ начальствомъ Багратіона, противъ Витгенштейна былъ отряженъ маршалъ Удино.—Витебскъ, черезъ который двигались непріятельскія полчища, былъ весь разграбленъ, а храмы Божіи осквернены.—Враги Россіи убивали въ церквахъ укрывавшихся тамъ младенцевъ, и въ какомъ-то яростномъ безуміи обвѣшивали ихъ членами иконостасы и престолы; вколачивали гвозди въ очи св. иконъ, пили вино изъ церковныхъ сосудовъ, вводили въ церкви лошадей,—точно это было во времена Юліана Богоотступника. Преданіе сохранило до насъ почтенное имя протоіерея м. Чечерскъ (во 100 верстахъ отъ Могилева) Герасима Курганскаго, отдавашаго единственнаго своего сына на защиту отечества. Говорятъ, что при приближеніи французовъ къ означенному мѣсту, онъ, при колокольномъ звонѣ, со всѣмъ церковнымъ клиромъ, иконами и хоругвями,—съ крестомъ въ рукѣ, смѣло вышелъ на встрѣчу непріятелю. Пораженные зрѣлищемъ священной процессіи, французы стремглавъ побѣжали назадъ, скатываясь съ вала, и расте-

ряли свои сѣдла. *Сіи на колесницахъ и сіи на коняхъ, мы же имя Господа Бога нашего призываемъ*, сказали протоіерей.

Съ грабежемъ и опустошеніемъ непріятельскія полчища подступали къ Вильно,—въ виду постоянно отступающихъ Русскихъ армій. 10-го іюля получена было въ Москвѣ воззваніе Государя къ первопрестольной столицѣ, и вслѣдъ за тѣмъ пронеслась отрадная вѣсть о личномъ его прибытіи въ Москву, и вотъ 11-го іюля, народъ толпами двинулся къ Дорогомиловской заставѣ, на Смоленскую дорогу для встрѣчи своего возлюбленнаго Монарха. Москва, приняла въ этотъ день особенно праздничный видъ: лавки были заперты, всѣ работы оставлены; внутри Москвы, съ ранняго утра, у приходскихъ церквей, по той дорогѣ, гдѣ надлежало проѣзжать Государю, стояли священники въ полныхъ облаченіяхъ, съ крестами въ рукахъ. Успенскій соборъ былъ наполненъ духовными и гражданскими сановниками. Народъ думалъ было, выпрягнувши лошадей, нести коляску Государя на своихъ плечахъ съ Поклонной горы—до самаго Кремля; но Государь, по обычной своей скромности, пожелалъ вѣхать въ Кремль безъ всякой торжественной встрѣчи. Ровно въ полночь онъ прибылъ на Поклонную гору. Здѣсь встрѣтилъ его въ полномъ облаченіи, съ крестомъ на серебряномъ блюдѣ, священникъ села Покровскаго, Григорій Гавриловъ и маститый старецъ діаконъ съ большою горящею свѣчей. Эта картина въ темную, безлунную ночь, была очень эффектна. Быстро вѣхавшій экипажъ Государя—остановился, и онъ, вышедши изъ коляски, съ глубокимъ вздохомъ приложился къ кресту. 12-го іюля, съ самаго ранняго утра Кремль былъ переполненъ народомъ. Лѣтній день былъ блистательно хорошъ; въ 9 часовъ на Ивановской колокольнѣ торжественно загудѣлъ колоколь, и чрезъ нѣсколько времени, при оглушительномъ звонѣ колоколовъ и восторженныхъ восклицаніяхъ народа, вылетавшихъ изъ тысячей грудей, Императоръ Александръ, съ своей сіяющей кроткой улыбкой, показался на вершинѣ историческаго Краснаго крыльца. Началось шествіе Государя въ Успенскій соборъ, при входѣ въ который преосвященный Августинъ, съ крестомъ въ рукахъ, привѣтствовалъ его извѣстною рѣчью, начинающеюся словами: *Еще курятся ошмамы на алтаряхъ сизъ...* Выписываемъ нѣсколько особенно сильныхъ выраженій изъ означенной рѣчи: Такъ какъ въ этотъ день должно было совершаться благодарст-

венное молебствіе о замиреніи съ Турками, то, говорилъ церковный витія, „Россія готова воспѣть хвалебную пѣснь Господу силъ и тебѣ христу Господню. Но се на западѣ воспумѣли бури, и Ты, яко исполинъ, исходишь на путь безсмертныхъ подвиговъ и славы. *Отъ края небесе исходъ твой, и срѣтеніе твое до края небесе.* Тамъ среди храбрыхъ и мощныхъ ополченій твоихъ, ты мещеши перуны на дерзкаго врага, здѣсь воспламениши души напи любовью къ тебѣ и отечеству... Оружіемъ ты побѣдилъ тысячи, а благостію тьмы... Царю! Господь съ тобою. Онъ глаголетъ твоимъ повелитъ бурѣ, и станетъ въ тишину и умолкнутъ воды потоппыя. Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтесь яко съ нами Богъ!“ И Августинъ и царь прослезились. При вступленіи Государя въ храмъ, пѣвчіе громко и стройно запѣли: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази ею!* При возглашеніи многолѣтія, раздалась пушечная пальба, и послѣ молебствія Государь прикладывался къ святымъ мощамъ и иконамъ.

14-го іюля митрополитъ Московскій Платонъ, въ то время немощный, маститый старецъ, проживавшій то въ Троицкой лаврѣ, то близъ ея, въ любимой своей Виѳаніи, препровождая къ Государю образъ преподобнаго Сергія, между прочимъ, писалъ къ нему слѣдующее: „Пусть дерзкій и наглый Голиафъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей его гордыни. Се образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего отечества, приносится Вашему Императорскому Величеству... Въ своемъ отвѣтѣ Государь Императоръ увѣдомлялъ маститаго архипастыря, что „образъ святаго поборника Россійскихъ военныхъ силъ онъ велѣлъ отдать составляющемуся для защиты Московскому ополченію, да сохранить его своимъ предстательствомъ у престола Божія, и да продлитъ своими молитвами украшенные честію и славою дни ваши“.

Кто изъ насъ не знаетъ благодарственнаго, одного изъ образцовѣйшихъ по духовному краснорѣчію, отвѣтнаго письма Московскаго архипастыря, начинающагося словами: старецъ Сумеонъ... Государь, взывалъ онъ какъ бы въ пророческомъ духѣ, въ по духу христіанскаго благочестія, благословили нововооружаемыхъ героевъ принесенною вамъ отъ меня иконою чудотворца Сергія.

Много может молитва праведнаго споспѣшествуема. Покусится алчный врагъ простерть за Днѣпръ злѣбное оружіе, и этотъ фараонъ погрянетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Черномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третію, новую рѣку—страшно выговорить—рѣку крови человѣческой. О, каждая капля крови воззоветъ отъ земли къ небу. *Крови брата твоего возмизу отъ руки твоея.* Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщений, Россія восчувствуетъ, исповѣдуетъ, воспоетъ къ Нему: Авва — Отче! Царю Небесный! Ты изведеши, яко свѣтъ, правду монарха, и судьбу Россіи, яко полудне.

Не менѣ замѣчательно по своей силѣ и выразительности, и воззваніе Св. Синода къ подъятію оружія, читанное митрополитомъ Амвросіемъ, 17-го іюля, въ Казанскомъ соборѣ, послѣ молебствія. „Властолюбивый, ненасытимый, не хранящій клятвъ не уважающій алтарей, врагъ, говорилось въ немъ, дыша столько же ядовитою лестію, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожаегъ домамъ нашимъ, и на благолѣпіе храмовъ Божіихъ еще издавеча простираетъ хищную руку... помяните дни древняго Израиля и лѣта предковъ вашихъ, которые, именемъ Божіимъ, съ дерзновеніемъ повергались въ опасности и выходили изъ нихъ со славою.. Да воздвигнетъ изъ насъ Господь новыхъ Навиновъ, одолавающихъ наглость Амалика, новыхъ судей, спасающихъ Израиля, новыхъ Маккавеевъ, огорчающихъ цари многи и возвеселяющихъ Іакова въ дѣлѣхъ своихъ. Наипаче же зываемъ къ вамъ пастыри и служители алтаря! якоже Моисей во весь день брани съ Амаликомъ, не восхотѣлъ опустити рукъ, воздѣянныхъ къ Богу, утвердите и вы руки ваши къ молитвѣ дотолѣ, доколѣ не оскудѣютъ мышцы борющихся съ вами.. И если кто изъ сыновъ Левитскихъ, еще не опредѣлившихся къ служенію, возревнуетъ ревностію къ брани, благословляется на сей подвигъ отъ самаы церкви“.. Выписываемъ для любознательныхъ слушателей нѣкоторыя мѣста изъ молитвы, читавшейся въ то время на литургіи, въ приходскихъ церквахъ, о спасеніи Россіи отъ вражескаго нашествія. Она гораздо длиннѣе, — чѣмъ молитва, читаемая нынѣ по случаю Русско-Турецкой войны, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень сходится съ нею. Се врагъ, смущая землю, говорилось въ ней, возста на ны; се люди беззаконные собралися, сже погубити достояніе Твое, разорити честный Іеру-

салимъ Твой, осквернити храмы Твоя, раскопати алтари и поругатися святыни нашей, Владыко Господи! Услыши насъ молящихся Тебѣ! Укрѣпи силою Твоею благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго Государя нашего, императора Александра Павловича... Утверди всемогущею десницею царство Его, и подаждь ему побѣду на врага, яко же Моусею на Амалика, Гедеону на Мадіама, и Давиду на Голиафа. Сохрани воинство его, положи лукъ мѣдянь мышцамъ за имя Твое ополчившихся, и препояши ихъ силою на брань. Пріими оружіе и щитъ и возстани въ помощь нашу, да посрамятся и постыдятся мыслящіе намъ злая.

Четвертый день пребыванія Государя въ Москвѣ, именно 15 іюля, также незабвененъ для москвичей и для всей Россіи.— Съ ранняго утра, въ этотъ день, въ Слободскомъ дворцѣ (въ которомъ нынѣ Импер. Техническое училище), послѣ молебствія, собрались именитѣйшіе представители дворянства и купечества.— Засѣданіе открылось чтеніемъ Высочайшаго манифеста (отъ 6 іюля) объ объявленіи войны Россіи съ Франціею.— Градоначальникъ Москвы, графъ Растончинъ, по повелѣнію Государя, удостоившаго собраніе личнымъ присутствіемъ, предложилъ составить ополченіе. Все дворянство единодушно и единогласно изъявило желаніе дать по одному человѣку со всеми потребными припасами.— *Встъ пополовчо пойдѣмъ*—раздавались голоса.— *Возьми жизнь и имущество*—*Ваше Величество*, съ несдерживаемымъ рыданіемъ твердилъ градскій голова, Куманинъ, провожая Государя изъ залы собранія.— Ожили Минины и Пожарскіе; доблесть ихъ отразилась въ ихъ потомкахъ.— Московское дворянство выставило 80 тысячъ ратниковъ, и его примѣру немедленно послѣдовало и дворянство прочихъ губерній.— Купечество жертвовало десятками тысячъ рублей.— Монастыри, въ томъ числѣ Троицкая Лавра, пожертвовали 40,000 рублей, кромѣ другихъ цѣнныхъ серебряныхъ слитковъ; отъ Комиссіи духовныхъ училищъ дано было 750,000 руб., отъ преосв. Амвросія и Александроневской Лавры 25 тысячъ, итогъ всей пожертвованной суммы скоро поднялся до 4 милліоновъ.— Жертвовали даже бѣднѣйшіе сельскіе церковнослужители, церковные причетники, чиновники и т. д.— Какъ и въ настоящее время,—многія изъ дамъ, по внушенію добраго сердца,—щипали тогда корпію для раненыхъ, кроили и шили бѣлье для нихъ.

Въ концѣ іюля, благословляемый своими подданными, Императоръ Александръ отправился въ Петербургъ, пожаловавъ, передъ своимъ отъѣздомъ, Августину, за труды и рвеніе къ пользѣ отечества, орденъ Александра Невского.

Между тѣмъ непріятельскія подчища съ грабежемъ и опустошеніями быстро подвигались къ знаменито-историческому, еще во времени польскаго погрома, Смоленску.—Передъ Смоленскомъ, вопреки ожиданію непріятеля, 1 я и 2 я наши арміи соединились.— Не безынтересны для насъ въ нѣкоторомъ отношеніи, слѣдующія, какъ бы прорицательныя, слова митрополита Платона о стѣнахъ Смоленска, сказанныя еще за нѣсколько лѣтъ до вторженія непріятеля въ Россію, во время его проѣзда черезъ Смоленскъ въ Кіевъ. Древнія стѣны Смоленска, сказалъ онъ, достаточны были въ свое время для обороны города, но въ настоящее время имъ нужны новыя укрѣпленія.— 5-го августа, наканунѣ великаго праздника Преображенія Господня, съ ранняго утра началась страшная канонада непріятелями этого города изъ 150 орудій, и среди прекрасной ночи августа мѣсяца, Смоленскъ, по словамъ одного французскаго бюллетени, представлялъ тоже зрѣлище, какое зрителямъ Неаполя представляетъ изверженіе Везувія. Разсказываютъ, что священникъ тамошней церкви св. Одигитрія, Никифоръ Муржакевичъ, во все время канонады, съ крестомъ въ рукахъ, ходилъ по укрѣпленіямъ города и поощрялъ русскихъ воиновъ твердо стоять за вѣру и отечество.

Не смотря на весь ужасъ канонады, въ церквахъ его, по обычному, совершалось всенощное бдѣніе.—Подъ градомъ всюду свистѣвшихъ и лопавшихся безчисленныхъ гранатъ и ядеръ. Смольяне со слезами и рыданіемъ вынесли изъ Благовѣщенской церкви чудотворную икону Смоленской Божіей Матери,—и съ крестнымъ ходомъ понесли ее къ арміи.—На городской площади, при ужасномъ зрѣлищѣ смерти и разрушенія, началось единственное въ своемъ родѣ молебное пѣніе передъ чудотворною иконою... *И ты, оставляешь насъ, мати ты наша, заступница*, съ рыданіемъ говорилъ народъ, прикладываясь къ иконѣ.

Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ продолженіе отступленія нашей арміи къ Москвѣ, чудотворную икону везли на запасномъ лафетѣ одной изъ батгарейныхъ ротъ полковника Восойкова.

И такъ, не смотря на безпримѣрную защиту въ лѣтописяхъ

военной исторіи, 6-го августа, Смоленскъ былъ занятъ непріятелемъ,—а соединившіяся русскія арміи продолжали отступать по направленію къ Москвѣ.—Грабежемъ, пожарами, опустошеніемъ и различными неистовствами, знаменовался дальнѣйшій путь двадцати языкъ—къ сердцу Россіи—первопрестольной Москвѣ, на что русскіе не замедлили отвѣчать имъ ожесточенною войною,—немедленно вспыхнувшюю на далекое пространство, какъ въ Смоленской губерніи, такъ и въ окрестностяхъ Москвы.

Нельзя безъ особеннаго умиленія читать краткій очеркъ этой, по истинѣ героической, борьбы русскихъ поселянъ съ врагами ихъ вѣры и отечества, составленный однимъ изъ очевидцевъ оной. Блеснетъ заря, говоритъ онъ, еще спитъ кругомъ крещеный міръ, какъ вдругъ зыкнетъ колоколь, или вспыхнетъ пукъ соломы на высокой жерди, или сторожевой забьетъ въ трещотку,—и быстро отсюда начинаютъ сбѣгаться поселяне обоюго пола на большую улицу села съ топорами за поясомъ и съ рогатинами въ рукахъ, а нѣкоторые съ саблями и ружьями; ими заправляетъ какойлибо отставной бравый унтеръ-офицеръ, или солдатъ. Къ собравшейся толпѣ подходитъ священникъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ идутъ причетники, всѣ крестьяне снимаютъ шапки и набожно перекрестятся. Послѣ краткой, всегда одушевленной, рѣчи священника, начинаются земные поклоны, многіе прослезятся, дячекъ подаетъ святую воду, священникъ крошитъ ею ополченцевъ; они прикладываются къ кресту, цѣлуютъ руку и края священнической ризы, и толпа, перекрестившись на церковь, поспѣшно идетъ на кровавый бой съ врагами.

Прибывши въ Петербургъ, на 22 іюля, въ день тезоименитства своей родительницы Императрицы Маріи Феодоровны, съ особенною восторженностію былъ принятъ всеми сословіями столицы Государь Императоръ и, по полученіи извѣстія о занятіи непріятелемъ Смоленска и продолжающемся отступленіи русской арміи, соизволилъ назначить одного общаго главнокомандующаго надъ всеми дѣйствующими арміями. Этотъ выборъ палъ на знаменитаго сподвижника Суворова, только что прославившагося заключеніемъ мира съ Турками, и бывшаго въ описываемое время начальникомъ Петербургскаго ополченія, князя М. И. Кутузова.

Въ Воскресенье, 11 августа, передъ отправленіемъ своимъ въ армію, Кутузовъ посѣтилъ Казанскій соборъ, и, какъ передаютъ,

съ умиленіемъ молился передъ иконою Казанской Божіей Матери. Быть можетъ, онъ уже предчувствовалъ, что въ скоромъ времени въ этомъ самомъ соборѣ будетъ покоемъ прахъ его. Протоіерей собора, о. Іоаннъ, поднесъ Кутузову икону Божіей Матери, въ маломъ медальонѣ, которую князь тутъ же надѣлъ на себя. 17-го августа онъ прибылъ къ арміи, близъ Гжатска, и вскорѣ по его прибытіи отслужили молебенъ Смоленской Божіей матери, — при общемъ ликованіи и восторгѣ войска. Отступленіе русской арміи продолжалось; впрочемъ отъ Гжатска до самаго Бородина оно представляло ничто иное, какъ продолжительное сраженіе съ небольшими роздыхами; особенно сраженіе было упорно у стѣвъ Колоцкого монастыря, въ которомъ нѣсколько оставшихся старыхъ монаховъ денно и ночью служили молебны и панихиды. Въ недалекомъ разстояніи отъ древняго Можайска простирается огромная равнина Бородинская, на которой въ величавой красотѣ возвышается теперь Спасо-Бородинскій женскій монастырь. — По этой равнинѣ струятся четыре рѣчки съ знаменательными прозвищами: *Война*, *Колоча*, *Стонецъ* и *Огинь*, и она-то была выбрана Кутузовымъ для великой, валовой битвы съ непріятелемъ.

Солдаты ждали битвы, какъ великаго праздника: 25 августа, наканунѣ роковаго дня, они принарядились, пригладились и перемѣнили даже бѣлье, какъ будто готовясь на пирь. — И удивительно ли это, когда за ними была Москва, и когда теперь отъ ихъ мужества зависела участь первопрестольной столицы? Въ полдень этого дня по всей арміи, съ стройнымъ пѣніемъ тропаря: *Заступница усердная*, пронесли икону Смоленской Божіей Матери, и грозное русское войско съ благоговѣніемъ колѣноприклонялось предъ нею. — Настало роковое 26-е августа, съ холоднымъ и пасмурнымъ сначала утромъ, вскорѣ потомъ прояснившимся. Въ глубокомъ, но грозномъ безмолвіи, раннимъ утромъ двинулось русское войско на кровавый бой съ врагами. Икона Смоленской Божіей Матери въ кивотѣ стояла въ срединѣ арміи, передъ ней священники въ полномъ облаченіи совершали молебенъ и раздавались отрядные напѣвы: *Взбранной Воеводо...* Проходя мимо иконы на смертный бой полки съ благоговѣніемъ крестились. Подробности знаменитаго Бородинскаго боя, или *bataille de gheleaux* (битвы генераловъ), какъ называли его французы, слишкомъ извѣстны всѣмъ и каждому, чтобъ повторять оныя. Достаточно

сказать, что къ ночи этого безпримѣрнаго по русской храбрости и геройскому самоотверженію дня, на Бородинскомъ полѣ покоилось болѣе 100,000 труповъ. Здѣсь пали смертію храбрыхъ Багратионъ, Кутайсовъ, Тучковъ. Каменный памятникъ, красиво возвышающійся теперь среди обширнаго Бородинскаго поля, и скромная женская обитель, краснорѣчиво, хотя и безмолвно, говорятъ о геройскомъ самоотверженіи русскихъ въ роковой день 26-го августа. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что кромѣ воиновъ при Бородинѣ явили знаки своего мужества и многія духовныя особы, шедшія впереди своихъ полковъ съ крестами въ рукахъ, подъ градомъ пуль, подъ разрывами бомбъ и гранатъ.

На другой день кроваваго бородинскаго боя, Русскій главнокомандующій, произведенный за оный въ генераль-фельдмаршалы, по расчетливымъ и дальновиднымъ соображеніямъ, вмѣсто натиска на непріятельскія войска, счелъ благоразумнѣйшимъ снова отступленіе, и вотъ грозная русская армія стройно потянулась по направленію къ Москвѣ.

Интересны для насъ нѣкоторыя подробности изъ Московской жизни въ описываемое грозное время. По случаю извѣстій о побѣдахъ, одержанныхъ Витгенштейномъ надъ французами, при Кобринѣ и Клястицѣ, 30 іюля, въ Успенскомъ соборѣ былъ торжественно отслуженъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. 14 августа, въ Москвѣ на земляномъ валу противъ Спасскихъ казармъ, собралось Московское ополченіе, изъ 6 тысячъ человекъ, при громадномъ стеченіи народа. Преосвященнымъ Августиномъ отслуженъ молебенъ и совершено водосвятіе. Ополченіе стройными рядами проходило мимо архипастыря. Августинъ, окропляя ихъ святою водою, возглашалъ: *Господь Силь съ вами! Господь побораеть по васъ!* У ополченія не было знамени. Преосвященный взялъ изъ церкви Спаса, что во Спасской, двѣ хоругви и вручилъ ихъ ополченію. Замѣчательно, что и въ Петербургѣ въ Воскресенье, 1 сентября, также была освящена хоругвь для Петербургскаго ополченія митрополитомъ Амвросіемъ, который и благословилъ ополченцевъ иконою Спаса Нерукотвореннаго. На народныхъ гуляньяхъ по случаю храмовыхъ праздниковъ, у Новоспасскаго и Андроніева монастырей, 6-го и 16-го августа, въ красиво устроенныхъ палаткахъ, вербовались охотники въ во-

енную службу, и вписывали их имена в особую, назначенную для того, книгу.

Вскорѣ послѣ Бородинской битвы изъ дѣйствующей арміи привезли въ Москву икону Смоленской Божіей Матери, которую сопровождали тамошній преосвященный Ириней и нѣкоторые изъ Смольяны. Первоначально эту икону поставили въ ц. Василия Неокесарійскаго въ Тверской Ямской, а оттуда, уже съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, она почти черезъ четыреста лѣтъ, опять была внесена въ стѣны Москвы и съ подобающею честію поставлена въ Успенскомъ соборѣ.

26-го августа, въ самый день Бородинской битвы, и праздника Срѣтенія Владимірской Божіей Матери, преосв. Августинъ, съ архіереями Іоною и Пафнутіемъ (грузинскими) обносили иконы Владимірской, Смоленской и Иверской Богоматери, вокругъ Кремля, Китая и Бѣлаго города. Трогательно было смотрѣть, прибавляютъ очевидцы, когда крестный ходъ, тянувшійся отъ Срѣтенскихъ воротъ по направленію къ Арбатскимъ, поровнялся съ рядами обозовъ съ тяжкоранеными, изъ которыхъ, кто могъ только, приподнималъ руку и съ благоговѣніемъ крестился, а многіе на взрыдъ плакали. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что главнымъ пристанищемъ въ то время для тяжело-раненыхъ былъ Лефортовскій дворецъ, — тамъ происходило поразительное зрѣлище: при видѣ множества полуживыхъ страдальцевъ, стонающихъ въ предсмертныхъ мукахъ, преосв. Августинъ, для духовнаго успокоенія ихъ, отправилъ къ нимъ иконы Иверской и Смоленской Божіей Матери. Раненые воины съ умиленіемъ и слезами встрѣтили святыню, — и съ благоговѣніемъ слушали молебное пѣніе предъ оными.

27 августа, при громадномъ стеченіи народа, въ Донскомъ монастырѣ, происходили похороны генерала Краснова, тяжело раненаго подъ Колоцкимъ монастыремъ. Его схоронили подлѣ генерала Иловайскаго, — и, говорятъ, что тогдашній настоятель Донскаго мон. не принявъ денегъ за мѣсто погребенія почившаго въ монастырѣ.

Какова была внутренняя, домашняя жизнь москвичей за описываемое время? До Бородинскаго боя въ Москвѣ все шло еще по старому съ обычными удовольствіями и развлеченіями. Признаки быстро-наступающей грозной тучи для Москвы и москвичей знаменовались только тѣмъ, что уже съ 16-го августа началось от-

правление казенныхъ вещей въ Казань, Нижній Новгородъ и во Владимірь. Нѣкоторые изъ москвичей, или современниковъ, уѣзжали тогда на богомолье въ дальніе монастыри.—Набожные читали особенно извѣстныя въ то время книги: *Путь ко спасенію*, и *Урокъ Свѣтовостоковъ*, или щипали корцію, и шили бѣлье для раненыхъ и перевязки. Въ рѣдкой комнатѣ, говорятъ, даже изъ парадныхъ, модная мебель, желтой корельской березы, не была завалена бинтами и засорена обрѣзками холста и полотна. Собирались для обмѣна новостей на только что устроенномъ тогда Тверскомъ бульварѣ, — Нескучномъ и дворцовомъ садахъ, и вообще очень многіе тогда были увѣрены, что московскіе чудотворцы не допустятъ враговъ въ богоспасаемую Москву.—Только уже по полученіи извѣстія о Бородинской битвѣ и отступленіи нашихъ войскъ, Москва особенно заволновалась; не смотря на успокоительныя афиши м. главнокомандующаго графа Раstopчина, всѣ заведенія и фабрики перестали дѣйствовать, торги прекратились, университетъ кончилъ свои занятія, для скорѣйшаго выпуска студентовъ въ армію, въ которую тогда охотно и ретиво вписывались и многіе семинаристы—сыны Левитскіе. 29 августа была выпровождена изъ Москвы пожарная команда и пожарныя трубы. За нѣсколько дней до вступленія непріятеля въ Москву, изъ любимой своей Виѣаніи прибылъ въ нее маститый архипастыръ московскій Платонъ, какъ бы желая проститься съ нею. Носились слухи, что онъ хотѣлъ ѣхать на Бородинское поле, или на Поклонную гору, чтобы благословить россійское воинство на битву за Москву. Рассказываютъ, что пріѣхавъ въ Чудовъ монастырь, онъ сѣлъ въ кресла, на входномъ крыльцѣ, опираясь на свой жезлъ, въ простой полурыскѣ,—и долго, долго, съ выступавшими слезами на глазахъ, задумчиво смотрѣлъ на Кремль. Это было его безмолвное прощаніе съ Москвою. Народъ толпился около него, подходя за благословеніями; осѣняя его крестнымъ знаменіемъ, онъ говорилъ: *простите, простите, спаси насъ Господи!* Онъ хотѣлъ спокойно ожидать непріятелей въ Москвѣ, и едва-едва преосвящ. Августину удалось уговорить его отправиться въ Виѣанію. Оттуда, уже по занятіи французами Москвы,—онъ, какъ извѣстно, былъ увезенъ въ Махрищскій монастырь. *Вотъ до чего я дожилъ!* говорилъ онъ тамъ. *Господи! пріидоша язвы и оскверниша достояніе Твое!* Москва пустѣла съ каждымъ

днемъ и часомъ все болѣе и болѣе. Растопчинъ, по совѣщаніи съ преосвящ. Августиномъ, собирався идти на три горы съ крестнымъ ходомъ для благословенія войска и народа къ упорной битвѣ. *Идите съ крестомъ*, взывалъ неутомимый главнокомандующій къ народу, возьмите хоругви изъ церквей, и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на трехъ горахъ; я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. 31 августа народъ толпами валилъ на три горы съ пиками, топорами, рогатинами и долго тамъ ожидалъ Растопчина, но тщетно; съ досадою и уныніемъ разошлись всѣ.

Преосвященный Августинъ съ мѣста своего жительства Саввинскаго подворья, также неоднократно посылалъ къ главнокомандующему, когда онъ назначить крестный ходъ на три горы; но графъ отвѣчалъ уклончиво.

1-го сентября, въ воскресенье, въ память Симеона Столпника, называемаго въ народѣ, *мтотпроводцемъ*, — въ который празднуется церковное новолѣтіе, преосв. Августинъ служилъ еще въ Успенскомъ соборѣ обѣдню и молебень *о пріятномъ мтѣ Господнемъ*. По окончаніи литургіи, складывая антимины, преосвященный, говорятъ, со слезами воскликнулъ: *скоро-ли Богъ удостоитъ насъ служить еще въ семъ храмѣ?*—Патріаршая ризница, драгоценности соборовъ и нѣкоторыхъ монастырей, также нужнѣйшія дѣла консисторіи были уже отправлены имъ прежде, на 600 подводяхъ, въ Вологду.—Почти въ полночь, на 2 сентября, главнокомандующій официально увѣдомилъ преосвященнаго Августина о подступленіи непріятели къ Москвѣ и о своемъ выѣздѣ, — прося его благословенія. Онъ указывалъ ему слѣдовать по Владимірскому тракту, съ иконами: Владимірскою, Иверскою, Смоленскою, — какъ на путь самый безопасный.—Сдѣлано было на скоро распоряженіе; св. иконы доставили на Саввинское подворье въ крытыхъ экипажахъ, и онъ, среди ночной темноты, отправился съ иконами въ дальній путь.—Во время его слѣдованія по означенному пути, до него, какъ говорятъ, неоднократно доносились упреки отъ крестьянъ за то, что онъ покинулъ свою паству.—Перваго же сентября передъ ночью выпустили изъ ямы и острога колодниковъ, — и изъ Преображенской больницы — больныхъ умалишенныхъ.—По истинѣ, — это была *последняя* ночь — свободной Москвы; впрочемъ военный караулъ стоялъ еще на гауптвахтахъ; его сняли только 2 сентября утромъ.

Въ одной верстѣ отъ с. Покровскаго—Филей на крутой горѣ, близъ Можайской дороги, еще не такъ давно, одиноко стоялъ небольшой деревянный домикъ, обнесенный валомъ и небольшимъ ровомъ. — На голыхъ стѣнахъ этого домика висѣли портреты героевъ 1812 года, а на столѣ стояла чернилица и книга для вписыванія именъ любопытныхъ посѣтителей — Домикъ этотъ недавно сгорѣлъ, но память о немъ неразрывно будетъ связана съ 1812 годомъ. — Здѣсь-то въ этомъ домикѣ, на роковомъ военномъ совѣтѣ, 31-го августа, въ присутствіи извѣстнѣйшихъ генераловъ, подъ предѣдательствомъ Кутузова, было рѣшено отдать Москву французамъ безъ боя.

Здѣсь, послѣ долговременныхъ преній, Кутузовъ произнесъ незабвенныя слова: *потеря Москвы не есть еще потеря Россіи.*

Наступило 2-е сентября (понедѣльникъ) съ тихимъ и безоблачнымъ утромъ. — Все что только могло выѣхать изъ Москвы, — выѣхало. — Послѣ извѣстной расправы съ несчастнымъ Верещагинымъ, — обвинявшимся въ измѣнѣ, главнокомандующій также покинулъ Москву. — Въ Москвѣ съ ранняго утра происходили пьянство, грабежъ, и беспорядки, производимые чернью, фабричными и колодниками. — Кое гдѣ слышался благовѣстъ къ обѣднямъ. — Между тѣмъ на улицахъ Москвы показался уже авангардъ отступающей, тихимъ, похороннымъ маршемъ, нашей арміи, — нѣкоторые изъ Московскихъ священниковъ, рѣшившихся остаться при своихъ приходяхъ, въ полномъ облаченіи, стояли на папертяхъ церквей и благословляли проходившее мимо нихъ войско. — Такъ какъ церкви, мимо которыхъ проходили войска, были отперты, то нѣкоторые изъ солдатъ, оставляя свои ряды, входили въ нихъ и усердно молились.

При проходѣ чрезъ Кремль, нѣкоторые начальники командовали своимъ отрядамъ: на молитву! молились и плакали. — Говорять, что извѣстный партизанъ Фигнеръ, носившій, какъ говорить, подъ мундиромъ образъ св. Николая, также зашелъ помолиться въ одну церковь. Дьячокъ принявъ его за простаго солдата, и подавъ ему гривну мѣдью, съ словами: *служиотый! прими малую толику.* Фигнеръ подавъ ему серебряный рубль, сказавъ при этомъ: *на, прими большую толику.* — Тогда какъ русская армія уныло тянулась чрезъ Москву по направленію къ Рогожской, Спасской и Покровской заставамъ, а большинство московскихъ

жителей бѣжало по Владимірской дорогѣ, близился роковой четвертый часъ пополудни;—и вотъ какъ только на Спасской башнѣ пробило 4 часа,—а на Ивановской колокольнѣ раздался обычный вечерній благовѣстъ, въ четыре заставы, Калужскую, Дорогомиловскую, Прѣсененскую и Тверскую, какъ въ четыре жерла, — ринулись со всѣхъ сторонъ непріатели. — Вечеромъ, какъ бы въ честь новоприбывшихъ, вспыхнула страшная иллюминація: вспыхнулъ москательный рядъ, масляные ряды, Зарядье, Балчугъ, и окрестности Яузскаго моста. — Пламя разрослось въ цѣлое огненное море, и изъ него посыпался огненный дождь искръ. — Москва, по мѣткому выраженію тогдашнихъ поселянъ, *запылала какъ свѣча предъ Богомъ*, — и ея зарево, какъ говорятъ, было видно въ Вианніи и Коломнѣ, почти за 100 верстъ. — *„Вотъ наконецъ этотъ азійскій городъ съ своими безчисленными церквами, — вотъ она эта святая Москва“*, говорилъ Наполеонъ своей блестящей свитѣ, стоя на Поклонной горѣ, и любуясь волшебною панорамой первопрестольной столицы — съ сверкавшими на солнцѣ золотыми крестами и куполами колокольни Ивана Великаго, кремлевскихъ соборовъ и другихъ многочисленныхъ церквей, и неоглядную массу зданій, среди зыбкой зелени садовъ.

Онъ долго, съ нетерпѣніемъ, но совершенно напрасно и безуспѣшно, ждалъ какъ здѣсь, такъ и у Дорогомиловской заставы, — почетной депутаціи — Московскихъ бояръ, и разочарованный ночевалъ недалеко отъ заставы, какъ говорятъ, въ домѣ одного харчевника. — 3 сентября былъ его торжественный въѣздъ въ Москву. Есть преданіе, что, подъѣзжая къ Кремлю, онъ воскликнулъ: *voilà affreuses misailles*, т. е. *какія страшныя стѣны!* И дѣйствительно, не радушно приняли въ себя честолюбиваго завоевателя эти страшныя стѣны. Въ тотъ же день вечеромъ пожаръ забушевалъ съ особенною силою, и особенно страшно свирѣпствовалъ 4-го, 5-го и 6-го сентября. — Въ страшномъ московскомъ пожарѣ, съ которымъ, по выраженію самого Наполеона, едва ли могъ сравниться пожаръ горѣвшей Трои, гордый властелинъ міра, подобно Валтасару, долженъ былъ прочесть свою будущность, начертанную огненными буквами, — тогда какъ Россія нашла въ немъ спасеніе. — Сожженная Москва спасла Россію. *O Sione, Sione, grade Божий*, сказалъ по этому случаю преосвящ.

Августинъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, *отъ тебе изиде спасеніе Израилево и вся земли.*

Не безинтересны для насъ нѣкоторыя подробности о расположеніи Французскихъ генераловъ въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ Москвы. Маршалъ Даву, проживавшій въ д. Нарышкина на Дѣвичьемъ полѣ, пріѣзжая по служебнымъ дѣламъ въ Кремль, останавливался въ Чудовъ монастырь. — Канцелярія Лористона была устроена на Ивановской колокольнѣ; тамъ со всѣхъ четырехъ сторонъ ея были ободраны листы, для вида на замоскворѣчье, и оттуда иногда Наполеонъ смотрѣлъ на громады своихъ полчищъ. — Рязанское подворье, гдѣ нынѣ помѣщается М. Д. Консисторія, было занято разными непріятельскими генералами. На Саввинскомъ подворьѣ жилъ такъ-же французскій генераль. — Въ церкви Спаса на Бору сохранялось сѣно для лошадей Наполеона; въ Иверской часовнѣ находилась гауптвахта. Въ Петровскомъ монастырь былъ устроенъ мясной магазинъ, а на монастырскомъ дворѣ распластывали быковъ. — Пойманныхъ настоящихъ и мнимыхъ зажигателей, какъ русскихъ такъ и французовъ, по приказанію Наполеона, разстрѣливали и на Дѣвичьемъ полѣ, и близъ Петровскаго монастыря, и близъ церкви Космы и Даміана на Тверской. — Вынужденный страшнымъ Московскимъ пожаромъ, который достигалъ уже Кремля, Наполеонъ удалился въ Петровскій дворецъ, а оттуда, по утишеніи пожаровъ, снова черезъ трое сутокъ перебрался въ Кремль.

Взглянемъ теперь на то, что происходило въ Петербургѣ въ описываемое время. — 5-го сентября, на Семеновскомъ плацѣ, былъ Высочайшій смотръ 2-го ополченія. — Государь командовалъ построиться въ колонны и на молитву. Когда священнослужитель возгласилъ: *паки и паки преклонше колѣна*, Государь, духовенство, ополченцы и весь народъ преклонили ихъ. Картина была величественная и поразительная! Многіе замѣтили, что Государь былъ во время молебствія въ печальномъ расположеніи духа и въ глазахъ его блистали слезы: онъ только что узналъ предъ тѣмъ о занятіи Москвы непріателемъ. Для прочихъ это еще было тайною. — Официальное донесеніе главнокомандующаго Москвы объ уступленіи Москвы французамъ Государь выслушалъ черезъ полковника Мишо. Это его сильно и глубоко тронуло; и грустно-высокія чувства, одушевлявшія его, излились въ манифестъ отъ

18 сентября. „Непріятель вступилъ въ Москву“, говорилось между прочимъ въ немъ, „но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій. Напротивъ да поклянется всякъ и каждый воскипѣтъ новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратится на послѣдокъ на главу ихъ.... Боже Всемогущій! Обрати милосердья очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ церковь. Даруй, поборающему по правдѣ, вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сямъ да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его и спасетъ себя, спасетъ свободу и независимость царей и царства“. — Нельзя пройти здѣсь молчаніемъ, что въ Петербургѣ въ описываемое время, по желанію публики, часто давали трагедію Хераскова: *Освобожденіе Москвы отъ поляковъ*, въ 17 столѣтіи.

Между тѣмъ пожары и грабежи въ Москвѣ продолжались. Враги врывались въ церкви, тамъ прободали они иконы, обнажали престолы, опрокидывали ихъ, съ облаченій спарывали позументы, превращали храмы въ поварни, изъ расколотыхъ иконъ устраивали въ нихъ пылающіе костры. Тамъ же на вбитыхъ въ иконахъ гвоздяхъ, висѣла у нихъ конская сбруя и аммуниція; въ иныхъ церквахъ слышалось ржаніе лошадей, которые, стоя въ алтаряхъ, были покрыты, вмѣсто попонъ, священническими ризами, и ѣли овесъ изъ купелей, въ которыхъ крестили новорожденныхъ. — Алтари были обрызганы человѣческой кровью и животныхъ; священниковъ и монаховъ, не допускавшихъ грабить церкви, непріятели жестоко били, истязали, какъ напр. въ Новоспаскомъ монастырѣ, у Сорока мучениковъ и у Гавриила Архангела, близъ Почтамта. Самъ Наполеонъ, по сказаніямъ очевидцевъ, издѣвался надъ старымъ священникомъ Мих. Пылаевымъ, приказавъ его насильно облачить въ архіерейскую одежду, среди Успенскаго собора, чтобъ видѣть изображеніе Русскаго іерарха.

Вирочемъ въ нѣкоторыхъ нашихъ церквахъ, равно какъ въ иновѣрческихъ и раскольническихъ, было дозволено служить только безъ звона *).

*) Впрочемъ это дозволеніе было дано только впоследствии. Въ церкви Адриана и Наталіи на Мѣщанской раздался было однажды звонъ: Москов-

Счастливы были тѣ Московскіе жители, которые могли пріютиться въ церквахъ, гдѣ они были безопаснѣе отъ пожаровъ: много такихъ было у Спаса на Плинищахъ, близъ Ильинки. Тамъ каждая семья жила въ особомъ уголкѣ, женщины съ дѣтьми, по большей части, ютились въ трапезѣ; поочередно они ходили промыслять себѣ пищу; нѣкоторые и не возвращались. Въ самой церкви противъ алтаря, лежали на налоѣ крестъ и евангеліе, грамотные читали вслухъ каноны и акаѳисты Иисусу Христу, Божіей Матери и Ангелу Хранителю. Прочіе молились.—Въ нѣкоторыхъ церквахъ были разставлены кадки, ведра, ушаты съ водою, и развѣшаны мокрая рогожи отъ пожара. Дѣти взбирались на колокольни посмотрѣть, что дѣлается на улицахъ, но они боялись высовываться въ боковыя отверстія колокольни, потому что непріатели подстрѣливали ихъ, какъ птицъ въ гнѣздѣ.

Какъ мы уже сказали выше, въ немногихъ церквахъ дозволялось богослуженіе съ колокольнымъ благовѣстомъ одинъ разъ въ день и не ранѣе 8 часовъ утра. Такъ напр. у Троицы въ Троицкой священнику дозволено было служить по охранному билету пристава той части; чтобы привлечь въ Москву болѣе жителей, Наполеонъ дозволилъ сдѣлать это. — Нелишнее замѣтить здѣсь, что церкви, находившіяся при богоугодныхъ заведеніяхъ, не были тронуты непріателями; и что грабившихъ церковныя вещи французовъ увѣряли, что онѣ мѣдныя, и только позолоченныя, и такимъ образомъ онѣ были спасаемы отъ расхищенія. Извлекаемъ изъ преданій очевидца описаніе Богослуженія, бывшее на Якиманкѣ у Петра и Павла, въ которой нашелся одинъ придѣлъ, неоскверненный врагами: около 8 часовъ утра раздался отдаленный, унылый, рѣдкій благовѣстъ. Многіе радостно изумились и направились по звуку его къ храму; по сторонамъ церкви, у дверей, стояли непріательскіе рядовые съ ружьями; богомольцы безпрепятственно проходили туда, большая часть изъ нихъ были истощенные, блѣдные, въ рубищахъ, едва влачащіе ноги, собравшіеся туда изъ разныхъ норъ: изъ подваловъ, погребовъ, какъ будто вызванные изъ могилъ трубнымъ звукомъ Архангела. Нечего говорить, что всѣ предстоявшіе въ храмѣ молились усердно.

скіе жители изумились и обрадовались, но оказалось, что это потѣшались французы.

Это было еще первое богослужение. Сперва началось водоосвящение; лишь только мелькнулъ блескъ зажженных свѣчей, какъ отдернулась церковная завѣса, отверзлись царскія двери, и священнослужители выступили оттуда; одинъ изъ нихъ несъ на головѣ крестъ и евангеліе, другой держалъ въ рукѣ зажженную свѣчу, а правую кадилъ предъ иконостасомъ и народомъ.— Священникъ остановился среди церкви, осѣнилъ крестомъ четыре стороны и воскликнулъ: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази ея!* Народъ запѣлъ: *Кресту Твоему поклоняемся Владыко.* При погруженіи Креста раздался общій хоръ молитвы *Спаси, Господи, люди Твоя!* При пѣвнн стиха: *къ Богородицѣ прилежно нынѣ притечемъ*, послышались другіе звуки, это были вопли и рыданія колѣнопреклоненныхъ богомольцевъ. По окончаніи водоосвященія, началась всенощная, а послѣ ея стали слушать правило, готовясь къ св. причастію. Началась литургія, во время которой всѣ благоговѣйно, со слезами умиленія и отрады, приступили къ принятію Св. таинъ. Въ заключеніе всего священнослужители совершили еще два христіанскіе обряда: въ церкви стояла купель для крещенія новорожденныхъ и нѣсколько гробовъ съ покойниками. Здѣсь были входящіе въ свѣтъ и отходящіе изъ него переселенцы въ другой міръ... Тогда немногіе имѣли подобное счастье; сколько труповъ валялось въ Москвѣ неотпѣтыхъ и не погребенныхъ, въ иныхъ мѣстахъ сваленныхъ въ одну общую кучу и могилу.—А что за могила безъ кадила!?

Замѣчательнъ еще другой фактъ, передаваемый современниками: протоіерей Михаилъ Гратинскій (кавалергардскаго полка), предъ вступленіемъ въ Москву непріятелей, не успѣлъ изъ нея выхъть и былъ ограбленъ французами. Проживая и бѣдствуя въ Москвѣ, онъ съ трудомъ испросилъ себѣ отъ французской администраціи дозволеніе совершать богослуженія въ одной изъ московскихъ церквей. Едва отыскалъ онъ одну, уцѣлѣвшую отъ всеобщаго разоренія, церковь архидіакона Евпла, на Мясницкой, въ которой нашлась и утварь, не тронутая врагами. 15 сентября, въ день коронаціи Государя, приступилъ онъ въ первый разъ къ служенію въ этой церкви. Тамъ, при стеченіи пребывавшихъ въ Москвѣ русскихъ, было отправлено имъ молебствіе за здравіе Императора и всей царской фамиліи; всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ произносили имя Александра. Послѣ, въ продол

женіе цѣлаго часа, народъ прикладывался ко кресту, во время чего пѣли многолѣтіе.— Съ тѣхъ поръ служеніе въ этой церкви продолжалось до самаго очищенія Москвы отъ французовъ.— Священникъ Срѣтенскаго монастыря также во всѣхъ своихъ молитвахъ упоминалъ Императора Александра. Наполеонъ прислалъ было ему грозный приказъ исключить это имя изъ церковныхъ молитвъ, а упоминать имя его. Но священникъ отвѣчалъ: донесите моему Государю, что и подъ рукою палача буду молиться за императора Александра. Это пастырское геройство непріятели уважили и оставили священника въ покоѣ.

Жители московскіе собирались также въ церкви Харитонія въ Огородникахъ, тамъ они устроили себѣ шалаши вокругъ церкви, чтобъ защищаться отъ изувѣровъ; каждый день они молились въ этой церкви; непріятели пробовали прекратить богомолье, но русскіе ударили въ набатъ, собирались толпами и рѣшились противиться своимъ врагамъ, съ опасностію жизни. Подстрекаемые жадностію, французы, считая крестъ на Ивановской колокольнѣ сдѣланнымъ изъ чистаго золота, устроили кругомъ колокольни лѣса, и сняли крестъ. Другіе прибавляютъ, что кто-то увѣрилъ Наполеона, будто Москва можетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ крестъ на этой колокольнѣ, и онъ велѣлъ снять его. Впослѣдствіи яблоко креста найдено было въ Кремлѣ поврежденнымъ, а желѣзо изломаннымъ. Этотъ крестъ, сдѣланный въ 1811 г. изъ желѣза и обложенный мѣдью, вызолоченною чрезъ огонь, какъ говорятъ, стоитъ 8 тыс. руб. на ассигнаціи.

Въ церкви, въ которыхъ совершалось богослуженіе, русскіе допускали только своихъ; но нерѣдко въ нихъ заходили и непріятели. По сказанію очевидца, они собрались въ одну церковь и запѣли охрипшими голосами свой походный маршъ; но вѣроятно устыдились и замолчали, когда присутствовавшіе въ ней богомольцы съ негодованіемъ обратили на нихъ свои взоры. Въ другую церковь французы ворвались силою и заставляли священно-служителя поминать имя Наполеона, но разумѣется, это не было исполнено.

Въ то время, какъ французы грабили и истребовали въ сожженной и опустошенной Москвѣ, Наполеонъ съ Сухаревой башни, въ шпилѣ которой, по преданію, за нѣсколько времени до вторженія непріятеля въ Москву, зачутался орелъ, осматри-

валь Троицкую дорогу; онъ ѣздилъ также по замостворѣчью, на раскольничье Преображенское кладбище, и съ особеннымъ любопытствомъ обратилъ вниманіе на массивныя стѣны Донскаго, Новоспасскаго и Новодѣвичьего монастырей. Во второмъ изъ нихъ особенно тогда неистовствовали французы. Передъ наступленіемъ непріятеля, по вывозѣ драгоценностей изъ монастыря, настоятель монастыря, Амвросій Орнатскій удалился изъ Москвы, въ монастырѣ же остался намѣстникъ его, старецъ Никодимъ съ немногими монахами и послушниками. Поляки прежде всѣхъ вторгнулись туда для грабежа, а за ними явились уже и прочія разноплеменные націи: они схватили намѣстника, и требовали у него денегъ, избили, изранили его саблями, притащили въ соборъ, продолжая свои истязанія надъ нимъ, и отпустили едва живымъ. Тогда же было принесено въ монастырь для погребенія окровавленное тѣло Сорокосвятскаго священника П. Веніаминаова, также истерзаннаго французами. Вечеромъ того же дня отъ пожара лѣснаго ряда загорѣлся и монастырь; монахи и послушники бросились искать себѣ спасенія, кто на берегахъ Москвы-рѣки, кто въ монастырскихъ подвалахъ и погребахъ. Ночью занялась и колокольня, съ которой съ ужаснымъ трескомъ упалъ колоколъ въ 1000 пудовъ и, пробивши своды Сергіевской церкви, повисъ на ней. Кельи настоятеля съ Покровской церковью были обращены въ казармы, а Знаменская церковь въ конюшню; но сколько ни старались непріятели ввести лошадей въ Преображенскій соборъ, по насланнымъ подмосткамъ, никакъ не могли успѣть въ томъ. Они вездѣ искали сокровища, разрывали могилы на монастырскомъ кладбищѣ, разламывали каменные склепы въ усыпальницѣ, и даже престолы и жертвенники въ церквахъ. Найденныя серебряныя ризы они разрубали лопатами и дѣлили между собою. Вскорѣ послѣ этого настоятельскіе покои занялъ французскій генераль, тогда въ святыхъ воротахъ расположилась гауптвахта съ пушками, а монастырскій дворъ наполнился фургонами съ провизіею для продовольствія непріятелей.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ непріятели жили, и потому обитель была сохранена. Святые ворота были завалены пескомъ съ глиною и бревнами, а передъ нимъ былъ устроенъ парапетъ-валъ для защиты: на могильныхъ камняхъ и въ храмахъ его солдаты расположились биваками. Въ монастырѣ съ дозволенія Неаполи-

танскаго короля Мюрата, происходило богослуженіе. Оберегательницею его въ то время была старица Сарра; она внушала врагамъ такое къ себѣ уваженіе, что ни одна изъ просьбъ ея не оставалась тщетною. По удаленіи изъ монастыря французовъ, она, увидя на дворѣ зажженные фитили, которые были проведены къ церковнымъ подваламъ, наполненнымъ порохомъ, собравъ старухъ монахинь, съ спокойною твердостію потушила ихъ, и опустившись въ подвалы, привяла всѣ мѣры къ безопасности монастыря.

Не безынтересны для насъ также нѣкоторыя подробности о пребываніи непріятеля въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ, оставленныя очевидцемъ, настоятелемъ онаго, архимандритомъ Лаврентіемъ тогдашнимъ префектомъ Перервинской семинаріи. Монастырь расположенъ въ 7 верстахъ отъ Москвы на берегахъ Москвы-рѣки, и былъ любимымъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ митрополита Платона. При монастырѣ въ описываемое время находилась духовная семинарія, переведенная въ 1814 году въ Москву, въ Заиконоспасскій монастырь. Всѣ церковныя вещи, какъ этого, такъ и Златоустава монастыря, въ которыхъ о. Лаврентій былъ настоятелемъ, еще до 23 августа были приготовлены къ вывозу. Въ концѣ августа, числа 23-го, всѣмъ монашествующимъ означеннаго монастыря, учителямъ, служителямъ и оставшимся бѣднымъ семинаристамъ, до новаго года были выданы провизіонныя деньги, а также и жалованье. Часовня Иверской Божіей Матери съ чудотворною иконою принадлежала въ то время, какъ и теперь, Николо-Перервинскому монастырю. Икона Смоленскія Божія Матери была уже вывезена прежде преосвященнымъ Иринеємъ, еп. Смоленскимъ, а иконы Владимірскія Божія Матери и Иверскія уже въ ночь на 2-е сентября. Хотя уже ночь, говорить очевидецъ, однако часовня была ярко освѣщена, и наполнена множествомъ молящагося народа. Для того чтобы непримѣтнѣе означенную икону, такъ сказать, скрыть отъ молящихся, арх. Лаврентій приказалъ жившему тогда при часовнѣ іеромонаху Исааку облачиться въ священническую одежду, нести передъ иконою зажженную свѣчу, и съ пѣніемъ стиховъ перенести оную въ келью монашествующихъ, сказывая другимъ, что икона подымается для болящаго, какъ то обыкновенно бываетъ; а на мѣсто поставить списокъ той иконы, что отъ народа безпрепятственно было испол-

нено. Икона, по принесеніи въ келью, положена была въ приготовленный ящикъ и отправлена въ домъ преосвященнаго. Драгоценная святыня отправлена была въ путь въ 2 часа утра, по Владимірскому тракту. Въ деревнѣ Новой, въ 25 верстахъ отъ Москвы, остановились отдохнуть. Едва только открыли образъ Иверскія, преосвященный, везшій все это время икону Владимірскія Божія Матери на своихъ рукахъ, сказалъ предстоящимъ: *вотъ какую юстью вамъ привезли!* Народъ, увидя икону, безъ сомнѣнія нерѣдко виданную имъ въ Москвѣ, бросился на колѣна и зарыдалъ, приговаривая: *Матушка наша! Владычица! и Тебя Матушку злодѣи выгнали!* По изгнаніи французовъ пріѣхавъ въ Москву 1 декабря, говоритъ очевидецъ, я явился къ преосвященному викарію Августину, который, увидѣвъ меня, сказалъ твердымъ голосомъ: *Христось воскресе! Воистину воскресе,* отвѣчалъ я. Перервинскій монастырь остался невредимымъ; оставшіеся въ ономъ монашествующіе почти все остались живыми, равно какъ и семинаристы. Послѣдніе перетаскали муку и крупу подъ семинарскіе покои чрезъ узкія внизу окна, сдѣланныя для провѣтриванія нижнихъ накатовъ и половъ, и разсыпали оныя по рогожамъ и семинарскимъ халатамъ. Оттуда уже они вытаскивали провіантъ по мѣрѣ надобности, и по ночамъ пекли себѣ хлѣбъ и кашу. Семинаристы, во все время пребыванія непріятеля въ монастырѣ, ходили въ однихъ семинарскихъ тулупахъ, безъ рубашекъ, равно какъ безъ сапогъ — въ туфляхъ и валенкахъ, потому что то и другое у нихъ отнимали французы. Непріятели особенно были благосклонны къ малолѣтнимъ, которые безъ всякаго опасенія пекли свой картофель у разведенныхъ французскихъ огней. Взрослыхъ же и монашествующихъ они постоянно отгоняли.

Троицко-Сергіева Лавра, чудесно спасенная въ 1608 году отъ моровой язвы, также чудесно была спасена и отъ французовъ въ 1812 году, не смотря на то, что они стояли въ окрестностяхъ Лавры. Рыская по всемъ дорогамъ, ведущимъ въ Лавру, грабя и разоряя окрестныхъ жителей, французы три раза собирались идти на нее, услышавъ какими сокровищами она обладаетъ, но все какъ будто были останавливаемы чѣмъ нибудь въ этомъ предпріятіи. Въ житіи Радонежскаго чудотворца, св. Сергія, сказано, что явившаяся ему въ видѣннѣ Божія Матери, обѣщала защитить его обитель; есть преданіе, что въ преддверіи храма явился ночью

одному лаврскому старцу инокъ—это былъ св. Сергій. Исторически извѣстно то, что французы боялись лѣсовъ, окружающихъ дорогу отъ Дмитрова къ Лаврѣ и караулившихъ тамъ казаковъ и поселянъ. 1 октября, французы поспѣшно выступали изъ Богородска и Дмитрова, по приказанію Наполеона, который, видя грозившую ему отсюда опасность, началъ стягивать около себя свои войска. Замѣчательно, что въ этотъ день, въ который празднуется Покровъ Пресвятой Богородицы, по просьбѣ жителей Троицкаго посада и по соизволенію митрополита Платона, вокругъ посада былъ учрежденъ торжественный крестный ходъ. Толпы окрестныхъ поселянъ, московскіе и Можайскіе выходцы, по звону монастырскаго колокола, стеклись въ обитель въ 7 часовъ утра. Въ предшествіи учениковъ и студентовъ тамошней семинаріи, троицкіе монахи въ этомъ священнодѣйствіи соединились съ іереями Троицкаго посада и совершили съ колѣнопреклоненіемъ и со слезами молебное пѣніе Всемиловитому Спасу, Божіей Матери и препод. Сергію. Въ этотъ самый день—два вѣка тому назадъ, отъ Троицко-Сергіевой Лавры были отбиты поляки — и въ этотъ же день французскіе отряды оставили Дмитровъ и Богородскъ. Возрадовалось сердце митрополита Платона при этомъ событіи. Извѣщая Свнодъ о чудесномъ сохраненіи Лавры отъ враговъ, онъ писалъ ему: острое лезвіе кроваваго меча извивалось надъ несчастными сынами первопрестольной матери Москвы... Ново-рожденный Юліанъ (богоотступникъ) бѣшенствовалъ противъ неба и потрясалъ въ Москвѣ самое сердце земли; между тѣмъ Лавра и Вишенія, по судьбамъ Провидѣнія, не испытала на себѣ пагубныхъ перуновъ... Это суть мѣста, идѣже миръ и тишина положиша селеніе свое... И странное чудо! отъ Москвы, гдѣ огонь истощилъ силы, къ Лаврѣ и Вишеніи не болѣе разстоянія, какъ съ одной стороны къ намъ отъ Дмитрова, а съ другой отъ Богородска, гдѣ мечъ пресѣкъ свои дѣйствія; въ разстояніи разницы нѣтъ никакой, или самая малѣйшая. Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, дивенъ въ препод. Сергіѣ. *Аще не его ради, азъ погубихъ быхъ васъ.* Сему вѣрую, на семъ утверждаюсь, сіе исповѣдую.

Какъ извѣстно, престарѣлый Платонъ жилъ въ это время въ Махрищскомъ монастырѣ; тамъ однажды въ концѣ сентября онъ слушалъ вечерню, и когда надобно было запѣть стихи Дамаскина: *Твоя побѣдительная*, по ошибкѣ запѣли другое, тогда Платонъ,

сидя у лѣваго клироса, какъ бы вдохновенный какою-то мыслию, всталъ и воскликнулъ: пойте: *Твоя побѣдительная*, и вдругъ зарыдалъ. Всѣ предстоявшіе тронулись этимъ зрѣлищемъ, и также заплакали... Архипастырь по какому-то предчувствію, никогда его не обманывавшему, говорилъ, что онъ умретъ на ногахъ; онъ непременно хотѣлъ дожить до того времени, когда рѣшится судьба его отечества.—И, дѣйствительно, онъ скончался 11 ноября 1812 года, когда непріатели уже опростебью бѣжали изъ Россіи.

Обратимся теперь снова къ пребыванію непріателя въ Москвѣ. Обманутый надеждою на мирныя переговоры, для чего къ Кутузову былъ отправленъ Лористонъ, усыпленный Наполеонъ проснулся, но уже поздно. Скоро выпалъ первый снѣгъ, и встрепенувшіеся французы съ ужасомъ, мысленно взглянули на роковое пространство, отдѣляющее ихъ отъ отечества. Съ 1 октября началось передвиженіе непріательскихъ войскъ и обозовъ, и всѣмъ маршаламъ написанъ былъ маршрутъ, куда кому и по какой дорогѣ имъ надлежало выступить. Въ разграбленной и сожженной Москвѣ долженъ былъ оставаться, до окончательнаго выхода изъ оной непріательскихъ войскъ, маршалъ Мортъе. Кромѣ другихъ приказаній, ему было поручено Наполеономъ подорвать Кремль и другія зданія, — между тѣмъ прогремѣлъ побѣдоносный для Русскихъ Тарутинскій бой, — въ которомъ едва не былъ захваченъ въ плѣнъ Неаполитанскій король, — Мюратъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ 6-го октября, во время смотра, дѣлаемаго корпусу Нея, испуганный Наполеонъ въ ту же ночь приказалъ своей арміи поспѣшно выступить на Калужскую дорогу. Жалко было положеніе выступающей арміи: голодные и оборванные, многіе солдаты, какъ въ уличномъ маскарадѣ, были обернуты въ рожи, лошадиныя шкуры, или одѣты въ юбки, салоны, а нѣкоторые изъ нихъ—въ церковныя ризы, которыя, по вступленіи въ Москву, они кощунственно и для потѣхи надѣвали на себя. Окончательный выходъ непріателя изъ Москвы, какъ извѣстно, послѣдовалъ въ день памяти 7-го Вселенскаго собора, 12-го октября,—празднуемый съ тѣхъ поръ ежегоднымъ, торжественнымъ ходомъ вокругъ Кремлевскихъ стѣнъ. — Въ ночь на этотъ достопамятный день маршаломъ Мортъе была подорвана часть стѣнъ Кремля,—въ томъ числѣ пристройка подлѣ колоколни Ивана Великаго, арсеналъ и многія башни. Наполеонъ хотѣлъ также уничтожить

и церковь Васи́лія Блаженнаго, — иначе Покровскій на Рву соборъ, назвавъ ее мечетью; но къ счастью не всё мины были подорваны; въ эту самую темную, непроглядную ночь, говорятъ современники, изъ безоблачнаго неба полилъ дождь и залилъ вспыхнувшій пожаръ. — Къ общему изумленію образъ святителя Николая, находившійся на полуразрушенной Никольской башнѣ, остался невредимъ, тогда какъ въ Сенатѣ, близъ этой башни, не осталось не только ни одного стекла, но даже ни одной рамы. Описаніе этого чуда сохранено для памяти потомства въ надписи, изображенной по повелѣнію Государя на доскѣ подъ самымъ образомъ. Для любопытныхъ вотъ эта надпись: въ 1812 г. во время непріятельскаго пашествія, твердыня сія почти вся была разрушена подрывомъ непріятели, но чудесною силою Божіею, св. образъ угодника Божія, св. Николая, здѣ начертанный на самомъ камени, и не только сей образъ, но стекло, прикрывающее оный, и фонарь со свѣщю, остались невредимы. Кто Богъ Велий, яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяй чудеса! Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ. Стекла въ кивотахъ у св. образовъ на Спаской и другихъ башняхъ, не взорванныхъ также совершенно уцѣлѣли съ висѣвшими предъ ними фонарями. По сказаніямъ очевидцевъ, ужасна была картина разрушенія, представляющаяся съ набережной; отъ силы взрыва, желѣзная рѣшетка набережной была изломана, исковеркана, дома на другой сторонѣ берега Москвы рѣки облѣплены мусоромъ; поверхность Москвы рѣки покрывалась, точно серебромъ, оглушенною и всплывшею на верхъ рыбою. Казаки никого не впускали въ Кремль. Въ тотъ же день прискакали въ Москву генераль Иловайскій, съ отрядомъ казаковъ. *Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ*, писалъ онъ въ своемъ воззваніи отъ 12 октября, стѣны Кремлевскія и почти всё зданія взлетѣли на воздухъ, а соборы и храмы, вмѣщающіе мощи святыхъ, остались цѣлы и невредимы, въ знаменіе милосердія Господня къ царю и царству русскому. Неприглядна была картина сожженной и опустошенной Москвы. Высокіе храмы съ позолоченными куполами, барскія палаты — все это или исчезло, или исказилось, являло на себѣ клеймо пожара и представляло груду развалинъ: страшно промчался надъ Москвою ураганъ разрушенія и глубоко впились въ нее слѣды его. Наконецъ, на третій день утромъ, послѣ выступленія непріятели изъ Москвы, раздался въ столицѣ,

въ Страстномъ монастырѣ, первый благовѣсть къ литургіи и благодарному молебну, прекратившійся сорокъ дней тому назадъ и гуль его возвѣстилъ свободу Москвы и Руси. Сердца московскихъ страдалцевъ радостно забились. Въ воздухѣ для нихъ какъ бы повѣяло воскресеніемъ.

День 12-го октября для русскихъ былъ ознаменованъ еще радостнымъ событіемъ, — разбитіемъ непріятеля подъ Малоярославцемъ. Въ первой половинѣ октября, воротился въ Москву и градоначальникъ оной, графъ Растопчинъ. Рука Всевышняго, писалъ онъ, между прочимъ. отъ 16-го октября преосвященному Августину, спасла отъ паденія соборы и Ивановскую колокольню и прахъ царей нашихъ съ державою Государя Императора. Россія вся востала на врага, попрала его силу и повергла страшное могущество Наполеона къ подножію Александра I. Сообщая о семъ вашему преосвященству, прошу направить путь вашъ къ первопрестольному граду, коего жители желаютъ возвращенія вашего для освященія церквей, равно какъ присутствія чудотворныхъ иконъ: Иверской и Владимірской Божіей Матери, для принесенія имъ теплыхъ молитвъ за избавленіе свое отъ нашествія врага и уничтоженіе гордыни его. 18 октября Августинъ получилъ извѣстіе отъ Растопчина о семъ вождѣленномъ событіи, а 31 октября былъ уже опять среди печальной паствы своей, истерзанной волками. Въ высшей степени трогательны были проводы преосвященнаго и драгоцѣнной святыни, врученной ему, жителями Мурома, въ которомъ онъ проживалъ досель. Въ день его отбытія раздался колокольный звонъ, заколыхались хоругви, и начался крестный ходъ. Народъ далеко за городъ несъ на рукахъ иконы Иверской и Владимірской Божіей Матери. Такъ какъ всѣ архіерейскія подворья были сожжены, то преосвящ. прямо прибылъ въ подмосковное с. Черкизово, нѣкогда любимое мѣсто пребыванія митрополита Платона. Отовсюду къ нему спѣшилъ на встрѣчу народъ, и тѣснился около его экипажа и жилища со слезами умиленія. Архипастыръ всѣхъ привѣтствовалъ радостнымъ восклицаніемъ: *Христосъ воскрес!*

8 ноября онъ отслужилъ въ Срѣтенскомъ монастырѣ молебеніе съ колѣнопреклоненіемъ, а позднимъ вечеромъ въ тотъ же день осмотрѣлъ Кремль. Но когда приблизился къ Успенскому собору, запертому и запечатанному, то никто изъ его спутни-

ковъ не рѣшался войти въ храмъ, опасаясь взрыва. Тогда архипастырь приказалъ отворить двери собора; сказалъ спутникамъ своимъ: *помолитесь* и осѣнивъ входъ крестнымъ знаменіемъ, первый вступилъ въ соборъ съ восклицаніемъ: *до воскреснетъ Богъ и расточатся врази Ею!* За нимъ съ зажженными свѣчами вошли и прочіе. Здѣсь все было ниспровергнуто; наглость коснулась даже мощей святителей Петра и Филиппа, мощи святителя Іоны въ серебрянной ракъ были неприкосновенны, и при нихъ серебрянная лампада, подсвѣчникъ и образъ Спасителя въ дорогомъ окладѣ. Говорятъ, что на ракъ нашли даже довольно червонцевъ. По свидѣтельству старожиловъ французы нѣсколько разъ покушались коснуться св. мощей хищническою рукою, но невидимая сила каждый разъ отгоняла ихъ; говорятъ, что святотатцы были до чрезмѣрности уstraшены, когда въ одно изъ ихъ покушеній, святитель поднялъ угрожающую руку; услышавъ о семъ, Наполеонъ самъ хотѣлъ довершить попытку своихъ подвластныхъ, но ступивъ къ мощамъ нѣсколько шаговъ, быстро повернулъ назадъ, вышелъ изъ храма и велѣлъ оный запереть и запечатать. Мощи св. царевича Димитрія, въ Архангельскомъ соборѣ были вынуты изъ раки и лежали близъ нея на помостѣ. По выходѣ французовъ изъ Москвы, свящ. Вознесенскаго монастыря, Иванъ Яковлевъ, сокрылъ ихъ въ соборной церкви означеннаго монастыря за иконостасомъ, чтобы сохранить ихъ отъ святотатственнаго расхищенія неразумной набожности. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ, передавъ тайну сокрытія мощей брату своему, свящ. Казанской, въ Сущева, церкви. По указанію его мощи св. Димитрія были взяты изъ монастыря и перенесены на свое мѣсто, за что Казанскій священникъ былъ награжденъ набедренникомъ, и получилъ отъ преосвященнаго часть волосъ отъ мощей царевича. На Спасскихъ воротахъ уцѣлѣлъ отъ грабежа враговъ образъ Спасителя въ позолоченной, серебрянной ризѣ, равно какъ и образъ преподобнаго Саввы, на воротахъ Саввинскаго подворья, сохранился среди самаго лютаго пламени.—Въ Вознесенскомъ монастырѣ находились семь французскихъ хлѣбныхъ печей, а у подошвы колоколни Ивана Великаго лежали два колоссальные колокола, упавшіе отъ погрома съ высоты этого зданія.—Раки надъ мощами Черниговскихъ чудотворцевъ также были обнажены.

10-го ноября преосвященный служилъ обѣдню въ Срѣтенскомъ

монастырь и на молебствіи, со слезами на глазахъ, читалъ умолительную молитву, нарочно сочиненную имъ для этого времени. Послѣ литургіи тронулся изъ монастыря крестный ходъ; оттуда подняли и понесли икону Иверскія Божія Матери въ часовню, къ Воскресенскимъ воротамъ; большія толпы народа сопровождали ее; другой крестный ходъ отъ часовни съ кадилами и хоругвями встрѣтилъ ее: эта была чудная, поразительная, одушевленная картина. Масса народа затопила собой не только всю Воскресенскую площадь, но и развалины строеній, обрушенныя башни и обгорѣлыя стѣны домовъ, находящихся близъ площади. Подошедъ къ часовнѣ, Августинъ совершилъ предъ входомъ въ оную водосвятіе и окропилъ св. водою самую часовню; послѣ чего съ благоговѣніемъ и съ подобающею честію, св. икона была поставлена на прежнее свое мѣсто, и въ часовнѣ опять раздался умолительный тропарь: *Отъ святая иконы Твоя.*

Въ этотъ же день преосвященный сдѣлалъ обзоръ Чудова монастыря: онъ нашелъ и его въ такомъ же поруганіи какъ соборы. Главный алтарь его храма былъ обращенъ въ спальню маршала Даву. Мощи святителя митрополита Алексія, послѣ усиленныхъ розысковъ, были найдены въ преддвѣртіи Благовѣщенской церкви, и съ благоговѣніемъ поставлены на прежнее мѣсто. На другой день этого замѣчательнаго дня, 11-го ноября, скончался митрополитъ Платонъ, и былъ погребенъ въ ц. Лазарева Воскресенія, въ Виѣніи. Управление Московскою митрополіею было поручено пр. Августину. За мѣсяць до кончины, 11 октября, князь Шаховской отправилъ своего адъютанта, поручика Палицына, къ Платону, въ Виѣнію, съ извѣщеніемъ объ изгнаніи непріятеля изъ Москвы. Этотъ вѣстникъ напомнилъ митрополиту доблестнаго келаря Троицкой Лавры, Авраамія Палицына. 1-го декабря преосвященный освятилъ нижнюю церковь въ Покровскомъ соборѣ, потомъ съ большимъ крестнымъ ходомъ отправился онъ на Лобное мѣсто—освящать Китай городъ, и обошелъ его вокругъ; въ это время вся Москва оглашалась колокольнымъ звономъ. Бѣлый городъ былъ освященъ въ день рожденія Государя, 12 декабря. Два отдѣленія крестнаго хода сошлись въ Срѣтенскомъ монастырѣ въ тамошнемъ новоосвященномъ храмѣ: послѣ литургіи, графъ Ростопчинъ прочелъ тамъ депеши, полученныя имъ изъ дѣйствующей арміи о побѣдахъ ея надъ непріятелемъ, и опять

раздался пушечный громъ, но только уже какъ благовѣстіе о торжествѣ русскаго оружія. Торжественное открытіе кремля послѣдовало уже въ слѣдующемъ году, 1-го февраля, а на другой день въ Срѣтеніе Господне съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ, вокругъ кремлевскихъ стѣнъ носили мощи св. царевича Дмитрія; 12-го февраля, въ день памяти святителя Алексія въ Чудовѣ монастырѣ былъ освященъ храмъ во имя сего святителя.

5-го ноября для Наполеона прогремѣлъ гибельный бой подъ Краснымъ;—современники-очевидцы говорятъ, что подъ Краснымъ всѣ поля были красныя отъ множества пролитой крови. Добыча русскихъ, состоявшая изъ разныхъ драгоценностей, была неисчислима. Атаманъ Донскихъ казаковъ — Платовъ препроводилъ къ фельдмаршалу 60 пуд. сер., а Кутузовъ отправилъ его къ преосвященному Амвросію въ Петербургъ. За побѣды подъ Краснымъ и вообще за дѣйствія въ Смоленской губерніи, Кутузовъ получилъ титулъ *Смоленскаго*. Замѣчательно, что икона Смоленской Божіей Матери, сопровождавшей Русскую армію, 10 ноября, въ воскресенье, ровно черезъ три мѣсяца торжественно была внесена въ предмѣстіе Смоленска. По окончаніи торжественнаго молебствія, смольяне единогласно изъявили желаніе, чтобы въ память сохраненія этой иконы, всѣ обстоятельства пребыванія оной въ арміи и возвращенія въ родной ихъ городъ, означены были въ приличной надписи на самой иконѣ. Общее желаніе это было исполнено въ точности. Текстъ Евангельскій: *пребысть же Маріамъ съ нею, яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой* былъ какъ бы истиннымъ пророчествомъ скорого возвращенія иконы въ *домъ свой*, ибо она привезена въ Смоленскъ 8-го ноября, изо дня въ день черезъ три мѣсяца, послѣ вывоза оной изъ Смоленска. Послѣ гибельнаго для Наполеона сраженія подъ Краснымъ — началось бѣдственное отступленіе его жалкихъ полчищъ къ р. *Березинѣ*; между тѣмъ въ Петербургѣ, 8 ноября, въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи Сената и многихъ знатныхъ особъ, было совершено благодарственное, козѣнопреклоненное молебеніе за побѣды русскихъ надъ французами и было читано донесеніе Кутузова къ Государю, отъ 28 окт., начинающееся слѣдующими прекрасными словами: *Великъ Богъ, Всемилостивѣйшій Государь!* и потомъ манифестъ, отъ 3 ноября, который кончается слѣдующими одушевленными словами: „и при таковыхъ доблестяхъ нашего на-

рода, мы вмѣстѣ съ православною церковію, Св. Синодомъ и духовенствомъ, призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣмся, что если неукротимый врагъ нашъ и поругатель святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то, по крайней мѣрѣ, по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей, почувствуетъ силу и могущество оной. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъяснить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому“.

Идемъ впередъ, говорилось въ приказѣ Кутузова къ дѣйствующей арміи отъ 29 октября, съ нами Богъ! предъ нами разбитый непріятель, за нами да будетъ тишина и спокойствіе!

Мы обязаны, объявляя почти единовременно въ своемъ приказѣ войску Донскому войсковой атаманъ онаго, графъ Шатовъ, въ знакъ признательности къ Господу собрать перехваченное отъ французовъ серебро нашихъ церквей, ограбленныхъ святотатственными врагами и соорудить въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, лики 4-хъ евангелистоу. Сей божественный памятникъ, какъ нынѣ, такъ и въ предбудущіе вѣка, будетъ напоминать всему нашему потомству знаменитыя дѣла наши и наше усердное пожертвованіе Богу, и да возбудить и въ нихъ подобное мужество къ побѣжденію враговъ. — По призыву благочестиваго войсковаго атамана—казаками отвсюду сносились слитки серебра и другія драгоценности; даже татары, — служившіе въ войскѣ Донскомъ, охотно отдавали своимъ начальникамъ церковную добычу. — На посылкахъ съ серебромъ, отправляемыхъ въ Петербургъ, было подписано: *Твоя отъ Твоихъ!*

Картина отступленія французовъ отъ Краснаго до самыхъ нашихъ границъ была особенно ужасна. — При сильномъ холодѣ и морозахъ, они походили на истощенныхъ осеннихъ мухъ. Подобно подземнымъ тѣнямъ, говорятъ современники, живомертвые, синелѣдные, шли они сами не зная куда, безъ памяти, безъ языка, съ помутившимися глазами... Цѣлыя скопища умершихъ находились вокругъ потухшихъ огней, около издохшихъ лошадей съ ножами и кусками этой мертвечины въ окостенѣлыхъ рукахъ; находили ихъ и среди разложенныхъ огней, гдѣ одна сторона тѣла ихъ жарилась, а другая леденѣла... Въ иномъ мѣстѣ цѣлыя непріятельскіе эскадроны, полузанесенные снѣгомъ, стояли на по-

лях замерзлыми... Надъ умиравшими носились хищныя птицы, выклеывая глаза еще не совсѣмъ умершихъ солдатъ. — Наполеонъ, какъ сказано въ запискахъ адмирала Шишкова, такъ былъ пораженъ картиною этихъ непредвидѣнныхъ ужасовъ, что, подобно Юліану Богоотступнику, взглянулъ на небо, какъ будто упрекая его въ своихъ бѣдствіяхъ... О, если бы онъ могъ взглянуть на него съ слезою раскаянія въ своей ненасытной гордости и властолюбіи!?

Гибельный переходъ Наполеона черезъ Березину и не менѣе гибельное дальнѣйшее отступленіе его, при 20-ти градусныхъ и болѣе морозахъ, по направленію къ Вильно и Нѣману, хорошо всѣмъ извѣстны, чтобы повторять подробности оныхъ. — Достаточно сказать, что 15-го декабря, вся Бѣлостокская область была занята уже русскими войсками: въ этотъ день французы, находившіеся въ Россіи 6 мѣсяцевъ и 3 дня (съ 12 юня) были совершенно изгнаны изъ ея предѣловъ. Царское слово исполнилось: Русское оружіе не было положено до тѣхъ поръ, пока не осталось въ русской землѣ ни одного непріятельскаго воина.

Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что славныя побѣды русскихъ надъ двадцатью языками и истребленіе большой французской арміи праздновались съ особенною торжественностію не только въ Англіи, но и въ Сѣверной Америкѣ. *Мы такъ многу пьемъ за здоровье русскихъ*, говорили англичане, *что у насъ скоро вздорожаетъ вино.* — Празднество въ Филадельфіи, — данное по сему случаю, началось богослуженіемъ и ораторією, пѣтою двумястами пѣвчихъ, а кончилось великолѣпнымъ пиршествомъ, на которомъ была пѣта ода, нарочно для того сочиненная. При гостяхъ за здоровье многихъ тогдашнихъ героевъ, подъ звѣздистымъ знаменемъ, вдругъ появились прозрачныя картины, изображавшія наши побѣды надъ французами. Первый гость былъ предложенъ въ честь Александра, который, сказано въ рѣчи по сему случаю, не проливаетъ слезы, подобно Македонскому, отъ того, что не покорилъ всего свѣта, но радуется, что могъ избавить многихъ отъ ненасытнаго завоевателя. — Восторженные панегирики и привѣтствія Александру Благословенному сыпались со всѣхъ сторонъ. Его всюду называли спасителемъ и избавителемъ не только Россіи, но и всей Европы. Въ заключеніе обратимся къ празднованію дня рожденія Императора Александра Благословеннаго въ 1812 года, — дни, отдѣленнаго отъ настоящаго 65-ю годами.

Выѣхавъ съ своею свитою изъ Петербурга въ армію 7-го декабря, — Государь 11-го пріѣхалъ въ Вильно, — гдѣ онъ всюду былъ встрѣченъ съ особливою торжественностью. — У дверей дворца его встрѣтилъ фельдмаршалъ Кутузовъ со всѣмъ генералитетомъ. Это дѣло было вечеромъ, въ 5 часу; въ городѣ вспыхнула яркая иллюминація. Наступилъ день рожденія Александра (12 декабря). По утру онъ былъ въ вахт-парадѣ, возвратясь же во дворецъ, принималъ поздравленія отъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ; во время шествія его въ церковь къ литургіи, передъ дворцомъ стояли виленское общество съ городскими значками, при наклоненіи которыхъ, во время появленія Государя, граждане оглушительно кричали: *Ура!*—При дверяхъ собора онъ былъ встрѣченъ знатнѣйшимъ виленскимъ духовенствомъ... Обѣденный столъ Государь имѣлъ у фельдмаршала, которому въ этотъ день былъ пожалованъ орденъ Св. Георгія 1 степени большаго креста; въ продолженіи стола стрѣляли изъ отнятыхъ у неприятелей пушекъ ихъ-же порохомъ.—При входѣ Государя вечеромъ на балъ въ большую залу, Кутузовъ приказалъ повергнуть къ ногамъ его взятія неприятельскія знамена. Общее торжество ознаменовано было поставленнымъ у ратуши блистательно разсѣщеннымъ транспарантомъ съ изображеніемъ Минервы, стоящей надъ седмиглавымъ змиемъ и изгоняющей враговъ Россіи. — Въ театрѣ была другая прозрачная картина, представлявшая Государя, окруженнаго русскими, съ изъявленіемъ восторга за избавленіе отечества отъ враговъ.—Впрочемъ радостный день этотъ торжественно праздновался тогда не въ одной только Вильнѣ и всей Россіи, но и въ Англіи,—въ Лондонѣ. Такъ какъ по календарю новаго стилиа, онъ приходился на 24 декабря, канунъ великаго праздника Рождества Христова, въ онъ-же, по слову Св. Писанія, *послалъ Богъ мірови Ангела кротости*, то по этому случаю въ Лондонѣ были сочинены слѣдующіе англійскіе стихи;

THE CHRISTMAS 1812.

The day, which celebrates the birth
Of Christ the Son of god;
To Russia Alexander gave
Another Saviour, born to free
And break the oppressors rod.

Т. е. Въ день, въ который празднуется рожденіе Христа, Сына Божія, въ Россіи родился другой спаситель, для освобожденія и сокрушенія ига ненавистнаго тиранна, Александръ I.

При составленіи означенной статьи авторъ пользовался слѣдующими источниками:

Русь и русскіе въ 1812 г. соч. Любецкаго.

Очерки жизни митрополита Платона. Соч. Снегирева.

Сочиненія Августина. 1856 г.

Москва 1842. 2.

Записки о 12 годѣ. Глинки.

Описаніе Троицкой церкви. Свящ. Орлова.

Описаніе Новоспасскаго монастыря. Снегирева.

Живописные виды М. монастырей.

Соч. Война и миръ. Графа Толстаго.

Моавитскій памятникъ.

Въ Дибанѣ, древнемъ Дибонѣ, лежащемъ на восточномъ берегу Мертваго моря, который въ ветхозавѣтныя времена составлялъ пограничный городъ между Израилемъ и Моавомъ и попеременно переходилъ отъ одного народа къ другому, недавно былъ открытъ камень съ надписью, поставленный Моавитскимъ царемъ Мешою, который, если тождествененъ съ Мешою, упоминаемымъ въ еврейской исторіи (что почти достоверно), жилъ за 9-ть стол. до Р. Х. и царствовалъ надъ Моавитянами современно съ Иосафатомъ царемъ Іудейскимъ, и при пророкахъ Іліи и Елисеѣ въ Израилѣ. Надпись на камнѣ сдѣлана на еврейскомъ языкѣ, или лучше на томъ діалектѣ еврейскаго языка, которымъ въ древности говорили Моавитяне, и тотъ фактъ, что доселѣ открыта единственно эта надпись на измѣненномъ еврейскомъ, или финикійскомъ нарѣчій, изъ временъ несомнѣнно предшествовавшихъ Вавилонскому плѣненію, придаетъ ей особенное значеніе и важность. Съ начала настоящаго столѣтія напи свѣдѣнія о древнемъ мірѣ значительно умножились вслѣдствіе успѣха, увѣнчавшаго труды египетскихъ и восточныхъ ученыхъ при разборѣ и пере-

водѣ іероглифовъ и клинообразныхъ надписей. И вотъ въ то время, когда можно было читать, по крайней мѣрѣ отчасти, дѣтописи Фараона и великихъ царей Ассиріи, Вавилона и Персіи по ихъ собственнымъ записямъ на памятникахъ, — для разъясненія мѣстностей Палестины не было открыто доселѣ ни одной подобной записи, которую съ достовѣрностію было бы можно отнести къ періоду царей Іудейскихъ и Израильскихъ, — это обстоятельство, очень естественно, возбуждало много надеждъ и сожалѣній. Безъ всякаго сомнѣнія, въ Ветхомъ Завѣтѣ мы имѣемъ историческія свидѣтельства такой достовѣрности, которая несравненно выше и цѣннѣе какой бы то ни было надписи на камняхъ; однако все-таки мы невольно чувствуемъ особое уваженіе къ древнимъ памятникамъ, какъ бы ни были кратки и отрывочны свѣдѣнія, сообщаемыя ими, потому что они ставятъ насъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ людьми и событіями того времени, къ которому принадлежатъ. Какъ ни скудна надпись Моавитскаго памятника, находящаяся предъ нами, но она имѣетъ то важное значеніе, что дошла до насъ прямо, а не посредствомъ переписей, изъ того самаго вѣка, память о которомъ увѣковѣчиваетъ. Мы читаемъ по тому же самому памятнику, на которомъ начертали эту надпись ученые древняго міра, и по которому, быть можетъ, тысячелѣтія тому назадъ читали самые очевидцы упоминаемыхъ въ ней событий. Вотъ почему съ особеннымъ удовольствіемъ археологи приняли извѣстіе о томъ, что въ предѣлахъ территоріи, занимаемой древле двѣнадцатю колѣнами Израиля, наконецъ-то былъ открытъ памятникъ, воздвигнутый, безъ сомнѣнія, царемъ Моавитскимъ, а не кѣмъ-либо изъ царей Іудейскихъ или Израильскихъ, памятникъ, быть можетъ, не менѣе драгоцѣнный въ томъ отношеніи, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ изъ Моавитскихъ источниковъ, послужатъ, какъ можно надѣяться, къ дополненію и изъясненію исторіи Евреевъ.

Древняя исторія Моава извѣстна намъ только по свѣдѣніямъ, находящимся въ Ветхомъ Завѣтѣ; изъ него мы знаемъ, что между Моавитянами и Израильтянами существовали тѣсныя народныя связи, что до временъ Моисея, первые овладѣли восточною и сѣверовосточною страню Мертваго моря, успѣвши вытѣснить первобытныя племена, которыя они называли *Эмим* (עַמִּימִּי) древній образецъ Моавитскаго языка, доказывающій его суще-

ственное сходство съ Еврейскимъ) и что Хананейскія и Аммонейскія племена, основавшія незадолго до Моисея царство Сигона, столицею котораго былъ Хишбонъ и Огъ въ Васанѣ, лишили Моавитянъ, въ свою очередь, той части завоеванной земли, которая лежала къ сѣверу отъ р. Арнона. Когда эти цари и царство пали предъ побѣдоносными Израильтянами, то прежде принадлежавшая Моавитянамъ земля къ сѣверу отъ Арнона, по праву побѣды, перешла къ Израильтянамъ и была распредѣлена между колѣнами Рувимовымъ и Гадовымъ. Однако Моавитяне никогда не преставали предъъявлять свои права на эту территорию и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій она была пограничною землей, за которую происходили постоянные споры и которую занимали по большей части Израильтяне, а иногда и Моавитяне. До времени Давида въ св. Писаніи упоминаются имена только двухъ Моавитскихъ царей, т. е. Валака, сына Сепфорова, котораго сношенія съ Валаамомъ занимаютъ столь видное мѣсто въ ранней исторіи Израиля *) и, въ позднѣйшее время, Еглона, который съ помощію Аммонитянъ и Амаликитянъ, распространилъ свои завоеванія на западъ отъ Иордана и господствовалъ надъ Израилемъ 18-тъ лѣтъ, пока не погибъ отъ руки Аода **). Среди войнъ и убійствъ, трогательная исторія Руфи Моавитянки представляетъ отрадноутѣшительное явленіе. При Давидѣ Моавитяне были побѣждены и большая часть ихъ народонаселенія истреблена, и гораздо болѣе чѣмъ въ продолженіе столѣтій, они оставались въ зависимости и данниками сначала соединеннаго царства Израильскаго при Давидѣ и Соломонѣ, а потомъ отдѣлившагося царства Израильскаго при Иеровоамѣ и его преемникахъ.

Кромѣ Валака и Еглона, въ Священномъ Писаніи встрѣчается и еще имя одного Моавитскаго царя, именно Мешы, и, что особенно замѣчательно, царь, воздвигнувшій недавно открытый памятникъ, также называется Меша. Его исторія, согласно съ Еврейскими лѣтописями, излагается въ 4 книгѣ Царствъ (III гл.). Въ 4 книгѣ Царствъ мы читаемъ слѣдующее: (1 гл. ст. 1) и *отложился Моавъ отъ Израиля, по смерти Азава. За тѣмъ во*

*) Числ. XXII--XXIV.

***) Суд. III.

2 главѣ слѣдуетъ повѣствованіе о взятіи Иліи на небо. Въ III гл. (ст. 4. 5) говорится: *Меша, царь Моавитскій, былъ боить скотомъ, и присылалъ царю Израильскому по стѣ тысячъ овецъ и по стѣ тысячъ неостриженныхъ барановъ. Но, когда умеръ Ахавъ, царь Моавитскій отложился отъ царя Израильскаго.* Ахаву наследовалъ сынъ его Охозія, въ краткое, продолжавшееся съ небольшимъ годъ, царствованіе котораго не было предпринимаемо никакихъ мѣръ къ новому порабощенію Моавитянъ. Какъ кажется, въ это-то именно царствованіе Моавитяне, соединясь съ нѣкоторыми соседними племенами и вѣроятно дѣйствуя въ согласіи съ Сиріанами Дамаска, сдѣлали набѣгъ на Іудею, бѣдственные послѣдствія котораго описаны въ III книгѣ Царствъ (гл. XX.); какъ бы то ни было, но Меша, чрезъ нѣсколько лѣтъ по своемъ отложеніи, сдѣлался такъ страшнымъ, что Іорамъ, вступившій на престолъ Израильскій по смерти Охозія, не считалъ себя достаточно сильнымъ рѣшиться на борьбу съ Моавитянами безъ чужеземной помощи. Потому онъ соединилъ свои войска съ войсками царя Іудейскаго (Іосафата) и союзника своего царя Идумейскаго,—и вотъ союзныя арміи двинулись въ обходъ южной оконечности Мертваго моря путемъ длиннымъ и труднымъ, вѣроятно надѣясь встрѣтить Моавитянъ менѣе приготовленными къ отраженію ихъ нападенія съ этой стороны, чѣмъ если бы напали на нихъ съ сѣвера. Событія этой войны, въ которой принималъ дѣятельное, видное участіе пророкъ Елисей, живо описаны въ 4-й книгѣ Царствъ (глав. III). Меша послѣшно собралъ для защиты своихъ границъ всѣхъ своихъ подданныхъ, способныхъ носить оружіе, но вслѣдствіе послѣдственности нападенія, и извѣстнаго роковаго недоразумѣнія, былъ обращенъ въ бѣгство превосходными силами противниковъ и заключился въ крѣпости *Кир-Харешетъ*. Осажденный здѣсь со всѣхъ сторонъ и доведенный до послѣдней крайности, онъ зялъ сына своего первенца, которому слѣдовало царствовать вмѣсто его, и вознесъ его во всеожженіе на стѣнѣ; — дѣло ужасное, но, очевидно, дѣло такого человѣка, который совершенно приготовился всѣмъ пожертвовать для спасенія свободы и независимости своего отечества. Объ окончаніи этой войны св. Писаніе говоритъ въ слѣдующихъ словахъ: *Былъ великій гнѣвъ на Израиля, и онъ отступилъ отъ него и возвратился въ свою землю* (4 Цар. III. 27).—До здѣ разсказъ о

Мешѣ, заимствованный изъ св. Писанія; обратимся теперь къ памятнику.—„Кажется, говорить въ своемъ письмѣ отъ 11 марта Капитанъ Уарренъ, начальникъ ученой экспедиціи для открытій древностей въ Палестинѣ, этотъ памятникъ въ первый разъ замѣтилъ Ф. Клейнъ, членъ Церковнаго Миссіонерскаго Общества, лѣтомъ 1868 года, когда на пути изъ Есъ-Сольта въ Керакъ, онъ проѣзжалъ по странѣ, только дважды или трижды посѣщенной Европейцами въ настоящемъ столѣтіи⁴ *). Однако только въ концѣ 1869 года Г. Клермонъ-Ганно, драгоманъ Французскаго консульства въ Палестинѣ, успѣлъ приобрѣсти снимокъ съ камня, и очень несовершенный списокъ съ его надписи. Кажется, что его агенты, во время своихъ занятій надъ разборомъ надписи на камнѣ, прежде чѣмъ окончили свое дѣло, вслѣдствіе внезапно возникнувшей ссоры и драки между Арабами должны были поспѣшно бѣжать; впрочемъ имъ удалось унести съ собою изорванный и попорченный снимокъ, наскоро сдѣланный ими, съ надписи. Вслѣдъ за симъ Арабы разбили самый камень въ куски. Но благодаря трудамъ капитана Уаррена и Г. Ганно, съ двухъ самыхъ большихъ обломковъ камня, были сдѣланы новые снимки, и мало по малу въ Иерусалимъ было доставлено нѣсколько меньшихъ частей онаго. Сравнивая ихъ съ первоначальнымъ, очень несовершеннымъ снимкомъ всей надписи, Г. Ганно успѣлъ возобновить большую часть оной и въ прошломъ февралѣ (1870 г.), съ помощію Г. Вогюе, извѣстнаго Французскаго палеографа, онъ поспѣшилъ снять копію съ надписи оригинальными Финикійскими буквами, транскрибировалъ ее еврейскими квадратными письменами и приложилъ сильный Французскій переводъ оной. Исправленную такимъ образомъ копію онъ помѣстилъ въ Мартовской и Іюльской книгахъ Французскаго журнала: *Revue Archéologique* съ пересмотрѣннымъ переводомъ и прибавкою комментарія; вотъ и все, чѣмъ въ настоящее время мы должны довольствоваться. Впрочемъ намъ было весьма пріятно получить на дняхъ извѣстіе, что снимки съ двухъ большихъ обломковъ камня, содержащихъ въ себѣ 500 буквъ, или болѣе чѣмъ половину надписи, въ настоящее время вновь исправляются въ связи съ другими мень-

*) См. письмо М. Клейна въ газетѣ *Pall-mall* отъ 19 Апрѣля.

шими частями камня,—и что, по всей вѣроятности, скоро будетъ реставрированъ весь памятникъ. Если это ожиданіе увѣнчается успѣхомъ, то очень можетъ быть, что текстъ, равно какъ и переводъ надписи, сдѣланный Г. Ганно, потребуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправленія; но теперь мы признаемъ эти документы совершенно правильными въ своей сущности.

Памятникъ, по описанію, сдѣланъ изъ голубовато-чернаго базальта; онъ весьма значительной плотности и вѣсу. Въ первоначальномъ своемъ видѣ онъ имѣлъ около аршина въ вышину и ³/₄ аршина въ ширину и толщину; на верху же былъ округленъ *). Надпись состоитъ изъ 34 строкъ, изъ которыхъ очень немного совершенно цѣльныхъ. Въ исправленной копіи Г. Ганно находится 25 строкъ совершенно почти цѣльныхъ, но даже и въ нихъ, здѣсь и тамъ, встрѣчаются буквы довольно неразборчивыя, а иногда и цѣлыя слова. Поэтому хотя въ настоящее время и нельзя положиться на переводъ надписи, какъ совершенно правильный—во всѣхъ своихъ частяхъ, однако важность значительнѣйшей части онаго можетъ быть признана почти несомнѣвною **). За симъ, я намѣренъ сообщить читателямъ краткій очеркъ содержанія этой замѣчательной надписи, съ небольшими замѣчаніями касательно письменъ и языка, на которомъ она написана.

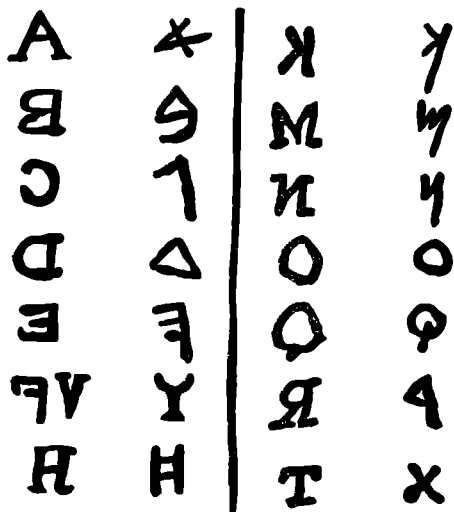
1. Письмена суть такъ называемыя финикійскія, которыя по видимому были въ общемъ употребленіи между Евреями, и на всемъ юго-западѣ Азіи, только въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Христіанской эры. Финикіяне ввели употребленіе ихъ въ Грецію и Европу и они доселѣ еще, съ нѣкоторыми небольшими видоизмѣненіями, существуютъ въ нашихъ алфавитахъ. М. Дейтшъ, въ своемъ письмѣ въ газету Times, отъ 28 февраля, пишетъ такъ: Удастся-ли намъ открыть всю надпись памятника, или должны будемъ довольствоваться только нѣкоторыми, вполнину

*) Г. Клейнъ говоритъ, что камень былъ округленъ съ обѣихъ сторонъ, а не на одномъ верху.

**) Надпись прежде была переведена и дополнена профессоромъ Шлотманомъ въ Галлѣ, въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: *Die Siegesäulle Mesa* и отсюда переведена на Англійскій.

Также профессоръ Нёльдеке въ брошюрѣ: *Die Inschrift König's Mesa von Moab* и другими учеными.

понятными отрывками изъ оной, во всякомъ случаѣ, приобрѣтеніе для палеографіи и семитической филологіи, неоспѣнно. Каково бы ни было точное время существованія упоминаемаго въ ней Меша царя, это неоспоримо самая древняя семитическая монументальная записъ, доселѣ открытая. И, независимо отъ извѣстныхъ географическихъ и другихъ данныхъ, сообщаемыхъ оною, которыя неоспоримо важны сами по себѣ, она проливаетъ новый свѣтъ, какъ мы и не воображали, на исторію нашей собственной

письменности, и разумѣю, той письменности, которую всѣ мы пользуемся въ настоящее время. Здѣсь почти находится вся суть Греческаго алфавита, не только схожаго съ Финикійскимъ оригиналомъ, но, по возможности, совершенно тождественная съ нимъ. Въ поясненіе исторіи нашего алфавита, я приложилъ при семъ копію съ 14-ти изъ двадцати одной, встрѣчающихся въ надписи буквъ, очевидно употреблявшихся

въ Палестинѣ болѣе чѣмъ въ продолженіе 2700 лѣтъ тому назадъ, — и рядомъ съ нимъ помѣстилъ соответствующія буквы нашего собственнаго алфавита. Послѣдніи изображены на оборотъ въ соответствіе съ письменностію Финикіянъ, буквы въ которой писались справа налѣво, а не такъ какъ у насъ, слѣва направо.

2. Что касается до языка надписи, то онъ безъ сомнѣнія Еврейскій, съ немногими діалектическими измѣненіями противу Библейскаго-Еврейскаго, каковыя измѣненія естественно могли зависть отъ географическаго положенія Моавитянъ и ихъ тѣсныхъ сношеній съ кочующими племенами восточной пустыни. Кромѣ многихъ словъ, общихъ всѣмъ или большей части семитическихъ нарѣчій, каковы напр. слова: *отецъ*, *сынъ*, *домъ* и т. п., мы встрѣчаемъ здѣсь другія слова, грамматическія формы и комбинаціи, единственно только свойственныя еврейскому языку и от-

дичающія оныя даже отъ тѣхъ семитическихъ нарѣчій, съ которыми онъ имѣетъ самую тѣсную связь. — Въ частности я могу указать на употребленіе еврейскаго члена и отношенія, и, что еще очевиднѣе, на употребленіе глагольной приставки, обыкновенно называемой еврейскими грамматиками *vav consecutivus* или *conversivus* (*vav consecutive* и *conversive*) назначенной для выраженія такихъ оборотовъ рѣчи, какъ напр: *и я сдѣлалъ, и я построилъ, и я умертвилъ, и я взялъ* и пр. Всѣ эти обороты встрѣчаются какъ въ надписи, такъ и на каждой страницѣ еврейской библіи, но кромѣ сего нигдѣ.

Даже Финикійскій языкъ, который самъ по себѣ существенно тождествененъ съ Еврейскимъ, болѣе отличается отъ Библейскаго языка, чѣмъ языкъ надписи.

Впрочемъ тождество между Еврейскимъ языкомъ на Моавитскомъ камнѣ и языкомъ Библіи не совсѣмъ полное. Въ окончаніяхъ выражающихъ родъ и число, а также въ нѣкоторыхъ изъ мѣстоименныхъ формъ, видны слѣды Арабскаго вліянія, и они еще болѣе замѣтны въ употребленіи глагольной формы (или такъ называемаго спряженія), примѣровъ котораго мы не встрѣчаемъ въ Еврейской Библіи, хотя ихъ и можно находить въ Арабскомъ языкѣ, а также въ недавно разобранныхъ Ассирійскихъ надписяхъ.

Впрочемъ, я не намѣренъ въ моей статьѣ подробно входить въ обсужденіе подобныхъ вопросовъ; а потому за симъ я перехожу 3 къ содержанію надписи 1), къ историческимъ и другимъ

1) Такъ какъ въ означенной статьѣ нѣтъ полного перевода надписи, то мы приводимъ оныя съ объясненіемъ и прибавленіемъ въ томъ видѣ, какъ онъ помѣщенъ въ іюльской книжкѣ „Христіанскаго Чтенія“ и составленъ г. Хвальсономъ.

1) Я Меша, сынъ Хамоса..... царя Моава, (сына).

2) Ябни. Мой отецъ царствовалъ надъ Моавомъ тридцать лѣтъ, и я цар-

3) ствовалъ послѣ моего отца. И воздвигъ я это жертвенникъ на высотѣ Хамосу, въ его замкѣ жерт(венникъ спа-)

4) сени: ибо онъ спасъ меня отъ всѣхъ царей и показалъ мнѣ несчастіе всѣхъ моихъ враговъ. И Амврій

5) царствовалъ (надъ) Израилемъ и притѣснялъ Моава долгое время, пока Хамосъ гнѣвался на свою (землю).

6) И наслѣдовалъ ему (Амврію) сынъ его. И этотъ также сказалъ: „я хочу притѣснить Моава“. Въ мои дни возвѣстидъ Хамосъ,

свѣдѣніямъ, которыя она намъ сообщаетъ, равно какъ къ отношенію и значенію оной для Библейской исторіи. Относительно географіи Моавитской земли, мы имѣемъ достаточно свѣдѣній въ Ветхомъ Завѣтѣ, особенно касательно спорной земли, лежащей къ сѣверу отъ Арнона. Перечень главныхъ городовъ представленъ въ книгѣ Числъ (21 гл. 24 — 30 XXXII гл. 3, 34 — 38) и Иисуса Навина (XIII гл. (9—28)); упоминается также много названій городовъ въ пророчествахъ Исаи и Іереміи противъ Моавитянъ. Теперь, не менѣе чѣмъ 12 ть названій городовъ, встречаемыхъ нами въ означенныхъ отдѣлахъ историческихъ и пророческихъ книгъ св. писанія, находятся также и на Моавитскомъ памятникѣ. Въ этой древней записи мы читаемъ названія городовъ: *Дибонъ, Медева, Ваал-Меонъ, Керіоѳъ, Киріаваимъ, Гааци, Бео-Вамоѳъ, Бео-Дивлаваимъ, Бессеръ, Горонаимъ*,—имена, которыя намъ давно уже извѣстны по библіи. Между ними Дибонъ, какъ видно по записи на камнѣ и по свидѣтельству священнаго писанія, занималъ высокое мѣсто, какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и потому, что въ немъ находилось главное капище Хамоса, Моавитскаго бога. Керіоѳъ, какъ можно заключать по словамъ Пророка Амоса (II. 2), также считался городомъ весьма

7) что я увижу несчастье его и дома его и что Израиль совершенно погибнетъ на вѣки. И Амврій взялъ (городъ или провинцію).

8) Мегедабу и оставалъ въ ней (онъ, и его сынъ и сыновья) его сына сорокъ лѣтъ; и ее (возвратилъ)

9) тилъ Хамосъ въ мои дни. И я вновь выстроилъ Ваал-Маонъ и воздвигъ въ немъ (жертвенникъ на высотѣ). И по(строилъ) я (или я завоевалъ)

10) Киріатанъ; и мужи (вожди) Гадова (жили) въ (этой) странѣ искони. И построилъ для себя царь

11) Израильскій..... и онъ воевалъ противъ (города) Кира, и завоевалъ его, и умертвилъ всѣхъ (людей въ)

12) Кирѣ, въ домѣ (т. е. въ жилищѣ) Хамоса, бога Моавитянъ. И повелъ я оттуда.....

13)... предъ Хамосомъ къ Керіоѳъ. И поселилъ я въ немъ людей равнины и лю(дей)

14) изъ Шахарата. И сказалъ мнѣ Хамосъ: ступай и отними Набго (Небо у Израильтянъ; (и я от-)

15) правилъ ночью и сражался противъ него съ разсвѣта до полудня, завоевалъ

важнымъ, — и запись камня говорить о немъ, что это былъ городъ, замѣчательный святилищемъ, которое соорудилъ Меша — съ цѣлю полагать здѣсь предъ Хамосомъ трофеи своихъ побѣдъ. Изъ книги Числь (21 гл. 23 ст.) и Исаи (XV гл. 4 ст.) мы знаемъ, что Гааца былъ пограничнымъ городомъ, занятіе котораго было весьма важно, особенно во времена войнъ. Съ этимъ показаніемъ совершенно гармонируютъ факты, записанные на Моавитскомъ камнѣ, что Гааца былъ возобновленъ и укрѣпленъ царемъ Израильскимъ, безъ сомнѣнія, для защиты своихъ границъ, и что взятіе его было однимъ изъ особенныхъ стараній Меша. Я могу присовокупить къ сему, что три города: *Вааль-Меонъ*, *Кириаиамъ* и *Бев-Дивлавамъ*, какъ то явствуетъ изъ свидѣтельства записи на камнѣ и свидѣтельствъ св. Писанія, очевидно были расположены въ близкомъ сосѣдствѣ между собою. Кромѣ означенныхъ, хорошо извѣстныхъ названій, въ записи встрѣчаются еще три другія слова, касательно которыхъ нельзя съ достовѣрностію сказать — названіе ли это городовъ, или нѣтъ.

Два изъ нихъ съ большею, или меньшею достовѣрностію кажутся тождественны съ упоминаемыми въ священномъ писаніи *Кирь-Моавомъ* и *Нево*. Что же касается до третьяго слова *Шахаратъ*, то если оно названіе города, священное писаніе ничего не говоритъ объ немъ; что же касается меня, то я согласенъ съ

16) Наб(го, и избилъ всѣхъ: семь тысячъ (человѣкъ — добычи не взялъ я себѣ—)

17)... ибо Аштор—Хамосу она была посвящена.... И взялъ я оттуда

18) сосуды Иеговы и посвятилъ ихъ Хамосу. И царь Израильскій построилъ) (городъ)

19) Яацу и поселился въ немъ, когда онъ воевалъ противъ меня; но прогналъ его Хамось предо(мною); и)

20) взялъ я изъ Моава двухъ-сотъ человѣкъ, всѣхъ его предводителей, и повелъ ихъ въ Яацу, и завоевалъ ее,

21) чтобы обложить Дибовъ. Я построилъ замокъ его (т. е. города Дибона): стѣны къ лѣсамъ и стѣны

22) города, и я построилъ обои ворота его, и я построилъ башни его, и

23) я построилъ царскій домъ, и я сдѣлалъ оба бассейна (для принятія) водъ пото(ка) внут(ри)

24) Кира. И ни одного колодца не было внутри Кира, въ замкѣ; и сказалъ я всему народу: „сдѣлайте (для себѣ)

25) каждый по колодцу въ своемъ домѣ. И я вырылъ ровъ замка люд(ьми)

г. Ганно, который переводить означенное слово именемъ собственнымъ.

Если мы обратимся теперь отъ географіи къ исторіи, то безъ сомнѣнія убѣдимся, что царь Моавитскій, котораго военные подвиги изчислены на памятникѣ, есть именно тотъ самый Меша, который по свидѣтельству 4 книги Царствъ (гл. III) отчаянно, и не безъ успѣха, сопротивлялся нападенію трехъ царей. Это видно не только изъ тождества имени и изъ того обстоятельства, что Меша упоминаемый на памятникѣ, точно также, какъ и Меша въ священномъ писаніи, былъ вовлеченъ въ смертельную борьбу съ Израилемъ, но въ особенности (это я могу сказать рѣшительно) изъ того, что династія, противъ которой воевалъ тотъ и другой Меша, была одна и таже, именно династія Амврія, которая занимала Израильскій престолъ около 40 лѣтъ. Дѣйствительно, Сэръ Генри Ролинсонъ недавно сдѣлалъ возраженіе, что Меша, упоминаемый въ надписи, очень естественно могъ быть тождествененъ не съ Мешою, упоминаемымъ въ 4 кн. Цар. (III. гл.), но съ какимъ-либо другимъ предшествовавшимъ ему царемъ того-же имени, который могъ царствовать современно съ Амвриемъ, царемъ Израильскимъ; но это возраженіе теперь опровергнуто исправленнымъ текстомъ надписи г. Ганно; изъ него оказывается, что не самъ Амврій, но его сынъ, или даже внукъ, былъ совре-

26) Израиля. И я построилъ (А)ровъ; и я сдѣлалъ дорогу (или дороги) чрезъ Арновъ.

27) (И) я выстроилъ Бет-Бамоть вновь, потому что они (т. е. враги, Израильтяне) разрушили его. Я выстроилъ вповь Бессерь; потому что возстан(овили его)

28) (изъ мужей Дивова пятьдесятъ (человѣкъ); такъ весь Дибонъ мнѣ былъ подчиненъ. И я по)олнилъ (т. е. реставрировалъ)

29) развалины въ городахъ, которые я присоединилъ къ странѣ. И я постро(илъ)

30).... и Бет-Диблатанъ и Бет-Ваал-Маонъ, и повелъ туда Мо-

31) (авитовъ, чтобы прогнать на)родъ страны. И въ Хаврананѣ жили сы(ны)....

32)..... (И сказа)лъ мнѣ Хамось: „низойди. войю противъ Хавранана“. И я во(евалъ)

33) противъ него и далъ) его (мнѣ) Хамось въ мои дни и..... и (я) сдѣлалъ.....

34).....

менякомъ Меши. — Надпись по переводу г. Ганно, исправленному г. Вогюе, гласить такъ:

И Амврій царствовалъ надъ Израилемъ и притѣснялъ Моава долгое время....., и наследовалъ ему (т. е. Амврію) сынъ его И этотъ также сказалъ: я хочу притѣснять Моава. Далѣе въ ней говорится: *Въ мои дни.....* и пр.; изъ чего очень ясно видно, что Меша, упоминаемый въ надписи, не былъ современникомъ Амврія, но младшимъ современникомъ Ахава, сына Амвріева, и потому естественно есть одно и тоже лице съ тѣмъ Мешею, который, по смерти Ахава, поднялъ знамя возмущенія и независимости въ землѣ Моавитской.

Впрочемъ, хотя изъ вышесказаннаго и положительно открывается тождество того и другаго Меши, мы не должны однако ожидать открытія на памятникѣ какой-либо записи о войнахъ, описанныхъ во 2-й кн. Паралипоменовъ (XX. гл.) и 4 кн. Царствъ (III. гл.). Цари не охотно увѣковѣчиваютъ на памятникахъ память о понесенныхъ ими пораженіяхъ. Каменный памятникъ воздвигается для воспоминанія побѣды, а не пораженія; посему запись на памятникѣ можетъ быть только записью славныхъ подвиговъ Меши; тогда какъ Библейскій рассказъ передаетъ о понесенныхъ ими пораженіяхъ. Но хотя эти два свидѣтельства и не сходятся между собою, однако, въ дѣйствительности, они должны быть совмѣстны одно съ другимъ. Одно изъ нихъ должно, такъ сказать, дополнять другое. И онѣ, по моему мнѣнію, именно дополняютъ. Возьмемъ для примѣра самый первый историческій фактъ, съ которымъ знакомить насъ памятникъ, т. е. походъ Амврія противъ Моавитянъ; хотя въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, которыя въ своемъ повѣствованіи о царствованіи Амврія, при всей его политической важности, болѣе обыкновеннаго кратки, нѣтъ точнаго и яснаго указанія на этотъ походъ, однако все что повѣствуетъ Библия объ Амвріѣ и временахъ его, удивительно сходится съ означенными словами записи на памятникѣ. Амврій, по свидѣтельству Библии, не мирно вступилъ на престолъ Израильскій, по праву наследства, но вслѣдствіе избіенія Замвріемъ всего дома Ваасы и послѣ жестокой, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ борьбы съ своимъ соперникомъ Оамніемъ, сыномъ Ганаавымъ. При этихъ-то обстоятельствахъ, когда силы Израиля были ослаблены междоусобіемъ, весьма естественно

было, что Моавитяне, вѣроятно предводительствуемые отцемъ Меша, воспользовались благоприятнымъ случаемъ отомстить за потерянную свободу и возвратить свои древнія владѣнія къ сѣверу отъ Арнона. А если это такъ, то безъ сомнѣнія Амврій, царь рѣшительнаго и энергическаго характера, не сталъ терять много времени, тотчасъ же по окончаніи междоусобной войны, для того, чтобы обратить свое оружіе противъ возмущившихся Моавитянъ, и, при военномъ успѣхѣ, вѣроятно наказалъ ихъ съ крайнею жестокостію, наложивши на нихъ болѣе тяжелую дань, чѣмъ они платили доселѣ. Этимъ простымъ и естественнымъ предположеніемъ мы поставляемъ запись на памятникѣ въ связи и гармоніи съ повѣствованіемъ св. Писанія; два, повидимому, различными источника историческихъ свидѣтельствъ дополняютъ и поясняютъ одно другое; такъ какъ исторія даетъ намъ нѣкоторое понятіе о началѣ похода, упоминаемаго въ записи камня и этотъ же самый походъ объясняетъ намъ налогъ чрезмѣрной дани, которая, согласно съ исторіею, была требуема отъ Моавитянъ въ продолженіе первыхъ лѣтъ царствованія Меша.

Послѣ этого указанія на походъ Амврія и на бѣдствія Моавитянъ при немъ и его сынѣ, надпись на камнѣ передаетъ, какъ въ царствованіе Меша, Хамось снова умилосердился надъ Моавитянами, и какъ, полагаясь на его божескую помощь, онъ велъ счастливую войну съ врагами своего народа. Событія нѣкоторыхъ воинскихъ предпріятій упомянуты здѣсь вкратцѣ; всѣ они говорятъ не въ пользу Израіля, и каждое изъ нихъ, по видимому, увѣнчавалось взятіемъ какого-либо важнаго города, какъ напр. *Медобы*, *Иаацы* и *Горонаима*, которыми владѣли и которые укрѣпляли цари Израильскіе. Объ этихъ военныхъ событіяхъ мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ въ краткомъ историческомъ повѣствованіи св. писанія означеннаго періода. Но изъ него очень ясно видно, что отложеніе Меша, не смѣря на понесенныя имъ потери, въ концѣ было успѣшно; и мы можемъ быть вполне увѣрены, что Израиль никакъ не рѣшился бы уступить безъ борьбы потерю столь важныхъ городовъ. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ удаленія трехъ царей отъ *Кир-Харесева*, мы видимъ, что войска Израіля снова перешли Иорданъ *) на войну съ Сиріянами, и,

*) 4 Цар. III. 4.

безъ сомнѣнія, успѣхи Мешы были тѣмъ легче, что главныя силы Израиля въ это время были направлены противъ Сирійцевъ и, вѣроятно, могла быть назначена только малая часть войска для снабженія гарнизономъ укрѣпленныхъ городовъ на Арнонѣ, бывшихъ цѣлю его нападенія. Наконецъ успѣхи Сирійцевъ, подъ предводительствомъ Азаила (4 Цар. X. 32), обезпечивали также и успѣхи ихъ Моавитскихъ союзниковъ, и согласно съ этимъ мы находимъ, что когда Азаилъ *«тѣснилъ Израиля»* полчища Моавитянь перешли Иорданъ *и въ слѣдующемъ году вторглись въ землю Иудейскую* (4 Цар. XIII. 20. 22). И хотя Иеровоамъ II *поправилъ нѣсколько дѣла своего царства, возстановивши предѣлы Израиля, отъ входа въ Емавъ до моря пустыни,* (4 Цар. XIV. 25), однако этотъ успѣхъ былъ кратковремененъ. Потому что изъ 15 и 16-ой главъ пр. Исаи мы видимъ, что всѣ главные города, названія которыхъ начертаны на памятникѣ, какъ-то: *Медва, Дивонъ, Гааци, Горонаимъ* были во власти Моавитянь, не только въ то время, когда было писано пророчество, но, судя по образу описанія Моавитскаго нападенія, съ болѣе ранняго времени. Такимъ образомъ если св. писаніе и не даетъ намъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній о воинскихъ предпріятіяхъ, посредствомъ которыхъ Меша успѣлъ вытѣснить Израильтянь изъ древнихъ Моавитскихъ владѣній къ сѣверу отъ Арнона, столь долгое время ими занимаемыхъ, тѣмъ не менѣе оно представляетъ важное, очевидное доказательство исторической точности надписи.

Остается еще вопросъ, должно-ли отнести побѣды Мешы, указанные на памятникѣ, къ болѣе раннему, или къ позднѣйшему времени, чѣмъ былъ совершенъ походъ трехъ царей, упоминаемый въ 4-й книгѣ Царствъ (гл. III)? Г. Вогюе утверждаетъ, что эти побѣды были ранѣе; и, конечно, можно допустить, что въ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ между отложеніемъ Мешы и означеннымъ походомъ для храбраго и дѣятельнаго государя было совершенно достаточно времени пріобрѣсти значительный успѣхъ въ борьбѣ съ Израильтянами, и что Меша пріобрѣлъ также успѣхъ въ означенное время, какъ мы уже замѣтили, ясно видно изъ повѣствованія св. писанія. Что же касается меня, то я предпочитаю позднѣйшій періодъ, и преимущественно на томъ основаніи, что Меша прославляется на памятникѣ не только за то, что выигралъ нѣсколько побѣдъ, но и въ особенности за то, что съ

помощію Хамоса, возстановилъ независимость своего царства на твердомъ основаніи, чего, по всей вѣроятности, нельзя было сдѣлать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ отложенія. По моему мнѣнію, это очевидно изъ самыхъ первыхъ строкъ надписи: «*я Меша, сынъ Хамоса — царь Моава, Дивонтянинъ. Мой отецъ царствовалъ надъ Моавомъ тридцать лѣтъ и я царствовалъ послѣ моего отца. И воздвигъ я этотъ жертвенникъ на высотѣ Хамосу..... ибо онъ спасъ меня отъ всѣхъ царей и показалъ мнѣ несчастье всѣхъ моихъ враговъ.*» Не много далѣе слѣдуетъ другое мѣсто, которое, повидимому, указываетъ на тоже самое заключеніе, но такъ какъ, къ сожалѣнію, въ немъ не достаетъ трехъ или четырехъ словъ, то о смыслѣ онаго можно только догадываться.

Она продолжаетъ такъ: «*Амврій взялъ.... Медеву *) и оставя въ ней (онъ, и его сынъ и сынъ) дни сына ея еорокъ лѣтъ **).*»

Медева былъ городъ—значительно важный въ верхней равнинѣ Моавитскихъ владѣній; и сороколѣтнее занятіе онаго, повидимому, обнимаетъ все продолженіе правленія дома Амврія, какъ мы это тотчасъ же видимъ изъ послѣдующихъ словъ надписи: *и я видѣлъ несчастье ея (Амврія) и дома ея.*—Если это такъ, то время сооруженія камня относится къ позднѣйшему времени, чѣмъ вступленіе на престолъ Израильскій дома Іуя. Особенно замѣчательно совпаденіе, что согласно съ библейскою хронологіею, династія Амврія занимала престолъ Израильскій именно въ продолженіе 40 лѣтъ ***). Касательно религіи Моавитянъ свѣденія, доставляемая памятникомъ, совершенно согласны съ свидѣтельствомъ о томъ св. писанія. Изъ библии мы узнаемъ, что націо-

*) Написано כְּמֵדָוָה ; по еврейски כְּמֵדָוָה .

**) Слово יָמֵי (дни....) г. Ганно прибавилъ въ своемъ позднѣйшемъ переводѣ (*Rev. Arch. for juin*), но онъ не говоритъ совершенно-ли правленъ и достовѣренъ текстъ или нѣтъ. Можетъ быть же настоящее чтеніе должно быть בְּנֵי (сыновья...), какъ я видѣлъ то въ *Athenacum* май 21 ч.). По древнимъ письменамъ два слова очень схожи.

***) *Wiener*. В. С. 24—В. С. 884.

нальный богъ Моава назывался *Хамосомъ* *). Въ книгѣ Числь (XXI. 29) и въ другихъ мѣстахъ, Моавитяне называются народомъ Хамоса; и въ 3 книгѣ Царствъ (XI. 7), мы читаемъ, что *Соломонъ воздвинулъ жертвенникъ на высотѣ мерзости Моавитской* (самое слово „на высотѣ“ употребляется въ надписи), какой жертвенникъ, къ нашему удивленію, оставался неприкосновеннымъ до дней Іоси. О родѣ богослуженія этому божеству, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что (впрочемъ вѣроятно только въ рѣдкихъ случаяхъ) жрецы умилоствовали его принесеніемъ человѣческихъ жертвъ. Обращаясь къ памятнику, мы встрѣчаемъ на немъ имя Хамоса не менѣе 12 разъ. Хамось—богъ Меша, по внушенію Хамоса—онъ рѣшается и дѣйствуетъ. Хамось говоритъ ему: *иди* и онъ идетъ. Если Моавитяне терпятъ угнетеніе, то вслѣдствіе гнѣва Хамоса, если они получили свободу, то вслѣдствіе умилоствленія Хамоса. При благодарственномъ празднованіи побѣды, Меша сооружаетъ Хамосу капище на высотѣ; и является предъ алтаремъ Хамоса съ добычею враговъ.

Извлекаемъ съ памятника еще нѣсколько частныхъ, касающихся Меша. Имя его отца, къ сожалѣнію, не кончено; оно начинается словомъ Хамось, но конечныя слова затеряны **). Вѣроятно его отецъ былъ основателемъ династіи, такъ какъ думаютъ, что буква *Д* или *Н Д* именно тѣ буквы, которыхъ не достаетъ въ концѣ первой строки надписи, но кажется, что Дибонъ былъ его отечественнымъ городомъ. Это могло послужить достаточнымъ предлогомъ къ сооруженію въ Дибонѣ памятника, на которомъ Меша на память будущимъ вѣкамъ (не воображая быть можетъ, что столь отдаленнымъ вѣкамъ) изобразилъ подвиги своего царствованія. Изъ этой его записи видно, что онъ былъ не менѣе дѣятельный государь во время мира, какъ и во время войны. Онъ сражался, укрѣплялъ города, поражалъ своихъ враговъ тысячами, но онъ и строилъ также города, бассейны и ко-

*) Судей XI. 24.

**) Г. Гавно сначала полагалъ, что имя его было *Chemoshnodab*, встречаемое на Ассиріискихъ памятникахъ; но теперь онъ думаетъ, что правильнѣе нужно читать оное *Chemoshgad*.

лодцы, проводилъ дороги и вѣроятно сооружалъ мосты. Пять городовъ, имъ построенныхъ, или возобновленныхъ, упоминаются поимянно; и большая дорога, устроенная имъ чрезъ долину Арнона, по всей вѣроятности, должна была стоить большихъ трудовъ, и была совершенствомъ инженернаго искусства.

Далѣе я могу прибавить, что среди другихъ названій, на памятникѣ встрѣчается имя *Исавы*, Бога Израилева, но, къ сожалѣнію, въ той части надписи, которая болѣе другихъ пострадала отъ дѣйствій времени и другихъ разрушительныхъ вліяній.

Изъ вышесказаннаго можно видѣть, какъ важенъ этотъ памятникъ во всѣхъ отношеніяхъ, для археолога, лингвиста, для историка и богослова. Мы надѣемся, что его открытіе поведетъ къ открытію другихъ подобныхъ памятниковъ, которые, по всей вѣроятности, еще существуютъ, и что англійская публика приметъ теперь болѣе глубокое участіе, чѣмъ доселѣ, въ трудахъ ученой экспедиціи въ Палестину, цѣль которой, безмолвнымъ свидѣтельствомъ подобныхъ памятниковъ, открываемыхъ среди развалинъ настоящаго, пояснить священную исторію прошедшаго.

Папскій конклавъ.

Въ то время, когда Бисмаркъ поднимаетъ вопросъ о будущемъ конклавѣ съ тѣмъ, чтобы приготовить папу, расположеннаго къ его политическимъ расчетамъ, не излишне будетъ сообщить нѣсколько свѣдѣній относительно означенныхъ собраній, которыя мы и извлекаемъ изъ журнала *L'Union Chretienne*.

По смерти папы управленіе государственными дѣлами принимаютъ на себя кардиналы, и глава ихъ, камерлингъ, лично отвѣчаетъ за все до времени собранія конклава.

Получивъ извѣстіе о смерти папы, камерлингъ удаляется въ комнату почившаго, три раза называетъ его по имени, поворачиваетъ трупъ, ударяетъ его по различнымъ частямъ тѣла серебрянымъ молоткомъ, и удостовѣрившись, что онъ не отвѣчаетъ и не двигается, обращается къ предстоящимъ съ слѣдующими словами: *Господа, папа умеръ!* о чемъ, конечно, всѣ уже знали прежде. Затѣмъ онъ снимаетъ съ его пальца перстень, называе

мый перстнемъ *иръшника* (du pècheur), разбиваетъ въ немъ серебрянымъ молоткомъ камень, и, препоручивъ трупъ надзору придворныхъ вельможъ, а душу молитвамъ священниковъ, онъ удаляется изъ Ватикана по большой лѣстницѣ на дворъ, гдѣ его ждетъ экипажъ.

На дворъ ждетъ его швейцарская гвардія, почетная гвардія папы, одѣтая почти въ такой же театралный костюмъ какъ и англійскіе алебардчики, впрочемъ съ гораздо большимъ вкусомъ. Капитанъ гвардіи, въ чинѣ полковника, подходитъ къ кардиналу въ ту самую минуту, когда онъ готовится сѣсть въ коляску. и обращается къ нему съ слѣдующими словами: „Монсеньоръ, мы узнали о смерти папы, и гвардія очень желаетъ возвратиться въ Швейцарію на свою родину. — Оставайтесь, оставайтесь на службѣ святой церкви — отвѣчаетъ на это кардиналъ, садясь въ коляску; лакеи затворяютъ дверки экипажа, а полковникъ, подбѣжавши къ экипажу, громко спрашиваетъ: *а кто платитъ? Я, отвѣчаетъ кардиналъ, высунувши голову изъ окна коляски. — Слѣдите ми, говоритъ полковникъ солдатамъ, намъ платитъ его преосвященство; и такъ правымъ флангомъ впередъ, марш! —* Гвардія раздѣляется на три части; двѣ образуютъ конвой около экипажа, а третья слѣдуетъ за нимъ: капитанъ ѣдетъ при дверцѣ коляски, и такимъ образомъ кардиналъ въѣзжаетъ въ свой дворецъ, окруженный почетною гвардіею, которая и остается при немъ три дня.

Эта церемонія, въ которой съ такимъ цинизмомъ проявляется грубость наемныхъ солдатъ, такъ унизительна, что нельзя даже понять, какъ рѣшаются выполнять ее сыны такой благородной и свободной страны, какова Швейцарія. Въ теченіе трехъ дней, — камерлингъ держитъ бразды правленія въ своихъ рукахъ и на память приказываетъ чеканить монету съ слѣдующей надписью: *Sede vacante delle anno...* (Празднѣе престолю такого-то года...) На монетахъ красуется гербъ кардинала. Конечно, подобная монета, назначенная только на три дня господства кардинала, не можетъ имѣть правильнаго обращенія, впрочемъ это ничего не значить; лишь бы только удовлетворилась личная гордость. По прошествіи трехъ дней, приступаютъ къ такъ называемому *Новеніалу* (Novenali), и кардиналы, собравшись въ коллегію, принимаютъ на себя управленіе церковію; коллегія представляется

такъ называемыми *тремя главами* различныхъ степеней священства; при этомъ одинъ кардиналъ обыкновенно бываетъ изъ епископовъ, другой изъ священниковъ, третій изъ діаконовъ; назначенные въ коллегію по старшинству, они представляютъ свои коллегіи, и, слѣдовательно, весь церковный составъ. Такъ продолжается до избранія новаго папы. Они получаютъ донесенія, — рѣшаютъ всѣ дѣла, даютъ аудіенціи иностраннымъ посланникамъ, и проч.

Немного найдется кардиналовъ или прелатовъ, которые хотя бы одну минуту своей жизни не посвятили мечтамъ о папствѣ; это золотая мечта ихъ; когда умираетъ папа, то всѣ думаютъ, что наступила минута, когда эта мечта должна осуществиться. Даже вполне сознающіе, что имъ никогда не достигнуть папства, принимаютъ надлежащія мѣры для того, чтобы способствовать избранію одного изъ своихъ друзей, который можетъ дать имъ важныя мѣста въ церкви, или которымъ они, по крайней мѣрѣ, могутъ управлять. — Во время выбора папы всѣми кардиналами овладѣваетъ непомѣрное честолюбіе; чтобы быть имъ пріятнымъ — остается одно средство: это говорить съ ними о возможности ихъ избранія въ папы... Въ продолженіе *новенналовъ* — обыкновенно образуются двѣ партіи, — одна держитъ сторону покойнаго папы и его правительства, а другая представляетъ собою недовольныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находятся лица, удаленныя отъ должностей при покойномъ папѣ, — лица, принадлежащія къ враждебной партіи противъ государственнаго секретаря, и, наконецъ, большее или меньшее число людей, оскорблявшихся придворными беспорядками, или фортуною придворной безнравственной жизни. Во время *новенналовъ* всѣ они единодушно призываютъ дурнымъ направленіе, котораго держалось послѣднее правительство, его заблужденія, недостатки и необходимость переменъ лицъ и системы, но такъ какъ каждый изъ нихъ имѣетъ личныя претензіи на папство, то, естественно, имъ гораздо труднѣе согласиться въ выборѣ лица. Тѣло папы обыкновенно переносится изъ Ватикана въ капеллу *Св. таинства* собора св. Петра, и тамъ выставляется для поклоненія вѣрующимъ, потому что папы не довольствуются поклоненіемъ при своей жизни, а требуютъ его и по смерти. Трупъ анатомируютъ, внутренности кладутъ въ урну, — и затѣмъ его бальзамируютъ. Во всякомъ дѣйствиіи Рима непре-

мѣнно встрѣчается темная сторона; такъ напр. государство назначаетъ довольно значительныя суммы для бальзамированія папы, — но эта сумма не расходуется согласно съ своимъ назначеніемъ, и большая часть оной расходится по карманамъ распорядителей; это фактъ, признанный и освященный обычаемъ. Распорядители бальзамированія выставляютъ въ смѣтѣ расходовъ самыя бесполезныя и при томъ чрезвычайно дорогія вещи, якобы изъ почтенія къ святымъ останкамъ папы, а на самомъ дѣлѣ употребляютъ самыя обыкновенныя эссенціи, и заботятся только о сохраненіи тѣла въ продолженіе девяти дней, въ которые продолжается поклоненіе; впрочемъ жадность иногда одерживаетъ верхъ надъ благоразуміемъ, и нерѣдко случалось, что въ послѣдніе дни разложеніе дѣлалось такъ сильнымъ, что изъ тѣла на папскія облаченія выползали черви; несмотря на это, вѣрующее стадо никогда не отказывается цѣловать ноги своего почившаго верховнаго пастыря. Тѣло Леона XII издавало такое зловоніе, что были вынуждены замѣнить его манекеномъ, къ которому прикладывались вѣрующіе; за тѣмъ манекенъ погребли со всѣми почестями должными папѣ, — и всѣ остались довольны. По окончаніи всѣхъ означенныхъ церемоній, кардиналы собираются на конклавъ, обыкновенно помѣщающійся въ одномъ изъ апостольскихъ дворцовъ; нѣкоторое время для означенной цѣли предпочитали Квириналь; но въ настоящее время, на случай смерти Пія IX, кажется должно будетъ отказаться отъ этого помѣщенія, потому что его занимаетъ Викторъ Эммануиль.

Помѣщеніе для каждаго кардинала во время конклава называется *кельею*. Римъ никогда не опускаетъ случая пользоваться самыми смиренными выраженіями для прикрытія своей гордости, такъ напр. онъ называетъ папу *слугою слугъ Божіихъ*; быть можетъ, по тому же самому и кардиналы называютъ свои помѣщенія кельями; тогда какъ эти кельи — обширные покои — со многими комнатами, изящно меблированными и убранными со всевозможнымъ комфортомъ. — На это, конечно, потребна немалая сумма денегъ, потому что нужно приготовить столько же помѣщеній, сколько кардиналовъ; случается, что избраніе папы замедляется на долгое время: могутъ прибыть кардиналы изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, — и для всѣхъ ихъ нужно приготовить должныя помѣщенія. Каждый кардиналь имѣетъ при себѣ конклавиета,

и одного или двух камердинеров, — для них также требуются помѣщенія. Обѣдъ обыкновенно приносится съ большою пышностію римскимъ шевалье (кавалеромъ), въ сопровожденіи ливрейнаго лакея, при чемъ гвардія дѣлаетъ на караулъ; но это одна только форма; кардиналы, имѣющіе средства къ роскошной жизни, предпочитаютъ имѣть свой собственный столъ. Къ этому нужно еще прибавить случайные расходы на содержаніе церемоніймейстеровъ, капеллановъ и секретаря конклава. Въ теченіе означенныхъ девяти дней работаютъ днемъ и ночью, не исключая даже воскресныхъ дней, — и за все это въ послѣдствіи, ради церкви, расплачиваются наличными. Вѣрующіе думаютъ, только объ одномъ, какъ бы скорѣе все приготовить ко времени торжественнаго собранія.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ обязанностяхъ главныхъ сановниковъ конклава. На первомъ планѣ стоитъ *конклавистъ*. Это такой человекъ, котораго привозитъ съ собою каждый кардиналъ, въ качествѣ помощника; онъ замѣняетъ собою и секретаря и аудитора, но главнымъ образомъ посредника. Хотя конклавистъ носитъ духовную одежду, впрочемъ нѣтъ необходимости, чтобы онъ какимъ бы то ни было образомъ принадлежалъ къ церкви; вліятельнѣйшіе кардиналы на конклавѣ, или тѣ, которые надѣются сдѣлаться ими, обыкновенно избираютъ человека способнаго, опытнаго въ дѣлахъ, чисто адвоката, который переодѣвается аббатомъ и входитъ съ ними. Конклависты имѣютъ важное значеніе въ выборахъ; они-то по преимуществу обсуждаютъ тѣ вопросы, которыхъ не желаютъ, не умѣютъ, или не могутъ рѣшить кардиналы.

Секретарь конклава даетъ аудіенціи государственнымъ министрамъ, принимаетъ отъ нихъ донесенія, получаетъ иностранныя корреспонденціи, ежедневно доноситъ о всемъ коллегіи кардиналовъ и полагаетъ рѣшенія, согласно съ ихъ указаніями. Маршалъ же конклава обыкновенно бываетъ одинъ изъ римскихъ князей; онъ министръ иностранныхъ дѣлъ; въ рукахъ его находятся ключи отъ конклава, и на немъ въ особенности лежитъ обязанность слѣдить за сношеніями кардиналовъ съ иностранцами. Ему помогаютъ многіе духовные и гражданскіе чиновники, которымъ онъ ежедневно даетъ веселые балы и пирушки. Помимо того, при воротахъ конклава постоянно стоитъ воинская стража, управле-

мая штабъ и оберъ-офицерами, которые принимаютъ пароль отъ маршала и депутаціи отъ присутственныхъ мѣсть и римскаго муниципалитета. Въ прѣжнее время народъ назначалъ папъ, а теперь, наоборотъ, народные представители назначаются папою— для того, чтобы держать караулъ при кардиналахъ, подслушивать ихъ разговоры. Этотъ надзоръ представляется намъ мало почетнымъ, какъ по отношенію къ тѣмъ, которые подвергаются ему, такъ и по отношенію къ самимъ надзирателямъ.

Причина всего этого заключается въ томъ, что кардиналы, по церковнымъ постановленіямъ, не должны имѣть никакихъ сношеній съ иностранцами касательно выбора папы, но такъ какъ составители этого закона хорошо понимали, какъ мало можно полагаться на совѣтъ кардиналовъ, то и вздумали гарантировать исполненіе его— учрежденіемъ означеннаго надзора подъ управленіемъ маршала. Вслѣдствіе того помѣщеніе конклава строго охраняется; въ немъ находится одна только дверь, черезъ которую можно имѣть сообщеніе; ключъ отъ нея постоянно находится у маршала; всѣ остальные двери заложены камнемъ. Дверь конклава отворяется только тогда, когда являются представители иностранныхъ дворовъ съ своими вѣрительными грамотами; маршалъ ведетъ ихъ и даетъ имъ аудіенцію на порогѣ двери. Посланникъ остается внѣ, а всѣ прочіе кардиналы, обязанные присутствовать при церемоніи, внутри конклава.

Впрочемъ все это не болѣе, какъ пустая формальность. Солдаты получаютъ хорошую плату, гражданскіе, военные и духовные чиновники также, и кромѣ того, хорошій столъ: маршалъ пользуется жалованьемъ генерала, и, несмотря на все это, кардиналы дѣлаютъ все, что имъ угодно. Это достигается при помощи банковыхъ билетовъ, которые всегда проникаютъ въ конклавъ, не подвергаясь никакому осмотру. Въ частныхъ разговорахъ, при которыхъ стража оказывается глухою, извѣщаютъ кардиналовъ о всемъ, что интересно знать для нихъ, или что интересно для другихъ сообщить имъ.

Въ послѣдній день Новеніаловъ, кардиналы собираются въ небольшой церкви Квиринала, и выходятъ оттуда, какъ бы съ крестнымъ ходомъ, съ преднесеніемъ креста. Вечеромъ конклавъ остается открытымъ, и каждый можетъ посѣтить оный и засвидѣтельствовать свое почтеніе кардиналамъ.

За нѣсколько времени до полночи, раздается звукъ колокола и церемоніймейстеры кричатъ: *выходите всѣ вы!* Такимъ образомъ въ конклавѣ остаются только тѣ лица, которымъ назначено присутствовать до времени избранія папы.

Маршалъ, увѣрившись въ томъ, что лишнихъ никого нѣтъ, желаетъ доброй ночи кардиналамъ, потомъ запираетъ ихъ. Тѣ кардиналы, которые не поспѣли въ Римъ ко времени открытiя конклава, допускаются въ оный при своемъ прибытiи.

Папа избирается баллотировкою, и иногда посредствомъ такъ-называемаго: *accessit* (*accession*), т. е. открытой подачи голосовъ избирателей. Кардиналы собираются дважды въ день въ капеллѣ, нарочито для сего назначенной; они начинаютъ тѣмъ, что выслушиваютъ миссу Святаго Духа, потомъ приступаютъ къ выбору; каждый кардиналъ кладетъ въ урну, поставленную на престолѣ, запечатанный билетъ съ надписью изъ одного слова, по которому можно признать оный; внутри билетка содержится имя того лица, за которое подалъ голосъ избиратель, равно какъ имя подавшаго голосъ, только это послѣднее остается въ тайнѣ и никогда не читается, развѣ только въ случаѣ ошибки и неправоильности выбора. Для правильного выбора требуется непременно двѣ трети голосовъ отъ всѣхъ присутствующихъ кардиналовъ; хотя это собранiе и считается якобы дѣйствующимъ подъ непосредственнымъ влiянiемъ Св. Духа, однако признали почти невозможнымъ, чтобы выборъ состоялся посредствомъ только баллотировки, и вотъ предусмотрительно придумали *accessio*—новую подачу голосовъ, по которой каждый кардиналъ можетъ отказаться отъ того, въ пользу котораго положилъ свой билетъ и перейти на сторону лица, поименованнаго большинствомъ. Впрочемъ выборъ папы почти всегда совершается вслѣдствiе различныхъ предварительныхъ интригъ и къ *accessio* прибѣгаютъ только тогда, когда, при закрытой баллотировкѣ, оказались результаты, дѣлающiе избранiе почти извѣстнымъ. Въ такомъ случаѣ почти каждый кардиналъ всегда усердствуетъ заявить свое *accessio*. Такимъ образомъ, стараясь совершать на нѣсколько часовъ комедiю выборовъ, онъ, конечно, надѣется при этомъ выслужиться и что-либо выиграть отъ новаго папы.

Когда во время баллотировки и открытой подачи голосовъ не оказалось должнаго числа голосовъ, то кардиналы возвраща-

ются въ свои кѣдѣ и прибѣгаютъ къ комедіи дыма. Въ капеллѣ находится небольшой каминъ съ желѣзною очень высокою трубою, которая проходитъ чрезъ отверстіе, сдѣланное въ заложеномъ окнѣ; въ этомъ-то каминѣ сжигаютъ билетики, и народъ *по дыму* узнаеть, что избраніе папы не состоялось. Множество зрителей собирается посмотрѣть на дымъ, и это въ нѣкоторомъ родѣ праздникъ для народа, который не щадитъ традиціонныхъ остротъ на счетъ кардиналовъ; отсюда-то весьма часто получаютъ начало всѣ сатиры, такъ обычныя во время вакансіи папскаго престола. Нерѣдко бываетъ, что кардиналы, желая сохранить на нѣсколько часовъ выборъ въ тайнѣ, выпускаютъ дымъ, хотя папа уже и поименованъ, какъ это и случилось при избраніи Пія IX. Когда собрано должное число голосовъ въ пользу извѣстнаго лица, то онъ провозглашается папою, но несмотря на то, счетъ голосовъ продолжается до конца; затѣмъ подходятъ къ избранному и спрашиваютъ его: *согласенъ ли онъ принять папство?* Избранные, конечно, всегда соглашаются, но, при этомъ, они никакъ не забываютъ посѣтовать на тяжкое бремя, которое принимаютъ на себя, и просятъ содѣйствія Господа и своихъ сотоварищей; они долгое время притворно отговариваются; но, въ концѣ концовъ, всегда приходятъ къ тому заключенію, что такъ какъ на то воля Господня, то и необходимо подчиниться ей.

Пій IX не преминулъ послѣдовать обычаю, освященному временемъ; повѣрщиками при баллотировкѣ было трое кардиналовъ; случилось такъ, что Мастаи находился въ числѣ ихъ; кога онъ увидалъ, что число билетовъ съ его именемъ увеличивается, то притворился, что ему дурно, попросилъ одного изъ своихъ товарищей замѣстить его, и въ волненіи сѣлъ въ кресла. При энергическомъ увѣреніи кардинала Амати, что онъ получилъ необходимое число голосовъ для избранія, онъ преклонилъ голову, закрылъ глаза своими руками, какъ будто пораженный великимъ несчастіемъ. Когда кардиналы подошли спросить его, — соглашается ли онъ принять папство, онъ палъ на колѣна съ рыданіемъ и слезами, ударился челомъ о землю, и потомъ, чрезъ нѣсколько минутъ, всталъ съ слѣдующими словами: *да будетъ воля Твоя!*

Всѣ знаютъ, что когда кардиналъ избирается въ папы, онъ отказывается отъ своего имени, принятаго при крещеніи, и за-

мѣняетъ оное другимъ; это означаетъ, что онъ начинаетъ новую жизнь, отрывается отъ всего прошлаго и намѣренъ сдѣлаться союзомъ инымъ человѣкомъ. Лишь только папа заявитъ, какое имя ему угодно принять на себя, на него торжественно надѣваютъ роскошное папское облаченіе и церемоніймейстеры несутъ его на своихъ рукахъ къ престолу капеллы, — по выраженію Данта: „*Владыка Рима, не долженъ медлить ни одною минутою, чтобы противозаконно овладѣть мѣстомъ Божиимъ*“. Смертный человѣкъ возводится въ санъ папы, и вотъ — первая его забота овладѣть мѣстомъ, присвоеннымъ Богу, и кардиналы преклоняются передъ нимъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они преклоняются предъ Святыми тайнами.

Затѣмъ всѣ, при пѣніи *Осанна*, начинаютъ нѣчто въ родѣ процессіи; они проходятъ передъ тѣмъ, который за нѣсколько минутъ, быть можетъ, самъ домогался отъ нихъ подачи за него лишняго голоса, становятся передъ нимъ на колѣна, цѣлуютъ его ноги, руки и плеча.

Не думайте, что я называю это боготвореніемъ по фантазіи; это слово техническое; въ обрядникѣ озаглавлено такъ: „*о боготвореніи папы*“: хотятъ съ самаго перваго раза освятить злоупотребленія, происходящія отъ папства, и святотатство принимаетъ видъ идолопоклонства.

Какъ скоро дѣлается извѣстнымъ, что тотъ или другой кардиналъ избранъ въ папы, то приближенные отворяютъ двери его дома, и, въ сопровожденіи черни, предають огню все, что въ немъ находится, какъ-то мебель, книги, серебряную посуду, гардеробъ и т. д. Все это тащатъ, бьютъ, сжигаютъ на общественной площади въ знакъ радости, или уносятъ съ собою для продажи, основываясь на томъ, что папа не имѣетъ теперь нужды во всемъ этомъ.

Кардиналы, питающіе надежду на папство, часто берутъ предосторожность скрывать болѣе драгоценныя вещи, и такимъ образомъ избѣгаютъ потери оныхъ. Иногда новый папа, для сохраненія своего имущества, отдаетъ оное своимъ приближеннымъ и подаетъ милостыню народу, который сбѣгается къ его дому съ цѣлю получить благостыню; онъ платитъ выкупъ, или, вѣрнѣе, государство платитъ за него. Во время послѣдняго конклава распространился мгновенный слухъ, что папою избранъ кардиналъ

Гицци; тотчасъ за симъ начался грабежъ, не только въ его собственномъ домѣ въ Римѣ, но и въ домѣ его семейства въ Анконѣ. Папою онъ не сдѣлался, а имущества своего лишился.

Идолопоклонство и грабежъ, — вотъ первые шаги, характеризующіе начало правленія всякаго новаго папы.

По окончаніи акта обоготворенія папы и если не встрѣтилось особенныхъ причинъ, какъ-то было на послѣднемъ конклавѣ, двери капеллы открываются, и всѣмъ присутствующимъ и служащимъ лицамъ при конклавѣ объявляютъ объ избраніи папы. Новоизбранный удаляется въ свою келлію, чтобы переодѣться въ папскую одежду, т. е. въ ту самую, какую онъ носитъ обыкновенно; онъ надѣваетъ на себя бѣлую сутану съ короткою мантиею того же самаго цвѣта, поверхъ которой надѣвается еще другая мантия изъ краснаго бархата, убраннаго мѣхомъ, — шелковую бѣлую, богато вышитую золотомъ, столу, бѣлую шапочку на голову, бѣлые чулки и туфли, на которыхъ вышить золотой крестъ.

Для каждаго конклава заказываютъ три полныхъ папскихъ облаченія, именно — на большой, средней и малый ростъ. Новый папа выбираетъ изъ нихъ то облаченіе, которое ближе подходитъ къ его росту. Неизвѣстно, что дѣлается съ остальными его облаченіями; вѣроятно они поступаютъ въ пользу папскаго камерарія и продаются жидамъ, точно также, какъ и всякое имущество оставшееся по смерти папъ и кардиналовъ; всѣ эти гардеробныя принадлежности обыкновенно оканчиваютъ свое существованіе въ Гетто (Ghetto).

Маршалъ конклава, узнавъ объ избраніи папы, открываетъ дверь, и, въ главѣ всѣхъ служащихъ, первый является засвидѣтельствовать свое почтеніе новому первосвященнику. Между тѣмъ слухъ о назначеніи папы распространяется по всему городу, хотя имя его еще и неизвѣстно. Какъ скоро оно дѣлается официально извѣстнымъ, то каждый задаетъ себѣ вопросъ: каковъ-то онъ? Римъ становится вверхъ дномъ, всѣ бѣгутъ и ищутъ новостей, каждый желаетъ узнать кто онъ, откуда, что дѣлается, — и старается угадать каково будетъ его правленіе.

Къ квириналу собирается огромная толпа, чтобы присутствовать при разборкѣ заложенаго окна (Zuggia), выходящаго на балконъ. Среди обширнаго папскаго дворца, вверху главной двери, возвышается балконъ, сообщающійся съ папскими апартамен-

тами посредством полукруглаго окна. Это окно, во время конклава, какъ и всѣ и прочія бываетъ заложено кирпичомъ, и изъ него обыкновенно объявляютъ народу официальнымъ образомъ имя новаго папы. Площадь уже биткомъ набита народомъ, когда раздаются первые удары молоткомъ рабочихъ, введенныхъ маршаломъ во внутренніе покои для разборки стѣны, которая закрывала окно; подъ ударами молотковъ стѣна мало-по-малу раскрывается; образуется небольшое отверстіе, сквозь которое иногда высовывается голова каменьщика, котораго народъ поощряетъ своими криками; наконецъ разборка оканчивается, оконныя дверки снимаются, и дѣлается достаточное отверстіе для прохода нѣсколькихъ лицъ.

Эту новость долженъ объявить народу старѣйшій кардиналъ; онъ является на балконъ въ преднесеніи креста, по сторонамъ его несутъ два пылающихъ факела; на немъ полная церемоніальная одежда. При его приближеніи, несущій крестъ удаляется въ уголь, а кардиналъ становится среди балкона, имѣя позади себя церемонійместеровъ, а далѣе, на заднемъ планѣ, прочихъ кардиналовъ, которые составляютъ какъ бы рамку церемоніала. Среди разбросанныхъ камней, ихъ можно отличить по краснымъ барретамъ. Они собрались сюда, чтобы лично судить о впечатлѣніи, какое произведетъ на народъ выборъ новаго папы. Вся площадь буквально запружена народомъ, и такъ какъ поздно прибывшіе всегда стараются занять первыя мѣста въ ряду зрителей, то поднимаются такое волненіе и суматоха, что церемонійместеры бывають вынуждены неоднократно приглашать народъ къ порядку восклицаніями: *тише, тише!*

Какъ скоро порядокъ и тишина возстановлены, то кардиналъ-архидіаконъ начинаетъ такъ: *возвѣщаю вамъ великую радость*; онъ останавливается на нѣсколько минутъ, потомъ продолжаетъ: *мы имѣемъ первосвященника изъ кардиналовъ (такого-то) который принялъ имя (такое-то); восплесните руками!* Въ это мгновеніе онъ аплодируетъ. Его примѣру слѣдуютъ церемонійместеры, а равно и стоящіе сзади кардиналы.

Папскіе конклавы. *)

I.

Мы думаемъ, что ни при однихъ выборахъ не требуется столько тонкостей, хитростей и дипломатики, какъ при избраніи папъ въ Римѣ. Впрочемъ, такъ какъ со времени послѣдняго избранія исполнилось теперь двадцать девять лѣтъ, то не безъ основанія можно полагать, что настоящіе члены священной коллегіи еще не въ такой мѣрѣ ознакомились со всеми конклавскими интригами, какъ члены прежняго времени, когда въ одинъ годъ случалось по два выбора, и даже по четыре въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ. Тѣмъ не менѣе, извѣстнѣйшіе конклависты, какъ обыкновенно называютъ агентовъ конклава, издали множество трактатовъ о процедурѣ избранія папъ, основанныхъ и поясненныхъ своимъ собственнымъ опытомъ, въ которыхъ подробно описывается теорія тактики при открытіи конклавовъ и избраніи папъ, и которые, по всей вѣроятности, имѣются въ библіотекѣ каждаго римскаго кардинала.—Прежде, какъ извѣстно, въ избраніи папъ участвовали духовенство и народъ, пока папа Николай II, въ 1059 году, не ограничилъ онаго одними кардиналами; а Александръ III, въ 1179 году, прибавилъ къ этому, что для избранія папы требуется большинство двухъ третей кардиналовъ.—Кардиналы бываютъ трехъ степеней: епископы, священники и діаконъ. Обычно ихъ бываетъ: шесть епископовъ, пятьдесятъ священниковъ и четырнадцать діаконовъ. Полное число коллегіи кардиналовъ, по буллѣ Сикста V, не должно превышать семидесяти, хо-

*) Заимствовано изъ февральской книги журнала *The Cornhill Magazine* за 1876 года.

тя булла не всегда исполнялась со строгою точностію, и, дѣйствительно, Павелъ IV, замышляя когда-то увеличить число ихъ до ста.—Обычай запираеть кардиналовъ на ключъ (cum clave—отъ чего произошло самое названіе Конклавъ) получилъ свое начало со времени продолжительнаго и спорнаго избранія Григорія X, и сдѣлался закономъ по буллѣ этого папы послѣ его избранія на папскій престоль въ 1270 году.

Конклавъ Григорія X продолжался два года, въ продолженіи которыхъ Римская церковь оставалась безъ непогрѣшимаго главы. Климентъ IV, предшественникъ Григорія, умеръ въ Витербо, и кардиналы, не будучи въ состояніи согласиться между собою въ выборѣ ему преемника, готовились оставить городъ, когда Буонавентура, ученикъ Франциска Ассискаго, убѣдилъ жителей запретить ворота и не выпускать кардиналовъ до тѣхъ поръ, пока они не выберутъ изъ среды себя папу. Народъ воспользовался этимъ совѣтомъ и не только запретъ городскія ворота, но даже приставилъ стражу къ дверямъ дворца, въ которомъ собрались кардиналы, и объявилъ, что ихъ дотолѣ не выпустятъ, пока они не изберутъ изъ среды себя папу. Не смотря на это, кардиналы все таки никакъ не могли согласиться между собою: проходили мѣсяць за мѣсяцемъ, а дѣло нисколько ни подвигалось впередъ.—Затрудненіе рѣшилъ кардиналъ Дель-Порто, заявивъ собранію, что Св. Духъ никогда не снизойдетъ и не вдохновитъ ихъ къ выбору, пока надъ ихъ головами будетъ находиться кровля. Народонаселеніе Витербо приняло кошунственную шутку за серьезное и разобрало кровлю надъ дворцемъ. Однако и означенная мѣра оказалась недѣйствительною, и, очевидно, кардиналы никогда не пришли бы ни къ какому рѣшенію, еслибы кто-то не придумалъ хитрость—уменьшить число блюдь въ ихъ столѣ.—Эта послѣдняя мѣра удалась. Голодь оказалъ сильнѣйшее дѣйствіе, чѣмъ дождь и вѣтеръ, и Григорій X былъ избранъ.—Новый папа, по избраніи, издалъ буллу, чтобы всѣ будущіе папы избирались въ конклавъ, т. е. собраніемъ кардиналовъ, запертыхъ на замокъ и подверженныхъ особеннымъ ограниченіямъ въ пищѣ и прислугѣ до времени окончанія выборовъ.—Каждый заключенный въ конклавъ есть конклавистъ, но не всѣ конклависты имѣютъ право подавать голоса. Въ дѣйствительности, слово конклавистъ скорѣе можно приложить къ ассистентамъ, состоящимъ при кардиналахъ,

которые бывают двухъ родовъ—собственно назначенные состоять при нихъ, по два лица при каждомъ кардиналѣ, и общія должностныя лица конклава, какъ то врачъ, нотаріусъ, провотаріусъ, еологъ, исповѣдникъ, капелланъ, и секретарь.—Конклависты, состоящіе при каждомъ кардиналѣ, суть его частные секретари, или агенты, и такъ какъ они служатъ главными проводниками всевозможныхъ интригъ, то очевидно, что расторопный, хитрый, проницательный и осторожный конклавистъ бываетъ необыкновенно полезенъ своему кардиналу. Нельзя не замѣтить при этомъ, что если число кардиналовъ на конклавѣ простирается до шестидесяти, то общее число всѣхъ конклавистовъ, запертыхъ вмѣстѣ до окончанія выборовъ, доходитъ до 200 человекъ, и что неудобства такой жизни, особенно въ извѣстныя времена года, должны быть очень значительны. Конклавъ въ настоящее время обыкновенно собирается въ угловомъ отдѣленіи Ватиканскаго дворца, въ которомъ на означенный случай устроены отдѣльныя кельи. Каждый кардиналъ имѣетъ помѣщеніе, состоящее изъ двухъ келій, одна изъ коихъ назначается для него самого, а другая для его конклавистовъ. Каждая келья занумерована и нумера келій вынимаются всѣми кардиналами по жребію, прежде чѣмъ они отправляются въ свое заключеніе. Послѣ сего они меблируютъ кельи по собственному своему желанію, а уплата за омеблировку кельи избраннаго въ санъ папы обыкновенно возлагается на того, кто взойдетъ въ нее первымъ послѣ его избранія, и потому вообще падаетъ на его собственныхъ конклавистовъ. Если въ кельяхъ случатся окна, то оныя закладываются, и когда запрутъ ворота конклава, то деканъ конклава уноситъ съ собою ключи отъ внутреннихъ дверей, а маршалъ, котораго должность наследственная въ княжескомъ домѣ Савелли,—отъ наружныхъ дверей онаго. Впрочемъ въ воротахъ конклава находится небольшая калитка (*vota*), которая тщательно охраняется пятью папскими церемониймейстерами, иностранными посланниками и иногда уполномоченными отъ города Рима. Всѣ кушанья, подаваемые кардиналамъ, проносятся обыкновенно чрезъ эту калитку, а равно чрезъ нее передаются всѣ сообщенія отъ кардиналовъ, или къ кардиналамъ, подвергаемая тщательному осмотру охраняющихъ оную, которые останавливаютъ всякое не дозволенное сношеніе.—Когда колоколъ капитолія возвѣститъ о кончинѣ папы, то кардиналъ камергеръ

(Camerlingo) отправляется осмотрѣть тѣло почившаго и снимаетъ съ его пальца такъ называемый *перстень рыбаля*, между тѣмъ, какъ деканъ Свящ. Коллегіи разсылаетъ пригласительныя повѣстки на конклавъ.—Конклавъ открывается только послѣ похоронъ папы,—спустя десять дней послѣ его кончины; впрочемъ уже и до этого времени кардиналы однажды собираются въ конгрегациі и клянутся сохранять папскія учрежденія. На десятый день послѣ кончины папы кардиналы слушаютъ торжественную обѣдню въ соборѣ св. Петра и за тѣмъ въ величественной процессіи идутъ на конклавъ съ пѣніемъ: *Veni Creator*.—Они проходятъ черезъ два ряда римлянъ, собирающихся въ большомъ количествѣ посмотрѣть на церемонію, и на пути привѣтствуются совѣтами, или шутками, или угрозами, или просьбами, смотря по расположенію ихъ духа. На первый день кардиналы свободны возвратиться домой для обѣда, если захотятъ, но въ часъ по полудни, по распоряженію декана, ударяютъ въ колоколъ конклава, по каковому сигналу всѣ посѣтители должны удалиться, въ два часа подается второй сигналъ, а по третьему, въ три часа, большая дверь запирается и не отпирается до самаго окончанія конклава. Изъ конклава есть ходъ въ Паолинскую капеллу; въ этой капеллѣ, утромъ на десятый день, все собраніе конклавистовъ, или кардинальскихъ ассистентовъ, занимается предварительною подготовкою къ конклаву. Каждый изъ кардиналовъ долженъ обѣдать одинъ въ своей собственной кельѣ до окончательнаго избранія папы. Существуютъ три способа избранія: избраніе *компромиссомъ*, или полюбовною сдѣлкой,—*адорациею* или вдохновеніемъ, и *баллотировкою*. При избраніи компромиссомъ кардиналы, не согласные между собою въ выборѣ, назначаютъ одного или болѣе членовъ изъ своего числа для указанія новаго папы.—Избраніе по вдохновенію бываетъ тогда, когда значительное число кардиналовъ, не менѣе двухъ третей, единогласно избираютъ папу безъ предварительной баллотировки.—Избраніе баллотировкою,—способъ особенно употребляемый въ настоящее время,—учреждено Григоріемъ XV и Урбаномъ VIII. Какъ мы уже замѣтили выше, для избранія необходимы двѣ трети голосовъ наличныхъ кардиналовъ, при чемъ самая баллотировка бываетъ закрытою. Она происходитъ дважды въ день въ Паолинской капеллѣ. Каждый кардиналъ пишетъ подѣльнымъ почеркомъ по срединѣ билетика, на маленькомъ столѣ,

стоящемъ въ углу капеллы, имя того папы, котораго онъ желаетъ избрать. Эти билетки, продолговатой формы, изготовляются по указаніямъ буллы Григорія XV. Среди каждаго изъ нихъ напечатаны слова: „*Eligo in summum Pontificium R-m D. nomine D. Cardinali.*“; за симъ вотирующій вписываетъ имя того лица; которое желаетъ избрать. Они сдѣланы такъ, что концы ихъ, сверху и снизу этихъ словъ, могутъ быть сложены и запечатаны, при чемъ середина надписи остается видною. На верху билета избиратель подписываетъ свое имя и затѣмъ, загнувши этотъ конецъ, запечатываетъ маленькою печатью, нарочно для сего приготовленною каждыиъ изъ избирающихъ и тщательно скрываемою имъ отъ постороннихъ взоровъ. На нижнемъ концѣ онъ пишетъ какой либо девизъ полатыни изъ Библии, выставляетъ нумеръ и точно также загибаетъ и запечатываетъ оный. Затѣмъ кардиналъ складываетъ билетикъ на двое, просто безъ всякой новой печати, и подходитъ къ престолу, на которомъ стоитъ чаша, накрытая дискосомъ. При подножіи престола избиратель поднимаетъ свою руку, въ которой билетикъ, преклоняетъ колѣна, нѣсколько минутъ молится, а послѣ сего даетъ клятву, что онъ избираетъ того, кто, по его мнѣнію, если угодно Господу, достоинъ избранія. Послѣ клятвы онъ кладетъ билетикъ на дискосъ и съ дискоса всовываетъ оный въ чашу, закрытую дискосомъ. Затѣмъ, сдѣлавъ снова поклонъ предъ престоломъ, отходитъ на свое мѣсто. Если какой кардиналъ слабъ и не можетъ ходить, то къ его мѣсту подходитъ одинъ изъ повѣрщиковъ при баллотировкѣ и, по произнесеніи кардиналомъ предписанной клятвы, беретъ отъ него билетикъ на дискосъ и несетъ къ престолу. Если онъ заболѣваетъ въ своей кельѣ, то три нарочито назначенные для сего кардинала отправляются къ нему съ закрытымъ въ родѣ денежнаго ящикомъ, опускаютъ въ ящикъ его билетъ и относятъ оный въ капеллу. — По окончаніи всеобщей подачи голосовъ, три повѣрщика, ежедневно избираемые по жребію изъ среды кардиналовъ, выносятъ чашу, покрытую дискосомъ, на средину капеллы, вынимаютъ изъ оной избирательные билеты на дискосъ, считаютъ и начинаютъ разсматривать оные. Первый повѣрщикъ беретъ билетъ, открываетъ его и читаетъ про себя написанное на немъ имя кардинала; затѣмъ передаетъ его второму повѣрщику, который, точно также прочитавъ про себя написанное, вручаетъ оный третьему. Третій

повѣрщикъ по полученіи билетовъ громкимъ голосомъ читаетъ написанныя на немъ имена, а кардиналы, сидящіе въ это время на своихъ мѣстахъ и имѣющіе передъ собою печатные листы, обыкновенно разлинованные красными чернилами, съ именами всѣхъ членовъ священной коллегіи, отмѣчаютъ въ нихъ поочередно голоса, получаемые каждымъ кардиналомъ. По прочтеніи каждаго билета третій повѣрщикъ нанизываетъ оныя на шелковый шнурокъ.—Кардиналъ, получившій двѣ трети голосовъ отъ кардиналовъ, присутствующихъ на конклавѣ, возводится въ санъ папы. *Papa factus est.*—Если этого числа не оказывается, то немедленно переходятъ ко второй, такъ называемой баллотировкѣ *per assessum* каждому кардиналу дается право подавать новый голосъ уже за какого либо другаго кандидата, а не за того, за котораго онъ вотировалъ на первый разъ, и съ этою цѣлю повѣрщикъ при баллотировкѣ, съ помощію нумера и библейскаго девиза, разсматриваетъ его первый билетъ, дабы удобнѣе видѣть, не подаетъ ли онъ двойной голосъ за одного и того же кардинала. Если при второй баллотировкѣ кто изъ кардиналовъ получаетъ число голосовъ, достаточное въ соединеніи съ предшествовавшимъ для составленія двухъ третей, то онъ дѣлается папою; въ большей части случаевъ папы избираются этою второю баллотировкою. Послѣ каждой неудачной баллотировки избирательные билеты сжигаются въ каминѣ, и жители Рима, каждое утро толпящіеся въ множествѣ предъ воротами конклава, иногда напередъ угадываютъ, что избраніе папы состоялось, именно по тому признаку, что изъ трубы конклава не видать дыма.—Но вотъ Священная Коллегія кончила выборъ. Папа избранъ. *Papam habemus; papa factus est.* Блѣдный отъ волненія, новоизбранный сидитъ между кардиналами; тѣ, которые находятся поближе къ нему, тотчасъ же отдаляются на почтительное разстояніе; всѣ падаютъ на колѣна; затѣмъ встаютъ и окружаютъ его. Деканъ и старшій кардиналъ—священникъ подходятъ къ нему и спрашиваютъ: *согласенъ ли онъ принять на себя высокій санъ, и какое будетъ ему угодно принять новое имя?* Избранный папа обыкновенно соглашается и объявляетъ свое новое папское имя. За симъ его отводятъ въ ризницу, въ которой уже для него приготовлены папское бѣлое одѣяніе и питья тудли съ золотымъ крестомъ. Пооблаченіи его сажаютъ на престоль св. Петра. За симъ кардиналъ и деканъ, преклонивъ

колѣна, цѣлуютъ его ногу и правую руку; а папа приподнявъ, лобзаетъ ихъ въ обѣ щеки (*osculum pacis*). За ними слѣдуютъ прочіе кардиналы съ пѣніемъ: *Eccle sacerdos magnus*.—Это составляетъ церемонію перваго поклоненія. Послѣ сего деканъ, въ предшествіи ризничихъ (*sacristans*) и креста, идетъ къ ложѣ (*Loggia*) св. Петра и объявляетъ народу имя новаго папы. *Annuntio vobis*, возглашаетъ онъ, *gaudium magnum, habemus Pontificem, eminentissimum et reverendissimum Dominum МѢМѢ, qui, nomen sibi imposuit М. М.*—При сихъ словахъ новый владыка привѣтствуется пушечными выстрѣлами съ замка Св. Ангела; весь Римъ оглашается колокольнымъ звономъ,—а домъ новаго папы открывается для угощенія всѣхъ приходящихъ. За симъ папу снова сажаютъ на престолъ и кардиналы приступаютъ ко второму поклоненію, послѣ котораго они несутъ его изъ Паолинской капеллы въ соборъ св. Петра; здѣсь кардиналы поклоняются ему въ третій разъ, а самъ онъ, съ митрою на головѣ, даетъ благословеніе народу. Наконецъ онъ сходитъ съ престола и его отвозятъ въ Ватиканъ. Вечеромъ на всѣхъ улицахъ папской столицы бываютъ иллюминаціи, и блестящія фейерверки знаменуютъ начало новаго папства.

II.

Какъ мы замѣтили выше,—ни при однихъ выборахъ не дѣйствуютъ съ такою хитростію и тонкою тактикою, какъ на конклавахъ.

Римскій дворъ всегда считался образцовою школою тонкой дипломатики, и старый хитрый кардиналъ почти всегда соединяетъ съ наружною голубиною кротостію внутреннюю змѣиную изворотливость. — И споры изъ-за папства и конклавы—не всегда кончались миромъ и спокойнымъ образомъ. Наружной стражѣ, стоявшей у дверей конклава, нерѣдко при ночномъ безмолвіи приходилось слышать громкіе крики и шумъ несогласныхъ между собою партій, какъ это особенно оказалось при избраніи Пія V. Въ критическія минуты конклава, которыя нерѣдко случаются, каждая партія боится, что противники выберутъ папу безъ ея участія, и потому проводитъ цѣлыя ночи безъ сна, подстерегая, такъ сказать каждое движеніе своихъ враговъ. Мы замѣтили уже выше, что древними конклавистами, какъ напр. Аддолино, Лоттино, Гольтьера, было составлено нѣсколько трактатовъ о произ-

водествѣ и процедурѣ конклавовъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ слу-
жать превосходнымъ руководствомъ для изученія дипломатики.
По этимъ трактатамъ всѣхъ кардиналовъ можно раздѣлить на че-
тыре разряда: 1) на кардиналовъ, такъ называемыхъ *parabiles*, т. е.
имѣющихъ въ настоящемъ или будущемъ сильныя шансы на пап-
ство; 2) кардиналовъ, — вождей различныхъ партій, т. е. родствен-
никовъ (*parentes*) покойнаго папы, или кардиналовъ имъ создан-
ныхъ, обыкновенно называемыхъ его креатурами; 3) кардиналовъ
князей, или находящихся въ близкомъ родствѣ съ царствующими
домами; и, наконецъ, 4) кардиналовъ, простыхъ избирателей.
Партіи на конклавахъ обыкновенно состоятъ изъ слѣдующихъ
партій: французской, испанской, итальянской и австрійской, пар-
тіи племянниковъ и креатуръ покойнаго папы, и партіи нейтраль-
ныхъ кардиналовъ, ни отъ кого не зависящихъ. Правда, что ис-
панская, французская и австрійская партіи, въ силу измѣнившихся
обстоятельствъ не такъ сильно могутъ выдаваться въ настоящее
время, какъ прежде, когда эти государства спорили между собою
за первенство въ Европѣ; но тѣмъ не менѣе, въ случаѣ новаго
избранія папы, имѣющаго быть по кончинѣ Пія IX, итальянская
партія, безъ сомнѣнія, будетъ играть важную роль. Что касается
партіи родственниковъ и креатуръ покойнаго папы, то она также
не имѣетъ особенной важности, потому что непотизмомъ не зло-
употребляютъ уже теперь такъ постыдно, какъ въ былое время.
При прежнемъ его существованіи, главною цѣлю партіи *непотиз-
мовъ*, естественно, было стараться о выборѣ такого папы, кото-
рый, не слишкомъ внимательно вникая въ дѣла почившаго пред-
шественника, былъ бы готовъ оставить всѣ синекуры, милости и
достоинства за тѣми же самыми лицами, за которыми онъ былъ
и прежде. Означенная партія рѣдко старалась достигнуть избра-
нія папы съ помощію только собственныхъ членовъ, потому что
Священная Коллегія всегда держалась, какъ неизмѣннаго прави-
ла, — прерывать всякую связь и сношенія съ системою и близкими
лицами умершаго папы, дабы обратить изліяніе папскихъ щедротъ
въ свѣжіе каналы. Потому цѣлюю каждаго кардинала, естествен-
но, было, во первыхъ, или, по возможности, самому добиться
папства, или если это дѣлалось невозможнымъ, то стараться объ
избраніи такого папы, отъ котораго можно было бы надѣяться
на полученіе всевозможныхъ милостей и преимуществъ. Чего не

наобщалъ и не далъ бы Бордоніа за одинъ только не достававшій ему, но крайне необходимый голосъ, для полученія папской тиары?

Когда Испанія и Австрія имѣли большія владѣнія въ Италіи, — то главная цѣль означенныхъ государствъ, при выборѣ папъ, состояла въ томъ, чтобы избирать папою не только такого кардинала, который содѣйствовалъ бы ихъ политикѣ, но при этомъ и слабо-характернаго, который не беспокоилъ бы ихъ относительно ихъ собственныхъ владѣній на Аппенинскомъ полуостровѣ. — Франція, какъ и естественно, желала избирать въ папы кардинала съ противоположными наклонностями, но при этомъ, не слишкомъ уже ревностнаго, при которомъ ей было бы удобнѣе. по мѣрѣ возможности, увертываться отъ ультрамонтанскаго вліянія. — Вожди партій играютъ большую роль на конклавѣ, преимущественно заботясь о постоянномъ усиленіи своей партіи и всевозможномъ подрывѣ противной, дабы во что бы то ни стало, въ концѣ концовъ, получить нужное число голосовъ въ пользу предназначеннаго ими кандидата. — Ихъ обычный планъ состоитъ въ слѣдующемъ: искусно скрывать до благоприятной минуты имя того кандидата, котораго они хотятъ навязать конклаву; для сего первая предохранительная ихъ мѣра состоитъ въ томъ, чтобы добиться исключенія того кандидата, котораго они желаютъ допустить до папства. Съ этою цѣлью, вожди партій въ самомъ началѣ часто предлагаютъ въ папы кандидатовъ, самыхъ ненадежныхъ, которые, по ихъ мнѣнію, не должны быть избраны съ тѣмъ, чтобы заставить ихъ впоследствии образовать изъ себя такъ называемыя, *партіи исключенія*, для противодѣйствія кандидатамъ особенно выдающимся. Здѣсь нельзя не замѣтить, что партіи, на которыя раздѣляется конклавъ въ своемъ началѣ, образуются извнѣ и за долго до времени открытія онаго. Въ прежнія времена, европейскіе государи и князья употребляли всевозможныя дипломатическія уловки и всѣ роды обольщеній, съ щедрою придачею обѣщаній и подарковъ, съ цѣлію перетянуть ту или другую, болѣе или менѣе надежную, партію кардиналовъ на свою сторону, но теперь, какъ мы уже замѣтили выше, въ силу измѣнившихся политическихъ условій, — этого не бываетъ.

Тѣмъ не менѣе, когда конклавъ уже открылся, то сколько бы не образовалось партій въ началѣ, и не смотря на всѣ ихъ про-

нырства, — напряженность настоящих надежд и опасеній вскорѣ возрастаетъ въ высшей степени, и часто малѣйшій случай на конклавѣ принимаетъ такіе чудовищные размѣры и оказываетъ такое удивительное вліяніе на подачу голосовъ, что всякая предварительная подготовка за стѣнами конклава, сколько она ни казалась вѣрною и несомнѣнною, часто теряетъ все свое значеніе въ самомъ конклавѣ. — При уединенной и строгой обстановкѣ образа жизни конклавистовъ, — малѣйшее ощущеніе, какъ напр. недостатокъ подписи одного кардинала, небрежность другаго, или просто всякая другая пустая и ничтожная ошибка, пріимаетъ гигантскіе размѣры. Въ увлеченіи минуты забываются прежнія милости и обѣщанія, — кандидатъ, вчера отвергнутый, можетъ надѣяться на единодушное избраніе сегодня. Вообще, неустойчивость и колебаніе мнѣній часто бываютъ заразительны на конклавѣ, и толпа кардиналовъ, достаточная для образованія необходимаго большинства голосовъ, часто можетъ быть увлечена какимъ либо внезапнымъ порывомъ. — Случалось даже, что кардиналы увлекались подобною внезапною рѣшительностію среди ночи, и торжественно относили своего папу въ капеллу, — а собратія ихъ кардиналы, услыхавъ объ этомъ, опрометью бросались прямо съ своихъ постелей, въ ночной одеждѣ, въ капеллу, чтобы не опоздать на поклоненіе новому папѣ.

Во всѣхъ этихъ внутреннихъ мѣропріятіяхъ конклава, для кардиналовъ играютъ весьма важную роль конклависты, или ихъ ассистенты. Они всегда находятся на стражѣ, зорко наблюдая за движеніями, свиданіями, выраженіемъ лицъ и каждымъ словомъ противниковъ своего кардинала, не опуская, въ тоже время, слѣдить за его собственною партією. Главная обязанность конклависта заключается, такъ сказать, въ томъ, чтобы подмѣчать каждый шопоть, ощущать каждое движеніе воздуха на конклавѣ и своевременно доносить о своихъ наблюденіяхъ кардиналу. Но, при этомъ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ долженъ поступать со всевозможною вѣжливостію, какъ по отношенію къ друзьямъ, такъ и врагамъ его. Нѣтъ ничего опаснѣе, кекъ внушить противнику мысль о презрѣннн къ нему, потому что чрезъ это можетъ усиливаться его вражда и удвоиться его дѣятельность, — а онъ, при измѣненіи обстоятельствъ, пожалуй, можетъ быть еще нуженъ. — Если образъ дѣйствій вождя партіи требуетъ тонкой осмотри-

тельности, то тѣмъ болѣе оная потребна для кардинала, имѣющаго какіе либо шансы на папство (*parabili*). Прежде всего онъ обязанъ озаботиться о томъ, чтобы не выставляться впередъ, а сколько возможно менѣе быть на виду, постоянно сохраняя при этомъ скромный и равнодушный видъ.—Терпѣніе есть неоцѣненная добродѣтель въ томъ кардиналѣ, котораго ни на минуту не возмущаютъ ни открытіе измѣны со стороны друзей, ни оскорбленія со стороны враговъ.—Онъ долженъ научиться бодрствовать и ждать, терпѣть, не падая духомъ, показывать одинаково веселую и довольную улыбку при завистливыхъ и пытливыхъ взглядахъ, обращаемыхъ на него зоркими противниками при малѣйшей неудачѣ. Но и отъ вождей партій, если они хотятъ вывести въ папы своего кандидата, требуется не менѣе ловкости и осторожности. Выше всѣхъ и, такъ сказать, вождь вождей есть племянникъ покойнаго папы; ему-то въ особенности приходится разыгрывать на конклавѣ трудную роль. Привыкшій къ лести и нерѣдко принимавшій участіе въ папскомъ правленіи, онъ сразу долженъ проститься со всѣми почестями и преимуществами своего прежняго положенія; первый конклавъ, на которомъ онъ засѣдаетъ, долженъ рѣшить его судьбу. Онъ не можетъ никому довѣриться; онъ самъ долженъ провѣрить глубину совѣсти каждаго кардинала. Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо болѣе, чѣмъ кто либо другой, знаетъ о всѣхъ креатурахъ минувшаго папства, — именно чѣмъ было мотивировано ихъ возведеніе въ санъ кардиналовъ, — объ ихъ общественномъ и финансовомъ положеніи, ихъ интеллегенціи, ихъ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, и чего, наконецъ, можно ожидать отъ глубины ихъ религіознаго чувства въ будущемъ; потому-то папскіе племянники и находятся въ такомъ изолированномъ положеніи на конклавѣ.—Глава какой либо партіи, пожалуй, и вступитъ въ разговоръ съ другимъ лицомъ, но единственно для того чтобы разузнать секреты другихъ и скрыть свои; вообще же онъ предпочитаетъ молчаніе, потому что при помощи его, легче можно обмануть своего противника. Узнавъ вполне свою собственную партію, вождь партіи старается изучить партію своихъ противниковъ. Одного должно избѣгать, какъ опаснаго; другаго можно перетянуть на свою сторону краснорѣчіемъ, третьяго обѣщаніями и подарками, а этотъ хотя теперь и представляется опаснымъ и нерѣшительнымъ, быть можетъ, еще усту-

пить въ послѣднюю минуту,—таковы, большею частію, бываютъ результаты его наблюденій. Вообще же, какъ мы затѣлили выше, кардиналь—глава партіи скрываетъ до послѣдней минуты имя того лица, объ избраніи котораго хлопочетъ. Онъ начинаетъ съ того, что поочередно предлагаетъ въ папы кардиналовъ, имѣющихъ мало шансовъ на успѣхъ, и когда конклавъ утомится безуспѣшными попытками собрать надлежащее число голосовъ въ пользу того или другаго кардинала, онъ неожиданно предлагаетъ своего кандидата и указываетъ на его превосходныя качества сравнительно съ преждепоименованными кардиналами. Очевидно, что при этомъ онъ предварительно распредѣляетъ всѣ роли съ благоразуміемъ и тактомъ между своими сторонниками, и съ особенною энергіею и быстротою обращаетъ въ ходъ всѣ ресурсы, находящіеся у него подъ рукою. Всѣ прежде поименованные имъ кардиналы въ такомъ случаѣ дѣлаются чѣмъ то въ родѣ пробнаго воздушнаго шара, или простаго флюгера, указующихъ съ какой стороны дуетъ вѣтеръ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что въ подобной игрѣ для полнаго успѣха требуется самая тонкая дипломатика. Она хорошо всѣмъ извѣстна, и требуется въ высшей степени скромность и благоразуміе, чтобы какъ нибудь не открытъ оную; если же о ней своевременно догадаются, то тщеславіе кардиналовъ, такъ третируемыхъ, сильно оскорбляется, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ опасностію для игрока, усиливаются дѣятельность и недовѣрчивость его противниковъ. Ежедневно вечеромъ каждый кардиналь,—вождь партіи, дѣлаетъ нѣчто въ родѣ смотра своимъ сторонникамъ и по ихъ отчетамъ, взглядамъ, движеніямъ, старается уяснить для себя,—на какомъ градусѣ стоитъ атмосфера конклава. Каждая малость, по его компетентному сужденію, дѣлается точнымъ указаніемъ расположенія конклава въ настоящую минуту. Подобно опытному пастуху, пасущему стада оленей въ горныхъ странахъ, онъ въ малѣйшемъ дуновеніи вѣтра замѣчаетъ опасность, и каждый незначительный, почти посторонній, вопросъ дѣлается для него чѣмъ-то въ родѣ искуснаго химическаго опыта, посредствомъ котораго онъ старается опредѣлить положеніе мнѣній о своей личности. Одною изъ самыхъ тонкихъ конклавскихъ уловокъ считается, такъ или иначе, навязать своего кандидата на выборъ противоположной партіи, въ родѣ того, какъ дѣлаетъ фокусникъ съ картами, и добиться того, чтобы эта партія выста-

вила и предложила его,—как лице собственного свободного выбора. Эта хитрость удавалась нѣсколько разъ. Дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ сему служить распространеніе слуха, что предлагаемый въ папы кардиналь предлагается противной партіи чисто ради вѣжливости, а не ради необходимости. Кардиналь Фарнезе, который, не бывъ самъ никогда папою, возвелъ въ санъ папы пять кардиналовъ, и славился особеннымъ искусствомъ въ управленіи конклавами, навязалъ своего фаворита противной партіи на конклавѣ, наименовавшемъ Климента XIII, именно тѣмъ самымъ способомъ, о которомъ мы сказали выше, т. е. дѣйствуя въ означенномъ случаѣ какъ фокусникъ съ подтасованными картами. Послѣ разныхъ неудачныхъ попытокъ, Фарнезе предложилъ кардиналу Алессандрино избрать въ папы одно изъ трехъ лицъ, имъ поименованныхъ. Алессандрино, начинавшій скучать заключеніемъ и скуднымъ столомъ въ конклавѣ, принялъ предложеніе, и Фарнезе назвалъ Буонкампаньи и еще двоихъ кандидатовъ. Такъ какъ послѣдніе имѣли меньше шансовъ на успѣхъ, сравнительно съ Буонкампаньи, то Алессандрино избралъ его,—и Буонкомпаньи сдѣлался папою подъ именемъ Климента XIII. Изъ такой тонкой игры, какъ означенная, ясно видно, что всеобщая настоящая вѣжливость служить самымъ надежнымъ союзникомъ при папскихъ выборахъ. По указаніямъ трактатовъ, составленныхъ конклавистами, каждый кардиналь прежде всего долженъ зоботиться о томъ, чтобы быть возможно вѣжливымъ и учтивымъ со всѣми, даже съ отъявленными врагами, и что только въ такомъ случаѣ можно всегда имѣть къ нимъ доступъ, и со временемъ пріобрѣсти кого-либо изъ нихъ на свою сторону. Аццолино въ числѣ прочихъ конклавовъ считаетъ особенно образцовыми два конклава: одинъ, на которомъ былъ избранъ Григорій XIV, а другой, избравшій Маркелла II. Изъ перваго онъ дѣлаетъ такой выводъ: если вашъ противникъ настаиваетъ на выборѣ кандидата съ дурною нравственностію, то членовъ конклава можно отстранить отъ такого выбора, предложивъ имъ другаго кандидата, который еще хуже; тогда они сразу начнутъ колебаться въ подачѣ своихъ голосовъ, и кончатъ тѣмъ, что выберутъ изъ своей среды лучшаго.

На конклавѣ, избравшемъ Григорія XIII, испанскіе кардиналы упорно настаивали на выборѣ кардинала Палеотто, въ сущности не хорошаго человѣка, до тѣхъ поръ, пока кардиналь Монтальте

не предложилъ имъ кардинала веронскаго, который былъ еще хуже, и тогда испанцы отказались дѣйствовать въ пользу Палеотто. На другомъ конклавѣ, по мнѣнію Аццолино, тоже образцовомъ, былъ избранъ Маркелль II, имѣвшій впрочемъ на своей сторонѣ небольшой кружокъ вѣрныхъ друзей. Назначивъ однажды тайное собраніе, его друзья явились на оное съ спискомъ всѣхъ кардиналовъ въ рукахъ; за тѣмъ начали поочередно обсуждать каждаго кардинала, его карьеру, настоящее положеніе и т. п. Разобравши, такъ сказать, по ниточкѣ всѣхъ кардиналовъ, члены этого тайнаго внутренняго конклава, стали нападать на нихъ, и забаллотировывать поочередно то одного, то другаго, и при этомъ дѣйствовали съ такимъ искусствомъ и ловкостію, что, въ концѣ концовъ, папой остался Маркелль.

III.

Въ подтвержденіе и поясненіе вышеуказанныхъ тонкостей и уловокъ, употребляемыхъ на каждомъ конклавѣ, приведемъ нѣсколько примѣровъ. Возьмемъ напр. случай избранія Евгенія IV. Папа Мартыанъ V, подъ окнами котораго флорентійскіе мальчики обыкновенно пѣли:

*Papa Martino
non vale un quattrino*

т. е. папа Мартыкъ не стоитъ ни гроша,—умеръ 20 февраля 1430 года. Папскія владѣнія были заняты непріятельскою арміею, и повсюду въ Европѣ чувствовался кризисъ. Священная коллегія рѣшила, что событія требуютъ папу энергическаго и дѣятельнаго. Римская партія интриговала въ пользу кардинала Колонны,—венеціанская стояла за кардинала Дель-Порто, флорентійская хотѣла кардинала Сана-Паоло. Одинъ только кардиналъ единодушно былъ признанъ всѣми совершенно неспособнымъ къ правленію, именно кардиналъ Кондолиньери. Конклавъ по этому случаю собрался въ монастырѣ Sancta-Maria della Minerva, и такъ какъ партіи Орсини и Колонны, равно какъ флорентійская и римская, никакъ не могли согласиться между собою, то естественно желали выиграть время, чтобы такъ или иначе рѣшить избраніе папы. Между тѣмъ, по одному изъ параграфовъ буллы требовалось, чтобы ежедневно происходили двѣ баллотировки, и потому карди-

налы каждой партіи старались приискать такого кандидата, за котораго въ теченіе нѣкотораго времени, было бы можно безопасно подавать свои голоса. Всѣ партіи, незнакомыя одна съ другою, руководимыя единственно чувствомъ единоплеменнаго презрѣнія, остановились на кардиналѣ Кондолинъери; и такъ какъ, при самой первой баллотировкѣ, въ его пользу оказалось значительное большинство голосовъ, то Кондолинъери и былъ избранъ подъ именемъ папы Евгенія IV. Въ этомъ случаѣ искусники, увлекшись одною идеею, понались въ свои собственныя сѣти. Избраніе Николая V происходило по смерти Евгенія IV, 23 февраля 1447 года. Собраніе конклава по сему случаю происходило въ спальньихъ комнатахъ Доминиканскаго монастыря Минервы. Кельи кардиналовъ были сдѣланы не изъ дерева а изъ полотна, и освѣщены восковыми свѣчами. Кардиналовъ присутствовало только осмнадцать, по сему для избранія требовалось двѣнадцать голосовъ. Римская партія союза желала въ папы кардинала Проспера Колонну. При первой баллотировкѣ—Просперъ Колонна имѣлъ за себя 10 голосовъ, и его избраніе казалось почти несомнѣннымъ. На другой день конклава, при баллотировкѣ, въ пользу его оказалось опять десять голосовъ, и только недоставало двухъ; получивъ ихъ при второй баллотировкѣ, онъ могъ быть папою. Тогда въ дѣло вмѣшалась французская партія, и обратилась къ кардиналамъ съ просьбою, въ виду критическаго положенія Рима, поскорѣе покончить дѣло.—*Такъ какъ кардиналъ Колонна, говорилъ глава оной,—имѣетъ 10 голосовъ, то сдѣлаемъ его папою. Если еще одинъ кардиналъ пожелаетъ подать за него голосъ, то за нимъ подастъ и другой.* Послѣ нѣкотораго колебанія,—Тома де-Варцена, кардиналъ болонскій, имѣвшій за собою только три голоса, всталъ для подачи голоса въ пользу Колонны. Кардиналъ отрантскій остановилъ его слѣдующими словами: *Погодите, спѣшить не нужно, мы дѣлаемъ великое дѣло; мы обыкновенно мало видимъ, если не всматриваемся пристально.* Кардиналъ аквилейскій съ гнѣвомъ воскликнулъ на это: *твои слова клянутся къ тому, чтобы забаллотировать Колонну.* Кардиналъ болонскій сказалъ: *Вы правы кардиналъ отрантскій! Я подаю свой голосъ за того, кто самъ удобенъ.—Въ такомъ случаѣ я подаю голосъ за васъ, кардиналъ болонскій,—воскрикнулъ кардиналъ отрантскій! Я слѣдую также вамъ потому примѣру,* сказалъ на это кардиналъ аквилейскій. *И я такъ*

же, и я также, воскликнули другіе. Когда же набралось одиннадцать голосовъ, то всталъ кардиналь Сане Сіесто и сказалъ: *Θομι Сорцонскій, и я также дѣлаю тебя папою въ этотъ день, накануне памяти св. апостола Θοмы.*—Окна конклава затѣмъ открылись и кардиналь Колонна возвѣстилъ народу новаго папу подь именемъ Николая V.

По смерти Николая V, въ 1455 году, въ продолженіе двухъ лѣтъ, былъ папою Каллисть III; по смерти его открылся конклавъ, кончившійся избраніемъ Энея Силвія Пикколомини, папствовавшего подь именемъ Пія II. Этотъ конклавъ собрался въ апостольскомъ дворцѣ, близъ собора св. Петра, въ которомъ находились два боковыхъ зданія съ капеллами. Въ одномъ были устроены кельи для кардиналовъ, —а въ другомъ, комнаты для совѣщаній и баллотировки.

Число кардиналовъ на конклавѣ опять простиралось до 18, поему для успѣха избранія требовалось 12 голосовъ. Кардиналь Роганъ, кандидатъ французской партіи, на второй день получилъ 11 голосовъ. Въ теченіи слѣдующей ночи были употреблены всевозможныя усилія, чтобы склонить Пикколомини подать свой голосъ за кардинала Рогана; но онъ отказался, и созвавши италіянскихъ кардиналовъ, убѣждалъ ихъ уничтожить происки французской партіи;—послѣ чего сразу подали за него семь италіянскихъ кардиналовъ. Утромъ случилось такъ, что кардиналь де-Роганъ самъ былъ повѣрщикомъ при баллотировкѣ, и когда Пикколомини, подавши голосъ, отходилъ отъ престола, кардиналь Роганъ спросилъ его: *„подали ли вы за меня вашъ голосъ“?*—*Что значитъ здѣсь,* отвѣчалъ Пикколомини, *такой червякъ какъ я;*—а когда началась провѣрка билетовъ, то оказалось, что Пикколомини имѣеть девять голосовъ, а Роганъ только шесть. Началась баллотировка per accessum. Кандидаты заняли свои мѣста въ молчаніи, съ безпокойствомъ наблюдая другъ за другомъ. Роганъ судорожно перебиралъ кружева своей мантии; Пикколомини свергивалъ изъ бумаги трубочки, бросая въ тоже время на нервѣшительныхъ кардиналовъ многообѣщающіе взгляды. Родриго Бордонія отвѣтилъ на одинъ изъ этихъ взглядовъ и всталъ сказавши: *Cardinalem accedo,*—т. е. *я подаю за васъ мой голосъ.* Въ собраніи господствовало мертвое молчаніе и тишина. Пикколомини имѣлъ десять голосовъ. Два кардинала, чтобы замедлить выборъ, вста-

ли и оставили залу. Но эта хитрость не повела ни къ чему;— всталъ еще кардиналъ и также подалъ голосъ за Пикколомини. Все еще недоставало одного голоса. Напряженность ожиданія возрасла въ высшей степени, какъ неожиданно всталъ кардиналъ Колонна. Роганъ и Бессарианъ, чтобы остановить, схватили его за края одежды, но это не повело ни къ чему, потому что Колонна громко воскликнулъ съ своего мѣста: *и я также даю свой голосъ за кардинала Сиенскаго и дѣлаю его папою!*

Впрочемъ искусство управленія конклавами достигло высшей степени совершенства только въ срединѣ и концѣ 16 столѣтїя. Италия, Австрія и Франція въ то время вели между собою борьбу за первенство въ Европѣ. Партіи Фарнезе и Медичи спорили между собою за преобладаніе въ дѣлахъ Италии, и влѣдствіе непрестанно слѣдовавшаго выбора новыхъ папъ, коллегія кардиналовъ такъ усилилась въ своей численности, что нерѣдко конклавы состояли изъ пятидесяти или шестидесяти кардиналовъ.

Не излишне замѣтить здѣсь, что съ сентября 1590 до января 1591 г., въ теченіи 16 мѣсяцевъ, конклавъ почти не отмѣнялся; потому что за все это время, священная коллегія собиралась четыре раза по случаю кончины четырехъ папъ. Первый папа, избранный въ это время Урбанъ VII, былъ избранъ въ папы сентября 15, а умеръ 27 числа того же мѣсяца. Григорій XIV жилъ только 10 мѣсяцевъ послѣ своего избранія. Иннокентій IX былъ папою только одинъ мѣсяць; а послѣдній, избранный изъ четырехъ, Климентъ VIII; жилъ 14 лѣтъ. За нимъ былъ избранъ Левъ XI, папствовавшій только три недѣли.

Всѣ вышеозначенныя конклавы были большею частію отчаянными дипломатическими битвами, на которыхъ съ той и другой стороны сражались съ напряженнымъ мужествомъ. На нихъ не только пускалась въ ходъ хитрость, коварство и всевозможныя уловки, но иногда даже прибѣгали къ насилію. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на этихъ конклавахъ былъ кардиналъ Монгалто, племянникъ Сикета V, постоянно дѣйствовавшій съ успѣхомъ въ возведеніи своихъ фаворитовъ на папскій престолъ. Конечно, подробное изученіе этихъ конклавовъ не возможно безъ тщательнаго и глубокаго изслѣдованія тогдашней европейской политики; но и изъ бѣглого обзора оныхъ видно, что—свыше человѣческой проныцательности, заранѣе предугадать, кто будетъ избранъ папою

на томъ или другомъ конклавѣ. Если вы положите пятьдесятъ ушей въ корзину съ водою, то нужно быть слишкомъ увѣреннымъ, чтобы держать пари за того или другаго изъ нихъ, что онъ непременно прежде прочихъ выползетъ на твердую почву, — такъ и на конклавахъ; кардиналъ, обыкновенно считавшійся послѣднимъ до конклава, дѣлается въ большей части случаевъ папою послѣ конклава.

Кельнскій конгрессъ.

Конгрессъ старокатоликовъ въ Кельнѣ, съ 19 по 22 сентября, 1872 г. по словамъ октябрьской книги журнала *L'union chrétienne*, былъ очень блестящъ. Кромѣ депутатовъ отъ всѣхъ комитетовъ и приходовъ, которыми владѣютъ старокатолики, на немъ присутствовало нѣсколько депутатовъ отъ Петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія, епископы Мариланда, Линкольна и Ели, и множество другихъ членовъ различныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Безъ преувеличенія можно сказать, что конгрессъ былъ столько же серьезенъ, сколько и блестящъ. Прежде Кельнскихъ засѣданій происходили частныя засѣданія въ Боннѣ; и на этихъ засѣданіяхъ, въ которыхъ принимали участіе главные вожди старокатолическаго движенія всѣхъ странъ, были подвергнуты серьезному обсужденію всѣ вопросы, характеризующіе это движеніе. Чтобы правильно судить о важномъ значеніи заявленій Кельнскаго конгресса, пужно держаться не одного только текста программы, но, при этомъ, и въ особенности обращаться къ докладамъ онаго, и къ объясненіямъ, которыя они вызвали.

Сколько для поверхностнаго взгляда все это окажется мало-значительнымъ, сколько же опытный взоръ богослова увидить во всемъ этомъ сѣмя, изъ котораго должны произрасти самыя важныя послѣдствія.

Старокатолики очутились лицомъ къ лицу съ двоякимъ затрудненіемъ; одно изъ нихъ зависѣло отъ нерѣшительности германскихъ правительствъ въ отношеніи къ старокатоликамъ; другое происходило отъ невѣжества народа. Дѣйствительно, съ одной

стороны дѣло шло о томъ, чтобы не потерять правъ, которыми владѣють старокатолики, по тексту конкордатовъ, касательно пользованія церквами и приходами, равно какъ участія въ бюджетѣ; такъ какъ лишиться этихъ средствъ—значило бы передать ихъ въ руки ультрамонтанъ и унизить свое официальное положеніе въ такой странѣ, въ которой связи церкви и государства еще очень сильны. Съ другой стороны дѣло шло о томъ, чтобы избѣжать всякаго неблагоразумнаго заявленія, которое могло бы подать народу мысль, что старокатолики перемѣняютъ религію, отказываются отъ своей церкви, разрываютъ связь со всѣмъ своимъ прошлымъ и всѣми своими западными преданіями; — въ чемъ конечно, весьма легко могли бы убѣдить народъ ультрамонтане.

Нужно отдать справедливость конгрессу, что онъ вель дѣло съ большимъ благоразуміемъ и опытностію. Не оказывая уступокъ ни правительствамъ, ни ультрамонтанамъ, онъ тѣмъ не менѣе двинулся впередъ, и сдѣлалъ такія заявленія, которыя не только не заграждаютъ пути будущему, но уготовляютъ оное въ смыслѣ великой реформы. Это не то значить, чтобы конгрессъ разсѣялъ всѣ недоумѣнія въ возбужденныхъ на ономъ религіозныхъ вопросахъ. Совсе нѣтъ; но онъ, по крайней мѣрѣ, не оставилъ возможности этому мраку сдѣлаться въ послѣдствіи препятствіемъ. Потому что, когда явился передъ нимъ вопросъ—утвердить предложеніе реформы, по его мнѣнію, преждевременной въ настоящихъ обстоятельствахъ, онъ поостерегся заявить, что осуждаетъ эту реформу въ принципѣ, но ограничился заявленіемъ некомпетентности оной въ настоящее время, вслѣдствіе недостаточнаго числа находящихся на немъ епископовъ, и даже не захотѣлъ осудить тѣхъ, которые заявили свое желаніе немедленно идти впередъ, несмотря на очевидную важность вопросовъ.

Неоспоримо, что на Мюнхенскомъ конгрессѣ сдѣлали большой шагъ впередъ. Въ Мюнхенѣ ограничились указаніемъ на Трентскій соборъ противъ сторонниковъ собора Ватиканскаго; и, заявивъ искреннѣе желаніе и возможность къ соединенію съ прочими христіанскими обществами, особенно съ Восточною церковію, — оставили всѣ прочіе вопросы, даже самые практическіе и крайне необходимыя, въ неопредѣленномъ, предварительномъ ихъ положеніи. Рѣшенія, принятыя касательно организаціи приходовъ,

не были возведены на высоту принципа, и, въ глазахъ общества, казались не болѣе, какъ мѣрами, вынужденными обстоятельствами. Говорить въ это время о какомъ либо епископѣ и новой іерархіи, казалось такою дерзостію, за которую большинство старокатоликовъ могло бы дорого полатиться, какъ схизматики. Заявленіе, что современная Римская церковь находится въ ереси, и что, слѣдовательно, она не есть истинная католическая церковь, считалось тогда такимъ предложеніемъ, которое осмѣлились бы подписать развѣ немногіе члены конгресса.

Не то въ настоящее время. — Теперь поняли и освоились съ мыслию, что всякая церковь, проповѣдующая въ своемъ символѣ вѣры существенно еретическое ученія, и официально налагающая оное на своихъ членовъ подѣ страхомъ вѣчнаго осужденія, сама есть еретическая. Поняли, что официальная іерархія такой церкви не есть истинно католическая іерархія; что папа, епископы и священники оной, не сохранивъ въ чистотѣ и цѣлости залога врученнаго имъ Христомъ, именно вслѣдствіе своей измѣны, перестали быть истинными христовыми посланниками. Поняли, что они потеряли всякую законную юрисдикцію, и что вслѣдствіе того, необходимо учредить новую іерархію, или, лучше продлить старую католическую іерархію посредствомъ выбора и посвященія новыхъ епископовъ.

Сторонники *statu quo*, высказавшіеся въ прошломъ году противъ принципа организаціи приходовъ, естественно высказались въ настоящемъ году противъ принципа избранія епископовъ. Но несмотря на все уваженіе, питаемое конгрессомъ къ ихъ особамъ, преимущественно же къ особѣ М. Деллингера, они не успѣли въ настоящемъ году, какъ и въ прошломъ. Нельзя не отнестись съ особеннымъ сочувствіемъ къ твердости, выказанной при этомъ гг. Шульте, Фридрихомъ и Масномъ.

Конгрессъ, въ своихъ трудахъ, посвятилъ довольно времени на обсужденіе мѣръ организаціи и администраціи, необходимыхъ, по его мнѣнію, для распространенія анти-римскихъ ученій и успѣха движенія. Хотя эти мѣры и касаются преимущественно Германіи, въ особенности Мюнхенскаго и Кельнскаго комитетовъ, — однако мы должны упомянуть объ учрежденіи комиссіи, составленной по меньшей мѣрѣ изъ семи членовъ, въ числѣ которыхъ два канониста и три богослова. которая должна въ ско-

ромъ, по возможности, времени, выбрать епископа, и договориться съ правительствомъ и дѣйствующими комитетами о всемъ, что касается положенія этого епископа.

Конгрессъ нарочито заявилъ, что этотъ епископъ будетъ выбранъ и посвященъ въ *возможно скоромъ времени*, такъ какъ понимасть, что безъ епископа старокатолики не могутъ произвести съ достаточнымъ авторитетомъ ни малѣйшей законной реформы въ вопросахъ церковной дисциплины, и что, съ другой стороны, онъ глубоко чувствуетъ необходимость предстоящихъ реформъ. Очевидно эти реформы будутъ въ антиультрамонтанскомъ смыслѣ, и будутъ проникнуты тѣмъ духомъ, который одушевлялъ собою соборы древней католической церкви первыхъ вѣковъ. Профессоръ Фридрихъ въ задушевной, съ глубокимъ сочувствіемъ принятой рѣчи, перечислилъ нѣкоторыя изъ этихъ реформъ, по его мнѣнію, самыхъ необходимыхъ, и его рѣчь возбудила много отрадныхъ надеждъ на будущность.

Затѣмъ конгрессъ занялся вопросомъ о воссоединеніи различныхъ христіанскихъ обществъ, и съ цѣлю подготовки предварительныхъ по сему вопросу трудовъ, учредилъ особенную комиссію, которая будетъ имѣть непосредственныя сношенія съ имѣющими быть учрежденными комиссіями у православныхъ, англичанъ, протестантовъ для обсужденія спорныхъ вопросовъ. Со стороны старокатоликовъ эта комиссія составлена изъ президента—Деллингера, секретаря—Фридриха, гг. Лангена, Лутгербека, Мишо, Михелиса, Рейнкенса, Рейша, Ротгельса. Шульте. Секретаремъ православной Петербургской комиссіи назначенъ А. А. Кирѣевъ, — а Англиканской — Лордъ У. Гервей. Протестанты не устроили еще своей комиссіи, но профессоръ Блюнчли подалъ надежду, что они не замедлятъ учредить ее.—Чтобы по возможности, придти къ соглашенію съ ними, на первомъ засѣданіи было рѣшено, что различныя комиссіи начнутъ свои труды на слѣдующемъ троякомъ основаніи: 1) Вѣра во Иисуса Христа,—Богочеловѣка необходима для спасенія; 2) Иисусъ Христосъ учредилъ единую церковь; 3) Всякій вѣрующій въ эту церковь долженъ вѣровать въ то, во что вѣровали всегда, повсюду и всѣ. Разумѣется, что комиссіи не имѣютъ никакого церковнаго авторитета въ рѣшеніяхъ, къ которымъ, онѣ придутъ, но имѣютъ просто научный характеръ,—и ихъ рѣшенія будутъ обязательныя

лишь только тогда, когда будутъ утверждены Вселенскимъ соборомъ. Мы должны привести здѣсь слѣдующія два очень важныя замѣчанія.

Во первыхъ, старокатолики, соглашаясь на пересмотръ ученія Западныхъ соборовъ, и заявивъ, что они расположены предварительно откинуть отъ этого ученія все, что, по изслѣдованіи, окажется ложнымъ, тѣмъ самымъ, какъ бы невольно признають, что не считаютъ истинными членами вѣры, обязательными для совѣсти, ученія, утвержденныя на означенныхъ соборахъ. А, съ другой стороны, они вмѣстѣ съ православными подтверждаютъ фактъ *вселенности* (оесменіснтіе) первыхъ семи соборовъ. Епископы Мариланда и Ели, не какъ представители своей церкви, но лично отъ себя, заявили старокатоликамъ и православнымъ, что въ настоящее время они согласны признать шесть первыхъ соборовъ.

Второе замѣчаніе, которое мы желаемъ привести, касается не только единомыслія въ вѣрѣ, но и единосердечія въ молитвѣ и участія въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ. М. Аббатъ Мишо, въ концѣ своей рѣчи, произнесенной по вопросу о воссоединеніи, предложилъ конгрессу одинъ вопросъ, касающійся преимущественно дѣйствительнаго положенія Парижскихъ старокатоликовъ.

„Подумайте о томъ, говорилъ онъ, обращаясь къ конгрессу, какъ бы дать возможность вашимъ братьямъ—старокатоликамъ, которые, не желая отвергнуть всѣ ученія, утвержденныя западными соборами, тѣмъ не менѣе доселѣ признають вселенскими только семь первыхъ соборовъ,—дать возможность, именно вслѣдствіе общенія вѣры, водворяемаго этимъ признаніемъ между ними и восточною церковію, — присутствовать при богослуженіяхъ и принимать таинства въ храмахъ этой церкви, когда они находятся въ состояніи необходимости, и при томъ не имѣють своей собственной капеллы!“

Президентъ конгресса сначала отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ признаетъ за старокатоликами право присутствовать при литургіи въ вышеупомянутыхъ храмахъ и принимать таинства крещенія и елеосвященія; но касательно принятія другихъ таинствъ высказался отрицательно. Когда же мнѣніе президента вызвало возраженія, онъ сказалъ, что выразилъ только личное свое мнѣніе, и, какъ полагаетъ, мнѣніе большинства конгресса, но на са-

момъ дѣлѣ не считаетъ себя вправѣ пренятствовать старокатоликамъ относительно причастія и исповѣди въ храмахъ восточной церкви въ случаяхъ необходимости, и при немѣннѣи священника изъ старокатоликовъ. „Такимъ образомъ, прибавилъ онъ, конгрессъ не желаетъ осуждать старокатоликовъ, дѣйствующихъ такимъ образомъ и при такихъ условіяхъ?“ На это многочисленныя голоса отвѣчали: „нѣтъ! нѣтъ!“

Это заявленіе служитъ доказательствомъ глубокаго желанія со стороны конгресса поспѣшить, въ единствѣ вѣры и любви, дѣломъ воссоединенія, которое началось такъ искренно, и обѣщаетъ въ будущемъ такіе богатые результаты.

Нѣсколько воспоминаній изъ жизни Неандера.

Извѣстный германскій ученый, знаменитый авторъ церковной исторіи, Августъ Неандеръ родился въ 1789 году, а скончался въ 1850 году. Двадцать лѣтъ прошло со времени его кончины—но и доселѣ память объ немъ жива между его соотечественниками, особенно учащимся университетскимъ юношествомъ; еще доселѣ съ благодарностію вспоминаютъ молодые люди о немъ, какъ о своемъ *отцѣ* и съ любовію передаютъ одинъ другому факты изъ его жизни, какъ доказательство его необыкновенной дѣятельности, простодушія, добросердечія, нѣжной и дѣятельной любви къ своимъ *дѣтямъ*, своимъ студентамъ. Драгоцѣнные ученые труды д. Ав. Неандера, преимущественно по церковной исторіи, имѣютъ значеніе не для одной только Германіи но и для всей Европы, для всѣхъ главныхъ центровъ интеллектуальнаго развитія учащагося и воспитывающагося юношества; потому мы думаемъ, что и для нашихъ читателей не безынтересно будетъ ознакомиться съ нѣкоторыми фактами изъ жизни свѣтлой личности Неандера. Мы заимствуемъ означенныя свѣдѣнія въ извлеченіи изъ Англійскаго журнала: *The Christian Work*. Статья помѣщенная въ двухъ первыхъ книгахъ журнала за 1870 годъ носитъ названіе: *Neander's last birthday* (последній день рожденія Неандера), но мы, дѣлая извлеченія, находимъ удобнѣе назвать се воспоминаніями изъ жизни Неандера.

Извѣстно, сообщаетъ означенный журналъ, что знаменитый германскій ученый отличался недостаткомъ, свойственнымъ многимъ гениальнымъ людямъ, именно разсеянностію,—и въ доказательство этого приводитъ два слѣдующихъ забавно-трогательныхъ анекдота изъ его жизни.

Однажды прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ, питавшій глубокое уваженіе къ благочестивому и ученому Неандеру, пригласилъ его ѣхать съ собою къ Карлсбадъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ не бралъ съ собою никакой поклажи. Король былъ вполне увѣренъ, что если онъ и возьметъ съ собою что-нибудь, то это, безъ всякаго сомнѣнія, будутъ творенія отцевъ церкви, и вотъ королевскій камердинеръ долженъ былъ доставлять ему все необходимое въ дорогѣ. Утромъ въ день назначенный для отправленія въ путь, Анхень, нѣжно любящая сестра и всегда вѣрный другъ Неандера, проводила его на станцію. Неандеръ явился предъ королемъ въ толстомъ, туго набитомъ пальто. „Дорогой профессоръ, воскликнулъ съ улыбкою король, на дворѣ такая страшная жара, а вы въ такомъ толстомъ пальто! Посмотримъ, что здѣсь такое? Ба! въ одномъ карманѣ отецъ, въ другомъ тоже; всѣ карманы набиты *отцами церкви*. Больше чѣмъ нужно для добраго чемодана“.

— Небольшой запасъ чтенія на дорогу, ваше величество.

— Безъ сомнѣнія, этого запаса хватитъ на мѣсячное путешествіе. Но я знаю, какъ устроить дѣло; вашъ бѣдный государь долженъ дать мѣсто отцамъ, потому что онъ не имѣетъ счастья быть переплетеннымъ въ кожу, сказалъ король съ своею ласковою улыбкой; и за тѣмъ обратился къ камердинеру съ словами: „Шенингъ, позаботьтесь о легкой литературѣ г. профессора; я боюсь какъ бы не отвѣчать предъ студентами за то, что позволилъ ихъ дорогому *отцу* задохнуться до смерти въ его новоустроенной библіотекѣ“.

Во время пути, бѣдный Неандеръ имѣлъ неоднократный случай пожалѣть объ отсутствіи своего вѣрнаго ментора, своей Анхень. Во время остановки на одной изъ станцій, отыскивая карандашъ и кусокъ бумаги, онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько запечатанных писемъ. Станціонный смотритель, не зная, что онъ принадлежалъ къ королевской свитѣ, неожиданно замѣтилъ

ему: „Милостивый государь, вы возите съ собою запечатанныя письма, и подлежите за это штрафу“.

— Возможно ли? Я не зналъ, что запрещено возить съ собою запечатанныя письма?—Неандеръ съ тяжелымъ вздохомъ заплатилъ штрафъ; какъ бы хорошо онъ могъ употребить эту сумму на вспоможеніе нѣсколькимъ бѣднымъ студентамъ.

На слѣдующей станціи та же самая исторія, тѣже самыя запечатанныя письма—и новый платежъ штрафа.

— Но, замѣтилъ второй смотритель, всѣ эти письма адресованы къ одному и тому же лицу — къ профессору Неандеру въ Берлинъ.

— Да, это мое имя.

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы ихъ не распечатаете и не прочтете?

— О! Это всегда дѣлаетъ за меня Анхенъ, а ея теперь здѣсь нѣтъ...

Мы уже сказали, продолжаетъ журналъ, какъ высоко цѣнилъ Фридрихъ Вильгельмъ Неандера. Король любилъ собирать вокругъ себя въ Елизаветинской гостинной нѣкоторыхъ замѣчательно ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Неандеръ былъ приглашенъ однажды въ Шарлоттенбургъ на одно изъ этихъ собраний, къ вечернему чаю. Анхенъ, самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣла весь его туалетъ. — Ну, теперь, Августъ, вамъ остается только надѣть орденъ и вы совсѣмъ готовы явиться ко двору.

— Орденъ?!

— Да, орденъ, которымъ васъ собственноручно украсилъ король; куда же вы его дѣли?

— Не знаю, Анхенъ, я думаю, что можно отправиться и безъ ордена.

— Этого вы никогда не сдѣлаете, Августъ; это будетъ нарушеніемъ придворнаго этикета и, кромѣ того, можетъ отзываться неуваженіемъ къ милости короля. Поскорѣе, сейчасъ пріѣдетъ за вами придворный экипажъ. Дорожея, помоги мнѣ отыскать орденъ, а ты, Карлъ, бѣги къ профессору Штраусу, передай ему мое почтеніе и *попроси его одолжить намъ на время его орденъ, потому что мы потеряли свой.* — Неандеръ садится за книгу, тогда какъ Анхенъ и горничная ищутъ его вездѣ по

комнатъ. Сначала поиски были безуспѣшны, наконецъ Дороеи вытаскиваетъ изъ стариннаго фолианта выцвѣтшую шелковую ленточку съ привязаннымъ орденомъ. Неандеръ употребляетъ его, какъ закладку, въ твореніяхъ св. Амвросія. Прочіе ордена украшали собою другіе фолианты.

Послѣ этого случая Анхень сама уже прибирала ордена, и клала ихъ подъ замокъ и ключъ, когда они не нужны были Неандеру.

Вотъ анекдотъ о страстной любви Неандера къ чтенію, за которымъ онъ верѣдко забывалъ и самаго себя, и все окружающее.

Въ кабинетъ Неандера обыкновенно стояла лѣстница, которою онъ пользовался для снятія книгъ съ верхней полки; ему нужно было однажды свѣриться съ одною книгою, стоящею на верху, и онъ думалъ прочесть только нѣсколько строчекъ, но такъ заинтересовался книгою, что стоя на верхней ступени лѣстницы, читалъ оную страница за страницю. Когда ноги его достаточно отяжелѣли, онъ замѣтилъ неудобство своего положенія. А, ба! верхушка камина, рядомъ съ полкою: вотъ прекрасное мѣстечко постдохнуть. Неандеръ вскарабкался на каминъ, и лѣстница съ шумомъ упала на кипы книгъ. Ученый на каминѣ ни мало не заботится объ этомъ; онъ такъ углубился въ чтеніе, что даже не замѣчаетъ, какъ Анхень вошла въ его кабинетъ пригласить его съ собою на обычную полуденную прогулку. Анхень, чрезвычайно близорукая, не могла замѣтить своего брата — въ его необыкновенномъ креслѣ. Она ищетъ его въ спальнѣ, въ комнатахъ своей племянницы, Еммы Штольцъ, жившей въ верхнемъ этажѣ, и все напрасно. Въ сильномъ безпокойствѣ она поднимаетъ тревогу во всемъ домѣ, но никто не видалъ, какъ выходилъ изъ дома профессоръ. Къ вечеру Анхень сдѣлалась еще безпокойнѣе; наконецъ, когда стало смеркаться, изъ кабинета послышался дорогой, хорошо знакомый голосъ: „Анхень! Анхень!“ Не можетъ быть; развѣ она не пересмотрѣла всѣ углы комнаты?

— Августъ, гдѣ вы? — „Здѣсь на каминѣ, я читалъ немного Василія, но теперь становится темно, и я не могу сойти съ камина, потому что лѣстница упала“.

Вотъ какъ, по словамъ статьи журнала, Неандеръ въ послѣдній разъ проводилъ праздникъ дня своего рожденія. Мы остано-

вимся на этомъ подробнѣе, потому что въ описаніи этого праздника яркимъ образомъ отражается внутренняя жизнь Неандера и его отношенія какъ къ сотоварищамъ по наукѣ, такъ и къ своимъ студентамъ. Рано утромъ въ день его рожденія, 16 января, Анхень вошла въ его кабинетъ, и съ улыбкою обратилась къ нему: „Ступайте скорѣе, Августъ; посмотрите, что я для васъ приготовила“; и за тѣмъ она ведетъ Неандера въ залу. На освѣщенномъ столѣ, украшенномъ цвѣтами, лежитъ нѣсколько старыхъ фоліантовъ — рѣдкія древнія изданія нѣсколькихъ отцевъ церкви. Это неизмѣнный подарокъ отъ сестры брату въ рождественскіе праздники и въ дни рожденія Неандера. — „Ахъ, Анхень, какой прекрасный подарокъ! Мой драгоценный Григорій Назіанзинъ и Іеронимъ въ такихъ рѣдкихъ, такихъ чистыхъ изданіяхъ;“ и въ глазахъ Неандера отразилось удовольствіе. — „Что-же другое я могу подарить вамъ, Августъ? Вы ничѣмъ не дорожите кромѣ этихъ дурныхъ старыхъ фоліантовъ съ ихъ могильнымъ запахомъ. Но нашъ другъ, Коттвицъ, ошибается, когда говоритъ, что вы имѣете одну только страсть; ваша другая, или, лучше сказать первая страсть, это студенты. Впрочемъ я не имѣю нужды дарить васъ студентами; они охотно отъ всего сердца пожертвуютъ жизнію за своего Неандера“. Анхень со слезами на глазахъ улыбается. На столѣ, съ подарками, лежатъ двѣ свѣжихъ вѣтки тисоваго и бакаутоваго дерева, для могилы ихъ матери и ихъ сестры Генріетты. — Генріетта была замужемъ за совѣтникомъ посольства, и умерла въ домѣ Неандера.

— Бѣдная Бетти! задумчиво говоритъ Анхень, вспоминая о другой сестрѣ. Бетти и еще братъ Неандера, уже съ давняго времени, находятся на излѣченіи въ больницѣ для страдающихъ растройствомъ умственныхъ способностей.

— Господь устрояетъ все, восклицаетъ Неандеръ, складывая свои руки и устремляя взоръ къ небу.

— А! Господинъ Фамуль, восклицаетъ Анхень, обращаясь къ молодому студенту богословія, который входитъ въ залу съ выраженіемъ своихъ благожеланій Неандеру на день его рожденія. Опираясь на его руку, Неандеръ возвращается въ свой кабинетъ. Съ шести до 10 часовъ утра онъ обыкновенно занятъ тщательнымъ приготовленіемъ своихъ трехъ лекцій, которыя читаетъ съ 10 часовъ утра до 1 часа пополудни. Предметы его

преподаванія — Новый Завѣтъ, за исключеніемъ Апокалипсиса, Догматическое Богословіе и главныя отрасли историческаго.

Бьетъ 10-ть; время отправляться въ Университетъ. Г. Фамуль снимаетъ съ вѣшалки ватную шинель и хочетъ набросить ее на плечи Неандера.

— Потрудитесь повѣсить ее опять. Я сегодня утромъ подарилъ ее одному студенту въ честь дня моего рожденія. Его плохая верхняя одежда бросилась мнѣ вчера въ глаза.

— Какъ г. профессоръ! Вы видѣли студентовъ сегодня утромъ до семи часовъ? воскликнулъ въ изумленіи Фамуль.

— О нѣтъ, любезный, я подарилъ ему мою шинель мысленно и теперь, конечно, не могу уже надѣть ее.

— Гдѣ-же новая?

— Новой нѣтъ еще; я долженъ идти въ томъ платьѣ, которое теперь на мнѣ. — И, чтобы рѣшить этотъ затруднительный вопросъ, онъ прибѣгаетъ за рѣшительнымъ совѣтомъ къ своей любящей, всегда находчивой Анхенъ. Въ заключеніе его убѣждаютъ носить шинель, подаренную мысленно, пока не будетъ готова новая. Въ теплыхъ полусапогахъ Неандеръ тихо проходитъ большую улицу къ университету. Университетъ недалеко отъ его дома, но однако въ прежніе годы, прежде чѣмъ съ нимъ жилъ Фамуль, — онъ обыкновенно жаловался на разстояніе — и неудивительно; въ своемъ самозабвеніи (какъ иначе можно назвать это?), вмѣсто того, чтобы идти изъ своего дома направо — откуда оставалось только нѣсколько шаговъ до университета, онъ всегда шелъ на лѣво, и такимъ образомъ дѣлалъ крюкъ, замедлявшій на четверть часа и болѣе его путь. Неандеръ входитъ въ аудиторію. Согнувшись, и съ опущенными глазами, онъ проходитъ на кафедру. Своею правою рукою онъ проводитъ по лбу, какъ бы вмѣсто привѣтствія студентамъ, которые почтительно встали съ своихъ мѣстъ въ честь дня его рожденія. На столѣ лежитъ длинное гусиное, очиненное, перо. Въ продолженіе многихъ лѣтъ студенты ежедневно клали на столъ свѣжее перо, а старое уносилось каждымъ изъ нихъ по очереди на память о дорогомъ профессорѣ. Вертя перо въ рукахъ, съ закрытыми глазами, склонившись къ столу, Неандеръ начинаетъ свою лекцію. Звучный голосъ его такъ полочъ души, что находитъ отголосокъ въ сердцѣ cadaго. Перо въ постоянномъ движеніи; онъ то

вертять его между пальцами, то обрывает его верхушку. При этом ораторъ ежеминутно перемѣняетъ свое положеніе. Онъ опирается, то на правую, то на лѣвую ногу, то снова выпрямляется и обращаетъ свои закрытые глаза назадъ каедрѣ. — Потокъ словъ не прекращается; чистый и богатый, онъ льется прямо изъ горячаго источника его сердца и неотразимо увлекаетъ собою сердца слушателей. Великій и рѣдкій талантъ Неандера состоялъ въ томъ, что онъ дѣйствовалъ на юношество сколько успокоительно, столько-же и освѣжительно. Онъ столько-же воспламенялъ энтузіазмъ, сколько и просвѣщалъ ихъ. Въ одно и то же время онъ училъ, воспитывалъ, очищалъ и укрѣплялъ, и только одинъ онъ могъ поступать такъ, потому что даже въ глубокой, болѣзненной своей старости, онъ тщательно хранилъ свое сердце отъ всякаго душевнаго разстройства и порока.

По субботнимъ вечерамъ, Неандеръ открывалъ свой домъ для студентовъ. Приглашались всѣ и его кабинетъ всегда былъ наполненъ ими. Каждый отыскивалъ себѣ мѣстечко и, обыкновенно, находилъ его на кучѣ старыхъ фоліантовъ. Въ прежніе года Анхевъ стояла въ дверяхъ кабинета на стражѣ, какъ маленькій Церберъ, и тайкомъ считала студентовъ, пока ихъ не соберется семнадцать, Двери затворялись, и приходившіе послѣ безъ милосердія получали отказъ. Причина состояла въ томъ, что студенты, обыкновенно, въ эти вечера угощались чаемъ, а она имѣла только восемнадцать чашекъ. Въ послѣдующее время любовь нашла средства умножить число и чашекъ и студентовъ для этого субботняго вечерняго чаю. Освѣжительно было, въ такихъ случаяхъ, смотрѣть на престарѣлаго Неандера, возсѣдавшаго съ юношескимъ одушевленіемъ въ спокойномъ креслѣ среди студентовъ. Верти въ рукахъ кусочекъ воску, онъ тихимъ, сердечнымъ голосомъ ведетъ съ ними богословскій разговоръ, входитъ въ каждый вопросъ, въ каждую подробность, даже самую ничтожную; и при этомъ онъ всегда простъ, сердеченъ, любящъ, какъ его собственная богословская система, которая существенно сколько примиряетъ человѣка съ самимъ собою, столько же и привлекаетъ. Онъ такъ хорошо умѣетъ и ободрить, и предложить вопросъ тамъ, гдѣ замѣчаетъ даже тѣнь сомнѣнія или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ пониманія. Его окружаетъ какъ будто атмосфера нѣжности; во всѣхъ его словахъ и дѣйствіяхъ — отра-

жается совершенная искренность. Онъ ненавидитъ пустыя фразы общества. Когда онъ желаетъ своему гостю добраго вечера, пожимаетъ ему руку, спрашиваетъ о здоровьи или благодаритъ за какую либо ничтожную услугу, то это не пустая формальность, но протекаетъ отъ чистаго, искренняго сердца. И Неандеръ не ограничивалъ свою любовь къ студентамъ одними только словами; онъ охотно снабжалъ ихъ, даже дарилъ имъ свои книги, которыя составляли для него величайшее сокровище; небогатый самъ, онъ всегда помогалъ бѣднымъ съ трогательною нѣжностію. Изъ любви къ своимъ занятіямъ въ Берлинѣ онъ отказался отъ лучшаго, болѣе доходнаго, профессорскаго мѣста, и при своемъ скромномъ жалованьи успѣлъ открыть общество для вспоможенія больнымъ студентамъ.

Личныя его потребности были невелики. Во время одной тяжелой болѣзни, онъ рѣшительно отказался подкрѣплять себя рейнвейномъ, хотя онъ и отсылалъ по нѣскольку бутылокъ, на свой счетъ, въ квартиры нѣкоторыхъ больныхъ студентовъ. Просьбы, даже приказанія и упреки Анхенъ были бесполезны въ этомъ случаѣ. Только одинъ докторъ могъ заставить непреклоннаго больного употреблять понемногу укрѣпляющій напитокъ.

Но при всемъ этомъ Неандеръ былъ весьма гостеприименъ и почти каждое воскресенье за его обѣдомъ и ужиномъ находилось нѣсколько друзей. Самъ же онъ весьма рѣдко посѣщаль общество, развѣ только по настоянію Анхенъ.

Сегодня, по принятому обычаю и по случаю дня рожденія Неандера, Анхенъ сдѣлала много приглашеній. Кругомъ простаго обѣденнаго стола, въ длинной узкой столовой, размѣстилось около 30-ти человекъ. На первомъ мѣстѣ, глубоко опустившись въ свои покойныя кресла, сидитъ Неандеръ. Онъ только что сейчасъ призвалъ благословеніе на принятіе пищи; слова молитвы были просты, почти дѣтски-искренны, но никто никогда не слыхалъ, чтобы Неандеръ молился безъ торжественнаго, благоговѣйнаго духа. За кресломъ Неандера стоитъ его старый слуга Карлъ, съ салфеткою въ рукахъ; онъ подаетъ своему господину супъ, рѣжетъ говядину, и смотритъ за нимъ во все время обѣда, какъ за слабымъ ребенкомъ. Трогательно видѣть, какъ благодаренъ Неандеръ за каждую малѣйшую услугу; какъ благородно онъ проситъ: „будьте такъ добры, любезный Карлъ“. Даже горькій

опытъ неблагодарности, оказанный прежнимъ слугою, не ожесточилъ его сердце. Прослужившій въ домѣ Неандера десять лѣтъ и осыпанный милостями, этотъ слуга, въ одно прекрасное утро, скрылся изъ дому своего господина со всеѣмъ серебромъ и другими цѣнными вещами; но Неандеръ никакъ не хотѣлъ при этомъ согласиться на его наказаніе. По правую руку Неандера сидитъ королевскій проповѣдникъ Фридрихъ Еренбергъ, которому уже 74 года. Черты его лица сіяютъ благородствомъ. Неандеръ посвятилъ этому старому своему другу, какъ малый знакъ благодарности за духовную пользу, полученную отъ его проповѣди, свою книгу: *Жизнь Иисуса*, написанную въ опроверженіе взглядовъ Давида Штрауса. По лѣвую руку помѣстился Шеллингъ, почтенный старикъ съ глубокомысленнымъ челомъ и блестящимъ орлинымъ взглядомъ. Онъ извѣстенъ своею книгою: *Философія Откровенія*. Неандеръ, какъ будто студентъ, считался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ учениковъ Шеллинга. Около Еренберга сидитъ румяный, добродушный Лиско, авторъ *Притчей Иисуса*. Полный съ открытымъ взглядомъ, мужчина, сидящій рядомъ съ Шеллингомъ, — королевскій проповѣдникъ Штраусъ. Во времена раціонализма Штраусъ оказывалъ очень благотворное вліяніе своими неутомимыми пастырскими трудами. За нимъ слѣдуютъ, покрытый сѣдинами Нитцъ, украшеніе *Новѣйшей Богословіи*, профессоръ Пинеръ, пламенный ученикъ Неандера, Крунмахеръ, народный проповѣдникъ, Д. Юлій, благородный Лахсъ, начальникъ института глухонѣмыхъ, и многіе другіе...

Обѣдъ приближается къ концу; Еренбергъ встаетъ предложить тостъ за здоровье Неандера. Онъ краснорѣчиво описываетъ дѣятельность и удивительную плодовитость великаго автора, въ особенности ссылаясь на новыя изданія его монографій — Бернарда, Златоуста, Тертуліана и пр. пр. Далѣе онъ говоритъ, какъ творенія ихъ великаго *Сердечнаго Богослова* собираютъ благословенія не только по сую сторону океана, но даже помогаютъ въ созиданіи, на твердомъ христіанскомъ основаніи, молодой и славной церкви въ Америкѣ.

Лишь только ораторъ заключилъ свой спичъ, какъ со всеѣхъ сторонъ раздались восклицанія: *Теперь тостъ Штрауса: тостъ Штрауса!* Даже важное и серьезное лицо Неандера освѣтилось улыбкою, тогда какъ Анхенъ громко хлопаетъ въ ладоши.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ день рожденія Неандера Штраусъ всталъ предложить свой тостъ. Съ особеннымъ выраженіемъ онъ началъ: „Друзья мои, нашъ знаменитый Неандеръ подарилъ ученому міру, какъ плодъ своего рѣдкаго прилежанія и глубокой учености, книгу, которая всегда будетъ оказывать на юношество могущественное вліяніе, доколѣ оно будетъ читать ее. Церковная Исторія Неандера, основанная на самомъ тщательномъ изслѣдованіи источниковъ, и самой строгой оцѣнкѣ фактовъ, по всей справедливости, можетъ быть названа исторіею церкви и исторіею благочестія. Проникнутая вѣрою и его собственною духовностію, она одинаково, какъ учитъ, такъ и укрѣпляетъ. Его церковная исторія ставитъ нашего Неандера на ряду съ знаменитыми отцами церкви; все это уже безъ сомнѣнія извѣстно вамъ, но вы, быть можетъ, не знаете (при этомъ Штраусъ возвышаетъ свой голосъ), что нашъ почтенный другъ не одинъ составлялъ свою *церковную исторію*.

Ораторъ остановился, тогда какъ гости посматривали другъ на друга съ изумленіемъ и смущеніемъ. Неандеръ вертѣлся въ своемъ креслѣ, а Анхенъ бросала сердитые взгляды на дерзкаго спикера. Штраусъ важно продолжалъ: „Я горжусь своимъ открытіемъ, что церковная исторія Неандера была воспроизведена съ помощію самаго достойнаго сотрудника, скажу болѣе, она не могла бы быть воспроизведена безъ этого сотрудника.

Гости смущаются больше и больше; безпокойство Неандера усиливается; взгляды Анхенъ дѣлаются грознѣе.

— И этотъ, доселѣ еще неизвѣстный, сотрудникъ въ составленіи церковной исторіи находится сегодня среди насъ!

— Штраусъ, это дурно; это низко, восклицаетъ Анхенъ.

Штраусъ, съ сіяющимъ лицомъ, продолжаетъ свой спичъ.

— „Я горжусь тѣмъ, что на мою долю выпадаетъ предложить тостъ за здоровье сотрудника церковной исторіи, или, лучше сказать, сотрудницы — Анхенъ Неандеръ, лучшей изъ сестеръ, которая съ неутомимою любовію посвятила всю свою жизнь своему брату; которая заботливо удаляла отъ автора *Церковной Исторіи* все, что могло развлечь или обезпокоить его. — Да здравствуетъ Анхенъ Неандеръ, которая такъ совершенно симпатизируетъ съ внутреннею живнію Августа Неандера! Да здравствуетъ Анхенъ Неандеръ, которую я совершенно справедливо назвалъ

сотрудникомъ въ безсмертной Церковной Исторіи Августа Неандера!⁴

Какой поднялся при этомъ шумъ! Гости смѣются, хлопаютъ въ ладоши, тогда какъ Штраусъ смѣется такъ сильно, что даже качается столъ. Съ этого времени тостъ Штрауса сдѣлался неизмѣннымъ въ дни рожденія Неандера. *Теперь тостъ Штрауса!* *тостъ Штрауса!* раздается обычный крикъ въ концѣ обѣда. Всякій знаетъ развязку этого тоста, но онъ постоянно, какъ и тогда, привѣтствуется громкими рукоплесканіями и криками.

Простой обѣденный столъ кончился. Опираясь на руку Штрауса Неандеръ удаляется съ почетнѣйшими и старѣйшими изъ своихъ гостей въ кабинетъ.

Почетнѣйшіе гости — это отборный кружокъ Неандера, хотя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ не стало многихъ изъ его задумевшихъ друзей.

Смерть похитила у Неандера Вильгельма Ньюмана и Адалберта Фонъ-Чамиссъ. Чистый и простодушный норвежскій философъ и поэтъ, Гейнрихъ Штеффенсъ, который познакомился съ Неандеромъ чрезъ Шеллинга, уже давно покоился мирнымъ сномъ на кладбищѣ Троицы, рядомъ съ Шлейермахеромъ и Мархейномъ.

Но тяжелѣе всего была для Неандера потеря Германа Росселя, его возлюбленнѣйшаго студента и друга. По уму, краснорѣчію и ясности мысли Россель далеко превосходилъ своихъ товарищей студентовъ. Неандеръ надѣялся послѣ себя передать свой свѣточъ этому *мавъ юношества*, какъ онъ обыкновенно называлъ его; онъ думалъ завѣщать его дѣятельности все то, что было жизнію его жизни, но, четыре года тому назадъ, смерть унесла Германа Росселя, и огорченный Неандеръ могъ утѣшиться только мыслию, *что все посылаетъ Богъ и за все мы должны благодарить Его.*

Анхенъ Неандеръ послѣ обѣда повела своихъ гостей въ свой дамскій кабинетъ, который чисто убранъ и украшенъ занавѣсками и коврами. На столѣ комнаты стоитъ большой мраморный бюстъ Неандера, произведеніе Дрека, подаренный нѣсколько лѣтъ тому назадъ студентами своему возлюбленному профессору. Подходятъ нѣсколько дамъ, друзей Анхенъ, и нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ. Они весело проводятъ время въ „желтой“ гостиной въ

разнообразныхъ играхъ; предлагаютъ другъ другу загадки; разсказываютъ страшныя исторіи о привидѣніяхъ, и во всемъ этомъ маленькая Анхень служитъ душею общества.

Вдругъ съ улицы въ окнахъ гостинной отражается красный отблескъ пылающихъ факеловъ и сотни молодыхъ голосовъ сливаются въ пѣніи псалма: *Господь посетъ мя, и ничто же мя лишитъ*, до самаго конца. — Это студенты, которые ежегодно устраиваютъ въ вечеръ дня рожденія Неандера процессію съ факелами въ честь своего любимаго профессора.

Въ комнату входитъ депутація отъ студентовъ передать поздравленіе Неандеру, и въ особенности выразить ему благодарность за его самоотверженіе и готовность продолжать чтеніе лекцій, несмотря на болѣзнь глазъ, отъ которой онъ сильно страдалъ въ послѣднее время. Прежде студенты обыкновенно подносили своему любимому наставнику нѣсколько изданій „Отцевъ церкви“, но въ продолженіе нѣкотораго времени Неандеръ постоянно отказывался отъ всякихъ подарковъ. Однако въ настоящемъ году студенты сдѣлали денежный сборъ между собою, и теперь они просятъ Неандера принять собранную ими порядочную сумму для его университетскаго *фонда больныхъ*.

Неандеръ глубоко тронуть. Онъ стоитъ, сложивши на груди руки и съ навернувшимися на глазахъ слезами. Въ прежніе годы онъ обращался къ студентамъ изъ окна своего кабинета съ длиною рѣчью, но теперь это не позволяетъ ему глазная болѣзнь. „Но я долженъ благодарить моихъ молодыхъ друзей; просите всѣхъ ихъ сюда, всѣхъ до одного“, говоритъ онъ депутаціи. Анхень бросаетъ смущенный взглядъ на чайный столикъ съ ограниченнымъ количествомъ чашекъ и пирожковъ, но тотчасъ утѣшаетъ себя мыслию; хорошо, я буду подавать чай каждому изъ нихъ поочередно“.

Факелы затушены и отброшены въ сторону, тогда какъ воздухъ оглашается торжественною студенческою пѣнію: *Vivat academia, vivant professores*. Студенты наполняютъ комнаты, переднюю и даже сѣни, и Неандеръ обращается съ словомъ къ своимъ дорогимъ студентамъ, своимъ многолюбимымъ друзьямъ. Онъ сильно тронуть, его голосъ дрожитъ, когда онъ въ простыхъ сердечныхъ словахъ выражаетъ свою благодарность и свою къ нимъ любовь. Онъ говоритъ, что только, благодаря

близкимъ отношеніямъ къ нимъ, его сердце доселѣ еще такъ юношески согрѣто, и что онъ ничего болѣе не желаетъ, какъ посвятить имъ остатокъ своей жизни. „Быть можетъ, продолжаетъ онъ, было бы гораздо пріятнѣе жить въ мірѣ книгъ—распространяя знанія, но ему кажется, что если бы не было позволено употреблять пріобрѣтенныя знанія для воспитанія въ юношахъ дѣятельныхъ служителей Господня вертограда, то это была бы бесполезная жизнь. За тѣмъ онъ обходитъ всѣхъ ихъ, поочередно, и каждому пожимаетъ руку. Этимъ заключился послѣдній день рожденія Неандера.

Рано поутру, въ субботу, Неандеръ почилъ непробуднымъ сномъ смерти. Онъ нѣсколько времени страдалъ отъ диссентеріи и въ ночь, накануне своей смерти, закрывая глаза, сказалъ: „Я усталъ; нужно отдохнуть, доброй ночи“.

17-го іюля его похоронили на Іерусалимскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилами матери и сестры Генриетты. Надъ открытою могилою Крунмахеръ произнесъ рѣчь изъ словъ: *Ужели вы не знаете, какой князь и великій человекъ палъ сего дня во Израилѣ?*

Бѣдная, старая Анхенъ сильно была поражена этимъ ударомъ, ея сердце было разбито. Она наняла ближайшую квартиру къ могилѣ своего брата, потому что не могла оставаться въ старомъ домѣ, такъ опустѣвшемъ теперь безъ Неандера. Съ Августомъ у нея было взято все, что составляло жизнь ея. По смерти Неандера Анхенъ ничего не осталось кромѣ книгъ. Братъ и сестра всегда оказывали помощь щедрою рукою, но король Фридрихъ взялъ на себя попеченіе о сестрѣ Неандера и назначилъ ей пожизненный пенсіонъ. Книги, большая часть которыхъ была обогащена драгоценными собственноручными замѣтками Неандера, нашли себѣ мѣсто въ Америкѣ. Библіотека, которую собиралъ Неандеръ съ такою любовію, находится теперь въ Богословской семинаріи въ Мерсбургѣ. Какъ будто Берлинъ, Германія, Европа, не имѣли для нея мѣста? Сумму, полученную за бібліотеку, Анхенъ опредѣлила на устроеніе открытаго стола. Остатокъ суммы и свой собственный небольшой денежный запасъ она завѣщала „Обществу для излѣченія больныхъ студентовъ“, которое такъ близко было сердцу покойнаго ея брата. Прекрасный мраморный бюстъ Неандера, даръ студентовъ, она отказала университету.

По желанію Анхенъ, Дрекъ сдѣлалъ мраморный памятникъ

для могилы ея брата съ прекраснымъ рельефнымъ изображеніемъ его и слѣдующею вырѣзанною надписью:

Августъ Неандеръ.

Родился 16 января 1789, умеръ 14 июля 1850. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я позналъ (1 Кор. г. 13).

Четыре года спустя, по смерти Неандера, почти ежедневно можно было видѣть престарѣлую старушку на его могилѣ; это была его сестра. А за тѣмъ въ тотъ же самый мѣсяць, какъ и братъ, она обрѣла давно желанный покой рядомъ съ нимъ. Последнія слова ея въ предсмертной агоніи были о братѣ.

Могила Анхенъ, вскорѣ послѣ того, была забыта. На ней не было поставлено даже креста, и не сдѣлано надписи имени самой вѣрной изъ сестеръ. Но Анхенъ Неандеръ никогда не забудется, доколѣ Августъ Неандеръ будетъ жить въ признательныхъ сердцахъ.

Изъ друзей, присутствовавшихъ на праздникѣ послѣдняго дня рожденія Неандера, многіе, съ того времени, послѣдовали за нимъ въ ту сторону, гдѣ нѣтъ ни дня рожденія, ни дня смерти... Шеллингъ, Еренбергъ, Штраусъ, Лиско, Ейлерсъ.... Забудутся ли когда эти драгоцѣнные имена?

Очерки жизни о. Гіацинта Лойзона. *)

М. Лойзонъ, нареченный въ крещеніи именемъ Карла-Жана-Мари, родился въ Орлеанѣ, въ 1827 году, и провелъ свое дѣтство и отрочество въ По (Pau).

*) Помѣщаемъ очеркъ жизни о. Гіацинта Лойзона, заимствуя оный въ извлеченіяхъ изъ повременнаго прекраснаго Англійскаго изданія: „*International Portrait Gallery*“; и, частію, изъ англійскаго журнала: „*Scribner's Magazine*“ за апрѣль 1881 года.

На семнадцатомъ году одно обстоятельство произвело на него сильное и глубокое впечатлѣніе, слѣды котораго остались въ его сердцѣ на всю жизнь. Однажды вечеромъ на Троицкой недѣлѣ онъ взошелъ въ одну изъ городскихъ церквей, въ которой шла вечерня и пѣли псаломъ: *какъ хорошо и какъ пріятно жить братьямъ вмѣстѣ!* (Пс. 132. 1). Чудная гармонія пѣнія—глубоко потрясла его сердце, а самыя слова звучали для него какъ бы благовѣстіемъ и пророчествомъ ожидающей его миссіи. „Любовь! Единеніе! восклицалъ онъ, какъ хорошо, какъ пріятно! Онѣ благоухаютъ, какъ благовонная масть, онѣ свѣжи, какъ утренняя роса! На нихъ т. е. на любви и единеніи, выну почіеть благословеніе Божіе, за нихъ суждено вѣчное блаженство“! — „Самъ не знаю, говорилъ онъ тридцать лѣтъ спустя, лились-ли слезы изъ моихъ глазъ, при этихъ божественныхъ словахъ, но я увѣренъ, что онѣ переполняли мое сердце. Я понялъ не только человѣческую любовь въ ея чистотѣ, но любовь—въ высшемъ значеніи этого слова, какъ общеніе душъ въ Богѣ и Иисусѣ Христѣ“. Съ этого дни передъ пылкимъ воображеніемъ юноши развернулася прекрасный идеалъ, къ которому онъ не переставалъ стремиться съ любовью во все послѣдующіе годы, при какихъ бы то обстоятельствахъ ни было.

Въ 1846 году онъ потупилъ въ Семинарію св. Сюзьпиція въ Парижѣ, а въ 1851 году былъ рукоположенъ въ санъ священника въ Нотрѣ-Дамскомъ соборѣ. Слѣдующіе пять лѣтъ были проведены имъ въ должности профессора богословія Нантской и Авиньонской семинарій; въ теченіе одного года за тѣмъ онъ былъ викарнымъ священникомъ приходской церкви св. Сюзьпиція, а послѣ того сдѣлался монахомъ ордена Босоногихъ Кармелитовъ. Такъ какъ въ уставѣ ордена Кармелитовъ предписывалось для братіи этаго ордена не одно только религиозное созерцаніе, но и проповѣдь, то посему для способностей молодаго аббата открылось обширное поприще. Аббать Лойзонъ сдѣлался отцемъ Гіацинтомъ, а въ отцѣ Гіацинтѣ вскорѣ оказался блестящій даръ проповѣдничества, доставившій ему всеобщую извѣстность въ Галликанской церкви. Архіепископомъ Парижскимъ въ означенное время былъ монсиньоръ Дарбуа,—и онъ съумѣлъ оцѣнить высокія качества Лойзона. Нотрѣ дамскія публичныя чтенія при Лякордерѣ, пріобрѣли міровую извѣстность, но какъ скоро умолкъ

его голосъ, ему не находилось достойнаго преемника, который сумѣлъ бы вновь привлечь въ соборъ толпы народа, стекавшагося въ былое время слушать великаго Доминиканца. Архіепископъ Дарбуа возложилъ эту задачу на о. Гіацинта. Съ 1864 по 1868 годъ имъ было прочитано пять курсовъ публичныхъ чтеній о Богѣ, религіи, семействѣ, націи, и церкви. Перо одного писателя, въ настоящее время крайне враждебно расположеннаго къ нему, слѣдующимъ образомъ очертило одно изъ подобныхъ чтеній. „Громадная толпа народа устремилась въ древній соборъ послушать краснорѣчивую проповѣдь Кармелитскаго монаха. Срединна собора, боковыя его части и придѣлы—все это было переполнено слушателями. На хорахъ, подъ бархатнымъ балдахиномъ, сидѣлъ архіепископъ, въ своей береттѣ, пурпуровой рясѣ и мантии, окруженный духовенствомъ и членами капитула. Все кругомъ насъ носило на себѣ слѣды величія и торжественности; но вотъ вдали показался монахъ въ черной шерстяной рясѣ и бѣлой мантии, съ монашеской тонсурой на лбу, и босыми ногами. Тихо подошелъ онъ къ архіепископу, преклонилъ колѣна и принялъ отъ него благословеніе. Затѣмъ медленно, съ опущенными внизъ глазами, направился онъ къ кафедрѣ. Толпа низко и съ уваженіемъ поклонилась монаху, удивляясь его характеру и добровольно принятому имъ на себя обѣту нестяжательности“.

„Въ теченіе двухъ часовъ слушатели *мнили себя*, какъ бы перенесенными въ другой міръ. Его пламенная рѣчь производила на нихъ неотразимое впечатлѣніе. Когда мы снова очутились на улицахъ Парижа то, казалось, что каждый изъ насъ какъ бы очнулся отъ сна, переполненнаго призраками и видѣніями въковъ прошедшихъ“.

Векорѣ послѣ того для Римско-католиковъ наступило тревожное, критическое время. Явился вопросъ: объявить ли себя о. Гіацинтъ сторонникомъ провозглашеннаго догмата папской непогрѣшимости? Если же нѣтъ, то удобно ли дозволить ему свободную рѣчь въ Французской церкви?—Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Гіацинтъ рѣшился примкнуть къ партіи Дарбуа, Дюпанлу, Монталамбера, Гратри, Марета, Деллингера, Штроссмайера, Кенрика, Гефеле, и прочихъ членовъ умѣренной и научно образованной партіи въ церкви. По полученіи свѣденій о томъ, Римъ немедленно прислалъ Гіацинту ордеръ съ предписа-

ниемъ удерживаться отъ проповѣдей на спорный пунктъ, и ограничиваться единственно такими темами, въ которыхъ согласны все католики. Онъ отказался подчиниться означенному требованію въ письмѣ, изъ котораго мы приводимъ слѣдующій отрывокъ:

„Вотъ торжественная минута. Церковь проходитъ чрезъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ мрачныхъ и рѣшительныхъ кризисовъ своего существованія на землѣ. Въ первый разъ, въ теченіе 300 лѣтъ, не только созванъ, но и объявленъ необходимымъ Вселенскій Соборъ — въ силу приказанія святаго отца. Не въ такое время, каково настоящее, можетъ согласиться безмолствовать проповѣдникъ евангелія, хотя бы и послѣднѣйшій изъ всѣхъ,—безмолствовать подобно безгласнымъ псамъ израилевымъ, тѣмъ невѣрнымъ стражамъ, которыхъ пророкъ порицаетъ въ безсиліи даять слѣдующими словами: *canes muti non valentes latitare*. Святые никогда не наслаждались миромъ; я не принадлежу къ числу ихъ, но тѣмъ не менѣе я сознаю свое происхожденіе отъ нихъ—*filii sanctorum sumus*—и я всегда гордился тѣмъ, что шествовалъ по ихъ стопамъ,—проливалъ свои слезы,—и, въ случаѣ нужды, готовъ былъ даже пролить свою кровь, слѣдуя ихъ примѣру. Потому, я возвышаю теперь свой голосъ и протестую, какъ христіанинъ и священникъ, передъ святымъ отцомъ и Соборомъ противъ тѣхъ ученій и практики, которыя хотя называются Римскими, но не суть христіанскія; которыя, въ своемъ постоянно усиливающемся, гибельномъ развитіи, посягаютъ на измѣненіе церковнаго устройства, сущности и формы вѣроученія и даже духа благочестія. Я протестую противъ того нечестиваго и безумнаго расторженія, которое стараются произвести между церковію, нашею вѣчною матерію, и обществомъ девятнадцатаго столѣтія, по отношенію къ которому мы, какъ временные члены, имѣемъ также свои обязанности и права. Я протестую противъ гибельнаго и ужаснаго противодѣйствія природѣ человѣка, которая уязвлена и оскорблена этими учителями въ самыхъ лучшихъ и святыхъ своихъ стремленіяхъ.

Сверхъ того я протестую противъ того святотатственнаго извращенія евангелія самаго Сына Божіаго, буква и духъ котораго одинаково попираются фарисействомъ новаго закона. Мое твердое убѣжденіе таково, что если Франція въ частности и латинская раса вообще, преданы въ настоящее время на жертву обще-

ственной, религиозной и нравственной анархii, то главная причина подобнаго печальнаго состоянія заключается конечно не въ самомъ католицизмѣ, но въ тѣхъ понятiяхъ, которыя въ теченiе столь долгаго времени, имѣлись и практиковались относительно католицизма⁴.

Результатомъ означеннаго посланiя было отлученiе отъ церкви о. Пiацинта. Спустя полгода послѣ того былъ обнародованъ Декретъ Ватиканскаго собора, и Пiацинтъ со всею силою краснорѣчiя вооружился какъ противъ собора, такъ, и въ особенности, противъ новаго догмата. За симъ послѣдовалъ его окончательный разрывъ съ Римомъ, произшедшiй единовременно съ разрывомъ Делингера, Рейнкенса, Герцдга и прочихъ старокатоликовъ.

Спустя два съ половиною года послѣ этого рѣшительнаго шага, о. Пiацинтъ сдѣлалъ еще болѣе рѣшительный: онъ женился на Эмили Мериманъ въ присутствiи Декана Вестминстерскаго, Лэди Августы Стэнли и о. Фриментель; бракосочетанiе было записано въ конторѣ одного Лондонскаго нотарiуса, такъ какъ, согласно съ французскимъ закономъ, оно могло происходить во Францiи единственно только въ томъ случаѣ, если бы было освящено благословенiемъ какого либо Римско-католическаго архiепископа. Рѣшаясь на подобный шагъ, онъ зналъ, что бравируетъ предразсудками своихъ соотечественниковъ, которые, будучи воспитаны безбрачнымъ духовенствомъ въ тѣхъ убѣжденiяхъ, что бракъ есть не болѣе, какъ необходимое средство къ размноженiю чловѣческаго рода, и предотвращенiю грѣховъ противъ седьмой заповѣди, опускали при этомъ изъ виду, что, въ высшемъ значенiи, оно есть Божiе установленiе, служащее обоюдною помощiю и утѣшенiемъ для мужа и жены. Онъ зналъ также, что его враги всевозможно постараются ложно перетолковать побужденiя, заставивши его вступитъ въ бракъ, и что неизлишне будетъ даже людямъ болѣе серьезнымъ и глубокомыслящимъ, чѣмъ первые, выслушать нѣсколько объясненiй съ его стороны по поводу обѣтовъ безбрачiя; и вотъ, въ отвѣтъ на всѣ возраженiя, онъ написалъ благородное письмо, подъ заглавiемъ *Lettre sur le mariage* (Sandoz 1872), и со времени появленiя онаго, отказался отъ всякихъ разсужденiй по означенному вопросу, который, какъ онъ говорилъ, „остается между мною и моимъ Богомъ“. Для людей безпристрастныхъ, безъ предубѣжденiй, не требовалось

даже это оправданіе, которое онъ удостоилъ изложить письменно. Такъ называемый обѣтъ чистоты, который онъ произнесъ при постриженіи въ монашество, уничтожался вмѣстѣ съ обѣтами послушанія и нестяжательности при его отреченіи отъ монашества; и обѣтъ безбрачія, принятый имъ на себя, при рукоположеніи въ санъ священника, и составлявшій одну изъ главныхъ и существенныхъ особенностей папства, пересталъ существовать для него съ того самаго времени, какъ онъ отрекся отъ папскаго ученія и обрядности, расходящихся съ ученіемъ и обрядностію католической церкви. Обвинять его было бы столько же основательно, какъ обвинять д-ра Маннинга и д-ра Ньюмана въ клятвопреступленіи на томъ основаніи, что они, при своемъ рукоположеніи, дали обѣтъ совершать таинства единственно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ должны быть совершаемы по ученію англиканской церкви. Тотъ и другой кардиналъ; рукоположенные въ англиканской церкви, и за тѣмъ перешедшіе въ Римско-католичество, совершаютъ въ настоящее время таинства иначе, чѣмъ тому учить англиканская церковь, и однако ихъ нельзя обвинить въ клятвопреступленіи. Почему? Потому что данный ими обѣтъ составлялъ часть ихъ англійскаго рукоположенія, которое они отвергли. Точно также М. Гіацинтъ Лойзонъ далъ обѣтъ безбрачія и женился, но онъ столько же виновенъ, сколько и вышеозначенные кардиналы, такъ какъ принятый имъ на себя обѣтъ составлялъ часть того Римскаго монашества и той дисциплины, отъ которыхъ онъ отрекся. Кромѣ того, по ученію всѣхъ духовныхъ ученыхъ Римской, равно какъ и другихъ западныхъ церквей какъ скоро человѣкъ почувствуетъ, что данный имъ *обѣтъ* — *грѣхъ самъ въ себя* (?), то уже болѣе не связуется онымъ. Гіацинтъ оканчиваетъ свое письмо по означенному предмету слѣдующими словами: „я ничто передъ тобою, Боже, но чувствую, что призванъ Тобю — разорвать узы, которыя, не по Твоей волѣ, такъ беспощадно и такъ, иногда, безславно тяготятъ собою твоихъ священнослужителей. Я—грѣшникъ, но твоя благодать укрѣпила меня—противостать тираніи мнѣнія, и не склонить своей выи передъ предразсудками моихъ соотечественниковъ, понудивши такъ дѣйствовать, что между Тобю и моего совѣстію оказался излишнимъ всякій посредникъ“⁴. Мы не знаемъ искренны ли, или ложны, его слова; если искренны — то, конечно, въ нихъ заклю-

чается нѣкоторое оправданіе по поводу нарушенія имъ обѣта безбрачія и вступленія въ бракъ. Во всякомъ случаѣ этотъ рѣшительный шагъ въ жизни Лойзона—*лежитъ между Богомъ и его совѣстью*, какъ онъ совершилъ, но основательно выразился въ только что приведенномъ нами отрывкѣ изъ его пресловутаго письма.

Въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ Гіацентъ жилъ въ Женевѣ. Въ 1877 году онъ возвратился въ Парижъ а въ 1878 году рѣшился на важный шагъ—отдаться подъ покровительство и вѣденіе Англійскаго епископата.

Въ іюль 1878 г. въ Англии въ Ламбетскомъ дворцѣ, происходила конференція состоящая изъ 100 епископовъ и представляющая собою все Англиканское религиозно-христіанское общество. Означенная конференція, въ своемъ официальномъ посланіи, заявила свою готовность предложить всевозможную помощь старокатоликамъ, гдѣ бы они ни находились, и назначила для сего комиссію *). Лойзонъ находился въ это время въ Англии, будучи приглашенъ епископомъ Винстерскимъ на засѣданіе конференціи въ Фарнхемъ-кесслѣ, собранной президентомъ Англо-континентальнаго общества, съ цѣлію обсужденія отношеній англиканской церкви къ прочимъ обществамъ. На Фарнхемской конференціи присутствовало двадцать четыре Англиканскихъ епископа и епископъ Герцогъ (изъ Швейцаріи). Лойзонъ обратился на конференціи съ краснорѣчивымъ воззваніемъ, на которое послѣдовалъ сердечный отвѣтъ со стороны епископовъ западнаго Нью-Йорка и Морея и Росса. Ободренный радушнымъ приѣмомъ въ Фарнхемъ и Ламбетскимъ посланіемъ, онъ обратился письменно къ архіепископу Кантерберійскому, какъ къ президенту Ламбетской комиссіи, прося оказать *помощь*, предлагаемую комиссіею, именно поставить его временно подъ покровительство и надзоръ одного или болѣе англиканскихъ епископовъ. Архіепископъ и прочіе члены комиссіи, въ отвѣтъ на прошеніе, указали ему для руководства

*) Комиссія эта состояла изъ архіепископовъ Кантерберійскаго, Йоркскаго, Армскаго (Armagh), Дублинскаго, примаesa шотландской церкви, первенствующаго епископа американской церкви, епископовъ лондонскаго Лонгъ-Айланда и Гибралтара. Переводчикъ.

и наставленіи одного изъ своихъ сочленовъ — Примаеса шотландской церкви; и Примаесь, въ своемъ письмѣ, показывающемъ какъ глубоко онъ понималъ всю важность дѣла, изъявилъ свое согласіе на сдѣланное ему предложеніе, при чемъ просилъ дать ему въ сотрудники епископа единбургскаго. М. Лойзонъ возвратился въ Парижъ и принялъ энергическія мѣры къ открытію церкви въ *Рю-Рошешуаръ*, послѣдовавшему февраля 9-го, 1879 года, изъ которой, какъ изъ центра, онъ могъ распространять по всей Франціи старокатолическое ученіе.

6-го марта, 1881 года, церковь была перенесена изъ улицы Рошешуаръ въ Арраскую (*Rue d'Arras*) улицу, и здѣсь-то онъ отправляетъ въ настоящее время французскую литургію и прочія церковныя службы, въ которыхъ безъ всякихъ препятствій принимается иногда участіе англиканское и американское духовенство. Онъ привлекаетъ въ свою церковь множество молодыхъ студентовъ изъ Парижа, изъ которыхъ, какъ можно надѣяться, выберутся современемъ нѣсколько ревностныхъ учениковъ для продолженія и расширенія арены того великаго дѣла, которое принялъ на себя М. Лойзонъ.

Другимъ орудіемъ, служащимъ къ достиженію тойже самой цѣли, оказывается произнесеніе цѣлаго ряда чтеній, или бесѣдъ, въ главныхъ городахъ Франціи, которыя Лойзонъ думаетъ начать съ лѣта 1881 года. 26-го февраля этого года онъ произнесъ въ городѣ По (*Pau*) рѣчь, содержащую въ себѣ изложеніе началъ и нуждъ католической реформы во Франціи, о которой въ журналѣ *Independant des Basses Pyrenées* отъ 2-го марта, былъ сдѣланъ слѣдующій, приводимый нами, отзывъ:

„М. Лойзонъ, болѣе извѣстный подъ именемъ о. Гіацинта, недавно сдѣлалъ визитъ въ По, въ тотъ городъ, въ которомъ онъ родился. Сегодня же вечеромъ онъ возвращается въ Парижъ. Во время его краткаго пребыванія въ нашемъ городѣ онъ принялъ участіе въ одномъ собраніи, устроенномъ друзьями для обсужденія началъ и прогресса католической реформы. Собраніе состоялось въ домѣ Плантэ, въ покояхъ Лорда Пленкета, епископа Митскаго (*Meath*), который, въ качествѣ предсѣдателя, открылъ засѣданіе рѣчью „о правахъ, которыя имѣютъ старокатолики на сочувствіе всѣхъ истинныхъ христіанъ. Внутреннія и заграничныя миссіи имѣютъ много сторонниковъ въ Англіи, но дѣло ста-

рокатоликовъ, касающаеся реформы на континентѣ, во Франціи не достаточно извѣстно, не смотря на то, что оно можетъ быть источникомъ несказанныхъ благодѣяній для всей церкви христовой“.

„Достоп. М. Мейрикъ, каноникъ Линкольнскаго собора и секретарь англо-континентальнаго общества, сообщаетъ намъ въ своемъ письмѣ очень интересныя подробности о личности и дѣлѣ М. Гіацинта Лойзона, съ которымъ онъ состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ болѣе десяти лѣтъ“.

По прочтеніи письма Мейрика, Лойзонъ произнесъ слѣдующую рѣчь,—которую, мы передаемъ съ сокращенномъ видѣ:

Поблагодаривши многочисленную и интеллигентную аудиторію за сочувствіе, заявленное ею къ великому дѣлу, но недостаточно извѣстному, М. Гіацинтъ Лойзонъ прямо приступаетъ къ главному предмету—къ вопросу о католической реформѣ. Истинный католицизмъ, совершенно расходящійся съ папизмомъ, съ которымъ произвольно смѣшиваютъ его ультрамонтаны и протестанты, отвергаетъ новоученія, — папскія ли то, или кальвинскія, и держится первенствующаго откровенія, которое содержится въ Библии, истолковано апостольскимъ преданіемъ, и кратко изложено въ Никео-Цареградскомъ Символѣ вѣры. Папизмъ, по мѣткому выраженію Баадера, есть слабость католицизма, равно какъ католицизмъ составляетъ силу папизма. Необходимо, во что бы то ни стало, вырвать съ корнемъ этого зловреднаго паразита съ крѣпкаго дуба, на которомъ онъ выросъ, и вотъ почему первымъ дѣломъ истинно католической реформы долженъ быть полный и совершенный разрывъ со всѣми папскими злоупотребленіями.

Возможность осуществленія этой реформы—М. Гіацинтъ Лойзонъ доказываетъ тѣмъ, что отличаетъ папство отъ живаго и свободнаго единства церкви, для которой оно долженствовало быть орудіемъ, а не препоной и препятствіемъ, какъ то оказалось на самомъ дѣлѣ. Въ Символѣ вѣры не говорится: *Я вѣрую въ папу*, но — *я вѣрую въ церковь*. Ничто не препятствуетъ также —отвергнуть *суетварное и полумязыческое почитаніе Пресвятѣй Дѣвы Маріи и святыхъ* (?!), и вмѣсто того держаться высокаго ученія и *объ общеніи святыхъ* и духовномъ общеніи неба съ землею. И если старокатолики выбросили изъ своей обѣдни (messe) все то, что примѣшалось къ ней грубаго и чувственнаго, почему

же не хотять они признавать, въ смыслѣ столько же положительномъ, сколько и возвышенномъ, *дѣйствительность* присутствія Спасителя, и дарованнаго Имъ самимъ для всѣхъ насъ безцѣннаго дара?

Кто-то сказалъ: *Поскоблите Француза и вы откроете Галла* (пѣтуха); *) мы же можемъ сказать: *смойте съ себя суевѣрія папизма, и вы достигнете истины и жизни католицизма.*

Какія главныя препятствія къ католической реформѣ? — Первымъ изъ нихъ М. Лойзонъ считаетъ недостатки матеріальныхъ средствъ. Пусть церковь отдѣлится отъ государства, или пусть Галликанская церковь будетъ признана законнымъ образомъ какъ вѣтвь католицизма, и тогда навѣрное цѣлыя приходы отступятъ отъ Ультрамонтанизма. — Второе препятствіе есть недостатокъ въ добрыхъ энергичныхъ дѣятеляхъ. Въ Римской церкви дѣйствительно много достойныхъ священниковъ, но еще болѣе такихъ, у которыхъ подневольная, насилуемая жизнь совершенно искривила совѣсть: *optimi cujusque pessima corruptio*. Часто случается, что хорошіе священники, вслѣдствіе превратно понятаго благочестія, — удерживаются подъ игомъ *слѣпнаго повиновенія*, тогда какъ переходящіе на сторону католической реформы — оказываются иногда людьми, смѣшивающими своеволие съ свободою, и которые, вмѣсто того чтобы искать Христа, ищутъ въ церкви единственно только своихъ выгодъ и интересовъ. Разумѣется, что реформируемая церковь отталкиваетъ отъ себя подобныхъ лицемѣровъ. — Но главнѣйшее препятствіе заключается въ предразсудкахъ, господствующихъ во Франціи относительно общественнаго мнѣнія въ религіозныхъ дѣлахъ. М. Гіацинтъ Лойзонъ особенно подробно остановился на этомъ заблужденіи, общемъ протестантамъ и ультрамонтанамъ, которые смѣ-

*) Лойзонъ приводит въ настоящемъ мѣстѣ извѣстное изрѣченіе Вольтера: *Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare*. Намъ же показалось удобнѣе и благозвучнѣе для слуха православныхъ Русскихъ читателей нѣсколько видоизмѣнить оное но такъ при томъ, что смыслъ остается одинаковъ. *Grattez le Francais, et vous trouverez le Gallus* — не то ли же значить, что и *Grattez le Russe et vous trouverez le Tartare* (поскоблите Русскаго — и вы откроете Татарина).

шиваютъ папизмъ съ истиннымъ католицизмомъ, тогда какъ папизмъ служить отрицаніемъ католицизма. Онъ порицаетъ также съ особенною силою большинство тѣхъ лицъ, которые говорятъ *яко бы* во имя науки и во имя демократіи, этихъ двухъ современныхъ силъ, съ тѣмъ чтобы поставить оныя въ противорѣчіе съ христіанствомъ: фиктивное и преступное противорѣчіе, которое, въ крайнемъ своемъ развитіи можетъ повредить знанію и демократіи гораздо болѣе, чѣмъ самой религіи! — М. Лойзонъ съ ужасомъ отвращается отъ этаго матеріалистическаго и атеистическаго республиканизма, который тщится отнять у народа душу и Бога, и поставить челоуѣка на одной ступени съ животнымъ.

Не смотря на означенныя и многія другія препятствія, реформа католическая замѣтно развивается во Франціи, а со времени введенія оной въ означенномъ государствѣ прошло только два года.

Открыта новая церковь въ улицѣ д'Аррасъ. Галликанскіе католики знаютъ, что они должны двигать горами, но развѣ они не ученики Того, Который сдѣлалъ вѣру орудіемъ чуда?!

Лейстерскій конгрессъ (въ Англіи) о Русской церкви.

Сентября 28-го 1880 года, въ Лейстерѣ происходилъ церковный конгрессъ. Между чтеніемъ многихъ статей о разныхъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе вообще къ христіанской церкви, Д-ромъ Хелемъ, изъ Балтимора, на означенномъ конгрессѣ была прочитана не безъинтересная статья о Русской церкви съ англиканской точки зрѣнія. — Статья, по примѣру большей части иностранныхъ статей относительно Россіи, не безъ грубыхъ ошибокъ и погрѣшностей — историко-географическихъ и статистическихъ; но это не мѣшаетъ ея общему интересу.

Ошибки же и погрѣшности — увидеть и исправить каждый образованный православный читатель, знакомый съ исторіею отечественной церкви. — Приводимъ статью въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она помѣщена въ іюньской книгѣ, за 1881 годъ, англійскаго журнала *Foreign church chronicle*.

Русская церковь, говорилъ Д. Хель, есть одна изъ одиннад-

цати самостоятельныхъ церквей, составляющихъ православную Восточную церковь, часто называемую быть можетъ не совѣмъ основательно, Греческою церковію. Шесть изъ этихъ церквей главнымъ образомъ состоятъ изъ тѣхъ членовъ, которые, будучи греками по происхожденію, употребляютъ въ обыденной жизни, а слѣдовательно и при Богослуженіи, греческій языкъ.

Число православныхъ вѣрующихъ въ означенныхъ церквахъ, состоящихъ подъ духовнымъ вѣденіемъ патріарховъ Константинопольскаго, Александрійскаго, Антиохійскаго и Иерусалимскаго, архіепископа Кипрекаго и св. Греческаго Синода, простирается не много свѣше 8,000,000. Въ четырехъ остальныхъ церквахъ— Черногорской, Сербской, Румынской, и церкви, находящейся въ австрійской имперіи, — почти такое же число православныхъ вѣрующихъ.

Въ Русской же церкви число православно вѣрующихъ простирается до 60,000,000.

Означенная православная Восточная церковь признаетъ главнымъ правиломъ вѣры священное писаніе (а священное преданіе?!), и правила седми Вселенскихъ Соборовъ считаются наиболѣе авторитетными истолкователями вѣроученія оной. Православнымъ мірянамъ не возбраняется чтеніе священнаго Писанія, и Богослуженіе совершается на языкѣ довольно понятномъ для нихъ, именно на Славянскомъ и древне-Греческомъ, которые гораздо менѣе разнятся, чѣмъ то обыкновенно думаютъ, отъ Русскаго и ново-греческаго, — современныхъ языковъ.

Во всей православной Восточной церкви первенство чести всегда приписывается церквамъ, управляемымъ четырьмя патріархами. И эта честь воздается имъ, не смотря на то, что второй изъ нихъ по степени „*Блаженнѣйшій и святой папа и патріархъ великаго града Александрии, отецъ отцевъ, пастырь пастырей*“, не имѣетъ въ настоящее время при себѣ ни одного епархіальнаго архіерея (?!), и только 5,000 душъ вѣрующихъ, а третій по степени, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прежде чѣмъ оны достигъ своего высокаго сана, не имѣлъ въ томъ городѣ, въ которомъ ученики впервые были названы христіанами, ни одного церковнаго зданія, а молился съ своими пасомыми въ пещерѣ одного горнаго хребта.

Впрочемъ удивляясь и относясь съ сочувствіемъ и почтеніемъ

къ древнимъ церквамъ Восточнымъ, мы дотолѣ будемъ не въ состояніи составить себѣ правильный взглядъ на положеніе и будущность этихъ церквей, доколѣ не обратимъ вниманія, и не изучимъ тщательно ту церковь, которая, хотя и считается пятою въ списокѣ Восточныхъ церквей, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ болѣе чѣмъ четыре пятыхъ всѣхъ православныхъ вѣрующихъ, — на церковь Русскую, говоря по справедливости, обширнѣйшую во всемъ свѣтѣ. Едва ли нужно говорить о томъ, какое громадное вліяніе можетъ имѣть, и конечно, должна имѣть церковь съ своими 93-мя епископами, 34,000 приходскими священниками, и 60,000,000 православными вѣрующими!

Русская церковь — апостольскаго происхожденія. Св. Андрей Первозванный, какъ гласитъ преданіе, путешествуя съ Евангельскою проповѣдію, пришелъ однажды въ мѣстность, занимаемую въ настоящее время Крымскимъ полуостровомъ, и проповѣдая здѣсь Евангеліе цвѣтущей Греческой колоніи, вспомнилъ, что онъ посланъ проповѣдовать не только еллинамъ но и варварамъ. Это побудило его отправиться съ словомъ спасительной истины, по направленію къ сѣверу, въ страну дикихъ Скифовъ, и онъ, какъ говоритъ тоже преданіе, дошелъ однажды до того мѣста, на которомъ стоитъ теперь Кіевъ, и водрузилъ здѣсь крестъ.

Около половины 9-го столѣтія Кіевскіе князья, Аскольдъ и Диръ, однажды отплыли на судахъ къ Константинополю, съ цѣлію грабежа и исканія добычи, но здѣсь чудомъ были обращены въ христіанство, и, оставивъ дурное предпріятіе, возвратились въ свое отечество, въ которомъ и распространили между соотечественниками вѣсть о Божественномъ Спасителѣ. Много лѣтъ спустя послѣ того, — Ольга, вдовая сноха Рюрика, правя Россією за малолѣтствомъ своего сына, пожелала сама отправиться въ Константинополь для болѣе полнаго ознакомленія съ Евангельскою истиною, чѣмъ то могла узнать у себя въ отечествѣ, и приняла здѣсь крещеніе.

Ея ученіе и примѣръ имѣли мало вліянія на ея сына; и даже ея внукъ, Владиміръ еще язычникомъ вступилъ на великокняжескій престолъ. Но черезъ нѣсколько временъ доброе сѣмя возшло. Владиміръ по многимъ причинамъ склонялся въ пользу христіанства; но сильнѣе всего дѣйствовалъ на его умъ примѣръ св. Ольги, принявшей христіанскую религію. За крещеніемъ Влади-

міра послѣдовало крещеніе множества его подданныхъ. Идолы были разрушены, бросаемы въ рѣки и оговь, и Россія сдѣлалась христіанскою страной. Впрочемъ для усиленія христіанства въ этой ново-просвѣщенной странѣ по времени требовалось еще многое, какъ то переводъ свящ. писанія на славянскій языкъ, сдѣланный впоследствии Кирилломъ и Меодіемъ, — и другія полезныя нововведенія.

По просьбѣ Владиміра изъ Константинополя былъ посланъ епископъ съ возведеніемъ въ санъ митрополита Кіевскаго, города, бывшаго въ означенное время столицею Россіи. Почти въ теченіе 250-ти лѣтъ митрополиты Русскіе были присылаемы патріархомъ изъ Константинополя, и всѣ, почти безъ исключенія, были Греки, а прочіе епископы—Русскіе. Послѣ того вошло въ обычай избирать кандидата въ митрополичій санъ у себя въ отечествѣ, и посылать его въ Константинополь для рукоположенія, или если выбирался епископъ, то для утверженія въ митрополичьемъ санѣ. Со взятіемъ Константинополя Турками сношенія съ патріархомъ сдѣлались болѣе затруднительными и, потому, менѣе правильными. Митрополиты, избираемые теперь для Москвы, сдѣлавшейся столицею, вступали въ отправленіе своихъ высокихъ обязанностей, не дожидаясь патріаршаго утвержденія. Такимъ образомъ, номинально завися отъ Константинополя, Русская церковь практически сдѣлалась автокефальною. Въ 1589 г. было учреждено патріаршество. Всѣхъ патріарховъ въ Русской церкви было 10-ть, изъ которыхъ послѣдній, Адріанъ, скончался въ самомъ началѣ 18-го столѣтія. Послѣ него Русская церковь въ теченіе нѣкотораго времени состояла въ завѣдованіи одного изъ ея старѣйшихъ епископовъ (мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго). Въ 1721 году для управленія дѣлами Русской церкви учрежденъ святѣйшій Синодъ, подъ духовнымъ вѣденіемъ котораго она состоитъ до настоящаго времени.

Святѣйшій Россійскій правительствующій Синодъ составляютъ слѣдующія лица: митрополиты Петербургскій, Кіевскій и Московскій, Экзархъ Грузіи (?) два, или болѣе, епископа, избираемые на трехгодичный срокъ и два протопресвитера (?) — духовникъ Императора, и оберъ священникъ арміи и флота (?). При засѣданіяхъ Синода впрочемъ безъ права голоса, помѣщаясь отдѣльно отъ прочіихъ, присутствуетъ оберъ-прокуроръ, — въ

качества представителя свѣтскаго элемента въ церкви. Онъ дѣйствуетъ, какъ посредникъ, между церковною и свѣтскою властію.

Въ различныхъ епархіяхъ находятся епархіальные консисторіи, устроенныя нѣсколько по образцу св. Синода, для содѣйствія епископу въ епархіальномъ управленіи. Казалось бы, что святѣйшій Синодъ и Консисторіи должны служить прекрасными дѣятелями въ дѣлѣ общественнаго, церковнаго управленія; но въ настоящее время въ Россіи обсуждаются новыя мѣры, съ цѣлю сдѣлать ихъ еще полнѣе и совершеннѣе, все равно какъ у насъ въ Англіи, относительно *коч-окацій* (?).

Меня нерѣдко спрашивали: дѣйствительно ли, по моему мнѣнію, Русскіе *истинно* религіозный народъ. На него часто возводится важное обвиненіе, — быть можетъ, со стороны тѣхъ лицъ, которые *благодарятъ Бога, что они не таковы, какъ прочіе люди*, что религія Русскихъ вообще болѣе наружная, чѣмъ внутренняя. На сколько могу судить въ этомъ дѣлѣ, сравнивая тѣхъ членовъ Русской Церкви, съ которыми мнѣ случилось основательно познакомиться, — съ таковымъ же числомъ *моисъ*, или *вашисъ*, соотечественниковъ, я не думаю, что бы Русскіе проиграли при этомъ сравненіи.

Очень часто думаютъ, что Русская церковь, въ крайнемъ смыслѣ, подчинена государству. Что гражданская власть должна имѣть нѣкоторое вліяніе на дѣло господствующей церкви, — то это дѣло обычное; но что бы такое вліяніе переходило должныя границы, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ отдѣльных случаевъ, какъ нерѣдко бывало даже здѣсь, въ Англіи, — то это трудно доказать.

Полагаютъ, что Петръ Великій, рѣшившись замѣнить патріаршество Синодомъ, имѣлъ цѣлю нанести ударъ правамъ церкви. Факты совершенно противорѣчатъ подобному предположенію.

Когда Петръ взялъ въ свои руки бразды правленія, и предпринялъ реформы, которыя, не смотря на суровость мѣръ, были очень благотворны, то онъ нашелъ многое, требующее измѣненія въ отношеніяхъ церкви и государства. Въ церковное управленіе и въ среду духовенства вкралось много безпорядковъ и неправильностей. Въ смутныя времена государи полагались на волю патріарха во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, такъ что въ государ-

ественномъ правленіи происходилъ дуализмъ (?), сопровождавшійся иногда самыми неблагоприятными послѣдствіями.

Перемѣна произошла не по одному капризу и произволу Петра; нѣтъ, она строго согласовалась съ совѣтами тогдашнихъ передовыхъ высшихъ духовныхъ лицъ, и немедленно была одобрена патріархами Антиохійскимъ и Константинопольскимъ.

Александрійскій патріаршій престоль былъ въ означенное время не занятъ, а патріархъ Іерусалимскій опасно боленъ.

Мы не должны, при этомъ, забывать и того, что Синодальное управленіе преобладало на Востокъ со времени Вселенскихъ Соборовъ и хотя безпорядки временъ привели въ упадокъ практику многочисленныхъ и частыхъ собраній епископовъ, однако основное правило никогда не терялось изъ виду. Патріархъ Константинопольскій, въ теченіе многихъ столѣтій, при управленіи своимъ патріархатомъ, руководится помощію собранія, состоящаго изъ двѣнадцати митрополитовъ, безъ совѣта которыхъ онъ не рѣшается ни на какую важную мѣру. И когда, въ недавнее время, возникъ было вопросъ о томъ, можно ли поставить опять Русскаго патріарха главою церковнаго правленія, то одинъ извѣстный Восточный богословъ замѣтилъ, что было бы совершеннымъ анахронизмомъ—воздвигать новый патріаршій престоль въ настоящее время, когда самые древніе патріархаты управляются на синодальныхъ основаніяхъ.

Изъ того факта, что оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода выбирались иногда изъ военныхъ, нѣкоторые заключали, что они могли деспотически обращаться съ Синодалами; но при этомъ должно вспомнить, что, въ Россіи, гражданскія должности часто поручаются офицерамъ арміи или флота. Не забудемъ и того, какъ часто подобныя лица въ Англійской и Американской церквяхъ оказываются очень набожными и дѣятельными мірянами. Но допустивъ, что означенное возраженіе не безъ основаній, — мы должны замѣтить при этомъ, что назначеніе на должность оберъ-прокурора военныхъ генераловъ, или адмираловъ, относится къ временамъ *давнопрошедшимъ* (?). Настоящій оберъ-прокуроръ Синода (Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ) ученый специалистъ по гражданскому праву, и занималъ нѣкогда кафедру профессора въ *Петербургской Духовной Академіи*. (?) (не въ Московскомъ-ли Университетѣ?!).

Русское духовенство часто упрекають въ необразованности. Означенное обвиненіе, несомнѣнно, преувеличено. Вотъ свидѣтельство о томъ лица ни мало не расположеннаго къ Русской церкви, Іезуита Гагарина, въ его брошюрѣ: *La Russie serait-elle Catholique?* (ст. 44, 48). Русское духовенство, говоритъ онъ, не безыизвѣстно; я не хочу сказать, что бы оно было совершенно, или безукоризненно, но подтверждаю только тотъ фактъ, что на него клеветцуть, и что оно болѣе образованно и нравственно, чѣмъ то обыкновенно думаютъ. Въ настоящее время оно оказало значительный успѣхъ въ духовныхъ и *святскихъ* наукахъ. Мы можемъ судить о степени его современнаго образованія по тѣмъ сочиненіямъ, которыя изданы за послѣдніе годы.— сочиненіямъ, свидѣтельствующимъ о значительномъ прогрессѣ въ области церковныхъ наукъ. Я лично могу засвидѣтельствовать, что каждое слово въ этомъ отзывѣ — вѣрно и истинно. Ученыя творенія доселѣ не престають являться въ области церковно-духовной прессы въ Россіи, занимаясь разработкою различныхъ вопросовъ по церковной исторіи, литургикѣ, богословію и т. д. Онѣ, болѣею частію, оригинальныя, а нѣкоторыя переводныя, какъ напримѣръ *Церковная Исторія* Робертсона, выходящая въ настоящее время выпусками. *Христіанское Чтеніе*, ежемѣсячный журналъ, издаваемый Петербургскою духовною академіею, можетъ съ честію для себя выдержать сравненіе съ нашимъ, Англійскимъ журналомъ, *Church Quarterly*, — а это только одинъ изъ нѣсколькихъ духовныхъ, серьезныхъ, журналовъ. — Въ Русской церкви не только находится много ученыхъ епископовъ и священниковъ, но даже принимаются энергическія мѣры къ распространенію просвѣщенія во всемъ духовномъ сословіи. Въ каждой епархіи обычно находится духовная семинарія, въ которой дѣти духовенства воспитываются даромъ, а нѣкоторыя — за незначительный денежный взносъ. Въ митрополіяхъ Петербургской, Кіевской, Московской, (и въ Казанской епархіи) существуютъ духовныя академіи, стоящія на одной степени съ университетами.— При крѣпостномъ правѣ Русскихъ крестьянъ не удивительнымъ казалось, что многіе изъ сельскихъ священно и церковнослужителей мало заботились объ образованіи своихъ дѣтей; но въ настоящее время, когда принимаются энергическія мѣры къ распространенію *народнаго* образованія, и особенно въ средѣ ос-

вобожденныхъ крестьянъ, чувствуется потребность, что бы и сельское духовенство было хорошо образовано. Конечно, не малымъ препятствіемъ къ тому служатъ недостатокъ поощреній, и бѣдность многихъ изъ нихъ, часто принужденныхъ обрабатывать свои поля собственными руками, но въ настоящее время приняты уже нѣкоторые мѣры, а другія обсуждаются, которыя, будемъ надѣяться, приведуть къ лучшему въ томъ и другомъ отношеніи.

Отрадно видѣть постепенно возрастающее стремленіе къ изученію слова Божія. Недавно явилось нѣсколько значительно компетентныхъ комментаріевъ на оное, которые продолжаютъ выходить и по настоящее время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ напечатанъ пересмотренный переводъ священнаго писанія съ Славянскаго на Русскій языкъ, съ благословенія Святѣйшаго Синода, потребовавшій много лѣтъ терпѣливаго труда; оно, въ многочисленныхъ экземплярахъ, распространяется теперь во всѣхъ концахъ Русской Имперіи. Повторимъ съ сердечнымъ благоговѣніемъ незабвенныя слова, въ которыхъ царь привѣтствовалъ окончаніе этаго труда: „молю Господа явить дѣйственную силу своего святаго слова, вразумляя Русскій народъ стремиться впередъ въ истинѣ и благочестію“.

Часто возражаютъ, что въ Русской церкви не успѣшно идетъ миссіонерское дѣло, но это возраженіе можетъ быть сдѣлано единственно вслѣдствіе незнакомства съ фактами. Что много лѣтъ тому назадъ Русская церковь подобно нашимъ Западнымъ церквямъ, мало дѣлала для миссій, это конечно правда, и для нея, какъ и для насъ, могутъ быть найдены въ томъ смягчающія вину обстоятельства. Но теперь, уже въ теченіе долгаго времени, принимаются миссіонерскія, довольно энергическія, мѣры къ обращенію язычниковъ и магометанъ. Самая цвѣтущая миссія Русской церкви находится въ Японіи, съ 6,000 (?) обращенныхъ въ христіанство Японцевъ, и многими духовными лицами изъ туземцевъ и катехизаторами. Русское *Привославное Миссіонерское Общество*, съ своими развѣтвленіями въ различныхъ епархіяхъ, въ каждомъ изъ коихъ во главѣ стоитъ епископъ, много способствуетъ къ развитію сочувствія, въ средѣ духовенства и мірянъ, къ этому, по истинѣ, благому дѣлу.

Говоря о Миссіонерскомъ Обществѣ—нельзя не упомянуть о

миссіонерскомъ воспитательномъ заведеніи въ Казани, устроенномъ съ цѣлю приготовленія вообще миссіонеровъ къ дѣятельности въ иностранныхъ земляхъ, и преподаванія тѣмъ изъ нихъ, которые должны сдѣлаться приходскими священниками въ губерніяхъ, населенныхъ магометанами, образованія чисто спеціального для борьбы съ послѣдователями лжепророка. Какъ бы мнѣ желалось представить вамъ здѣсь хотя краткій очеркъ жизни великаго миссіонера героя, Иннокентія Московскаго, недавно переселившагося въ вѣчность, который подвизался въ теченіе сорока пяти лѣтъ на миссіяхъ Камчатской и Алисской, и за тѣмъ, въ продолженіе 10-ти лѣтъ, трудившагося для миссій, въ санѣ митрополита Московскаго, и основателя и перваго президента православнаго Миссіонерскаго Общества; но, увы, краткость времени не дозволяетъ мнѣ исполнить мое желаніе.

Я старался въ срокъ назначенный мнѣ для моего спича показать *сколько нибудь*, что такое есть Русская церковь. Я былъ вынужденъ, за недостаткомъ времени, приводить *общія положенія*, когда весьма охотно далъ бы *доказательства*, — представить въ самомъ простомъ очеркѣ то, что гораздо основательнѣе было бы сдѣлать въ подробнѣйшемъ описаніи.

Миссіи Англійской церкви имѣютъ *очень мало для дѣятельности въ Русской церкви* (!?). Что касается народа Русской имперіи то мы можемъ *оставить всякое попеченіе* (совершенно справедливо) *объ его религіозномъ образованіи* тѣмъ лицамъ, на которыхъ Господь возложилъ ответственность за это, т. е. епископамъ и священнослужителямъ Русской церкви.

На Аляскѣ двѣ церкви могли бы придти въ столкновеніе между собою, но Американская церковь сочла благоразумнѣйшимъ, по крайней мѣрѣ на настоящее время, не выступать на поприще, такъ хорошо воздѣланное Русскою церковію прежде, когда Аляска была еще частію Русскихъ владѣній, на которомъ она трудится доселѣ и можетъ подвизаться съ успѣхомъ въ будущемъ.

Въ Японіи миссіонеры Англиканской, Американской и Русской церкви, дѣйствуютъ совмѣстно (?), и живутъ между собою очень согласно. Случаи обоюдныхъ недоразумѣній, конечно, встрѣчаются, но христіанская терпимость и взаимная симпатія отличающія предводителей означенныхъ миссій, съ Божіею помощію,

предотвращают и несомнѣнно будутъ предотвращать всякія дурныя послѣдствія.

Да будутъ отношенія между Русскою церковію и церквами находящимися въ общеніи съ оной, съ одной стороны, и англо-американскою церковію и ея иностранными миссіями, съ другой, навсегда отношеніями, основанными *на истинно христіанской любви!* Каковы бы ни были политическія взгляды, склонности, разногласія, пусть послѣдователи единого Господа, особенно въ вопросахъ и дѣлахъ чисто религіозныхъ, потщатся думать достаточно любезно, говорить благосклонно, дѣйствовать мирно, относительно другъ друга!—Въ словахъ достопочтеннѣйшаго патріарха Александрійскаго, содержащихся въ письмѣ, которое я имѣлъ честь получить отъ него нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выражена между прочимъ слѣдующая мысль. — До того самаго времени, пока Господь не благоизволитъ осуществиться великому дѣлу единенія, среди насъ будетъ являться множество затрудненій, недоразумѣній, пререканій и другихъ камней преткновенія; но продолжаетъ онъ, обоюдное терпѣніе и снисходительность, согрѣваемые христіанскою любовію и глубокимъ сознаніемъ той высокой цѣли, къ которой мы стремимся, могутъ преодолѣть все оныя“.

Постараемся же болѣе и лучше ознакомиться съ положеніемъ нашихъ братьевъ, чѣмъ мы знакомы съ онымъ въ настоящее время, и воспользуемся всякимъ удобнымъ случаемъ для болѣе основательнаго ознакомленія *ихъ съ нами*. Вѣроятно на той и другой сторонѣ найдется гораздо болѣе пунктовъ для соглашенія, чѣмъ то обыкновенно думаютъ и много менѣе разногласій, въ дѣйствительности, чѣмъ то кажется съ перваго раза. Будемъ такъ дѣйствовать въ ожиданіи того счастливаго времени, которое впрочемъ скрыто отъ насъ, когда Господу благоугодно будетъ примирить между собою разногласящихъ и разъединенныхъ чадъ своихъ, и когда Иерусалимъ, церковь Божія,—снова сдѣлается градомъ единенія и любви, каковою она была въ первенствующія времена.

Историческій очеркъ Николо-Перервинскаго монастыря

ВСТУПЛЕНІЕ.

Живописны окрестности первопрестольной столицы, бѣлокаменной матушки Москвы, и особенно живописны онѣ весеннею и лѣтнею порою, когда зелень полей, благотворенный воздухъ лѣсовъ и рощей, съ ихъ пернатымъ, чирикающимъ и поющимъ населеніемъ, освѣжаютъ душу и тѣло и вливаютъ въ нихъ какъ бы новыя силы и бодрость.

А сколько кругомъ Москвы такихъ прекрасныхъ мѣстностей! Воробьевы Горы, Покровское, Фили тожъ, Кусково, Кунцево, Царицыно, Люблино, Коломенское и многія другія загородныя селенія, конечно, извѣстны по своему красивому мѣстоположенію едва-ли не большинству москвичей, и многіе, многіе изъ столичныхъ жителей, вѣроятно, доселѣ считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ посѣтить то или другое изъ нихъ въ воскресный или праздничный день, а пожалуй и провести въ какомъ либо изъ нихъ для поправленія здоровья и весь лѣтній сезонъ.

Къ числу приятныхъ по мѣстоположенію загородныхъ окрестностей Москвы, безъ сомнѣнія, должно отнести и заштатный, приписной къ Чудову, мужской Николо-Перервинскій монастырь, съ прилегающей къ нему Перервинской слободкой, — находящейся въ разстояніи $7\frac{1}{2}$ верстъ отъ Москвы, если ѣхать изъ оной по конному пути, безразлично въ Покровскую или Спасскую заставу, и около $10\frac{1}{2}$ верстъ, если ѣхать на Люблинскій полустанокъ по Курской желѣзной дорогѣ.

Монастырь Николо-Перервинскій, несомнѣнно, одинъ изъ очень древнихъ; его исторія особенно близко связана съ послѣдними годами жизни послѣдняго Патріарха Адріана и Московскаго митро-

полита Платона; онъ вмѣщаль въ своихъ стѣнахъ славившуюся нѣкогда своимъ образованіемъ, при Платонѣ, Перервинскую Семинарію, зданіе которой и доселѣ служить для помѣщенія Перервинскаго духовнаго училища, съ его наставниками и учениками; его удостоивала неоднократно своимъ посѣщеніемъ Императрица Екатерина II и наслѣдникъ Ея Великій Князь Павелъ Петровичъ съ своею супругою Великою Княгиней Натальей Алексѣвною; многократно посѣщаль эту обитель и Императоръ Александръ I изъ сосѣдняго села Коломенскаго, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ; онъ еще издавна, извѣстенъ своими не малыми пожертвованіями на нужды духовно-учебныхъ и другихъ благотворительныхъ учрежденій. Вотъ почему мы взяли на себя трудъ составить посильный очеркъ этой обители, которая, уже со времени впервые встрѣчающагося упоминанія о ней въ дошедшихъ до насъ документахъ за 1623 г., можетъ исчислять свое существованіе болѣе, чѣмъ двумя съ половиною столѣтіями.

I.

Мѣстоположеніе Николо-Перервинскаго монастыря и его окрестности.

Николо-Перервинскій монастырь красиво расположенъ на лѣвомъ берегу Москвы-Рѣки, на довольно возвышенной мѣстности и представляетъ собою родъ неправильнаго четырехъ-угольника, каждая сторона котораго соотвѣтствуетъ особой сторонѣ свѣта. Со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ каменными двухъ этажными корпусами—архіерейскимъ, настоятельскимъ,—братскимъ, училищнымъ и ученическимъ, съ двумя на восточной сторонѣ башнями.

На сѣверѣ отъ монастыря, по направленію къ Самаровой горѣ, тянется вѣковая сосновая роща; а за нею на отдаленномъ горизонтѣ рельефно выдаются изящная колокольня древняго Калитникова мірскаго кладбища,—высокая колокольня Новоблагословенной перкви,—Рогожское кладбище,—село Карачарово, древнее село, теперь деревня Граворонова, Чесменская дача, принадлежавшая нѣкогда знаменитой фамиліи графовъ Орловыхъ-Чесменскихъ, деревня Печатниково и сельцо Люблино съ прекраснымъ паркомъ.

Съ восточной стороны къ монастырю прилегаеть Перервинская подмонастырняя слобода съ значительнымъ числомъ крестьянскихъ домиковъ и дачъ, отдаваемыхъ на лѣто перервинскими крестьянами огородниками подъ дачныя помѣщенія москвичамъ. Почти параллельно съ Перервинскою слободою, сзади нея, тянется всегда оживленная товарными и пассажирскими поѣздами прямая линія Московско-Курской желѣзной дороги, а за нею раскинулись обширные огороды и поля, съ виднѣющимися на горизонтѣ красивыми сельскими храмами селеній Котельникова, Копотни, Братѣва, Бесѣдь, среди коихъ въ хорошую ясную погоду легко можно различить темный силуэтъ кумпола высокой колокольни Никола-Угрѣшской обители.

Съ южной стороны къ монастырю прилегаеть большой фруктовый садъ, съ густою аллеею и пчельникомъ, — разбитый въ лощину подъ монастырскою горою, круто обрывающеюся съ этой стороны внизъ, и обнесенный каменною оградой; а за садомъ въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣются съ горы деревни Марьино, Курьяново, Батюнино, лѣтніе бараки воспитанниковъ Константиновскаго Межеваго Института, село Сабурово, а лѣвѣе онаго почернѣвшія отъ времени руины Царицынскаго дворца, съ полуразрушенными готическими башнями, — мрачный памятникъ Екатерининскихъ временъ. Вообще съ этой стороны и нѣсколько съ западной монастырь представляется стоящимъ на горѣ, яко бы на подобіе замка¹⁾).

Съ западной стороны Никола-Перервинскій монастырь извилисто огибаетъ Москва-рѣка, на правомъ берегу которой на горѣ расположено древнее историческое дворцовое село Коломенское съ рельефно выдающимися изъ за зелени Коломенскихъ садовъ древними храмами Иоанно-Предтечевскимъ, Вознесенскимъ и Казанскимъ. Отселѣ (отъ Царицынскаго дворца) къ западу, замѣчаетъ составитель одной старинной рукописи о монастырѣ²⁾ съ свойственною тогдашнему времени витѣватостію, простирается

1) Архивъ монастырскихъ дѣлъ. Свѣдѣнія о состояніи монастыря, писанныя въ 1787 г.

2) Рукопись—Историческое описаніе Николаевскаго Перервинскаго монастыря, Митрополита Московскаго Платона; относится къ 1806 г. Нашата на въ Чтен. въ Обществѣ Любит. Духов. Просвѣщ. 1877 г. Октябрь.

длинною грядою длинная гора, приосѣненная дремучимъ лѣсомъ.— Это—подмосковныя Альпы, гдѣ въ чудномъ смѣшеніи представляется вмѣстѣ величественность съ красотою, ужась съ пріятностію! Продолжая далѣ топографическія наблюденія мы видимъ черезъ обширныя поля съ сѣверозападной стороны монастыря красивую панораму Москвы съ ея многочисленными златоглавыми монастырями и храмами. Вотъ величественно-высокая готическая башня и высокая колокольня древней Симоновой обители; далѣе, нѣсколько лѣвѣе оной, рельефно выдаются на горизонтѣ массивная ограда съ башнями и пятиглавый храмъ Донской обители, а за нею, въ нѣкоторомъ разстояніи живописно поднимаются холмами историческія Воробьевы горы;—вотъ пятиглавый Новоспасскій монастырь, Спасо-Андроньевъ,—Покровскій, что „на убогихъ домахъ“;—а за ними, сверкаютъ въ солнечныхъ лучахъ златыя маковки столичныхъ, тянущихся какъ-бы амфитеатромъ. Московскихъ храмовъ, среди которыхъ горитъ, какъ солнце, громадный золотой кумполь, съ четырьмя меньшими, храма Христа Спасителя, и почти рядомъ поднимается златоглавый Московскій историческій кремль съ его соборами и величественнымъ Большимъ Николаевскимъ Дворцомъ. Вообще окрестности Николо-Перервинской обители очень живописны и представляютъ прекрасный ландшафтъ художественному взору каждаго посѣтителя Перервы особенно при лучахъ восходящаго и заходящаго солнца.

II.

Наименованіе Николо-Перервинскаго монастыря.

По преданію, существовавшему въ Перервинской слободѣ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія и сохранившемуся отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, Николо-Перервинскій монастырь первоначально назывался „Николю Старымъ“¹⁾. Вероятно, монастырь назывался такъ въ отличіе отъ другихъ загородныхъ церквей посвященныхъ имени Святителя Николая и въ частности, быть можетъ, въ отличіе отъ Николо-Угрѣшской оби-

¹⁾ „Историческое описаніе Николаевского Перервинскаго монастыря“.

тели, ближайшей къ Николо-Перервинской и основанной въ 1380 году, такъ какъ Николо Перервинская обитель могла существовать, какъ увидимъ ниже, еще до времени основанія Николо-Угрѣшской.

Настоящее наименованіе позднѣйшее и, какъ можно заключить по значенію самаго слова, а также по общему древнему преданію, произошло отъ того обстоятельства, что за долго до нашего времени протекавшая близъ самыхъ монастырскихъ стѣнъ съ западной стороны Москва-рѣка внезапно *прервала* свое теченіе, и, сдѣлавъ крутой поворотъ въ нѣсколькихъ саженихъ отъ монастыря, пошла по направленію къ селу Коломенскому. Объясненіе это—очень вѣроятное. Слѣды прежняго теченія Москвы-рѣки сохранились еще въ началѣ настоящаго столѣтія въ видѣ узко-длиннаго озера¹⁾, находившагося подлѣ самаго монастыря и указывавшаго ходъ ея; а въ настоящее время не вдалекѣ отъ монастыря, при такъ называемомъ Пономарихѣ видѣнъ крутой поворотъ Москвы-Рѣки вправо, къ селу Коломенскому.

Когда послѣдовала *перерывъ* теченія Москвы-рѣки, а вслѣдствіе того переимѣна прежняго наименованія монастыря „Никола Старый“ на другое — „Николо-Перервинскій“, — неизвѣстно; но послѣднее наименованіе монастыря встрѣчается уже въ указѣ отъ 1623 г. Царя Михаила Феодоровича изъ приказа большаго дворца. А если принять во вниманіе, что Перервинскій монастырь въ царствованіе Грознаго носилъ еще наименованіе „Николы Старого“ то можно предполагать, что измѣненіе наименованія монастыря произошло уже послѣ Грознаго.

III.

Начало Николо-Перервинскаго монастыря и первоначальное его состояніе.

Начало и основатель Николо-Перервинскаго монастыря документально неизвѣстны и на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣчать только предположительно.

¹⁾ Это озеро отдавалось прежде въ аренду перервинскимъ крестьянамъ для рыбной ловли, а въ 20-хъ годахъ, при игуменѣ Ааронѣ засыпано по неизвѣстной причинѣ.

По всей вѣроятности, монастырь основанъ около времени Мамаева побоища. Это время по развитію въ Московской Руси монастырей, этихъ разсадниковъ христіанскаго просвѣщенія. Кромѣ нѣкоторыхъ уже существовавшихъ прежде монастырей — Спасо-Преображенскаго (Спасъ на Бору) — перваго и старѣйшаго изъ всѣхъ; — Данилова и Богоявленскаго, въ это время получило свое начало большинство остальныхъ монастырей, — а именно: въ Москвѣ: Симоновъ ¹⁾, Спасо-Андроньевъ ²⁾, Высокопетровскій ³⁾, Срѣтенскій ⁴⁾, Николаевскій Греческій ⁵⁾, Чудовъ ⁶⁾; внѣ Москвы: Троицко-Сергіевскій ⁷⁾, Николо-Угрѣшскій ⁸⁾, Николаевскій Пѣношскій ⁹⁾, Сторожевскій Саввинъ ¹⁰⁾, Высоцкій Богородицкій ¹¹⁾, Голутвино Богоявленскій ¹²⁾, и Бобреневъ ¹³⁾; и Московскіе женскіе: Алексіевскій ¹⁴⁾, Рождественскій ¹⁵⁾ и Вознесенскій ¹⁶⁾. — Въ это же время, вѣроятно, за нѣсколько лѣтъ до Куликовской битвы, полагаемъ, основанъ былъ какимъ нибудь благочестивымъ старцемъ и Николо-Перервинскій монастырь, получившій названіе „Николы Стараго“.

Если теперь мы перенесемъ мыслію слишкомъ за пять вѣковъ до нашего времени къ древней обители „Никола Старый“, то несомнѣнно можемъ полагать, что она своимъ устройствомъ походила на многіе другіе, возникавшіе въ означенный періодъ монастыри. Небольшая, деревянная, срубчатая церковь, а въ началѣ, быть можетъ, даже только часовня, во имя Св. Николая, на берегу Москвы-рѣки; при ней двѣ, три деревянныя келіи, съ нѣсколькими старцами и игуменомъ во главѣ; — съ сѣверной, вос-

¹⁾ Основанъ племянникомъ препод. Сергія въ 1370 г. ²⁾ Основанъ препод. Андроникомъ, ученикомъ препод. Сергія въ 1360 г. ³⁾ Основанъ Великимъ Княземъ Донскимъ въ 1380 г. ⁴⁾ Основанъ Великимъ Княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1396 году ⁵⁾ По началу своему возводятся къ XIV столѣт. — ⁶⁾ Основанъ Святителемъ Алексіемъ Митрополитомъ въ 1365 г. — ⁷⁾ Основанъ препод. Сергіемъ въ 1334 г. — ⁸⁾ ⁹⁾ ¹⁰⁾ Основаны великимъ княземъ Дмитріемъ Донскимъ первый въ 1380 г., второй въ 1361 и третій въ 1370 г. — ¹¹⁾ Основанъ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ въ 1373 г. — ¹²⁾ Основанъ Велик. Княз. Дмитріемъ Донскимъ въ 1385 г. — ¹³⁾ Обѣтная пустынь Бобренева основана, по преданію, бояриномъ Д. М. Бобровымъ послѣ Мамаева побоища ¹⁴⁾ Основана Святителемъ Алексіемъ около 1360 г. — ¹⁵⁾ Основанъ Великою Княгинею Маріею, матерію Князя Владиміра Андреевича въ 1386 г. ¹⁶⁾ Основ. препод. Евфросиніею, супругою Велик. Князя Дмитрія Ивановича Донскаго.

точной и южной стороны кругомъ обители невысокіе горы и холмы, покрытыя дремучимъ боромъ, съ западной—Москва рѣка, оживленная ладьями рыбаковъ,—за которую тянутся поемные Коломенскіе луга,—вотъ въ какой картинѣ представляется нашему воображенію настоящая Николо-Перервинская обитель въ перво-бытномъ ея состояніи!

IV.

Состояніе Николо-Перервинскаго монастыря въ 1623—24 и, и въ послѣдующее время до патриарха Адриана.

Въ первый разъ *документное* извѣстіе о Николо-Перервинской обители появляется въ 1623 г., слѣдовательно, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: вотчина „Перервинскаго монастыря на Москвѣ-рѣкѣ село Слободка, а въ немъ церковь Никола-Чудотворецъ древянь клѣтцкій, образы и свѣчи и книги и колокола—строеніе мірское приходскихъ людей, а въ ней игумень да два старца“ ¹⁾. Въ выписи же изъ книгъ, составленныхъ въ 1623—24 г. межевщикомъ Лаврентіемъ Кологривовымъ да подъячимъ дружиною Скирнымъ во время размежеванія земель въ Россіи и при размежеваніи въ частности земли, издревле принадлежавшей Перервинскому монастырю и стоявшей въ его окрестностяхъ,—ясно обозначено и число крестьянъ, а также количество земли, находившихся за означеннымъ монастыремъ. Въ ней говорится объ этомъ такъ: „у того жъ Перервинскаго монастыря монастырская слободка на рѣкѣ Москвѣ, а въ ней бобыль Климка Ивановъ, бобыль Ивашко Захаровъ, бобыль Ѳедька Антоновъ, бобыль Томилко Матвѣевъ, бобыль Трохимко Захаровъ, бобыль Пашко Матвѣевъ, бобыль Никитко Давыдовъ, всего семь человекъ“ ²⁾. — Земли за Перервинскимъ монастыремъ триста четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жъ, сѣнныхъ покосовъ двѣсти пятьдесятъ копень; лѣсу напашеннаго двѣ десятины“ ³⁾.

¹⁾ Архивъ Министерства Юстиціи грамоты церквей и монаст. № 7269 (127) и № 7309 (167).

²⁾ Чтен. въ Общ. Любит. Дух. Просвѣщ. 1877 г. Октябрь стр. 99.

³⁾ Ibid. стр. 96. Часть этой земли въ 1753 г. межевщикомъ Бологов-

Въ такомъ незавидномъ, почти скудномъ, положеніи является монастырь вскорѣ послѣ смутнаго времени и Литовскаго нашествія,—что впрочемъ очень естественно по ходу событій того времени. Вблизи описываемой обители, въ с. Коломенскомъ, въ 1591 г. останавливался съ своею ордою Крымскій ханъ Казы-Гирей, который и высылалъ отсюда разорять окрестныя села и деревни. Въ 1610 г. здѣсь имѣлъ свой станъ Тушинскій Самозванецъ, который также неистовствовалъ, подобно Крымскому хану, если еще не хуже, опустошая огнемъ и мечемъ Москву и ея окрестности. Окрестности Перервинскаго монастыря, покрытыя тогда лѣсами, вѣроятно, служили въ то время притономъ для станичниковъ и казаковъ, производившихъ при самозванцахъ разбои и грабежи около монастыря. Вотъ почему можемъ не безъ основанія полагать, что и древній монастырь Перервинскій подобно многимъ другимъ монастырямъ, былъ разоренъ и выжженъ поляками въ означенное смутное время, а потомъ въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича возобновленъ, или даже выстроенъ вновь на прежнемъ, а, можетъ быть, и на другомъ, ближайшемъ къ старому, мѣстѣ,—на берегу Москвы-рѣки, тамъ именно, гдѣ образовался *перерывъ* рѣки, давній названіе Перервы всей описываемой мѣстности.

Кромѣ этихъ краткихъ свѣдѣній мы не имѣемъ никакихъ другихъ о судьбѣ Николо-Перервинской обители въ первую четверть XVII столѣтія; не знаемъ даже съ точностію имени того игумена, который упоминается первымъ въ официальной выписи изъ межевыхъ книгъ за 1623--24 г., такъ какъ въ монастырскомъ синодикѣ первымъ игуменомъ обозначается іеромонахъ Іосифъ, безъ обозначенія года, а вторымъ, іеромонахъ Герасимъ I, уже въ 1654 г. Можемъ только предполагать, что первый игуменъ возобновленнаго, или вновь отстроенаго, монастыря именовался Александромъ; имя его, хотя и необозначено въ монастырскомъ синодикѣ, но оно встрѣчается въ одной выписи изъ книгъ за 1632 г., въ которомъ монастыремъ сдѣлано было небольшое приращеніе въ хозяйственныхъ владѣніяхъ, именно: въ означенномъ

.....
скимъ и Салтыковымъ была отмежевана къ селу ихъ Самаровой горѣ, а недостающее число земли замѣнено землею невыгодною.

году по указу Государя Михаила Феодоровича изъ приказа большаго дворца по просьбѣ Перервинскаго монастыря игумена Александра велѣно отдать монастырю въ долготѣ Коломенскомъ лугу лужокъ заполицу, и владѣть имъ игумену съ братією, какъ владѣли изстари по прежнему. Лугу же сего было 4 десятины съ четвертію. ¹⁾ Т. е. возвращенъ былъ лугъ, принадлежавшій прежде монастырю вѣроятно, и захваченный крестьянами какого-либо изъ ближайшихъ селеній.

Въ 1649 г., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и при патриархѣ Іосифѣ, состояніе монастыря замѣтно улучшается. Во вкладной монастырской книгѣ подъ упомянутымъ годомъ значится, что строилась новая каменная церковь Успенія Богородицы и Чудотворца Николая съ колокольнею. Церковь Успенія освящена была въ 1650 г., а постройка церкви Св. Николая продолжалась еще и въ 1654 г. Годъ и число освященія Успенской церкви подробно указаны на деревянномъ крестѣ, ²⁾ стоявшемъ подъ престоломъ означенной церкви до 1812 года. На семъ крестѣ находится слѣдующая надпись: „освятися олтарь Господа и Бога Спаса нашего Иисуса Христа и положенъ бысть крестъ сей въ церкви Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія лѣта 7158 (1650) года мѣсяца августа въ 4-й день, при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всея Россіи и при святѣйшемъ Іосифѣ патриархѣ Московскомъ и всея Россіи“.

Судя по богатымъ вкладамъ, поступившимъ въ 1649 г. въ Перервинскій монастырь отъ царя Алексія Михайловича и духовника его Благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифантьевича и боярина Михаила Михайловича Салтыкова, мы имѣемъ основаніе думать, что построеніе означенныхъ церквей и колокольни производилось, какъ на подаяніе мірскихъ людей, такъ въ особенности на счетъ щедротъ царскихъ.

Въ 1642 г Алексіемъ Михайловичемъ даны между прочимъ слѣдующіе вклады: сосуды серебряные съ покровами, серебряное кадило, крестъ благословенный басмяной, двое ризы камчатныя бѣлыя, пелена привѣсная золоченаго атласу да денегъ на строеніе

¹⁾ Чтен. въ Общ. Любит. Духов. Просв. 1877 г. октябрь стр. 97.

²⁾ Крестъ въ Успенской церкви уцѣлѣлъ и до сего времени.

100 руб. Царскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ также много заботился о благоукрашеніи созидаемаго храма. Въ 1642 же году онъ далъ вкладомъ ризы камчатныя красныя за 15 рублей, да другія ризы атласныя полосатыя за 12 руб., да 50 иконъ разныхъ за 5 рублей, да колоколь блговѣстникъ а въ немъ вѣсу 16 пуд., да три колокола и въ нихъ вѣсу 51 пудъ за 120 руб. Въ томъ же году владѣлецъ ближайшей къ монастырю вотчины Самарова гора бояринъ Михайлъ Михайловичъ Салтыковъ далъ вкладомъ въ строеніе денегъ 100 руб., да въ строеніе колокольной 50 руб. ¹⁾ При этомъ замѣтимъ кстати, что упомянутый бояринъ, какъ видно изъ одного древняго документа, хранящагося въ архивѣ монастырскихъ дѣлъ, ²⁾ покупая означенную вотчину отъ Михаила Дашкова, да Ивана Переносова, да Андрея Строева, въ 1640 г., въ силу сдѣланной тогда купчей, обязывался, если не останется послѣ него жены и дѣтей, вообще если прекратится родъ его,—своею вотчиною поступиться въ Государеву казну въ помѣстныя земли, а деньги въ монастырь по его душѣ за ту вотчину велить Государь дати изъ своей государевой казны смотря по строенію.

Изъ другихъ жертвователей около этого времени мы можемъ указать на слѣдующихъ лицъ. Въ 1654 г. игумень Герасимъ далъ вкладу 160 рублевъ. Игумень Митрофанъ 60 руб.—Изъ нижнихъ сидовниковъ Аванасій да Иродіонъ Поповы 230 руб. Въ 1674 г. гость Аванасій Гусельниковъ далъ 100 рублей да двѣ обьяри на ризы. Въ 1681 г. по человѣкѣ боярина князя Якова Одоевскаго Семенъ Кондратовъ потиръ и дискось, серебряные, ковшъ серебряный.

Въ 1674 году, какъ видно изъ вкладной книги, строилась другая каменная церковь во имя Преподобнаго Сергія Радонежскаго Чудотворца. Въ числѣ прочихъ благочестивыхъ вкладчиковъ на строеніе оной между прочимъ упоминается стольникъ Михайлъ Плещеевъ, который по своей праведной вѣрѣ далъ вкладомъ въ Перервинскій монастырь извести 70 бочекъ, да работниковъ, которые дѣлали церковь и святыя ворота.

¹⁾ Чт. въ Общ. Любит. Духов. Провѣщ. октябрь 1877 г. стр. 117.

²⁾ См. Примѣчанія.

Такимъ образомъ еще до построения патріархомъ Адріаномъ нынѣшней соборной Николаевской церкви въ Перервинскомъ монастырѣ были уже три каменные церкви (Успенская, Николаевская и Сергіевская) и святые ворота, которыя, по сказанію старожилъ еще до 1812 года, стояли на восточной сторонѣ монастыря, а нынѣшнія святые ворота, что подъ церквію Толгскія Богоматери, именовались водяными воротами, вѣроятно потому, что онѣ вели на Москву-рѣку.

Вѣроятно, одновременно съ построениемъ церкви во имя Преподобнаго Сергія построены были и два каменные одноэтажные флигеля, именовавшіеся „крылошескими“, т. е. братскими, одинъ на восточной, а другой на сѣверной сторонѣ монастыря,—о которыхъ упоминаетъ авторъ Исторіи Россійской Іерархіи въ описаніи Перервинскаго монастыря. ¹⁾ Но впослѣдствіи за ветхостію они были разобраны, вмѣсто нихъ построены одинъ братскій флигель и на концѣ онаго пивоварня въ одно жильѣ.

Въ 1687 году по указу великихъ князей, Государей и Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и Великой Государыни благовѣрной царевны и Великой Княжны Софіи Алексѣевны отдана была въ Перервинскій монастырь игумену Симону съ братією для монастырской ихъ скудости изъ оброку впредь безъ переоброчки въ Московскомъ уѣздѣ дворцоваго села Коломенскаго межъ Братѣвскаго болота пустошка одинцовская гривка въ угодье съ платежемъ отъ монастыря въ приказъ большаго дворца по рублю на годъ и на то дана монастырская выпись ²⁾.

Кромѣ упомянутыхъ нами земель и крестьянъ въ означенный періодъ во владѣніи Николо-Перервинскаго монастыря находилась еще часовня въ Москвѣ, между Неглинскими воротами ³⁾ для подаенія православныхъ христіанъ того монастыря въ церковь на всякія церковныя потребности и при ней постоянно находился ста-

¹⁾ Исторія Россійской Іерархіи часть V стр. 485.

²⁾ Чт. въ Общ. Любит. Духов. Просвѣщ. 1877 г. октябрь 97 стр.

³⁾ Неглинскими ворота назывались потому, что стояли на берегу Неглинной. Въ 1680 г. указомъ Федора Алексѣевича велѣно называть эти ворота Воскресенскими по иконѣ Воскресенія Христова, стоявшей надъ правымъ проѣздомъ оныхъ, ѣдучи отъ Китай-города — Иверскими ворота называются отъ часовни Иверской Богоматери.

рець ¹⁾). Такъ какъ эта часовня, прославившаяся впоследствии подъ названіемъ Иверской, имѣла въ послѣдующее время большое вліяніе на судьбы монастыря, къ которому принадлежала, то мы должны сказать нѣсколько подробнѣе объ ея основаніи и первоначальномъ состояніи.

Изъ документовъ Перервинскаго монастыря видно, что часовня между Неглинскими воротами построена отъ этого монастыря около 1666 г., или немного раньше. Въ 1669 году 19 мая былъ привезенъ съ Аѳона въ Москву второй списокъ Иверской иконы Богоматери и послѣ торжественной встрѣчи поставленъ въ описываемой часовнѣ. Первоначально часовня была обращена къ Красной площади и находилась при внутренней стѣнѣ воротъ до 1680 г. А снаружи, въ простѣнкѣ этихъ воротъ, стояла каменная лавка, неизвѣстно когда построенная. Въ 1672 г. лавка эта принадлежала вдовѣ, стрѣлцкой женкѣ Василисѣ Аѳонасіевой и была заложена ею Перервинскому игумену Іонѣ, да казначею Герасиму съ братією за взятыя у нихъ заимообразно 120 руб. казенныхъ денегъ. Деньги въ срокъ заплачены не были и лавка поступила во владѣніе монастыря. Эта монастырская лавка о трехъ растворахъ, лицомъ къ Тверскимъ воротамъ, стояла до 1680 года. Въ 1680 году Неглинскія ворота за ветхостію были разобраны, а вмѣстѣ съ ними и лавка; на мѣсто же разобранной лавки перенесена съ противоположной стороны воротъ часовня. Въ стѣнѣ между проѣздами сдѣлана была ниша или печура и при ней была сдѣлана пристройка, названная въ древнихъ актахъ *деревянныиъ чуланомъ*.

Въ архивѣ описываемой нами обители сохранились два краткіе, но важные, документа относительно часовни и ея славной святыни изъ конца XVII вѣка. ²⁾ Изъ этихъ документовъ видно, что икона Иверской Богоматери была благоговѣнно чтима предержащими властями и тогда уже носима была (вмѣстѣ съ иконою св. Николая Чудотворца) по домамъ Московскихъ гражданъ,— и что самое мѣсто около часовни было также уважаемо.

¹⁾ Иверская Чудотворная икона Богоматери на Аѳонѣ. Архимандр. Сергія. 1879 г. стр. 26.

²⁾ См. Примѣчанія.

При Иверской часовнѣ съ издавна существовало для прїѣзда монашествующихъ Перервинскаго монастыря монастырское подворье. Оно находилось въ Китаѣ-городѣ, у Воскресенскихъ воротъ подлѣ городской стѣны. Прежде на этомъ мѣстѣ стояла каменная харчевня, принадлежавшая какому то Кадашевцу Филиппу Савельеву; но въ 1666 г. при Перервинскомъ игуменѣ Ионѣ по именному указу царя Алексія Михайловича, эта харчевня отдана была во владѣніе Перервинскаго монастыря для прибѣжища старцевъ, которые стоятъ у образовъ въ часовнѣ, и къ той харчевнѣ пригорожено было подворье для прїѣзда изъ монастыря старцамъ и служебникамъ; впрочемъ въ 1692 г. по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей прежняя принадлежавшая Перервинскому монастырю палата, или харчевня, была разломана, а на мѣстѣ ея построены для монастыря отъ казны (изъ стрѣлецкаго приказа) двѣ новыя каменные палаты. И на это новое подворье дана была монастырю въ 1694 г. „данная“¹⁾.

Наконецъ въ означенный періодъ Перервинскому монастырю принадлежало въ Москвѣ нѣсколько лавокъ и другихъ строеній, приносившихъ ему доходы; изъ нихъ нѣкоторыя и доселѣ еще находятся во владѣніи монастыря.

Въ 1675 г. Января 31 дня по указу царя Алексія Михайловича даны были Перервинскому монастырю въ Китай городъ у Неглинскихъ воротъ двѣ скамьи скобяныя и судоплатныя изъ оброку по 5-ти алтынъ на годъ съ скамьи безъ перекупки. Впоследствии вмѣсто этихъ скамей были поставлены отъ монастыря квасни.²⁾

Въ 1687 г. Іюля 21 дня отставной стрѣлецъ и церковный староста Григорій Никитинъ сынъ Брагинъ отдалъ Перервинскому монастырю на поминовеніе души своей и своихъ родителей въ Китаѣ городѣ идучи отъ лобнаго мѣста къ Спасскимъ водянымъ воротамъ на лѣвой сторонѣ противъ горшечнаго и сѣмяннаго рядовъ на обѣ стороны восемь лавокъ деревянныхъ³⁾.

Въ 1688 г. Брагинъ же далъ въ закладъ за 120 руб. въ Пе-

1) См. Примѣчанія.

2) Чт. въ Общест. Любит. Духов. Просвѣщ. 1877 г. октябрь стр. 101.

3) Чтен. въ Общест. Любит. Духов. Просвѣщ. 1877 г. октябрь стр. 101.

перевинскій монастырь слѣдующія лавки: въ масляномъ ветчинномъ ряду лавку каменную, въ свѣчномъ ряду 1¹/₂ лавки, въ томъ же ряду двѣ лавки безъ четверти на три затвора, да въ ветошномъ ряду поллавки, да въ земляномъ городѣ за Тверскими воротами два скамейныя мѣста со всякимъ строеніемъ: а впоследствии, будучи не въ состояніи заплатить занятыя деньги, поступилъ лавками въ пользу монастыря ³).

Не безъ интересно при этомъ то обстоятельство, что, хотя въ 1701 г. поступная Брагина и была утверждена въ приказѣ Большой казны, но вмѣстѣ съ тѣмъ игумену Симону и братіи предписано было лавками самимъ не владѣть, а продать ихъ тѣлымъ и торговымъ посадскимъ людямъ и только уже въ 1712 г., по просьбѣ Перервинскаго игумена Корнилія Московскій Губернаторъ М. Г. Романовскій разрѣшилъ монастырю владѣть этими лавками съ платежемъ прежнихъ и новоположенныхъ денегъ.

Въ 1684 г. Марта 7 дня вдова Марфа Силуанова Свѣчникова заняла у Перервинскаго игумена Симона, да у казначея старца Исаи съ братією 120 руб. денегъ Московскихъ ходячихъ прямыхъ срокомъ до Троицына дня того же года и дала въ закладъ въ щепетильномъ ряду лавку, а въ случаѣ ея неустойки и въ вѣчное владѣніе. Но такъ какъ занятыхъ денегъ ни въ назначенный срокъ, ни послѣ срока уплатить не могла, то упомянутая лавка утверждена была за монастыремъ въ Московскомъ магистратѣ въ 1704 году декабря 20-го ¹).

Около этого же времени московскій гость Иванъ Ивановъ, да сынъ его Стефанъ Горбовы дали въ Перервинскій монастырь каждый по четверти лавки въ серебряномъ ряду въ вѣчное владѣніе.

Вѣроятно, въ это же время пожертвована была еще лавка въ кафтанномъ ряду.

Лавки Свѣчниковой, Горбовыхъ и въ кафтанномъ ряду принадлежатъ Перервинскому монастырю и въ настоящее время.

Таково было экономическое состояніе Николо-Перервинскаго монастыря въ періодъ времени съ 1623 г. до патриарха Адріана. Относительно же внутренняго, духовнаго развитія братіи, подвизавшейся къ обители въ означенный періодъ мы не можемъ сказать ни чего за неимѣніемъ документовъ.

¹) Ibid. стр. 106.

Въ заключеніи этой главы приводимъ списокъ настоятелей Николю-Перервинской обители за описываемый періодъ, предварительно замѣтивъ, что въ монастырскомъ архивѣ мы находимъ свѣдѣнія о игуменахъ только отъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича.

1) Игумень Александръ — упоминается въ одной выписи въ 1632 г., въ монастырскомъ синодикѣ не обозначенъ, вѣроятно, потому, что переведенъ былъ въ какой либо другой монастырь, а слѣдовательно въ числѣ Перервинскихъ настоятелей уже не считался.

2) Игумень іеросхимонахъ Іосифъ — въ синодикѣ первый, записанъ безъ обозначенія года.

3) Игумень іеросхимонахъ Герасимъ I, въ синодикѣ, второй, упоминается въ 1654 году.

4) Игумень іеросхимонахъ Митрофанъ упоминается въ томъ же 1654 г. въ синодикѣ третій.

5) Игумень іеросхимонахъ Герасимъ II, въ синодикѣ четвертый, записанъ безъ означенія года.

6) Игумень іеросхимонахъ Іона, въ синодикѣ пятый, упоминается въ 1668, 1671 и 1675 годахъ.

7) Игумень іеросхимонахъ Прокль, въ синодикѣ шестой, записанъ безъ означенія года.

8) Игумень іеросхимонахъ Діонисій, въ синодикѣ седьмой, записанъ также безъ означенія года.

9) Игумень іеросхимонахъ Маркъ, въ синодикѣ восьмой, скончался въ 1683 году.

У.

Состояніе Николю-Перервинскаго монастыря во время патріарха Адріана и въ послѣдующее время — до митрополита Платона.

Святѣйшему патріарху Адріану Николю-Перервинскій монастырь весьма много обязанъ своимъ благосостояніемъ. Посему приступая къ описанію состоянія монастыря во время сего святытели, считаемъ необходимымъ посвятить его памяти нѣсколько біографическихъ воспоминаній.

Святѣйшій Адріанъ, десятый и послѣдній патріархъ Русской Церкви, родился въ 1638 г. О первыхъ годахъ его юности и о времени постриженія въ монашество мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что въ 1678 г., слѣдовательно на 40 году своей жизни, онъ былъ архимандритомъ московскаго Чудова монастыря, а черезъ восемь лѣтъ, именно въ 1686 году, рукоположенъ въ митрополита Казанскаго и Свѣяжскаго. Черезъ четыре года съ небольшимъ послѣ того, по кончинѣ патріарха Іоакима, т. е. въ 1690 г. митрополитъ Адріанъ былъ посвященъ въ санъ патріарха. Скончался патріархъ Адріанъ въ 1700 г. въ своей любимой Николо-Перервинской обители.

Патріархъ Адріанъ занималъ патріаршій престолъ въ весьма трудное время: преобразованія Петра, возбуждавшія негодованія во многихъ, вѣроятно, заставляли патріарха Адріана, какъ не совсемъ чуждаго привязанности къ старинѣ, или примѣняться въ своихъ дѣйствіяхъ къ современнымъ обстоятельствамъ, или и вовсе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уклоняться отъ дѣлъ правленія. Такое поведеніе не могло нравиться пылкому энергичному юному Самодержцу и Преобразователю Россіи. По крайней мѣрѣ мы не видимъ, чтобы Петръ благоволилъ къ нему; а слѣдствіемъ этого было ослабленіе вліянія патріарха въ дѣлахъ государственныхъ, сравнительно съ вліяніемъ его предшественниковъ. Несмотря впрочемъ на трудное время, въ которое суждено было жить и дѣйствовать послѣднему патріарху, дѣятельность его была благотворна во многихъ отношеніяхъ. Такъ во время его патріаршества расколы волновали церковь Русскую и Адріанъ созывалъ по сему случаю два собора въ Москвѣ: одинъ въ 1697 г. на нѣкоего вольнодумнаго дьяка Юшку Михѣева, а другой въ 1698 года противъ отступника діакона Петра, утверждавшаго, что папа есть настоящій пастырь, и что Греческая церковь отступила отъ истины. Важную заслугу со стороны патріарха составляетъ и то, что онъ имѣлъ особенное попеченіе о церквахъ и много содѣйствовалъ построенію ихъ. Кромѣ того патріархъ Адріанъ извѣстенъ еще и учеными трудами. Въ синодальной библіотекѣ доселѣ сохраняются въ рукописяхъ слѣдующія приписываемыя ему сочиненія: 1) *Щитъ вѣры*—книга содержащая въ себѣ нравоучительныя разсужденія и наставленія лицамъ духовнымъ и мірскимъ о должностяхъ ихъ и возраженія

противъ еретиковъ съ предисловіемъ неизвѣстнаго сочинителя. 2). *О древнемъ преданіи свѣтыхъ апостолъ и свѣтыхъ отецъ о крестномъ сложеніи* (написано Адріаномъ еще въ бытность митрополитомъ). 3) *Завѣщаніе Адріаново*, составленное имъ въ 1697 г., — при которомъ находятся надгробные стихи Адріана и надпись, вырѣзанная на камнѣ ¹⁾). Кромѣ сего въ библиотекѣ Императорской академіи наукъ въ Петербургѣ хранится собраніе грамотъ, или посланій, и духовныхъ указовъ, изданныхъ Адріаномъ въ разные времена. Прибавимъ въ дополненіе къ сему и слѣдующіе труды патріарха, напечатанные въ древней Россійской Вивлиоикѣ, въ XV части, 2 изданія, именно: *два письма* Адріана къ Петру I съ отвѣтами на оныя Государя, и *подробная инструкція поповскимъ старостамъ*, составленная въ 1697 году по его благословенію и руководству; а также двѣ грамоты Адріановы, писанныя къ ближнему боярину Шеину, помѣщенные въ книгѣ *Походъ Шеина къ Азову*—(С.-ПБ. 1773 г.).

А теперь уже приступимъ къ описанію состояніи Николо-Перервинскаго монастыря во время сего святителя и послѣдующее время до митрополита Платона.

При патріархѣ Адріанѣ, при его дѣятельномъ участіи, въ Перервинскомъ монастырѣ сооружена настоящая двухъ-этажная соборная Николаевская церковь, въ которой находятся слѣдующіе храмы: въ верхнемъ этажѣ—храмъ во имя Святителя Николая, въ нижнемъ во имя Преподобнаго Сергія, а въ колокольнѣ — въ честь Успенія Божіей Матери. Относительно участія патріарха Адріана въ дѣлѣ построенія сей церкви въ монастырской вкладной книгѣ говорится слѣдующее. „Его (патріарха Адріана) келейною казною въ 1700 и прежнихъ годахъ дано въ строеніе церквей Чудотворца Николая и Преподобнаго Сергія три тысячи сто пятьдесятъ рублей, да изъ казны его жъ дано въ церковь Сергія на престолъ на одѣяніе два изорбата и на другія церковныя потребности 20 аршинъ камки. Въ церковь Николая Чудотворца на престолъ на одѣяніе два изорбата да на жертвенникъ забверку 11 аршинъ. Да въ ту жъ церковь крестъ на престольный серебряный, да чашку серебряную водосвятную на ножкахъ, да

1) См. примѣчаніа.

на келейное строеніе триста девять рублей⁴. Имена другихъ жертвователей на постройеніе соборной Николаевской церкви неизвѣстны. Освящена была церковь лично самимъ патріархомъ Адріаномъ въ 1700 году, за двѣ съ небольшимъ недѣли до его кончины. При постройеніи весьма много потрудились игумень обители Симонъ и келейный патріаршій монахъ Герасимъ. Церковь сія въ общемъ и доселѣ остается въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ архитектурѣ и расположеніи Николаевской соборной церкви. Церковь сія стоитъ посреди монастыря, нѣсколько поближе къ западной сторонѣ. Высота ея отъ земли полагается въ 25 сажень. Нижняя Сергіевская церковь имѣеть три отдѣленія, какъ-то: алтарь, самую такъ называемую церковь и обширную трапезу. Трапеза, поддерживаемая посрединѣ столбами, находится подъ самою верхнею церковію, нижняя церковь подъ верхнимъ алтаремъ, а нижній алтарь выдался къ востоку. Стѣны росписаны живописью въ 1737 г. а иконостасъ рѣзной, весь вызолоченный. Въ верхней Николаевской церкви стѣны также росписаны живописью почти сплошными повсюдѣ клеймами въ 1727 году, а въ алтарь въ 1717. — Иконостасъ же старинный рѣзной, въ которомъ на одномъ изъ мѣстныхъ образовъ (храмовой иконѣ Святителя Николая) риза золотая, а на двухъ (иконы Спасителя и Божіей Матери) серебряныя вызолоченыя. Около верхней Николаевской церкви съ двухъ сторонъ, именно съ сѣверной и западной, выдается обширная и свѣтлая паперть оштукатуренная и сплошь покрытая хорошою живописною работою въ 1766 и 67 годахъ. Въ югозападномъ углу церкви помѣщается монастырская ризница, а въ сѣверномъ углу монастырская кладовая, служившая, какъ говоритъ преданіе, при патріархѣ Адріанѣ его моленною, изъ которой онъ чрезъ окно, выходящее въ соборную церковь, слушалъ церковное богослуженіе. Слѣды окна теперь заложенаго видны доселѣ. Подъ нижнею церковію находились обширные погреба и подвалы. Въ сѣверо-восточной Николаевской церкви, надъ самымъ входомъ въ нее, — возвышается колоколяня, почти такой-же высоты, какъ и самый храмъ съ куполомъ, — раздѣляющаяся на пять ярусовъ, изъ коихъ въ первомъ находится вышеуказанный входъ въ церковь, во второмъ — монастырская ризница, въ третьемъ небольшая, пре-

красно росписанная (въ 1767 г.) церковь въ честь Успенія Божіей Матери, въ четвертомъ—впослѣдствіи (именно въ 1784 г.) устроены боевые съ четвертями часы, въ пятюмъ висягъ самыя колокола, составляющіе церковный звонъ.

Единовременно съ соборнымъ Николаевскимъ храмомъ патриархомъ Адрианомъ устроены въ югозападномъ углу монастыря патриаршія келіи, которыя и доселѣ сохранили тотъ-же внутренній и внѣшній видъ, какой имѣли при патриархѣ, за исключеніемъ развѣ того, что въ одной изъ залъ въ послѣднее время, именно въ 1870 г., устроена небольшая домовая церковь во имя Св. Праведнаго Никодима, о чемъ скажемъ впослѣдствіи. „Келіи сіи“, замѣчаетъ ученый составитель рукописи исторіи монастыря 1806 г., „не огромны, но имѣютъ все выгоды, въ нихъ святѣйшій Адрианъ располагался, думать надобно, имѣть свое пребываніе, по крайней мѣрѣ въ лѣтнее время, чтобы удалиться отъ городского шума и другихъ озлобленій“.

Кромѣ сего при патриархѣ Адрианѣ Перервинскимъ монастыремъ были сдѣланы слѣдующія приобрѣтенія. Въ 1692 году двѣ квасныя лавки у Неглинныхъ воротъ, принадлежащія монастырю (смотри глав. IV), были взяты подъ стрѣлецкую караульню и вмѣсто нихъ отведено было Перервинскому монастырю новое мѣсто въ Китаѣ городѣ подлѣ церковной рѣшетки Казанскаго собора. Въ томъ же году палата или харчевня у Воскресенскихъ воротъ принадлежавшая монастырю, по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей была разломана и вмѣсто нея построены для монастыря двѣ новыя каменные палаты. Въ сихъ палатахъ поперешику отъ городской стѣны до проходу между стрѣлецкою караульнею было мѣрою 4 саж. съ 2 арш. безъ четверти. Подлѣ тѣхъ палатъ пригорожено къ городской стѣнѣ подворье заборомъ и покрыто сараемъ длиною отъ палатъ подлѣ города на 12 поперекъ отъ города на 4 сажени безъ полуаршина. Въ 1693 г., согласно просьбѣ игумена Симона съ братією, указомъ патриарха Адриана повелѣно было устроить отъ монастыря „для собиранія милостыни“ часовню и при ней келію для „пристанища и прочія нужды“ при строившейся тогда Сухаревской башнѣ. ¹⁾ А въ 1698

¹⁾ См. прилѣжанія

году, по просьбѣ игумена Симона съ братією патриархомъ Адрианомъ пожалованы были земли въ Рузскомъ уѣздѣ, и городскомъ стану, принадлежавшія прежде Троицкому, что на Копыльцѣ, монастырю, разоренному въ Литовское нашествіе. Земли эти составляли слѣдующія пустоши: Крюково, Горбово, Шапкино и и другія, всѣхъ восемь пустошей, въ которыхъ, по писцовымъ Рузскимъ книгамъ 1625—26 гг., было земли 300 четвертей въ полѣ а въ дву потому-жь, сѣна сто копенъ, лѣса напашеннаго 17 десятинъ. На означенныхъ земляхъ монастыремъ было завѣдено хлѣбопашество, для чего сюда было переведено изъ подмонастырской слободы нѣкоторое число крестьянъ; со временемъ сюда было переведено еще нѣсколько крестьянъ и образовалось нѣкое селеніе, названное сельцомъ Лукинымъ. Въ 1768 году въ Лукинѣ, по словамъ бывавшихъ въ этомъ сельцѣ старожилонъ Перервинской слободки начала настоящаго столѣтія, стояло уже 15 крестьянскихъ дворовъ и слѣдовательно было около 60 душъ (полагая, какъ то принято, по четыре души на каждый дворъ).

Послѣ патриарха Адриана благоуукрашеніе Перервинской обители и пожертвованія въ оную продолжаютъ. Приведемъ подробный списокъ того, что было сдѣлано послѣ патриарха Адриана до митрополита Платона для благоуукрашенія монастыря, и также всѣхъ пожертвованій, поступившихъ въ означенный періодъ.

Въ 1700 году стряпчий Никифоръ Протопоповъ отдалъ Перервинскому игумену Симону съ братією сперва въ наемъ на 30 лѣтъ съ платою по полтинѣ въ годъ, а по прошествіи сего срока и въ вѣчное владѣніе безъ всякой платы въ Рузскомъ уѣздѣ, въ Юминскомъ стану пустошь, названную селище Чернышево, въ которой было земли девять четвертей въ полѣ, а въ дву потому-жь

Въ 1702 г. изъ разряда подъячей Иванъ Пауковъ далъ сосуды серебряныя, потиръ, три блюда, звѣзду, лжицу съ покровы.

Въ 1706 г. преосвященный Іосифъ, митрополитъ Псковскій и Изборскій, далъ денегъ двадцать рублей, да два фунта серебра на ковчегъ что полагается святой агнецъ.

Въ 1712 г. монастырскаго приказу подъячій Семень Булгаковъ далъ крестъ серебряный рѣзной на престольный, да на позолоту перстень золотой и десять рублей денегъ.

Въ 1715 г. князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ далъ 1000 рублей.

Въ 1716 г. и въ слѣдующихъ села Покровскаго крестьянинъ Василій Евстигнѣевъ Бабуркинъ, въ иночествѣ Варлаамъ (онъ постригся на Перервѣ), далъ вкладу сосуды серебряныя, чашу водосвятную, блюдо, на которомъ полагается крестъ, четыре подсвѣчника, поставляемые при освященіи воды на столики; вѣсу во всѣхъ этихъ вещахъ 17 фун. 52 золотн.; устроилъ лампаду серебряную вѣсомъ въ 4 фунта 72 золот. Кромѣ того за росписаніе живописью алтаря въ соборной Николаевской церкви онъ заплатилъ 70 рублей, да запередѣлку серебряной лампы въ Иверской часовнѣ 16 рублей. Онъ же далъ двѣ рюмочки серебряныя, которыя поставляются при благословеніи хлѣбовъ, да кропило церковное съ серебрянымъ приѣмомъ; слилъ колоколъ вѣсомъ въ 94 пуда цѣною въ 524 рубля, еще два колокола въ обоихъ вѣсу $52\frac{3}{4}$ пуда цѣною въ 448 рублей, и устроилъ шесть серебряныхъ большихъ лампадъ предъ мѣстными въ иконостасѣ иконами, въ каковыхъ лампадахъ вѣсу было 2 пуда 24 фунта и 88 золотн.; цѣнность же простиралась до 1396 рублей.

Въ 1722 г. монахъ Перервинской обители Антоній Ивановъ далъ сосуды серебряныя позлащенные, кадило серебряное, воздухи, ризы бархатныя; да книгъ церковныхъ двадцать четыре.

Въ 1723 г. по просьбѣ игумена Варлаама съ братією отъ канцеляріи Надворнаго Суда была дана Перервинскому монастырю порожняя земля за Калужскими воротами, между Калужскою и Шаболовскою улицами подъ монастырское дворовое строеніе для пріѣзду съ иманіемъ мостовыхъ денегъ съ поперешной сажени въ пять лѣтъ по десяти денегъ. Земли было съ одного конца длиннину 14 сажень и съ другаго 12 сажень. Вѣроятно, вскорѣ послѣ пріобрѣтенія сей земли поставлена была часовая для сбора пожертвованій и при ней лавка и хлѣбня, отдававшіяся впоследствии въ наймы торговымъ людямъ.

Въ 1724 г. игумену Николо-Перервинскаго монастыря Симону съ братією и кто по нихъ будетъ дана была въ вѣчное владѣніе на подворье земля въ Китаѣ городѣ у Воскресенскихъ воротъ идучи изъ города на правой сторонѣ за караульною стрѣлцкою палатою.

Въ 1726 г. Марья Яковлевна Строгонова дала по своему че-

ловѣкъ Никифоръ Маловъ на престольное евангеліе на александрійской бумагѣ съ серебряною позлащенною верхнею доскою.

Въ 1727 г. монахъ Николо-Перервинской обители Симеонъ Солодовниковъ росписаль живописнымъ письмомъ соборную Николаевскую церковь. За работу живописцамъ онъ заплатилъ 418 рублей.

Въ томъ же году монастырское подворье, находившееся у Воскресенскихъ воротъ за караульною стрѣлечкою палатою было взято подъ монетный дворъ, а вмѣсто него Перервинскому монастырю отведена была за Ильинскими воротами въ приходѣ церкви Георгія Стратотернца земля подъ дворовое строеніе, — длиннику 20 сажень и поперечнику 13. На этой землѣ монастыремъ было выстроено подворье сначала деревянное, а потомъ въ 1770 году каменное съ таковыми же сараями. Подворье это отдавалось въ наймы.

Въ 1737 г. на подаянія вкладчика Ивана Васильевича Савельева (впослѣдствіи схимонаха сей обители Іосифа) и другихъ добродѣтельныхъ дателей построена была въ сѣверо-восточномъ углу монастыря церковь въ честь иконы Толгскія Богородицы. ¹⁾ Подъ сею церковию находилось двое воротъ; одни изъ нихъ были заложены изнутри и извнѣ и образовалась палатка для погребенія покойниковъ. А подъ трапездою означенной церкви съ западной стороны устроены были двѣ небольшія келліи (въ настоящее время монастырская сторожка). При постройкѣ сей церкви много потрудился игуменъ Варлаамъ. Въ память о жертвователѣ схимонахъ Іосифъ и игуменъ Варлаамъ въ Сергіевской церкви доселѣ находится икона преподобныхъ Іосифа и Варлаама.

Въ 1735 г. на соборныя деньги сдѣлана серебряная позлащенная риза на икону Иверской Богоматери.

Въ 1742 году, по случаю царскаго пріѣзда, велѣно было разобратъ деревянный чуланъ при Иверской часовнѣ; но по хода-

¹⁾ Въ 1768 г., вѣроятно, вслѣдствіе ветхости Іоанно-Богословской, на Самарихѣ, церкви, Толгская монастырская церковь была обращена въ приходскую. Но въ началѣ текущаго столѣтія прихожане Толгской церкви отошли въ приходъ села Сабурова и Толгская церковь снова стала монастырскою. Въ монастырской ризницѣ доселѣ сохраняются мѣдно-позлащенные вѣнцы для вѣнчанія и желѣзная купель для крещенія отъ того времени, когда Толгская церковь была приходскою.

тайству Церервинскаго игумена Виктора позволено было вмѣсто разобраннаго чулана сдѣлать каменный придѣлокъ. ¹⁾

Въ 1775 г. обветшавшая деревянная Сухаревская часовня разобрана и построена каменная.

Въ 1750 году, по сказанію старожиловъ, построень на южной сторонѣ монастыря каменный двухъ этажный настоятельскій корпусъ. Верхнее помѣщеніе занимали обыкновенно настоятели, а въ нижнемъ помѣщалось нѣкоторое число братіи. [Въ настоящее время какъ верхъ, такъ и низъ корпуса заняты монастырскою братією (іеромонахами)]. Въ 1767 году настоятельскій корпусъ былъ соединенъ съ патріаршими покоями деревянною галлереею, въ которой въ 1775 г. 9 мая была принята Императрица Екатерина II. Въ 1778 году галлерей была сломана и на мѣсто ея построень бывшій архіерейскій домъ (нынѣ настоятельскія келліи).

Въ одно время съ бывшимъ настоятельскимъ корпусомъ, если не ранѣе, у въѣздныхъ боковыхъ воротъ была построена каменная настоятельская кухня и при ней съ одной стороны жилой покой, а съ другой каменная же пивоварня.

Къ описываемому же періоду времени, по всей вѣроятности, относится и построеніе Серпуховской часовни, находившейся первоначально на болотѣ, гдѣ производилась прежде продажа и мѣна лошадей, и потому называвшаяся часовней, что на Конной. Часовня эта была каменная двухъ-этажная; въ нижнемъ открытомъ находились образа, а въ верхнемъ келліи для приставленнаго къ часовнѣ человѣка. Подлѣ часовни находилась блинная, отдававшаяся въ наемъ.

Таковы по дошедшимъ до насъ документамъ монастырскаго архива приобрѣтенія Николо-Церервинскаго монастыря во время патріарха Адріана и въ послѣдующее время до митрополита Платона. Изъ этого перечня прибрѣтеній ясно видно, что въ означенный періодъ монастырь достигъ довольно высокой степени экономическаго благосостоянія: онъ украсился величественнымъ соборнымъ храмомъ, церковью въ честь Толгскія иконы Богородицы и нѣсколькими жилыми зданіями, получалъ доходы отъ четырехъ Московскихъ часовень (Иверской, Сухаревской, Калуж-

¹⁾ Подлинное дѣло въ архивѣ Московской Духовной Консисторіи

ской и часовни, что на Конной) и сходъ съ подворья, лавокъ и земель. Правда, въ 1764 году, когда вводились такъ называемые монастырскіе штаты, земли монастырскія ¹⁾ вмѣстѣ съ крестьянами ²⁾ отъ монастыря отошли. Но и послѣ 1764 года общія сумма ежегодныхъ монастырскихъ доходовъ достигала значительной по тогдашнему времени цифры, — вполне достаточной къ нескучному довольствію монастырской братіи. Такъ въ 1774 г. въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ доходу было 4258 руб. 55 к., при чемъ большая часть собрана была въ Иверской часовнѣ.

Увеличилось въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ за описываемый періодъ и число монашествующихъ. Въ 1623 году, какъ уже сказано выше ³⁾, братіи въ Перервинскомъ монастырѣ кромѣ игумена было только два старца. Въ двухъ же челобитныхъ (хранившихся въ монастырскомъ архивѣ до 1812 года), писанныхъ игуменомъ Варлаамомъ съ братіею на Высочайшее имя Императрицы Анны Ивановны въ 1731 году съ ходатайствомъ о пожалованіи имъ по ихъ бѣдности деревни Бѣлоусовой (въ Ярославскомъ уѣздѣ), деревни Якимовой (въ Серпейскомъ уѣздѣ) и отписанаго села послѣ князя Василя Лукича Долгорукова, подъ названіемъ Ерахтуръ съ деревнями (въ Касимовскомъ уѣздѣ) ⁴⁾, между прочимъ прописано, что въ Перервинскомъ монастырѣ находится тридцать три человѣка, а бываетъ по сороку. Въ респектѣ же для раздѣла кружечныхъ доходовъ, писанномъ при игуменѣ Викторѣ (1734 — 1746) упоминаются слѣдующіе чины Перервинскаго монастыря: игумень, намѣстникъ, казначей, риз-

¹⁾ Въ 1764 г. за монастыремъ оставлена была земля только въ количествѣ 91 десятины; но въ 1771 г., по просьбѣ крестьянъ Перервинской слободы по указу Государственной Коллегіи экономіи и означенныя 91 десятины у монастыря были взяты и отданы крестьянамъ.

²⁾ Всѣхъ крестьянъ въ означенное время было: въ Перервинской слободѣ 79 душъ (какъ это видно изъ прошенія крестьянъ въ Государственную Коллегію экономіи объ отдатѣ имъ оставшей послѣ штатовъ у монастыря земли 91 десятины) и въ селѣ Лукинѣ душъ 60—Смотр. выше подъ 1698 год.).

³⁾ Смотр. IV гл.

⁴⁾ Неизвѣстно, были ли поданы эти челобитныя Государынѣ, или нѣтъ, и если поданы, какое послѣдовало рѣшеніе; но въ послѣдствіи означенныя вотчины въ монастырскихъ дѣлахъ никогда не упоминаются.

ничій, ієромонахи, ієродіаконы, монахи, проходящіє различное послушаніє, какъ-то: канархистъ, просвирикъ, часоводъ, пономари, хлѣбные, поваренные, часовенные, бѣлые попы, тружники, бѣльцы, конюшенные, скотники, огородники, да кромѣ того нѣсколько старцевъ, находившихся въ Русскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Лукинѣ, на пустошѣ для присмотра за скотомъ и для уборки хлѣба; первый изъ сихъ старцевъ называется иногда строителемъ, иногда правителемъ. Всѣхъ числомъ сорокъ два человѣка. Впрочемъ число братіи въ Перервинскомъ монастырѣ не всегда было велико. Въ 1764 г. Высочайше повелѣно было въ монастырѣ быть кромѣ настоятеля только патнадцати монашествующимъ. Въ 1768 г. по недостатку въ ієромонахахъ и ієродіаконахъ былъ присланъ на время для исправленія священнослуженія бывшій священникъ Алексѣевскаго монастыря Алексѣй Ивановъ и опредѣленъ въ монастырѣ діаконъ упраздненнаго Андреевскаго монастыря Никита Алексѣевъ. А во время мороваго повѣтрія, опустошавшаго Москву и ея окрестности, въ 1771 году, въ Николо-Перервинскій монастырь была временно переведена братія Николо-Угрѣшскаго монастыря, такъ какъ въ семь послѣднемъ, какъ отдаленномъ отъ Москвы, учрежденъ былъ лазаретъ для заболѣвающихъ зачумленныхъ. Это обстоятельство также можетъ служить указаніемъ на то, что въ означенное время число Николо-Перервинской братіи было незначительно

Кромѣ монашествующихъ въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ въ описываемый періодъ на монастырскомъ содержаніи находились по временамъ отставные военные, согласно указу о приѣмѣ въ монастыри для пропитанія отставныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Такъ въ 1760 г. въ монастырѣ содержались для пропитанія отставные солдаты Алексѣй Петровъ и Яковъ Жуковъ; въ 1761 г. — отставной солдатъ Никита Коробовъ и др. Въ эту же обитель не рѣдко присылались подъ надзоръ лица, подозрѣваемые въ умышленныя преступленія, какъ на примѣръ: въ 1747 г. — рабочіе фабрики Малютина, въ 1742 г. вдовый діаконъ Григорій Романовъ, въ 1760 г. отставной капитанъ Нѣмчиновъ;—а также подъ началъ и наказаніе за какіе-либо проступки, какъ на примѣръ: въ 1745 г. синодальный попь села Озерецкаго Алексѣй Сергѣевъ—подъ началъ на годъ, за неслуженіе въ день Коронаціи; въ 1747 г. бѣлый попь Андре-

евскаго, что въ Пльницахъ, монастыря Андрей Ивановъ — на годъ, съ запрещеніемъ священнослуженія; въ 1758 г. священникъ Московскаго Вознесенскаго монастыря Василій Ивановъ за служеніе въ одинъ день двухъ литургій.

Что касается нравственнаго состоянія монашествующихъ въ описываемый періодъ, то оно не всегда соотвѣтствовало экономическому благосостоянію монастыря. Тѣлесныя наказанія плетью и содержаніе въ кандалахъ, — отъ которыхъ въ то время не было изъята черное и бѣлое духовенство, встрѣчаются неоднократно.

Въ заключеніе сей главы скажемъ нѣсколько словъ о положеніи настоятелей Перервинскаго монастыря въ ряду настоятелей прочихъ Московскихъ монастырей и перечислимъ имена и время служенія ихъ за означенный періодъ времени.

Положеніе настоятелей Перервинскаго монастыря почти во всѣхъ отношеніяхъ сравнено было съ положеніемъ настоятелей прочихъ Московскихъ монастырей. Они вызывались не рѣдко въ Архангельскій соборъ и Вознесенскій монастырь для заупокойныхъ служеній по царскимъ особамъ, какъ напримѣръ игумень Варлаамъ въ 1731 г., — и для чередныхъ служеній въ Успенскомъ соборѣ и участія въ крестныхъ ходахъ, какъ напримѣръ архимандритъ Иларіонъ до 1764 года; имъ, также какъ и настоятелямъ прочихъ Московскихъ монастырей, назначалось Консисторіею составленіе проповѣдей на высокаторжественные дни и произнесеніе оныхъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ, какъ напримѣръ: игумену Кириллу — на день тезоименитства Императрицы Елизаветы Петровны, 5 сентября 1759 года; архимандриту Иларіону — на день коронаціи въ 1761 году.

Имена настоятелей монастырей за означенный періодъ (со смерти 9-го настоятеля игумена іеросхимонаха Марка въ 1683 году) суть слѣдующія:

10. Игумень іеросхимонахъ Симонъ упоминается въ 1684, 1687, 1691 и 1701 годахъ, скончался въ 1706 году; въ синодикѣ девятый. — Трудился, какъ мы упоминали выше, при построеніи Николаевской соборной церкви и исходатайствовалъ монастырю землю, лавки и Сухаревскую часовню.

11. Игумень Корнилій упоминается въ 1712 г.; въ синодикѣ десятый.

12. Игумень Викторъ I; въ синодикѣ одиннадцатый.

13. Игуменъ Варлаамъ I, упоминается съ 1722 по 1735 г. Съ 1735 по 1741 г. былъ игуменомъ Николо-Угрѣнскаго монастыря, гдѣ и скончался. Въ Перервинскомъ синодикѣ не записанъ какъ и слѣдующіе.

14. Игуменъ Викторъ II упоминается съ 1734 по 1746 годъ.

15. Игуменъ Лаврентій I упоминается съ 1746 по 1748 годъ.

16. Игуменъ Иларіонъ (Завалевичъ) съ 1748 по 1753 годъ. Въ 1743 году вызванъ изъ Кіева и опредѣленъ учителемъ пѣтики въ Славяно-Греко-Латинской Академіи; въ 1747 году избранъ въ проповѣдника; въ 1748 году переведенъ строителемъ въ Перервинскій монастырь; въ 1749 году назначенъ отправиться въ миссію въ Китай къ арх. Гервасію (неизвѣстно, ѣздилъ ли и возвратился, или былъ оставленъ), но въ санѣ настоятеля Перервинскаго значится до 1753 года. Въ 1753 году переведенъ игуменомъ въ Угрѣнскій монастырь; въ 1757 году — въ Ростовскій Зачатіевскій Яковлевской монастырь; въ 1761 году посвященъ въ архимандрита Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, впоследствии снова возвратился въ Перервинскій монастырь, гдѣ и скончался и погребенъ въ 1764 году ¹⁾.

17. Игуменъ Варлаамъ II (Главацкій) упоминается съ 1753 по 1756 годъ. До настоятельства былъ учителемъ философіи въ Московской Академіи. Въ 1757 году переведенъ въ Угрѣнскій монастырь, откуда въ 1759 году былъ уволенъ по прошенію. Въ 1766 году мы находимъ его уже архимандритомъ Спасо-Андроніева монастыря; потомъ архимандритомъ Коломенскаго Спасо-Голутвина монастыря, а по упраздненіи онаго онъ былъ архимандритомъ Ново-Голутвина Троицкаго монастыря, гдѣ и скончался въ 1802 году.

¹⁾ При игуменѣ Иларіонѣ митрополитомъ Тимошеемъ было сдѣлано слѣдующее распоряженіе относительно доходовъ, поступающихъ въ Иверскую часовню. Митрополитъ приказалъ сдѣлать для Иверской часовни ящикъ, крѣпко окованный желѣзомъ, а въ немъ прорѣзать сѣважину для спуска денегъ и всегда содержать оный подъ замкомъ и печатью; ключъ отъ замка имѣть казначею, а печать настоятелю, — съ тѣмъ, чтобы богомольцы сами опускали деньги въ ящикъ, а іеромонахъ тѣхъ денегъ не брать подъ опасеніемъ жестокаго наказанія. Кромѣ того въ часовнѣ для денегъ находилось четыре кружки. По временамъ же Консисторія назначала особыхъ лицъ для освидѣтельствованія собираемыхъ доходовъ.

18. Игумень Кирилль упоминается съ 1756 по 1759. Послѣ Кирилла монастыремъ управлялъ вышеупомянутый архимандритъ Иларіонъ (Завалевичъ).

19. Строитель іеромонахъ Сильвестръ упоминается съ 1765 по 1766 г.

20. Игумень Аванасій упоминается съ 1766 по 1775 годъ.

VI.

Состояніе Николо-Перервинскаго монастыря при митрополитѣ Платонѣ.

Послѣ патріарха Адріана самое дѣятельное участіе въ судьбѣ Николо-Перервинскаго монастыря принималъ митрополитъ Московскій Платонъ. Имя его также неразрывно связано съ исторіей описываемой обители, какъ и имя святѣйшаго патріарха Адріана.

Припомнимъ себѣ жизнеописаніе Первосвятителя Московскаго, весьма много потрудившагося на пользу Перервинской обители.

Митрополитъ Московскій Платонъ (въ мірѣ Петръ Левшинъ), знаменитый проповѣдникъ и ученый, бывшій наставникомъ Наслѣдника-Цесаревича Павла Петровича, родился 29 іюня 1737 года отъ дьячка подмосковнаго села Чапникова и воспитывался сначала въ Коломенской семинаріи, а потомъ, по перемѣщеніи отца его на священническое мѣсто въ Москву, въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, гдѣ по окончаніи курса былъ назначенъ учителемъ поэзіи и катихизаторомъ. Черезъ годъ своего катихизаторства Петръ Левшинъ былъ вызванъ Гедеономъ Криновскимъ въ Троицкую Семинарію учителемъ риторики и принялъ монашество (въ 1758 г.). Въ слѣдующемъ году Платонъ былъ уже іеромонахомъ и префектомъ семинаріи и учителемъ философіи, въ 1761 г. ректоромъ, а чрезъ годъ и намѣстникомъ лавры. Въ 1762 г. при посѣщеніи семинаріи Императрицею Екатериною Платонъ привѣтствовалъ ее рѣчью, а на слѣдующій день въ ея же присутствіи произнесъ прекрасное слово о пользѣ благочестія. Это слово понравилось Императрицѣ и доставило Платону званіе придворнаго проповѣдника и наставника при Цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ, бывшемъ тогда наслѣдникомъ престола.

Въ 1766 году Платонъ назначенъ былъ архимандритомъ Сергіевской Лавры, а чрезъ два года членомъ Святѣйшаго Синода; въ 1770 году хиротонисанъ въ архіепископа Тверскаго съ оставленіемъ званія архимандрита Лавры, сохраненнаго имъ до самой смерти. Впрочемъ въ бытность Тверскимъ архіепископомъ Платонъ большею частію оставался въ Петербургѣ: въ 1773 году былъ избранъ въ законоучители принцессѣ Гессенъ-Дармштадтской Натальѣ Алексѣевнѣ, невѣстѣ Великаго Князя Павла Петровича, а потомъ принцессѣ Виртембергъ-Штутгардской Марьѣ Ѳедоровнѣ. Въ 1775 году назначенъ былъ архіепископомъ Московскимъ и Калужскимъ. Въ санѣ архіепископа и потомъ митрополита Московскаго Платонъ ревностно заботился объ исправленіи нравовъ своей епархіи, о лучшемъ устройствѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи, Троицкой Семинаріи и устроилъ новую семинарію на Перервѣ; какъ ректоръ Славяно-Греко-Латинской Академіи, пересматривалъ напечатанныя въ типографіи Новикова книги и давалъ о нихъ отзывы Императрицѣ; цензоровалъ переводы съ французскаго Вольтера и другихъ авторовъ; боролся съ расколомъ и сверхъ того составилъ акафистъ Преподобному о. Сергію, краткую церковную исторію и занимался преподаваніемъ слова Божія въ воскресные и праздничные дни и при особенныхъ случаяхъ ¹⁾. За свои труды въ пользу церкви и Государства онъ получилъ двадцать моваршихъ наградъ и въ 1787 году возведенъ былъ въ санъ митрополита.

Съ 1782 года Платонъ поручилъ управленіе епархіею своему викарію и жилъ большею частію въ Троицкой Лаврѣ, часто посѣщая и украшенный имъ Николо-Перервинскій монастырь. Въ 1801 году онъ короновалъ Императора Александра I и произнесъ при этомъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ словъ, которое было переведено на латинскій, греческій, итальянскій, французскій и нѣмецкій языки и которое прочла вся Европа. Въ 1811 году Платонъ испросилъ увольненіе отъ епархіальныхъ дѣлъ, а 11-го ноября слѣдующаго года скончался и погребенъ въ Виванскомъ монастырѣ.

¹⁾ Всѣ сочиненія митрополита Платона съ его дозволенія изданы ректоромъ Московской Академіи Дамаскинымъ и префектомъ іеромонахомъ Амвросіемъ въ 20-ти томахъ

Труды митрополита Платона на пользу и благоустройство Николо Перервинскаго монастыря были многочисленны и разнообразны. Отмѣтимъ прежде всего устройство въ монастырѣ Перервинской семинаріи.

Перервинская семинарія была учреждена архіепископомъ Платономъ въ 1775 году по Высочайшему указу ¹⁾ на его имя. Первые воспитанники семинаріи раздѣлялись на казенныхъ и своекоштныхъ. Для жительства казенныхъ семинаристовъ и классовъ отведены бывшія братскія у святыхъ воротъ келліи (нынѣ здѣсь помѣщаются приготовительный и первый классы училища), своекоштнымъ же ученикамъ велѣно было жить въѣ монастыря въ бывшемъ гостинномъ домѣ (въ настоящее время здѣсь воздвигнута большая двухъэтажная каменная гостинница); а столъ и казенные и своекоштные воспитанники имѣли общій въ братской трапезѣ Сергіевской церкви. Въ томъ же 1775 году составленъ былъ штатъ семинарскій и монастырскій ¹⁾ ректоромъ Московской Академіи Амвросіемъ, впоследствии митрополитомъ Новгородскимъ. Въ слѣдующемъ, т. е. въ 1776 г., по распоряженію архіепископа Платона было приступлено къ постройкѣ для классовъ и жилья ученикамъ большаго двухъэтажнаго семинарскаго флигеля на сѣверной сторонѣ между церковію Толгекія Богородицы и сѣверо-западною монастырскою бапшею (разобранною въ 1869 г.). Нѣсколько позднѣе, именно въ 1778 г. между патриаршими и настоятельскими келліями, на южной сторонѣ монастыря, былъ построенъ архіерейскій домъ въ два этажа; въ нижнемъ этажѣ помѣщались семинаристы. Черезъ шесть лѣтъ, именно въ 1784 году, къ означеннымъ зданіямъ въ одну линію и подъ фасадъ, съ каменнымъ настоятельскимъ корпусомъ былъ пристроенъ каменный двухъэтажный флигель для учителей. А въ 1806 и 1807 годахъ семинарскія зданія приумножились постройкою на западной сторонѣ монастыря новаго каменнаго двухъэтажнаго флигеля, въ верхнемъ этажѣ котораго были расположены классы ²⁾

¹⁾ Смотр. примѣчанія.

²⁾ Всѣ означенные корпуса существуютъ и доселѣ въ мало измѣненномъ видѣ. Въ первомъ изъ нихъ, на сѣверной сторонѣ, въ настоящее время помѣщаются частію классы, частію спальни учениковъ Перервинскаго Духовнаго Училища, столовая, гардеробная, кухня и проч.; во второмъ, въ

Первымъ префектомъ новоучрежденной семинаріи, занявшимъ въ то же время и настоятельскую должность, былъ іеромонахъ Порфирій.

Предметы преподаванія въ Перервинской Семинаріи при двухъ классахъ пѣтическомъ и риторическомъ были слѣдующіе: грамматика, поэзія, риторика, исторія, географія, ариметика и языки: латинскій, греческій, нѣмецкій и французскій. Ученики, успѣвшіе въ вышеозначенныхъ предметахъ переводились въ высшее учебное заведеніе—Лаврскую семинарію. Первый такой переводъ былъ въ 1779 году, при чемъ переведено было десять человекъ, а до 1810 года 330 человекъ. Въ Перервинской Семинаріи получили первоначальное воспитаніе между прочими преемники митрополита Платона по Московской кафедрѣ— митрополиты Августинъ Виноградскій и Серафимъ Глаголевскій.

Митрополитъ Платонъ часто посѣщаль Перервинскую семинарію, присутствовалъ не рѣдко на экзаменахъ и вообще зорко слѣдилъ за ходомъ преподаванія въ семинаріи и пользовался любовью и почтеніемъ со стороны воспитанниковъ. Въ одно изъ посѣщеній Платономъ семинаріи воспитанники поднесли ему стихотвореніе на латинскомъ языкѣ. Митрополитъ отмѣтилъ ихъ поэтическое произведеніе слѣдующими незабвенными словами, которыя мы взяли эпитафюмъ нашего очерка: *Pererva ne te deterreat de nominatio tua! Nec enim unquam perrumpi patietus Deus. Gratias refer ita tibi providae Numines curae, et cursum quenu feliciter inchoasti, felicius continuare ne desistas unquam* (Перерва! не страшись своего наименованія; ибо Богъ не допуститъ тебѣ прерваться! Воздай хвалу Провидѣнію, которое печется о тебѣ и никогда не переставай совершенствоваться, идти впередъ по тому пути, на который ты такъ успѣшно ступила). Приведемъ здѣсь еще одинъ интересный фактъ. Присутствуя однажды на экзаме-

бывшемъ архіерейскомъ домѣ, верхъ занимаетъ настоятель монастыря, внизу же монашеская кухня, трапеза и нѣсколько братскихъ келлій; въ третьемъ, на южной сторонѣ, и вверху и внизу находятся учительскія квартиры, училищное правленіе, бібліотека и проч. Въ бывшемъ настоятельскомъ, на южной сторонѣ, вверху и внизу—келліи для монашествующихъ. Въ четвертомъ, на западной сторонѣ, вверху и внизу ученичскія спальни, умывальная и проч.

нахъ въ Перервинской семинаріи, Платонъ замѣтилъ особенную смышленность въ лицѣ одного изъ учениковъ. Это былъ бѣдный сирота по фамиліи Виноградскій. Юноша выразилъ чувство благодарности къ Платону въ латинскихъ стихахъ. Архіепископъ велѣлъ напечатать стихотвореніе золотыми буквами и отослать экземпляръ молодому пѣтъ съ слѣдующею надписью: *Domino Vinogradsky. Versus aureos auro imprimeudos censuit Plato Mitropolitа Mosquensy. 1787. April. 3.* — (Г. Виноградскому. Платонъ Митрополитъ Московскій призналъ достойными золотые стихи отпечатать золотыми буквами. 1787 г. Апрѣля 3). Молодой пѣта въ послѣдствіи сдѣлался преемникомъ Платона по Московской каедрѣ.

Сохранилось преданіе, что, когда незабвенный Святитель Московскій въ послѣдній разъ предъ своею блаженною кончиною посѣтилъ Перерву, онъ остановился предъ вратами святой обители и долго со слезами на глазахъ смотрѣлъ на оную, какъ-бы прощаясь на всегда и съ насажденнымъ здѣсь его архипастырскою рукою разсадникомъ духовнаго просвѣщенія и съ благолѣпно украшенными имъ же святыми храмами. Такова была его отецкая любовь къ сей обители.

Перервинская семинарія въ самомъ началѣ своего существованія была неоднократно посѣщаема и Высочайшими особами. Въ 1775 году 9 мая, въ храмовой праздникъ Святителя Николая ее посѣтила Императрица Екатерина II съ наслѣдникомъ Павломъ Петровичемъ и его супругою Наталіею Алексѣевною. Августѣйшіе посѣтители по выслушаніи литургіи въ соборной Николаевской церкви были привѣтствованы учениками на греческомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ и имъ поднесено печатное въ стихахъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Нарциссъ, при Перервинскихъ водахъ растуцій*. На другой день въ знакъ монаршаго благоволенія къ основателю училища и воспитанникамъ онаго Императрица пожаловала 500 рублей. Затѣмъ семинарія удостоилась Августѣйшаго посѣщенія 21 юня 1787 г. ¹⁾ по случаю хиротоніи Тихона

1) Послѣ сего посѣщенія въ память о немъ преосвященнѣйшій Платонъ назначилъ денежныя награды монашествующимъ и служащимъ при семинаріи. Смотр. примѣчанія.

во епископа Воронежскаго. Государь Императоръ Александръ I въ бытность свою великимъ княземъ многократно посѣщалъ Перервинскую обитель и семинарію въ 1785 и 1786 годахъ, когда имѣлъ свое пребываніе въ селѣ Коломенскомъ, откуда часто приходилъ пѣшкомъ къ слушанію Божественной литургіи.

А теперь приведемъ перечень всѣхъ трудовъ митрополита Платона на благо Перервинской обители съ 1775 по 1787 годъ,— перечень, вырѣзанный съ благословенія самаго Платона на каменной двухъаршинной лещадѣ, вдѣланной въ стѣну близъ восточныхъ дверей, внутри паперти.

„Благословеніемъ Божиимъ, трудами же и раченіемъ Св. Правительствующаго Синода Члена, Ихъ Императорскихъ Высочествъ въ законѣ учителя Преосвященнѣйшаго Платона митрополита Московскаго и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандрита въ Николаевскомъ Перервинскомъ монастырѣ учивено и устроено слѣдующее:

- 1) Въ 1775 году заведена Семинарія
- 2) Сдѣланъ чугунный полъ въ верхней Николаевской церкви
- 3) Въ 1776 году надстроены другой ярусъ надъ большими монастырскими келліями для школы и семинаристовъ.
- 4) Въ 1777 году возобновлено стѣнное писаніе въ Николаевской церкви ¹⁾.
- 5) Въ 1778 году между патріаршими и настоятельскими келліями построены каменные покои о двухъ жильяхъ, а подъ ними четыре погреба ²⁾.
- 6) Перелить большой колоколъ съ прибавкою 42 пудовъ мѣди ³⁾.

г) Поновлена живопись иждивеніемъ Московскаго купца Ивана Иванова Мялицына, въслѣдствіи бывшаго просвирякомъ при Николо-Перервинскомъ монастырѣ и потомъ постриженнаго въ монашество подъ именемъ Густина.

²⁾ До сего на этомъ мѣстѣ тянулася построенная въ 1767 году большая деревянная галерея, на которой была принята Екатерина II въ 1775 году.

³⁾ На иждивеніе вышеупомянутаго купца Мялицына, колоколъ былъ рѣсомъ въ 320 пудовъ.

7) Въ 1779 году возобновлены въ иконостасъ Николаевской церкви св. иконы ¹⁾.

8) Въ 1780 году поднята кирпичемъ и перекрыта монастырская стѣна и на ней сдѣланы деревянныя столярною работою и раскрашенные переходы ²⁾.

9) Къ 1781 году подняты кирпичемъ и вновь покрыты желѣзомъ настоятельскія келліи ³⁾.

10) Въ 1782 году на мѣсто старой построена новая часовня Иверской Богоматери ⁴⁾.

11) На мѣсто старой сдѣлана въ саду новая столярною работою бесѣдка, также построена конюшня съ каретнымъ сараемъ.

12) Вызолочены главы на церквахъ Николаевской и Толгской ⁵⁾.

13) Въ 1784 году сдѣланы на колокольнѣ желѣзные боевыя съ четвертьями часы ⁶⁾.

14) Построены двухъялыя учительскія каменныя келліи подъ линію и фасадъ настоятельскимъ.

15) Сдѣлана каменная ограда около монастырскаго сада на 138 саж.

16) Сдѣланъ въ монастырѣ надъ колодцемъ деревянный шатеръ ⁷⁾.

¹⁾ Иконостасъ въ означенной церкви, какъ мы прежде говорили, старинный рѣзной. На всѣхъ образахъ верхняго яруса вѣнцы серебряныя.

²⁾ Вслѣдствіи разобраны.

³⁾ Означенный корпусъ стоитъ на южной сторонѣ и примыкаетъ къ бывшему архіерейскому дому (нынѣ настоятельскому).

⁴⁾ Платонъ обращалъ особенное вниманіе на Иверскую часовню. Въ означенномъ году прежде устроенная каменная часовня разобрана и вмѣсто оной сдѣлана деревянная, болѣе вмѣстительная, съ устройствомъ новаго иконостаса и окраскою внутри; а въ 1789 и въ 1790 годахъ имъ устроена новая риза на икону Богоматери а поля съ вѣнцами изъ золота и короною изъ драгоценныхъ камней. За золото 15,000 руб. заплатилъ жертвователъ г. Твердышевъ.

⁵⁾ По контракту съ Московскимъ священникомъ церкви Іоанна Милостиваго, что на Кисловѣ, Петромъ Лукинымъ.

⁶⁾ По контракту съ Тульскимъ оружейникомъ Иваномъ Кобылинымъ. Колокольныя часы существовали еще при Антѣ Ивановѣ въ 1730 годахъ, какъ видно изъ того, что въ числѣ монаховъ означеннаго времени, проходившихъ послушаніе, упоминается и часоводъ.

⁷⁾ Какъ огороды, такъ и шатеръ существуютъ и досель.

17) Въ 1785 году вырыть въ саду прудъ и осажень липками.
18) Въ 1786 году выровнена и дерномъ выкладена въ саду гора и нижній огородъ засажень плодовитыми деревьями.

19) Церковь Толгскія Богоматери и святыя ворота росписаны живописью.

20) Построена столярной работы балконъ въ полисадкѣ ¹⁾.

21) Въ 1787 году Успенская церковь внутри вся возобновлена и покрыта сплошь золотомъ и серебромъ.

22) На мѣстѣ старой башни надъ выѣздными воротами выстроена новая башня готической работою ²⁾.

23) Въ разныхъ годахъ вновь заведена и книгами до 2000 умножена семинарская бібліотека.

24) Въ 1790 году покрыть листовымъ желѣзомъ семинарскій флигель, а въ 1793 году патриаршіе, архіерейскіе и учительскіе покои покрыты также желѣзомъ.

25) Покрыто желѣзомъ Перервинское (въ Москвѣ) подворье.

26) Въ 1800 г. въ верхней Николаевской церкви устроены хоры и раскрашены красками ³⁾.

27) Въ томъ же году ризница приумножена двумя архіерейскими облаченіями и архіерейскою омофоромъ.

28) Въ 1801 году Иверская часовня снаружи обита аглицкою жестью, покрыта бѣлымъ желѣзомъ и украшена мѣдными капителями, вазами и гирляндами съ мѣднымъ ангеломъ чрезъ огонь вызолоченнымъ ³⁾.

Таковы были плоды ревностныхъ заботъ и попеченій о Николо-Перервинской обители архиастаныря Платона въ двадцатипятилѣтній періодъ его управления московскою каедрою; но для того, чтобы картина вышла законченнѣе, прибавимъ къ этому и тѣ его мудрыя мѣропріятія и распоряженія въ пользу обители, которыя

¹⁾ Какъ полисадка, такъ и балкона въ настоящее время не существуетъ.

²⁾ Существуютъ и доселѣ.

³⁾ А подлѣ часовни (съ правой стороны, въѣзжая въ городъ) находилась данная отъ правительства каменная келлія, въ которыхъ имѣли свое пребываніе служившіе при часовнѣ два іеромонаха, два псаломщика и трое солдатъ изъ нивалидовъ, назначавшихся отъ правительства для сохраненія часовни въ силу указа Петра I-го.

были сдѣланы имъ съ 1804 года по день его блаженной кончины, послѣдовавшей, какъ мы уже замѣтили, 11 ноября 1812 года.

29) Въ 1804 году сдѣланы золотые сосуды потиръ и дискосъ съ принадлежностями, вѣсомъ 5 фунтовъ 70 золотниковъ монастырскимъ иждивеніемъ.

30) Въ томъ же году для архіерейскаго служенія сдѣланы умывальныя блюда, рукомоиникъ, трикирій, дикирій, рипиды, панагія, крестъ для архіерейскаго служенія и поновлена Николаевская церковь.

31) Въ 1805 году выстроень новый двухъэтажный архіерейскій домъ на западной сторонѣ монастыря, примыкающій южнымъ концомъ къ патріаршимъ келліямъ.

32) Въ томъ же году по случаю переведенія конныхъ торговъ съ болота за Серпуховскія ворота перенесена къ тѣмъ же воротамъ иждивеніемъ купческаго общества и часовня, что на Конной.

33) Въ 1806 году устроены большой напрестольный серебряный ковчегъ съ дарохранительницею, изящной работы, и еще потиръ и дискосъ серебряные.

34) Въ томъ же году возобновлена казеннымъ иждивеніемъ обветшавшая отъ времени Сухаревская часовня.

35) Въ 1807 году построены жилые покои съ восточной стороны монастыря въ одно жилье, и вверху надъ ними крытая галерея, съ балюстрадаю и каменною стѣною съ наружной стороны монастыря. Галерея эта впоследствии разобрана.

36) Въ 1808 году верхній этажъ архіерейскаго дома обшить тесомъ, а внутри выштукатурень; потолоки расписаны, равно какъ и стѣны внутри и снаружи

37) Въ томъ же году сдѣланы новые чугунные полы въ нижней Сергіевской церкви.

38) Въ 1811 году сдѣланы семинарскіе деревянные переходы на каменныхъ столбахъ⁴.

На основаніи этихъ частныхъ подробностей постараемся представить себѣ общую картину Николо-Перервинскаго монастыря почти за столѣтъ до настоящаго времени, пользуясь для сего рапортомъ въ Московскую Духовную Консисторію Перервинскаго игумена До-

своея отъ 1784 г. октября 10-го ¹⁾). Но предварительно предложимъ описаніе мѣстоположенія и окрестностей монастыря, составленное около того же времени ²⁾.

„Прежде нежели благоговѣнный странникъ подойдетъ къ Перервинской обители, встрѣчаетъ его пріятная долина, усѣянная всѣми красотоми природы. Вблизи чистый и холодный ключъ манитъ странника къ себѣ для утоленія его жажды. По скату пологой горы онъ ступаетъ въ небольшую рощу. По выходѣ изъ рощи открывается красивое зданіе и великолѣпный храмъ обители. Къ востоку—близъ самыхъ почти стѣнъ простирается жилище спокойныхъ поселянъ; за онымъ зеленѣется неизмѣримое поле, покрытое разнаго рода овощами. Въ осьми верстахъ на югъ изъ за хребта высокихъ горъ выглядываютъ темныя башни Царицынскаго дворца, гдѣ великолѣпіе и вкусъ хотѣли распростерить простоту природы. Отсюда къ западу простирается длиною грядою длинная гора, пріосѣненная дремучимъ лѣсомъ. Далѣе по скату смежной съ нею горы, простирается многочисленное оселеніе Коломенское, — сіе древнее увеселеніе древнихъ царей, куда они часто прибѣгали для отдохновенія отъ тяжелыхъ трудовъ царскаго величія. Оттолѣ рѣзвое око пробѣгаетъ по странной долинѣ, гдѣ щедрая рука весны и лѣта не скудно изливаетъ свои дары и обнаруживаетъ свои пріятности. И вдругъ останавливаемся. Близъ дремучаго бору появляется огромное зданіе, привлекающее къ себѣ взоръ и наполняющее душу тайнымъ и неизяснимымъ какимъ-то благоговѣніемъ. Это есть обитель Симонова монастыря, твореніе древняго вкуса и древней архитектуры. За нимъ въ густомъ туманѣ блещутъ золотыя куполы гордой столицы, поражаютъ око и восхищаютъ сердце. Тутъ представляется смѣсь великолѣпнаго, огромнаго и изищнаго; тутъ взоръ, воображеніе и разумъ занимаются, любятъ всѣмъ, не зная, что чему предпочесть. Насытившись довольно созерцаніемъ сей занимательной картины и вышедши изъ очаровательнаго восторга, любопытный зритель обращается паки къ Перервѣ, — и

¹⁾ Архивъ монастырскихъ дѣлъ. Связка 1784 года.

²⁾ Чтевія въ Обществѣ Любител. Духов. Просвѣщ. 1877 г. октяб. 92—93 стран.

видить близъ ея быстрыя струи Москвы рѣки, которая, какъ будто сожалѣя объ оставленномъ своемъ теченіи, роетъ свой берегъ, силится подойти къ самой горѣ и облобызать сіе почтенное подножіе святыя обители. Благословенъ буди избравшій мѣсто сіе жилищемъ святыни! Незабвенна будетъ память образователя сея обители“!

А теперь перейдемъ къ описанію общаго вида монастыря.

„Николо-Перервинскій монастырь, или просто Перерва“, доноситъ игумень Досіеѣй, „расположенъ на высокой горѣ, которая его на подобіе замка, съ южной, западной и нѣсколько съ сѣверной стороны, окружаетъ. Имѣетъ видъ нѣсколько несовершеннаго четырехъ-угольника, такъ что каждая его сторона соотвѣтствуетъ особливой сторонѣ свѣта. На южной сторонѣ вмѣсто ограды находятся въ одну линію построенныя о двухъ этажахъ патріаршескіе, архіерейскіе, настоятельскіе и учительскіе покои всѣ каменные, изъ коихъ верхніе патріаршескіе заняты нынѣ бібліотекою стоящей въ ономъ монастырѣ семинаріи. Въ нижнемъ этажѣ какъ подъ патріаршескими, такъ и подъ настоятельскими покоями живетъ братія онаго монастыря; подъ архіерейскими нѣсколько семинаристовъ за непомѣщеніемъ въ особыхъ семинарскихъ покоехъ, подъ учительскими же находится настоятельская кухня, квасоварня и кладовая. На сѣверной сторонѣ стоятъ семинарскіе покои также о двухъ этажахъ каменные и возлѣ ихъ къ востоку святыя ворота; съ восточной же и западной стороны монастырь обнесенъ каменною оградю съ покрытыми переходами; сверхъ сего на восточной сторонѣ въѣздныя ворота на подобіе четырехъугольной башни съ кумполемъ, и на юго-восточномъ углу четырехъугольная башня со шпилемъ о двухъ этажахъ, въ верхнемъ бесѣдка, а въ нижнемъ палатка для поклажи разной рухляди. Также находится другая башня на сѣверо-западномъ углу круглая и въ ней вверху также бесѣдка. Весь монастырь имѣетъ въ окружности сто пятьдесятъ пять сажень. Соборная, или настоящая церковь стоитъ посреди монастыря, нѣсколько поближе къ западной сторонѣ онаго. Она раздѣляется на верхнюю и нижнюю. Вверху храмъ великаго Святителя и Чудотворца Николая, внутри весь росписанъ живописью, и при немъ съ двухъ сторонъ, а именно съ западной и сѣверной имѣется великолѣпная паперть, вся украшенная штукатурною и живописною работою.

Внизу церковь во имя Преподобнаго Сергія Чудотворца теплая, въ которой стѣны мѣстами росписаны; при ней находится большая трапеза, въ которой нынѣ имѣють общій столъ семинаристы, а со стороны и подъ папертью хлѣбня, кухня, житница Семинаріи; надъ виходомъ въ паперть верхнія церкви, находящемся съ сѣверовосточной стороны, построена колокольня о пяти небольшихъ ярусахъ, изъ коихъ въ первомъ виходъ въ церковь; во второмъ ризница; въ третьемъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, вся убранная штукатурною работою съ золотомъ и живописью; въ четвертомъ боевые часы съ четвертями, а въ верхнемъ висятъ колокола. Святыхъ мощей какъ подъ спудомъ, такъ и открытыхъ не имѣется. На святыхъ воротахъ находится церковь Толгскія Пресвятыя Богородицы, внизу палатка для погребенія. Какъ церкви такъ и колокольня покрыты желѣзомъ; *) а сверхъ сего главы на церквахъ вызолочены червоннымъ и листовымъ золотомъ. Погребовъ и ледниковъ въ монастырѣ считается тринадцать, изъ коихъ пять подъ настоящею церковію, два подъ патриаршескими, четыре подъ архіерейскими, да два подъ настоятельскими покаями. Снаружи монастырь съ трехъ сторонъ окружается полисадникомъ, насаженнымъ изъ различныхъ деревьевъ, который при томъ обнесенъ по горѣ каменною оградомъ съ баллюстрадомъ. Съ южной стороны монастыря находится небольшой плодovitый садъ и въ немъ столярной работы бесѣдка, а внизу подъ горою монастырскою огородъ и прудъ обнесенные съ двухъ сторонъ заборомъ, а съ третьей валомъ и обсаженные деревьями. Къ сѣверу противъ святыхъ воротъ стоитъ конюшня и скотный дворъ, на немъ службы каменные, за нимъ новозаводимый регулярный садъ и гостинные деревянные покои, въ которыхъ нынѣ (т. е. въ 1784 г.) помѣщаются своекоштные семинаристы“.

Таковъ общій видъ Николо-Перервинскаго монастыря при митрополитѣ Платонѣ въ 1784 году, въ общемъ мало измѣнившійся и по настоящее время.

*) Всѣ церкви и другія зданія въ описываемое время снаружи были окрашены,—Николаевская церковь росписана шахматомъ, ииѣя по мѣстамъ живописные образа; Толгская церковь—красною краскою; а прочія строенія желтою.

Кромѣ всего вышепоименованнаго, сдѣланнаго на пользу Николо-Перервинскаго монастыря при митрополитѣ Платонѣ, при семь же святителѣ въ 1785 году обмежевана была монастырская земля и за монастыремъ записано 13 десятинъ и 493 квадратныхъ сажени земли. А въ 1799 г. Императоромъ Павломъ Петровичемъ даны были монастырю: а) крупчатная о трехъ поставахъ мельница въ Московской округѣ, въ деревнѣ Гравороновой на прудѣ; б) рыбныя ловли въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ селѣ Жилинѣ: первая въ рѣкѣ Пахоркѣ, вторая при мельницѣ на прудѣ и третья за прудомъ; в) земли тридцать десятинъ въ пустоши Румянцовой и при Гравороновой мельницѣ. При Платонѣ же, вѣроятно, поставлена была отъ Перервинскаго монастыря и часовня въ деревнѣ Выхинѣ, Московскаго уѣзда, въ десяти верстахъ отъ Москвы.

Такимъ образомъ при митрополитѣ Платонѣ Перервинская обитель сдѣлала нѣсколько приобрѣтеній, монастырскіе храмы и Иверская часовня значительно украсились и въ монастырѣ выстроено было много жилыхъ помѣщеній.

На содержаніе Николо-Перервинскаго монастыря во время митрополита Платона употреблялись доходы отъ монастырскихъ земель, мельницы, рыбной ловли, монастырскаго подворья, харчевни и лавокъ, находившихся въ Москвѣ, и пожертвованія, поступающія въ часовни и главнѣйшимъ образомъ въ часовню Иверскую. Доходы Иверской часовни во второй половинѣ XVIII столѣтія дѣлались болѣе и болѣе значительными. Въ монастырскомъ архивѣ, въ связкѣ дѣлъ за 1776 г., мы находимъ одну интересную бумагу, въ которой бывшій тогда игумень Порфирій выражаетъ свою радость Его Высокопреосвященству по случаю оказавшагося въ семь году въ Иверской часовнѣ превышенія доходовъ противъ прежнихъ лѣтъ безъ малаго на двѣ тысячи рублей. Очевидно, что означенными доходами могли содержаться безбѣдно не только самая обитель, но и учрежденная въ оной семинарія.

Монастырскія власти и братія высоко цѣнили мудрую и многостороннюю попечительность своего архипастыря о нуждахъ ихъ обители. Такъ въ 1678 г. они въ знакъ своей сердечной признательности поднесли ему шитый золотомъ омофоръ; а въ 1786 году игумень Досифей по случаю дня тезоименитства Платона,

18 ноября, послалъ ему поздравительную рѣчь ¹⁾, въ которой выразилъ отъ лица братіи благодарность за его постоянное попеченіе объ обители.

Никола-Перервинскимъ монастыремъ при митрополитѣ Платонѣ управляли слѣдующіе настоятели:

21) Игуменъ и Семинаріи Префектъ Порфирій Гжатскій упоминается съ 1775 г. по 1776 годъ. Скончался сентября 8 дня въ Москвѣ на подворьѣ и погребенъ въ Перервинскомъ монастырѣ.

22) Игуменъ и Семинаріи Префектъ Ириней Клементьевскій съ 1776 по 1782 годъ. Переведенъ въ игумена въ Московскій Крестовоздвиженскій монастырь, а впоследствии былъ архіепископомъ Псковскимъ.

23) Настоятель и Семинаріи Префектъ Гedeонъ Замыцкій съ 1782 по 1783 г. переведенъ въ игумена въ Московскій Крестовоздвиженскій монастырь; послѣ былъ архимандритомъ Калязина монастыря.

24) Игуменъ и Семинаріи Префектъ Досифей Григорьевъ съ 1783 по 1787 г. Переведенъ въ наѣстника въ Троицкую Лавру, а впоследствии былъ епископомъ Орловскимъ.

25) Настоятель и Семинаріи Префектъ іеромонахъ Іеронимъ Ершовъ съ 1787 по 1788 годъ. Переведенъ въ Префекта въ Московскую Академію; въ 1790 году по болѣзни уволенъ; съ Іюля 1791 г. по 24 октября былъ игуменомъ Угрѣшскимъ. Скончался въ 1792 году.

26) Настоятель и Семинаріи Префектъ іеромонахъ Агапихъ Скворцовъ съ 1788 по 1789 годъ. Былъ уволенъ отъ настоятельства и оставленъ въ одной префектной должности.

27) Игуменъ Іоаннъ съ 1789 по 1806 г. Уволенъ за старостію.

28) Игуменъ а потомъ архимандритъ и Семинаріи префектъ Лаврентій II Бакшевскій. Родился въ 1776 году 11-го Октября; 8-ми лѣтъ поступилъ въ Перервинскую Семинарію, а оттуда въ Троицкую, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1799 г. Въ томъ же году году опредѣленъ былъ учителемъ въ Перервинскую Семинарію; въ 1804 г. назначенъ Префектомъ, а въ 1806 году и игуменомъ. Въ 1808 г. назначенъ былъ архимандритомъ московскаго Злато-

1) Смотри примѣчанія.

улова монастыря съ оставленіемъ въ званіи Префекта. Въ 1812 году много заботился о сохраненіи Иверской иконы Богоматери и драгоценностей Николо-Перервинскаго монастыря. Въ 1813 г. переведенъ былъ въ Богоявленскій монастырь, а въ 1816 г. въ Покровскій. Въ 1817 г. отозванъ на чреду служенія въ С.-Петербургъ; въ 1819 г. посвященъ въ санъ епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго; въ 1820 г. назначенъ епископомъ Черниговскимъ, а въ 1826 г. возведенъ въ архіепископа. Въ 1831 г. по прошенію, по болѣзни былъ уволенъ на покой въ Переяславскій Даниловъ монастырь, гдѣ велъ самую строгую подвижническую жизнь и скончался въ 1837 году.

VII.

Состояніе Николо-Перервинскаго монастыря въ 1812 г.

Въ 1812 г. Николо-Перервинскій монастырь, какъ и многія другія окрестности Москвы, былъ занятъ Французами. Приведемъ подробности о сохраненіи драгоценностей сей обители и о событіяхъ, происходившихъ въ ней въ означенномъ 1812 году; но предварительно мы должны замѣтить, что большею частію заимствуемъ ихъ съ нѣкоторыми сокращеніями изъ записокъ очевидца ¹⁾, бывшаго тогда настоятелемъ Перервинскаго монастыря и префектомъ Перервинской семинаріи. Записки эти отличаются правдивостію, простотою и безыскусственностію и потому мы приводимъ ихъ большею частію буквально.

Въ 1812 году, говоритъ почтенный лѣтописецъ, имѣлъ я пребываніе въ Перервинскомъ монастырѣ по должности настоятеля и префекта при находящейся тамъ семинаріи. Въ первыхъ числахъ августа того года нѣкоторые лица совѣтывали мнѣ заблаговременно принять мѣры къ сбереженію монастырскихъ сокровищъ на случай непріятельскаго вторженія въ Москву. Я началъ луч-

¹⁾ Записки эти напечатаны во II томѣ журнала „Маякъ“ за 1842 годъ. Означенная книга прислана въ монастырскую бібліотеку митрополитомъ Филаретомъ съ слѣдующею собственноручною его подписью отъ 1842 года мая 5 дня: сію книгу отдать въ бібліотеку Перервинскаго монастыря: потому что здѣсь есть часть его исторіи.

шія изъ ризницы вещи переносить въ свои покои, располагаясь такъ, чтобы все увести съ собою, ежели буде можно, а ежели встрѣтятся препятствіе, то тайнымъ образомъ инья изъ нихъ ехоронить въ монастырѣ, а инья погрузить въ находящееся при монастырѣ озеро. Для сего монастырскую сумму, которой въ то время, какъ помнится, ассигнаціями было болѣе 30.000 р., положилъ я въ бутылки, закупорилъ крѣпко и засмолилъ; въ каждую бутылку бѣлыми ассигнаціями укладывалось по 5.000 руб. Золото въ слиткахъ, коего было болѣе 4 пудъ, я приготовилъ къ тому же, чтобы опустить въ озеро, или въ монастырскіе колодцы, ежели не будетъ возможности ихъ увезти; прочія дорогія вещи, какъ-то золотые и серебряные сосуды, Евангеліе, кресты и прочее, также парчевыя и матерчатыя лучшія облаченія, коихъ было счесть до 50, уклали въ ящики и сундуки и ожидалъ, какія послѣдуютъ обстоятельства.

О. Лаврентій, бывшій въ то же время архимандритомъ Московскаго Златоустова монастыря, и въ семь послѣднемъ сдѣлалъ такія распоряженія и былъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду. Всѣ вещи изъ Перервинскаго монастыря еще 23 Августа были переланы въ Златоустовскій.

Августа 26 или 27 пріѣхалъ въ Перервинскій монастырь въ послѣдній разъ митрополитъ Платонъ. Я явился къ нему, пишеть о. Лаврентій, принять его благословеніе. Сей незабвенный пастырь, слабымъ и болѣзненнымъ голосомъ спросилъ меня: все ли ты изъ Перервинскаго вывезъ?—Лучшее и драгоцѣнное все, отвѣчалъ я.—Однако что изъ лучшаго осталось?—Изъ лучшаго, отвѣчалъ я, однѣ серебряныя лампы въ церквахъ; хотя я имѣю намѣреніе спасти ихъ, однако жъ доселѣ удерживался снять, чтобы не сдѣлать какого волненія въ народѣ, на что архипастырь сказалъ мнѣ: когда татъ идетъ, на что такіе расчеты? Ступай скорѣе, возьми все и увези! Я тотчасъ исполнилъ его приказаніе и десять лампадъ старинной работы, въ коихъ вѣсу болѣе трехъ пудъ, спасъ отъ непріятелей.

Наконецъ 29 Августа монашествующимъ, которые желали остаться въ монастырѣ, были выданы провізійныя деньги на трапезу до новаго года, также положенное каждому изъ нихъ и учителямъ жалованье до новаго года впередъ. Надъ ними былъ сдѣланъ начальникомъ іеромонахъ Сергій, который тогда же и

принялъ отъ отца Лаврентія братскую и семинарскую житницу. Муки и прочихъ запасовъ было весьма достаточно. Одной муки было болѣе 1000 пудъ. Отъѣзжающій настоятель посовѣтовалъ имъ напечь по болѣе хлббовъ, накрошить въ сухари и, раздѣливъ по ровну, спрятать, гдѣ кому разсудится. Однако, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, монашествующіе и семинаристы избрали лучшій способъ къ своему пропитанію.

29 Августа въ праздникъ усѣкновенія главы Св. Іоанна Предтечи, отслушавъ равнюю обѣдню и приложившись къ святымъ иконамъ въ соборной церкви, о. Лаврентій отправился въ Москву. Изъ Москвы онъ долженъ былъ взять икону Иверской Божіей Матери; но безъ дозволенія не могъ на то рѣшиться и потому ожидать дальнѣйшихъ приказаній отъ Преосвященнаго Викарія Августина.

Августа 31-го по предварительному моему требованію, говорить о. Лаврентій, мнѣ было дано для двухъ монастырей Златоустова и Перервинскаго 14 обывательскихъ подводъ, изъ коихъ четыре для образа Иверскія Богоматери; сихъ лошадей отослалъ я до своего пріѣзда къ Иверской часовнѣ, а на прочихъ десяти удожилъ всѣ монастырскія вещи и проводилъ обозъ въ кремль, куда начальники всѣхъ монастырей пріѣхали съ обозами. Оставивъ въ кремлѣ обозы, отправились мы къ Преосвященному принять отъ него на путь благословеніе; по прибытіи всѣхъ настоятелей онъ отпустилъ ихъ, напутствуя пастырскимъ благословеніемъ, а мнѣ приказалъ обозъ мой отпустить съ прочими, самому же остаться при образѣ Иверскія Богородицы для предполагаемаго на Поклонную гору хода съ иконами. Я повиновался его приказанію и, возвратясь въ кремль, успѣлъ только моему при обозѣ служителю дать нѣсколько денегъ на дорогу, и обозъ потянулся въ Спасекія и Никольскія ворота.

Вечеромъ 1-го Сентября Преосвященный отправилъ секретаря съ своимъ письмомъ къ главнокомандующему въ то время графу Ростопчину, требуя отъ него увѣдомленія, въ какое время онъ назначаетъ быть крестному ходу на Поклонную гору? Отвѣтъ пришелъ ровно въ 12 часовъ ночи.

Въ присланномъ отъ графа пакетѣ заключалось письмо слѣдующаго содержанія. „Нечаянное рѣшеніе князя Кутузова отдать столицу должно рѣшить выѣзды Вашего Преосвященства по по-

лученіи сего не медля. Трактъ назначается вамъ на Владиміръ. При чемъ Высочайше вамъ объявляю повелѣніе вывезти изъ Москвы три иконы: Владимірскія, что въ Успенскомъ соборѣ, Иверскія и Смоленскія Богородицы“.

Преосвященный тотчасъ же послалъ секретаря въ Успенскій соборъ за иконою Владимірскія Богородицы, икона Смоленскія была уже вывезена Преосвященнымъ Иринеємъ, епископомъ Смоленскимъ, а за иконою Иверскія былъ отправленъ о. Лаврентій.

Продолжимъ теперь разсказъ его собственными словами. Я пріѣхалъ къ часовнѣ хотя и въ ночное уже время, однако засталъ многихъ то входящихъ, то выходящихъ изъ часовни для поклоненія чудотворной иконѣ. Посему, чтобы не примѣтнѣ оную, такъ сказать, скрыть отъ молящихся, приказалъ я жившему тогда при часовнѣ іеромонаху Исааку облачиться въ священническую одежду, нести предъ иконою зажженную свѣчу и съ пѣніемъ псаломщиками богородичныхъ стиховъ перенести икону въ келліи монашествующихъ, сказавъ другимъ, что икона поднимается для больного, какъ то обыкновенно бываетъ, и на мѣсто оной поставить списокъ той иконы, что безпрепятственно отъ народа было исполнено. Икона по принесеніи въ келліи была положена въ приготовленный ящикъ и отправлена въ домъ Преосвященнаго.

2-го Сентября въ два часа ночи Преосвященный оставилъ Москву и отправился по Владимірскому тракту. Вслѣдъ за нимъ отправился и архимандритъ Лаврентій съ иконою Иверскія Богоматери. Въ деревнѣ Новой, въ 25 верстахъ отъ Москвы, Преосвященный помѣстилъ въ ящикѣ, въ которомъ хранилась икона Иверскія Богоматери и икону Владимірской, которую до сего везъ на своихъ рукахъ.

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія то въ Ярославлѣ, то въ Вологдѣ, о. Лаврентій, услышавъ объ освобожденіи Москвы отъ непріятели и испросивъ у Преосвященнаго позволеніе на возвращеніе, прибылъ 1-го Декабря въ Москву, а отсюда отправился въ Перервинскій монастырь, который и нашелъ невредимымъ, а оставшихся въ немъ монашествующихъ — въ живыхъ, кромѣ одного престарѣлаго священника, скончавшагося отъ болѣзни.

Когда я увидалъ пришедшихъ ко мнѣ семинаристовъ, чело-вѣкъ около 20, говоритъ о. Лаврентій, то первымъ моимъ вопросомъ было: чѣмъ вы питаетесь?

— По милости Божіей у насъ есть хлѣбъ и крупа, отвѣчали они.

— Какимъ же это образомъ? спросилъ я.

— Послѣ вашего отъѣзда, отвѣчали они, мы вмѣсто того, чтобы напечь сколько нибудь для себя хлѣбовъ, вздумали изъ житницы муку и крупу перетаскать подъ новые монастырскіе покои чрезъ узкія внизу окна, сдѣланныя для провѣтриванія нижнихъ накатовъ и половъ, и чрезъ кои пролезть могли одни только малолѣтніе ученики, а взрослый ученикъ никакъ пролезть не могъ; подъ сими накатами мѣсто очень просторное. Постлавъ на землю рогожи и семинарскіе халаты, мы начали хлѣбными чашками и наволочками съ подушекъ муку приносить къ тѣмъ отверстіямъ, сквозь которыя малолѣтніе ученики подъ поломъ принимали оную и ссыпали на посланные мѣста. Также поступали мы и съ крупою; а постное масло, разливъ въ штофы и бутылки, разставили по разнымъ скрытымъ мѣстамъ. Нѣкоторую часть изъ него непріатели наши, но въ пищу употребляли не иначе, какъ сперва давъ намъ нѣсколько проглотить. Муку же подъ полами во всю ихъ бытность сыскать не могли; а мы по ночамъ пекли себѣ изъ нея хлѣбы и раздѣляли по равнымъ частямъ, которыя всякій пряталъ тамъ, гдѣ расудить.

— Скажите мнѣ, не случилось ли чего съ вами послѣ моего отъѣзда?

— Въ понедѣльникъ, 2 Сентября, около полудня, отвѣчали монашествующіе, приѣхали въ монастырь казаки и объявили намъ, и живущимъ въ подмонастырской слободѣ, что они на Москвѣ рѣкѣ, которая очень близко подъ монастыремъ протекаетъ, хотятъ зажечь пороховъ, находящійся на баркахъ, не могущихъ за мелководіемъ далѣе плыть; а барокъ было 6 или 7, на коихъ кромѣ пороху былъ свинець, кожи, холстъ и другіе припасы, вывезенные изъ комиссаріатскаго депо. Мы вышли изъ монастыря и тотчасъ послѣдовалъ страшный ударъ, отъ коего рѣдкія въ монастырѣ стекла уцѣлѣли. Послѣ того барки загорѣлись со всѣмъ, что на нихъ оставалось.

— Какъ произошло вступленіе непріателя въ монастырь?

— Они пришли къ намъ 4 Сентября въ великомъ множествѣ и расположились въ слободкѣ и въ монастырѣ. Непріатели, вступивъ въ монастырь, кричали: хлѣба, масла, яйца, куръ; мы же

отвѣчали имъ на это: хлѣба, масла, яицъ и курь у насъ нѣтъ. Они потребовали ключи отъ церкви; мы совѣтовали отцу ризничему Пармену отдать имъ ключи, но онъ сказалъ на сіе: какъ, братцы, отдать? Неравно что пропадетъ, на мнѣ взыщется; однакъ принужденъ былъ выдать ключи. Непріятели въ тотъ день въ церкви ни къ чему не прикасались, а послѣ сняли серебряныя съ образовъ вѣнцы и съ ризъ газы; разобрали болѣе половины мѣднаго посеребреннаго паникадила, но увидавъ, что оно не серебряное, бросили. Впрочемъ въ Толгской церкви ризы на иконахъ Спасителя и Богоматери, хотя и серебряныя съ позолотою, также въ соборной церкви въ первыхъ ярусахъ иконостаса на всѣхъ иконахъ вѣнцы также серебряныя, но французы ихъ, по милости Божіей, не сняли и все это уцѣлѣло.

— Какимъ же образомъ уцѣлѣла въ соборной церкви на Спасителевой иконѣ риза, которую всякій можетъ узнать, что она серебряная и вызолочена прекрасно? :

— Французы ее сняли и уже одинъ изъ нихъ вынесъ ее изъ монастыря, укладывая въ свою повозку. Но крестьянинъ подмонастырской слободы Алексѣй Ревягинъ, случившись при этомъ и узнавъ, что риза съ нашего Спасителя, собирався было силою отнять ее у французовъ, но видя многолюдство ихъ, не осмѣлился рѣшиться на это и избралъ слѣдующее средство: выбѣжалъ на нѣсколько шаговъ къ французу и засмѣялся, и чѣмъ ближе къ нему подходилъ, тѣмъ болѣе хохоталъ надъ французомъ, указывая на ризу и на свои мѣдныя у кафтана пуговицы. Французъ тотчасъ подумалъ, что принялъ мѣдъ за серебро, бросилъ мужку ризу и самъ пошелъ назадъ. Крестьянинъ поднялъ ризу, спряталъ ее въ своемъ домѣ и по выходѣ непріятеля возвратилъ ее обители.

— Небыло ли еще подобнаго случая къ сохраненію святыни?

— Былъ одинъ, вотъ какой: двое изъ крестьянъ той же слободы, удалившіеся съ женами и дѣтьми въ Гжельскую волость, пришли оттуда навѣдаться; въ какомъ состояніи ихъ дома; осмотрѣвъ ихъ, пришли осмотрѣть церкви, кои уже не запирались. Въ соборной церкви никого тогда изъ французовъ не было. Крестьяне изъ растворенныхъ корридоровъ прошли въ старую ризницу и застали одного молоденькаго француза, сдиравшаго съ ризъ газы. Крестьяне были готовы въ семь скрытномъ мѣстѣ

растерзать хищника святыни. Но здѣсь церковь, сказалаь одинъ крестьянинъ, грѣшно святое мѣсто осквернять кровію. И такъ удовольствовались запереть француза въ ризницѣ, а сами ушли въ свое мѣсто.

— Не было ли какого поруганія святыни отъ непріятелей?

— Они ходили по церквамъ въ шляпахъ и чрезъ царскія двери; въ нижней Сергіевской церкви иногда обѣдали и спали; сдирали съ образовъ оклады; болѣе мы ничего не примѣтили.

— Семинарская библіотека находится въ цѣлости; неужели французы въ ней не были?

— Были, и многіе офицеры, навязавъ въ свои платки нѣсколько книгъ, относили ихъ въ свои квартиры, и послѣ иные по покоямъ, а иные опять приносили и брали другія. (Впослѣдствіи оказалось, что изъ числа 3000 книгъ библіотеки пропало съ небольшимъ 200 книгъ и притомъ очень неважныхъ).

— Цѣлы ли семинарскіе капоты, казакины, тулупы и постели?

— Изъ казакиновъ, коихъ было 150, осталось не болѣе 20, и тѣ ветхіе; капоты, коихъ было 100, и еще изъ новаго сукна, всѣ отняты французами; изъ тулуповъ, коихъ было также 100, осталось не болѣе 10, а съ тюфяковъ и подушекъ французы взяли всѣ наволочки, дѣлая изъ нихъ себѣ рубашки.

— Неужели французы и въ рубашкахъ нуждались?

— Такъ-то нуждались, что изъ подъ парчевыхъ церковныхъ ризъ выпарывали крашенину, которую, кое какъ сшивъ, надѣвали на себя. Насъ же то и дѣло осматривали, нѣтъ ли на насъ рубашекъ. Если же на комъ находили, то отнимали. Почему мы и ходили въ однихъ тулупахъ семинарскихъ, безъ рубашекъ, хотя имой имѣлъ рубашки по двѣ, кое гдѣ спрятавъ. Одинъ разъ имѣли мы неосторожность истопить для себя баню и взяли съ собою рубашки для того, чтобы хоть одну ночь послѣ бани въ бѣльѣ вочевать и поутру опять спрятать. Лишь только раздѣлись и вошли въ баню, французы тотчасъ налетѣли на насъ и отняли наши рубашки. Мы вышли и просили ихъ возвратить наши рубашки; иные изъ нихъ смѣялись, и другіе, распахнувъ камзолы, показывали намъ, что у нихъ самихъ около шеи висѣлъ одинъ воротникъ, а прочей холстины не было.

— По этому французы у насъ и другія изъ вещей отнимали?

— Сапоги со всѣхъ насъ были сняты; мы ходили въ однихъ

валенкахъ и туфляхъ. Всякое платье теплое снимали, кромѣ того, которое мы кое гдѣ скрывали. Мѣдныхъ денегъ, коихъ мы по нѣскольку имѣли, не снимали, безпрестанно домогаясь серебра и золота, чего у насъ не было. Послушникъ Василій, думая, что французы не любятъ нашихъ ассигнацій, имѣлъ неосторожность держать въ запертомъ своемъ сундукѣ 50 руб. ассигнаціями. Французы, осматривая, что было въ сундукѣ, нашли ассигнаціи и отняли. Бѣдный послушникъ зарыдалъ; у него только и было денегъ. Иеромонахъ Сергій вмѣстѣ съ послушникомъ пошелъ въ Москву жаловаться на французовъ ихъ губернатору. Допустивъ насъ къ себѣ и выслушавъ жалобу, губернаторъ сказалъ: друзья мои! я незнаю, какого полка солдаты васъ обижаютъ; принесите мнѣ хоть одну пуговицу съ солдатскаго мундира, тогда я найду виновнаго. Впрочемъ вотъ вамъ деньги, которыя у васъ отняли. Получивъ 50-рублевую ассигнацію и поблагодаривъ, мы возвратились домой, но послѣ открылось, что эта ассигнація фальшивая.

— Когда французы были для васъ сноснѣе, при началѣ ли вступленія ихъ, или предъ выходомъ?

— Всегда одинаково обижали; думая, что они простоятъ у насъ зиму, двое изъ насъ рѣшились 2 или 3 Октября идти опять къ французскому въ Москвѣ начальнику жаловаться, что французы очень близко къ монастырскимъ зданіямъ разводять огонь, и потому мы боялись, чтобы не сожгли монастыря. Жаловались и на то, что французскіе офицеры не защищаютъ насъ отъ обидъ солдатскихъ. Начальникъ, выслушавъ насъ, ушелъ и чрезъ нѣсколько времени вышелъ къ намъ и, давъ намъ два написанные по французски листа, сказалъ: вотъ листъ приберите его на воротахъ монастырскихъ и монастырь будетъ цѣль, а другой листъ за моимъ подписаніемъ и печатью показывайте офицерамъ и васъ беспокоить не будутъ. Возвратясь домой, мы исполнили, какъ говорили начальники, но французы, которымъ мы показывали послѣдній листъ, плевали на листъ и на насъ.

— Хотя монастырь по милости Божіей не сожженъ, однако не загорался ли при непріятеляхъ?

— Монастырь не загорался, но близъ находящаяся слободка не разъ загоралась; французы, увидя это, прибѣгали къ хозяевамъ домовъ, жившимъ за слободкою въ баняхъ и сараяхъ махали

руками и кричали: Feu! Feu! (пожаръ! пожаръ!) и крестьяне скоро тушили оный.

— Къ кому французы были снисходительнѣе, къ монашествующимъ или семинаристамъ?

— Болѣе къ малолѣтнимъ; дѣти безъ всякаго опасенія у разведенныхъ французскихъ огней пекли свой картофель, а насъ французы всегда отгоняли, ругая; рѣдкій избавился отъ побоевъ, а иному раза три доставалось.

— Когда изъ монастыря непріатели начали выходить?

— Они вышли съ 7 на 8-е Октября ночью и такъ поспѣшно, что мы едва могли примѣтить.

Таковы свѣдѣнія о состояніи Николо-Перервинскаго монастыря въ 1812 году. Они подтверждаются и отчетомъ о 1812 годѣ, представленномъ въ Ноябрь 1817 года управляющимъ Николо-Перервинскаго монастыря іеромонахомъ Германомъ архіепископу Августину. Монастырь Перервинскій, хотя и пострадалъ отъ непріателей, но, говоря сравнительно, — не много. Все болѣе цѣнное было спасено: храмы монастырскіе и прочія зданія отъ пожара сохранились, драгоценности же монастырскія были увезены еще до нашествія непріателей.

VIII.

Состояніе Николо-Перервинскаго монастыря послѣ митрополита Платона: при архіепископѣ Августинѣ и митрополитахъ: Серафимѣ, Филаретѣ, Иннокентіи, Макаріи и Иоанникіи.

Два первыхъ преемника митрополита Платона по Московской кафедрѣ, архіепископъ Августинъ ¹⁾ (Виноградскій съ 1812—1819 г.) и митрополитъ Серафимъ (Глаголевскій съ 1819 по 1821 г.), были первоначально воспитанниками Перервинской семинаріи; ихъ сердцу не было чуждо мѣстопребываніе сей послѣдней — Николо-Перервинская обитель и они не мало заботились объ ея благоустроеніи.

¹⁾ См. примѣчанія.

Въ правленіе архіепископа Августина на пользу Перервинскаго монастыря было сдѣлано слѣдующее.

Въ 1813 году была возобновлена выжженная въ 1812 году издавна принадлежавшая Перервинскому монастырю часовня въ деревнѣ Выхнѣ.

Въ томъ же году вмѣсто расхищенныхъ въ 1812 году французами серебряныхъ вѣнцовъ и окладовъ на иконахъ въ верхней Николаевской церкви были сдѣланы новые изъ слитка серебра въ 20 фунтовъ; сдѣланы для семинаристовъ новые тулупы; вмѣсто крашенинныхъ халатовъ и казакиновъ похищенныхъ непріателемъ, пошиты новые затрапезные халаты; пополнена семинарская библіотека на сумму около 1000 руб.; выдано учителямъ семинаріи, равно какъ и монашествующимъ не въ зачетъ годовое жалованье; куплены многія вещи для монастыря вмѣсто утраченныхъ; приготовлены новые тюфяки, подушки, одѣяла для семинаристовъ; произведены нѣкоторыя поправки въ корпусахъ, какъ напримѣръ, исправлены печи и т. п.

Въ 1816 году по случаю расширенія площади около стѣны Китая города, по приказу комиссіи строеній, въ числѣ прочихъ домовъ сломано было монастырское подворье, съ выдачею за оное отъ казны 12000 рублей. При ломкѣ подворья найдено въ землѣ 171 рубль старинными серебряными рублями, которые и были отправлены въ монастырь.

Въ 1818 году въ Иверскую часовню поступило очень цѣнное монаршее пожертвованіе, именно Императоръ Александръ I изволилъ прислать для украшенія ризы Иверской иконы Богоматери вещь съ большимъ сафиромъ, осыпанную 22 брилліантами и розами, цѣною въ 8500 р. Въ томъ же году Императрица Марія Теодоровна при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы лично пожаловала въ кружку на масло 200 руб. ассигнаціями.

Не маловажнымъ событіемъ въ жизни Николо-Перервинской обители при архіепископѣ Августинѣ было преобразование Перервинской семинаріи. Въ 1814 году учреждена Московская академія съ ея округомъ по примѣру Петербургской семинаріи. Новая академія помѣщена была въ Сергіевской лаврѣ, на мѣстѣ Троицкой семинаріи, а семинарія была перенесена въ Виѣанію и соединена съ Виѣанскою подъ однимъ названіемъ Спасо-Виѣанской; Московская же прежня академія перенесена была изъ Законо-

спасекаго монастыря въ Перервинскій подъ названіемъ Московской семинаріи, къ которой присоединена была и прежняя Перервинская. Въ виду сего въ помѣщеніи прежней семинаріи на средства монастыря были произведены различныя передѣлки и приспособленія. На содержаніе сей семинаріи Перервинскій монастырь ежегодно жертвовалъ изъ доходовъ Иверской часовни 9600 руб. Преосвященный Августинъ самъ собою распорядился сверхъ ста казенно-коштныхъ воспитанниковъ по положенію содержать еще 150 доходами Перервинскаго монастыря, а для помѣщенія ихъ поручилъ архимандриту Лаврентію выстроить близъ конюшеннаго двора деревянный на каменномъ фундаментѣ домъ, постройка котораго и окончена была въ слѣдующемъ году (на постройку употреблено до 45000 руб.). По сему случаю преосвященный писалъ митрополиту Амвросію между прочимъ слѣдующее: бѣдность не терпитъ медленности, да и не нахожу указовъ, то сдѣлать мнѣ воспреещающихъ. Митрополитъ отъ 31 января 1815 года отвѣчалъ Преосвященному, что комиссія съ удовольствіемъ пріемлетъ распоряженіе Его Преосвященства.

Открытіе Московско-Перервинской семинаріи совершено было съ большою торжественностію. 1-го ноября означеннаго года Преосвященный Августинъ совершилъ въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ божественную литургію, послѣ коей пошелъ съ духовенствомъ въ семинарію крестнымъ ходомъ и тамъ совершилъ водосвященіе. Ректоръ говорилъ рѣчь; одинъ изъ профессоровъ произнесъ разсужденіе, нѣкоторые изъ учениковъ читали стихи, а въ заключеніи сказала рѣчь инспекторъ.

Первымъ ректоромъ новоустроенной семинаріи (должности настоятеля монастыря и префекта съ означеннаго года были разединены) былъ опредѣленъ архимандритъ Евгеній (Казанцевъ)¹⁾,

¹⁾ Евгеній Казанцевъ, въ мѣрѣ Андрей, родился въ 1778 г. отъ священника села Бѣляницына, Владимірской губерніи; образованіе получилъ въ Троицкой семинаріи; постриженъ въ монашество 16 декабря 1804 г. Въ 1818 г. хиротонисавъ во епископа Курскаго; затѣмъ былъ архіепископомъ Псковскимъ, Тобольскимъ, Рязанскимъ и наконецъ Ярославскимъ. 24 декабря 1853 г. уволенъ былъ по болѣзни отъ управленія Ярославскою епархіею съ назначеніемъ быть управляющимъ ставропиталіальнымъ Донскимъ монастыремъ и вмѣстѣ членомъ Св. Синода. Скончался 27 іюля 1871 года.

въ то же время переведенный изъ настоятеля Можайскаго монастыря въ настоятеля Московскаго первокласснаго Заиконоспаскаго монастыря. Преосвященный Августинъ, привѣтствуя его съ симъ назначеніемъ, писалъ ему отъ 18 августа слѣдующее: „Вась поздравляю Заиконоспаскимъ архимандритомъ и ректоромъ Церервинской семинаріи. Но сіе да не ослабитъ рвенія Вашего въ исполненіи порученнаго Вамъ дѣла; за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ; а можетъ быть ректоромъ, академіи скоро будете“. Первыми профессорами были слѣдующіе: философіи (онъ же и инспекторъ) соборный іеромонахъ Веніаминъ; исторіи (онъ же и бібліотекаръ) Георгій Лебедевъ; — математики и французскаго языка (онъ же и секретарь) Александръ Покровскій, а потомъ Александръ Кондорскій; риторики и нѣмецкаго языка Степанъ Лошаковъ; греческаго и еврейскаго языка Александръ Богдановичъ; всѣ эти лица были учениками архимандрита Евгенія въ бытность его ректоромъ прежней Троицкой семинаріи.

Нѣкоторые изъ воспитанниковъ Московско-Церервинской семинаріи впоследствии занимали почетныя мѣста среди Московскаго духовенства. Такъ напримѣръ, извѣстный въ свое время проповѣдникъ, протоіерей церкви Вознесенія, у Серпуховскихъ воротъ, Сергій Григорьевичъ Терновскій получилъ образованіе въ Московско-Церервинской семинаріи.

Московскому духовенству не нравилось открытіе Московской семинаріи на Церервѣ. Преосвященный Августинъ отъ 26 ноября 1814 года писалъ митрополиту Амвросію между прочимъ слѣдующее: „Московскіе священники скучаютъ тѣмъ, что дѣти ихъ переведены для ученія на Церерву и отлучены за 7 верстъ отъ своихъ матерей, на лонѣ коихъ безотлучно почивали среди нѣги и баловства. Отцы духовные и дѣтей духовныхъ заставляютъ кричать. Но я увѣренъ, что перемѣщеніе академіи въ Лавру и учрежденіе семинаріи на Церервѣ и въ Вианіи послѣ полюбится самимъ воспитанникамъ и ихъ родителямъ, какъ полезнѣйшее учрежденіе“.

Въ 1815 году обозрѣвалъ въ числѣ другихъ семинарій и Московскую присланный отъ комиссіи ревизоръ, ректоръ Петербургской академіи архимандритъ Филаретъ (впоследствии знаменитый Святитель Московскій) и по засвидѣтельствovanіи его ком-

миссією духовныхъ училищъ объявлена ректору Евгенію похвала за хорошіи порядокъ въ семинаріи и „за отличные учениковъ успѣхи въ богословіи“.

При митрополитѣ Серафимѣ приступлено было къ пристройкѣ зданія къ флигелю, находившемуся на лѣвой сторонѣ Иверской часовни (идучи отъ Кремля). На донесеніи настоятеля Перервинскаго монастыря іеромонаха Аарона, съ представленіемъ плана и смѣты для означенной постройки, митрополитъ Серафимъ 7 мая 1820 года написалъ: „сдѣлать пристройку къ флигелю при Иверской часовнѣ признается за нужное“. Посему планъ предполагавшагося зданія препровожденъ былъ въ комиссію для строеній въ Москвѣ, въ 1823 г. комиссія разрѣшила постройку, которая и окончена въ 1826 году. Въ 70-хъ годахъ зданіе это и земля, на которой оно стояло, были уступлены Историческому музею.

Послѣ митрополита Серафима на Московскую кафедру назначень былъ преосвященный Филаретъ (Дроздовъ 1821—1867). Николо-Перервинскій монастырь пользовался особымъ расположеніемъ сего Святителя. Въ теченіи всего долговременнаго своего архинастырскаго служенія на Московской кафедрѣ приснопамятный Святитель Филаретъ нерѣдко зимою и лѣтомъ посѣщалъ обитель, служилъ въ оной и говорилъ проповѣди. Въ полномъ собраніи его проповѣдей находятся четыре проповѣди, произнесенныя имъ въ Перервинскомъ монастырѣ: три въ день св. Николая, 9 мая, въ 1822, 1824 и 1825 годахъ, и одна по случаю освященія Николаевского храма въ 1841 г. октября 7-го дня. Нерѣдко покойный Святитель проводилъ на Церервѣ и день своего Ангела, 1-го декабря, пріѣзжая обыкновенно наканунѣ этого дня. Архіерейскій домъ, пустой и безмолвный въ обычное время, оживлялся тогда и освѣщался огнями. Впрочемъ Владыка не служилъ въ этотъ день, а наканунѣ всенощное бдѣніе, совершаемое обыкновенно однимъ изъ Перервинскихъ іеромонаховъ, слушалъ у себя въ архіерейскихъ покояхъ, Божественную же литургію, совершаемую соборне, съ произнесеніемъ гѣмъ-либо изъ учителей въ обычное время проповѣди при большомъ стеченіи народа и учениковъ, стоялъ въ алтарѣ Николаевской соборной церкви. Къ концу литургіи въ самый день праздника пріѣзжали изъ Москвы съ поздравленіями почетнѣйшіе посѣтители изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, какъ напр.: С. М. Голицынъ, А. Н.

Муравьевъ и др., которые и приглашались къ трапезѣ высокоименитымъ виновникомъ торжества. Служиваль Владыка иногда въ Николаевскомъ соборномъ храмѣ въ весенній Николинъ день, при чемъ изъ Москвы прїѣзжало много богомольцевъ къ обѣднѣ. Для нихъ послѣ обѣдни въ сосновой рошѣ близъ монастыря разбивались палатки, въ которыхъ они пили чай,—продавались различныя сласти и лакомства, играла шарманка и т. п., и сельскій праздникъ шелъ три дня въ полномъ разгарѣ.

Послѣднее священнодѣйствіе митрополита Филарета въ Николаевскомъ соборномъ храмѣ было въ Николинъ день, 9 мая 1861 года, за 6½ лѣтъ до его кончины. Сослужащими съ нимъ въ этотъ праздникъ были Покровскій архимандритъ Паисій, игуменъ Константинъ и два іеромонаха. Проповѣдь говорилъ смотритель Перервинскаго училища соборный іеромонахъ Антоній. Учителя и нѣкоторые посѣтители были приглашены къ закускѣ, а другіе почетнѣйшія лица, въ томъ числѣ А. Н. Муравьевъ,—къ обѣду. Послѣ того, то по дѣламъ, то по нездоровью, Владыкѣ не суждено было посѣтить Перервинскую обитель. Когда въ ноябрѣ 1867 г. настоятель Николо-Перервинскаго монастыря архимандритъ Никодимъ явился къ нему съ обычнымъ запросомъ: угодно ли будетъ Вашему Высокопреосвященству пожаловать на Перерву 1-го декабря? Владыка, какъ бы съ нѣкоторою грустію, отвѣтилъ на это: *куда мнѣ? я и здѣсь еле двигаюсь.*

А въ былые годы, особенно въ началѣ своего архипастырскаго служенія, онъ не считалъ для себя обременительнымъ прїѣзжать даже на публичныя испытанія учениковъ Николо-Перервинскихъ приходскаго и уѣзднаго училищъ, учрежденныхъ на мѣстѣ Московско-Перервинской семинаріи въ 1824 году. День такъ называемыхъ публичныхъ экзаменовъ, приходившійся въ одно изъ чиселъ первой половины іюля, былъ торжественнѣйшимъ въ учебномъ году. Большой классный залъ убиралъ цвѣтами, на полу устраивался большой коверъ, сдѣланный изъ живыхъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, искусно изображавшій планъ Іерусалима, столъ накрывался краснымъ сукномъ и на него полагались нужные для справокъ книги и учебники, ученики устанавливались въ рядъ по парно и по росту и входъ въ экзаменаціонный залъ Владыки, или викарнаго епископа, или вмѣсто него ректора Московской семинаріи, встрѣчался общимъ дружнымъ пѣніемъ учениковъ молитвы:

Царю небесный! и *изъ полаи эти деспота!* и затѣмъ уже началось испытаніе съ нисшихъ классовъ. Сохранился слѣдующій разсказъ объ одномъ изъ посѣщеній Владыкою публичнаго экзамена въ Перервинскомъ училищѣ въ первое время его святительскаго служенія. Въ одинъ изъ іюльскихъ дней онъ пріѣхалъ на Перерву для экзамена уже по окончаніи вечерни; игумень приказалъ сдѣлать колокольный звонъ для его встрѣчи. Владыка остался недоволенъ этимъ распоряженіемъ и строго замѣтилъ игумену, что церковный звонъ по окончаніи вечернихъ богослуженій уставомъ не дозволяется. Подъ вліяніемъ неблагоприятнаго впечатлѣнія вошелъ онъ въ экзаменаціонный залъ и недовольно занялъ предсѣдательское кресло. Экзаменъ по обычаю начался съ 1-го приходскаго класса. Вызвана первая тройка (вызывалъ смотритель на средину по три ученика) и первымъ ученикъ дѣтъ 8 или 9. Испуганный торжественностію обстановки и сердитымъ видомъ Владыки, онъ вмѣсто какого-либо отвѣта на предложенный вопросъ заревѣлъ во все горло. Владыка сейчасъ же смягчился, подозвалъ его къ себѣ и началъ успокаивать съ свойственной ему благостной улыбкой. Затѣмъ весь экзаменъ прошелъ благополучно. Пишущій эти строки, состоявшій въ должности учителя въ Перервинскомъ монастырѣ съ 1856 по 1864 годъ не имѣлъ случая видѣть Владыки на публичныхъ испытаніяхъ въ училищѣ. Вмѣсто него пріѣзжалъ въ 1857 году Преосвященный Алексій, въ 1858 г. Преосвященный Евгеній, а затѣмъ или Преосвященный Леонидъ, или Преосвященный Игнатій, или Амвросій (1878 г.).

Весьма много обязана Перервинская обитель покойному Владыкѣ своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ. Во время его долговременнаго архипастырскаго служенія неоднократно возобновлялись внутренне и наружно стѣннымъ иконописаніемъ и позолотой храмы Николаевскій, Сергіевскій, Успенскій и Толгскій; надстроены вторымъ этажемъ училищный корпусъ и сдѣланы многія другія хозяйственныя исправленія и постройки. Иверская часовня, издавна приписанная къ монастырю, ходатайствомъ Царицы Небесной, продолжала приумножаться въ его правленіе денежными вкладами, и по мѣрѣ накопленія оныхъ милостію святителя Филарета лились токи иногда очень крупныхъ пожертвованій на нужды духовно-учебныхъ заведеній: академій, семинарій и учи-

лицъ и на общественно-отечественныя нужды, такъ наприм., во время Крымской войны имъ было пожертвовано отъ Перервинскаго монастыря вмѣстѣ съ Троицкой Лаврой и Чудовымъ монастыремъ 50,000 рублей. Двѣ часовни, издавна принадлежавшія монастырю: у Калужскихъ и Серпуховскихъ воротъ, были переданы имъ въ вѣдѣніе Лужецкаго Можайскаго монастыря, въ виду недостаточности его средствъ. Такимъ образомъ Перервинская обитель съ приписанною къ ней Иверскою часовнею щедрою рукою сыпала всюду, гдѣ только оказывалась потребность, свои благотворенія, во весь долговременный періодъ его отечески архипастырскаго святительства—и на возникшее при немъ Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія и на Филаретовское епархіальное училище, и на государственныя нужды, и на духовно-учебныя заведенія.

Приведемъ подробную лѣтопись перебѣнъ и улучшеній, происшедшихъ въ состояніи Перервинскаго монастыря съ первыхъ годовъ вступленія почившаго архипастыря на Московскую кафедру.

Въ 1824 году, часовня, бывшая у Калужскихъ воротъ, перенесена на другое мѣсто ближе къ Донской улицѣ; здѣсь часовня была выстроена каменная и при ней каменная лавка съ двумя погребями и жилыми покоями. Въ томъ же году покончила свое существованіе на Перервѣ Московско-Перервинская семинарія и на мѣстѣ оной учреждены Перервинскія приходское и уѣздное училища. Домъ, принадлежавшій семинаріи, былъ купленъ въ монастырь и разобранъ; часть матеріала была употреблена на исправленіе монастырскихъ ветхостей, а часть продана Николо-Угрѣшскому монастырю. Въ Перервинскихъ училищахъ воспитывались преимущественно сироты и дѣти бѣднѣйшаго духовенства Московской епархіи, какъ это существуетъ и доселѣ. Смотрителями Перервинскихъ училищъ нѣкоторое время были Іаковъ (Кротковъ), впослѣдствіи бывший епископомъ Суздальскимъ и Θεодосій нынѣ викарій Рязанскій.

Въ 1825 г. часовня, находившаяся на болотѣ, и именовавшаяся часовней, что на Конной, по случаю перевода конныхъ торговъ съ болота къ Серпуховскимъ воротамъ, переведена къ этимъ же воротамъ иждивеніемъ Московскаго Купеческаго Общества. Часовня была выстроена каменная и при ней двѣ каменные лавки съ погребями.

Въ 1827 г. на заводѣ Самгина перелить старый большой (разбитый) колоколь въ 311 пудовъ на новый 315 пудовъ.

Въ 1829 году выстроена новая каменная училищная баня.

Въ 1831 году содержателемъ монастырской, въ деревнѣ Гравороновой, мельницы съ дозволенія монастыря построены деревянный домъ, каковой существуетъ и доселѣ.

Въ 1832 г. на сумму въ 45.498 руб. ассигнаціями, пожертвованную каедрою Московской епархіи, построенъ для училища каменный двух-этажный корпусъ.

Въ 1833 г. устроенъ вновь вызолоченный иконостасъ, сдѣланы новыя кіоты и возобновлена стѣнная живопись.

Въ 1834 году исправлены различныя ветхости въ соборной церкви и архіерейскихъ покояхъ по новымъ рисункамъ. Въ архіерейскіе покои кушлена новая мебель.

Въ томъ же году возобновлена живопись въ алтарѣ нижней церкви.

Въ томъ же году перестроены училищный корпусъ, стоящій на западной сторонѣ.

Въ 1835 г. перестроены монастырскій корпусъ, находящійся на южной сторонѣ и занимаемый настоятелемъ, братією и учителями (т. е. старый архіерейскій домъ и бывшіе настоятельскіе покои).

Въ 1839 г. возобновлена живопись и окрашенъ съ позологою иконостасъ въ Иверской часовнѣ.

Въ 1840 году устроена новая плацаница.

Въ 1841 году возобновленъ иконостасъ и стѣнная живопись въ соборной Николаевской церкви, равно какъ и стѣнная живопись на паперти подъ надзоромъ архитектора Быковского, сдѣлана чугунная рѣшетка на солеѣ, посеребрено паникадило, возобновлены 4 серебряныя лампы предъ мѣстными иконами и сплавлены двѣ оставшіяся съ приведеніемъ въ пробу. Освященіе храма, какъ уже замѣчено, совершалъ самъ Владыка и говорилъ на литургіи слово.

Въ 1842 году Николаевская церковь окрашена снаружи и мѣстами возобновлена въ ней живопись.

Въ 1843 г. оштукатурена вновь построенная въ деревнѣ Выхинѣ часовня.

Въ 1845 г. по случаю пожара, бывшаго въ деревни Выхинѣ

и повредившаго нѣсколько Выхинскую часовню, въ сей послѣдней произведено исправленіе.

Въ 1846 г. у Московскаго купца Кригера куплена монастыремъ дача съ землею и лѣсомъ, извѣстная подъ названіемъ Самаровой горы.

Въ томъ же году графиней А. А. Орловой-Чесменской за помянутое на вѣчное время пожертвованъ билетъ въ 5715 руб.

Въ томъ же году возобновлена Успенская, подъ колокольнею, церковь.

Въ 1848 г. пожертвовано г-жею Е. А. Петрово-Соловово 857 руб. 14½ коп. на поминъ души.

Въ томъ же году устроены иконостасы и сдѣлана серебряная риза на икону Спасителя въ Иверской часовнѣ; окрашена внутри Сергіевская церковь; исправлены ветхости въ училищной больницѣ и на конномъ дворѣ.

Въ 1849 г. сдѣлана риза на другую икону Иверской Богоматери, вѣсомъ въ 41 ф. 3 золот., изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, жертвованныхъ въ часовню и находившихся безъ употребленія. (Старая мѣдная риза съ иконы пожертвована въ Ставропигиальный Воскресенскій монастырь).

Въ 1854 г., какъ было уже помянуто, пожертвовано на военное дѣло отъ Сергіевской Лавры, Чудова монастыря и Перервинскаго 50.000 рублей.

Въ 1557 г. купеческою вдовою Е. И. Рябчевскою пожертвовано во владѣніе Иверской часовни три лавки съ землею въ Городской части, въ старомъ Игольномъ ряду, подъ №№ 22, 23 и 25.

Въ 1860 году пошита на монастырскія средства теплая одежда для казенныхъ воспитанниковъ училища.

Въ 1861 г. отпущено въ Московское Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія 150.000 руб. серебр. для устройства дома для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія.

Въ 1862 г. выдано изъ суммъ Перервинскаго монастыря Московской Духовной Академіи на библіотеку 10.000 руб. и Визанской семинаріи 1349 руб. 50 коп. на содержаніе. Пожертвовано 700 руб. на Петербургскихъ погорѣльцевъ.

Въ томъ же году отпущено въ Попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія 25.000 руб. на постройку училища на Заборовскомъ подворьѣ; пожертвовано 3000 руб. на содержаніе дома

графини Толстой для пріюта духовенства; пожертвовано 3000 р. Спасо-Виоанскому монастырю (занятыхъ имъ прежде сего на десять лѣтъ).

Въ томъ же году дано неизвѣстнымъ лицамъ въ монастырь 100 рублей на возобновленіе въ монастырѣ ветхостей и 15 руб. на поминъ души.

Въ 1863 г. возобновленъ иконостасъ въ нижней Сергіевской церкви. Освященіе 1-го декабря совершалъ преосвященный Савва, Епископъ Можайскій, викарій Московскій. Проповѣдь вмѣсто причастнаго стиха говорилъ инспекторъ Церервинскаго училища А. М. Божановъ (нынѣ игуменъ Никифоръ, казначей Иверской часовни).

Въ 1864 году устроены новые колокольные часы.

Въ томъ же году пожертвовано 700 руб. на погорѣльцевъ города Симбирска.

Въ 1865 г. пожертвовано 1000 руб. на братство Св. Николая.

Въ томъ же году пожертвовано 33.000 руб. въ Московское Почетительство о бѣдныхъ духовнаго званія для усиленія капитала на содержаніе бѣдныхъ дѣвицъ и 12.000 руб. въ Московскую Духовную Академію въ пособіе на изданіе Библейско-Церковнаго Словаря.

Въ томъ же году сдѣлана серебряная вызолоченная риза для второй иконы Св. Николая.

Въ томъ же году выстроена новая деревянная училищная баня.

Въ 1866 г. г-жею Зотаковою пожертвовано 50 рублей на посеребреніе ризы и вѣнца на иконѣ Св. Николая.

Въ томъ же году пожертвовано г-жею Балашевою билетъ сохранный казны въ 300 руб., одною мѣщанкою билетъ въ 100 р. и четырьмя неизвѣстными лицами на вѣчное поминовеніе 400 р.

Въ томъ же году пожертвовано Николаевскому Единовѣрческому монастырю (по неудовлетворительному его окладу) въ пособіе къ содержанію братіи 2000 руб.; Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія 3000 руб.; Виоанской Семинаріи 7000 р., съ назначеніемъ процентовъ съ означеннаго капитала на пособіе лучшимъ наставникамъ.

Въ 1867 году пожертвовано въ Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія 1408 р. 60 коп. на устройство чугунно-каменной лѣстницы и другія работы въ епархіальной библіотекѣ въ Высокопетровскомъ монастырѣ.

Въ томъ же году 5 августа торжественно праздновался въ стѣнахъ Троицкой Лавры 50-лѣтній юбилей Святителя Филарета, на которомъ отъ Перервинскаго монастыря игуменомъ онаго Никодимомъ была поднесена ему икона Иверской Богоматери, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, именно 19-го ноября, его не стало. *Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ!*

Послѣ митрополита Филарета на Московскую кафедру назначень былъ 5 января 1868 г. извѣстный своими миссіонерскими трудами на Сѣверо-востокъ Азіатской Россіи, *Апостоль Камчатки*, архіепископъ Камчатскій Иннокентій ⁴⁾ (Веніаминовъ 1868—1879 года). Сей святитель подобно своему великому предшественнику, также жаловаль Перервинскую обитель. Онъ нерѣдко посѣщаль оную, и въ храмовой праздникъ Св. Николая, равно какъ при освященіи возобновленныхъ при немъ храмовъ, священнодѣйствовалъ въ оной. Первое его посѣщеніе Перервинскаго монастыря было 16 іюля 1868 г. Владыка прибылъ въ монастырь съ сыномъ своимъ протоіереемъ Г. І. Веніаминовымъ. У святыхъ воротъ ему сдѣлана была торжественная встрѣча при колокольномъ звонѣ; настоятель и вся братія стояли у святыхъ воротъ; настоятель подалъ крестъ; Владыка приложился и возвратилъ оный и, надѣвъ мантию въ предшествіи настоятеля и всей братіи съ крестнымъ ходомъ направился къ собору, гдѣ прикладывался къ святымъ иконамъ и послѣ эктеніи и возглашенія многолѣтія благословивъ всю братію, прошелъ въ архіерейскіе покои. — На другой день, 17 числа, въ концѣ 3 часа по полудни Владыка выѣхаль въ Николо-Угрѣвскій монастырь. И день своего Ангела, 26 ноября, Владыка, если не уѣзжалъ къ тому времени въ Петербургъ, проводилъ обыкновенно, за немногими исключеніями, на Перервѣ, возвращаясь къ вечеру того же дня на Сухаревское Троицкое подворье.

Много было сдѣлано митрополитомъ Иннокентіемъ, при участіи дѣятельнаго о. архимандрита Никодима, для благоустройства и украшенія Перервинской обители. Перечислимъ главнѣйшія улучшенія, произведенныя въ это время въ Перервинскомъ монастырѣ, а также его пожертвованія на учебныя и благотворительныя учрежденія.

⁴⁾ Смотр. Примѣчанія.

Въ 1868 г. сдѣланъ въ надвратной церкви иконостасъ, частію возобновлена, частію сдѣлана вновь стѣнная живопись, устроены новый престолъ и жертвенникъ. Освященіе храма и божественную литургію 9 августа совершалъ Преосвященнѣйшій Иннокентій въ сослуженіи съ Чудовскимъ намѣстникомъ архимандритомъ Веніаминомъ, игуменомъ Никодимомъ, протоіереемъ Веніаминовымъ, смотрителемъ Перервинскаго училища соборнымъ іеромонахомъ Антоніемъ и другими іеромонахами. На обѣдѣ послѣ литургіи присутствовали пріѣхавшіе изъ Москвы почетныя духовныя и свѣтскія лица. Не обойдены были приглашеніемъ и смотрители Московскихъ духовныхъ училищъ—Заиконоспасскаго игумень Діонисій и Донскаго соборный іеромонахъ Никифоръ.

Въ томъ же году устроены для Иверской часовни четыре священническихъ облаченія и четыре послушническихъ стихаря; для монастырской ризницы шесть лучшихъ священническихъ облаченій, пять діаконскихъ и четыре пономарскихъ стихаря; изъ привѣсокъ къ иконѣ Иверской Богоматери сдѣланъ золотой на-престольный крестъ въ 1 ф. 40 золот. и серебряный сосудъ для благословенія хлѣбовъ въ 8 фунтовъ и 70 золотниковъ.

Въ томъ же году уничтоженъ ветхій флигель на Кригеровской дачѣ.

Въ томъ же году возобновлена Иверская часовня.

19 мая 1869 г. торжественно праздновался день 200-лѣтія со времени поставленія чудотворной иконы Иверской Богоматери въ настоящемъ ея мѣстѣ, т. е. въ Иверской часовнѣ. Это торжество было подробно описано тогда въ „Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Надъ св. иконою была устроена богато украшенная сѣнь съ золотыми словами: „*Радуйся, Благодатная, Господь съ тобою!*“ и возжено многосвѣщенное, позлащенное паникадило, поступившее послѣ праздника въ Толгскую церковь Перервинскаго монастыря. При громадномъ стеченіи народа молебствіе предъ св. иконою совершалъ Владыка Иннокентій въ сослуженіи съ почетнѣйшимъ Московскимъ духовенствомъ, въ числѣ сослужащихъ были игумень Перервинскаго монастыря и Иверскіе іеромонахи, назначаемые обыкновенно для служенія въ часовнѣ изъ Николю-Перервинской братіи.

Въ томъ же году устроены изъ хранящихся безъ употребленія серебряныхъ лампадокъ и разныхъ привѣсокъ къ Иверской

иковъ—въ Толгскую церковь 32 вѣнца на иконы, ковчегъ для св. мощей подъ престоломъ, ковчегъ для Св. Даровъ, дикирій и трикирій.

Въ томъ же году пожертвованы въ Прибалтійскія губерніи три богослужебныхъ церковныхъ сосуда, три серебряныхъ на-престольныхъ креста, и три таковыхъ же дароносицы.

Въ томъ же году уничтожена по ветхости деревянная башня на сѣверо-западной сторонѣ.

Въ 1870 г. въ декабрѣ, по соизволенію Владыки въ патриаршихъ келліяхъ была устроена домовая церковь во имя Св. Праведнаго Никодима. Поводомъ къ устройенію оной послужило слѣдующее. Въ семь году прибылъ въ Москву уволенный на покой по прошенію за болѣзнію преосвященный Никодимъ (Казанцевъ), епископъ Енисейскій. Онъ испросилъ себѣ пребываніе въ Перервинскомъ монастырѣ; прошеніе было уважено, для жительства ему были отведены бывшія патриаршія келліи и, въ виду его болѣзненности, въ одной изъ залъ оныхъ было дозволено устроить домовую церковь въ честь его ангела. Освященіе Никодимовской церкви совершилъ самъ Преосвященный Никодимъ 1870 года декабря 17 дня и часто до самой своей блаженной кончины (въ г. Дмитровѣ, куда онъ отправился навѣстить своихъ родственниковъ, въ 1875 г.) по своему желанію служивалъ простымъ архіерейскимъ служеніемъ съ однимъ только послушникомъ 1).

Въ 1870 же году выдано изъ монастырскихъ суммъ 100,000 руб. на содержаніе процентами вновь устроенной богадѣльни для призрѣнія духовенства въ селѣ Островѣ.

Въ 1871 г. пожертвовано 1599 р. 12 коп. на ремесленно-учебное заведеніе для бѣдныхъ дѣтей духовнаго званія въ пожертвованномъ для сего домѣ Хлудовыхъ.

1) Преосвященный Никодимъ (Казанцевъ), въ мѣрѣ Никита, родился 5 сентября 1803 г. отъ причетника села Комлева, Рузскаго уѣзда. Обучался въ Звенигородскомъ училищѣ, Виенской Семинаріи и Московской академіи. Въ монашество постриженъ въ 1829 г. Въ 1854 г. назначенъ епископомъ Чебоксарскимъ, викаріемъ Казанской епархіи; въ 1859 г. управлялъ Вятскою епархіею; въ 1861 назначенъ въ новооткрытую Енисейскую епархію епископомъ; въ 1870 году согласно прошенію по разстроенному здоровью уволенъ отъ управления епархіею.

Въ томъ же году куплены хоругви въ нижнюю Сергіевскую церковь.

Въ томъ же году возобновлена внутренность Сергіевской церкви промывкою и чисткою св. иконъ, сдѣланіемъ новыхъ подоконниковъ и проч.

Въ томъ же году произведены исправленія въ патриаршихъ келліяхъ.

Въ 1872 г. пожертвовано купцами Демидовыми въ Иверскую часовню 500 рублей.

Въ томъ же году г. А. Θ. Федоровымъ пожертвовано въ Иверскую часовню вещей на 4500 рублей.

Въ томъ же году шито въ Перервинской монастырь архіерейское облаченіе и два подризника и въ Иверскую часовню три ризы и три стихаря.

Въ томъ же году устроенъ одноэтажный корпусъ на восточной сторонѣ монастыря для помѣщенія училищныхъ хлѣбни, рабочихъ, житницы и погребовъ.

Въ томъ же году возобновлена Иверская часовня внутри и снаружи, позолоченъ иконостасъ и сдѣланъ большой подсвѣчникъ вмѣсто лампы.

Въ 1873 году пожертвовано г. Чебышевою 1000 руб. на масло въ неугасимую лампаду предъ Иверскою иконою Богоматери.

Въ томъ же году дано Перервичскимъ монастыремъ въ Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія на передѣлки въ епархіальной библіотекѣ 4000 рублей.

Въ томъ же году пожертвовано въ пользу голодающихъ Самарцевъ 150 рублей:

Въ томъ же году на первоначальное образованіе епархіальнаго училища иконописанія пожертвовано 2000 рублей.

Въ томъ же году пожертвовано въ Московскую Семинарію на перестройки 17,634 рубля 1 копѣйка.

Въ томъ же году хлѣбный амбаръ изъ подъ патриаршихъ покоевъ перемѣщенъ подъ церковь, а на мѣсто прежняго амбара устроено новое жилое помѣщеніе для келлій.

Въ 1874 г. доходы съ Сухаревской часовни были переданы въ вѣдѣніе Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія на усиленіе средствъ къ помѣщенію и содержанію въ Островской богадѣльнѣ бѣднаго духовенства.

Въ 1877 г. сентября 8 въ праздникъ Рождества Пресвятыи Богородицы совершенно высокопреосвященнѣйшимъ Иннокентіемъ малое освященіе возобновленнаго иконописью соборнаго Николаевского храма. Въ сослуженіи были Чудовской намѣстникъ архимандритъ Веніаминъ, Перервинскій архимандритъ Никодимъ, протоіерей Веніаминъ, смотритель Перервинскаго училища соборный іеромонахъ Никифоръ и два Перервинскихъ іеромонаха. Къ обѣденному столу владыкою послѣ обѣдни милостивно былъ приглашенъ и гостившій въ то время у смотрителя училища православный англичанинъ Евг. Матѳ. Гаррисонъ, (бывшій викарный священникъ въ Лондонѣ, а потомъ обратившійся въ православіе).

Въ 1879 г. митрополитъ Иннокентій скончался. Преемникъ его по Московской каѳедрѣ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Макарій въ кратковременный періодъ своего архипастырскаго служенія (1879—1882) удостоилъ обитель своимъ посѣщеніемъ, такъ же вскорѣ по прибытіи въ Москву въ одинъ изъ іюньскихъ дней онъ посѣтилъ ее и торжественно былъ встрѣченъ монастырскою братією, во главѣ съ настоятелемъ, архимандритомъ Никодимомъ, — осматривалъ церкви, келдіи монашествующихъ, садъ и проч. — При немъ была учреждена въ монастырѣ новая должность, именно должность Благодѣянаго и первымъ проходилъ эту должность находившійся въ числѣ Перервинской братіи соборный іеромонахъ Никифоръ — до 8 декабря 1883 года, опредѣленный затѣмъ на должность казначея Иверской часовни.

Въ томъ же любвеобильномъ отеческомъ духѣ, какъ и предшествовавшіе ему Московскіе іерархи, дѣйствуетъ по отношенію къ обители временъ патріарха Адріана и митрополита Платона, и настоящій Владыка Московскій, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Іоанникій.

3 ноября 1882 г. вечеромъ, наканунѣ дня памяти Преподобнаго Іоанникія Великаго онъ изволилъ посѣтить Перервинскій монастырь въ первый разъ по прибытіи своемъ въ Москву. Торжественно встрѣченный въ монастырскихъ вратахъ архимандритами и братією монастыря, Владыка слушалъ всеобщее бдѣніе въ Николаевскомъ соборномъ храмѣ, а на другой день послѣ литургии совершилъ молебное пѣніе препод. Іоанникію, въ сослуженіи оо. архимандр. Никодима и Викентія, благодѣянаго соборнаго

іеромонаха Никифора, ризничаго Серафима и двухъ іеромонаховъ. Послѣ объѣда Владыка со своею свитою отправился въ Николо-Угрѣшскій монастырь. Второе посѣщеніе Владыкою Перервинскаго монастыря было въ 1883 году, 28 іюня; впрочемъ на этотъ разъ оно было короче предыдущаго. Владыка отслушалъ только всенощную въ домовой патриаршей церкви, и вечеромъ послѣ оной отправился также на Угрѣшу.

Пожертвованія на дѣла общественнаго благотворенія изъ монастырскихъ Перервинскихъ суммъ неоскудно продолжаютъ и при митрополитѣ Іоанникіи, какъ при его предшественникахъ; учреждены общежитія при Спасо-Виѣанской и Московской Семинаріяхъ, при чемъ первая всецѣло возобновлена, а во второй выстроены большой двухъ-этажный каменный флигель для помѣщенія дѣтей бѣднаго Московскаго духовенства, обучающихся въ семинаріи. Выстроены обширный каменный домъ для Маріинскаго Ризположенскаго женскаго училища съ церковію, и пр.

Управляли Николо-Перервинскимъ монастыремъ при архіепископѣ Августинѣ и митрополитахъ: Серафимѣ, Филаретѣ, Иннокентіи, Макаріи и Іоанникіи слѣдующіе настоятели (послѣ настоятеля Лаврентія):

29) Настоятель іеромонахъ Ааронъ; опредѣленъ настоятелемъ въ 1818 г.; въ 1822 году посвященъ въ Угрѣшскаго игумена и переведенъ намѣстникомъ въ Московскій Чудовъ монастырь и числился игуменомъ Угрѣшскимъ до 15 іюля 1825 г., а 5-го октября 1826 г., вступилъ въ управленіе; въ 1833 г., отрѣшенъ отъ должности и жилъ на покой въ Московскомъ Давиловѣ монастырѣ и нѣкоторыхъ загородныхъ. Скончался въ 1840 г., и погребенъ въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ.

30) Настоятель іеромонахъ Германъ; съ 1822 по 1826 г.

31) Настоятель іеромонахъ Амвросій; первоначально былъ экономомъ Троице-Сергіевой Лавры; опредѣленъ строителемъ Перервинскаго монастыря въ 1826 г.—Въ 1828 г. возведенъ въ санъ игумена. Въ томъ же году переведенъ въ Серпуховской Высоцкій монастырь; скончался въ санѣ архимандрита.

32) Настоятель іеромонахъ Меѳодій; первоначально былъ намѣстникомъ Саввино-Сторожевскаго монастыря; въ 1828 г. назначенъ былъ настоятелемъ Перервинскаго монастыря, а въ 1831 году переведенъ въ Лужецкій монастырь.

33) Настоятель іеромонахъ Пармень; въ 1831 г. назначень былъ строителемъ Перервинскаго монастыря; а до сего времени былъ казначеемъ Виоанскаго монастыря; въ 1837 г. возведенъ въ санъ игумена; въ 1848 г. переведень въ настоятеля Данилова монастыря съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

34) Настоятель іеромонахъ Константинъ; до назначенія настоятелемъ Перервинскаго монастыря (до 1848 г.) былъ игуменомъ Московскаго Срѣтенскаго монастыря; въ 1861 г. переведень въ Серпуховской Высоцкій монастырь съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, — гдѣ и скончался.

35) Настоятель іеромонахъ Венедиктъ; назначень настоятелемъ Николо-Перервинскаго монастыря въ 1861 году; до сего времени былъ казначеемъ Знаменскаго монастыря, а потомъ казначеемъ Иверской часовни; въ 1862 г. возведенъ въ санъ игумена; а въ 1866 г. переведень настоятелемъ въ Покровскій монастырь гдѣ и скончался.

36) Настоятель іеромонахъ Никодимъ; назначень управляющимъ Николо-Перервинскаго монастыря 15 мая 1866 г.; въ 1867 году возведенъ въ санъ игумена, въ 1875 г. въ санъ архимандрита. До назначенія управляющимъ Перервинскаго монастыря былъ ризничимъ Чудова монастыря. Въ 1883 году назначень архимандритомъ Знаменскаго монастыря

37) Настоятель архимандритъ Викентій, управляющій монастыремъ и въ настоящее время; прибылъ въ монастырь 7 января 1883 г. При семъ настоятелѣ усилена торжественность церковныхъ богослуженій, заведены по зимнимъ воскреснымъ днямъ народныя чтенія съ туманными картинами, введена неопустительная проповѣдь за литургіею въ каждый воскресный день и сдѣлано много полезныхъ нововведеній въ хозяйственномъ отношеніи.

IX.

Состояніе Николо-Перервинскаго монастыря въ настоящее время.

Въ настоящее время въ Перервинскомъ монастырѣ находятся пять храмовъ: Соборный Николаевскій, трапезный Сергіевскій, надвратный Толгскій, Успенскій, въ колокольнѣ, и Св. Пр. Никодима въ патриаршихъ келліяхъ. По угламъ перваго находятся

монастырскія кладовая и ризница, въ которой хранится между прочимъ кlobукъ митрополита Платона съ алмазнымъ крестомъ. Въ соборномъ храмѣ храмовая икона Св. Николая въ ризѣ изъ чистаго золота, а копія съ оной въ Сергіевской церкви—въ серебряной ризѣ. Внутренность соборнаго храма прекрасно росписана изображеніями евангельскихъ событій въ позлащенныхъ клеймахъ, а въ обширномъ куполѣ—изображеніемъ Вознесенія Господня и небесныхъ воинствъ. Въ алтарѣ надъ престоломъ устроена сѣнь изъ краснаго штофа. На южной сторонѣ находятся вверху хоры, на которые входятъ съ паперти.

Въ Сергіевской церкви, служившей въ прежнее время трапезною для семинаристовъ, замѣчательны иконы стариннаго письма: Св. Николая, Неопалимой Купины, Спасителя, Иверской Богоматери, Св. Прор. Іліи и нѣкоторыя другія, рѣзко отличающіяся темными ликами отъ иконостасныхъ. Онѣ стоятъ въ простѣнкахъ между арками и, быть можетъ, въ свое время были также иконостасными въ семь храмѣ.

Успенскій храмъ очень невеликъ, но изящно росписанъ. Иконопись въ сребропозлащенныхъ клеймахъ превосходной работы. Служба въ немъ за малопомѣстительностію бываетъ только въ храмовой праздникъ.

Надвратный храмъ въ честь Св. иконы Толгскія Богоматери (8 августа) много больше Успенскаго и украшенъ благолѣпно. Весной и лѣтомъ въ немъ совершаются раннія литургіи.

Храмъ во имя Св. Пр. Никодима (2 августа) устроенъ, какъ замѣчено выше, въ одной изъ патріаршихъ келлій. Онъ очень небольшой, иконостасъ и убранство очень простое. Служба бываетъ въ недѣлю Св. женъ Мученицъ и 2 августа

На восточной сторонѣ монастыря, вблизи двухъэтажнаго соборнаго храма расположено монастырское кладбище, обнесенное деревянною рѣшеткою.

На западной сторонѣ возвышается двухъэтажный архіерейскій домъ, съ большою залою, гостинною и другими покоями, выстроенный еще при митрополитѣ Платонѣ въ 1805 году. Въ приѣмной залѣ находится подъ стекляннмъ колпакомъ рѣзная, искусно сдѣланная однимъ изъ іеромонаховъ монастыря о. Теофаномъ модель Николо-Перервинской обители. На одной изъ стѣнъ виситъ со-

временный митрополиту Платону его портретъ. Въ нижнемъ этажѣ расположены братскія келліи.

Параллельно съ этимъ корпусомъ также къ западу, тянется каменный, двухъэтажный, ученическій корпусъ съ дортуарами для учениковъ, умывальнею, гардеробною и т. п.

Къ сѣверу расположенъ длинный, двухъэтажный ученическій корпусъ, а въ верхнемъ этажѣ находятся дортуары и одна изъ классовъ, а внизу столовая, кухня, раздѣвальная, рекреационныя комнаты и т. п.

За нимъ св. врата, называвшіяся прежде *водяными*, и надъ ними надвратная церковь въ честь Толгскія Богоматери. По ту сторону воротъ внизу находится палатка съ могильными памятниками и видны заложенные теперь ворота служившія, вѣроятно, для входа поселянъ въ означенную церковь, когда она была еще приходскою.

На востокъ расположенъ одноэтажный каменный корпусъ съ училищною кладовою, погребями, и служительскою большою комнатою. За нимъ другія—восточныя ворота съ деревянною надъ ними башнею, еще время митрополита Платона. Далѣе двухъэтажный училищный корпусъ съ четырьмя классными комнатами.

Къ югу тянутся большіе двухъэтажные каменные корпуса; въ первомъ изъ нихъ расположены училищное Правленіе, канцелярія, комната для расходчика и другихъ должностныхъ лицъ и пр.—Второй—вверху и внизу заняты братскими келліями; въ третьемъ, бывшемъ архіерейскомъ, находятся вверху большія настоятельскія келліи, внизу же кухня и монастырская трапеза. Къ настоятельскому корпусу примыкаютъ патриаршія келліи, а внизу подъ оными двѣ братскія келліи и небольшая монастырская баня. Другая каменная двухъэтажная училищная баня выстроена въ монастырскомъ фруктовомъ, разбитымъ подъ горою саду, въ которомъ находится пчельникъ.

Таковъ общій видъ монастыря внутри. Расположенный на горѣ, окруженный съ четырехъ сторонъ каменными корпусами съ двумя башнями, онъ и доселѣ, какъ полтора вѣка тому назадъ, представляетъ собою видъ неправильнаго четырехъ угольника на подобіе „нѣкоего средневѣковаго замка“.

Къ сѣверу за монастыремъ по ту сторону св. воротъ находится монастырскій скотный дворъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи

отъ него, въ каменномъ одноэтажномъ флигелѣ помѣщается ученическая больница, аптека и квартира фельдшера.

За скотнымъ дворомъ и больницею въ сѣверномъ же направленіи возвышается большой двухъэтажный каменный домъ—монастырская гостинница со службами, верхній этажъ которой занятъ квартирами смотрителя и учителей Перервинскаго духовнаго училища, а нижній комнатами для пріѣзжихъ посѣтителей и дачниковъ.

Затѣмъ тянется вѣковая сосновая роща, вплоть до Самаровой горы, подъ которой на мѣстѣ существовавшей здѣсь сто лѣтъ тому назадъ Иоанно-Богословской церкви на особомъ столбѣ виситъ въ деревянномъ кюлтѣ икона Св. Апостола Иоанна Богослова, съ постоянно возжевною предъ оною лампадою.

Всей земли при монастырѣ находится 13 десятинъ 493 квадратныхъ сажень.

Кромѣ сего монастырю принадлежать: часовня въ деревнѣ Выхивѣ, крупчатая мельница въ деревнѣ Гравороновой, рыбныя ловли въ Серпуховскомъ уѣздѣ, 30 десятинъ земли въ пустоши Румянцевой и при Гравороновой мельницѣ, а не вдалекѣ отъ монастыря земля съ лѣсомъ, извѣстная подъ названіемъ Самаровой горы; и въ Москвѣ: Иверская часовня и четыре лавки въ городѣ: одна въ Щепномъ ряду, одна въ Кафтанномъ ряду и двѣ въ Серебряномъ.

Въ заключеніи главы приведемъ списокъ настоящаго состава братіи Перервинской обители.

Настоятель архимандритъ Викентій.

Казначей игуменъ Никифоръ (изъ учителей Духовнаго училища); благочинный о. Петръ; ризничій о. Серафимъ; духовникъ о. Евлампій.

Иеромонахи: Нектарій, Климентъ, Іаковъ I (изъ учителей Духовнаго училища), Іаковъ II, Дометій, Сократъ.

Иеродіаконы: Венедиктъ, Иннокентій, Парфеній.

Монахи свѣчники: Ипполитъ, Палладій.

Послушники: В. Виноградовъ, П. Соколовъ, Д. Львовъ, И. Арсентьевъ, А. Соловьевъ и нѣкоторые другіе еще не пріюженные.

Х.

*Тѣла іеромонаховъ и нѣкоторыхъ мірянъ, погребенныхъ въ Ни-
коло-Перервинскомъ монастырѣ.*

Тѣло іеромонаха Израиля, скончавшагося въ 1848 году.

Тѣло Иверскаго іеромонаха Гавріила, скончавшагося 12 сен-
тября 1860 г.

Тѣло іеромонаха Іоны, родившагося въ 1792 г. марта 23;
скончался іюня 5-го 1822 г.

Тѣло іеромонаха Георгія, скончавшагося апрѣля 15-го 1858 года,
жилъ 85 л.

Тѣло іеромонаха Ионафана, скончавшагося 23 декабря 1865 г.

Тѣло священника Николо-Перервинской обители Николая Кли-
ментовича Сахарова, скончавшагося въ 1846 году.

Тѣло схимонаха Ѳеодора Фридберга, скончавшагося 26 октяб-
ря 1837 года; жилъ 58 лѣтъ.

Тѣло іеромонаха Аванасія, скончавшагося въ 1879 году.

Тѣло схимонаха Іоасафа, въ міру Ивана Савельевича Савелье-
ва; скончался іюня 21-го 1748 года.

Тѣло іеродіакона Иларіона, ризничаго и казначея патріаршаго
дома, сына Казанскаго стольника и воеводы Никиты Кудрявцева;
скончался въ 1763 году.

Тѣло монаха Антонія, скончавшагося 31 мая 1722 года; въ
бѣльцахъ былъ земскимъ подъячимъ, по имени Антипа.

Тѣло Статскаго Совѣтника Петра Ивановича Воронцова; ро-
дился 5 ноября 1761 г., скончался 3 мая 1826 года.

Тѣло Надворнаго Совѣтника Симона Мартынова сына Нор-
манъ, служившаго при дворѣ съ 1726 г., скончался 27 декабря
1777 года.

Тѣло Анны Петровны Лавровой, урожденной княжны Юсу-
повой; родилась 26 февраля 1772 г., скончалась 15 апрѣля 1793 г.

Тѣло полковника Александра Александровича Левашева; скон-
чавшагося марта 25-го 1804 года, род. мая 21-го 1752 года.

Тѣло Генераль-Лейтенанта Александра Ивановича Левашева;
род. 13 августа 1739 г., скончался 12 ноября 1811 г.

Тѣло Генераль-Поручика Ивана Васильевича Левашева; скончался 1772 г. января 27-го.

Тѣло Стат. Сов. Петра Ивановича Левашева; скончался въ 1786 году.

Тѣло Ротмистра и Кавалера Константина Николаевича Левашева; скончался 19 ноября 1814 года.

Тѣла дочерей Генераль-Поручика Ивана Васильевича Левашева, дѣвицъ: Екатерины, Анастасіи и Елизаветы.

Тѣло гвардіи вахмистра князя Бориса Александровича Касаткина-Ростовскаго; скончался марта 25-го 1792 года.

Тѣла четырехъ младенцевъ, дѣтей Генераль-Маіора князя Сергѣя Сергѣевича и княгини Елизаветы Ростиславовны Вяземскихъ: князя Михаила и княжень: Елизаветы, Анимайсы и Надежды.

Тѣло дѣвицы Агрипины Ѳеодоровны Похвисневой; скончалась 19 февраля 1815 года.

Тѣло Ивана Михайловича Грязнова, флотскаго капитана 2-го ранга, служившаго при Петрѣ I; скончался въ 1777 году.

Тѣла дѣтей Григорія Петровича Годунова: Николая, скончавшагося 5 октября 1699 г. и Сергѣя, скончавшагося 24 октября 1704 г.

Тѣла дѣтей Бориса Петровича Годунова: Маріи, скончавшейся 20 ноября 1706 года и Евдокіи, скончавшейся 12 мая 1707 г.

Примѣчанія.

КЪ ГЛАВѢ ІІ.

Относительно наименованія Николо-Перервинскаго монастыря Преосвященный Платонъ, Митрополитъ Московскій говоритъ слѣдующее: по общему преданію и согласному старожилыхъ въ слободкѣ того (монастыря), по преемническому отъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ преданію утверждается, что монастырь Перервинскій прежде назывался „Никола Старый“. Вопреки этому преданію новѣйшіе археологи утверждаютъ, что „Николю Старымъ“ назывался Никольскій Греческій монастырь, на Никольской улицѣ, въ Москвѣ.

Не оспаривая наименованіе „Никола Старый“ у Никольскаго Греческаго монастыря, мы держимся мнѣнія Преосвященнѣйшаго

Платона, на томъ основаніи, что въ древнихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ нѣсколько сказаній, въ которыхъ, какъ можно думать, „Николю Старымъ“ называется монастырь Николо-Перервинскій.

Приведемъ эти лѣтописныя сказанія.

Наименованіе церкви „Никола Старый“ встрѣчается въ лѣтописяхъ при Великомъ Князѣ Василии Дмитріевичѣ подь 1404 г. Василій Дмитріевичъ, находившійся въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Новгородцами, въ 1401 г. велѣлъ Митрополиту Кипріану задержать въ Москвѣ ихъ архіепископа Іоанна, который ревностно ходатайствовалъ за гражданскія права своей духовной паствы. Въ троицкой лѣтописи объ этомъ говорится такъ: „а былъ (Архіепископъ Іоаннъ) въ изгнаніи три лѣта и 6 мѣсяцевъ, а сидѣлъ въ монастырѣ у Св. Николы Старого“.¹⁾ Въ означенной выдержкѣ изъ лѣтописи не обозначается мѣстоположенія монастыря „Николы Старого“. Поэтому можно предполагать, что онъ находился въ Москвѣ и что это былъ Никольскій Греческій монастырь. Но, кажется, вѣрнѣе думать, что это настоящій Николо - Перервинскій монастырь, ибо гдѣ удобнѣе и цѣлесообразнѣе было заточить важнаго, почти государственнаго преступника, какимъ считался по тогдашнимъ понятіямъ архіепископъ Іоаннъ,—какъ не въ монастырѣ, расположенномъ внѣ Москвы, впрочемъ не въ дальнемъ отъ нея разстояніи. А если мы примемъ во вниманіе тотъ фактъ, что тотъ же митрополитъ Кипріанъ, строго судившій неправды епископовъ и недозволявшій имъ противиться власти княжеской, наказывалъ ихъ заточеніемъ въ различные загородные монастыри, какъ напримѣръ епископа Туровскаго Антонія заточеніемъ въ Симоновскую обитель,—то очевидно послѣднее мнѣніе оказывается болѣе правдоподобнымъ и потому не безъ основанія можно предполагать, что монастырь „Никола Старый“, въ которомъ находился въ заточеніи въ теченіи 3½ лѣтъ архіепископъ Іоаннъ, былъ настоящій Николо-Перервинскій.

Далѣе наименованіе монастыря „Никола Старый“ встрѣчается въ лѣтописяхъ въ царствованіе Грознаго. Въ Великой лѣтописи подь 1473 г. обозначенъ слѣдующій фактъ. „Апрѣля 4 былъ въ

¹⁾ Истор. Карамзина. Т. V. Примѣч. 194.

городѣ (Кремль) большой пожаръ и погорѣ много дворовъ и митрополить дворъ сгорѣ... по Богоявленье Троицкое (подворье Троицкой Лавры) да по житницы городскія... Митрополить же Филиппъ вышелъ изъ града въ монастырь Св. Николы Старого⁴. При описаніи означеннаго пожара, какъ и въ предыдущей выдержкѣ опять не обозначено съ точностію мѣстоположеніе монастыря; лѣтописецъ умалчиваетъ о томъ, гдѣ онъ находился, въ Москвѣ, или внѣ ея. Нѣкоторые думаютъ, что это Никольскій Греческій монастырь, но если разумѣть здѣсь именно этотъ монастырь, то является слѣдующій вопросъ. Пожаръ 1473 г., по словамъ лѣтописи, истребилъ большую часть Кремля, митрополичій дворъ и множество частныхъ домовъ, слѣдовательно свирѣпствовалъ съ особенною силою и не только въ городѣ, но, по видимому, и внѣ онаго. Сосѣдніе съ Кремлемъ монастыри, а въ томъ числѣ и настоящій Никольскій Греческій, вѣроятно, подвергались не малой опасности отъ Кремлевскаго пожара. Какая же была нужда митрополиту спастись отъ огня въ монастырь, расположенный едва не рядомъ съ городомъ (Кремлемъ), объятымъ пожаромъ? Не естественнѣе ли предположить, что митрополить выѣхалъ изъ Кремля въ какой либо другой монастырь загородный, болѣе отдаленный отъ пожарища и носившій, какъ и Никольскій Греческій, названіе „Николы Старого“, т. е. въ нынѣшній Николо-Перервинскій?

Наконецъ названіе монастыря „Никола Старый“ не разъ упоминается въ жизнеописаніи Свят. Филиппа, митрополита Московскаго, какъ извѣстно, мужественно пострадавшаго при царѣ Грозномъ за правду и истину. Извѣстный нашъ исторіографъ слѣдующимъ образомъ описываетъ послѣдніе дни его святительства. 1).— Въ 8-й день Ноября, говоритъ онъ, во время священнослуженія Св. Филиппа въ Успенскомъ соборѣ его съ ругательствами, наемъшками и побоями вывели изъ соборнаго храма, посадили на дровни и привезли за ветошный торгъ въ монастырь Богоявленія. На другой день митрополита привезли въ Судную Палату, въ которой былъ самъ Иоаннь, для выслушанія приговора. Филиппу, будто-бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и волшебствѣ, надле-

¹⁾ Исторія Карамзина. Т. IX.

жало кончить дни свои въ заточеніи. Восемь дней сидѣлъ онъ въ темницѣ въ узахъ; затѣмъ былъ перенезенъ въ обитель *Св. Николая Стараго на берегу Москвы рѣки*, терпѣлъ голодъ и питался молитвою.... Сюда была прислана ему Грознымъ отрубленная и зашитая въ кошачій мѣхъ голова его племянника, которую Свититель, благословивъ, возвратилъ посланному. Черезъ нѣскольکو времени, опасаясь любви гражданъ московскихъ къ сверженному митрополиту, слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотреть на келію заключеннаго и рассказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости, царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, Троицкаго архимандрита Кирилла.

При описаніи означеннаго случая мѣстность обители „Никола Старый“ опредѣляется уже съ большею точностію, чѣмъ въ предыдущихъ выдержкахъ; именно она представляется расположенною на берегу Москвы рѣки, и при томъ какъ бы внѣ Москвы, что именно соответствуетъ положенію настоящей Николо-Перервинской обители. Кромѣ того Св. Филиппъ, какъ говоритъ историкъ, сначала былъ удаленъ изъ Успенскаго собора въ монастырь Богоявленія, что за ветошнымъ рядомъ (настоящій Богоявленскій), а отсюда уже черезъ нѣсколько дней перевезенъ въ обитель „Никола Старого“, что на берегу Москвы — рѣки. Если разумѣть подъ послѣднею настоящій Никольскій Греческій монастырь, расположенный, какъ извѣстно, почти напротивъ Богоявленскаго и во все не на берегу Москвы рѣки, то можетъ возникнуть слѣдующее недоумѣніе: какая была необходимость перевозить священномученика митрополита изъ монастыря Богоявленскаго въ сосѣдній монастырь, лежащій съ нимъ почти рядомъ? — Не цѣлесообразнѣ ли должно было казаться царю сокрыть его, какъ неповинную жертву, подалше отъ взоровъ народныхъ въ какой либо изъ болѣе уединенныхъ монастырей, какъ то онъ и сдѣлалъ, постепенно переводя страдальца изъ Богоявленскаго въ Николаевскій, а изъ сего послѣдняго въ Тверской Отрочъ монастырь? — Неправдоподобнѣ ли посему въ описываемомъ фактѣ то мнѣніе, что монастырь „Никола Старого“, въ которомъ томился нѣкоторое время Св. Филиппъ былъ не иной, какъ Николо-Перервинскій извѣстный уже, можетъ быть, и прежде, какъ мѣсто заточенія

Новгородскаго архієпископа Іоанна и какъ временный пріютъ для соименнаго Св. Филиппу митрополита послѣ кремлевскаго пожара 1473 года? И историческій фактъ и топографія обители въ настоящемъ случаѣ говорятъ въ пользу послѣдняго предположенія.

На основаніи приведенныхъ лѣтописныхъ сказаній мы и заключаемъ, что и Николо-Перервинскій монастырь назывался сначала "Николою Старымъ", хотя, повторяемъ, не оспариваемъ наименованіе „Стараго“ и у Никольскаго Греческаго монастыря.

КЪ ГЛАВЪ III.

Приводимъ дословно мнѣніе Преосвящ. Платона относительно Николо-Перервинскаго монастыря.

Положивъ за несомнительное, что Перервинскій монастырь есть тотъ, который въ древности назывался монастырь близъ Москвы, Никола Старый, изъ того прямо выводится древность его. Ибо почему онъ назывался Никола Старый? По исторіи извѣстно, что градъ Москва столь знаменитъ, что считался княженіемъ при великомъ князѣ Данилѣ Александровичѣ, сынѣ великаго князя Александра Невскаго; имъ основанъ и нынѣ существующій Даниловъ монастырь, коему безъ всякаго сомнѣнія и должно отдать первенство предъ прочими монастырями, находящимися въ Москвѣ. И ежели бъ сей Даниловъ монастырь такъ бы былъ первый, чтобы и близъ Москвы старѣе его не находилось, то или онъ названъ бы былъ предъ прочими монастырями старый, или бъ когда Перервинскій монастырь устроенъ былъ послѣ Данилова монастыря, то не могъ бы называться старымъ, поелику прежде его былъ бы ужъ устроенъ Даниловъ монастырь. Почему по всей вѣроятности утвердить можно, что онъ былъ прежде Данилова монастыря, но и едвали не прежде самаго града Москвы. Ибо по исторіи извѣстно, что гдѣ нынѣ градъ Москва, было селеніе знатныхъ господъ именованіемъ Кучково, какъ въ повѣсти о великомъ князѣ Андрѣе Боголюбскомъ было о нихъ письмо; въ томъ селеніи, яко христіанскомъ, конечно, были церкви; и въ то же еще время, по тогдашнему обыкновенію, какой либо пустыльникъ избралъ сіе весьма выгодною мѣсто и устроилъ малый монастырь или пустыньку. Почему когда открылся градъ Москва, и начали въ немъ устроить монастыри, то сей нынѣ Перервин-

скій монастырь и стали называть Николю Старымъ, яко старѣйшимъ вновь отстроенныхъ монастырей.

Относясь съ должнымъ уваженіемъ къ мнѣнію знаменитаго Московскаго іерарха и извѣстнаго въ свое время церковнаго историка, тѣмъ не менѣе не можемъ не замѣтить вмѣстѣ съ авторомъ Исторіи Россійской Іерархіи, что одно названіе „Старый“ не можетъ быть доказательствомъ до московской древности монастыря сего, ибо и Заиконоспаскій монастырь, построенный въ 1661 году, именовался старымъ, между тѣмъ какъ гораздо древнѣйшій его назывался Новымъ или Новоспаскимъ (основ. въ 1462 г.).

КЪ ГЛАВЪ IV.

Монастырскій архивъ. Дѣло объ отказъ въ монастырь денегъ за вотчину Салтыкова-Самарову гору.

По государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руссіи указу... Михайло-Даниловъ, да Иванъ Переносовъ, да Андрей Строевъ продали окольнічему Михаилу Михайловичу Салтыкову и его женѣ и дѣтямъ въ Московскомъ уѣздѣ, васьлицовѣ стану испорожныхъ, изатводныхъ земель пустошь Самарову гору въ отчету съ пашнею и съ сѣнными покосы и съ лѣсными и со всѣми угодья какъ было за помѣщика по старинѣ; а въ книгахъ Московскаго уѣзду описи и мѣры подъячего сына Селиверстова прошлаго 148 году васьлицову стану написана пустошь Самарова гора на озерѣ и сушицѣ, а въ ней пашни паханныя и перелогу лѣсомъ поросло двадцать пять четверть въ поле, а въ дву потомужъ, сѣна отъ никольскія земли Перервинскаго монастыря отъ озера и отъ дороги, что подлѣ Никольскаго и стану, и отъ камене въ лукѣ около долины, и по озеру Глушице, по Глушицкому озеру а по стоку двѣсти пятьдесятъ копень; а по государеву Цареву і великаго князя Михаила Ѳеодоровича и всея Руссіи указу взяли въ государеву казну впомѣнный приказъ у окольнічаго Михаила Михайловича Салтыкова за тое Самарову гору за двадцать за пять четверть въ поле. а вду потому жъ денегъ 8 руб., одинадцать алтынъ две деньги, и волно ему ту вотчину въ приданое дать, а въ монастырь тое вотчины не отдавать, а какъ окольнічаго Михаила Михайловича не станеть, а

послѣ его останется жена и дѣти, и та вотчина женѣ его и дѣтямъ, а будетъ послѣ его жены и дѣтей неостанеца и та вотчина въ родъ его, а будетъ—роду не останеца—и та вотчина взята на государя впомѣтныя земли, а деньги въ монастырь по его душѣ за ту вотчину велитъ Государь дати изъ своей Государевой казны смотря построению, какъ Государь да и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ и всея Руссіи укажетъ. Къ сей купчей Государева и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руссіи печать приложена лѣта 149 сентября 17 день. На подлинномъ писано тако: дьякъ Андрей Строевъ справиль.

Монастырскій архивъ. Два документа конца XVII в. относительно Иверской часовни и ея святыни.

7193 (1685) февраля въ 24 день на дневанье стольника и подполковника Михаила Григорьева сына Шеншина, какъ онъ стоялъ у стольника и полковника зъ Дмитріевымъ полкомъ Жукова по указу великихъ Государей приказалъ думный дьякъ Федоръ Леонтьевичъ Шаковитый караульнымъ стрѣльцамъ, которые стоятъ по Китаю городу у Воскресенскихъ воротъ, въ день и ночь ставить за ворота караульныхъ стрѣльцовъ по одному человекъ, да въ соборъ Казанскія Богородицы по два человекъ для обереженія часовни, которая построена изъ Николаевского монастыря съ Перервы, чтобы изъ церкви Казанскія Богородицы и часовни воровскіе люди святыхъ образовъ не пограбили и никтобъ близъ церкви и часовни скверныхъ словъ никакихъ не говорилъ, и о томъ караулъ карауду отказывать и къ воскресенскимъ воротамъ письмо прислано и близъ часовни никакимъ товаромъ не торговать. У того письма въ лице написано: стольникъ Иванъ Федоровъ.

7202 году (1693) сентября въ 3 день, по указу великихъ Государей Царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, приходилъ на стѣнной караулъ на дневанье стольника и полковника Ивана Исаевича Скрипицина стрѣлецкаго приказу подъячій Иванъ Ремизовъ и велѣлъ записать въ записную книгу указы, которые стоятъ по Китаю у Воскресенскихъ воротъ капитанъ и караульные стрѣльцы и у часовни съ сего вышеписаннаго числа,

какъ будетъ куды въ домъ молебники будутъ имать изъ тое часовни образъ Пречистыя Богородицы и Николая Чудотворца и съ того караулу посылать капитану караульныхъ стрѣльцовъ для провожанія отъ безчинныхъ людей по два человекъ и впредь капитану и караульнымъ стрѣльцамъ карауль караулу отказывать.

Изъ данной 7202 года Марта 2 дня на Палату и подворье Перервинскаго монастыря, что въ Китаѣ городъ, у Воскресенскихъ воротъ на правой сторонѣ.

Въ записной пошленной книгѣ прошлаго 170 ноября въ 22 день написано: билъ челомъ блаженный памяти великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу Кадашевецъ Филиппъ Саверьевъ; была де у него Филиппа купленная каменная харчевня въ Китаѣ городъ у Воскресенскихъ воротъ и какъ де шелъ къ Москвѣ Грузинскій царь и съ той де его харчевни верхъ и очаги сломаны и поставлена де подлѣ той харчевни стрѣлецкая караульня, а та де его харчевня стоять пуста, а въ то де число изъ государевой казны за тое харчевню денегъ невыдано и иныхъ лавокъ не дано и великій государь пожаловалъ бы его велѣлъ вмѣсто той харчевни отдать ему въ выморочной питейной погребъ Никиты Рубцова, который подъ овощнымъ рядомъ, и тогожь 170 году февраля въ 28 день по указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по приговору окольныхъ Родіона Матвѣевича Стрѣшневъ Кадашевцу Филиппу Савельеву вмѣсто сломанной харчевни тотъ Никитинъ погребъ отдать ему изъ приказа большой казны безденежно и дана данная, да въ прошломъ 174 году ноября въ 21 день били челомъ блаженный памяти великому государю Николаевскаго монастыря, что на Перервѣ игумень Иона збратію: построена де у нихъ часовня межъ Неглинскихъ воротъ для подаянія православныхъ христіанъ того монастыря въ церковь на всякія церковныя потребности, а у той де часовни бываетъ старецъ безпрестанно и въ прошломъ де въ 163 году какъ пришелъ къ Москвѣ Грузинскій царь Теймуразъ и въ то де время для пришествія Грузинскаго царя у Неглинскихъ воротъ построена стрѣлецкая караульня, а подлѣ той караульни у китайскія стѣны

каменная харчевня Кадашевца Филиппа Савельева и въ той де харчевнѣ для убѣжища и дожди и сляты живеть ихъ старецъ и въ приказѣ де большаго приходу за нимъ не записано и великій государь пожаловалъ бы ихъ велѣлъ тое харчевню записать за ними и февраля въ 9 день по указу великаго государя и по выпискѣ за помѣтою дьяка Аѳанасія Ташлыкова велѣно та Филипповская харчевня отдать имъ, до указу въ монастырь оброчныя деньги взять и впредь на нихъ имать по два рубля на годъ потому что они тою палаткою владѣють и тѣ оброчныя деньги съ 168 году по 174 годъ на нихъ взяты и нынѣ потомужъ платять по два рубля безъ доимки всего съ 168 года на 34 годы по нынѣшній 202 годъ взято 68 рублей, да въ прошломъ въ 201 году декабря во 2 день по челобитью Николаевского монастыря, что на Перервѣ игумена Симона збратією въ памяти изъ стрѣleckаго приказу въ приказъ большія казны написано: въ прошломъ 200 году по указу великихъ государей велѣно у воскресенскихъ воротъ здѣлать двѣ палаты нижнія одна караульня, а другая Николаевского монастыря, что на Перервѣ, а старая палата того монастыря разобрать и потому великихъ государей указу тѣ палаты въ томъ мѣстѣ построены, а мѣры той ихъ монастырской палатѣ и подворь длиннику и поперечнику не написано, а по осмотру изъ пушкарскаго приказу по Китаю городу у воскресенскихъ воротъ въ городѣ идучи изъ города на правой сторонѣ построены каменные палаты изъ стрѣleckаго приказу двѣ палаты Николаевского монастыря, что на Перервѣ, да стрѣleckая караульня а по мѣрѣ изъ пушкарскаго приказу монастырскихъ палатъ отъ городской стѣны извѣными до проходу что шесть стрѣleckая караульня чегыре сажени съ двумя аршины, а длиною отъ башни по городской стѣнѣ шесть сажень съ двѣма аршины безъ четверти, подлѣ тѣхъ палатъ пригорожено къ городской стѣнѣ подворье заборомъ и покрыто сарасмъ длиною отъ палатъ подлѣ города 12 сажень поперегъ отъ города на чегырехъ саженьяхъ да у тѣхъ же палатъ близь воскресенскихъ воротъ въ углу у рундука, гдѣ исходити отъ воскресенскихъ воротъ къ тѣмъ палатамъ на крыльцо, мѣсто порожнее длиною отъ города до рундука сажень, а поперегъ подлѣ рундука два аршина и на томъ мѣстѣ ставятся того Николаевского монастыря съ восковыми свѣчами на вѣкахъ и ноября въ 28 день били челомъ великимъ го

сударемъ Николаевскаго монастыря, что на Перервѣ, игумень збратією, чтобы великіе государи пожаловали ихъ велѣли на то подворье для владѣнья дать данную. (Февраля 20 состоялся указъ о дарованіи данной на то подворье и на мѣсто, гдѣ ставятся того монастыря со свѣчами, а данная того же 202 г. 2 марта дана игумену Симону).

КЪ ГЛАВѢ V.

Надпись, вырѣзанная на каменной гробницѣ святѣйшаго патріарха Адріана.

Мірозданія 7009 лѣта, Христа же Господа 1700, мѣсяца октомврія 15 числа подь среду, въ ноци перваго часа въ четвертой четверти, волею Творца нашего Бога, усне благонадежно на вѣчное житіе въ Церковныхъ Таинствахъ Великій Господинъ, Святѣйшій Квръ Адріанъ, Архієпископъ Московскій и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ. Погребено тѣло его во гробѣ на семь мѣстѣ. Патріаршъ свой престоль правилъ десять лѣтъ пятьдесятъ три дни, съ августа 24 числа; отъ рожденія своего имѣлъ шестьдесятъ третіе лѣто съ октомврія 2 дня. Его же душу да упокоитъ Господь въ вѣчномъ своемъ блаженствѣ. Всякъ зрящій на гробъ сей помолися!

Надпись о построєніи соборной Николаевской, Сергіевской и Успенской Церквей,—вырѣзанная на дскѣ постановленной въ стѣнѣ при входѣ въ Николаевскую церковь на сѣверной сторонѣ.

При державѣ Благочестивѣйшаго Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца начатъ строитися сей святѣй храмъ въ лѣто отъ сотворенія міра 7204 отъ рождества же по плоти Бога Слова въ 1696 во славу Человѣколюбца Единаго Трипостаснаго Бога помощію Пречистыя Дѣвы Богоматери Маріи въ честь честнаго и славнаго Ея Успенія и Угодниковъ Божіихъ Св. Чудотворца Николая и Преподобнаго Отца Нашего Сергія Радонежскаго Чудотворца съ придѣлы и монастырскими службами въ сей Нико-

лаевской святѣй обители, иже на Перервѣ, и строеніе создалъ и украсилъ Великій Господи́нь Святѣйшій Курь Адрианъ, Архіепископъ Московскій и Всея Россіи, всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ, многимъ своимъ тщаніемъ и иждивеніемъ своєю келейныя казны; къ сему бысть и иныхъ боголюбцевъ подаваніе на сичевое строеніе. Совершился же и освятися сей храмъ Святѣйшимъ Адрианомъ Патріархомъ въ лѣто отъ рождества по плоти Бога Слова 1700-е 20 сентября. Трудшася же въ строеніи семь тоя Святыя обители игумень Симонъ съ братією и Святѣйшаго Патріарха келейникъ іеромонахъ Герасимъ.

Св. Патр. Адрианъ родился въ 1636 г. Успе о Господѣ послѣ освященія храма сего, 15 октомврія, въ первомъ часу ноци, на 64 году отъ рожденія, Патріархомъ былъ 11 лѣтъ.

Лѣтопись объ основаніи Сухаревой башни и Сухаревской часовни, вышпеченная на двухъ каменныхъ доскахъ, находящихся надъ воротами съ южной стороны.

1) Повелѣніемъ Благочестивѣйшихъ Тишайшихъ Самодержавнѣйшихъ Великихъ Государей, Царей Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія і малыя і бѣлыя Россіи Самодержцевъ, по Стрѣлецкому приказу, при сидѣнїи въ томъ приказѣ Иванъ Борисовича Троекурова.

2) Построены во 2-мъ стрѣлецкомъ полку по земляному городу Стрѣтенскія ворота, а надъ тѣми ворота палаты и шатерь съ часами, а подлѣ воротъ по обѣ стороны малыя палаты да каменный амбаръ, а позади воротъ въ новой Мѣщанской слободѣ часовня съ келїями къ Николаевскому монастырю, что на Перервѣ, а начато то строеніе строить въ лѣто 7200 а совершено 7207, а въ то время будущаго у того полка стольника и полковника Лаврентія Панкратьева сына Сухарева.

КЪ ГЛАВѢ VI.

*Указъ Императрицы Екатерины Митрополиту Платону
объ открытіи Перервинской семинаріи.*

Преосвященнѣйшій Платонъ, Архіепископъ Московскій! Мы повелѣли заштатный Перервинскій монастырь приписать къ Чудову

монастырю для учрежденія въ немъ училища и содержанія бѣдныхъ учениковъ; а какимъ образомъ содержать этотъ монастырь и учредить въ немъ училище изъ его получаемыхъ нынѣ доходовъ, тому сочинить штатъ поручасмъ Вашему Преосвященству. Екатерина.

Монастырскій и семинарскій штаты, составленные по указанію и съ утвержденія архіепископа Платона ректоромъ Московской Академіи Амвросіемъ.

1) Настоятелю монастыря въ то время занимавшему должность префекта семинаріи было положено ежегоднаго жалованья 150 руб.; да ему же на провизію, приѣмъ гостей и на приготовленіе для того рыбы, пива, полпива, меду, кислыхъ щей и проч. 100 руб.

2) Казначею—24 руб. Впрочемъ противъ сего собственноручно архіепископомъ подписано такъ: нынѣшнему казначею не въ примѣръ другимъ по его въ должности исправности по 50 руб.

3) Четыремъ іеромонахамъ, изъ коихъ одинъ для часовни, по 13 р. въ годъ; итого 52 рубля. Часовенному іеромонаху назначено было въ штатахъ сжегодно по 24 руб.; но противъ сего пункта сдѣлано такое замѣчаніе: часовенный священникъ впредь до разсмотрѣнія имѣеть остаться на прежнемъ основаніи.

4) Двумъ іеродіаконамъ ежегодно по 13 руб.; итого 26 руб.

5) Двумъ монахамъ, изъ коихъ одинъ чапникъ и хлѣбодаръ, а другой пономарь по 10 руб.; итого 20 руб.

6) Обще всѣмъ, на провизію каждому сжегодно по 18 р.; 144 руб.

7) На дрова для топки церкви, трехъ печей настоятельскихъ, двухъ братскихъ, одной служительской, также кухни настоятельской и братско-семинарской и для пивоварни въ годъ 150 руб. Противъ сего пункта слѣдующее замѣчаніе: употреблять съ разсмотрѣніемъ и если что оставаться будетъ, то въ слѣдующемъ году представлять.

8) На церковныя потребности 40 р.; на оное же употребить свѣчную продажу.

9) Для конюшни и скотнаго двора на сѣно, на овесъ, также на желѣзо и уголья 150 руб. Противъ сего подписано: впредь

до разсмотрѣнія, а приплодь отъ коровъ на настоятеля, учителей монашествующихъ и семинаристовъ.

10) Пяти служителямъ по 20 руб. въ годъ; 100 руб. Противъ сего слѣдующее замѣчаніе: имѣють опредѣлены быть Чудовскіе; а до того остаться нынѣшнимъ на прежнемъ основаніи.

11) На починку монастыря и церквей, и на ризницу, и на огородныя потребности ежегодно 80 руб.; противъ сего замѣчаніе: на что понадобится болѣе, о томъ особливо съ обстоятельствомъ представлять письменно.

12) Служителямъ при Иверской часовнѣ: двумъ псаломщикамъ по 24 руб.: 48 руб.; тремъ солдатамъ (безъ жалованья); имъ же, т. е. пяти челоуѣкамъ на провизію по 18 р. въ годъ; 90 р.; на дрова 12 р.

13) Треть служителямъ при часовняхъ Калужской, Сухаревской и что на Конной по 6 руб. въ годъ; итого 18 рублей.

Въ означенное время существовала уже принадлежавшая Николо-Перервинскому монастырю часовня, что въ деревнѣ Выхинѣ, въ Московскомъ уѣздѣ, на Коломенскомъ шоссе, въ 10 верстахъ отъ Москвы. Часовня эта была, какъ и въ настоящее время, каменная и при ней жили послушники отъ монастыря для сбора подаяній. При составленіи монастырскихъ штатовъ она отдавалась крестьянину изъ шатежа по 15 р. въ годъ и была оставлена архіепископомъ Платономъ на прежнемъ основаніи.

Всего же въ годъ на содержаніе Николо-Перервинскаго монастыря по штатамъ положено 1288 руб.

Штаты Перервинской семинаріи слѣдующіе.

А) Префектъ — одинъ; о немъ было сказано выше; учитель высшаго класса — одинъ съ жалованіемъ по 90 руб. въ годъ; учитель нисшаго класса — одинъ съ жалованьемъ по 80 руб. въ годъ; информаторъ, онъ же и учитель пѣнія — одинъ съ жалованьемъ 50 рублей въ годъ. Всѣмъ этимъ тремъ учителямъ было назначено поочередно исправлять и письменныя дѣла.

Б) На содержаніе нищю, одеждою и обувью казенныхъ 80 учениковъ, полагая на каждаго по 12 рублей въ годъ; 960 р. ¹⁾

¹⁾ Учениковъ семинаріи обучавшихся на своємъ кошту было 60 челоуѣкъ.

В) На покупку 30 стопъ бумаги по 1 руб. за каждую стопу; 30 рублей.

Г) На дрова, какъ для учительскихъ, такъ и семинарскихъ, всѣхъ пятнадцати печей, въ томъ числѣ и для бани по 12 сажень на печь, на 180 рублей въ годъ.

Д) Свѣчь 14 пудовъ въ годъ, по 2 руб. 60 коп. пудъ, 36 руб. 40 коп.

Е) Треть человѣкамъ работникамъ въ томъ числѣ и повару по 20 руб. каждому, 60 рублей.

Ж) На покупку посуды и полуду оной, на разныя семинарскія мелкія починки, на кровати, на рубахи и постели для бѣднѣйшихъ учениковъ, на больныя и на другія подобныя потребности 100 руб.

З) На покупку книгъ для заведенія библіотеки полагается въ годъ 30 рублей.

Итого 1.616 руб. 40 копѣекъ.

Сверхъ сего по силѣ состоявшихся въ разное время резолюцій архіепископа Платона, хранящихся въ казенномъ архивѣ въ числѣ прочихъ дѣлъ, касающихся Перервинской семинаріи, къ означенному штату сдѣланы слѣдующія добавленія.

Префекту положено за обученіе исторіи и греческаго языка 50 рублей; учителю риторики — 120 рублей; учителю высшаго класса—100 руб.; учителю нисшаго класса—70 руб.; информатору—12 руб.; на 15 человѣкъ учениковъ, обучающихся на половинномъ коштѣ, по 5 рублей въ годъ на каждого, а на всѣхъ 75 рублей; на четырехъ семинарскихъ рабочихъ съ ежегоднымъ жалованьемъ каждому по 20 руб., на всѣхъ—80 руб.; вмѣсто 80 человѣкъ содержать 100 человѣкъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, на каждого по 12 руб. въ годъ; 1.200 рублей. Итого на семинарію въ годъ положено добавочнаго жалованья 1707 руб.

Покупка и расходъ всѣхъ хозяйственныхъ матеріаловъ по предписанію Платона производились подъ главнымъ смотрѣніемъ префекта. Жалованные деньги должны были отдаваться съ росписками; провизныя братскія должны были употребляться съ согласія братіи и апробаціею настоятеля для общей ихъ трапезы; строевые, конюшенныя, дровяныя и гостинныя деньги употреблять съ надлежащими записями и пр.—Въ заключеніе на означенныхъ штатахъ положена слѣдующая резолюція Платона: поступать во

всемъ по вышеписанному и жалованье монашествующимъ выдать съ начала нынѣшняго года, а провизіонныя суммы распоряженіе, съ подписанія сего штату; прочее же все дѣйствіе свое имѣть должно съ нынѣшняго года второй половины.

*Поздравительное письмо игумена Перервинскаго монастыря
Досифея митрополиту Платону въ день его тезоименит-
ства 18 Ноября 1786 года.*

Се уже двѣнадцатое лѣто, какъ благоволеніемъ Вышняго Промысла мудрая Твоя прозорливость пріяла въ особенное свое попеченіе здѣшнюю обитель. Сіе счастье сколь много послужило къ ея возвышенію, то знаемъ не только одни мы, наслаждающіеся всѣми плодами мудрыхъ Твоихъ въ ней благоучрежденій, но и всѣ тѣ, кои имѣли случай видѣть ея преображеніе и сравнить настоящее съ прежде бывшимъ. Что братство отгнѣнными предъ прочими пользуется выгодами; что воздвигнуты многія сколько прекрасныя, столько полезныя зданія; что священныя храмы облеклись въ новое благолѣпіе; что въ пользу церкви и общества заведенное Тобою училище, какъ довольнымъ содержаніемъ, такъ и благоучрежденіями снабдено: все сіе не только устроено мудрою Твоею десницею, но и самыя источники, служившіе къ тому усугублены. Прозорливымъ тщаніемъ Твоимъ монастырская приходская сумма столько возрасла въ минувшіе двѣнадцать лѣтъ, что въ сравненіи съ прежними болѣе, нежели шестью десятью тысячами умножена. Итакъ не сочитите за дерзновеніе высокопреосвященнѣйшій архипастырь, что я осмѣливаюсь принести Тебѣ малое сіе отъ плода трудовъ Твоихъ; оно не есть даръ достойный Твоихъ попеченій, поелику они превышаютъ всякое приношеніе, — но слабый только знакъ чувствительно сердцеъ сознающихъ оныя.

На означенную рѣчь игумена послѣдоваль архипастырскій отзывъ отъ того же 18 ноября.

Могу безъ стыда похвалиться, что мое раченіе, кромѣ прочаго, возымѣло успѣхъ въ приумноженіи доходовъ монастыря какъ то свидѣтельствуеть самая монастырская наличная сумма. И ничего я изъ оной себѣ не присвоялъ: всѣ вѣдаютъ; да и не дѣлалъ того въ ожиданіи какой либо награды, но единственно по долж-

ности и по побужденіямъ совѣсти непорочныя. Почему приносимыя знаки таковой отъ монастыря признательности, ежели они не принужденны и чисты, не могутъ не быть мнѣ пріятны.

И на оборотѣ той же самой бумаги, на которой написано поздравленіе и отзывъ архипастырь сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе:

За хозяйственное надъ монастыремъ и семинаріею смотрѣніе по случаю дня нашего тезоименитства выдать: игумену 50 руб.; учителямъ за ихъ къ должности раченіе и къ большому на то же побужденію: іеромонаху Арсенію—12 руб.; іеродиакону Мисаилу—12 руб.; Веденскому—12 руб.; Корабанову—10 рублей.

Ивану Нестерову за его распоряженіе стола и прочаго—10 р.
Конюхамъ и поварамъ—2 рубля.

Ноября 18 дня.

Рукопись преосвященнѣйшаго Платона, содержащая назначенія денежныхъ наградъ монашествующимъ Перевинскаго монастыря и служащимъ въ Перевинской Семинаріи (хранится въ монастырскомъ архивѣ).

Богъ благословилъ милостиво труды мои во устроеніи Перевинскаго монастыря. Ибо чрезъ 12 лѣтъ правленія моего онымъ, умножилось строеніе въ немъ, и въ лучшее несравненно пришло состояніе. Также заведено училище, и оно, слава Богу! въ желанномъ состояніи. И хотя на разныя строенія, на содержаніе монастыря съ братіею и семинаріи (на которую одну издерживается въ годъ до 3000 руб.) не малая каждый годъ употребляется сумма, при довольномъ всѣхъ жалованъ и содержаніи: однако со всѣмъ тѣмъ еще гораздо достаточная на лицъ остается сумма кромѣ годовыхъ приходовъ, коихъ однихъ на содержаніе всего того стать можетъ. Почему благодаря усердно Господа Бога, заблагодаряемъ при нынѣшнемъ для меня и всѣхъ радостнѣйшемъ посѣщеніи здѣшнихъ мѣсть Ея Императорскимъ Величествомъ, и въ день празднованія храмоваго Преподобнаго Сергія, наградить и всѣхъ тѣхъ, кои въ устроеніи хозяйства и въ трудахъ намъ спомоществовали или надлежа до обители и семинаріи должны соучаствовать и въ плодахъ ихъ. Того ради опредѣляемъ выдать:

Игумену—100 рублей.

Казначю Иверской часовни—20 рублей.

Часовенному іеромонаху—15 рублей.

Двумъ псаломщикамъ—10 рублей.

Солдатамъ—5 рублей.

Двумъ монахамъ въ монастырѣ и свѣчнику, каждому по 15 р.

Двумъ іеродіаконамъ, каждому по 12 рублей.

Монаху Исаи — 8 рублей.

Служителямъ монастырскимъ и семинарскимъ всѣмъ по раз-
смотрѣнію игумена—20 рублей.

Учителямъ: Арсеію.	25 рублей.
Веденскому.	30 "
Мисаилу.	30 "
Кобронову.	25 "

Служившимъ въ сей день нашей свиты:

іерод. Теофану.	12 рублей.
Никону	10 "
Діакону Абрамовскому регенту.	20 руб.
Иподіакону Семену.	20 "
Иподіакону Алексѣю.	19 " 50 к.
Ивану Нестерову.	20 "
Ивану Петрову	15 "
Коломенскому.	15 "
Пѣвчимъ всѣмъ	50 "

Служителямъ всѣмъ нашей свиты—12 рублей.

Да семинаристамъ каждому по 10 коп. итого 13 руб.

Стремянному конюху—2 рубля.

Исполнить по сему игумену, записавъ въ расходъ.

Платонъ Митрополитъ Московскій.

1787 г.

Іюля 5 дня.

КЪ ГЛАВЪ VIII.

Краткія біографическія свѣдѣнія объ архіепископѣ Августинѣ и митрополитахъ Серафимѣ, Филаретѣ и Иннокентіи.

Преосвященный Августинъ, въ мѣрѣ Алексѣй Виноградскій, родился въ 1766 году отъ священника при Дмитріе-Селунской, на Варваркѣ, церкви (упраздненной послѣ 12 года). Образование получилъ сначала въ Перервинской Семинаріи, потомъ въ духовной академіи, въ которой окончилъ образование въ 1787 г. Въ слѣдующемъ былъ опредѣленъ учителемъ въ Перервинскую семинарію, а потомъ въ Троицкую семинарію; въ 1792 г. назначенъ Префектомъ, а въ 1794 г. постриженъ въ монашество; 1795 г. назначенъ ректоромъ; въ 1798 г. произведенъ въ архимандрита Лужецкаго монастыря; въ 1801 г. въ архимандрита Богооявленскаго монастыря, опредѣленъ ректоромъ Московской академіи и затѣмъ архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря. Въ 1804 г. рукоположенъ въ санъ епископа Дмитровскаго, Викарія Московскаго и въ теченіе 8-ми лѣтъ за болѣзнію митрополита Платона управлялъ Московскою епархією; а по кончинѣ Платона въ 1812 году назначенъ былъ митрополитомъ; скончался 3-го марта 1819 году. Во время французскаго нашествія Преосвященный Августинъ оберегъ святыни Московскихъ соборовъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ сохраненію бібліотеки и синодальнаго архива и своими проповѣдями успокоивалъ и ободрялъ малодушествовавшій предъ вторженіемъ въ столицу непріятеля народъ.

Преосвященный Серафимъ, въ мѣрѣ Стефанъ, родился въ 1763 гооу отъ дьячка Калужской Космодаміанской церкви Василія Тимоеева. Обучался сначала въ Калужской, затѣмъ въ Перервинской и Троицкой семинаріяхъ и наконецъ въ Славяно-греко-латинской академіи, гдѣ слушалъ философію и богословіе, обучаясь въ то же время на средства Дружескаго Ученаго Общества въ Московскомъ Университетѣ нѣмецкому и французскому языкамъ. Въ 1785 г. назначенъ былъ учителемъ Троицкой семинаріи, а въ 1787 году — Московской академіи. Въ 1790 г. былъ посвященъ въ іеромонаха и опредѣленъ префектомъ Московской академіи; въ 1795 г. произведенъ въ архимандрита Лужецкаго монастыря съ

оставленіемъ въ должности префекта; въ 1798 г. наименованъ архимандритомъ Заиконоспасскаго монастыря; въ 1799 г. утвержденъ ректоромъ академіи и въ концѣ того же года посвященъ въ епископа Дмитровскаго Викарія Московскаго. Въ 1804 г. переведенъ на кафедру Вятской епархіи; 1805 г.—на кафедру Смоленской епархіи; въ 1812 г. назначенъ архіепископомъ въ Минскѣ; въ 1814 г.—въ Тверь; въ 1819 году пожалованъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, а черезъ два года митрополитомъ Новгородскимъ, Петербургскимъ, Эстляндскимъ и Финляндскимъ; скончался въ 1843 г.

Митрополитъ Филаретъ, въ мѣръ Василій Дроздовъ, родился въ 1782 г. Обучался сперва (1791 г.) въ Коломенской, а потомъ (съ 1800 г.) въ Троицкой семинаріяхъ; въ послѣдней съ 1803 г. былъ учителемъ. Постриженъ въ монашество въ 1808 году; въ 1809 г. назначенъ инспекторомъ Петербургской семинаріи; а въ 1810 г. удостоенъ бакалавра богословскихъ наукъ и церковной исторіи въ Петербургской академіи; въ 1811 году посвященъ въ архимандрита; въ 1812 году назначенъ ректоромъ академіи; въ 1814 году удостоенъ доктора богословія; въ 1817 г. назначенъ епископомъ Ревельскимъ; въ 1819 г.—архіепископомъ Тверскимъ; въ 1820 году—Ярославскимъ и въ 1821 году—Московскимъ; въ 1826 году наименованъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ. Скончался 1867 г. ноября 19-го.

Преосвященный Иннокентій, въ мѣръ Іоаннь Веніаминовъ, родился въ 1797 году. Изъ протоіерея Ново-Архангельскаго, на о. Сихтѣ, собора постриженъ въ монашество и посвященъ въ архимандрита въ 1840 году. Въ 1841 году возведенъ въ епископа Камчатскаго, Курильскаго и Алеутскаго. 5-го января 1868 года возведенъ на кафедру Московской епархіи. Скончался въ 1879 г.

III. Богослуженіе.

Литургія Англиканской церкви.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ № 87 1869 г., въ статьѣ „Къ вопросу о возстановленіи православно-каатолической Церкви на Западѣ“ приводится, между прочимъ, слѣдующее весьма интересное сравненіе литургіи англиканской Церкви съ православною. „Считаемъ совершенно излишнимъ, замѣчаетъ авторъ, говорить, что во время литургіи англиканской, также какъ и во время православной литургіи, читается апостоль и евангеліе, говорится проповѣдь, поется *Взррую*, возносятся молитвы, отвѣчающія нашимъ эктеніямъ (литаніи). Сравнимъ только самую существенную часть литургіи *).

Чинъ литургіи св. Іоанна Зла-
тоустаго.

The book of Common Prayer and
administration of the Sacraments
(книга литургіи англиканской
Церкви и совершенія таинствъ.)

Свящ. Горѣ имѣимъ сердца.

Priest. Lift up your hearts.

(Свящ. воснесите горѣ ваши
сердца).

*) Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ слова англійской литургіи, какъ и должно, приводятся на англійскомъ языкѣ; но мы, для большей ясности сравненія, приводимъ ихъ какъ по англійски, такъ и въ переводѣ на русскій языкъ.

Ликъ. Имамы ко Господу. Answer. We lift them up unto the Lord. (Отвѣтъ. Мы возносимъ ихъ къ Господу).

Свящ. Благодаримъ Господа. Priest. Let us give thanks unto our Lord God (Свящ. воздадимъ благодареніе Господу Богу нашему).

Ликъ. Достойно и праведно есть, поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй. Answer. It is meet and right so to do. (Отвѣтъ. Достойно и праведно благодарить Его).

Priest. It is very meet, right and our bounden duty, that we should at all times, and in all places, give thanks unto Thee, o Lord Holy Father. Almighty, Everlasting God.... (Свящ. Достойно, праведно и непремѣнная наша обязанность, во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, воздавать тебѣ благодареніе, о Господи, святыи Отче, всемогущій, вѣчный Боже.... *)

Возглаш. Побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, зывающе и глаголюще. Priest. Therefore with Angels, Archangels, and with all the company of heaven, we loud and

Ликъ. Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля Славы Твоея: осаяна въ вышнихъ, благословенъ грядущимъ, иже живи и царюетъ въ hosts, heaven and earth are full

*) Въ дни нѣкоторыхъ праздниковъ къ сей молитвѣ присовокупляется нѣсколько дополнительныхъ словъ, напр. въ Троицынъ день положено слѣдующее дополнение: Who art one God, one Lord ; not only one Person, but tree Persons in one Substance и дал. (который есть единъ Богъ, единъ Господь; не одно только Лицо, но три Лица въ единомъ существѣ, и дал.) Авторъ.

дый во имя Господне, осанна of thy glory: Glory be to thee, o
въ вышнихъ. Lord most High. Amen. (Свящ.
Посему съ ангелами и арханге-
лами и со всеѣмъ небеснымъ воин-
ствомъ, мы славимъ и величаемъ
преславное Твое имя, всегда вос-
хваляемъ Тебя, и говоря Свять,
Свять, Свять Господи Боже силъ,
небо и земля исполнены славы
Твоей: Да будетъ Тебѣ Слава,
Всевышній Боже. Аминь).

За симъ въ обѣихъ литургіяхъ воспоминается установление
Иисусомъ Христомъ таинства Евхаристіи; для краткости мы не
приводимъ самыхъ словъ. *).

Возглаш. Примите, ядите, Priest. Take, eat, this is my
сіе есть тѣло мое, еже за вы Body, which is given for you: Do
ломимое во оставленіе грѣховъ. this in remembrance of Me. (свящ.
Ликъ. Аминь. Примите, ядите, сіе есть тѣло
мое, которое за васъ предается;
сіе творите въ мое воспоминаніе).

Возглаш. Пійте отъ нея вси, Drink ye all of this: for this is
сія есть кровь моя Новаго За- my Blood of the New Testament,
вѣта, яже за вы и за многія which is shed for you and for many
изливаемая во оставленіе грѣ- for the remission of sins, (пейте
ховъ. изъ нея все; ибо сія есть кровь
Ликъ. Аминь. моя Новаго Завѣта, за васъ и
за многихъ изливаемая во оста-
вленіе грѣховъ).

Возглаш. Твоя отъ твоихъ, Въ настоящемъ чинопослѣдо-

*) Въ православной литургіи нѣкоторыя слова изъ евангельскаго по-
вѣствованія объ установленіи І. Хр. таинства евхаристіи священникомъ
возглашаются, нѣкоторыя же читаются тайно; въ англиканской же литургіи
свагг. повѣствованіе объ евхаристіи составляетъ одну непрерывную рѣчь;
почему слова: примите, ядите, и: пійте отъ нея вси, и не сопровождаются
въ англиканской Церкви отвѣтомъ присутствующихъ: аминь.

тебѣ приносяще о всѣхъ и за вани Англиканской литургіи нѣтъ
вся. молитвъ соотвѣствующихъ мо-

Ликъ. Тебе поемъ, тебе бла- литвамъ православной литургіи;
гословимъ, тебе благодаримъ, но говорить ищущіе единенія съ
Господи, и молимся, Боже православною церковію: мы все-
нашъ. цѣло беремъ ее, т. е. молитву о

Во время пѣнія сей пѣсни низпослани Св. Духа, изъ ма-
совершается священно-дѣйству- зарабскаго служебника, въ кото-
ющимъ призываніе Св. Духа и ромъ она осталась православ-
благословеніе даровъ. ную. Овербекъ. Стр. 13.

Непосредственно за симъ въ англиканской Церкви при-
чащаются священнодѣйствующій и мірине, предварительно зая-
вившіе ему свое желаніе, потомъ поютъ или читаютъ „Отче
нашъ“ и другія молитвы, великое славословіе: „Слава въ выш-
нихъ Богу,“ которое въ православной Церкви полагается на
утренѣ. Засимъ отпущъ. Такимъ образомъ, говоритъ авторъ,
послѣ предположеннаго дополненія, литургія англиканской Церкви
будетъ почти буквально согласна съ православною литургіею въ
самой существенной части священнодѣйствія евхаристіи.

Крещеніе въ Лондонѣ новорожденнаго сына Герцога и Герцогини Эдинбургскихъ.

Въ англійскомъ Circular of the Court напечатаны слѣдую-
щія подробности о крещеніи новорожденнаго сына Герцога и
Герцогини Эдинбургскихъ, совершенномъ 23-го (11-го) ноября
1874 года.

Ея Величество Королева Викторія отпавилась въ этотъ день
рано утромъ изъ Виндзора въ Лондонъ, въ сопровожденіи Прин-
цессы Беатрисы, и прибывъ въ Бокингамскій дворецъ, гдѣ она
была встрѣчена Герцогомъ Эдинбургскимъ, тотчасъ же прошла
въ апартаменты Герцогини Эдинбургской, послѣ чего посѣтила
Ея Величество Государыню Императрицу.

Обрядъ Св. Крещенія надъ новорожденнымъ Принцемъ былъ
совершенъ въ четверть втораго пополудни, и при немъ присут-
ствовали слѣдующія лица:

Ея Величество Королева Викторія, Ея Императорское Величество Государыня Императрица, Ихъ Королевскія Высочества Принцъ и Принцесса Вельскіе, Ихъ Высочества Герцогъ и Герцогиня Эдинбургскіе, Принцесса Беатриса, Его Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Герцогъ Кембриджскій, принцъ Эдуардъ Саксенъ-Веймарскій и принцъ Лудвигъ Баттенбергскій.

При церемоніи присутствовали также русскій посольскій графъ Шуваловъ и британскій статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ графъ Дерби. Кромѣ лицъ свиты, состоящихъ при Высочайшихъ Особахъ, было лишь весьма небольшое число приглашенныхъ лицъ близкихъ къ королевскому двору. Въ числѣ приглашенныхъ былъ также и настоятель русской посольской церкви протоіерей о. Евгеній Поповъ.

Въ совершеніи обряда участвовали слѣдующіе члены англиканскаго духовенства: архіепископъ Вестминстерскій, деканъ Виндзорскій Джеральдъ Веллесли, деканъ Вестминстерскій Станлей и капелланъ принца Вельскаго Онслоу.

Церемонія обряда была исполнена въ нижней гостинной дворца (Lower Bow Room), которая была избрана Королевою для этой цѣли вслѣдствіе ея сосѣдства съ апартаментами занятыми Ея Величествомъ Государыней Императрицей.

Восприемниками новорожденнаго принца были: Ея Величество Королева Викторія; Его Императорское Величество Государь Императоръ (представителемъ коего былъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ); Его Величество Императоръ Германскій (представителемъ коего былъ Его Высочество Герцогъ Коннотъ); Его Высочество Принцъ Вельскій; Ея Высочество Наслѣдная Принцесса Германская (представительницей коей была Ея Высочество Принцесса Елена Шлезвигъ-Голштейнская), и его Королевское Высочество царствующій Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готекій (представителемъ коего былъ принцъ Христіанъ Шлезвигъ-Голштейнскій).

Когда всѣ собравшіяся Высокія Особы и лица ихъ свиты заняли назначенныя мѣста, лордъ-камергеръ ввелъ въ комнату новорожденнаго Принца, коего держала на рукахъ главная нянька и сопровождала леди Эмма Осборнъ, гофъ-фрейлина при герцогинѣ Эдинбургской. По начатіи архіепископомъ молитвы главная нянька вручила младенца на руки Королевы, которая передала его архіепископу. На вопросъ архіепископа, какъ долженъ быть названъ

ребенокъ, Королева отвѣчала: „Альфредъ-Александръ-Вильямъ-Эрнестъ-Альбертъ“, и этими именами архіепископъ и окрестилъ младенца, который былъ облеченъ въ тѣ же самыя одежды (мантію, сорочку и чепчикъ изъ кружевъ) въ коихъ были окрещены всѣ дѣти Королевы и Принца и Принцессы Вельскихъ.

По совершеніи Крещенія Королева, Государыня Императрица и другіе члены королевскаго и императорскаго семействъ, перешли въ комнату гдѣ былъ сервированъ завтракъ

Во время завтрака контролеромъ двора Ея Величества были провозглашены слѣдующіе тосты: „за здоровье Его Королевскаго Высочества принца Альфреда Эдинбургскаго“, „за здоровье Ея Величества Королевы“, „за здоровье Ихъ Величество Императора и Императрицы Всероссійскихъ“, „за здоровье Герцога и Герцогини Эдинбургскихъ“.

Совершеніе таинства крещенія въ Англиканской церкви.

Въ Prayer book, молитвенникъ Английской церкви, излагается три рода совершенія таинства крещенія, во первыхъ,—общественнаго крещенія младенцевъ въ церкви, во вторыхъ частнаго крещенія дѣтей на дому, и, въ третьихъ, крещенія лицъ въ зрѣломъ возрастѣ, которые сами въ состояніи отвѣчать за себя. Въ предисловіи къ чину совершенія крещенія надъ младенцами въ церкви говорится, что должно убѣждать вѣрующихъ приносить дѣтей для крещенія въ храмъ, преимущественно въ воскресенье и другіе праздничные дни, такъ какъ въ эти дни бываетъ наибольшее собраніе народа, равно какъ и для того, чтобы собраніе, присутствующее въ храмъ могло засвидѣтельствовать принятіе ново-крещенныхъ младенцевъ въ число членовъ церкви Христовой; еще и потому, что каждый, присутствующій при крещеніи младенцевъ можетъ привести себѣ на память тѣ обѣты, которые онъ далъ Богу при своемъ крещеніи. Сего ради прилично также совершать крещеніе на общенародномъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе, если потребуетъ того необходимость, дѣти могутъ быть крещаемы и въ другой какой либо день.—И замѣйте, что при крещеніи каждаго младенца мужскаго пола, должны быть два крестныхъ отца и одна крестная мать; а при крещеніи всякаго младенца женскаго пола одинъ крестный отецъ и двѣ крестныхъ матери.

Когда есть дѣти, которыхъ должно крестить, тогда родители даютъ знать о томъ священнику или рано по утру, или предъ началомъ утренней молитвы.—И тогда восприемники и восприемницы и различныя лица съ дѣтьми, должны стать въ готовности при купели, или тотчасъ послѣ послѣдняго чтенія на утренней молитвѣ, или тотчасъ послѣ послѣдняго чтенія на вечерней молитвѣ, какъ то заблагоразсудить священникъ по своему желанію.—И священникъ, подошедъ къ купели (которая должна быть наполнена чистою водою) и ставши предъ оною, говоритъ:

Было ли уже крещено сіе дитя, или нѣтъ? Если отвѣчаютъ, что нѣтъ, то священникъ произноситъ слѣдующее:

Возлюбленные, поелику всѣ люди зачинаются во грѣхѣ, и такъ какъ нашъ Спаситель, Христосъ говорилъ: никто не можетъ войти въ царствіе Божіе, если не родится отъ воды и Духа, то прошу васъ, помолитесь Богу Отцу, чрезъ Господа нашего Иисуса Христа, дабы Онъ, по своей неизреченной благодати, даровалъ сему дитяти то, что онъ не можетъ по естеству, дабы онъ могъ быть крещенъ водою и святымъ Духомъ и принять въ святую Христову Церковь,—и сдѣлаться живымъ членомъ оной.

Затѣмъ священникъ произноситъ: помолимся.

Всемогущій и вѣчный Боже, Который, по Своей великой благодати спасъ Ноя и его семейство въ ковчегѣ отъ водной гибели, провелъ невредимо чадъ Израилевыхъ, народъ свой, чрезъ Чермное море, прообразуя симъ святое крещеніе,—и крещеніемъ Твоего возлюбленнаго Сына Иисуса Христа въ рѣкѣ Иорданѣ, освятилъ воду для таинственнаго омовенія грѣха,—мы молимъ Тебя, ради безмѣрныхъ Твоихъ щедротъ, милостиво призири на сіе дитя: омой и освяти его Святымъ Духомъ, дабы онъ, освободившись отъ Твоего гнѣва, могъ быть принять въ Ковчегъ Христовой церкви, и оставаясь твердымъ въ вѣрѣ, радостнымъ въ упованіи, укрѣпленнымъ въ любви, могъ такъ преплыть волны сего мятежнаго міра, чтобы, по своей кончинѣ, дерзновенно вступилъ въ страну вѣчной жизни и царствовалъ тамъ съ Тобою жизнь безконечную, чрезъ Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

Всемогущій и безсмертный Боже, помощь всѣхъ нуждающихся, заступникъ всѣхъ прибѣгающихъ къ Тебѣ за помощію, жизнь вѣрующихъ въ Тебя и воскрешеніе мертвыхъ, молимъ Тебя о семъ младенцѣ, дабы онъ, приступая къ святому Твоему крещенію,

духовно возродившись, получили отпущеніе своихъ грѣховъ. Пріими его, Господи, какъ Ты общалъ чрезъ Своего Возлюбленнаго Сына, глаголя: просите и дастся вамъ; ищите и обрящите толщете и отверзется. Даруй намъ нынѣ то, чего просимъ, то, чего ищемъ, отверзи намъ двери, въ которыя ударяемъ,—да пріиметь сей младенецъ вѣчное благословеніе Твоего небеснаго основанія и да внидетъ въ вѣчное царство, которое Ты общалъ намъ чрезъ Христа Господа нашего. Аминь.

За тѣмъ предстоящіе встають и священникъ говорить:

Внемлите словамъ евангелія, написаннаго св. Маркомъ въ десятой главѣ:

Приносили къ Нему дѣтей, чтобы Онъ прикоснулся къ нимъ; ученики же не допускали приносящихъ. Увидѣвъ то, Іисусъ вознегодовалъ, и сказалъ имъ: пустите дѣтей приходить ко Мнѣ, и не препятствуйте имъ; ибо таковыхъ есть царствіе Божіе. Истинно говорю вамъ; кто не приметъ царствія Божія какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него. И обнявъ ихъ, возложилъ руки на нихъ и благословилъ ихъ.

По прочтеніи евангелія, священникъ дѣлаетъ слѣдующее краткое изъясненіе на слова евангелія.

Возлюбленные, мы слышали въ этомъ евангеліи слова нашего Спасителя Христа, въ которыхъ Онъ заповѣдалъ допускать къ Нему дѣтей, какъ Онъ не одобрялъ тѣхъ, которые хотѣли было удалить ихъ отъ Него, какъ Онъ увѣщевалъ всѣхъ людей слѣдовать ихъ невинности. Вы замѣчаете, какъ симъ внѣшнимъ Своимъ обращеніемъ съ дѣтьми, Онъ заявилъ Свое къ нимъ благорасположеніе, потому что Онъ обнялъ ихъ и возложилъ руки Свои на нихъ, благословилъ ихъ. Посему не сомнѣвайтесь, но не сомнѣвно вѣруйте, что Онъ милостиво пріемлетъ и находящагося здѣсь младенца, обыметъ его десницею Своего милосердія, дастъ ему благословеніе вѣчной жизни и сдѣлаетъ его участникомъ Своего вѣчнаго царствія. Посему то увѣрившись въ благорасположеніи нашего Небеснаго Отца къ сему младенцу, возвѣщенномъ Сыномъ Его, Іисусомъ Христомъ; и нисколько не сомнѣваясь, что Онъ милостиво призираетъ съ небеси на сіе дѣло нашей любви, явленное въ принесеніи къ святому крещенію сего младенца съ вѣрою и благоговѣніемъ, воздадимъ ему благодареніе и возопіемъ:

Всемогущій и вѣчный Боже, Небесный Отче, смиренно бла-

годаримъ Тебя за то, что Ты благоволилъ призвать насъ къ познанію Твоей благодати и вѣрѣ въ Тебя. Умножи это знаніе и утверди эту вѣру въ насъ вѣвѣки. Даруй Святаго Духа, сему младенцу дабы онъ могъ возродиться и сдѣлаться наслѣдникомъ вѣчнаго спасенія, чрезъ Господа нашего Иисуса Христа, Который живетъ и царствуетъ съ Тобою и Св. Духомъ нынѣ вѣвѣки вѣковъ. Аминь.

Затѣмъ священникъ говоритъ къ воспріемникамъ и воспріемницамъ слѣдующее:

Возлюбленные, вы принесли сюда сего младенца для совершенія надъ нимъ крещенія, вы молились, чтобы Господь нашъ Иисусъ Христосъ благоволилъ принять его, освободить его отъ грѣховъ, освятить его Святымъ Духомъ, даровать небесное царствіе и вѣчную жизнь. Вы слышали также, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ общалъ въ Своемъ евангеліи даровать все то, о чемъ вы молились; таковое общаніе Онъ съ своей стороны, не сомнѣнно сохранить и исполнить. Посему, послѣ сего общанія, сдѣланнаго Христомъ сей младенецъ долженъ также, съ своей стороны вѣрно общаться чрезъ васъ, которые, служатъ его поручителями, доколѣ не придетъ въ совершенный возрастъ, что онъ отрекается діавола и всѣхъ дѣлъ его, и постоянно будетъ вѣровать въ святое слово Божіе и будетъ свято хранить заповѣди Божіи. Посему я спрашиваю:

Отрекаешься ли ты, отъ лица сего младенца, отъ діавола и всѣхъ дѣлъ его суетной роскоши міра сего, со всѣми его корыстолюбивыми пожеланіями и чувственныхъ похотей плоти, такъ что не послѣдуешь имъ и не увлечешься оными?

Отвѣтъ. Отрекаюсь отъ всего сего.

С в я щ е н н и к ъ :

Вѣруешь ли ты въ Бога Отца Всемогущаго Творца неба и земли?

И въ Иисуса Христа Его Единороднаго Сына, нашего Господа, и что Онъ былъ зачатъ Св. Духомъ, родился отъ Дѣвы Маріи, что Онъ пострадалъ при Понтіи Пилатѣ, былъ распятъ, умеръ и погребенъ; что Онъ сошелъ во адъ и воскресъ въ третій день, что Онъ возшелъ на небеса и сѣдитъ одесную Бога Отца всемогущаго и снова придетъ при кончинѣ міра съ неба судить жи-

выхъ и мертвыхъ? И вѣруешь ли ты въ Духа Святаго, святую католическую церковь, общеніе святыхъ; отпущеніе грѣховъ; воскрешеніе мертвыхъ и вѣчную жизнь по смерти? Отвѣтъ: Я твердо вѣрую во все сіе.

С в я щ е н н и к ъ .

Хочешь ли ты принять крещеніе въ сей вѣрѣ.

Отвѣтъ: Это мое желаніе.

С в я щ е н н и к ъ .

За симъ хочешь ли ты съ покорностію исполнять святую волю Божію и заповѣди и ходить въ нихъ во все дни твоей жизни.

Отвѣтъ: Хочу.

За симъ священникъ говорить:

О Всеблагій Боже, даруй чтобы ветхій Адамъ такъ спогребся въ семь младенцѣ, чтобы на мѣсто его въ немъ всецѣло возсталъ новый человѣкъ. Аминь.

Даруй, чтобы въ немъ умерли все плотскія похоти и чтобы все духовное святое жило и возрастало въ немъ. Аминь.

Даруй, чтобы все посвященное Тебѣ здѣсь нашимъ служеніемъ и священнодѣйствіемъ постоянно украшалось небесными добродѣтелями и получило награду въ вѣчности, по милосердію Твоему, о всеблагій Господи Боже, живый и управляяй всемъ, т. е. жизнь безконечную. Аминь.

Всемогущій вѣчно живый Боже, Ты, Возлюбленный Сынъ Котораго, ради оставленія нашихъ грѣховъ, источилъ изъ Своего Пречистаго ребра воду и кровь, далъ заповѣди Своимъ ученикамъ идти и учить все народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; призри, молимъ Тебя, на мольбы сего собранія освяти воду сію къ таинственному омовенію грѣха, и даруй, чтобы сей младенецъ, нынѣ крещаемый въ оной, получилъ полноту Твоей благодати и выну пребылъ въ числѣ Твоихъ вѣрныхъ и избранныхъ чадъ чрезъ Иисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

За симъ священникъ беретъ младенца на руки и говорить воспріемникамъ и воспріемницамъ:

Наименуйте сего младенца.

И вслѣдъ за симъ именуя его самъ, если удостовѣрять его,

что младенецъ можетъ выдержать, онъ тихо и осторожно погружаетъ его въ воду, произнося при семъ:

Я крещая тебя во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Но если восприемники покажутъ, что младенецъ слабъ, то достаточно облить его водою, произнося вышеуказанныя слова:

Я крещая тебя во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

За тѣмъ священникъ говоритъ:

Мы принимаемъ сего младенца въ общество стада Христова ¹⁾ и знаменуемъ его знаменіемъ креста въ знакъ того, что отнынѣ онъ не устыдится исповѣдывать вѣру Христа распятаго, и будетъ мужественно сражаться подъ знаменемъ оной противъ грѣха, міра, діавола и пребудеть вѣрнымъ воиномъ и рабомъ Христовымъ до конца своей жизни. Аминь.

Затѣмъ священникъ произноситъ:

Видя теперъ, возлюбленные братія, что сей младенецъ возрожденъ и привить къ тѣлу Христовой церкви, возблагодаримъ всемогущаго Бога за сіи благодѣянія и вознесемъ единодушно къ нему молитву, чтобы онъ могъ проводить всю свою жизнь такъ, какъ благо началъ оную.

За симъ, при всеобщемъ колѣно-преклоненіи онъ читаетъ:

Отче нашъ, сущій на небесахъ! да святится имя Твое: да прійдетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя и на землѣ, какъ на небѣ; хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день; и прости намъ долги наша, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ; и не введи насъ въ искушеніе; но избавь насъ отъ лукаваго. Ибо твое есть царство и сила и слава во вѣки. Аминь.

Послѣ сего священникъ говоритъ:

Всеблагій Отче, приносимъ Тебѣ сердечное благодареніе, что Ты благоволилъ возродить сего младенца Святымъ Твоимъ Духомъ, принять его по усыновленію въ число чадъ Твоихъ и присоединить его къ Твоей святой церкви. И смиренно молимъ Тебя даровать, чтобы онъ умирая для грѣха и живя для правды и спогребшись съ Христомъ крещеніемъ въ смерть распять въ себѣ ветхаго челоуѣка, упразднилъ все тѣло грѣховное; и чтобы онъ,

¹⁾ При сихъ словахъ священникъ дѣлаетъ крестное знаменіе на челѣ младенца.

содѣлавшись участникомъ въ смерти Христовой, самъ могъ быть также участникомъ и воскресенія, такъ чтобы наконецъ со всѣми вѣрующими Твоей святой церкви, содѣлался наслѣдникомъ Твоего вѣчнаго царствія чрезъ Христа, нашего Господа. Аминь.

Затѣмъ, когда всѣ встануть, священникъ произноситъ восприемникамъ и восприемницамъ слѣдующее увѣщаніе.

Такъ какъ сей младенецъ общалъ чрезъ васъ, своихъ поручителей, отречься діавола и всѣхъ дѣлъ его, вѣровать въ Бога и служить Ему, — то вы должны помнить, что на васъ лежитъ забота и обязанность за тѣмъ, чтобы сей младенецъ былъ наученъ, какъ скоро будетъ въ состояніи учиться значенію тѣхъ торжественныхъ обѣтовъ, обѣщаній, вѣроисповѣданія, которыя онъ произнесъ чрезъ васъ. А чтобы онъ могъ узнать все означенное лучше, вы должны приводить его въ храмъ для слушанія проповѣдей, и въ особенности должны заботиться, чтобы онъ изучилъ символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей на обще-народномъ языкѣ, и все прочее, что обязанъ знать каждый вѣрующій христіанинъ для спасенія своей души; и чтобы сей младенецъ былъ добродѣтельно воспитанъ для провозженія благочестивой христіанской жизни, постоянно помня, что крещеніе служитъ залогомъ нашей вѣры, состоящей въ томъ, чтобы слѣдовать примѣру нашего Спасителя Христа и уподобляться Ему, дабы, какъ Онъ умеръ и воскресъ для насъ, такъ и мы, крестившись, должны умереть для грѣха и воскреснуть для правды, постоянно умерщвляя въ себѣ всѣ наши злыя и порочныя страсти и ежедневно преуспѣвая во всякой добродѣтели и благочестивомъ житіи.

За тѣмъ прибавляетъ и говорить слѣдующее:

Вы должны позаботиться, чтобы сей младенецъ былъ принесенъ къ епископу для совершенія надъ нимъ конфирмаціи, какъ скоро онъ будетъ въ состояніи читать символъ, молитву Господню, десять заповѣдей на общенародномъ языкѣ и ознакомится съ Церковнымъ Катихизисомъ.

Изъ Слова Божія извѣстно, что крещенные младенцы, умирая прежде чѣмъ совершатъ какой либо дѣйствительный грѣхъ, настѣдуютъ безъ всякаго сомнѣнія, царствіе Божіе.

**Черновное торжество бракосочетанія Августѣйшихъ Особъ
11 января 1874 года по отзыву Англійской газеты Times.
Форма совершенія брака по обряду Англиканской церкви.**

Газета Times такъ, между прочимъ, описываетъ торжество бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества, Великой княжны Маріи Александровны съ Герцогомъ Единбургскимъ, бывшее 11-го января: Герцогъ Единбургскій и его невѣста стояли на квадратномъ коврѣ малиноваго цвѣта, предъ небольшимъ аналоемъ съ лежащимъ на немъ драгоценнымъ евангеліемъ украшеннымъ брилліантами. Обрядъ вѣнчанія совершалъ священникъ (протопресвитеръ) Бажановъ, — и его звучный голосъ сопровождался гармоническимъ пѣніемъ пѣвчихъ. Царскія двери придворной церкви, въ которой совершалось бракосочетаніе, были широко открыты, а въ самомъ ея священномъ мѣстѣ, кругомъ престола, стояли три митрополита — Новгородскій, Кіевскій и Московскій. Императоръ и Императрица стояли около царскихъ мѣстъ, по правую сторону... Началась служба, состоящая изъ мелодическаго пѣнія церковныхъ пѣсней, и чтенія молитвъ; вынесены были золотыя вѣнчальные вѣнцы. Принцъ Артуръ и младшій братъ невѣсты выступили впередъ, взяли вѣнцы изъ руки священника и стали держать ихъ надъ головами жениха и невѣсты... Принца Артура въ послѣдствіи смѣнилъ Великій князь, Алексій Александровичъ. Митрополитъ и высшее духовенство, находившіеся въ алтарѣ, гдѣ стоялъ престоль со свѣчами, образами и священными богато переплетенными книгами, дѣлали частыя крестныя знаменія и поклоны. Одна изъ стихиръ, пропѣтыхъ пѣвчими, по словамъ корреспондента Times, была такъ мелодична и пріятна, что она одна стоила цѣлаго путешествія изъ Англій въ Петербургъ, чтобы прослушать ее... Невѣста и женихъ, держа въ рукахъ зажженныя свѣчи, обошли трижды кругомъ аналоя, на которомъ лежали усыпанныя брилліантами богослужебныя книги ¹⁾. Затѣмъ вѣнцы были сложены на золотые

¹⁾ Корреспондентъ, вѣроятно, разумѣеть надъ симъ крестъ и Евангеліе.

подносы и отнесены въ алтарь церкви. Послѣ брачнаго обряда было совершено благодарственное молебствіе протопресвитеромъ Бажановымъ ¹⁾). Обрядъ бракосочетанія заключился торжественнымъ пѣніемъ гимна, великолѣпно исполненнымъ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ; по окончаніи онаго шествіе двинулось изъ церкви.—Корреспондента Англійской газеты при означенной торжественной церемоніи особенно поразила стройность русскаго церковнаго пѣнія, тѣмъ болѣе, что, по его замѣчанію, пѣніе безъ аккомпанимента очень трудно. Замѣчательнѣе всего по моему, говоритъ онъ, это хоровое пѣніе и, больше всего великолѣпные басы. Откуда берутъ ихъ? Дисканты есть въ Лондонѣ и Вандзорѣ, но такихъ глубокихъ бассовъ положительно нѣтъ ни въ нашихъ каедральныхъ соборахъ, ни въ нашихъ церквахъ.

Обрядъ бракосочетанія по Англиканскому обряду происходилъ въ Александровской залѣ, богато для сего убранной. Зала освѣщалась а гіогло—т. е. по дневному, 10,000 восковыхъ свѣчей. Деканъ Станлей и его ассистенты дожидались здѣсь новобрачныхъ, стоя за перегородкой предъ алтаремъ, покрытымъ краснымъ бархатомъ, на подобіе святой трапезы въ Англиканской церкви. Государь Императоръ самъ велъ свою Августѣйшую дочь къ подножкамъ передъ рѣшеткой алтаря; затѣмъ Его Величество съ привѣтливымъ поклономъ передалъ Великую княжну Герцогу Эдинбургскому, и онъ сталъ съ ней рядомъ на бархатныя подножки... Раздалось стройное пѣніе русскаго хора, и деканъ, голосомъ хорошо извѣстнымъ Лондонскимъ жителямъ, началъ службу. Герцогъ читалъ молитвенникъ, который былъ у него въ рукахъ. На великой княжнѣ была небольшая корона, увѣнчанная крестомъ, а въ рукахъ она держала также молитвенникъ въ бѣломъ роскошномъ переплетѣ, и превосходный букетъ изъ бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ. Молитвенники жениху и невѣстѣ были подарены королевою Викторіею, а букетъ, также присланный королевою, былъ поданъ Великой Княжнѣ за нѣсколько минутъ предъ входомъ въ Александровскую залу... Извѣстная формула при бракосочетаніи по Англиканскому обряду:

¹⁾ Въ благодарственномъ молебствіи, послѣ бракосочетанія Августѣйшихъ Особъ, принимали участіе митрополиты и члены Святѣйшаго Синода.

Я Марія, беру тебя Альфреда Эрнста, въ мужья себя... была произнесена Великою княжною яснымъ голосомъ, чистѣйшимъ Англійскимъ языкомъ. При вопросѣ—кто отдаетъ эту женщину въ жены этому мушкетеру? Деканъ посмотрѣлъ въ лѣвую сторону зала, гдѣ стояли Царь и по правую руку его Царяца. Ответы ихъ повторили преподобный мистеръ Томпсонъ, англійскій капелланъ, и его помощникъ препод. мистеръ Кингфордъ. Во время молитвы Герцогъ и Великая Княжна стояли на колѣняхъ, положивши руки на рѣшетку предъ алтаремъ. Въ половинѣ службы придворные пѣвчіе запѣли гимнь. Герцогъ Эдинбургскій взялъ изъ рукъ принца Артура кольцо и надѣлъ его на палець невѣсты. Когда деканъ прочелъ молитву и произнесъ благословеніе, во время котораго женихъ съ невѣстою, наклонили головы, хоръ опять запѣлъ торжественный гимнь, а когда пѣвчіе умолкли, деканъ выступилъ впередъ, женихъ и невѣста опять наклонили голову и слушали благословеніе... Въ извѣстномъ мѣстѣ службы Царь выразилъ согласіе на отдачу дочери величественнымъ наклоненіемъ головы, а по окончаніи службы Его Величество приблизился вмѣстѣ съ Императрицею къ алтарю... По окончаніи обряда, процессія направилась изъ зала чрезъ блестящую толпу кавалеровъ и дамъ. Здѣсь должно замѣтить, что православное высшее духовенство, Митрополиты и члены Святѣйшаго Синода, вошло въ залу вскорѣ послѣ начала службы и стало, въ живописной группѣ по лѣвую сторону алтаря.

Общее впечатлѣніе, вынесенное съ торжества бракосочетанія, Англійскій корреспондентъ описываетъ такъ.

Служба въ церкви казалась болѣе торжественною оттого вѣроятно, что мы помѣщались на хорахъ и смотрѣли на церемонію сверху. Женихъ, въ русскомъ морскомъ мундирѣ, рядомъ съ нимъ высокая его невѣста, принцы, державшіе вѣнцы, надъ ихъ головами, священники, безпрестанно двигавшіеся и кланявшіеся, особенный свѣтъ въ алтарѣ, гдѣ также были священники, полная церковь членовъ Императорской и Королевской фамилии и блестящей свиты—такая картина способна произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. Но что особенно оживляло ее, составляло, такъ сказать, ея душу—это ни съ чѣмъ несравненное пѣніе, и если не легко передать на бумагѣ видимыя красоты этой царственной панорамы, то что же сказать объ этомъ морѣ божест-

венныхъ звуковъ, услаждающихъ слухъ и проникавшихъ въ глубь души,—ихъ дѣйствія не выразить ни какими словами.

Форма совершенія брака по обряду Англиканской церкви.

(Займствовано изъ Английскаго молитвенника (Prayer—book).

§ 1. Первоначально должно быть сдѣлано троекратное оглашеніе въ церкви о всѣхъ тѣхъ лицахъ, которыя желаютъ вступить въ бракъ, — по Воскреснымъ днямъ или праздникамъ, во время божественной службы. Священникъ произноситъ эти оглашенія по слѣдующей обычной формѣ:

Обнародываю оглашеніе о бракѣ между такимъ-то (N) и такой-то (N). Если кто изъ васъ знаетъ какую либо причину, или препятствіе, вслѣдствіе которыхъ эти поименованныя два лица — не могутъ соединиться святымъ бракомъ, тотъ долженъ объявить оныя.—Оглашеніе производится въ первый (или во второй и третій) разъ⁴.

§ 2. И если лица, долженствующія вступить въ бракъ, живутъ не въ одномъ и томъ же приходѣ,—то оглашенія должны производиться въ приходскихъ церквахъ жениха и невѣсты; и священникъ одного прихода не долженъ совершать бракосочетанія между ними дотолѣ, пока не получитъ удостовѣренія въ томъ, что троекратное оглашеніе было уже сдѣлано священникомъ другаго прихода.

§ 3. Въ день и время, назначенныя для совершенія брака, лица, вступающія въ бракъ, приходятъ въ церковь съ своими друзьями и сосѣдями; и когда стануть рядомъ, женихъ по правую, а невѣста по лѣвую руку, священникъ говоритъ:

Возлюбленные мои! Мы собрались здѣсь предъ лицомъ Божіимъ, и предъ лицомъ сей конгрегациі, дабы соединить вмѣстѣ этого мужчину и эту женщину — святымъ бракомъ; онъ есть честное учрежденіе, установленное Богомъ во времена невинности первыхъ человѣковъ и знаменующее намъ таинственный союзъ между Христомъ и Его церковію; каковое святое учрежденіе Христосъ почтилъ и освятить своимъ присутствіемъ и первымъ чудомъ, совершеннымъ въ Канѣ Галилейской; и Св. Павелъ называетъ его учрежденіемъ честнымъ между всѣми людьми. Посему

никто не долженъ предприинимать и вступать въ оный необдуманно, легкомысленно, или съ чувственною цѣлю для удовлетворенія человѣческихъ плотскихъ похотей и склонностей, подобно грубымъ скотамъ, не имѣющимъ разума; но—благоговѣнно, разсудительно, обдуманно, разумно и въ страхѣ Божиемъ; должнымъ образомъ разсуждая о причинахъ учрежденія святаго брака.

Во первыхъ—онъ былъ учрежденъ для рожденія дѣтей, для воспитанія ихъ въ страхѣ и наказаніи Господнемъ, — къ славу Его Святаго имени.

Во вторыхъ—онъ былъ учрежденъ, какъ врачевство противъ грѣха,—и для отвращенія любодѣянія, дабы лица, не имѣющія дара воздержанія, могли сочетаваться бракомъ и сохранить себя чистыми и неоскверненными членами Христова тѣла.

Въ третьихъ—онъ былъ учрежденъ для взаимнаго общества, помощи и утѣшенія, которыя долженъ получить одинъ отъ другаго въ счастіи и несчастіи.

Такимъ то священнымъ союзомъ пришли сюда соединиться эти два лица. Посему, если кто можетъ высказать надлежащую причину, почему они не могутъ соединиться законно, тотъ пусть скажетъ ее теперь, или, въ противномъ случаѣ, пусть навсегда хранить молчапіе.

§ 4. Обращаясь также къ лицамъ, вступающимъ въ бракъ, священникъ продолжаетъ:

Требую и повелѣваю вамъ сказать также искренно, какъ стали бы вы отвѣчать въ страшный день суда, когда откроются помышленія сердечныя, что если кто изъ васъ знаетъ какое либо препятствіе къ вашему законному вступленію въ бракъ, тотъ пусть чистосердечно теперь выскажетъ оное. Потому что будьте вполнѣ увѣрены,—все вступающіе въ бракъ иначе, чѣмъ повелѣваетъ слово Божіе, не соединяются Богомъ и бракъ ихъ нельзя признать законнымъ.

§ 5. Въ каковой день бракосочетанія, если кто заявитъ и объявить какое либо препятствіе, по которому они не могутъ сочетаться бракомъ, на основаніи закона Божія, или законовъ этого государства (Великобританіи) и т. п... то совершеніе брака должно быть отложено до того времени, пока не откроется истина.

§ 6. Если не встрѣтятся никакого препятствія, то священникъ, обращаясь къ жениху, говоритъ слѣдующее:

(Имя рекъ) Желаетъ ли ты эту женщину взять себѣ, какъ вѣнчанную жену твою, жить вмѣстѣ по закону Божію въ святомъ состояніи брака? Желаетъ ли ты любить ее, утѣшать ее, почитать и хранить ее въ болѣзни и здравіи; и, оставивъ всѣхъ другихъ, посвятить себя единственно ей на всю вашу жизнь?

§ 7. Женихъ долженъ отвѣчать: *желаю*.

§ 8. Потомъ священникъ, обращается къ невѣстѣ, говоритъ:

(Имя рекъ) Желаетъ ли ты этого мужчину взять себѣ, какъ вѣнчаннаго твоего мужа, жить вмѣстѣ по закону Божію въ святомъ состояніи брака? Желаетъ ли ты повиноваться ему, служить ему, почитать и хранить его въ болѣзни и здравіи; и, оставивъ всѣхъ другихъ, посвятить себя единственно ему на всю вашу жизнь?

§ 9. Невѣста должна отвѣчать: *желаю*.

§ 10. Тогда священнослужитель говоритъ: *кто эту женщину вручаетъ въ жены этому мужу?*

§ 11. За тѣмъ они (т. е. женихъ и невѣста) клянутся въ вѣрности другъ другу слѣдующимъ образомъ.

§ 12. Священнослужитель, принимая невѣсту изъ рукъ ея отца, или друзей, заставляетъ жениха взять невѣсту правою рукою за ея правую руку, и говоритъ за нимъ слѣдующее:

Я (такой-то) беру тебя (такую-то) вѣнчанною моею женою, чтобы отъ сего часа имѣть и содержать тебя въ счастіи и несчастіи, въ богатствѣ и бѣдности, въ болѣзни и здравіи, любить и охранять, доколѣ не разлучитъ насъ смерть, по святому закону Божію. И въ этомъ клянусь тебѣ моею вѣрностію.

§ 13. За тѣмъ они выпускаютъ свои руки; и невѣста взявши жениха своего правою рукою за его правую руку, точно также повторяетъ за священникомъ:

Я (такая-то) беру тебя (такого-то) моимъ вѣнчаннымъ мужемъ, чтобы отъ сего часа впредь, имѣть и содержать тебя въ счастіи и несчастіи, въ богатствѣ и бѣдности въ болѣзни и здравіи, любить, охранять, и повиноваться, доколѣ насъ не разлучитъ смерть, по святому закону Божію; и въ этомъ даю тебѣ мою вѣрность.

§ 14. Тогда они снова выпускают свои руки; и жених подает невесте кольцо, предварительно положив оное на книгу, обычно употребляемую священником и клириком и священник, взяв кольцо, передает оное жениху, с тем, чтобы он надел его на четвертый палец левой руки невесты. И жених, надевая кольцо, произносит со слов священника:

Этим кольцом вѣнчаюсь съ тобою, люблю тебя тѣлесно и духовно, и всѣми моими земными благами дѣлюсь съ тобою. Во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

§ 15. За тем, когда жених надевает кольцо на четвертый палец левой руки невесты, они оба становятся на колѣна, и священник произносит:

Помолимся!

Вѣчный Боже, Творецъ и хранитель всѣхъ людей, податель всѣхъ духовныхъ благъ, источникъ вѣчной жизни! низпошли Твое благословеніе на сихъ рабовъ Твоихъ, на сего мужа и сію жену, которыхъ мы благословляемъ Твоимъ именемъ; дабы какъ Исаакъ и Ревекка жили въ вѣрности, такъ и эти лица могли въ вѣрности соблюдать и хранить обѣтъ и союзъ, заключенный между ними, (чему знакомъ и залогомъ служить это кольцо данное и принятое), могли всегда пребывать въ совершенной любви и мирѣ, и жить по Твоему закону, чрезъ Іисуса Христа нашего Господа. Аминь.

§ 16. За тем священникъ соединяет ихъ правыя руки, и говоритъ: *яже Богъ сопряже, человекъ да не разлучаетъ.*

§ 17. Потомъ священникъ обращается къ народу съ слѣдующими словами:

Такъ какъ такой-то и такая-то (имя рекъ) совокупно согласились на вступленіе въ святой бракъ, и засвидѣтельствовали это предъ Богомъ и симъ собраніемъ, и для сего обязались и поклялись другъ другу въ вѣрности, и подтвердили тоже самое подачею и принятиемъ кольца, и соединеніемъ рукъ, то я объявляю, что они (теперь) вкупѣ мужъ и жена, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

§ 18. Къ этому священникъ прибавляетъ слѣдующее благословеніе:—Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святой, да благословить, сохранить и оградить васъ; да призрѣть на васъ милосердно Господь Своею милостію; и тако да исполнить васъ вся-

кимъ духовнымъ благословеніемъ и щедротами для совокупной настоящей, временной жизни, дабы въ будущей жизни вы могли наследовать жизнь вѣчную. Аминь.

§ 19. За тѣмъ священникъ или клирики: отходя къ святой трапезѣ, говорятъ или поютъ слѣдующій псаломъ: *Блаженіи вси болящіяся Господа, ходящія въ путехъ Его.* .

§ 20. Или этотъ псаломъ: *Боже, узедри ны, и благослови ны.*

§ 21. По окончаніи псалма, когда мужъ и жена преклоняютъ колѣна предъ святою трапезою, священникъ, стоя предъ трапезою, и обративъ свое лицо къ нимъ, говорить:

Господи помилуй.

Отвѣтъ: *Христе помилуй насъ.*

Священникъ. *Господи помилуй*

Отче нашъ, иже еси на небеси....

Священникъ. *Господи, спаси Твоего раба и Твою рабыню.*

Отвѣтъ: *Уповающихъ на Тя.*

Священникъ. *Господи, пошли имъ помощь отъ Сіона Твоего.*

Отвѣтъ: *И выну защиты ихъ.*

Священникъ. *Буди имъ твердынею силы.*

Отвѣтъ: *Отъ лица враговъ ихъ.*

Священникъ. *Господи, услыши молитву нашу.*

Отвѣтъ: *И вопль нашъ да придетъ къ Тебѣ.*

Священникъ. Боже Авраама, Исаака, Иакова, благослови сихъ рабовъ Твоихъ, и насади сѣмя вѣчной жизни въ сердца ихъ, дабы все, что они съ пользою для себя узнаютъ изъ Твоего святаго слова, могли воистину осуществить на самомъ дѣлѣ. Призри, Господи, милосердно на нихъ съ неба, и благослови ихъ. И какъ Ты послалъ Свое благословеніе на Авраама и Сарру къ ихъ великому утѣшенію, такъ благоволи послать Твое благословеніе и на сихъ рабовъ Твоихъ, дабы, повинуваясь Твоей волѣ, и всегда находясь въ безопасности подъ Твоимъ покровомъ, они могли пребыть въ Твоей любви до конца своей жизни; чрезъ Іисуса Христа, Господа нашего. Аминь.

§ 22. Слѣдующая за симъ ниже молитва опускается, когда вступающая въ бракъ уже имѣла дѣтей.

Милосердый Господи и небесный отецъ, — по неизрѣченной милости котораго размножается родъ человѣческой, молимъ Тебя низпошли Твое благословеніе на сихъ двухъ рабовъ Твоихъ; дабы

они могли быть плодородны въ рожденіи дѣтей, и также жить совокупно въ благочестивой любви и честности — дотолѣ, пока не узрятъ чадь своихъ воспитанными по христіански и добродѣтельно, къ славѣ и чести Твоей, чрезъ Іисуса Христа, нашего Господа. Аминь.

Боже, который всемогущею силою — произвелъ все изъ ничего, — который (приведши все сотворенное въ порядокъ) опредѣлилъ, чтобы жена получила свое начало изъ (ребра) мужа сотвореннаго по Твоему собственному образу и подобию, и соединивъ ихъ вмѣстѣ, научилъ, что никогда не будетъ законно разлучать тѣхъ, которыхъ Ты соединилъ бракомъ во едино; о Боже, — Ты, который освятилъ брачное состояніе въ такое великое таинство, что имъ знаменуется и представляется духовный союзъ и единство между Христомъ и церковію; призри милосердно на сихъ рабовъ Твоихъ, дабы сей мужъ любилъ свою жену, по Твоему слову, какъ Христосъ возлюбилъ Свою невѣсту церковь — и Себя предалъ за нее, — любя ее, какъ бы Свою собственную плоть, — и дабы сія жена могла быть любящею и любезною, вѣрною и покорною своему мужу, — и во всякой тишинѣ, трезвости и мирѣ — быть послѣдовательницею святыхъ и благочестивыхъ женъ. О Господи, благослови ихъ обоихъ, и даруй имъ наследовать Твое вѣчное царство — чрезъ Іисуса Христа, нашего Господа. Аминь.

§ 23. За тѣмъ священникъ говоритъ: Всемогущій Богъ, сотворившій вначалѣ нашихъ прародителей, Адама и Еву, и освятившій и соединившій ихъ въ бракъ, да изліетъ на васъ щедрость Своя благодати, да освѣтитъ и благословитъ васъ, дабы вы могли благоугождать Ему духовно и тѣлесно, и жить вкупѣ въ святой любви во время всей вашей жизни. Аминь.

§ 24. Послѣ сего, если не будетъ проповѣди, раскрывающей обязанности мужа и жены, священникъ произноситъ слѣдующее:

Всѣ вы, вступившіе въ бракъ или намѣревающіеся вступить въ святое брачное состояніе, выслушайте, что говоритъ свящ. Писаніе, какъ относительно обязанности мужей къ своимъ женамъ, такъ и относительно обязанности женъ къ своимъ мужьямъ.

Св. Павелъ, въ пятой главѣ своего посланія къ Ефесеямъ, даетъ слѣдующую заповѣдь всѣмъ женившимся; мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюбилъ церковь, и Себе предалъ за ню. Да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголѣ, да

представить ю Себѣ славну церковь, неимущу скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна. Тако должны суть мужіе любити своя жены, яко тѣлеса: любяй бо свою жену, себя самаго любить. Никтоже бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣшетъ ю, якоже и Господь церковь: зане уди емы тѣла его, отъ плоти его, и отъ костей его. Сега ради оставитъ человекъ отца своего и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два во плоть едину. Тайна сія велика есть: Азь же глаголю во Христа, и во Церковь. Обаче и вы поединому кійждо свою жену сице да любить якоже и себе.

Подобно сему, тотъ же св. Павель въ посланіи къ Колоссяямъ, такъ говоритъ ко всѣмъ женившимся. Мужіе, любите своя жены и не будьте жестоки къ нимъ.

Выслушайте также, что заповѣдуетъ женившимся Св. Петръ, Апостоль -- Христовъ, который самъ испыталъ брачное состояніе: Мужіе, вкупѣ живуще со своими женами по разуму, яко немощнѣйшу сосуду женскому воздающе честь, яко и наслѣдницы благодатныя жизни, во еже не прекращатися молитвамъ вашимъ.

Доселѣ мы слышали объ обязанности мужа къ женѣ. Теперь и вы, жены, выслушайте и узнайте ваши обязанности къ вашимъ мужьямъ, какъ оныя изложены въ свящ. писаніи.

Св. Павель, въ вышеупомянутомъ посланіи къ Ефессеямъ такъ поучаетъ васъ: Жены своимъ мужемъ повинуйтесь, якоже Господу: зане мужъ глава есть жены, яко же и Христосъ глава церкви, и той есть Спаситель тѣла. Но яко же церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ. Далѣ онъ прибавляетъ: а жена да боится своего мужа.

И въ посланіи къ Колоссяямъ, св. Павель даетъ вамъ слѣдующее краткое наставленіе: Жены повинуйтесь своимъ мужемъ, яко же подобаетъ о Господѣ.

Св. Петръ также преподаетъ вамъ спасительный урокъ, говоря такожде и жены, повинующеся своимъ мужемъ: да и аще нѣщцы не повинуются слову, женскимъ житіемъ, безъ слова плѣнены будутъ. Видѣвше еже со страхомъ чисто житіе ваше имже да будетъ не внѣшняя плетенія власъ, и обложенія злата, или одѣянія ризъ лѣпота, но потаенный сердца человекъ, въ неистлѣнныи кроткаго и молчаливаго духа, еже есть предъ Богомъ многоцѣнно. Тако-бо иногда и святыя жены, уповающія на Бога, украшаху

себе, повинующеся своимъ мужемъ. Якоже Сарра послушаше Авраама, господина того зовущи; ея же бысте чада благоутро-ряще, и не боящесе ни единого страха.

Въ концѣ Англиканской формы бракосочетанія приложенъ слѣдующій параграфъ:

Прилично, чтобы новобрачные приняли святое причастіе во время своего бракосочетанія, или при первомъ удобномъ случаѣ послѣ бракосочетанія.

Похороны русскаго моряка корвета „Бояринъ“ по англиан-скому обряду.

Тасманійскій корреспондентъ газеты Guardian приводитъ слѣдующій разсказъ о погребеніи въ Гобартсъ-Таунѣ (въ Вандименовой землѣ (въ Австраліи) ¹⁾ одного русскаго моряка корвета „Бояринъ“. Когда онъ умеръ, то лейтенантъ Елагинъ (у нихъ не было на корветѣ своего священника) пригласилъ дост. Ф. Г. Кокса, священника собора С. Девидса, отправить надъ нимъ обряды погребенія. Капитанъ пожелалъ, чтобы погребеніе умершаго было отправлено англійскимъ духовенствомъ, по обычному обряду англиканской церкви, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы англиканскій священникъ отправился въ госпиталь и проводилъ оттуда тѣло умершаго до церкви, какъ это водится въ Россіи. М. Коксъ, какъ и слѣдовало, согласился на это желаніе. Посему въ среду, день назначенный для погребенія, за нѣсколько минутъ до 11 часовъ, дост. Д. Гринъ, въ сопровожденіи М. Бромби и Р. Хеурда, отправился въ госпиталь и былъ тамъ встрѣченъ капитаномъ Чертковымъ и офицерами корвета. Когда все было готово, англиканское духовенство, въ рясахъ, ризахъ и епитрахиляхъ (stole) взошло въ комнату, гдѣ лежало тѣло умершаго; здѣсь лейтенантъ Елагинъ произнесъ краткую русскую молитву, при пѣніи хора матросовъ; это продолжалось семь или восемь минутъ; и вслѣдъ за тѣмъ гробъ, сдѣланный подъ тщательнымъ наблюденіемъ офи-

¹⁾ Жаль, что въ этомъ извѣстіи не выставлены чинъ и фамилія умершаго моряка. Пер.

церовъ корвета, съ длиннымъ православнымъ, русско-греческимъ крестомъ на крышкѣ, вынесенъ офицерами изъ комнаты на погребальную колесницу. Во время шествія хоръ матросовъ пѣлъ печальнымъ напѣвомъ какъ-бы заупокойную литію, или псаломъ. Изъ воротъ госпиталя процессія направилась по главнымъ улицамъ города къ собору с. Девидса, окруженная толпами зрителей и военныхъ. Сначала слѣдовалъ отрядъ артиллеріи Гобартсъ-Тауна, музыканты котораго играли на духовыхъ трубахъ похоронный маршъ; потомъ пѣвчіе изъ матросовъ; за ними духовенство, и наконецъ погребальная колесница, за которою шли офицеры и матросы. По временамъ звуки похороннаго марша прекращались, и тогда русскіе начинали снова свое печальное, погребальное пѣніе. Наконецъ процессія приблизилась къ собору св. Девидса, гдѣ и была встрѣчена М. Коксомъ; въ то же самое время русскіе пѣвчіе изъ матросовъ взошли въ церковь и размѣстились по сторонамъ оной, не оставляя своего грустнаго пѣнія. Странно и поразительно было видѣть этихъ московскихъ христіанъ, собравшихся въ англиканскую церковь, и слышать ихъ печальное, погребальное пѣніе изъ словъ, непонятныхъ для насъ и туземцевъ. За тѣмъ англиканское духовенство, монотонно и чередуясь (*antiphonally*) пропѣло одинъ изъ псалмовъ и М. Коксъ прочелъ положенное для сего Евангеліе. Выносъ тѣла изъ церкви на кладбище, которое находится въ разстояніи отъ оной на двѣсти или на триста ярдовъ (англійскій аршинъ), происходилъ съ тою же церемоніею, какъ и прежде. У воротъ кладбища гробъ былъ снова поднять офицерами, которые несли его до могилы, гдѣ дост. Гринъ окончилъ остальную часть погребальной службы. За тѣмъ слѣдовалъ обычный троекратный залпъ изъ ружей; и по окончаніи всего, офицеры и матросы подошли къ могилѣ отдать послѣдній долгъ умершему; каждый изъ нихъ бросилъ на гробъ землю, впрочемъ не такъ, какъ это принято въ Англіи, только для формы, но они какъ будто хотѣли забросать землю всю могилу. Передъ своимъ отплытіемъ изъ Гобартсъ-Тауна капитаны и офицеры поставили надъ могилою камень, въ память своего умершаго собрата. Этотъ камень простой, почти некрасивый на видъ, но онъ дорогъ, какъ памятникъ дружескаго начала воссоединенія между долго раздѣленными церквами востока и запада. На немъ начертаны двѣ надписи, одна на славянскомъ, другая на англійскомъ

языкъ, вверху которыхъ изображенъ русско-греческій крестъ, — крестъ знакомый читателямъ восточныхъ литургій Нила, или книги г. Романовой *объ обрядахъ и церемоніяхъ русской церкви*. Въ день отъѣзда корвета *Бояринъ* лейтенантъ Линдонъ пригласилъ дост. М. Грина къ себѣ дружески проститься, и вручилъ ему отъ себя и офицеровъ корвета десять совереновъ, какъ посильную дань, на сооруженіе новаго собора; и такимъ образомъ этимъ послѣднимъ дружескимъ подаркомъ они заключили свое любезное, трехнедѣльное пребываніе въ Гобартсъ-Таунѣ. Многимъ изъ насъ, замѣчаетъ корреспондентъ, какъ англичанамъ, такъ и католикамъ, сначала казалось страннымъ, что, по прибытіи корвета *Бояринъ* въ Гобартсъ-Таунъ, всѣ русскіе ходили къ Богослуженію не въ римско-католическую, а въ англиканскую церковь. Но изумленіе еще болѣе усилилось, когда, по смерти бѣднаго русскаго моряка, капитанъ корвета пригласилъ для отправления надъ нимъ погребенія англиканскаго, а не римско-католическаго священника. Такимъ образомъ въ этой далекой части свѣта мы имѣли первый благопріятный случай оказать хотя нѣкоторую, небольшую услугу Восточной церкви за дружественное расположеніе Константинопольскаго патріарха, предписавшаго своему подвѣдомому клиру отправлять обряды христіанскаго погребенія надъ умершими англичанами въ восточныхъ странахъ. Я постарался сообщить полный и подробный разсказъ объ этомъ среди насъ событіи, такъ какъ знаю, что оно должно имѣть большой интересъ для тѣхъ изъ вашихъ читателей, въ сердцахъ которыхъ недавнее дружеское посѣщеніе арх. Сиры и Теноса возбудило свѣжія, новыя желанія къ болѣе тѣсному возсоединенію и взаимнообщенію англиканской церкви съ достопочтеннѣйшими церквами востока.

Представленіе „Страстей Христовыхъ“ въ Оберъ-Аммергау.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представленія мистерій, сюжетомъ которыхъ обыкновенно избирались различныя библейскія событія, или жизнь святыхъ, были обыкновеннымъ явленіемъ на западѣ въ средніе вѣка. Они весьма часто разыгрывались въ церквахъ, монастыряхъ, и даже на те-

атрахъ различныхъ европейскихъ государствъ—Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи и Англии. И у насъ въ Россіи за означенное время было нѣчто въ родѣ мистерій или религіозныхъ зрѣлищъ съ библейскими сюжетами, какъ-то: дѣйство трехъ отроковъ въ печи Вавилонской, представляемое въ Новгородѣ, въ Софійскомъ соборѣ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, — шествіе патріарха на ослати изъ Успенскаго въ Покровскій соборъ — въ Вербное Воскресенье, — дѣйство Страшнаго суда — въ недѣлю мясопустную, послѣ литургіи, за Успенскимъ соборомъ и др. По всей вѣроятности эти религіозныя зрѣлища проникли въ Россію съ запада, но только съ тѣмъ различіемъ, что имѣли у насъ какъ бы характеръ церковности, т. е. совершались непосредственно предъ началомъ, или за окончаніемъ Богослуженія и, при томъ высшими, или низшими, представителями церкви. Въ настоящее время—мистеріи или религіозныя зрѣлища давно уничтожены какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи; остался только одинъ прекрасный образецъ средневѣковой, религіозной драмы, именно, представленія „Страстей Господнихъ“ въ Оберъ-Аммергау, въ одной изъ живописныхъ долинъ Тироля. Начало означенныхъ представленій относится къ 1633 году, и онѣ съ того времени даются чрезъ каждыя десять лѣтъ. Въ 1881 году онѣ начались съ 17 мая, и продолжались до 26 сентября. Всѣхъ представленій за означенный сезонъ, въ отлично устроенномъ театрѣ, могущемъ вмѣстить въ себѣ до четырехъ тысячъ съ половиною зрителей, — назначено 23. Костюмы и декораціи всѣ новыя. Едва ли нужно говорить о томъ, что наплывъ иностранцевъ, особенно англичанъ, жаждущихъ видѣть въ лицахъ исторію страданій Спасителя, въ Оберъ-Аммергау бываетъ громадный; такъ напр. по иностраннымъ газетнымъ извѣстіямъ, въ Духовъ День число ихъ простиралось до 6,000 человекъ; и на другой день почти столько же. Число дѣйствующихъ лицъ на сценѣ Оберъ-Аммергаускаго театра въ нѣкоторыхъ актахъ бываетъ отъ 500 до 600 человекъ; но главнѣйшія лица драматическаго персонала суть слѣдующія:

Лице Христа Спасителя представляетъ	Иосифъ Майеръ.
„ Пресвятой Дѣвы	Анастасія Крахъ.
„ Иоанна.	І. Цвинкъ.
„ Петра.	І. Геттъ.

„	Иуды	Г. Лехнеръ.
„	Маріи Магдалины.	М. Лангъ.
„	Пилата	Э. Рэндль.
„	Каиафы	І. Лангъ.
„	Ирода	І. Рутцъ.
„	Анны.	С. Дешлеръ.
„	Наванайла	С. Лангъ.
„	Іосифа Аримаѳейскаго	М. Оппенридеръ.
„	Никодима	Ф. Стейнбахеръ.
„	Раввина.	С. Бауеръ.
	Регентъ хора	Іоганнъ Димеръ.

Сообщивши эти предварительныя свѣдѣнія, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, въ виду интереса, возбуждаемаго почти во всей Европѣ представленіемъ *Страстей Господнихъ* въ Оберъ-Аммергау, и мы рѣшились познакомить съ оными нашихъ читателей, именно въ томъ видѣ, въ какомъ они давались въ 1881 году.

Переведенная нами и предлагаемая вниманію читателей статья подъ заглавіемъ: *The Ober-Ammergau Passion Play* (т. е. представленія въ Оберъ-Аммергау Страстей Господнихъ) принадлежитъ д-ру Malcolm Maccol, ректору С. Джорской коллегіи въ Лондонѣ. Статья первоначально помѣщалась отдѣлами въ извѣстной англійской газетѣ «Times», но потомъ перепечатана почтеннымъ авторомъ особою брошюрою подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ, и издана въ 1882 году, — въ январѣ мѣсяцѣ. Съ этой-то брошюры и сдѣланъ нашъ переводъ, впрочемъ съ опущеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, не могущихъ особенно интересовать русскихъ читателей.

Въ заключеніе должны замѣтить, что къ брошюрѣ приложены введеніе—съ предварительными замѣтками о началѣ и постепенномъ развитіи мистерій вообще, и страстной мистеріи въ частности, и дополненіе—съ практическими указаніями для посѣтителей Оберъ-Аммергау. Намъ казалось не лишнимъ перевести то и другое, такъ какъ первое составлено очень обстоятельно и живо, а второе много добавляетъ интереснаго къ письму автора, д-ра Моколма, въ газету «Times», письму, которое и составляетъ главное содержаніе брошюры.

В В Е Д Е Н І Е.

Языческія мистеріи.—Греческая драма.—Начало христіанской драмы.—Религіозныя драмы въ Англіи.—Нравоназидательныя зрѣлища въ Германіи.—Плачь пр. Богородицы.—Трагедія о десяти дѣвахъ.—Религіозная всецѣлая библейская драма, состав. Р. Бартомъ.—Начало и развитіе представленій Страстей Христовыхъ въ Оберъ-Аммергау.

Это общепринятое почти мнѣніе, что драма, какъ древняя, такъ и новая, имѣла нѣкоторымъ образомъ религіозное происхожденіе. Греческая міеологія была источникомъ и доставляла много матеріала для греческой трагедіи. Кромѣ тѣхъ общественныхъ языческихъ Богослуженій, въ которыхъ не было ничего тайнаго и сокровеннаго, существовало еще, какъ извѣстно каждому, множество мистерій, въ которыхъ могли участвовать одни только посвященные. Не видно, чтобы въ этихъ мистеріяхъ содержалось что либо въ родѣ изложенія вѣроученія, или нѣчто въ родѣ курса изузнаго назиданія. Онѣ, по крайней мѣрѣ, въ первое время непосредственно дѣйствовали не столько на разумъ, сколько на тѣлесныя чувства и воображеніе. Помимо вступительныхъ обрядовъ посвященія, люстрацій и жертвоприношеній,—все остальное было выработанною драмою, въ которой представлялись различныя приключенія и трансформаци извѣстныхъ божествъ, съ ихъ иногда злыми, иногда благодѣтельными отношеніями къ человѣческому роду. Это обстоятельство имѣло продолжительное вліяніе на послѣдующую драму Греціи, которая до самаго своего конца удерживала полумистическій характеръ. Сцена и дѣйствующіе лица почти неизмѣнны въ далекой для насъ древности, и представляютъ болѣе результаты дѣйствій, чѣмъ самыя дѣйствія. Герои національныхъ легендъ на сценахъ греческаго театра являются не въ борьбѣ и интригахъ, не побѣдителями, или побѣжденными, но въ тихомъ и торжественномъ спокойствіи, — въ состояніи бѣдствія или счастья, а не на пути къ онымъ. Такимъ образомъ—въ нихъ не видно никакого развитія характера, никакой игры страстей, и отсюда главнымъ образомъ истекаетъ употребленіе маски, которая скрывала черты лицъ актеровъ, и придавала ихъ лицу выраженіе совершеннаго безстрастія; отсюда также—частое

употребленіе *живыхъ картинъ*—для уясненія и уразумѣнія дѣйствій въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. Вторымъ основаніемъ для означенной характеристики греческой драмы, безъ всякаго сомнѣнія, служатъ огромные размѣры древнихъ театровъ. — Всякій, когда либо видѣвшій древніе греческіе театры, безъ труда пойметъ рѣшительную невозможность представлять на нихъ какое либо дѣйствіе съ живымъ выраженіемъ человѣческихъ страстей, каждый гражданинъ имѣлъ право занимать свободное мѣсто. Напримеръ Сиракузскій театръ, который доселѣ еще хорошо сохранился, имѣетъ 467 ф. въ діаметрѣ, и заключаетъ въ себѣ 61 ярусъ ложъ, въ которыхъ несомнѣнно могло помѣститься до 30,000 зрителей. Никакой человѣческой голосъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ, не въ состояніи дѣйствовать раздѣльно и явственно на такомъ громадномъ пространствѣ, и ни одной черты человѣческаго лица, какъ бы онѣ ни были оживлены, нельзя было рассмотреть особенно сидящимъ въ верхнихъ ложахъ театра. Потому требовались искусственныя средства для того, чтобы увеличить объемъ человѣческаго вида и лица, и усилить интонацію человѣческаго голоса.

Древніе христіанскіе апологисты относились къ греческимъ мистеріямъ весьма строго. Климентъ Александрійскій, благопріятно смотрѣвшій на греческую философію, какъ на приготовленіе къ принятію Евангелія, произноситъ строгій судъ на деморализующее вліяніе мистерій, въ которомъ, впрочемъ, слышится какъ бы намекъ на то, что до принятія христіанства онъ и самъ участвовалъ въ оныхъ. Но первенствующіе христіане не довольствовались, впрочемъ, однимъ изобличеніемъ нечистыхъ мистерій языческой мифологіи, — не довольствовались только тѣмъ, чтобы изгнать злаго духа, и оставить домъ *пустымъ, вычищеннымъ и убраннымъ*; нѣтъ, они хотѣли также показать, что и у нихъ также есть свои собственныя мистеріи, — мистеріи на столько чистыя и возвышенныя, на сколько были безнравственны и низки мистеріи язычества. Такимъ-то образомъ постепенно возникла христіанская драма на развалинахъ греческаго театра. Значительный драматическій элементъ входитъ въ составъ всѣхъ древнихъ христіанскихъ литургій, а еще болѣе въ обстановку празднованія главныхъ праздниковъ церкви. Для того, чтобы сильнѣе укоренить и запечатлѣть впечатлѣнія, производимыя устнымъ наставленіемъ

на умъ,—постоянно старались дѣйствовать на чувство зрѣнія. И какъ скоро христіанство вышло наружу изъ катакомбъ, и пріобрѣло себѣ полную свободу, оно сдѣлало болѣе смѣлую и прямую попытку завербовать симпатіи новообращаемыхъ посредствомъ драматическихъ представленій. Мы видимъ греческія трагедіи на священныя, библейскія темы, почти одновременно съ признаніемъ христіанства господствующею религіею, и имѣемъ положительныя доказательства относительно представленія оныхъ въ Константинополѣ. Напримѣръ, одна изъ нихъ, подъ названіемъ: *уширяющій Христосъ* св. Іоанна Златоуста, была представлена въ церкви частію въ живыхъ картинахъ, а частію въ разговорѣ. Св. Григорій Назіанзинъ и другіе древніе христіанскіе писатели, также превращали въ драму цѣлыя отдѣлы свящ. писанія, по обряду древнихъ греческихъ трагедій.

Эти религіозныя представленія постепенно переходили съ Востока на Западъ. До насъ дошли свѣдѣнія о религіозныхъ представленіяхъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Германіи еще во времена царствованія Карла Великаго. Но религіозная драма, повидимому, укоренилась на Западѣ только около одиннадцатаго вѣка, когда ея популярности былъ данъ сильный толчокъ—вѣроятно крестовыми походами, внесенными въ Западную Европу многія обряды восточнаго христіанства и, между прочимъ, страсть къ драматическому представленію религіозныхъ предметовъ. Нигдѣ представленія мистерій въ первое время не были такъ популярны, какъ въ Англіи. Мэттью Парисъ передаетъ, что одинъ изъ гредьюэговъ Парижа, по имени Джофрей, въ послѣдствіи аббатъ С. Албенса, во время бытности учителемъ въ Дюнстебльской школѣ, разыгрывалъ легенду св. Екатерины въ этомъ городѣ, занимая самъ съ нѣкоторыми изъ наставниковъ главные роли. Это было въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія, но до насъ не дошло никакого манускрипта объ этомъ представленіи. Древнѣйшіе изъ этихъ религіозныхъ драмъ всѣ были писаны *по латыни*, и такъ какъ большая часть зрителей не понимала этого языка, то, по всей вѣроятности, представленіе происходило преимущественно въ живыхъ картинахъ и пантомимахъ. Самая древняя изъ мистерій, дошедшихъ до насъ на англійскомъ языкѣ, называется: *The Naggowing of Hele* — Адскія мученія. Она относится къ первой четверти четырнадцатаго столѣтія и состоитъ изъ пролога, эпилога и интер-

меді. Главныя дѣйствующія въ ней лица Господь и сатана, Адамъ и Ева. Впрочемъ лучшими и извѣстѣйшими изъ англійскихъ мистерій считаются Честерскія мистеріи, которыя, тридцать лѣтъ тому назадъ, были изданы Роксбургскимъ клубомъ. Уартонъ относитъ ихъ къ началу четырнадцатаго столѣтія, но Росси, напротивъ, полагаетъ начало ихъ происхожденія въ первыхъ годахъ шестнадцатаго. Вѣроятно они оба думаютъ такъ не безосновательно, и мы едвали ошибемся, взявши средину между ними—т. е. начало пятнадцатаго столѣтія. При всей своей популярности Честерскія мистеріи не могутъ быть названы удачнымъ образцемъ религіозной драмы. Вообще въ нихъ очень мало остроумія, а нѣкоторыя изъ нихъ даже напоминаютъ собою низкій и грубый родъ комедій. И дѣйствительно *чудесныя мистеріи*, особенно въ Англіи, скоро превратились въ какую-то буфонаду, и часто подвергались церковному запрещенію, въ виду того, что онѣ унижали собою священную обрядность. Уже въ 1360 г. епископъ экзетерскій Грандисонъ—запретилъ представленіе мистерій въ праздники Рождества Христова *). Но ихъ популярность при дворѣ и международными массами оказалась слишкомъ сильною для того, чтобы въ этомъ случаѣ могло что либо сдѣлать епископское распоряженіе. Эдуардъ III, въ особенности, любилъ эти мистеріи и м-ръ Вильямъ Лонгманъ, въ своемъ интересномъ и ученomъ жизнеописаніи этого монарха, передаетъ слѣдующій перечень вещей, употребленныхъ для мистерій въ Гилдфордѣ, во время рождественскихъ праздниковъ, 1347 года: „восемьдесятъ четыре клеенчатыхъ туникъ различныхъ цвѣтовъ, двадцать четыре маски различныхъ формъ, двадцать восемь шлемовъ,—четырнадцать разрисованныхъ епанчи, четырнадцать *змѣиголовниковъ*, четырнадцать бѣлыхъ туникъ, четырнадцать павлиньихъ головъ съ крыльями, четырнадцать лебединыхъ головъ съ крыльями, четырнадцать туникъ, разрисованныхъ радужными красками, четырнадцать туникъ съ звѣздами набивнаго золота и серебра, четырнадцать женскихъ масокъ, четырнадцать мужскихъ масокъ съ бородами и пр. и пр. А для самаго короля—латы изъ бѣлой клеенки, украшенныя серебромъ и золотомъ, бѣлая атлас-

*) См. Sacred Archæology. Пребендерія Уолмotta стр. 448.

ная туника и щить съ извѣстнымъ королевскимъ девизомъ: «Нау, Нау, the Wythe Sman, by God' souI jam ghy man». (См. Литература Европы. Соч. Галлама, I, 439 стр.). Къ мистеріямъ также близко подходили нравоучительныя піесы. Это были аллегорическія драмы, въ которыхъ на подмосткахъ театровъ разыгрывались отвлеченныя темы на различныя добродѣтели и пороки; ихъ можно считать посредствующимъ звеномъ между мистеріями и новѣйшей драмой. Представленія означенныхъ піесъ легко привело къ введенію въ оныя главнаго дѣйствующаго лица, и воспроизведенію обычной жизни и обстановки. При сильныхъ буряхъ реформаціи—подмостками театра часто пользовались обѣ враждебныя партіи, какъ оружіемъ для нанесенія оскорбленія другъ другу. Бракъ Лютера былъ осмѣянъ въ одной латинской нравоучительной піесѣ, разыгранной въ Грезиннѣ въ 1529 г. Реформаты не медлили оплачивать тою же самою монетою; и нѣкоторыя изъ этихъ представленій сдѣлались такъ гнусны и непристойны, что при Генрихѣ VIII, Эдуардѣ VI и Маріи, часто подвергались королевскому запрещенію. Со времени Генриха VIII, они, въ особенности, были направлены противъ пороковъ духовенства и, въ частности, противъ монашескихъ орденовъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что та популярность, которою пользовались эти сатиры противъ безнравственности духовенства достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно былъ настроенъ народъ въ означенное время къ церковной реформаціи особенно въ дѣлѣ церковной дисциплины. Колье, говоря о запрещеніи, наложенномъ Генрихомъ VIII на означенныя піесы, говоритъ:

„Ничто не могло быть болѣе сильнымъ оскорбленіемъ и злоупотребленіемъ, какъ эти представленія, даваемые нѣкоторыми изъ низшихъ церковно-служителей. Сущность содержанія ихъ состояла въ безнравственности и беспорядочности поведенія монаховъ и духовенства; они даже брали на себя дерзость осмѣивать самое церковное Богослуженіе. Толпѣ нравились эти театральныя зрѣлища, такъ какъ она надѣялась, быть можетъ, освободиться чрезъ то отъ дисциплины и подчиненія требованіямъ религіи. Духовенство совершенно основательно жаловалось на подобныя кощунственныя представленія. Это, по словамъ духовенства, могло повести къ атеизму, и обратить самую религію въ шутку; потому что если народу дозволить—обращать въ за-

баву церковную обрядность, то онъ скоро перейдетъ къ другой крайности, именно станетъ осмѣивать самую вѣру. Глубокомыслящіе и лучшіе реформаты порицали эти представленія, -- но политики, изъ своихъ видовъ, поддерживали оныя, понятно, по какимъ побужденіямъ“ (Ecccl. Hist. V. 92).

Лѣтомъ 1549 года противъ мистерій и нравоучительныхъ піесъ вышелъ указъ, гласящій, что содержаніе этихъ театралныхъ увеселеній бываетъ иногда возмутительно, — подрываетъ правительство и подвергаетъ оное презрѣнію и осмѣянію; что допущеніемъ оныхъ вызвано много неурядицъ и безпорядковъ, и что, поэтому, съ 9-го августа 1549 г. до праздника Всѣхъ Святыхъ будущаго 1550 г., не дозволяется никому давать означенныя представленія на театрахъ, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія, или другаго какого наказанія, по королевскому усмотрѣнію.

Впрочемъ, не смотря ни на что, означенныя зрѣлища держались болѣе, чѣмъ въ продолженіе столѣтія послѣ указа, и ихъ даже нерѣдко посѣщали, при различныхъ случаяхъ, Елисавета, Іаковъ I-й Карлъ I. Послѣднимъ убѣжищемъ мистерій былъ лондонскій Сити, въ которомъ доселѣ еще можно видѣть слѣды ихъ въ пышности и блескѣ, сопровождающихъ церемональныя выходы Лорда Мэра.

Впрочемъ такъ какъ предметъ нашей статьи—Нѣмецкія представленія *Страстей Господнихъ*, то считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о развитіи религіозной драмы именно въ Германіи.

Какъ я уже замѣтилъ выше—монастырскія представленія, т. е. представленія мистерій, состояли подъ особымъ вѣдѣніемъ монаховъ, и были извѣстны уже во времена Карла Великаго. Но самымъ древнимъ образцемъ, дошедшимъ до насъ, подобныхъ представленій, служитъ репертуаръ изъ двѣнадцати драматическихъ піесъ, составленный одною замѣчательною женщиною, по имени Гросвицею, аббатиссою Гандершеймскаго монастыря, для назиданія монахинь. Она родилась въ 930 году и, по преданію, была родомъ — греческая принцесса. Ея драмы написаны на латинскомъ языкѣ, слогомъ Теренція, и часто давались въ стѣнахъ монастыря для утѣшенія и назиданія монахинь.

Съ этого времени мы читаемъ о подобныхъ зрѣлищахъ и представленіяхъ въ Германіи, равно какъ въ Италіи, Испаніи,

Франціи и Англіи; но всё эти пьесы первоначально были писаны по латыни, и потомъ постепенно переводились на нѣмецкій языкъ. Костюмы дѣйствующихъ лицъ были обычныя и свойственныя тому времени. Такъ напр. лице, представлявшее Христа, являлся въ той самой одеждѣ, въ какой представляетъ его Ванъ-Ейкъ на своихъ извѣстныхъ картинахъ, т. е. съ папскою тиарою, въ богатой туникѣ, покрытой перлами, и съ пастырскимъ жезломъ въ рукахъ. Во время крещенскихъ представлений—три царя (волхвы) были одѣты въ драгоцѣнную одежду рыцарей и купцовъ того времени, — именно въ бархатные, подбитые дорогими мѣхами, мантии. Второстепенные актеры надѣвали на себя костюмы простыхъ гражданъ и крестьянъ, только съ остроконечными башмаками и головнымъ обручемъ съ звенящими на немъ колокольчиками.

Одною изъ самыхъ древнихъ и незатѣйливыхъ германскихъ мистерій считается *Плачь Богоматери* нѣчто въ родѣ погребальной службы, разыгрываемой въ Великую Пятницу, съ цѣлю приготовить върующихся къ радости Воскресенія Христова. Быть можетъ—эта древняя драма и послужила основаніемъ для хорошо—извѣстной въ наше время церковной пѣсни: *Stabat Mater*.

За плачемъ Богоматери слѣдовали: *Страсти Господни*, въ которыхъ представлялись Страданія, Погребеніе и Воскресеніе Христова. Въ позднѣйшее время къ нимъ были прибавлены—Вознесеніе Христова, а также взятіе на небо Пресвятой Богородицы, преданіе перешедшее на Западъ съ Востока, вѣроятно, во время крестовыхъ походовъ. *Разрушеніе Иерусалима и Послѣдній день суда* также считались одними изъ древнѣйшихъ религіозныхъ зрѣлищъ въ Германіи.

Въ началѣ 14-го столѣтія нѣмецкая религіозная драма сдѣлала рѣшительный шагъ впередъ. Доселѣ представленія давали, но только въ церквахъ; теперь же на улицахъ и площадяхъ были устроены особые театры со многими ярусами, поднимавшимися одинъ надъ другимъ, чтобы доставить болѣе удобствъ для сценическихъ представлений. Число дѣйствующихъ лицъ также значительно увеличилось, и простиралось иногда до нѣсколькихъ сотъ. Извѣстнѣйшимъ изъ древнихъ нѣмецкихъ представлений, пользовавшихся въ свое время обширною популярностію, была трагедія *о Десяти Дѣвахъ* (*Zudus de Decem virginibus*). Она была представлена въ Ейзенахъ въ 1332 году и, притомъ, съ такимъ эффектомъ, что послу-

жила причиною апоплексическаго удара съ ландграфомъ Фридрихомъ, отъ котораго онъ никогда не могъ поправиться до самой своей смерти, послѣдовавшей два года спустя. Это былъ государь съ необузданнымъ нравомъ, который онъ проявлялъ не только во время жестокаго царствованія своего отца, Альберта Борода-таго, но и въ самой борьбѣ за свои права съ двумя императорами, и Вольдемаромъ, Маркграфомъ Бранденбургскимъ. Вечеръ его жизни, казалось, долженъ былъ кончиться спокойно и счастливо; такъ что онъ, вслѣдствіе мира и спокойствія, знаменовавшихъ послѣдніе годы его царствованія, былъ прозванъ *Фридрихомъ Веселымъ*. Вообще, никто и не думалъ, чтобы подобный человекъ могъ быть пораженъ представленіемъ мистерій; но на самомъ дѣлѣ вышло такъ. Вотъ обстоятельства этого происшествія. Въ 1332 г. жители Эйзенаха и окрестностей пожелали отпраздновать возвращеніе мира какимъ либо общественнымъ увеселеніемъ и пасторъ Эйзенаха, согласно съ ихъ желаніемъ, назначилъ представленіе мистерій. Сюжетомъ для представленія была избрана притча о *Десяти дваяхъ*, передѣланная въ драму однимъ доминиканцемъ, и разыгранная братьями ордена. Піеса имѣла большія достоинства, и краткій очеркъ оной можетъ быть не безынтересенъ, равно какъ поможетъ намъ понять то необыкновенное дѣйствіе, которое она произвела на Фридриха Веселаго. Роскошь сценической обстановки была особенно блестяща. Въ каждой сценѣ пѣлись соотвѣтствующіе священные гимны и антифоны, равно какъ велись монологи и діалоги.

Въ первой сценѣ является Dominica Persona т. е. лице, представляющее собою Христа съ Марією и ангелами, поющими въ верхней части театра, изображающей собою небо. Въ нижнемъ же этажѣ, представляющемъ собою міръ, являются десять дѣвъ, по пяти съ каждой стороны, съ замѣтнымъ различіемъ въ одеждѣ и видѣ. Послѣ нѣсколькихъ пѣснопѣній одинъ изъ ангеловъ возвращается въ слѣдующихъ словахъ открытіе представленій:— „Вниманіе и сосредоточенность добрые люди! Мы несемъ вамъ вѣсть о возлюбленномъ Сынѣ Божіемъ, Иисусѣ Христѣ. О, какъ отрадно нарицать Его имя!“

Затѣмъ Самъ Христосъ повелѣваетъ своимъ ангеламъ привести приглашенныхъ на вечеръ слѣдующими словами:

Dicite invitatis; Ecce prandium meum paravi; venite ad Nuptias.

Послѣ того—два ангела спускаются на землю къ дѣвамъ, и увѣщываютъ ихъ—поспѣшить на вечеръ съ препоясанными чреслами и горящими свѣтильниками. Когда ангелы отлетаютъ и занавѣсъ падаетъ,—мудрые дѣвы спѣшаютъ воспользоваться приглашеніемъ Спасителя, и бодрствуютъ, юродивые же дѣвы, напротивъ, медлятъ въ безопасности⁴. Богъ не желаетъ, такъ разсуждаютъ онѣ между собою, вѣчныхъ мученій грѣшника. Онѣ далъ жизнь для наслажденія. Достаточно и того, если будешь думать о смерти въ старости. Грѣшно не надѣяться на милосердіе Божіе.—Когда охладѣетъ любовь къ жизни, тогда каждый можетъ принять постригъ, идти въ монастырь и тамъ умерщвлять свою плоть.“—И вотъ въ такомъ то настроеніи духа онѣ весело танцуютъ на сценѣ. Слѣдуетъ третья сцена, въ которой одна изъ мудрыхъ дѣвъ утѣшаетъ своихъ подругъ въ ихъ бодрствованіи. „Мы, говоритъ она, теперь презираемся и отвержены людьми,—но это—ради нашего Господа. Теперь мы участвуемъ въ его страданіяхъ, но Онѣ скоро придетъ въ качествѣ жениха, и мы удостоимся чести войти съ Нимъ въ брачный чертогъ“.

Слѣдующій актъ представляетъ юродивыхъ дѣвъ въ глубокомъ снѣ послѣ пиршества; но вотъ онѣ медленно пробуждаются одна за другою, и видятъ, что ихъ лампы погасли, и елей въ нихъ изсякъ. Онѣ поражены смущеніемъ—и сознаютъ необходимость идти къ мудрымъ дѣвамъ,—и занять у нихъ елей. Онѣ излагаютъ свою просьбу въ весьма трогательныхъ выраженіяхъ, но мудрыя дѣвы отказываютъ на томъ основаніи, что у нихъ самихъ могутъ погаснуть свѣтильники вслѣдствіе уменьшенія въ нихъ елей. Юродивыя дѣвы въ смущеніи бѣгаютъ всюду, чтобы достать необходимый елей, но напрасно. Въ это время является женихъ. Ангелъ возвѣщаетъ его прибытіе мудрымъ дѣвамъ, которыя, уготовившись, входятъ въ брачный чертогъ. Христосъ повелѣваетъ Маріи посадить ихъ рядомъ съ собою, и сна, исполняя приказаніе своего сына возлагаетъ вѣнцы на ихъ головы и обѣщаетъ имъ высшую радость на небесахъ. Затѣмъ мудрыя дѣвы поютъ *Sanctus a gloria in Excelsis*, и Христосъ совершаетъ вечерю съ вошедшими за нимъ въ брачный чертогъ.

Во время вечера юродивыя дѣвы стоятъ внѣ, и просятъ, чтобы имъ было дозволено войти. Онѣ оплакиваютъ свое безразсудство, обращаются къ неизрѣченному милосердію Христа, говорятъ, что

онѣ слабыя женщины, и указываютъ на его собственную любовь къ Богоматери, но получаютъ на это слѣдующій отвѣтъ: слишкомъ поздно. Вы расточили вашу жизнь и потому лишаетесь права войти въ брачный чертогъ. Несчастныя обращаются съ своими мольбами къ *Маріи, Богоматери*, и заклиняютъ ее тѣмъ милосердіемъ, о которомъ онѣ такъ много слышали, и въ которомъ онѣ теперь такъ сильно нуждаются, и—честію своего пола, ходатайствовать за нихъ предъ ея Божественнымъ сыномъ. Марія общается имъ ходатайство, но опасается, что оно будетъ тщетно. Она преклоняетъ колѣна, и усердно молить своего сына простить юродивыхъ. Христось объявляетъ ей—невозможность нарушить свои вѣчные законы, и отказывается. Въ это время на сценѣ представляется адъ съ діаволами, влекущими несчастныхъ грѣшниковъ, въ числѣ коихъ—и юродивыя. При этомъ зрѣлищѣ Богоматерь снова преклоняетъ колѣна передъ своимъ сыномъ, указываетъ на свое материнское сердце, пронзенное мечемъ изъ любви къ нему, и еще разъ просить прощенія для юродивыхъ. Христось съ любовію отвѣчаетъ ей, что слишкомъ позднее раскаяніе дѣлаетъ невозможнымъ спасеніе и что юродивыя дѣвы должны пребывать теперь въ томъ мѣстѣ, которое онѣ уготовали сами для себя.

За тѣмъ слѣдуетъ живое описаніе ужасныхъ воспоминаній и бесполезныхъ сожалѣній о прошломъ, со стороны грѣшниковъ, и радостное изумленіе святыхъ при чудной наградѣ, превзошедшей всѣ ихъ ожиданія.

Это зрѣлище ужаснуло Фридриха Веселаго. „Что же значитъ послѣ того христіанская вѣра, воскликнулъ онъ, если Господь—не оказываетъ Своего милосердія грѣшникамъ не смотря даже на ходатайство Богоматери и святыхъ?“—Онъ уѣхалъ въ Варцбургъ въ страшномъ возбужденіи, и былъ такъ взволнованъ, что только черезъ пять дней послѣ того ученые богословы могли разъяснить ему смыслъ евангельской притчи. —Но ужасъ подѣйствовалъ на него слишкомъ сильно, его поразили апоплексическій ударъ, и онъ не вставалъ уже съ своего ложа до самой смерти, послѣдовавшей два года спустя. Его похоронили въ капеллѣ св. Іоанна въ Эйзенахѣ.

Не возможно читать трагедіи о десяти дѣвахъ, не поражаясь ея здоровою и возвышенною нравственностію,—по моему личному мнѣнію—можно допустить, что драма какого бы она ни была періода служить самымъ лучшимъ указателемъ нравственнаго и ре-

лигіознаго состоянія общества. Если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то легко можно усмотрѣть, что общественное состояніе, изображенное въ *трагедіи о десяти дѣвахъ*, не оказывается такъ безнадежно—дурнымъ, какъ то вообще думали, судя по невѣжеству и суевѣрію среднихъ вѣковъ. Если мы примемъ также во вниманіе, что означенная трагедія составлена однимъ изъ доминиканскихъ проповѣдниковъ, то на основаніи сего можемъ заключить, что средневѣковое духовенство не было такъ неспособно къ проповѣди евангельской истины, какимъ вообще его представляютъ за означенное время.

Съ конца четырнадцатаго столѣтія до насъ доходитъ много свѣдѣній о подобныхъ драматическихъ представленіяхъ въ различныхъ частяхъ Германіи. Эти представленія иногда бывали такъ оживленны, что сопровождались серьезными случаями. Напр. при представленіи Страстей Господнихъ въ Мецѣ, въ 1437 году, священникъ, представлявшій лице Христа, векорѣ послѣ своего повѣшенія умеръ на крестѣ. Онъ былъ снятъ въ безчувственномъ состояніи, и другой священникъ заступилъ его мѣсто на крестѣ.

Другое изъ дѣйствующихъ лицъ, разыгрывавшее роль Иуды, на самомъ дѣлѣ повисъ мертвымъ на деревѣ.

Актеръ, представлявшій Иуду, имѣлъ обыкновеніе скрывать подъ своею одеждою какую либо черную птицу, напр. ворона, и выпускалъ ее, при совершеніи самоубійства, какъ наглядное представленіе черной души предателя. Иногда также, дѣлали чучело для представленія Иуды въ моментъ самоубійства, и устраивали такъ, что веревка лопалась въ извѣстное время, чучело падала, и ея внутренности выпадали. Другой варіантъ состоялъ въ томъ, что Иуду бросали въ огненное отверстіе, представлявшее адъ, при громкихъ восклицаніяхъ и аплодисментахъ зрителей.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи, одинъ изъ писателей, по имени Р. Бартъ, составилъ необыкновенно длинную піесу, состоящую изъ восьми тысячъ стиховъ, обнимающую собою всю Библейскую исторію—отъ Сотворенія міра до Воскресенія Христа. Впрочемъ, на сколько извѣстно, она никогда не была представлена.

Эти мистеріи, равно какъ мистеріи страстей Христовыхъ, наши себѣ особенно радушныя пріютъ въ живописныхъ долинахъ Тироля, и главное,—единственное мѣсто, въ которомъ представленія страстей Господнихъ доселѣ еще совершаются въ перво-

бытной своей чистотѣ, и съ благоговѣніемъ древняго времени,— есть селеніе Оберъ-Аммергау, недалеко отъ Мюнхена.

1780 г., по случаю объявленія указа объ уничтоженіи религиозныхъ зрѣлищъ на театрахъ, жители Оберъ-Аммергау выпросили себѣ отъ курфиста, Карла Теодора, особое дозволеніе продолжать представленіе страстей Господнихъ. Въ 1790 г. эта привилегія была возобновлена, но всѣ подобныя представленія были запрещены во всей Баваріи, частію потому, что онѣ сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ промышленности, а частію—вслѣдствіе нравственныхъ и религиозныхъ причинъ. Въ 1810 г. Баварское правительство издало новый указъ—объ уничтоженіи религиозныхъ зрѣлищъ, въ томъ числѣ и представленія страстей Господнихъ, происходившаго черезъ каждые десять лѣтъ въ Оберъ-Аммергау. Поселяне послали депутацію въ Мюнхень—ходатайствовать предъ церковными властями за свои любимыя зрѣлища, но напрасно. Тогда они обратились къ королевскому капеллану, Антону Самбугъ, который и выхлопоталъ для нихъ у короля желаемое дозволеніе.

За все означенное время либретто „*Страстей Господнихъ*“ подвергалось различнымъ пересмотрамъ. Важнѣйшій изъ нихъ происходилъ въ началѣ настоящаго столѣтія. При этомъ пересмотрѣ—означенная драма была совершенно переправлена, и почти что переделана заново Д. Оттмаромъ Вейсомъ, однимъ изъ Этталскихъ монаховъ, впоследствии сдѣлавшимся пасторомъ въ окрестностяхъ Аммергау. Онъ умеръ въ 1843 году на 72-хлѣтнемъ возрастѣ. Послѣдній пересмотръ драмы происходилъ между 1840 и 1850 годами; онъ былъ сдѣланъ Антономъ Алоизомъ Дайзенбергомъ, ученикомъ д-ра Оттмара Вейса.

1830 г. представленія происходили на Оберъ-Аммергаускомъ кладбищѣ; но въ 1881 году сельскій пасторъ отказалъ уступить для представленій кладбище, и обитатели были принуждены дѣлать оныя внѣ селенія. Въ концѣ концовъ это оказалось очень благоразумнымъ, такъ какъ кладбище было очень тѣсно и, кромѣ того, большіе надгробные памятники не мало препятствовали удачной игрѣ актеровъ и сценической обстановкѣ.

Денежные сборы съ означенныхъ представлений, за покрытіемъ необходимыхъ издержекъ по театру, и отчисленія нѣкоторой части въ резервный фондъ, употребляются для благотворительныхъ цѣ-

лей. Въ 1860 г. число посѣтителей простиралось до 60,000 человѣкъ, а денежный сборъ до 54,000 флориновъ.

П и с ь м о .

Письмо случайнаго корреспондента въ газету „Таймсъ“ объ Оберъ-Аммергаускихъ представленіяхъ страстей Христовыхъ.

Троицынъ день Оберъ-Аммергау. Іюня 8 дня.

Благодаря одному изъ друзей, мнѣ удалось добыть себѣ помѣщеніе въ Оберъ Аммергау, прежде чѣмъ я оставилъ Англию. Не смотря на то, я счелъ долгомъ благоразумія не терять напрасно времени, и поднялся вчера утромъ вмѣстѣ съ моимъ другомъ въ 5 часовъ, и въ половинѣ 6-го, послѣ поспѣшнаго завтрака, мы уже мчались по мюнхенской желѣзной дорогѣ. Около половины 8-го мы пріѣхали къ Старнбергзи, прекрасному озеру, въ пятнадцать миль длины, и три съ половиною широты. Здѣсь дожидался пароходъ для перевоза на другой берегъ озера тѣхъ пассажировъ, которые желаютъ поразвлечься въ этомъ пути. Впрочемъ мы, съ своей стороны думали, только о томъ, какъ бы поскорѣе доѣхать до Оберъ-Аммергау, и потому отправились по желѣзной дорогѣ, по направленію къ Вейлхейму. Линія желѣзной дороги тянется по западному берегу озера, такъ что мы немного потеряли, не поѣхавъ на пароходѣ, потому что изъ нашего вагона очень хорошо были видны всѣ красивыя мѣстности. Въ полчаса 9-го мы прибыли въ Вейлхеймъ, въ которомъ нашли множество разнообразныхъ повозокъ, ожидающихъ прибытія поѣзда. Отсюда до Оберъ-Аммергау — двадцать семь миль, и за семнадцать шиллинговъ мы наняли себѣ удобную повозку, запряженную въ двѣ лошади, вплоть до самаго селенія. Первые двадцать миль мы ѣхали по холмистой мѣстности, красиво усаженной деревьями и хорошо обработанной, которая мѣстами напоминала намъ пейзажъ въ родѣ англійскихъ пауковъ. Передъ нами тянулись баварскія возвышенности, съ ихъ фантастическими пиками, похожими на какія-то привидѣнія въ постепенно разсѣвающемся туманѣ, и съ ихъ подошвами, окутанными въ голубую прозрачную завѣсу колеблющагося тумана.

Въ Мурнау, въ небольшомъ, прекрасномъ базарномъ городкѣ, мы остановились на полтора часа съ тѣмъ, чтобы дать отдыхъ лошадямъ и пообѣдать самимъ. Затѣмъ, послѣ дальнѣйшаго часоваго путешествія по открытой странѣ, мы вѣхали въ величественный горный проходъ, который далеко превышалъ — своею грандіозностію проходъ Килликранки, въ Пертьшайрѣ. Дорога, по которой мы ѣхали, и которая сдѣлалась теперь такъ крута, что лошади съ большимъ трудомъ тащили за собой пустую повозку, шла по берегу Лойзаха, потока, весело журчащаго въ этотъ сезонъ года, но вѣроятно, наигрывающаго совершенно иную мелодію при весеннемъ разливѣ. По обѣимъ сторонамъ Лойзаха поднимаются почти перпендикулярно двѣ высокія горы, покрытыя до самыхъ вершинъ соснами, и когда, послѣ получасоваго восхода вамъ вздумается оборотиться назадъ, то вы видите, что устье прохода какъ-бы загорожено двумя гигантскими формами Цугспица и Веттерштейна, двухъ дикихъ, обнаженныхъ горъ съ снѣговыми вершинами, изъ коихъ первая въ 10,000 футовъ, а вторая — въ 7,000 ф. Приближаясь къ вершинѣ прохода, мы видимъ вдаль высоко надъ долиною, нѣчто въ родѣ огромнаго зданія, увѣнчаннаго крестомъ, какъ бы съ двумя чашками вѣсовъ, спускающихся по ту и другую сторону онаго. Впрочемъ съ помощью бинокля мы успѣли разсмотрѣть, что означенное зданіе есть ничто иное, какъ вершина скалистой пропасти, называемой Кофель, и вызвышающейся перпендикулярно на высоту 2,000 ф. противъ селенія Оберъ-Аммергау. Передъ этою пропастью благочестивые селяне воздвигли большой крестъ между двумя молодыми соснами, которыя представляются издали, какъ бы спускающимися вѣсами. Среди горнаго прохода, на зеленой покатоности горы, расположенъ бенедиктинскій Эттальскій монастырь. Какой чудный вкусъ въ выборѣ мѣстности имѣли эти бенедиктинцы! Главный изъ ихъ монастырей, Монте-Казино, занимаетъ скалистый, почти недоступный, обрывъ горы, который могъ служить въ средніе вѣка надежнымъ убѣжищемъ и твердынею для религіи и цивилизаціи. Но вообще бенедиктинцы устраивали своими монастыри, гдѣ только оказывалось возможнымъ, въ какомъ либо уединенномъ уголку горы, подальше отъ городского шума и тревогъ, что особенно нравилось имъ при ихъ любви къ занятіямъ и наукамъ. Эттальскій монастырь основанъ въ 1332 г. императоромъ Людо-

викомъ, затѣмъ уничтоженъ въ 1803 г., и теперь находится во владѣніи одного баварскаго дворянина, который обратилъ нѣкоторую часть онаго въ пивоварню.

Въ монастырѣ находится нѣсколько хорошихъ образовъ, сдѣланныхъ тирольскими художниками, и прекрасный потолокъ, устроенный Кноллеромъ; но самая замѣчательная въ немъ святыня—это чудотворный образъ Богородицы, который, какъ говоритъ мѣстное преданіе, былъ врученъ Людовику—ангеломъ.—Напротивъ монастыря стоитъ высокая мачта, красиво убранная разными призмами, по случаю торжества въ Оберъ-Аммергау.

Въ трехъ миляхъ за Этталскимъ монастыремъ лежитъ селеніе Оберъ-Аммергау, въ долинѣ Аммера, небольшой, чистой рѣчки, отъ которой получило свое названіе самое селеніе. Оно совсѣмъ окружено горами, покрытыми соснами. Селеніе было освѣщено солнечными лучами, и выглядывало очень красиво, когда мы подѣхали къ нему вчера, въ половинѣ третьяго. Мы немедленно остановились у дома одной почтенной женщины, которая обѣщалась приготовить для насъ помѣщеніе. Она оказалась очень любезною и доброю, и твердо сдержала свое слово.

Ея собственный домъ былъ наполненъ гостями, и она достала для насъ комнаты въ домѣ одного сельскаго школьнаго учителя, по фамиліи Гутжель. Ничто не могло быть лучше этого, потому что нашъ хозяинъ былъ не только школьнымъ учителемъ въ Оберъ-Аммергау, но, кромѣ того, почтмейстеромъ, пономаремъ, и на настоящее время дерижеромъ оркестра, при представленіяхъ страстныхъ мистерій. Онъ разговорчивъ, уменъ, и весьма общителенъ, такъ что, когда его жена готовила для насъ обѣдъ, онъ предложилъ намъ осмотрѣть театръ, заранѣе выбрать себѣ удобныя мѣста на завтрашнее представленіе.

Театръ, деревянное зданіе, находится на самомъ выѣздѣ изъ селенія, между двумя рядами тополей, и очевидно построено по образцу древняго греческаго театра. Его просценіумъ безъ кровли, за исключеніемъ той части по срединѣ, въ которой главнымъ образомъ происходятъ дѣйствія и представляются живыя картины. Передъ просценіумомъ виситъ занавѣсъ, на которой изображено звѣздное небо, съ аллегорическими фигурами вѣры, надежды и любви, а на самомъ верху нарисованъ баснословный пеликанъ, питающій птенцовъ изъ разрываемой своей груди. На лѣво отъ

просцениума—видится домъ Пилата, а направо—домъ первосвященника Анны; за ними же тянутся вдаль—улицы Иерусалима. Мѣста въ аудиторіи поднимаются ярусами вверхъ, какъ въ древнихъ греческихъ театрахъ. Четыре пятыхъ изъ нихъ не болѣе, какъ открытыя скамьи, подъ открытымъ небомъ и безъ всякой покрывки. Сзади ихъ, отдѣляясь только деревянною перегородкою, стоитъ рядъ красивыхъ камышевыхъ стульевъ, и въ срединѣ его два большихъ кресла, назначенныя по словамъ нашего проводника, для особъ королевской фамиліи. За креслами тянется рядъ деревянныхъ скамеекъ, обитыхъ матеріею, и покрытыхъ коврами. Эта часть аудиторіи прикрыта сверху небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ, дѣйствительно защищающимъ зрителей отъ дождя и солнца. Входъ въ театр—по билетамъ: самая высокая цѣна пять шиллинговъ (2 р. 50 к.); и распорядителей театра никакъ нельзя заподозрить въ корыстолюбіи, такъ какъ запросъ на билеты такъ великъ, что они могли брать цѣну, какую имъ угодно.

Этимъ утромъ, въ восемь часовъ, я слушалъ позднюю обѣдню въ сельской церкви; церковь, довольно обширная, была наполнена, что называется, *биткомъ*, и мнѣ никогда не приходилось видѣть такого благоговѣнія въ молящихся, какъ въ этой церкви. Всѣ, безъ исключенія, старые и молодые, имѣли передъ собою молитвенники на отечественномъ языкѣ, и, очевидно, безъ затрудненія слѣдили за ходомъ службы. По пропѣтіи Символа вѣры, священникъ ушелъ въ ризницу, въ которой снялъ съ себя ризу, и взошелъ на кафедру въ одномъ подризникѣ и эпитрахили. Преклонивъ колѣна, онъ прочиталъ краткую молитву; затѣмъ всталъ, и сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ относительно празднованія текущей недѣли, въ заключеніе, прочитавъ дневное евангеліе, и, взявъ изъ онаго одинъ текстъ, сказалъ хорошую проповѣдь, продолжавшуюся около получаса. Въ проповѣди онъ особенно много говорилъ о томъ, съ какими христіанскими чувствами должно смотрѣть на предстоящее религіозное зрѣлище. По окончаніи проповѣди, въ заключительной молитвѣ въ оной, онъ сказалъ по нѣмецки: *Господь съ вами!* на что конгрегація единогласно отвѣчала: *и со духомъ твоимъ*. Вслѣдъ затѣмъ онъ обернулся къ Востоку, и началъ чтеніе апостольскаго Символа вѣры на нѣмецкомъ языкѣ, который за священникомъ повторяли всѣ нахо-

дящіеся въ церкви. По окончаніи Символа, всѣ преклонили колѣна, и священникъ прочиталъ молитву: *Отче нашъ!* послѣ чего была проѣта эктенія при участіи всѣхъ мужчинъ и женщинъ. Послѣ эктеніи священникъ сошелъ съ кафедры, надѣлъ на себя ризу, и продолжалъ остальную часть литургіи. Кромѣ поздней литургіи въ этотъ день было еще четыре раннихъ, и при всѣхъ нихъ присутствовало множество богомольцевъ.

Въ продолженіе цѣлаго дня шелъ небольшой, съ перемежкой, дождикъ, и я начиналъ уже опасаться, что и завтра также, съ утра, будетъ дождливая погода, но г. Гутжель всегда смотритъ свѣтло на вещи, и увѣрилъ такъ, что сегодняшній дождь есть признакъ хорошей погоды на завтра. Все селеніе переполнено посѣтителеми, и я очень удивлялся тому, какъ жители могутъ снабдить необходимою провизіею множество гостей, которые продолжали пріѣзжать и пріѣзжать въ продолженіе всей ночи. Я только что воротился съ прогулки по селенію, и вся долина представлялась мнѣ какъ бы запруженною идущими и ѣдущими. Способы путешествія различны, кто пѣшкомъ, кто верхомъ на лошади, а кто въ самыхъ разнообразныхъ повозкахъ, многіе изъ пріѣхавшихъ, конечно, должны спать на открытомъ воздухѣ, не смотря на дождь.

Многіе изъ читателей, конечно, знакомы съ началомъ и происхожденіемъ оберъ аммергаускихъ „*страстныхъ игръ*“, но для тѣхъ, которые мало знакомы съ ними, я постараюсь передать вкратцѣ ихъ исторію.

Въ 1633 году въ окрестностяхъ Аммерталя (Аммерской долины) свирѣпствовала эпидемическая болѣзнь, грозившая опустошить все народонаселеніе. Жители Аммерталя приняли всевозможныя предосторожности для охраненія своей долины отъ страшной язвы, но безуспѣшно. Одинъ изъ туземцевъ Аммерталя, работавшій лѣтомъ Ешлохъ въ качествѣ поденщика, успѣлъ избѣжать карантина и пробрался въ долину потайнымъ ходомъ съ тѣмъ, чтобы отпраздновать съ своимъ семействомъ годовой церковный праздникъ. Онъ занесъ заразу съ собой, и на другой день своего прибытія самъ первый сдѣлался жертвою оной. Въ три недѣли умерло восемьдесятъ четыре человека изъ небольшого числа жителей долины; и уstraшенные, оставшіеся въ живыхъ, жители, отчаявшись въ человѣческой помощи, обратились съ

мольбою къ Богу, и дали торжественный обѣтъ, что, если Онъ услышитъ ихъ молитвы и удалитъ отъ нихъ заразу, то черезъ каждые десять лѣтъ въ *благодарное воспоминаніе, для христіанскаго назиданія, они будутъ представлять, съ помощію Всевышняго Страданія Иисуса Спасителя міра*. Такъ говоритъ мѣстное преданіе, прибавляя къ тому, что молитва была услышана, такъ какъ послѣ обѣта никто не умеръ отъ заразы, хотя и многіе подвергались оной. На слѣдующій годъ впервые были представлены въ оберъ-Аммергау *Страсти Господни*, и съ тѣхъ поръ представленіе оныхъ непрерывно продолжалось черезъ каждые десять лѣтъ до настоящаго времени. Передъ каждымъ представленіемъ испрашивалось позволеніе короля, которое всегда и давалось. Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ представленія были усовершенствованы въ текстѣ и музыкѣ; въ первомъ отношеніи—однимъ изъ монаховъ Эттальскаго монастыря, по имени Оттмаромъ Вейсомъ, въ послѣднемъ же—Рохомъ Дедлеромъ, который родился въ 1779 г. сдѣлался школьнымъ учителемъ въ Оберъ-Аммергау въ 1802 г., и умеръ въ 1822 г. Кости его покоятся на приходскомъ сельскомъ кладбищѣ, но память о немъ доселѣ еще жива въ сердцахъ признательныхъ поселянъ, именно она сохранилась и въ той гармонической музыкѣ, съ которою онъ ознакомилъ ихъ, и которую они никакъ не хотятъ предать печати. Они не позволяютъ никому скопировать ни одной мелодіи, ни одной даже строчки. Либретто представленій всегда можно имѣть въ изобиліи, но въ нихъ вы не найдете ни одной музыкальной ноты, а единственно только слова гимновъ, и другихъ пѣснопѣній. Все прочее заучивается наизусть и держится въ строгой тайнѣ дѣйствующими въ религіозной драмѣ лицами. Посѣтителемъ воспрещено на представленіяхъ имѣть передъ собою нотную бумагу.

По всей вѣроятности—никогда не было здѣсь столько посѣтителей, какъ въ ночь на Воскресенье. Толпы музыкантовъ оглушали воздухъ музыкой съ самаго начала вечера, и почти въ продолженіе всей ночи по улицамъ слышались человѣческіе голоса, шумъ шаговъ и скрипъ колесъ различныхъ повозокъ. Жители Оберъ-Аммергау начали наступившій день молитвою къ Тому, страданія Котораго должны быть представлены въ лицахъ *«въ благодарное воспоминаніе и для христіанскаго назиданія»*. Ежечасно съ трехъ до семи часовъ утра совершались литургіи. Наша хо-

зайка собрала завтракъ для меня и моего друга въ шесть часовъ, а въ семь мы были уже у дверей театра.—День былъ нѣсколько пасмурный. Ночью, и рано по утру, шелъ дождь, но теперь онъ пересталъ. Не смотря на то погода была довольно пріятна. Небо казалось свинцоваго цвѣта, и окружающія горы были покрыты густымъ туманомъ до самаго низа. Возшедши въ театръ, мы увидали, что онъ уже биткомъ набитъ посѣтителями, за исключеніемъ сравнительно небольшой части, которая была покрыта кровлей. Она была занята только на половину. Мы подали билеты, добытыя для насъ г. Гутжедемъ, и насъ посадили на два самые лучшія мѣста, т. е. на кресла, назначенныя было для особъ королевской фамиліи, о чемъ я замѣтилъ выше. Изъ особъ королевскаго дома не присутствовалъ никто, и вотъ любезный хозяинъ постарался достать свободныя кресла для насъ. Въ виду того, что представленіе должно было продолжаться восемь часовъ съ половиною, только съ часовымъ антрактомъ, мы нашли очень удобнымъ и пріятнымъ имѣть подобныя прекрасныя мѣста, съ выступами для нашихъ либретто. Еще не пробило восьми часовъ, а театръ уже былъ наполненъ до невозможности, и представлялъ очень красивую картину. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись разнообразныя костюмы, начиная съ сдѣланныхъ по послѣдней парижской модѣ и кончая традиціоннымъ костюмомъ тирольскаго горца, состоящаго изъ охотнической куртки съ зеленымъ воротникомъ и лацконами, жилета, украшеннаго цѣлымъ рядомъ блестящихъ пуговицъ, — короткихъ панталонъ, недоходящихъ на два вершка до колѣнъ, и зеленыхъ шерстяныхъ штиблетъ, которые покрываютъ только икры ногъ, оставляя голыми колѣна и небольшую часть ноги. На головѣ они обыкновенно носятъ красивую шляпу съ страусовымъ перомъ, которая очень идетъ къ остальной части ихъ костюма. Во время дождя, поверхъ этого костюма Тирольцы носятъ еще широкій плащъ съ отвергіемъ въ срединѣ для головы, очень похожій на бедуйскій бурнусъ. Иногда онъ сдѣланъ изъ шерсти, но если тиролець—щеголь, то изъ другаго какаго либо цѣннаго матеріяла.—Нѣкоторые изъ женщинъ были съ непокрытыми головами, съ красиво убранными назади волосами, а другія въ капорахъ изъ тюленьей кожи, нѣсколько похожихъ на мѣховые капоры, которые носятъ русскими женщинами зимой.

Оркестръ занялъ свои мѣста за четверть до восьми часовъ, и сыгралъ очень хорошую увертюру. По окончаніи оной, послышался пушечный выстрѣлъ, и, прежде чѣмъ его эхо замерло въ ущельяхъ горъ, ровно въ восемь часовъ на сцену выступилъ хоръ. Онъ состоялъ изъ двадцати пѣвцовъ—восьми мушницъ и двѣнадцати жевщицъ; мушницы находились въ срединѣ, а съ обѣихъ сторонъ по шести жевщицъ. Всѣ они были одѣты почти одинаково, именно имѣли длинные, падающіе по плечамъ волосы, набѣленные лица, и носили на ногахъ сандалии, такъ что иногда поль можно было распознать развѣ только по голосу. Одежда состоитъ изъ широкаго платья, поверхъ котораго спускается до колѣнъ бѣлая муслиновая туника, обшитая кружевами, а сверхъ оной опять длинный плащъ, открытый спереди, и спускающійся сзади почти до земли. Плащи и одежды были различныхъ цвѣтовъ—нѣкоторыя пурпуроваго, другія—краснаго, а третьи—голубаго; но туники всѣ, безъ исключенія, были бѣлаго цвѣта. Пѣвчіе вышли изъ боковыхъ дверей просцениума, и расположились въ рядъ по росту, — высокаго роста въ срединѣ, а прочіе по бокамъ, такъ что представляли изъ себя нѣчто въ родѣ натянутаго лука. Представленіе состоитъ изъ бѣлаго ряда послѣднихъ дѣяній земной жизни нашего Господа, и передъ каждымъ изъ нихъ являются одинъ или два прообраза изъ Ветхаго Завета, представляемые въ *живыхъ картинахъ*. Обязанность хора состоитъ въ томъ, чтобы объяснять каждый прообразъ зрителямъ съ приличнымъ нравоученіемъ. Корифей, красивый мушниця, баритонъ, съ черною бородою, — единственный мушниця въ хорѣ, имѣвшій бороду, — пѣлъ, или речитатировалъ, краткое объясненіе прообраза и слѣдующаго за онымъ дѣйствія. Велѣдъ за нимъ хоръ пѣлъ подробнѣйшее объясненіе, обыкновенно заканчивавшееся нравственнымъ обращеніемъ къ слушателямъ. Пѣніе было удивительно гармонично, и оно постоянно разнообразилось то тріо, то дуэтами и солами.

Живыя картины—верхъ совершенства по своему живому реализму и артистическому выполненію.

Представленіе начинается объяснительнымъ прологомъ двухъ картинъ. Въ первой видны Адамъ и Ева, изгоняемые изъ райа херувимомъ, съ вертящимся огненнымъ оружіемъ. Во второй виденъ крестъ съ человѣкомъ, приникшимъ къ оному въ колѣнопрекло-

ненномъ положеніи, и группою маленькихъ дѣтей, стоящихъ на колѣнахъ, тогда какъ хоръ, также преклонившій колѣна, пропѣлъ слѣдующую грустную мелодію. „О, Вѣчный! Услыши дѣтскую молитву чадъ Твоихъ, которые, съ святымъ трепетомъ, собрались преклониться предъ великою жертвою“. И, за тѣмъ, онъ дѣлаетъ слѣдующее нравственное обращеніе къ слушателямъ: „Слѣдуйте по стезямъ нашего Искушителя, прошедшаго тернистымъ путемъ страданій и смерти и Своею Кровію пріобрѣтшаго намъ побѣду!“

При этихъ словахъ занавѣсъ падаетъ, хоръ удаляется, и когда, послѣ краткаго промежутка, занавѣсъ снова поднимается, то вы видите передъ собою пеструю толпу мушницъ, женщинъ и дѣтей, въ восточныхъ костюмахъ и съ вѣтвями въ рукахъ. Всѣ они радостно восклицаютъ и оживленно бѣгутъ впередъ, среди этой радостной толпы рельефно выдается величественная личность чело-вѣка, одѣтаго въ пурпуровую мантию и червленннй хитонъ и ѣдущаго на ослѣ. У этого чело-вѣка необыкновенно прекрасное лицо, но взглядъ его грустенъ и печаленъ, и его темнорусые волосы, съ проборомъ среди чела, кудрями падаютъ по плечамъ. Это Іосифъ Майеръ, занимавшій въ 1881 году главную роль, роль Христа. Его лицо съ оливковымъ оттѣнкомъ, но кожа шеи поражаетъ своею бѣлизною. Ростомъ онъ выше шести футовъ, и вся осанка вообще такова, что любой скульпторъ могъ бы избрать его моделью для любого изъ своихъ произведеній. Когда процессія начинаетъ спускаться съ Масличной горы, хоръ поетъ привѣтственную пѣснь сыну Давидову, грядущему во имя Господне. При въѣздѣ на іерусалимскія улицы, Христосъ слѣзаетъ съ осла, идетъ прямо въ храмъ, и изгоняетъ изъ онаго торгующихъ и покушающихъ, именно, всѣхъ оскверняющихъ оный служеніемъ мамонѣ.

Слѣдующая сцена открывается живою картиною „братьевъ Іосифа, злоумышляющихъ на его жизнь“. Хоръ поетъ обычное объясненіе и нравственное приложеніе. Вслѣдъ за картиною представляется собраніе первосвященниковъ и фарисеевъ, одушевленно разсуждающихъ о времени и средствахъ предать Іисуса смерти.

Въ слѣдующей за тѣмъ живой картинѣ представляется молодой Товій, прощающійся съ своими родителями, и за нею тотчасъ же слѣдуетъ другая картина, въ которой оставленная невѣста Пѣснь Пѣсней, закликаетъ дочерей іерусалимскихъ сказать

ей вѣсть объ ея возлюбленномъ. Эта картина во всемъ представленіи единственная, которую можно назвать чуждою потрясающаго драматизма; но пѣніе пѣсней, которыми невѣста и іерусалимскія дщери обмѣниваются другъ къ другу—неподражаемо гармонично.

За этими двумя прообразами слѣдуетъ сцена, изображающая прощаніе Христа съ Своею Матерію и друзьями въ Виваніи,—когда Марія помазываетъ Его ноги мвромъ, а Іуда ропщетъ на то, что потрачено драгоценное мвро. Въ четвертой живой картинѣ царь Ахусерь разводится съ своею женою Вашти, и возводитъ на престоль Есѣирь. Гимнъ, служащій къ поясненію этой картины, очень тонко и остроумно указываетъ на прообразовательное значеніе низложенія Вашти и возвышенія Есѣири; именно первое знаменуетъ отверженіе іудеевъ, отказавшихся отъ царскаго приглашенія на брачный пирь, а послѣднее—призваніе на оный презрѣннаго языческаго племени. Но въ концѣ гимна слышится предостереженіе язычникамъ, что и ихъ можетъ постигнуть судь Вашти, если они, подобно ей, рассчитывая на высокія свои права, станутъ злоупотреблять Божественною благодатію.

При вторичномъ поднятїи занавѣса виденъ Христось съ своими учениками, проходящїй Елеонскую гору, во время послѣдняго Своего путешествія въ преступный городъ. На возвышенной мѣстности противоположной стороны вы видите башни, стѣны и зданія древняго Іерусалима, въ тихомъ сіяніи заходящаго солнца съ позлащеннымъ куполомъ храма, вѣнчающаго собой священную вершину. Видъ роднаго города, прекраснаго и нераскаяннаго, спящаго въ мнимой безопасности почти наканунѣ страшной Своей смерти, возмущаетъ духъ Христа Спасителя. Онъ останавливается и оплакиваетъ наступающїй судь города, не познавшаго времени своего посѣщенія. Дѣйствіе происходитъ съ большимъ одушевленіемъ, и прекрасный гимнъ, съ неоднократнымъ повтореніемъ словъ: *Іерусалимъ, Іерусалимъ!*—то звучащихъ грознымъ предостереженіемъ, то замирающихъ въ вопляхъ отчаянія, — производитъ невыразимо сильное впечатлѣніе на душу.

Между тѣмъ двое учениковъ, Петръ и Іоаннь, отсылаются впередъ—заготовить горницу, въ которой Христось долженъ праздновать Свою послѣднюю Пасху, и вы видите ихъ вдали входящими въ Іерусалимъ, имъ попадается на встрѣчу челоуѣкъ, не-

сущій кувшинъ воды, которому они и передають данное имъ приказаніе. Тотъ приводитъ ихъ къ своему хозяину, который узнавъ отъ кого посланные, охотно соглашается на ихъ просьбу. Между тѣмъ Іуда замышляетъ уже предать своего Учителя. Когда другіе ученики оставляютъ Виванскій домъ, послѣ помазанія Марію ногъ Иисусовыхъ, онъ остается сзади ихъ, весь отдавшись своимъ преступнымъ мыслямъ; но вотъ къ нему подходятъ сначала одинъ фарисей, а потомъ другой, которые всячески стараются поддержать инстинктивно угаданную ими зародившуюся преступную мысль въ корыстолюбцѣ. — Іуда сначала какъ бы поражается ужасомъ при томъ намекѣ, что можетъ удовлетворить влеченіямъ своей алчности чрезъ предательство Христа; но, увы, корыстолюбіе уже такъ глубоко пустило корни въ его душѣ, что онъ наконецъ, обѣщается отправиться въ синадріонъ для заключенія условія о платѣ за предательство. — Здѣсь занавѣсъ падаетъ, и слѣдующій актъ послѣдовательно представляетъ двѣ живыя картины, одну — изображающую насыщеніе израильтянъ манною въ пустынь, — и другую представляющую двухъ человѣкъ среди толпы, несущихъ на большомъ шестѣ огромную кисть винограда изъ Ханаана, стоящій же впереди направо и налѣво хоръ пѣвчихъ изъясняютъ въ своемъ гимнѣ, что манна съ неба и виноградная кисть изъ за Иорданской страны, таинственно прообразуютъ Святое Таинство евхаристіи. — Въ этихъ, какъ и въ другихъ картинахъ участвовало почти 300 человѣкъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, и не смотря на то, самый внимательный наблюдатель не могъ бы замѣтить ни малѣйшей неестественной, или натянутой позы; всѣ они были — даже малютки — дѣти трехлѣтняго возраста — неподвижны, какъ мраморныя статуи. За этими прекрасными картинами слѣдуетъ актъ совершенія послѣдней Пасхи и установленія первой Евхаристіи. Господь нашъ и Его ученики являются въ сидящемъ положеніи, какъ то представлено въ извѣстной картинѣ Леонардо-де-Винчи; но Христосъ преподаетъ *освященный* (?) хлѣбъ и вино не по образцу пресвитеріанской церкви. Онъ идетъ кругомъ собранія учениковъ и лично преподаетъ каждому изъ нихъ, послѣ чего опоясуетъ полотенцемъ и умываетъ имъ ноги. И тогда невидимый (скрытый за занавѣсью) хоръ поетъ торжественный гимнь; вслѣдъ за умовеніемъ Христосъ преподаетъ бла-

гословеніе, и, во время спуска занавѣсы, вы видите учениковъ.. слѣдующихъ за своимъ Учителемъ въ садъ Геосиманскій.

Слѣдующая затѣмъ картина представляетъ сыновей Іакова, продающихъ Іосифа каравану мидіанитскихъ купцовъ. Хоръ объясняетъ отношеніе этого прообраза къ гнусному предательству Іисуса Христа—Іудю, и предостерегаетъ слушателей отъ столь гибельной страсти, — корыстолюбія. За симъ слѣдуетъ актъ, представляющій двухъ, уже указанныхъ нами, искусителей, ведущихъ Іуду въ присутствіе собравшагося Синедріона. Послѣ нѣкоторой торговли со стороны Синедріона — сбавить цѣну крови, нечестивецъ соглашается наконецъ взять тридцать серебряныхъ сребренниковъ, и сосчитавъ ихъ съ поспѣшностію преступной совѣсти, торопливо оставляетъ собраніе, при чемъ первосвященники повторяютъ вслѣдъ ему грозное предостереженіе — быть вѣрнымъ своему обѣщанію, и не забывать условнаго знака для предательства. Впрочемъ еще прежде заключенія этой гнусной сдѣлки—Никодимъ и Іосифъ аримаѳейскій требуютъ справедливости и протестуютъ противъ судопроизводства; но ихъ выслушиваютъ съ насмѣшками, и они оставляютъ собраніе въ крайнемъ негодованіи.

Въ слѣдующей картинѣ — представляется прообразъ кровавой агоніи Іисуса Христа въ саду Геосиманскомъ,—именно въ лицѣ Адама и Евы, съ семью дѣтьми, воздѣлывающихъ землю въ потѣ своего лица. Во второй картинѣ изображается прообразъ предательскаго лобзанія Іуды—въ лицѣ Іоава, пронзающаго своимъ мечемъ сердце Амасіи подѣ предлогомъ поцѣлуя.—Іоава окружаетъ множество воиновъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. При открытіи этой картины хоръ поетъ трогательное обращеніе къ скалѣ Гибеонской, на которой совершилось убійство, и которая пустая и обнаженная возвышается позади убійцы и его жертвы. — Занавѣсъ падаетъ, за тѣмъ, чрезъ нѣсколько минутъ поднимается снова, и предъ вами третья картина, прообразующая торжество Христа въ то самое время, когда враги насмѣхались надъ Нимъ, ложно думая, что теперь могутъ дѣлать съ Нимъ все, что угодно. Этотъ прообразъ — Самсонъ, являющійся плѣнникомъ въ капищѣ Дагона. Одинъ изъ столбовъ, поддерживающихъ зданіе, валится, другой, охваченный лѣвою мощною рукою Самсона, также близокъ къ паденію.

За сими тремя картинами—Христось является съ своими учениками въ саду Геосиманскомъ, гдѣ подвергается кровавой агоніи. Этотъ актъ замѣчательнъ по своей необыкновенной естественности, и вмѣстѣ съ тѣмъ по крайнему благоговѣнію, съ которымъ совершается. Когда Спаситель падаетъ на землю въ третій разъ, въ страшной душевной тоскѣ, Ему является съ неба ангель съ чашею въ рукахъ, и съ укрѣпляющимъ словомъ утѣшенія. Явленіе ангела ободряетъ Его, и Онъ возвращается къ тремъ ученикамъ, которыхъ снова застаетъ спящими. Онъ убѣждаетъ ихъ бодрствовать, и говоритъ, что предатель приближается, — остальные ученики видны на заднемъ планѣ сцены, внезапно пробуждающимися отъ сна при приближеніи воиновъ, предводимыхъ Иудою, съ факеломъ въ рукахъ. За тѣмъ слѣдуетъ точное повтореніе евангельскаго повѣствованія — именно—лобзаніе Иуды, дружески укоризненный вопросъ Христа, обращенный къ нему, паденіе воиновъ на землю при произнесеніи Его страшнаго Имени, урѣзаніе уха Малху ревностнымъ Петромъ, исцѣленіе его—Христомъ и пр. За тѣмъ воины схватываютъ Іисуса, связываютъ назадъ Ему руки, и уводятъ съ собою.—Ученики разбѣгаются; но Іоаннъ, въ сопровожденіи Петра, возвращается назадъ и боязливо слѣдуетъ за мрачною процессіею.

Этимъ заканчивается первая часть представленій, — и наступаетъ часовой интервалъ. — Уже пробило двѣнадцать часовъ, — и большинство зрителей оставляютъ театръ съ тѣмъ, чтобы расправить свои члены и нѣсколько освѣжиться.

Въ часъ по полудни театръ снова наполненъ, и вторая часть представленій начинается очень эффектною картиною событія, описаннаго въ 22-й главѣ 1-й книги Царствъ: (по исчисленію ветхозавѣтныхъ книгъ православною церковію 3-й книги Царствъ) Ахавъ и Иосафать, въ царскомъ убранствѣ, со скипетрами въ рукахъ, сидятъ на своихъ тронахъ. Передъ ними нѣсколько придворныхъ и толпа лжепророковъ Іезавели; а вблизи Ахава стоитъ одинъ только пророкъ Господень Михей, и Седекія, глава пророковъ Іезавели, готовится задушить его. Это, какъ объясняетъ хоръ, прообразъ Христа, заупеннаго воиномъ за правдивый отвѣтъ первосвященнику, и служить притчею, иносказующею судьбы истинны во все вѣка. Вы легко можете купить розы и лавры, поеть хоръ, путемъ лжи, лицемѣрія и лести, но всякій неминуемо прекло-

нится предъ истинною, потому что она презираетъ льстецовъ, и — недоступна подкупу.

Послѣ этой картины видится Христось, влекомый толпою воиновъ и неистовыхъ священниковъ къ дому Анны, который немедленно является передъ толпою на балконѣ своего дома. Между первосвященникомъ Анною и волнующею толпою внизу завязываются переговоры, и затѣмъ Иисуса ведутъ на балконѣ, и первосвященникъ вопрошаетъ Его объ ученіи. Христось указываетъ на гласность, съ которою Онъ училъ и дѣйствовалъ, и указываетъ въ доказательство сего на тѣхъ, которые слышали Его ученіе и видѣли Его дѣла. Вслѣдъ затѣмъ одинъ изъ воиновъ ударяетъ Его въ ланиту, и получаетъ въ отвѣтъ кроткое замѣчаніе, выраженное словами Евангелія. Затѣмъ Анна отсылаетъ Христа къ Каіафѣ, и занавѣсъ падаетъ.

Слѣдующій актъ представляетъ Христа приведеннымъ на судъ Каіафы, — обвиненнымъ и приговореннымъ къ смерти. Во всѣхъ подробностяхъ этого акта дѣйствующіе строго придерживаются евангельскаго повѣствованія, — и вся сцена ведется съ большимъ одушевленіемъ и тактомъ. Вообще въ ней нѣтъ ничего хоть сколько нибудь похожаго на тривіальность. Правда, что поведение воиновъ и другихъ преслѣдователей очень грубо и непочтительно, но предметъ ихъ оскорбленій и ругательствъ сохраняетъ такое величественное спокойствіе, и показываетъ такое высокое достоинство, что чувства зрителей невольно поражаются жалостію, смѣшанною съ негодованіемъ и ужасомъ. Роль Петра (выполняемая Іаковомъ Геггомъ) выдержана такъ превосходно во всей этой сценѣ, что она невольно затрогиваетъ сердце. Тотъ, который еще такъ недавно выказывалъ свое пылкое мужество, теперь боязливо крадется за ев. Іоанномъ (Іоаннъ Цвинкъ) къ врагамъ дома первосвященника, и дотолѣ отказывается войти въ оный, пока Іоаннъ не получилъ особеннаго для него дозволенія отъ одного изъ слугъ. И даже тогда Петръ входитъ украдкою, какъ бы боясь собственной своей тѣни. По временамъ онъ подходитъ къ огню, вокругъ котораго воины разсуждаютъ о важномъ событіи ночи, но тотчасъ отбѣгаетъ въ сторону, лишь только замѣчаетъ, что кто нибудь смотритъ на него. Во время одной изъ этихъ тщетныхъ попытокъ отогрѣться — Петръ дѣлаетъ свое троекратное отреченіе; и вотъ при послѣднемъ пѣніи пѣтуха, Иисуса выводятъ съ связан-

ными назади руками, и онъ бросаетъ на Петра такой выразительный взглядъ, что тотъ плачетъ горькими слезами скорби въ теченіе всей остальной своей жизни. Этому акту предшествуютъ двѣ живыя картины. Первая представляетъ Навуоюя, побиваемаго на смерть камнями за богохульство, по показанію жесвидѣтелей. Во второй изображается многострадательный Іовъ, сидящимъ на грудѣ мусора, на заднемъ дворѣ, тогда какъ его жена, стоящая напротивъ съ злою, насмѣшливою улыбкою на лицѣ, совѣтуетъ ему произнести хулу на Бога и — умереть.

Въ слѣдующемъ затѣмъ актѣ—Синедріонъ, послѣ совѣщанія, утверждаетъ смертный приговоръ надъ Христомъ, составленный на судѣ Каіафы. Во время означеннаго дѣйствія на сценѣ является Іуда, полный раскаянія въ своемъ злодѣяніи. Понятіе, составленное оберъ-аммергаускими артистами о мотивахъ преступленія предателя, кажется таково, что онъ предалъ своего Учителя частію вслѣдствіе корыстолюбія, а частію по враждѣ на Іисуса за обличенія, милосердно высказываемыя ему Христомъ при различныхъ случаяхъ, и что онъ вовсе не думалъ, что предательство должно окончиться такою роковою трагедіею. Онъ зналъ чудесную силу своего Учителя, и видѣлъ, что Тотъ не разъ обращалъ въ ничто злобныя покушенія своихъ враговъ, когда, повидимому, совершенно находился въ ихъ власти. Безъ сомнѣнія Іуда надѣялся на это, и не страшился никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Но видя, что Христосъ или не хочетъ, или не можетъ спасти Себя, и долженъ умереть на самомъ дѣлѣ, онъ проникся теперь такимъ ужасомъ къ содѣянному имъ злодѣянію, что бѣжитъ въ собраніе Синедріона, чтобы излить предъ нимъ угрызненія своей совѣсти, и, если возможно, отвратить Синедріонъ отъ его преступнаго рѣшенія. Но его дикая скорбь, и отчаянныя жалобы, выслушиваются съ хладнокровною насмѣшкою тѣми, которые употребили его для своихъ цѣлей, и теперь напоминаютъ ему, что онъ получил свою награду, и что его раскаяніе до нихъ не касается. Это такъ тяжело, что несчастный предатель не можетъ вынести. Онъ бросаетъ свой кошелекъ, содержащій цѣну крови, въ собраніи синедріона, и самъ поспѣшно убѣгаетъ. Вскорѣ вы снова видите его бродящимъ по открытой мѣстности, и готовящимся совершить надъ собою самоубійство на вѣтвяхъ близъ растущаго дерева; но тутъ занавѣсъ падаетъ. Григорій Лехнеръ выполняетъ эту

роль мастерски. Означенному акту предшествуетъ живая картина, въ которой Каинъ съ дубиною въ рукахъ стоитъ надъ трупомъ своего убитаго брата, Авеля, тогда какъ въ отдаленіи видна женщина съ пятью дѣтьми, одинъ изъ которыхъ ведетъ ягненка. Хоръ поетъ въ это время объясненіе картины, замѣчательное по своему субъективному представленію объ адѣ. Адъ обыкновенно представляется огнемъ, сжигающимъ грѣшника внутри и снаружи. Но не такъ понимаютъ это тирольскіе артисты, выполняющіе роль Каина и Иуды.

Каинъ и Иуда бѣгутъ изъ мѣста обитанія людей; но тщетно: не умирающій червь и огонь не угасающій свирѣпствуютъ въ преступной душѣ грѣшника. Они могутъ, конечно, скрыться отъ своихъ ближнихъ, бѣжать отъ мѣста своего преступленія, но не могутъ скрыться отъ самихъ себя: невыносимая тяжесть жизни гнѣтетъ ихъ; и такимъ образомъ адъ начинается для нихъ еще въ настоящей жизни.

Въ слѣдующемъ затѣмъ актѣ,—которому предшествуетъ живая картина враговъ Даніила съ ихъ обвиненіями противъ него въ богохульствѣ и измѣнѣ царю—представляется Христосъ, обвиненный Пилатомъ, и, послѣ продолжительной бесѣды, отсылаемый къ Ироду. Послѣдній принимаетъ Его съ нѣкоторою снисходительностію, въ надеждѣ видѣть отъ Него какое-либо чудо. Но Христосъ сохраняетъ величественное молчаніе, и Иродъ обманутый въ ожиданіи, отдаетъ Его на жертву грубыхъ ругательствъ воиновъ, которые, одѣвъ въ бѣлую одежду, ведутъ Его обратно къ Пилату. Передъ актомъ:—„Христосъ на судѣ Ирода“, открывается живая картина, представляющая ругательства царя Аммона надъ слугами Давида (2 Цар. 10).

Слѣдующій актъ—на судѣ Пилата—очень продолжителенъ и потрясающъ. Онъ служитъ вѣрнымъ повтореніемъ евангельской исторіи, впрочемъ съ прибавленіемъ нѣсколькихъ вымысловъ, какъ напримѣръ, введеніе Вараввы двумя тюремщиками, и за нимъ уже двухъ разбойниковъ. Весь актъ раздѣляется на двѣ части, и каждой части предшествуютъ два прообраза, въ двухъ отдѣльных картинахъ. Въ первомъ отдѣленіи братья Иосифа показываютъ своему отцу разноцвѣтную его одежду обогренную кровію; а за нею слѣдуетъ картина, представляющая Авраама на горѣ Морія въ минуту закланія своего сына Исаака. Его поднятая

вверхъ рука удерживается голосомъ съ неба, и онъ видитъ ягненка, закутавшагося рогами въ кустарникъ. Хоръ объясняетъ это какъ бы прообразомъ Господа, увѣнчанаго терновымъ вѣнцомъ — Картины втораго акта: *Иисусъ на судѣ у Пилата* — суть: (1) Иосифъ, возвышенный въ Египтѣ, и ѣдущій въ Фараоновой колесницѣ среди ликующей толпы народа; 2) — сыны Израилевы въ пустыни, бросающіе жребій надъ козломъ отпущенія.

Теперь мы приближаемся къ послѣднему акту священной драмы; и вниманіе зрителей, неослабно поддерживаемое въ предыдущее время, теперь становится какъ-то болѣзненно натянутымъ и напряженнымъ. Видъ природы на этотъ разъ также хорошо гармонировалъ съ чувствами многолюднаго собранія въ театрѣ. Небо — сумрачно и покрыто тучами, а живописныя формы сосѣднихъ горъ покрыты волнующимся прозрачнымъ туманомъ.

Означенному акту послѣдовательно предшествуютъ три живыя картины, — всѣ прообразующіе послѣднія дѣйствія страданій Спасителя.

Въ первой виденъ Исаакъ, входящій на гору Моріа — съ связкою дровъ за спиною. Отецъ держитъ его за руку, а въ другой его рукѣ — сосудъ съ жертвеннымъ огнемъ. За нею слѣдуютъ двѣ картины, производящія необыкновенный эффектъ по своему сюжету. Вотъ въ пустынѣ расположились лагеремъ израильтяне, и среди палатокъ ползаетъ и извивается множество ядовитыхъ змѣй, одни извиваются головою въ воздухѣ, другіе ползаютъ по землѣ, гдѣ малые дѣти невинно и беззаботно играютъ съ ними, сознавая опасность только по полученіи губельной язвы. — Занавѣсъ падаетъ, и когда снова поднимается почти тотчасъ-же, — вы видите ту-же толпу, но въ различныхъ положеніяхъ. Среди лагеря возвышается древо, съ повѣшеннымъ на ономъ мѣднымъ змѣемъ, на котораго устремлены молящія взоры, получившихъ уязвленіе. — Занавѣсъ снова падаетъ, и у зрителей захватываетъ дыханіе. Вотъ слышится шумный и громкій говоръ, раздаются гдѣ-то восклицанія, вотъ во главѣ неистово возбужденной процессіи, выходящей изъ однихъ воротъ Иерусалима, видится сотникъ на сѣрой лошади. Процессія двигается тихо, и на встрѣчу ей, съ противоположной стороны, приближается мать Христова, Марія Магдалина съ другими женами и св. Іоанномъ. Всѣ они въ страпномъ волненіи, и вотъ предъ ними *Человѣкъ скорбей*^с, окровавленный, по-

руганный и склонившійся подъ тяжестью Своего креста, который Онъ, очевидно, не можетъ нести далѣе. Нѣкоторые изъ воиновъ, замѣтивъ это, схватываютъ Симона Киренея, возвращавшагося съ поля, и принуждаютъ его понести крестъ.

Въ это время Вероника, въ сопровожденіи двухъ другихъ женщинъ, выходитъ изъ своего дома, и выполняетъ роль, назначенную ей въ легендѣ,—единственный случай во всемъ представленіи, не имѣющей для себя прямого основанія въ Евангеліи. Приближаясь въ Голгофѣ, Христось обращается къ плачущимъ дщерамъ іерусалимскимъ съ хорошо извѣстными словами Евангелія, и вскорѣ исчезаетъ въ толпѣ по направленію къ Голгофѣ.

Когда наконецъ за декораціями скрылась вся процессія,—хоръ выступаетъ на подмостки уже въ черныхъ мантияхъ, и начинаетъ пѣть раздирающую душу мелодію о страданіяхъ Того, Который любить, безмолствуетъ, страдаетъ, терпитъ и прощаетъ. По временамъ, къ стройнымъ звукамъ этой мелодіи примѣшиваются дисгармоническіе удары въ барабанъ, и вы содрагаетесь, предчувствуя ту сцену, которую они зловѣще предвозвѣщаютъ. По окончаніи хоромъ аріи — занавѣсъ взвилась, и вы видите передъ собою два креста съ висящими на нихъ разбойниками. Между ними видится лежащій на землѣ крестъ большихъ размѣровъ съ пригвожденнымъ къ оному окровавленнымъ, истощеннымъ лицомъ, представляющимъ Богочеловѣка, этотъ крестъ медленно поднимаютъ и утверждаютъ въ землѣ, глава Распятаго среди разбойниковъ увѣнчана терніемъ а лице Его обагрено кровію. Вы видите гвоздины головки въ Его рукахъ и ногахъ, и кровь, текущую изъ ранъ. Конечно вы знаете, что Его руки не прободены гвоздями, но тщетно стараетесь открыть иллюзію и разсмотрѣть то, съ помощію чего Онъ пригвожденъ ко кресту.—Г. Гутжель, директоръ оркестра, увѣрялъ насъ, что даже онъ самъ не знаетъ этотъ секретъ, который открытъ подъ строжайшею тайною только тому лицу, которое представляетъ Христа, и тѣмъ, которые привязываютъ его ко кресту и снимаютъ его. У меня былъ въ рукахъ отличный бинокль, но, при самомъ напряженномъ изслѣдованіи, я не могъ открыть ничего, что-либо похожее на веревку или перевязку; только около правой кисти руки мнѣ казалось какъ будто что то въ родѣ ремня тѣлеснаго цвѣта. Іосифъ Майеръ, представляющій лице Распятаго, одѣтъ въ плотно прилѣга-

ющую къ тѣлу одежду тѣлеснаго цвѣта, такъ что онъ могъ быть привязанъ къ кресту ремнемъ вокругъ груди и ручныхъ кистей; публикѣ, конечно трудно было бы замѣтить эту продѣлку. Для ногъ распятаго, правда сдѣлано не большое подножіе, но такъ какъ онѣ лежать одна на другой, то и помощь, доставляемая подножіемъ, незначительна. Веревокъ совсѣмъ нѣтъ, и тѣло снимается съ креста посредствомъ изыятія гвоздей изъ рукъ и ногъ, а не черезъ развязываніе перевязокъ. Вы видите, какъ на самомъ дѣлѣ вытаскиваютъ гвозди изъ рукъ и ногъ, и какъ охладѣвшіе члены безжизненно опускаются, — физическія усилія со стороны лица, представляющаго роль Распятаго на крестѣ, должны быть чрезмѣрны. Онъ висѣлъ на крестѣ ровно семнадцать минутъ, и послѣ снятія со креста, даже простымъ глазомъ можно было замѣтить капли пота, покрывавшія края креста. Всѣ обстоятельства распятія, какъ то: семь словъ на крестѣ, и другія, упоминаемыя въ Евангеліи, были выполнены съ удивительною точностію. Сама природа, казалось, помогала правдоподію сцены, потому что надъ всею мѣстностію висѣлъ густой туманъ въ то время, какъ пригвожденный ко кресту страдалецъ произнесъ роковое: *Совершилось!* и склонилъ свою главу на грудь. — Но вотъ виденъ пробирающійся черезъ толпу воинъ, который, подбѣгая къ первосвященнику, сообщаетъ ему, что завѣса церковная раздралась сверху до ризу. Удивленіе, смѣшанное съ ужасомъ, отражается на лицахъ первосвященника и фарисеевъ, при этомъ странномъ извѣстіи; но, вмѣсто того, чтобы смириться, они приходятъ въ вѣщущую злобу, выражая свою ярость скрежетомъ зубовъ, и грубыми жестами, направленными къ центральному кресту. Два разбойника были привязаны къ своимъ крестамъ веревками, и руки ихъ не были распростерты, такъ что ихъ положеніе сравнительно не казалось такъ тяжелымъ, какъ положеніе висѣщаго на центральномъ крестѣ.

Но вотъ является на сцену Іосифъ Аримаѳейскій съ приказаніемъ отъ Пилата взять тѣло Іисусово. Вслѣдъ за нимъ къ крестамъ приближаются два воина съ дреколіями въ рукахъ, пробиваютъ руки и голени каждому изъ разбойниковъ; но когда одинъ изъ нихъ подходитъ къ кресту Христу, Марія Магдалина поднимаетъ свою руку и отстраняетъ его. Вслѣдъ за тѣмъ другой воинъ пронзаетъ лѣвый бокъ Христа копьемъ и изъ раны течетъ

кровь, смѣшанная съ водою. Снятіе со креста самое трудное дѣло — было произведено неподражаемымъ образомъ. Къ кресту приставлены двѣ лѣстницы — одна спереди, а другая сзади. По нимъ взошли два человѣка, и продѣли черезъ мышки туловища длинное льняное пологенце, а не широкую простыню, какъ это изображено на картинѣ (Рубенса). Когда былъ вынутъ послѣдній гвоздь изъ руки, одинъ изъ стоящихъ на лѣстницѣ опустилъ конецъ пологенца, и руки, голова и верхняя часть туловища тихо опустились на плечо другаго, стоящаго на передней лѣстницѣ, который такимъ образомъ тихо спустился съ своею ношею на землю. Пусть обратятъ вниманіе только на то, какъ онъ долженъ былъ себя чувствовать, спускаясь съ лѣстницы съ тяжелымъ мертвецомъ на плечахъ, и тогда хоть сколько нибудь поймутъ и оцѣнятъ всю силу и ловкость, съ какими онъ дѣйствовалъ.

Если судить о представленіи съ строго-критической точки зрѣнія, то вѣльзи не пожелать, чтобы оно закончилось распятіемъ, такъ какъ послѣ онаго слѣдуютъ уже факты, относящіеся къ порядку такихъ идей и отношеній, которыя не находятъ себѣ соотвѣтствія въ человѣческомъ опытѣ. и потому не могутъ быть представлены человѣкообразно. Но при этомъ не должно забывать и то, что означенная потрясающая религіозная драма направлена къ назиданію простаго народа, имѣющаго теплое сердце и живое воображеніе, и не слишкомъ любящаго отвлеченныя разсужденія; и мы должны смотрѣть на вопросъ именно съ этой точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія любящихъ критицизмъ туристовъ.

Представленіе Страстей Христовыхъ, въ настоящемъ ихъ видѣ, необыкновенно потрясающее; въ этомъ зрѣлищѣ живая картина паденія человѣка и таинственнаго искупленія, и картина будетъ не полна, и урокъ будетъ преподанъ только на половину, если опустить изъ нея Воскресеніе и Вознесеніе на небо.

Впрочемъ моя задача—записать факты, а не разбирать ихъ критически, и потому я долженъ разсказать въ нѣсколькихъ словахъ, что послѣдовало за актомъ распятія и снятія со креста. Вотъ передъ вами двѣ живыя картины,—одна представляетъ обуреваемый волнами корабль, съ виднѣющимся хвостомъ кита, готоваго исчезнуть подъ волнами, а на отдаленномъ берегу стоящаго Иону, выброшеннаго изъ челюстей кита. Другая—представляетъ египетское войско, потопяющее въ бурныхъ волнахъ Черм-

наго моря. За картинами слѣдовалъ уже торжественный актъ различныхъ обстоятельствъ Воскресенія, какъ то: землетрясеніе, ужасъ и смятеніе римскихъ воиновъ, сверхъ-естественное отъятіе камня отъ гроба, различныя посѣщенія учениковъ и жень къ пустому гробу, различныя явленія Христа, встрѣча въ Галилеѣ и, наконецъ, вознесеніе съ Елеонской горы, и явленіе двухъ ангеловъ. Хоръ является теперь на подмосткахъ въ послѣдній разъ, и поетъ торжественную пѣснь побѣды. По удаленіи его, — публика, давая полную свободу своимъ столь долго сдерживаемымъ чувствамъ, громко и дружно рукоплещетъ и, притомъ замѣтте — только въ первый разъ во время всѣхъ представленій.

Такъ заключился одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ образцовъ древней религіозной драмы, сохранившихся даже до настоящаго времени.

Я отправлялся на эти представленія съ очень неопредѣленнымъ чувствомъ. Судя по тому, что слышалъ и читалъ, я представлялъ себѣ все это не болѣе какъ эффектною выставкою, не чуждою нѣкоторыхъ грубыхъ аффектацій для естественнаго религіознаго чувства человѣка. Такъ казалось мнѣ невозможнымъ представить достойнымъ образомъ на театральныхъ подмосткахъ величественную исторію Геосиманіи и Голгофы. Теперь я увидѣлъ эти представленія, и отправляюсь въ свое отечество съ тѣмъ убѣжденіемъ, что въ театральномъ религіозномъ представленіи возможно соединеніе живой нѣры съ искреннимъ благоговѣніемъ. Мнѣ никогда не приходилось видѣть такого потрясающаго зрѣлища, которое столь сильно могло бы пробуждать самыя возвышенныя и чистыя чувства въ душѣ. Конечно, я не могу отвѣчать за чувства другихъ; но могу сказать только о самомъ себѣ и нѣкоторыхъ другихъ зрителяхъ, съ которыми бесѣдовалъ, что съ самаго начала и до конца представленій, въ нихъ въ высшей степени было возбуждено религіозное чувство. Мы скоро забываемъ о томъ, что самыя глубокія и продолжительныя впечатлѣнія вообще суть тѣ, которыя дѣйствуютъ на умъ чрезъ чувство зрѣнія. Хорошій портретъ друга, находящагося въ отсутствіи, даетъ гораздо лучшее понятіе о немъ, чѣмъ самое блестящее словесное описаніе особенно людямъ, не привыкшимъ къ отвлеченнымъ уместованіямъ. Посредствомъ образовъ, дѣйствующихъ на глазъ, ихъ умъ въ нѣсколько часовъ можетъ воспринять цѣлый

рядъ фактовъ, что заняло бы мѣсяцы, а быть можетъ и годы, безъ помощи живаго и одушевленнаго представленія въ лицахъ; и даже въ такомъ случаѣ впечатлѣніе на половину не будетъ такъ дѣйствительно и продолжительно, какъ то, которое производится на насъ путемъ физическихъ чувствъ. Здѣсь въ одинъ день въ ушахъ и сердцахъ нѣсколькихъ тысячъ зрителей запечатлѣлись исторія и судьбы человѣчества и при томъ такъ, что едва ли когда изгладятся изъ ихъ памяти. Я конечно не отрицаю, чтобы нельзя было достигнуть этого и чрезъ устное, или письменное наставленіе; но не колеблясь скажу, что для произведенія подобнаго дѣйствія нужны годы. Не стыжусь также сознаться, съ своей стороны, что здѣсь я понялъ съ живостію, какой не чувствовалъ никогда прежде, ту чудную связь, котóрая соединяетъ Ветхій Завѣтъ съ Новымъ, такъ что цѣлыя отдѣлы того и другаго, разъединенныя разнообразными условіями мѣста, времени и авторства, представлялись мнѣ какъ бы одною книгою, поучающею одной и той же высокой нравственности, —разсказывающею одну и ту же повѣсть меланхолическо грустной надежды, и указующею на Единое, средоточное Лице, въ Которомъ воплѣтъ осуществились прообразы, псалмы, пророчества и жертвы. И, конечно, *всякій судящій о древѣ по его плодамъ* не откажется дать самый благопріятный отзывъ о несомнѣнно благотворномъ дѣйствіи представленій Страстей Христовыхъ на общественную нравственность. Жители Оберъ-Аммергау отличаются въ особенности своею честностію, религіозностію и доброю нравственностію. Представленія даются настолько чрезъ долгіе промежутки времени, что всегда могутъ сохранять свое важное и серьезное значеніе, нисколько не дѣлаясь отъ того тривиальными, и настолько черезъ короткіе сроки, что постоянно могутъ обновлять и поддерживать нравственное впечатлѣніе въ зрителяхъ. Вы не найдете въ этихъ представленіяхъ ничего такого, что могло бы оскорбить самый строгій *протестантизмъ*. Даже единственная легенда—введенная въ оное, именно впечатлѣніе лика Христа Спасителя на платкѣ Вероники, —не имѣетъ здѣсь чудеснаго элемента. Дѣйствіе этихъ представленій на нравственность частныхъ актеровъ также превосходна, и особенно это можно сказать по отношенію къ тому, который представляетъ роль Христа. Онъ по ремеслу рѣзчикъ на деревѣ, и его поведеніе всегда скромно, благородно и искренно

благоговѣнно. Онъ не имѣетъ обыкновенія много разговаривать съ иностранцами о своей высокой роли; и когда однажды ему предложили вопросъ, не чувствуетъ ли онъ большаго утомленія послѣ столь долгаго физическаго и нравственнаго напряженія въ теченіе дня, онъ живо отвѣчалъ на это: „ахъ, я ничего не чувствую кромѣ высокой чести, которой удостоенъ“. Всѣ дѣйствующіе лица, какъ мужчины, такъ и женщины, выбраны съ строгимъ разборомъ относительно ихъ талантовъ и характеровъ; равно обращено вниманіе и на то, чтобы роли лицъ, враждебно дѣйствующихъ въ зрѣлищѣ, назначать лицамъ извѣстнымъ своею нравственностію, и особенно уважаемымъ, такъ что распорядителей нисколько нельзя заподозрить въ намѣреніи оскорбить кого-либо изъ нихъ. Тоній Флюгеръ, представлявшій роль Пилата въ 1881 году, въ 1850 г. игралъ роль Христа. Онъ лѣщикъ и учитель рисованія; одна дочь его, Франциска, выполняетъ роль св. Маріи; а другая—Юзефа, необыкновенно красивой наружности, состоитъ первымъ контръ-альто въ хорѣ. Вообще женскія роли выполняются не вполне такъ блестяще, какъ мужскія; но это можно извинить тѣмъ, что онѣ должны напрягать свои голоса, чтобы быть слышными на огромномъ разстояніи, отдѣляющемъ ихъ отъ зрителей. Число дѣйствующихъ лицъ въ представленіи, въ общемъ итогѣ, простирается отъ 500 до 600 человѣкъ. Въ Духовъ день посѣтителей въ театрѣ было до 6,000 человѣкъ, и на слѣдующій день назначено второе представленіе почти для такого же числа посѣтителей, не успѣвшихъ достать мѣста въ театрѣ въ первый день.

Д о п о л н е н і е,

содержащее въ себѣ послѣдовательное описаніе дѣйствій и живыхъ картинъ въ представленіи Страстей Христовыхъ, именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ.

Вступительная сцена.

Корифей объявляетъ о началіи драмы, и вслѣдъ затѣмъ хоръ начинаетъ пѣть: *повернитесь въ священномъ ужасѣ, люди, обремененные проклятіемъ Божиимъ, и пр.*

Во время пѣнія двухъ послѣднихъ стиховъ хоръ раздѣляется по срединѣ; одна часть отходитъ на право, другая на лѣво, такъ что зрители свободно могутъ видѣть всю средину театра. Поднимается занавѣсъ, и вотъ предъ зрителями двѣ картины, съ одной стороны—Адамъ и Ева, изгоняемые изъ рая, а съ другой,— Авраамъ, готовившійся заклать сына своего Исаака, лежащаго связаннымъ на жертвеникѣ. Вдали видится агнецъ, запутавшійся рогами въ кустарникѣ.

При открытіи этихъ картинъ, хоръ поетъ слѣдующій гимнъ: „вотъ, какъ нѣкогда Исаакъ на горѣ Моріа, такъ принесетъ Себя въ жертву на Голгофѣ возлюбленный Сынъ Божій въ искупленіе грѣховъ человѣческаго рода“...

Занавѣсъ падаетъ. Хоръ, занявъ свое прежнее мѣсто, продолжаетъ пѣніе: „Милосердный Боже, Ты предаешь Твоего Единороднаго Сына на смерть для искупленія грѣшниковъ, нарушившихъ Твои заповѣди, и для снятія съ нихъ проклятія“...

Занавѣсъ снова поднимается. Въ туманной дали видится высокой крестъ, и предъ нимъ молящіеся люди. Хоръ умолкаетъ, и преклоняетъ свои колѣна; между тѣмъ изъ за кулисъ слышатся гармоническіе дѣтскіе голоса, поющіе слѣдующій гимнъ:

„Превѣчный Боже! Услыши смиренный лепетъ твоихъ дѣтей, потому что дитя можетъ только лепетать, и пр.“...

По окончаніи гимна хоръ расходится на право и на лѣво за сцену. Это—главная суть пролога.

Первый актъ.

Какъ скоро хоръ сходитъ съ передней части подмостковъ, неожиданно слышатся отдаленные крики: *Осанна!* радостно привѣтствующіе Спасителя. Занавѣсъ поднимается. Предъ вами, въ солнечныхъ лучахъ, гористый ландшафтъ Иерусалима. Изъ боковыхъ улицъ бѣгутъ дѣти съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Мушны и женщины увеличиваютъ толпу. Появляется Спаситель, одѣтый въ хитонъ лиловаго цвѣта, и въ темно-красную ризу поверхъ. Почти всѣ Его ученики одѣты бѣдно. Привѣтственный гимнъ, при этой процессіи, и восклицанія народа сливаются удивительно гармонично.

Когда ликующій народъ собирается группами посреди сцены,

съ противоположныхъ улицъ показываются первосвященники и книжники. Затѣмъ слѣдуетъ очищеніе храма. Выходить нѣсколько забавнымъ—растерянность кощунственныхъ торговцевъ при видѣ бѣгущихъ овецъ, лѣтящихъ голубей, и сыплющихся на землю денегъ. Священники стараются вооружить противъ Иисуса народъ; но онъ отличаетъ ихъ лицемѣріе, и поучаетъ народъ истинѣ, мужеству и постоянству. Священники бормочатъ про себя проклятія и грозятъ мщеніемъ, а Христосъ, преподавъ благословеніе народу, возвращается въ Виванію.

Второй актъ.

Хоръ снова является на театральныхъ подмосткахъ. Корифей начинаетъ указаніемъ на то, какъ зависть первосвященниковъ и фарисеевъ была прообразована еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, именно дѣйствіемъ братьевъ Іосифа. Слѣдующій за симъ гимнь служитъ развитіемъ этой темы. Поднимается занавѣсъ. Виденъ колодезь въ Доданѣ, въ который былъ брошенъ братьями Іосифъ. Двое изъ нихъ смотрятъ въ глубь его, тогда какъ другіе стоятъ въ различныхъ позахъ. Хоръ поетъ въ это время: *открой намъ, Господи, тайну* (т. е. тайну видимаго торжества надъ злодѣяніемъ). Гимнь вполне развиваетъ фактъ заговора какъ противъ Іосифа, такъ и противъ Христа Спасителя. Занавѣсъ падаетъ, но хоръ все еще продолжаетъ съ необычайною силою интонаціи призывать мщеніе на злодѣющихъ; затѣмъ голоса становятся тише и тише, замираютъ въ смиренной и покорной молитвѣ предъ тайною Воплощенія, и слова: *Тебѣ, о Боже, принадлежитъ мщеніе!* едва, едва раздаются въ воздухѣ.—Занавѣсъ съ нова поднимается. На соборѣ первосвященники—Анна и Каиафа председательствуютъ, занимая сѣдалища, возвышающіяся предъ прочими. Рядомъ съ ними, впрочемъ нѣсколько ниже, сидятъ два раввина, или клерка первосвященниковъ, на право же и на лѣво—прочіе члены собора. Анна одѣтъ въ бѣлую одежду,—Каиафа въ красную, и оба они имѣютъ на головахъ высокія, шитыя золотомъ, тіары. Анна спокоенъ и имѣетъ нѣсколько лукавый видъ; Каиафа же на-противъ, страстенъ и порывистъ. Послѣдній обращается къ собранію съ горячимъ протестомъ противъ Иисуса, какъ нарушителя религіозной и іудейской народной политики. Но схватить Иисуса

представляется не беззатруднительнымъ. Тогда два члена Синедриона оставляютъ собраніе, и возвращаются въ сопровожденіи толпы изувѣрныхъ и жадныхъ іудеевъ, готовыхъ предать Его за деньги.

Во время бесѣды, одинъ изъ нихъ заявляетъ, что знаетъ Іуду, ученика Іисусова, котораго, по его мнѣнію, можно склонить къ предательству деньгами. При этомъ заявленіи Анна закрываетъ собраніе слѣдующими словами: „Отцы и друзья, не смотря на мои преклонныя дѣла, я готовъ прыгать отъ радости. Я снова чувствую сердечный жаръ и отраду. Мнѣ кажется, что я пробуждаюсь, подкрѣпленный здоровымъ сномъ. Пойдемъ и будемъ дѣлать то, на что рѣшились. Да будутъ благословенны отцы наши Моисей, Исаакъ и Іаковъ!“ При этихъ словахъ занавѣсъ падаетъ.

Третій актъ.

I.

Входитъ хоръ и поетъ благодарственную пѣснь вольной жертвы Господа Іисуса.

Живыя картины: — молодой Товій, прощающійся съ своими родителями, и неутѣшная невѣста Пѣснь Пѣсней.

II.

На улицахъ Виваніи является Христосъ съ своими учениками, и въ послѣдній разъ посѣщаетъ своихъ друзей въ этомъ селеніи. Онъ говоритъ имъ о своей приближающей смерти, и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаетъ общаніемъ придти къ нимъ снова. Петръ возражаетъ противъ его путешествія въ Іерусалимъ, которое, по его словамъ, не общаетъ ничего добраго. Іисусъ предостерегаетъ Іуду. Къ концу бесѣды они приходятъ въ домъ Симона фарисея, семейство котораго выходитъ Іисусу на встрѣчу и приглашаетъ Его войти. Христосъ соглашается. Уготавливается вечеря. Между Христомъ и Его учениками происходитъ оживленная бесѣда о наступающихъ Его страданіяхъ. Марѳа—неутомимо хлопочетъ и заботится о хозяйственныхъ распоряженіяхъ (введеніе здѣсь Марѳы — поэтическая вольность). Входитъ Марія Магдалина въ голубой одеждѣ, поверхъ которой желтый плащъ. Она умываетъ Его ноги и пр. Іуда возстаетъ противъ траты драгоценнаго міра.

Иисусъ встаетъ и прощается. Ученики предостерегаютъ Его отъ путешествія въ Иерусалимъ. При благословеніи тѣхъ, съ которыми онъ разстается, съ противоположной стороны является Его Матерь съ своими спутницами. Она одѣта въ красную одежду, съ блѣдно-голубымъ плащемъ поверхъ. Голова Ея почти совсѣмъ скрывается въ складкахъ покрывала. Она также разубѣждаетъ Его идти въ Иерусалимъ. Лазарь и его родственники присоединяются къ Ея просьбамъ; но Христосъ не соглашается измѣнить свое намѣреніе, кротно замѣчая всѣмъ имъ, что они не понимаютъ еще хода событій. Послѣ того Матерь Его изъявляетъ Свою покорность слѣдующими словами: „*Да будетъ воля Твоя, Сынь мой!*“

Четвертый актъ.

I.

Снова является хоръ, и Корифей говоритъ рѣчитативомъ нѣсколько пояснительныхъ словъ въ объясненіе, какъ Иисусъ сильно желалъ спасти Иерусалимъ, но тотъ не восхотѣлъ. Затѣмъ хоръ, въ прекрасномъ гимнѣ, обращается къ Иерусалиму съ грознымъ предостереженіемъ.

Занавѣсъ поднимается. Живая картина: Вапти и пр. и хоръ въ своемъ гимнѣ объясняетъ этотъ прообразъ.

Занавѣсъ падаетъ. Хоръ занимаетъ свое обычное мѣсто, и снова, въ грустно-трогательной мелодіи, поетъ грозное воззваніе къ Иерусалиму.

Эта картина очень эффектна. На право Ахасуерь сводитъ Вапти съ трона. На лѣво отъ царя стоитъ Есѣиръ. Тронъ окруженъ большою толпою муцинъ и женщинъ.

II.

На пути въ Иерусалимъ является Христосъ съ своими учениками. Злоумышляющій Иуда—сзади всѣхъ. Затѣмъ слѣдуетъ беседа о наступающихъ бѣдствіяхъ Иерусалима. Христосъ посылаетъ Петра и Иоанна приготовить Пасху. Когда Иисусъ начинаетъ говорить о своихъ наступающихъ страданіяхъ, Иуда выступаетъ впередъ, и снова выражаетъ свое сожалѣніе о напрасной тратѣ 300 пенязей, и спрашиваетъ—„не прикажетъ-ли Христосъ заготовить все нужное для учениковъ, прежде чѣмъ покинетъ

ихъ. Иисусъ предостерегаетъ его. Иуда отходить назадъ. Въ это время къ нему подходитъ одинъ изъ іудеевъ, изгнанныхъ изъ храма, и искушаетъ его и пр.

Пятый актъ.

I.

Хоръ поетъ, что въ имѣющей открыться живой картинѣ будетъ показано, какъ Господь, даруя манну Своему народу въ пустынь, и посылая виноградъ изъ Ханаана, прообразовалъ святое Таинство Евхаристіи.

Поднимается занавѣсъ. Хоръ, указывая на картину, продолжаетъ пѣть объяснительный гимнь.

Занавѣсъ падаетъ, и хоръ объясняетъ, какъ святое Таинство спасаетъ отъ духовной смерти, чего не дѣлала манна въ пустынь.

Вторая картина: грозды винограда изъ Ешкола. Хоръ дѣлаетъ истолкованіе этого.

II.

Занавѣсъ снова поднимается; на улицахъ Іерусалима видны два ученика, посланные приготовить Пасху и встрѣчающіе чело-вѣка съ глинянымъ сосудомъ воды. Онъ отводитъ ихъ къ своему домовладыкѣ.—Послѣдняя вечеря.—Послѣ оной между учениками начинается споръ, кому изъ нихъ первенствовать — и пр. Христосъ порицаетъ ихъ тщеславіе и даетъ урокъ смиренія, омывая имъ ноги. Онъ заключаетъ общаніемъ двѣнадцати престоловъ.— За тѣмъ слѣдуетъ установленіе св. таинства Евхаристіи.

Шестой актъ.

I.

Сыны Іакова, продающіе Іосифа. Хоръ объясняетъ это, какъ прообразъ, по отношенію къ Іудѣ, продающаго своего Господа.

Поднимается занавѣсъ.—Картина: Іосифъ, проданный своими братьями, которые, въ живописныхъ пастушескихъ костюмахъ, съ жадностію считаютъ деньги. На заднемъ планѣ видны измаильскіе кущи, стоящіе около своихъ верблюдовъ. Хоръ, указуя на картину, порицаетъ, въ своей пѣсни, злобу братьевъ Іосифа, продающихъ за деньги свою плоть и кровь, и еще большую злобу Іуды, продающаго ради корыстолюбія своего Божественнаго Учителя.

II.

Поднимается занавѣсъ.—Синедріонъ ожидаетъ Іуду и расточаетъ различныя поношенія Христу. Только Никодимъ и Іосифъ Аримаѳейскій протестуютъ противъ сего, и оставляютъ съ негодованіемъ собраніе объявляя себя за Христа. Каіафа объявляетъ ихъ за то лишенными званія членовъ синедріона.—Является Іуда. Онъ съ кошелькомъ, въ качествѣ распорядителя денегъ, но кошелекъ его пустъ, и потому онъ и озабоченъ.—Начинается торгъ о цѣнѣ за предательство.—Соглашаются наконецъ на тридцать сребренниковъ, и Іуда предлагаетъ имъ свой планъ, какъ взять Іисуса. Впрочемъ собраніе не довѣряетъ Іудѣ и назначаетъ одного изъ своихъ членовъ присматривать за нимъ.

Седьмой актъ.

I.

Три картины. 1) Адамъ, снискивающій себѣ хлѣбъ въ потѣ своего лица, какъ прообразъ кроваваго пота Христова.—Адамъ въ одной рукѣ держитъ лопату, а другою отираетъ потъ съ своего чела. Позади его—двое дѣтей, вырывающіе терніе и волчцы. На право стоитъ Ева съ младенцемъ на рукахъ, тогда какъ другой ребенокъ, держащій въ рукахъ яблочко, ухватился за ея платье. Остальные дѣти играютъ съ ягненкомъ. Хоръ изъясняетъ эту прекрасную живую картину.

Вторая картина: Іоавъ умерщвляетъ Амасію. Хоръ поетъ прекрасную объяснительную пѣснь.

Третья картина: Самсонъ преданный Далилою; онъ представленъ скованнымъ, и ослѣпленнымъ.—Напрасно онъ борется съ своими врагами, такъ какъ сила его исчезла. Далила стоитъ впереди, одною рукою указывая на своего обманутаго сожителя, а въ другой держа отрѣзанныя его волосы. Хоръ выясняетъ въ гимнѣ связь этой картины съ Христомъ, связаннымъ іудеями.

II.

Поднимается занавѣсъ—и вотъ предъ зрителями гора Елеонская. Приближается Іисусъ, бесѣдующій съ своими учениками; онъ отдѣляется отъ нихъ Петра, Іакова, Іоанна, и беретъ съ собою въ садъ Геосиманскій. Начинается моленіе до кроваваго пота. Толпа, предводимая Іудюю, схватываетъ Его по извѣстному знаку и проч.

Осьмой актъ.

I.

Является хоръ и поетъ гимнъ, имѣющій отношеніе къ Геосиманскому моленію. Поднимается занавѣсъ.—Картина:—Михей, убитый предъ алтаремъ, по повѣленію Ахава. Хоръ поетъ пѣснь съ указаніемъ на то, какъ лжецы, льстецы и лицемѣры, вѣнчаются розами и лаврами, тогда какъ истинна, никогда нельстищая, всегда понижается.

II.

Является Анна на балконѣ своего дома, ожидая связаннаго Иисуса. Видя Іуду, онъ восклицаетъ: „*твое имя вѣчно будетъ жить въ нашихъ мѣстоименіяхъ!*“ Но Іуда начинаетъ уже обнаруживать знаки раскаянія, и трепещетъ при мысли о своемъ злодѣяніи.—Иисуса вводятъ и ставятъ предъ балкономъ.—Начинается судъ.—Послѣ заушенія Иисуса и кроткаго на то отвѣта, Его ведутъ къ Каіафѣ.—Въ концѣ улицы видны Петръ и Іоаннъ, боязливо слѣдующіе за своимъ учителемъ, въ особенности боязливо крадется Петръ.

Девятый актъ.

I.

1) *Картина:* Навуѳей въ колѣнопреклоненномъ положеніи, побиваемый камнями, по повѣленію Іезавели.—Хоръ изъясняетъ прообразъ.

2) *Картина:* Іовъ, сидящій на грудѣ мусора. Съ одной стороны его друзья, смотрящіе на него съ презрѣніемъ, а съ другой его жена съ коварно—злою улыбкою на лицѣ. Хоръ объясняетъ это прообразомъ Богочеловѣка—„Ессе Ношо“—презрѣннаго и отверженнаго людьми.

II.

Иисусъ предъ Каіафою.—Лжесвидѣтели на судѣ.—Разбирательство прореченія Христова: *Разрушите храмъ сей и пр...* За тѣмъ Иисуса ведутъ въ залу судилища. Отреченіе Петра...

Десятый актъ.

I.

Картина: Каинъ, гонимый своею совѣстію изъ общества людей,—какъ прообразъ Іуды, по объясненію хора.

II.

Угрызенія совѣсти, пробудившіяся теперь въ Іудѣ,—представляютъ сильный контрастъ съ неповинными страданіями Христа.—Іуда является одинъ и рѣшается, въ монологѣ, бросить деньги къ ногамъ синедріона, и такимъ образомъ искупить свое тяжкое преступленіе.—Онъ мучится при той мысли, что, если Христось не благоволитъ спасти Себя и на этотъ разъ, сдѣлавшись, какъ нѣкогда прежде, невидимымъ отъ преслѣдованія своихъ враговъ.—Окончивъ этотъ монологъ—онъ удаляется.—Является Іисусъ подь стражею. Синедріонъ присуждаетъ Его къ смерти. Вбѣгаетъ Іуда,—но, увы, уже поздно.—Его отчаяніе.—Первосвященники заботятся привести приговоръ въ исполненіе прежде Пасхи и съ этою цѣлью идутъ къ Пилату. Привратникъ Пилата принимаетъ ихъ съ презрѣніемъ и слѣдующимъ ѣдкимъ замѣчаніемъ:—*„О, низкіе лукавцы! отцьживающіе комаровъ, и пожирающіе верблюдовъ“*. Занавѣсъ падаетъ.

Занавѣсъ снова поднимается. Виденъ лѣсъ. Показывается Іуда и готовится кончить жизнь самоубійствомъ. Крайнее для него мученіе заключается въ той мысли, что хотя Учитель, всегда безконечно милосердый быть можетъ, и простить его, но какъ ему, послѣ своей неблагодарности, осмѣлится явиться предъ Лице Его!?

Одиннадцатый актъ.

I.

Картина: Даніиль, обвиняемый предъ Даріемъ;—прообразъ, по объясненію хора, Іисуса обвиняемаго предъ Пилатомъ.

II.

Христа снова приводятъ къ Пилату. Каіафа закликаетъ Его сказать: *Христось ли Онъ?* Онъ отвѣчаетъ на это словами Евангелія, равно какъ и первосвященникъ.—Затѣмъ Его обвиняютъ предъ Пилатомъ въ богохульствѣ противъ Закона Моисеова и возмущеніи противъ Кесаря. Пилатъ допрашиваетъ Его, и, находясь въ затрудненіи, надѣется выдти изъ онаго, препроводивъ Его къ Ироду.

Двѣнадцатый актъ.

I.

Картина. Царь Анунъ ругается надъ посланниками Давида,

что, по объясненію хора, прообразуетъ поругательство Ирода надъ Христомъ.

II.

Сцена передъ Иродомъ, который требуетъ отъ Христа какого либо чуда. „Растолкуй мнѣ, говоритъ онъ, сонъ, видѣнный мною прошлую ночью. Сдѣлай—какое либо чудо.—Преврати этотъ пергаментный свитокъ, содержащій въ себѣ твой смертный приговоръ, въ змія. Ты не хочешь? Ты не можешь?“—За симъ онъ съ злобою и яростію отсылаетъ отъ себя Иисуса.

Тринадцатый актъ.

I.

1) *Картина.* Сыны Иакова, старающіеся обмануть своего отца одеждою Іосифа, обгащенною въ крови козла. Иаковъ пораженъ горемъ; его окружаютъ симпатическія лица мужчинъ и женщинъ. Это, по объясненію хора, служитъ *прообразомъ бичеванія Христа (?)*, обгащенного кровію.

2) *Картина.* Исаакъ колѣнопреклоненный на жертвенникѣ. Авраамъ стоитъ рядомъ съ жертвенникомъ, держа за рога овна, пойманнаго имъ въ кустарникѣ. Хоръ объясняетъ это, какъ прообразъ Христа, увѣнчаннаго терновымъ вѣнцомъ.

II.

Иисуса снова приводятъ къ Пилату, который еще разъ допрашиваетъ Его. Евангельская сцена передана вполне достоверно.—Начинается бичеваніе.

При поднятіи завѣса—видно, какъ падаютъ послѣдніе удары на спину Спасителя, привязаннаго къ столбу. Онъ одѣтъ въ одежду багрянаго цвѣта,—въ Его рукъ камышевая трость, на подобіе скипетра,—и Онъ сидитъ на высокомъ сѣдалищѣ въ родѣ трона. Съ Нимъ обращаются неимоვნю жестокосердечно, и занавѣсъ падаетъ при богохульныхъ крикахъ толпы.

Четырнадцатый актъ.

I.

Въ этой сценѣ хоръ значительно облегчаетъ скорбныя чувства зрителей. Послѣ нѣсколькихъ указаній на страданія, понесенныя Христомъ, онъ воспѣваетъ славу Іосифа въ Египтѣ.

1) *Картина*: Иосифъ, торжественно везомый на колесницѣ, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, согласно съ библейскимъ повѣствованіемъ.

2) *Картина*: — (Левитъ XVI). Два козла, несущіе на себѣ грѣхи народа. Одинъ изъ нихъ изгоняется въ пустыню, какъ козель отпушенія, — другой же приносится въ жертву. Хоръ объясняетъ эту картину прообразовательно по отношенію къ Иисусу и Вараввѣ, — изъ коихъ первый былъ принесенъ въ жертву за грѣхи народа, а второй—отпущенъ на свободу.

Во время представленія этой картины между хоромъ, стоящимъ передъ зрителями и народомъ, скрывающимся за кулисами, начинается потрясающій дуэтъ. Хоръ взываетъ къ небу за поруганную праведность, а народъ неистово вопіетъ, требуя крови Иисусовой: *Распни! Распни Ею*.

Поднимается занавѣсъ. На улицахъ волненіе. Пилать, въ богатомъ убранствѣ, снова появляется предъ народомъ и защищаетъ Иисуса. Онъ приказываетъ привести Варавву и поставить его рядомъ со Христомъ, съ цѣлю возбудить состраданіе въ народѣ; но тотъ неистово кричитъ: *Распни Ею! Распни Ею!* Жена Пилата—присылаетъ къ нему съ предостереженіемъ—ничего не дѣлать Праведнику; но Пилать все таки вынужденъ утвердить смертный приговоръ.

Пятнадцатый актъ.

Три картины:

1) Исаакъ, несущій дрова на гору Моріа, рядомъ съ Авраамомъ. Хоръ поетъ пѣснь, настроивающую вниманіе слушателей къ приготовляющейся страшной сценѣ распятія.

2) Моисей въ пустынѣ вѣшаетъ на древо мѣдный змій. Хоръ объясняетъ это, какъ прообразъ вознесенія на крестъ Сына Человѣческаго.

3) Снова представляется на дрѣвѣ змій: Моисей стоитъ подлѣ и указываетъ на него, — израильтяне, уязвляемые ядовитыми зміями, — терпятъ страданія, но получаютъ исцѣленіе, взирая съ вѣрою на мѣднаго змія. Хоръ объясняетъ это, — какъ прообразъ исцѣляющей силы Креста Христова.

II.

На сценѣ является Иисусъ несущій крестъ. — Во главѣ процес-

сіи Римскій сотникъ, верхомъ на лошади и съ знаменемъ римской когорты, на которомъ красуется надпись: — *Senatus populus Romanus*. За Иисусомъ слѣдуютъ два разбойника съ своими крестами. Вскорѣ показывается Богоматерь, поддерживаемая Іоанномъ и Магдалиною.

Послѣ этой сцены— снова является хоръ уснѣвшій перемѣнить свои одежды на черныя. Кориѳеи обращаются къ зрителямъ съ длиннымъ речитативомъ.— За кулисами слышны вопли и рыданія.

Шестнадцатый актъ.

Сцена Распятія на крестѣ.

Семнадцатый актъ.

I.

Хоръ снова является уже въ свѣтлыхъ одеждахъ, и поетъ восхитительный гимнъ Воскресенія.

Двѣ картины:

1) Іона.

2) Переходъ евреевъ черезъ Чермное море.

Хоръ поетъ торжественную пѣснь.

II.

Поднимается занавѣсъ. Видна одинокая гробница, окруженная римскою кустодіею.

Но вотъ является Ангель, и отваливаетъ камень отъ дверей гроба. За землетрясеніемъ — слѣдуетъ въ необычайномъ блескѣ Воскресеніе Господа.— Жены приходятъ ко гробу.— Имъ является ангель — Приходятъ также фарисеи, и подкупаютъ воиновъ. Христось является Маріи Магдалинѣ. Хоръ поетъ торжественное— *Аллилуія! Аллилуія! Аллилуія!*

Осьмнадцатый актъ.

Аллегорическая сцена. Христось является въ сіяніи и славѣ Его язвы сіяютъ необыкновеннымъ свѣтомъ, тогда какъ язычники, іудеи, первосвященники, книжники, Пилать, Иродъ, воины и всѣ Его враги лежатъ простертыми у ногъ Его. Во время представленія этой картины хоръ поетъ свой послѣдній торжественный гимнъ въ честь и славу Побѣдителя смерти.

Страстная седмица и пасха въ Римѣ въ 1870 году. *)

Религіознымъ церемоніямъ страстной седмицы и Пасхи въ Римѣ, въ 1870 году, придавало особенную торжественность присутствіе многочисленныхъ католическихъ епископовъ, собравшихся, по случаю собора, въ вѣчный городъ почти изъ всѣхъ странъ свѣта. Ансамбль католическихъ епископовъ самъ по себѣ представлялъ величественное зрѣлище, подобнаго которому, по всей вѣроятности, никогда не придется видѣть въ другой разъ.

Съ вербаго воскресенья начались величественныя и трогательныя церемоніи, посредствомъ которыхъ римско-католическая церковь старается, сколь возможно нагляднѣе, представить своимъ чадамъ тайны страданій, смерти и воскресенія Спасителя. Мы поспѣшили съ самаго ранняго утра, въ это воскресенье, въ соборъ св. Петра, и уже нашли колоссальное зданіе наполненнымъ толпами народа, среди котораго видными и занимательными казались группы пилигримовъ, пришедшихъ издалека посѣтить святаго мѣста. Они выдавались очень картинно — женщины въ чистыхъ, полотняныхъ корсетахъ, красивыхъ разноцвѣтныхъ платьяхъ и бѣлыхъ головныхъ уборахъ; мужчины въ панталонахъ изъ козьеи шерсти; съ густыми, курчавыми, падающими на шею, волосами. Какъ мужчины, такъ и женщины имѣли въ рукахъ странническіе посохи, съ небольшими желѣзными наконечниками, а за спинами небольшія сумки, въ которыхъ, вѣроятно, хранилась другая перемѣна одежды.

Въ концѣ десятаго часа папа вступилъ въ соборъ, несомый на богато-убранныхъ носилкахъ, подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи множества прелатовъ, генераловъ религіозныхъ орденовъ, министровъ, епископовъ, архіепископовъ, патріарховъ и кардиналовъ. Здѣсь находились также: князь, назначенный въ этотъ день быть ассистентомъ при тронѣ, римскіе сенаторы и муниципалитетъ. Когда медленно несли по собору почтенную особу главы римской церкви, собравшіяся въ соборѣ толпы народа падали на

*) Изъ англійскаго журнала „Церковное Обзоріе“ - (The Church Review), 1870 г. №№ 19—23

колѣна, чтобы принять его благословеніе; и потомъ, подобно поднимающейся вполнѣ, снова приподнимались, рядъ за рядомъ, какъ скоро шествіе двигалось далѣе. Во время этого церемоніальнаго шествія по собору, пѣвчіе, помѣщавшіеся на хорахъ, пѣли торжественнымъ напѣвомъ: „Осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне! О Царь Израилевъ, осанна въ вышнихъ!“ Но, вотъ, чудные звуки замерли въ воздухъ, папа возсѣлъ на свой тронъ, и вслѣдъ за тѣмъ началось богослуженіе чтеніемъ краткой, предначинательной молитвы (collect); послѣ молитвы иподіаконъ пропѣлъ указанный на этотъ день отдѣлъ изъ Священнаго Писанія. Далѣе слѣдовало пѣніе гимновъ. Рѣзко, и какъ бы дисгармонично, началъ хоръ: „Что намъ дѣлать? Этотъ человекъ много чудесъ творить. Если оставимъ Его такъ, то все увѣруютъ въ Него; и придутъ римляне и овладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ“. Послѣ краткой остановки раздался одинъ голосъ (соло) произнесшій речитативомъ: „Одинъ же изъ нихъ, нѣкто Каіафа, будучи на тотъ годъ первосвященникомъ, предсказалъ...“ Послѣдовала вторая пауза, и молчаніе еще разъ было нарушено другимъ звучнымъ, рѣзкимъ и рѣшительнымъ соло: „Лучше намъ, чтобы одинъ человекъ умеръ за людей, нежели чтобы весь народъ погибъ“. Потомъ опять были произнесены речитативомъ торжественныя слова: „Съ этого дня положили убить Его“; и наконецъ весь хоръ разразился fortissime громогласнымъ восклицаніемъ: „Придутъ римляне, и овладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ“.

За пѣніемъ означенныхъ гимновъ -- діаконъ пропѣлъ дневное Евангеліе, послѣ котораго была произнесена молитва; въ ней содержалось прошеніе ко Господу—благословить пальмовыя и оливковыя вѣтви, чтобы Онъ удостоилъ новаго Израиля, носящаго пальмовыя и оливковыя вѣтви, встрѣтить Его съ запасомъ добрыхъ дѣлъ, подобно тому, какъ, въ прообразъ своей церкви, Онъ умножилъ Ноя при выходѣ его изъ ковчега, и Моисея при исходѣ изъ Египта съ чадами Израиля. За этою молитвою слѣдовали еще двѣ молитвы почти одинаковаго содержанія. По произнесеніи ихъ, пальмы, еще съ утра приготовленныя въ связкахъ на ступеняхъ главнаго алтаря, были трижды окроплены святою водою и столько же разъ окаждены. За симъ кардиналы приблизились къ трону, и каждый изъ нихъ, поочередно, получалъ отъ

папы вѣтвь, опускаясь для этого на колѣна, и цѣлуя сначала руку первосвященника, а потомъ самую пальму. Прошло довольно времени, прежде, чѣмъ кончилась эта часть церемоніи: потому что, кромѣ кардиналовъ, всѣ епископы и князья церкви, вмѣстѣ съ прочими государственными лицами, имѣли получить каждый, въ свою очередь, пальмовую или оливковую вѣтвь изъ руки папы. Зрѣлище было въ высшей степени поразительно и ново, когда всѣ они возвратились на свои мѣста съ высокоподнятыми пальмами. Впрочемъ, кажется, произвело бы еще болѣе впечатлѣнія, если бы пальмы оставались въ ихъ естественномъ видѣ, а не были переплетены и свиты: можетъ быть въ настоящемъ случаѣ необходимо было сдѣлать означенное измѣненіе, такъ какъ пальма всегда считалась эмблемою мученичества. Во время раздачи вѣтвей было пропѣто нѣсколько антифоновъ; одна часть хора начинала: „Еврейскіе дѣти вышли на встрѣчу Господу съ пальмовыми вѣтвями, восклицая: Осанна въ вышнихъ“; а другая часть—подхватывала и отвѣчала: „Дѣти еврейскіе постилали свои одежды на пути и восклицали: Осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне“!

Какъ скоро всѣ получили свои пальмы, — изъ кардиналовъ, епископовъ, прелатовъ и сановниковъ образовалась большая процессія, и папа снова возсѣлъ на богато убранныя носилки подъ балдахиномъ. Съ занимаемаго нами мѣста трудно было видѣть лица, принимавшія участіе въ церемоніалѣ, потому что между нами и ими находилась огромная, сплошная масса народа, но надъ головами ихъ видно было безчисленное множество пальмъ, несомыхъ въ процессіи, и папа одною рукою благословлялъ народъ, а въ другой держалъ пальмовую вѣтвь. Значительное большинство присутствовавшихъ въ соборѣ также запаслось пальмовыми и оливковыми вѣтвями, и зрѣлище представлялось единственнымъ и прекраснымъ, когда безчисленныя вѣтви сразу поднимались вверхъ, чтобы получить благословеніе святаго отца.

Когда процессія медленно подвигалась впередъ по собору, сопровождающей оную хоръ пѣлъ мѣста изъ Евангелія, описывающія входъ Господа въ Іерусалимъ. Торжественно раздавались голоса поющихъ величественный гимнъ: „Пусть вѣрные соединятся съ ангелами и дѣтьми и, приближаясь къ Побѣдителю смерти, во-

зопіють: осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядущій во имя Господне, осанна въ вышнихъ!“

Лишь только процессія приблизилась къ великимъ центральнымъ дверямъ собора, онѣ вдругъ разверзлись; изъ собора хлынулъ потокъ свѣта и ярко озарилъ длинный, блестящій рядъ великолѣпно облаченныхъ кардиналовъ и епископовъ, и пѣвцовъ въ ихъ бѣлыхъ одеждахъ, между тѣмъ какъ остальная часть процессіи оставалась въ тѣни. Черезъ минуту процессія вступила въ преддверіе собора; двери снова затворились, и какъ будто изъ отдаленной страны раздались тихіе голоса, поющіе два первые стиха извѣстнаго гимна, начинающагося словами: „Gloria, laus et honor tibi sit, Rex Christe Redemptor!“ По окончаніи втораго стиха настало минутное молчаніе, и затѣмъ со стороны множества народа, стоявшаго въ преддверіи собора, послышался тихій и ясный отвѣтъ: „Gloria, laus et honor tibi sit, Rex Christe Redemptor!“ Находившіеся внутри собора пропѣли два слѣдующіе стиха. Plebs Hebraea tibi cum palmis obvia venit, cum prece, voto, hymnis adsumus esse tibi“. На что множество голосовъ снаружы снова воскликнуло: „Gloria, laus et honor tibi sit, Rex Christe Redemptor!“ Мнѣ кажется, что трудно слушать этотъ превосходный, вдохновляющій гимнъ, безъ сильного душевнаго волненія, слушать — и не представить себѣ, по возможности, живо, хотя на нѣсколько мгновеній, то чудное зрѣлище, которое, болѣе осьмнадцати вѣковъ тому назадъ, представляли улицы Иерусалима, когда народъ еврейскій также восклицалъ своему Господу: „Осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядущій во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!“

По пропѣтіи гимна, крестonosецъ ударилъ въ двери подножіемъ креста, и когда онѣ отворились, процессія снова вступила въ соборъ съ пѣніемъ: „Когда Господь вступилъ въ святой градъ, еврейскіе дѣти, привѣтствуя Побѣдителя смерти, восклицали: Осанна въ вышнихъ!“

Но вотъ папа снова возсѣлъ на свой тронъ, кардиналы и епископы заняли свои мѣста на трибунѣ, и тотчасъ началась обѣдня, въ которой особенно трогательно было пѣніе страстей по Евангелію св. Матѳея. Оно происходило точно также драматически, какъ и пѣніе гимновъ въ началѣ церемоніи. Напрасно мы старались бы описать рѣдкое впечатлѣніе, производимое этимъ пѣ-

ніемъ. Кто нибудь можетъ подумать, что въ подобномъ представленіи никакъ нельзя обойтись безъ примѣси театральнаго элемента. Но намъ кажется, здѣсь не было ничего подобнаго. Все въ высшей степени торжественно, благоговѣнно, трогательно и ничѣмъ другимъ нельзя такъ живо и полно напомнить присутствующимъ о страданіяхъ Господа, какъ означеннымъ пѣніемъ страстей. Во время пѣнія гимновъ были представлены только іудеи и Каиафа, но при пѣніи страстей живо представлялись трогательныя событія, происходившія въ дому Симона прокаженнаго, при Тайной Вечери, и на горѣ Елеонской, со всѣмъ послѣдующимъ, до той торжественной минуты, когда съ креста было произнесено: *Совершилось*, и Господь воскликнувъ громкимъ гласомъ, испустилъ духъ. За пѣніемъ наступила пауза, сопровождаемая нѣсколькими минутами того страннаго, неземнаго молчанія, которое представляетъ такой рѣзкій контрастъ съ безпрестаннымъ, подобнымъ морскому, шумомъ, никогда не прекращающимся въ соборѣ св. Петра въ великіе праздники: при этомъ молчаніи громадныхъ толпы, казалось, какъ бы вдругъ проникались сознаниемъ близости другаго міра. Всѣ находившіеся въ соборѣ на мгновеніе преклонили колѣна, и въ глубокомъ безмолвіи погрузились въ мысль о Томъ, Кто за родъ человѣческой предалъ жизнь Свою. Но вотъ снова раздались чудные звуки; въ нихъ слышалось, какъ раздралась на двое церковная завѣса, какъ потряслась земля и распались скалы, и какъ сотникъ и стрегущіе Иисуса были приведены въ ужасъ. Въ заключеніе всего раздались шумные вопли первосвященниковъ и фарисеевъ, требовавшихъ отъ Пилата запечатать камень и приставить ко гробу стражу.

Пѣніемъ страстей, во время котораго всѣ епископы и народъ стояли съ пальмами въ рукахъ, заключился церемоніаль собственнаго вербнаго воскресенія и по окончаніи обѣдни колоссальный соборъ внезапно опустѣлъ.

Прошло два дня — понедѣльникъ и вторникъ страстной седмицы — и за ними начались службы *Мрака* (Tenebrae) въ великій четвертокъ, пятницу и субботу, которыя естественно отправляются какъ въ самые эти дни, такъ и наканунѣ вечеромъ въ среду, четвертокъ и пятницу. Такъ какъ папскій хоръ пѣвчихъ въ среду вечеромъ долженъ пѣть въ соборѣ св. Іоанна Латеранскаго, то мы и отправились туда, а не въ соборъ св. Петра, куда стека-

лись огромныя толпы народа. Богомольцевъ здѣсь было очень много, и слѣдовательно богослуженіе происходило спокойно и благоговѣнно, что бываетъ совершенно наоборотъ въ торжественныхъ случаяхъ въ соборѣ св. Петра. Служба началась пѣніемъ на грегорианскій напѣвъ 68, 69 и 70 псалмовъ; въ концѣ каждаго изъ нихъ произносилось: „Слава Отцу...“ и гасилась одна изъ 15 большихъ темно-желтыхъ восковыхъ свѣчей, поставленныхъ на треугольномъ покровѣщникѣ, позади главнаго алтаря. За псалмами послѣдовало минутное молчаніе, прерванное пѣніемъ, въ которомъ слышалось столько глубокой и тяжкой скорби, что казалось, оно происходило изъ устъ умирающаго человѣка, и между тѣмъ потрясало слухъ умиленными словами: „Какъ удивлененъ градъ, полный нѣкогда народа; какъ мать народовъ сдѣлалась какъ бы вдовицею;— владычица земель—данницею! Плача, плачется въ нощи, и слезы его на ланитахъ его“. Но трогательнѣе всего былъ — раздирающій сердце припѣвъ, повторявшійся послѣ каждыхъ пяти или шести стиховъ книги плача Іереміи: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, обратись къ твоему Господу!“ Очень поразительно также было, тотчасъ слѣдовавшее за этимъ воззваніемъ, хоровое пѣніе различныхъ стиховъ, описывающихъ страданія Господа на горѣ Елеонской, и невольно напоминавшихъ нѣтъ хоровое пѣніе въ нѣкоторыхъ греческихъ трагедіяхъ.

Первая часть изъ книги Плача кончилась; за нею послѣдовало пѣніе второй и третьей ноктурны, состоящихъ, подобно первой, изъ пѣнія псалмовъ и чтенія Плача, къ которому присоединились краткіе отрывки изъ трактата на псалмы Августина. Третья ноктурна, которою собственно начиналась утренняя великаго четверга, заключала въ себѣ только пѣніе псалмовъ и чтеніе изъ св. Августина. Затѣмъ началась служба хваленій, на которой были пропѣты пѣснь Моисея и пѣснь Захаріи, съ псалмами: „Хвалите Господа“ и „Воспойте Господеву пѣснь нову.“ Несомнѣнно, что означенныя пѣснопѣнія содержатъ въ себѣ выраженіе радостныхъ чувствъ, но дѣйствіе производимое ими безконечно усиливается отъ того, что имъ какъ предшествуетъ пѣніе *Miserere*, переложенное на простой грегорианскій напѣвъ, такъ и слѣдуетъ за ними тоже самое *Miserere*—эти возвышенныя жалобы, въ которыхъ такъ живо представляются страданія Господа. Лице, составлявшее эти чудные напѣвы, къ которымъ прило-

жены слова, по всей вѣроятности было въ высшей степени лице вдохновенное. Никакой языкъ не можетъ описать благоговѣйный трепеть, обнимающій слушателя, когда первые звуки *Miserere* достигаютъ его слуха. Какой это горькій плачь, и притомъ, какъ онъ чуждъ человѣческихъ страстей! Какая бездна страданій, и при этомъ, какая совершеннѣйшая покорность волѣ Божіей! „Никто не можетъ искупить душу своего брата. Онъ долженъ положить свою душу Одинъ за всѣхъ.“ Вотъ слова, которыя невольно приходили на мысль, когда прислушивался я къ этому скорбному моленію Богочеловѣка. Который страдалъ Одинъ, понесши на Себѣ грѣхи всего міра, безъ помощи и утѣшенія.

Я забылъ упомянуть, что при пѣніи: „Благословенъ“ (*benedictus*) шесть свѣтильниковъ въ алтарѣ были погашены, равно какъ всѣ другія свѣчи и лампы въ храмѣ (свѣчи на трехугольномъ подсвѣщникѣ были погашены прежде, кромѣ одной на самомъ верху), тогда какъ вечерній сумракъ снаружи усиливался болѣе и болѣе и присоединялся къ мраку и торжественности—господствовавшимъ внутри собора. Наконецъ, при окончаніи *Benedictus* и во время пѣнія стиха: „Предающій же Его далъ знакъ, сказавъ: кого я поцѣлую, тотъ и есть, возьмите Его“ свѣча была снята съ верха подсвѣщника, и еще горящая скрыта подъ алтаремъ для представленія смерти Господа. При этомъ дѣйствиі весь народъ опустился на колѣна и повторилъ: „Христосъ былъ послушливъ даже до смерти“. Тогда среди глубокаго молчанія была произнесена молитва: *Отче нашъ*. И вотъ, при постепенно усиливающемся, съ закатомъ солнца, сумракѣ, когда на всемъ пространствѣ собора не оставалось нигдѣ ни одной горящей свѣчи, среди глубокой тишины, раздались первые скорбные звуки: *miserere*... По окончаніи псалма была произнесена слѣдующая молитва: „Молимъ Тебя, Господи, призри на людей Твоихъ, предстоящихъ здѣсь, за которыхъ Ты благоволилъ предать Себя въ руки злодѣевъ и претерпѣть крестныя страданія“... Еще минутное молчаніе, и послышался шумъ, знаменующій раздраніе завѣсы храма. Затѣмъ когда горящій свѣтильникъ былъ вынутъ изъ-подъ алтаря, всѣ встали съ колѣнъ, и священники и народъ отправились въ молчаніи изъ собора.

Я забылъ объяснить значеніе *Службы Мрака* (*Teufelgawe*). Такъ какъ значеніе этого слова не для всѣхъ можетъ быть по-

нятно, то не бесполезно будетъ упомянуть здѣсь, что имъ напоминаетъ о тайныхъ собраніяхъ первенствующихъ христіанъ для ночнаго богослуженія. Во время этой службы, какъ мы уже сказали, всегда поставляются 15 свѣчей на трехугольномъ подсвѣщникѣ — семь по правую и семь по лѣвую сторону, изъ темно-желтаго воска, и одна вверху подсвѣщника изъ бѣлаго. Последняя, представляющая Господа, снимается и полагается подъ алтаремъ, во время произнесенія послѣдняго стиха *Benedictus*, въ ознаменованіе Его смерти; потомъ, по окончаніи *Miserere*, снова поставляется на свѣщникъ, какъ символъ Его воскресенія. Прочія свѣчи погашаются въ молчаніи прежде сего и постепенно, одна за другой, для того, чтобы означить молчаніе однихъ апостоловъ и бѣгство другихъ, во время страданій ихъ Господа. Изъ четырнадцати свѣчей — одиннадцать представляютъ апостоловъ, а остальные мѣроносицъ. Въ первенствующія времена вѣрные сзывались къ этимъ богослуженіямъ посредствомъ ударовъ коломъ въ деревянныя доски, такъ какъ въ ночное время не дозволялось звонить въ колокола; потому, объясняютъ, и шумъ, производимый кардиналами и канониками, по окончаніи *Miserere*, имѣеть цѣлю напомнить вѣрующимъ объ этомъ древнемъ обычаѣ.

Касательно пальмъ, употребляемыхъ въ вербное воскресенье, не лишень нѣкотораго интереса слѣдующій разсказъ. 10 сентября 1586 г. папа Сикстъ V привезъ на площадь св. Петраobeliskъ, существующій еще доселѣ, и только-что открытый тогда въ древнемъ циркѣ Нерона. Фонтанъ было приказано воздвигнуть памятникъ. Дѣло представлялось очень затруднительнымъ; было собрано множество рабочихъ, готовыхъ повиноваться каждому слову и мановенію главнаго инженера. Но чтобы исполнить приказанія, которыя будутъ даны имъ, они, естественно, должны были ясно слышать ихъ; потому на всѣхъ зрителей было наложено безусловное молчаніе, подъ страхомъ смертной казни за нарушеніе его при производствѣ работъ. Когда машина была приведена въ движеніе,obeliskъ началъ мало-по-малу подниматься, но тяжесть была слишкомъ велика. Канаты грозили лопнуть; еще минута — и всѣ труды могли погибнуть. Одинъ человекъ, принадлежащій къ низшему классу, воскликнулъ при этомъ: „смотить канаты водою“. Не обращая вниманія на инженеровъ, ко-

горы не хотѣли никого слушать, Фонтана нѣсколько разъ смочил канаты водою—и предпріятіе кончилось успѣшно, обелискъ былъ воздвигнутъ. Человѣкъ нарушившій молчаніе былъ схваченъ и приведенъ къ папѣ, но вмѣсто произнесенія смертнаго приговора, папа обнялъ его, поцѣловалъ и спросилъ, какую онъ желаетъ получить награду. Этотъ человѣкъ назывался Бреска; онъ былъ родомъ изъ с. Реми, близъ Генуи. По своей скромности онъ попросилъ у папы единственной награды, чтобы его потомки пользовались привилегіею поставлять въ соборъ св. Петра пальмы въ вербное воскресенье. Эта привилегія была дарована, какъ ему, такъ и его потомкамъ. По смерти Бреска торговля пальмами раздѣлилась между многими семействами, но еще и доселѣ съ береговъ Генуи ежегодно посылаются въ Римъ пальмы, которыя тамъ употребляютъ во время страстной седмицы.

Въ великій четвергъ мы очень рано по утру отправились въ соборъ св. Петра, но онъ уже былъ наполненъ толпами народа, и, по обыкновенію, тотчасъ же при входѣ нашъ слухъ былъ пораженъ тѣмъ смутнымъ шумомъ, который какъ нельзя болѣе походить на постоянный шумъ, слышимый внутри большой морской раковины. Когда мы остановились на минуту противъ статуи св. Петра, — къ ней приблизилась, невольно обратившая на себя наше вниманіе, процессія священниковъ. Всѣ они преклонили предъ статуею свои колѣна. Ихъ было тринадцать, и, какъ мы потомъ узнали, это были *апостолы*, которымъ папа долженъ былъ омывать ноги въ этотъ день, и которые затѣмъ должны были принять участіе въ торжествѣ Тайной Вечери. Священники, назначенные участвовать въ этомъ торжественномъ богослуженіи, и обыкновенно выбираемые изъ различныхъ націй (одинъ изъ видѣнныхъ нами былъ негръ), рано по утру въ четвертокъ отправляются въ Ватиканъ. Тамъ ризничій снабжаетъ ихъ полнымъ, приличнымъ случаю облаченіемъ изъ очень тонкой шерстяной матеріи; одежды состоятъ изъ длинной мантии, головного убора (родъ тюрбана на голову), вышитаго бѣлымъ шелкомъ, бѣлыхъ чулокъ и башмаковъ. По окончаніи облаченія одинъ изъ священниковъ, состоящихъ при папскомъ дворѣ, совершаетъ обѣдню, и преподаетъ каждому изъ нихъ таинство Св. Причащенія. Различно объясняютъ, почему назначено число тринадцать для представленія апостоловъ. По объясненію однихъ—тринадцатый пред-

ставляетъ св. Павла; другіе говорятъ, что онъ представляетъ хозяина дома, въ которомъ Господь совершилъ Тайную Вечерю; нѣкоторые утверждаютъ, что онъ изображаетъ св. Маттея, выбраннаго на мѣсто Иуды Искаріотскаго; а иные полагаютъ, что тринадцатый представляетъ собою того Ангела, котораго видѣлъ однажды св. Григорій среди двѣнадцати бѣдныхъ, коимъ онъ имѣлъ обыкновеніе служить за трапезой, въ своей кельи, на Целіанской горѣ.

Въ великій четвергъ всѣ священники участвующіе въ служеніи божественной литургіи бывають въ совершенно бѣлыхъ облаченіяхъ; и такъ какъ въ великую пятницу не положено совершать литургію, то Агнецъ освящается утромъ въ четвергъ, и потомъ уже переносится въ Паулинскую капеллу. Впрочемъ, въ 1870 году, по поводу собора, были свои особенности почти во всѣхъ отношеніяхъ; потому всѣ эти церемоніи происходили въ соборномъ храмѣ св. Петра, и Агнецъ былъ перенесенъ въ такъ-называемую капеллу *зимнихъ хоръ*. Важнѣйшая церемонія великаго четверга состоитъ въ томъ, что, въ концѣ литургіи, папа въ сопровожденіи большой процессіи торжественно переноситъ Агнецъ къ Гробу. Длинный рядъ кардиналовъ, епископовъ и прелатовъ, тихо шествующихъ съ горящими восковыми свѣчами въ рукахъ, между двумя рядами папской арміи, при огромномъ множествѣ зрителей, собравшихся сюда почти изъ всѣхъ странъ свѣта и стоявшихъ сплошною стѣною съ той и другой стороны, представлялъ собою зрѣлище въ высшей степени величественное и торжественное. Великолѣпно казалось и капелла Гроба, съ многочисленными возженными свѣтильниками надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ Агнецъ, при которомъ, во все это время, день и ночь стоять колѣнопреклоненными съ молитвою два кардинала. Лишь только процессія вышла изъ капеллы, какъ произошла одна изъ тѣхъ сценъ, которыя могутъ уничтожить всякое чувство благоговѣнія и набожности, только что возбужденное величественною церемоніею. Народъ бросился толпами изъ колоссальнаго собора къ выходу; все стало — смятеніе и шумъ, каждый старался возможно скорѣе выйдти изъ священнаго зданія, чтобы занять лучшее мѣсто снаружи, откуда было бы удобно видѣть церемонію *Благословенія* преподаваемаго святымъ отцомъ. Мы надѣялись видѣть эту церемонію въ день Пасхи, потому и

остались спокойно внутри собора; и как отрадно успокоительными показались нам нѣсколько минут тишины и спокойствія, вдругъ наступившихъ теперь въ совершенно опустѣвшей базиликѣ. Но вотъ по собору пронеслось эхо громкихъ восклицаній извнѣ, которыми привѣтствовали папу народныя толпы, по преподаніи имъ благословенія; и вслѣдъ затѣмъ народъ снова шумно устремился въ соборъ. Многіе поспѣшали изо всѣхъ силъ, чтобы имѣть возможность видѣть обрядъ умовенія ногъ; впрочемъ мы не надѣялись увидать что-либо, такъ какъ впереди насъ стояли многочисленныя толпы народа. Обрядъ умовенія ногъ—очень простая церемонія. Папа совершаетъ его въ полномъ бѣломъ облаченіи; при немъ находится иподіаконъ, который поднимаетъ обнаженную ногу cadaго священника; близъ него—два ассистента, обыкновенно называемые *бассоланти*, которые несутъ наполненные водою золотыя тазы, полотенца и букеты цвѣтовъ для раздачи священникамъ по умовеніи. Папа тихо отираетъ ноги cadaго священника; послѣ чего даетъ имъ по полотенцу и букету; каждый изъ нихъ также получаетъ золотую и серебряную медаль, съ изображеніемъ на одной сторонѣ святаго отца а на другой—Господа, умывающаго ноги апостоламъ. По окончаніи умовенія, тринадцать апостоловъ направились черезъ базилику къ галлерей, находящейся вверху надъ преддверіемъ базилики, гдѣ обыкновенно происходитъ церемонія *Вечери*. Объ этомъ церемоніалѣ я могу сказать только со словъ другихъ, отъ которыхъ слышалъ, что толпы зрителей, находившихся здѣсь, были несравненно многочисленнѣе, чѣмъ при всѣхъ предшествовавшихъ церемоніяхъ. Среди галлерей былъ поставленъ столъ, украшенный изображеніемъ золатаго пасхальнаго агнца, по обѣимъ сторонамъ котораго стояли золотыя статуи двѣнадцати апостоловъ, почти скрытыя ереди множества различныхъ цвѣтовъ. По одну сторону стола стояли тринадцать кресель; столъ былъ накрытъ на тринадцать кувертовъ; на немъ было поставлено также тринадцать большихъ пустыхъ корзинъ. Черезъ нѣсколько времени прибыли и *апостолы*; каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ букетъ, полученный по умовеніи ногъ. Какъ скоро они заняли назначенныя мѣста, тринадцать кардиналовъ и епископовъ, вмѣстѣ съ папою приготовились служить имъ. Сначала имъ былъ предложенъ супъ, а потомъ рыба; и замѣчательно, что хотя святой отецъ не пред-

лагаль *апостоламъ* за трапезой никакихъ другихъ блюдь, но, тѣмъ не менѣе, онъ очень радушно наполнялъ ихъ стаканы виномъ, подбавляя къ нему только весьма немного воды. Оправляя должность слуги, онъ былъ одѣтъ въ бѣлую кисейную срачицу, обшитую кружевами, и подпоясанъ бѣлою лентою, съ золотыми на концахъ кистями. Уходя папы служить знакомъ къ окончанію *вечери*. Какъ только онъ оставилъ галерею, толпы народа начали расходиться, а *апостолы*, взявши свои корзины со стола, наполнили ихъ остатками отъ вечери, равно какъ лежавшими предъ ними тарелками и салфетками. Потомъ при уходѣ съ галереи, они разобрали свои букеты и раздѣлили цвѣты между зрителями.

По окончаніи церемоніи вечери, значительное большинство присутствовавшихъ разошлось по домамъ. Впрочемъ нѣкоторые остались внутри базилики — съ цѣлю увидать, какъ преподаетъ *разрѣшеніе* отъ произвольныхъ и смертныхъ грѣховъ *великій духовникъ*, обыкновенно назначаемый изъ кардиналовъ. Должно замѣтить, что разрѣшеніе отъ смертныхъ грѣховъ каждый годъ можетъ быть даруемо только одному преступнику, который входитъ для сего въ соборъ св. Петра въ сопровожденіи извѣстной процессіи. Онъ исповѣдуются кардиналу шепотомъ, послѣ чего получаетъ разрѣшеніе, и затѣмъ удаляется съ своими друзьями. Желающіе получить разрѣшеніе отъ произвольныхъ грѣховъ, въ которыхъ они уже предварительно исповѣдывались предъ священникомъ, преклоняютъ передъ духовникомъ колѣна, который тихо ударяетъ ихъ поголовѣ длиннымъ бѣлымъ жезломъ, и съ этою привилегіею соединена индульгенція на сорокъ лѣтъ.

Духовникъ обыкновенно сидитъ на своемъ возвышенномъ сѣдалищѣ, въ продолженіи трехъ часовъ, и, по уходѣ его, начинается служба *мрака* на великую пятницу. Лицамъ, не имѣвшимъ случая присутствовать въ настоящемъ году при означенныхъ церемоніяхъ въ соборѣ св. Петра, почти невозможно составить себѣ какое-либо понятіе о недостаткѣ благоговѣнія и крайней разсѣянности со стороны большинства посѣтителей, посѣщавшихъ въ эти великіе дни соборъ св. Петра. Даже во время пѣнія самыхъ торжественныхъ частей богослуженія народъ прохаживался по храму, разговаривалъ между собою, и привѣтствовалъ другъ друга улыбками и поклонами, какъ будто бы всё

они находились въ какой-либо общественной концертной залѣ; однако не смотря на это, весь этотъ развлекающій, непріятный шумъ покрывался, по временамъ, поражающимъ меланхолическимъ воззваніемъ: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, обратись къ Господу Богу твоему!“ и еще болѣе раздирающимъ сердце воплемъ изъ книги Плача: „Помрачались отъ слезъ очи мои; потряслась внутренность моя“.... Присутствовавшіе какъ будто не обращали ни малѣйшаго вниманія на эти скорбныя жалобы; потому что даже и одного часа они не могли пободрствовать съ своимъ Господомъ, ни на одно мгновеніе не хотѣли представить себѣ, что Онъ сдѣлалъ для нихъ и сколько потерпѣлъ страданій на крестѣ за грѣхи человеческого рода.

Однако съ первыми звуками *Miserere*, стало больше тишины и благоговѣнія, хотя это можно было только сравнительно назвать благоговѣніемъ и тишиною. Лишь только кончилось пѣніе покаянныхъ псалмовъ, какъ народъ съ шумомъ тронулся изъ базилики, и только очень немногіе остались въ соборѣ присутствовать при одной, быть можетъ, самой замѣчательной церемоніи великаго четверга. Около этого времени вечерній сумракъ постепенно усиливался, и эффектъ былъ поразительный. Здѣсь и тамъ, внутри собора, виднѣлись возженные свѣтильники, ихъ мерцающій свѣтъ все дѣлался ощутительнѣе отъ постепенно усиливающегося наружнаго сумрака. Ни одна изъ капеллъ не была освѣщена; только капелла Гроба, гдѣ былъ положенъ св. Агнецъ, буквально горѣла множествомъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Сто лампадъ въ исповѣдальнѣ были погашены, и, въ сумракѣ, едва можно было замѣтить престоль, безъ обычныхъ на этотъ разъ украшеній, даже безъ полотняной верхней одежды. И вотъ среди глубокой тишины, при постепенно усиливающемся мракѣ, къ главному алтарю направилась длинная процессія епископовъ и священниковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ своихъ рукахъ кропило, сдѣланное изъ одной вѣтви буковаго дерева, разщепленной на множество мелкихъ, связанныхъ при оконечности вѣтви, частей. Во время медленнаго шествія они громогласно пѣли псаломъ: „Боже, Боже мой!“ а приблизившись къ престолу, возлили на него вино изъ семи серебряныхъ сосудовъ. Затѣмъ каждый поочередно отеръ престоль своимъ кропиломъ. Когда епископы и священники одинъ за другимъ, тихимъ шагомъ, прохо-

дили предъ алтаремъ, эффектъ былъ самый величественный; и эта сцена дѣлалась еще болѣе разительною отъ контраста съ недостаткомъ благоговѣнія, отличавшимъ предшествовавшую часть богослуженія. Большія восковыя свѣчи бывшія въ рукахъ трехъ или четырехъ священниковъ, тускло освѣщали лица принимавшихъ участіе въ церемоніи, между тѣмъ какъ въ колоссальномъ зданіи повсюду царствовалъ мракъ, и куда бы ни обращался взоръ, онъ всюду встрѣчалъ одни только символы печали и унынія. Вслѣдъ за омовеніемъ главнаго престола послѣдовало явленіе народу великой *Витиканской Святыни*. Въ верхней галлерей вдругъ начали показываться огни, и взоры всѣхъ присутствовавшихъ устремились по направленію къ верхнему балкону, находящемуся надъ статуею св. Вероники. На балконѣ появились три или четыре священника въ бѣлыхъ облаченіяхъ, и при блѣдномъ и таинственномъ свѣтѣ лампы, поставленной среди балкона, была показана народу великая святыня, который и почтилъ ее преклоненіемъ своихъ колѣнъ. Эта святыня состоитъ изъ части Животворящаго древа Креста, копыя, и части тернового вѣнца. Прежде явленія каждой изъ нихъ народу, раздается шумъ, похожій на раскаты отдаленнаго грома, и затѣмъ каждая вещь поднимается вверхъ такъ, чтобы всѣ могли видѣть оную. Явленіе святыни продолжается только нѣсколько минутъ; и народъ, по окончаніи оной, спокойно и тихо удаляется изъ церкви, за исключеніемъ развѣ желающихъ еще нѣсколько времени помолиться въ капеллѣ Гроба.

Къ описанію церемоніала великаго четверга слѣдуетъ прибавить слѣдующее: утромъ въ этотъ день викарій кардиналъ провозглашаетъ три декрета. Первымъ предписывается, чтобы нигдѣ ни подъ какимъ видомъ не дозволялось звонить въ колокола въ Римѣ, начиная съ той минуты, когда священнодѣйствующій литургію въ великій четвергъ начинаетъ пѣніе гимна: *Слава въ вышнихъ Богу*,—и до того часа, когда въ великую субботу будетъ данъ сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ въ замкъ св. Ангела. Вторымъ декретомъ воспрещается всѣмъ священникамъ совершать литургію въ послѣдніе три дни страстной седмицы, въ частныхъ ли то часовняхъ, или общественныхъ церквахъ. Что касается до церквей, въ которыхъ происходятъ церемоніи страстной недѣли, то въ нихъ должна быть совершаема только одна

обычная обѣдня. Святыя тайны въ такихъ церквахъ должны быть полагаемы въ капеллѣ, или въ нарочито-устроенномъ мѣстѣ подъ алтаремъ, обыкновенно называемомъ „гробомъ“. Наконецъ ни въ одной изъ означенныхъ церквей, кромѣ приходскихъ, вѣрующіе не должны быть допускаемы въ великій четвертокъ и Пасху къ святому Причащенію, за исключеніемъ развѣ канонниковъ, пребендаріевъ и другихъ лицъ, которымъ, съ разрѣшенія кардинала викарія, дозволяется принимать всеѣмъ вмѣстѣ св. Причащеніе въ ихъ частныхъ церквахъ.

Опасаясь снова быть свидѣтелями грустныхъ сценъ, видѣнныхъ нами въ соборѣ св. Петра, при совершеніи службы *мрака* на великій четвертокъ, въ великую пятницу мы отправились въ *церковь Исуса*, гдѣ всегда происходитъ богослуженіе съ особеннымъ благоговѣніемъ и строгостію. Храмъ былъ наполненъ римлянами всеѣхъ сословій, въ числѣ которыхъ очень много было бѣдныхъ. При входѣ въ храмъ, взглянувши на непокрытый безъ всякихъ обычныхъ украшеній престолъ, мы увидали передъ нимъ колѣнопреклоненныхъ священниковъ и діаконовъ въ тихой молитвѣ; но вотъ выпли два церковника (аколиты) и, покрывши престолъ полотняною одеждою, положили на аналоѣ служебникъ. За симъ діаконовъ, вставши съ своего мѣста, прочелъ дневное чтеніе. Оно было заимствовано изъ книги пророка Осіи на слова: „Услышалъ Господи, слухъ Твой и убоялся; увидѣлъ дѣла Твои и вострепеталъ“ и было приличною темою для торжественныхъ богослуженій великаго пятка. За чтеніемъ слѣдовала молитва и другой отдѣлъ изъ свящ. Писанія; затѣмъ наступило пѣніе Страстей Господнихъ, — всегда одна изъ самыхъ величественныхъ и трогательныхъ частей означеннаго богослуженія. Въ церкви Исуса, какъ и въ соборѣ св. Петра, одинъ изъ членовъ хора олицетворялъ Евангелиста и повѣствовалъ о страданіяхъ, другой пѣвецъ представлялъ Господа, а остальная часть хора — народъ. Эти послѣдніе занимали мѣста на хорахъ, тогда какъ прочіе оставались вблизи алтаря. Не легко сказать, какіе отдѣлы изъ пѣнія Страстей наиболее поразительно и живо могли олицетворить для присутствующихъ страшныя событія, происходившія въ преторіи Пилата и на Голгоѣ; но конечно, трудно слушать безъ сердечнаго трепета и волненія то мѣсто, въ которомъ послѣ вопроса Пилата: „кого хотите, чтобы я отпустилъ вамъ?“ послѣ минут-

наго молчанія, раздается потрясающій взрывъ голосовъ: „Варавву!“ И еще ужаснѣе и сильнѣе раздается крикъ разъяреннаго народа: „да будетъ распятъ!“ крикъ, сопровождаемый глухимъ ропотомъ: „кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!“ Въ пѣніи Страстей, по Евангелію святаго Матоея, встрѣчается также еще одно потрясающее мѣсто, гдѣ являются противъ Господа два лжесвидѣтеля; въ этомъ мѣстѣ слышится постоянно усиливающаяся дисгармонія голосовъ, какъ будто ихъ лжесвидѣтельства отражались въ самыхъ голосахъ пѣвцовъ. Нужно прибавить что означенныя мѣста передаются безъ малѣйшей аффектаціи, или театральной искусственности — все просто, величественно и торжественно; все единственно направлено къ тому, чтобы по возможности живѣе, нагляднѣе и съ болѣе полнымъ значеніемъ представить сказанія Евангелистовъ. Въ этомъ отношеніи многія Голгоескія событія, передаваемая пѣніемъ, являлись для истолкователя св. Писанія въ совершенно новомъ свѣтѣ. Такъ напримѣръ слова: „Радуйся Царь Іудейскій“, были пропѣты хоромъ въ высшей степени тихо и нѣжно, какъ бы для указанія, что даже сами іудеи признавали истину, содержащуюся въ этомъ наименованіи, противъ котораго возставали. По произнесеніи чтецомъ послѣдняго слова Господа на крестѣ: *Свершилось!* голосъ его становился все ниже и ниже, пока совсѣмъ не замеръ въ воздухѣ, такъ что едва можно было разслышать послѣдующія слова: „и преклонивъ главу, предалъ духъ“. При этихъ словахъ весь народъ преклонилъ колѣна, и въ храмѣ на нѣсколько минутъ водворилось совершенное безмолвіе; потомъ снова началось чтеніе Страстей до слѣдующихъ словъ: „воззрять на Того, Котораго пронзили.“

Затѣмъ наступила вторая пауза, во время которой было произнесено: „Сердце чисто созижди во мнѣ Боже!“ и въ заключеніе чтець очень низкимъ голосомъ докончилъ остальную, небольшую часть страстнаго Евангелія.

По окончаніи чтенія Страстей, священнодѣйствующій возгласилъ: „помолимся, возлюбленные, о святой Церкви Божіей, чтобы Господь и Богъ нашъ благоволилъ умиротворить ее, соединить и укрѣпить по всей землѣ, дабы мы могли безмятежно проводить въ ней жизнь нашу, и славословить Всемогущаго Отца“. Народъ отвѣчалъ на эту молитву возгласомъ: „преклонимъ колѣна“ и потомъ слѣдовала молитва, основанная на предыдущихъ сло-

вахъ,—и сопровождаемая другими молитвами и прошеніями, изъ которыхъ на каждое народъ продолжалъ восклицать словами: „преклонимъ колѣна“. Во все это время крестъ, весь покрытый крепомъ, стоялъ на обычномъ мѣстѣ престола; но, по окончаніи молитвъ, священникъ снялъ съ себя ризу, и одинъ изъ діаконовъ, съ благоговѣніемъ взявши крестъ съ престола, поднесъ его священнику, который, приподнявши съ верхней части небольшую часть крепа, началъ пѣніе антифона: „Вотъ Древо!“ Къ пѣнію присоединили свои голоса сослужащіе и продолжали: „Вотъ Древо Креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель міра!“ Хоръ отвѣчалъ на это „Приидите, поклонимся“. Весь народъ упалъ на колѣна, кромѣ священника, который подошелъ теперь къ правому углу алтаря, и, тамъ, открывши другую часть Креста, который приподнял нѣсколько въ виду народа, возгласилъ громче прежняго: „Вотъ Древо Креста!“ на что хоръ снова отвѣчалъ: „Приидите, поклонимся“. Приблизившись къ срединѣ алтаря, и открывши весь Крестъ, священникъ возгласилъ еще громгласнѣе: „Вотъ Древо Креста!“ и хоръ еще разъ отвѣчалъ на это пѣніемъ: „Приидите, поклонимся!“ Затѣмъ Крестъ былъ поставленъ на землю противъ алтаря, и, священникъ, снявши съ себя обувь, трижды преклонился передъ нимъ и поцѣловалъ его; послѣ чего снова надѣлъ свою ризу и обувь. За нимъ начали подходить къ Кресту прочія духовныя лица и всѣ присутствовавшіе въ храмѣ; они подходили къ Кресту попарно, преклонялись предъ нимъ, цѣловали его и удалялись на свои мѣста. Во время этой торжественной церемоніи два пѣвца, изъ среды хора, пѣли антифоны (*Improperia*). Въ нихъ слышались упреки, обращенные къ іудеямъ, и эти горькіе упреки невольно возбуждаютъ въ присутствующихъ смѣшанное чувство скорби и негодованія противъ распинателей Господа. „О! народъ мой! что Я тебѣ сдѣлалъ? или чѣмъ огорчилъ тебя? Отвѣтствуй мнѣ“. Эти скорбныя слова невольно поражали слухъ, и на нихъ слѣдовалъ еще болѣе печальный отвѣтъ: „За то, что Я вывелъ тебя изъ земли Египетской, ты приготовилъ Крестъ для твоего Спасителя“. Наступило краткое молчаніе, и антифоны были прерваны пѣніемъ Трисвятаго, во время котораго различныя части хора пѣли попеременно, по-латинѣ и по-гречески:

Ἅγιος ὁ Θεός—Sanctus Deus!

Ἅγιος ὁ ἰσχυρός— Sanctus fortis!

Ἅγιος ὁ ἀθάνατος. Ἐλέησον ἡμᾶς—sanctus immortalis
miserere nobis!

По окончаніи Трисвятаго, снова началось пѣніе антифоновъ и опять они были прерваны пѣніемъ Трисвятаго. Изъ всѣхъ музыкальныхъ произведеній нѣтъ ничего превосходнѣе, величественнѣе и трогательнѣе этихъ антифоновъ, и они совершенно справедливо могутъ считаться образцовымъ произведеніемъ Палестины: что же касается до содержащейся въ нихъ внутренней силы, которою они дѣйствуютъ на душу, оставляя въ ней неизгладимое впечатлѣніе, то они могутъ сравняться только съ книгою: *Плача Іереміи*. Вслѣдъ за окончаніемъ этой части богослуженія, весь хоръ соединяется въ пѣніи гимна: „Крестъ Твой почитаемъ Господи и святое Воскресеніе Твое поемъ и славимъ“. Послѣ чего начинается пѣніе гимна:

„О, Пречистый Кресте! О треблаженное Древо!

„Безцѣнное и Божественное Древо!

„Ни одно земное древо не можетъ явить намъ

„Такихъ цвѣтовъ и листьевъ, какіе произраśli отъ Тебя.

„Несравненны гвозди, которыми былъ пригвожденъ

„И несравненно древо, на которомъ былъ распятъ—

„Сладчайшій Спаситель міра!“

Тихій и пѣжный напѣвъ этаго гимна былъ очень успокоителенъ для души, взволнованной и потрясенной предшествовавшимъ, раздражающимъ сердце пѣніемъ скорбныхъ антифоновъ. Но вотъ раздаются радостныя, заключительныя слова гимна:

„Вѣчная слава и хвала

„Везсмертному Богу!

„Да будетъ во вѣки единая честь

„Отцу и Сыну и Святому Духу!“

Во время пѣнія этаго послѣдняго стиха на престолѣ были зажжены свѣчи, и священники съ процессіею отправились за Святыми Тайнами къ Гробу, въ которомъ онѣ хранились до сего времени. Во время шествія пѣли гимнъ:

„Вотъ является Царственное знаменіе—

„Всѣми почитаемыя Тайны Твои, Господи!

„Радуйся Кресте, на которомъ Ты предаль Духъ Свой

„И Своею смертію даровалъ намъ жизнь!“

Положивши пречистыя Тайны на престолѣ, священникъ преклонилъ предъ ними колѣна и потомъ окадилъ оныя; затѣмъ, умывши руки, онъ возвысилъ св. Агнецъ и, преломивши Его, положилъ по обычному въ Дарохранительницу. Потомъ, взявши частицу святаго Агнца съ виномъ, и смѣшеніе воды съ виномъ, прочиталъ молитву; кончивъ это, онъ отошелъ отъ престола, съ котораго, въ молчаніи, снова были сняты обычные одежды.

Вечеромъ мы отправились въ церковь св. Иоанна Латеранскаго на вечернюю службу *мраки* и, какъ прежде, священники, набожность и благоговѣніе, съ которымъ отправлялось богослуженіе, составляли самый разительный и утѣшительный контрастъ съ богослуженіемъ, какъ оно, обыкновенно, совершается въ соборѣ св. Петра.

Я забылъ упомянуть, что одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ въ великій пятокъ, состоитъ въ благочестивомъ путешествіи, предпринимаемомъ большинствомъ народа въ колizeй. Отъ четырехъ до семи часовъ вечера, все пространство огромной арены было наполнено толпами народа изъ всѣхъ націй и сословій. Каждую минуту можно было видѣть входящихъ большою галлереею епископовъ и патріарховъ восточныхъ церквей, монаховъ всевозможныхъ орденовъ, зуавовъ въ ихъ живописныхъ костюмахъ, бѣлыхъ священниковъ, дамъ въ богатыхъ нарядахъ и крестьянъ въ яркихъ плащахъ. Всѣ они сначала направлялись къ Кресту, стоящему въ центрѣ амфитеатра, и, преклонившись передъ нимъ на нѣсколько минутъ въ тихой молитвѣ, переходили на свои мѣста. По временамъ показывались церемоніи, предводимыя то епископомъ, то членами братства, которыя также направляли свой путь къ Кресту; а на платформѣ, устроенной близъ входа, одинъ францисканскій монахъ, въ черномъ подризникѣ съ веревкою кругомъ груди, говорилъ къ стоявшему, сидѣвшему и полулежавшему на землѣ народу объ страданіяхъ Господа Иисуса. Трудно было бы представить себѣ болѣе сильное, болѣе трогательное зрѣлище, которое, во всей своей живой дѣйствительности, самымъ краснорѣчивымъ образомъ говорило сердцу о торжествѣ Креста надъ религіями древняго міра и надъ могуществомъ величайшей имперіи, которую когда-либо основывалъ человѣкъ.

Скала Санта также была особеннымъ предметомъ благочестива-

ваго странствованія въ великую пятницу и съ 5 часовъ утра до 8 вечера туда стекались огромныя толпы народа, для удовлетворенія своему религіозному чувству.

Церемонія великой субботы происходитъ въ соборѣ св. Петра съ большимъ спокойствіемъ и порядкомъ, чѣмъ то было замѣтно въ продолженіе предшествовавшихъ дней. Толпы иностранцевъ, не мало утомленныхъ религіозными впечатлѣніями послѣднихъ дней, дозволяютъ себѣ на великую субботу отдыхъ и стараются подкрѣпить свои силы, чтобы приготовиться къ торжественной встрѣчѣ перваго дня Пасхи. Но тѣмъ не менѣе обряды великой субботы такъ же замѣчательны, какъ и всѣ прочіе, совершаемыя въ страстную седмицу. Церемонія начинается возженіемъ новаго огня изъ кремня внѣ базилики; возженные этимъ огнемъ уголья какъ бы прообразуютъ божество Господа, Который есть свѣтъ міру. По возженіи угольевъ, священнодѣйствующій, (въ настоящемъ случаѣ священнодѣйствовалъ кардиналъ Бонниозъ), благословилъ новый огонь, и молилъ Господа, чтобы Онъ воспламенилъ вѣрующихъ небесными желаніями, и чтобы вѣрующіе, при помощи Божіей, могли чистыми умами и сердцами встрѣтить праздникъ Вѣчнаго Свѣта. За симъ слѣдовала другая молитва, почти одинаковаго содержанія съ первою, а за нею заключительная молитва въ слѣдующихъ словахъ: „Всесвятый Господи, Всемогущій Отче, Вѣчный Боже, благоволи даровать Твою благодатную помощь намъ, благословляющимъ этотъ огонь, во имя Твое, и во имя Твоего Единороднаго Сына, Господа и Бога нашего Иисуса Христа, и во имя Твоего Святаго Духа; соблюди насъ отъ смертоносныхъ стрѣлъ врага нашего діавола, и озари насъ небесною Твоею благодатію“. Благословивши огонь, кардиналъ приступилъ къ благословенію ладона, пять зеренъ котораго были положены въ пяти небольшихъ сосудахъ, похожихъ видомъ на позлащенные еловыя шишки; потомъ, окропивши ладонь и огонь святою водою, онъ произнесъ слова: „окропиши мя уссопомъ“... Эта часть церемоніи совершается внѣ собора; по окончаніи ея, процессія снова вступила въ базилику; тогда діаконъ взялъ отъ одного изъ сослужащихъ трость съ придѣланнымъ къ верху ея трехвѣщникомъ, и когда церковно-служитель (аколитъ) возжегъ одну изъ свѣчей трехсвѣщника, а кардиналъ и всѣ участвовавшіе въ процессіи, за исключеніемъ державшаго крестъ, преклонили

колѣна, діаконъ громогласно возгласилъ: „Свѣтъ Христовъ“, на что немедленно послѣдовалъ отвѣтъ: „благодаримъ Господа!“ Процессія снова двинулась въ путь и остановилась еще разъ посреди храма, гдѣ была зажжена вторая свѣча, и діаконъ возгласилъ громогласнѣе прежняго: „Свѣтъ Христовъ!“ Тѣ же самыя слова были повторены, когда процессія приблизилась къ олтарю и была вожжена третья свѣча. За симъ діаконъ испросилъ у кардинала благословеніе, которое было преподано ему въ слѣдующихъ словахъ: „да будетъ Господь въ твоёмъ сердцѣ и въ твоихъ устахъ, дабы ты могъ достойно и благоговѣнно воздать Ему пасхальное хваленіе;“ послѣ чего діаконъ воспѣлъ радостный гимнъ: „да радуются нынѣ ангельскія небесныя воинства, да звучитъ труба спасенія, возвѣщающая намъ побѣду Верховнаго Царя и Господа; да возрадуется и земля, озаренная такимъ свѣтомъ; да возвеселится и Церковь, украшенная такимъ свѣтозарнымъ сіяніемъ. Посему, я прошу васъ возлюбленнѣйшіе, присутствующіе здѣсь въ чудномъ сіяніи святаго свѣта, призывать со мною милосердіе Всемогущаго Господа“. Далѣе послѣдовало чтеніе краснорѣчиваго размышленія о событіяхъ, воспоминаемыхъ въ великую субботу. Во время означеннаго чтенія пять зеренъ ладона, лежавшія доселѣ на блюдѣ, были сняты съ него и прикрѣплены къ пасхальной свѣчѣ, какъ бы въ видѣ креста, въ воспоминаніе пяти язвъ Господа. Затѣмъ была возжена и самая пасхальная свѣча огнемъ трехсвѣщника, и была вставлена въ серебрянный подсвѣчникъ, стоявшій по правую сторону алтаря. Эти подсвѣчники обыкновенно дѣлаются въ видѣ столба съ тою цѣлію, чтобы напомнить присутствующимъ объ облакѣ, слѣдовавшемъ за Израильтянами, во время странствованія ихъ по пустынѣ; самая же свѣча какъ бы прообразуетъ не только Христа, Который есть Свѣтъ міра, но и напоминаетъ о ветхозавѣтномъ столбѣ. Вслѣдъ за тѣмъ были возжены въ разныхъ частяхъ собора всѣ, безъ исключенія, паникадила, и діаконъ перемѣнивши свое бѣлое облаченіе на другое разноцвѣтное, приличное дню, приблизился къ кардиналу, который, въ бархатной малиновой ризѣ, тихо читалъ пророчества, соответствующія воспоминаемымъ событіямъ; между тѣмъ какъ эти же самыя пророчества громко повторялись на хорахъ. По окончаніи каждаго пророчества, множество кардиналовъ, епископовъ и прелатовъ, возсѣдавшихъ на своихъ мѣстахъ, громогласно возгласили: „пре-

клонимъ колѣна!“ и затѣмъ слѣдовала краткая молитва, соответствующая только что прочитанному пророчеству. За чтеніемъ отдѣла изъ книги Исхода былъ пропѣтъ величественный гимнь: „будемъ пѣть Господу, ибо Онъ силенъ; коня и всадника ввергнулъ въ море“, а по прочтеніи отдѣла изъ четвертой главы книги пророка Исаи, гдѣ содержится предсказаніе о Христѣ, что Онъ будетъ тѣнью отъ зноя и защитою отъ бури, хоръ пѣвчихъ трогательно и сладкозвучно пропѣлъ: „возлюбленный мой имѣтъ виноградникъ на холмѣ; виноградникъ Господа Силь есть домъ Израилевъ“.

Когда окончилось чтеніе пророчествъ, кардиналъ въ сопровожденіи крестоносца, діакона и церковно-служителей, приблизился къ крещальной купели, при пѣніи пѣвчими слѣдующихъ ѹмилительныхъ словъ: „Какъ лань ищетъ потоковъ водъ, такъ душа моя ищетъ Тебя, Боже! Жаждетъ душа моя Бога, Бога живаго: когда я приду и явлюсь предъ лице Божіе?“ За симъ кардиналъ благословилъ купель, моля Господа, чтобы Онъ послалъ Своего Духа усыновленія для возрожденія пріявшимъ святое крещеніе, такъ чтобы дѣло служенія рабовъ Его довершалось дѣйствіемъ Всемогущей силы. Далѣе слѣдовала другая длинная молитва, и когда кардиналъ произнесъ въ ней извѣстное мѣсто, въ которомъ просилъ Господа даровать водѣ благодать Христа отъ Святаго Духа, тогда онъ крестообразно раздѣлилъ воду. Затѣмъ, оскнивши воду крестнымъ знаменіемъ, онъ благословилъ ее именемъ „Живаго, Истиннаго и Святаго Бога, Который въ началѣ словомъ Своимъ отдѣлилъ воду отъ суши, и Духъ Котораго носился надъ нею“. Раздѣляя крестообразно воду своею рукою, онъ бросилъ нѣсколько капель оной къ востоку, западу, сѣверу и югу, съ произнесеніемъ слѣдующихъ словъ: „Который произвелъ тебя изъ источника райскаго и повелѣлъ тебѣ четыремя рѣками орошать всю землю; Который, премѣнивши горечь твою на сладость въ пустынѣ, сдѣлалъ тебя годною для питья, и произвелъ тебя изъ скалы для напоенія жаждущаго народа. Я благословляю тебя также именемъ Иисуса Христа нашего Господа, Его Единороднаго Сына, Который въ Канѣ Галилейской чудесно превратилъ тебя въ вино; Который ходилъ по тебѣ своими стопами и отъ Иоанна былъ крещенъ въ тебѣ въ Иорданѣ; Который источилъ тебя изъ Своихъ живоносныхъ ребрь вмѣстѣ съ Своею Пречистою кровію

и заповѣдалъ Своимъ ученикамъ крестить въ Тебя вѣрующихъ, сказавши имъ: Идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. О! Всемогущій Боже, продолжай онъ, милосердно помоги намъ, соблюдающимъ Твою заповѣдь, пошли намъ благодать Святаго Твоего Духа! Съ произнесеніемъ этихъ словъ онъ трижды крестообразно дунулъ на воду. Потомъ трижды погрузилъ пасхальную свѣчу въ купель, погружая ее съ каждымъ разомъ глубже и глубже, и произнося молитву объ очищеніи въ водѣ сей сквернъ грѣховныхъ, чтобы человѣческая природа, созданная по образу Божію, могла очиститься въ ней отъ прелестей ветхаго человѣка; и наконецъ, чтобы всѣ, долженствующіе принять таинство крещенія, возродились въ ней новыми чадами, чадами истинной невинности. Вынувши свѣчу изъ купели, кардиналь окропилъ народъ освященною водою; затѣмъ онъ крестообразно влилъ въ воду купели елей оглашенныхъ при произнесеніи слѣдующихъ словъ: „да освятится вода сія, и да будетъ она плодоносною чрезъ елей спасенія для возрожденныхъ въ ней въ жизнь вѣчную“. Далѣе, вливши въ оную мѣру и потомъ елей смѣшанный съ мѣромъ, онъ просилъ Господа, чтобы соединеніе мѣры освященія, елей помазанія и воды крещенія, совершилось „во имя Отца, и Сына и Святаго Духа“. По окончаніи сего, процессія возвратилась въ алтарь, и при всеобщемъ колѣнопреклоненіи, двое изъ пѣвцовъ пропѣли превосходную, такъ-называемую *Литію Святыхъ*; между тѣмъ какъ хоръ повторялъ за ними каждую часть оной. Это было одною изъ прекраснѣйшихъ и поразительныхъ частей богослуженія, особенно, когда при словахъ: „молимъ Тебя грѣшныя. услыши насъ“, кардиналы, епископы и прелаты вставали съ своихъ мѣстъ и надѣвали свои праздничныя облаченія, доселѣ лежавшія на полу при ихъ ногахъ. За симъ, когда въ алтарѣ были вожены большія паникадила, предъ глазами зрителей открылся величественный фронтонъ алтаря съ его блестящими украшениями, и внезапно исчезли всѣ знаки унынія и печали. Въ концѣ литіи хоръ пропѣлъ: *Κυριε ἑλέησον*, и тотчасъ началась литургія, при которой присутствовалъ святѣйшій отецъ. Лишь только были произнесены первыя слова: *Gloria in Excelsis*, какъ изъ замка святаго Ангела раздался пушечный выстрѣлъ, и за нимъ радостный трезвонъ колоколовъ всѣхъ городскихъ церквей; внутри самаго собора св. Петра также произведенъ былъ

звонъ въ небольшіе среброзвучные колокола, вистѣвшіе въ преддверіи собора. Мрачные и скорбные дни страданій миновались; наступили дни благодаренія, радости, свѣта и жизни. Въ ту минуту, когда началось славословіе, изъ ризницы вышелъ иподіаконъ, и преклонившись предъ папою, возвѣстилъ ему Воскресеніе Господа. Это такъ-называемое *преподаніе аллилуія*. По прочтеніи Апостола, священнодѣйствующій троекратно возгласилъ: *Аллилуія!* повторяя оное съ каждымъ разомъ громче и громче; хоръ повторялъ точно также за нимъ это слово, и впечатлѣніе, производимое этимъ пѣніемъ, было такъ величественно и поразительно, что его трудно передать словами.

Въ великую субботу не читается ни одинъ Символь вѣры (по *credo*), проскомидія опускается, *Pax Domini* произносится, но не преподается народу; *Агнца Божія* (*Agnus Dei*) не положено; за причащеніемъ молитвы также не бываетъ. По причащеніи священнодѣйствующаго, совершается вечерня, начинающаяся гимномъ: „Аллилуія, аллилуія, аллилуія! Хвалите Господа всѣ народы! Хвалите Его всѣ люди! Аллилуія, аллилуія, аллилуія! По прошествіи субботы, на разсвѣтъ перваго дня недѣли, пришла Марія Магдалина и другая Марія, посмотрѣть гробъ. Аллилуія, аллилуія, аллилуія“! Литургія кончается по обычному, за исключеніемъ того, что къ словамъ: *Ite Missa* и *Deo gratias* присоединяется двукратное *аллилуія*.

Въ соборѣ святаго Іоанна Латеранскаго церемоніи великой субботы дѣлаются еще замѣчательнѣе отъ обычая—крестить въ новоосвященной водѣ новообращающихся христіанъ. Въ этотъ день, въ крещальнѣ Константина, обращенные іудеи и схизматики чрезъ воспріятіе крещенія дѣлаются членами церкви, и на этотъ разъ кардиналъ викарій совершалъ таинство крещенія и мвропомазанія надъ двумя евреями и молодою еврейкою. Одежда, надѣваемая новокрещаемыми при этой церемоніи, очень страннаго вида; какъ мушны, такъ и женщины облакаются въ широкія мантии изъ бѣлаго сатина, сшитыя на очень старинный фасонъ. Я слышалъ, что въ настоящемъ году соборъ до чрезвычайности былъ наполненъ народомъ, но говоря вообще, при этой церемоніи, всегда бываетъ немного зрителей, да и то больше изъ иностранцевъ.

Другая церемонія, наблюдаемая въ великую субботу, также не лишена своего интереса. Какъ скоро приходскіе священники окон-

чать въ этотъ день литургію, они, въ сопровожденіи одного изъ церковниковъ, ходятъ изъ дома въ домъ, благословляютъ своихъ прихожанъ, ихъ жилища, утварь и съѣстные припасы. Во многихъ домахъ столъ бываетъ убранъ цвѣтами и украшенъ достаточнымъ запасомъ пасхальныхъ яицъ, которыя потребляются въ день Пасхи.

Въ страстную седмицу въ Римѣ также соблюдаются два другихъ обычая, о которыхъ не безынтересно сказать нѣсколько словъ. Въ великій четвертокъ городскіе продавцы поросятъ, а число ихъ легіонъ, при первомъ ударѣ въ колоколь къ Ave Maria, имѣютъ обыкновеніе украшать гирляндами цвѣтовъ, находящіяся въ ихъ лавкахъ, изображенія Пресвятой Дѣвы, и точно также убирать ими окорока ветчины, колбасы, сосиски и сыръ, какъ бы въ знакъ радости. что приближается къ концу великопостный сезонъ, обыкновенно не благопріятствующій ихъ торговлѣ. Другой обычай касается освященія небольшихъ медальионовъ, подъ названіемъ: *Агнецъ Божій* (Agnus Dei). Эти медальионы дѣлаются изъ бѣлаго воска; на одной сторонѣ ихъ представлятъ пасхальный агнецъ, а на другой—лики различныхъ святыхъ. Воскъ, изъ котораго дѣлаютъ оныя, получается изъ пасхальныхъ свѣчей Сикстинской капеллы и пасхальныхъ свѣчей, употребляемыхъ во всѣхъ другихъ церквахъ Рима. Ежегодно въ великую субботу освящаются пасхальныя свѣчи, и остатки отъ этихъ свѣчей, тщательно собираемые, отдаются монахамъ Цистерціанскаго ордена, приписаннымъ къ церкви св. Креста (sancta Cruce). Эти монашествующіе пользуются привилегіею дѣлать медальионы: Agnus Dei, освященіе которыхъ, впрочемъ, единственно предоставлено одному папѣ. Освященіе ихъ происходитъ во время пасхальной седмицы очень торжественно и всенародно, въ первый годъ папства каждаго новаго папы, а потомъ черезъ каждыя семь лѣтъ. Однако, еслибы оказалось нужнымъ освящать ихъ въ промежуточное время, то папа совершаетъ для сего служеніе частно въ ризницѣ церкви св. Креста. Они не продаются, но раздаются безденежно всякому, кто пожелаетъ имѣть ихъ. Между останками мучениковъ, находимыхъ въ римскихъ катакомбахъ, встрѣчаются иногда нѣкоторые безыменные, кости которыхъ превратились въ прахъ. Этотъ самый драгоценный прахъ иногда смѣшивается съ воскомъ, употребляемымъ при дѣланіи медальионовъ *Агнецъ Божій*, и тогда

они цѣнятся еще выше. Обряды, съ которыми совершается освященіе и благословеніе медальионовъ, весьма подробно описаны канонникомъ Монтоль, который говоритъ, что по принятому обычаю, папа начинаетъ церемонію погруженіемъ ихъ въ святую воду, съ молитвою къ Господу, чтобы имѣющіе ихъ могли очиститься отъ своихъ грѣховъ. Потомъ онъ молится, чтобы Господь, Виновникъ всякой святости, принявшій нѣкогда жертву Авеля, и повелѣвшій Моисею приносить агнцевъ въ жертву, благословилъ и освятить изображенія непорочнаго и несквернаго Агнца, дабы присутствіе ихъ могло прекращать градъ, громъ и бурю; и чтобы, какъ нѣкогда при видѣ агнчей крови на дверяхъ жилищъ еврейскихъ ангель истребитель проходилъ мимо жилищъ еврейскихъ, окропленныхъ ею, такъ и злые духи убѣгали тѣхъ, которые носятъ на себѣ медальионъ и изображенія Агнца Божія, и чтобы имѣющіе ихъ могли спастись отъ внезапной смерти и всѣхъ житейскихъ золъ. Означенные медальионы хранятся съ великимъ благоговѣніемъ, и въ каждый седьмой годъ своего напства, святой отецъ раздаетъ ихъ вѣрующимъ во время литургии великой субботы. Этотъ обычай ведетъ свое начало съ весьма древнихъ временъ, и кажется имѣть свое основаніе въ существовавшемъ нѣкогда преломленіи пасхальной свѣчи и раздѣленіи частицъ оной между народомъ. Значительное число медальионовъ находили въ катакомбахъ, и нѣкоторые изъ нихъ относятся къ V и VI столѣтіямъ. Мнѣ приходилось читать, что обыкновеніе употреблять ихъ особенно распространилось въ царствованіе Константина и усиливалось по мѣрѣ развитія въ христіанахъ благочестія. Изъ того же самаго сочиненія я знаю, что медальионы съ изображеніемъ Агнца Божія были находимы въ богатыхъ ларчикахъ, сдѣланныхъ изъ драгоценныхъ металловъ. Въ 1544 году, когда копали рвы для основанія собора св. Петра, была найдена гробница жены Гонорія, скончавшейся въ срединѣ V столѣтія. Эта молодая женщина, умершая въ день своей свадьбы, была погребена съ особенною торжественностію. Въ мраморномъ саркофагѣ, въ которомъ хранились ея останки, между другими вещами была найдена драгоценная одежда, вышитая золотомъ, котораго по выжигѣ оказалось тридцать шесть фунтовъ. Тутъ находился также серебряный ларчикъ съ различными алмазными драгоценными вещами, нѣсколькими рѣзными дорогими камнями, одинъ

изъ которыхъ былъ знаменитый изумрудъ съ вырѣзаннымъ изображеніемъ головы Гонорія и нѣсколько золотыхъ блюдъ, украшенныхъ символическими фигурами, которыя вѣроятно тогда предшествовали медальйонамъ *Агнца Божія*.

Книга, употребляемая папою во время освященія медальйоновъ, также весьма интересна. Каноникъ Монтоль такъ описываетъ ее. Она величинаю въ фоліо и состоитъ изъ шестнадцати пергаментныхъ, рукописныхъ страницъ, окаймленныхъ красною краской и съ разрисованными заглавными буквами. Буквы велики и ясны; каждая изъ нихъ написана отчетливо и богато украшена. Заглавныя буквы молитвъ покрыты золотомъ, разноцвѣтными красками и превосходно исполнены. Эта книга была написана во времена Иннокентія XIII (т. е. отъ 1721 до 1724 г.), по всей вѣроятности, въ первый годъ его папства. На перешетѣ, сдѣланномъ изъ малиноваго сафьяна, находится слѣдующее заглавіе:

Benedictio, Aquae:

Agni, Novellis.

Едва ли нужно прибавлять, что, по всеобщему убѣжденію, владѣніе медальйонами съ изображеніемъ Агнца приноситъ благословеніе и охрану только тѣмъ лицамъ, которые носятъ ихъ съ благоговѣніемъ, и всегда имѣютъ въ виду честь и славу Господа, на нихъ изображаемаго.

Церемоніаль Пасхи такъ хорошо извѣстенъ, что нѣтъ большой надобности много распространяться о немъ. Въ настоящемъ году, по причинѣ стеченія епископовъ и священниковъ всевозможныхъ орденовъ, бывшихъ въ Римѣ, количество народа присутствовавшего при пасхальномъ богослуженіи, было, по истинѣ, громадно. Со дня открытія собора, я никогда не видалъ такого множества народа, собравшагося отовсюду въ храмъ св. Петра.

Такъ какъ немного праздниковъ, въ которые священнодѣйствуетъ папа, то въ праздникъ Пасхи каждый изъ богомольцевъ старался занять удобное мѣсто въ виду алтаря; но мы не были такъ счастливы, и не могли многого видѣть и слышать за дальностію разстоянія. Лишь только мы вошли въ соборъ, какъ намъ представилось церемоніальное шествіе его святѣйшества по храму на тронѣ, подъ балдахинномъ, тогда какъ въ ложѣ надъ преддверіемъ собора оркестръ музыкантовъ игралъ національный гимнъ. Обыкновенно думаютъ, что духовыя трубы, употребляемыя въ

этомъ случаѣ сдѣланы изъ серебра, но это, повидимому, ошибочно; я не знаю, откуда явилось подобное мнѣніе, развѣ только изъ того обстоятельства, что звуки, издаваемые ими, чрезвычайно отчетливы и среброзвучны. Однако игра музыкантовъ въ ложѣ не производитъ такого эффекта, какой бываетъ при игрѣ оркестра съ возвышенія, когда трубачи всходятъ на одну изъ галлерей собора. Тогда звуки, кажется, принадлежать болѣе небу, чѣмъ землѣ и поэтически дѣйствуютъ на душу. Самыми замѣчательными вещами, употребляемыми при несеніи святаго отца на тронѣ, представляются вѣера или опахала, которыя несутъ около него по ту и другую сторону; но однако, какъ просто ихъ происхождение: очевидно они ни болѣе, ни менѣе, какъ древнія рипиды, употребляемыя во времена первенствующей церкви, для отгнанія отъ алтара насѣкомыхъ. Съ того времени они преобразовались въ украшенія, назначенныя для великихъ церковныхъ церемоній, и эффектъ, производимый ими, очень замѣтенъ и поразителенъ.

Потребовалось бы слишкомъ много мѣста для подробнаго каталога членовъ великой процессіи, предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ за папою, во время его торжественнаго несенія по собору въ день Пасхи. Между лицами, принимавшими въ ней участіе, находилось значительное число начальниковъ религиозныхъ орденовъ, равно какъ всѣхъ членовъ папскаго двора. Одно изъ самыхъ видныхъ лицъ есть крестоносець, который несетъ папскій крестъ, обратившись къ нему лицомъ. Вокругъ него обыкновенно находятся семь ассистентовъ, каждый съ золотымъ седмисвѣщникомъ, а при нихъ два жезлоносца, съ красными въ рукахъ посохами. Папа обыкновенно никогда не носитъ посоха; это было бы противно принятому обыкновению; онъ беретъ съ собою посохъ развѣ только тогда, когда намѣревается посѣтить г. Трирь. Начало этого обыкновения одинъ французскій писатель передаетъ слѣдующимъ образомъ. Святой Петръ во время своего епископства послалъ миссіонеровъ въ Германію. Изъ трехъ миссіонеровъ, отправившихся туда, св. Матернъ, послѣ сорокадневнаго путешествія, умеръ около города Трира. Одинъ изъ двухъ миссіонеровъ, оставшихся въ живыхъ, немедленно возвратился въ Римъ просить апостола послать другаго миссіонера на мѣсто скончавшагося Матерна. „Возми мой жезлъ, сказалъ св. Петръ, возвратись

въ Трирь, и коснись имъ тѣла Матерна⁴. При прикосновеніи апостольскаго жезла, Матернъ воскресъ. и былъ въ послѣдствіи сдѣланъ епископомъ трирскимъ. Въ память св. Петра, оставпагося на нѣкоторое время безъ своего апостольскаго жезла, папы ни когда не носятъ жезла, развѣ только въ томъ случаѣ, когда отправляются въ Трирь. Изъ всѣхъ церковныхъ сановниковъ, принимавшихъ участіе въ процессіи, кардиналы и патріархи восточныхъ церквей имѣли на себѣ самое богатое облаченіе. Римскій сенаторъ и вице сенаторъ шествуютъ въ богатоукрашенныхъ великолѣпныхъ костюмахъ; и папскіе камергеры, въ этой процессіи, выдаются очень рельефно въ своихъ черныхъ бархатныхъ плащахъ съ большими бѣлыми брыжами и воротничками Швейцарская гвардія въ день Пасхи болѣе блистательна, чѣмъ обыкновенно, потому что въ этотъ праздникъ, въ придачу къ своимъ бердышамъ и шлемамъ, они надѣваютъ на себя блестящія стальные латы. Какъ скоро папа приблизился къ трону, къ нему подошли кардиналы и епископы воздать обычную почесть, и затѣмъ началось священнодѣйствіе литургіи. Прежде, чѣмъ папа начинаетъ службу, съ него снимаютъ тиару, которая была надѣта на немъ въ процессіи, потому что тогда онъ являлся народу въ качествѣ государя; но когда онъ принимаетъ участіе въ служеніи алтаря, онъ слагаетъ съ себя временную власть, и является въ лицѣ намѣстника Иисуса Христа, и надѣваемая имъ тогда митра служитъ символомъ его духовной власти. На томъ же самомъ основаніи, во время чтенія приговорительныхъ молитвъ къ литургіи, съ него снимаютъ туфли ярко-краснаго цвѣта и замѣняютъ ихъ бѣлыми шелковыми чулками и сандалями, вышитыми золотомъ. Каждая малѣйшая обрядность скрываетъ въ себѣ особенный смыслъ. Такъ напр. восковая свѣча, которую держитъ епископъ во время чтенія папою служебника—безъ подсвѣчника, потому что, по замѣчанію одного комментарія, „свѣтъ папы не нуждается въ поддержкѣ“. Присутствіе греческаго и армянскаго патріарха въ процессіи и слѣды греческихъ молитвъ въ литургіи, равно какъ участіе, принимаемое по великимъ праздникамъ греческимъ діакonomъ и иподіакonomъ въ пѣніи Апостола и Евангелія, какъ на греческомъ, такъ и на латинскомъ языкахъ, имѣютъ также свое собственное значеніе, и свидѣтельствуютъ „о тѣсномъ союзѣ, существующемъ между греческою и латинскою цер-

квами“ (?) Касательно трехъ тиаръ, лежащихъ во время совершенія пасхальной литургіи у подножія трона, и которыя, по окончаніи оной, относятся на галерею, откуда папа преподаетъ благословеніе, представляютъ различныя объясненія. Въ тиаръ, украшенной красными кругами. думаютъ видѣть намекъ на свѣтскую и духовную власть папы; между тѣмъ какъ тиара съ тремя коронами считается эмблемою трехъ богословскихъ добродѣтелей, или даже эмблемою таинства Пресвятой Троицы.

Другая очень интересная, знаменательная часть пасхальной церемоніи происходитъ тогда, когда святой отецъ, сошедши съ своего трона, подходитъ къ алтарю, и на пути встрѣчаютъ его три младшихъ кардинала, которыхъ онъ обнимаетъ въ воспоминаніе явленія Господа Иисуса Христа по воскресеніи своимъ апостоламъ.

Голосъ папы по обыкновенію звученъ и ясенъ; звуки его отчетливо раздаются въ большей части собора; но ни въ одной части литургіи онъ не былъ такъ торжественно звученъ, какъ въ то время, когда, съ воздѣтыми къ небу руками, папа громогласно возгласилъ: „Вѣрую во Единого Бога“, а хоръ немедленно продолжалъ: „Всемогущаго Отца“.

Въ день Пасхи, когда бываетъ возношеніе св. Даровъ, папа, вознося оныя, попеременно обращаетъ къ сѣверу, югу, востоку и западу, въ знакъ того, что Жертва Господа была принесена за весь міръ. Въ эти минуты среди глубокаго и внезапно наступившаго молчанія, предшествуемаго звукомъ оружія, такъ какъ во время возношенія св. Даровъ гвардія преклоняетъ колѣна на помостъ храма, далеко вверху, на галереѣ собора, раздаются тихіе, музыкальные звуки трубъ почетной гвардіи. Гимнъ тотъ же самый, который совершается въ праздникъ Рождества Христова; онъ продолжается только нѣсколько минутъ, но эти минуты никогда не забудешь, и впечатлѣніе, полученное въ эти минуты, никогда не изгладится. Въ немъ не слышно шумной торжественности и ликованія; звуки вѣжны, тихи, глубоко трогательны и какъ бы говорятъ сердцу о небѣ, которое на мгновеніе сблизилось съ землею.

Во время причащенія св. Таинъ папа сидитъ, а стоящій передъ нимъ діаконъ принимаетъ св. Дары изъ его рукъ. Эта церемонія кажется имѣть двойное значеніе, потому что она не только на-

поминаетъ Господа, Который раздѣлялъ хлѣбъ и вино между своими учениками, но и имѣетъ отношеніе къ чадамъ Израиля, поспѣшно вкушавшимъ пасхальнаго Агнца, передъ исходомъ изъ Египта. Во время пѣнія гимна, начинающагося словами: *Angelus...* діаконъ приступаетъ къ раздачѣ св. Даровъ. Взявши одну изъ трехъ частицъ, положенныхъ имъ прежде сего на дискось, онъ передаетъ оную одному изъ служащихъ, который и потребляетъ ее; тоже самое соблюдается по отношенію къ второй частицѣ и потомъ къ третей. Кромѣ принятаго обычая употреблять въ литургію Пасхи только три частицы, существуетъ также обыкновеніе (соблюдаемое папой) причащаться святой Крови черезъ трубочку, вмѣсто того, чтобы принимать оную прямо изъ чаши ¹⁾.

Еще не окончилась литургія, какъ толпы народа, наполнявшія соборъ, съ шумомъ устремились изъ него вонъ, не позаботившись даже остановиться на нѣсколько минутъ и поклониться великимъ останкамъ (*great remains*), которые, прежде чѣмъ папа оставляетъ базилику, показываются народу съ верхней ложи надъ капеллюю св. Вероники. У всѣхъ была одна цѣль поскорѣе выбраться на Пиаццо и занять удобное мѣсто, съ котораго можно было бы свободно видѣть и слышать благословеніе, преподаваемое папою „*Orbi et Urbi*“.

Богослуженіе въ греческой Волвергамтонской церкви св. пророка Іліи (въ Англіи).

Въ англійской Бирмингамской газетѣ описано совершеніе Божественной литургіи св. Василия Великаго въ праздникъ Рождества въ православной Волвергамтонской греческой церкви св. пророка Іліи.

¹⁾ Авторъ снисходительно относится къ этому неблаговидному обычаю, производя его изъ опасенія, какъ бы не была пролита св. Кровь, и напрасно представляетъ его общеупотребительнымъ въ древности, находя свидѣтельство о немъ только въ лѣтописи (1000 г.) Майнцаго собора. Этотъ обычай—одно изъ тѣхъ папскихъ нововведеній, которыми ознаменована темная исторія папства *И. Н.*

Наканунъ праздника, въ воскресенье, въ показанное уставомъ время была совершена великая вечерня, на которой прочтены восемь паремій изъ ветхаго завѣта, имѣющихъ особое отношеніе къ воспоминанію празднуемаго событія, апостолъ и евангеліе. Затѣмъ по окончаніи вечерни, отправлены литія и благословеніе хлѣбовъ. Литія, по словамъ газеты, происходила такъ: въ концѣ вечерни пѣвцы, чтець и священникъ оставили свои мѣста и, въ предшествіи двухъ свѣщеносцевъ, вышли къ входнымъ дверямъ, на самый конецъ церкви, и здѣсь совершили умилоостивительное моленіе Господу Богу (литію). Означенное моленіе, хотя и получило свое начало въ тяжкія времена для церкви, однако церковь нашла оное благоприличнымъ и для радостнаго времени христіанскихъ праздниковъ... Для показанія торжественнаго характера этой службы, газета приводитъ одно изъ прошеній, произносимыхъ на литіи, именно слѣдующее: *еще молимся о градѣ семъ, всякомъ градѣ и странѣ...* Обычай приносить Господу усердное моленіе при церковныхъ дверяхъ, говоритъ она, ведетъ свое начало, по крайней мѣрѣ, со времени пророка Іоиля, который ясно указываетъ на подобный церковный обрядъ въ ветхозавѣтной церкви (Іоиль II. 17). Одинъ изъ великихъ истолкователей церковной символики, именно Сумеонъ Фессалоникійскій касательно этого обряда замѣчаетъ слѣдующее: *Мы молимся при входѣ или предверіи святаго храма, какъ бы стоя предъ дверьми Неба, на высоту котораго не достойны возвести очи...* По окончаніи литіи священникъ подходитъ ко столу, поставленному по среди церкви и благословляетъ пять хлѣбовъ и различныя произведенія земли. (Молитва благословенія хлѣбовъ переведена въ газетѣ по англійски)

Вечернее богослуженіе продолжалось довольно долго и въ православномъ храмѣ присутствовало значительное число членовъ англиканской церкви. Литургія въ самый день праздника, отправлена по чину св. Василія Великаго; но тѣ изъ англичанъ, говоритъ газета, которые собрались въ греческую церковь въ самый праздникъ Рождества Христова, ожидая видѣть болѣе обрядности, чѣмъ въ обыкновенные воскресные праздники, разочаровались; потому что хотя для всякаго англичанина богослуженіе православной церкви и представляется очень обрядовымъ (ritualistic) а иногда драматичнымъ, такъ какъ священно-дѣйствующіе, во время онаго, имѣютъ свои *входы и выходы*,

часто отвергается и закрывается занавѣсъ и т. под.; впрочемъ несмотря на все это, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, при богослуженіяхъ православной церкви въ великіе праздники особаго церемоніальнаго обряда не бываетъ. Только бываетъ иногда измѣненіе въ литургіи, т. е. вмѣсто литургіи св. Іоанна Златоустаго служится болѣе продолжительная литургія св. Василія Великаго. Литургія Василія Великаго въ Волвергамтонской церкви продолжалась два часа съ четвертью. Пѣніе было стройное и гармоническое, и хотя оно было ново для пѣвчихъ и имѣло свои трудности, впрочемъ, благодаря искусству и энергіи священника греческой церкви, имѣющаго степень бакалавра музыки, пѣвчіе въ короткое время усвоили себѣ оное. Въ богослуженіяхъ греческой церкви тропари (hymns) замѣняютъ такъ называемые коллекты (collect—краткое пѣснопѣніе): употребляемые въ богослуженіяхъ англиканской церкви, они отличаютъ службу одного дня отъ другаго, и тропарь на праздникъ Рождества имѣетъ очень пріятный напѣвъ. Странно, что пѣніе на Рождественской литургіи было протяжное и менѣе оживлено (если можно такъ выразиться), чѣмъ во время обыкновенной литургіи, хотя присутствующихъ при литургіи было и менѣе, чѣмъ наканунѣ при вечернемъ богослуженіи, однако всѣ они стояли очень внимательно, несмотря на утомленіе отъ продолжительности службы. Нѣсколько стульевъ, на которые они могли сѣсть, были благодѣяніемъ для ихъ слабости, потому что въ русскихъ церквахъ мѣсть для сидѣнія не полагается, а службы продолжаются иногда сряду четыре часа. Проповѣди, за продолжительностію службы не было.

Праздникъ Богоявленія въ Греко-Россійской церкви посвященъ воспоминанію Крещенія Господня, при которомъ явилась Святая Троица, а не воспоминанію поклоненія волхвовъ, какъ-то принято въ западной церкви. На богослуженіи этого дня поется слѣдующій тропарь: *Во Иорданѣ крещающуся Тебѣ Господи...* (Тропарь Богоявленія переведенъ въ газетѣ по англійски очень правильно) Во время литургіи праздника онъ былъ пропѣтъ около 12 разъ и даже мало понимающіе церковное пѣніе имѣли хорошій случай ознакомиться съ труднымъ греческимъ напѣвомъ, на который онъ положенъ.

IV. Миссіонерство.

Рѣчь секретаря лондонскаго миссіонерскаго Общества Р. Робинзона.

Намъ нужны люди, говорилъ въ своей рѣчи секретарь лондонскаго миссіонерскаго Общества, дост. Робертъ Робинзонъ, „намъ нужны люди, мыслящіе подобно великому Апостолу языковъ, который говоритъ о себѣ: желаніе моего сердца и молитва къ Богу объ Израилѣ во спасеніе. (Рим. X, 1) Словомъ, намъ нужны люди, имѣющіе въ себѣ духъ Христа Иисуса, этого великаго божественнаго посланника, который сказалъ: крещеніемъ долженъ я креститься, и какъ я томлюсь, пока сіе совершится (Лук. XII 50). Если найдемъ такихъ людей, то можемъ надѣяться, что міръ будетъ пріобрѣтенъ Христу. Впрочемъ и въ настоящее время дѣло подвигается впередъ, хотя нѣкоторые съ презрѣніемъ оспариваютъ это, и возражаютъ намъ, что сравнительно съ временемъ, въ которое мы трудимся для миссіонерства, и съ употребленными для сего суммами, сдѣлано немного.

„Но отчего же, спросимъ мы, терпѣніе, которое считается обыкновенно добродѣтелью во всякомъ дѣлѣ, не считается добродѣтелью въ дѣлѣ Божіемъ? Почему люди съ такимъ терпѣніемъ, около 700 лѣтъ, дожидаются окончательной отстройки Кельнскаго собора, который долженъ нѣкогда пасть въ развалинахъ, — и такъ нетерпѣливы въ отношеніи къ намъ, когда мы съ помощію

Божественной благодати стараемся устраивать живые храмы Св. Духа? Почему люди съ такимъ терпѣнiемъ, лѣтъ по 200, дожидаются прорытія какой либо шахты, тратятъ на это огромныя суммы, и такъ нетерпѣливы въ отношеніи къ намъ, когда мы стараемся углубиться въ самый центръ невѣжества и грѣха, извлекая оттуда не каменный уголь, но драгоцѣнные камни, о которыхъ скажетъ нѣкогда великій Господь: Они будутъ моими въ тотъ день, въ который Я соберу мои камни?—Почему люди такъ терпѣливо дожидались прорытія канала черезъ Суэзскій перешеекъ, и такъ нетерпѣливо относятся къ намъ, когда мы стараемся открыть каналъ для водъ жизни, которыя подобно славному морю, потекутъ отъ полюса къ полюсу?

Впрочемъ ошибаются тѣ, которые возражаютъ, что нами сдѣлано мало. Сравнительно съ суммами и кругомъ нашей дѣятельности, мы сдѣлали много. Нѣкоторые порицаютъ насъ нашу слабостію, они напоминаютъ намъ, что мы по своимъ способностямъ гораздо ниже цѣли, къ которой стремимся. Дѣйствительно, мы немощные люди. Намъ часто приходится восклицать: Кто способенъ къ сему?—Хорошо сознавая это, мы вѣруемъ однако въ силу немощи, и говоримъ съ великимъ Апостоломъ языковъ: когда я немощенъ, тогда я силенъ: Господь Силь съ нами; Богъ Іаковлевъ наше прибѣжище: — Я получилъ однажды полезный урокъ въ этомъ отношеніи. Посѣтивши обширное чугунно-литейное заведеніе, я видѣлъ, какъ огромный паровой молотъ, движимый невидимою силою и управляемый при этомъ рукою дитяти, разбивалъ въ нѣсколько мгновеній массы гранита. „Не есть ли слово Мое, говоритъ Господь, какъ молотъ, раздробляющій на части каменное сердце? Мы готовы повторять съ пророкомъ: О Господи Боже, отрокъ есмь; однако мы можемъ дѣйствовать словомъ Божиимъ, какъ молотомъ, и, съ помощію Св. Духа, оно сдѣлается силою Божіею во спасеніе.

Во время глубокой древности, Архимедъ, занимаясь механикой, однажды воскликнулъ: дайте мнѣ точку, на которой я могъ бы утвердить мой рычагъ, и я сдвину земной шаръ. Но онъ не нашелъ такой точки. Намъ же Богъ открылъ ее. Ученіе Божественной силы—вотъ та точка, на которой мы можемъ утвердить рычагъ Божественнаго слова и приподнять земной міръ. Мы имѣемъ многія сильныя на то доказательства. Недавно я имѣлъ въ

своихъ рукахъ письмо съ острововъ Южнаго Океана, писанное нашимъ миссіонеромъ, М. Лоизомъ (Lawes), который трудится для Христа на Дикомъ островѣ, названномъ такъ капитаномъ Кукомъ по причинѣ крайняго варварства туземцевъ. М. Лоизъ говоритъ въ немъ: когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ прибылъ на этотъ островъ, то начель уже населеніе подготовленнымъ къ принятію христіанства, потому что благодаря проповѣди одного оставшагося здѣсь миссіонера, туземцы убѣдились отказаться отъ всѣхъ своихъ идоловъ; и вотъ теперь на этомъ островѣ находится 1,070 членовъ христіанской Церкви. Около 300 человекъ обращено въ христіанство въ прошломъ году, и болѣе 400 подготавливаются къ принятію онаго. Онъ увѣдомляетъ въ этомъ письмѣ, что денежный сборъ съ нихъ въ прошломъ году, на пользу миссіонерскаго Общества, простирается до 324 ф. стерлинговъ.

Если мы обратимся къ Индіи, то Д. Мулленсъ (Mullens) сообщитъ намъ, какъ онъ нашель въ южномъ Траванкорѣ 300 туземныхъ миссіонеровъ, которые всѣ хорошо понимали англійскій языкъ, и 100 изъ нихъ могли довольно правильно объясняться на немъ. — Многіе изъ нихъ своею нравственною, дѣятельною жизнію вполне оправдывали свое званіе, какъ пастыри христіанской Церкви. Двухъ этихъ фактовъ вполне достаточно для нашего поощренія, и они совершенно должны побуждать нашихъ молодыхъ людей къ принятію на себя высокаго званія миссіонеровъ.

Молодые люди, гдѣ вы? Божественный учитель требуетъ васъ. Гдѣ эти молодые люди? Вы скажете, они находятся въ нашихъ церквахъ. Дѣйствительно, такъ какъ они посвятили себя Богу, то по всей вѣроятности должны находиться на служеніи Ему. Гдѣ они? Вѣроятно много ихъ присутствуетъ теперь въ этой залѣ. Молодые люди! Божественный учитель зоветъ васъ, христіанство имѣетъ въ васъ нужду. Вспомните объ Индіи съ ея 160 милліонами идолопоклонниковъ, которые ждуть отъ христіанскихъ странъ услышать живой голосъ слова жизни. Подумайте о томъ, какъ сыны Африки, около 60 милліоновъ, среди бѣдствій, войнъ и тяжелой неволи, какъ бы кровавыми слезами взываютъ къ намъ — о дарованіи имъ совершеннаго закона свободы. Подумайте о томъ, что вѣковыя стѣны Китая теперь пали — и народъ жадно ждетъ услышать отъ насъ благовѣстіе искупительной любви; что Японія открыла передъ нами свои двери — и въ ней начинаютъ мерцать

лучи Божественнаго свѣта. Вспомните о томъ, какъ даже равнины Сибири начинаютъ озаряться лучами солнца правды.

Вспомните, подумайте о всемъ этомъ, и посвятите себя всецѣло на служеніе великому дѣлу миссіонерства.

(The Christian's penny magazine. March. 1869).

Христіанство въ Японіи *).

(историческій очеркъ).

„Чипангу есть островъ по направленію къ Востоку, въ открытомъ океанѣ, въ разстояніи на 1,500 миль отъ материка, и островъ очень большой. Народонаселеніе на немъ бѣлаго цвѣта, цивилизовано, и красиво по виду. Они идолопоклонники, ни отъ кого не зависятъ, и могу сказать вамъ, что они владѣютъ безчисленнымъ количествомъ золота“.

Такими словами древнѣйшій, извѣстный путешественникъ по Востоку, Маркъ—Поло, начинаетъ свой разсказъ объ японской имперіи, -- а затѣмъ далѣе говорить о безнадежныхъ стараніяхъ со стороны Кублай Хана, великаго Хана Монгольскаго, покорить эту имперію, и что неоднократныя попытки, предпринимаемыя имъ съ этою цѣлію всегда кончались для него безуспѣшно. — Такъ какъ Маркъ Поло передавалъ свои свѣденія только со слуховъ, то неудивительно, что его разсказъ не совсѣмъ вѣренъ. Японія не одинъ островъ, но состоитъ изъ многихъ острововъ, число которыхъ почти неизвѣстно, и которые составляютъ одну непрерывную вулканическую цѣпь; изъ числа означенныхъ острововъ центральный, Ниппонъ, есть самый важный, — и по имени его туземцы назвали свою имперію. Далѣе разстояніе Японіи отъ Китая горавдо менше, чѣмъ опредѣляетъ оное древній Венеціанецъ. Но тотъ важный фактъ, что „Японцы ни отъ кого не зависятъ“, Марко-Поло передаетъ совершенно правильно, и хотя онъ писалъ назадъ тому нѣсколько столѣтій, но Имперія осталась въ такомъ положеніи даже до настоящаго времени.

*) Означенная статья заимствована, съ нѣсколькими сокращеніями, изъ журнала; The church Missionary intelligencer (March 1872).

Означенный любопытный фактъ самъ по себѣ достоинъ нашего вниманія, особенно когда мы вспомнимъ, что Монгольскій ханъ былъ не единственный государь, который бросалъ свои алчные взоры на Японію,—и съ удовольствіемъ наложилъ бы свою тяжелую десницу на эту морскую державу, если бы какимъ бы то ни было образомъ удалась эта попытка. По всей вѣроятности, ни одна изъ этихъ попытокъ не была такъ рѣшительна, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ безуспѣшна, какъ попытка покорить Японію подъ власть Римскаго папы. Эта попытка, говоримъ, была совершенно безуспѣшна, — потому что она проводилась съ помощію тѣхъ средствъ, къ которымъ съ издавна привыкъ Римъ, именно съ помощію огня и крови,—и вотъ Японія доселѣ остается ни отъ кого не зависимою.

Впрочемъ, въ настоящее время, мы видимъ достаточно благоприятныхъ признаковъ тому, что Японія, хотя медленно и неохотно, готовится вступитъ въ ряды цивилизованныхъ націй, на что, повидимому, она была готова и триста лѣтъ тому назадъ, когда Европейцы, ослѣпленные золотыми мечтами Венеціанскаго путешественника старались осуществить оныя, а вмѣсто того наткнулись на Америку.

Вымыслы романовъ едвали могутъ представить болѣе удивительныхъ приключеній, чѣмъ тѣ, которыя дошли до насъ по сохранившимся лѣтописямъ о смѣлой, но безуспѣшной попыткѣ, предприпятой Португальцами, поставить новаго духовнаго владыку въ Японіи, и покорить имперію его власти.—Осуществленіе этой попытки, безъ сомнѣнія, было бы *кохинуромъ* въ папской тиарѣ. Какъ Римскіе миссіонеры пришли, увидѣли, побѣдили и были прогнаны изъ Японіи; какъ ихъ цвѣтущая церковь, падшая на почву Японіи, подобно ночной росѣ, точно также быстро разсѣялась, все это не можетъ не обратить на себя особеннаго вниманія со стороны людей ученыхъ, слѣдящихъ и участвующихъ въ благотворномъ распространеніи христіанства на земномъ шарѣ; тѣмъ болѣе, что изъ лѣтописей прошлаго мы можемъ почерпнуть для себя полезныя уроки и руководство для дѣятельности въ будущемъ.

Первымъ проповѣдникомъ христіанства въ Японіи, былъ нѣкто Франсискъ Ксавье, который отплывши изъ Кохинхины въ 1549 г., прибылъ въ августѣ сего года въ Кангохиму (?), гдѣ былъ при-

нять очень дружески. Менте чѣмъ чрезъ столѣтіе церковь, насажденная имъ, и подышавшая было съ быстротою тыквеннаго дерева надъ кущею прор. Іоны, уже болѣе не существовала. Червь подточилъ его, и оно засохло. Было бы несправедливо не отдать должной чести ревности и самоотверженію г. Ксавье въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Японіи. М-ръ Ванъ, въ своей „*біографіи М. Ксавье*“ много потрудился надъ тѣмъ, чтобы представить личность римско-католическаго миссіонера въ истинномъ ея свѣтѣ.

Мы же съ своей стороны, приступая къ дѣлу, считаемъ необходимымъ предварительно сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно религіознаго состоянія Японцевъ въ то время, когда Ксавье въ первый разъ присталъ къ берегамъ Японіи.

По свидѣтельству Сэра Рутфорда Алнокскаго туземною религіею японцевъ, столь же древнею какъ и ихъ исторія и изобрѣтенною ими за долго до христіанской вѣры была въ то время религія *Синту*. Она существуетъ въ Японіи даже доселѣ, и считается самою вліятельною. Прямая и непосредственная цѣль, которую имѣютъ въ виду, исповѣдующіе означенную религію, есть счастье человѣка въ настоящей жизни. Она соединена съ нѣсколькими очень смутными и несовершенными понятіями о безсмертіи души и будущемъ состояніи блаженства или страданія, и въ огромныхъ массахъ существуетъ родъ вѣры въ единаго верховнаго Бога, который, впрочемъ, по ихъ мнѣнію, весьма мало заботится о мірѣ, и въ многія низшія божества, которыя имѣютъ непосредственно большее или меньшее вліяніе на судьбу человѣка, и рѣшаютъ его счастье или бѣдствіе. Великихъ мужей и государей боготворятъ, и поклоняются имъ. Вѣрують также въ діавола и сатанинскія силы, и боготворятъ лисицъ, почитая ихъ олицетвореніемъ злаго начала. Главное достоинство этого вѣрованія, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, что оно не идолопоклонническое. Впрочемъ, кромѣ Синтуизма, въ Японіи въ значительной мѣрѣ была распространена религія Конфуція, перешедшая изъ Китая и Буддизмъ изъ Индіи. Буддистская религія распространялась съ особенною быстротою, особенно въ силу своего ученія о безсмертіи души и обѣщаніяхъ будущей жизни. Относительно оной Сэръ Р. Алнокскій дѣлаетъ такія лестныя замѣчанія, что мы нисколько не колеблемся привести оныя въ переводѣ. Мы не

можемъ, говорить онъ, не удивляться примѣси нѣкоторыхъ христіанскихъ понятій къ языческимъ въ религіи Будды. Всемогущій творецъ—Божественное воплощеніе—человѣкъ Богъ, пришедшій въ міръ просвѣтитъ и указать путь къ спасенію—вотъ какія понятія встрѣчаются въ вѣроученіи Будды, обширнѣйшей религіозной системы, считающей въ своихъ рядахъ на всемъ востокѣ сотни милліоновъ. Что онѣ соединены съ грубою системою идолопоклонства это, конечно, неутѣшительно и грустно; впрочемъ означенныя понятія о безсмертіи, искупленіи, возмездіи, составляющія часть народной вѣры милліоновъ Азіи, не могутъ ли служить зародышемъ болѣе чистой вѣры, которая по отрѣшеніи отъ грубаго ядопоклонства, предвзначена возрасти въ благоприятное лѣто Господне, и принести такую жертву, какой доселѣ еще не видалъ міръ? нельзя не чувствовать, какъ удивительно подобныя религіозныя убѣжденія направлены къ приготовленію пути для христіанской истины и т. п. Таковы то были въ означенное время господствующія вѣрованія въ Японіи: Сянтуизмъ, существовавшій главнымъ образомъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ, и Буддизмъ, процвѣтавшій въ приморскихъ частяхъ имперіи.

Когда Ксавье взошелъ въ Японскіе храмы, его взоръ остановился *„на тѣхъ же самыхъ стереотипныхъ олтаряхъ, изображеніяхъ, мишурныхъ украшеніяхъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, канделябрахъ и т. п., которыя онъ видалъ въ Португаліи и городѣ Гоа. Тѣже самые колокола и книга,—жрецы въ блестящихъ ризахъ и наплечникахъ (scapulars), тѣвцы, аколиты стоявшіе предъ священнодѣйствующимъ Бонзою. Тѣже самое возженіе свѣтама, тѣже самое повтореніе и бормотаніе молитвъ на неизвѣстномъ языкѣ, мало знакомомъ даже Бонзѣ, который произносилъ оныя.* Принявъ все это во вниманіе, — алтарь, изображенія бритыхъ, жрецовъ, ихъ безбрачіе, обрядность при богослуженіи, выражаемую на мертвомъ языкѣ, неизвѣстномъ народу, онъ постепенно проникался мыслию *въ нѣк. торомъ тождествъ Римско-католической религіи съ Буддистскою (?),* и посѣщая Буддистскіе храмы нерѣдко приходилъ къ тому убѣженію, что или Буддисты позднѣйшаго времени заимствовали свою обрядность отъ Римско-католической церкви или Римско-католическая церковь въ первое свое время заимствовала оную отъ Японцевъ. Двѣ системы и обрядность при богослуженіи представляющія столь удивительное

между собою сходство въ частностяхъ и общемъ, по всей вѣроятности, не могли произойти случайно, и совершенно не зависимо одно отъ другаго. Впрочемъ, какъ бы ни объясняли оное, фактъ тождества несомнѣнно существовалъ. Въ имперіи точно также было основано множество монастырей, — и даже существовалъ разрядъ нищенствующихъ монахинь, такъ называемыхъ *Бикунисъ*, которыя всегда ходили по двѣ, и просили милостыню. Эти монахини, по общему мнѣнію, не отличались особенною вѣрою и, какъ кажется, были очень сомнительной нравственности. Какъ бы то ни было, близкое сходство между двумя системами не ускользнуло отъ вниманія Японскихъ Бонзъ.

„Они высокоумно проповѣдывали, что христіанская религія ничѣмъ не отличалась отъ ихъ религіи; что въ сущности, онѣ одно и то же самое, за исключеніемъ немногихъ формальностей, весьма незначительныхъ.... Что мы пытаемся точно также отъ алтарей и жертвъ, какъ и они, что мы оказываемъ мертвымъ тѣже самыя почести съ тѣми же самыми церемоніями. Такимъ образомъ, говорили они, не должно покидать религію предковъ, и вступать въ новую, которая отличалась отъ ихъ религіи только нѣсколькими баснями, и смѣшными вымыслами“....

Должно замѣтить, что Франсискъ Ксавье былъ не первый изъ Европейцевъ, прибывшихъ въ Японію. За семь лѣтъ до его прибытія Фердинандъ Мендесъ Пинто былъ загнанъ съ нѣсколькими путниками бурей къ берегамъ Японіи, въ которой и встрѣтилъ радушный пріемъ. Онъ старался поддержать традиціональную репутацію своего отечества весьма особеннымъ образомъ, такъ напр., онъ говорилъ Японцамъ, что Португалія была больше и богаче Китая, — что государь оной завоевалъ очень значительныя земли, и на вопросъ, — правда ли что Португальскій король имѣетъ двѣсти домовъ, наполненныхъ золотомъ и серебромъ, — объявилъ, что не можетъ точно отвѣчать на это, такъ какъ не находилъ нужнымъ считать ихъ. Нѣсколько другихъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе Португальцевъ также гостеприимно были приняты въ Японіи, — и вотъ между Японіею и Португальскимъ селеніемъ Лампакао завязались коммерческія сношенія. Японцы съ своей стороны не отказывались упрочить свои связи съ Португальцами, такъ какъ охотно выдавали своихъ дочерей въ замужество за тѣхъ Португальцевъ, которые поселялись между ними. При такихъ то благо-

пріятныхъ обстоятельствахъ Ксавье началъ свою миссію. Онъ и его спутники пользовались полною свободою путешествовать по Японской имперіи повсюду, гдѣ имъ только хотѣлось; португальскимъ купцамъ были предоставлены всѣ удобства для успѣшнаго производства торговли; Японскій губернаторъ провинціи принялъ однажды Ксавье и всячески уговаривалъ и убѣждалъ его остаться при дворѣ,—предоставляя ему полную свободу проповѣдывать и распространять Евангеліе. Здѣсь не было никакой упрочившейся господствующей религіи,—и та, съ которою прежде всего познакомились Португальцы, не мало сходствовала, какъ мы уже замѣтили выше, и по вѣроученію и по обрядности съ религіею Римско-католическою, которую Ксавье хотѣлъ насадить въ Японіи. Переходъ отъ почитанія богини Майя (Maia), считающейся по преданію, дѣво-матеріею Будды, къ почитанію Пресвятой дѣвы Маріи, не могъ быть слишкомъ замѣтнымъ и труднымъ *).

Впрочемъ первые обращенные въ христіанство Японцы были обращены не въ самой Японіи. Одинъ человѣкъ, довольно знатнаго происхожденія, называемый въ письмахъ Ксавье Андферомъ, вслѣдствіе беспорядочнаго образа жизни, убилъ своего земляка, и скрывшись на время для спасенія жизни въ одномъ изъ монастырей Бонзовъ, убѣжалъ изъ отечества при содѣйствіи одного Португальскаго купца. Во время своего путешествія въ Малакку, онъ былъ обученъ началамъ христіанской вѣры. Здѣшній епископъ отказался крестить его, потому что онъ имѣлъ жену язычницу. Въ Малаккѣ онъ встрѣтился съ Ксавье, который отправилъ его въ Гоа, гдѣ онъ и былъ окрещенъ подъ именемъ Павла — де Сеньтъ-Фой.—Этотъ Японецъ, по видимому, оказался не только искренно обратившимся въ христіанство, но и очень интеллигентнымъ человѣкомъ. Доказательствомъ сего служить то, что онъ не только выучилъ Евангеліе св. Матѳея на память, но и постарался перевести оное на Японскій языкъ: такой новообращенный (neophyte) былъ истиннымъ благодѣяніемъ для Ксавье въ началѣ его трудовъ и безъ сомнѣнія, онъ весьма много содѣйствовалъ успѣху его миссіи.

*) При чтеніи означенной статьи не должно опускать изъ виду, что такъ разсуждаетъ Протестантъ.

Разказы передаваемые о первыхъ миссіонерскихъ трудахъ Ксавье въ Кангохимъ—правдоподобны и основательны. Прежде всего онъ занялся изученіемъ Японскаго языка, какъ поступилъ бы и всякій другой миссіонеръ на его мѣстѣ, за тѣмъ онъ перевелъ на Японскій языкъ апостольскій Символь Вѣры и десять Заповѣдей.

Приобрѣтши болѣе вліянія надъ Японцами, онъ началъ проповѣдывать Евангеліе и имѣть сношенія съ Бонзами, тогда какъ Павель де Сентъ-Фой съ успѣхомъ обращалъ въ христіанство значительное число своихъ соотечественниковъ. Въ теченіе года около ста лицъ приняли христіанство, изъ числа которыхъ двое было Бонзовъ,—и одна значительнаго происхожденія Японка. Мало того, была выстроена капелла, постоянно наполненная любопытными. Хорошо было бы, если бы новоустроенную миссію поддерживали и въ будущемъ также умно, какъ благоразумно ее начали; но вышло иначе.

Вскорѣ послѣ того Ксавье и его спутники потеряли къ себѣ довѣріе и уваженіе со стороны Японцевъ. Португальскіе купцы удалились изъ Кангохима въ Фиранду, и губернаторъ первой провинці лишилъ своей протекціи Ксавье, запретивъ особымъ указомъ своимъ подданнымъ принимать христіанство подъ опасеніемъ смертной казни. Вслѣдствіе сего онъ покинулъ свою младенческую миссію, а вслѣдъ за нимъ послѣдовалъ и Павель-де-Сентъ-Фой, которому онъ поручилъ было заботы объ юной церкви. Говорятъ, что новобращенные, лишеныя человѣческой помощи въ теченіе тридцати лѣтъ, умножились впятеро. Оставивъ Кангохиму, Ксавье отправился въ Фиранду надѣясь, что здѣшній король будетъ благосклоннѣе къ нему, такъ какъ къ этому мѣсту нерѣдко приплывали Португальскія суда. На пути онъ остановился предъ крѣпостію Екандоно, въ которой крестилъ семнадцать человѣкъ изъ гарнизона вмѣстѣ съ женою начальника крѣпости и его старшимъ сыномъ.—Для надзора за этимъ маленькимъ обществомъ онъ оставилъ одного стараго человѣка — съ властію крестить; онъ отдѣлилъ мѣсто въ крѣпости, въ которомъ, по Воскреснымъ днямъ, тотъ старецъ долженъ былъ прочитывать новокрещеннымъ главу изъ Евангелія, и наблюдать за чтеніемъ каждую Пятницу Покаянныхъ Псалмовъ,—и ежедневнымъ совершеніемъ литій. Спустя нѣсколько лѣтъ это маленькое обще-

ство возрасло до 100 человекъ. Прибывъ въ Фирандо, Ксавье былъ представленъ Португальцами съ великими почестями Королю. Происходила стрѣльба изъ пушекъ, развѣвались знамена и хоругви, играли въ духовныя трубы, — однимъ словомъ всевозможно озаботились тѣмъ, чтобы сдѣлать его приемъ какъ можно болѣе почетнымъ. — Чтобы досадить Королю Кангохимы, съ которымъ король Фиранды находился во враждѣ, — онъ далъ позволеніе Ксавье проповѣдывать Евангеліе во всехъ своихъ владѣніяхъ. Пользуясь такимъ вниманіемъ и расположеніемъ Ксавье въ теченіе двадцати дней окрестилъ болѣе народа, чѣмъ въ теченіе цѣлаго года въ Кангохимѣ. Отсюда онъ отправился въ Амангаки, столицу королевства Нангато, гдѣ ревностно проповѣдывалъ, и обличалъ пороки народонаселенія; но, къ сожалѣнію, встрѣтилъ здѣсь однѣ насмѣшки, и не могъ обратить ни одного человека въ продолженіе своего мѣсячнаго пребыванія. Послѣ весьма труднаго путешествія. Ксавье переправился изъ Амангаки въ Меако, столицу Японіи и резиденцію Кубосамы, но труды его здѣсь были малоуспѣшны; никто не слушалъ его и не останавливался для того, чтобы поразмыслить объ его словахъ. Велѣдгіе сего онъ возвратился моремъ въ Фирандо, и отсюда обратно въ Амангаки, но при совершенно другой обстановкѣ. — Его подарки и другія рѣдкости доставили ему на этотъ разъ превосходный приемъ, и онъ получилъ позволеніе отъ Бонзовъ не только проповѣдывать Евангеліе, но и крестить. Въ теченіе года, проведеннаго здѣсь при этихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, онъ, какъ говорятъ, крестилъ три тысячи человекъ; въ прочемъ въ своемъ собственномъ письмѣ къ іезуитамъ въ Европѣ, онъ говоритъ, что *крестилъ болѣе пятьсотъ человекъ и — число вѣрующихъ ежедневно умножается*; и его заявленіе, какъ кажется, имѣетъ болѣе вѣроятности. — Послѣ означеннаго времени Король перемѣнилъ свое расположеніе къ Ксавье, — и онъ, слѣдуя всегдѣшнему своему правилу, при подобныхъ случаяхъ, оставилъ городъ съ цѣлію возвратиться въ Индію. Во время пути онъ сдѣлалъ визитъ къ Королю Бунго. По желанію друзей, представленіе Королю Бунгійскому было сдѣлано съ особеннымъ великолѣпіемъ. Его сопровождали тридцать Португальцевъ, богато одѣтыхъ, съ золотыми цѣпями на шеяхъ и пучками перьевъ на шляпахъ въ сопровожденіи слугъ, одѣтыхъ въ богатыя ливреи. — На Ксавье была надѣта бѣлая ат-

ласная ряса, и сверх оной стихарь, съ епитрахилью изъ зеленого бархата, украшенною по сторонамъ драгоценными камнями и золотомъ. Корабль, на которомъ они прѣхали, былъ разцвѣтенъ прекрасными Китайскими коврами и разноцвѣтными флагами; во время пути играли на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ, — трубахъ, гобояхъ, флейтахъ, что составляло удивительный концертъ. Въ процессіи Эдуардъ Гама шелъ первый съ непокрытою головою и съ тростію въ рукѣ, въ качествѣ мажордома. За нимъ слѣдовали пять другихъ Португальцевъ. Одинъ несъ книгу въ бѣломъ сатиновомъ мѣшкѣ; эта книга была Катехизисъ Ксавье; другой — икону Дѣвы Маріи — на красной бархатной подушкѣ; третій Бенгальскую трость съ золотымъ набалдашникомъ; четвертый — его туфли изъ чистаго чернаго бархата; и пятый — превосходный зонтикъ, употребляемый обыкновенно важными лицами во время ихъ путешествій.

За ними слѣдовалъ о. Ксавье, — и наконецъ остальные Португальцы. Такимъ образомъ при звукахъ трубъ и гобоевъ они шли по улицамъ, пока не достигли дворца, у котораго была выстроена королевская гвардія, — 500 человекъ, все подъ ружьемъ.

Здѣсь пять Португальцевъ преклонили свои колѣна предъ Ксавье; одинъ подаль ему трость, другой — бархатные туфли, — третій раскрылъ зонтикъ надъ его головою, — а остальные стали по ту и другую сторону около него. Впечатлѣніе, сдѣланное на Короля этимъ зрѣлищемъ, было очень благоприятно; онъ пригласилъ Ксавье къ своему столу, и съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ нимъ. Вслѣдствіе сего онъ пріобрѣлъ себѣ большую репутацию между народонаселеніемъ; каждый готовъ былъ слушать его и внимать его наставленіямъ. При королевскомъ расположеніи, — Ксавье вооружился противъ Бонзовъ, вступалъ съ ними въ общественныя пренія, — и христіанство мало по малу распространялось въ Фунаѣ (Funay). Впрочемъ, такъ какъ Король не высказался окончательно въ пользу христіанства, то придворные не могли переимѣнить свою старую религію, и религіозныя пренія не сопровождались особеннымъ успѣхомъ. — Такъ кончились труды Ксавье въ Японіи.

По отбытіи Ксавье, преемники, заступившіе его мѣсто, управляли миссіею хотя ревностнѣе, но не благоразумнѣе его. При нихъ-то особенно, во очію всехъ, раскрылись тѣ ошибки и за-

блужденія, въ которыя впалъ великій основатель миссіи. Мы не сомнѣваемся, что это дѣло было, въ нѣкоторомъ родѣ, евангельское, хотя и смѣшанное съ суевѣрнымъ ученіемъ и нѣкоторымъ насиліемъ для совѣсти, но, вникая глубже въ разсказъ іезуитскихъ лѣтописей, не можемъ не видѣть, какъ тѣсно все это было связано съ свѣтскою политикою и хитростями, чуждыми евангельскому духу. Іезуиты, повидимому, никогда не уклонялись отъ единожды принятаго на себя рода дѣятельности. Ихъ неуклонною цѣлью—было привлекать на сторону своего дѣла князей и начальниковъ государства, и вовлекать ихъ вмѣстѣ съ собою въ борьбу съ идолопоклонствомъ. Не всегда легко сказать, на сколько происходившія возмущенія и убійства были слѣдствіемъ интригъ іезуитскихъ священниковъ, но и мы постоянно встрѣчаемся съ оными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ только ступила нога іезуитовъ,—при чемъ иногда видимъ ихъ торжествующими, а иногда побѣжденными яростію туземныхъ враговъ. Въ доказательство сего представляемъ нѣсколько примѣровъ изъ начального, успѣшнѣйшаго, періода миссіи. — Когда, напримѣръ отецъ — провинціалъ Индіи, Мелхиоръ Нунецъ, по наущенію Фердинанда Мендинца Пинта, закадычнаго друга Ксавье, посѣтилъ Японію, то онъ представился къ королю Бунга (?) съ слѣдующею свитою: всѣхъ, составлявшихъ свиту, было сорокъ человекъ; всѣ они были одѣты въ золотыя, убранныя драгоценными камнями, одежды, и шествовали во дворецъ при звукѣ трубъ, а за ними слѣдовало значительное число слугъ, также богато одѣтыхъ. Отъ короля Бунга онъ отправился къ королю Фирандо. — Въ Фирандо Нунецъ оставилъ трехъ миссіонеровъ. Первымъ обращеннымъ въ христіанство былъ близкій родственникъ короля и второе лицо по чину въ королевствѣ. Лѣтописи передаютъ: и лишь только онъ вступилъ крещеніемъ въ царство Божіе, — то не зналъ себѣ покоя, какъ бы привлечь въ оное своихъ подданныхъ. Онъ проситъ о. Валтазара пройти по всѣмъ его владѣніямъ съ проповѣдью Евангельскою.... Для него небыло большаго удовольствія, какъ видѣть уничтоженіе идоловъ, храмовъ,—сжиганіе или бросаніе оныхъ въ морѣ. Онъ повсюду воздвигалъ большіе кресты, какъ триумфы христіанской религіи, на развалинахъ языческихъ храмовъ. Эти насильственные мѣры вызвали отпущеніе со стороны язычниковъ. Однажды ночью они уничтожили крестъ воздвигнутый на клад-

бищъ. Христіане, въ порывахъ необузданной ревности, сожгли монастырь Бонзовъ, вытащили идоловъ изъ храма и, частію, предали ихъ созженію, а частію — бросили въ море. Бонзы, въ свою очередь, цѣлымъ обществомъ отправились къ королю, и просили его объ изгнаніи о. Вилела, который, по ихъ мнѣнію, (впрочемъ, какъ говорятъ, несправедливому) былъ главнымъ виновникомъ этого насилія. Король былъ вынужденъ согласиться на это, — и тогда Бонзы бросились на христіанскую церковь, низпровергли престола, сожгли крестъ: разбили иконы. При этомъ случаѣ одна бѣдная женщина сдѣлалась первомученицею христіанской Японской церкви. Представляется невозможнымъ оправдать іезуитовъ въ томъ, что они не только безучастно относились къ этимъ насиліямъ противъ язычниковъ — но и были главною причиною оныхъ. Въ іезуитскихъ лѣтописяхъ прямо говорится, что по случаю крещенія короля Омур (провинціи — въ Японіи), король усердно просилъ іезуита отца де-Торрець не принуждать его къ низпроверженію идольскихъ храмовъ, или къ созженію монастырей Бонзовъ, такъ какъ братъ его, король Аримы, пока еще невѣрующій, можетъ оскорбиться этимъ, — и найдти въ этомъ поводъ къ возмущенію. При этомъ король обнадеживалъ іезуита, что онъ постепенно будетъ уничтожать основанія идолопоклонства, и что, постепенно уменьшая назначенное жалованье Бонзамъ, онъ понудитъ ихъ въ скоромъ времени переимѣнить свою священную должность на другую, или выѣхать изъ отечества... Впрочемъ, впоследствии, его ревность простерлась до такой степени, что онъ, въ присутствіи всей своей арміи, отрубилъ своимъ мечемъ голову у идола Мантифина, считавшагося богомъ войны, — и сжегъ его въ самомъ храмѣ, поставивъ на его мѣсто крестъ, передъ которымъ простерлась его армія, слѣдуя примѣру своего короля. Эти событія сопровождалась революціею. Королевскій дворець былъ сожженъ, а самъ онъ, для спасенія своей жизни, долженъ былъ бѣжать въ крѣпость, изъ которой освободился съ большимъ трудомъ, послѣ сильнаго кровопролитія. О королѣ Бунго, о его обращеніи въ христіанство, рассказываютъ, что онъ исповѣдывался и приобщался пять или шесть разъ въ недѣлю, по цѣлымъ днямъ, стоя на колѣняхъ, перебиралъ свои четки, ежедневно читалъ молитвы въ іезуитской коллегіи и ежегодно удалялся на восемь или на десять дней въ Восуки (загородной дворець) для

исполненія *духовныхъ упражненій* Игнатія Лойлолы.—Когда онъ сложилъ съ себя управленіе королевствомъ, и удалился въ Сиркуми, то, лишь только вступилъ въ эту страну съ своими миссіонерами, изгналъ Бонзовъ, низпровергнулъ ихъ храмы, и разбилъ всѣхъ идоловъ въ куски. Онъ бросился на охоту за Бонзами, какъ на охоту за дикими звѣрами, и находилъ особенное удовольствіе въ изгнаніи и уничтоженіи ихъ. О. іезуитъ съ гордостью говоритъ о томъ, что король въ одномъ мѣстѣ, столь же священномъ для Японцевъ, какъ гора Фаворъ для христіанъ, приказалъ разрушить великолѣпнѣйшій Японскій храмъ, — разбилъ статую языческаго бога, ниспровергъ жертвенникъ, и сжегъ три тысячи (?) монастырей Бонзовъ. При одномъ случаѣ, послѣ подобнаго подвига, онъ отправилъ всюду сопровождавшихъ его миссіонеровъ въ города и селенія, и они обратили двѣ тысячи лицъ. Совершенно ясно, что всѣ эти подвиги совершались при самомъ сердечномъ содѣйствіи со стороны іезуитовъ, и были прямымъ содѣйствіемъ ихъ вліянія на короля—которымъ они вполне овладѣли, и довели его до совершеннаго безсилія. Эти насильственные дѣйствія были совершены, какъ бы ихъ собственными руками. Они взяли за мечъ, и, въ свою очередь, погибли отъ меча.

Мы не можемъ дать мѣста дальнѣйшимъ подробностямъ подобнаго рода, но въ общемъ результатъ отъ всѣхъ этихъ трудовъ, заговоровъ и насилія со стороны іезуитовъ, по ихъ собственнымъ показаніямъ, оказалось, что, по возвращеніи Александра Валаньяна въ Европу въ 1582 г., въ Японіи уже было 150,000 христіанъ и двѣсти христіанскихъ храмовъ, подъ завѣдываніемъ пятидесяти девяти іезуитовъ. Таковъ-то былъ результатъ ихъ дѣятельности въ Японіи въ тридцати трехъ лѣтній періодъ, со времени перваго прибытія Ксавье.

Въ описываемое нами время дѣло миссіонерства въ Японіи, безъ сомнѣнія, находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Не смотря на случайныя пораженія и непріятности, іезуитскія миссіи—были, по вѣншности, особенно успѣшны. Ихъ предводители приобрѣли себѣ сильное вліяніе у князей и сановниковъ государства, и насильствовали ихъ совѣстью совершенно въ томъ же родѣ, какъ духовникъ Филиппа II, въ Мадридѣ, насильствовалъ совѣсть этого государя, понудивъ его къ уничтоженію еретиковъ, или какъ, по

описанію о. Крассе, — управляя совѣтію Людовика XIV. — о. Ля-Шезъ. Придворные слѣдовали примѣру своихъ государей, и Бонзы были утрашены и обезоружены безразборчивымъ употребленіемъ противъ нихъ вооруженной силы. Было бы несправедливостію не прибавить къ этому, что успѣху Іезуитовъ миссій не мало способствовали и болѣе законныя усилія. Іезуиты открыли госпитали и служили больнымъ; они проповѣдывали полемически, и безпощадно изобличали заблужденія идолопоклонства; и, безъ сомнѣній, между ними находились люди сколько благочестивые, столько же само—отверженные. — Все это могло пріобрѣсти имъ влияние надъ народомъ и его симпатію. Въ средѣ обращенныхъ, вѣроятно не мало было такихъ лицъ, которые находили проповѣдь іезуитовъ болѣе разумною, чѣмъ буддизмъ и были въ состояніи почерпнуть изъ нея болѣе утѣшеній и надеждъ на будущее, чѣмъ могъ имъ доставить чуждый всякихъ обѣтованій и надеждъ кодексъ Готомы-Будды. Однако, при всемъ этомъ, домъ построенный іезуитами былъ основанъ не на камени Іисуса Христа, но на непрочномъ пескѣ человѣческихъ расчетовъ, расположенія со стороны сильныхъ міра сего, свѣтской политики; и вотъ теперь, когда разразилась буря гоненій, онъ палъ и не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Іезуитскіе историки находятъ три причины для объясненія этого ужаснаго пораженія, но оныя, очевидно, оказываются недостаточными. Первая причина, по ихъ мнѣнію, состоитъ въ глупой болтовнѣ одного Испанскаго лопмана, который утверждалъ, что его государь покорилъ всѣ земные народы, сначала пославши миссіонеровъ для проповѣди, и за тѣмъ войска, которые, соединившись съ христіанами, силою покоряли себѣ царства. Вторая причина приписывается честолюбію великихъ людей, а третья -- неблагоприятной ревности Францисканцевъ, Доминиканцевъ, и другихъ орденовъ, — недостаточно осторожныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Всѣ эти причины, послѣдняя въ особенности, конечно могли содѣйствовать успѣху ожесточеннаго гоненія на миссіонеровъ въ Японіи и ихъ изгнанія язычниками, но, повторяемъ, они не всецѣло объясняютъ развязку этой кровавой драмы. — Какою мѣрою мѣрили іезуиты, такою мѣрою и было отмѣрено имъ. Коварствомъ и интригами они овладѣли умами и совѣстями князей, — и князья, между которыми, въ особенности, отличался Тайко-Сама, возстали, свергли съ себя ихъ иго,

и изгнали ихъ изъ своихъ владѣній. Они съ ожесточенною враждою отнеслись къ Бонзамъ, и вотъ, Бонзы, въ свою очередь, стали преслѣдовать ихъ съ безжалостною и смертельною злобою. По ихъ наученіямъ, были сжигаемы языческіе монастыри, уничтожаемы идола;—Бонзы, въ свою очередь, стали сжигать христіанскіе храмы, и попирали ногами изображенія св. креста и святыхъ иконы. Они поощряли охоту за Бонзами, какъ за дикими звѣрями, и сами погибли въ мученіяхъ, еще болѣе ужасныхъ.

Въ 1639 году, послѣ продолжительнаго и кроваваго гоненія, послѣдовало наконецъ совершенное изгнаніе Португальцевъ изъ Японіи, а Голландцы ихъ соперники по торговлѣ, успѣли получить извѣстныя, ограниченныя коммерческія права. Посредствомъ низкихъ и недостойныхъ интригъ, какъ въ томъ сознаются ихъ собственные писатели, они навлекли на себя всеобщую ненависть и презрѣніе, и были изгнаны на маленькій островокъ, скорѣе походившій на тюрьму, чѣмъ на фокторію. Разсказъ, передаваемый объ одномъ изъ Голландцевъ, основательный или неосновательный, очень вѣрно передаетъ объ отношеніяхъ Голландцевъ къ христіанству въ Японіи. Говорятъ, что когда одного изъ нихъ упрекали его вѣрованіемъ, онъ отвѣчалъ на это: *Нѣтъ я не христіанинъ, я Голландецъ.*—Коммерческія сношенія Голландцевъ съ Японіею,—представляютъ весьма мало вліянія на распространеніе христіанства въ этой странѣ;—потому то, безъ всякаго ущерба для интереса, мы можемъ пройти молчаніемъ почти три столѣтія со времени введенія христіанства Франсискомъ Ксавье. Въ виду сего, остановимся на документахъ послѣднихъ десяти или двѣнадцати лѣтъ, когда, вслѣдствіе трактатовъ, заключенныхъ Англіею и Америкею съ Японіею, эта страна снова открылась для живыхъ коммерческихъ сношеній. И такъ,—эта интереснѣйшая страна въ мірѣ, еще разъ сдѣлалась доступною для европейцевъ въ нѣкоторой мѣрѣ. Европейцы жили въ Японіи,—и Японцы проложили себѣ дорогу въ Англію и Америку,—увидали чудеса западнаго знанія,—и по возможности ознакомились съ западною ученостію.

Каково же современное положеніе христіанства въ Японіи?

Какъ скоро съ Японіею были заключены трактаты,—Протестантскіе миссіонеры отъ различныхъ обществъ, Американскихъ и Англійскихъ, немедленно водворились въ Нангасаки и Йокохамъ. Какъ и можно было ожидать, сначала на нихъ смотрѣли

съ сильнымъ подозрѣніемъ, но, чрезъ нѣсколько времени, взглядъ перемѣнился, — и обращеніе Японцевъ съ протестантами сдѣлалось ласковымъ. Сами губернаторы основывали школы и приглашали миссіонеровъ для завѣдыванія оными. Ученики обнаруживали сочувствіе къ христіанству, и нѣкоторые съ удовольствіемъ читали Англійскую Библію. Въ Нагасаки продавалось болѣе Библии, чѣмъ когда либо продано Китайцамъ въ Нивепо. Въ теченіе 9 лѣтъ, почти до настоящаго времени, старые эдикты противъ христіанства, хотя не отмѣнялись — но и не приводились въ силу. Казалось, все предвѣщало въ прекрасномъ будущемъ, что Японцы побѣдятъ свои предрасудки, и съ радостію откроютъ вновь свои сердца для принятія христіанства. Но этимъ прекраснымъ проэктамъ не суждено было исполниться. — Еще не въ далекомъ прошломъ вспыхнула революція. Уже за три года до сего времени, правительство употребило самыя ревностныя усилія искоренить останки христіанства въ Японіи. Болѣе трехъ тысячъ христіанъ изъ Японцевъ римско-католическаго вѣроисповѣданія были схвачены отрядомъ солдатъ вблизи Нагасаки, и отправлены въ заточеніе, далеко отъ глазъ иностранцевъ, во внутренность страны Омура (?). Жрецы религіи Синту, составляющіе въ настоящее время господствующую секту, были посланы изслѣдовать начала новой и національной вѣры, — и въ Нагасаки, ровно какъ въ другихъ мѣстахъ, каждый долженъ былъ явиться для записи въ списки и поклоненія въ главномъ храмѣ. Старыя дощечки, воспрещавшія народу принятіе христіанства, и снятыя три или четыре года тому назадъ, — были вывѣшены снова. Онѣ были повѣшены въ самомъ центрѣ Эддо, и на каждой четверти мили, съ слѣдующею надписью: *христіанская секта воспрещается, какъ была запрещена досель. Эта развращающая секта воспрещается.....*

Является важный вопросъ, какой же политики должно держаться въ подобныхъ обстоятельствахъ? Предварительно мы должны замѣтить, что по нашему твердому убѣжденію, послѣдній взрывъ преслѣдованія имѣлъ свое начало въ неусышной ревности, съ которою японскіе правители смотрятъ на романизмъ въ своей средѣ. Мы напрасно писали, если бы намъ не удалось доказать, какъ непримирима была ихъ постоянная злоба, и какая тревога постоянно поднималась у нихъ — при каждой попыткѣ со стороны римско-католическихъ миссіонеровъ пріобрѣтать себѣ прозелитовъ.

Такая враждебность къ иностранцамъ—не естественна Японцамъ. Ограниченія, наложенныя ими въ силу сего на свои коммерческія сношенія, безъ сомнѣнія были тягостны и вредны для нихъ самихъ. Что же служило причиною оной? Ничто иное, какъ глубокое убѣжденіе въ несовмѣстности національной свободы съ романизмомъ.—Посему, когда, вслѣдствіе недавнихъ трактатовъ, въ средѣ ихъ вновь стали обнаруживаться столь ненавистныя и страшныя для нихъ покушенія римско-католическаго *прозелитизма*, покушенія оставившія свой кровавый слѣдъ въ ихъ лѣтописяхъ, то не удивительно, что поднялась тревога,—и эта тревога разразилась гоненіемъ на христіанство. Нельзя игнорировать тотъ прискорбный фактъ, что въ придачу ко всѣмъ препятствіямъ для успѣховъ Евангелія Христова на земномъ шарѣ, самое непреодолимое препятствіе въ Японіи воздвигается насильственною политикою и надменными притязаніями іезуитовъ и другихъ миссіонеровъ римской церкви, выдающихъ свои дѣйствія какъ бы отъ лица Христа и за дѣло Христово. Какого же образа дѣйствій должны держаться протестантскіе христіане въ Японіи для успѣха миссіонерскаго дѣла? По нашему твердому убѣжденію,—всѣми законными средствами, самымъ точнымъ и яснымъ образомъ ими долженъ быть заявленъ отказъ отъ всякаго соучастія съ Римомъ,—и его ученіемъ и церковною практикою,—отказъ столь точный и ясный, чтобы японцы не могли ошибаться и могли понимать оный. Римъ, какимъ былъ во дни Игнатія Лойолы и Франсиска Ксавье, все тотъ же Римъ и доселѣ *Semper adesse*. Если бы онъ измѣнился, то, конечно, можно было бы еще въ нѣкоторой мѣрѣ противиться разъединенію судебъ протестантскаго христіанства съ судьбами римскаго, особенно когда то и другое страдаетъ отъ одного общаго врага. Но въ томъ то и дѣло, что онъ въ теченіе столькихъ столѣтій нисколько не измѣнился,—и мы съ крайнимъ прискорбіемъ смотримъ на попытки со стороны нашихъ государственныхъ людей прикрыть мантіею британскаго покровительства римскихъ миссіонеровъ въ Китаѣ.

Мы надѣемся, что въ Японіи не можетъ быть повторенія какой либо подобной ошибки, которая при особенныхъ обстоятельствахъ этой страны, могла бы оказаться болѣе смертельною и, по расчетамъ человѣческимъ, болѣе роковою для дѣла христіанства. Сверхъ того, намъ кажется, совершенно неумѣстнымъ въ этомъ

дѣлѣ обращеніе къ свѣтской власти, государственнымъ лицамъ и политикамъ, развѣ только въ крайнемъ случаѣ защиты отъ личнаго насилія и дурнаго обращенія. Примѣръ Рима долженъ предохранить насъ отъ всѣхъ подобныхъ вмѣшательствъ, кромѣ особенныхъ случаевъ. По нашему мнѣнію, лучше терпѣть нѣкоторое время потери и различныя препятствія, чѣмъ прибѣгать къ подобной сомнительной помощи въ такомъ государствѣ, каково Японія. Далѣе, мы полагаемъ, что главною обязанностію нашихъ миссіонеровъ во всѣхъ проповѣдяхъ должно быть точное и отчетливое объясненіе христіанской обязанности: *воздавайте Кесарю, а Божіе Богу*, такъ что бы для всѣхъ было ясно, что нѣтъ ни малѣйшаго желанія и намѣренія основать въ странѣ *imperium in imperio*. Сверхъ всего, должно преимущественно и постоянно стараться о томъ, чтобы разсѣять здѣсь чистое слово Божіе во всей его полнотѣ и чистотѣ. „*Какъ прекрасны ночи на горахъ благовѣствующихъ*“, и мы можемъ утѣшаться тою мыслию, что какъ на Мадагаскарѣ, такъ и въ Японіи совершается во очю великое дѣло христіанства, — въ которомъ человѣкъ безсиленъ, а Богъ всемогущъ. *Религія иностранцевъ* вотъ главный предразсудокъ къ Японіи противъ христіанства, постоянно существовавшій; что еслибы теперь была провозглашена открыто въ Японіи религіозная свобода? Не открылось ли бы тогда внезапно, и значительное увеличеніе числа обращающихся въ христіанство изъ туземцевъ? Недовольство государственнымъ феодализмомъ, который только что начали искоренять, могло бы многихъ изъ нихъ присоединить къ религіи, посредствомъ Европейскаго могущества сильной дать имъ защиту. — Указанія на это очевидны въ недавно послѣдовавшихъ многочисленныхъ обращеніяхъ въ Римско-католическую вѣру. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, гораздо благоразумнѣе остерегаться прошлаго и довольствоваться хотя медленнымъ, но за то вѣрнымъ употребленіемъ тѣхъ средствъ, которыя, какъ мы имѣемъ основаніе вѣрить, благословляя и благословить Богъ. Сэръ Рутфордъ Алькокъ утверждаетъ, что для Японцевъ, какъ для всѣхъ полуцивилизованныхъ племенъ Востока, сила представляетъ такое могущество и внушаетъ такое почтеніе, съ которыми ничто не можетъ сравниться другое.... Допуская вѣрность такого предположенія, мы, тѣмъ не мѣнѣе, съ грустію подумали бы, что протестанское христіанство соединяется въ со-

знаніи японцевъ съ представленіями кровавой борьбы и опустошительныхъ войнъ. Подобныя политическія потрясенія вѣроятно встрѣтятся, и тѣмъ скорѣе чѣмъ далѣе Японцы будутъ упорствовать въ своей политикѣ отчужденія; но если оныя произойдутъ, то мы желали бы, что бы распространеніе нашей святой вѣры ни какъ не сопровождалось подобными ужасными бѣдствіями. И такъ, спросимъ опять, какого же рода дѣятельности въ Японіи должна держаться Англія, какъ нація, и въ особенности тѣ Англичане, которые сознаютъ для себя обязательною заповѣдь Господа Іисуса Христа о проповѣданіи Евангелія всѣмъ народамъ, держаться при настоящемъ ходѣ событій. *) Мы полагаемъ такъ, что если Португальцы научили насъ, чего должно избѣгать, то тому же самому научили и Голандцы. — Должно избѣгать низкаго потворства и угожденія религіозному фанатизму японцевъ, — и отнюдь не скрывать того факта, что Англичане суть христіане. Со стороны всѣхъ исповѣдующихъ христіанство должно быть открытое исповѣданіе своей вѣры не только своими устами, но и жизнью: они должны быть, такъ сказать, *живыми посланіями*, которыя могли бы знать и читать всѣ люди. Должна быть свободная и сердечная защита и протекція всѣмъ миссіонерамъ и учителямъ, которые желаютъ мирно жить въ различныхъ мѣстахъ государства, предоставленныя отъ правительства иностранцамъ. Означенныя лица должны быть поддерживаемы молитвами и благотвореніями христіанскихъ братьевъ въ этой странѣ. Сверхъ сего должны быть употребляемы всевозможныя старанія о томъ, что бы сообщить японцамъ слово Божіе, которое *дастъ свѣтъ и разумнѣе простымъ*. Св. апостоль Павелъ терпѣлъ страданія даже до узъ; но слово Божіе было не связано. Мы можемъ съ основаніемъ думать относительно Японіи, что ни для нашихъ миссіонерскихъ братьевъ, ни для слова Божія тамъ не встрѣтятся такихъ препятствій, какъ въ церкви Апостольской, и мы надѣемся, что въ случаѣ оскорбленія и притѣсненія будетъ употреблено въ защиту могущество Англіи.

*) Статья писана въ 1871 г.

Страна восходящаго солнца.

(Замѣтки объ Японіи и японцахъ *).

I.

Общее понятіе о странѣ.

Японія это Азіатская Великобританія. Британскіе острова служатъ западнымъ аванпостомъ Европы въ Атлантическомъ океанѣ. Японскіе острова служатъ восточнымъ аванпостомъ Азіи въ Тихомъ океанѣ. Впрочемъ, вмѣсто двухъ большихъ острововъ, какъ Великобританія и Ирландія, въ послѣдней ихъ находится четыре, именно слѣдующіе: — Хондо, **) Кіушіу, Шикоку и Эццо съ множествомъ маленькихъ островковъ. Вся поверхность Британскаго архипелага равняется 122,550 кв. милямъ; Японскаго же— 143,000 кв. милямъ. Народонаселеніе Британскихъ острововъ въ 1871 г., простиралось до 29,307,699 человекъ; народонаселеніе же Японскихъ острововъ, по переписи 1878 года до 34,337,404 чел.

Японія это гребень подводной горной цѣпи. Съ самыхъ своихъ береговъ земля сразу опускается въ глубокую воду. На главному острову, съ одного конца до другаго, тянется массивный горный хребетъ, высочайшею вершиною котораго считается покрытый вѣчнымъ снѣгомъ *Фуджи-яма*, т. е. гора *Фуджи*. Эта гора представляетъ прекрасный конусъ, поднимающійся на 12,000 футовъ надъ поверхностію моря, и единодушно признается туземцами *единственною горою въ свѣтъ*. Дальнѣйшіе пики горной цѣпи представляютъ рядъ вулкановъ, большею частію угасшихъ (сопокъ); но еще не такъ давно, именно въ 1874 году, вулканъ Таромаи, въ Эццо, кратеръ котораго съ издавна считали потухшимъ, сдѣлалъ сильное изверженіе, — высоко выдвинулъ на воз-

*) Составлено по англійскимъ Миссіонерскимъ источникамъ.

**) Названіе *Ниппонъ*, подъ которымъ извѣстна новѣйшимъ географамъ большая часть этого острова, не употребляется Японцами. На ихъ географическихъ картахъ, онъ именуется *Хондо*. Названіе же *Ниппонъ*, они прилагаютъ ко всей Японской Имперіи.

духъ свою скалистую вершину, и разсѣялъ цѣлые потоки пепла до самаго морскаго берега, на много миль въ окружности.

Виды окрестностей по всюду прекрасны, и, въ высшей степени, разнообразны. Извилистая береговая линия—образуетъ множество прекрасныхъ заливовъ и проливовъ; и пользующееся обширною извѣстностію, такъ называемое *Внутреннее море*, между главнымъ островомъ и двумя примыкающими къ нему съ южной стороны островами,—представляетъ мѣстами самыя живописныя виды въ свѣтѣ.

Столицы и города—многочисленны и имѣютъ большое народонаселеніе. *Токіо* (Эдо), *Кіото*, и *Осака*, называются *фу*, т. е. первоклассными городами. Открытыя гавани суть Токіо, Йокогама, Осака, Хіога (Кобе) и Нингата на главномъ островѣ; Нагасаки—въ Кіу-шіу; Хакодате—въ Эццо.

Йокогама, двадцать пять лѣтъ тому назадъ бывшій жалкимъ рыбацкимъ селеніемъ, представляетъ въ настоящее время городъ съ 50,000 народонаселеніемъ, и служитъ обширнѣйшею гаванью въ Японіи, и главнымъ мѣстомъ для резиденціи иностранцевъ всѣхъ націй. Число постоянныхъ иностранныхъ обывателей, напримѣръ, въ 1876 году, простиралось свыше 1,200 человекъ, за исключеніемъ посѣтителей и портовыхъ матросовъ, а равно также 1,000 Китайцевъ, занимающихся маклерствомъ, размѣномъ денегъ и т. п. Въ Йокогамѣ находятся прекрасныя общественныя зданія, построенныя въ Европейскомъ стилѣ, и цѣлыя ряды очаровательныхъ виллъ. Улицы освѣщены газомъ; желѣзная дорога на протяженіи осьмнадцати миль, съ всевозможными удобствами перевозить васъ изъ Йокогама въ Токіо. Кромѣ того, здѣсь ежегодно получаютъ три Англійскія газеты. *Токіо* (восточная столица) назывался прежде *Эдо*, но получилъ свое новое названіе въ 1868 году, когда Микадо основалъ въ немъ свою резиденцію. Народонаселеніе Токіо, по переписи 1878 года, простирающееся до 1,086,771 человекъ и съ того времени еще возросшее, дѣлаетъ его однимъ изъ величайшихъ городовъ въ свѣтѣ. Чрезъ него протекаетъ рѣка Огава, надъ которою построенъ извѣстный *Нихонъ-Баши*, или мостъ Японіи, отъ котораго считаются разстоянія всѣхъ городовъ въ Имперіи. По словамъ одного Англійскаго миссіонера. Токіо, сравнительно съ большими городами Китая, на столько же превосходитъ ихъ, на сколько превосходитъ западная половина

Лондона восточную. Столица страдала отъ многихъ большихъ пожаровъ, уничтожившихъ большею частію дома туземцевъ; и вотъ теперь на мѣстѣ ихъ красуются строенія въ иностранномъ, или полуиностранномъ, стилѣ.

Кіото—древняя священная столица, въ которой до 1868 г., почти въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія, имѣлъ свою резиденцію Микадо. Городъ расположенъ въ самой срединѣ Японіи, вблизи прекраснаго озера *Бива*. Лѣтъ десять тому назадъ въ Кіото и его окрестностяхъ было 6,514 *Буддистскихъ* храмовъ и 2,413 храмовъ религіи *Шинто*.

Осака — главный коммерческій городъ въ Японіи, съ болѣе чѣмъ полумилліоннымъ народонаселеніемъ. Нѣсколько ручьевъ, на которые раздѣляется рѣка, и множество каналовъ, черезъ которыя перекинута прекрасные мосты,—дѣлаютъ городъ похожимъ на Венецію, и потому онъ совершенно справедливо заслуживаетъ названіе *Венеціи Востока*. Въ настоящее время отъ Осака до Кіото тянется желѣзная дорога, на 27 миль внутрь страны, и другая—въ Кобе, на 20 миль кругомъ берега.

Хіою (туземный городъ) и *Кобе* (иностранная резиденція) находятся при заливѣ Осаки, напротивъ означеннаго города. *Кобе* (врата Божіи) съ каждымъ годомъ прибрѣтаетъ большее и большее значеніе въ коммерческомъ отношеніи.

Нимата, при устьѣ обширѣйшей рѣки въ Японіи, Шинановага, служитъ единственнымъ торговымъ портомъ на западномъ берегу, открытымъ для Европейцевъ. Это столица одной изъ богатѣйшихъ провинцій въ имперіи, но портъ малозначителенъ въ коммерческомъ отношеніи.

Нагасаки—торговый, открытый для Европейцевъ, портъ на южномъ островѣ Кіушю. Здѣсь до 1853 года, въ теченіе 230 лѣтъ, на маленькомъ островѣ Дешима, была единственная дверь сношеній Японіи съ Европейскими державами. Паппенбергъ, скалистый островокъ при входѣ въ гавань замѣчательнъ какъ мѣсто, на которомъ въ 1637 году были преданы смерти нѣсколько тысячъ Японскихъ католиковъ.

Хаходате, или *Хоходади*, служитъ торговымъ портомъ съвернаго острова Эццо, который гораздо обширѣе Шотландіи, но мало населенъ, такъ какъ покрытъ грядами дикихъ горъ.

Японцы любятъ называть свое отечество *Страною восходя-*

цано солнца. Плыви на Востокъ, они ничего не видятъ, кромѣ безграничнаго протяженія Тихаго океана, на разстояніи чегырехъ тысячъ миль до противоположнаго берега Сѣверной Америки; потому-то ихъ національный флагъ представляетъ утреннее солнце, поднимающееся изъ за моря.

II.

Народъ Японіи.

Въ Японцахъ замѣтны двѣ очень характеристическія черты относительно внѣшняго ихъ вида. Въ высшихъ классахъ—прекрасное, длинное, овальное лице съ выдающимися, правильными чертами, — нѣсколько косоватые глаза съ длинными, опускающимися рѣсницами; поднятые, дугообразные брови; высокій и узкій лобъ, —закругленный носъ, —миндалевидный ротъ, —заостренный подбородокъ, —маленькія руки и ноги; — тогда какъ въ низшихъ классахъ — лица круглыя и плоскія, менѣе косоватые глаза, острые носы и т. д. Первый типъ, какъ мы уже замѣтили выше, болѣе преобладаетъ въ высшихъ, классахъ, въ средѣ дворянъ и людей интеллигентныхъ; второй же — въ средѣ земледѣльческихъ и рабочихъ классовъ. Первый есть южный, или *Яматскій* типъ, а второй *Аино*, или сѣверный типъ.

Эти два типа лица, по всей вѣроятности, представляютъ двѣ различныя эмиграціи, одну съ сѣвера и другую съ юга. Южные эмигранты постепенно побѣждали сѣверныхъ, и въ теченіе вѣковъ эти расы слились вмѣстѣ, и составили настоящій Японскій народъ, но такъ что оригинальное различіе доселѣ еще осталось замѣтнымъ въ двухъ типахъ ихъ физиономій. Впрочемъ на о. Эццо Аиносы долгое время поддерживали свою независимость и чистоту своей расы; и остатокъ ихъ, около 25,000 человекъ, доселѣ еще существуетъ, хотя въ теченіи столѣтій Аиносы были подвластны Японцамъ. — Представители этой расы обыкновенно низкаго роста, плотно сложены, съ длинными бородами, густыми волосами, и толстыми руками и ногами. Японцы—также малаго роста; средний ростъ муштинъ не много больше пяти футовъ; но они удивительно выносливы и дѣятельны. Ихъ нельзя назвать вполнѣ нравственнымъ народомъ, если судить о нихъ по нашимъ христіанскимъ націямъ; но они ни чуть не хуже другихъ языческихъ народовъ;

и намъ кажется Японцы со вѣмъ не правы въ своихъ отзывахъ объ иностранцахъ,—говоря, что послѣдніе ведутъ себя гораздо хуже ихъ самихъ. Конечно, безнравственность иностранцевъ въ большихъ торговыхъ портахъ довольно рѣзко бросается въ глаза, такъ что, по словамъ одного Американскаго профессора естествознанія: „въ Японіи, особенно въ приморскихъ городахъ, встрѣчается мною бѣлыхъ людей изъ старой и новой Англій, давно уже забывшихъ всякое различіе между добромъ и зломъ;“ но замѣтимъ, что это, какъ и всюду, только исключеніе

Положеніе женщины въ Японіи гораздо лучше, чѣмъ въ большей части другихъ Азіатскихъ странъ. Въ исторіи и литературѣ страны женщины занимаютъ почетное мѣсто. Изъ ста двадцати трехъ властелиновъ Японіи — девять, особенно прославившихся, были женщины. Многія изъ лучшихъ твореній золотого вѣка Японской литературы такъ же принадлежатъ перу женщинъ. М. Гриффисъ, извѣстный Американскій естество-испытатель, весьма лестно отзывается объ японскихъ дамахъ. Никакія женщины въ свѣтѣ, говоритъ онъ, не могутъ сравниться съ Японками въ природной любви ихъ къ красотѣ, порядку, чистоплотности и благоразумному домашнему хозяйству. Въ материнской же любви и нѣжности имъ неоспоримо должны уступить мѣсто матери всѣхъ климатовъ.

Японцы раздѣляются или, вѣрнѣе, раздѣлялись, такъ какъ съ 1868 года наступилъ новый порядокъ, — на четыре главные класса: 1-й—*Самураи* или воинское и ученое сословіе; такимъ образомъ мечъ и перо соединяются вмѣстѣ, чего нѣтъ ни въ одной странѣ. 2-й—фермеры и земледѣльцы. 3-й—ремесленники. 4-й—купцы и лавочники, всегда считавшіеся послѣднимъ классомъ въ Японіи по своему общественному положенію. Кромѣ этихъ классовъ были еще сословія, не принадлежавшія ни къ одному изъ нихъ,—парія Японіи,—какъ-то кожевники, дубильщики, гончарники, бочары, могильщики, нищие и т. п. Всѣ эти сословія въ 1871 году были сравнены съ прочими въ правахъ гражданства. Самураи, извѣстные подъ названіемъ *двумечныхъ* людей до послѣднихъ переменъ имѣли право носить двѣ шпаги. Во главѣ ихъ прежде стояли Дайми-феодалные вожди, число коихъ простиралось до 268 семей.

III.

Двѣ религіи Японіи.

Древняя религія Японцевъ называется *Ками но-мичи*. т. е. путь боговъ. Китайская форма этого названія, *Шинту* (— сте-зя или путь боговъ) есть единственная и вообще употребляемая; почему эта религія называется у Англійскихъ писателей *Шинтоизмомъ*.

Подробное и основательное описаніе Шинтоизма, или даже вѣрное изслѣдованіе главныхъ основаній онаго, постоянно ставило въ тупикъ самыхъ талантливыхъ и внимательныхъ ученыхъ. Д-ръ Гепборнъ, извѣстный Американскій миссіонеръ, говоритъ: „Я долгое время старался изучить сущность религіи Шинто, но долженъ былъ отказаться отъ этого“. Безусловное повиновеніе Микадо, какъ потомку и представителю боговъ, составляетъ одну изъ самыхъ характерическихъ чертъ въ оной. Божества ея суть герои времяя минувшихъ. Ея символы *зеркало* и *югей* т. е. полосы зазубренной бѣлой бумаги, спускающіяся съ деревяннаго жезла. Впрочемъ она имѣетъ свои храмы, священниковъ, богослуженія, молитвы, очищенія, приношенія изъ плодовъ, мяса и живыхъ птицъ,—но жертвъ во все не существуетъ. Равнымъ образомъ она не преподаетъ никакого нравственнаго ученія. *Нравственность*, говорятъ Шинтоисты, *была нужна для Китайцевъ, такъ какъ это былъ народъ безнравственный; но Японія вовсе не нуждалась въ какой либо нравственной системѣ, такъ какъ каждый Японецъ всегда дѣйствуетъ законно и хорошо, если онъ только совѣтуется съ голосомъ своей совѣсти*.

Но если Шинто служить, или вѣрнѣе служилъ, религіею правительства, то народная религія есть Буддизмъ, составляющій въ Японіи не безжизненную только атеистическую философію, — но и сильно развитую практически въ народномъ ритуализмѣ, съ съ множествомъ жрецовъ монаховъ, монахинь, — съ священными гробницами, изображеніями, алтарями,—съ священными одеждами и свѣтильниками, съ постами и индульгенціями, съ пустынноиками, отшельниками, и паломничествомъ. По переписи Японіи въ 1875 году значилось 207,669 жрецовъ монаховъ, монахинь и пр. Одинъ изъ миссіонеровъ Церковнаго Англійскаго Общества писалъ въ январѣ 1879 г. слѣдующее:—Буддизмъ, по крайней мѣ-

рѣ въ одной изъ своихъ отраслей, именно въ сѣктѣ *Монто*, или, *Шинъ-сектъ*, обнаруживаетъ замѣчательные успѣхи дѣятельности. Жрецы этой секты недавно основали въ Китаѣ миссію, которая, какъ слышно, находится въ цвѣтущемъ состояніи, а равно построили большую коллегію въ Кіото, съ приспособленіемъ на 600 человѣкъ учащихся. Говорятъ, что нѣкоторые изъ студентовъ этой коллегіи вскорѣ будутъ отправлены въ Европу и Америку съ цѣлю пропагандировать прозелитизмъ“.

Какъ Буддизмъ, такъ и Шинтоизмъ, въ недавнее время были лишены правительствомъ права и привилегій господствующей религіи. Въ 1877 г. уничтоженъ Департаментъ Религіи, какъ отдѣльное учрежденіе, и сдѣланъ отдѣленіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Хотя такъ пишетъ англійскій миссіонеръ Д. Пайперъ, означенное правительственное мѣропріятіе, т. е. лишеніе религіи государственной поддержки, — не иссушить всецѣло потокъ язычества въ Японіи, но оно необходимо должно такъ понизить уровень онаго, что Христіанство найдетъ возможнымъ съ большимъ для себя удобствомъ прокладывать свое благотворное теченіе въ этой языческой странѣ. Да поможетъ Господь такому, воистину благому началу!

IV.

Исторія Японіи.

Настоящій Микадо, или Императоръ Японіи, считаетъ себя 123 государемъ царствующей династіи. Принимая во вниманіе то обстоятельство, что Англійская Королева Викторія считается только тридцатою, начиная съ Вильгельма завоевателя, мы уже по одному этому можемъ судить о древности Японскихъ лѣтописей. Первый Микадо, подъ именемъ Джемму-Тенно, царствовавшій въ Японіи еще въ 669 г. до Р. Х. и бывшій современникомъ Манассіи, царя Іудейскаго, по преданію, родился отъ богини, и сошелъ съ неба на землю видимымъ образомъ. Онъ почитается за бога въ множествѣ храмовъ Японіи; и въ день 7-го апрѣля, традиціонный день его сошествія на землю, въ честь его дѣлаются пушечные салюты изъ Крупновскихъ и Армстронговскихъ орудій введенныхъ теперь здѣсь по образу Европейскихъ государствъ.

Самое компетентное твореніе по Японской исторіи—это *Даи-Нихонъ-Ши* т. е. исторія Великой Японіи, дѣйствительно огромное ученое произведеніе, изданное въ 1715 г. Оно написано на чистомъ китайскомъ языкѣ, который по отношенію къ японскому тоже что латинскій по отношенію къ романскимъ языкамъ Европы, и состоитъ изъ 243 томовъ. Японцы ужасно любятъ свою отечественную исторію: и мѣстныя легенды, дневники, официальные гиды и пр. всегда можно найти въ множествѣ въ любомъ японскомъ городѣ. Сотнями также издаются дѣтскія повѣсти; но національные лѣтописи все-таки занимаютъ главное мѣсто въ ряду учебныхъ предметовъ при воспитаніи юношества.

Съ самой глубокой древности до 12-го столѣтія по Р. Х. правленіе въ Японіи было имперіализмъ. Микадо не только царствовалъ, но и управлялъ. Не смотря на то, съ теченіемъ времени, постепенно, возрастала феодальная система. Знатные дворяне или Даиміосъ, въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ дѣлались болѣе и болѣе сильными и независимыми. Ихъ вооруженные слуги или наймиты образовали изъ себя воинскую касту *Самураи* или двухмечныхъ людей, о которой уже мы замѣтили выше. Въ продолженіи многихъ столѣтій, до самаго настоящаго времени, Японія была почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ находилась Шотландія, живо и рельефно представленная на страницахъ произведеній Вальтеръ-Скотта, именно она была раздроблена между знатными племенами, вожди которыхъ обязывались къ безусловной вѣрности къ своему королю, и между тѣмъ дѣйствительную власть держали въ своихъ собственныхъ рукахъ. Даиміосы были, такъ сказать, Макдуфами Макдонадалдами, Кэмпбеллами и Дугласами Японіи.

Около 1143 г. Йоритомо, одинъ изъ Даиміосовъ, назначенныхъ Микадо для усмиренія нѣкоторыхъ возставшихъ противъ него подданныхъ—вельможъ, кончилъ тѣмъ, что самолично захвативъ въ свои руки всю дѣйствительную власть въ государствѣ, не преставав, впрочемъ, признавать Микадо своимъ леннымъ владѣльцемъ. Онъ принялъ титулъ Шогуна (генерала), и положилъ начало двойкой формѣ правленія, продолжавшейся до 1868 г. болѣе чѣмъ 700 лѣтъ. Микадо жилъ съ своимъ дворомъ въ священной столицѣ Кіото, рѣдко являлся передъ своими подданными, и былъ бого-

творимъ ими; тогда какъ Шогуны *) имѣли свою резиденцію въ Эдо, и управляли страню на самомъ дѣлѣ.

Сильнѣйшимъ изъ Шогуновъ былъ нѣкто Хайд-оши, болѣе извѣстный подъ названіемъ Тамко-Сама, современникъ англійской королевы Елизаветы. Его имя доселѣ еще пользуется большою популярностью въ Японіи.

Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ обычаевъ среди японскаго рыцарства служило самоубійство посредствомъ распарыванія себѣ живота. Разбитый полководецъ, или отрѣшенный отъ должности чиновникъ, потерявшій такъ или иначе свою репутацію, обыкновенно прибѣгали къ этому ужасному роду самоубійства. Вслѣдствіе сего, около 15-го вѣка, вошло въ обыкновеніе носить при себѣ два меча; одинъ покороче предназначался на случай носящимъ для распарыванія своего собственнаго тѣла.

V.

Иезуитскія миссіи.

Существованіе Японіи открылъ Европейцамъ въ первый разъ, шесть столѣтій тому назадъ, извѣстный Венеціанскій путешественникъ Марко Паоло. Но въ сущности Европейцы практически ознакомились съ оною только въ 1542 году, когда одинъ португальскій торговый корабль былъ занесенъ бурей къ берегамъ оной Японскіе историки отмѣчаютъ въ своихъ лѣтописяхъ этотъ годъ, какъ годъ перваго явленія въ ихъ странѣ „иностраницевъ, христіанства и огнестрѣльнаго оружія“.

Черезъ семь лѣтъ послѣ того въ Японію прибылъ извѣстный иезуитскій миссіонеръ Франсискъ-Ксавье. „Есть что-то героическое, говоритъ англійскій епископъ Оссори въ одномъ изъ своихъ миссіонерскихъ печатныхъ трудовъ, въ простой исторіи лишенной и трудовъ, какими былъ окруженъ Ксавье при первомъ своемъ прибытіи въ Японію. Среди зимы, легко одѣтый и босой, онъ совершилъ свое двухмѣсячное путешествіе въ столицу по снѣжнымъ горамъ, чрезъ бурные горные потоки“. Впрочемъ пріемъ ему былъ не особенно гостепріименъ,—и послѣ двухгодовой

*) Шогуны вообще называются у Европейцевъ *Тайкунами*; но это названіе неизвѣстно Японцамъ. Авторъ.

дѣятельности на поприщѣ миссіи онъ вынужденъ былъ оставить Японію.

Но его преемники собрали необыкновенное множество плодовъ. Черезъ 30 лѣтъ послѣ того, число новообращенныхъ Японцевъ въ Христіанство простиралось уже до 150,000 съ 200 церковей.

Чему слѣдуетъ приписать этотъ громадный успѣхъ? Отвѣтъ на это не труденъ. Іезуитскіе священники дали Японцамъ все, что было въ употребленіи у Буддистскихъ жрецовъ, именно великолѣпные алтари, торжественныя, религіозныя процессіи, блестящія церковныя одежды, кратко—все обаяніе вишняго священнослуженія,—и, въ добавокъ, прибавимъ къ этому, свѣжесть и жаръ, скоро плѣнившія этотъ впечатлительный, добродушный народъ. Буддистскій проповѣдникъ обѣщаль небесный покой, только послѣ многообразныхъ переселеній души въ животныхъ, и только послѣ долгаго, тягостнаго существованія. Іезуитскій проповѣдникъ обѣщаль сходъ въ рай тотчасъ же послѣ смерти всѣмъ тѣмъ, которые приняли крещеніе. Кромѣ того, въ Буддистскомъ ритуализмѣ мало оказывалось подлежащаго перемѣнамъ, или оставленію, при принятіи Японцами Христіанства, *изображенія Будды, при небольшой помощи долота и рѣзца, служили для изображеній Христа (??)* Каждый Буддистскій святой находилъ себѣ копію, или дубликатъ, въ Римскомъ Христіанствѣ; и придорожныя священныя ниши Куананью, или богини милосердія, сдѣлались центрами для поклоненія Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Храмы, алтари, колокола, сосуды съ святою водою, кадильницы, четки, въ Буддизмѣ оказывались въ такомъ же употребленіи, какъ и въ Римско-Католичествѣ, а потому ихъ стоило только перенести изъ одной религіи въ другую.

Была также и политическая причина, послужившая въ пользу Іезуитовъ. Нѣкоторые изъ Даиміосовъ ненавидѣли Буддистовъ, и явно покровительствовали миссіонерамъ, думая чрезъ то привлечь ихъ на свою сторону; и подданные этихъ Даиміосовъ или должны были принимать Христіанство, или отправляться въ ссылку. Этотъ приговоръ исполнялся крайне безпощадно. Въ Японіи водворился духъ Римско-Католической инквизиціи. Буддистскіе жрецы были предаваемы смерти, и ихъ монастыри сжигаемы до основанія. Подробности этого вполне достовѣрно переданы іезуитомъ

Чарявуа въ его сочиненіи «Histoire du Christianisme au Japon» (Исторія Христіанства въ Японіи).

Римъ въ Японіи поднялъ мечъ и погибъ отъ меча. Знаменитый Шогунъ-Таико Сама скоро увидѣлъ, что Іезуиты, вѣрные своимъ преданіямъ, составляютъ заговоръ противъ его престола; и въ 1527 году издалъ указъ объ изгнаніи ихъ изъ Имперіи. При немъ и его ближайшихъ преемникахъ безразлично и беспощадно употреблялись мечъ и огонь для истребленія христіанъ. Несчастныя жертвы приняли мученія и смерть съ твердостью духа, возбуждающаго въ насъ удивленіе; и ввѣ всякаго сомнѣнія, что между тысячами погибшихъ много было истинныхъ мучениковъ за Имя Христова, какъ-бы ни было слабо пониманіе имя чистоты Его Евангелія. Ихъ распинали на крестахъ, сжигали на кострахъ, зарывали живыми въ землю, подвергали несказаннымъ мученіямъ; и историки какъ Японскіе, такъ и Христіанскіе единогласно свидѣтельствуя о томъ, что отступниковъ отъ истинной вѣры, не смотря на всѣ гоненія, было очень мало. Одинъ іезуитскій священникъ, Христофоръ Феррейра, послѣ различныхъ, ужасныхъ мученій, былъ наконецъ повѣшенъ за ноги такимъ образомъ, что его голова свѣсилась въ яму, вырытую въ землѣ, и лишленную свѣта и воздуха. Его правая рука оставалась свободною, чтобы онъ могъ сдѣлать ею предписанный знакъ отреченія. Онъ висѣлъ такимъ образомъ четыре часа, и потомъ сдѣлалъ условный знакъ. Его тотчасъ же освободили, и принудили сдѣлаться японскимъ инквизиторомъ для приговора христіанъ на мученія и смерть.

Наконецъ, въ 1637 году, христіане сдѣлали послѣднюю отчаянную попытку къ пріобрѣтенію себѣ свободы. Они возстали въ Кіу-шіу, укрѣпились на старомъ берегу въ Шимобарѣ, и подняли знамя возмущенія; но послѣ двухмѣсячной борьбы были принуждены сдаться, и тридцать семь тысячъ ихъ были умерщвлены, и кромѣ того множество свергнуто въ море съ одной скалы, близъ гавани Нагасаки.

Это было, такъ сказать, съ ихъ стороны предсмертное усиліе,—конвульсивная агонія. Христіанство,—представленное было Римомъ японцамъ, окончательно изгнано. Что же оно оставило за собою?

Оно не оставило за собою *Библии* *). Если бы оно поступило такъ, то Японія могла бы сдѣлаться другимъ Мадагаскаромъ. Но оно оставило за собою безславное имя, ужасное воспоминаніе. Имя Христа, говорить М. Гриффисъ; стало синонимомъ чародѣйства, обмана и всего, что только могло быть враждебно для чистоты нравовъ и общественнаго спокойствія. Христіанство вспоминалось только какъ ужасная язва въ ихъ національныхъ лѣтописяхъ. „Подозрѣваемые лица должны были попирать ногами рельефныя изображенія и иконы Христа, и нерѣдко цѣлое народонаселеніе города было нарочито подвергаемо этому кошунственному испытанію. Временами нападали на слѣдъ какого либо блуждающаго христіанина, и немедленно умерщвляли его; и еще не такъ давно, именно въ 1829 году, какъ говорятъ въ Осакѣ были распяты на крестахъ шесть христіанъ—муштинъ и одна старая христіанская женщина.

Въ теченіе 230 лѣтъ, на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ, перекресткахъ, городскихъ воротахъ, въ каждомъ селеніи по всей имперіи, красовалась слѣдующая надпись съ угрозами противъ нарушителей закона.

„Доколѣ солнце согрѣваетъ землю, дотолѣ ни одинъ христіанинъ да не осмѣлится подумать придти въ Японію;— и пусть всѣ знаютъ, что даже самъ Король Испанскій, или даже самъ *великій Владыка всѣхъ* (?) если вздумаютъ они нарушить это постановленіе, то поплатятся за дерзость своею головою“.

VI.

Японія снова открыта для Европейцевъ.—Революція.

Въ теченіи 230 лѣтъ Японія была закрыта для иностранцевъ. Въ 1624 году всѣ они, за исключеніемъ Голландцевъ и Китайцевъ, были изгнаны изъ Имперіи. Въ тоже самое время Японцамъ было воспрещено оставлять свое отечество, и всѣ корабли, кромѣ самыхъ маленькихъ велѣно было разрушать. Даже Голландцы должны были подчиниться самымъ унижительнымъ услови-

*) Читатель не долженъ забывать, что авторъ книги: *Японія и Японцы*—протестантъ, и потому смотритъ на вопросъ о христіанствѣ съ протестантской точки зрѣнія—*Авторъ*.

ямъ. Ихъ поселили на небольшомъ искусственномъ островѣ Нагасакской гавани; островъ назывался *Дешима*, и сильная Японская гвардія постоянно имѣла въ своемъ распоряженіи небольшой мостъ, соединяющій острова съ материкомъ. Китайцамъ было дозволено жить въ одной Нагасаки, и кромѣ оной нигдѣ.

Почему Голландцы были изъяты отъ всеобщаго изгнанія, которому подвергались Европейцы? Во первыхъ потому, что правительство считало себя въ долгу у нихъ за открытіе Іезуитскаго заговора. Одинъ изъ ихъ кораблей перехватилъ письмо къ королю Португальскому съ требованіемъ войска для низверженія Микадо; и они съ нетерпѣніемъ воспользовались этимъ случаемъ для униженія своихъ Португальскихъ соперниковъ. Во вторыхъ потому, что они тщательно скрывали отъ азычниковъ свое христіанское вѣроисповѣданіе. Одинъ изъ нихъ, напр., на вопросъ объ его вѣрѣ отвѣчалъ: *Нѣтъ, я не христіанинъ; я—Голландецъ!*

Временами дѣлались попытки открыть эту закрытую для Европейцевъ Японскую дверь; но тщетно. Карлъ II послалъ корабль въ Японію, но ему не было дозволено торговать, такъ какъ Голландцы увѣдомили Японскія власти, что Карлъ женился на дочери короля Португальскаго. Въ 1625 году одна китайская джонка была отогнана назадъ отъ береговъ Нагасаки, такъ какъ на ней была найдена одна китайская книга, содержавшая въ себѣ описаніе Римскаго Собора въ Пекинѣ. Въ 1709 году одинъ итальянскій священникъ, аббатъ Сидотти, убѣдилъ капитана корабля высадить его на берегъ. Его схватили, и держали въ плѣну въ теченіи многихъ лѣтъ до самой смерти. Въ одной Японской книгѣ, найденной Американскими миссіонерами, сообщаются объ немъ полныя свѣдѣнія. Въ началѣ настоящаго столѣтія Россія дѣлала также попытки проникнуть въ Японію, но безуспѣшно, хотя въ настоящее время въ ней довольно Русскихъ, и миссія Православной Восточной Церкви дѣйствуетъ весьма успѣшно.

Открытіе въ Японіи въ новѣйшее время одолжено Соединеннымъ Штатамъ.

Юля 2-го 1853 года, одна Американская эскадра, подъ управленіемъ командора Перри, взшла въ Эддскій заливъ, и марта 31, въ 1854 году, былъ подписанъ трактатъ, открывавшій два порта Японіи для американской торговли.

Другія націи спѣшили также воспользоваться подобными же

преимуществами, но только получили ихъ послѣ многихъ различныхъ затрудненій и проволочекъ со стороны Японцевъ. Наконецъ августа 12-го, 1858 года лордъ Елгинъ вступилъ въ заливъ Эдо, и направился прямо къ столицѣ къ крайнему смущенію Японскихъ властей. Впрочемъ, Японцы были настолько умны, что поняли, что ихъ старая политика отчужденія отъ Европейцевъ далѣе неумѣстна; и они, скрѣпя сердце, должны были принять Британскаго посланника.

Въ день 24 августа, бывшій днемъ рожденія принца Альберта, былъ подписанъ Еддскій трактатъ, по которому для Англичанъ открывались нѣкоторые порты и давались другія важныя концессіи. Трактатъ подвергся неоднократному пересмотру и измѣненіямъ; но онъ доселѣ еще служитъ основаніемъ для сношеній Англичанъ съ Японією.

Такимъ образомъ казалось, что побѣда выиграна безъ пролитія крови; но не безъ пролитія крови были пожаты плоды. М. Алконъ поселился въ Эдо, какъ первый Британскій посланникъ; англійскіе купцы спѣшили основаться въ открытыхъ портахъ; и Японцы, какъ правители, такъ и народъ, казалось, съ жадностію ожидали дружескихъ и взаимно выгодныхъ сношеній. Но мятежные Самураи мало сочувствовали допущенію иностранцевъ на свою священную почву, и цѣлый рядъ возстаній противъ нихъ держалъ въ постоянной тревогѣ иностранныя колоніи въ Японіи. Такъ продолжалось много лѣтъ. Въ частности, въ 1861 году платился жизнью американскій секретарь посольства; въ томъ же году было сдѣлано отчаянное нападеніе на домъ, занятый Британскимъ посольствомъ, нѣкоторые члены котораго были тяжело ранены; въ 1862 г. на большой дорогѣ былъ умерщвленъ одинъ Англійскій джентельменъ, М. Ричардсонъ; въ 1863 г. — взорвано на воздухъ нѣсколько новыхъ строеній для Британскаго министерства; и въ 1864 г. убиты въ Камакурѣ два Англійскіе офицера. Лица, участвовавшія въ этихъ преступленіяхъ, — понесли заслуженное правительственное наказаніе, и заплочено вознагражденіе; но въ двухъ случаяхъ Англійскій флотъ бомбардировалъ порты.

Между тѣмъ приближался великій кризисъ въ національной исторіи. 1868 годъ ознаменовался для Японіи одною изъ самыхъ удивительныхъ революцій въ міровой исторіи.

Въ чемъ состояла эта революція? Во 1-хъ — въ уничтоженіи правленіи Шогуна, продолжавшагося около 700 лѣтъ; во 2-хъ — въ принятіи Микадомъ браздовъ правленія въ свои собственныя руки; въ 3-хъ — въ добровольной уступкѣ Даммиосами своихъ феодальныхъ земель и привиллегій въ руки центрального правительства; въ 4-хъ — въ усвоеніи провинціями Имперіи Европейской системы съ своимъ отвѣтственнымъ министромъ во главѣ каждой изъ нихъ. Сверхъ того — революція была направлена противъ Буддизма, хотя и не успѣла въ этомъ, — и закончилась принятіемъ всею Японією Западной цивилизаціи.

Конечно, мы не можемъ передать здѣсь исторію революціи; это было бы очень долго, и не въ предѣлахъ нашей статьи; но вотъ суть оной: Несомнѣнно, что главною причиною революціи были иностранныя трактаты. Шогуны, подписавшіе оныя, вскорѣ послѣ того умерли при подозрительныхъ обстоятельствахъ. Во время малолѣтства наслѣдника обыкновенно назначался регентъ, котораго вслѣдъ за тѣмъ убивали, и голову выставляли на показъ, публично, съ дощечкою и съ слѣдующею надписью: «Вотъ голова измѣнника, нарушившаго одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ Японіи». Но болѣе интеллигентная знать начала уже понимать, что Японія можетъ только выиграть, а не потерять отъ сношеній съ Европейцами, и вотъ нѣсколько особенно выдающихся Японскихъ юношей посѣтили Европу и Америку. Они возвратились изъ путешествія съ открытыми глазами и свѣтлыми надеждами какъ разъ въ самое время, чтобы руководить имперією въ переходномъ кризисѣ. Одинъ изъ нихъ, Фукугава, составилъ книгу *о Западныхъ нравахъ и обычаяхъ*, имѣвшую громадный успѣхъ. Другой, школьный учитель, по имени Накамура, занялся переводомъ англійскихъ книгъ, напр.: *Self-help* (Самопомощь), и прочихъ.

Февраля 3-го, 1867 г., на тронъ вступилъ настоящій Микадо, Матсукато. Партія прогресса воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы осуществить свои планы. Генваря 3-го, 1868 г., они овладѣли дворцомъ въ Кіото, и захватили въ свои руки правленіе государствомъ отъ лица Микадо. Послѣдовала междуусобная война; и вотъ въ отчаянной битвѣ при Фушимѣ, мѣстѣчкѣ между Кіотою и Осакою, продолжавшейся три дня, армія Шогуна была разбита на голову; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ того,

Матсухато сдѣлался неограниченнымъ властителемъ всей Японіи. Молодой Микадо вступилъ уже давно въ настоящее время въ совершеннолѣтіе, и занялъ должное мѣсто, какъ глава Государства. Въ глазахъ народа вѣшнымъ и видимымъ знакомъ административныхъ переменъ было перенесеніе столицы изъ Кіото въ Эдо. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій Кіото служилъ резиденціею дѣйствительной власти, Кіото-же считался священнымъ императорскимъ городомъ. Переносъ свой тронъ въ Эдо, послѣ 700-лѣтняго заключенія въ Кіото, Микадо явилъ тѣмъ всему міру, что началась новая эра. Чтобы особенно отмѣтить эту перемену, измѣнили даже самое названіе столицы. Изъ Эдо она переименовалась въ Токию, и Матсухако торжественно вступилъ въ оную 20-го ноября 1868 года, имѣя въ то время семнадцать лѣтъ отъ роду. Спустя же шесть мѣсяцевъ послѣ того онъ вступилъ въ оную вторично рядомъ съ своею супругою, молодою императрицею.

VII.

Новая Японія.

Новое правительство начало приглашать теперь отовсюду иностранцевъ въ Японію къ занятію высшихъ административныхъ должностей. Англичане и Американцы получали должности контролеровъ флота, инспекторовъ желѣзныхъ дорогъ, смотрителей за общественными зданіями и пр. и пр., и основано очень много воспитательныхъ и учебныхъ заведеній во всѣхъ большихъ городахъ съ иностранными въ нихъ преподавателями языковъ и другихъ наукъ. 1872 годъ особенно памятенъ въ лѣтописяхъ новой Японіи, какъ годъ необыкновеннаго прогресса. Армія, флотъ и гражданская служба были совершенно преобразованы; въ Осакѣ открытъ императорскій монетный дворъ, и введена въ употребленіе новая монета; Министерство Народнаго Просвѣщенія значительно расширяло свою дѣятельность подъ руководствомъ просвѣщеннаго государственнаго министра, и въ Токио основанъ Университетъ, организовано почтовое вѣдомство съ учрежденіемъ отдѣла скороходовъ, которые могли пробѣгать по 80 миль въ день; въ священномъ городѣ Кіото состоялась Промышленная Выставка, — іюня 12-го — открыта первая желѣзная дорога въ Японіи отъ Токио до Йокодамы; съ 28-го числа тогоже мѣсяца молодой Микадо отправился по ней для осмотра своихъ владѣній.

Впрочемъ, въ сущности, не всё переменны были матеріальными. Введено много реформъ и нравственныхъ. Кожевники, бочары, мочильщики и пр. получили право гражданства; такъ называемые *двухмечные люди* лишились своихъ исключительныхъ привилегій, и ношеніе ими при себѣ двухъ мечей отмѣнено; были обнародованы важныя законоположенія касательно святости брака и улучшенія положенія женщины; и, сверхъ всего означеннаго, данъ толчокъ къ вѣротерпимостп.

Въ тоже время. Японія укрѣпила свое вступленіе въ семью цивилизованныхъ націй отправленіемъ посольства изъ высокопоставленныхъ лицъ, подъ руководствомъ Ивакура, министра Иностранныхъ дѣлъ, одного изъ наиболѣе просвѣщенныхъ лицъ прогрессивной партіи, почти ко всѣмъ Американскимъ и Европейскимъ Дворамъ. 4-го декабря 1872 года посольство было принято королевой Викторіею въ Виндзорскомъ замкѣ.

Послѣдніе десять лѣтъ были періодомъ постояннаго значительнаго прогресса. Въ Токио теперь издается до 12-ти ежедневныхъ газетъ и журналовъ, и цѣлыя сотни въ провинціяхъ; въ 1877 г., черезъ 3,700 почтамтовъ, находящихся въ имперіи, прошло два милліона писемъ, шесть милліоновъ почтовыхъ карточекъ, и семь милліоновъ различныхъ періодическихъ изданій. На всѣхъ мысахъ возвышаются маяки; мануфактура всѣхъ родовъ находится въ цвѣтущемъ состояніи; изъ конца въ конецъ имперіи тннутся телеграфы, небольшая желѣзная дорога между Токио и Йокохама. какъ оказывается по контролю за 1874 г., перевезла полтора милліона пассажировъ, и съ того времени открыты новыя линіи желѣзныхъ дорогъ; Японскіе пакетботы и военные пароходы во множествѣ встрѣчаются на тысячи миль, начиная съ самаго Дая-Ниппонъ; и два милліона дѣтей обучаются и воспитываются въ школахъ.

Впрочемъ, при всемъ этомъ удивительномъ прогрессѣ, старый языческій духъ еще не умеръ въ Японіи, хотя языческія религіи и получили тяжкое пораженіе. Въ Англии за реформаціею 16-го столѣтія послѣдовала революція 17-го, бывшая въ полномъ значеніи слова ся вѣнцемъ и завершеніемъ. Въ Японіи въ настоящее время также совершилась своя особенная, характеристическая, революція: но будетъ ли эта революція имѣть свой вѣнецъ и завершеніе въ единой, истинной реформаціи—въ усвоеніи ею себѣ *Jesu-na-mischi* т. е. пути Господа Иисуса?!

Письмо Англійскаго Миссіонера Д. Лонга о пребываніи его въ Москвѣ.

Извѣстный англійскій миссіонеръ въ Калькуттѣ Д. Лонгъ провель четыре зимнихъ мѣсяца 1873 г. въ Москвѣ, и посѣтилъ одно изъ засѣданій Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, на которомъ читана его прекрасная статья о миссіяхъ Индіи. Теперь достопочтенный миссіонеръ англійской церкви, по возвращеніи въ Калькутту, помѣтилъ въ декабрьской книгѣ 1874 г. *Церковнои Миссіонерскаго Вѣстника* (Church Missionary Intelligencer, December 1874. № V. X.) свои замѣтки о путешествіи въ Москву, Кіевъ, и др. города Россіи, въ которыхъ говорится о состояніи русской церкви и русскаго общества въ настоящее время. Такъ какъ эти замѣтки имѣютъ современный интересъ, какъ взгляды на русскую церковь англійскаго духовнаго лица, и при томъ извѣстнаго миссіонера, то мы и предлагаемъ оныя въ извлеченіи.

Помѣщаемъ довольно большое письмо, которое помѣчено изъ Одессы отъ 29 іюля.

Я прибылъ сюда, пишетъ м. Лонгъ, послѣ замѣчательнаго путешествія вокругъ Чернаго моря, Кавказа и Крыма. Во время моего путешествія мнѣ представлялись неоднократные случаи бесѣдовать съ вліятельными русскими лицами о многихъ важныхъ предметахъ. Находясь въ Тифлисъ я имѣлъ продолжительное свиданіе и бесѣду съ тамошнимъ архіепископомъ касательно миссіи въ русской церкви. Онъ человекъ съ большою энергіею, но такъ занятъ своею многотрудною обязанностію, подобно многимъ нашимъ англійскимъ епископамъ, что не имѣетъ достаточно времени для того, чтобы постоянно слѣдить за иностранною миссіонерскою дѣятельностію. Послѣ нашей дружеской бесѣды—онъ далъ мнѣ на память свою фотографическую карточку. Нѣкоторыя изъ вліятельныхъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать касательно миссіонерства, жаловались на недостатокъ лицъ и средствъ для успѣшнѣйшаго развитія онаго. Я указывалъ имъ на то, что и церковное миссіонерское общество (въ Англій) въ самомъ началѣ подвергалось тѣмъ же самымъ затрудненіямъ; но съ Божіею помощію, преодолѣло ихъ. Архимандритъ Тифлисскій, ректоръ тамошней духовной семинаріи, съ которымъ я также бесѣдовалъ о миссіяхъ, подарилъ мнѣ очень важный документъ

на русскомъ языкѣ — именно отчетъ миссіонерскаго общества, основаннаго подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, въ 1869 году, въ Москвѣ. Я прочелъ его съ особеннымъ вниманіемъ, и съ удовольствіемъ увидалъ что въ средѣ русскихъ свѣтскихихъ и духовныхъ лицъ весьма заняты вопросами о миссіонерствѣ ихъ родной церкви, что, несомнѣнно, должно принести великую пользу; собираются значительныя денежныя суммы, и повсюду организуются комитеты. По прибытіи моемъ въ Москву, я узнаю о всемъ этомъ подробно. Такъ какъ я надѣюсь остаться въ Россіи до праздника Рождества Христова (1872 г.) *), то буду имѣть достаточно времени повидаться съ лицами, участвующими въ миссіонерскомъ обществѣ, и подѣлиться съ ними практическими свѣдѣніями относительно того, какъ идетъ миссіонерское дѣло у насъ (въ Англіи) и за границую.... Русская церковь съ успѣхомъ распространяетъ священное писаніе на русскомъ языкѣ. М. Ватсъ, здѣшній агентъ британскаго и иностраннаго библейскаго общества, говорилъ мнѣ, что съ января по іюль 1871 года онъ продалъ 32,000 экземпляровъ Новаго Завѣта и, частію, Ветхаго; и надѣется ежегодно продавать по 100,000 экземпляровъ. Находясь въ Римѣ, я не иначе могъ достать себѣ нѣсколько экземпляровъ Новаго Завѣта на итальянскомъ языкѣ, какъ съ помощію контрабанды; но здѣсь, въ Россіи, это движеніе сильно поддерживается русскою церковію, русскіе крестьяне любятъ читать библію. Открытая библія для Россіи—какое благодѣяніе!... Образованіе въ народныхъ массахъ также идетъ очень успѣшно. Одинъ полковникъ, взявшій меня съ собою въ бараки въ Кутаисѣ, съ гордостію указывалъ мнѣ на русскихъ солдатъ, которые учились читать. Да, всюду видны указанія на то, какъ видимо пробуждается великая славянская раса!

Въ Севастополѣ я видѣлся съ архимандритомъ. Онъ сообщилъ мнѣ отчетъ братства, основаннаго въ Крыму, для миссіонерской дѣятельности. Братство сдѣлало пока еще немного; но организуется и собираетъ по подпискамъ денежныя суммы для означенной цѣли. Я совѣтовалъ имъ открытъ миссію для Крымскихъ татаръ, среди которыхъ провелъ одинъ день въ Бахчисараѣ; но

*) М. Лонгъ пробылъ въ Россіи гораздо долѣе; онъ уѣхалъ въ Англію въ маѣ 1873 года.

починъ этого дѣла, если оно найдется полезнымъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежить Московскому миссіонерскому обществу.

Симферопольскій епископъ былъ нѣкоторое время миссіонеромъ въ Китаѣ; потому я весьма сожалѣлъ, не заставши его въ Симферополѣ.... Теперь, заканчиваешь свое письмо достопочтенный м. Лоягъ, я приближаюсь къ Москвѣ, которая служить средоточіемъ всего благаго и полезнаго, предпринимаемаго во всѣхъ концахъ обширной русской имперіи. Я надѣюсь, что многое въ ней сдѣлало большіе шаги съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ ее въ послѣдній разъ, девять лѣтъ тому назадъ.

Далѣе говоря о Библии въ русской церкви, авторъ замѣчаетъ: гдѣ бы я ни находился—въ Москвѣ ли, или въ Кіевѣ, или въ Южной Россіи, я всюду видѣлъ удобства—для повсемѣстнаго распространения Священнаго Писанія въ Россіи. Въ большомъ Кіевскомъ монастырѣ я познакомился съ однимъ монахомъ, который завѣдывалъ продажей книгъ Свящ. Писанія въ открытой для публики книжной лавкѣ, и продавалъ Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ по шести пенсовъ (18 коп.) за экземпляръ. Эта продажа производилась въ домахъ священниковъ, разнощиками, книгоношами, и всюду была открытая. Конечно, такъ какъ изъ русскихъ крестьянъ умѣютъ читать только трое изъ ста, все равно какъ въ Бенгаліи, то продажа книгъ Свящ. Писанія не слишкомъ обширна. Въ Москвѣ я посѣтилъ складъ (depôt) книгъ Русскаго Библейскаго Общества. Завѣдующій складомъ служилъ прежде въ военной службѣ офицеромъ; потомъ, отказавшись отъ оной, посвятилъ себя настоящему полезному занятію. Каждогодно, во время лѣта, онъ путешествуетъ по берегамъ Волги, по лежащимъ на нихъ селеніямъ и деревнямъ и продаетъ сельскому населенію книги Свящ. Писанія. Его труды увѣнчиваются успѣхомъ. Въ три года было продано имъ 750,000 экземпляровъ, главнымъ образомъ Новыхъ Завѣтовъ, и запросъ на нихъ ежегодно увеличивается. Гдѣ вы найдете римско-католиковъ, замѣчаетъ авторъ, *которые были бы уполномочены своею церковію на подобное прекрасное дѣло?*

Что касается миссій русской церкви, то въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ—имъ было дано сильное движеніе (great impetus). Покровительницею миссіонерскаго общества состоитъ Государыня Императрица, а предѣдателемъ Иннокентій, митрополитъ мо-

сковскій; онъ прежде былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ миссіонеровъ въ Сибири, Камчатка, Сибирь, Кавказъ и Китай—главныя поприща для дѣятельности русскихъ миссіонеровъ. Особенно замѣчательна Алтайская миссія. Недавно былъ сдѣланъ запросъ въ Москву о присылкѣ свѣжихъ дѣятелей для миссіонерскаго поприща въ Японіи. Последнія территоріальныя пріобрѣтенія въ Хивѣ, конечно, поведутъ къ расширенію миссіонерской дѣятельности въ этомъ направленіи... Миссіи русской церкви, по замѣчанію автора, когда найдутъ себѣ большую поддержку въ средѣ народа, могутъ оказывать здоровое, благотворное вліяніе на внутреннюю общественную жизнь, все равно какъ и въ англійской церкви... Въ 1874 году начато изданіе Миссіонерскаго русскаго журнала; впрочемъ миссіонерскихъ митинговъ еще нѣтъ.... Послѣ значительныхъ поисковъ, я досталъ себѣ нѣсколько экземпляровъ отчетовъ различныхъ русскихъ миссій. Въ нихъ находятся очень любопытныя и интересныя статьи объ этихъ миссіяхъ. Издатель одного изъ нихъ любезно предложилъ мнѣ цѣлую коллекцію миссіонерскихъ статей за послѣдніе десять лѣтъ. Я надѣюсь какъ нибудь перевести нѣкоторыя изъ нихъ на англійскій языкъ.

Авторъ замѣтокъ, какъ мы уже сказали выше, посѣтилъ февральское засѣданіе московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія въ 1873 г.—Самое общество, говоритъ онъ, помѣщается въ монастырѣ; верхній этажъ зданія занятъ хорошей бібліотекою, нижній—книжнымъ магазиномъ, въ которомъ продаются книги свящ. писанія и другія религіозно-нравственныя книги. Я былъ введенъ въ собраніе и узналъ въ предсѣдатель общества протоіерея, котораго девять лѣтъ тому назадъ встрѣтилъ у княгини Ливень.—Моя статья „о миссіяхъ въ Индіи“ была переведена для этого засѣданія на русскій языкъ г. Сухотиннымъ, однимъ изъ почтеннѣйшихъ мірянъ въ русской церкви. По окончаніи чтенія я пригласилъ членовъ предлагать вопросы, и былъ особенно удивленъ ученостію (intelligence) и остроуміемъ (acuteness) одного монаха, который предложилъ мнѣ довольно число вопросовъ касательно Брамъ, сектъ въ Индіи и дѣятельности въ оной Англійской церкви. Онъ былъ начальникомъ семинаріи (a seminary) въ Донскомъ монастырѣ и пригласилъ меня посѣтить его. Я провелъ съ нимъ нѣсколько очень полезныхъ и интересныхъ вечеровъ.... При прощаніи онъ подарилъ мнѣ духовный журналъ, издаваемый

на русскомъ, въ которомъ помѣщался переводъ статьи калькутскаго епископа „*объ Эклектизмъ и Брамаизмъ*“ взятый изъ Англійскаго журнала „*Good Words*“... Этотъ добрый монахъ, замѣчаетъ авторъ, достигъ основательнаго званія Англійскаго языка самъ собою, безъ всякой посторонней помощи, и въ доказательство—онъ приводитъ отрывокъ изъ его письма, писаннаго къ нему по англійски, слѣдующаго содержанія:

Достопочтенный Отецъ!

Съ сердечнымъ удовольствіемъ посылаю вамъ обѣщанные мною нѣсколько журналовъ и газетъ. Благодарю васъ за ваше присутствіе на вчерашнемъ засѣданіи, и вашу превосходную статью касательно Индіи, читанную на ономъ. Я никогда не забуду этотъ пріятный вечеръ. Теперь я вспомнилъ, что представителемъ такъ называемой школы Еклектиковъ въ Индіи, между прочими, считается Кешубъ-Чендеръ Сенъ, два года тому назадъ посѣтившій Англию. Объ немъ много говорили тогда англійскіе журналы. Въ заключеніе, будьте такъ добры, извѣстите меня, вполнѣ ли переведена св. Библия на санскритскій языкъ? С. I. Н.

Февраля 13, 1873 г.

Нѣсколько времени авторъ статьи пробылъ въ Троицко Сергіевой Лаврѣ. Она напомнила мнѣ, говорить онъ, мое путешествіе туда, десять лѣтъ тому назадъ, когда я удостоился высокой чести быть представленнымъ Филарету, митрополиту московскому, архипастырю много сдѣлавшему своими сочиненіями и проповѣдью для распространенія евангельской истины въ Россіи, и принимавшему дѣятельное участіе въ переводѣ свящ. писанія. Я посѣтилъ его гробницу, гдѣ онъ покоится отъ своихъ трудовъ, и невольно вспомнилъ слѣдующія слова: „царство вѣры было дороже для Филарета, чѣмъ этотъ видимый міръ, на который онъ привыкъ смотрѣть, какъ на измѣнчивый и скоропреходящій...“

Въ Троицкой Лаврѣ авторъ статьи заходилъ къ одному монаху, имѣвшему санъ архимандрита (профессору Московской Духовной Академіи, доктору Богословія Михаилу). Онъ подарилъ мнѣ, замѣчаетъ М. Лонгъ, Толковое Евангеліе на Русскомъ языкѣ—изданіе, имѣющее большой успѣхъ. Онъ сказалъ мнѣ, что нашелъ комментарий Скотта очень полезнымъ для себя и отчасти имъ руководствовался. Этотъ добрый монахъ подарилъ мнѣ также экземпляръ своего сочиненія: *опрроверженіе Ренана*, книгу весьма

полезную въ виду сильнаго распространенія скептицизма въ Россіи, особенно между студентами въ коллегіяхъ....

Разсуждая о сердобольныхъ и сестрахъ милосердія въ Русскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, авторъ говоритъ: двадцать семь лѣтъ тому назадъ я посѣтилъ институтъ пастора Флиднера для діаконисъ въ Кезеръ-вертѣ; съ того времени я былъ свидѣтелемъ успѣха подобныхъ учрежденій у протестантовъ въ Берлинѣ, Женевѣ, Флоренціи, Парижѣ, Бейрутѣ и Константинополѣ. — Десять лѣтъ тому назадъ Великая Княгиня Елена Павловна изволила сообщить мнѣ, что она ввела это учрежденіе въ Россіи съ большимъ успѣхомъ во время Крымской войны. Ея Императорское Высочество, увы, почилъ въ Бозѣ. — За два мѣсяца до ея кончины я провелъ съ нею цѣлые вечера въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ, — и она съ жаромъ разсуждала о діакониссахъ, и освобожденіи крестьянъ. — Въ этомъ полезномъ дѣлѣ принимаютъ живое участіе двѣ русскія княгини Дундукова, учрежденіе сердобольныхъ которой я посѣтилъ десять лѣтъ тому назадъ и которая посвятила на это дѣло все свое состояніе, — а другая княгиня Шаховская въ Москвѣ, мужъ которой былъ Русскимъ генераломъ. По смерти его она рѣшилась посвятить себя учрежденію института сердобольныхъ.

Черезъ вѣру и молитву, продолжаетъ авторъ, она (т. е. княгиня Шаховская) получила успѣхъ. Своими собственными усиліями она собрала значительныя суммы для устройства школъ, исправительнаго дома и пріюта для сердобольныхъ. Въ награду за такую дѣятельность правительство ввѣрило ей надзоръ за всѣмъ женскимъ отдѣленіемъ сердобольныхъ въ большомъ военномъ Московскомъ госпиталѣ. Кромѣ того, подъ ея завѣдываніемъ находятся три больницы, въ которыхъ прислуживаютъ около 80 сердобольныхъ, ею воспитанныхъ. Въ сопровожденіи ея, я посѣтилъ больницы и былъ особенно заинтересованъ больницею для чернорабочихъ, которая содержится взносами отъ чернорабочаго класса, пользующагося за это медицинскимъ пособіемъ въ оной. Какую противоположность представляли эти больницы, подъ надзоромъ христіанскихъ женщинъ, съ сценами нерѣдко встрѣчавшимися въ Калькутскихъ больницахъ, въ которыхъ надзоръ за больными ввѣренъ, очень часто, пьянымъ и не совсѣмъ честнаго поведенія сидѣлкамъ!

Авторъ статьи во время своего путешествія былъ въ Кіевѣ, гдѣ посѣтилъ духовную академію. Кіевъ онъ называетъ русскимъ Кэнтербури. — Я провелъ одну недѣлю въ Кіевскомъ монастырѣ, говоритъ онъ, съ удовольствіемъ видѣлъ, съ какимъ успѣхомъ продаются и покупаются книги Свящ. Писанія... Въ Воскресенскомъ монастырѣ, не подалеку отъ Москвы, — я купилъ для себя въ русскомъ переводѣ, и очень хорошемъ, трактатъ Рейля о молитвѣ. По монастырю меня водилъ одинъ монахъ, по имени Леонидъ. До сего времени, какъ мнѣ передали, онъ служилъ гусарскимъ офицеромъ и стоялъ съ своимъ полкомъ въ Центральной Азіи, въ Ташкентѣ. По своему образованію онъ, конечно, превосходитъ прочихъ монашествующихъ, — большею частію изъ низшихъ классовъ.

Въ Кіевѣ авторъ посѣтилъ также А. Н. Муравьева „одного изъ извѣстнѣйшихъ настоящихъ церковныхъ писателей въ русской церкви“, какъ онъ называетъ его. Онъ показалъ мнѣ свои оригинальныя и переводныя сочиненія въ пятидѣсяти одномъ томѣ. Его сочиненія служили сильною преградой противъ покушеній ультрамонтанъ. Та партія въ англійской церкви, которая стремится къ рабскому подражанію Римской церкви, могла бы съ большою пользою для себя — прочесть нѣсколько листовъ изъ книги Муравьева „*Исторія Русской Церкви*“, въ которой онъ разсуждаетъ о зловредныхъ притязаніяхъ Рима на главенство съ полнымъ пренебреженіемъ, какого онѣ заслуживаютъ. Русская церковь, будучи сильною опорою національнаго духа и единства, когда народъ въ продолженіе трехъ столѣтій стоналъ подъ татарскимъ игомъ, всегда противилась церковному господству латинской церкви, — и прошелъ долгій періодъ прежде чѣмъ было дозволено іезуитамъ поселиться на русской почвѣ. Съ другой стороны — въ средѣ русскихъ — замѣтна сильная симпатія къ Англій; когда епископъ Эднъ недавно посѣтилъ Россію — для совершенія конфирмаціи, то никто не принялъ его такъ ласково, какъ русскіе дворяне. — Недавно совершившееся бракосочетаніе Ея Высочества Великой Княгини, Маріи Александровны, съ Герцогомъ Единбургскимъ вѣроятно ознакомитъ еще болѣе русскихъ съ англійскимъ народомъ, его церковью и учрежденіями. — Хотя русская церковь, продолжаетъ авторъ, и страдаетъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ... впрочемъ

не забудемъ и того, что она неизмѣримо отличается отъ Рима *) тѣмъ, что не имѣетъ папы, Тридентинскаго собора, безбрачія въ средѣ духовныхъ и ультрамонтанскаго духа, стремящагося къ тому, чтобы дать перевѣсъ духовенству надъ мірянами. Но что важнѣе всего она имѣетъ *открытую библію*. Во время вторичнаго моего путешествія въ Россію, продолжавшагося около пятнадцати мѣсяцевъ, я свободно обращался въ средѣ русскаго духовенства и мірянъ, и вездѣ былъ принятъ ласково, совершенно отлично отъ того приѣма, который встрѣтилъ въ Римѣ въ 1864 г. отъ римскихъ духовныхъ лицъ. — Русскіе встрѣтили меня, какъ брата, хотя и отличавшагося отъ нихъ нѣкоторыми разностями въ вѣроученіи; а римляне смотрѣли на меня, какъ на еретика, лишеннаго всякой надежды на спасеніе.

Разсуждая въ заключеніе своей статьи объ общественныхъ реформахъ — авторъ говоритъ: замѣтна повсюду сильная дѣятельность къ улучшенію положенія рабочихъ и низшихъ классовъ. Пьянство составляетъ въ Россіи сильное зло... впрочемъ правительство принимаетъ дѣятельныя мѣры къ прекращенію его. Я знаю одну госпожу въ Москвѣ, говоритъ онъ, преданную дѣламъ благотворительности, которая составила себѣ планъ, въ видахъ обузданія неумѣренности, открывать чайные дома, въ которыхъ рабочіе могутъ получить стаканъ хорошаго чаю за одианъ *фарминъ* ($\frac{1}{2}$ коп.). Ея планъ осуществляется удачно, — и достоинъ подражанія въ Англіи, въ которой очень трудно для нисшихъ классовъ достать себѣ стаканъ хорошаго чаю или кофе по дешевой цѣнѣ. — Та же самая госпожа принадлежитъ къ членамъ весьма полезнаго общества „Распространенія дешевыхъ духовно-нравственныхъ книгъ въ народныхъ массахъ“. Я присутствовалъ на еженедѣльныхъ собраніяхъ этого общества въ ея домѣ. — Годичное собраніе посѣтилъ Московскій генераль-губернаторъ, епископъ и значительное число почетнѣйшихъ лицъ. Это напомнило мнѣ о собраніяхъ нашего мѣстнаго литературнаго общества въ былые дни въ Калькуттѣ, которыя посѣщались также нѣкоторыми важными правительственными лицами.

*) Она неизмѣримо также отличается и отъ англійскаго, и отъ прочихъ западныхъ обществъ, и именно своимъ неизмѣннымъ православіемъ *Перев.*

V. Библиографія.

Назначеніе, указываемое Промысломъ Православной Россіи, и ея призваніе къ возстановленію западной православной Каѳолической Церкви. Овербекъ. Галль. 1869.

Извѣстный авторъ брошюры: *Православное каѳолическое воззрѣніе, или свѣтъ съ Востока*, изданной въ 1864 г. и *Православная Каѳолическая Церковь*—въ 1869 г., докторъ богословія и философіи, недавно принявшій православіе, г. Овербекъ издалъ въ послѣднее время подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ новую брошюру. Въ этомъ сочиненіи авторъ еще съ большею, чѣмъ прежде, полнотою и основательностію доказываетъ превосходство православной Церкви предъ Римскою, и еще съ большею, чѣмъ прежде, настойчивостію требуетъ рѣшенія вопроса о возстановленіи западной православной каѳолической Церкви. Эпиграфомъ для означеннаго сочиненія выбраны слова пророка Амоса (9, 11): *Въ той день возставлю скинью Давидову падшую и возражду падшая ея и раскопанное возставлю и возражду ю, яко днѣ вѣки* (какъ она была въ древнее время). Къ сожалѣнію, нельзя намъ передать въ переводѣ все содержаніе замѣчательной новой брошюры г. Овербека, а потому мы ограничимся нѣкоторыми выдержками изъ оной, имѣющими особенный интересъ для нашихъ читателей.

Коснувшись начавшагося движенія между славянскими народами, г. Овербекъ видитъ въ немъ явленіе, которое „должно имѣть

важныя послѣдствія и за которымъ необходимо самое внимательное наблюдение. Теперь, пока мы видимъ, говоритъ онъ, что элементы этого движенія еще оцѣпѣнны и реловки, машина еще неповоротлива, желаемыя цѣли, точно такъ же какъ и пути, ведущіе къ нимъ, еще темны и неопредѣленны. Дальше, мы видимъ многіе промахи въ выборѣ средствъ и путей; и худшій изъ этихъ промаховъ есть чрезмѣрное уваженіе къ иностранцамъ и подражаніе имъ. Что не выросло на собственной почвѣ, или по крайней-мѣрѣ, что ей не совсѣмъ сродно, то не годится, и можетъ только вредить народу, какъ ядовитое или чужеродное растеніе. Славянскіе народы, какъ и всѣ народы, вырабатывающіе свое значеніе, еще не разъ будутъ ошибаться въ средствахъ, еще надѣлаютъ много ошибокъ, еще многому должны научиться и разучиться, прежде чѣмъ они дойдутъ до той степени народной, внушающей къ себѣ почтеніе, солидности, которая обусловливаетъ и охраняетъ здоровое развитіе и обезпечиваетъ высокое мѣсто въ кругу другихъ народовъ.“

„Что мы до сихъ поръ сказали о славянахъ, относится и ко всѣмъ молодымъ, находящимся въ развитіи, народамъ; они должны отдавать плату за свое обученіе и чрезъ убытки дѣлаться умнѣе, какъ это случается въ жизни всякаго человѣка. Но возвышеніе славянъ представляетъ намъ особенный признакъ, котораго не замѣчали и не замѣчаемъ ни у какого другаго семейства народовъ, именно—*стремленіе (convergieren) къ одному центру*. Хотя совершенно естественно, что родственные народы примыкаютъ другъ къ другу, но также естественно и то, что между ними возникаетъ извѣстнаго рода ревность, чтобы одно племя не превзошло другое силою и вліяніемъ, и мало по малу не поглотило его въ себѣ. И вотъ, потому-то и замѣчательно явленіе, что славянскіе народы группируются около Россіи, какъ около своего центра. Даже гдѣ политическія отношенія связали ихъ съ неславянскими государствами, они всетаки смотрятъ на Россію, въ извѣстной степени, какъ на духовный центръ свой.

Неоспоримо, что отдѣльные славянскіе народы стремятся къ личной свободѣ и независимости и стараются, во чтобы то ни стало, сохранить свою народную самостоятельность; но, тѣмъ не менѣе, они чувствуютъ въ себѣ влеченіе къ Россіи, несмотря на постоянныя увѣщанія и проповѣди иностранной прессы на люби-

мую тему—о русском стремлении къ поглощенію народовъ. Въ чемъ заключается эта притягательная сила Россіи? Не есть-ли это, можетъ быть, личная притягательная сила Цари русскаго, который, подобно Карлу Великому или Наполеону, умѣетъ втягивать народы въ волшебный свой кругъ? Или, можетъ быть, русское золото способно обрусить славянскихъ братьевъ? Но откуда Россія возьметъ столько денегъ, для того, чтобы подкупить иностранныя правительства? И не твердятъ-ли намъ ежедневный опытъ, что деньги могутъ фабриковать лицемѣровъ, но никакъ не могутъ привлечь сердца цѣлыхъ народовъ? Нѣтъ, не личное вліяніе, не подкупъ и интрига собираетъ сердца славянскихъ народовъ около русскаго центра, но *великая идея*, даже можно сказать—*величайшая идея*, которая только существуетъ для человѣка, не пустая, *бесодержательная идея*, но *существеннѣйшая дѣятельность*. Она-то *связываетъ* славянъ неразрывно съ Россіею, хотя при этомъ нѣтъ необходимости въ сліяніи ихъ съ нею. И эта великая идея не есть то, что политики называютъ всеславянствомъ (panslavismus); нѣтъ, это несравненно величайшая идея, это то, что мы называемъ всеправославіемъ (paporthodoxie).

„Жизненная сила всеславянства несокрушима, потому что она произрасла изъ религіознаго корня всеправославія и, слѣдовательно, есть понятіе религіозно-политическое. Но гдѣ всеславянство принимается только какъ одно политическое понятіе, тамъ оно непрочное, какъ сама политика, потому что не имѣетъ основаніемъ своимъ истинной вѣры.

„Въ Италіи и Германіи сдѣланы были сильныя попытки къ единству и централизаціи. Но что такое пан-итализмъ? Небольше какъ несчастная попытка соединить различныя, враждебныя другъ другу, племена подъ одною кровлею. Житель Пьемонта ненавидитъ тосканца, тосканецъ ненавидитъ неаполитанца и т. д. Религіознаго же союза совсѣмъ не существуетъ, такъ какъ папство, невѣріе и суевѣріе дѣлятъ народъ между собою.

„Современно-образованное государство есть продуктъ протестантизма и римскаго католицизма на политической почвѣ. Оно есть *вынужденная сдѣлка* (компромисъ); отчаяніемъ вызванный *modus vivendi* (образъ взаимнаго сожитія) непримиримыхъ противоположностей. Тогда какъ всякій человѣкъ, вѣрующій въ Бога и безсмертіе души, убѣжденъ въ томъ, что онъ сотворенъ Бо-

гомъ и для Бога, и что конечное назначеніе его простирается за предѣлы этой жизни, и что, слѣдов., религія должна быть душею и основаніемъ его жизни, новѣйшее государство говорить: „Мы такъ разошлись въ религіозныхъ мнѣніяхъ, что никакъ не въ состояніи соединиться на одномъ общемъ религіозномъ основаніи, и однако же мы должны жить вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Что же тутъ остается дѣлать, какъ только, ради вождельнаго мира, предоставить религію всякому отдѣльному человѣку, какъ его частное дѣло, и заниматься только земными дѣлами? Итакъ разъединеніе Церкви съ государствомъ—свободная Церковь въ свободномъ государствѣ!..“ Современныя начала безъ религіознаго государства, можетъ быть были бы справедливы и разумны, если бы можно было раздѣлить другъ отъ друга Церковь и Государство. Но это такъ же невозможно, какъ разъединить въ здоровомъ человѣкѣ тѣло и душу... Неизбѣжное, неминуемое слѣдствіе этого—смерть...“

„Свободная Церковь въ свободномъ государствѣ, есть величайшая ложь нашего времени и означаетъ не болѣе, какъ *несвободную Церковь въ несвободномъ государствѣ*. Безъ сомнѣнія есть поприща въ государственной и Церковной жизни, въ которыхъ не сходятся государство и Церковь и дѣйствуютъ самостоятельно... Но гдѣ пограничная линія мира и согласія? Ея нѣтъ. Возьмемъ для примѣра два спорные вопроса объ обученіи и бракѣ.—Оба эти вопроса безъ сомнѣнія относятся къ вѣдомству государства и Церкви. Доколѣ государство и Церковь идутъ рука въ руку и двигаются на общемъ основаніи, то эти вопросы мало значительны.... Но какъ скоро согласіе между ними кончилось, какъ скоро они пожелали окончательнаго раздѣла отеческаго наслѣдства, чтобы начать независимое хозяйство на свой собственный счетъ, то начинается борьба, которая должна кончиться не прежде, пока одна сила не поглотитъ другую или не погибнутъ онѣ взаимно....

„Кто виноватъ въ этомъ раздорѣ между государствомъ и Церковію? Гдѣ корень зла? Многіе исходнымъ пунктомъ для новой эры разъединенія государства съ Церковію полагаютъ великую французскую революцію. Но откуда происходятъ въ такомъ случаѣ главныя начала французской революціи? Отъ англійско-французской философіи энциклопедистовъ. На чемъ основывалась эта философія? На принципѣ свободнаго изслѣдованія, введенномъ и выработан-

номъ протестантизмомъ. Но что въ такомъ случаѣ ввело протестантизмъ въ міръ? Романизмъ съ своими непомерными духовными и свѣтскими притязаніями. Уже со временъ Виктора и Стефана папство обнаруживало свое властолюбіе, но было удерживаемо Востокомъ въ надлежащихъ границахъ. Притязанія Рима постоянно усиливались, пока Востокъ, вслѣдствіе неправославныхъ нововведеній и притязаній папства, не былъ вынужденъ прервать союзъ съ западною сестрою, и идти своею собственною дорогою.....“

Перешедши такимъ образомъ къ римской Церкви, авторъ подробно разбираетъ вопросъ о *первенствѣ* и *главенствѣ* римскаго папы, который составляетъ существенную границу между православіемъ и романизмомъ. Римскіе католики считаютъ оба эти понятія тождественными понятіями. Авторъ видитъ главную причину притязаній папъ на главенство въ измѣненіи ими въ свою пользу апостольскаго преданія... „Да и вообще, говоритъ онъ, практика папства состоитъ въ томъ, чтобы обращаться къ преданію, когда оно говоритъ въ его пользу, и игнорировать и измѣнять или презирать его, когда оно направлено противъ папства.....“

„Это есть естественное слѣдствіе первороднаго грѣха, продолжаетъ авторъ, что папское высокомеріе начало воздвигать себѣ храмъ самобоготворенія. Богъ допустилъ это, какъ онъ нѣкогда допустилъ построеніе Вавилонской башни, но Онъ не допуститъ возвыситься этой башнѣ до небесъ.“ „*Подчиненіе Риму* было лозунгомъ властолюбивыхъ папъ...

„...Но какія въ такомъ случаѣ имѣются положительныя свидѣтельства и доказательства для неограниченнаго авторитета римскаго папы и его личной непогрѣшимости? Гдѣ основаніе того, что простой римскій епископъ предъявляетъ притязанія на такое божественное преимущество? Кто станетъ разсматривать эти вопросы съ христіанской точки зрѣнія, тотъ прежде всего изслѣдуетъ нѣтъ ли въ пользу папскаго ученія какого-либо изрѣченія, какой-либо заповѣди произнесенной самимъ Христомъ, или по крайней мѣрѣ не находится ли чего подобнаго въ апостольскихъ писаніяхъ. Но онъ напрасно будетъ изслѣдовать. Господь Иисусъ Христосъ нигдѣ не даетъ ни малѣйшаго намека, что Римъ назначенъ средоточіемъ и главою Его религіи, Его Божественнаго Царства на землѣ, что римскому епископу принадлежитъ власть

надъ всею Церковію, или лучше, надъ всѣмъ міромъ. Онъ нигдѣ не говоритъ объ основаніи свѣтской державы-имперіи. Напротивъ, онъ ясно запрещаетъ своимъ послѣдователямъ господствовать (Лук. 22, 25. Мат. 20, 25)... Равнымъ образомъ нѣтъ на это никакого указанія и въ апостольскихъ посланіяхъ.

„И такъ, говоритъ авторъ, когда царство образовало между собою и государствомъ столь великую пропасть, что ее ничто не въ состояніи уничтожить, то время для католиковъ открыть глаза и разсмотрѣть, могла ли заключаться въ планахъ Божіихъ — такая пропасть, такая непримиримая вражда между государствомъ и Церковію, вражда какой не бывало даже во времена Нерона, Домиціана и Діоклетіана. Если бы римская Церковь осталась въ границахъ Апостольскаго преданія, если бы она пребыла вѣрна своему собственному каноническому правилу: *clericus ne se immisceat saecularibus negotiis*, то не возникло бы папское главенство съ пагубнымъ ученіемъ и злоупотребленіями, — Церковь не раздѣлилась бы на великій расколъ между Востокомъ и Западомъ, — не было бы реформации съ ея печальными плодами неврїи.... Папа жалуется, что онъ не можетъ сладить съ нехристїанскимъ государствомъ. Но кто сдѣлалъ государство нехристїанскимъ? Самъ папа, а никто другой....

„Какую противоположность, говоритъ авторъ, видимъ мы въ православной католической церкви! Централизація и свѣтское властолюбіе всегда были чужды ей, потому она никогда не была въ раздорѣ съ государствомъ, потому любитъ и почитаетъ она государство, какъ свою нѣжно-заботливую мать. Каждый православный католическій гражданинъ любитъ свою Церковь, потому что она никогда не причиняла ему никакого вреда, а оказывала одну только любовь. Она никогда не налагала свою руку на его права, потому что не хотѣла владѣть его имуществомъ, или его правами, а только одною любовію.... Не есть ли замѣчательное явленіе, что въ православныхъ странахъ не возникаетъ никакой борьбы между Церковію и Государствомъ?

„Разъединеніе государства и Церкви есть несчастіе и не естественно. Какъ въ живомъ человѣкѣ нельзя разъединить тѣло и душу безъ того, чтобы человѣкъ не умеръ, такъ невозможно разъединить Государство и Церковь безъ того чтобы они не погибли. Римская Церковь такъ вела свое хозяйство, что Государст-

во не могло идти далѣе вмѣстѣ съ нею, Государство пошло своимъ собственнымъ путемъ и уже вступило въ предѣлы нехристианства, тогда какъ папство, слѣдуя своею собственною дорогою, переходя отъ одной лжи и обмана къ другому, подвергается процессу саморазложенія. Что остается въ такомъ случаѣ, какъ не обратиться къ Православной Церкви, проникнутой духомъ единства, согласія и любви? Тамъ видимъ мы миръ между Государствомъ и Церковію; тамъ видимъ мы вѣрную мать, которая истинно любитъ своихъ дѣтей и въ свою очередь истинно любима ими... Церковь любитъ и почитаетъ государство, и государство почитаетъ и любитъ Церковь. И естественнымъ слѣдствіемъ этого то, что Православная Церковь имѣетъ гораздо большую силу надъ государствомъ, чѣмъ Римская Церковь, не смотря на всѣ свои притязанія...“

„Потому говорить далѣе авторъ, мы обращаемся къ Россійской Церкви, самой могущественной и не зависимой изъ православныхъ церквей. Въ этой церкви господствуетъ одушевленная любовь къ вѣрѣ отцовъ, внутреннее благочестіе, отрадное согласіе и плодотворное взаимодѣйствіе Государства и Церкви. Эти братья должны подать намъ руку къ возстановленію западной православной католической Церкви. Не напрасно Провидѣніе всегда сохраняло Россію вѣрною православной истинѣ, какъ посредствующее звѣно между Востокомъ и Западомъ. Не напрасно Провидѣніе поставило Россію въ постоянныя сношенія съ западомъ, чтобы она имѣла болѣе ясныя понятія о западныхъ воззрѣніяхъ и умѣла цѣнить ихъ... Не напрасно Провидѣніе соединило и римскихъ католиковъ и протестантовъ подъ православнымъ русскимъ скипетромъ, чтобы практическое сличеніе трехъ главныхъ вѣроисповѣданій доставило православной истинѣ столь блестящую побѣду. Не даромъ Провидѣніе едѣлао Россію одною изъ первыхъ державъ въ мірѣ, которая должна произнести слово, важное слово въ судьбахъ всемірной исторіи. Византійскій двухглавый орелъ простираетъ свои крылья отъ Германіи до границъ Китая и Японіи, отъ Ледовитаго до Чернаго и Каспійскаго морей... *Гдѣ тайна этого могущества, этого удивительнаго согласія? Вотъ рѣшеніе вопроса: Россія живетъ и дышитъ въ истинѣ и православною истинною, которая есть ея душа, ея жизненное начало, жизненный сокъ въ ея жилахъ, мозгъ въ ея костяхъ!* Россія сохранила истину,

потому она наследовала благословеніе. Мы удивляемся колоссальности Россіи но эта колоссальность, какъ тѣло, есть нѣчто постороннее. Напротивъ мы почитаемъ святую Россію, освященною православною истиною...

„Теперь читатель увидитъ яснѣе, продолжаетъ авторъ, почему мы прямо обращаемъ къ Россійской Церкви; это потому, чтобы намъ имѣть помощь ея содѣйствія при возстановленіи западной православно-каѳолической Церкви.. Слѣдующія положенія могутъ показать ходъ мыслей, ведущій къ идеѣ и осуществленію западной православно-каѳолической Церкви.

„Единая святая каѳолическая и апостольская Церковь существовала осязательно и обнимала все христіанство. доколѣ великій римскій расколъ не оторвалъ Востокъ отъ Запада.

Status quo въ вѣрѣ и церковномъ управленіи, какъ они существовали предъ раздѣленіемъ Церквей, неизмѣнно удержанъ единственно Восточною Церковію, между тѣмъ какъ Римъ переходилъ отъ одного нововведенія къ другому, создавая и уничтожая одинъ за другимъ догматы и церковные каноны. Итакъ Восточная Церковь есть вѣрная представительница Церкви *нераздѣльнаго христіанства*, т. е. той Церкви, которая обнимала весь міръ и которая была единою безспорною каѳолическою Церковію, доколѣ Римъ не раздѣлилъ христіанства на два враждебныя лагеря.

„О протестантизмѣ, какъ новѣйшемъ произведеніи, какъ отрицательномъ протестѣ противъ испорченнаго средневѣковаго Рима... не можетъ быть здѣсь и рѣчи, потому что мы имѣемъ дѣло только съ Церковью видимою, историческою и каѳолическою, основанною Иисусомъ Христомъ и апостолами.

„Какъ вселенская Церковь Христова до раздѣленія Церквей была единственно истинною каѳолическою церковію, которая исключала всякую другую церковь, точно также и православная Церковь единственно и одна только есть истинная каѳолическая Церковь, исключаяющая всякую другую. Слѣдов., ни Римская Церковь, ни протестантскія исповѣданія (къ которымъ принадлежатъ и англиканская Церковь) не могутъ заявлять права на то, чтобы быть каѳолическою Церковью, или ея частью. Онѣ суть Церкви *инославныя* и находятся внѣ Церкви. Какъ скоро онѣ сознаютъ эту истину, вмѣстѣ съ симъ наступитъ для нихъ и обя-

занность немедленно оставить свою Церковь и присоединиться къ православнои католической Церкви....

.... „Такъ какъ апостолы, по плану Провидѣнiя и по вдохновенiю Святаго Духа основали не только восточную, но и западную Церковь, и обѣ Церкви создали цѣлый сонмъ святыхъ и отцовъ Церкви, отказать Западной Церкви въ правѣ на существованiе было бы *осмѣпленiемъ и дерзостiю, которая граничитъ съ богохульствомъ*, если она удовлетворяетъ требованiямъ православiя.

„Только недалъновидные и крайне ограниченныя умы могутъ утверждать, что западный человѣкъ можетъ совлечь съ себя, подобно какому-либо платью, свое существо и свои особенности, и чувствовать себя также хорошо въ восточномъ образѣ рѣчи и мышленiя... Иеронимъ долгое время жилъ на Востокѣ, но однако остался совершенно западнымъ человѣкомъ. Сравните бесѣду Василiя или Златоуста съ бесѣдою Августина или Льва и вы увидите между ними великую разность.

„Богъ сдѣлалъ насъ западными, и человѣкъ не долженъ, не можетъ и не осмѣлится дѣлать насъ восточными, да и онъ не въ состоянiи этого сдѣлать. Хотя внѣшность можно преобразовать, но духъ и сердце останутся тѣмъ, чѣмъ были.

Далѣе авторъ задается вопросомъ: какимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ возстановить западную православную католическую Церковь?... Какъ преобразовать нынѣшнюю инославную западную Церковь въ православную, какою она была до раздѣленiя Церквей? И отвѣчаетъ на эти вопросы такъ: Удали изъ римско-католическихъ церковныхъ книгъ все инославное, тогда и будешь имѣть православно-католическую западную Церковь, существовавшую до схизмы. При такомъ способѣ нашъ путь существенно упрощается и точно опредѣляется. Но и при этомъ остается еще очень много дѣла. Спрашивается должны ли мы окончить пересмотръ всѣхъ римско-католическихъ церковныхъ книгъ, прежде чѣмъ могли бы приступить къ основанiю западной православно-католической Церкви? Мы рѣшительно отклоняемъ этотъ вопросъ и думаемъ, что слѣдующее предложенiе будетъ гораздо практичнѣе и сообразнѣе съ существомъ дѣла.“

„Возьмемъ римскiй служебникъ, тамъ между службами на великую субботу и Воскресенiе Христова найдемъ послѣдованiе миссы (Ordo Missae), т. е. общую схему всей западной литургiи.

Составныя части (Входное, Апостоль и Евангеліе), измѣняющіяся по праздникамъ отмѣчены особо при каждомъ случаѣ. Ordo Missae такимъ образомъ есть неподвижная и постоянная часть литургіи. Подвижныя и измѣняющіяся части составляютъ только малую долю литургіи. И такъ пересмотримъ сначала Ordo Missae, который занимаетъ отъ 20 до 30 стр. in 8°. Это вовсе не исполинскій трудъ, и занимаясь по одному часу въ день, можно совершенно свободно покончить его въ одинъ мѣсяцъ. Но мы желали бы сократить и эту работу и довести ее до минимума, и съ этою цѣлю мы уже просмотрѣли Ordo missae, и нашъ трудъ предлагаемъ въ распоряженіе православной церковной власти, въ случаѣ, если она пожелаетъ сдѣлать изъ него употребленіе.

„Прежде всего, говоритъ далѣе авторъ, не надо медлить, чтобы не потерять въ пользу Рима большую часть жаждущихъ спасенія душъ, именно въ Англиканской Церкви. Эти люди чувствуютъ потребность въ Церкви съ дѣйствительными священниками и таинствами, но неспособны оставаться въ ожиданіи при неопредѣленныхъ надеждахъ. Они хотятъ видѣть предъ собою Церковь существующую, видимую, осязаемую, а не такую, которая предварительно существуетъ только въ идеѣ. Чтобы изъ двухъ золъ выбрать меньшее, они охотно идутъ въ Римскую Церковь. Обстоятельства времени теперь чрезвычайно благоприятствуютъ возстановленію западной православной Церкви. Но нужно приступить къ дѣлу немедленно, не теряя времени, пока свѣтитъ солнце.

„Извѣстное прошеніе въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ Русской Церкви, снабженное значительнымъ числомъ подписей, уже отослано къ мѣсту своего назначенія. Слѣд. первый шагъ къ осуществленію великой идеи уже сдѣланъ. Нужно молить только Бога, чтобы Онъ склонилъ сердца высшихъ церковныхъ властей и возбудилъ ихъ къ скорѣйшему окончанію дѣла, которое можетъ сдѣлаться благословеніемъ для всей Европы. *)

*) Здѣсь авторъ брошюры упоминаетъ о путешествіи г. Гаерли въ Россію для пріобрѣтенія фонда къ построенію англо-русской церкви въ Англии. „Если онъ хочетъ ориентализировать англичанъ, говоритъ г. Овербекъ, то принимаетъ на себя болѣе, чѣмъ онъ и всякій другой въ состояніи сдѣлать. Что выйдетъ, если Святѣйшему Синоду будутъ предложены планъ

Брошюра заканчивается тѣми же самыми словами, какими была закончена и прежняя брошюра г. Овербека: *Православно-каволическая Церковь.*

„Любезные восточные братья! Позвольте устранить предразсудокъ, который я встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ изъ васъ. Я слышалъ, что православные говорятъ: *намъ нѣтъ никакого отъла до западной Церкви; кто хочетъ быть православнымъ, тотъ долженъ сѣлаться восточнымъ.* Тѣ, которые такъ говорятъ, совершенно забываютъ, что сами же апостолы основали не только восточную, но и западную Церковь; что мы западные также имѣемъ право на существованіе, какъ и восточные, что мы никогда не можемъ сдѣлаться настоящими восточными, потому что нельзя отрѣчься отъ своей внутренней природы. Попытайтесь, и вы увидите, что къ Восточной Церкви можетъ быть перейти нѣсколько обращенныхъ, тогда какъ въ западную православную Церковь потекутъ тысячами, потому что она болѣе отвѣчаетъ ихъ западной природѣ. А сверхъ того, что вамъ пользы въ томъ, что вы сдѣлаете насъ не настоящими восточными? Не Востокъ или Западъ насъ спасаетъ, а православіе, которое не связано ни съ какою странюю... Обратите же взоръ свой, восточные братья, на тотъ великій славный день, когда мы будемъ стоять предъ вашими, престолами, а вы передъ нашими, и когда будемъ праздновать

Гаеерли и нашъ собственный, ясно, что одинъ изъ этихъ двухъ плановъ необходимо долженъ быть отвергнутъ“. Мы думаемъ съ своей стороны, что г. Гаеерли вовсе не имѣетъ намѣренія ориентализировать англичанъ, или дѣлать пропаганду. Но, какъ присоединенный къ православію и хорошо знакомый съ духомъ величественныхъ богослуженій и обрядовъ восточной Церкви, онъ желаетъ устроить англо-русскій храмъ для тѣхъ лицъ, которыя, быть можетъ, подобно ему будутъ въ состояніи понять все величіе и обрядность нашей Церкви. Построеніе англо-православной церкви въ Англій, и восстановленіе западно православной Церкви, не два противоположныя понятія, исключаютъ одно другое. Православная Церковь, не отрицаясь самой себя, не можетъ не благословить совершенія богослуженія по православному чину въ Англій, потому только, что оно будетъ отправляться не на славянскомъ или греческомъ языкахъ. Точно также она не можетъ отказать и въ правѣ на существованіе западной православно-каволической Церкви, если она удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ православія.

торжество церковнаго общенія и единенія. И вы, любзные западные братья, почувствуйте утѣшеніе и радость, что вы избавились отъ тираніи и ига папскаго раскола и папской ереси, и достигли вѣрнаго пристанища въ православіи. Тогда мы воспоемъ „Gloria in excelsis“ а наши братья отвѣтятъ намъ пѣснью: „Άγιος ὁ Θεός, ἅγιος ὁ ἰσχυρός, ἅγιος ὁ ἀθάνατος. Возьмемся за дѣло немедленно и крѣпко совокупными силами. Божіе благословеніе не оставитъ насъ.“

По вопросу о взаимнообщеніи англиканскѣй церкви съ восточными православными церквами.

Газета *Голосъ*, въ трехъ номерахъ своихъ за апрѣль 1870 г. посвятила три передовыя статьи одному изъ самыхъ жгучихъ, какъ она выражается, церковныхъ вопросовъ того времени, именно вопросу о соединеніи англиканской церкви съ православною. Въ означенныхъ статьяхъ сообщается такъ много интересныхъ свѣдѣній касательно англиканской церкви, что мы рѣшаемся, хотя кратко, познакомить нашихъ читателей, съ выводами и результатами оныхъ по вопросу о взаимно-общеніи церквей. Авторъ обращается къ историческимъ изслѣдованіямъ, дабы, на основаніи достовѣрныхъ историческихъ данныхъ, опредѣлить при какихъ условіяхъ возможно было бы взаимно общеніе и истинно христіанское единеніе англиканской церкви съ православною. Съ этою цѣлію онъ считаетъ необходимымъ прежде всего обратиться къ церковной исторіи и указать, какъ произошла англиканская церковь, какъ древне ея историческое существованіе, что составляетъ ея сущность и какія ея характерныя особенности въ сравненіи съ православною восточною церковію. „Это весьма важно для насъ, по замѣчанію автора, въ томъ именно отношеніи, что современныя движенія въ англиканской церкви составляютъ *не случайное нѣчто, а самый естественный необходимый* продуктъ именно историческаго склада и развитія англиканства“. Вотъ вкратцѣ историческія свѣдѣнія касательно основанія и хода историческаго развитія англиканской церкви.

Англиканская церковь, до 6-го вѣка по имени страны называемая британскою, первоначально была основана во второмъ

вѣкѣ. Основателемъ ея, по мнѣнію большинства церковныхъ историковъ, считается ап. Павель. Сначала она строго сохраняла въ себѣ православіе, какъ въ отношеніи къ вѣроученію, такъ и въ отношеніи къ церковной практикѣ. Въ четвертомъ вѣкѣ она принимала участіе даже въ рѣшеніи вопросовъ имѣвшихъ отношеніе ко всей вселенской церкви, и на соборѣ въ Арлѣ, въ южной Франціи, между прочими отцами церкви, упоминаются и епископы британскіе, напр. Реститутъ изъ Лондона, Эворій изъ Йорка. Нѣкоторые обряды англиканской церкви, до конца 7 вѣка, сходствовали съ обрядами церкви православной восточной, какъ напр. празднованіе Пасхи не по римскому, а по мало-азійскому обычаю. Слѣды этого сходства замѣтны даже и доселѣ, несмотря на все превратности и перемѣны, происшедшія въ вѣроученіи и церковной практикѣ англиканской церкви, въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. Въ доказательство сего можно указать, между прочимъ, на слѣдующій примѣръ: въ англиканскомъ богослуженіи доселѣ употребляется греческая молитва Господи помилуй или, по англійски Lord have mercy. Въ концѣ 6-го вѣка папа Григорій Великій отправилъ въ Британію латинскую миссію; съ прибытіемъ оной, миссіонеромъ Августиномъ учреждены двѣ митрополіи въ Кентѣ и Йоркѣ. Съ этого времени образовались въ Англій *два іерархіи и две церкви*, одна—ведшая свое начало отъ апостоловъ, другая—основанная съ прибытіемъ папскихъ легатовъ, церковь національная и церковь латинская. Обѣ онѣ составляли части единой вселенской церкви, но, не смотря на это, между тою и другою была замѣчательная разница. Церковь латинская сносила съ остальною вселенскою церковію *только* чрезъ Римъ, *насколько* это было угодно Риму; церковь національная, не бывши никогда въ подчиненіи Риму, стояла въ отношеніи къ нему, какъ мѣстная церковь къ мѣстной и, тѣмъ не менѣе, находилась въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ церкви католической. Съ теченіемъ времени, хитрая и честолюбивая римская курія успѣла подчинить себѣ національную церковь въ Англій и увлечь ее во все свои заблужденія, бывшія причиною отсѣченія римской церкви отъ вселенской. Для англиканской церкви наступило теперь тяжелое, печальное время. Папы обращались съ членами англиканской церкви деспотически и самовластно; они стѣсняли англиканскій клиръ въ его древнихъ законныхъ правахъ, несправедливо раздавали въ Англій духовныя

владѣнія (бенефиціи), требовали огромныхъ денежныхъ сборовъ въ пользу римской кафедры. При подобныхъ печальныхъ обстоятельствахъ въ англиканской церкви постепенно готовилась реформація, и вотъ, въ 16-мъ вѣкѣ, вся Англія, какъ одинъ человекъ сбросила съ себя папскую власть и прервала всякое общеніе съ римскою церковію.

Верховнымъ главою церкви объявилъ себя англійскій король Генрихъ VIII, въ 1534 году. Впрочемъ реформа въ англиканской церкви совершалась не вдругъ, а постепенно, продолжалась нѣсколько десятковъ лѣтъ (1510 — 1562). Генрихъ VIII, отвергнувъ главенство папы и право его суда по отношенію къ англиканской церкви, провозгласилъ себя главою отечественной церкви. Сынъ и преемникъ Генриха, Эдуардъ VI, когда уже было приступлено къ самому преобразованію англиканской церкви въ ея вѣроученіи, богослуженіи и дисциплинѣ, старался преобразовать оную въ протестантскомъ духѣ.

Королева Марія, сестра и преемница Эдуарда VI, будучи ревностною католичкою, старалась возстановить въ Англіи католицизмъ. И наконецъ, въ царствованіе уже Елизаветы (1558 — 1582), другой дочери Генриха VIII, англиканская церковь получила настоящее свое устройство.

Представивши краткій историческій очеркъ основанія и историческаго развитія англиканской церкви, авторъ передовыхъ статей *Голоса* переходитъ къ разсмотрѣнію ея внутреннего устройства, послѣ совершившейся въ ней реформаціи, и ея характерныхъ особенностей въ сравненіи съ православіемъ, католицизмомъ и протестантствомъ. „Ни одно христіанское вѣроисповѣданіе, говоритъ онъ, не сложено изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ и не заключаетъ въ себѣ такихъ внутреннихъ противорѣчій, какъ *англиканство*. Причина этого очевидна; это — совершенно иные мотивы и побужденія, по которымъ совершалась церковная реформа въ Англіи, сравнительно съ мотивами и побужденіями, по которымъ она совершалась въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи и Швейцаріи. Тамъ вездѣ проглядываютъ—чисто религиозный принципъ и религиозно-нравственные интересы; въ англійской реформаціи наоборотъ: вездѣ замѣтны болѣе политическіе и денежные интересы, чѣмъ религиозно-церковные. Такъ напр., парламенту нужно было только одно *не собирать доходовъ и пош-*

лись въ пользу римскаго папы. При равнодушїи къ религіознымъ интересамъ, англійская церковь, отдѣлившись отъ римской, долго не имѣла у себя своей особой догматики, да и теперь не имѣтъ опредѣленнаго руководительнаго начала.

И окончательное устройство англиканской церкви совершенно было съ цѣлью чисто-политическою. Среди борьбы протестантизма съ католицизмомъ, господствовавшей въ Англїи при Эдуардѣ VI и Марїи, нужно было примирить религіозныя партїи раздиравшія страну. Въ виду этой примирительной цѣли, богословами той и другой партїи были составлены и введены въ употребленіе двѣ символическія книги—*тридцать девять членовъ* (Thirty nine articles of faith) и книги общественнаго богослуженія (Common prayer book), на англійскомъ языкѣ обыкновенно соединяемые въ одной. Они были составлены такъ, что 39 членовъ болѣе благопрїятствовали ученію протестантскому, а книга общественнаго богослуженія болѣе приближалась къ ученію римско-католическому. Въ частности вѣроученіе англиканской церкви, сравнительно съ православїемъ, католицизмомъ и протестантствомъ, между прочимъ характеризуется слѣдующими чертами. Ея ученіе о троичности лицъ Божества сходно съ ученіемъ православной церкви, но въ ученїи о Св. Духѣ оно сходится съ римскою церковью, допуская *filioque*. Священное писаніе, по мнѣнію англиканской церкви, есть единственный источникъ вѣроученія. Ею признаются три древніе символы: апостольскій, никейскій и *неанасїевъ*; о церкви видимой учатъ такъ, что въ ней пребываютъ вмѣстѣ и добрые и злые, но по смыслу XXXVII члена, церковь не можетъ давать никакого рѣшенія, котораго бы нельзя было доказать мѣстами свящ. писанія. Паденіе чловѣка понимается ею въ смыслѣ лютеранскомъ, ученіе о благодати проникнуто духомъ кальвинизма. Собственно таинствъ два: крещеніе и причащеніе, ученіе о пресуществленїи хлѣба и вина въ дѣйствительное тѣло и дѣйствительную кровь Христову—не признается. Прочія таинства удержаны, какъ простыя богослужебныя дѣйствія, кромѣ елеосвященія, которое не въ обычномъ употребленїи; конфирмація, по нашему муропомазаніе, совершается непременно самимъ епископомъ (по католическому обычаю); не признается почитаніе мощей, и святыхъ иконъ, литургія англиканской церкви осталась отъ временъ католичества безъ особен-

ныхъ измѣненій, и очень близко подходитъ къ древней православной. Обрядъ погребенія очень сходенъ съ православнымъ; священникъ провожаетъ тѣло покойника до могилы... Высшая духовная власть, по опредѣленію 39 членовъ, принадлежитъ королю, и онъ имѣетъ исключительное право *окончательно рѣшать споры о вѣрѣ*. Вселенскіе соборы могутъ собираться только по волѣ и повелѣнію короля и несвободны отъ погрѣшности (чл. XXI) и пр.

Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, англиканская церковь хотя и причисляется къ категоріи протестантскихъ обществъ, тѣмъ не менѣе рѣзко отличается отъ нихъ. При сходствѣ ея вѣроученія въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ католическимъ и протестантскимъ, во многомъ она имѣетъ православные взгляды; таковъ напр. *совершенно православный взглядъ на божественное происхождение и устройство вселенской видимой церкви Христовой, на ея цѣль — спасеніе людей посредствомъ вѣреннаго ей неповрежденнаго ученія и таинствъ...* Она признаетъ также въ *православномъ смыслѣ* первые четыре вселенскіе соборы и утверждаетъ, что не *должно* принимать ничего несогласнаго съ ученіемъ древнихъ отцевъ. Признаетъ богоучрежденную и преемственную отъ апостоловъ іерархію, со всѣми ея степенями, и усваиваетъ имъ истинное, *православное* значеніе...

При разнородности элементовъ, католическихъ, лютеранскихъ и реформатскихъ, легшихъ въ основу англиканскаго вѣроученія, по замѣчанію автора статей, помѣщенныхъ въ *Голось*, образовались въ средѣ англиканства три главныя направленія, — три партіи, съ своими характерными особенностями. Въ концѣ 17-го вѣка появились:

а) Такъ-называемая „High Church“ или *высокая церковь*, уважающая преданіе и все то, что въ англиканствѣ отзывается духомъ древней христіанской догматики и древней церковной дисциплины. Эта церковная партія привержена болѣе католицизму, чѣмъ протестанству.

б) Low Church, или *низкая церковь*, недовѣрявшая преданію, какъ божественному авторитету, и видѣвшая въ англиканствѣ тотъ же протестантизмъ, только выразившійся безъ крайности и превеличенія.

в) Broad Church, или *широкая церковь*, имѣвшая своею

цѣлю примирить католическій и протестантскій элементы въ англиканствѣ и чрезъ то нерѣдко доходившая до крайняго религіознаго индиферентизма... Изъ партіи Лоу-Черчъ появились такъ-называемые *Евангелики* (Evangelical alliance) заботившіеся о распространеніи евангелія между низшими классами народа и вообще о нравственномъ улучшеніи общества. Изъ среды *Гай-Черчъ* выродились такъ-называемые *пьюзеисты* (puseyites), желавшіе развить въ обществѣ любовь къ древне-церковнымъ формамъ, поставить англиканство въ живую связь съ восточною церковью и даже объединить во имя вселенскаго принципа все церкви. Изъ этой-то именно партіи и выходили все стремленія англиканцевъ къ соединенію съ восточнымъ православіемъ.

Далѣе авторъ переходитъ къ выясненію сущности пьюзеизма или, какъ еще называютъ его, *англо-каволицизма*. Причины, вызвавшія это направленіе въ средѣ англиканства, были слѣдующія. За нѣсколько лѣтъ до появленія англо-каволицизма было предположено произвести различныя значительныя измѣненія, чисто въ протестантскомъ духѣ, какъ въ древней литургіи, такъ и въ церковныхъ постановленіяхъ англиканской церкви. Католикамъ даны были одинаковыя права съ членами англиканской церкви при разсужденіяхъ въ парламентѣ; въ 1830 году предложенъ былъ даже билль (bill) о дарованіи одинаковыхъ правъ всемъ диссидентамъ, въ томъ числѣ и евреямъ; такимъ образомъ даже евреи въ парламентѣ, наравнѣ съ членами англиканской церкви, могли сдѣлаться судьями и рѣшителями ея участи. Подобныя стѣсненія не могли не вызвать противодѣйствія въ средѣ тѣхъ англиканцевъ, которые особенно дорожили интересами и авторитетомъ своей церкви.

Между учеными богословами оксфордскаго университета обнаружилось сильное религіозное движеніе въ пользу католическаго направленія; чтобы предотвратить грозившее сліяніе своей церкви съ протестантскими обществами и снова утвердить за нею божественный авторитетъ, они съ рвеніемъ обратились къ изученію древнихъ, почти уже забытыхъ началъ, католицизма. Въ увѣренности, что въ англиканствѣ, на ряду съ позднѣйшею примѣсью, есть доля истины, главнѣйшіе ученые представители англо-каволицизма поставили своею задачею отдѣлать истину отъ инородныхъ наростовъ и, собравъ ихъ въ одно цѣлое, выставить какъ

настоящее англиканство. Вотъ вкратцѣ система направленія англо-каѳолицизма, стремящагося къ взаимнообщенію съ древнею все-ленскою церковію:

1) Правило вѣры въ англиканствѣ не одно священное писаніе, а въ соединеніи съ преданіемъ. Преданіемъ объясняется писаніе; а писаніемъ подтверждается преданіе.

2) Свидѣтельница и посредница преданія есть церковь, но авторитетъ ея подчиненъ священному писанію, т. е. она можетъ излагать, какъ истину, ученіе, не содержащее въ священномъ писаніи, хотя и не противорѣчащее ему, но не можетъ объявить это ученіе существенно необходимымъ къ спасенію.

3) Церковь непогрѣшима только по отношенію къ истинамъ существеннымъ, а въ истинахъ второстепенныхъ, не изложенныхъ ясно въ священномъ писаніи, голосъ ея хотя достоинъ уваженія, но не обязателенъ.

Изъ среды пьюзензма, прододжаетъ далѣе авторъ, возникли усиленныя стремленія англиканцевъ къ соединенію съ православною церковію. Англо-каѳолики—приверженцы православія, стараются сообщить о немъ подробныя и вѣрныя свѣдѣнія и искоренить разныя противъ него предубѣжденія въ англиканской церкви; съ этою цѣлію обращаются они къ исторіи и состоянію церкви восточной, особенно русской, къ состоянію ея ученія и практики. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія автора, современныя движенія въ англиканской церкви, какъ продолженіе стремленія англо-каѳолицизма, суть естественный и необходимый результатъ историческаго склада и развитія англиканства, а не есть нѣчто *утопическое*, какъ полагають нѣкоторые. Попытки къ воссоединенію—весьма крупное и серьезное религіозно-церковное явленіе.

Какіе же были мотивы и цѣль религіозныхъ движеній въ англиканствѣ и при какихъ, наконецъ, условіяхъ возможенъ желаемый исходъ этихъ движеній?

На первые два вопроса, т. е. относительно мотивовъ и цѣли, авторъ находитъ отвѣты въ одномъ докладѣ (report) англиканскаго комитета по дѣлу о взаимно-общеніи (intercommunion) церквей. Это во 1-хъ нужды чисто практическія. Англичане живущіе на востокѣ по торговымъ дѣламъ, часто умирають внезапно отъ холеры, и, большею частію, остаются безъ христіанскаго напутствія и погребенія, вслѣдствіе отдаленности ихъ отъ жительства мѣст-

ныхъ англійскихъ капеллановъ (духовныхъ лицъ). Поэтому англиканцы желаютъ, чтобы обряды христіанскаго погребенія совершаемы были надъ ними мѣстнымъ православнымъ духовенствомъ восточной церкви. Такое же желаніе они высказываютъ относительно крещенія англійскихъ дѣтей, рождающихся на Востокъ, преподаванія святаго причастія лицамъ ихъ вѣроисповѣданія, путешествующимъ или смертельно заболѣвающимъ вдали отъ англійскаго духовенства... Во 2-хъ, для англичанъ желательно взаимнообщеніе съ востокомъ въ виду, такъ сказать, общаго отпора честолюбивымъ притязаніямъ римскаго папы Пія IX, въ то время собственною своею властію созвавшего вселенскій соборъ: и въ 3-хъ, цѣль ихъ стремленій къ взаимно-общенію съ православными состояла въ томъ, что бы доказать предъ диссидентами и другими сектантами въ Англій истинность англиканства, вступающаго въ солидарныя отношенія съ древне-вселенскою восточною церковію... Въ виду сего послѣдователямъ англиканской церкви хотѣлось возстановить между восточною и своею церквами такія отношенія, которыя давали бы возможность какъ мірянамъ, такъ и духовнымъ этихъ двухъ церквей, не лишаясь общенія съ своею собственною церковію, участвовать въ таинствахъ и службахъ то той, то другой церкви взаимнообразно...

Возможно-ли подобное взаимное участіе членовъ той и другой церкви въ таинствахъ и богослуженіи, совершаемыхъ православными и англиканцами? По мнѣнію автора передовыхъ статей, православная церковь не можетъ безразлично относиться къ такимъ священнодѣйствіямъ, которыя имѣютъ самую тѣсную и живую связь съ духомъ и сущностью ея ученія и вѣры, а таковы именно всѣ таинства православной церкви. Строго держась каноническихъ и древне-вселенскихъ правилъ, она не должна согласиться какъ на безусловное и безразличное допущеніе англиканцевъ къ принятію ея таинствъ безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ православію, такъ и на дозволеніе своимъ вѣрующимъ приступать къ таинствамъ, совершаемымъ англійскою церковію, отдѣлившеюся отъ древне-вселенскаго православія... Но вотъ нѣсколько *общихъ* условій, при которыхъ, по мнѣнію автора, возможно было бы окончательное и истинное христіанское единеніе церквей.

Возстановленіе православія на западѣ, говоритъ онъ, возможно

только на тѣхъ именно основаніяхъ, на которыхъ существовало христіанское единеніе между восточною и западною церквами до ихъ раздѣленія, до половины XI вѣка. А этими началами въ то время были два главныя: св. писаніе и апостольское преданіе. Впрочемъ, въ каждой христіанской церкви, при твердомъ храненіи съ ея стороны, духа *вселенности*, единой и цѣльной самой въ себѣ христіанской истины, были свои не существенныя особенности и разности, какъ въ практическомъ, такъ даже и въ теоретическомъ отношеніи, нисколько не препятствовавшія единенію церквей. Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ церковно каноническихъ основаній ставить англиканцамъ въ необходимое условіе церковнаго единенія ихъ съ православіемъ обряды и обычаи, составляющіе принадлежность и особенность преимущественно восточной церкви. Все не составляющее самой *сущности* христіанства, какъ напр. продолжительные посты, богослужебно-обрядовыя разности и т. д., въ рѣшеніи вопроса о взаимно-общеніи, по мнѣнію автора, можетъ быть игнорировано.

Но иное дѣло, замѣчаетъ онъ, догматическіе и каноническіе вопросы, въ которыхъ невозможны никакія уступки со стороны православія, такъ напр. спорный вопросъ о словахъ: *Filioque, et сына*, въ 8 членѣ символа вѣры, и вопросъ о сохраненіи непрерывнаго апостольскаго преемства въ англиканской церкви. Впрочемъ первый вопросъ, по мнѣнію автора, при тщательномъ обсужденіи его съ обѣихъ сторонъ, едвали можетъ служить большимъ препятствіемъ къ мирному окончанію дѣла. Несравненно важнѣе второй вопросъ, затрагивающій вмѣстѣ національную гордость англиканцевъ. Дѣло въ томъ, что не доказано положительно: дѣйствительно ли былъ посвященъ законно архіепископъ Матѳей Паркеръ, начавшій собою рядъ новыхъ собственно англиканскихъ епископовъ, по отдѣленіи англиканской церкви отъ римской? Если нѣтъ, то вся іерархія англиканской церкви должна рушиться, и взаимно-общеніе англиканства съ православіемъ возможно будетъ только подъ непремѣннымъ условіемъ принятія имъ православной іерархіи вмѣстѣ съ прочими основными догматами православія.

Вообще же, говорить въ заключеніе авторъ, рѣшеніе важнаго вопроса о взаимно-общеніи церквей, какъ намъ кажется, не можетъ состояться безъ *соборныхъ* разсужденій, или, по крайней

мѣръ, безъ живыхъ сношеній по этому дѣлу русскихъ и восточныхъ іерарховъ.

Переговоры о соединеніи англиканской церкви съ православною восточною велъ Константинопольскій патріархъ Григорій VI. Вселенскій патріархъ началъ по этому поводу переписку съ преосвященнымъ архіепископомъ кентерберійскимъ, примасомъ англиканской церкви и послалъ въ Англію Архіепископа Сиры и Теноса Александра.

Вотъ какъ сообщаютъ объ этомъ въ англійской газетѣ „Church-Review“ (№ 10 1870 г.): когда архіепископъ Сиры и Теноса былъ такъ радушно и дружески принятъ многими высокопоставленными лицами нашей церкви и государства, вопросъ о взаимно-общеніи съ святою православною восточною церковію долженъ особенно заинтересовать наше вниманіе. Мы надѣемся, что наши епископы не преминутъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ войти въ разсужденіе съ греческимъ епископомъ по этому важному дѣлу.

Мы многое читали въ англійской прессѣ относительно вопроса о взаимно-общеніи, но доселѣ намъ приходилось встрѣчать мало разсужденій объ ономъ въ греческой журналистикѣ, хотя и должно сознаться, что это немногое было самое утѣшительное. Греческій архіепископъ могъ бы сообщить намъ и нашимъ епископамъ ясное понятіе о тѣхъ условіяхъ, которыя согласны будутъ принять отъ насъ восточные патріархи при осуществленіи взаимно-общенія. Не осмѣливаясь предугадывать, каково будетъ касательно сего мнѣніе его преосвященства (греч. архіепископа), мы тѣмъ не менѣе позволяемъ себѣ высказать нѣсколько мыслей о существенныхъ пунктахъ различія между тою и другою церковію, и какимъ образомъ наша католическая партія должна приготовиться къ уступкамъ св. православной церкви, въ награду за взаимно-общеніе, и стараться склонить къ онымъ представителей нашей церкви.

I. Главное затрудненіе, по всей вѣроятности, должно быть касательно словъ: *Filioque* (въ 8 чл. Символа вѣры). Что касается до ученія объ оныхъ англиканской церкви, какъ обыкновенно понимаютъ оное наши міряне и вѣруетъ большинство нашего духовенства, то мы вполне убѣждены, что оно ничѣмъ существенно не отличается отъ ученія восточной церкви о посланничествѣ св. Духа (*of Mission*)... Весь вопросъ объ означенныхъ

словахъ есть дѣло исторіи и церковнаго права. Каѳолическая церковь приняла константинопольскій символъ вѣры, какъ конечное опредѣленіе главныхъ истинъ христіанской вѣры. Этотъ символъ буквально и безъ измѣненій былъ удержанъ восточными патріархатами. Западныя патріархаты сдѣлали къ нему прибавленіе, которое въ средніе вѣка было принято и англиканскою церковію. Такъ какъ наши реформаторы (быть можетъ въ то время не очень ученые богословы) не вполне поняли восточное ученіе и первоначальное значеніе символа, то, посему, и наша церковь удержала римскую форму — т. е. символъ съ незаконнымъ прибавленіемъ. Если наша церковь дѣйствительно желаетъ держаться на апостольской почвѣ и возвратиться къ древнему преданію, то мы съ увѣренностію думаемъ, что обязаны оставить означенное прибавленіе и обратиться къ символу первенствующей церкви, т. е. къ символу, признанному четырьмя восточными патріархатами и православною греческою церковію. Какъ бы то ни было, означенный вопросъ не безъ пользы можетъ быть обсужденъ комитетомъ Конвокаціи.

II. Символъ вѣры—св. Аѳанасія—служить не малымъ препятствіемъ къ воссоединенію съ востокомъ, равно какъ и къ присоединенію диссидентовъ. Если католики мало обращаютъ вниманія на возраженія восточныхъ по этому вопросу, то мы, по всей вѣроятности, должны быть внимательнѣе къ голосу православной церкви. Посему, думаемъ, что предложеніе помѣстить означенный образецъ вѣры не въ самомъ молитвенникѣ, а въ извѣстномъ приложеніи къ нему (какъ бы подобная мѣра ни затрогивала наши старинныя предразсудки), заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ средство къ уничтоженію этой преграды на пути къ взаимно-общенію.

III. Слѣдующее затрудненіе касается литургіи. Восточная церковь вѣроятно потребуетъ отъ насъ призыванія св. Духа на предложенные дары. Нѣчто подобное можно было бы сдѣлать употребленіемъ въ нашей литургіи гимна Veni Creator, или какой-либо другой соотвѣтствующей сему пѣсни; но намъ кажется, что самая лучшая уступка, которую мы могли бы оказать въ этомъ отношеніи Востоку, и которую многіе изъ нашего благочестиваго духовенства и мірянъ сочли бы истинно драгоценнымъ приобрѣтеніемъ, можетъ состоять въ дозволеніи, кромѣ литургіи существующей уже въ нашемъ молитвенникѣ, попеременно со-

вершать и какую-либо другую. Затрудненіе существенно измѣнить настоящую англиканскую литургію, конечно, было бы презрѣнно велико, такъ какъ соединено съ самыми священными воспоминаніями англиканскаго духовенства; но дозволеніе совершать съ вѣдома епископа или по желанію духовенства и прихожанъ другую какую литургію (которую можно было бы напечатать въ приложеніи къ молитвеннику) предотвратило бы много затрудненій и многое восполнило бы. Это ни какъ не было бы нововведеніемъ въ христіанской церкви. Въ русской церкви мы уже видимъ поперемянное употребленіе литургій св. Златоуста и св. Василія. Введеніе сокращеннаго и упрощеннаго перевода первой превосходной литургіи (приспособленной къ разумѣнію англичанъ), послужило бы великою уступкою Востоку и въ то же время было бы неогрѣнимымъ пріобрѣтеніемъ для множества тѣхъ нашихъ благочестивыхъ духовныхъ лицъ, которыя сожалѣютъ о скудности нашей литургіи, сравнительно съ литургіями первенствующей церкви.

IV. Что касается до св. крещенія, то нашъ молитвенникъ не представляетъ значительныхъ затрудненій; впрочемъ, если бы къ нему была прибавлена объяснительная рубрика, положительно доказывающая, что обычаемъ первенствующей церкви было погруженіе, а обливаніе было дозволено только въ случаяхъ слабости, то это могло бы значительно упростить наше положеніе; хорошо было бы также указать въ этой рубрикѣ, чтобы на будущее время не освящать никакихъ другихъ крещальныхъ сосудовъ, кромѣ сосудовъ достаточнаго размѣра для погруженія.

V. Относительно посвященія женатыхъ священниковъ, равно какъ епископовъ, и другихъ пунктовъ церковной практики и обрядности, то, быть можетъ, Восточная церковь снисходительно согласится съ нашимъ положеніемъ, что нѣтъ крайней необходимости, чтобы *церемоніи и обряды были одинаковы и совершенно тождественны во всѣхъ странахъ*, и что каждая національная церковь имѣетъ право сохранять свою собственную церковную практику и обрядность, доколѣ ими не нарушается великая сущность католическаго преданія.

VI. Что касается до тридцати девяти членовъ, то время и опытъ показываютъ намъ, какъ означенная символическая книга, хотя и превосходная сама въ себѣ, требуетъ пересмотра и исправ-

ленія. Всѣ партіи, видимо, соглашаются, что это такъ. Не должны ли наши епископы искренно сознаться въ этомъ и приготовиться къ тому, чтобы оставить, или, по крайней мѣрѣ, измѣнить тѣ изъ нихъ, которые представляются православной церкви очевидно несогласными съ первенствующими и апостольскими преданіями?

VII. Относительно монашества, почитаемаго нѣкоторыми восточными богословами необходимо существеннымъ для живой вѣтви католической церкви, то у насъ оно уже существуетъ нѣкоторымъ образомъ, и нашимъ епископамъ стоитъ только признать этотъ фактъ и уполномочить тѣ общества, которыя въ настоящее время считаются просто частными обществами. *Отцы Евангелисты* въ одномъ Каулеѣ принесли въ прошедшемъ году такую существенную пользу церкви (т. е. въ великой двѣнадцати-дневной миссіи), какую приносили развѣ немногія монашескія общины, а они суть только одно изъ многихъ значительныхъ обществъ, существующихъ въ средѣ нашей церкви. Иночество для женщинъ есть уже признанный и важный фактъ; такимъ образомъ еще одинъ шагъ впередъ—и монашество явится во всей своей полнотѣ въ нашей странѣ, какъ и въ прочихъ странахъ св. католической церкви.

Но, быть можетъ, спросятъ, почему должны мы приготовиться къ такимъ уступкамъ и нужно ли это? Для рѣшенія сего рассмотримъ, что приобрететь отъ взаимно-общенія съ востокомъ англиканская церковь, и что приобрететь, съ Божіею помощію, отъ подобнаго св. дѣла само христіанство.

I. Мы достигнемъ чрезъ это признанія нашей церковной іерархіи и нашего католичества—четырьмя изъ пяти древнихъ патріархатовъ христіанства и, кромѣ того, обширнѣйшею національною церковію въ свѣтѣ, послѣ нашей, т. е. Россійско греческою церковію.

II. Умолкнуть обвиненія въ „разобщеніи“, возводимыя на англиканскую церковь ея врагами—Ультрамонтанами.

III. Откроются духовныя сношенія между нами и достопочтенными церквами востока, что должно имѣть огромное значеніе и важность для той и другой стороны.

IV. Если признается существенно необходимымъ пересмотръ нашего молитвенника и исправленіе погрѣшностей, внесенныхъ въ него временемъ, то воссоединеніе съ востокомъ обезопаситъ насъ

въ будущемъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ уклоненій отъ древняго и апостольскаго преданія.

V. Англиканскія духовныя лица, путешествующія по Россіи и Западной Азіи, не будутъ чувствовать себя болѣе чужестранцами и чуждыми общества туземныхъ христіанъ въ этихъ странахъ, но оставаясь чужестранцами съ мірской точки зрѣнія, будутъ при этомъ согражданами общества святой церкви.

А что выиграетъ отъ взаимно-общенія само христіанство?

1) Оно должно имѣть огромное вліяніе на распространеніе евангелія въ Азіи. Соединенное свидѣтельство англиканской и русской церкви должно оказаться необыкновенно могущественнымъ на востокъ. Естественная симпатія восточныхъ христіанъ съ туземцами Азіи можетъ, по всей вѣроятности, восполнить пробѣлъ въ англиканской восточной миссіи, тогда какъ западная энергія англо-саксовъ неминуемо должна возбуждать къ свѣжей дѣятельности мало-дѣятельныхъ жителей востока.

— Въ концѣ концовъ, результатомъ задачи воссоединенія греческой и англиканской церковей можетъ быть обращеніе Индіи и Западной Азіи.

2. Откроется предъ лицомъ христіанства зрѣлице соединенной, неоснованной на началахъ ултрамонтанизма церкви, которое можетъ служить сильнымъ, убѣдительнымъ аргументомъ для галликанцевъ и свободныхъ католиковъ латинской церкви.

3. Представится твердое, не римское, основаніе для обращенія протестантскихъ обществъ, въ особенности Скандинавскихъ и Германскихъ лютеранъ, около котораго они могутъ собраться и дѣйствительно соберутся; не отказываясь впрочемъ окончательно отъ своихъ началъ или своей свободы.

Все это, и еще болѣе, можетъ и, по всей вѣроятности, произойдетъ отъ нашего взаимно-общенія съ востокомъ. Не есть ли это цѣль достойная большихъ пожертвованій съ нашей стороны, чѣмъ тѣ, на которыя мы указали?

По возвращеніи Греческаго архіепископа Александра Синодъ Греческой церкви послалъ письмо архіепископу Кэнтерберійскому. Вотъ его содержаніе:

Святѣйшій Синодъ Греческой церкви Святѣйшему Архіепископу Кэнтерберійскому, Примасу всей Англіи, г. Архибалду Кэмблю, привѣтствіе въ Господѣ.

Александръ, Архіепископъ Сиры и Теноса, нашъ возлюбленный братъ и сослужитель во Христѣ, недавно возвратившись изъ своего путешествія по Великобританіи въ Аѳины, передалъ намъ съ великою похвалою о томъ радушіи и гостепріимствѣ, какимъ онъ пользовался, во время своего пребыванія тамъ, отъ священнаго клира и христоробивыхъ мірянъ церкви Англійской, особенно отъ вліятельныхъ, государственныхъ лицъ, и отъ благочестивѣйшей и державнѣйшей королевы. При этомъ съ великою благодарностію онъ увѣдомилъ насъ о благорасположеніи и братской любви во Христѣ, оказанныхъ ему вашимъ святѣйшествомъ;—потому что, какъ говоритъ онъ, радушнымъ и ласковымъ обращеніемъ вы привязали его къ себѣ и совершенно овладѣли его сердцемъ. Все это, когда мы выслушивали разсказъ его, какъ и естественно, радовало наше сердце и наполняло оное любовью къ вашимъ правителямъ, святому клиру, ко всѣмъ вѣрующимъ Англиканской церкви, и въ особенности къ вашему святѣйшеству, сильному и знаменитому стражу означенной церкви, благочестіе, умъ и пастырскія заслуги котораго давно уже были извѣстны между нами. И прежде—христіанская и великодушная Британская нація оказывала много различныхъ добродѣтей грекамъ. Мы помнимъ сочувствіе, оказанное намъ во время борьбы за свободу, когда въ этой продолжительной борьбѣ мы подвергались многоразличнымъ бѣдствіямъ, помнимъ благородную защиту и поборничество нашего дѣла, какъ со стороны Англій, такъ и со стороны чужестранныхъ державъ, ревностный союзъ и помощь, подкрѣпившіе насъ въ величайшей опасности. Поистинѣ все это не изгладилось и никогда не можетъ изгладиться изъ нашей памяти — доколѣ волны будутъ омывать берега греческаго полуострова, гдѣ не такъ давно, подъ руководствомъ могущественной Англій, чудесно совершилось великое и истинно христіанское дѣло, доставившее безопасность греческому народу.

Но въ настоящее время, когда въ радушіи и гостепріимствѣ, оказанныхъ Архіепископу Сиры и Теноса, и въ почестяхъ, возданныхъ чрезъ него нашей старѣйшей церкви,—явлено намъ новое доказательство вашего благорасположенія, — наша благодарность усиливается, и мы болѣе обыкновеннаго благословляемъ нашими устами великій Англійскій народъ, видя, какъ благочестіе и любовь среди его соединяются съ могуществомъ вѣшняго

благосостоянія и воинственности. Это, впрочемъ, ваше благочестіе и христіанская любовь уравниваютъ путь для насъ къ взаимно-общенію во Христѣ. И та Божественная милость, о ниспосланіи которой мы всегда молились и не престаемъ молиться Всевышнему, дабы намъ снова видѣть раздѣленные члены Христовой церкви соединенными во едино, повидимому, не есть уже болѣе пустое желаніе или безплодная молитва,—и мы несомнѣнно уповаемъ, что по волѣ Божіей она не преминетъ осуществиться.

Всесвятый Духъ, сходящій съ небеси и обитающій въ людяхъ, просвѣщающій разумніе ихъ Божественнымъ свѣтомъ, направляющій ихъ къ истинѣ и согрѣвающій сердца ихъ братскою любовью, да руководитъ всѣхъ людей къ единомыслію и единовѣрію во Христѣ! Впрочемъ, если сему не суждено исполниться, то да будетъ благоугодно ему—такъ направить стопы христіанъ Восточной и вашей Евангелической церкви, чтобы они, основываясь на правилахъ апостоловъ и святыхъ соборовъ, съ одной стороны не допускали никакой безусловной, самовольной и непогрѣшимой монархіи въ стадѣ Христовомъ, а съ другой—не признавали законнымъ рѣшеніе вопросовъ вѣры по произволу личнаго мнѣнія.

Поэтому Святѣйшій Синодъ Греческой церкви, желая оказать какое либо практическое доказательство своей братской любви къ Англиканской церкви, и будучи единомысленъ съ Святѣйшимъ Синодомъ—подъ предѣдательствомъ патріарха Константинопольскаго, опредѣлилъ: окружными посланіями предписать подвѣдомому своему святому клиру—оказывать, по возможности, братское содѣйствіе во всемъ христіанамъ вашего исповѣданія, и если кто-либо изъ христіанъ онаго умретъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не случится на то время священника ихъ собственной церкви, то отправлять надъ ними обряды погребенія и возсылать молитвы нашей церкви объ ихъ упокоеніи. Мы заблагоразсудили, святѣйшій Примасть и возлюбленный братъ во Христѣ, написать вамъ о всемъ этомъ, для очевиднаго доказательства нашихъ дружескихъ чувствъ къ Англиканской церкви. За тѣмъ, принося вашему преосвященству и всѣмъ преосвященнѣйшимъ епископамъ вашей церкви братское привѣтствіе во Христѣ, мы молимъ Господа о продленіи дней вашей жизни въ непоколебимомъ здравіи и безмятежномъ счастіи и призываемъ небесное благословеніе на весь христоролюбивый народъ Англійскій.

Въ годъ спасенія 1870, іюня 20.

Подписано:

Τῆς υμετέρας σεβασμιωτάτης Πανιερότητος ἐν Χριστῷ
ἀγαπητοῖ ἀδελφοί.

+ ὁ Αθηνῶν Θεόφιλος, πρὸςεδρός.

+ ὁ Ἀργολίδος Δανιήλ

+ ὁ Καλαβρῶτων καὶ Αἰγιάλειας Εὐθύμιος.

+ ὁ Συροῦ καὶ Τήνου Ἀλέξανδρος.

+ ὁ Τρυφυλίας καὶ Ὀλυμπίας Βαρθολομαῖος.

Архієпископъ отвѣчалъ на это слѣдующимъ образомъ:

Ламбетъ, сент. 30,
1870 г.

Архибабдъ Кембълъ, Божією милостію Архієпископъ Кѣнтер-
бэрійскій, Примаєъ всей Англіи, и Митрополитъ, Святѣйшему
Греческому Снуду, братское привѣтствіе въ Господѣ.

Въ продолженіе осемнадцати-мѣсячнаго нашего настоящаго
архієпископскаго служенія, мы получили посланія братской любви
отъ нѣсколькихъ знаменитѣйшихъ епископовъ вашей католической
церкви, и между прочимъ отъ Святѣйшаго Константинопольскаго
патріарха. Какъ ни благожелательны были всѣ эти посланія, но
ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ
посланиемъ, недавно полученнымъ нами отъ Святѣйшаго Грече-
скаго Снуда.

Въ этомъ посланіи вашимъ святѣйшигвамъ было угодно ука-
зать на доказательства нашего участія, которое, нѣсколько лѣтъ
тому назадъ, Англійскій народъ оказалъ грекамъ во время ихъ
борьбы за свободу. — Мы можемъ увѣрить ваши святѣйшества,
что участіе, принимаемое Великобританією въ вашемъ благосо-
стояніи, никакъ не менѣе дѣйствительно въ настоящее время,
чѣмъ было и тогда.

Справедливо то, что вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоя-
тельствъ, наши ожиданія и надежды о будущности греческаго
народа еще не совершенно осуществились; но тѣмъ не менѣе
наша пламенная молитва о томъ, чтобы въ возможно скоромъ
времени оуъ сдѣлался великимъ и соединеннымъ народомъ, вѣр-
нымъ во всѣхъ отношеніяхъ самому себѣ, и тѣмъ великимъ прин-
ципамъ сужденія, снисходительности и вѣры, которыя Божест-

венный Господь и Спаситель нашъ указаль для членовъ своей церкви. Нельзя было сказать лучшаго привѣтствія британскому народу, чѣмъ сдѣланное вашими святѣйшествами, когда вы замѣчаете, что среди насъ, во очію, набожность и благочестіе къ Богу, и любовь къ человѣчеству, соединяются съ внѣшнимъ могуществомъ и благосостояніемъ. Если Британцы, какъ говорите вы, могущественный народъ, то это потому, что они стараются быть вѣрными этимъ великимъ евангельскимъ правиламъ, хотя мы, быть можетъ, весьма нерѣдко удаляемся отъ этого прекраснаго идеала. Изучая исторію міра, мы всегда стараемся имѣть въ виду, какъ эти истины, правила и милосердіе, которыя Божественный основатель церкви предначерталь для членовъ оной, производили, и производять еще доселѣ, несказанныя благодѣянія въ общественной и политической, равно какъ въ нравственной и религіозной жизни рода человѣческаго.

Желаніе, выраженное вами въ тѣхъ словахъ вашего посланія, въ которыхъ вы просите Господа, чтобы Его Святый Духъ могъ руководить всѣхъ людей къ единовѣрію и единомыслію во Христвъ, по истинѣ, высоко и прекрасно.

Едва ли нужно увѣрять васъ, что и мы самымъ сердечнымъ образомъ молимся также объ этомъ. Но если суждено когда-либо осуществиться этому желанію къ единенію, о которомъ мы молимся, то христіане сперва должны стать по жизни и духу въ болѣе тѣсное общеніе съ жизнію и духомъ Того, Который есть средоточіе всякаго единенія. Единая невидимая Глава и Царь, Господь Небесный. Такъ какъ Богъ сотворилъ чадъ своего всемірнаго царства съ безконечнымъ разнообразіемъ въ душевныхъ способностяхъ, въ образѣ мысли, въ общемъ характерѣ, равно какъ и во внѣшней обстановкѣ, то несправедливо требовать, что всѣ мы должны имѣть совершенно одинаковый взглядъ на вопросы, касающіеся внѣшней обрядности, правленія, или даже и ученія, когда такіе вопросы неясно опредѣлены въ священномъ писаніи. Въ поясненіе этого мы можемъ указать на тѣ слова вашего посланія, если конечно толкуемъ ихъ правильно, въ которыхъ ваши святѣйшества говорите о молитвахъ за умершихъ. Наша церковь не признаетъ подобныхъ молитвъ (?). Впрочемъ какъ бы ни была велика важность различія о вопросахъ подоб-

ныхъ настоящему, — оно не должно преграждать пути къ признанію христіанскаго общенія.

Мы заключаемъ настоящее посланіе благодарностію вамъ за то практическое доказательство благорасположенія и любви, которое содержится въ вашемъ посланіи. Вы извѣщаете насъ, что святѣйшій синодъ греческой церкви, слѣдую по стопамъ свят. Синода, собраннаго подъ предсѣдательствомъ святѣйшаго вселенскаго патріарха, желая оказать нѣкоторое несомнѣнное доказательство христіанской любви къ церкви англійской, опредѣлили окружными посланіями предписать подвѣдомому своему клиру оказывать, по возможности, братское содѣйствіе во всемъ христіанамъ нашего исповѣданія, и если кто-либо изъ нихъ умретъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ нашихъ кладбищъ, то отправлять надъ ними обряды погребенія. За это доказательство христіанскаго братства мы приносимъ святѣйшему греческому синоду нашу сердечную признательность.

Мы недавно отправили святѣйшему вселенскому патріарху посланіе въ отвѣтъ на его посланіе къ намъ. Мы осмѣливаемся послать вашимъ святѣйшествамъ копію съ нашего посланія, въ надеждѣ, что оно не будетъ совершенно безъинтересно для васъ, какъ доказательство, каковы наши чувства относительно того положенія, которое должна занять Христова церковь въ періодъ перемѣнъ, подобныхъ настоящимъ. Мы надѣемся, что вы согласитесь съ нами касательно того положенія, что одна изъ самыхъ важныхъ задачъ, указанныхъ Господомъ для своей церкви въ новѣйшее время, состоитъ въ томъ, что она должна показать, какъ христіане могутъ остаться вѣрными истинно древней православной вѣрѣ апостольскихъ временъ, и въ то же время шествовать на ряду съ свободою, просвѣщеніемъ и прогрессомъ настоящаго времени.

Господь, знающій своихъ, да соберетъ снова во едино разсѣянныхъ членовъ своего тѣла, дабы мы могли быть единымъ стадомъ подъ руководствомъ Единаго пастыря, Иисуса Христа нашего Господа. Ему мы возсылаемъ молитвы, чтобы Онъ излилъ на ваши святѣйшества и на церкви вами управляемыя, богатые сокровища своей благости.

Вашъ вѣрный братъ въ Христѣ,

А. К. Кэптербэрійскій.

Ноября 10, 1870 г.

По поводу этого посланія Кэптерберійскаго архіепископа Греческому Синоду отъ 10-го ноября 1870 года, въ газетѣ Church Review (№ 42, окт. 15) напечатано нѣсколько нелишенныхъ интереса заявленій по вопросу о взаимно-общеніи. Извѣстно, что въ одномъ мѣстѣ своего посланія Греческому Синоду архіепископъ выразился такъ: *наши церкви не признаютъ подобнаго молитвъ т. е. молитвъ за умершихъ*. Этого выраженіе архіепископа и вызвало нѣсколько заявленій со стороны членовъ англиканской церкви. Вотъ что пишутъ по поводу этого въ одномъ письмѣ къ редактору англійской газеты: Что разумѣтъ Д. Тэнь (т. е. Кэптерберійскій архіепископъ) подъ словами: *Англиканская церковь не признаетъ молитвъ за умершихъ?* Доколѣ она содержитъ вѣру первенствующей церкви, она всегда признаетъ молитвы за умершихъ. Такъ какъ эти молитвы не были осуждены англиканскими реформаторами, то онѣ продолжаютъ существовать доселѣ во всей своей силѣ. Имѣетъ ли Тэнь какое-либо право подрывать надежды къ вѣроединенію съ восточною церковію, утверждая, въ качествѣ Примаса, что англиканская церковь не признаетъ молитвъ за умершихъ? Если мы станемъ переиначивать грекамъ истины ученія нашей церкви, то можемъ проститься со всеми надеждами къ воссоединенію; если мы скажемъ имъ, что архіепископъ выразился не вѣрно, то они естественно могутъ замѣтить намъ, если вашъ Примасъ не знаетъ ученія англиканской церкви, то кто же знаетъ? Вотъ гдѣ скрываются результатъ и плоды разъединенія. Согласится ли англиканская церковь съ высказаннымъ положеніемъ архіепископа?.... Въ другомъ письмѣ по поводу этого заявляютъ такъ: Въ своемъ недавнемъ посланіи къ греческимъ епископамъ, Примасъ какъ бы намѣренно игнорируетъ мнѣніе покойнаго сэра Дженнера Фуоста, который прямо высказалъ, что молитвы за умершихъ не запрещены англиканскою церковію. Всякій англиканскій священникъ, конечно, знаетъ это, но, по всей вѣроятности, восточные епископы не знаютъ. Не найдетъ ли удобнымъ общество восточной церкви извѣстить ихъ святѣйшества, что англиканская церковь несомнѣнно признаетъ молитвы за усопшихъ, хотя, быть можетъ, и не предписываетъ ихъ прямо, и что означенныя молитвы постоянно возносились и возносятся предъ Престоломъ Божиимъ большею частію ученыхъ, благочестивыхъ и вѣрныхъ чадъ оной....

Вотъ и еще заявленіе: (№ 43. Окт. 22) Синодъ греческой церкви недавно узналъ изъ посланія Кэнтэрберійскаго архіепископа, что наша церковь не признаетъ молитвы за умершихъ. Мы думаемъ, что твердое, сердечное убѣжденіе большей части изъ насъ совершенно противно его мнѣнію, т. е. наша церковь признаетъ подобныя молитвы, иначе мы не можемъ оставаться въ настоящемъ нашемъ положеніи и, приэтомъ, держаться въ продолженіе 1500 лѣтъ означенной всеобщей практики христіанства. Такимъ образомъ съ цѣлію оправданія самихъ себя и разрѣшенія этого недоразумѣнія, какъ для Синода греческой церкви, такъ и для нашего Примаса, не будетъ ли удобнымъ и полезнымъ собрать подписи высшихъ англиканскихъ духовныхъ лицъ въ пользу означеннаго благочестиваго обычая, а также подписи и прочихъ англичанъ, признающихъ оный, и если возможно, то препроводить оныя къ высшему духовному начальству греческой и англиканской церкви, въ доказательство, что здѣсь находится много такихъ, которые согласны расхотиться съ мнѣніемъ его преосвященста относительно того, что признаетъ, или не признаетъ наша церковь.

Докладъ о взаимнообщеніи съ восточными православными церквами.

Нижняя Палата Канвокаціи

(Провинція Кэнтэрберійская).

Комитетъ по вопросу о взаимнообщеніи англійской церкви съ восточными проситъ позволенія представить слѣдующее:

Такъ какъ въ послѣднемъ засѣданіи былъ назначенъ соединенный комитетъ обѣихъ палатъ Кэнтэрберійской канвокаціи, то нашъ комитетъ не чувствовалъ себя свободнымъ предпринять какой-либо опредѣленный планъ подъ своею личною отвѣтственностію.

Посему онъ ограничивается сообщеніемъ извѣстій о ходѣ событій со времени своего послѣдняго доклада, въ связи съ важнымъ вопросомъ, ввѣреннымъ комитету.

Изъ этихъ событій первое и самое важное есть письмо Вселенскаго Патріарха къ его преосвященству, архіепископу Кэнтэрберійскому, въ отвѣтъ на письмо, адресованное ему архіеп исто

помъ. согласно съ просьбою нижней палаты Конвокаціи, при которыхъ былъ препровожденъ англійскій молитвенникъ.

Полученіе отвѣтнаго письма, въ которомъ съ такою любовію и сердечностію изъявлено согласіе на просьбу нашего Примаса касательно погребенія нашихъ единовѣрцевъ, обнаруживая самое дружеское и христіанское признаніе съ его стороны положенія церкви англійской, какъ вѣтви Христовой вселенской церкви, и искреннюю готовность вступити въ болѣе близкія сношенія съ нами, заслуживаетъ самую глубокую благодарность съ нашей стороны.

Предположенная нами цѣль въ вопросѣ о взаимнообщеніи съ Восточными Православными церквами, состоитъ не въ томъ, что мы должны принять ихъ обрядность, или ихъ церковныя учрежденія, отличающіяся отъ нашихъ, но въ томъ, что мы должны взаимно признавать таинство и обряды той и другой церкви въ предѣлахъ, назначенныхъ для каждой изъ нихъ.

Передаемъ вполнѣ письмо патріарха и присоединяемъ къ нему копию съ энциклики патріарха къ митрополитамъ по дѣлу о погребеніи членовъ англійской церкви *)....

Вотъ эта энциклика патріарха къ митрополитамъ.

„Да будетъ благодать съ вашимъ святѣйшествомъ и миръ отъ Бога.

Недавно получили мы отъ дост. архіепископа Кэнтэнберійскаго, Примаса всей Англійи, Архібальда Кембля, просьбу относительно, того что если кто-либо изъ христіанъ англиканскаго исповѣданія, живущій въ нашихъ странахъ, подвергнется смерти, то погребать бы такового на нашихъ православныхъ кладбищахъ. Эта просьба принята нашею церковію съ братскою любовію. Посему, симъ окружнымъ посланіемъ, мы убѣждаемъ и просимъ ваше преосвященство, что если кто-либо изъ агличанъ подвергнется смерти въ той части епархіи, гдѣ нѣтъ протестантскаго кладбища, то вы озаботитесь дозволить погребеніе такового на нашемъ православномъ кладбищѣ, впрочемъ, не давая права собственности на мѣсто погребенія. И если не будетъ вблизи англійскаго священника, и родственники умершаго пожелаютъ, чтобы нашъ

*) Письмо патріарха Константинопольскаго помѣщено въ Моск. Еп. Вѣд. № 6, 1870 года.

православный священник совершил надъ нимъ обрядъ погребенія, то ваше преосвященство имѣете назначить для сего одного, или двухъ нашихъ священниковъ. При совершеніи обряда они должны пропѣть Трусвятное, псаломъ 118 (119), и прочее съ чтеніемъ Апостола и Евангелія. Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся протестантскіе священники, наши священники не должны принимать никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Благодать Божія и Его безконечныя щедроты да будутъ съ вашимъ преосвященствомъ въ благоисполненіи означеннаго дѣла.

Октября 11. 1869.

. *) Согласно съ предложеніемъ сдѣланнымъ въ докладѣ отъ 6 іюня 1867 г. комитетъ полагаетъ, что (для болѣе полного обсужденія спорныхъ вопросовъ) обсуженіе должно происходить между лицами, уполномоченными для сего отъ лица англійской церкви съ одной стороны и православной восточной церкви — съ другой.

Нашъ комитетъ недавно получилъ письмо отъ епископа Флориды Йонга, который продолжаетъ вести корреспонденцію и заправлять дѣлами комитета конвенціи епископальной церкви въ Америкѣ. Въ этомъ письмѣ онъ увѣряетъ нашъ комитетъ въ своемъ сердечномъ содѣйствіи и увѣдомляетъ оный, что ихъ комитетъ былъ снова открытъ послѣднею конвокаціею, съ болѣе усиленными средствами.

Нашъ комитетъ послалъ ему полное собраніе своихъ докладовъ и постарается поддерживать корреспонденцію, которую председатель уполномоченъ отъ лица комитета вести съ епископомъ Йонгомъ, увѣдомляя его о всемъ, что будетъ предпринято въ Англии по этому важному вопросу.

Между многоразличными даказательствами въ пользу постоянно возрастающаго сочувствія къ вопросу о взаимнообщеніи, нашъ комитетъ питаетъ надежду, что сдѣланное недавно органомъ Россійско-греческой церкви во Франціи заявленіе, будто бы Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ Россіи намѣренъ насадить въ

*) Вслѣдъ за энцикликой въ докладѣ помѣщены нѣкоторые quasi выраженія на письмо Патріарха Константинопольскаго; но мы опускаемъ ихъ, такъ какъ ихъ сущность почти совершенно согласна съ письмомъ Дост. Д. Фразера, помѣщеннаго въ Моск. Еп. Вѣд. № 20-й 1870 г.

Англии вѣтвь своего исповѣданія, несомнѣно окажется неснова-
тельнымъ Ничто не можетъ такъ всецѣло подорвать всѣ надеж-
ды къ будущему воссоединенію, какъ подобная мѣра *).

*) Печатный органъ Россійско - Греческой церкви, на который указы-
вается въ вышеозначенномъ докладѣ, есть L'Union Chrétienne, издаваемый
въ Парижѣ подъ редакцію о. Владиміра Гетте. — По всей вѣроятности,
докладъ Комитета о взаимнообщеніи, говоря „о намѣреніи Свнодо
насадить въ Англии вѣтвь своего исповѣданія“, разумѣетъ передовую статью
журнала L'Union, помѣщенную въ ономъ отъ 3го марта 1870 г. Статья
такъ любопытна, что мы позволяемъ себѣ сдѣлать изъ нее нѣсколько вы-
держекъ, разъясняющихъ суть дѣла.

„Дѣло православной церкви, такъ начинается передовая статья, съ каж-
дымъ днемъ болѣе и болѣе выигрываетъ на западѣ. Предпріятія Папскаго
двора и іезуитовъ открываютъ въ настоящее время глаза самымъ упорнымъ
католикамъ. Неоспоримо, что въ нѣдрахъ Римской церкви распространяет-
ся сильная оппозиція католицизму. Сочиненія Дюнану, Деллингера, Марс
даютъ новую силу движенію. Можно сказать, что при папскомъ, оконча-
тельно усилившемся, деспотизмѣ, теперь образовались два великихъ пото-
ка оппозиціи, одинъ увлекающій умы къ рационализму, другой направляю-
щій ихъ къ православію..... Православное движеніе необходимо должно
принять значительные размѣры въ средѣ Римскихъ католиковъ. Толчокъ
данъ... Въ ожиданіи этого общаго результата, который съ Божіею помо-
щью, получится рано или поздно, многія личности, по всей вѣроятности,
отдѣляются отъ Римской церкви, какъ отъ христіанскаго общества, испор-
ченнаго въ своемъ жизненномъ началѣ... Они образуютъ на западѣ цер-
ковь Латинявъ-Уніатовъ, которая почерпнетъ въ восточномъ православіи
свое жизненное начало и истинный католицизмъ.

„Дост, Д. Овербекъ, говоритъ далѣе означенная статья, трудится имен-
но съ этою цѣлію въ Англии, и самъ заявляетъ въ *Аугсбургской газетѣ*,
что его планъ одобренъ комиссіею, назначенною для сего святѣйшимъ Св-
нодомъ Русской церкви“. За симъ въ передовой статьѣ сначала приводит-
ся письмо Д. Овербека, а потомъ отвѣтъ на нѣкоторые изъ возраженій,
представляемыхъ папскими газетами касательно его плана. Вотъ письмо
Д. Овербека, помѣщенное въ *Аугсбургской газетѣ*.

„Порученіе данное мнѣ не имѣетъ цѣлю открыть сношеніе съ Англи-
канскою, или съ какою либо другою протестанскою церковію. Такишъ об-
разомъ мой другъ, протоіерей Поповъ не за тѣмъ посланъ въ Англию, что-
бы вести переговоры по этому дѣлу съ англійскими епископами; но мы оба,
единовременно, были вызваны святѣйшимъ Свнодомъ въ С.-Петербургъ,
для того чтобы присутствовать при засѣданіяхъ комиссіи, открытой уже
около трехъ мѣсяцевъ, и въ которой мы состоимъ членами.

Прибавляю нѣсколько словъ, чтобы лучше ознакомить васъ съ дѣломъ.
Изучая долгое время тенденціи къ религіозному соединенію, обнаружив-

Невозможно не упомянуть здѣсь о пріемѣ, недавно сдѣланномъ въ Англіи греческому архіепископу Сиры, Теноса и Мелоса. Прибывши для освященія греческой церкви въ Ливерпулъ, архіепископъ повсюду встрѣтилъ самый радушный пріемъ въ Англіи и со стороны свѣтскихъ лицъ, и со стороны духовенства англійской церкви, такой пріемъ, въ которомъ высказалось самое сердечное сочувствіе идеѣ соединенія между столь долго разлученными церквами.

Нашъ комитетъ не чувствовалъ себя свободнымъ сдѣлать какое-либо заявленіе съ своей стороны этому замѣчательному посылителю; но предѣдатель комитета препроводилъ къ нему, чрезъ Вильямса, полное собраніе своихъ различныхъ докладовъ, въ переплетѣ и съ письмомъ отъ себя, за что и получилъ сердечную его признательность.

ишяся на западѣ, я пришелъ, въ 1865 г., къ убѣжденію что не можетъ быть другаго пути къ достиженію спасительнаго единенія церквей, какъ возвратиться къ Церкви недѣльнаго христіанства, существовавшей прежде раздѣленія востока съ западомъ. Эта Церковь сохранилась въ своей чистотѣ въ Православной, Восточной Церкви. *Если мы возстановимъ западную католическую церковь на этомъ православномъ основаніи, впрочемъ оставивъ въ ней ея собственную обрядность, то восточная церковь возстановитъ также древнюю связь и мы затѣнемъ папскій ультрамонтанскій чистыиъ и првобытныиъ каволицизмъ.*

Вслѣдствіе этой идеи, я составилъ въ 1867 г. прошеніе въ Святѣйшій Синодъ Русской церкви и пустилъ его въ ходъ въ Англіи. Въ сентябрѣ 1867 г. число подписей было такъ велико, что я отважился препроводить оное въ Святѣйшій Синодъ. С.-Петербургскій митрополитъ немедленно назначилъ комиссію изъ семи членовъ, и собственноручнымъ письмомъ назначилъ меня членомъ оной

Между тѣмъ состоялся Ватиканскій соборъ, и бездна между либеральными и истинными католиками расширилась съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. *Анусъ, который отирается на основаніе, почти тождественное, съ основаніемъ, указаннымъ въ нашемъ прошеніи,* возбудилъ Германію, Англію, Францію, Италію, почти всю католическую Европу. Православная восточная церковь, памятуя о своемъ святомъ вселенскомъ назначеніи, рѣшилась исполнить свою обязанность, и протянуть руку западной православно-католической, имѣющей бытъ возстановленною, церкви, для того, чтобы уничтожить папскія нововведенія въ вѣрѣ и церковной практикѣ и возобновить съ нею древнюю связь.

Я возвращаюсь изъ С.-Петербурга. *Святѣйшій Синодъ совершенно согласенъ съ моимъ планомъ.* Дѣло будетъ начато съ пересмотра мессы.

Комитетъ находить приличнымъ привести въ этомъ докладѣ нѣсколько выдержекъ изъ отвѣтныхъ рѣчей архіепископа, нѣсколько выражений братской любви къ намъ. Въ Ливерпулѣ, говоря съ англійской и восточной церквахъ, въ отвѣтъ на адреса нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ этого города, онъ произнесъ:

„Ваша церковь, всегда протягивая руку любви къ греческой церкви и всегда сохраняя пламенное желаніе шествовать по стезямъ древней церкви, безъ сомнѣнія, своимъ примѣромъ будетъ много способствовать къ удаленію разногласій, которыя теперь, къ несчастію, преобладаютъ въ средѣ христіанъ, и къ быстрому успѣху соединенія церквей, о которомъ наша церковь не престаётъ молиться день и ночь.“⁴

Второстепенныя, малозначительныя частности будутъ рѣшены позже, чтобы не замедлить возстановленіемъ церкви (т. е. Православной Западной Церкви, о которой идетъ здѣсь вопросъ). Искъ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ могутъ адресоваться прямо ко мнѣ франкированными письмами“и проч..

Помѣстивши озаглавленное письмо Д. Овербека передовая статья журнала *L'Union Chretienne* продолжаетъ: Мы должны сдѣлать здѣсь исключеніе касательно англиканской церкви, которую почтенный Д. Овербекъ считаетъ совершенно протестантскою. Подобное мнѣніе основывается на недѣйствительности англиканской церковной іерархіи. Но это такой вопросъ, о которомъ не высказалась еще окончательно православная Каѳолическая Церковь. Въ настоящее время почт. и ученый Нью-іоркскій епископъ, Клеветандъ Коксъ разбираетъ этотъ вопросъ въ журналѣ *L'Union Chretienne*, съ цѣлію обратить на него вниманіе Восточной Церкви, и намъ извѣстно, что его трудъ весьма серьезный. Очевидно, что если ученый-богословъ, епископъ, неоспоримо докажетъ дѣйствительность Англиканской Церковной Іерархіи,—то нельзя считать англиканскую церковь, собственно говоря, протестантскою,—и Епископы Православной Церкви могутъ вести сношенія объ единеніи Церквей съ англиканскими епископами, какъ съ истинными и законными епископами.

За исключеніемъ этой оговорки, продолжаетъ *L'Union*, мы отъ души приветствуемъ планъ Дост. Д. Овербека основать общины Латиняно-Уніатовъ, очерпывающихъ непосредственно въ нѣдрахъ восточной Церкви жизненное начало своего православія. Это можетъ значительно ускоритъ движеніе къ единенію, возбужденное во всей Англиканской Церкви, какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ.—

(*L'Union Chretienne*. Mars. 1870. № 3 pag. 97—101)

Примасу Шотландіи, на представленный ему адресъ *отъ общества восточной церкви*, архіепископъ отвѣчалъ такъ:

„Надѣюсь, что даже я, самый послѣдній, буду въ состояніи сдѣлать, по возможности, плодотворными результаты сношеній съ Вселенскимъ Патріархомъ и другими главными членами нашей іерархіи, которыя ваше общество столь похвально предложило духовенству обѣихъ палатъ Кэнтэрберійской конвокаціи. Съ этою увѣренностію выражаю вамъ мою сердечную благодарность за тѣ чувства любви и симпатіи, которыми вы, въ моемъ лицѣ, чтите Восточную Церковь. Предлагая вамъ привѣтствіе любви, я призываю на васъ и на ваше дѣло благословеніе Господа, и прошу отъ него всѣхъ благъ для духовенства и народа англійскаго.“

Архіепископъ присутствовалъ въ Ноттингемѣ по случаю посвященія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ членовъ нашего комитета, въ санѣ епископа Ноттингема и викарія, епископу Линкольна и въ отвѣтъ на привѣтствіе епископа Линкольна отвѣчалъ такъ:

„Посредствомъ любви, сами мы будемъ стремиться къ един-

Намъ кажется, что въ докладѣ, по поводу означенной передовой статьи журнала *L'Union*, напрасно выражается опасеніе, будто бы Святѣйшій Синодъ намѣренъ насадить въ Англіи вѣтвь Греко-Россійскаго исповѣданія. Въ Англіи, по видимому, преувѣдительно и нѣсколько превратно понимаютъ сущность важнаго вопроса о взаимно-общеніи Церквей. — Взаимно-общеніе между Англиканскою и Православно-Восточною Церковію, по нашему частному мнѣнію, возможно только тогда, когда первая очистится отъ всѣхъ ново-введеній, внесенныхъ въ нее Католичествомъ, и возвратится къ Церкви недѣлимаго христіанства, существовавшей до раздѣленія Востока съ Западомъ. Эта Церковь во всей своей чистотѣ сохранилась въ Православной Восточной Церкви. Когда окончательно усвоится въ членахъ Англиканской Церкви сознаніе и сердечное убѣжденіе въ необходимости обратиться и принадлежать къ этой Святой Прав. Восточной Церкви, съ которою она была такъ долго разлучена, тогда само собою образуются цѣлыя общества Англо-Каеволиковъ, соединенныя съ Прав. вост. Церковію. При совершенномъ тождествѣ вѣроученія, они могутъ удержать свою національную обрядность, и древнія узы, соединявшія нѣкогда Востокъ съ Западомъ, снова будутъ возстановлены. Безъ этого же обращенія Англиканской Церкви къ Церкви недѣлимаго христіанства, и слѣд. къ Прав. Восточной Церкви, — при ея настоящемъ *Statu quo*, попытки къ взаимно-общенію всегда окажутся лишенными твердой почвы, всегда будутъ шатки и несостоятельны. Причина этого очевидна. *Пер.*

ству вѣры и исполнять эти слова апостола: „единъ Духъ и едино тѣло, какъ вы и призваны къ единой надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ насъ, Который есть надъ всѣми и черезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ. „Объ этомъ и молюсь отъ всего моего сердца и даю вамъ, въ полногѣ любви, цѣлованіе во Христѣ и призываю на васъ все блага отъ Господа. Самъ Богъ всякой благодѣтели — да усовершенствуетъ, да укрѣпитъ и да устроитъ всѣхъ насъ.“

Наконецъ нашъ комитетъ желаетъ помѣстить въ докладѣ прощальное письмо греческаго Архіепископа къ архіепископу Кэнтэрберійскому въ слѣдующемъ переводѣ:

Дост. архіепископу Кэнтэрберійскому, примасу всей Англіи, Александръ, архіепископъ Сиры, Теноса и Мелоса, желаетъ здравія и посылаетъ привѣтствіе въ Господѣ.

Теперь наступило время моего отшествія въ мою отечественную землю. Прежде чѣмъ оставить христолюбивую и трижды благословенную страну Англіи, въ которой я встрѣтилъ братскій пріемъ и великія почести отъ преосвященныхъ епископовъ и прочаго духовенства англійской церкви, отъ многихъ высокопоставленныхъ и частныхъ лицъ, отъ distinguished университетовъ этой страны, въ которой, скажу болѣе, имѣлъ самую завидную и дорогую привилегію и честь лично видѣться и бесѣдовать съ вашею державнѣйшею и христолюбивѣйшею королевою, я чувствую, что долженъ великимъ, нѣтъ, безпредѣльнымъ долгомъ благодарности за все радушіе и гостепрѣимство, оказанныя мнѣ, вполнѣ понимая, что въ лицѣ моего недостойнаго была оказана честь всей православной Восточной Церкви, которой, по милости Божіей, я только смиренный служитель. И такъ, чѣмъ лучше могу я выразить чувства моей благодарности за все радушіе, благожеланія и гостепрѣимство, какъ не письмомъ къ вашему преосвященству, примасу англійской церкви, моему брату во Христѣ и почтенному другу? Потому что ваше преосвященство, въ первыя минуты моего прибытія, не только почтили меня своимъ письмомъ и благожеланіями, но и уполномочили дост. Георга Уильямса, друга грековъ, сопровождать меня и находиться при мнѣ. Этотъ превосходнѣйшій человекъ постоянно находился при мнѣ, и во всемъ такъ охотно помогать и содѣйствовалъ мнѣ, что я безконечно долженъ ему за его неутомимое

вниманіе и приобрѣлъ въ немъ истинно неизмѣннаго друга. Прибавлю къ этому, что я былъ допущенъ предъ лице вашего преосвященства и никогда не забуду тѣхъ минутъ, въ которыя вы приняли и обняли меня, какъ брата во Христѣ.

И такъ, примите, преосвященнѣйшій владыко, сердечныя выраженія благодарности, которыя я приношу вамъ, и чрезъ ваше преосвященство христоролюбивому духовенству, которымъ вы управляете. Съ увѣренностію и радостію я присоединяю къ этому, что не только я, но и весь святой клиръ и христоролюбивые міряне въ нашей странѣ, между которыми уже распространились извѣстія о почестяхъ, оказанныхъ мнѣ; также преисполнены благодарностію къ вамъ и совершенно справедливо думаютъ, что эти почести въ моемъ лицѣ оказаны имъ самимъ.

Все это способствуетъ къ тому, чтобы тѣснѣе скрѣпить узы любви, которыми въ первые, такъ благородно и благовременно, соединилъ насъ святѣйшій Вселенскій Патріархъ, и которыя въ настоящее время, по благодати Божіей, еще болѣе укрѣпляются моихъ посѣщеніемъ въ вашу, трижды благословенную, страну.

Намъ должно быть единомыслиемъ во Христѣ и во всеоружіи соединиться въ плотную фалангу противъ тѣхъ ухищреній злаго начала, которое въ наше время старается производить опустошенія въ церкви, и вступить съ ними въ борьбу подъ руководствомъ Христа, какъ вождя нашего, и противустать потоку матеріализма и странныхъ ученій, противныхъ Богу. Потому что только такимъ образомъ могутъ быть разрушены злоухищренія, явившіяся въ наши дни, подобно плевеламъ на чистой жатвѣ Господней,—разрушены къ посрамленію заговорщиковъ и къ славѣ Христовой церкви, которой обѣщано устами самой Вѣчной Истины, что врата адовы не одолѣютъ ее.

Теперь я отправляюсь въ Константинополь и передамъ тамъ какъ устно, такъ и письменно, нашему Святѣйшему Вселенскому Патріарху и всѣмъ преосвященнѣйшимъ архіереямъ на Востокѣ, и сверхъ того, блаженнѣйшему Патріарху Иерусалимскому, моему духовному отцу, отъ котораго я имѣлъ счастье въ самомъ святомъ градѣ получить благословеніе для освященія Ливерпульской, греческой церкви, передамъ о всемъ пріятномъ и угодномъ Богу, что видѣлъ и слышалъ въ этой странѣ. И на будущее время я не престану трудиться и работать, по крайней мѣрѣ моихъ силъ,

надъ святымъ дѣломъ соединенія церквей, которое считаю самымъ благороднымъ, благоуднымъ и благоприличнымъ для тѣхъ, которые призваны пасти и учить вѣрующихъ.

Богъ мира и любви, отъ Котораго всякое благое даяніе и всякій совершенный даръ, да даруетъ всѣмъ намъ въ любви и единеніи духа хвалить и прославлять Его святое имя, и единодушно, единосердечно исполнять Его Божественную волю, что Онъ и заповѣдалъ намъ, сказавши: *Снъ есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.*

Одушевленный подобными чувствами, я оставляю вашу трижды благословенную и трижды славную страну, призывая обильное благословеніе свыше на ея благородный и христоролюбивый народъ и на ваше преосвященство, моля Господа, чтобы Онъ, Единый Врачъ душъ и тѣлесъ, послалъ вамъ совершенное тѣлесное выздоровленіе. И привѣтствуя васъ отъ всего сердца, въ Господѣ, остаюсь

Вашего Преосвященства, возлюбленный братъ во Христѣ, Господь нашъ (Подписано) — Ο Ζύρωσ και Τήνωσ Αλέξανδρος.

Подпись на докладѣ отъ лица комитета. Ф. К. Массингбердъ (предсѣдатель).

Резолюція на докладѣ положена слѣдующая: „Означенный докладъ напечатать и препроводить въ верхнюю палату“.

Апрѣля 28, 1870 г.

О преемствѣ апостольскаго рукоположенія въ Англиканской церкви.

Познакомивъ читателей съ вопросомъ о возсоединеніи, думаемъ, что не безынтересно для нихъ будетъ ознакомленіе съ статьею пр. Е. И. Попова подъ заглавіемъ: *О преемствѣ апостольскаго рукоположенія въ Англиканской церкви*, помѣщенной въ январьской книжкѣ *Христіанскаго чтенія*. Въ ней разбираются факты, относящіеся къ очень важному вопросу о дѣйствительности посвященія Паркера (перваго епископа въ преобразованной англійской церкви) Вилльямомъ Барлов'омъ. Мы говоримъ, что вопросъ этотъ очень важенъ, потому что въ сущности отъ

того или другаго рѣшенія онаго зависитъ вся дѣйствительность посвященій и рукоположеній въ Англиканской церкви. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать и того, что вопросъ этотъ всегда былъ покрытъ значительною темнотою, и возбуждалъ сомнѣнiя и недоумѣнiя въ членахъ другихъ церквей, особенно жаркiе споры между римскими богословами, несмотря на старанiя англiйскихъ ученыхъ разсѣять оныя. Мы, конечно, не принимаемъ на себя полнаго и окончательнаго рѣшенiя означеннаго вопроса, но желаемъ только познакомить читателей съ нѣкоторыми главными фактами и данными, которые являются противъ дѣйствительности посвященiя Паркера (и это тѣмъ болѣе позволяемъ себѣ сдѣлать, что въ одномъ изъ № 1869 года *) сообщали уже факты, проводимые однимъ изъ англiйскихъ ученыхъ въ защиту вопроса объ англиканскомъ священствѣ).

Вотъ сущность этихъ фактовъ и данныхъ. По свидѣтельству англiйскихъ историковъ, со смертiю кардинала Поля (Pole), кафедра кантербурiйскаго архiепископа сдѣлалась вакантною. Деканъ, въ собранiи пребендарiевъ, согласно съ грамотою королевы (Елизаветы) наименовалъ на оную д-ра Паркера... Избранiе было утверждено, оглашено и заключено пѣнiемъ: *Te Deum*... Впрочемъ самое дѣло посвященiя было отложено до 6 декабря, и, по нѣкоторымъ обстоятельствомъ, состоялось только 17 декабря 1559 г. Оно было совершено при участiи четырехъ епископовъ въ ламбетской капеллѣ. Епископы эти были слѣдующiе: *Вильгельмъ Барловъ, Иоаннъ Скори, М. Ковердалъ и Иоаннъ Годжкинсъ*... Посвященiе происходило согласно съ книгою: „*Liber Ordinationum*“ (обрядникъ), составленною при Эдуардѣ... *Такимъ образомъ, замѣчаетъ одинъ изъ нихъ **), Паркеръ, будучи посвященъ самъ, сталъ потомъ посвящать епископовъ на другiя кафедры.*

Является вопросъ: *былъ ли дѣйствительно Паркеръ посвященъ Барловомъ?*

Римскiе католики отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно, хотя англiйскiе ученые и имѣютъ въ свою пользу свидѣтельство

*) См. № 48, 30 ноября. 1869 г. Моск. Еп. Вѣд.

**) Burnet'a Hist. of Reformation. Vol. II, p. 402.

одного изъ нихъ, Джона Лингарда, ученаго англійскаго историка и вмѣстѣ съ тѣмъ *римскаго священника* *).

Вотъ между прочимъ, какія причины приводятъ они противъ дѣйствительности посвященія Паркера.

Этого посвященія не было, „во-первыхъ. потому-де, что въ „тотъ самый день, какъ онъ принялъ титулъ кантербурійскаго „архіепископа, римскіе католики стали называть его узурпато-„ромъ и прямо въ глаза говорили ему, что онъ не получилъ ни-„какого посвященія“.

„Во-вторыхъ, потому-де, что когда католики-міряне и духов-„ные требовали отъ него доказательствъ на то, что онъ дѣй-„ствительно епископъ, Паркеръ не указалъ ни на *certificate*, ни „на *register*, которые говорили бы о его посвященіи. Если бы-де „обрядъ сей дѣйствительно совершенъ былъ въ ламбетской ка-„пеллѣ, то его совершеніе послѣдовало бы при свидѣтеляхъ; и „почему не сослаться на нихъ, если у него еще не было подъ „рукою никакого акта о посвященіи? Какъ-де объяснить въ по-„добномъ случаѣ молчаніе Паркера и посвящавшихъ его?“ **).

Правда то, что свидѣтельство Джона Лингарда съ исторической точки зрѣнія представляется весьма важнымъ въ вопросѣ о дѣйствительности посвященія Паркера, потому что въ качествѣ римскаго священника, онъ, конечно, оспаривалъ бы дѣйствительность онаго, если бы не былъ въ ней убѣжденъ неоспоримыми доказательствами; но нельзя не остановить серьезнаго вниманія и на возраженіяхъ вышеуказанныхъ, хотя они и идутъ со стороны Рима, который, по мнѣнію англійскихъ ученыхъ, никогда не опускалъ случая — умышленно враждебно относиться и нападать на ученіе другихъ церквей, не состоящихъ съ нимъ въ общеніи. Молчаніе, безответность и, такъ сказать, страдательное положеніе Паркера и посвящавшихъ его дѣйствительно кажутся непонятными и странными при упрекахъ католиковъ въ недѣй-

*) Лингардъ пишетъ въ своей „*Исторіи Англій*“: „Обрядъ посвященія епископа Паркера былъ совершенъ, хотя и съ легкими отступленіями, по обряднику Эдуарда VI. Двое изъ посвящавшихъ, Барловъ и Годжвинсъ были посвящены во епископы по *римскому обряднику*, другіе двое — по *пресоборозаваному обряднику*“.

***) См. „Христ. Чтеніе“. Январь 1870 г., стр. 189—190.

свѣдѣтельности ихъ посвященія. Невольно рождается мысль существовала ли современная запись (реестръ) о посвященіи Паркера, когда ни Паркеръ, ни посвящавшіе его, не могутъ сослаться на оную въ свою защиту? И чѣмъ инымъ, если не существовала, объяснить отсутствіе реестра, или другаго какого документа о посвященіи, кромѣ небытности самаго посвященія? Но, положимъ, что этотъ реестръ или certificate и существовалъ, только въ настоящемъ случаѣ онъ не былъ подъ рукою Паркера; въ такомъ случаѣ можно было бы указать на свидѣтелей церемоніи посвященія въ Ламбетъ. Посвященіе первенствующаго архіепископа англиканской церкви, какъ извѣстно, есть событіе подлежащее широкой гласности, и тѣмъ болѣе оно могло бы огласиться въ настоящемъ случаѣ, что Паркеръ, по свидѣтельству англійскихъ историковъ, вслѣдъ за своимъ собственнымъ посвященіемъ, посвятилъ четырнадцать или пятнадцать другихъ епископовъ; это, безъ сомнѣнія, должно было бы произвести въ родѣ того, что англичане любятъ называть excitement. Но всей вѣроятности, при этой церемоніи присутствовали свидѣтели. Какъ бы не сослаться на этихъ свидѣтелей въ опроверженіе возраженія со стороны римскихъ католиковъ, отрицавшихъ дѣйствительность рукоположенія? И чѣмъ, на самомъ дѣлѣ, объяснить, при подобныхъ обстоятельствахъ, молчаніе Паркера и посвящавшихъ его?

Перейдемъ къ разсмотрѣнію дальнѣйшихъ фактовъ.

Въ дѣйствительности посвященія Паркера не малое сомнѣніе возбуждаютъ неточности, разногласія и недоговорки въ показаніяхъ современныхъ англійскихъ писателей и въ документахъ, относящихся къ дѣлу его посвященія. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ.

Современный англійскій историкъ Камденъ (Camden) хотя и сообщаетъ свѣдѣнія о посвященіи Паркера въ Ламбетъ, при участіи четырехъ епископовъ, но не упоминаетъ ни дня, ни мѣсяца его посвященія *).

Посвидѣтельству (подлиннаго и неподлиннаго) ламбетскаго реестра, обрядъ посвященія произошелъ не прежде 17 декабря 1559 г.; но въ королевской „Commission“ **) Паркеръ и другіе

*-) 1. life of Elisabeth. 1759 Anno—2.

**) Эта „commission“ начинается такъ: Regina, etc. Reverendissimo in Christo patri Mattheo, archiepiscopo Cantuariensi et reverendissimis in Christo patribus, Edmundo, Episcopo Londinensi etc.

(дѣйствительно или мнимо) посвященные имъ уже 20 октября, именуются епископами, и, замѣчательно, именуются не просто *electi* (избранными), но епископами ихъ епархій, слѣдовательно на нихъ смотрѣли уже какъ на посвященныхъ, безъ малаго за два мѣсяца до времени дѣйствительнаго посвященія.

По указанію извѣстнаго англійскаго лѣтописца временъ Елизаветы Slow (Стоу), Паркеръ 8 и 9 сентября именуется кантербурійскимъ архіепископомъ, какъ *electus* (избранный), но въ то же время называется епископомъ лондонскимъ Гриндалль, безъ прибавленія слова: *electus*, и это тотъ самый Гриндалль, который, по свидѣтельству Камдена и Бернета, значится въ числѣ посвященныхъ Паркеромъ вмѣстѣ съ Коксомъ и другими, вслѣдъ за его собственнымъ посвященіемъ.

Тотъ же самый лѣтописецъ ни одного слова не говоритъ о ламбетской церемоніи, не упоминаетъ даже о томъ, что Паркеръ былъ посвященъ въ архіепископа кантербурійскаго 17 декабря 1559 г., тогда какъ онъ обыкновенно съ большею точностію отмѣчаетъ въ своихъ лѣтописяхъ все сколько-нибудь интересное въ церковномъ отношеніи съ обозначеніемъ мѣсяца и числа.

Парламентъ ни однимъ словомъ не высказался въ актѣ по сему дѣлу, который вышелъ на 8-мъ году царствованія Елизаветы, въ то время какъ Паркеръ и прочіе епископы, оскорбляемые упреками римскихъ католиковъ въ недѣйствительности ихъ рукоположенія обращались къ содѣйствію королевы съ просьбою заставить ихъ замолчать. Хотя въ предисловіи къ означенному акту со всею полнотою указывается на авторитетъ посвященія Паркера и современныхъ ему епископовъ, но въ немъ ни одного слова не говорится ни о ламбетской церемоніи, ни о ламбетскомъ реестрѣ.

Первая публичная ссылка на ламбетскій реестръ появляется лишь въ 1613 г., спустя 54 года послѣ посвященія Паркера, и именно въ книгѣ Г. Мазона, капеллана аббата, архіепископа кантербурійскаго, подъ заглавіемъ: *„о посвященіи епископовъ въ англійской церкви, ихъ преемствъ и проч.“* Ссылка сдѣлана на полѣ означенной книги, и это есть первый случай, гдѣ положительно утверждается, что Паркеръ былъ посвященъ Барлов'омъ и пр. въ Ламбетъ. Съ тѣхъ поръ стали являться и другіе документы, болѣе древніе; но критика находитъ ихъ недостаточно твердыми,

не имѣющими всѣхъ признаковъ своего дѣйствительно древняго происхожденія. Она находитъ ихъ, по англійскому выраженію, или antedated, или interpolated *).

Въ правѣ ли признать осторожный изслѣдователь указанныя неточности и противорѣчія маловажными и нестоющими особаго вниманія? Мы думаемъ, что едвали. Если и при изслѣдованіи другихъ какихъ-либо историческихъ вопросовъ, для полнаго и вѣрнаго дознанія истины, какъ главное и непремѣнное условіе, требуется точность, ясность и согласіе свидѣтельствъ, подтверждающихъ оную, то не требуются ли, тѣмъ болѣе, эти условія въ рѣшеніи такого важнаго историческо-догматическаго вопроса, каковъ вопросъ: о *преемственномъ рукоположеніи*? А этихъ-то главныхъ условій исторической достовѣрности, къ сожалѣнію, мы не видимъ въ изслѣдованіи вопроса о дѣйствительности посвященія Паркера? .. Одинъ изъ современныхъ историковъ не упоминаетъ ни дня, ни мѣсяца его посвященія, хотя и сообщаетъ обстоятельства самаго событія; другой изъ современныхъ лѣтописцевъ, хотя и обозначаетъ съ точностію все сколько-нибудь замѣчательное подъ числомъ и мѣсяцемъ, проходитъ молчаніемъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій своего времени — ламбетскую церемонію...

Въ одномъ документѣ утверждается, что посвященіе совершилось 17 декабря 1559 г.; въ другомъ же кандидаты на посвященіе уже 20 октября прямо именуются епископами ихъ епархій, за два мѣсяца до посвященія.

Въ парламентскомъ актѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ современныхъ документовъ по этому вопросу, не говорится ни слова ни о ламбетской церемоніи, ни о ламбетскомъ реестрѣ: да и самый ламбетскій реестръ, этотъ, такъ сказать, главный авторитетъ, на который опираются англійскіе ученые въ свою защиту, болѣе пятидесяти лѣтъ скрывается во мракѣ, не является публично въ защиту Паркера, и первая публичная ссылка на оный дѣлается лишь въ 1613 г. При видѣ этихъ неточностей, недомолвокъ, противорѣчій, что долженъ подуматъ членъ церкви православной? Не возбудитъ ли она въ умѣ его невольныя, трудно разрѣшимыя

*) См. „Христ. Чт.“ январь 1870 г. № 1 стр. 190—193.

сомнѣнія, хотя, по духу любви, для него и было бы отраднo и утѣшительно удостовѣриться въ сохраненіи преемственнаго рукоположенія въ церкви англійской? Не долженъ ли онъ будетъ остановиться въ недоумѣніи предъ этимъ камнемъ преткнанія на пути ко взаимно-общенію?

Сомнѣнія и недоумѣнія возрастаютъ при разсмотрѣніи той формы, которая была употреблена при посвященіи Паркера, или по крайней мѣрѣ на которую указываютъ церковные документы.

Форма эта, взятая изъ чиновника или обрядника времени Эдуарда VI, гласитъ такъ: *Прими св. Духа; и воспомяни себя возрѣвать даръ Божій, данный тебѣ симъ возложеніемъ рукъ: не бо даде намъ Богъ духа страха, но силы и любви и цѣломудрія;* или на латинскомъ: *Accipe spiritum sanctum etc.* Отсутствіе въ сей формѣ словъ, которыми ясно указывалось бы и опредѣлялось посвященіе епископа, а не пресвитера или діакона (*consecratio episcopi*, а не *presbyteri* или *diaconi ordinatio*), именно словъ: *На служеніе и дѣло епископа въ церкви Божіей.* (*in officium et opus episcopi in ecclesia Dei*) — англійскіе богословы въ продолженіе ста трехъ лѣтъ пытались объяснять и оправдывать; но наконецъ неполнота эта была признана всѣми, и въ 1662 году, при Карлѣ II, къ ней были прибавлены слѣдующія слова: *Прими святаго Духа на служеніе и дѣло епископа въ церкви Божіей, порученныя теперь тебѣ возложеніемъ нашихъ рукъ во Имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь. И воспомяни себя и проч.* Или на латинскомъ: *Accipe spiritum sanctum in officium et opus episcopi in Ecclesia Dei etc.* Въ семъ послѣднемъ видѣ эта форма остается и до нынѣ.

Англійскіе ученые называютъ измѣненіе въ означенной формѣ легкимъ и незначительнымъ. Но по внимательномъ разсмотрѣніи оно оказывается не легкимъ, а знаменательнымъ. „Въ формѣ 1556 г., и слѣдующихъ годовъ до 1662 г., не было имени епископа. Въ измѣненной формѣ 1662 г. оно является. Почему найдено сіе нужнымъ? Не потому ли, что въ прежней формѣ видѣли не епископальную мысль, — мысль о безразличіи епископа отъ пресвитера? Отсюда вновь рождается вопросъ: дѣйствительно ли по формѣ 1550 г. совершалось посвященіе епископа, если идеи собственно епископства не было въ мысляхъ и намѣреніи рукополагавшихъ? Если же такимъ образомъ не соверша-

„дось дѣйствительное епископство, то откуда оно взялось при посвященіи по формѣ 1662 года?“ *).

Vexata quaestio о непрерывности апостольскаго рукоположенія въ англиканской церкви усложняется и затрудняется болѣе и болѣе, если мы сравнимъ ученіе православной церкви о таинствѣ священства съ ученіемъ англиканской о томъ же предметѣ. По смыслу православнаго ученія, „священство есть таинственное дѣйствіе благодати; это есть токъ іерархической благодати, излившейся на апостоловъ сошествіемъ Св. Духа, простирающійся отъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, чрезъ преемственныя рукоположенія, сообщающій рукополагаемымъ епископамъ дарованіе Божіе, оттолѣ живущее въ нихъ, и тайнодѣйствующее въ церкви... Непрерывность его необходима, потому что съ пресѣченіемъ рукоположенія пресѣкается токъ іерархической благодати, и рука, не орошенная благодатию свыше, не можетъ передать другимъ того, чего сама не приняла. При такомъ таинственномъ значеніи... священство, такъ сказать, само себѣ нарекаетъ имя таинства“.... **).

Англиканская церковь, какъ извѣстно, не признаетъ священство таинствомъ. Согласно съ 25 член. вѣры, она признаетъ только два таинства—Крещеніе и Господню Вечерю. „Въ священствѣ, говоритъ архіепископъ Сикеръ, нѣтъ никакого таинства. Ибо возложеніе рукъ въ немъ требуется и употребляется не для того, чтобы преподать какой либо духовный даръ, но для того, чтобы преподать право совершать такое-то служеніе въ Церкви Христовой“ ***). По смыслу ученія англиканской церкви довольно одного королевскаго избранія и назначенія, чтобы быть епископомъ.

И такъ, „если священство не есть таинство, то откуда взяться истинному священству? Откуда взяться истиннымъ святителямъ истинно посвящающимъ, и истиннымъ священникамъ пріявшимъ

*) Стат. брошюр. *О непрерывности епископскаго рукоположенія въ англійской церкви*. Моск. 1866 г. стр. 4.

**) См. брошюр. *О непрерывности епископскаго рукоположенія въ англійской церкви*. 1866 г. стр. 2—3.

***), Lectures on the Church of England Cathedr. Lect. XXXIV.

„истинное посвященіе?“ *). Обратимся къ прежнему вопросу для окончательнаго вывода. Барловъ служить звѣномъ, связующимъ протестантскихъ епископовъ съ епископами римской церкви. Согласимся, что онъ былъ дѣйствительно посвященный епископъ, хотя и утверждаютъ противное по неимѣнію документовъ касательно его посвященія. Но не должно забывать и того, что тотъ же самый Барловъ, въ царствованіе Генриха VIII, сдѣлался передовымъ реформаторомъ и до избранія его королемъ во епископа совершенно отторгся отъ прежняго іерархическаго тѣла. Онъ училъ, что довольно одного королевскаго назначенія и избранія, чтобы быть епископомъ. Въ царствованіе Маріи (католической) онъ былъ низложенъ, и такъ или иначе лишенъ своей кѣедры и т. д. Спрашивается, какимъ образомъ при посредствѣ его могла сохраниться цѣпь апостольскаго преемства въ англиканской церкви? Что принялъ Паркеръ при посвященіи его Барловомъ? Едва ли благодать таинства? Потому что Паркеръ не думалъ принимать таинство, а Барловъ не думалъ совершать оное, такъ какъ оба одинаково отвергали таинство священства. „А если они не вѣрили „сей благодати, если, рукополагая, сознательно совершали такой „незначительный обрядъ, безъ котораго можно было бы обойтись, „и слѣдственно такой, который какъ своимъ отсутствіемъ ничего „не лишалъ, такъ и своимъ присутствіемъ ничего не преподавалъ; „то можно ли найти здѣсь продолженіе благодатнаго тока апостольскаго епископскаго рукоположенія? Не прегражденъ ли онъ „и пресѣченъ?“ **).

Чѣмъ же ограничивается все дѣло посвященія Паркера, совершенное Барловомъ? Совершеніемъ одного обряда, и къ тому еще не необходимо нужнаго, т. е., съ точки зрѣнія Паркера и Барлова. Посвященіе Паркера, если было, то было, какъ приличный обрядъ, не необходимый самъ по себѣ, а какъ требовавшійся только ради добраго порядка и благовидности.

Въ заключеніе приведемъ слова глубоко ученаго богослова, въ бозѣ почившаго іерарха церкви Россійской, на котораго мы имѣли смѣлость неоднократно ссылаться въ нашей статьѣ. „По

*) См. Христ. Чтен. 1870 г. стр. 196.

***) См. брошюр. *О непрерывности епископскаго рукоположенія въ англійской церкви.* 1866 г. стр. 8.

„симъ свѣдѣніямъ и соображеніямъ, говорить онъ, какое мнѣніе
„сынъ православной церкви можетъ имѣть о непрерывности апо-
„столяскаго епископскаго рукоположенія въ англійской церкви?
„Судя строго, не приметъ ли отрицательной стороны вопроса?
„Даже умѣряя по возможности строгость сужденія желаніемъ
„удовлетворить любви къ миру и единенію церквей, можетъ ли
„достигнуть утвердительной стороны вопроса? Не будетъ ли при-
„нужденъ остановиться между отрицаніемъ и утвержденіемъ въ
„неразрѣшенномъ состояніи?“^{*)}.

Биографія Высокопреосвященнаго Макарія митрополита Мос- ковскаго въ Англійскомъ журналѣ.

Въ Англійскомъ журналѣ: *Foreign Church Chronicle*, помѣщена краткая біографія Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Московскаго Макарія. Органъ Англо-континентальнаго общества непрестанно ратующій за взаимно-общеніе церквей, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о жизни Московскаго архипастыря.

Высокопреосвященнѣйшій Макарій, говоритъ журналъ, родился 19 сентября—1 октября 1816 г. въ селѣ Сурковѣ, Харьковской губерніи. Онъ сынъ сельскаго священника, Петра Булгакова, рано умершаго и оставившаго послѣ себя вдову и нѣсколько малютокъ въ положительной бѣдности.—Михаилъ былъ больной мальчикъ, и, первоначально при обученіи въ школѣ, не отличался быстротою своихъ способностей. Но однажды съ нимъ произошелъ такой случай, который, казалось, грозилъ роковыми послѣдствіями, но оказался въ послѣдствіи орудіемъ Божественнаго провидѣнія и произвелъ чудную перемѣну въ его жизни. Стараясь уклониться однажды отъ грубой выходки своихъ товарищей, онъ упалъ и разшибъ голову объ острый камень, такъ что произошло сильное кровотеченіе. Когда рана зажила,—въ его физическихъ и умственныхъ силахъ произошелъ удивительный переворотъ. Здоровье его скоро поправилось и доселѣ бывши однимъ изъ слабѣйшихъ, онъ вскорѣ послѣ того сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ

*) Тамъ же стр. 10.

въ школъ. Всѣ замѣтили перемѣну въ мальчикѣ. Однажды, при производствѣ испытаній, Илюдоръ, епископъ Курскій, такъ остался доволенъ его отвѣтами, что немедленно озаботился объ обезпеченіи семейства покойнаго Сурковскаго священника. Михаилъ Будгаковъ продолжалъ свои занятія въ епархіальной Курской семинаріи съ значительнымъ успѣхомъ и въ качествѣ отличнаго ученика, по окончаніи семинарскаго курса, былъ посланъ въ Кіевскую академію въ 1837 г. Еще находясь въ семинаріи, онъ оказалъ особенное расположеніе къ богословскимъ, философскимъ и историческимъ наукамъ; такъ что былъ принятъ стипендіатомъ въ духовную академію. Его страстная любовь къ занятіямъ рѣшила выборъ имъ образа жизни и на послѣднемъ году академическаго курса—онъ принялъ монашество, думая, что въ состояніи безбрачія, ему будетъ легче всецѣло и безпрепятственно посвятить себя служенію церкви и духовной наукѣ. Въ томъ же году—онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, и сдѣланъ бакалавромъ церковной и гражданской исторіи. 12-го іюля 1842 года, онъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскую духовную академію. Въ томъ же году онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ академіи, и на слѣдующій годъ Святѣйшій Синодъ за усердную службу и особенныя занятія Богословскими науками возвелъ его на степень экстраординарнаго профессора Богословія. Его отличныя заслуги обратили на себя особое вниманіе Государя Императора, и въ декабрь 1850 г. онъ былъ сдѣланъ ректоромъ Петербургской духовной академіи. На слѣдующій мѣсяцъ онъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа Винницкаго. Онъ оставался однако во главѣ академіи, пока съ 1857 г. не былъ сдѣланъ епископомъ Тамбовскимъ. Въ 1859 г. онъ былъ переведенъ на Харьковскую кафедру, каковая кафедра въ 1862 г. была сдѣлана архіепископскою. Въ 1868 г. его сдѣляли архіепископомъ Литовскимъ и Виленскимъ.

Преосвященный Макарій—авторъ многихъ ученыхъ замѣчательныхъ произведеній. Первымъ изъ нихъ была исторія Кіевской академіи, изданная въ 1843 г. Въ 1846 г. вышла въ свѣтъ Исторія христіанства въ Россіи до временъ св. Владиміра. Въ слѣдующемъ году—очерки исторіи Русской церкви до татарскаго нашествія, а за тѣмъ *Введеніе въ православное Богословіе*, пріобрѣтшее ему степень доктора. Въ 1852 г. было издано *Православное догматическое Богословіе*. Въ доказательство впечатлѣнія, произ-

веденнаго означеннымъ сочиненіемъ, достаточно привести отзывъ извѣстнаго архіепископа Херсонскаго, Иннокентія, въ Императорскую академію наукъ.

Ученое сочиненіе, пишетъ преосвященный, критически разсмотрѣнное мной, составляетъ рѣдкое и весьма отрадное явленіе въ нашей Богословской литературѣ, подобное которому рѣдко можно встрѣтить снова. Иностранная Богословская литература, не смотря на свой долгій періодъ процвѣтанія, не представляетъ, въ ряду современныхъ ученыхъ произведеній, подобнаго замѣчательнаго произведенія, каково *Догматическое Богословіе* Макарія. Потому иностранные богословы не могутъ сказать, что въ Восточной церкви Богословскіе тезисы оставляются безъ изслѣдованія, потому что въ этой новой Православной Богословіи—всѣ они подвергнуты такому строгому обсужденію и изслѣдованію, которыя можно найти развѣ въ нѣсколькихъ церквахъ за исключеніемъ нашей собственной.

Въ 1853 г. преосвященный Макарій былъ избранъ почетнымъ членомъ Императорскаго археологическаго общества, въ 1854 г. дѣйствительнымъ членомъ Императорской академіи наукъ, въ слѣдующемъ году почетнымъ членомъ Московскаго университета, а въ 1856 г. почетнымъ членомъ Харьковскаго университета. Въ семь же году вышло въ свѣтъ его сочиненіе подъ названіемъ: *Исторія старообрядческой секты*. Въ 1857 г. появился первый томъ „*Исторіи русской церкви*“, девятый томъ которой, заключающій въ себѣ повѣствованіе о западной Русской епархіи въ Лифляндіи, явился годъ тому назадъ. Мы замѣтили о Православномъ Догматическомъ Богословіи Макарія, что подобное произведеніе рѣдко можно встрѣтить въ нашей Богословской литературѣ, можемъ замѣтить, въ свою очередь, о семь послѣднемъ произведеніи, что никогда ничего не было подобнаго въ области исторической литературы Русской церкви, да едва-ли и будетъ что либо подобное. Помимо своихъ обширныхъ ученыхъ произведеній преосвященный Макарій написалъ нѣсколько учебниковъ, изъ которыхъ: *Руководство къ православному Догматическому Богословію* принято для обученія въ семинаріяхъ.

Всѣ произведенія Высокопреосвященнѣйшаго Макарія очень распространены, и сдѣлали его имя не только извѣстнымъ, но и „популярнымъ“ въ Россіи. Слава о немъ, впрочемъ, пронеслась

далеко за предѣлы Русской Имперіи, и нѣкоторыя изъ его произведеній переведены на иностранныя языки. *Введение въ Православное Богословіе*, переведенное однимъ русскимъ, издано на Французскомъ языкѣ въ Парижѣ (Librairie de loel Cherbuliez) въ 1857 г. — *Православное Догматическое Богословіе* также въ Парижѣ въ 1857—59 г. — *Руководство къ Православному Догматическому Богословію* — переведено на нѣмецкій языкъ, и благосклонно принято германскими Богословами.

Статья англичанина заключается слѣдующими словами Церковнаго Вѣстника: Дай Богъ, чтобы митрополія нашей древней столицы также благоговѣла бы предъ своимъ новымъ первосвятителемъ, какъ предъ мудрымъ Филаретомъ, и также любила бы его, какъ она любила добраго и любящаго Иннокентія.

Мученическая церковь. Повѣствованіе о началѣ, распространеніи и торжествѣ христіанства на о. Мадагаскарѣ. Уильяма Эллиса. Лондонъ. 1870 г. *)

Въ Лондонѣ, въ началѣ 1870 года, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, вышла весьма замѣчательная книга, — о христіанствѣ на о. Мадагаскарѣ. Авторъ означенной книги, г. Эллисъ, давно уже извѣстенъ на миссіонерскомъ поприщѣ своими личными трудами и подвигами; потому его сочиненіе полно живаго интереса. Вотъ что замѣчаетъ англійскій журналъ *Christian Work* — о распространеніи христіанства на о. Мадагаскарѣ:

„Нигдѣ сила Духа Божія не проявлялась болѣе чудеснымъ образомъ въ новѣйшее время, какъ на о. Мадагаскарѣ. Это событіе напоминаетъ собою времена апостольскія. Церковь на о. Мадага-

*) Книга г. Эллиса, изъ которой мы, къ сожалѣнію, можемъ представить только нѣсколько краткихъ отрывковъ, по объему нашего изданія, возбуждаетъ въ Англій значительный интересъ; впрочемъ мы надѣемся, что тѣ изъ нашихъ читателей, которые слѣдятъ за проповѣдываніемъ Евангелія язычникамъ и за успѣхами миссіонерства въ различныхъ частяхъ свѣта, не безъ удовольствія ознакомятся съ означенными, хотя и краткими, подробностями распространенія христіанства Лонд. миссіонерскимъ Обществомъ на о. Мадагаскарѣ. Авторъ.

скарѣ, насажденная Лондонскимъ миссіонерскимъ Обществомъ, имѣла своихъ многочисленныхъ мучениковъ, исповѣдывавшихъ Христа въ жестокихъ мученіяхъ, узахъ и заточеніяхъ, и теперь пожинаетъ достойные плоды, видя, какъ народъ отрекается отъ идолопоклонства и принимаетъ христіанскую религію. Храмы въ столицѣ (Антананоривѣ) наполняются толпами христіанскихъ поклонниковъ, и туземные студенты приготавливаются вступить на поприще пастырскаго служенія. Но что важнѣе всего—истинный духъ христіанской религіи начинаетъ распространяться среди народа. Мы надѣемся, что святое дѣло будетъ оставлено въ рукахъ Лондонскаго Миссіонерскаго Общества, и лицъ, дѣйствующихъ въ строгомъ согласіи съ миссіонерами онаго, потому что было бы въ высшей степени несправедливо и нехристіански всякое покушеніе поселить раздоры въ юномъ христіанскомъ обществѣ; и тѣ, которые покусились бы на подобное дѣло, явнымъ образомъ рѣшились бы на открытую вражду съ Богомъ и на содѣйствіе сатанѣ въ его козняхъ — разрушить Божіе дѣло, столь успѣшно начатое.⁴

Недавно вышедшее сочиненіе г. Эллиса, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, главнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о распространеніи христіанства среди жителей столицы Мадагаскара и центральныхъ провинцій острова, о принятіи онаго королевою, многими гражданскими сановниками, учеными, равно какъ о проповѣданіи онаго болѣе отдаленнымъ племенамъ. Мы думаемъ, что лучше всего можемъ ознакомить нашихъ читателей съ замѣчательнымъ сочиненіемъ г. Эллиса, — представивъ изъ онаго нѣсколько отрывковъ, и преимущественно изъ тѣхъ отдѣловъ, которые касаются исторіи мученичества за христіанство на Магадаскарѣ.

Въ первомъ отдѣленіи книги описывается смерть первомученицы Разаламы. Лице, въ особенности ненавистное для королевы мадагаскарской, была Рафаравави, принадлежавшая къ семейству, отличавшемуся ревностною приверженностію къ идоламъ и отечественнымъ суевѣріямъ, которая, незадолго до гоненія на христіанъ, купивши одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ въ столицѣ, приспособила оный къ христіанскому богослуженію. Послѣ указа, объявлявшаго гоненіе на христіанъ, въ мартѣ 1835 года, Рафаравави и нѣсколько другихъ женщинъ-христіанокъ собирались по

воскреснымъ вечерамъ въ этотъ домъ для чтенія Библии и молитвы. 17-го іюня, трое изъ ея невольниковъ явились къ судья и обвиняли ихъ въ приверженности къ христіанству. Отецъ Рафаравави приказалъ было заключить ихъ въ темницу, но она упростила его освободить ихъ, и, призвавши къ себѣ, съ слезами говорила имъ о милосердіи и прощеніи Божіемъ, даруемомъ чрезъ Христа. Двѣ изъ нихъ въ послѣдствіи сдѣлались христіанками и одна изъ нихъ умерла за христіанскую вѣру. Королева, услышавъ ропотъ судей, приказала казнить Рафарававу смертію, но, по ходатайству друзей, приговоръ былъ отсроченъ. Взявши ее подъ стражу, судьи употребили все возможное, чтобы узнать отъ нея имена сообщницъ, но все было напрасно. Впрочемъ они успѣли склонить обманомъ одну молодую женщину, по имени Разаламу, назвать тѣхъ женщинъ, которыя, по ихъ предположенію, были сообщницами Рафаравави. Всѣ онѣ были схвачены и заключены въ темницу. Далѣе послѣдовали событія, описываемыя въ слѣдующемъ отрывкѣ, заканчивающемся смертію Разаламы.

„Уже прошло болѣе двухъ недѣль, какъ христіане и ихъ друзья въ великомъ страхѣ томились въ темничномъ заключеніи, когда народу былъ отданъ приказъ собраться на площадь и разграбить имущество Рафарававы. Чернь стремительно бросилась въ ея домъ, разграбила ея имущество, сломала зданіе и разнесла оное по частямъ. Между тѣмъ, четыре воина изъ королевской гвардіи, обыкновенно назначаемые для исполненія смертныхъ приговоровъ надъ преступниками, приказали Рафарававѣ слѣдовать за ними; и на ея вопросъ: куда они ведутъ ее? отвѣчали: „Королева знаетъ, что дѣлать съ тобою “ Они вели ее по направленію къ мѣстечку — Амбохипотеси, гдѣ быкновенно предавали преступниковъ смертной казни, и изъ этого она могла заключить, что былъ отданъ приказъ умертвить ее. Но отдаливши отъ себя страхъ смерти молитвою и вѣрою, Рафаравави неоднократно повторяла дорогою молитву первомученика Стефана. Вспоминая впослѣдствіи объ этихъ ужасныхъ минутахъ, она говорила, что чувствовала, какъ въ это время постепенно прерывались для нея всѣ земныя сношенія, и она желала только одного, скорѣйшаго разрѣшенія души отъ тѣла. Дорогою къ ней приблизился одинъ изъ христіанъ, и Рафаравави тайно просила его идти съ нею до мѣста казни, чтобы воодушевить его своимъ примѣромъ, если только Господь сподобитъ

ее мученической кончины. Тотъ отвѣчалъ: „Я не оставлю тебя, любезная сестра; вознеси свой умъ и сердце къ Господу, на Котораго ты возложила свою надежду.“ Другой другъ христіанинъ сказалъ ей: „Не бойся возлюбленная сестра, хотя на землѣ и много страданій, но на небесахъ вѣчное успокоеніе.“ Вскорѣ послѣ того они вошли въ домъ, принадлежавшій одному изъ начальниковъ, гдѣ на нее были надѣты оковы.

Одинъ изъ воиновъ сказалъ кузнецу, который заковывалъ ее: „Не забивай кандалы слишкомъ плотно. Ихъ трудно будетъ снимать, а она завтра въ полночь, при пѣвнѣ пѣтуховъ, должна быть предана смерти.“—Тихій полуночный часъ часто назначается на Мадагаскарѣ для исполненія смертныхъ приговоровъ надъ преступниками.

„Но среди глубокой тишины этой послѣдней ночи городскіе жители внезапно были пробуждены отъ своего сна и повергнуты въ ужасъ и смятеніе страшнымъ пожаромъ, вспыхнувшимъ въ въ центрѣ города! Загорѣлось нѣсколько сухихъ, деревянныхъ, съ соломенными крышами, хижинъ и пожаръ быстро распространился по всему городу. Наступило мрачное утро, повсемѣстно поднимались къ облакамъ густые клубы дыма съ пламенемъ, горящія головни падали даже на кровлю дворца, ужасное зрѣлище приводило въ содроганіе жителей. Градоначальникъ, въ виду смятенія, произведеннаго пожаромъ, издалъ приказъ остановить ходъ гражданскихъ дѣлъ; и хотя исполнители казни наканунѣ еще получили повелѣніе предать свою плѣнницу смерти, но теперь они отложили исполненіе приговора до дальнѣйшихъ приказаній. Касательно этой случайности одинъ изъ туземцевъ впоследствии замѣтилъ: „*Воистину Господь есть Владыка жизни!*“

„Въ тотъ день, когда Рафаравави была взята для смертной казни, остальные плѣнники были размѣщены между главными начальниками и ихъ помощниками. Такъ какъ Павелъ и Рафаравави считались главными предводителями христіанъ, то они и были заключены скованные въ отдѣльныхъ домахъ. Въ то же самое время чиновники и народъ собрались выслушать указъ королевы, въ которомъ она объявляла: „Я осуждаю ихъ теперь на вѣчное рабство. Если же откроется, что они пріобрѣтаютъ сообщниковъ и будутъ собираться для молитвы и чтенія Библии въ частныхъ домахъ, то, при первомъ доносѣ, буду приговаривать къ немедленной смерти.“

„Въ обществѣ десяти хрістанъ, томившихся въ заточеніи, находилась хрістіанка—Разалама, которая по сердечной своей простотѣ, обманутая судьями, открыла имена семи хрістіанокъ, бывшихъ теперь ея тюремными товарками. Когда одинъ изъ единовѣрцевъ выразилъ свое удивленіе, что она открыла своихъ друзей, такъ какъ доселѣ ихъ хрістіанство не было извѣстно правительству, то Разалама была глубоко поражена, узнавши, что она была причиною ихъ несчастія. Нашлись люди, которые подслушали ея ропотъ, что хрістіане, никогда неучаствовавшіе въ возмущеніяхъ, неотнимавшіе чужой собственности и никогда нежелавшіе никому зла, должны быть осуждены на вѣчное рабство. Она также всеуслышаніе говорила, что нисколько не испугалась, когда судьи явились къ ней въ домъ съ королевскимъ копьемъ (*тсичалинджа*), но скорѣе радовалась, что удостоивается претерпѣть страданія за вѣру во Христа, — и присовокупила къ этому: *„Я имѣю надежду на жизнь небесную.“*— Слово *„тсичалинджа“* на туземномъ нарѣчій означаетъ: *ненавистникъ лжи*; такъ называется серебряное копье, на которомъ вырѣзано имя королевы, а также того лица, который имѣетъ свою обязанностію носить оное. Оно служитъ представителемъ, или эмблемою королевской власти и, по мѣстному повѣрью, одарено сверхъ-естественною силою открывать ложь. Его носятъ обыкновенно чиновники, посылаемые для взятія лицъ подозрѣваемыхъ, или обвиняемыхъ въ преступленіяхъ противъ королевы, и преступникамъ говорятъ въ такомъ случаѣ, что они арестуются именемъ *„тсичалинджа“*. Древко, равно какъ остріе копья, сдѣланы изъ серебра. Когда лица, особо приставленныя носить это копье, входятъ въ домъ обвиняемаго, то самое копье поставляютъ при дверяхъ дома, и въ продолженіи всего того времени какъ оно стоитъ здѣсь, никто не можетъ ни войти въ домъ, ни выйти изъ онаго.

Рѣзкія выраженія Разаламы были переданы главному начальнику, который наградилъ доносчика, а плѣнницу, не перестававшую пѣть священныя гимны, приказалъ заключить въ оковы и въ такомъ положеніи бить. Она говорила: *„Я пожертвую своею жизнью за жизнь своихъ единовѣрцевъ. Вы говорите, что Рифаразави должна быть казнена смертію; но нѣтъ: она не умретъ. Я охотно умру за нее!“* Ея крайнее душевное волненіе, при сильномъ тѣлесномъ изнеможеніи, произшедшемъ влѣдствіе жестокаго

бичеванія и мучительныхъ пытокъ, вселяло въ ея друзей невольное опасеніе, что она не доживетъ до утра слѣдующаго дня; но впрочемъ, черезъ нѣсколько часовъ, она совершенно укрѣпилась. Слѣдующее утро было назначено для исполненія смертнаго надъ нею приговора, и наканунѣ этого дня, въ полдень, она была заключена въ оковы, которыя будучи прикрѣплены къ ногамъ, рукамъ, колѣнамъ и къ шеѣ, производили во всеѣмъ ея тѣлѣ мучительную боль. Рано по утру, когда ее несли на рукахъ къ мѣсту казни, она пѣла св. гимны, выражавшіе радость, что познала св. Евангеліе. Около одного христіанскаго молитвеннаго дома, въ которомъ Разалама была крещена, она воскликнула: *„Здѣсь я слышала слова моего Спасителя.“* Прощедши такимъ образомъ около мили, исполнители казни достигли роковаго мѣста, широкаго, сухаго, впрочемъ неглубокаго рва, усеяннаго костями преступниковъ, казненныхъ здѣсь прежде. Этотъ ровъ окаймлялъ собою стоявшую здѣсь нѣкогда крѣпость на южной оконечности горы, на которой расположена столица Мадагаскара. На двѣсти, или триста, футовъ внизъ отъ этой Мадагаскарской Голговы простирается обширная равнина, усеянная селеніями, съ зеленѣющими, засеянными рисомъ, полями и орошаемая нѣсколькими ручьями изъ рѣки Икіопы, которая, вытекая съ возвышенностей Анкаратры, почти окаймляетъ собою всю столицу въ своемъ теченіи къ морю на западъ.

„Получивши здѣсь позволеніе помолиться въ послѣдній разъ, Разалама спокойно преклонила колѣна на землю, мысленно вручила свою душу въ руки Искупителя и пала пронзенная копьями и стрѣлами палачей. Земля и адъ сдѣлали свое худшее дѣло. Нѣкоторые изъ немногихъ предстоявшихъ язычниковъ, говорятъ, воскликнули: *„Гдѣ тотъ Богъ, Которому она молилась, почему Онъ не спасъ ее теперь?“* Другіе сожалѣли о страдальцѣ, которую считали невинною. Палачи язычники неоднократно говорили при этомъ другъ другу: *„Есть что-то удивительное и очаровательное въ религии бѣлыхъ людей, что далеко отгоняетъ отъ нихъ прочь страхъ смерти.“* Единовѣрцы Разаламы томились въ заточеніи, или скрывались въ тайныхъ убѣжищахъ, но одинъ вѣрный и любящій другъ, бывший свидѣтелемъ ея тихой и мирной кончины, возвратившись съ мѣста казни, воскликнулъ: *„Если бы я могъ умереть такою же спокойною, счастливою смертію, какъ*

Разалама, то охотно умерь бы за моею Спасителю.“ Такъ пострадала въ 14 день августа, 1837 года, Разалама, первомученица христіанской церкви на Мадагаскарѣ, принявшей, въ своемъ младенчествѣ, ея крещеніе кровію.

„Таково было тихое, спокойное, но славное торжество благодати и любви Христовой, явленное въ этомъ мірѣ! Но можемъ ли мы вполнѣ представить себѣ здѣсь на землѣ то чудное зрѣлище, которое открылось на небесахъ предъ освобожденною душею Разаламы, можемъ ли вообразить себѣ необъятный восторгъ, обьявившій ее, когда, отрѣшившись отъ тѣла, предстала она своему Господу?!“

Рафаравави, послѣ многочисленныхъ опасностей, при дружескомъ содѣйствіи христіанъ, оказывавшихъ ей гостепріимство и чрезъ то подвергавшихъ свою жизнь опасности, нашла наконецъ себѣ убѣжище на островѣ Маврикія. Другихъ продолжали преслѣдовать. Равахими, молодая дѣвушка, знатнаго происхожденія и прекрасной наружности, была продана въ рабство и тамъ принуждена принять ядъ. Далѣе произошло слѣдующее.

„Вскорѣ послѣ сего три женщины христіанки двѣ изъ которыхъ были супругами спутниковъ Рафаравави, были обвинены въ томъ, что собирались вмѣстѣ на молитву. Чиновникъ, посланный вечеромъ схватить ихъ, засталъ двухъ изъ нихъ за чтеніемъ св. Писанія. Одна изъ женщинъ убѣжала, и когда онъ началъ бить другую, захваченную, Библия выпала изъ ея одежды. Она была отведена въ его домъ и тамъ подвергнута новымъ побоямъ. Шесть человекъ различными истязаніями принуждали ее открыть имена своихъ сообщниковъ; но такъ какъ это было безуспѣшно, то на слѣдующее утро, они отвели ее къ первому министру королевы и тамъ, по рѣшительномъ отказѣ открыть имена своихъ соучастниковъ, она была предана бичеванію до тѣхъ поръ, пока не укажетъ ихъ. Христіанка перенесла муку и стыдъ публичнаго жестокаго тѣлеснаго наказанія съ непоколебимою вѣрностію къ своимъ друзьямъ, и за тѣмъ, измученная и окровавленная, безъ чувствъ упала къ ногамъ своихъ звѣрскихъ мучителей. По выздоровленіи она была продана въ вѣчное рабство и тамъ приговорена къ отравленію сильнымъ ядомъ (тангена), однако, къ счастью, успѣла спасти свою жизнь бѣгствомъ, прежде исполненія этого варварскаго приговора. Обвиненные въ то же самое время успѣли спастись

бѣгствомъ въ различныя необитаемыя мѣста острова, и объ нихъ въ послѣдствіи ничего не было слышно.

„Бѣгство жертвъ, казалось, усилило мстительную ярость ихъ гонителей, и королева отдала приказъ воинамъ, назначеннымъ для ихъ преслѣдованія, связывать руки и ноги пойманнымъ, вырывать на мѣстѣ яму, бросать ихъ стремглавъ въ оную, и лить кипящую воду, доколѣ не прекратиться въ нихъ жизнь. Потому они должны были зарывать эту яму землю, и продолжать свои поиски за другими. Поводомъ къ возмутительному варварству умерщвлять христіанъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ захватятъ, служилъ предлогъ, будто бы христіане спасались такъ часто бѣгствомъ посредствомъ могущественныхъ сверхъестественныхъ чаръ, которыя могли быть употреблены ими во вредъ другимъ и по которымъ даже было опасно приводить ихъ въ столицу для суда“.

Слѣдующій отрывокъ описываетъ смерть четырехъ другихъ мучениковъ чрезъ сожженіе. Было подвергнуто пыткамъ значительное число христіанъ и между ними четыре вышеупомянутыхъ, въ томъ числѣ мужъ и жена. Четырнадцать изъ нихъ низшаго званія были приговорены въ это время къ сверженію съ скалы въ море, а ихъ жены и дѣти къ продажѣ въ вѣчное рабство. „Тогда воины взяли этихъ четверыхъ христіанъ благороднаго происхожденія, и повели ихъ съ долины на вершину холма Фаравохитры. Во время шествія на казнь, они хоромъ пѣли стихи простаго и выразительнаго гимна, начинающагося словами: *„Покидая землю, мы отходимъ къ Господу, и заканчивающагося слѣдующимъ стихомъ:*

„Когда мы умремъ и покинемъ эту землю, тогда умножится наша радость. Прими насъ Господи въ небесное жилище, тамъ мы будемъ ликовать съ Тобою во вѣки“.

„Силу и значеніе этого гимна легко могли понять какъ враги, такъ и друзья христіанъ. Онъ былъ выраженіемъ увѣренности ихъ надежды въ безсмертіе и торжественнымъ отвѣтомъ на клевету одного изъ самыхъ неумолимыхъ гонителей, который насмѣхался надъ ними и говорилъ, что воспѣвая подобные гимны, они поютъ ложь, потому что боятся смерти, точно такъ же какъ и другіе.

Съ пѣніемъ священнаго гимна они достигли назначеннаго мѣста; тамъ былъ приготовленъ большой костеръ изъ горючихъ матеріаловъ, и вслѣдъ за тѣмъ они были привязаны веревками къ че-

тыремъ столбамъ немного выше этого костра. Когда костеръ зажгли и поднялось пламя, они молились и восхваляли Бога. Среди насмѣшекъ и поруганій, раздававшихся кругомъ костра со всѣхъ сторонъ, слышалась тихая ихъ молитва: „*Господи Іисусе прими нашу душу! Не поставь имъ сего во грѣхъ*“; и одинъ изъ нихъ, какъ будто въ созерцаніи будущей славы Господа, воскликнулъ: „*Его имя, Его слава будутъ царствовать во вѣки вѣковъ!*“

„Во время ихъ мученій неоднократно начиналъ падать дождикъ и тушилъ огонь; но костеръ разжигали снова. Одна изъ страдалицъ, вмѣстѣ съ страшными муками отъ огня, терпѣла муки чадорожденія. Но вотъ, среди ихъ страданій и молитвы, на небѣ съ одного конца до другаго распростерлась огромная разноцвѣтная радуга, какъ знакъ Божественнаго обѣщанія и непреложности словъ Господа, и однимъ концемъ своимъ, казалось, остановилась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ кончались мученики. Нѣкоторые изъ зрителей, которымъ этотъ феноменъ казался сверхъестественнымъ, бѣжали въ ужасѣ; но одинъ изъ нихъ, оставшійся до самаго конца этого зрѣлища, такъ воспоминаетъ о пострадавшихъ: „*они молились, пока въ нихъ оставалась малѣйшая искра жизни. Потомъ они умерли, но умерли тихо и мужественно. Воистину, мужественна и торжественна была ихъ кончина, поразившая крайнимъ изумленіемъ всѣхъ, созерцавшихъ и бывшихъ свидѣтелями оной*“.

Описавши различные роды преслѣдованій, г. Эллисъ дѣлаетъ краткій обзоръ оныхъ и представляетъ въ слѣдующихъ словахъ замѣчательные результаты оныхъ по отношенію къ умноженію числа вѣрующихъ:

„Въ февралѣ, 1835 года, когда миссіонерамъ было запрещено учить, или проповѣдывать христіанство какимъ бы то ни было образомъ, когда грозили смертію всякому туземцу, который станетъ читать Библию, молиться Богу, принимать крещеніе, или участвовать въ собраніи христіанъ, во время этого преслѣдованія, хотя и никто не былъ преданъ смерти, однако двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ потерпѣли различныя наказанія. Въ іюлѣ 1845 года, взятіе подъ арестъ Рентишевы и другихъ бѣглецовъ, старавшихся спастись бѣгствомъ, повлекло за собою строгое преслѣдованіе, во время котораго пострадало значительное число. Въ февралѣ 1849 года четверо мужчинъ благороднаго происхожденія были сожжены живыми, тринадцать свержены со скалы въ пропасть и двѣ

или три тысячи наказаны; и въ іюль 1857 года, когда Ратсимандиса, бывшая ученицею миссіонеровъ, открыла правительству имена семидесяти христіанъ, тридцать изъ нихъ были побиты камнями и болѣе 50-ти заключены въ тяжелыя оковы, въ которыхъ половина изъ нихъ погибла.—Таковы были различныя гоненія, воздвигнутыя на мадагаскарскую церковь, въ царствованіе королевы Ранавалоны.

„Во время четырехъ означенныхъ гоненій болѣе чѣмъ десять тысячъ челоѣкъ были приговорены къ различнаго рода наказаніямъ, кромѣ лицъ, пострадавшихъ прежде сего; каковы же были результаты? Послѣ того какъ всякому, который осмѣлился бы исповѣдывать ненавистную религію, грозили самую ужасною смертію, поощряли доносчиковъ, преслѣдовали ихъ войсками, награждали за открытіе христіанъ, какъ за дѣло вѣрности и приверженности правительству, употребляли заклинанія и призывали отечественныхъ боговъ противъ беззащитныхъ христіанъ—каковы были результаты всего этого? Христіане размножились на островѣ отъ одной тысячи, бывшей при началѣ гоненія, до семи тысячъ, когда гоненіе кончилось, Таковы, при помощи Божіей и благодати, были благословенные плоды двадцати шести-лѣтняго преслѣдованія!“

Эта многострадальная церковь возрастаетъ теперь съ удивительною быстротою, какъ то можемъ видѣть изъ слѣдующей таблицы:

„Въ декабрѣ 1868 года на Мадагаскарѣ было 12-ть англійскихъ агентовъ, изъ которыхъ восемь было рукоположенныхъ въ священно-служители; 20 туземныхъ пасторовъ; 437 туземныхъ проповѣдниковъ и учителей; 37,112-ть послѣдователей христіанской религіи, изъ нихъ 23,000 были обращены въ христіанство въ теченіи года.“

Въ англійскомъ журналѣ: *Christian Work* по этому случаю замѣчаютъ слѣдующее: „Такъ Господь засвидѣтельствовалъ свое присутствіе и свою силу въ церкви мадагаскарской. Королевскіе идолы теперь низвержены; весь народъ готовится къ принятію христіанства. Въ этомъ святомъ дѣлѣ нужно было преподѣлать много трудностей и избѣгнуть различныхъ опасностей, въ томъ числѣ опасностей отъ римской церкви. Затрудненіе и опасности еще не миновались; но горе тѣмъ, которые въ младенчествующую

церковь. изъ какихъ либо нечистыхъ побуждений, покусятся внести какіе-либо раздоры и раздѣленія. Богъ почтитъ миссіонеровъ, предпринявшихъ это святое дѣло, и имъ должны быть вручены окончательныя заботы устроить оное.

Вотъ еще разсказъ о распространеніи христіанства на островъ Мадагаскаръ.

Пятдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, въ мартъ 1836 г., въ одно воскресеное утро, изъ небольшой городской тюрьмы г. Тананариво была выведена на казнь молодая женщина. Ей было только 30 лѣтъ; она была прекрасна собою и имѣла благородную осанку; въ ея лицѣ отражалось то тихое спокойствіе, которое является у челоуѣка вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, что онъ приближается къ Богу и вѣчности. Окруженная стражею, она выступала твердымъ шагомъ, и хотя шла на смерть, однако тихимъ, радостнымъ голосомъ пѣла священные, любимые свои гимны. Сопровождаемая толпою народа, среди которой нѣкоторые осыпали ее ругательствами, а нѣкоторые безмолвно изумлялись, проходила она черезъ городъ по направленію къ дикому рву, при южномъ концѣ длиннаго хребта горъ, на которыхъ расположена столица Мадагаскара. Передъ ея глазами, съ обѣихъ сторонъ открывались необыкновенно красивые виды. Обширныя зеленѣющія долины Имерины терялись за отдаленнымъ горизонтомъ. На востокъ, западъ и югъ представлялась взорамъ чудная панорама зеркальныхъ озеръ, сверкающихъ водопадовъ, плодоносныхъ полей, покрытыхъ рощами, холмовъ, по которымъ были раскиданы богатыя селенія, и мирно паслись большія стада лошадей и рогатаго скота. Она, казалось, ничего не замѣчала этого; она не замѣчала ни прекраснаго ландшафта, ни буйной толпы, ни жестокаго палача, и была вся погружена въ размышленіе о небѣ и своей загробной участи. Сошедши съ холма, она преклонила на молитву колѣна, и въ такомъ положеніи была пронзена копьями. Въ этотъ день ей не было оказано общаго христіанскаго послѣдняго долга; она была первомученицею Христовой Церкви на о. Мадагаскаръ.

Съ того времени прошло тридцать два года. Около „Бѣлаго Селенія“ (White Village) снова тѣснятся толпы народа, и другая женщина, предметъ всеобщаго вниманія, спускается съ холмовъ на молитву. Но это уже королева Мадагаскара. На бѣловатомъ

хребтъ горъ, которые нависли надъ рвомъ, гдѣ мученически скончалась Разалама, стоитъ прекрасная церковь съ высокимъ шпиремъ, воздвигнутая въ ея память и посвященная ея имени. Церковь наполнена христіанскими поклонниками, и значительное число ихъ, за тѣснотою, должно оставаться внѣ оной. Королева не съ враждебными чувствами, но съ любовію идетъ въ главѣ своихъ подданныхъ на торжество освященія храма для христіанской молитвы; и съ особеннымъ сочувствіемъ къ этому торжеству предлагаетъ въ даръ для церковной каѳедры свою библію. Первый министръ, котораго предшественникъ осуждалъ христіанъ на смерть, въ трогательныхъ словахъ, побуждаетъ теперь своихъ соотечественниковъ увѣровать во Христа, потому что Онъ есть Спаситель міра. Для всѣхъ присутствующихъ здѣсь, для королевы и подданныхъ, это церковное торжество служить повсюду къ искренней радости.

Въ настоящее время мы получили извѣстіе, что въ самый канунъ годовщины мученической смерти Разаламы, сама королева приняла крещеніе. Съ смиреніемъ и сердечною простотою, подобно послѣднему изъ своихъ подданныхъ, она пожелала услышать наставленія въ христіанской вѣрѣ отъ туземныхъ миссіонеровъ, съ искренностію рассказала, какъ мало по малу развивались ея религіозныя убѣжденія, и не поколебалась исповѣдать христіанскую вѣру передъ своимъ народомъ. При ея крещеніи присутствовали почти всѣ главные сановники, и это событіе совершилось гласно и всенародно. Предварительно, въ пятницу вечеромъ, были посланы двое туземныхъ пасторовъ для религіозной бесѣды съ королевою и первымъ министромъ. Они должны были испытать ихъ въ вѣрѣ въ Спасителя, и изслѣдовать причины, побудившія ихъ принять св. крещеніе. Отвѣты были получены самые удовлетворительные. Во время бесѣды королева упомянула, что въ прежніе годы, когда она была еще дѣвушкою, къ ней былъ приставленъ одинъ изъ проповѣдниковъ прежней миссіи для обученія чтенію и письму; но, страшась королевы, онъ не сказалъ ей ни одного слова о Спасителѣ міра и объ Евангеліи. Въ то же самое время покойный братъ ея познакомился съ Андриантсіамбою, однимъ изъ тѣхъ четырехъ мучениковъ, которые впоследствии были созжены въ Фаравохитрѣ, и сей послѣдній нередко посѣщалъ его. Андриантсіамба воспользовался однажды

случаемъ поговорить съ молодою дѣвушкою о Спасителѣ и спасеніи души. Эта бесѣда, по словамъ королевы, была первымъ побужденіемъ ознакомиться нѣсколько съ Евангеліемъ. Первый министръ разсказалъ въ свою очередь, что, находясь во мракѣ язычества, онъ получилъ однажды отъ одного изъ послѣднихъ мучениковъ, Разафанарина, экземпляръ св. Библии, и обыкновенно скрывалъ его въ дворцѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ королева хранила свои государственныя бумаги. Пути Божіи непостижимы, и мы съ радостію пожинаемъ теперь плоды отъ сѣмянъ посѣянныхъ нѣкогда со слезами.

Этотъ великій, могущественный переворотъ совершился безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній. При немъ не было ни вооруженной силы, ни коварства, ни казней, ни личнаго вліянія. Вліяніе было свыше, чисто божественное. Память о Разаламѣ, скончавшейся мученическою смертію за Христа, примѣры благочестивой жизни новообращенныхъ христіанъ Мадагаскара, открытая Библия, ревностный проповѣдникъ, сила Св. Духа, религіозная свобода, вотъ что произвело оный. Вся честь принадлежитъ Лондонскому миссіонерскому обществу, неутомимому и ревностному въ дѣлѣ обращенія язычниковъ! *).

(Взято изъ журнала: Penny magazine. July. 1869 г.).

*) Число новообращенныхъ христіанъ на о. Мадагаскарѣ простирается до 37,000 человекъ.

Взгляд православнаго англичанина проф. Николая Дамалоса на произведеніе православной восточной Богословской литературы.

Предлагая вниманію читателей—означенный библиографическій очеркъ православнаго англичанина, считаемъ не лишнимъ по поводу оваго сказать нѣсколько словъ. Между западными представителями православной восточной церкви—трое изъ вполнѣ компетентныхъ лицъ въ Англии, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ Америки, издають журналы въ духѣ строгаго православія. Д-ръ Овербекъ—въ Англии уже пѣсколько лѣтъ издаетъ *The Orthodox Catholic Review*, — священникъ о. Гэтте—во Франціи съ давнихъ поръ издаетъ извѣстный своими достоинствами большинству любителей духовнаго чтенія журналъ *L'Union Chrétienne*, и недавно проф. свящ. Бьерингомъ началъ издаваться въ Нью-Йоркѣ журналъ подъ заглавіемъ *Oriental — Chureh — Magazine*. — Всѣ эти изданія предприняты усердными приверженцами православія съ благою цѣлію—знакомить инославныхъ своихъ соотечественниковъ съ святою истинною православія, въ упованіи, что непреодолимая сила, заключающаяся въ православіи побудитъ ихъ, оставивъ мутные кладези инославія, обратиться къ источнику воды живой, близъ котораго сами они обрѣли удовлетвореніе своей духовной жажды. Вотъ почему для насъ, православныхъ, живущихъ въ православной Россіи, и даже въ самомъ центрѣ православія, интересно слѣдить за программю, ходомъ, и духомъ ихъ издательской дѣятельности, и именво въ интересахъ самаго православія въ инославномъ западѣ не только слѣдить, но и помочь имъ тѣмъ или другимъ образомъ, если бы оказалась для нихъ въ томъ необходимость. Въ виду означенныхъ соображеній—мы помѣщаемъ на страницахъ нашего сборника библиографическій очеркъ современной православной богословской литературы д-ра Овербека.

N.

Православная богословская литература.

Два посланія св. Климента папы Римскаго къ Коринтянамъ, — изданная Филовеомъ Брениемъ, митрополитомъ Серры и пр. *).

Это новое и исправленное изданіе посланій св. Климента къ Коринтянамъ, и, что особенно замѣчательно, съ полнымъ текстомъ втораго посланія, составленнымъ по рукописи Фаварской библиотеки въ Константинополѣ. Авторъ книги митрополитъ Серрскій, хорошо знакомый съ западными языками, получилъ

*) The two Epistles of S. Clement, Bishop of Rome, to the Corinthians, By Philotheos Bryennios 1875.

образование въ Германіи и имѣлъ возможность воспользоваться многочисленными изданіями и толкованіями на посланія св. Климента, и, дѣйствительно, воспользовался всѣми этими пособіями, какъ то видно изъ многочисленныхъ и ученыхъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ означенной книгѣ. Трудолюбивый издатель, хотя и воспроизводитъ только текстъ Константинопольской рукописи, но онъ, впрочемъ, тщательно свѣрилъ оный съ рукописями Александрійскою и Іерусалимскою, означилъ ихъ различныя чтенія въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, и присоединилъ полный указатель разностей и пропусковъ въ Александрійской рукописи. Книга заканчивается полнымъ алфавитнымъ указателемъ именъ и названій и *факсимиле* Константинопольской рукописи. Внѣшность изданной книги, какъ-то печать и бумага, безукоризненна, и цѣна (12 франковъ) сравнительно не дорога.

Естественно наше любопытство останавливается на второмъ посланіи, на восьми послѣднихъ, доселѣ неизвѣстныхъ, главахъ онаго, — и на мнѣніи издателя объ авторѣ оныхъ.

Еще не открывая книги, мы можемъ предполагать, что издатель, какъ человѣкъ, вашедшій давно потерянное свое дитя, станетъ на сторону тѣхъ, которые приписываютъ оное св. Клименту, и стараются доказать подлинное происхожденіе онаго. Къ сожалѣнію, на это нельзя дать положительнаго и неоспоримаго отвѣта, потому что дѣло основывается главнымъ образомъ, если не исключительно, на внѣшнихъ и случайныхъ доказательствахъ, недостовѣрность которыхъ очевидна сама собою. Поэтому мы должны нѣсколько воротиться назадъ, и остановиться на критическихъ началахъ.

Сужденіе извѣстнѣйшихъ, равно какъ новѣйшихъ критиковъ, состоитъ въ томъ, что второе посланіе св. Климента къ Коринтянамъ есть *подложное*, или, по крайней мѣрѣ, *псевдэпиграфъ*. — Издатель-же думаетъ, что второе посланіе, въ дѣйствительности, составляетъ подлинное произведеніе св. Климента, но что оно *не было написано къ Коринтянамъ*. — Оно, по его предположеніямъ, явилось въ Коринѣ, уже по прошествіи долгаго времени, и сохранившись тамъ вмѣстѣ съ подлиннымъ посланіемъ св. Климента, постепенно было признаваемо за второе посланіе къ Коринтянамъ. Такимъ образомъ издатель старается, какъ бы то ни было, доказать принадлежность онаго св. Клименту, — въ чемъ

онъ и опирается на Галланди (in Prolegomenis), Котелье, Селье, г. Люмпера (том. I стр. 22, 30) и пр. Но должно замѣтить, что и возраженія противниковъ не менѣ сильны. Фотій, столь остроумный и дальновзоркій критикъ, не опустил изъ виду означенное мнѣніе — и вооружился противъ онаго, вмѣстѣ съ новѣйшими критиками. Мёлеръ (Patrologie p. 65 и seq.), Фесслеръ (Institutiones Patrologiae, tom. I p. 163 seq.), Риттеръ (Handbuch der Kirchengeschichte tom. I p. 113), Курцъ (Handbuch der allgemeinen Kirchengeschichte tom. I p. 289), Ашоръ (Grundriss der Patrologie, p. 25), О. Гете (histoire de l'Eglise, tom. I p. 373), Гёфеле (Kirchen Lexicon von Wetger und Welt, tom. II p. 585), и вмѣстѣ съ ними длинный рядъ лучшихъ авторитетовъ въ богословской и критической сферѣ, отрицаютъ принадлежность означеннаго посланія св. Клименту. И дѣйствительно посланіе Діонисія Коринѳскаго къ папѣ Сотеру очевидно указываетъ на то, что Коринѳянамъ во второмъ столѣтіи было извѣстно только первое посланіе. Діонисій такъ пишетъ къ Сотеру (Eusebius, Ecclesiast. History, c. w p. 23):—„Прочитавъ это (т. е. ваше посланіе), мы постоянно будемъ держать въ умѣ ваши совѣты и увѣщанія, какъ бы оныя заимствованы были изъ прежде дошедшаго до насъ посланія св. Климента⁴. Теперь, если бы Коринѳянамъ было извѣстно второе посланіе Климента, хотя бы оно не было даже написано къ нимъ, то не естественно ли, что означенное посланіе и цѣнилось бы весьма высоко, и заслуживало бы справедливаго упоминанія въ случаѣ, подобномъ настоящему? Отсюда Вохеръ и Хилгенфельдъ выводятъ слѣдующее остроумное заключеніе, что второе посланіе къ Коринѳянамъ могло быть написано не Климентомъ, но самимъ Сотеромъ; но, въ такомъ случаѣ, документъ носилъ бы на себѣ слѣды личнаго или индивидуальнаго характера, которымъ обыкновенно бывають проникнуты всѣ посланія къ какой либо частной церкви или обществу. Но разсматриваемое нами посланіе, будучи очевидно не болѣе какъ простою бесѣдою, едва ли назначалось въ видѣ посланія для какой другой церкви. Допустимъ, что эта бесѣда въ самомъ дѣлѣ была произведеніемъ св. Климента; но въ такомъ случаѣ мы, по всей вѣроятности, знали бы о ней гораздо болѣе; потому что апостольскіе отцы такъ высоко уважались, что даже были собираемы малѣйшіе отрывки изъ ихъ твореній и если ихъ творенія иногда (injuria tem.

рогум) затеривались, то все таки названія оныхъ были упоминаемы въ исторіи. Отчего же мы ничего не слышимъ объ этомъ посланіи до самаго четвертаго вѣка? Не вѣроятно ли послѣ того предположеніе, что мы ничего не слышимъ о немъ вслѣдствіе его несуществованія? Сверхъ того мы знаемъ изъ сочиненій Анастасія Антиохійскаго, что подъ именемъ Климента являлись и были въ ходу подложныя бесѣды. Гагманъ (Tubingen Quartalschrift. 1861, p. 509—531), указывая на связь между вторымъ посланиемъ и „Пастыремъ“ Ермы, и между Пастыремъ (ef. Visio ii. cap. 4) и Климентомъ, выводитъ заключеніе, что второе посланіе есть окружное посланіе, приложенное къ „Пастырю“ Ермы, такъ какъ въ Visio ii. 4 мы читаемъ; „Климентъ разошлетъ оное (т. е. соч. Пастырь) по отдаленнымъ городамъ, потому что это надлежитъ ему“. — Подобное заключеніе тонко и остроумно, но оно совершенно чуждо положительной исторической основы. Доказательство противъ подлинности втораго посланія, приводимое на основаніи слога и выраженій—не совсѣмъ состоятельно, и представляется субъективнымъ. — Если Фесслеръ говоритъ: *Styli dissimilitudo notabilis in ea deprehenditur*, то мы должны сказать въ свою очередь, что находимъ слогъ въ обѣихъ посланіяхъ одинаково ровнымъ и простымъ.

Мы признательны митрополиту Вріеннію за его цѣнное приношеніе въ патристическую сокровищницу, и желаемъ только, что бы онъ не былъ отвлекаемъ настоящими епископскими обязанностями отъ продолжаемой имъ литературной дѣятельности. Сколько драгоценныхъ сокровищъ, можетъ быть, доселѣ скрыто въ Фанарской бібліотекѣ, въ тайникахъ Аѳонской горы, и въ богатыхъ, но не доступныхъ, книгохранилищахъ православнаго Востока! Намъ нужны люди, которые знали бы, гдѣ искать подобныя сокровища, люди—умные и терпѣливые для того, что бы тщательно пересмотрѣть всѣ эти бібліотеки и обогатить міръ чрезъ ихъ *Sprolia opima*. Такимъ ученымъ былъ, на примѣръ, нашъ многооплакиваемый покойный другъ, архим. д-ръ Андроникъ Деметропулъ, посѣтившій почти всѣ замѣчательнѣйшія книгохранилища въ Европѣ. и издавшій многія рукописныя творенія! Заклучимъ нашимъ старымъ желаніемъ, чтобы былъ отысканъ полный манускриптъ Сиропулоса: *Исторія Флорентійскаго собора*, такъ какъ изданіе Крейтона неполно и не совсѣмъ удовлетворительно.

*Речь объ отличительномъ характерѣ и мисіи греческой церкви. Произнесена 26 ноября 1878 года, въ національномъ университетѣ ординарнымъ проф. Богословія, Николаемъ Дамаласомъ, при его вступленіи въ должность ректора на 1878—79 академическій годъ *).*

Сочиненія профессора Дамаласа занимаютъ видное мѣсто въ ряду произведеній православныхъ богослововъ. Въ первомъ томѣ—англійскаго журнала *The Orthodox Catholic Review*, издаваемого въ Англіи Д. Овербекомъ, (стр. 281—284) были разобраны двѣ интересныя его книги: 1) *О научныхъ и церковныхъ началахъ православною Богословія* Лейпцигъ, 1865 г.; 2) *Объ отношеніи англиканской церкви къ православной*. Лондонъ, 1867 г. Последняя брошюра была переведена Д. Овербекомъ, и помѣщена во II, III и IV томахъ его журнала. Профессоръ Дамаласъ получилъ образованіе въ германскихъ университетахъ, и проникнулся тѣмъ духомъ глубокаго изслѣдованія и умозрительной цѣльности, которымъ вообще отличается Германія. Дѣйствительно, нѣкоторыя части настоящей рѣчи читаются какъ превосходное нѣмецкое сочиненіе. Глубокія мысли и ихъ систематическое развитіе, здравыя, богословскія начала, теплота убѣжденія, и ревностное усердіе сообщить истину другимъ, сколько поражаютъ, столько-же вмѣстѣ и увлекаютъ насъ. Въ сущности, мы не можемъ лучше охарактеризовать геній Дамаласа и его твореній, какъ назвавши оный воплощеніемъ генія Эрнста Курція и А. С. Хомякова. Онъ никогда не останавливается на поверхности предмета, о которомъ разсуждаетъ, но всегда нисходитъ въ самую глубину, и выносить оттуда чистое золото и драгоценныя камни. Наука и религія, обоюдная поддержка оныхъ и помощь, суть нераздѣльные спутники всякаго знанія, имѣющаго цѣну. Національность и патріотизмъ не отчуждены отъ религіи, но, напротивъ, тѣсно соединяются съ нею. - Настоящее чтеніе, выходя изъ того факта, что въ то время, когда явилось христіанство на землѣ, передовыми державами въ мірѣ были двѣ національности, греки и римляне, указываетъ на то, что христіанство, водворив-

*) Discourse on the Distinctive Character and Mission of the Greek Church. Athens 1878 года.

шисъ среди нихъ, должно было принять во вниманіе ихъ различныя національныя характеристическія черты, и не могло не повліять, на нихъ болѣе или менѣе. Теперь, отличительною чертою грековъ, какъ то мы знаемъ съ незапамятныхъ временъ, было *ихъ стремленіе къ истинѣ*, — чѣмъ и объясняется ихъ любовь къ философіи, знанію и, вообще, *теоретическимъ* занятіямъ. Римляне, напротивъ, были народомъ *практическимъ*. Они искали болѣе фактовъ, чѣмъ идей. Если грекъ желалъ быть мудрымъ, то римлянинъ стремился быть сильнымъ. Девизомъ грековъ было: — *истина*, девизомъ римлянъ: — *сила*. Греки завѣщали потомству *философію*, римляне *законовъденіе*, доселѣ еще не утратившее своего значенія. Римляне побѣдили грековъ *физически*, греки побѣдили римлянъ *умственно*, а христіанство покорило тѣхъ и другихъ *духовно*, повергнувъ ихъ къ подножію св. Креста и Евангелія. И вотъ, въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ христіанскій Востокъ и Западъ дружно трудились въ Господнемъ Вертоградѣ, каждый по мѣрѣ данныхъ ему талантовъ, — Востокъ, вообще, — въ охраненіи истины, Западъ — въ защитѣ оной отъ различныхъ ересей и расколовъ. Великіе и святые отцы Востока и Запада, любя взаимно другъ друга, какъ братья, вели безопасно корабль церкви по бурнымъ волнамъ споровъ и разногласій, и соединились вмѣстѣ въ самомъ сердечномъ содѣйствіи къ одной общей великой цѣли. Впрочемъ опасности предстояли съ той и другой стороны. Философское направленіе умственной дѣятельности грековъ влекло къ утонченнѣйшимъ спорамъ, которые, къ счастью, балансировались и смягчались болѣе трезвымъ и практическимъ взглядомъ римлянъ. Но большая опасность грозила со стороны Рима. — Римъ неудержимо стремился къ владычеству надъ всею міромъ. — Такимъ онъ сдѣлался, и такимъ рѣшился остаться. Христіанство не вмѣшивается въ политику, но искренно признаетъ совершившіеся политическіе факты. Посему, естественно, что церковь признала первенство римской кафедры, именно въ силу того, что Римъ былъ столицею міра и, слѣдовательно, важнѣйшимъ городомъ христіанства, резиденціею императорскаго правительстия, и центромъ для посѣщенія милліоновъ и милліоновъ христіанъ изъ всехъ частей свѣта. Римъ не замедлил извлечь для себя пользу изъ сего почетнаго титула, и не только предъявилъ притязаніе на высшія привилегіи на Западѣ, но ста-

рался распространить оныя на самый Востокъ. — Халкидонскій Вселенскій соборъ, 28-мъ правиломъ, противодѣйствовалъ симъ притязаніямъ, но Римъ продолжалъ усиловать свое вліяніе, пока не прервался союзъ единства, и Западъ съ смѣлымъ самодовольствомъ не отдѣлился отъ Востока съ тѣмъ, чтобы удобнѣе преслѣдовать своя цѣли. Однимъ изъ первыхъ радикальныхъ нововведеній было опредѣленіе четвертаго латеранскаго собора, объявляющее римское первенство *Божественнымъ учрежденіемъ*, а не просто *церковнымъ установленіемъ*. Такимъ образомъ папское первенство сдѣлалось догматомъ, и римская церковь, вслѣдствіе того, еретическимъ обществомъ, отдѣлившимся отъ общенія съ истинною католическою церковію. Римляне доселѣ еще ошибочно называются католиками, но они составляютъ только секту, подобно прочимъ, возникшимъ отъ нихъ протестантскимъ сектамъ. Оставивъ однажды апостольское преданіе, — Римъ не видѣлъ конца своимъ нововведеніямъ. Не только каждое изъ семи таинствъ было обезображено нововведеніями (какъ это ясно видно изъ нашей брошюры, подъ заглавіемъ *Libellus Invitatorius*, изданной въ Галлѣ въ 1871 г.), но были введены индульгенціи, незаконныя разрѣшенія и т. п., и папское первенство не только развилось въ абсолютное главенство, но и самый папа былъ признанъ непогрѣшимымъ, епископы были сведены на степень простыхъ папскихъ делегатовъ, а соборы сдѣлались съ того времени чѣмъ-то въ родѣ театральныхъ представленій. Такимъ образомъ усиленіе власти Рима превратилось въ самый необузданный *деспотизмъ*, съ его неизбѣжными спутниками, *ложью и безнравственностію*. — Три фурии, дщери ночи и ахерона, помогаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдуютъ романизмъ. Это—деспотизмъ, сосредоточившій всякую власть въ рукахъ одного человѣка, и изобрѣтшій инквизицію, воспламенявшій религиозныя войны и сожигавшій чародѣевъ и еретиковъ; это—ложь, шедшая на переکورъ апостольскому преданію, вымышлявшая новые догматы, изобрѣтшая псевдо-исидорскіе декретаріи, переправлявшая злонамѣренно творенія отцевъ церкви, — и издававшая подложныя; это—безнравственность, изобрѣтшая пробабиллизмъ, *restrictio mentalis*, обязательное безбрачіе духовенства. Эти-то деспотизмъ, ложь и безнравственность, слились въ одно чудовище, называемое *иезуитизмомъ*, который былъ и есть олицетвореніемъ папства. Этому молоху подчинены и по-

рабощень даже самъ папа. Іезуиты измышляютъ, и бѣдный папа долженъ повиноваться. Православная церковь сохранила *истину*, полученную ею отъ церкви нераздѣльнаго христіанства, и такъ какъ истина „*свободитъ ны*“, то она сохранила *свободу*. и, какъ необходимое слѣдствіе оной, чистую *правдивость*. Никто никогда не покушался обвинить православную церковь въ вѣроучительныхъ нововведеніяхъ. Она никогда не вступала на политическую почву, никогда не посягала на личную свободу, и не вмѣшивалась въ дѣла личной совѣсти. Посему, такъ какъ она въ настоящее время есть единая, истинная церковь Христова, то пребудетъ церковію будущаго, — церковію, къ которой должны будутъ присоединиться всѣ истинные христіане. *Возсоединеніе христіанства* — означаетъ не болѣе, какъ *возвращеніе къ православію*; и всякій кто думаетъ о другомъ какомъ родѣ возсоединенія, — гоняется за тѣнью. Все то, что англикане и старокатолическіе реуніонисты вздумали осуществить независимо и своими собственными усиліями, — въ дѣйствительности, не осуществимо, такъ какъ *единеніе возможно чрезъ соединеніе съ истинною церковію*. Въ качествѣ членовъ истинной церкви, мы, не смотря на то, можемъ удержать за собою нашу *западную обрядность*. Восточные не желаютъ *полюбить* насъ западныхъ, но только *возстановить* наше православіе. Это — главная миссія православной церкви по отношенію къ западу, и мы увѣрены, что *et Oriente lux!*

*Герменевтика Новаго Завета, составленная Ник. Дамаласомъ. Томъ I. Введеніе въ герменевтику *)*.

Греческіе студенты богословія должны особенно благодарить профессора Дамаласа за его неутомимые труды — къ ознакомленію ихъ съ континентальнымъ прогрессомъ научныхъ изслѣдованій, и собраніе — добрыхъ плодовъ на пользу православія. Это отнюдь не легкая работа критически провѣрить цѣлую груду противорѣчивыхъ показаній, доказательствъ, отрицаній, заключеній и предположеній, — пройти чрезъ всѣ извилины протестантскаго сомнѣнія, скептицизма и невѣрія; взвѣсить равномѣрныя доказательства, уничтожить историческіе вымыслы, разсѣять тьму лжи

*) Hermeneutios of the New Testament By Damalas. Athens. 1876.

и обмана, опредѣлить вѣкъ и характеръ рукописей,—однимъ словомъ, такъ проложить себѣ путь чрезъ малѣйшія подробности, чтобы не опустить изъ виду особенно выдающихся очертаній и сторонъ предмета, такъ распредѣлить и расположить по классамъ, чтобы не затемнять и запутывать, но прояснить и упрощать всю систему. Тотъ долженъ быть далеко не дюжевнымъ писателемъ, который, вошедши въ лабиринтъ съ извилистыми и запутанными ходами, не теряетъ своей дальнозоркости, но умѣетъ благополучно перейти оныя, и выпутаться изъ этого либиринта.— Впрочемъ профессоръ Дамаласъ имѣетъ то преимущество передъ своими континентальными предшественниками, что онъ владѣетъ ариадниною нитью, которая помогаетъ ему благополучно выходить изъ этого лабиринта, т. е.—онъ имѣетъ въ своихъ рукахъ нити православія; а это такая путеводная звѣзда, которая никого и никогда обмануть не можетъ.

Конечно читатель не вправѣ ожидать отъ насъ, въ виду незначительнаго объема нашей замѣтки, что мы представимъ ему подробный критическій обзоръ книги; потому было бы неблагодарно ограничиться выборомъ нѣкоторыхъ ошибокъ и указаніемъ на нѣкоторые недосмотры автора, съ тѣмъ, чтобы повліять на читателя. Напротивъ того, мы выражаемъ свое удовольствіе, и воздаемъ должную дань справедливости успѣшной попыткѣ автора, и усиленно рекомендуемъ самому читателю прочитать всю книгу и самому оцѣнить оную.

Первый томъ содержитъ въ себѣ введеніе въ Герменевтику Новаго Завѣта. Авторъ начинается опредѣленіемъ предмета:—„Въ каждомъ сочиненіи, или книгѣ, говоритъ онъ, мы находимъ представленіе идей и фактовъ. Если онѣ заслуживаютъ разсмотрѣнія и изученія, то мы, для правильнаго изясненія и пониманія оныхъ, должны знать исторію происхожденія означеннаго сочиненія или книги, т. е. не только характера лица—писателя, отъ котораго исходятъ эти идеи и факты, но и обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ, потому что обстоятельства не только имѣютъ вліяніе на авторскую дѣятельность, но и разъясняютъ многія части въ содержаніи его произведеній, которыя въ противномъ случаѣ, не могли бы быть правильно поняты; потому что личность писателя очевидно находится въ непосредственномъ отношеніи къ произведеніямъ его ума, а обстоятельства, побудившія его писать, цѣль—

для которой онъ писалъ, время и мѣсто, въ которыхъ написана книга,—все это находится въ прямомъ отношеніи къ качеству книги, которую мы желаемъ разобрать и изучить. Потому-то знакомство съ жизнью писателя,—указаніе тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ находился писатель книги, и которыя имѣли большее или меньшее вліяніе на сочиненіе оной, составляютъ содержаніе отдѣльной науки, обнимающей собою всю суть историческихъ изслѣдованій, необходимыхъ для уразумѣнія книги, изложенной въ систематическомъ порядкѣ; и такъ какъ оная руководитъ читателя къ правильному изъясненію и пониманію самой книги, то и называется *Введеніемъ* (Εἰσαγωγή) къ разъясненію или уразумѣнію оной, или просто введеніемъ въ эту книгу⁴.—Если мы будемъ разсматривать при такихъ условіяхъ каждую книгу Новаго Завета, то намъ легко будетъ всесторонне ознакомиться съ содержаніемъ оной, съ истинной идеею того, что составляетъ геній и духъ Новаго Завета. Означенное изслѣдованіе составляетъ первую часть тома, и естественно дѣлится на три отдѣла (Евангелія, Дѣянія и Посланія, и Откровеніе). Каждая книга Новаго Завета разсматривается слѣдующимъ образомъ: сначала удостовѣряется личность автора, и предлагается его біографія, затѣмъ предлагаются доказательства подлинности книги; и наконецъ, свѣдѣнія о томъ: *почему, для чего и идѣ*, была написана оная. Въ особомъ параграфѣ авторъ разсуждаетъ о взаимномъ соотношеніи трехъ первыхъ (Synoptical) евангелій, и еще въ другомъ объ—отношеніи четвертаго евангелія къ тремъ первымъ. Первый отдѣлъ заключается замѣчаніемъ объ апокрифическихъ и неканоническихъ евангеліяхъ. Второй отдѣлъ раздѣляется на двѣ главы: 1) о Дѣяніяхъ апостольскихъ; 2) о Посланіяхъ. Послѣдній снова подраздѣляется на два отдѣла: (1) о Посланіяхъ св. апостола Павла со включеніемъ его посланія къ Евреямъ; (2) о семи соборныхъ посланіяхъ.

Третій отдѣлъ содержитъ въ себѣ только замѣчанія о писателѣ Откровенія, объ обстоятельствахъ написанія.

Вторая часть тома сообщаетъ въ отдѣльномъ параграфѣ исторію Канона, т. е. время—когда и какимъ образомъ были собираемы книги Новаго Завета.

Третья часть передаетъ исторію сохраненія священныхъ книгъ въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ. Она разбираетъ 1. Оригинальный текстъ и измѣненія, явившіяся въ ономъ съ теченіемъ

времени; 2. Копіи оригинальнаго текста, или кодексы Новаго Заветѣ, и чтенія онаго въ отеческихъ писаніяхъ; 3. Древніе переводы, сдѣланные съ оригинальнаго текста; 4. Печатныя изданія и критическій характеръ оныхъ.

Просматривая книгу, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ. Стр. 15, Ричардъ Симонъ не былъ доминиканскимъ монахомъ, но только священникомъ конгрегаціи ораторіи, основанной Филиппомъ Нери въ 1556 году, введенной во Францію кардиналомъ Петромъ де Беруль, и въ 1847 г. въ Англію извѣстнымъ, въ настоящее время кардиналомъ, Д. Г. Ньюманомъ. Члены оной не даютъ монашескихъ обѣтовъ — На стр. 2-й авторомъ *рекомендуется*: *Introductio in Sacram Scripturam* (Maintz, 1765—68) Голд-Гагена; на стр. 26-й: *Einleitung in die Bücher des Neues Bundes* — Фильмозера (Тюбингенъ 1830). На страницѣ же 3-й признается *полезнѣйшимъ руководствомъ къ введенію въ Ветхозаветныя книги* руководство старокатолическаго профессора Лангена, въ Боннѣ. — На стр. 77-й встрѣчается опечатка § 5 вмѣсто § 6. — На стр. 666 и слѣдующихъ мы можемъ прибавить: сочиненіе Ридлея—*De Syriacae et Povi Foederis versionum indole atque usu* д-ра Михелеса.—*Curae in versionem Syriacam*, и особенно — Вихельхауза. *De N. T. versione Syriaca antiqua*.

Что касается *Сирійскаго Пешито*, то о. Дамаласъ забылъ затронуть вопросъ, составляетъ ли оное трудъ одного или нѣсколькихъ переводчиковъ. Важнѣйшіе критическіе авторитеты признаютъ одного. Евфраимъ Сирусъ—несостоятеленъ, онъ то признаетъ одного, то нѣсколькихъ. Впрочемъ, можемъ замѣтить мы съ своей стороны относительно этого противорѣчія, что онъ находился подъ вліяніемъ народнаго преданія, которое приписывало переводъ Сиріанамъ, присланнымъ царемъ Авгаремъ въ Палестину съ означенною нарочною цѣлію.—О. Дамаласъ не сообщаетъ свѣдѣній о *Каркуфланскомъ* переводѣ (или лучше о монофизитскомъ разборѣ Пешито), о которомъ упоминаетъ Ваг Невгаеус. Относительно этого, и прочихъ подобныхъ вопросовъ, мы можемъ указать на классическое сочиненіе кардинала Вайсмана подъ названіемъ: *Notae Syriacae*.

*Разборъ семи Вселенскихъ соборовъ съ традиціонной и либеральной точки зрѣнія—д-ра, С. Мишо *).*

Хотя профессоръ Мишо еще и не формальный членъ православной церкви, но мы не колеблемся помѣстить означенную книгу въ ряду съ положительно православными твореніями. Когда мы читали рѣчь д-ра Мишо на Кельнскомъ старо-католичесскомъ конгрессѣ, — то удивлялись его неутомимой заботливости о воссоединеніи между старо-католиками и православною церковію, — но въ тоже самое время и сожалѣли объ очевидныхъ признакахъ нерасположенія къ тому со стороны старо католиковъ. — Теперь старо-католицизмъ колеблется, вслѣдствіе сближенія съ протестантскимъ англианизмомъ, и намъ кажется, что всякая надежда на воссоединеніе съ православіемъ пропала безвозвратно.

Не смотря на то д-ръ Мишо не отступаетъ отъ своихъ оригинальныхъ взглядовъ, и, съ истинно трагическимъ терпѣніемъ и покорностію, неутомимо старается провести свою идею въ швейцарско-старо-католическія церкви, или какъ они сами называютъ себя «Christkatholische Kirche» на сколько онъ успѣлъ въ этомъ—мы не знаемъ. — Но все сказанное его епископомъ Герцогомъ на Фарнгамской конференціи англиканскихъ епископовъ, мнѣніе означеннаго епископа о декретахъ Панангликанскаго собора, или ламбетской конференціи, и сношенія съ о. Гиацинтомъ всѣ эти слова и факты далеко не согласуются съ убѣжденіемъ д-ра Мишо. Они должны были задѣть его за живое, и—оставили ему мало надежды къ достиженію его цѣли. Его мнѣнія о Бонскихъ конференціяхъ были предложены синодальному собранію 1876 года; они состояли въ слѣдующемъ, что семь Вселенскихъ соборовъ, символы вѣры, дисциплина и литургія нераздѣльной церкви, должны быть признаваемы именно съ тою цѣлію, чтобы водворилось ясное взаимно-доразумѣніе между самими старо-католиками.

Такимъ образомъ онъ обращаетъ свои взоры къ православію, отъ котораго ждетъ помощи, и посвящаетъ свое твореніе *„Святой восточной церкви, которая, въ теченіе 11-ти вѣковъ, мужественно*

*) Discussion sur le Sept. Conciles Occuméniques, études au point de vue traditionnelle et liceval. Par le D. Micland Bevne. 1878.

борется съ папствомъ и папизмомъ, сохраняя въ чистотѣ преданія христіанскія, уваженіе къ благовѣрнью и братству.“ За симъ онъ подписывается: *западный католикъ—христіанинъ*; мы надѣемся, что онъ въ скоромъ времени будетъ подписываться такъ: *восточный православный католикъ*.

Настоящее сочиненіе составляетъ зрѣлый плодъ трудолюбивыхъ изслѣдованій, долговременныхъ занятій, и основательно—научнаго размышленія. Систематическій порядокъ облегчаетъ чтеніе означеннаго творенія, а постоянное указаніе на источники даетъ возможность читателю провѣрить факты. Въ послѣднемъ отношеніи—сочиненія Деллингера, къ сожалѣнію, теряютъ очень много. Можно надѣяться, что читатель будетъ довѣрять авторитету и основательнымъ свѣдѣніямъ, искренности, и способностямъ писателя, но при всемъ томъ, какъ бы ни былъ образованъ и опытенъ писатель, онъ все-таки остается человѣкомъ, подверженнымъ погрѣшностямъ и заблужденіямъ. Говоря строго—дѣло въ томъ, что нѣтъ совершенно безпристрастнаго и избавленнаго отъ предубѣжденій человѣка. Каждый смотритъ на дѣло своими собственными глазами, и потому желаетъ имѣть несомнѣнные доказательства, или, по крайней мѣрѣ, знать, гдѣ можно найти оныя, дабы имѣть возможность провѣрить заключенія писателя. Многочисленныя цитаты, конечно, могутъ казаться иногда не столько полезными, сколько благовидными, не столько вразумительными, сколько замысловатыми; но д-ръ Мишо благоразумно ограничивается строго необходимыми цитатами, языкъ простъ и ясенъ, слогъ благороденъ, доказательства убѣдительны. При второмъ изданіи, которое, вѣроятно, явится въ скоромъ времени, авторъ, надѣемся, постарается еще болѣе улучшить достоинство своей книги, прибавивъ къ ней таблицу цитованныхъ авторовъ и алфавитный указатель предметовъ, упоминаемыхъ въ означенной книгѣ. Это единственно можетъ сдѣлать ее настольною книгою.

Распредѣленіе по частямъ избраннаго предмета ясно и чѣтко. Послѣ введенія, въ которомъ говорится о томъ, что должно разумѣть подъ Вселенскими соборами, и почему ихъ только семь, авторъ излагаетъ планъ и порядокъ своей книги, при чемъ присовокупляетъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно Вселенскихъ соборовъ. За тѣмъ онъ разсуждаетъ въ семи главахъ о

семи соборахъ, при чемъ въ каждой главѣ находится: введеніе (общія замѣчанія, указывающія главнымъ образомъ на акты и документы собора); изслѣдованіе относительно *Вселенности*, созванія, состава и производства собора; указаніе на то, что соборъ былъ признанъ и утвержденъ Вселенскою церковію; доказательство на то, что на соборѣ не было никакихъ нововведеній но что онъ просто исторически изложилъ вселенское, постоянное и единоегласное ученіе частныхъ церквей; — указаніе на то, что соборъ былъ свободенъ, безукоризненъ и святъ, и на то, какимъ образомъ оный опровергаетъ папскія лжеученія.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы захотѣли сдѣлать подробный обзоръ книги; мы можемъ только сказать, что авторъ мастерски борется съ различными затрудненіями, представляемыми избраннымъ предметомъ. Онъ избѣгаетъ личностей, но тамъ, гдѣ видитъ врага, не уклоняется нанести ему заслуженное наказаніе, и наноситъ тяжелые удары, которые не легко можно забыть. Такимъ врагомъ представляется М. Мейрикъ *), не ради своего умственного значенія и силы (потому что его мелочные нападки на православіе могутъ возбуждать лишь состраданіе), но ради своихъ заносчивыхъ придирокъ. Д-ръ Мишо безжалостно изобличаетъ недостатокъ основательнаго знанія богословія въ своемъ противникѣ, который берется за дѣло, превышающее его разумѣніе. — Теперь, такъ вообще извѣстно, что изобличаемые и не могущіе защитить себя чѣмъ либо дѣйствительнымъ, дѣлаются злѣе и нападчивѣе, то и д-ръ Мейрикъ, вмѣсто того, чтобы спокойно проглотить вполне заслуженную имъ пилюлю, сердится и бранитъ д-ра Мишо, иди скорѣе триумвирать, столь имъ ненавидимый. т. е. д-ра Мишо, д-ра Гетте и д-ра Овербека. Читатель можетъ обратиться къ 8 № журнала Англо-континентальнаго общества «Foreign church chronicle», чтобы видѣть подтвержденіе нашихъ словъ. Мы не имѣемъ времени—читать пустыя изліянія М. Мейрика, и такимъ образомъ — остались бы въ счастливомъ невѣдѣніи того, что онъ писалъ противъ насъ, если бы одинъ изъ друзей нашихъ (M. A. of offord **) не написалъ намъ слѣ-

*) Главный секретарь англо-континентальнаго общества.

**) Принявшій православіе, бывшій англійскій священникъ, Е. М. Гаррисонъ.

дующее:— „По прибытіи моемъ на Перерву, я нашелъ въ кельѣ моего друга три номера журнала: of the foreign church chronicle, въ одномъ изъ коихъ содержится нападеніе на васъ, о чемъ я уже и прежде слышалъ отъ моего друга, Н.,—но не имѣлъ случая прочесть доселѣ. Очень жаль, что вмѣсто голословной брани, они не стараются опровергнуть произведенія вашего, такъ называемаго ими, *пѣдаго* (bitter rep) *пера*. Какъ оказывается, о васъ враждебно упоминаютъ въ каждомъ изъ означенныхъ номеровъ этого протестанскаго журнала. Въ одномъ изъ нихъ выражается благочестивая надежда, что предполагаемый къ изданію М. Бьерингомъ въ Нью-Йоркѣ журналъ, подъ заглавіемъ: Oriental-Church Magazine будетъ издаваемъ съ лучшимъ направленіемъ, чѣмъ журналы Овербека и Мишо; а въ 8 номерѣ встрѣчается слѣдующій комплиментъ.... Нельзя сомнѣваться, что *пѣкое перо* д-ра Овербека, *усиливающаяся узкость воззрѣній* д-ра Гетте, и *насильственный тонъ* М. Мишо возбудили предубѣжденія противъ западныхъ представителей взглядовъ восточной церкви, и издатель предполагаемаго журнала долженъ ясно увидѣть, что журналъ долженъ быть издаваемъ съ лучшимъ направленіемъ, чѣмъ журналы д-ра Овербека, и проч. М. Бьерингъ издалъ первые номера своего журнала совершенно согласно съ указаніемъ М. Мейрика, т. е. безцвѣтными, безсодержательными, и строго разборчивыми въ томъ отношеніи, чтобы не разстроивать папистовъ, англиканъ и другихъ протестантовъ указаніями на то, что они ошибаются, должны оставить свои заблужденія и обратиться къ православной истинѣ. М. Бьерингъ конечно, не закрываетъ вратъ предъ лицомъ желающихъ присоединиться къ православной церкви, но онъ, кажется забываетъ, что добрый пастырь не довольствуется такимъ жалкимъ участіемъ, что онъ самъ идетъ за потерянную овцу, разыскиваетъ оную, и, нашедши, приноситъ оную на своихъ раменахъ домой. Если бы православіе было столь постыдно—безразличнымъ дѣломъ, что ограничивалось бы только *незакрытіемъ дверей предъ лицомъ всякаго желающаго принять оное*, то оно, очевидно, не было бы дѣломъ Христовымъ. Мы подробно разобрали этотъ вопросъ въ нашей статьѣ. Religions Controversy (р. 72—96). Мы не считаемъ ошибкою со стороны Бьеринга то, что онъ въ своемъ журналѣ не заявляетъ схоластическихъ или богословскихъ претензій — потому что должны же

быть журналы и для средняго класса,—но сердечно совѣтуемъ ему не внимать протестантскимъ совѣтамъ, несомнѣнно имѣющимъ цѣлю компрометировать дѣло православія. Несомнѣнно, что и въ Россіи найдутся также совѣтники, которые постараются убѣдить его—шестьствовать принятымъ имъ «безобиднымъ» путемъ (потому что индифферентисты встрѣчаются всюду): но мы живемъ въ такое время, которое требуетъ, чтобы каждый изъ насъ былъ *всцѣло человѣкомъ*, и избралъ себѣ *рѣшительное положеніе*. Мы не можемъ служить двумъ господамъ, т. е. *Духу Божію*, требующему отъ насъ распространенія царства истины, и *духу вѣки*, ненавидящему самую истину. Мы надѣемся и просимъ г. Бьеринга, воспользоваться нашими замѣчаніями и сдѣлать рѣшительный шагъ противъ *инословія*; тогда, и только тогда, мы будемъ сердечно сочувствовать ему.

Да извинитъ насъ читатель за это длинное, хотя и не лишнее нѣкоторой важности, отступленіе. Мы желаемъ сдѣлать только еще одно замѣчаніе на книгу Мишо. Мы думаемъ, что почитаніе св. мощей и св. иконъ есть *догматъ*, въ противномъ случаѣ отрицаніе онаго едва-ли могло бы быть наказываемо отлученіемъ отъ церкви. Мы надѣемся разяснить этотъ вопросъ въ другое время. Въ заключеніе же сердечно благодаримъ д-ра Мишо за то удовольствіе, которое мы испытали, читая, его книгу, и въ особенности за тотъ даръ, который онъ принесъ въ нашу церковь, своею превосходною, благовременно явившеюся, книгою.

*Нѣсколько словъ о брошюрѣ Невилля «Католическая церковь и свобода въроисповѣданій» генерала Киреева. *)*

Есть, по крайней мѣрѣ, одна общая черта свойственная англичанамъ и русскимъ, та именно, что они не стыдятся своей религіи. Въ той и другой странѣ нѣтъ ни одного класса въ обществѣ, какъ бы высоко онъ не былъ поставленъ, который побоялся бы унижить свое достоинство сочиненіями религіознаго содержанія. Россія видала князей, ищущихъ монастырскаго уединенія, и Англія, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ, увидитъ королевскаго принца, занимающимъ архіепископскую кафедру въ Контербери.

*) Quelques mots sur la brochure de Navilla и L'Eglise Catholique et la liberté des cultes. Par M. General A. Kiréeff.

На всемъ континентѣ вы едва ли найдете генерала, пишущаго о религіозныхъ вопросахъ, а если и найдете. то, конечно, онъ пишетъ анонимно. Въ Англіи и Россіи свободно пишутъ о томъ, во что вѣруютъ, и не боятся, что кто либо надъ ними станетъ насмѣхаться за то. Не въ первый разъ мы встрѣчаемъ генерала Киреева на ученомъ религіозномъ поприщѣ. Онъ написалъ нѣсколько религіознымъ брошюръ на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ (какъ напр. Взглядъ русскаго на старокатолическій конгрессъ: A Russian View on the Old Catholic Congress), и протоколовъ, въ качествѣ секретаря Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Настоящая брошюра разбираетъ статью М. Невилля, благонамѣреннаго и строго умѣреннаго протестанта, но, подобно множеству протестантовъ, примирительнаго направленія, живущимъ среди римскихъ католиковъ, имѣющаго склонность смягчать религіозныя разногласія, и оправдывать Римъ во многихъ, очень важныхъ отношеніяхъ. Г. Невиль старается доказать, что настоящій римскій католицизмъ совмѣстимъ съ свободою; что всякое преслѣдованіе, гдѣ бы оно ни случилось, вмѣняется единственно—государству, исключительно владѣющему матеріальною силою.

Бывшій профессоръ (такую должность занималъ Невиль) любить лучше оставаться съ закрытыми глазами, чѣмъ дѣлать очевидное различіе между посредственною и непосредственною силою, — послѣдняя изъ коихъ бываетъ иногда гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ первая. Въ средніе вѣка, когда государство было *правою рукою* церкви, церковь, естественно, была отвѣтственна за всѣ жестокости, мученія и казни, совершаемыя по приказанію оной. Но даже и тамъ, гдѣ церковь не требовала подобныхъ жестокостей противъ преступниковъ на религіозномъ основаніи, гдѣ одно государство совершало оныя, церковь все таки была отвѣтственною; потому что она могла бы предотвратить все это, сдерживая по временамъ свѣтскую власть. Когда Гееле старается оправдать Римъ отъ преступленій и ужасовъ испанской инквизиціи, на томъ основаніи, что она была государственнымъ учрежденіемъ, то онъ забываетъ, что Римъ былъ хотя пассивнымъ, но заинтересованнымъ зрителемъ, одно слово котораго могло бы остановить всѣ эти несказанныя мученія. Впрочемъ, что Римъ былъ завзятымъ сторонникомъ инквизиціи, это

видно из канонизации главы иквизиции, чудовища Арбуеса, сдѣланной Шемъ IX.

Идея Кавура о свободной церкви въ свободномъ государствѣ была пустою мечтою, потому что церковь и государство естественно обручены другъ другу на томъ основаніи, что неразрывный союзъ общихъ интересовъ не допускаетъ расторженія и разединенія между ними. Не связаны ли напр. онѣ взаимно постановленіями брака и воспитанія? и т. п. . . Г. Невиль основаніемъ аргументаціи своей брошюры ставитъ три папскіе документа, эциклику и силлабусъ 1864 года, и Ватиканскіе декреты 1870 года. Онъ допускаетъ, что означенные документа, разсматриваемые съ теоретической точки зрѣнія,—противорѣчатъ его идеѣ, но старается показать, что практическое ихъ истолкованіе, не только частными епископами, какъ напр.; Фесслеромъ, но и цѣлымъ епископатомъ Швейцаріи, совмѣстимо съ политической свободою. Генераль Кирѣвъ ясно и положительно доказываетъ, что г. Невиль не понимаетъ настоящаго значенія и цѣли либеральныхъ фразъ епископскихъ писаній, на которыя ссылается, и что онъ совершенно опускаетъ изъ виду эту іезуитскую ловушку, которая кроется подъ гладкою поверхностію. — Обыкновенная фраза на языкѣ этихъ писаній—есть слѣдующая: *ex cathedra*; эта фраза достаточно объясняемая тремя документами, на которые мы указали,—служитъ постояннымъ убѣжищемъ для боязливыхъ католиковъ, которые желаютъ остаться въ одно и тоже время либеральными и католическими, и которые, напуганные мнѣніями, высказанными папою въ означенныхъ документахъ, утверждаютъ, что онъ не говоритъ *ex cathedra*, и что, потому, его мнѣнія не обязательны для нихъ (стр. 10).

Есть одинъ документъ, который г. Невиль не принялъ во вниманіе, хотя онъ служитъ ключемъ и объясненіемъ къ прочимъ именно *Constitutio*, ограничивающую число папскихъ *casus reservati*. Подъ оный подведены всѣ житейскія обстоятельства, и генераль Кирѣвъ справедливо замѣчаетъ: какъ бы ни отбивался человекъ — его душа заключена въ оковахъ, а съ нею вся его жизнь; все предусмотрено, ни что не предоставлено случаю; страшные приговоры главы церкви преслѣдуютъ его даже въ самыхъ скрытыхъ изгибахъ совѣсти (стр. 15). Власть, безъ всякаго сомнѣнія, есть одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ устрой-

ствѣ Христовой церкви, но настоящая власть не можетъ быть безъ свободы, какъ ея законнаго дополненія. Мы коснулись означеннаго вопроса выше въ обзорѣ брошюры профессора Дамаласа: *объ отличительномъ характерѣ и миссиіи православной церкви*. Потому-то православная церковь старается убѣдить и обратить заблуждающихъ своихъ братій, но не сжигаетъ и не убиваетъ ихъ. Патріархъ Максимъ Константинопольскій говоритъ въ своемъ посланіи къ Джованни Моченего венеціанскому Дожу (1480): — „Законъ Господень не допускаетъ принужденій (*νόμος θεῶν τὸ ἀβίηστον*)“⁴. И Кириакъ Ламприлосъ (*Le Turban et lex Tiare*, Paris, 1865, ст. 11) говоритъ: восточная церковь никогда не пользовалась этимъ антихристіанскимъ началомъ (т. е. правомъ насилія въ вопросахъ вѣры). Она всегда, голосомъ своихъ іерарховъ и учителей, отвергала оное при всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ. Она торжественно осуждала оное, начиная съ собора, бывшаго въ святой Софїи для отверженія Флорентійской сдѣлки. Православная церковь всегда своимъ примѣромъ—доказывала, вопреки Римской церкви, что *она не алчетъ крови*. Теодоръ Студитъ былъ упорнымъ противникомъ уголовного наказанія для еретиковъ (*Hergengothérs Photius*, vol. i. p. 178, note 33); и когда императоръ Михаилъ I произнесъ смертный приговоръ противъ безнравственныхъ павликианъ, то общественное мнѣніе такъ сильно возстало противъ онаго, что оныя по необходимости должны были отмѣнить приговоръ. Православная церковь никогда не имѣла *инквизиціи*. Инквизиція была исключительно западнымъ учрежденіемъ, введеннымъ вскорѣ послѣ отдѣленія Рима отъ Востока, однимъ изъ первыхъ плодовъ, произросшемъ на древѣ нечестивой схизмы. Начало оной можно отнести къ 1184 году, когда папа Люцій III, на веронскомъ соборѣ, издалъ декретъ о введеніи оной (*Mohlérs Kirchengeschichte*, vol. ii. p. 649, note 1). Ея злодѣянія, несомнѣнно, громадны, и одинъ Богъ знаетъ сколько было совершено ею тайныхъ жестокостей, и скрытыхъ преступленій и убійствъ! Но что всего хуже—инквизиція есть естественный результатъ римской системы,—она есть ни что иное, какъ воплощенная и осуществленная римская мысль. Нѣтъ романизма безъ инквизиціи—дѣйствующей ли то открыто, или тайно. Нѣтъ православія съ инквизиціею, потому что та и другая исключаютъ себя взаимно по самому своему существу. Когда западное хри-

стванство возродится православіемъ, когда наша антисхизматическая западная православная католическая церковь сдѣлается живою дѣйствительностію, каковою она была въ то самое время, когда святые папы украшали римскую кафедру, и святые отцы и учителя церкви единодушно трудились съ своими восточными братьями въ дѣль просвѣщенія и украшенія церкви, тогда горчичное зерно быстро возрастетъ и сдѣлается великимъ древомъ,— и тогда-же сѣкира, лежащая при корени гнилаго древа романизма,—срубитъ оное,—и оно будетъ ввержено въ огонь.

Эклектицизмъ и Брамоизмъ.

Вечеръ въ Калькуттѣ. (Сочин. епископа Калькуттскаго).

Я выбралъ означенный предметъ изъ лѣтописей прошлаго времени, но намѣренъ рассмотреть его въ отношеніи къ настоящему. Одна изъ народныхъ пословицъ говоритъ: „Исторія есть философія, научающая примѣрами“ и, говоря собственно, она справедлива. Если факты какого-либо періода или событія изслѣдованы по возможности всецѣло, если они провѣрены по оригинальнымъ документамъ и подвергнуты критикѣ опытныхъ писателей; если они представлены безпристрастно, а побужденія дѣйствующихъ лицъ и результаты ихъ дѣятельности переданы безъ лицепрятія и вполнѣ, то исторія научаетъ насъ своими уроками, потому что тогда изъ ея примѣровъ можно дѣлать различные философическіе выводы.

Посему, если кто желаетъ оказать человѣчеству услугу, и благодѣаніе для своей страны; если кто хочетъ подвинуть впередъ общественное благо, тотъ не долженъ забывать уроковъ прошлаго. Они представятъ ему различныя полезныя предостереженія и ободрятъ его на жизненномъ пути. Они послужатъ для него какъ бы спасительнымъ маякомъ, во время его плаванія по бурному житейскому морю,—какъ бы морскою картою и компасомъ, которыя безопасно приближаютъ его къ гавани.

Предметъ настоящей статьи есть эклектицизмъ. Она будетъ заключать въ себѣ краткій обзоръ или скорѣе очеркъ эклектической школы, процвѣтавшей въ древности. Конечно, подобный

предметъ можетъ показаться нѣкоторымъ не столько занимательнымъ, сколько страннымъ, потому что, какъ они думаютъ, означенная школа не занимала важнаго, громкаго мѣста въ лѣтописяхъ міра; впрочемъ, этотъ предметъ все-таки интересенъ самъ по себѣ, и въ особенности получаетъ свой интересъ по его отношенію къ намъ, въ этотъ вѣкъ, и въ этой странѣ (т. е. въ Индіи).

Итакъ я попрошу васъ перенестись воображеніемъ въ тотъ періодъ Римской исторіи, когда возникла эклектическая школа; я поведу васъ въ мѣсто ея рожденія и процвѣтанія, такъ что вы можете постепенно слѣдить за ея исторіею отъ самой колыбели до могилы.

Представьте себѣ теперь, что мы плывемъ на римскомъ кораблѣ, въ царствованіе императора Адріана. Онъ самъ находится на борту корабля, который, императорски украшенный, несется по голубымъ волнамъ Средиземнаго моря. Императоръ Адріанъ находится теперь въ одномъ изъ своихъ путешествій, которыя безпрестанно предпринималъ по своимъ обширнымъ владѣніямъ. По словамъ историка, онъ *самый ревностный изслѣдователь рѣдкостей*, наблюдательный, внимательный, дѣятельный собиратель знаній, которымъ впрочемъ придаетъ очень немного значенія. Во многихъ отношеніяхъ тщеславный и поверхностный, большею частію непостоянный, онъ служитъ живымъ олицетвореніемъ своей странной виллы въ императорской столицѣ. Онъ готовый предметъ для изученія эклектицизма, потому что въ своемъ характерѣ носитъ явные слѣды этой школы. Въ Римѣ онъ оказываетъ глубокое благоговѣніе къ богамъ столицы; въ Аѳинахъ раздѣляетъ сарказмы надъ ними философамъ. Онъ попеременно осмѣиваетъ все религіи, тогда какъ утверждаетъ, что почитаетъ оныя одинаково.

Теперь онъ въ первый разъ ѣдетъ посѣтить знаменитый Египетъ, и приближается къ его столицѣ, знаменитой и многолюдной Александріи, второму городу Римской имперіи. Этотъ-то городъ мѣсторожденіе эклектицизма. Когда корабли, съ безчисленными гребцами, быстро плывутъ къ ней, на горизонтѣ первое бросается въ глаза — знаменитый бѣлый мраморный маякъ, одно изъ семи чудесъ Свѣта. Онъ устроенъ на верху большой скалы, составляющей извѣстную гавань Александріи.

Въ настоящее время, при путешествіи изъ Англіи въ эту страну, когда вы приближаетесь къ египетскому берегу и новой

пристани, первый предметъ, обращающій на себя ваше вниманіе, есть знаменитая колонна, извѣстная подъ названіемъ колонны Помпея. Другіе останки древняго величія разбросаны здѣсь и тамъ; такъ называемая колонна *Ила Клеопатры* и другія засыпаны пескомъ; но надъ всѣмъ этимъ далеко высится къ облакамъ, и невольно привлекаетъ все ваше вниманіе колонна, носящая за собою имя знаменитаго Римлянина. Всмотритесь въ нее хорошенько; это указательный перстъ на мѣсто рожденія эклектицизма. Основаніемъ для нея служитъ большая мраморная глыба, въ шесть квадратныхъ футовъ. Верхній конецъ и остріе оной изъ краснаго гранита, великолѣннаго камня, добываемаго, во времена фараоновъ, изъ знаменитыхъ египетскихъ каменоломней. Ея капитель (верхняя часть) коринтской работы, — произведеніе греческаго искусства для римскихъ владыкъ. Ея имя римское. Надъ всѣмъ этимъ глубокое небо и яркій солнечный свѣтъ Востока, а желтые пески пустыни, какъ будто, хотятъ засыпать громадное основаніе колонны. — Какой всемірный, какой эклектический памятникъ! Это прекрасный, уединенный, мрачно величественный памятникъ, свидѣтельствующій о временахъ глубокой древности.

Въ описываемое нами время Александрія представляла совершенно отличный видъ отъ ея новѣйшаго, не красиваго внѣшняго городского устройства. Императорскій корабль подплываетъ къ великолѣпной набережной, гдѣ толпящаяся массы александрійскихъ гражданъ готовятся принять его съ громкими восклицаніями лести и благожеланій, впрочемъ за тѣмъ, чтобы тотчасъ же, по его удаленіи изъ города, перемѣнить оныя въ насмѣшки и эпиграммы надъ его особою. Это смѣшанное, эклектическое народонаселеніе. Великій Македонянинъ выбралъ мѣсто для города съ особенною гениальною предусмотрительностію. Онъ зналъ свое назначеніе соединить варваризмъ съ грецизмомъ, — распространить Грецію по всему Востоку. Онъ дѣйствовалъ какъ судья и посредникъ между державами древняго міра, и вотъ съ цѣлю сближенія ихъ — центромъ единенія между различными частями своей скоротечной имперіи избралъ Александрію.

Огромныя, кипяція народныя массы наполняютъ городъ. Вотъ богато одѣтые Египтяне, потомки мудрыхъ и сильныхъ Египтянъ древняго времени, въ послѣдствіи данники Персовъ, Грековъ и

Римлянъ. Вотъ живые, художественно-образованные Греки, — величественные и надменные римляне. Здѣсь корыстолюбивые и хитрые евреи, многочисленные и буйные; тамъ — пламенный азіатъ, быть можетъ торговецъ, уроженецъ Палибоэры *) и береговъ Гангеса, — мечтательный Буддистъ „съ самаго крайняго острова Тап-рабони“ **). Шестьсотъ тысячъ жителей ***) тѣснятся на пятнадцати миляхъ городского пространства. Рынки и гавани Александріи оглашаются тысячею различныхъ нарѣчій и представляютъ въ высшей степени интересное зрѣлище представителей разнообразныхъ расъ и націй міра.

Вотъ толпа, собравшаяся для встрѣчи Адриана, когда его корабль медленно плыветъ вдоль огромной, въ 7 стадій, молы (искусственная насыпь — *Heptastadion*), соединяющей Фаросъ съ городской набережною! Таково разнообразное собраніе, крики котораго потрясаютъ воздухъ, когда императоръ всходитъ по мраморнымъ ступенямъ набережной!

Подобнаго „эклетическаго“ собранія невозможно встрѣтить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, а въ доказательство „нравственнаго эклетицизма онаго“ мы можемъ указать на слова самого Адриана въ его саркастическомъ письмѣ къ Спарціану: „Теперь, любезный Спарціанъ, пишетъ онъ, я вполнѣ ознакомился съ тѣмъ Египтомъ, который вы такъ восхваляете. Я нашелъ здѣсь тщеславное, суетное, непостоянное народонаселеніе, со всевозможными отбѣнками народныхъ мѣній. Здѣсь нѣтъ ни одного еврейскаго раввина, ни одного Самаритянина, который не былъ бы астрологомъ, истолкователемъ чудесъ и медикомъ. Они имѣютъ только одного бога и его одинаково чтутъ (т. е. деньги)“.

Послѣдуемъ за императоромъ далѣе. Съ великолѣпной мраморной набережной передъ нимъ открывается знаменитая улица, ведущая прямо чрезъ весь городъ къ „Вратамъ Созвѣздія Пса“ ****), считаемая за одну изъ самыхъ лучшихъ улицъ во всей имперіи или даже въ цѣломъ мірѣ. Съ обѣихъ сторонъ она выложена гранитомъ и порфиромъ; съ той и другой стороны ея стоятъ колонны,obelisks, статуи, останки древняго величія фараоновъ, вмѣстѣ съ прекрасными изваяніями Греціи, и чуднымъ величіемъ римской архитектуры.

*) Патна. **) Цейлонъ. ***) Шивій. ****) *Porta Canopi*.

Вотъ величественный дворецъ Птоломеевъ съ безцѣнными сокровищами роскоши и искусства. Вотъ великолѣпная гимназія, съ ея въ 500 футовъ длины портиками. Вотъ амфитеатръ, который можетъ соперничать съ римскимъ Колизеемъ. Вотъ знаменитый храмъ Сераписа, по своей роскоши уступающій только римскому Капитолію. Вотъ всемірная бібліотека, съ семьюстами тысячъ томовъ, въ двухъ громаднѣхъ зданіяхъ, нарочно для нея построенныхъ. Вотъ (и это главнымъ образомъ касается насъ) Музеумъ соединенный съ дворцомъ длинною мраморною колоннадою. Онъ имѣетъ свой звѣринецъ, ботаническіе сады, залы наукъ, школы искусствъ, и множество отдѣльныхъ студій.

Теперь мы можемъ не слѣдить далѣе за пурпуровою мантиею и лавровымъ вѣнкомъ, можемъ проститься съ нашимъ Царственнымъ руководителемъ, потому что онъ привелъ насъ въ самое мѣстороженіе эклектицизма. Между рядами обелисковъ и таинственныхъ сфинксовъ, изъ шума бурной, кипящей, народной толпы, мы переходимъ въ тишину и уединеніе Академіи.

Въ этотъ періодъ Александрія считалась главнымъ университетомъ Римской имперіи. Сюда стекались для образованія молодые люди различныхъ націй и странъ. Извѣстнѣйшіе наставники были постоянно готовы для ихъ развитія. Что касается литературы, то, какъ кажется, они имѣютъ недостатокъ въ воображеніи и оригинальности. Ихъ упрекаютъ въ педантизмѣ и сухости. Однако въ этихъ литературныхъ школахъ, въ теченіе первыхъ столѣтій Римской имперіи, постоянно находилось блестящее соединеніе талантовъ и дѣятельности, заслуживающихъ почетное мѣсто въ исторіи человѣчества. Здѣсь были грамматики, комментаторы, составители словарей, археологи, энциклопедисты, критическіе писатели и поэты. Здѣсь находились геометры, астрономы, географы. Здѣсь процвѣтала знаменитая медицинская коллегія съ анатомистами, фармацевтами, окулистами; и когда мы, не говоря уже о многихъ другихъ лицахъ, отличившихся въ наукѣ и практическомъ искусствѣ, между геометрами назовемъ Евклида, между географами и астрономами Птолемея, между медиками Галена, то увидимъ, какъ справедливо Александрійскій университетъ пользовался всеобщою, постоянною знаменитостію.

Слѣдовательно, здѣсь съ особенною дѣятельностію и энергіею кипѣла интеллектуальная жизнь вѣка. Человѣческій умъ занятъ

различными отраслями науки и знаний. Онъ изслѣдуетъ, провѣряетъ, подвергаетъ критикѣ или одобряетъ драгоценныя сокровища поэзіи, исторіи, философіи прошлыхъ вѣковъ. Онъ настойчиво допрашиваетъ поверхность земли и воздушныя пространства, онъ совершенствуется орудія вычислений и измѣреній, посредствомъ которыхъ можно получить отвѣты отъ суши, моря и неба.

Впрочемъ, есть другіе вопросы, которыми занималось человечество во все періоды своей умственной жизни. Есть другія глубины, которыя оно старается измѣрить, есть другія высоты, которыхъ оно стремится достигнуть. Существуетъ міръ внутренній, какъ есть міръ внѣшній. Психологія, онтологія, метафизика, богословіе, какъ въ антропологическомъ, такъ и въ богословскомъ отношеніяхъ, всегда имѣли своихъ приверженцевъ; въ этихъ занятіяхъ для человѣческаго ума представляется обширное поприще дѣятельности; въ нихъ человѣческому уму открываются такія данныя и выводы, предъ которыми все другія умствованія, открытія, результаты представляются сравнительно ничтожными.

Въ Александрійскомъ музеумѣ находятся молодые люди, посвятившіе себя изученію этихъ наукъ — это ревностные, серьезные, мыслящіе, воздержные юноши. Они ни въ какомъ отношеніи не заслуживаютъ саркастическихъ замѣчаній Адріана. Корыстолюбіе, трудъ изъ денегъ, свойственно имъ менѣе всего. Они всецѣло и искренно посвятили себя изученію той философіи, которая обсуждаетъ судьбы человѣка, и разсматриваетъ ихъ не только въ отношеніи къ настоящей жизни, но и къ будущей. Здѣсь-то мы найдемъ мѣсто рожденія и возрастанія эклектицизма. Пора намъ уже обратиться къ нему. Итакъ теперь, по возможности кратко, я укажу начало этой школы, направленіе ея главныхъ преподавателей, тѣ источники, изъ которыхъ они почерпали свои ученія, характеръ и сущность этихъ ученій. Затѣмъ я представлю, по возможности, краткій очеркъ современныхъ философскихъ системъ и ихъ главныхъ преподавателей, чтобы изъ подобнаго сравненія намъ видѣть, не имѣлъ ли какого-либо вліянія на эту философію духъ времени и мѣстныя обстоятельства. Далѣе мы должны обозначить результаты оной. Такимъ образомъ мы будемъ имѣть возможность, какъ я предположилъ себѣ въ началѣ статьи, извлечь нѣсколько уроковъ для настоящаго времени, если только обстоятельства мѣстности и времени какимъ

бы то ни было образомъ представляють намъ нѣкоторое, въ подобномъ родѣ, явленіе. Главныя религіозныя системы (если мы можемъ ихъ такъ назвать), наиболѣе извѣстныя въ Римѣ и среди Римлянъ, отличавшія ихъ отъ другихъ подвластныхъ имъ народовъ, были стоицизмъ и эпикуреизмъ. Чувственныя наслажденія послѣдней, строгая нравственность первой, были мало свойственны атмосфераѣ Александрійской. Платонизмъ, въ томъ или другомъ видѣ, въ особенности господствовалъ въ Греціи и въ частяхъ Греціи подвластныхъ Риму. Въ видѣ такъ-называемаго неоплатонизма—эта философія или, какъ ее можно назвать иначе, религіозная система, была удобопримѣнима къ другимъ дѣйствующимъ вліяніямъ въ этомъ городѣ, и была болѣе сродна восточному темпераменту и настроенію мысли. Изъ Филона и другихъ писателей болѣе ранняго періода мы замѣчаемъ, какое сильное вліяніе возымѣлъ въ это время платонизмъ надъ умами молодыхъ людей,—вліяніе, котораго онъ не достигалъ даже въ школахъ самой Греціи, и видимъ, какъ необходимо было соединить его съ другими системами, насилуя эти системы, которыя казались даже враждебными одна другой, въ этомъ странномъ и неестественномъ соединеніи съ онымъ. Для подобнаго сліянія очевидно было необходимо одно изъ двухъ условій: или должно было соединить въ одно различныя системы, и признать что онѣ взаимно поясняютъ и дополняютъ одна другую, или, въ противномъ случаѣ, должно выбрать нѣсколько ученій изъ одной системы и нѣсколько изъ другой и такимъ образомъ, подобно изящной мозаикѣ, соединить ихъ въ одно цѣльное, гармоническое представленіе истины. Этотъ-то послѣдній методъ мы и можемъ назвать эклектической системою. / Вотъ въ кратцѣ историческое происхожденіе оной.

Настоящимъ основателемъ эклектической школы, обыкновенно, почитаютъ Аммонія Саккаса; потому что, хотя въ Филонѣ (Евреѣ), Плутархѣ, Аполлоніи Тіанскомъ, мы и видимъ предвѣстниковъ означенной системы, однако вышеупомянутый неоплатоническій философъ первый положилъ начало оной и далъ ей выше-сказанное названіе. Плотинъ, Порфирій, Ямвлихъ, Проклъ дѣятельно и усердно поддерживали и, въ большей или меньшей степени, развивали эту систему. Въ связи съ ученіемъ эклектиковъ мы могли бы также упомянуть здѣсь христіанскія имена —

Пантена, Оригена, Климента; но эти и другіе подобныя имъ даровитые мужи, никакъ не были въ дѣйствительности, и не могли считаться членами эклектической школы. Теперь, если мы обратимся къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ настоящіе эклектики почерпали свои идеи и ученіе, то, намъ кажется, мы предварительно, на основаніи историческихъ данныхъ, должны рѣшить вопросъ, гдѣ именно они почерпали оныя. Мы имѣемъ только неясныя и отрывочныя свѣдѣнія о біографіи означенныхъ философовъ и наставниковъ; впрочемъ, все-таки съ достаточною точностію для нашей цѣли можемъ представить общія границы ученія, которому они слѣдовали. Я долженъ коснуться ихъ весьма кратко. Сначала они изучали римскую и греческую системы философіи въ Римѣ, Афинахъ, Тарсѣ или въ другихъ интеллектуальныхъ центрахъ своего вѣка и своей страны; потомъ для дальнѣйшаго образованія они путешествовали въ отдаленныя страны, находившіяся за предѣлами имперіи, особенно въ Персію и Индію. Въ первой они могли сближаться съ послѣдователями Зороастра, съ ученіемъ Зендавесты, Магіею; въ частности съ ученіемъ о двойственномъ началѣ, которое около этого времени перешло въ манехеизмъ. Въ Индіи они могли встрѣчаться съ учеными браминами; и еще болѣе съ учеными наставниками буддизма, потому что, какъ видно изъ различныхъ свидѣтельств *), буддизмъ былъ господствующею религіею, въ описываемое время, на Индійскомъ полуостровѣ. Затѣмъ въ самой Александріи, до времени своего отправленія въ путь и по своемъ возвращеніи, они могли имѣть сношенія съ учеными Евреями, владѣвшими Вѣтхимъ Завѣтомъ, въ переводѣ семидесяти толковниковъ, и которые сами перемѣшивали свои платоническія идеи съ закономъ Моисеевымъ и возвышеннымъ ученіемъ пророковъ. Далѣе въ Александріи были школы гностиковъ, заимствовавшихъ свои странныя, неопредѣленныя воззрѣнія почти изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, изъ которыхъ почерпали и эклектики. Эклектики были болѣе или менѣе знакомы съ гностиками; они образовывались въ однѣхъ и тѣхъ же академіяхъ и, вѣроятно, слушали однихъ и тѣхъ же наставниковъ. Кромѣ того здѣсь находилась христіанская церковь съ своимъ

*) Fanthan. Thion Isan; i. c. from 230 B. C. to 600 A. D.

Пантеомъ, Оригеномъ, Климентомъ и другими извѣстными и даровитыми наставниками, въ средѣ которыхъ они, быть можетъ, росли и учились, и уроки которыхъ, быть можетъ, слушали въ извѣстный періодъ времени. Сии послѣдніе исповѣдывали христіанскую вѣру и имѣли священныя писанія — свои символы, свои апологіи, съ которыми эклектическіе философы могли ознакомиться въ различной степени, даже гораздо болѣе, чѣмъ съ ученостію Евреевъ. Наконецъ тамъ существовали различныя языческія и идолопоклонническія вѣрованія, которыя объяснялись въ аллегорическомъ значеніи для людей образованныхъ, и которыя удерживались во всей торжественности и великолѣпнн для неученыхъ и черни. Итакъ, вотъ каковы были источники религіозныхъ идей, изъ которыхъ почерпали эклектики. Каковъ же былъ ихъ методъ? Это видно изъ самаго ихъ названія: *эклектики* — выбиратели, избиратели. Они благосклонно и безпристрастно смотрѣли на всѣ различныя философіи и религіи, привлекавшія ихъ вниманіе; они брали философическіе тезисы изъ Аристотеля, теорію красоты изъ Платона, объясненія вселенной отъ маговъ, буддистовъ, браминовъ, гностиковъ; сознательно или безсознательно, они почерпали для себя правила мудрости и любви изъ іудейскихъ, или еще болѣе изъ христіанскихъ писаній и церковной проповѣди; они снисходительно относились къ той призрачной, мнимой истинѣ, которую прикрывались суевѣрія и обряды народовъ языческихъ; они собирали то здѣсь, то тамъ; они отвергали то, чего не понимали; опредѣленныя ученія, историческіе факты, мудрыя правила поведенія, они считали грубыми и ничтожными; они придавали внутреннее значеніе, аллегорическія толкованія, символическій смыслъ — тѣмъ отдѣламъ системъ, ими изучаемыхъ, которые разнствовали отъ ихъ теорій. Они хотѣли во всемъ держаться своего собственнаго „есотерическаго“ и „ексотерическаго“ ученія.

Я могу (сколько позволяетъ время) представить только самый краткій очеркъ ихъ системы, какъ въ самой себѣ, такъ въ отношеніи и къ другимъ системамъ. Я не могу вдаваться въ подробности и въ объясненія ихъ теорій различными авторами; я могу начертить только общій планъ, на основаніи котораго они дѣйствовали, и общіе результаты, къ которымъ они пришли. Очевидно, что подобные мыслители никакъ не допускали виѣшняго откровенія, которое могло, какимъ бы то ни было образомъ, про-

вѣрять или ограничивать ихъ умствованія; они полагали перво-
 бытное начало и судъ истины въ человѣческомъ разумѣ—по край-
 ней мѣрѣ въ разумѣ человѣка образованнаго. Согласно своему
 исключительному взгляду и влеченію, они рѣшали различные во-
 просы на основаніи данныхъ—или разума, или наблюденія, или
 пророчества: т.-е. вдохновеннаго энтузіазма; или наконецъ рѣ-
 шали оныя въ состояніи внезапнаго восторга, въ которомъ, по
 ихъ мнѣнію, люди имѣли непосредственное общеніе съ абсолют-
 нымъ, какъ имѣющимъ силу различать и открывать истину. Вотъ
 четыре способа для различенія и открытія истины, которые при-
 писывали человѣку философы эклектической школы. Сначала аске-
 тизмъ, и потомъ посредствомъ одного или всѣхъ этихъ спосо-
 бовъ, человѣкъ достигаетъ того знанія, которое есть верхъ всѣхъ
 знаній, и черезъ которое онъ дѣлается божественнымъ. Далѣе, по
 отношенію къ міру внѣшнему,—эклектики признаютъ матерію
 вѣчною, самобытною, неизмѣнною; впрочемъ они же и унижаютъ
 ее, называя вещество темнымъ, слѣпымъ, бессильнымъ. Съ дру-
 гой стороны, они говорятъ о величій, божественности, славѣ не-
 бесныхъ тѣлъ, совершающихъ, по непремѣннымъ законамъ при-
 роды, свои небесныя теченія! Относительно своего богословія,
 эклектицизмъ колеблется между теизмомъ и пантеизмомъ, такъ
 какъ онъ признаетъ, ничто въ родѣ существа или посредствую-
 щаго свѣтлаго тѣла между естественнымъ тѣломъ и душою или
 духомъ человѣка, и доказываетъ посредствующее бытіе существъ
 (демоновъ) между божествомъ и человѣкомъ *); онъ признаетъ
 также вселенную иногда какъ орудіе божества, иногда какъ тож-
 дественную съ божествомъ. Иногда онъ говоритъ объ абсолютномъ
 Существомъ, какъ концѣ всѣхъ вещей и человѣка. Такъ Плотинъ
 провозглашаетъ: „Я живу для того, чтобы возвратить божествен-
 ную часть своего существа божественному цѣлому, наполняющему
 вселенную“; тогда какъ Порфирій говоритъ: „Конецъ являлся ему
 (т. е. его наставнику) четыре раза, не имѣющій ни формы, ни
 вида, ни образа, высшій всякаго человѣческаго разумнія. Онъ
 также являлся однажды мнѣ и соединялся со мною.“

Такимъ образомъ, если бы позволяло время, я могъ бы по-

*) Of. the Linga Sharira of the Sandhya.

казать вамъ, какъ въ этой системѣ выбранныя мысли изъ Аристотеля, и еще болѣе изъ Платона, ученіе Персіи о двойственномъ началѣ, отвлеченности и утонченныя подраздѣленія Браминово (мы совершенно могли бы въ подтвержденіе этого привести мѣста изъ ихъ книгъ: *Шастры* и *Бавадхиты*), какъ ученіе Буддистовъ объ уничтоженіи и погасаніи, стоять здѣсь на ряду съ идеями, заимствованными изъ Священнаго Писанія, іудеизма и христіанства, донельзя темно и запутанно смѣшанныя одно съ другимъ, извлеченныя изъ такихъ противорѣчащихъ матеріаловъ. При этомъ они старались водворить согласіе и даже дружество между своими теистическими и пантеистическими идеями, и распространяли или терпѣли идолопоклонническія религіи въ предѣлахъ имперіи. Такъ Порфірій говоритъ (эти же самыя слова мы нерѣдко приходилось слышать отъ многихъ духовныхъ ученыхъ Индіи): „изображеніями, обращенными къ чувственности, древніе представляли Бога и Его силу. Видимымъ они изображали невидимое для тѣхъ, которые научились читать въ этихъ образахъ, какъ въ книгѣ, волю боговъ. Мы не удивляемся, если невѣжда считаетъ эти изображенія не болѣе какъ деревомъ, или камнемъ. Потому что совершенно подобенъ тѣмъ, которые, не умѣя писать, видятъ въ памятникахъ одинъ только камень, въ табличкахъ одно дерево, а въ книгахъ кипу бумаги.“

Можно также замѣтить, что ученіе о предсуществованіи и переселеніи душъ, прежде и послѣ смерти, не осталось также безъ нѣкотораго вліянія на эклектическую философію, хотя едва ли оно выдавалось впередъ съ такою силою и успѣхомъ, какъ въ нѣкоторыхъ современныхъ системахъ.

Такимъ образомъ, согласно нашей цѣли, мы разсмотрѣли 1) начало эклектической школы; 2) нѣкоторыхъ изъ наставниковъ оной; 3) источники и 4) характеръ ученія оной. Мы предлагаемъ теперь краткій очеркъ современныхъ системъ. Это были многочисленныя системы гностиковъ, съ ихъ теоріями объ изліяніяхъ, и различными попытками согласить, въ той или другой степени, съ величественнымъ ученіемъ христіанства тѣ же самыя элементы, которые, какъ мы уже видѣли, были присущи и эклектизму. И вотъ онъ теперь язляется въ другомъ фазисѣ. Въ немъ виденъ тотъ же самый выборъ та же самая утонченность, мелочность и подраздѣленія, то же самое аристократическое дѣленіе

между внутреннимъ и внѣшнимъ ученіемъ; тотъ же самый взглядъ на вещество и духъ; то же самое нерѣшительное направленіе и колебаніе между теоріями теистическою и пантеистическою. Представимъ въ доказательство этого примѣръ изъ исторіи Греціи. Посмотримъ на молодого Епифанія, который путешествуетъ по западу и востоку, провозглашаетъ и проповѣдуетъ свое эклектическое ученіе, снискиваетъ себѣ извѣстность, дѣлается предметомъ удивленія для многихъ, позволяетъ воздвигнуть себѣ въ своемъ отечествѣ храмъ и алтари, получаетъ божескія почести.

Или обратимся къ Манесу, который учитъ въ Персіи, что самъ онъ, Будда Зарагустъ (?) Христосъ и Солнце составляютъ одно. Обратимъ вниманіе на имена его наставниковъ, которые ясно указываютъ на индійскіе источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ свое ученіе. Онъ также предпринимаетъ отдаленныя путешествія въ Индію, Китай и Туркестанъ. Подобно Буддѣ, онъ также имѣетъ свой храмъ съ символическими изображеніями. Посмотримъ, какъ онъ начинаетъ свою извѣстную книгу: „Манесъ призванный Богомъ быть апостоломъ Иисуса Христа—вотъ слова спасенія отъ вѣчнаго и живаго источника“. Или послушаемъ, какъ онъ, подобно индійскимъ проповѣдникамъ, вдается въ пантеизмъ: „Живущая душа, дѣйствовавшая подъ вліяніемъ враждебныхъ силъ, разрѣшается со смертію отъ узъ плоти и смѣшивается съ чистѣйшимъ эфиромъ, изъ котораго совершенно очищенныя души переносятся въ области свѣта. Но та душа, которая была порочна и омрачена грѣхомъ, переходитъ черезъ огонь и жаръ, и смѣшивается съ деревьями, растеніями и всякаго рода растительностію“.

Я могъ бы также показать вамъ, какъ то же самое направленіе замѣчалось и въ погрѣшностяхъ (какъ мы обыкновенно ихъ считаемъ) нѣкоторыхъ даже христіанскихъ учителей, воспитывавшихся и жившихъ въ Александріи; и, намъ кажется, эти погрѣшности являлись именно вслѣдствіе принятаго правила извлекать и выбирать изъ различныхъ системъ, находившихся предъ ними, по склонности своего собственнаго ума. Теперь, естественно, эклектицизмъ большею частію могъ быть въ мирѣ и согласіи съ различными религіями, съ которыми онъ соприкасался. Послѣдователь эклектицизма съ спокойнымъ самодовольствомъ могъ взирать на различные роды вѣрованій. Онъ могъ сказать: „Я испытываю все и все под-

вергаю критикѣ, выбираю то, что одобряю и что мнѣ нравится. Я имѣю и непогруѣшамаго посредника въ самомъ себѣ. Я могу слушать всѣхъ, сочувствовать всякому ихъ ученію и смѣяться надъ ними, если оное несогласно съ моими взглядами⁴. Далѣе, вслѣдствіе исключительно свойственнаго ему *есотерическаго* и *ексотерическаго* ученія, онъ могъ соглашаться на всѣ требованія, налагаемыя на него правительствомъ страны и общественными условіями. Онъ могъ воскурять еиміамъ передъ идоломъ, и въ то же время считать для себя поклоненіе духомъ обязательнымъ только передъ божественными свойствами, олицетворенными въ идолъ, для народнаго блага. Такимъ образомъ онъ могъ избѣгнуть всѣхъ домашнихъ несогласій и раздоровъ въ своемъ семействѣ. Онъ могъ всегда принять на себя миролюбивый тонъ рѣчи. Онъ могъ провозглашать, что различныя религіи міра были свойственными тому времени, въ которое они возникали, и тѣмъ странамъ, въ которыхъ господствовали. Онъ могъ сказать: „Во всемъ есть нѣсколько истины. Я избираю истину изъ всего. Я очищаю ее въ моемъ умственномъ горнилѣ, и такимъ образомъ цѣлую массу оной переплавляю въ чистый и благородный металлъ“. Наконецъ онъ могъ претендовать на высшее просвѣщеніе, и вслѣдствіе свободнаго выбора и выдержекъ могъ убѣждать и самого себя, что его система должна быть вышею, вѣнцемъ тѣхъ системъ, изъ которыхъ онъ извлекалъ.

Такъ обращался эклектицизмъ съ большею частію религій, съ которыми соприкасался; но была одна религія, съ которою сначала онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ, но скоро затѣмъ началъ враждовать съ нею, и наконецъ объявилъ ей открытую войну. Это была христіанская религія. Чтобы показать, какимъ образомъ онъ напалъ на христіанство, я приведу на выдержку одно или два положенія эклектическихъ философовъ, и потомъ представлю вкратцѣ доказательства Цельсія, который, хотя не совѣмъ признается за эклектическаго философа, однако былъ одного и того же времени, мѣста и школы. Его доказательства переданы Оригеномъ, очевидно слово въ слово, въ трактатѣ, въ которомъ онъ ихъ опровергаетъ.

Напримѣръ, Плотинъ отзывается о христіанахъ *) слѣдую

*) Которыхъ онъ называетъ здѣсь гностиками.

щимъ образомъ: „Они безумно называютъ свои души и самыхъ презрѣнныхъ людей божественными, а небеса и звѣзды подверженными разрушенію.“ И Порфирій укоряетъ христіанство за его ученіе, что все для человѣка; между тѣмъ какъ все еуществуетъ и разрушается ради цѣлаго. Человѣкъ есть только лучшее животное. Далѣе онъ порицаетъ за то, что оно предвозвѣщаетъ конецъ и признаетъ искупленіе, имѣя въ виду этотъ конецъ; тогда какъ всякое зло вещественно, неизмѣнно, неисправимо. Далѣе онъ нападаетъ на искупленіе, потому что, по его мнѣнію, вселенной, однажды навсегда дарованы промысломъ всѣ необходимыя силы для своего храненія и дѣйствованія по извѣстнымъ опредѣленнымъ законамъ. Богъ не такъ сотворилъ міръ, чтобы онъ когда-либо въ послѣдствіи имѣлъ нужду въ исправленіи.— Тогда какъ Цельсій возражаетъ противъ христіанства на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) потому что оно обращается къ людямъ невѣдущимъ и низкимъ и приглашаетъ ихъ въ свои нѣдра; 2) оно умножило раздѣленія (какъ дѣйствительно и предсказалъ Христосъ, но онъ не упоминаетъ объ этомъ пророчествѣ); 3) оно нуждается въ помощи объясненій и истолкованій; 4) оно не имѣетъ внѣшней блестящей роскоши, но заповѣдуетъ поклоненіе духомъ; 5) бездоказательно укоряетъ Цельсій учениковъ христіанской церкви, какъ людей жалкихъ, чувственныхъ, съ ограниченнымъ умомъ и понятіями, не имѣющихъ того свѣтлаго воззрѣнія, которое различаетъ истину, основанную на внѣшнемъ откровеніи, принимаемомъ вѣрою; 6) оно приглашаетъ и принимаетъ въ свои нѣдра грѣшниковъ; 7) Цельсій насмѣхается надъ ученіемъ христіанства о возрожденіи: „потому что, восклицаетъ онъ, очевидно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ, на самомъ дѣлѣ, измѣнить другаго человѣка, для котораго грѣхъ сдѣлался какъ бы второю природою, даже самымъ наказаніемъ, а еще менѣе милосердіемъ“; 8) и наконецъ, нападаетъ за то, что оно проповѣдуетъ превосходство и необходимость смиренія.

Таковъ былъ тонъ и языкъ доказательствъ, направленныхъ эклектиками противъ христіанства, приправленныхъ всегда готовою насмѣшкою и сарказмомъ, или презрительнымъ сожалѣніемъ о тупоуміи и упорствѣ своихъ противниковъ; но что стало съ эклектическою школою и со всѣми ея утонченно-выработанными, хитро придуманными теоріями?

За эклектизмом осталась въ послѣдствіи только тѣнь призрачной славы, которая надъ нимъ посмѣялась, онъ разсѣялся какъ туманъ, возникнувшій изъ гордости человѣческаго ума, который, если и имѣлъ дѣйствительно въ себѣ что либо свѣтлаго, то былъ одолженъ этимъ свѣту откровенной христіанской истины, на которую онъ возставалъ и презрѣніемъ къ которой хвалился. Онъ не имѣлъ въ себѣ ничего существеннаго, что могло бы удовлетворить потребностямъ человѣческаго сердца. Онъ не былъ силою, которая могла бы неотразимо дѣйствовать на сердца высокихъ и низкихъ, на богатыхъ и бѣдныхъ. Онъ быстро явился и также быстро исчезъ. Онъ не имѣлъ въ себѣ ни малѣйшей жизни, а потому и не могъ существовать долѣе. Онъ разсѣялся, какъ тонкій паръ отъ славной горы Божіей и Его истины. Онъ кончилъ свое существованіе, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ. Но христіанство осталось побѣдителемъ и будетъ всегда побѣждать.

Теперь, мнѣ кажется, вы уже нѣсколько поняли, какое сравненіе я намѣренъ сдѣлать изъ вышесказаннаго, и какія намѣренъ извлечь изъ онаго посредствомъ примѣра выводы и уроки для будущаго.

Я думаю, что Браммы-Сомакъ *) (The Vrohmo Somaj) въ Индіи составляютъ нашу новую эклектическую школу.

Британскую имперію въ Индіи и ея правленіе нерѣдко сравнивали съ древнею Римскою имперіею и ея администраціею. Настоящій вѣкъ есть вѣкъ сравнительной роскоши и утонченности вкусовъ. Существуетъ цѣлая сокровищница матеріаловъ знанія, собравныхъ трудомъ и умственною дѣятельностію столѣтій, и эти сокровища знанія частію уже перенесены, какъ бы вещественныя, въ Индостанъ. Такимъ образомъ востокъ и западъ снова встрѣтились вмѣстѣ, и снова приходятъ въ общеніе другъ съ другомъ. Древнія книги и системы этого государства еще продолжаютъ оказывать здѣсь свое вліяніе на челоуѣка; но уже совокупно съ литературою, знаніями, религіею Европы. Печать, журналы, га-

*) Ученые послѣдователи браминской религіи, живущіе преимущественно въ Бенаресѣ, средоточіи индійской учености и центрѣ браминновъ. Большая часть ихъ, какъ кажется, находится въ переходномъ состояніи вասательно своей древней религіи и на пути къ христіанству. *Перев.*

зеты распространяють, по крайней мѣрѣ, части того знанія, которое заключается въ многочисленныхъ томахъ и хранится въ библіотекахъ, и такимъ образомъ идеи и ученія, обращающіяся и дѣйствующія преимущественно въ Англии и Америкѣ (и очевидно черезъ туземный языкъ оныхъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ), почти съ электрическою быстротою и вѣрностію передаются индійскимъ студентамъ, которые, по крайней мѣрѣ въ Бенгаліи, отечествѣ Брамовъ-Сомача, такъ хорошо знакомы съ англійскимъ языкомъ, что въ состояніи понимать и цѣнить знаніе, передаваемое имъ чрезъ оный. Многіе изъ нихъ, конечно, посвящаютъ себя изученію тѣхъ знаній, которыя въ настоящее время считаются практическими; впрочемъ брамы, подобно древнимъ эклектикамъ, имѣють болѣе серьезные и возвышенные предметы для своихъ занятій. Истина, религіозная истина, судьба человѣка, вотъ главная цѣль ихъ трудовъ и изслѣдованій. Школа пока еще находится въ младенчествующемъ состояніи. Представителями ея начала и профессіи пока еще служатъ только двѣ личности—*Раммохунъ-Рой и Кешубъ-Чендеръ-Сенъ* *); перваго хорошо помнятъ въ Лондонѣ, а второй только что недавно выѣхалъ изъ Англии. Однако, въ этой школѣ существуютъ уже различныя раздѣленія и партіи, особенно партіи консервативныхъ и прогрессивныхъ браминовъ, которыя иногда враждуютъ между собою и презрительно отзываются одна о другой. Потому, кажется, слишкомъ рано разсматривать оную съ исторической точки зрѣнія. Мнѣ болѣе желательно обратить ваше вниманіе на ихъ методъ, на суть ихъ ученія и вѣроятные результаты онаго. Я хочу сказать, что ихъ методъ совершенно эклектическій, т. е. буквально тотъ самый, который я описалъ выше.

Они занимаются чтеніемъ Ветхаго Завѣта и Новаго. Они обращаются къ своимъ „*Ведамъ*“ и другимъ „*Шастрамъ*“, нѣкоторые

*) Замѣчательный духовный ученый Индустана (Pundit), посѣтившій Англию лѣтомъ прошлаго 1870 г. Онъ отказался отъ своей туземной религіи и обратился къ смутному и таинственному ученію дензма; впрочемъ, зыдавая себя увѣровавшимъ въ Бога и Господа Иисуса Христа, онъ отказался принять христіанство. Своею личностію и ученіемъ онъ произвелъ много шуму какъ въ Индустанѣ, такъ и въ Англии. Нѣкоторые видятъ въ немъ религіознаго реформатора Индустана. *Перев.*

къ болѣе древнимъ, другіе къ новѣйшимъ. Они взвѣшиваютъ теоріи Паркера, Эмерсона, Франциска, Ньюмана, Штрауса и Ренана. Они нѣсколько читаютъ сочиненія Колензо *), нѣсколько *Essays and Reviews* (опыты и обзоренія), и всѣ разнообразныя произведенія прессы, проникнутыя духомъ вѣры или невѣрія, которыми изобилуетъ Европа.

Они не имѣютъ никакого понятія, или скорѣе считаютъ ниже человѣческаго достоинства подчиниться внѣшнему откровенію, какъ это принято почти всеми Европейцами. Подобно древнимъ философамъ, они признаютъ главнымъ источникомъ и судьей истины разумъ, или наблюденіе, или пророческое вдохновеніе. Они вообще представляютъ свое вѣрованіе теистическимъ. Однако полагаю, что въ дѣйствительности они колеблются между теизмомъ и пантеизмомъ, и съ сожалѣніемъ должно замѣтить, что извѣстный специалистъ въ индійской литературѣ и исторіи, Эмилій Бурнюфъ, предсказываетъ пантеизмъ, какъ конечный результатъ индійской литературы и цивилизаціи. Иной разъ вы замѣтите, что они сейчасъ готовы принять христіанство—такъ возвышенны ихъ отзывы о Христѣ, такъ они восхваляютъ Его Евангеліе, а то вы придете въ изумленіе, видя, какъ они порицаютъ Его, Его ученіе, Его Евангеліе,—и предпочитаютъ, даже болѣе чѣмъ свой индуизмъ, Ветхій Завѣтъ Новому; иногда впрочемъ они возражаютъ и противъ Ветхаго Завѣта за то, что въ немъ представляется строгій и правосудный Господь сравнительно съ милосерднымъ и нѣжнымъ Отцемъ евангелистовъ. Они то одобряютъ нравственность и филантропію, впрочемъ не соглашаясь съ ученіемъ объ оныхъ христіанства; то провозглашаютъ ничтожество ихъ, вслѣдствіе своего ученія о неизмѣнности природы и т. п.

Я не думаю, чтобы они были внимательными, глубокомыслящими читателями, или серьезными мыслителями, но они настойчиво приобрѣтаютъ себѣ значительный запасъ поверхностныхъ свѣдѣній, и тратятъ много времени скорѣе въ мечтательности надъ собранными матеріалами, чѣмъ въ тщательномъ разборѣ и здоровомъ обсужденіи оныхъ. Что они большею частію люди нрав-

*) Англиканскій епископъ въ южной Африкѣ, извѣстный своимъ религіознымъ либерализмомъ. *Пер.*

ственной жизни, довольно благочестивые и расположенные къ молитвѣ — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Такъ въ недавнее время они воздвигли зданіе, названное ими церковію, и приняли нѣкоторую обрядность въ богослуженіи, заимствовавъ главнымъ образомъ оную отъ Христіанскихъ церквей. Даже когда ихъ идеи и дѣйствительно заимствованы отъ христіанства, они не хотятъ сознаться въ этомъ, впрочемъ, быть можетъ, вслѣдствіе невѣдѣнія. Я имѣю, на примѣръ, письмо отъ одного брамы, въ которомъ онъ разсуждаетъ о теизмѣ и порицаетъ Кешуба за то, что тотъ принимаетъ слишкомъ много знаковъ благоговѣнія со стороны своихъ учениковъ, подобно греческому Епифанію, о которомъ я уже упомянулъ выше. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что былъ нѣкогда христіаниномъ, т. е. некрещеннымъ христіаниномъ, какъ мы обыкновенно понимаемъ это слово, но признающимъ только такую часть христіанской истины, которая, по его мнѣнію, была достаточна для христіанства. Впрочемъ, онъ говоритъ: „Мой самый лучший наставникъ—это мой умъ. Я слышу нѣкоторый голосъ въ себѣ. Онъ учитъ меня“. Дѣйствительно, эти слова какъ бы заимствованы изъ Новаго Завѣта, но онъ забылъ откуда явилось у него это понятіе, точно также какъ и эклектики старыхъ временъ не знали откровеннаго начала своихъ впечатлѣній, основаннаго на Священномъ Писаніи.

Если бы я могъ изложить предъ вами ихъ трактаты или всѣ ихъ тезисы, то мнѣ пришлось бы, на самомъ дѣлѣ, большею частію повторять именно то, что я собралъ изъ твореній и ученія эклектиковъ древнихъ временъ. Это былъ бы совершенно безполезный трудъ.

Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ съ очень многими изъ моихъ индусовъ, моихъ бенгальскихъ сосѣдей. Я удивляюсь въ нихъ многимъ превосходнымъ качествамъ. Я надѣюсь, что пользуюсь ихъ дружбою, какъ и они моею. Однако всѣ мы имѣемъ свои недостатки. Я предвижу для нихъ опасности. Одна изъ нихъ состоитъ въ невѣріи, которое подъ видомъ пантеизма грозитъ распространиться между ними. Далѣе чувствуется опасность отъ недостатка въ нихъ нравственнаго мужества—мужественной рѣшимости. Во времена эклектиковъ, намѣревавшійся принять христіанство всегда рѣшался на какой либо опредѣленный шагъ, онъ подчинялся вѣншему откровенію; онъ крестился въ церкви;

онъ пользовался общеніемъ съ нею; онъ посвящалъ ей не только свой разумъ, но даже тѣло и всю свою душу. Въ вѣкъ наукъ и знаній предстоить опасность потерять это мужество и рѣшимость, предвидится искушеніе излишней самонадѣянности на свои умственные силы и на естественную любовь къ человѣчеству. Во времена эклектиковъ, желавшій быть христіаниномъ, при всемъ своемъ мягкосердечіи, легко могъ оставить отца и мать, брата и сестру, жену и дѣтей, онъ смѣло и безбоязненно могъ смотрѣть на темницу, львовъ, огонь, ради истины! Въ состояніи ли имѣть хотя частицу этой рѣшимости мои бенгальскіе друзья?

Теперь возраженія, предлагаемыя брамами противъ христіанства, почти тѣ же самыя, какія въ древности представлялись эклектиками.

Точно такъ же возражаютъ противъ исключительности христіанства, противопоставляютъ ему то же самое аристократическое возвышеніе науки, точно такъ же насмѣхаются надъ значеніемъ, которое придаетъ оно человѣку, необходимости вѣры, идеѣ искупленія, ученію о возрожденіи, о воскресеніи и судѣ, вѣчномъ блаженствѣ и вѣчномъ мученіи. Кажется, мы слово въ слово слышимъ вокругъ себя возраженія Плотина и Порфирія, насмѣшки Цельсія.

Теперь они могутъ сказать: „Вы говорите объ истинѣ и требуете оной“. Да, я требую ее, такъ какъ принялъ ее отъ нея, хотя я и ношу ее внутри самого себя. Мы, христіане, поистинѣ, славимся тѣмъ, что приняли эту истину свыше отъ воплотившагося Сына Божія, приняли ее въ той церкви, которую Онъ основалъ, и почерпнули ее въ томъ словѣ, которое Онъ намъ далъ. Я желалъ бы проповѣдывать со всею смиреніемъ и любовію. Я увѣренъ, что все наши миссіонеры будутъ всегда проповѣдывать съ смиреніемъ и любовію. Мы должны носить тяготы другъ друга. Мы должны терпѣливо выслушивать положенія и доводы, взвѣшивать доказательства другъ друга. Если мы, христіане, приглашаемъ васъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ единенію и общенію съ Христовою Церковію, то повѣрьте мнѣ, это изъ любви къ вамъ, изъ заботъ о вашемъ собственномъ благѣ. Мы увѣрены, что спасеніе есть безцѣнное сокровище, для приобрѣтенія котораго, если потребуется, должно пожертвовать всею. Мы вѣруемъ, что только истина можетъ освободить чело-

вѣка, и что эту истину можно только найти въ Воплотившемся Сынѣ Божіемъ, и потому мы молимъ васъ вѣровать въ Него, какъ мы вѣруемъ.

О прошедшемъ Неандеръ когда-то остроумно замѣтилъ: „Истинная, живая связь между востокомъ и западомъ, которая должна соединить вмѣстѣ два характеристическія начала для совершеннаго олицетворенія человѣческаго типа, можетъ произойти только отъ христіанства“. Я скажу то же самое о настоящемъ. Если вы желаете понять истинное назначеніе человѣка, если вы желаете отказаться отъ недостатковъ излишней утонченности, нравственной боязни, надменной самонадѣянности на свой умъ и кастовое устройство, если вы желаете истинно просвѣтить Индію и имѣть великій жребій, то вы должны искать этого внѣ эклектизма, который есть не болѣе какъ преходящая тѣнь, мимолетная радуга, миражъ, быть можетъ и блестящій, но обманчивый и скоро исчезающій. Ни одинъ религіозный реформаторъ не можетъ на самомъ дѣлѣ выдти изъ подобной школы. Она не имѣетъ ни жизни, ни силы, ни твердыхъ нравственныхъ началъ. Она можетъ только повергнуть васъ въ нравственное и духовное расслабленіе, которое составляетъ для васъ величайшую опасность, и отъ которой да сохранитъ васъ Всемогущій Богъ! (Изъ журнала: The Good Words. November, 1870).

Изъ надгробнаго слова Денана Стэнли при погребеніи Гершеля 1871 г.

Въ маѣ 1871 года скончался въ Англіи знаменитый своими астрономическими трудами Джонъ Гершель, сынъ Гершеля, изобрѣтшаго извѣстный телескопъ. Погребеніе происходило въ Вестъ-минстерскомъ Аббатствѣ 7—19 мая при огромномъ стеченіи ученыхъ Англи. Въ слѣдующее воскресенье, 21 мая, извѣстный Англійскій проповѣдникъ А. П. Станлей почтилъ память усопшаго надгробнымъ словомъ.—Представляемъ нѣсколько, надѣемся, не безынтересныхъ для нашихъ читателей отрывковъ изъ англійской проповѣднической литературы, заимствованныхъ изъ журнала Good Words (july. 1871).

Въ основаніе своей проповѣди А. Станлей положилъ текстъ: *И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтлыя на тверди небесной* (для освѣщенія земли и) *для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій и время, и дней и годовъ...* (Быт. 1, 14, 15). Такъ, говорилъ онъ, священный писатель въ первые начальные дни знанія и откровенія повѣствуетъ о сотвореніи и цѣли этого громаднаго небеснаго механизма, который постоянно поражаетъ своимъ величіемъ человѣческіе умы. Вотъ поразительный примѣръ, какъ Библія учитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не учитъ насъ знанію. Она не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей, или сообщаетъ только такія, которыя были доступны младенческимъ понятіямъ этихъ древнихъ временъ... Ветхозавѣтному міру не были извѣстны чудеса, открытыя телескопомъ взору и наблюденію позднѣйшихъ поколѣній человѣческаго рода. *Свѣтила*, о которыхъ говорили священные историки и пророки, были для нихъ (по самому значенію слова) горящими *лампадами*, или *свѣтильниками*, повѣшенными на небѣ. Небесная твердь была для нихъ твердою голубою поверхностію, распростертою, какъ шатерь, надъ жилищами людей. Въ небесныхъ тѣлахъ они видѣли не неизмѣримыя массы міровъ, отстоящія отъ земли на миллионы миль, но блестящіе огни, возженные въ первый разъ для разгнанія тьмы только что сотворенной земли. *Онъ создалъ также звѣзды* — вотъ въ какихъ простыхъ, кратко величественныхъ словахъ, авторъ книги Бытія, повѣствуя о четвертомъ днѣ творенія, замѣчаетъ о рожденіи этихъ неизмѣримыхъ системъ, изъ которыхъ почти каждая сама по себѣ составляетъ вселенную; тотъ уголъ безконечнаго пространства, въ которомъ жили люди, въ ихъ глазахъ былъ центромъ вселенной. Никто изъ нихъ пока не зналъ обширныхъ *законовъ неба*—*чудесъ Того, Который всесовершенъ въ знаніи* (Іов. XXXVII 15, 16). Божественному Провидѣнію не было угодно, чтобы избранный народъ преждевременно постигъ тайны астрономіи, или геологіи. Народу Израильскому были ввѣрены другія благороднѣйшія истины—не мудрость касательно земли и небесъ, но касательно челоука и Бога,—не *откровеніе о томъ, какъ движутся небеса*, но *откровеніе о томъ, какъ мы должны идти къ небу* (Бароній).

Но, замѣчаетъ проповѣдникъ, хотя эта постепенность и несовершенство знанія зависятъ отъ самой цѣли священныхъ книгъ, хотя стараніе поставить научныя системы въ согласіе съ библей-

скимъ повѣствованіемъ, или требованіе отъ библіи для нашего образованія научныхъ системъ, сколько несправедливо для библіи, столько же неудобно для знанія, все это, впрочемъ, не препятствуетъ священнымъ писателямъ сообщать намъ начальныя, основныя, элементарныя понятія о томъ, что въ тихомъ теченіи вѣковъ, развилось (осмѣливаемся такъ сказать) въ новое откровеніе. Это въ особенности замѣчательно по отношенію къ астрономіи. Въ библейскихъ повѣствованіяхъ о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ заключаются двѣ характеристическія черты, содержащія въ себѣ основанія для всѣхъ открытій послѣдующихъ. Первая характеристическая черта—есть то глубокое чувство съ которымъ библейскіе писатели говорятъ о величіи и красотѣ Божественнаго устройства неба и земли. Они не знали, не могли постигнуть онаго во всѣхъ его частяхъ; но оно воспламеняло въ ихъ сердцахъ поэтической, священный огонь, который отражался въ ихъ мысляхъ и словахъ. Съ того времени, какъ написана первая глава книги Бытія, человѣческой языкъ сдѣлалъ много удивительныхъ подвиговъ: но доселѣ еще истинно изреченіе язычника Лонгина, произнесенное за 1600 лѣтъ: *никогда не было произнесено больше величественныхъ словъ: и сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ и сталъ свѣтъ*. Съ тѣхъ поръ, какъ царь-пророкъ Давидъ наблюдалъ лучи восходящаго солнца надъ холмами Моавитскими,—оно было воспѣто многими поэтами, изображено многими живописцами, подвергалось многочисленнымъ химическимъ процессамъ, наблюденіямъ черезъ зрительныя трубы и телескопы; однако не было и нѣтъ живѣе, величественнѣе, хотя и въ краткихъ словахъ, выраженія: *Солнцу поставилъ Онъ жилище, и оно выходитъ какъ жемчугъ изъ брачнаго чертога своего, какъ исполнѣвъ, веселясь, пробѣгаетъ путь свой* (Псал. 18, 5, 6). Греческіе поэты воспѣвали покой безсмертныхъ и труды смертныхъ, искусною кистью очерчивали свѣтъ и тѣни моря и небесъ; но мы напрасно стали бы искать въ ихъ поэмахъ выраженій той широкой, преизбыточной радости о красотѣ творенія, которая излилась изъ глубины сердца въ слѣдующемъ выраженіи книги Іова: *Кто положилъ краеугольный камень ея, при всеобщемъ микованіи утреннихъ звѣздъ, когда восклицали всѣ сыны Божіи?* (Іов. 37, — 7). Ни бытописатель Моисей, ни псалмопѣвецъ Вилеемскій, ни Идумейскій патріархъ, не могли представить ни одной теоріи вселенной, но они съ увѣренностію

чувствовали, что въ этихъ славныхъ небесныхъ тѣлахъ скрывалось указаніе на Божественное всемогущество и премудрость; они приготовлялись и приготовляли другихъ выслушать болѣе; они поставляли самихъ себя и міръ въ изумительное, благоговѣйное, внимательное положеніе.

И это, продолжалъ проповѣдникъ, приводить меня къ второму положенію, къ объясненію другой характеристической черты библейскихъ астрономическихъ повѣствованій.—Они чувствовали, что во всѣхъ этихъ чудесахъ скрывалось нѣчто такое, что чловѣкъ долженъ былъ понять и прочесть. Иногда они поражены величіемъ тайны—взираютъ на небо въ нѣмомъ изумленіи: *когда я взираю на небеса Твои, дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ: то что есть чловѣкъ, что Ты помнишь его?* (Псал. VIII 4, 5). *Можеши ли ты, говоритъ Богъ Юву, связать Плеяды въ узелъ, или распустить узлы Ориону? Ты ли изводиши зодіакальныя созвѣздія (Маццаровъ) каждое въ свое время, и водиши Медвѣдицу съ днѣми ея?* (Іов. 38, 31—32). Но въ этихъ самыхъ выраженіяхъ заключалось исканіе, жажда скрытой истины, совершенно противоположныя тупому равнодушію, или суевѣрному страху. Иногда они восходятъ еще далѣе въ своей любознательности. Въ этихъ отдаленныхъ звѣздахъ, воспѣваетъ Давидъ, *нѣтъ языка и нѣтъ нарѣчія; голось ихъ не слышишь; однако, вопреки ихъ молчанію, ихъ звукъ, ихъ собственный звукъ проходитъ по всей землѣ и слова ихъ до предѣла вселенныя. День дню переливаетъ слово, и ночь ночи открываетъ познаніе.* (Псал. 18, 2—4). Эти свѣтила, поставленныя на тверди небесной, не казались уже безцѣльными украшеніями, блуждающими, небесными огнями; они были поставлены тамъ, какъ говоритъ свящ. бытописатель, *для знаменій и временъ, и дней и годовъ.* Они украсили собою небесныя пространства для чловѣка, чтобы онъ истолковалъ и объяснилъ ихъ, выслушалъ ихъ безмолвный звукъ, прочелъ эти невятныя слова, извлекъ изъ ихъ таинственныхъ, лабиринтовыхъ движеній порядокъ и законъ, понятія о времени и пространствѣ, понялъ гласъ хвалы ихъ, воздаваемой первоначальной творческой причинѣ, и ихъ служеніе на пользу послѣдняго сотвореннаго существа. Тогда не существовало, продолжалъ проповѣдникъ, жалкаго антагонизма, вымышленнаго позднѣйшими вѣками, между религіею и знаніемъ; эта неестественная между-

усобная война новѣйшаго времени, подъ противоположными знаменами Вѣры и Разума, не нашла бы себѣ тогда ни малѣйшаго отголоска, потому что не имѣла бы ни малѣйшаго значенія въ умахъ этихъ ветхозавѣтныхъ Богослововъ и священныхъ философовъ. Если въ наше время полученъ, хоть и не совершенный, отвѣтъ на вопросъ Господа, обращенный къ Юву; если явились люди, успѣвшіе анализировать *сплетенія Пляндъ и зодіакальныя созвѣдія*; если простое счисленіе *дней и годовъ, и змѣнній и времени* развилось въ обширнѣйшія системы астрономіи и хронологіи Кеплера и Ньютона; если прочитанъ безмолвный языкъ и объясненъ во всѣхъ странахъ отъ арктическаго полюса до антарктическаго океана, то все это потому, что Поставившій эти свѣтила на тверди небесной восхотѣлъ, чтобы существовали соотвѣтствующія свѣтила въ человѣческой твари на землѣ; потому что онъ насадилъ въ человѣческой душѣ инстинктъ, по которому, въ виду этихъ чудесъ творенія, она желала видѣть ихъ лицомъ къ лицу, съ глазу на глазъ; потому что въ этихъ древнихъ священныхъ библейскихъ повѣствованіяхъ слышалось желаніе видѣть въ будущемъ истолкователя, переводчика, объяснителя этихъ тайнъ; потому что авторы священнѣйшей *книги книгъ*, предлагавшіе оныя, были наполнены безстрашнымъ стремленіемъ къ свѣту и ревностнымъ непрестаннымъ движеніемъ къ истинѣ...

Вотъ начало, продолжалъ проповѣдникъ, міровой астрономіи. Вотъ истинное отношеніе библіи къ знанію. Было бы весьма назидательно, говорилъ онъ, прослѣдить постепенный прогрессъ этого изслѣдованія, полное развитіе онаго; но на этотъ разъ я долженъ ограничиться такимъ размышленіемъ, которое нсволью вызываетъ роковая смерть, похитившая изъ нашей среды одного изъ самыхъ передовыхъ истолкователей природы новѣйшаго времени. О немъ, въ особенности, можно сказать, что онъ жилъ среди этихъ небесныхъ свѣтилъ. Рожденный подъ исполинскою тѣнью телескопа, изобрѣтеннаго его знаменитымъ отцемъ, наслѣдовавшій отъ него вдохновенную любовь къ астрономіи, его несравненный геній, онъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства полюбилъ звѣзды. *Свѣтъ былъ моею первою любовью*, обыкновенно говорилъ онъ. Ему было суждено въ первый разъ объяснить *безчисленныя чудеса*, не только въ родныхъ странахъ сѣвера, но и *таинственныхъ земляхъ юга* (Гов. IX. 9) того южнаго полушарія,

въ которомъ, по его собственному краснорѣчивому описанію, *вниманію астронома открывається новое небо и новая земля—небесная поверхность, равная четвертой части небесъ — живая красота Южнаго Креста (созвѣздіе) воспѣтая поэтами, и прославленная перомъ знаменитѣйшихъ путешественниковъ*. Двѣнадцатилѣтними непрестанными трудами, неутомимыми исчисленіями, онъ достигъ возможности, хотя не вполнѣ и несовершенно: *исчислить количество звѣздъ и назвать ихъ всѣ именами* (Ис. 146. 4). Величественное солнце, ежедневный восходъ котораго представлялся псалмопѣвцу столь прекраснымъ и таинственнымъ, сдѣлалось для этого позднѣйшаго астронома самымъ живымъ предметомъ непрестанныхъ размышленій и глубочайшихъ наблюденій. — *О солнце! Откуда твои лучи и отчего твой постоянный свѣтъ?* Эти слова, начертанныя надъ дверью его ученой студіи, казались самымъ лучшимъ девизомъ для почившаго великаго астронома.

Далѣе проповѣдникъ останавливается на нравственныхъ урокахъ, которые извлекаетъ изъ ученыхъ трудовъ почившаго, и изъ того духа, въ которомъ онъ предавался имъ. Сначала онъ говоритъ о томъ, что одинаково относится къ обыкновенной жизни всѣхъ—о вліяніи знанія на наши общественные интересы. — При всей своей страстной любви къ отвлеченной истинѣ, говоритъ проповѣдникъ о почившемъ, въ силу самой этой любви, онъ старался распространить познаніе оной повсюду, гдѣ могъ только найти зрителей и слушателей. Его одушевляло въ постоянномъ энтузіазмѣ глубокое убѣжденіе въ огромной практической важности научнаго знанія, и онъ достигалъ этого, показывая намъ, какъ избѣгать невозможностей, — представляя намъ возможность достигать нашихъ цѣлей самымъ легкимъ, краткимъ и дѣйствительнымъ образомъ, и предохраняя насъ отъ важныхъ заблужденій. (Discourse of Natural Philos. p. 44).

Глубоко интересуясь болѣе духовными вопросами мысли, онъ сознавалъ также съ особенною силою неизмѣримую важность знанія для богословія и философіи, и вслѣдствіе того училъ насъ необходимости точнаго опредѣленія, и строгаго подтвержденія теоріи фактами.

Со всею убѣдительностію сколько примѣра, столько же и принципа, онъ говорилъ объ опасности рѣшать научные вопросы другимъ оружіемъ, кромѣ научнаго — „опасности хотя бы то минут-

наго недовѣрія къ великому и единому характеру истины, — ея способности явиться неизмѣнною во всевозможной формѣ краснорѣчія⁴. *Вы познаете истину и истина сохлаетъ вѣсь свободными* (Іоан. VIII. 32), говорить Апостоль.

Далѣе, продолжалъ проповѣдникъ, онъ въ особенности поучалъ насъ никогда не ослабѣвать въ надеждѣ на безпрестанное усовершенствованіе человѣческаго рода въ его виѣшнемъ прогрессѣ, надеждѣ, которой учить столько же знаніе, сколько и религія, но которую такъ неохотно принимаетъ естественный человѣкъ какъ въ знаніи, такъ и въ религіи. Это научное изложеніе Апостольскаго текста: *забываю заднее, и простираюсь впередъ* (Филип, III. 13). При всей важности смиренія какъ для ученика знанія, такъ и для ученика Богословія не менѣе необходима для того и другаго обязанность надежды безграничнаго упованія въ неистощимыя благодѣянія, изливаемые Подателемъ всѣхъ благъ на природу и человѣка. *Свойство истиннаго философа*, говорилъ почившій, *надѣяться на все возможное, и впродать во все разумное* (Discourse p. 174)... Мы часто слышимъ отъ боязливыхъ и робкихъ людей, продолжалъ проповѣдникъ, что тенденціи знанія доводятъ до матеріалистическаго фатализма. Напротивъ, говорилъ почившій, хорошо знакомый съ этими тенденціями, результаты знанія состоятъ или должны состоятъ именно въ томъ, что предохраняя насъ отъ безпечнаго увлеченія потокомъ событій, даютъ въ наши руки сильное оружіе, съ помощію котораго, мы, какъ нельзя лучше, можемъ бороться съ волками матеріализма, и при благодати Божіей, со временемъ восторжествовать надъ онымъ. Если знаніе дало намъ возможность подчинить всю природу нашимъ цѣлямъ, то къ чему отчаяваться, что человѣческая мудрость, по волѣ и съ помощію Божественнаго провидѣнія, не восторжествуетъ наконецъ надъ тѣми препятствіями, которыя противопоставляютъ великому усовершенствованію недалковидность, себялюбіе и страсть? — Далѣе, не съ громкими фразами, но съ самую простою и твердою вѣрою почившій видѣлъ въ единствѣ знанія отраженіе, неизбѣжное отраженіе Единства единой Верховной Жизни и Воли. Онъ говорилъ, что каждая теорія и изслѣдованіе знанія, при совершенной простотѣ и отрѣшеніи отъ формъ и видовъ, должна всегда сосредоточиваться въ нѣкоторомъ единомъ общемъ центрѣ, въ нѣкоторомъ единомъ общемъ началѣ,

вмѣсто безконечнаго развѣтвленія ихъ, принятаго болѣе варварскими вѣками. Быть можетъ въ этомъ для нѣкоторыхъ есть нѣчто преувеличенное и непонятное; впрочемъ, намъ кажется, что истина единства всѣхъ вещей, провозглашаемая имъ, есть только научное изложеніе того же самаго ученія, которое въ краткихъ, величественныхъ словахъ было изречено съ Синаи: *Господь Богъ твой есть Единый Господь*, или которое находится на первой страницѣ первой священной книги: *Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю*. „*Хаосъ*“, по его словамъ, естественно соотвѣтствуетъ политеизму; „*Космосъ*“—украшеніе, идеальная красота, гармонія, неизмѣнный законъ природы, естественно соотвѣтствуетъ вѣрѣ въ Единаго Верховнаго творца и законодателя всѣхъ.—Наконецъ, продолжалъ проповѣдникъ, если при этой неизмѣримости системъ вселенной, впервые открытыхъ намъ Галилеемъ, изъясненныхъ Ньютономъ, подвергнутыхъ анализу и раздѣленныхъ на классы, двумя Гершелями, если, при этомъ, наше первое чувство есть чувство изумленія и благоговѣйнаго удивленія, то по всей вѣроятности послѣднее слово знанія есть то же, что и конечное заключеніе Апостола въ любимомъ текстѣ Бѣкона: *о бездна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія!* (Рим. XI. 33). Это есть великое ученіе, слабо, смутно, несовершенно сознаваемое нашими предками, но новѣйшими чудесными изслѣдованіями подтвержденное, оживленное, объясненное, раздавшееся отъ полюса до полюса—ученіе о Божественной Безконечности, о Божественномъ Всемогуществѣ. Оно есть интеллектуальное, научное выраженіе тѣхъ свойствъ Божіихъ, которыя мы называемъ Его всеобъемлющею Благостію—Его безграничнымъ долготерпѣніемъ—Его всепроницающимъ правосудіемъ—Его неистощимымъ милосердіемъ. *Есть тѣла небесныя и тѣла земныя и звѣзды отъ звѣзды разнстаетъ въ славу* (I. Кор. 15; 41). Вотъ самый истинный образъ, въ которомъ, даже при несовершенномъ знаніи вѣка, Апостолъ предсказывалъ божественную истину провозглашенную Его Верховнымъ учителемъ въ столь простыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величественныхъ словахъ: *Въ домъ Отца моего обителей много* (Іоан. 14. 2)... Таковы отношенія знанія или религіи, отношенія небесъ вышнихъ къ нашему внутреннему небу, которыя можемъ мы узнать отъ всѣхъ истинныхъ естествоиспытателей, и въ особен-

ности отъ того, который покоится теперь здѣсь среди насъ мирнымъ сномъ смерти.

Теперь, продолжалъ проповѣдникъ, отдернемъ завѣсу далѣе, и обратимся къ еще болѣе практическому уроку изъ того неутомимаго рвенія къ наукѣ, съ которымъ онъ трудился. Конечно для каждаго изъ насъ полезно имѣть предъ глазами эту долговременную жизнь, всецѣло преданную высокимъ, безкорыстнымъ цѣлямъ, проведенную въ трудѣ до самой смерти, въ трудѣ, который, по его собственному выраженію, можно было только сравнить съ трудомъ *„рабочей пчелы въ ульѣ“*. Въ этомъ храмѣ нѣтъ ни одного дитяти, который сердечно не тронулся бы при той мысли, что эти извѣстные труды начались влѣдствіе сыновней гордости, любви и благороднаго соревнованія докончить то, что началъ его знаменитый отецъ. Между моими слушателями нѣтъ ни одного юноши, который бы не укрѣпился въ твердомъ, неуклонномъ движеніи впередъ, при разсказѣ объ этихъ раннихъ университетскихъ дняхъ, когда молодой Гершель, съ двумя, или тремя своими друзьями, далъ обѣтъ: *налечь своею грудью на колесо—и остановить міръ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ нашли его*. Здѣсь нѣтъ ни одного ученаго или политика, здѣсь нѣтъ ни одного ремесленника или артиста, который не воспламенился бы къ дѣятельности пламенными словами, въ которыхъ Англійскій философъ, двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, побуждалъ своихъ апатичныхъ соотечественниковъ слѣдовать уже тогда образцовому примѣру науки и ученой дѣятельности Германіи... Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, погруженнаго въ суеты частной или общественной жизни, который не возвысился бы надъ мелочностію ихъ при мысли объ этомъ великомъ ученомъ, проведемъ свою долготѣнную жизнь выше всякихъ суетъ, волненій и распрей... *Истинное знаніе, говорилъ онъ, подобно истинной религіи, есть мирно-объемлюще въ своихъ вопросахъ и цѣляхъ. Пусть интересы разъединяютъ свѣтскихъ людей, и ревность мучитъ завистливыхъ. Истинные избранники знанія дышатъ или желаютъ дышать болѣе чистымъ воздухомъ. Общее стремленіе къ истинѣ, и къ священной ли то или ученой, есть само по себѣ братство* (Essays p. 651). Здѣсь нѣтъ ни одного старца или юноши, который не согрѣлся бы душевно при воспоминаніи о той спокойной, простой, горячей вѣрѣ, съ которою онъ постоянно стремился къ истинѣ и свѣту, подобно его

любимой птицѣ — жаворонку, всегда парищей къ свѣтлому, солнечному небу. „Подниматься хотя нѣсколько, на высоту, говорилъ почившій, воспѣть хотя на нѣсколько минутъ хвалебный гимнь въ свѣтлыхъ солнечныхъ странахъ, достигать уровня нашей силы; если мы должны пасть, то пасть не разбитыми и сокрушенными, но съ запасомъ свѣжихъ силъ, и снова стремиться къ небу — вотъ счастливый жребій и назначеніе человѣка“⁴. (Essays. pp. 259. 737). Таковъ, по всей вѣроятности, былъ жребій того, о которомъ мы говорили, — который постоянно съ неослабною ревностію сражался съ невѣжествомъ, и отверзаль двери человѣческаго ума для свѣта и знанія...

Вотъ преимущество, заключаетъ проповѣдникъ, которое мы имѣли и можемъ имѣть, останавливаясь, хотя кратковременно, на словахъ и мысляхъ столь чистой и благородной души, недавно взятой отъ насъ Господомъ. Но еще болѣе, это преимущество тѣхъ, которые были его спутниками и друзьями; которые всегда слѣдовали за нимъ начиная отъ его безпорочной юности до почтенной старости; которые собирались кругомъ него въ его спокойномъ и простомъ домѣ, очарованные геніемъ и невыразимою нѣжностію его любви; которые смотрятъ теперь послѣ него на небо — вышнее небо, на которомъ имя его написано въ звѣздахъ, духовное небо, гдѣ его имя написано въ книгѣ жизни. Что касается до насъ то будемъ вѣрить, что онъ *оставилъ міръ лучше, чѣмъ нашель его*. Что касается до него самаго, то приведемъ эти смиренныя, святаго, его собственныя слова: *Достаточно и того, если очистившись отъ земной грязи, я твердымъ шагомъ пойду въ небесное отечество, и безоблаченъ будетъ мой вечерній закатъ*. (Essays. p. 741).

Изъ надгробнаго слова при погребеніи Ливингстона *)

Не завиденъ былъ единственный въ своемъ родѣ жребій Африки. Этотъ громадный, непроницаемый материкъ въ послѣднее столѣтіе былъ особеннымъ предметомъ изслѣдованій и филантропіи со стороны Англии, каковымъ онъ былъ нѣкогда для цивилизованнаго міра Рима и Греціи. Оставаясь нерѣшенной задачей для географовъ, отечество таинственной и прекрасной рѣки, которая

*) Это слово произнесено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, Деканомъ Стэнли 19 апрѣля 1874 года. Перев.

въ теченіе вѣковъ скрывала свои истоки и подстрекала любознательность естествоиспытателей, начиная съ Геродота и до нашего времени включительно, этотъ островъ, о которомъ едва слышали Геродотъ, особенно увлекалъ ихъ воображеніе. Жалкое состояніе африканскихъ племень пробуждало чувство симпатіи въ сердцахъ англичанъ, которое никогда не было знакомо ни греку, ни римлянину, — и которое навсегда засвидѣтельствовано мемуарами лицъ, подвизавшихся на пользу негровъ и отмѣны невольничества. — Такова была сфера, которой, въ означенномъ двойномъ значеніи, была посвящена жизнь усоншаго, стяжавшаго себѣ вѣчную славу извѣстнѣйшаго африканскаго путешественника. Не много найдется людей, въ которыхъ обнаруживалась бы въ такой строгой и устойчивой формѣ только что теперь начинающаяся развиваться благородная страсть къ путешествію въ неизвѣстныя страны, какъ въ почившемъ. Его непреклонной рѣшимости удалось въ первый разъ проникнуть въ то огромное пространство центральной Африки, которое, на взглядъ географовъ, буквально преобразилось изъ дикой пустыни въ славу Ливана. Пустое пространство неизслѣдованныхъ странъ, означавшее на всѣхъ прежнихъ географическихъ картахъ центръ Африки, теперь открылось предъ нами, украшенное величественными лѣсами, — рядомъ озеръ, сіяющихъ, по туземному выраженію, поособно *звѣздамъ въ пустынь*, водопадами, болѣе величественными, чѣмъ самый Ниагарскій, которыхъ никогда прежде не приходилось видѣть глазу цивилизованнаго чело-вѣка, и гдѣ, въ громовомъ, далеко раздающемся, ревѣ пороговъ, въ безпрестанно нарастающихъ гребняхъ бѣлосвѣжной пѣны, въ дымящихся столбахъ постоянно поднимающейся дождевой пыли, сіявшихъ надъ безднами, — простые туземцы, въ теченіе столѣтій, видѣли эмблему, славную эмблему, вѣчнаго Божества — неизмѣннаго царившаго надъ тлѣннымъ. Его постояннымъ усиліямъ, простиравшимся до крайняго истощенія жизненныхъ силъ, мы обязаны постепеннымъ ограниченіемъ того круга, внутри котораго должны были наконецъ открыться источники таинственной рѣки, постоянно манившей къ себѣ всѣхъ путешественниковъ и доселѣ всѣхъ ихъ сбивавшей съ толку. — Мы полагаемъ, что эти истомленные путешествіемъ ноги не безъ значенія покоятся теперь на прахѣ Реннеля, перваго основателя экспедиціи въ Африку. Мы можемъ думать, что, если престарѣлый глава географической науки

въ Англии, не могъ дружески привѣтствовать его при жизни, то конечно встрѣтить его, по смерти, въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ,—какъ своего друга, съ существованіемъ котораго, по видимому, тѣсно было связано его собственное.

Но еще и другое чувство болѣе сильное, чѣмъ его неутомимая жажда къ знанію и ничѣмъ неудержимая любовь къ приключеніямъ, влекло его въ эти отдаленныя страны. Ему была врождена, какъ законъ природы, любовь къ человѣку,—не просто любовь къ человѣческому роду вообще, но любовь къ той особенной расѣ человѣческаго рода, которая своимъ цвѣтомъ, долговременнымъ рабствомъ, упорнымъ сопротивленіемъ вліянію цивилизаціи, отталкивала и привлекала къ себѣ болѣе привелигированныхъ чадъ Сима и Іафета. „Моимъ всегдашнимъ обычаемъ, говорилъ онъ, было со всевозможнымъ усердіемъ оказывать врачебное пособіе, но никогда не позволять моей мысли останавливаться на мрачныхъ сторонахъ человѣческаго характера. Я никогда не могъ представить себѣ вѣру въ такомъ смыслѣ, что будто бы она запрещаетъ христіанскую симпатію“. Благороднѣйшее и возвышеннѣйшее чувство—благородное и возвышенное не только въ Африкѣ, но и въ Европѣ, не только въ язычествѣ, но и въ христіанствѣ! Но кто не знаетъ, что въ сношеніяхъ съ язычниками особенно необходимо обращаться къ означеннымъ индивидуальнымъ дѣйствіямъ христіанскаго благожеланія и благотворительности, хотя оными часто и пренебрегаютъ ради какого либо многообъщающаго энергическаго дѣйствія?! Онъ неоднократно высказывалъ свое убѣжденіе, что естественныя понятія язычниковъ о добрѣ и злѣ мало отличаются чѣмъ либо существеннымъ отъ нашихъ собственныхъ, и оно-то было причиною его общенія съ ними, какъ съ дѣтьми единого и того же небеснаго Отца, которыхъ всегда можно собрать внутри стада единого небеснаго Пастыря; потомъ, во время его кочеваній среди нихъ, въ немъ родилось убѣжденіе въ высшей миссіи—горячее негодованіе, пылкая рѣшимость изобличить и нанести роковой ударъ тому чудовищному злу, которое, по всеобщему согласію, считается одною изъ главнѣйшихъ причинъ бѣдствія и униженія Африки—именно распространенію европейской и азіатской невольничьей торговли. Онъ боролся съ нимъ, какъ съ ядовитымъ змѣемъ, и оно нашло въ немъ своего смертельнаго врага. Каждый изъ нихъ старался задушить другъ друга, и въ этой

борьбѣ—утомленный—погибъ онъ. Смерть его для него самого была, увѣ, очень преждевременна, потому что онъ не могъ видѣть, какъ много успѣлъ въ своей борьбѣ, но мы надѣемся, что она не слишкомъ преждевременна для нашей увѣренности въ томъ, что его успѣхъ будетъ законченъ, и что дѣло, бывшее въ своемъ началѣ и постоянномъ воодушевленіи одною изъ блестящихъ сторонъ имени Вилберфорса, по своемъ довершеніи, прольетъ новую, и особенную славу на имя Ливингстона.

Такимъ онъ являлъ себя въ качествѣ изслѣдователя и въ качествѣ филантропа. Каково же было его особенное значеніе, какъ миссіонера? Я могу, отчасти, должнымъ образомъ отвѣчать на этотъ вопросъ, потому что все эти призванія проистекаютъ отъ одного и того же корня въ человѣческой природѣ, именно, изъ вдохновенія Божественнаго Провидѣнія. Но мы не вполне очертили бы дѣятельность знаменитаго путешественника, если бы не указали въ нѣсколькихъ словахъ его особенное значеніе въ славномъ ряду лицъ,—посвятившихъ свою жизнь на распространеніе христіанской вѣры. Онъ былъ миссіонеромъ не только какъ поставленный на это дѣло руками малаго стада вѣрныхъ слушателей, изъ коихъ нѣкоторые еще при своей жизни могли видѣть, какъ успѣшно онъ выполнялъ порученное ему служеніе, но и какъ одаренный отъ своего Творца особенными дарами для миссіонерской дѣятельности. Онъ не былъ проповѣдникомъ, онъ не былъ учителемъ. Онъ не владѣлъ краснорѣчіемъ устнымъ или письменнымъ. Его карьера была далека отъ этого, и этимъ-то особенно онъ выдавался. Онъ вносилъ съ собою въ свои труды твердое убѣжденіе, не только въ томъ, что на общія основанія гуманности имѣютъ одинаковое право язычники и христіане, но и въ томъ, что въ общихъ правахъ христіанства должны участвовать все христіане. Рожденный и воспитанный въ одномъ изъ иновѣрныхъ обществъ Шотландіи, связанный близкими домашними узами и своимъ собственнымъ миссіонерскимъ призваніемъ съ одною изъ главныхъ конформистскихъ церквей Англіи, онъ считалъ себя свободнымъ—поддерживать сердечныя и дѣятельныя сношенія со всеми христіанами. Онъ всегда находилъ свое задушевное слово одобренія для достопочтенной учрежденной церкви своего государства, и для древней церкви своей родины, въ которой жилъ съ однимъ изъ епископовъ, какъ братъ, въ счастіи

и несчастіи, и даже для римской португальской церкви и учеников Лойолы, отъ которыхъ по нравственнымъ убѣжденіямъ отстоялъ весьма далеко. Если онъ справедливо порицалъ, то также справедливо и одобрялъ. „Какъ миссіонеръ, я никогда не считалъ себя, говорилъ онъ, пресвитеріаниномъ, или послѣдователемъ епископальной церкви, или индипендентомъ, или призваннымъ какимъ бы то ни было образомъ любить одно изъ этихъ учрежденій болѣе, чѣмъ другое“. Его провожали въ могилу и главные нонконформисты Англіи и усердные пресвитеріане Шотландіи,—кратко—всѣ церкви считали его какъ бы своимъ собственнымъ. Всѣ расы, говорящія языкомъ Великобританіи, могутъ признать его своимъ собственнымъ; не только тѣ, которые вскормили его дѣтство и воспитали его юность, но и тѣ, которые, по ту сторону Атлантическаго океана, съ характеристическою энергіею и удивительнымъ успѣхомъ старались въ послѣдніе дни его жизни облегчить его странствованія, и приносить извѣстіе въ Европу объ его существованіи.

Далѣе, онъ вполне былъ проникнутъ тою мыслию, что дѣло миссіонерства не ограничивается никакимъ сословіемъ или классомъ людей. Какъ въ ранней юности онъ тщательно отказывался признать противоположность между наукою и религіею, такъ въ позднѣйшіе годы своей жизни онъ привѣтствовалъ проповѣдь евангелія возвышаемую купцомъ, путешественникомъ, законовѣдомъ, не менѣе, чѣмъ возвышаемую проповѣдникомъ евангелія—спеціалистомъ по части богословскихъ наукъ. Когда, въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ, онъ съ энтузіазмомъ выразилъ свое убѣжденіе, что государственныя лица самыя лучшіе миссіонеры, то училъ этимъ такой истинѣ, которую признаютъ всѣ церкви.

Впрочемъ истинная дѣятельность и сила миссіонерской дѣятельности, какъ видно изъ его ученія и примѣра, можетъ зависѣть преимущественно отъ личнаго характера миссіонера. Вотъ трогательныя по своей простотѣ слова, сказанныя имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: безъ чистоты и справедливости никто не можетъ пріобрѣсти успѣшнаго вліянія въ Африкѣ. Дѣйствія всякаго чужестранца справедливо оцѣниваются здѣсь какъ молодыми, такъ и старыми. Я слышалъ, какъ женщины съ удивленіемъ говорили о бѣломъ человѣкѣ, что онъ былъ чистъ и никогда не предавался грубой безнравственности. Когда онъ явился впервые передъ нами,

то на него съ благоговѣніемъ смотрѣли, какъ на человѣка вышедшаго изъ безднъ морскихъ, съ львиною гривой, сводящаго дождь съ неба; въ послѣдствіи чѣмъ долѣе онъ жилъ между ними, тѣмъ болѣе уважали его, — и не просто какъ справедливаго и христіанскаго благотворителя, но и какъ въ высшей степени нравственнаго человѣка; и когда, въ будущемъ какому либо путешествующему чужестранцу покажутъ на его могилу въ этомъ храмѣ, и скажутъ, что въ ней покоится прахъ знаменитаго путешественника, погибшаго въ отдаленныхъ пустыняхъ Африки, — то самая эта могила представится ему самымъ вѣковымъ памятникомъ величія почившаго Ливингстона. — Вотъ неоспоримый знакъ преданности къ нему, одушевившій собою африканскихъ юношей, въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ предпріятій: въ теченіе шести мѣсяцевъ они несли на себѣ послѣдніе останки своего почившаго господина, не смотря на всѣ естественныя препятствія подобнаго пути, не смотря на всѣ врожденные предрасудки укороенившася суевѣрія, на всѣ противодѣйствія со стороны враждебныхъ сторонъ.

Теперь, — одно слово въ заключеніе. Эти африканскіе юноши исполнили свою обязанность. Какая же наша обязанность? Мы слышали, что послѣднія слова знаменитаго путешественника были слѣдующія: *я иду домой*; — *домой* въ томъ и другомъ значеніи, — душою въ домъ Отца небеснаго, — а смертными останками — въ землю своихъ отцовъ. Онъ возвратился домой, къ намъ, въ свое отечество. Никогда не забудемъ, что, сдѣлавшись космополитомъ, почти африканцемъ, онъ былъ тѣмъ не менѣе кость отъ костей нашихъ, и плоть отъ плоти нашей.

Онъ никогда не забывалъ свое мѣсто рожденія, свою родную Шотландію, или своихъ англійскихъ друзей. Подобно своему предшественнику, Мунго-Парку, проводившему уединенныя ночи путешествія въ напѣвахъ дорогихъ веселыхъ пѣсень своей родины — Давидъ Ливингстонъ любилъ находить въ чудныхъ ландшафтахъ центральной Африки большее или меньшее сходство или съ долинами своего родимаго Кляйда, — или съ цвѣтущими холмами Кемпси. — Онъ былъ однимъ изъ насъ. — Подобно Тельфорду или Стофенсону, рядомъ съ которыми покоится теперь, онъ былъ, такъ сказать, творцемъ своей судьбы, своего характера. Кто изъ присутствующихъ здѣсь дѣтей — не вдохновится примѣромъ этого неуныльнаго прилежанія, вслѣдствіе котораго, въ лѣта своего дѣт-

ства, при шумѣ машинъ, онъ почерпаль свѣдѣніе за свѣдѣніемъ изъ книги, лежавшей подъ его бумагопрядильною машиною? Кто изъ присутствующихъ здѣсь мужей—не найдетъ для себя поощренія и ободренія въ этой постоянно твердой настойчивости, вслѣдствіе которой, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, считая за ничто препятствія времени и пространства, при непрерывныхъ трудностяхъ, при непрестанныхъ немощахъ духа и тѣла, съ горькимъ чувствомъ уединенія, осгавленія, разочарованія, онъ твердо стремился къ довершенію дѣла, которое рѣшился окончить, — или умереть за оное.—Эти примѣры полезны для всѣхъ насъ, какъ урокъ.—Кто изъ присутствующихъ здѣсь не укрѣпится въ исполненіи своихъ обязанностей высокаго ли то или низкаго званія, при видѣ долговременнаго осуществленія почившимъ великаго нравственнаго правила наслѣдованнаго имъ, какъ драгоценное семейное наслѣдство, отъ одного изъ своихъ сельскихъ родственниковъ, и состоящаго только въ двухъ словахъ: *будь честенъ!*—Припомнимъ при этомъ и другія слова, сказанныя ему нѣкогда съ смертнаго одра однимъ бѣднымъ шотландскимъ крестьяниномъ: да, мое дитя, старайся дѣлать исполненіе правилъ религіи—ежедневною потребностію твоей жизни, и не считай оное только дѣломъ досуга или приличій; потому что, если ты не будешь поступать такъ, то подпадешь искушеніямъ и другимъ злымъ навикамъ. „Англійскія дѣти, какого бы званія и состоянія вы ни были, вспомните, что такое же дитя, какъ и вы, достигло впослѣдствіи неуспяною дѣятельностію этой знаменитой карьеры, стяжало себѣ это безсмертное имя. Потому *укрѣпляйте немощныя свои руки и утверждайте слабыя колѣна. Будьте сильны, и не бойтесь...* Дѣянія, подобныя вышеуказаннымъ, поистинѣ суть Алпійскія высоты и вершины жизни, —поистинѣ суть надежныя пристани въ нашемъ земномъ странствованіи. — И когда мы разсматриваемъ тѣ цѣли, къ которымъ онъ стремился во всю свою жизнь—распространеніе знанія до отдаленнѣйшихъ концовъ земли, избавленіе цѣлой части земнаго шара отъ проклятія варварства и язычества, и отъ проклятія и злобы цивилизованныхъ людей, гораздо болѣе ненавистныхъ всякаго варварства и идолопоклонства,—то предъ нами, и не только предъ нами, но и предъ всею нашею націею и всѣми европейскими націями, невольно раздаются изъ этой могилы послѣднія пророческія слова, произнесенныя имъ, еще въ полнотѣ жизненныхъ

силъ, предъ англійскимъ университетомъ, оказавшимъ особенную честь его трудамъ: „я знаю, что, чрезъ нѣсколько лѣтъ, меня не будетъ въ этой странѣ, которая теперь открыта. Не закрывайте ее опять. Я снова иду въ Африку—проложить открытую дорогу для торговли и христіанства; постарайтесь докончить дѣло мною начатое. Предоставляю его вамъ.“ Вамъ, государственные лица и купцы, изслѣдователи и миссіонеры, предоставляетъ онъ вполнѣ осуществить эти его намѣренія. Вамъ отважные умы молодого, подрастающаго поколѣнія,—предоставляетъ онъ испробовать свою энергію въ предпріятіяхъ такъ же благородныхъ какъ его,—еще болѣе благородныхъ оттого, что они были полезны, еще болѣе доблестныхъ оттого, что они были предприняты для славы Божіей и блага человѣчества.

Бисмаркъ во время Франко-Германской войны.

Англійская газета *The Guardian* (March 7. 1879.) о книгѣ Д-ра Буша: *Bismark in the Franco-German War* (Бисмаркъ во время Франко-Германской войны). Перев. съ Нѣмецкаго на Англійскій. 2 тома. *).

Эти два тома составлены по тому же самому плану, какъ жизнь Джонсона, составленная Босвелемъ. Другими словами Бисмаркъ въ книгѣ Д. Буша является главнымъ центральнымъ лицомъ, а авторъ преимущественно занимается сообщеніемъ свѣдѣній о томъ, что Бисмаркъ говорилъ и дѣлалъ, безъ всякихъ комментаріевъ. Мѣстами много говорится о положеніи другихъ дѣйствующихъ лицъ во время Франко-Германской войны съ точки зрѣнія Д. Буша. Онъ любитъ подробно ссылаться на собственные свои передовыя статьи, чтобы показать, какъ тѣ или другія его мысли, иногда не совсѣмъ ясныя, сообразовались съ обстоятельствами въ извѣстное время; здѣсь вы найдете довольно оживленное описаніе Седана; здѣсь находится прямое доказательство тому, что присоединеніе было рѣшено, по крайней мѣрѣ,

*) Мы съ намѣреніемъ приводимъ изъ Англійской газеты полную біографію книги Д-ра Буша, какъ поясняющую многія стороны характера настоящаго Германскаго Канцлера.

тогда же послѣ сраженія при Вертѣ; большая важность, приписываемая мнѣніямъ англичанъ, видна изъ той заботливости, съ которою были препровождаемы Д. Бушемъ въ лондонскіе журналы исправленныя подробности и множество статей изъ англійской газеты Times (представительницы англійскаго мнѣнія) переведенныхъ на пользу короля Прусскаго. Собственныя передовыя статьи Д. Буша занимаютъ большую часть этой части книги. Какъ бы то ни было—главный интересъ всего сочиненія сосредоточивается на повѣствованіи о Бисмаркѣ.... Д-ръ Бушъ въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ намъ совершенно Босвеля. Его, напр., поклоненіе своему герою безпримѣрно. Бисмаркъ—это политическій Лютеръ, Ахиллъ, со всеми лучшими качествами Ахилла, *центр цивилизованнаго міра въ Европѣ*, въ рукахъ котораго сходятся его нити и измѣняютъ свое направленіе по его плану. Въ книгѣ подробно говорится о томъ, что Бисмаркъ любилъ ѣсть и пить, вѣроятно потому что *подобныя мелочи, по мнѣнію автора, лучше раскрываютъ чувства и характеръ людей, чѣмъ великія и славныя дѣянія*. Нашимъ читателямъ пріятно будетъ узнать, что Бисмаркъ сѣдалъ ежедневно хорошей объѣды, и любилъ портеръ, смѣшанный съ шампанскимъ. Одинъ анекдотъ есть просто перепечатка изъ Босвеля, сдѣланная съ намѣреніемъ или случайно—не знаемъ, хотя Д. Бушъ, по видимому, совершенно не знакомъ съ этимъ фактомъ. Рассказываютъ, что Джонсонъ сказалъ однажды въ застольной бесѣдѣ одному изъ своихъ гостей слѣдующее *bo p m o t*; „нѣтъ, сэръ, красное вино—для мальчиковъ, портвейнъ—для мушницъ, но тотъ, кто желаетъ быть героемъ, долженъ пить водку“. Бисмаркъ это *bo p m o t* передалъ въ слѣдующей фразѣ: „*Всякій генераль, разсуждающій о напиткахъ, долженъ имѣть въ виду главнымъ образомъ слѣдующее: „красное вино—для дѣтей, шампанское—для мушницъ, а шнапсъ—для генераловъ“.*—Единственное существенное различіе состоитъ въ томъ, что Прусскій генераль, по скромности, не называетъ себя здѣсь героемъ....

Впрочемъ оставляя въ сторонѣ Г. Буша, и его статьи, и его подробности о любимыхъ напиткахъ г. канцлера Пруссіи, спрашиваемъ, какое понятіе можетъ составить себѣ читатель о самомъ Бисмаркѣ, на основаніи означенной книги? Говоря вообще, мы думаемъ, что характеръ его представленъ здѣсь очень сильнымъ, даже нѣсколько суровымъ, но, при томъ, одностороннимъ и раз-

витымъ преимущественно въ практическую сторону. Конечно, наши читатели не должны забывать при этомъ, что существуютъ три условія, значительно вліяющія на тѣ впечатлѣнія, которыя они могутъ вынести изъ прочтенія означенной книги. Во первыхъ Д. Бушъ наблюдалъ Бисмарка при такихъ обстоятельствахъ, которыя рисуютъ въ немъ, по преимуществу, политика. Всякій, кто только читалъ небольшой томъ писемъ Бисмарка къ своей супругѣ, изданный осенью 1878 года, при сравненіи его съ книгою Буша, сразу увидитъ, что въ послѣдней характеръ Бисмарка изображенъ не полно и односторонне. Далѣе, Д. Бушъ едва ли можетъ очень вѣрно и обстоятельно развивать свои, и передавать чужія мысли. Такъ, напр., когда Бисмаркъ спросилъ у него: *къ чему требуется изученіе Греческаго языка?* онъ отвѣчалъ на это общеою фразою: — *Для умственной образованія*; и Бисмаркъ, разумѣется тотчасъ же указалъ ему на несостоятельность такого отвѣта И, въ третьихъ, интересы Бисмарка идутъ далѣе политики, чѣмъ то представлено въ книгѣ Д. Буша; такъ напр., онъ владѣетъ воображеніемъ. Хотя не музыкантъ, но онъ любитъ музыку. — Я не побоялся бы, замѣтилъ онъ однажды о себѣ, быть заключеннымъ на долгое время на самый уединенный островъ, лишь только бы при мнѣ находилось семь или восемь томовъ произведеній Гѣте. И за тѣмъ въ немъ видна замѣчательная сила вѣры въ Бога, о которой, впрочемъ, не столько говорится въ книгѣ Д. Буша, сколько въ письмахъ, на которыя мы указали.

То чувство долга въ солдатѣ, писалъ онъ, который съ покорностію идетъ подъ пушечные выстрѣлы одинъ, *въ темнотѣ* (вѣроятно онъ разумѣлъ подъ послѣднимъ словомъ слѣдующее: — не думая о чести и наградѣ за то, что мужественно сражался и безъ надежды возвратиться живымъ) чуждо французамъ. Этимъ чувствомъ онъ обязанъ той вѣрѣ, которая доселѣ еще тлится въ нашемъ народѣ. Я знаю, говоритъ онъ себѣ, что есть Высшее Существо, видящее меня, когда Лейтенантъ не видитъ.

„Полагаете ли Вы, Ваше Превосходительство“, спросилъ однажды Фурстенштейнъ, „что солдаты дѣйствительно размышляютъ объ этомъ“. — „Размышляютъ — совсѣмъ нѣтъ; я думаю, что это просто чувство, внутренний голось, — инстинктъ. Если бы они стали размышлять, тогда потеряли бы оно. Тогда они говорили бы о немъ. Я не понимаю, какъ люди могли бы жить вмѣстѣ,

въ обществѣ и согласіи, исполняя свои обязанности и предоставляя другимъ исполнять свои, если бы они не имѣли вѣры во Всеблагаго Бога, Верховнаго Судію, и въ будущую жизнь.—Если бы я пересталъ быть христіаниномъ, то ни на минуту не остался бы на своемъ посту. Если бы я не уповалъ на Бога, то, конечно, не такъ сталъ бы дѣйствовать въ политической сферѣ.— Вѣрѣ я обязанъ тѣмъ, что живу и занимаю довольно видное положеніе. Къ чему я сталъ бы тревожиться и непрестанно работать и трудиться въ этомъ мірѣ, подвергаясь частымъ огорченіямъ и непріятностямъ, если бы не имѣлъ чувства, что долженъ исполнить мой долгъ въ отношеніи къ Богу. Если бы я не вѣровалъ въ божественный Промыслъ, предназначавшій Германскую Имперію къ великой и славной будущности, то немедленно отказался бы отъ дипломатическаго портфеля, или и совѣтъ не принималъ бы его на себя.—Ордена и титулы не прельщаютъ меня. Та душевная твердость, которую я выказалъ, десять лѣтъ тому назадъ, противъ всевозможныхъ нелѣпостей, зависѣла единственно отъ моей крѣпкой вѣры въ Бога. Отнимите у меня эту вѣру, и вы отнимете у меня мое отечество. Если бы я не былъ добрымъ, вѣрующимъ христіаниномъ, не носилъ въ себѣ этой сверхъестественной основы религіи, то у васъ никогда не было бы такого канцлера. Найдите мнѣ преемника съ такою же вѣрою и надеждою, и я тотчасъ же сойду съ своего высокаго поста,—но я живу среди язычниковъ“.

Это мѣсто выставляетъ, между прочимъ, одинъ изъ недостатковъ Д-ра Буша. Онъ передаетъ слова Бисмарка, опуская отвѣты другихъ, черезъ что сильно понижается интересъ рѣшеній Бисмарка. Впрочемъ, независимо отъ сего, это въ высокой степени проявленіе вѣры въ подобномъ лицѣ.— И замѣтите, что понятіе Бисмарка о Богѣ — есть преимущественно понятіе о Богѣ долга и справедливости, Который награждаетъ поступающихъ по требованіямъ долга и справедливости и наказываетъ уклоняющихся отъ исполненія оныхъ.

Если хотятъ судить о Бисмаркѣ по этой книгѣ, то непременно должно имѣть въ виду приведенное нами свидѣтельство о религіозныхъ его вѣрованіяхъ. Впрочемъ, не смотря на пристрастное удивленіе къ Гэтте, любовь къ музыкѣ во время утомленія, и религіозныя мнѣнія, мы все таки думаемъ, что его характеръ въ

книгѣ Дра Буша представленъ очень сильнымъ, но при томъ нѣсколько суровымъ и одностороннымъ.... Возьмемъ для примѣра его взглядъ на политику и войну. „На вопросъ, предлагаемый каждымъ политикомъ: *полезно ли это?* Я (т. е. Бисмаркъ) отвѣчаю, — что въ интересахъ побѣдителя полезно представлять побѣжденныхъ такой власти, которая можетъ единственно, поддерживаться арміею, потому что въ подобномъ положеніи они забудутъ думать объ иностранныхъ войнахъ“ Д-ръ Бушъ приводитъ также слѣдующія его слова: „Будущность Франціи нисколько не касается насъ.... По отношенію къ намъ она важна на столько, на сколько касается нашихъ интересовъ, *такъ какъ личные интересы въ политикѣ должны служить путеводною звѣздой.*“ Вотъ взглядъ Князя Бисмарка на политику, и какъ онъ странно вяжется съ тѣмъ экстрактомъ, который мы привели подробно выше!— Старинное изрѣченіе, что есть такіа дѣла, которыхъ не должно дѣлать даже, еслибы грозила смерть, вѣроятно отнесено имъ къ числу Сократовскихъ парадоксовъ. Точно также онъ желалъ пріобрѣсти одну крѣпость, и тѣмъ хорошенько обезпечить границы.“ Эльзась, сказалъ онъ при этомъ случаѣ, есть профессорская идея. Онъ не могъ понять и смѣялся, когда М. Тьеръ при переговорахъ называлъ то или другое „*недостойнствомъ и оскорбленіемъ.*“ Его презрѣніе и ненависть къ Гарибальди, во время борьбы за Республику, были всѣмъ извѣстны.—Его ненависть къ краснорѣчію даже забавна. Онъ считаетъ его вреднымъ, *Даръ краснорѣчія, замѣтилъ онъ однажды, много причинилъ зла въ парламентской жизни.* „*Для Француза все заключается,* замѣтилъ онъ при другомъ случаѣ, *въ величественной осанкѣ, напыщенной рѣчи и впечатлительной театральной мимѣ.* Потому, естественно, что онъ любилъ посмѣяться надъ всѣми попытками Жюля-Фавра и Тьера, разшевелить его сердце. Взглядъ Бисмарка на войну согласовался съ его взглядомъ на политику. Онъ во все время настаивалъ на бомбардированіи Парижа. Онъ непрестанно приходилъ въ негодованіе, когда много было брато въ плѣнъ французскихъ солдатъ „ихъ должно разстрѣливать“ замѣчалъ онъ при извѣстіи объ этомъ. Тѣхъ солдатъ, которыхъ брали живыми въ плѣнъ Туркосовъ, онъ обыкновенно сажалъ подъ арестъ. Это не относилось только къ французскимъ стрѣлкамъ.

„Около 11-ти часовъ изъ Верта пришла телеграмма, извѣщав.

шая о вылазкѣ изъ Парижа этимъ утромъ. Она была направлена противъ Л'Этажъ, и около 500 человекъ были взяты въ плѣнъ. Главнокомандующій очень сердился на то, что берутъ живыми въ плѣнъ, вмѣсто того, чтобы сразу добивать ихъ на мѣстѣ. — У насъ и безъ того много плѣнныхъ, говорилъ онъ, и Парижане отдѣляются отъ множества потребителей, которыхъ мы должны кормить, и для которыхъ у насъ нѣтъ мѣста.“

Равнымъ образомъ Бисмаркъ сильно противился подвозу провіанта въ Парижъ въ виду капитуляціи: „Это, думалъ онъ, заставитъ его скорѣе сдаться.“ О Женевской конвенціи онъ замѣтилъ..... „Это беземыслица—и война не можетъ вестись такимъ путемъ.“ Жюль Фавръ сталъ говорить ему однажды объ опасности возмущенія въ Парижѣ: „Ну чтожъ? отвѣтилъ онъ, возбудите въ такомъ случаѣ возмущеніе, если вы имѣете еще армію для подавленія его, и онъ, замѣтилъ при этомъ Фавръ, посмотрѣлъ на меня съ такимъ ужасомъ, какъ будто говорилъ: какъ-же, однако, вы кровожадны!

Кромѣ того,—Бисмаркъ представляется намъ въ книгѣ Д. Буша человекомъ *одностороннимъ*. Это несомнѣнно, одинъ изъ сильнѣйшихъ характеровъ, ненавидящій ложь и притворство, и вѣроятно, какъ разъ, приходящійся по душѣ М. Карлейлю; но его интересы представлены не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ можно было бы ожидать того. — Конечно, какъ мы уже замѣтили выше, при этомъ нужно принимать въ соображеніе обстоятельства времени, которыя изображаетъ означенная книга. Если вы къ свѣденіямъ, сообщаемымъ въ книгѣ, присоедините свѣденія, заключающіяся въ письмахъ, то характеръ обрисовывается ярче и полнѣе. Вы, напр., интересуетесь охотою, купаньемъ, путешествіями и пр. и пр., но въ этихъ томахъ, кромѣ политики, мало говорится о чемъ либо подобномъ; вообще очень мало литературнаго такта. Разказы Д. Буша, по преимуществу, политическаго свойства, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ очень забавны, но онѣ, все-таки съ политическимъ оттѣнкомъ; и, признаться сказать, нѣсколько непріятно читать между строкъ, что центръ цивилизованнаго міра въ Европѣ, мало имѣетъ расположенія и склонности къ умственной культурѣ.

Мы не приводимъ здѣсь болѣе разказовъ изъ числа указанныхъ въ книгѣ Д. Буша, ни его сужденій о различныхъ лицахъ

частью потому что для этого потребовалось бы много мѣста и времени, а отчасти потому что онѣ касаются лицъ, доселѣ еще живущихъ и дѣйствующихъ въ политическомъ мѣрѣ.—Изъ этихъ разсказовъ видно, что Бисмаркъ владѣеть большимъ остроуміемъ въ чемъ, впрочемъ, отказано его жизнеописателю. Подобно тому, какъ Гренвилъ въ своихъ мемуарахъ, Князь Бисмаркъ не прочь покритиковать своихъ политическихъ собратовъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ доселѣ еще живы. Не такъ какъ Босвель — Д. Бушъ передаетъ имена. Въ числѣ другихъ—Генераль Штейнмець, Грамонъ (онъ могъ бы быть, по мнѣнію Бисмарка, отличнымъ смотрителемъ за дичью), Людовикъ Наполеонъ, Меттернихъ, Тьеръ, Жюль Фавръ, Фонъ-Арнимъ, Гумбольдтъ и Морни,—всѣ подвергаются его суду и, говоря вообще, суду не слишкомъ благосклонному и снисходительному. Эту часть книги не совсѣмъ пріятно читать, хотя она очень забавна. При томъ сужденія Бисмарка—довольно презрительны и циничны. Фельдмаршалъ Фонъ-Молтке единственное лице, о которомъ не сказано ничего дурнаго. Всѣ имѣютъ тотъ или другой недостатокъ. Но съ другой стороны справедливость требуетъ сказать, что его презрѣніе есть только кажущееся. Князь Бисмаркъ, напр. смѣется надъ Тьеромъ и Жюлемъ Фавромъ, но, по мимо ихъ интеллектуальныхъ способностей, которыя, по его мнѣнію, настроены слишкомъ на высокой тонъ, онъ самихъ ихъ считаетъ весьма пріятными людьми и любитъ ихъ; и его заботы о своихъ раненыхъ солдатахъ, его удивленіе къ храбрости Саксонцевъ, выкупаютъ этотъ грѣхъ, если онъ и былъ дѣйствительно.—Князь Бисмаркъ, по видимому, былъ очень любимъ своими солдатами, чему мы, впрочемъ, нисколько не удивляемся.

Въ заключеніе, говоря вообще о книгѣ Д. Буша, считаемъ справедливымъ замѣтить, что если мы, по прочтеніи оной, и разочаровываемся нѣсколько въ Князь Бисмаркъ, то все-таки, ни какъ не можемъ не сознаться въ томъ, что это одна изъ самыхъ интересныхъ личностей, одинъ изъ самыхъ сильныхъ характеровъ, и что самая книга стоитъ внимательнаго прочтенія.

VI. Юбилеи.

Заштатнаго священника села Яковлевскаго Пехорна тожъ Д. П. Воинова.

Село Яковлевское, Пехорка тожъ, извѣстное въ народѣ болѣе подъ названіемъ Леонова, находится въ разстояніи отъ Москвы, по Владимірскому шоссе, въ 18 верстахъ. Оно замѣчательно какъ своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, такъ и нѣкоторыми историческими воспоминаніями. Черезъ село проходитъ, нѣкогда такъ оживленное, Владимірское шоссе, съ красивымъ черезъ рѣчку Пехорку мостомъ; на горѣ—прекрасной архитектуры церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго, и рядомъ съ нею обширный господскій домъ; по сторонамъ церкви и дома виднѣются разбросанныя кучами деревья и цвѣтники. Изъ церковно-историческихъ воспоминаній замѣчательно то, что въ этомъ селѣ, до своего постриженія въ монашество, былъ іереемъ святитель Серапіонъ, въ послѣдствіи архіепископъ великаго града Новгорода, почитающій въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, въ Серапіоновской палаткѣ. Мы знаемъ это изъ пролога; и въ немъ не только наименовано самое село Яковлевское, но и указано его положеніе и разстояніе отъ Москвы *). Мѣстное преданіе объясняетъ наименование села Яковлевскимъ тѣмъ фактомъ, что оно принадлежало въ древности боярамъ Яковлевымъ **); и нѣкоторые старожилы рассказываютъ, что они доселѣ еще помнятъ надгробные камни,

*) Смолр. Прологъ, мартъ 16 число.

***) Въ настоящее время с. Яковлевское принадлежитъ г. Шалашникову.

на урочищѣ такъ называемомъ Копылки, *) съ надписями что умершіе были изъ дома Яковлева. Преданіе прибавляетъ, что на означенномъ урочищѣ находился также въ древности женскій монастырь съ кладбищемъ, и мимо его тянулась дорога во Владиміръ. Время построенія деревянной церкви с. Яковлевскаго неизвѣстно, а каменная, во имя Спаса Нерукотвореннаго, вмѣсто деревянной, сооружена княземъ, дѣйствительнымъ камергеромъ А. М. Голицынымъ въ 1786, какъ-то и значится въ клировыхъ вѣдомостяхъ. Какъ о рѣдкости, можно здѣсь упомянуть о томъ, что въ церковной ризницѣ сохраняется доселѣ грамота патріарха Адріана, выданная церкви въ 1700 году, по случаю производившихся переправокъ въ оной. Внутренность храма богато украшена церковною живописью итальянской школы. Для знатока и любителя она представляетъ очень много замѣчательнаго. Стоитъ упомянуть здѣсь о храмовой иконѣ Нерукотвореннаго Спаса, высокой живописной работы, украшенной стразами и, по преданію, существующей болѣе 200 лѣтъ, о картинахъ: Рождество Христово—художника Торелли, Трехъ Радостей, Крещеніе Іоанна. Означенныя иконы и картины были выписываемы бывшими владѣльцами села Яковлевскаго, князьями Голицыными, преимущественно изъ Италіи. Самое село и церковь онаго удостоивали своимъ посѣщеніемъ нѣкоторыя изъ Высочайшихъ особъ; такъ въ 1817 г., были здѣсь, Императрица Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна; а въ 1826 г. Великая Княгиня Елена Павловна. Въ дополненіе къ вышесказанному, можемъ прибавить еще слѣдующее. Къ с. Яковлевскому приписано извѣстное сельцо Горенки, принадлежавшее нѣкогда Долгоруковымъ. Въ домово́й церкви этого сельца, въ 1730 г. 5 апрѣля, было совершено бракосочетаніе князя Ивана Алексѣевича Долгорукова и княжны Натальи Борисовны Шереметевой, извѣстной въ Русской исторіи и литературѣ своею печальною судьбою и безпримѣрнымъ самоотверженіемъ. „Ѣхать надобно было, пишетъ она въ своихъ запискахъ, въ село (Горенки), пятнадцать верстъ отъ города; тамъ наша свадьба была. Въ этомъ селѣ они (Долгоруковы) всегда лѣтомъ жилали; мѣсто очень веселое и устроенное, палаты ка-

*) Въ разстояніи одной версты отъ села.

менныя, пруды великіе, ранжерей и церковь въ палатахъ^{*)}. Домовая церковь, по преданію, была во имя Успенія Божіей Матери, и доселѣ жители сельца Геренокъ^{**}) въ этотъ праздникъ поднимають къ себѣ изъ приходской церкви иконы и служатъ молебны.

Познакомивъ нѣсколько нашихъ читателей съ дѣйствительно замѣчательнымъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, селомъ Яковлевскимъ, скажемъ нѣсколько словъ о юбилей престарѣлаго священноіерея онаго, находившагося за штатомъ, Димитрія Петровича Воинова. Онъ родился въ 1795 г. и получилъ свое образованіе въ Перервинской семинаріи, при ректорѣ оной, архимандритѣ Евгеніи, впослѣдствіи архіепископѣ, 92-хъ лѣтнемъ старцѣ, управлявшемъ Донскимъ монастыремъ. По окончаніи курса въ семинаріи, 22 іюля 1819 г., рукоположенъ митрополитомъ Серафимомъ во діакона къ Димитріевской, что при Голицинской больницѣ, церкви, а 1821 г., по смерти отца своего, священника с. Яковлевскаго Петра Васильева, посвященъ на его мѣсто во священника митрополитомъ Филаретомъ. Въ продолженіе долговременнаго пастырскаго своего служенія, священникъ Воиновъ проходилъ должности духовника, депутата, и былъ награжденъ набедренникомъ и скуфьею. Въ 1859 г., за слабостію здоровья отъ мѣста отказался и съ благословенія его высокопреосвященства передалъ оное сыну своему, нынѣ мѣстному священнику, Н. Д. Воинову. Впрочемъ, по резолюціи покойнаго митрополита, должность духовника духовенства осталась за нимъ и по выходѣ за штатъ. По особенной любви и уваженію къ своему почтенному 74-хъ лѣтнему собрату хотя и состоявшему за штатомъ, духовенство Черкизовскаго благочинія, съ разрѣшенія его высокопреосвященства, по докладу мѣстнаго благочиннаго, рѣшилось отпраздновать пятидесяти-лѣтній его юбилей 28 числа іюля 1869 г., включая^{***}) въ то число и два года діаконскаго служенія. Вечеромъ, наканунѣ праздника,

*) Русскій архивъ за 1867 г. N 1.

***) Въ настоящее время сельцо Горенки занято большею частію обширною фабрикою, принадлежащею почетному гражданину А. В. Третьякову.

***) Собственно пятьдесятъ лѣтъ пастырскаго служенія свящ. Воинова приходилось на 22 іюля, но по случаю тезоименитства Государыни Императрицы было отложено на 28 іюля.

было совершено соборомъ всенощное бдѣніе, а въ самый день торжества—божественная литургія, въ сослуженіи мѣстнаго благочиннаго, священника села Черкизова, І. Знаменскаго, и 9-ти іереевъ Черкизовскаго благочинія. Первенствовалъ въ священнодѣйствіи литургіи самъ юбиляръ. Въ обычное время благочиннымъ была произнесена проповѣдь на слова церковной пѣсни: *Днесь благодать Св. Духа нась собра*. Проповѣдникъ коснулся въ ней разныхъ сторонъ многополезной пастырской дѣятельности юбиляра, и представилъ оную, какъ образецъ для подражанія. По литургіи, было отслужено благодарственное молебствіе Всемилоствому Спасу и провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому, высокопреосвященнѣйшему митрополиту Иннокентію и юбиляру. Краткою, но выразительною рѣчью священника с. Архангельскаго, Никольское тожъ, І. Отрадинскаго, въ которой онъ привѣтствовалъ отъ лица духовенства Черкизовскаго благочинія и поздравлялъ виновника торжества съ пятидесятилѣтіемъ его безпорочнаго многотруднаго служенія, кончилось это духовное торжество. По окончаніи его, все участвовавшіе въ богослуженіи, равно и значительнѣйшіе прихожане, были приглашены юбиляромъ въ домъ раздѣлить скромную трапезу.

Адресъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія Предсѣдателю этого Общества Прот: о. І. Н. Рождественскому по случаю его 50 лѣтняго Юбилея 2 сентября 1876 года.

Высокоуважаемый Отецъ Протоіерей,

Іоаннь Николаевич!

Сегодня исполнилось пятидесятилѣтіе съ того знаменательнаго для Васъ дня, какъ, по окончаніи высшаго богословскаго образованія въ 1826 г. въ Московской Духовной Академіи, Вы удостоились ученой академической степени *маистра богословія* и были опредѣлены высшимъ начальствомъ на должность наставника духовнаго юношества въ одной изъ семинарій.

Пробѣгая мыслью пятидесятилѣтній періодъ Вашего многосторонняго и многоплоднаго служенія наукѣ, церкви и обществу, которое вы проходили и проходите досель, то въ качествѣ нас-

тавника, сердечно любимаго Вашими питомцами, — то въ санѣ истиннаго служителя алтаря, глубоко чтимаго духовными чадами, — то, наконецъ, въ званіи всеми уважаемаго предсѣдателя, или достойнаго члена различныхъ ученыхъ обществъ и другихъ гражданскихъ общественныхъ учрежденій, мы невольно приходимъ къ такому заключенію, что ученая степень, обыкновенно обозначаема въ магистерскомъ дипломѣ словами: *magister* и полученная Вами полѣвка тому назадъ, постоянно, свѣтло и многоплодно, оправдывалась и доселѣ оправдывается всею Вашею полустолѣтнею дѣятельностію, — оправдывается въ самомъ полномъ значеніи этого слова. Да, скажемъ не обинуясь, Вы всегда и всюду были и доселѣ не престаете быть: *magister* т. е. наставникомъ и руководителемъ, поучая и мудрымъ словомъ истины, и опытнымъ пастырскимъ служеніемъ, и всею своею чистою, строго преданною долгу, трудолюбиво-ученою жизнию.

Впрочемъ, предоставляя подробное слово достойной оцѣнки многосторонней и многополезной Вашей дѣятельности лицамъ, которые ближе насъ знакомы съ различными отраслями оной, мы, какъ члены Общества, во главѣ котораго Вы уже нѣсколько лѣтъ достойно занимаете предсѣдательское мѣсто, коснемся лишь этой новой, но не менѣе плодотворной, чѣмъ и прочія отрасли Вашего служенія духовному просвѣщенію. — И во первыхъ, Вы принимали главное и дѣятельное участіе въ самомъ учрежденіи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, освященнаго святительскимъ благословеніемъ въ Возѣ почившаго, приснопамятнаго Митрополита Московскаго Филарета, и доселѣ пользующагося неоцѣненнымъ для него вниманіемъ и сочувствіемъ настоящаго Архипастыря Московскаго Иннокентія.

Въ теченіе тринадцатилѣтняго періода существованія Общества Вы никогда не переставали ревностнѣйшимъ образомъ содѣйствовать осуществленію высокой задачи онаго въ строгомъ духѣ истиннаго православія и благочестія. Общество живо помнитъ тѣ прекрасныя, одушевленные теплымъ религіознымъ чувствомъ, глубоко назидательныя поученія, которыми Вы положили начало въ 1870 году изданію *Воскресныхъ Бесѣдъ*, продолжающемуся доселѣ. По Вашей мысли и Вашими же религіозно-нравственными поученіями въ 1874 году въ томъ же изданіи открылся рядъ объяс-

нительныхъ бесѣдъ на символъ вѣры, молитву Господню, ученіе о блаженствахъ и десятословіе.

Всѣ насущные вопросы современной церковной жизни, которыми такъ богато наше время, возбуждаемые въ различное время членами Общества, постоянно горячо принимались Вашимъ еердцемъ, и рѣшеніе ихъ всегда находило въ Вашемъ лицѣ строгаго, опытнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнаго цѣнителя. Въ доказательство упомянемъ о двухъ наиболѣе важнѣйшихъ церковныхъ вопросахъ, сильно занимавшихъ и доселѣ еще не перестающихъ занимать современное общество, именно о церковно-судебной реформѣ и старокатолическомъ движеніи въ видахъ единенія церковей. Въ обсужденіи перваго вопроса Вы со всею строгостію, ни на шагъ не отступая, не преставали держаться древнихъ вселенскихъ постановленій и церковныхъ правилъ. Когда въ нашемъ Обществѣ возникла мысль объ изданіи въ переводѣ съ подлинника апостольскихъ и соборныхъ постановленій и правилъ съ толкованіями, Вы горячо отнеслись къ этому дѣлу и, благодаря Вашему дѣятельному участію, при учено-литературномъ журналѣ Общества уже другой годъ печатается переводъ апостольскихъ и соборныхъ правилъ, а въ настоящемъ году начало этого труда вышло отдѣльною книгою.

Съ одушевленіемъ и искреннимъ сочувствіемъ отнеслись Вы и ко второму вопросу, о движеніи старокатоликовъ съ цѣлію единенія церковей, — и Ваше живое участіе въ обсужденіи этого вопроса въ духѣ мира и любви, правды и безпристрастія никогда не забудется въ исторіи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Въ справедливомъ вниманіи ко всѣмъ великимъ указаннымъ заслугамъ Вашимъ, какъ предсѣдателя общества, члены онаго ничѣмъ лучше не могутъ выразить свое глубокое уваженіе и признательность въ этотъ знаменательный день пятидесятилѣтія Вашей дѣятельности, какъ поднеся Вамъ св. икону Нерукотвореннаго образа Спасителя въ соотвѣтствіе тому изображенію, которое находится на Вашемъ магистерскомъ крестѣ, знакѣ Вашего ученаго богословскаго достоинства, полученномъ полвѣка тому назадъ и носимомъ вами всегда съ такою честію. Да сохраняетъ Господь и умножаетъ дни вашей жизни, столь плодотворной для блага церкви и общества и столь благопотребной для процвѣтанія

дѣятельности Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, которому вы послужили и служите, то въ качествѣ одного изъ учредителей, то товарища предсѣдателя, то предсѣдателя и вмѣстѣ съ тѣмъ пособника и направителя его учено литературной и народно-просвѣтительной дѣятельности“.

Съ глубокимъ вниманіемъ и слезами на глазахъ выслушалъ маститый юбиляръ этотъ привѣтственный адресъ многочисленной ученой корпораціи, въ трудахъ которой онъ постоянно принималъ и доселѣ принимаетъ самое горячее участіе, какъ ея предсѣдатель. — Вмѣстѣ съ адресомъ, обществомъ постановлено было поднести юбиляру икону Нерукотвореннаго образа Спасителя съ выгравированною на серебряной лентообразной пластинкѣ надписью: „1826 г. сентября 2. 1876 г. Призательное Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія своему предсѣдателю, протоіерееу Іоанну Николаевичу Рождественскому“. Эту икону тотчасъ же, по прочтеніи адреса, временный предсѣдатель Общества и редакторъ его изданій священникъ В. П. Рождественскій поднесъ преосвященному Игнатію, и Его Преосвященство благословилъ ея поклонившагося до земли юбиляра.

Рѣчь по случаю 25-лѣтняго юбилея служенія о. протоіерееа В. П. Рождественскаго.

„Къ празднованію нами настоящаго дня Господня, послѣдняго предъ грядущею Святою Четырдесятницею, случайно присоединилось и другое частное торжество, по случаю совершившагося двадцати-пяти-лѣтняго пастырскаго служенія о. протоіерееа, досточтимаго настоятеля храма сего.

При семъ послѣднемъ празднованіи, достопочтенные отцы и братія, неволью представляется уму нашему прекрасный, приточный образъ одного изъ тѣхъ благихъ и вѣрныхъ дѣлателей, которые, рано по утру, вышли на поприще дѣланія въ вертоградъ Христовомъ. Да, дѣйствительно, *рано по утру*, четверть вѣка тому назадъ, выступилъ на скромную арену пастырской дѣятельности въ этомъ приходѣ, досточтимый о. юбиляръ, и съ тѣхъ поръ, по благодати Божіей, даже доселѣ, неустанно трудится, терпѣливо перенося тягость и злобу дня, естественно и нераз-

лучно сопряженный со всяким служеніемъ, а наипаче съ пастырскимъ. А что его долговременное дѣланіе, по милости Божіей, не бесплодно, — доказательствомъ тому служатъ какъ вообще тѣ награды и отличія, которыми почтенъ онъ Высшимъ Духовнымъ Начальствомъ, такъ и въ частности, настоящее многолюдное собраніе духовныхъ чадъ его, представителей нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій, въ которыхъ, помимо пастырскаго, проходить частное и не маловременное его служеніе. Всѣ они собрались въ храмъ сей воздать молитву благодаренія Творцу всѣхъ временъ и вѣковъ, благоустроющему дѣятельность каждаго, особенно благоустроившему, и непрестающему доселѣ благоустроить четверть-вѣковую полезную и благую дѣятельность достойнаго пастыря и духовнаго дѣлателя.

Освятимъ же день совершившагося двадцати пяти-лѣтняго его пастырскаго священно-служенія молитвою благодаренія Господу, и, съ цѣлію единственно христіанскаго назиданія, остановимся отраднымъ воспоминаніемъ на особенно выдающихся сторонахъ онаго. *И да будетъ, по слову Господню, это у васъ юбилей, день веселія и радованія.*

Рано по утру, сказали мы выше, изшелъ досточтимый о. юбиларъ на дѣланіе свое въ вертоградъ Христовомъ, и должны прибавить къ этому, что почти первыя сѣмена его благодаренія пали и доселѣ падаютъ, взошли и доселѣ восходятъ, на той самой доброй почвѣ, которую составляютъ его настоящіе возлюбленные пасомые. Храмъ сей, въ которомъ столь долгое время настоятельствоеть онъ, несомнѣнно самъ собою свидѣтельствуеть о неуспыномъ раченіи храмо-любиваго пастыря, но мало того, вблизи храма, благодаря его любвеобильной энергіи, пріютились два такихъ прекрасныхъ христіанскихъ учрежденія, въ которыхъ ясно отразился внутренней духъ любви христіанской, тѣсно связующей пастыря съ пасомыми, и пасомыхъ съ пастыремъ. Мы разумѣемъ здѣсь церковно-приходское попечительство о бѣдныхъ, существующее уже два десятилѣтія и Ризположенское Маріинское женское училище для образованія и воспитанія малолѣтнихъ дѣвицъ, существующее болѣе чѣмъ десятилѣтіе въ настоящемъ видѣ и около десяти лѣтъ прежде существовавшее въ видѣ церковно-приходскаго начальнаго училища. Нужно ли говорить здѣсь о великой пользѣ и важности учрежденія школь и попечительство о бѣд-

ныхъ при каждомъ приходскомъ храмѣ, когда и духовная и свѣтская пресса почти единогласно сознають насущную потребность въ оныхъ? Храмъ — священное мѣсто собранія вѣрующихъ для молитвы, и совокупно съ нимъ, съ одной стороны, школа для христіанскаго образованія и воспитанія малолѣтнихъ дѣтей, и въ особенности недостаточныхъ, а съ другой — попечительство для оказанія дѣйствительной помощи приходскимъ бѣднымъ и немощимъ, заповѣданной намъ Христомъ Спасителемъ, — какая это высокая, прекрасная картина, живо напоминающая о первыхъ вѣкахъ христіанства, въ которые молитва постоянно подкрѣплялась и сопровождалась дѣлами благотворенія, и другими подвигами христіанскаго самоотверженія. И такъ, бѣдные и немощіе, собравшіеся въ храмъ сей, и вкушающіе отъ плодовъ приходской благотворительности, и такъ юныя отроковицы, христіански представляемыя и воспитываемыя почти подъ сѣнью храма сего, освятите радостный день сей молитвою благодаренія къ Господу Благодѣющему, и день двадесяти-пяти-лѣтняго юбилея вашего духовнаго благотворителя и руководителя, да будетъ для васъ днемъ веселія и радованія!

Впрочемъ четверть-вѣковое благое дѣланіе досточтимаго о. юбиляра не ограничивалось и не ограничивается единственно отпращиваніемъ многотрудныхъ самихъ по себѣ пастырскихъ обязанностей, нѣтъ, оно простиралось и доселѣ простирается неустанно и на другія отрасли общественнаго служенія. И преувеличимъ ли, если позволимъ сказать себѣ, что и здѣсь, на его дѣланіи видимо почіеть благословеніе Божіе. — Вотъ онъ является намъ въ немало-временный періодъ своего дѣланія — то въ должности законоучителя въ различныхъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ почетныхъ званіяхъ временнаго предсѣдателя Общества Любителей Духовнаго просвѣщенія, и предсѣдателя отдѣла онаго по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ, то въ не менѣе почетной должности энергичнаго много лѣтъ неустанно трудящагося редактора нѣсколькихъ изданій Общества, — какая, по истинѣ, неутомимая дѣятельность, не сдерживаемая ни семейными заботами, ни крайнимъ оскуднѣніемъ, по временамъ, силъ физическихъ. Онъ неудержимо спѣшитъ всюду, гдѣ только требуется слово христіанскаго назиданія и наставленія въ вѣрѣ, благовременнаго разумнаго совѣта, — энергичной поддержки всякаго полезнаго и

благаго начинанія. Это въ полномъ значеніи духовный, неустан-
ный дѣлатель и строитель, по слову Апостола, дающій образъ
вѣрнымъ словомъ и житіемъ; и что же? Велѣдъ его, какъ бы въ
подкрѣпленіе неизбѣжной при всякомъ усиленномъ дѣланіи немощи
человѣческой и поощренія, не престаегь доселѣ теши теплая лю-
бовь, горячее сочувствіе, — глубокое уваженіе, и наставляемыхъ,
и сотрудниковъ, и сослужителей. А развѣ это не явные плоды
благословенія Господня? Но довольно, да не оскорбитъ слово до-
стоюльной хвалы, произнесенное въ искренности сердечной, хрис-
тіанскаго смиренія о юбиляра достопочтеннѣйшаго, и да не по-
кажется оно нѣкоторымъ излишне преувеличеннымъ. Самъ Хри-
стосъ Спаситель устами своего Апостола заповѣдовалъ воздавать
всѣмъ должное... *и ему же честь-честь.*

Въ заключеніе еще одно слово, къ вамъ преимущественно
достопочтеннѣйшіе ктитори и прихожане храма сего. — Вы го-
товитесь выразить свою сердечную любовь и привязанность сво-
ему достойному пастырю, въ сей знаменитый для него и для
васъ день, преподнесеніемъ ему наперснаго, драгоценно-украшен-
наго креста. По истинѣ, прекрасное выраженіе любви и сочув-
ствія! Можетъ ли что быть выше и дороже для всѣхъ, а въ осо-
бенности, для каждаго пастыря церкви, вещественнаго изображе-
нія сего неоцѣнимаго орудія нашего спасенія?

На немъ видимо изображается Христосъ Распятый — Божія
сила и мудрость. Пожелайте же молитвенно, при поднесеніи
оного вашему достопочтеннѣйшему пастырю и духовному отцу,
да подкрѣпитъ его Христосъ Распятый — Божія сила — въ обыч-
ныхъ, неизбѣжныхъ человѣческихъ немощахъ, — и да просвѣтитъ
его Христосъ Распятый — Божія мудрость къ дальнѣйшему, про-
должительнѣйшему, мудрому, дѣланію въ вертоградѣ Христо-
вомъ ко благу своихъ пасомыхъ“!

VII. Некрологи.

Протоіерей Александръ Евѣиміевичъ Нечаевъ.

Въ праздникъ Св. Троицы, 16 мая, 1871 года послѣ непродолжительной болѣзни, на 66 году отъ роду, скончался о. протоіерей Софійской, что на набережной, ц. Александръ Евѣиміевичъ Нечаевъ. Покойный о. протоіерей, сынъ священника г. Москвы, окончилъ свое академическое образованіе въ 1830 г., со степенью перваго магистра академіи. По окончаніи академическаго курса, онъ проходилъ должность профессора Виѣанской семинаріи, а потомъ бакалавра Московской академіи, въ которой, между прочимъ, преподавалъ англійскій языкъ. Въ священника, Софійской, на набережной, церкви, произведенъ въ 1835 году. Такимъ образомъ, слишкомъ *тридцать пять лѣтъ* онъ потрудился подвигомъ добрымъ, молился и священнодѣйствовалъ, при одной и той же приходской церкви. Впрочемъ его служеніе не ограничивалось однимъ только исправленіемъ должности священно-служителя; при высококомъ образованіи, строго развитомъ умѣ, усердной дѣятельности, онъ проходилъ многія другія, возлагаемыя на него начальствомъ, должности. Такъ съ 1839 по 1862 годъ, болѣе 20 лѣтъ, онъ состоялъ на должности ректора Донскихъ училищъ. Съ 1847 года—по день своей смерти, также болѣе 20 лѣтъ, проходилъ благочинническую должность въ Замоскворѣцкомъ сорокѣ. Въ доказательство его всегда усердно ревностной дѣятельности лучше всего говорить тотъ фактъ, что, при введеніи въ семинаріи и училища въ 1867 г. новыхъ уставовъ, избранный въ члены отъ духовенства въ правленіе Донскаго училища, онъ не отказался принять на себя эту

новую обязанность, и исправлялъ оную цѣлое трехлѣтіе. Честное и усердное служеніе его въ священствѣ, полезная дѣятельность по званію благочиннаго и училищнаго ректора, конечно, не оставались безъ вниманія и наградъ со стороны духовнаго начальства. На поприщѣ тридцати-пяти лѣтней своей пастырской дѣятельности, онъ неоднократно получалъ благодарность, и постепенно былъ награждаемъ скуфьею, камилавкою, савомъ протоіерея, орденомъ св. Анны третьей, и потомъ второй степени. Послѣднія награды, впрочемъ уже не заставшія его въ живыхъ, были: благодарность епархіальнаго начальства, какъ бывшему члену правленія Донскаго училища отъ духовенства и орденъ св. Анны второй степени, украшенный Императорскою короною за отлично усердное служеніе.

При многолѣтней своей пастырской дѣятельности, покойный о. протоіерей всегда отличался особенною ревностію и любовью къ украшенію и благолѣпію храма Божія, при которомъ былъ настоятелемъ. По его мысли, въ послѣднее время, художественно-изящно былъ устроенъ, въ прекрасной колокольнѣ Софійской церкви, храмъ въ честь иконы Божіей матери, „Взысканія погибшихъ“. А кто видалъ его величавое, проникнутое духомъ благоговѣнія, священнодѣйствіе, всегда совершаемое въ воскресные и праздничные дни при пѣніи пѣвчихъ, кто слышалъ его поученія, составленныя съ мудрою, духовною, опытностію и вмѣстѣ съ тѣмъ растворенныя сердечностію, тотъ не удивлялся, что приходскій храмъ всегда биткомъ былъ наполненъ молящимися. Жизненный крестъ, неизбежный для всякаго истиннаго послѣдователя Христова, не въ малой мѣрѣ былъ понесенъ и почившимъ. Потеря супруги при многосемейности, пожаръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ истребившій его домъ и имущество, тяжкая болѣзнь постигшая самого его въ прошедшемъ году—вотъ главнѣйшіе изъ тѣхъ испытаній, которыя посылала ему на жизненномъ пути Рука Провидѣнія Божественнаго очищающая и милующая. И онъ не падалъ малодушно подъ этимъ крестомъ, но мужественно, безъ слова ропота, несъ оный до послѣдняго дня своей жизни. Въ горнилѣ этихъ испытаній и невзгодъ, постепенно развивалось, очищалось и созрѣвало религиозное его чувство, обновлялся внутренний человѣкъ. Такъ за два года до своей кончины, покойный о. протоіерей, въ лѣтнее время, предпринималъ двукратныя благочестивыя путешествія

для поклоненія св. мощамъ Кіевскихъ угодниковъ и другой святыни Русской; и, среди этихъ испытаній житейскихъ, въ немъ выработались тѣ честныя христіанскія отношенія къ подчиненнымъ и всемъ знавшимъ его, которыя, при видимой, кажущейся какъ будто серьезности, всегда отличались духомъ христіанской кротости и любви, — долготерпящей, сострадающей страждущимъ и радующей съ радующимися. Удивительно ли, что при такихъ отношеніяхъ, прихожане и подчиненные отвѣчали на любовь любовью и искреннимъ уваженіемъ своему доброму пастырю, высокостоявшему въ средѣ духовенства и по своему образованію и по своей пастырской дѣятельности.

Въ день погребенія его, 19 мая, при огромномъ стеченіи народа, въ приходской церкви было совершено архіерейское служеніе. Вожественную литургію и трогательно величественный обрядъ священническаго погребенія, совершалъ преосвященный Игнатій, епископъ Можайскій, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Надгробное слово, съ указаніями на многообразную дѣятельность почившаго, было произнесено свящ. Воскресенской, что въ Монастичахъ церкви о. Сахаровымъ. Изъ числа духовныхъ лицъ, собравшихся отдать послѣдній долгъ усопшему, многіе получили свое первоначальное образованіе подъ мудрымъ надзоромъ и руководствомъ бывшаго о. ректора Донскихъ училищъ, другіе состояли на училищной службѣ во время его управленія Донскимъ училищемъ. Въ тѣсной толпѣ молящихся, окружавшихъ гробъ, находились также и настоящіе начальники, преподаватели и ученики того училища, которому, въ теченіи 20 лѣтъ, честно и неукоризненно служилъ почившій о. протоіерей. По окончаніи отпѣванія, въ прекрасный весенній день, при колокольномъ звонѣ церкви Замоскворѣцкаго сорока, въ преднесеніи хоругвей и запрестольныхъ иконъ, въ предшествіи многочисленнаго духовенства въ бѣлыхъ облаченіяхъ, при огромномъ стеченіи народа, наполнившаго собою все улицы, гробъ былъ препровожденъ на Даниловское кладбище, гдѣ покоятся супруга и родственники покойнаго о. протоіерея.

Миръ праху твоему, добрый пастырь церкви, долго, честно и вѣрно послужившій церкви Божіей!

Воспоминаніе о почившемъ въ Бозѣ Архіепископѣ Евгеніи.

Заходящее солнце въ прекрасный лѣтній вечеръ далеко отбрасываетъ по горизонту свои лучи; потомъ лучи ежеминутно уменьшаются; свѣтъ ихъ дѣлается слабѣе и слабѣе; вотъ наконецъ скрылся послѣдній лучъ блестящаго свѣтила; оно зашло для новаго свѣта въ другомъ полушаріи. Съ заходомъ солнца, конечно, можно сравнить кончину всякаго, прешедшаго, по слову псалмопѣвца, семьдесятъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ, и подверженнаго непреложному закону смерти; но, безъ всякаго сомнѣнія, это сравненіе съ особеннымъ значеніемъ можетъ быть приложено къ мирной, безмятежной кончинѣ въ Бозѣ почившаго архіепископа Евгенія. День его жизни былъ однимъ изъ продолжительнѣйшихъ. Утренняя заря его началась 30 іюня 1778 г., а вечерняя, послѣдній лучъ которой скрылся за горизонтомъ, угасла 27 іюля 1871 года. Неоспоримо, онъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ іерарховъ Русской церкви, и послѣднимъ представителемъ отдаленныхъ отъ насъ почти на цѣлое шестидесятилѣтіе временъ митрополита Платона. Долголѣтнее прошлое почившаго Архіепископа—сколько отрадное воспоминаніе, столько же и назидательный урокъ для насъ живущихъ. Утро его жизни занималось подъ благотворнымъ вліяніемъ добрыхъ, благочестивыхъ родителей. Сынъ сельскаго священника Владимірской епархіи, онъ, подобно нѣжному растенію, питаемому благотворною влагою, въ самыхъ раннихъ лѣтахъ своего дѣтства былъ напитанъ правилами благочестія.

Осмилѣтній отрокъ, Андрей Казанцевъ (мірское имя почившаго), по выраженію собственноручнаго его дневника, особенно любилъ читать житія святыхъ, часто ходилъ въ церковь, и уже въ этомъ возрастѣ могъ отправлять церковную должность при богослуженіи. Не въ этомъ ли благочестивомъ, религіозномъ воспитаніи скрывались всѣ задатки его послѣдующей, долголѣтней благотворной дѣятельности? Не изъ этого ли добраго сѣмени произрасло съ теченіемъ времени стройное, многоплодовитое дерево?—Добрый сынъ благочестивыхъ родителей былъ награжденъ успѣхами въ ученіи; послѣ девятилѣтняго обученія въ Троицкой семинаріи, ученикъ сдѣланъ наставникомъ; и здѣсь, въ Виѣавіи, любимомъ пребываніи митрополита Платона, подъ тѣнію тѣни-

стыхъ рошей, окружающихъ оную, между только что вступившимъ на поприще служебной дѣятельности префектомъ Евгеніемъ (монашеское имя, принятое имъ въ 1804 г.), и уже оканчивающимъ оное—престарѣлымъ святителемъ Московскимъ, началась тѣсная дружба. Трогательно читать въ дневникѣ почившаго описаніе отеческихъ отношеній Архипастыря Платона къ префекту Евгенію. Въ своихъ письмахъ къ нему, когда послѣдній находился въ Петербургѣ на должности инспектора Академіи, онъ называлъ его нѣжными именами друга, брата, сына, и по возвращеніи на должность ректора Троицкой семинаріи, послѣдовательно поручалъ ему настоятельство различныхъ монастырей. — Пользовавшийся благоволеніемъ знаменитаго Святителя — высоко цѣнилъ оное. Евгеній доколѣ жилъ въ Виоаніи, пишетъ самъ почившій, пользовался почти каждодневною бесѣдою и уже на должности ректора Троицкой семинаріи, еженедѣльно по три раза отправлялся въ Виоанію, и нерѣдко проводилъ тамъ цѣлые дни. — 11 ноября, роковаго 1812 года, не стало знаменитаго святителя. Облагодѣтельствованному имъ Евгенію было суждено произнести надгробное слово надъ останками своего единственнаго отца и благодѣтеля. — Впослѣдствіи первый ректоръ Московской семинаріи, торжественно открытой архіепископомъ Августинимъ въ 1814 г., онъ имѣлъ утѣшеніе присутствовать при празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея оной 1 ноября 1864 г. Да; мы видѣли его на этомъ праздникѣ хотя уже восьмидесяти-шести лѣтнимъ старцемъ, лишеннымъ зрѣнія, но съ удивительною свѣжестію сохранившимъ память и другія душевныя способности. Ровно за 54 года до дня своего погребенія въ усыпальницѣ историческаго Донскаго монастыря, 30 іюля 1817 года, онъ былъ назначенъ настоятелемъ этой обители. Впрочемъ на этотъ разъ недолго, менѣе, чѣмъ годъ, продолжалось его здѣсь настоятельство. Промыслъ Божій звалъ его къ высшему служенію церкви; и вотъ преемственно епископъ Курскій и Бѣлградскій, — архіепископъ Псковскій, Тобольскій, Рязанскій и Ярославскій, съ 1818 по 1853 годъ, онъ повсюду, на югѣ и на сѣверѣ, на западѣ и въ центрѣ нашего обширнаго отечества, проливалъ тихій, живительный свѣтъ своей архипастырской дѣятельности. Правда, свѣтъ этотъ не былъ блестящъ и ослѣпительнъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ въ высокой степени благотворенъ для церкви. — Онъ давалъ жизнь всему, къ чему ни

прикасался. Каждый шагъ его на поприщѣ тридцатипятилѣтняго архипастырскаго служенія знаменовался неутомимою дѣятельностію, неуспыннымъ вниманіемъ на благо духовенства и пасомыхъ.—Это былъ свѣтлый полдень его жизни.—Мы предоставляемъ частныя подробности его многолѣтняго, архипастырскаго служенія на означенныхъ кафедрахъ его будущему біографу; замѣтимъ только одно, что кромѣ обыкновенныхъ епархіальныхъ занятій, исполненіе которыхъ считалъ онъ священнѣйшимъ для себя долгомъ, въ его служеніи встрѣчались такія высокія черты, которыя ставили его много выше другихъ церковныхъ дѣятелей. Безкорыстіе, правдивость, самоотверженіе яркимъ свѣтомъ отражались во всей его неутомимой церковной дѣятельности; и если людская признательность, и краснорѣчивое выраженіе оной—слезы, могутъ считаться наградою истинно полезнаго служенія, то покойный архіепископъ не могъ желать себѣ лучшей и большей награды. При отъѣздѣ почти изъ каждой епархіи духовенство провожало его со слезами. *Плакали всѣ, какъ духовные, такъ и народъ*, краснорѣчиво, просто замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ объ однихъ подобныхъ проходахъ. Непріятности, огорченія, горе—не миновали его, какъ и всякаго, на жизненномъ пути;—иногда бывало ихъ болѣе, чѣмъ довольно. *Въ этотъ годъ*, замѣчаетъ самъ онъ объ одномъ изъ первыхъ годовъ своего епископскаго служенія, *Богъ вспомнилъ грѣхи мои*; но, при высокомъ духовномъ развитіи, они только развивали въ немъ сильнѣйшую преданность волѣ Божіей, сознаніе своего недостойнства, чувство смиренія.—Украшенный знаками монаршаго благоволенія, орденами св. Анны 1 ст., Владиміра 2 ст., Александра Невскаго и др., онъ еще съ 1833 года началъ питать мысль объ увольненіи на покой. Безкорыстный, неутомимый дѣятель, онъ не довѣрялъ себѣ и своимъ силамъ, несмотря на постоянную высокую дѣятельность; онъ опасался малѣйшаго опущенія по части своихъ обязанностей. Его завѣтной мысли объ увольненіи на покой было суждено осуществиться только чрезъ 20 лѣтъ,—2 февр. 1854 г., съ сильно ослабѣвшимъ зрѣніемъ, прибылъ онъ для управленія тою обителію, въ которой тридцать шесть лѣтъ тому назадъ былъ настоятелемъ, и гдѣ послѣ 16½ лѣтняго пребыванія Господь судилъ ему почить мирнымъ сномъ смерти.—Здѣсь догоралъ тихій вечеръ его жизни и кончился долгій день его дѣятельности. Помнимъ мы, какъ ветхій старецъ—

архієпископъ, лишенный зрѣнія, до самой послѣдней своей болѣзни не опустительно каждодневно ходилъ въ храмъ къ утрени, литургіи, вечерни; помнимъ мы всегда радушный, всѣмъ доступный пріемъ его, и бесѣду всегда назидательную и исполненную глубокаго смысла; помнимъ мы—и послѣдній торжественный день въ его жизни, день пятидесятилѣтняго юбилея епископскаго служенія, 14 іюля 1868 г., когда онъ, украшенный орденомъ Владиміра 1 ст., священнодѣйствовалъ съ митрополитомъ Московскимъ и другимъ почетнѣйшимъ духовенствомъ въ послѣдній разъ Божественную литургію.—*Позна солнце западъ свой*, писалъ онъ въ 1825 г. въ своемъ дневникѣ при прибытіи въ Тобольскъ, съ грустной думой взирая на лучи заходящаго солнца.—27 Іюля 1871 г. и ему было суждено наконецъ познать свой западъ. Тихо и незамѣтно угасъ послѣдній лучъ его жизни послѣ трехлѣтней, безмолвно и безропотно переносимой болѣзни.—Гдѣ тайна такой долголѣтней, благотворной церковной дѣятельности, задавались мы вопросомъ при гробѣ почившаго, и невольно приходили намъ на память трогательныя, записанныя въ дневникѣ, въ яркомъ свѣтѣ представляющія его сыновнія отношенія къ родителямъ, слова покойной матери, обращенныя къ почтительному сыну при послѣднемъ прощаніи съ нимъ: ты не сынъ мой, ты отецъ мой! говорила она, обнимая его въ послѣдній разъ.

Обѣтованіе долголѣтія и благоденствія, думали мы при гробѣ почившаго, во очію исполняется и нынѣ надъ всѣми помнящими и свято хранящими Божественную заповѣдь верховнаго законодателя о почтеніи родителей. Въ рѣшеніи нашего вопроса мысленно обозрѣвали мы всю жизнь почившаго, и видѣли въ ней строгую правильность жизни и воздержаніе, точный и неизмѣнный порядокъ въ общественно-церковной и келейной жизни, опредѣленный до самыхъ малѣйшихъ подробностей; и думалось намъ, что тайна долголѣтія и благоденствія почившаго скрывалась именно въ тщательномъ храненіи Божественной заповѣди и нравственныхъ законовъ, несомнѣнно обуславливающихъ долголѣтіе, строгого порядка и аскетическаго воздержанія.—Покойся же о Господѣ мирнымъ, безмятежнымъ сномъ смерти до великаго дня суднаго, архипастырю Божій! Почій отъ трудовъ твоихъ, избранниче Божій, прошедшій долгій, не легкій путь жизни,—родившійся въ отдаленное отъ насъ царствованіе Екатерины, послужившій ду-

ховной наукѣ и церкви въ царствованіе Павла, Александра I-го и Николая I-го, и послѣ долгаго вечера познавшій свою кончину въ настоящее царствованіе Александра II-го.—*Блаженны мертвые, умирающіе въ Господь. Ей, говоритъ Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними* (Апок. 14, 13).

Воспоминаніе о почившемъ Архіепископѣ Леонидѣ Ярославскомъ.

15 декабря 1876 года, въ 10 часовъ утра, въ Бабаевомъ монастырѣ, Костромской епархіи, послѣ внезапной болѣзни, скончался высокопреосвященнѣйшій Леонидъ, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, на 60 году отъ рожденія. Пути Провидѣнія Божія, непостижимые для человѣческаго разума въ жизни каждаго изъ насъ, особенно удивительнымъ и непостижимымъ образомъ сложились во всей жизни почившаго архипастыря. Родившійся въ 1817 году отъ потомственнаго дворянина, товарища герольдмейстера, получившій образованіе и воспитаніе въ одномъ изъ высшихъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, именно въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, послужившій первоначально отечеству въ званіи флотскаго офицера, въ чинахъ мичмана и лейтенанта 14-го флотскаго экипажа Балтійскаго моря,—Левъ Васильевичъ Красноплѣвцовъ (мірское имя и фамилія почившаго), по всегдашнему сердечному влеченію къ усвоенію высшей богословской истины, оставилъ флотскую службу, съ ея заманчивымъ будущимъ, для скромной скамьи и доли студентовъ сначала Петербургской, а потомъ Московской академіи. Здѣсь истина сказала его воспримчивому уму и глубоко религіозному сердцу, и побудила его искать олицетворенія оной въ иноческой жизни. По окончаніи академическаго курса въ 1842 г., сначала со степенью кандидата, а потомъ магистра богословія, опредѣленный наставникомъ духовнаго юношества въ Спасо-Визанскую семинарію, основанную митрополитомъ Платономъ, — молодой морякъ-профессоръ пожелалъ принять санъ иноческій, и вотъ, въ 1845 году, при мощахъ преподобнаго Сергія, въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, было совершено его постриженіе съ переименованіемъ мірскаго имени Левъ—на новое Леонидъ,—по уставу монашескому. Отселъ онъ отрекался отъ пла-

ванія по волнамъ моря житейскаго, выну обуреваемого напастей бурей, — какъ прежде, изъ горячаго стремленія и любви къ высшей идеѣ, отрекся отъ путешествій по волнамъ непостоянной морской стихіи, и могъ теперь сказать о себѣ, что притекъ къ тихому пристанищу, — подъ сѣнь св. церкви и алтаря, подъ надежную охрану молитвы, вѣры и любви. Дальнѣйшая многообразная дѣятельность почившаго преосвященнаго, то въ качествѣ бакалавра академіи, давшей ему высшее богословское образованіе, то въ санѣ архимандрита — ректора двухъ семинарій Московской епархіи, — и преемственно настоятеля двухъ монастырей Златоустова и ставропигіального Заиконоспасскаго, — обнимаетъ собою періодъ времени, преимущественно посвященнаго образованію и воспитанію духовнаго юношества и келейной религіозной жизни съ 1848 по 1859 годъ.

Въ 1859-мъ году ему суждено было свыше воспріять сугубую благодать священства, — новый высшій подвигъ служенія церкви и отечеству.

26-го апрѣля 1859 года, въ Успенскомъ соборѣ торжественно совершена хиротонія ректора Московской семинаріи архимандрита Леонида, въ санѣ епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго, въ Бозѣ почившими митрополитами Московскимъ — Филаретомъ и Фиваидскимъ Никаноромъ, синодальными членами — архиепископомъ Евгениемъ и епископомъ Томскимъ Порфиріемъ, бывшимъ, до сего викаріемъ Московскимъ. Думалъ ли новорукополагаемый епископъ въ этотъ знаменательный для себя день, въ эти священнѣйшія минуты своей жизни, что ему суждено будетъ въ послѣдствіи занять ту самую древнюю епископскую кафедру, которая была освящена святительствомъ Дмитрія Ростовскаго и которую болѣе или менѣе долгое время занимали двое изъ рукоположавшихъ его іерарховъ, — занять на столь короткое время, съ небольшимъ только на полгода, и почти внезапно скончаться на границахъ своей епархіи въ скромной обители Костромской епархіи?! Но пути Господни — не какъ пути человѣческіе, и судьбы Его непостижимы. *Кто убо уразумѣть умъ Господень?!...*

17-тъ лѣтъ епископскаго викарнаго служенія почившаго преосвященнаго, съ апрѣля 1859 года по май 1876 года, мирно и безмятежно прошли подъ руководствомъ двухъ великихъ Мос-

ковскихъ іерарховъ — Филарета, въ Бозѣ почившаго (19 ноября 1867 года) и маститаго іерарха Иннокентія. Чувства глубокой любви, сердечнаго уваженія и преданности по отношенію къ нимъ, неизмѣннаго повиновенія къ ихъ мудрымъ распоряженіямъ, какъ извѣстно, всегда и во всемъ отличали его немаловажное 17-ти-лѣтнее викаріатство и епископство. Въ одинъ изъ скорбныхъ годовъ для Московской церкви означеннаго періода, именно 19 ноября 1867 года, — онъ вмѣстѣ съ преосвященнѣйшимъ Игнатіемъ—другимъ викаріемъ,—былъ, такъ сказать, первымъ свидѣтелемъ блаженной кончины высокопреосвященнѣйшаго Филарета, и главнымъ распорядителемъ торжественно-грустной похоронной его процессіи, а въ слѣдующемъ году, въ одинъ изъ майскихъ свѣтлыхъ дней, — торжественно радостной встрѣчи новаго архипастыря Московскаго. 15-го мая 1876 года старшій викарій Московскій Высочайше былъ назначенъ, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа, на древнюю Ростовско-Ярославскую кафедру, на которой ему суждено было дѣйствовать такъ недолго.

Какъ бы предчувствуя свою близкую кончину, высокопреосвященный Леонидъ,—во второй половинѣ ноября того года, въ послѣдній разъ посѣтилъ столь любимую имъ Москву по дѣламъ постройки храма Христа Спасителя, въ качествѣ члена комиссіи оной. Здѣсь въ послѣдній разъ онъ простился съ Московскимъ архипастыремъ, отъѣзжавшимъ 23-го числа въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, -- съ нѣжно любимымъ имъ Московскимъ духовенствомъ,—со всѣми близкими и дорогими его сердцу родными и знакомыми. Черезъ три недѣли послѣ сего, преосвященнаго не стало, — Господь преселилъ его изъ сей юдоли—въ страну живыхъ!

Не станемъ распространяться здѣсь о свѣтлыхъ сторонахъ характера въ Бозѣ почившаго архипастыря—всегда благороднаго, общительнаго, любящаго, милосердаго къ бѣднымъ, глубоко-религіознаго,—и его неустанно-ревностной дѣятельности на служеніе церкви и обществу,—постоянно отличаеваемой Высочайшими монаршими наградами *).

*) Покойный архіепископъ Леонидъ имѣлъ слѣдующіе высшіе знаки отличія—орденъ: св. Анны 1-й степени, Вавиміра 2-й степени и Червогорскаго Давида 1-й степени.

Московское духовенство и общество живо помнят еще торжественные проводы чтимаго имъ старшаго викарія Московскаго— на новое мѣсто его служенія. Въ прощальныхъ рѣчахъ, сказанныхъ по сему случаю представителями Московскаго духовенства за прощальнымъ объѣдомъ 27-го іюня, ярко и рельефно выставили какъ въ зеркалѣ, — все чистое, доброе и свѣтлое въ его духовной жизни и дѣятельности по отношенію къ церкви, духовенству и обществу. Мы можемъ прибавить къ этому только одно, что почившій архипастырь, яко подобаеть доброму и вѣрному рабу Господню, въ продолженіе всего немалаго времени своего многообразнаго и многотруднаго служенія—государственнаго, общественнаго, церковнаго, — всегда подвигомъ добрымъ подвизался, теченіе скончалъ, вѣру соблюлъ... Пусть же царствующій градъ св. Петра, Троицко-Сергіева лавра, первопрестольный градъ Москва, древній Ростовъ и Ярославль, главнымъ образомъ служившіе центромъ его благоплодной дѣятельности, — помолится Верховному Пастыреначальнику, — да даруетъ въ Бозѣ почившему вѣнецъ правды, уготованный всемъ любящимъ Его, — и да помянетъ архіерејство его во царствіи Своемъ!⁴ *).

Некрологъ о. протоіерея А. С. Терновскаго.

Въ субботу, 8 октября, 1877 г., въ церкви Воскресенія Христова, что на Вражкѣ, происходило погребеніе о. протоіерея Казанскаго собора, Александра Сергѣевича Терновскаго, скончавшагося въ среду, 5-го октября, послѣ не очень продолжительной, но тяжелой болѣзни. Покойный о. протоіерей получилъ высшее духовное, академическое образованіе, и по окончаніи въ академіи курса со степенью магистра, былъ нѣкоторое время бакалавромъ оной. По окончаніи академической службы, онъ постепенно былъ настоятелемъ нѣсколькихъ приходскихъ церквей г. Москвы, какъ то: По-

*) Въ Бозѣ почившій архіенископъ Леонидъ состоялъ почетнымъ членомъ Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, и замѣчательно, что первую, горестную вѣсть объ его кончинѣ—услышали члены этого Общества въ своемъ чередномъ, вечернемъ засѣданіи, 15 декабря, въ самый день его кончины.

кровской близъ Покровскаго моста, Сороко мученической, близъ Новоспасскаго монастыря и наконецъ, не задолго, года за два до своей кончины, былъ переведенъ въ Казанскій соборъ. Кромѣ пастырскаго служенія, покойный о. протоіерей проходилъ болѣе или менѣе долгое время довольно и другихъ должностей, какъ то: былъ членомъ почительнаго совѣта о тюрьмахъ, смотрителемъ Спасо-Андроніевскаго училища, нынѣ закрытаго, экзаменаторомъ для ставленниковъ на священно-церковнослужительскія мѣста, исправляющимъ должность благочиннаго, членомъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Такое многополезное служеніе его церкви и обществу не оставалось безъ справедливаго вниманія со стороны высшаго духовнаго начальства. Въ продолженіи своего многолѣтняго служенія онъ постепенно былъ награждаемъ набедренникомъ, скуфьею, камлавкою, наперснымъ золотымъ крестомъ, орденами св. Анны III и II степени, св. Владиміра IV ст. и наконецъ саномъ протоіерея. Всѣ лично знавшіе покойнаго о. протоіерея, или находившіеся въ близкихъ къ нему отношеніяхъ, глубоко уважали его за высоко-нравственный характеръ; они никогда не забудутъ его неустанной полезной дѣятельности, въ какой бы сферѣ ему не приходилось дѣйствовать, его глубокаго смиренія и простоты въ обращеніи, его постоянной привѣтливости, любви и всегдашней сердечной готовности помочь каждому нуждающемуся въ матеріальной, или духовной помощи. Да, можемъ сказать безъ преувеличенія, это была высоко-симпатичная личность въ ряду служителей дома Божія и дѣятелей вертограда Господня! Божественную литургію, въ день погребенія, при гармонически умилительномъ пѣніи пѣвчихъ, священнодѣйствовалъ преосвященнѣйшій Игнатій, викарій Московскій, съ благочиннымъ Китайскаго сорока, протоіереемъ Н. И. Надеждинымъ, священникомъ І. А. Веніаминовымъ, и нѣсколькими другими священнослужителями г. Москвы. Имъ же было совершено и отпѣваніе, въ которомъ кромѣ означенныхъ лицъ, приняли участіе архимандритъ Златоустова монастыря, о. Аванасій, нѣсколько оо. протоіереевъ благочинныхъ, сослуживцевъ покойнаго, и значительное число другихъ священниковъ г. Москвы и уѣздовъ оной; отъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія на отпѣваніи находился секретарь онаго, соб. іеромонахъ Никифоръ. Трогательное надгробное слово на литургіи, по пропѣтіи причастнаго стиха и ир-

мосовъ: *помощникъ и покровитель* съ особеннымъ чувствомъ было произнесено о. Веняминовымъ, родственникомъ почившаго. Когда печальная процессія, сопровождаемая множествомъ народа, при непрестающемъ колокольномъ звонѣ, приближалась къ послѣдному мѣсту упокоенія почившаго, Новоспаскому монастырю, то у ц. Сорока мучениковъ, при которой такъ долго былъ настоятелемъ о. протоіерей, она была встрѣчена преосвященнымъ Іоанномъ, бывшимъ епископомъ Алеутскимъ, а нынѣ членомъ Московской Синодальной канторы. Здѣсь-же мѣстный священникъ означенной церкви, о. Смирновъ, произнесъ послѣднюю, глубоко-трогательную рѣчь надъ гробомъ своего достойнаго предшественника. Вѣчная память и миръ праху твоему благій и вѣрный служитель алтара Господня, и неустанный дѣятель въ дому Божіемъ!

И. З. Крылова.

12-го декабря 1869 г. въ 2 часа пополудни, послѣ непродолжительной болѣзни, на 54-мъ году своей жизни, скончался въ Москвѣ И. З. Крыловъ. Онъ былъ изъ купеческаго званія, сынъ почетнаго гражданина, и получивъ образованіе въ практической академіи, съ особеннымъ усердіемъ занимался литературными, преимущественно духовно-историческаго содержанія, трудами. Изъ нихъ мы можемъ указать на прекрасно составленное имъ сочиненіе: *жизнь св. Іоанна Крестителя Господня*, которое, явившись въ сороковыхъ годахъ, имѣло нѣсколько изданій; въ пятидесятыхъ годахъ было напечатано имъ сочиненіе: *Исторія св. Животворящаго Креста*, и въ шестидесятыхъ: *Двенадцать Апостоловъ*, трудъ довольно обширный и составленный весьма добросовѣстно. Кромѣ сего покойный помѣщалъ въ *Моск. Вѣдомостяхъ* и другихъ газетахъ прошлыхъ годовъ статьи духовно-историческаго содержанія, какъ напр.: *о крестныхъ ходахъ* и другія. Изъ свѣтскихъ литературныхъ произведеній мы можемъ указать на его *Жизнеописаніе Н. А. Полеваго*.—Всѣ его произведенія согрѣты истинно христіанскимъ одушевленіемъ и чувствомъ. Своими литературными, духовно-нравственными сочиненіями, покойный И. З. Крыловъ неоднократно заслуживалъ одобреніе въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета и получалъ его благословеніе—на дальнѣйшіе труды. Въ своей частной жизни И. З. Крыловъ былъ доб-

рый христiанинъ; онъ всегда съ особеннымъ сочувствiемъ и любовью относился ко всему прекрасному, высокому и честному. Передъ кончиною Господь сподобилъ его приобщиться св. Христовыхъ таинъ. — Отпѣванiе было совершено 15-го декабря въ церкви Смоленской Божiей Матери, а погребенiе въ Покровскомъ монастырѣ. Служенiе заупокойной литургiи было совершено о. архимандритомъ Амфилохiемъ въ сослуженiи 6-ти священноіереевъ. Передъ отпѣванiемъ, надъ гробомъ почившаго, убраннаго живыми цвѣтами, было произнесено надгробное слово, къ которому проповѣдникъ коснулся литературной дѣятельности покойнаго. Миръ праху твоему добрый, благородный дѣятель!

Гепвортъ Диксонъ.

Въ субботу 14—26 декабря 1879 года въ Лондонѣ умеръ извѣстный англійскій писатель и туристъ, Гепвортъ Диксонъ, извѣстный по своимъ сочиненiямъ: *новая Америка*, *) *Духовныя жены*, **) *свободная Россiя* ***) и многимъ другимъ. Смерть его послѣдовала совершенно неожиданно, хотя всѣмъ друзьямъ его было не безызвѣстно, что здоровье Диксона потрясено многочисленными его путешествiями. — Еще въ пятницу вечеромъ онъ пересматривалъ корректуру своего послѣдняго сочиненiя: *Old Windsor* (старый Виндзоръ), а въ субботу утромъ его уже не стало, онъ умеръ отъ апоплексiи. — Диксонъ родился въ Манчестерѣ въ 1823 году, и получилъ хорошее воспитанiе въ домѣ своего отца, занимавшагося торговлею. — Уже съ дѣтства онъ обнаруживалъ особенную любовь къ литературѣ, и на двадцать третьемъ году сдѣлался издателемъ одного журнала, въ которомъ помѣстилъ множество статей своего произведенiя. Къ первоначальному періоду его дѣятельности—относятся, между прочимъ, *біографіи Пенна и Блэка*. Первая біографія отличается полемическимъ характеромъ, такъ какъ Диксонъ поставилъ главною своею задачею въ этомъ произведенiи опровергнуть обвиненiя, взведенныя Маколеемъ противъ основателя Пенсильванiи почти въ тоже время онъ издалъ свое анонимное сочиненiе подъ заглавiемъ; *The French in England*

*) New America; **) Spiritual Wives; ***) Free Russia.

(Франція въ Англіи) съ цѣлю доказать, что если Наполеонъ I нашель невозможнымъ вторгнуться въ Англію, то англичанамъ совершенно нечего опасаться въ этомъ отношеніи отъ Наполеона III. Въ 1853 году, послѣ путешествія по югу Европы и Германіи, онъ сдѣлался главнымъ редакторомъ извѣстнаго англійскаго журнала: *Athenaeum*; но самый важный періодъ его литературной дѣятельности начался съ 1864 года во время путешествія по палестинѣ и близъ лежащимъ странамъ.

Вскорѣ, по его возвращеніи, была издана имъ книга подъ заглавіемъ: *святая земля* (*Holy Land*), приобрѣтшая себѣ всеобщую извѣстность. Въ 1866 году онъ посетилъ Соединенные Штаты, въ которыхъ, между прочимъ, нашель давно считавшіяся затерянными Ирландскія государственныя бумаги, а въ 1869 году Россію. Результатомъ этихъ путешествій были слѣдующія замѣчательныя произведенія: *новая Америка* (*new America*), *Spiritual Wives* (Духовныя жены), и *Free Russia* (свободная Россія) т. е. Россія послѣ освобожденія крестьянъ. Почти въ то же время явилось въ свѣтъ его прекрасное оживленно составленное произведеніе, подъ заглавіемъ: *The Tower of Her Majesty*. (Башня Ея Величества). За тѣмъ онъ написалъ: *очерки Швейцаріи* (*The Switzers*), и историческую біографію подъ заглавіемъ: *Two Queens*. (Двѣ королевы Катерина Арагонская и Анна Болейнъ) написанную имъ большею частію въ Испаніи лѣтомъ 1873 года. Въ слѣдующемъ году Диксонъ, отправился на дальний западъ для того, чтобы собрать матеріалы для своего сочиненія подъ заглавіемъ: *White Conquest* (завоеванія бѣлыхъ), которое и было напечатано въ 1876 году. За тѣмъ онъ написалъ сочиненіе: *Old Windsor* (старый Виндзоръ), которое должно было выходить отдѣльными выпусками. Когда вышли первые два тома означеннаго сочиненія, Диксонъ отправился на о. Кипръ, сдѣлавшійся въ 1872 году собственностію англійской короны. Здѣсь было имъ написано сочиненіе подъ заглавіемъ: *British Cyprus* (Британскій кипръ). При выпускѣ послѣдняго тома: *Old Windsor* Диксонъ умеръ. Такимъ образомъ это было послѣднее литературное произведеніе. Покойный Диксонъ былъ кавалеромъ ордена королевской короны, пожалованнаго ему Императоромъ Вильгельмомъ и однимъ изъ членовъ главнаго педагогическаго совѣта въ Лондонѣ.

VIII. Стихотворенія.

На отъздъ преосвященнаго Игнатія въ Кострому 9 марта
1878 г.

Прости, прощай, владыко незабвенный,
На новый путь зоветь тебя верховной воли гласъ,
Но въ Костромѣ, какъ и въ Москвѣ священной,
Вспомяни порой въ святыхъ твоихъ молитвахъ насъ.

* *
* *

Почти двѣнадцать лѣтъ, какъ въ Сергіевой Лаврѣ,
Тебя Господь въ Мосюву епископомъ призвалъ,
И санъ викарный твой, какъ бы вѣнкомъ изъ лавровъ,
Смиреньемъ, кротостью, любовью увѣнчалъ.—

* *
* *

Сіявшій мудростью и славой долготѣней,
Почившій Филаретъ тебя всегда цѣнилъ,
И нашъ преблагостный владыка Иннокентій,
Всегда отечески къ тебѣ благоволилъ.

* *
* *

Москва и Серпуховъ, Можайскъ, Подольскъ, Коломна,
Забудутъ ли когда сердечный твой привѣтъ,
И слово кроткое, и мудрости духовной
Всегда для всѣхъ твой благовременный совѣтъ?

* *

Священнодѣйствіе, которымъ неустанно
Свой духъ недремлющій ты всюду възгрѣваль,
Благоговѣнный видъ, смиренно величавый,
Когда торжественно ты въ ономъ предстоялъ?

* *

Ей, ей, во истину, свѣтилъ предъ человѣки,
Твой тихій свѣтъ, свѣтъ христіанскій твой,
И—свѣтлый образъ твой останется на вѣки
Запечатлѣвъ въ сердцахъ любовію святой.

* *

Прости-же; еще мало, и къ тому не узримъ
Тебя опять межъ насъ, въ Москвѣ твоей родной,
Но вѣрь, что мыслью и любовію пребудемъ
Мы въ Костромѣ, какъ здѣсь, всегда, всегда, съ тобой.

* *

Нѣтъ для любви святой ни мѣсть, на разстоянїи
Она всехъ на землѣ повсюду единить,
Такъ доверши же рядъ твоихъ благодѣяній
Въ святыхъ твоихъ молитвахъ насъ порою вспомяни.

**На день 100-лѣтняго юбилея Митрополита Филарета
Декабря 26 дня. 1882 г.**

Когда Спасителя вселенной
Мы въ мїръ рожденіе поемъ,
Въ тѣ дни Коломна, градъ смиренный,
Вѣсть о рожденїи твоёмъ
Вняла. О день благословенный,
Для церкви выну незабвенный!
Воспоминаній сколько въ немъ!
И сколько съ этимъ чуднымъ днемъ
Надеждъ грядущихъ упованій,
Отрадныхъ, свѣтлыхъ ожиданій,
Соединилось *не вотще!*

Въ блестящій вѣкъ Екатерины,
Сто лѣтъ назадъ, родился ты,
И отъ него полеть орлиный,
Въ типы отъ свѣтской суеты,
Въ духовны сферы, въ міръ незримый,
Направиль ты неудержимо,
На высоту отъ высоты
Взлетая, какъ орелъ могущій
И быстрымъ размахомъ крыла
Отъ юности тебѣ присущей,
Парящей мысли и ума.

Москва, Коломна, скитъ убогій,
Тверь, Ярославль и Петроградъ,
Василій Дроздовъ, инокъ строгій,
Всѣ о тебѣ намъ говорятъ!
Ты тамъ молился у амвона,
Питомецъ мудраго *Платона*,
И святость разливалъ вокругъ
Свѣтило церкви, царскій другъ,
Вѣнчанный славою Святитель,
Высокій Богословъ, мыслитель,
Церковный каѳедры кимваль,
Ты насъ ко благу увлекалъ,
Молитвенникъ благоуханный,
Благотворитель неустанный,
Другъ добродѣтели, аскетъ,
Свѣтившій міру съ юныхъ лѣтъ,
Нашъ незабвенный *Филаретъ!*

О сколько мыслей, сколько думъ
Приходитъ намъ теперь на умъ,
Когда, предъ нимъ благоговѣя,
Въ сей день священный юбилея
Столѣтней памяти его,
Мы собрались семьей одною
Почтить молитвою святою,
И рѣчью искренней того,
Кого Господь призывалъ къ покою,

Чей блѣдный ликъ пятнадцать лѣтъ,
Какъ не ласкаетъ дольний свѣтъ,
Но чей высокій дубъ витаетъ
Какъ добрый геній между насъ,
Чей, какъ и прежде, тихій гласъ,
Живить, бодрить и наставляетъ!

Смотрите, ярко какъ сіяетъ,
Высоко въ свѣщникѣ горитъ,
И всѣхъ собою обнимаетъ,
И всѣхъ собою благотворитъ,
Духовный свѣтъ его дѣяній
Какъ глубиною созерцаній
Парищей мыслию—разитъ
Онъ роскошь, пьянство и невѣрье,
Крамолу, ложь и суевѣрье.
Какъ тамъ, гдѣ взоръ его паритъ,
Нечестіе и грѣхъ бѣжитъ.
Другой *Григорій Богословъ*,
Запечатлѣнный Духомъ свыше,
Неотразимой силой словъ
Умы надменные плѣняетъ,
И въ послушанье привлекаетъ
Ихъ ко Христу. Едва-ль кто выше
Его парить могъ въ этой сферѣ
Науки, зиждимой на вѣрѣ?!

Смотрите, сколько лѣтъ десятковъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ
Изданье краткое: *Начатковъ*
И *Катихизиса* у насъ
Явилось. А по нимъ доселѣ,
Какъ и полсотни лѣтъ назадъ
Малютокъ нашихъ бродитъ взглядъ

Такъ точно, строго такъ сьумѣли
Они вести къ великой цѣли,
Всѣмъ предуказанной отъ вѣка,
Усовершенать и нравъ и вѣру
И совершенна человека!
Въ насъ развивать отъ мѣры въ мѣру.

Ихъ цѣнять сами инославы,
Переводя на свой языкъ;
За то хвала тебѣ и слава,
И усть нелицемѣрный кликъ
И сердца искренній привѣтъ,
Нашъ *Богословъ*, нашъ *Филаретъ*!

Смотрите, какъ ковчегомъ вѣрныхъ
Искусно управляетъ онъ,
И какъ въ лишеніяхъ безмѣрныхъ
Опасностями окруженъ,
Въ періодъ жизни долголѣтной;
Ведетъ его средь бурныхъ волнъ,
Къ единой пристани завѣтной,
Духовной *силой*, *тройю полнъ*!

Блюсти поставленъ волей Отчей
Съ утра до вечера—овець
Безъ устали, церковный *зодчій*,
Онъ пасъ и строилъ какъ мудрецъ,
Рабъ вѣрный и благій и правый,
Въ своемъ смиреніи величавый
Маститой старостью согбенъ,
На утомленіе рамень,
На тяжесть ноши не взирая
Кормила онъ не выпускалъ
И твердо у руля стоялъ,
Орлиный взоръ свой устремляя,
Въ грядущее роднаго края.

И мнится намъ—онъ прозрѣвалъ
Въ днѣ современномъ сумракъ смрадный,
Когда молиться завѣщаль,
Чтобъ Божьей ярости оіаль
Не излился на насъ нещадно,
Чтобъ *нощь прешла*, и день отрадный
Скорѣ всюду возсіялъ;
Чтобъ Всеблагій и Правосудный
За мракъ порока непробудный
Отъ насъ гнѣвъ праведный отъялъ
И бѣдъ остановилъ потоки.

Такъ прозорливецъ дальноокій
Еще не долго провѣщаль;
По истинѣ, то *гласъ Пророцій!*
Какъ *тяжко* оправдался онъ,
Когда въ всеобщій, мрачный, сонъ...
Сомкнувшій крѣпко наши очи,
Подпольный врагъ, *исчадье ночи*,
Достойный своего отца,
Коснулся царскаго вѣнца
И адской злобою горя,
Прервалъ священный вѣкъ *Царя*.

Въ странахъ далекаго Востока
Единовѣрный міръ намъ зналъ,
И чтить сердечно и глубоко,
Какъ свой высокій идеаль,
Даровъ благихъ—сосудъ избранный,
Имъ помогавшій неустанно,
Церковный благовонный цвѣтъ,
—Святое имя: *Филаретъ!*
Но будетъ.... Словъ и мыслей нѣтъ
Чтобъ ты достойно былъ воспѣтъ.

Свѣжа еще твоя могила,
Великій пастырь и отецъ,
Еще томить насъ твой конецъ
И мы предъ могучей силой,
Сокрытою на вѣкъ отъ насъ,
Стоимъ печально и уныло.

Чтожъ принесемъ тебѣ въ сей часъ...
Столѣтней памяти, священный
Торжественный, благословенный?
Какою смирною, куреньемъ,
Облагоухаемъ мы гробъ твой?
Какимъ достойнымъ пѣснопѣнемъ,
Какимъ вѣнцомъ или хвалою,
Ознаменуемъ день святой?

Мы слышали, что трудъ обширный:
Собранье полное рѣчей.
И писемъ и проповѣдей,

Готовить Общество друзей,
Любителей науки мирной,
Духовный просвѣщенья свѣтъ
Распространяющихъ въ народѣ;
Прекрасно это—рѣчи нѣтъ!
Да сохранится въ каждомъ родѣ,
Въ словахъ, рѣчахъ и поученьяхъ,
На вѣки имя: *Филаретъ*,
—Высокій символъ вдохновенья
Горѣ несущаго полеть.

Но кій даръ—именно въ сей часъ
Тебѣ мы, какъ волхвы Востока,
Съ благоговѣніемъ глубокимъ
Что принесемъ? Чѣмъ слабый гласъ
Тебя почтитъ на этотъ разъ?
Молитвой искренней, сердечной,
Да причастишься жизни вѣчной.
Какъ всѣ, что въ странствіяхъ земныхъ
Избрали путь суровый терній,
Свѣтъ присносущный невечерній,
Да узришь ты *въ странѣ живыхъ*
Со духи праведныхъ святыхъ!

Хвалы моленъемъ, что межъ нами
Господь тебя намъ видѣть далъ
И образецъ намъ показали
И милость сотворилъ съ рабами
Намъ отъ руки благословенной,
На главы наши возложенной,
Подавъ священства благодать
Въ залогъ блаженства воспріять,
Что насъ молитвами своими
Доселѣ подкрѣпляешь ты
И наставленьями благими
Даришь изъ горней высоты.
Мольбой прошенья, наконецъ
Да дасть намъ благостный Творецъ
Увидѣть твой вѣнецъ нетлѣннымъ
Въ твоемъ преемникѣ смиренномъ.

Да въ немъ живеть на много лѣтъ
И тотъ же духъ и тотъ же свѣтъ
Какимъ для церкви неизмѣнно
Сіялъ великій Филареть!

Епископа Линкольна къ Констанскому конгрессу 1873 г.

Англійскій епископъ Линкольна, д-ръ Вордс-вортъ, въ отвѣтъ на сдѣланное ему приглашеніе на Констанскій конгрессъ въ сентябрь 1873 года, послалъ председателю конгресса, М. Корнелиусу слѣдующіе стихи на латинскомъ языкѣ, которые мы передаемъ въ русскомъ переводѣ, по возможности, близко къ оригиналу, заимствуя ихъ изъ газеты: The Guardian. (Sept. 17. 1873 г.). Вотъ эти стихи:

Пріемлемъ съ радостью душевной
Залогъ вашей любви святой,
И съ благодарностью сердечной
Вамъ шлемъ привѣтъ земли родной.
О, еслибъ въ праздный часъ досуга
Могли перенестись мы къ вамъ,
И въ лицезрѣніи другъ друга
Дать отдыхъ дружескимъ сердцамъ!

* * *

Но многотрудныя заботы
Тѣснятъ епископскій нашъ санъ,
И намъ мѣшаютъ—путь далекій
Къ вамъ предпринять черезъ океанъ.
Пусть же горячія молитвы
Отъ насъ летятъ черезъ моря,
И вмѣстѣ съ вашими да взыдутъ
Предъ тронъ Всевышняго Царя!

* * *

Уже я вижу, какъ градъ древній,
Съ твердыней башенъ и бойницъ,
Собралъ въ себя достопочтенный
Конгрессъ многоученыхъ лицъ.

Констансъ! Ты, нѣкогда созвавшій
Въ твоихъ стѣнахъ— соборъ вражды, ¹⁾
Тебя покроютъ славой лучшей
Старокатоликовъ вожди!

* * *

Мы вѣримъ, что тебя незримо
Хранять вожди небесныхъ силъ,
Что Богъ отмщенья нынѣ дивно
Соборъ священный твой открылъ.

На напоенной кровью почвѣ
Твоихъ страдальцевъ за Христа,
Уже бѣлбютъ къ спѣлой жатвѣ
Время апостольскихъ поля.

* * *

Вотъ вижу я какъ пламень сильный
Костеръ собою тотъ объялъ,
На коемъ въ мукахъ съ вѣрой дивной
Страдалецъ истины ²⁾ стоялъ,
Испившій злобы ихъ фіаль...
Но изъ жостра того лучами
Свѣтъ благодатный возсіялъ.

* * *

Я вижу, какъ изъ нѣдръ могилы
Мужъ Праги древней возстаетъ,
И словомъ, полнымъ чудной силы,
Себя на жертву предаетъ.
О, еслибъ Иеронима ³⁾ вѣрой
Богъ слабый духъ нашъ укрѣпилъ,
И, какъ его, огнемъ священнымъ
Насъ дремлющихъ воспламенилъ?

* * *

Тогда кто, братья, устрашится
Все претерпѣть за крестъ святой.

¹⁾ Соборъ въ Констансѣ, происходившій съ 1414 по 1418 г.

²⁾ Иоаннъ Гуссъ, сожженный на Констанскомъ соборѣ за то, что защищалъ чашу евхаристіи мірянъ; пострадалъ 5 Юля 1415 г.

³⁾ Иеронимъ Пражскій, также осужденный констанскимъ соборомъ, и убѣданный мученичествомъ 30 мая 1416 года.

И кто страданій убоится
За слово правды неземной?
О, еслибъ чаще мы питались
Христа Единомъ тѣломъ—всѣ;
Изъ чаши оной ⁴⁾ пріобщались
Крови пролитой на крестѣ!

* * *

Едина вѣра, Духъ единый,
Единъ Христосъ и Богъ Отецъ
Да соберетъ насъ, Пастырь дивный,
Своихъ разсѣянныхъ овецъ,
Въ любви единой, во едино...
Когда-жъ пройдетъ вѣкъ скоротечный,
Да приметъ насъ въ небесный кровъ,
Для жизни безмятежной, вѣчной
Въ селеньяхъ праведныхъ духовъ!

* * *

Такъ вотъ какой привѣтъ сердечный
Констансу древнему—привѣтъ.
Съ вершинъ Линкольна ⁵⁾—престарѣлый
Его епископъ шлетъ въ отвѣтъ!
Да призреть окомъ милосердымъ
На путь вашъ и дѣла—Господь.
И вашъ соборъ успѣхомъ полнымъ
Да увѣнчаетъ въ роды родъ!

⁴⁾ Чаша евхаристіи, воспрещенная мірянамъ констанскимъ соборомъ (засѣд. 13).

⁵⁾ Извѣстно, что Линкольнская епархія въ Англіи находится въ гористой мѣстности

IX. Статьи разнаго содержанія.

Празднованіе двухсотлѣтія Иверской Иконы Божіей Матери.

Въ понедѣльникъ, 19-го мая 1869 года, Москва была свидѣтельницаю торжественно трогательнаго духовнаго торжества. Въ этотъ день исполнилось ровно 200 лѣтъ, какъ точный списокъ чудотворной Иверской иконы Божіей Матери полученъ въ Москвѣ съ Аѳона и поставленъ надъ Воскресенскими воротами. Въ воспоминаніе сего и въ благодарность за многочисленныя благодатныя милости Божіей Матери Москвѣ и всей Россіи,—двухсотлѣтіе годовщины было отпраздновано вполне торжественно. Къ дню праздника, къ Иверской часовнѣ была пристроена *) обширная временная изъ дерева и полотна часовня, отдѣланная съ изящнымъ вкусомъ. Открытая съ трехъ сторонъ **) передняя часть палатки была отлично драпирована, а на задней, верхней сторонѣ ея раскидывались въ разныя стороны лучи, сдѣланные изъ желтаго полотна. Наверху возвышался куполь съ золотыми звѣздами и золотымъ крестомъ. Колонны, поддерживающія куполь, были обвиты свѣжею зеленью, а по сторонамъ стояли тропическія и другія растенія въ цвѣту. Полю усыпанъ сиренью и цвѣтами. Надъ самую икону, которая была поставлена на возвышеніи и потому видна издали, была

*) Постройка ея производилась по плану и подъ наблюденіемъ помощника архитектора Жеребцова, начата постройкою 14 мая послѣ полудня.

**) Со стороны примыкающей къ лавкамъ часовня была обтянута полотномъ.

едѣлана изъ живыхъ цвѣтовъ надпись: *Радуйся благодатная, Господь съ Тобою*. Посреди висѣло золотое, изящной работы паникадило. Еще съ утра воскресенья, 18 мая, толпы народа тѣснились около часовни и съ любопытствомъ осматривали ее.

Вечеромъ, въ этотъ день, передъ иконою Богоматери, при огромномъ стеченіи народа, началось торжественное всенощное бдѣніе. Оно было совершено о. благочиннымъ монастырей, настоятелемъ Данилова монастыря, архимандритомъ Іаковомъ, въ сослуженіи съ Перервинскимъ игуменомъ Никодимомъ, смотрителемъ Перервинскаго училища соборнымъ іеромонахомъ Антоніемъ, настоятелемъ Давидовой пустыни іеромонахомъ Георгіемъ и Казанскаго собора священникомъ Георгіемъ Розановымъ *). Стройное, гармоническое пѣніе, служащее духовенство въ богатыхъ облаченіяхъ, толпы народа, молящагося съ умиленіемъ и благоговѣніемъ подъ открытымъ небомъ, видный издалика, убранный цвѣтами, образъ Иверской Божіей Матери, Виновицы торжества, при трепетномъ, мерцающемъ свѣтѣ возженныхъ предъ онымъ свѣтильниковъ—все это, въ прекрасный, весенній вечеръ, дѣлало ensemble картины особо умилительнымъ и величественнымъ. Въ этотъ же день, передъ началомъ и по окончаніи всенощнаго бдѣнія, равно какъ и въ самый праздникъ, въ часовнѣ происходила безденежная раздача народу, прекрасно составленной свящ. В. П. Рождественскимъ, брошюры: „Сказаніе о чудотворной иконѣ Иверской Божіей Матери“. Сколько помнимъ, это едвали не первый примѣръ у насъ даровой раздачи народу духовно-нравственныхъ брошюръ. Нужно было видѣть съ какою непритворною радостію и благодарностію, а нѣкоторыми даже со слезами на глазахъ, принималось это безденежное подаваніе, и невольно раждалась мысль, какъ было бы полезно производить подобую даровую раздачу и при другихъ, торжественныхъ, духовныхъ празднествахъ. Безъ сомнѣнія, это могло бы дать доброе, полезное занятіе бѣдному народу въ воскресные и праздничные дни и способствовать развитію его нравственности. Желających получить даровыя брошюры оказалось

*) Во время пѣнія псалма: *Благослови душе моя Господа* служащіе вошли въ настоящую часовню, окадили икону Божіей Матери, подняли, вынесли и поставили во временной часовнѣ на уготованномъ мѣстѣ. Службу отправляли празднику Преполовенія и Божіей Матери.

такъ много, что къ 2 часамъ 19-го мая, изъ 3,600 экз. не осталось почти ни одного...

Въ самый день праздника, 19 мая, въ 8 съ пол. часовъ было совершено игуменомъ Перервинскаго монастыря водоосвященіе во временной часовнѣ, а въ 10-мъ часу, икона Иверской Божіей Матери, украшенная гирляндю живыхъ цвѣтовъ, была принесена въ Казанскій соборъ іеромонахами Иверской часовни, и поставлена за правымъ клиросомъ на особо устроенномъ для оной мѣстѣ въ южныхъ дверяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ соборъ прибылъ преосвященный Игнатій и, послѣ обычной встрѣчи и облаченія, начато было чтеніе часовъ, между тѣмъ какъ къ собору изъ Спасскихъ воротъ, при колокольномъ звонѣ, направлялся уже крестный ходъ съ хоругвями и запрестольными иконами, въ сопровожденіи преосвященнаго Леонида и Московскаго духовенства всѣхъ сороковъ. Духовенство было въ бѣлыхъ облаченіяхъ. Послѣ краткаго молебствія у Лобнаго мѣста, совершеннаго пр. Леонидомъ, и встрѣчи хода у собора, тотчасъ началась архіерейскимъ служеніемъ божественная литургія. Священнодѣйствовалъ преосвященный Игнатій, въ сослуженіи настоятеля Данилова монастыря архимандрита Іакова, намѣстника Чудова монастыря архимандрита Веніамина, игумена Перервинскаго монастыря о. Никодима, смотрителя Перервинскаго училища соб. іер. Антонія, казначей Иверской часовни соб. іер. Саввы, и череднаго священника Казанскаго собора Розанова. На обоихъ клиросахъ, въ парадной формѣ, пѣлъ полный хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ. Во время священнодѣйствія получена была отъ архипастыря Москвы, Митрополита Иннокентія, на имя преосвященнаго Леонида, телеграмма, въ которой онъ, поздравляя московскую паству съ духовнымъ торжествомъ, призывалъ на нее благословеніе Божіе и матернія щедроты Царицы Небесной. Соборъ былъ полонъ народомъ; вся площадь предъ соборомъ и предъ часовнею покрыта была многочисленными толпами.

Литургія кончилась въ половинѣ 12-го часа и крестный ходъ двинулся къ Иверской часовнѣ. Путь, по которому направлялся онъ, былъ усыпанъ травою и цвѣтами. Стеченіе народа было громадное. Воскресенская и Красная площади, бульваръ, примыкающій къ кремлевской стѣнѣ, Александровскій садъ, часть Тверской улицы буквально были запружены народомъ. Крыши домовъ

и окна также были унижены зрителями. Народу на означенных мѣстностяхъ было почти такое же несмѣтное число, какъ и въ день перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета съ Троицкаго подворья въ Чудовъ монастырь. Среди двухъ сплошныхъ стѣнъ народа, въ предшествіи хоругвей, всего московскаго духовенства, запрестольныхъ иконъ и святыни кремлевскихъ соборовъ, при громкомъ колокольномъ звонѣ, несли икону Царицы Небесной, такъ благоговѣнно чествуемую и почитаемую у насъ на Руси православной. Едва только эта величественная процессія взопла въ часовню и заняла назначенныя мѣста, какъ преосвященнымъ Леонидомъ, на особо устроенномъ возвышеніи, обитомъ краснымъ сукномъ, было начато благодарственное молебствіе Спасителю и просительное Божіей Матери съ колѣнопреклоненіемъ. Чудная была минута, когда, при чтеніи молитвы Пресвятой Богородицѣ, несмѣтная масса народа заколыхалась и съ видимымъ умиленіемъ преклонила колѣна передъ иконою, отъ которой *исцѣленія и цѣльбы подаются обильно, съ вѣрою и любовію, приходящимъ къ ней*. Подобныя минуты выше всякаго описанія; ихъ можно только чувствовать; такъ много и сильно говорятъ онѣ православному русскому сердцу, — и не сравнятся съ ними ни одной изъ западныхъ духовныхъ церемоній, со всею ихъ блестящею, но такъ мало трогающею сердце, обстановкою... По окончаніи молебствія и громогласнаго многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему правительствующему Синоду, Московскому Владыкѣ и священнодѣйствующему архіерею; не забыта была память и тѣхъ лицъ, при которыхъ и усердіемъ которыхъ была принесена въ Москву съ Аѳона копія съ иконы Иверской Божіей Матери. Печально-торжественнымъ напѣвомъ была пропѣта вѣчная память Благочестивѣйшему царю Алексѣю Михайловичу, святѣйшему патріарху Никону и архимандриту Пахомію, который доставилъ оную въ Москву, 19-го мая 1669 года. По пропѣтіи вѣчной памяти возглашено было еще многолѣтіе благоговѣннымъ читателямъ святыя иконы и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Въ началѣ 1-го часа крестный ходъ отъ часовни Иверской Божіей Матери, въ обычномъ порядкѣ, двинулся въ обратный путь. Молебствія передъ иконою Иверской Божіей Матери немолчаемо совершались, какъ наканунѣ, такъ и 19 мая, а вече-

ромъ въ этотъ день, соборнымъ служеніемъ вторично было совершенно торжественное всенощное бдѣніе.

Нѣсколько словъ о русскомъ современномъ духовенствѣ.

(Извлечение изъ французскаго сочиненія: *L'église de Russie* par L. Voissard. Paris. 1867. Tom. second. pp. 510—517).

Русская церковь, сколько по своей внутренней жизни, столько же и по достигнутымъ ею успѣхамъ, неоспоримо, въ настоящее время, есть олицетвореніе церкви восточной. Нравственные безпорядки, о которыхъ сохранились воспоминанія въ ея исторіи, теперь не находятъ почти никакого примѣненія въ ея нѣдрахъ.

Болѣе просвѣщенное духовенство оной столько же теперь нравственно и достойно своего назначенія. Если еще доселѣ нѣкоторые безсовѣстно называютъ ее церковію безъ независимости, поработенною свѣтской власти, безъ образованія, и даже незаботящеюся о томъ нравственномъ достоинствѣ, которое служить главнымъ условіемъ уваженія со стороны народонаселенія и вліянія вѣры, естественно представляемой духовенствомъ, то это единственно вслѣдствіе весьма скудныхъ свѣдѣній на Западѣ объ ея надлежащихъ отношеніяхъ къ государству, ея внутренней жизни, умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, серьезномъ образованіи, которымъ духовенство оной готовится къ пастырскому служенію; и преимущественно вслѣдствіе того (сознаемся въ этомъ откровенно), что Римско-католическая церковь не можетъ безъ сожалѣнія видѣть безсиліе своихъ многочисленныхъ попытокъ — подчинить своему контролю эту восточную церковь, которую доселѣ не поколебали въ вѣрѣ ни усилія своекорыстной пропаганды, ни внутреннія бури, перенесенныя ею въ прошломъ.

Безъ сомнѣнія, не все совершенно въ русскомъ духовенствѣ. Какая картина безъ тѣни и какой церковный горизонтъ безоблаченъ? Но надо быть безпристрастнымъ ко всемъ.

Отказывать этому духовенству въ той справедливости, на которую оно имѣетъ полное право, значитъ отвергать, тотъ толчокъ, который дало наукамъ постепенное усовершенствованіе духовныхъ школъ, и тотъ постепенно возраставшій прогрессъ, который съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, со времени реформъ

произведенныхъ при Петрѣ Великомъ и Его преемникахъ отражается во всѣхъ фазахъ національной жизни.

И во-первыхъ, русское духовенство остается ли безъ независимости? Русскій царь есть-ли глава церкви и епископовъ? Если бы онъ дѣйствительно былъ таковымъ, то владѣлъ бы духовною властію, которая подчинила бы ему рѣшеніе догматическихъ вопросовъ и совѣтъ его подданныхъ. Хранитель верховной власти неизмѣримой Имперіи, Императоръ не имѣетъ никакихъ притязаній на неограниченную религіозную власть. Онъ желаетъ быть только защитникомъ и покровителемъ церкви.

Онъ не желаетъ для себя даже почетнаго мѣста въ постоянно пребывающемъ соборѣ (сѣнодѣ) и преобладающей роли, которую принимали на себя на вселенскихъ соборахъ греческіе Императоры Константинъ, Маркіанъ, и даже Императрица Ирина.

Если Императоръ Николай, въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія, и былъ однажды въ Святѣйшемъ Сѣнодѣ, то это не для предсѣдательства на ономъ, но для того чтобы принять благословеніе епископовъ для наслѣдника престола, который украшаютъ въ настоящее время высокія качества Императора Александра II-го.

Оберъ-прокуроръ, присутствующій на засѣданіяхъ Сѣнода русской церкви, еще менѣе занимаетъ предсѣдательство въ ономъ, представленное верховной и невидимой главѣ христіанской церкви, и постоянно занимаемое, среди Сѣнода символами креста и Евангелія. Онъ находится только въ качествѣ посредника между духовною и свѣтскою властію, онъ представляетъ Сѣноду гражданскіе законы въ томъ случаѣ, гдѣ встрѣчаются между собою двѣ власти, и служитъ органомъ въ его сношеніяхъ съ государственною властію. Такимъ образомъ существуетъ очень ясная черта разграниченія между гражданскою властію и духовнымъ начальствомъ, которое пользуется полною независимостію въ управленіи церковію. Въ Россіи нѣтъ даже министра духовныхъ дѣлъ, такъ какъ это считается несогласнымъ съ духовною свободою церкви.

Второе порицаніе, вообще возводимое на русское духовенство, состоитъ въ томъ, что оно остается погруженнымъ въ умственную апатію, которая парализуетъ, въ средѣ его прогрессъ богословскихъ знаній. Этотъ упрекъ могъ быть приложимъ въ отношеніи

къ прежнему, старому духовенству, — но совершенно излишне касательно новаго поколѣнія. Что въ средѣ сельскаго духовенства доселѣ встрѣчаются священнослужители, отличающіеся болѣе сердечнымъ развитіемъ, чѣмъ богатствомъ научныхъ свѣдѣній, мы, безъ возраженій, соглашаемся съ этимъ. То же самое, въ той или другой мѣрѣ, мы видимъ и въ другихъ церквахъ. Но если развитіе церковныхъ наукъ въ Россіи было медленно, что могло зависѣть и отъ характера схоластицизма, которымъ они, повидимому, были проникнуты, то этотъ прогрессъ тѣмъ не менѣ весьма дѣйствителенъ. — Мы не станемъ входить въ подробности, которыя высказали уже въ статьѣ о современномъ состояніи общественаго образованія въ Россіи.

Безпристрастный взглядъ на организацію четырехъ духовныхъ академій—Петербургской, Московской, Кіевской и Казанской, — на духовныя обозрѣнія и журналы, издаваемые самыми видными членами духовенства,—на современныя произведенія русскаго Богословія, совершенно достаточно для доказательства, что подобныя науки, предшествующія пастырскому служенію, вполне гарантируютъ права и знанія. Въмѣсто того, чтобы оставаться въ состояніи нравственной неподвижности, русское духовенство принимаетъ дѣятельное участіе въ распространеніи познаній. Оно охотно присоединяется къ интеллектуальному движенію, вызванному важными реформами въ различныхъ учрежденіяхъ, и въ области прессы. Разширеніе сферы духовныхъ знаній, и распространеніе въ народной массѣ благодѣяній христіанскаго образованія — такова задача, которую предположило себѣ недавно основанное *Общество любителей духовнаго просвѣщенія*, состоящее подъ управленіемъ высокоученаго и благочестиваго митрополита Филарета. Организованное на самыхъ широкихъ основаніяхъ, и направленное къ очевидно полезной и практической цѣли, это Общество избрало для сего надежнѣйшими средствами: изданіе народныхъ нравственныхъ книгъ, основаніе библіотеки для духовенства и народа, — изданіе духовнаго журнала, также какъ частныя и общественныя чтенія о предметахъ, касающихся православной вѣры, церкви и христіанской жизни. Будетъ ли справедливо видѣть отсталое духовенство въ словахъ, произнесенныхъ однимъ изъ первыхъ представителей онаго, устами преосвященнѣйшаго митрополита Московскаго: „любители духовнаго просвѣщенія должны поднять

народный духъ изъ рабской низости и духовнаго оцѣпненія, помочь ему въ свободномъ развитіи его способностей и силъ, и въ то же самое время утвердить его въ повиновеніи законамъ, и предохранить отъ своеволія, которое есть безуміе свободы.“

Если привязанности и добродѣтели семейной жизни представляютъ самую надежную гарантію для поддержанія чистоты нравовъ, то русское духовенство, по этому самому, рѣшительно не заслуживаетъ порицанія въ болѣе или менѣе сомнительной нравственности, которое доселѣ возводять на него нѣкоторые своекорыстные клеветники. Приходъ въ Россіи можетъ быть ввѣренъ только женатому священнику.

Помимо духовныхъ дѣтей, онъ имѣетъ свое собственное семейство и простирающія отсюда обязанности. Если онъ большею частью соединяетъ свою судьбу съ подругою жизни, избираемую обыкновенно въ семействѣ священника, то это не по необходимости и непрѣмной обязанности, но потому что направленіе строго религіознаго воспитанія, даваемого въ этомъ семействѣ, лучше всего гармонируетъ съ призваніемъ священника, и потому, что его жена должна раздѣлить съ нимъ обязанности поста, попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ, правильное посѣщеніе церковныхъ службъ, и другіе подвиги самоотверженія. Женатый и отецъ семейства, русскій священникъ тѣмъ лучше понимаетъ, что онъ долженъ быть примѣромъ для своего стада; онъ гражданинъ государства; въ его сердцѣ есть мѣсто для патріотизма; онъ считаетъ для себя священной обязанностію почитать власть; онъ не образуетъ особой, своеобразной касты, интересы которой раздвинены съ интересами отечества. Если онъ всевозможно поддерживаетъ въ своемъ сынѣ желаніе посвятить себя на служеніе церкви, то для сего послѣдняго въ этомъ нѣтъ ничего обязательнаго, и онъ имѣетъ полную свободу избирать себѣ всякое другое поприще, равно какъ и доступъ въ духовныя должности возможенъ для всѣхъ. Что дворянство или купечество весьма рѣдко вступаетъ въ ряды духовенства, то это зависитъ сколько отъ различія рода воспитанія, столько же и отъ особенныхъ способностей, необходимыхъ для пастырскаго призванія. Впрочемъ это положеніе вещей чисто случайное, которое можетъ измѣниться отъ новыхъ условій для быта духовенства въ будущемъ.

Говорятъ еще, не менѣе ошибочно, что русское духовенство

внушаетъ къ себѣ мало уваженія и не пользуется тѣмъ вниманіемъ, со стороны высшихъ классовъ Общества, каковыя оказываютъ вообще духовенству въ другихъ церквахъ. Напримѣръ, утверждаютъ, что дворянство безъ сомнѣнія почитаетъ званіе священнослужителей, но оказываетъ презрительное равнодушіе къ особѣ священника. Если бы это презрѣніе и существовало дѣйствительно, то не падаетъ ли оно частію на самую религію, которой служить онъ? Впрочемъ русское дворянство набожно и благочестиво. Между членами монашескихъ общинъ нерѣдко можно встрѣтить дворянъ на ряду съ простолюдинами, соединенныхъ въ одномъ и томъ же чувствѣ смиренія и отреченія отъ міра. Во всѣхъ сельскихъ приходяхъ законъ предоставляетъ священнику пользованіе извѣстнымъ количествомъ земли, которая служитъ къ его содержанію. По примѣру Апостоловъ и учениковъ Христовыхъ, русскій пресвитеръ не считаетъ унижительнымъ для себя, и неприличнымъ своему духовному назначенію заниматься земледѣліемъ, самыя тяжелыя работы въ которомъ его прихожане съ любовью принимаютъ на себя. Крестьянскій людъ оказываетъ своимъ пастырямъ истинное уваженіе. Но, говорятъ, такъ ли это съ стороны дворянства? Дѣйствительно, въ прошломъ собралось много различныхъ причинъ, разъединившихъ на извѣстное разстояніе дворянство и духовенство. Дворянство богато и владѣетъ помѣстьями, оно проводитъ свою жизнь между государственною службою и наслажденіями роскоши, которыя воспрещены священнику; оно занимаетъ всѣ важныя должности... Извѣстно, что такія преимущества способны внушить самолюбіе и гордость человѣческой слабости. Потому священникъ въ своемъ матеріальномъ содержаніи вообще зависитъ отъ аристократіи дворянства; она даетъ ему жалованье (?), и, по нашему мнѣнію, въ этомъ заключается важное затрудненіе. До времени Петра Великаго духовенство пользовалось независимостію, источникъ которой заключался въ имѣніяхъ и земляхъ, жертвованныхъ въ даръ князьями, или благочестивою щедростію частныхъ лицъ. Когда оно лишилось своихъ имуществъ, то, по необходимости, впало въ матеріальную зависимость отъ господъ, которые усвоили себѣ несправедливый предразсудокъ видѣть въ лицѣ священника только чиновника, состоящаго на жалованьи, и вмѣстѣ съ тѣмъ набожно цѣловали его руку при торжественныхъ, общественныхъ церковныхъ празднествахъ. Болѣе

совершенная цивилизація (не забудемъ, что Россія, въ качествѣ самобытной имперіи, существуетъ только полтора вѣка), болѣе существенное образованіе, болѣе частыя сношенія съ Европою, безъ сомнѣнія, могли бы измѣнить въ средѣ дворянства ненормальность его отношеній относительно духовенства. Церковь сумѣла перенести съ духомъ терпѣнія и эти обстоятельства, какъ переходную эпоху къ лучшему порядку вещей. Неоспоримо, что въ настоящее время, вліяніе новыхъ учрежденій Русской имперіи, равно какъ прогрессъ идей и нравственныхъ началъ, измѣнили, въ значительной мѣрѣ, отношенія существующія между духовенствомъ и дворянствомъ.

Сверхъ того, дворянство лучше прочихъ знаетъ всю важность той просвѣтительной миссіи, которую совершала церковь даже въ самыя бурныя времена судьбы своего отечества. Оно знаетъ, что это самое духовенство, со времени принятія Россією христіанства, посредствомъ своихъ школь, монастырей, проповѣди, братствъ, было истиннымъ наставникомъ народа, что ему принадлежитъ честь обработки научной почвы и уничтоженія безнравственности и народныхъ суевѣрій; что оно смягчило, если и не умиротворило совершенно феодальные споры; что оно поддерживало въ часы опасности для отечества колеблющуюся энергію князей и народа, оказывало удивительный патріотизмъ, однимъ словомъ, проливало самое счастливое вліяніе на политическое и нравственное существованіе своей страны, и все это-- съ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Церковь Русская, памятуя, что ея царство нѣсть отъ міра сего, оставалась постоянно вѣрно своему совершенно духовному назначенію учить и утѣшать. Такимъ образомъ присоединяется, или нѣтъ, истинное уваженіе къ трудамъ духовенства: почтеніе и любовь къ нему, всегда очевидно оказываемыя древними князьями, все еще живы въ сердцахъ Русскихъ!

О нравственномъ воспитаніи въ народныхъ школахъ.

Вопросъ о нравственномъ воспитаніи учащихся во всякомъ учебномъ заведеніи, неоспоримо, былъ и есть вопросъ величайшей важности. Мы разумѣемъ подъ воспитаніемъ правильное и стройное развитіе нравственныхъ силъ учащихся, приготовленіе изъ

нихъ добрыхъ христіанъ, честныхъ и полезныхъ дѣятелей на какомъ бы то ни было поприщѣ общественной дѣятельности. Первоначальныя училища, гимназіи, семинаріи, университеты у насъ обыкновенно называются *учебными* заведеніями, низшими, средними и высшими; но, говоря строго, это ничто иное, какъ *учебно-воспитательныя* заведенія, потому что назначеніе какого бы то ни было учебнаго заведенія—не только образовывать, но и воспитывать, давать развитіе не только уму, но сердцу и нравственности, и, по преимуществу, воспитывать, такъ какъ образованіе безъ надлежащаго воспитанія есть только половина дѣла, и скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Разъединеніе образованія съ воспитаніемъ есть одна изъ главныхъ причинъ несостоятельности молодыхъ людей въ нравственномъ отношеніи, по выходѣ ихъ изъ учебнаго заведенія. Грустныя послѣдствія подобнаго разъединенія слишкомъ очевидны, чтобы много говорить о нихъ.

Какъ нерѣдко изъ учебныхъ заведеній выходятъ молодые люди, повидимому, весьма образованные, изучившіе цѣлые курсы наукъ, но падающіе при первомъ столкновеніи съ жизнію въслѣдствіе недостатка нравственнаго развитія и окрѣплости. Умственное развитіе достаточно, научныхъ свѣдѣній пріобрѣтено много, но нѣтъ сердечной теплоты, нѣтъ нравственной стойкости, достаточнаго запаса силъ — честно и мужественно идти по новому поприщу, открывающемуся по выходѣ изъ школы, трудному житейскому поприщу. Съ перваго шага требуется борьба съ многоразличными враждебными условіями на жизненномъ пути, а школа не приготовила къ этой борьбѣ, не вооружила надлежащимъ образомъ своего питомца для оной, и вотъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе, является несостоятельность, малодушіе, такъ сказать, нравственное банкротство и паденіе. Между тѣмъ, какъ легко съ научнымъ развитіемъ соединить и нравственное настроеніе учащейся молодежи! Если не во всѣхъ, то въ большей части наукъ, для благотворной, совокушной дѣятельности на всѣ душевныя способности учащагося, на всего, такъ сказать, *внутренняго чловѣка*, представляется множество матеріаловъ. Мы не говоримъ уже о законѣ Божіемъ, изученіе котораго всецѣло должно имѣть цѣлю—истинно христіанское воспитаніе, приготовленіе въ полномъ смыслѣ *чловѣка-христіанина*. Въ области большей части наукъ найдется много истинъ, могущихъ говорить сердцу и благотворно вліять

на нравственность по мимо умственного развитія. Въ сознательномъ усвоеніи этихъ истинъ, въ сердечномъ воспріятіи и обращеніи оныхъ, такъ сказать, въ плоть и кровь учащимися, скрывается вся тайна науки, не только образующей, но и воспитывающей. Возьмемъ для примѣра естествознаніе. Въ этой области науки, на каждомъ шагѣ, на каждой страницѣ — урокъ, побуждающій умъ къ благоговѣйному размышленію, наполняющій сердце чувствами любви и благодарности къ Виновнику всего сотвореннаго. Изученіе классовъ, видовъ, родовъ растений, животныхъ и т. п. безотносительно къ развитію сердечному должно скоро исчезнуть изъ памяти, ничего неоставивъ по себѣ на пользу нравственнаго развитія учащагося.

Возьмемъ область наукъ историческихъ. Здѣсь множество неоцѣненныхъ примѣровъ практической мудрости, уроковъ нравственности, предостереженій отъ увлеченій и пороковъ. Исторія — это, такъ сказать, зеркало, въ которомъ могутъ видѣть судьбу свою и цѣлыя народы, и отдѣльныя личности. Изученіе однихъ историческихъ фактовъ, безъ живаго примѣненія, при всякомъ удобномъ случаѣ, къ нравственности учащихся — односторонне, сообщаетъ свѣдѣнія, образуетъ, но не воспитываетъ. Впрочемъ достаточно и этихъ двухъ примѣровъ. Отъ частнаго, за немногими исключеніями, можно заключать и къ общему. Будетъ ли преувеличено, если скажемъ, что всякое учебное заведеніе есть въ нѣкоторомъ родѣ храмъ, въ которомъ съ Божіею помощію должно совершаться великое священнодѣйствіе — очеловѣченіе учащихся, приготовленіе изъ нихъ для будущаго людей-христіанъ въ полномъ значеніи этого слова? Большая часть наукъ, если не всѣ, должны послужить этой великой, святой цѣли, должны дать свой извѣстный процентъ сколько въ пользу образованія, столько же и на пользу нравственнаго воспитанія. И труды педагоговъ, въ виду этой прекрасной цѣли, никакъ не должны быть разрознены, но, напротивъ, должны постоянно группироваться около оной и совокуно сосредоточиваться въ оной, какъ въ главномъ центрѣ и фокусѣ. Только, при такомъ условіи, школа выполнитъ свое назначеніе, какъ учебно-воспитательное заведеніе, и изъ образованія выйдетъ нѣчто органически-стройное, цѣлое, живое, а не поверхностное, одностороннее, маложизненное.

Отъ этихъ общихъ разсужденій перейдемъ къ вопросу о вос-

питаніи въ сельскихъ начальныхъ школахъ. Необходимость нравственнаго воспитанія въ нихъ оказывается тѣмъ болѣе насущною, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, съ дарованіемъ свободы и воли крестьянскому люду, школа должна указать правильное, доброе, христіанское направленіе этой свободѣ и волѣ.

Вопросъ объ образованіи народа далеко не ограничивается обученіемъ его одной грамотности и нѣкоторымъ предметамъ общаго образованія. Задача сельскихъ народныхъ школъ несравненно выше и важнѣе. Въ нихъ должны приготавливаться добрые христіане, полезные, съ здравымъ смысломъ, развитымъ сердцемъ и нравственностію, дѣятели въ той сферѣ, въ которой имъ назначено дѣйствовать. Собственно говоря, примѣры подготovitельнаго, первоначальнаго воспитанія въ крестьянскихъ семьяхъ, прежде поступленія ребенка въ школу, очень рѣдки. Это дѣло, по большей части, ограничивается здѣсь обученіемъ ребенка нѣкоторымъ общимъ молитвамъ на память и исполненіемъ нѣкоторыхъ общихъ христіанскихъ обязанностей. Затѣмъ ребенокъ растетъ на свободѣ среди обширныхъ полей и лѣсовъ своей родины, какъ дитя природы, доколѣ изъ него не образуется работникъ въ трудящейся крестьянской семьѣ, помощникъ отцу въ его земледѣльческихъ занятіяхъ. Потому-то мы думаемъ, что крестьянскія дѣти, многообщающая, почти не тронутая почва, съ сильными задатками всего хорошаго и добраго, которые должно вызвать къ свѣтлой жизни сколько обученіе, столько же и нравственное воспитаніе, и преимущественно сіе послѣднее. Помимо закона Божія, изученіе котораго всецѣло должно дѣйствовать на нравственное воспитаніе, обученіе и прочимъ предметамъ, положеннымъ для сельскихъ школъ, должно главнымъ образомъ сосредоточиваться на этой важной, великой цѣли. Учащіе въ сельскихъ школахъ имѣютъ достаточно средствъ къ тому, чтобы достигнуть благодѣтельныхъ результатовъ взаимодѣйствія науки сколько на умъ, столько же на сердце и нравственность крестьянскаго дитяти. Средства эти: живое, сердечное слово, идущее отъ сердца и говорящее сердцу, добрый нравственный примѣръ, частое чтеніе и объясненіе Евангелія, неуклонное посѣщеніе съ дѣтьми по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ храма Божьяго, и, что важнѣе всего, теплая, сердечная и усердная съ ними молитва. По нашему мнѣнію, эти средства составляютъ несомнѣнный залогъ достиженія въ сельскихъ

школахъ благодѣтельныхъ плодовъ истинно-нравственнаго воспитанія.

О бесплатной раздачѣ воскресныхъ листовъ народу 1869 г.

Докладъ Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія, дѣйствительнаго члена онаго соб. Иеромонаха Никифора.

Лѣтъ 20 тому назадъ дѣйствительный членъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія Ив. А. Быковскій получилъ отъ достопочтеннѣйшаго о. протоіерея въ Лондонѣ Е. И. Попова 100 брошюрокъ религіозно-христіанскаго содержанія и извѣстилъ объ этомъ въ письмѣ почтеннѣйшаго секретаря Общ. Вик. Пет. Рождественскаго. *) Присланныя брошюры называются въ Англіи Scripture leaflets (летучіе ласточки изъ Св. писанія). Каждая изъ нихъ состоитъ изъ одного листка и содержитъ въ себѣ дневное Евангеліе, краткое назиданіе изъ него и краткій гимнь, мысли котораго большею частію взяты изъ евангельскаго текста. Въ Англіи подобныя листки, какъ продаются по необыкновенно дешевой цѣнѣ (за 100 лист. 15 коп.), такъ и раздаются народу даромъ въ воскресные и праздничные дни — въ церквахъ, на рынкахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. п.

Раздача ихъ въ Англіи *даромъ* — нѣчто въ родѣ милостыни, только духовной. По поводу этого осмѣливаюсь предложить высокоуважаемому Обществу нѣсколько мыслей. Не можетъ ли найти примѣненіе въ Обществѣ подобное доброе, можно сказать, богоугодное дѣло? Если можетъ, то оно несомнѣнно должно сопровождаться великою пользою и много способствовать къ развитію въ народѣ религіознаго чувства. Народъ искони привязанъ къ Церкви Божіей, любовь къ живому, дѣйственному слову Божію всегда сильна въ немъ. Въ воскресные и праздничные дни онъ всегда съ большею охотою, и несомнѣнно съ большою для себя пользою, станетъ прочитывать листочекъ изъ Евангелія, съ краткимъ, простымъ назиданіемъ изъ онаго, чѣмъ какую-либо сказку,

*) Нынѣ товарищъ Предсѣдателя Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

или повѣсть, которыя, къ сожалѣнію, такъ мало, или совсѣмъ не даютъ ничего для развитія его ума и сердца. Посему представляется весьма полезнымъ, еслибы Общество благоволило принять на себя изданіе подобныхъ листочковъ, по образцу англійскихъ. Въ каждомъ изъ нихъ могло бы помѣщаться праздничное, воскресное, или вообще дневное Евангеліе на русскомъ, или на славянскомъ и русскомъ языкѣ. Къ каждому Евангелію можно присоединять краткое, удобопонятное, идущее отъ сердца и говорящее близко сердцу, назиданіе. Заглавіе, по образцу англійскихъ листковъ, должно состоять изъ нѣсколькихъ словъ, взятыхъ изъ самаго Евангелія, а мысли для назиданія можно извлекать какъ изъ самаго Евангелія, такъ и изъ твореній св. отцевъ. Конечно, при этомъ можно пользоваться и тѣми нравственными мыслями, которыя находятся въ англійскихъ листкахъ, съ переводомъ ихъ на русскій. Во всякомъ случаѣ ихъ должно быть не болѣе двухъ, трехъ и много-много четырехъ. Non multa, sed multum. Не много, но просто и сердечно выраженное, долѣе удержится въ памяти и лучше падеть на сердце, чѣмъ какая-либо многословная брошюра, написанная съ претензіею на одно краснорѣчіе. Чтобы болѣе распространить въ народныхъ массахъ подобное душеспасительное чтеніе, хорошо было бы продавать ихъ для раздачи бѣднымъ и неимущимъ, въ церквахъ, послѣ воскресныхъ бесѣдъ въ самомъ Обществѣ, на рынкахъ, народныхъ гуляньяхъ, однимъ словомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя наиболѣе доступны простому народу, и продавать по самой дешевой цѣнѣ, такъ чтобы это была буквально *копечная* литература.

Въ церквахъ, по окончаніи богослуженія, всегда находятся любители раздавать вещественную милостыню бѣднымъ и неимущимъ тѣлесно,—не найдется ли охотниковъ и ревнителей для покупки и безмездной раздачи этой духовной милостыни бѣднымъ и ничимъ духовно?

Въ заключеніе ссылаюсь на замѣчаніе, сдѣланное незабвеннымъ почившимъ архипастыремъ Филаретомъ, когда Общество представляло ему программу для изданія народныхъ брошюръ. Указывая на иностранную народную литературу, по преимуществу англійскую, онъ высказалъ слѣдующую мысль: сначала займитесь переводами и поучитесь у иностранцевъ какъ писать и издавать для народа. У насъ, говорилъ онъ, писать не умѣютъ.

Взявши на себя смѣлость изложить предъ Обществомъ эти немногія мысли, какъ онѣ мнѣ представлялись, честь имѣю предложить при семъ для образца буквальный переводъ съ англійскаго нѣсколькихъ выше упомянутыхъ листковъ, сдѣланныхъ г. Быковскимъ и мнѣю.

Соб. Иером. Никифоръ.

По поводу изданія Воскресныхъ Бесѣдъ.

Московское Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія приступило къ изданію Воскресныхъ Бесѣдъ и распространенію ихъ по самой дешевой цѣнѣ. Начало положено прекрасное. Дай Богъ, чтобы и всѣ послѣдующія изданія воскресныхъ листковъ продолжались въ томъ же духѣ, и самое главное, чтобы были согрѣты тѣмъ же самымъ теплымъ чувствомъ и сердечностію, какъ и вышешніе номера оныхъ. Что отъ сердца, то прямо идетъ къ сердцу и дѣйствуетъ на сердце. При такихъ условіяхъ, при простотѣ, сердечности и назидательности, дешевое, копѣечное изданіе, съ Божіею помощію, можетъ принести хотя не вдругъ, а постепенно, неоцѣненную пользу въ дѣлѣ развитія народной нравственности. Распространяемые сотнями и тысячами въ массахъ простаго народа, гдѣ бы то ни было, — такіе листки неоспоримо дадутъ народу добрую, здоровую пищу духовную. Впрочемъ, при всей безукоризненности внутренняго содержанія воскресныхъ листковъ, да будетъ позволено мнѣ высказать предъ достопочтеннѣйшимъ Обществомъ Любителей Духовнаго Просвѣщенія нѣсколько словъ о внѣшней формѣ ихъ изданія. Кажется было бы весьма полезно, при томъ же самомъ, или немного увеличенномъ объемѣ бумаги, въ какомъ напечатаны первые номера — присовокуплять къ Воскресной Бесѣдѣ воскресное Евангеліе, какъ по славянски, такъ и по русски. И это вотъ почему. Простой народъ, бывая въ церкви при божественной литургіи, не всегда бываетъ въ состояніи внимательно выслушать чтеніе недѣльнаго Евангелія, и весьма рѣдко случается, что даже и внимательно выслушавъ оное, онъ, по своей малоразвитости, не усвоитъ себѣ читаннаго. Въ такомъ случаѣ, данное ему въ руки, въ славянскомъ и русскомъ текстѣ, то самое евангельское чтеніе, которое онъ слышалъ въ церкви, давало бы ему возможность неоднократно прочитать и вдуматься

въ содержаніе онаго у себя дома. Правда, что въ настоящее время, при необыкновенно дешевой цѣнѣ книгъ Новаго Завѣта, эта возможность дана почти каждому; но не всякій изъ простаго народа, пришедши домой изъ церкви станетъ отыскивать въ Новомъ Завѣтѣ, если бы и имѣлъ оный, выслушанное имъ Евангеліе; или забудеть, или не отыщеть, или займется чѣмъ-либо другимъ. Мнѣ казалось бы, что въ означенномъ случаѣ съ народомъ простымъ, мало-развитымъ, нужно поступать, какъ съ малолѣтними дѣтьми. Должно не только указать что прочесть, но и дать тотчасъ же въ руки самое чтеніе. Тутъ дорога минута, минута религіозной настроенности, душевнаго успокоенія, — и этою минутою должно пользоваться. Припедши домой съ листкомъ въ рукахъ, простолюдинъ будетъ имѣть возможность прочитать евангельское чтеніе у себя, на досугѣ, и чего не уразумѣть въ славянскомъ текстѣ, то объяснить ему русскій переводъ Евангелія и самая Воскресная Бесѣда. Цѣль будетъ достигаться вѣриѣ и надежиѣ, впечатлѣніе отъ самой бесѣды останется сильнѣе и живѣе, когда она будетъ прочитана въ связи съ полнымъ евангельскимъ воскреснымъ чтеніемъ, а не съ однимъ отдѣльнымъ текстомъ. Съ другой стороны многіе изъ простолюдиновъ, да и не изъ однихъ только простолюдиновъ, по различнымъ обстоятельствамъ, лишены бывають утѣшенія въ воскресные дни присутствовать при божественной литургіи. Въ этомъ нравственномъ лишеніи не малымъ утѣшеніемъ служило бы для нихъ евангельское чтеніе, въ связи съ Воскресною Бесѣдою, въ одномъ и томъ же листкѣ. Убѣждая, утѣшая, исправляя, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, могло бы поддерживать въ нихъ благочестіе и любовь къ церкви. Такъ какъ при изданіи воскресныхъ листковъ имѣется въ виду преимущественно простой народъ и слѣдовательно простота изложенія должна быть первымъ и главнымъ условіемъ, то мнѣ кажется, для соблюденія этого важнаго условія, полезно было бы могущіе встрѣтиться въ воскресныхъ бесѣдахъ славянскіе тексты для подтвержденія этой или другой истины—приводить въ то же самое время и въ русскомъ переводѣ. Положимъ, что все это увеличило бы объемъ изданія; но при этомъ несомнѣнно облегчало бы путь къ разумному ознакомленію простолюдина съ словомъ Божиимъ.

Распространеніе духовно-нравственныхъ книгъ въ Россіи въ царствованіе Александра I.

Въ Англійскомъ духовномъ журналѣ: *Sunday at home* (3 1872 г.) мы находимъ нѣсколько не безынтересныхъ подробностей о распространеніи духовно-нравственныхъ книгъ въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го, и послѣдующее за тѣмъ время. Статья заглавлена такъ: *The Gospel in Russia* (Евангеліе въ Россіи), и такъ какъ она нѣсколько касается настоящаго отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, учрежденнаго въ при Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, то мы и рѣшаемся сдѣлать изъ оной нѣсколько извлеченій

Во время посѣщенія Англіи союзными государями въ 1814 г., Императоръ Александръ I случайно встрѣтился съ англичаниномъ Лефъ Ричмондомъ. Ричмондъ на этотъ разъ находился въ Портсмутскомъ адмиралтействѣ, и съ вершины башни съ телескопомъ въ рукѣ разсматривалъ окружающіе виды. Велѣдъ за нимъ прибылъ императоръ съ своею свитою. Ричмондъ сразу узналъ его и хотѣлъ было удалиться, но Императоръ Александръ ласково остановилъ его и долгое время изволилъ съ нимъ бесѣдовать. Передъ окончаніемъ разговора м-ръ Ричмондъ воспользовался случаемъ отъ своего лица и лица всѣхъ друзей Библейскаго Общества въ Англіи поблагодарить Государя за высокое покровительство и поддержку, оказываемыя имъ дѣлу Библейскаго Общества въ Россіи. Императоръ обязательно изволилъ замѣтить: „Скорѣе я долженъ благодарить вашу страну и друзей этого дѣла; потому что, если бы не вашъ примѣръ, то въ Россіи не было бы Библейскаго Общества.“

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого свиданія Ричмондъ препроводилъ къ Императору Александру письмо съ книгою подъ заглавіемъ: *Лѣтописи бѣдныхъ* (*Annals of the Poor*). Государь изволилъ милостиво принять то и другое; книга была отправлена въ бібліотеку Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, а автору былъ пожалованъ брилліантовый перстень.

М-ръ Ричмондъ представилъ также одинъ экземпляръ своей брошюры: *Молодой крестьянинъ* княгинѣ Софѣ Мещерской, которая первая перевела съ англійскаго на русскій брошюру: *Дочь молочника* и другія. Случай, по которому она занялась перево-

домъ послѣдней брошюры, довольно замѣчательный. Весною 1809 г., авторъ означенной брошюры, англичанинъ Робертъ Пинкертонъ, занимался въ Москвѣ уроками англійскаго языка; между прочимъ онъ давалъ уроки въ семействѣ князя Мещерскаго. Княгиня очень любила своихъ дѣтей, строго слѣдила за ихъ образованіемъ, и всегда, во время классныхъ уроковъ, оставалась въ занятой комнатѣ. Пинкертонъ однажды принесъ съ собою для прочтенія дѣтямъ свою брошюру: *Дочь молочника*. Княгиня прослупала оную съ особеннымъ вниманіемъ, и по окончаніи, выславши дѣтей изъ комнаты, обратилась къ нему съ слѣдующими словами: „Вы учите моихъ дѣтей; но сегодня вы дали мнѣ самой такой урокъ, что я не забуду его во всю жизнь; съ этого времени считайте меня своимъ другомъ.“⁴ Вслѣдъ за переводомъ брошюры: *Дочь молочника*, княгиня издала въ свѣтъ: *Обращеніе къ скорбящимъ*, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выпустила около сотни религіозныхъ и нравственныхъ трактатовъ, частію оригинальныхъ и частію переведенныхъ съ англійскаго и нѣмецкаго. Между этими трактатами были отрывки изъ сочиненій Тихона Задонскаго, изъ проповѣдей Петербургскаго Митрополита Михаила; рѣчи Самуила Уокера Трускаго подъ заглавіемъ: *Христианинъ*; д-ра Буканана: *изслѣдованія въ Индіи*; *Бесѣды между матерью и дѣтьми о духовныхъ предметахъ*; одинъ томъ *о протестантскихъ миссіяхъ къ язычникамъ*, и другія религіозно-нравственныя брошюры.

Большую часть издержекъ по печати и переплету брошюры она брала на себя. Для этого въ разное время она употребила болѣе десяти тысячъ рублей своихъ собственныхъ денегъ. Государь Императоръ Александръ I благосклонно взиралъ на эти усилія благородной княгини къ просвѣщенію своихъ подданныхъ и въ различныя времена пожертвовалъ болѣе двѣнадцати тысячъ рублей на этотъ предметъ. Религіозно-нравственныя брошюры, напечатанныя княгиною въ количествѣ 400 или 500 тысячъ, или раздавались народу даромъ, или продавались по дешевой цѣнѣ.

Старанія Общества разсѣять религіозную истину по лицу всей Россіи вызывали полное сочувствіе высоко-поетавленныхъ лицъ въ Греческой церкви. Въ отчетѣ Общества за 1818 годъ приложено значительное число ихъ писемъ, съ засвидѣтельствованіемъ огромной пользы отъ распространенія этихъ брошюръ въ массѣ народа.

Въ 1819 и слѣдующихъ годахъ распространеніе ихъ было такъ велико, что д-ръ Пинкертоя писалъ: „брошюры распространяются теперь во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ Россійской имперіи, отъ странъ Камчатки до Балтійскаго моря; отъ береговъ Евксинскаго Понта до Ледовитаго Океана.“

По смерти Императора Александра I-го, Библейское Общество было закрыто; впрочемъ распространеніе трактатовъ и книгъ все еще продолжалось, хотя въ значительно меньшей мѣрѣ.

Въ тридцатыхъ годахъ была сдѣлана оживленная попытка въ пользу распространенія ихъ. Княгиня Мещерская весь свой собственный складъ религіозно-нравственныхъ брошюръ раздѣлила между нѣсколькими друзьями для безденежной раздачи по Россіи, именно до двухъ сотъ тысячъ.

Съ этого времени небольшое общество въ Петербургѣ, при помощи благочестиваго и ревностнаго Ричарда Нилля, имѣло возможность издавать новыя сочиненія и распространять ихъ. Былъ открытъ складъ для продажи религіозныхъ трактатовъ и книгъ по уменьшеннымъ цѣнамъ. „Въ этотъ небольшой складъ, писалъ м-ръ Нилль, приходятъ одинаково военный генералъ, священникъ и бѣдный крестьянинъ получать наставленіе, могущее умудрить во спасеніе. Распространеніе шло очень успѣшно по всей Россіи. „Не проходитъ ни одного дня, писалъ М. Нилль, безъ того, чтобы не выписывались наши трактаты. Часто бываетъ, что народъ приходитъ въ нашъ складъ съ самаго ранняго утра и за нимъ толпами идутъ другіе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ“.

Между 1835 и 1838 годами Общество распространенія книгъ вручило Петербургскимъ друзьямъ на поддержку ихъ дѣла 1,050 ф. стерлинговъ; за означенное время было издано почти 750,000 брошюръ, большая часть которыхъ распространялась на большихъ русскихъ ярмаркахъ. На Нижегородской ярмаркѣ, напримѣръ, было роздано до 150,000 книгъ и брошюръ какъ безденежно, такъ и за плату. Въ теченіе десяти лѣтъ отъ 1840 до 1856 года Общество пожертвовало до 4,500 ф. стерл. и его изданія распространялись во всѣхъ частяхъ имперіи отъ Сибири до Крыма.

Малое начинаніе сопровождалось весьма богатыми результатами. Изданіе *Краткаго обращенія къ скорбящимъ* послужило причиною къ ежегодному изданію миллионъ страницъ подобныхъ душеполезныхъ сочиненій на четырнадцати различныхъ языкахъ

и нарѣчіяхъ, на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ, ливонскомъ, эстляндскомъ, ревеле-эстляндскомъ, финскомъ, монгольскомъ, армянскомъ, татаро-турецкомъ, шведскомъ, норвежскомъ и голландскомъ, и къ продажѣ и распространенію ихъ на всемъ протяженіи Русской имперіи.

Далѣе авторъ статьи говоритъ, что по различнымъ причинамъ, политическимъ и церковнымъ, дѣйствія общества распространенія религиозныхъ трактатовъ въ Россіи тешеръ не такъ значительны, какъ это было прежде, и какъ то желалось бы, и что сочувствіе къ этому прекрасному дѣлу замѣтно уменьшается. Съ цѣлію возбудить интересъ къ оному, секретарь англійскаго Общества, д-ръ Девисъ, посѣтилъ въ 1870 г. Петербургъ и изъ его отчета оказывается, что главная причина упадка этого дѣла заключается въ невозможности для частныхъ лицъ брать на свой счетъ изданіе религиозно-нравственныхъ брошюръ, такъ какъ продажа ихъ не всегда покрываетъ издержки, а формальный комитетъ невозможенъ, потому что это противно русскимъ законамъ (?). Впрочемъ, замѣчаетъ д-ръ Девисъ въ своемъ отчетѣ, если бы кто либо вздумалъ переводить наши трактаты, или другіе, которые будутъ *одобрены нами* (?), то мы можемъ помочь въ изданіи ихъ. Для примѣра онъ указываетъ на одну русскую госпожу, съ которою имѣлъ удовольствіе познакомиться. Она и ея дочь, дѣвушка 18 лѣтъ, прекрасно говорятъ по-англійски, и уже перевели и издали много брошюръ на свой собственный счетъ. Другая русская госпожа, съ которою онъ знакомъ, живетъ гдѣ то далеко въ деревнѣ, но также готова дѣлать все, что отъ нея зависитъ для этого высокаго дѣла.

Отчетъ д-ра Девиса заключается описаніемъ его первыхъ впечатлѣній при видѣ Москвы. „Если рукотворенные храмы, говоритъ онъ, могутъ дѣлать градъ *святымъ*, то Москва, по всей справедливости, заслуживаетъ это названіе, такъ какъ въ ней находится около четырехъ сотъ церквей и почти сто часовень. Каждая церковь имѣетъ пять куполовъ и пр. Видъ ихъ съ какого-либо возвышеннаго мѣста, въ ясный солнечный день, изъ-за зелени садовъ, представляетъ зрѣлище, невиданное въ Европѣ. Здѣсь всякій можетъ видѣть во-очію вліяніе русской религіи на народныя массы. Здѣсь въ Кремлѣ находятся святыя врата (Спасскія), надъ которыми виситъ чудотворная икона Спасителя съ горящею

предъ нею лампадою, и чрезъ которая всѣ должны проходить съ непокрытою главою. На другомъ концѣ Кремля находится чудотворная икона Божіей Матери, а предъ нею во всякое время дня можно видѣть мужчинъ и женщинъ, осѣняющихъ себя крестнымъ знаменіемъ и стоящихъ на колѣняхъ съ жаркою молитвою. Одни скажутъ: очень религіозный народъ, который не стыдится публично исповѣдывать свою религію; другіе назовутъ его суевѣрнымъ народомъ, который поставляетъ религію свою во вѣщность и разъединяетъ ее съ нравственностію.... Но какъ бы то ни было, одно несомнѣнно, именно, что этотъ благочестивый народъ нуждается въ религіозномъ образованіи.“ По мнѣнію автора, русская церковь страдаетъ недостаткомъ проповѣди (?)*). Обѣдны и вечерня совершаются постоянно, но проповѣдь рѣдко когда услышишь.... Оттого-то рождается такъ много суевѣрій. Недостатокъ проповѣди усиливаетъ важность раздачи религіозно-нравственныхъ брошюръ. Благочестивые и мыслящіе русскіе начинаютъ чувствовать это. Нѣкоторыя лица изъ Московскаго духовенства недавно начали заниматься составленіемъ религіозно-нравственныхъ брошюръ, и я досталъ нѣсколько экземпляровъ оныхъ. Одинъ достойный господинъ, съ которымъ я случайно познакомился, постоянно раздаетъ ихъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Я надѣюсь, что найдутся и другіе, сочувствующіе ему, такъ что со временемъ въ Москвѣ положится начало Обществу распространенія религіозно-нравственныхъ книгъ **).

Въ заключеніе авторъ отчета описываетъ нѣкоторыя характеристическія черты православнаго Богослуженія. Въ русскихъ храмахъ его поражаетъ отсутствіе скамеекъ и мѣстъ для сидѣнья и то, что всѣ присутствующіе въ церкви, не исключая Императора, должны молиться стоя. Крестятся безпрестанно, говоритъ онъ, и поклоны даютъ толпѣ молящихся видъ поля, съ волнующимися отъ вѣтра колосьями. Служба отправляется на скандинавскомъ (sic) языкѣ, который вообще мало понимаетъ народъ. Музыки

*) На это автору англичанину можно замѣтить одно, что все богослуженіе православной церкви составляетъ живую и возвышенную проповѣдь для народа. *Пер.*

**) Начало ему уже положено, въ 1870 г., при Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. *Перев.*

нѣтъ; но пѣніе, особенно въ монастыряхъ, весьма трогательно; тихое, меланхолическое, оно походитъ на журчаніе далекихъ волнъ въ тихій лѣтній вечеръ.

О земныхъ поклонахъ.

Въ 1869 г., въ Петербургскихъ газетахъ, а оттуда и въ Московскихъ было напечатано изъ Сибири извѣстіе, *) какъ выражаются газеты, поражающее своею странностію. Дѣло вотъ въ чемъ. Одно духовное лицо является по служебнымъ обязанностямъ къ своему непосредственному начальнику, епархіальному архіерею. Въмѣсто принятія, по обычному, архипастырскаго благословенія, священникъ обращается къ нему съ привѣтствіемъ *здравія желаю!* И не одно означенное лицо поступаетъ такъ, но и нѣкоторые другіе. Епархіальный начальникъ въ виду того, что подчиненное ему духовенство забываетъ о соблюденіи должныхъ правилъ благоприличія со стороны низшихъ къ высшимъ, обращается къ нему циркуляромъ. Въ циркулярѣ между прочимъ говорится, *чтобы встрѣчи и проводы епархіальному архіерею, обозрѣвающему епархію, непременно были такія, какія были у Корнилія сотника, принимавшаго ап. Петра.*

Далѣе одна изъ Петербургскихъ газетъ (С.-Петербург. Вѣд.) вводитъ на епархіальнаго начальника цѣлый рядъ обвиненій,— въ томъ, что не вводится новый училищный уставъ, что нѣтъ съѣздовъ и пр. Насколько справедливы эти послѣднія обвиненія, мы судить не можемъ и предоставляемъ ихъ ответственности и совѣсти корреспондента, сообщающаго оныя. Обратимся прямо къ самому циркуляру, который вызвалъ такую тревогу въ свѣтской журналистикѣ. Въ появленіи циркуляра со стороны епархіальнаго начальника одной изъ сибирскихъ губерній мы мало видимъ страннаго и особеннаго. Онъ вызванъ, какъ значитса и въ самомъ циркулярѣ, несоблюденіемъ должнаго благоприличія со

*) Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 319) и „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 254) помѣщены по поводу этого извѣстія передовыя статьи; другія газеты ограничились только сообщеніемъ извѣстія; въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ не встрѣчаемъ ни того, ни другаго.

стороны подчиненнаго — священника къ начальнику — архіерею. Не принято должнаго благословенія, сдѣлано привѣтствіе, скорѣе свойственное воину, чѣмъ священнослужителю; поступаетъ такъ не онъ одинъ, но и нѣкоторые другіе, быть можетъ, со стороны нѣкоторыхъ изъ духовныхъ лицъ сверхъ того замѣчается забвеніе надлежащихъ уставовъ Церкви. Какъ не напомнить объ этомъ письменно, циркуляромъ? Всякій начальникъ, въ какой бы административной сферѣ онъ ни дѣйствовалъ, вѣроятно, поступилъ бы точно также, если бы замѣтилъ въ своемъ подчиненномъ отступленіе отъ правилъ приличія. Въ случаѣ погрѣшности одного замѣтилъ бы устно, въ случаѣ неоднократныхъ повтореній погрѣшности со стороны многихъ — вразумилъ бы ихъ письменнымъ напоминаніемъ о забвеніи должныхъ отношеній. Кодексъ нравственныхъ приличій одинаково обязателенъ какъ для гражданскаго, такъ и для духовнаго вѣдомства; и всякій начальникъ, хотя бы при постриженіи въ монашество и произнесшіи обѣты иночества, обязанъ требовать соблюденія ихъ, если онъ не хочетъ видѣть еще большихъ уклоненій и нарушеній должныхъ обязанностей со стороны подчиненныхъ. Впрочемъ дѣло не въ появленіи циркуляра. Не появленіе циркуляра тревожитъ свѣтскую журналистику. Не оно вызываетъ громкое негодованіе ея во имя человѣческаго достоинства. Представителей свѣтской прессы беспокоитъ нѣсколько строкъ помѣщенныхъ въ самомъ циркулярѣ; именно епархіальный начальникъ требуетъ, *чтобы встрѣча и проводы епархіальному архіерею непременно были такіе, какіе были у Корнилія сотника, принимавшаго ап. Петра*, т. е., чтобы духовенство кланялось ему до земли, въ ноги, — дополняютъ они сами слова циркуляра... „Это рабское поклоненіе епархіальнымъ архіереямъ, несовмѣстное съ человѣческимъ достоинствомъ, производить на нихъ тяжелое впечатлѣніе; этотъ авіатскій обычай, оскорбляющій человѣческое чувство и несогласный съ достоинствомъ служителей алтаря — поднимаетъ въ нихъ бурю негодованія.“ *) Изъ этой искры — весь пожаръ. Раскрываемъ книгу Дѣяній Апостольскихъ, изъ которой взять, приводимый въ циркулярѣ, примѣръ о встрѣчѣ Корниліемъ ап. Петра. Читаемъ слѣдующее: „Корниліи же

*) Подлинникъ выраженія газетъ.

ожидалъ ихъ (т. е. ап. Петра съ нѣкоторыми изъ Юппійскихъ братьевъ), создавъ родственниковъ своихъ и близкихъ друзей. Когда Петръ входилъ, Корнилій встрѣтилъ его и поклонился, падши къ ногамъ его. Петръ же поднялъ его, говоря: *встань, я тоже человекъ*“.

Дивная, глубоко-назидательная и трогательная картина отношеній низшихъ къ высшимъ и вышнихъ къ низшимъ. Корнилій падаеть къ ногамъ апостола Петра съ чувствомъ смиренія и вѣры. Апостоль Петръ также поднимаетъ его по чувству смиренія и глубокаго сознанія своего человѣческаго ничтожества, при всей своей духовной высотѣ и святости. Въ этой картинѣ—въ яркомъ свѣтѣ отражаются тѣ чувства смиренія, любви и христіанской взаимной почтительности, которыя одушевляли собою членовъ возникающей церкви Христовой... Мы не можемъ положительно и утвердительно сказать, разумѣлъ ли епархіальный начальникъ, приводя этотъ прекрасный примѣръ, точно и именно поклоненіе себѣ въ землю, въ ноги со стороны подчиненнаго ему духовенства. Быть можетъ и разумѣлъ, хотя въ циркулярѣ ни слова не говорится о земномъ поклоненіи, и заключеніе объ ономъ положительно выведено составителями статей по поводу циркуляра. Мы скорѣе готовы думать, что этотъ фактъ приводится имъ безотносительно къ земнымъ поклонамъ, а просто какъ прекрасный примѣръ глубокой почтительности и уваженія съ одной стороны, и отеческой, дружеской снисходительности съ другой, — и несомнѣнно, что этотъ прекрасный образецъ лучше всего могъ напомнить о взаимныхъ отношеніяхъ христіанскаго благоприличія, если оно забыто. Да если бы епархіальный начальникъ и положительно разумѣлъ поклоненіе себѣ въ ноги со стороны духовенства, что тутъ особенно страннаго и поразительнаго? Дѣйствительно, обычай кланяться въ ноги существуетъ въ духовенствѣ святой православной Россіи, хотя и нельзя сказать, что оный распространенъ повсемѣстно. Всякій, кто болѣе или менѣе основательно знакомъ съ отношеніями служителей алтаря къ своимъ архиереямъ, знаетъ, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ духовенство дѣйствительно поступаетъ по примѣру Корнилія, но знаетъ также и то, что архиереи слѣдуютъ примѣру ап. Петра. Если первые дѣлаютъ передъ архіереемъ земные поклоны, то дѣлаютъ ихъ не по требованію, не по принужденію, а добровольно и частію по своему смиренію, частію по глубокому уваженію къ сану того, который

носитъ на себѣ образъ Архіерея Небеснаго, и если послѣдніе поднимають дѣлающихъ передъ ними земные поклоны, то поступаютъ такъ по сознанію своего человѣческаго недостойнства при всемъ величіи своего сана. Не рабское это поклоненіе, оскорбляющее человѣческое достоинство, не унижительный обычай, несовмѣстный съ достоинствомъ человѣка, какъ проповѣдуютъ нѣкоторые защитники ложно понимаемой гуманности, но скорѣе проявленіе высокаго нравственнаго, духовнаго развитія въ служителяхъ алтаря, руководимыхъ смиреніемъ и вѣрою. Впрочемъ, говори это, мы не имѣемъ намѣренія выставить обычай поклоненія до земли обязательнымъ, существенно необходимымъ для каждаго; мы говоримъ только, что если онъ дѣлается по чувству смиренія, то не унижаетъ, а скорѣе возвышаетъ человѣческое достоинство, и что онъ есть свободное, добровольное выраженіе во внѣшней формѣ внутренняго почтенія духовенства къ архипастырю. Духовенство знаетъ, что архіерей есть высшій представитель Церкви, образъ Архіерея Небеснаго, имѣеть даръ преподавать благодать священства, и вотъ въ душѣ его невольно рождается благоговѣніе къ лицу, столь высокопоставленному благодатію Божіею, а за этимъ чувствомъ слѣдуетъ поклоненіе или въ поясъ, или въ землю, которое впрочемъ совершенно зависитъ отъ свободнаго желанія того или другаго лица. Разгнѣванный Александръ Македонскій подступаетъ къ Іерусалиму, грозя ему мщеніемъ. Первосвященникъ Адуй, узнавъ объ его приближеніи, вышелъ ему навстрѣчу въ своихъ священныхъ одеждахъ, въ сопровожденіи священниковъ и народа. Языческій царь-завоеватель такъ пораженъ былъ видомъ первосвященника Божія, что подошелъ къ нему и поклонился. На вопросъ одного изъ военачальниковъ: Государь! Ты принимаешь поклоненія отъ всѣхъ и вздумалъ унизиться предъ Іудейскимъ священникомъ? Александръ отвѣчалъ: я поклонился Богу, которому онъ служитъ въ этомъ санѣ. Въ приведенномъ примѣрѣ мы видимъ примѣръ поклоненія, возданнаго въ лицѣ первосвященника Богу, со стороны язычника. Что страннаго, если православное духовенство воздаетъ добровольное, положимъ, хотя и земное поклоненіе, въ лицѣ архіерея Богу, которому онъ служитъ? Впрочемъ если этого недостаточно для разубѣжденія лицъ современнаго направленія, громко ратующихъ за человѣческое достоинство, то прослѣдимъ, хотя кратко,

вопросъ объ обычаяхъ поклоненія ницъ съ исторической точки зрѣнія. Дѣйствительно этотъ обычай обязанъ своимъ происхожденіемъ Востоку; онъ азіатскаго происхожденія. На Востокъ преимущественно выражали свое почтеніе и уваженіе къ высшимъ лицамъ то паденіемъ ницъ, то поклоненіемъ до земли, то припаденіемъ къ ногамъ, какъ выражаютъ оное и доселѣ. Упоминаемый въ притчѣ о немилосердномъ заимодавцѣ, рабъ падаетъ въ ноги царю, говоря: „Государь! потерпи на мнѣ и все тебѣ зажду“.

Начальникъ синагоги Гаиръ падаетъ къ ногамъ Иисуса, прося его исцѣлить дочь свою... Темничный стражъ въ трепетѣ падаетъ къ ногамъ апостоловъ Павла и Силы, находившихся въ темницѣ. Съ подобнымъ выраженіемъ благоговѣнія и почтенія обращались на Востокъ, какъ и доселѣ обращаются, къ Богу, властителямъ и родителямъ. Съ Востока этотъ способъ выражать почтеніе перешелъ къ намъ, въ Россію, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, и при неизмѣнности церковныхъ обрядовъ сохранился доселѣ преимущественно въ церкви, и особенно сохранился между лицами, посвятившими себя служенію вѣры и церкви. При свободномъ и вѣншнемъ выраженіи молитвеннаго настроенія, земные поклоны предъ Богомъ, въ извѣстныхъ времена, остаются доселѣ обязательными для всѣхъ. Для посвящаемыхъ на служеніе Церкви земные поклоны предъ совершающимъ рукоположеніе святителемъ также остались по правилу церковному обязательными предъ рукоположеніемъ и во время священнодѣйствія хиротоніи. Нашъ православный, сельскій людъ, который менѣе утратилъ древніе благочестивые обычаи, и болѣе держится добрыхъ преданій старины, чѣмъ городскіе жители,—считаетъ для себя земные поклоны, въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ обязательными и даже необходимыми. Сынъ крестьянина падаетъ въ ноги своему отцу и матери, принимая отъ нихъ благословеніе на бракъ, или на царскую службу. Члены крестьянскаго семейства кланяются взаимно другъ другу въ ноги, въ прощальное воскресенье, испрашивая христіанскаго прощенія въ своихъ грѣхахъ другъ противъ друга; готовясь приступить къ таинству исповѣди и св. причастія, они также земными поклонами испрашиваютъ себѣ прощенія, какъ у своихъ родственниковъ, такъ равно и у духовника. Какъ трогательны подобныя проявленія христіанскаго смиренія и любви! Какъ живо отражается въ нихъ

святѣй, древнѣй обычай членовъ первенствующей Церкви, не высокоумудрствующихъ, но смиренными ведущихся. Мѣрская жизнь, разумѣется, не имѣетъ такой стойкости, какъ церковная, поэтому и обычаи мѣрскіе измѣняются. Древнѣй обычай поклоненія въ ноги принялъ въ сферѣ свѣтскихъ отношеній различныя видоизмѣненія. Уваженіе къ свѣтскому высшему лицу со стороны низшаго подчиненнаго выражается различными условными способами. Кто строже держится церковныхъ обычаевъ, тотъ и доселѣ низко кланяется лицамъ освященнымъ и преподающимъ благословеніе, а архіереямъ и священникамъ—въ ноги... Многіе изъ лицъ свѣтскихъ выражаютъ свое почтеніе и уваженіе къ архіепастырямъ земными поклонами. Можно ли ихъ винить и укорять за это? Нѣтъ, по нашему болѣе похвалы и одобренія заслуживаютъ они, чѣмъ укора и порицанія. Они преклоняются не столько предъ архіереемъ, сколько предъ тѣмъ великимъ саномъ, которымъ онъ облеченъ, и который есть образъ Архіерея во вѣки. Дѣйствительно, кто незнакомъ съ исторіей Церкви и ея обычаями, тому можетъ это казаться страннымъ, и даже дикимъ, а хорошо знакомому съ ними гораздо страннѣе видѣть условныя выраженія натянутыхъ свѣтскихъ отношеній отъ низшихъ лицъ къ высшимъ, чѣмъ земной поклонъ передъ святителемъ. Православный христіанинъ, несмотря на странность мѣрскихъ обычаевъ, не раздражается отъ нихъ, не поднимаетъ тревогу, не бьетъ въ набатъ, а развѣ улыбнется иногда про себя, да скажетъ: вольному воля. Въ древности обычай кланяться до земли нѣкоторымъ высоко поставленнымъ лицамъ, какъ напр. царямъ, архіереямъ, имѣлъ силу закона, слѣдовательно былъ обязателенъ для всѣхъ. Теперь онъ перешелъ въ свободное выраженіе уваженія, признательности, Но иногда это свободное выраженіе переходитъ въ обязательное, когда примѣромъ высшихъ увлекаются низшіе и свободно, и въ то же время, невольно. Такъ московскій владыка, Иннокентій, когда духовенство при представленіи дѣлало передъ нимъ земные поклоны, поступалъ именно такъ, какъ поступилъ ап. Петръ въ отношеніи къ Корнилию сотнику. При отъѣздѣ въ Петербургъ прощаясь съ своею паствою, онъ предварялъ пасомыхъ, какъ священнослужителей, такъ и мірянъ, своимъ земнымъ, къ нимъ обращеннымъ, поклономъ. Какой прекрасный примѣръ смиренія со стороны высшаго представителя Церкви! Какой глубоко-назидательный урокъ

для пасомыхъ, преподанный не словомъ, а дѣломъ! Что же? Ужели духовенство должно было отвѣтить на это пояснымъ поклономъ, или пожалуй и просто кивкомъ, какъ желали бы, быть можетъ, видѣть противники земныхъ поклоновъ. Нѣтъ, отвѣтимъ мы, православное духовенство—довольно благовоспитано, довольно развито нравственно для того, чтобы понимать должнымъ образомъ свои отношенія къ святителямъ, одареннымъ передъ прочими служителями алтаря сугубою благодатію. Оно отвѣтило ему также земнымъ поклономъ. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ приводится случай, бывший между архіепископомъ Платономъ и Симоновскимъ архимандритомъ Амвросіемъ въ прошломъ столѣтіи. Архимандритъ кланяется архіепископу во время служенія — неприличнымъ образомъ. Архіепископъ счелъ своимъ долгомъ въразумить подчиненнаго, чтобы онъ во время служенія кланялся ему (не въ землю, но по уставу Церкви) „политичнымъ образомъ пониже“. Архимандритъ отвѣчалъ ему непочтительнымъ, и даже, можно сказать, дерзкимъ образомъ. Не правъ ли былъ архіепископъ, замѣчая подчиненному лицу о его неполитичности, т. е. невѣжливыхъ и неприличныхъ его головокиваніяхъ во время священно-служенія, требующаго сановитости во всѣхъ движеніяхъ отъ служащихъ? Ужели должно было оставить безъ слова въразумленія и наставленія невѣжественную и неумѣстную спѣсь въ виду ненаказанности?... „С.-Петербур. Вѣдомости“ желаютъ, чтобы администрація положительно запретила этотъ обычай, несообразность котораго чувствовалась еще во времена Петра Великаго. Но можно ли запрещать то, что есть свободное выраженіе почтенія, уваженія и признательности? Не будетъ ли это насиліемъ для чловѣческаго духа и духовной природы? Въ дух. регламентѣ дѣйствительно говорится, чтобы епископамъ умѣренной чести самимъ не искать и отъ подручныхъ не истязовать, но *свободно подаваемою довольствоваться*. Насколько мы знаемъ, это правило дух. регламента—вообще соблюдается, какъ законъ, епархіальными архіереями. Они и не требуютъ и не истязуютъ себѣ земнаго поклоненія отъ своихъ подручныхъ, но свободно подаваемою честью довольствуются, или принимая оное какъ даръ смиренія христіанскаго и любви, или воздвигая преклоняющихся подобно ап. Петру, воздвигшему Корнилія Сотника.

О Юбилейномъ днѣ 18 мая 1871 г.

Въ одной изъ священнымъ книгъ Ветхаго Завѣта мы находимъ нѣчто въ поясненіе юбилейныхъ празднествъ, одно изъ каковыхъ совершала церковь и паства Московская 18 мая, 1871 года. *И освятите пятидесятый годъ.... Пятидесятый годъ да будетъ у васъ юбилей... Священнымъ онъ да будетъ для васъ* (Лев. XXV. 10, 11, 12); такъ заповѣдалъ Господь Богъ древнему Израилю чрезъ великаго пророка своего Моисея.

Справедливо то, что празднованіе юбилейнаго года у Евреевъ, торжественно возвѣщаемое звукомъ трубъ въ великій день очищенія, было, по преимуществу, гражданскимъ, такъ какъ съ онымъ соединялись многія извѣстныя льготы и благодѣянія и для цѣлой страны, и для всего народа израильскаго, но нельзя не видѣть и того, что, при этомъ, оно имѣло великое нравственное значеніе и силу для церкви Вѣтхозавѣтной. *Въ это, поистинѣ мѣто Господне благоприятно*, всякій вѣрный израильчанинъ удобнѣе всего могъ обозрѣть своею мыслію пройденный пятидесятилѣтній періодъ времени, взвѣсить и оцѣнить благодѣянія Божіи, явленныя въ оный, освѣжиться духовно путемъ благоговѣйнаго размышленія, укрѣпиться къ новой, свѣжей благотворной дѣятельности молитвою вѣры, любви и благодаренія. Не въ этомъ ли смыслъ и заповѣдано: *освятите пятидесятый годъ... священнымъ онъ да будетъ для васъ?*

А если такъ, то не руководствовался ли этимъ прекраснымъ учрежденіемъ церкви вѣтхозавѣтной и новый Израиль, когда, обращаясь мыслію отъ общаго къ частному, принялъ благочестивый обычай праздновать и освящать молитвою вѣры, любви и благодаренія, совершающіеся сроки пятидесятилѣтняго служенія тѣхъ благихъ дѣлателей церкви и государства, которые, на поприщѣ онаго, подвигомъ добрымъ подвизались, выну были ревностными поборниками правды, долга, вѣрности? Безъ сомнѣнія видѣлъ онъ, что подобныя празднества, сколько утѣшительны и полезны для празднующихъ, освѣжая и назидая ихъ примѣромъ свѣтлой, безукоризненной полувѣковой дѣятельности, столько же и благоприличны въ отношеніи къ празднуемымъ, какъ должная дань общественной признательности и любви за ихъ благотворное служеніе.

Одно изъ таковыхъ празднествъ по милости Божіей, какъ мы уже сказали, торжествовала 18 мая церковь и паства Московская въ радостный день совершившагося пятидесятилѣтняго служенія, въ санѣ пресвитерскомъ и сугубо высшемъ святительскомъ, своего почившаго архипастыря, Иннокентія.—И конечно они отпраздновали онъ, если не громкимъ звукомъ трубъ, какъ въ церкви Ветхозавѣтной, то благоговѣйнымъ размышленіемъ о благодати Божіей, явленной церкви въ его полувѣковой дѣятельности,—и освятили онъ, въ христіанскомъ духѣ, молитвою благодаренія, вѣры и любви, вознеся изъ глубины сердець въ благознаменитый день праздника 18 мая, усердную молитву благодаренія всея твари Содѣтелю, времена и лѣта въ своей власти положившему, — Который чрезъ Господа Иисуса Христа, возвѣщаетъ вѣру своихъ избранныхъ во всемъ мірѣ, влагаетъ въ сердца ихъ пламенное усердіе къ неутомимоблагодѣятельности, возгрѣваетъ любовь ихъ къ дѣлу своего служенія къ Источнику всѣхъ благъ и жизни Подателю, „да хранить Онъ на многія лѣта архипастыря, перво-святителя церкви Московской, да пошлетъ ему здравіе тѣлесное, крѣпость силъ, долготу дней,—да свѣтитъ на долгое время духовный яркій свѣтъ его благотворной дѣятельности къ благу всей церкви и всѣхъ пасомыхъ“.

Мысли предъ Новымъ годомъ.

Чрезъ нѣсколько дней наступитъ новый годъ—и потому намъ кажется приличнымъ предъ наступленіемъ онаго посвятить нѣсколько минутъ на размышленіе о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя мы получили отъ Господа въ дѣтствѣ и отрочествѣ, юности и мужествѣ. Впрочемъ, если мы и можемъ исчислить дни нашей жизни, то не можемъ исчислить Божіихъ къ намъ благодѣяній. Итакъ пусть каждый изъ насъ спроситъ у своего сердца, какъ онъ пользовался доселѣ даннымъ ему временемъ и полученными благодѣяніями. Когда мы обращаемся мыслию къ проходящему старому году, то не является ли у насъ мрачное воспоминаніе о забвеніи нашего долга, — худо проведенномъ времени, о талантѣ, зарытомъ въ землю, о влияніи дурно направленномъ, о празднои жизни, о грѣхахъ, содѣянныхъ мыслию, словомъ, дѣ-

ломъ? Не покрываетъ ли краска стыда наши ланиты при воспоминаніи о какомъ-либо явномъ или тайномъ грѣхѣ, о которомъ мы даже стыдимся думать, что онъ былъ сдѣланъ нами? Не замираетъ ли въ насъ сердце при мысли, что мы совершенно не приготовлены для безконечной жизни въ той вѣчности, которая ежегодно приближается къ намъ тихо, но неизбѣжно?

Обратимся теперь на нѣсколько минутъ къ будущему. Быть можетъ, Господь попуститъ намъ видѣть начало новаго года, но увидимъ ли мы конецъ его? Придется ли намъ еще нѣсколько лѣтъ прожить въ этомъ мірѣ, или это послѣдній годъ нашей жизни? Мы „не знаемъ, что можетъ породить наступающій день“. *Теперь послушайте вы, говорить апостоль Іаковъ, говорящій: сегодня или завтра отправимся въ такой-то городъ, и проживемъ тамъ одинъ годъ, и будемъ торговать и получать прибыль; вы, которые не знаете, что случится завтра: убо что такое жизнь ваша? Паръ являющійся на малое время, а потомъ исчезающій*“. Она быстрѣе идетъ, чѣмъ корабль, плывущій по морю; она какъ вода протекающая по землѣ.

Но если Господь по своему милосердію и пощадитъ нашу жизнь, какъ мы станемъ проводить ее? Будемъ ли мы употреблять ее во славу Божию? Быть можетъ кто-нибудь изъ насъ скажетъ: „я знаю, что не сдѣлалъ должнаго, повелѣннаго мнѣ, но я все-таки надѣюсь, что придетъ время, быть можетъ и скоро, когда я буду проводить жизнь сообразно съ высокимъ званіемъ христіанина“. Но какое основаніе имѣетъ онъ думать, что только большее или меньшее число лѣтъ сдѣлаетъ его болѣе религіознымъ, чѣмъ онъ теперь, въ настоящее время? Черезъ десять, двадцать, тридцать лѣтъ, сдѣлается ли его сердце менѣе привязаннымъ къ міру, его совѣсть болѣе чувствительною, чѣмъ теперь? Это одна изъ коварныхъ сѣтей діавола внушать человѣку мысль, чтобы онъ отлагалъ заботу о своей душѣ до болѣе благоприятнаго времени, тогда какъ напротивъ всеобщій опытъ научаетъ насъ, что чѣмъ скорѣе мы начинаемъ свое служеніе Господу, тѣмъ это легче.

Опасно надѣяться, что слѣдующій годъ, или слѣдующій мѣсяцъ, или слѣдующая недѣля будутъ лучше, чѣмъ годы и мѣсяцы прошедшіе,—потому что мы весьма можемъ и не дожить до нихъ; да еслибы они и были дѣйствительно лучше, то мы точно также

можемъ безплодно провести ихъ, какъ и прошлое время нашей жизни. Безполезно плакать надъ пролитою водою; бесполезно и ласкать себя отрадными мечтами о будущемъ. Настоящее и одно оно, наше. Вчерашній день прошель, завтрашній еще не наступалъ. Вчерашній день могъ быть проведенъ бесполезно, грѣховно, постыдно, но мы не можемъ уже воротить его; завтрашняго дня, быть можетъ, Господь не приведетъ намъ и видѣть. Будемъ жить и дѣйствовать сегодня, пользоваться настоящею минутою, — искупать время, данное намъ. Начнемъ съ первыхъ минутъ новаго года, новый, святой, свѣтлый періодъ въ исторіи нашей жизни, какъ предвѣстникъ лучшихъ грядущихъ дней. Слово Божіе говоритъ намъ: *нынѣ, если услышите гласъ Его, не ожесточите сердцецъ вашихъ. Се нынѣ время благоприятно, се нынѣ день спасенія.* Да, нынѣ или, можетъ быть, никогда.

Быть можетъ, кто либо изъ насъ спроситъ: какъ пользоваться настоящимъ? Мы отвѣчаемъ ему на этотъ вопросъ другимъ вопросомъ; съ какою цѣлію рождается человекъ на свѣтъ? Ужели для того, чтобы ѣсть, пить, думать о земномъ и потомъ умереть? Не для того ли скорѣе, чтобы онъ могъ развиваться нравственно, дѣлаться Богоподобнымъ здѣсь, на землѣ, и приуготовлять себя къ блаженной вѣчности? Начнемъ же это приуготовленіе съ настоящей минуты. Господь говоритъ: *Сынъ мой, даждь мнѣ сердце твое.* Предадимъ ему оное съ настоящаго дня. Наша жизнь доселѣ была бесполезно проведена, но Господь даровалъ намъ средства, чрезъ которыя мы оправдываемся, освящаемся, прославляемся. Эти средства предлагаются намъ и теперь и всегда, какъ неизреченный даръ Его милосердія. Обратимся ко Христу. Котораго мы такъ часто прогнѣвляли и оскорбляли своею грѣховною жизнію; будемъ оплакивать въ истинномъ раскаяніи наши грѣхи, подобно какъ отецъ оплакиваетъ своего умершаго, единственнаго сына. Прибѣгнемъ къ кресту Господа нашего Иисуса; воспользуемся плодами Его умилоостивительной жертвы; будемъ молить Его, чтобы Онъ принялъ насъ, и низпослалъ намъ благодать Святаго Духа; и Онъ не отвергнетъ, не ижденетъ грядущаго къ Нему съ слезами молитвы, вѣры, раскаянія и любви.

Такъ мы можемъ начать счастливый новый годъ и съ этого дня будемъ считать новый періодъ въ исторіи нашей жизни. Это будетъ, такъ сказать, день рожденія для нашей души. Только,

и единственно, такимъ образомъ можемъ мы сдѣлаться счастливыми и святыми. Миръ Божій будетъ господствовать въ нашемъ сердцѣ. Самъ Богъ мира освятитъ насъ всецѣло. Мы будемъ радоваться всегда о Господѣ,—и воистинну, тогда наступитъ для насъ счастливый, новый годъ!

Весна—Образъ Воскресенія.

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Воскресеніе, воскресеніе,—не встрѣчается ли намъ повсюду это великое слово, въ этотъ весенній мѣсяць года, который считается лучшимъ изъ всѣхъ и называется праздничнымъ мѣсяцемъ весны? И если мы бросимъ внимательный взоръ на тѣ великія, ежедневныя перемѣны, которыя совершаются теперь на каждомъ шагу предъ нашими глазами въ царствѣ природы, то убѣдимся, что онъ называется такъ совершенно справедливо. Какой контрастъ между тѣмъ, что было за нѣсколько недѣль тому назадъ, и что теперь, или, по крайней мѣрѣ, что ежедневно происходитъ и развивается теперь! Видя свѣтъ, возникающій изъ тьмы,—жизнь, возраждающуюся изъ смерти, не чувствуемъ ли мы новое наслажденіе въ душѣ, которая какъ бы юнѣетъ при созерцаніи красотъ творенія?... И когда, какъ не теперь, мы съ большимъ чувствомъ можемъ повторить себѣ прекрасную пѣснь весны: *зима прошла. На землѣ показались цвѣты,—время птницъ наступило. И юлосъ горлицы слышенъ въ нашей землѣ?* (Пѣснь пѣсней 11, 12). Впрочемъ какъ не велико различіе между весенними днями въ святой землѣ и нашимъ измѣнчивымъ климатомъ, мы все-таки каждый разъ съ наслажденіемъ смотримъ на обновленіе лица земли кругомъ насъ, потому что съ каждымъ днемъ дѣлаемся свидѣтелями какого-либо новаго и рѣшительнаго откровенія. *Будетъ же ново небо и земля нова* (Ис. LXV. 17.)—громогласно говоритъ намъ Всемогущій Творецъ въ Своихъ твореніяхъ, какъ Онъ нѣкогда говорилъ Аврааму, своему другу: *Воззри на небо!* Какъ жалокъ тотъ человѣкъ, который не имѣетъ ни очей, ни сердца для красотъ природы, изъ которой Іовъ, Давидъ и Исаія заимствовали свои лучшія подобія, и на которыя Самъ Спаситель постоянно указывалъ Своимъ ученикамъ! Но какъ достойны со-

жалѣнія и тѣ (а число таковыхъ, къ сожалѣнію, въ наше время не мало), которые могутъ мечтать о красотахъ природы, изслѣдовать ея законы, удивляться ея могуществу и въ то же самое время остаются совершенно равнодушными и невнимательными къ тому славному Имени, которое, во очію всѣхъ, написано и на полевыхъ цвѣтахъ, и на небесныхъ звѣздахъ! Что такое природа безъ духа, сила безъ художника, и законъ, не управляемый высшею, независимою Волею?! Да, тотъ лишаетъ себя высшаго наслажденія природою, кто смотритъ на нее только какъ на невидимую мастерскую, а не какъ на святой храмъ, въ которомъ человѣкъ долженъ чувствовать и являться священникомъ, прежде чѣмъ станеть господствовать, какъ царь, надъ твореніемъ. Въ этомъ то именно и состоитъ прелесть порядка временъ года, что она приучаетъ насъ къ ясному размышленію о Богѣ, вѣчно дѣйствующемъ, премудромъ, всеблагомъ, безсмертномъ, неизмѣняемомъ, отъ котораго непрестанно льется новый свѣтъ, новая любовь, новая жизнь для миллионовъ тварей. Смотримъ ли мы на весну въ ея пробуждающемся величіи, въ двадцатый или шестидесятый разъ, она всегда, и въ самыхъ великихъ и самыхъ малыхъ своихъ проявленіяхъ, представляетъ намъ столько силы и мудрости, столько любви и истины, что мы непрестанно должны съ благоговѣніемъ приводить себѣ на мысль слѣдующія слова псалмопѣвца: *Господи, Боже мой, возвеличился еси зѣло, во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси.* (Ис. СІХ 1.).

Только при подобномъ настроеніи сердца можетъ открыться нашъ слухъ для громогласной проповѣди, возвѣщаемой намъ воскресающею въ весеннее время природою. Вотъ, *будеть ново небо и земля нова*, говоритъ Богъ; и искренно добрый человѣкъ въ каждомъ возвращеніи весны видитъ разительную эмблему своего славнаго назначенія на землѣ, и въ то же время залогъ для своего непоколебимаго упованія на вѣчность. Ахъ! что такое самая суровая зима въ сравненіи съ грѣховною зимою, которая свирѣпствуетъ въ сердцѣ каждаго нераскаяннаго грѣшника, и что стало бы съ нами, если бы надъ нами не исполнялись въ высшемъ значеніи слѣдующія слова псалмопѣвца: *послещи Духа Твоего— и созиждутся, и обновится лице земли?* (Псал. СІV. 30). Въ этомъ-то именно и состоитъ отрадная проповѣдь природы, что она указываетъ намъ на такую силу, для которой даже въ нашемъ ма-

ломъ міръ, нѣтъ ничего слишкомъ малаго и ничтожнаго, — на такое дыханіе жизни, которое можетъ расплавить самую твердую, ледяную кору кругомъ нашего грѣховнаго сердца. Узнали ли мы на себѣ собственнымъ опытомъ хоть сколько нибудь значеніе и силу слѣдующихъ словъ: *Онъ оживотворилъ васъ, умершихъ въ искушеніяхъ и грѣхахъ?* Если, къ сожалѣнію, нѣтъ, то эта весна, въ самомъ полномъ смыслѣ, можетъ быть для насъ утреннимъ часомъ новой жизни посредствомъ преобразующей силы благодати. *Гласъ гораицы слышится на землю:* — мѣсяць май съ каждымъ днемъ приближаетъ насъ къ празднику Пятидесятницы. Не затворимъ нашего слуха для его глаголовъ, и наше умственное око озарится свѣтомъ упованія и надежды. Тотъ, кто открываетъ книгу творенія при свѣтѣ этого упованія, повсюду прочтетъ въ настоящее весеннее время пророчество о новомъ небѣ и новой землѣ, въ которыхъ Правда живетъ. Что значить даже самое прекрасное весеннее утро въ сравненіи съ тѣмъ немерцающимъ утромъ, котораго ожидаемъ вѣроу, когда *древнее мимо идетъ и будетъ все ново?* И этотъ невечерній день несомнѣнно наступитъ для тебя, христіанинъ; онъ будетъ тихъ, ясенъ и безмятеженъ; онъ никогда не окончится въ вѣчности!

Рѣчь епископа Штроссмайера о папской непогрѣшимости.

Въ *Православномъ Обзорѣннн* неоднократно упоминалось о рѣчи епископа Штроссмайера, произнесенной имъ на ватиканскомъ соборѣ, о папской непогрѣшимости. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность передать читателямъ въ полномъ видѣ эту замѣчательную рѣчь, заимствуя ее изъ газеты *The Guardian*, гдѣ появилась она въ переводѣ съ итальянскаго подлинника, изданнаго во Флоренціи, подъ заглавіемъ: *Папа и Евангеліе*. Вотъ эта рѣчь:

„Достопочтенные отцы и братья! Не безъ трепета, впрочемъ съ чистою и спокойною совѣстію передъ живымъ, всевидящимъ Богомъ, я открываю мои уста среди васъ, въ этомъ торжественномъ собраніи“.

Съ самаго начала, какъ я получилъ право засѣдать съ вами, я внимательно слѣдилъ за рѣчами, произносимыми въ этомъ соб-

раніи, надѣясь, съ великимъ желаніемъ, что со временемъ и на меня сойдетъ свыше лучъ божественнаго свѣта, просвѣтитъ очи моего разумѣнія, и позволить мнѣ согласиться съ опредѣленіемъ этого святаго вселенскаго собора при полномъ уясненіи дѣла.

Проникнутый чувствомъ отвѣтственности, которую долженъ буду дать Богу, я принялся за изученіе Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ, и я искалъ въ этой неопѣненной сокровищницѣ истины отвѣта на вопросъ, дѣйствительно ли святой первосвященникъ, предсѣдательствующій здѣсь, есть преемникъ св. Петра, намѣстникъ Іисуса Христа, и непогрѣшимый учитель церкви?

Для рѣшенія этого важнаго вопроса я былъ принужденъ игнорировать настоящее состояніе вещей, и съ свѣточемъ евангельскимъ въ рукѣ переноситься къ тѣмъ днямъ, когда не было ни ультрамонтанизма, ни галликанизма, и когда учителями церкви были св. Павель, св. Петръ, св. Іаковъ и св. Іоаннь — такими учителями, которымъ никто не можетъ отказать въ божественномъ авторитетѣ, не подвергая сомнѣнію того, чему учить находящаяся передъ мною Библия и что тридентскій соборъ назвалъ *правиломъ вѣры и нравственности*.

Итакъ, я открылъ эти священныя страницы. Что же! Какъ осмѣлюсь я выразить это? Я не нашелъ въ нихъ ничего, что подтверждало бы мнѣнія ультрамонтановъ. И еще болѣе, къ моему величайшему изумленію, при обзорѣннн этихъ апостольскихъ дней, я не нашелъ ни малѣйшаго намека на папу, какъ преемника св. Петра и намѣстника Іисуса Христа, точно такъ же, какъ не нашелъ никакого намека на Магомета, который въ то время не существовалъ.

Вы, монсиньоръ Маннингъ, скажете, что я богохульствую; вы, монсиньоръ Пій, скажете, что я безумствую. Нѣтъ, монсиньоры, я не богохульствую и не безумствую. Теперь, прочитавши весь Новый Завѣтъ, поднявши руку предъ этимъ святымъ Распятіемъ, я свидѣтельствую предъ Богомъ, что не нашелъ въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ папства въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ настоящее время.

Не откажите мнѣ во вниманіи, достопочтенныя братья, и вашимъ ропотомъ и возгласами не оправдывайте тѣхъ, которые, подобно отцу Гіацинту, говорятъ, что настоящій соборъ не сво-

бодень, и что наши голоса были завербованы въ пользу его съ самаго начала (in precedenza imposti). Еслибы дѣйствительно было такъ, то это благородное собраніе, на которое обращены взоры всего свѣта, естественно можетъ подвергнуться самому постыдному недовѣрью. Если мы желаемъ сдѣлать его великимъ, мы должны быть свободны.

Благодарю его преосвященство, архіепископа Дюпанлу, за знаки одобренія, которые онъ дѣлаетъ своею головою: это ободряетъ меня,—и я продолжаю.

Итакъ, прочитавши священныя книги съ тѣмъ вниманіемъ, которымъ наградила меня Господь, я не нашелъ ни одной главы, ни одного стиха, въ которыхъ Иисусъ Христосъ давалъ бы св. Петру первенство надъ апостолами, его сотрудниками.

Если Симонъ, сынъ Іонинъ, былъ тѣмъ, чѣмъ, по нашему вѣрованію, въ настоящее время есть его святѣйшество Пій IX, то удивительно, какъ Господь не сказалъ ему: когда Я взойду къ моему Отцу, то все апостолы должны будутъ повиноваться тебѣ, какъ повинуются Мнѣ. Я поставлю тебя Своимъ намѣтникомъ на землѣ.

И не только Христосъ Иисусъ ничего не сказалъ объ этомъ, но даже, когда Онъ обѣщаль престолы Своимъ апостоламъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ, Онъ обѣщаль имъ всемъ одинаково, не упоминая, что между этими престолами—престоль, принадлежащій св. Петру, будетъ выше, чѣмъ прочіе. По всей вѣроятности, еслибы это было благоугодно Ему, Онъ такъ и сказалъ бы. Что мы должны заключать изъ этого молчанія? То, въ силу логичности, что Христосъ не желалъ сдѣлать Петра главою апостоловъ.

Когда Христосъ посылалъ апостоловъ на евангельскую проповѣдь, Онъ всемъ имъ далъ одинаковую власть вязать и рѣшить, и всемъ далъ обѣтованіе Святаго Духа. Позвольте мнѣ повторить: еслибы Онъ благоволилъ поставить Петра Своимъ намѣтникомъ, онъ вручилъ бы ему главное начальство надъ своимъ духовнымъ воинствомъ.

Христосъ, такъ говоритъ Свящ. Писаніе, запретилъ Петру и прочимъ апостоламъ господствовать и стремиться къ господству, или имѣть власть надъ вѣрующими подобно царямъ языческимъ (Ев. Лук. XXII, 25). Еслибы св. Петръ былъ избранъ папою,

то Господь Иисусъ не сказалъ бы такъ, потому что, по нашему преданію, папство держитъ въ своихъ рукахъ два меча — символы духовной и свѣтской власти.

Одно чрезвычайно изумило меня. Раздумывая объ этомъ, я сказалъ себѣ, еслибы апостоль Петръ былъ избранъ папою, то ужели могло быть дозволено прочимъ апостоламъ послать его вмѣстѣ съ Иоанномъ въ Самарію для проповѣданія Евангелія Сына Божія? (Дѣян. VIII, 14).

Что подумали бы вы, достопочтенные братья, еслибы въ эту минуту намъ было дозволено послать его святѣйшество Пія IX, а его преосвященство минсиньора Плантье — къ патриарху константинопольскому просить его положить конецъ восточной схизмѣ?

Но здѣсь есть другой, еще болѣе важный фактъ.

Въ Иерусалимѣ собирается вселенскій соборъ рѣшить вопросъ, рѣзединяющій вѣрующихъ. Кто созвалъ бы этотъ соборъ, еслибы св. Петръ былъ папою? Св. Петръ. Кто предѣдательствовалъ бы на немъ? Св. Петръ или его легаты. Кто составлялъ бы и обнародовалъ опредѣленія собора? Св. Петръ. Такъ; но впрочемъ ничего этого не было. Апостоль присутствовалъ на соборѣ, какъ и другіе, и не онъ созвалъ соборъ, но св. Іаковъ; и когда были обнародованы опредѣленія, то они были обнародованы отъ лица апостоловъ, старѣйшинъ и братьевъ (Дѣян. XV).

Такъ ли мы поступаемъ въ нашей церкви? Чѣмъ болѣе я изслѣдую Свящ. Писаніе, достопочтенные братья, тѣмъ болѣе я убѣжденъ въ томъ, что въ Священномъ Писаніи сынъ Іоинъ — не представляется первымъ. Теперь, когда мы учимъ, что церковь основана на св. Петрѣ, св. Павель, въ авторитетѣ котораго нельзя сомнѣваться, въ посланіи къ ефесеямъ говоритъ (II, 20), что она основана на основаніи апостоловъ и пророковъ, суццу краугольну Самому Христу.

И тотъ же самый апостоль такъ мало вѣруеть въ главенство св. Петра, что открыто порицаетъ тѣхъ, которые говорятъ: *мы Павловы, мы Аполлосовы* (Корин. I, 12), равно какъ и тѣхъ, которые скажутъ: *мы Петровы*. Потому, еслибы этотъ послѣдній апостоль былъ намѣтникомъ Господа Иисуса Христа, то св. Павель не рѣшился бы такъ сильно порицать тѣхъ, которые принадлежали къ его собственнымъ приверженцамъ.

Тотъ же самый ап., перечисляя служенія въ церкви, упоминаеть сборн. пропов. и рѣч.

объ апостолахъ, пророкахъ, евангелистахъ, учителяхъ и пастыряхъ.

Ужели должно думать, достопочтенные братья, что св. Павелъ, великій апостоль языкъ, забылъ упомянуть о первомъ изъ этихъ служеній, о *папствѣ*, еслибы папство было Божественнаго установленія? Это забвеніе кажется мнѣ столь же невозможнымъ, какъ еслибы историкъ настоящаго собора не упомянулъ ни однимъ словомъ объ его святѣйшествѣ, Пів IX. (*Ньскомо голосъ*: „замолчи, еретикъ, замолчи!“).

Успокойтесь, достопочтенные братья, я еще не ковчилъ. Воспрещая симъ продолжать, вы доказываете передъ свѣтомъ, что дѣлаете несправедливость и заграждаете уста малѣйшаго члена этого собранія. Я продолжаю:

Апостоль Павелъ ни въ одномъ изъ своихъ посланій къ различнымъ церквамъ не упоминаетъ о первенствѣ Петра. Еслибы это первенство существовало, еслибы, однимъ словомъ, церковь имѣла въ своемъ обществѣ верховную главу, непогрѣшимую въ ученіи, то ужели великій апостоль языкъ забылъ бы упомянуть объ этомъ? Впрочемъ, что говорю? Онъ, по всей вѣроятности, написалъ бы длинное посланіе объ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ. Итакъ когда воздвигается зданіе церкви, ужели можно было забыть основаніе и фундаментъ для онаго? Теперь, если вы не признаете, что апостольская церковь была еретическою, чего никто изъ насъ не желаетъ и не осмѣливается утверждать, то мы должны сознаться, что церковь никогда не была прекраснѣе, чище, святѣе, какъ во времена апостольскія, когда не было папы. (*Крики*: „неприда! неправда!“) Пусть монсиньоръ ди-Лаваль не отрицаетъ этого. Если кто изъ васъ, достопочтенные братья, осмѣливается думать, что церковь, имѣющая въ настоящее время своею главою папу, тверже въ вѣрѣ и чище въ нравственности, чѣмъ церковь апостольская, тотъ пусть скажетъ это открыто передъ лицомъ всего свѣта, потому что настоящее собраніе служить центромъ, изъ котораго наши слова разлетаются отъ полюса до полюса. Я продолжаю:

Я не нашелъ ни малѣйшаго слѣда или намека на папскую власть ни въ одномъ изъ посланій св. Павла, св. Іоанна и св. Іакова. Св. Лука, историкъ миссіонерскихъ подвиговъ апостоловъ, также молчитъ касательно этого важнѣйшаго вопроса.

Молчаніе этихъ святыхъ мужей, которыхъ посланія составляютъ часть канона боговдохновеннаго Писанія, всегда представлялось мнѣ сомнительнымъ и невозможнымъ, еслибы Петръ былъ папою, и также неизвинительнымъ, какъ еслибы Тьеръ, описывая исторію Наполеона Бонапарта, забылъ назвать его императоромъ.

Я вижу предъ собою одного изъ членовъ собранія, который, указывая на меня пальцемъ, говоритъ: „вотъ епископъ-схизматикъ, который пришелъ къ намъ въ овчей одеждѣ“.

Нѣтъ, нѣтъ, достопочтенные братья, я не взошелъ въ это торжественное собраніе, какъ воръ, окномъ, но дверью, какъ и вы сами; титуло епископа дало мнѣ право на это, точно такъ же, какъ моя христіанская совѣсть понуждаетъ меня высказать откровенно то, что я считаю истинною.

Но что меня изумило высшимъ образомъ, то это — молчаніе св. Петра. Еслибы апостоль былъ тѣмъ, чѣмъ мы называемъ его теперь, т. е., намѣстникомъ Иисуса Христа на землѣ, то онъ вѣроятно зналъ бы это; если же онъ зналъ это, то почему же онъ ни единожды не дѣйствовалъ какъ папа? Онъ могъ бы дѣйствовать такъ въ день Пятидесятницы, когда произнесъ свою первую рѣчь, — и не дѣйствовалъ; на соборѣ іерусалимскомъ, и не дѣйствовалъ; въ Антиохіи, и не дѣйствовалъ; равно также онъ не выставляетъ себя папою ни въ первомъ, ни во второмъ своемъ посланіи — написанныхъ къ церкви. Теперь можете ли вы, достопочтенные братья, представить себѣ св. Петра папою?

Впрочемъ, если вы желаете доказывать, что онъ былъ папою, то естественно должны доказать, что онъ не зналъ объ этомъ фактѣ. Теперь, я спрашиваю всякаго разсудительнаго и мыслящаго человѣка, совмѣстимы ли эти два предположенія?

Обратимся къ началу. Я говорю, при жизни апостоловъ, церковь никогда не думала, что долженъ быть какой-либо папа. Если желаемъ доказать противное, то мы должны бросить въ огонь всѣ священныя писанія, или всецѣло ихъ игнорировать.

Но я слышу со всѣхъ сторонъ: не былъ ли св. Петръ въ Римѣ? Не былъ ли онъ раснять къ немъ головою внизъ? Не въ этомъ ли вѣчномъ городѣ находится кафедра, съ которой онъ училъ, и алтари, при которыхъ онъ совершалъ божественную литургію?

Достопочтенные братья! Что св. Петръ былъ въ Римѣ, это единственно основывается на преданіи; но еслибы онъ и дѣйстви-

тельно былъ епископомъ римскимъ, то какъ изъ этого епископства вы можете заключить объ его главенствѣ?

Скалигеръ, одинъ изъ ученѣйшихъ людей, не поколебался сказать, что епископство св. Петра и пребываніе въ Римѣ должно быть отнесено къ смѣшнымъ легендамъ. (*Неоднократные крики: „заградите ему уста, заградите ему уста; пусть онъ убирается съ каведры“*).

Достопочтенные братья! Я готовъ замолчать, но не лучше ли въ такомъ собраніи, какъ наше, изслѣдовать все, по заповѣди апостольской, и вѣрить во все справедливое? Но, достопочтенные братья, мы имѣемъ такого свидѣтеля, передъ которымъ должны преклониться и безмолствовать все, не исключая его святѣйшества Пія IX. Этотъ свидѣтель—исторія.

Она—не легенда, которая можетъ быть составлена въ родѣ того, какъ горшечникъ составляетъ глину для своихъ сосудовъ, напротивъ она подобна алмазу, который вырѣзываетъ на стеклѣ неизгладимыя слова. Если доселѣ, основываясь единственно на ней, я не нашелъ никакихъ слѣдовъ папства во времена апостоловъ, то это не моя вина, а вина исторіи. Желаете ли вы поставить меня въ положеніе лица, обвиняемаго во лжи? Сдѣлайте одолженіе, если только можете.

Я слышу справа слѣдующія слова: *Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ Я созижду церковь Мою* (Мат. XVI).

Я сейчасъ готовъ отвѣчать на это возраженіе, мои достопочтенные братья; но прежде чѣмъ сдѣлать это, я желаю ознакомить васъ съ результатомъ моихъ историческихъ изслѣдованій.

Не нашедши никакихъ слѣдовъ папства во времена апостольскія, я сказалъ себѣ: я найду то, чего ищу, въ лѣтописяхъ церкви. Да; говорю откровенно, я искалъ папу въ первыя четыре столѣтія,—и не нашелъ его.

Надѣюсь, никто изъ васъ не сомнѣвается въ великомъ авторитетѣ св. епископа иппонійскаго, великаго и блаженнаго Августина. Этотъ благочестивый учитель, честь и слава католической церкви, былъ секретаремъ на соборѣ меливійскомъ (Melive). Въ опредѣленіяхъ этого достопочтеннаго собранія находятся слѣдующія замѣчательныя слова: *Кто захочетъ аппелировать къ тѣмъ, которые находятся по ту сторону моря, тотъ нидѣ не будетъ принятъ въ общеніе въ Африкѣ.*

Африканскіе епископы признавали римскаго епископа такъ незначительнымъ, что даже наказывали отлученіемъ тѣхъ, которые пожелали бы жаловаться ему.

Тѣ же самые епископы, на шестомъ кареагенскомъ соборѣ, подъ предѣдательствомъ Аврелія, епископа этого города, писали къ Целестину, римскому епископу, для предостереженія его—не принимать апелляцій ни отъ африканскихъ епископовъ, ни отъ священниковъ, или клириковъ; и что онъ не долженъ болѣе присылать своихъ легатовъ или уполномоченныхъ, и что онъ не долженъ водворять въ церкви человѣческую гордость.

Что римскій патріархъ съ самыхъ первыхъ временъ старался сосредоточить въ себѣ всевозможную власть—это очевидный фактъ; но равно также очевидный фактъ, что онъ не имѣлъ того главенства, которое приписываютъ ему ултрамонтаны: Еслибы онъ владѣлъ имъ, то какъ африканскіе епископы, и св. Августинъ—первый въ числѣ ихъ,—могли осмѣлиться воспрегить апелляцію на ихъ опредѣленія къ его верховному трибуналу?

Я безъ затрудненія сознаю, что римскій патріархъ занималъ первое мѣсто. Въ одномъ изъ законовъ Юстиніана говорится: *согласно съ опредѣленіемъ четырехъ соборовъ, мы постановляемъ, чтобы св. папа древняго Рима былъ первымъ изъ епископовъ, а чтобы святѣйшій архіепископъ константинопольскій, Новою Рима, былъ вторымъ.* Итакъ склонись предъ главенствомъ папы—скажете вы мнѣ. Не будьте такъ поспѣшны, достопочтенные братья, въ своихъ умозаключеніяхъ, что будто бы законъ Юстиніана былъ написанъ въ пользу защищаемаго вами ученія.

Первенство есть одно,—а власть юрисдикціи другое дѣло. Представимъ себѣ, на примѣръ, что во Флоренціи составилъ соборъ всѣхъ епископовъ королевства,—первенство, конечно, было бы отдано примасу Флоренціи какъ между восточными оно было бы предоставлено патріарху константинопольскому, а въ Англіи—архіепископу кэнтерберійскому. Но ни тотъ, ни другой, ни третій изъ занятаго ими положенія не могутъ разсчитывать на юрисдикцію касательно своихъ собратій.

Важность римскихъ епископовъ проистекала не отъ какой-либо божественной силы, но отъ важности того города, въ которомъ

находилась их кафедра. Монсиньоръ Дарбуа не выше по своему достоинству архіепископа авиньонскаго; но, несмотря на то, Парижъ даетъ ему преимущества, котораго онъ не имѣлъ бы, если бы его дворець, вмѣсто береговъ Сены, находился на берегахъ Роны. То, что истинно и справедливо въ религіозныхъ дѣлахъ, точно также истинно и справедливо въ дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ. Флорентійскій префектъ нисколько не выше префекта г. Пизы; но въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ онъ имѣетъ большую важность.

Я сказалъ, что съ самыхъ первыхъ столѣтій римскій патріархъ стремился къ вселенскому господству надъ церковію. Къ несчастію, онъ почти достигъ этого; но не успѣлъ всецѣло въ своихъ притязаніяхъ потому, что императоръ Феодосій II постановилъ закономъ, чтобы константинопольскій патріархъ имѣлъ одинаковую власть съ римскимъ. (Theod. cod. de sacr. etc.)

Отцы халкидонскаго собора поставили епископовъ новаго и древняго Рима въ тоже самое положеніе относительно всѣхъ дѣлъ, даже церковныхъ (Сap. 28).

Шестой карвагенскій соборъ запретилъ всѣмъ епископамъ принимать на себя титулъ князя епископовъ или верховнаго епископа.

Что касается до титула вселенскаго епископа, который приняли на себя папы поздыѣе, то св. Григорій I, полагая, что его преемники никогда не подумаютъ украсить себя имъ, написалъ слѣдующія слова: Да не пожелаетъ ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ принять на себя это нечестивое имя, потому что когда какой либо патріархъ присвоитъ себѣ названіе вселенскаго, то титулъ патріарха не заслуживаетъ довѣрія. Итакъ пусть христіане чуждаются желанія присвоивать себѣ такой титулъ, который поселяетъ недоувѣріе къ ихъ собратіямъ.

Слова св. Григорія были направлены противъ его константинопольскаго собрата, который претендовалъ на первенство въ церкви. Папа Пелагій II называетъ Іоанна, константинопольскаго епископа, который домогался верховнаго священства, *безбожнымъ и нечестивымъ*. Не заботьтесь, говорилъ онъ, о титулѣ вселенскій, который незаконно присвоилъ себѣ Іоаннь,—пусть никто изъ патріарховъ не беретъ на себя этого нечестиваго наименованія, потому что чего намъ ждать, если въ средѣ священнослужителей являются

подобныя стремленія? Надъ нами сбудется то, что было предсказано: *онъ есть князь сыновъ гордости* (Pelag. II. Lett. 13).

Эти авторитетныя свидѣтельства, а я могу представить болѣе сотни подобныхъ, не доказываютъ ли яснѣе солнечнаго свѣта въ полдень, что первые римскіе епископы никогда не были признаваемы за *вселенскихъ епископовъ и главъ церкви*? И съ другой стороны, кто не знаетъ, что съ 325 года, въ которомъ былъ собранъ первый никейскій соборъ, до 380 года, въ которомъ былъ созванъ второй константинопольскій вселенскій соборъ, между болѣе чѣмъ 1109 епископами, присутствовавшими на шести первыхъ вселенскихъ соборахъ, западныхъ епископовъ находилось не болѣе девятнадцати человекъ?

Кто не знаетъ, что эти соборы созывались императорами безъ оповѣщенія, а иногда помимо желанія римскаго епископа? Быть можетъ, вы скажете, что Осій, епископъ кордовскій, предѣдательствовалъ на первомъ никейскомъ соборѣ, и издалъ постановленія его? Но тотъ же самый Осій въ послѣдствіи предѣдательствовалъ на сардійскомъ соборѣ, на которомъ впрочемъ отсутствовалъ легатъ Юлія, епископа римскаго. Не говорю болѣе, достопочтенные братья, а перехожу теперь къ сильному доказательству, на которое вы сослались прежде для подтвержденія главенства римскаго епископа.

Подъ камнемъ (*pietra*), на которомъ основана святая церковь, вы разумѣете Петра (*Pietra*). Еслибы это было истинно, то споръ прекратился бы; но наши предки—а они, конечно, что нибудь да знали—думали не такъ, какъ мы.

Св. Кирилль, въ своей четвертой книгѣ о Святой Троицѣ, говорить: Я думаю, что подъ камнемъ мы должны разумѣть непоколебимую вѣру апостоловъ. Св. Иларій, епископъ пуатьерскій, въ своей второй книгѣ о Св. Троицѣ, говорить: камень (*pietra*) есть благословенный и единственный камень вѣры исповѣдуемой устами св. Петра; и въ шестой книгѣ о Троицѣ онъ говорить: на семь камнѣ исповѣданія вѣры основана церковь. Богъ, по слову св. Иеронима (въ шестой книгѣ на св. евангелиста Матѳея), основалъ Свою церковь на этомъ камнѣ, и отъ сего камня апостолъ Петръ получилъ свое названіе. Послѣ него св. Златоустъ въ пятьдесятъ третьей бесѣдѣ на евангелиста Матѳея говорить: на семь камнѣ Я создамъ церковь Мою, т. е. на вѣрѣ исповѣданія. Те-

перь, каково было исповѣданіе апостола? •Вотъ оно—Ты Христось, Сынъ Бога Живаго.

Амвросій, св. архіепископъ медиоланскій (въ толкованіи второй главы посланія къ Ефесеямъ), св. Василій Селевкійскій и отцы собора халкидонскаго учать точно такъ же.

Изъ всёхъ учителей христіанской древности св. Августинъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по учености и святости; итакъ, прислушайтесь къ тому, что онъ пишетъ въ своемъ второмъ трактатѣ на первое посланіе св. Іоанна: Что означаютъ слова: Созижду церковь Мою на семь камнѣ? Они означаютъ—на сей вѣрѣ,—на тѣхъ словахъ: *Ты Христось, Сынъ Бога Живаго.*

Въ 124-й его бесѣдѣ на св. Іоанна мы находимъ слѣдующее знаменательное выраженіе: на семь камени твоего исповѣданія Я создамъ церковь Мою—Камень же былъ Христось.

Великій епископъ такъ мало вѣрилъ, что церковь была основана на св. Петрѣ, что въ своей тринадцатой бесѣдѣ къ пасомымъ сказалъ слѣдующее: ты Петръ, и на семь камнѣ (petra) твоего исповѣданія, на семь камнѣ словъ твоихъ: *Ты Христось, Сынъ Бога живаго, Я создамъ церковь Мою...*

Мнѣніе св. Августина объ этомъ знаменитомъ мѣстѣ было мнѣніемъ всего христіанства въ его время. Посему, для краткости, я высказываю слѣдующія положенія:

1. Иисусъ Христось далъ Своимъ апостоламъ ту же самую власть, какою и св. Петру.

2. Апостолы никогда не признавали въ св. Петрѣ намѣстника Иисуса Христа и непогрѣшимаго учителя церкви.

3. Св. Петръ никогда не думалъ быть папою, и никогда не дѣйствовалъ, какъ дѣйствуютъ папы.

4. Соборы четырехъ первыхъ столѣтій, признавая высокое положеніе, занимаемое римскими епископами въ церкви ради важности Рима, приписывали ему только первенство чести,—но никогда первенства власти, или юрисдикціи.

5. Св. отцы, въ знаменитомъ мѣстѣ: *Ты Петръ, и на семь камнѣ создамъ церковь Мою*, никогда не думали находить тотъ смыслъ, что церковь основана на Петрѣ (super Petrum), но на камнѣ (super petram), т. е. на исповѣданіи вѣры апостола.

Я торжественно заключаю на основаніи данныхъ исторіи, разума, логики, здраваго смысла и христіанской совѣсти, что Иисусъ

Христось не далъ никакого главенства св. Петру, и что римскіе епископы сдѣлались владыками церкви не иначе, какъ подавляя постепенно, одинъ за другимъ, все права епископства. (*Голоса: „замолчи, безсовѣстный протестантъ! Замолчи!“*).

Я не безсовѣстный протестантъ, Нѣтъ, тысячу разъ, нѣтъ!

Исторія не есть католическая, или англиканская, или кальвинистическая, или лютеранская, или греческая, или армянская, или ультрамонтанская. Она есть то, что есть—то есть, нѣсколько сильнѣе всѣхъ исповѣданій вѣры и канонѡвъ вселенскихъ соборовъ (?)

Пишите противъ нея, если смѣете! Но вы не можете уничтожить историческихъ фактовъ, точно такъ же, какъ вынудивши изъ Колизея какой-либо камень, не можете ниспровергнуть этимъ колоссальное зданіе. Если я сказалъ что-либо исторически ложно, докажите мнѣ это на основаніи историческихъ данныхъ, и, не колеблясь ни на минуту, я готовъ честно защищаться; но будьте терпѣливы, и вы увидите, что я сказалъ не все, что желалъ, или долженъ былъ сказать; и еслибы мнѣ готовился даже огненный костеръ на площади св. Петра, я не долженъ молчать, а обязанъ продолжать.

Монсиньеръ Дюпанлу, въ своихъ извѣстныхъ замѣчаніяхъ по поводу настоящаго ватиканскаго собора, сказалъ и весьма основательно, что если мы признаемъ Пія IX непогрѣшимымъ, то по необходимости должны, и, вслѣдствіе естественной логики, обязаны признать равно непогрѣшимыми всѣхъ его предшественниковъ. Хорошо! Но здѣсь, достопочтенные братья, исторія возвышаетъ свой авторитетный голосъ въ доказательство, что нѣкоторые папы погрѣшали.

Вы можете протестовать противъ этого, или отрицать это, какъ вамъ угодно, но я докажу это.

Папа Викторъ (192) сначала одобрилъ монтанизмъ, и потомъ осудилъ его.

Марцелинъ (296—303) былъ идолопоклонникомъ. Онъ взшелъ въ храмъ Весты и принесъ жертву богинѣ. Вы скажете, что это было дѣломъ слабости; но я отвѣчаю, намѣстникъ Иисуса Христа умираетъ, но не дѣлается отступникомъ.

Либерій (358) согласился на осужденіе Аеанасія и рѣшился

принять аrianство, для того, чтобы его вызвали из ссылки и возвратили прежнюю кафедру.

Гонорій (625) придерживался монофелитизма; отецъ Гратри основательно доказалъ это.

Григорій I (578—90) называетъ того антихристомъ, кто беретъ на себя титулъ вселенскаго епископа, и несмотря на то Бонифаций III (607 — 8) понудилъ отцеубійцу императора Фоку дать себѣ означенный титулъ.

Пасхалій II (1088—1099) и Евгений III (1145) одобряли дуэли; Юлій II (1609) и Пій IV (1560) воспрещали оныя. Евгений IV (1431—1439) признавалъ базельскій соборъ и возстановленіе употребленія св. чаши въ церкви богемской. Пій II (1458) уничтожилъ эту привиллегію. Адрианъ II (867 — 872) объявилъ гражданскіе браки дѣйствительными; Пій VII (1800 — 23) осуждалъ ихъ. Сикстъ V (1585—1590) обнародовалъ изданіе Библии, и извѣстною буллою одобрилъ чтеніе оной. Пій VII осуждалъ читающихъ оную. Климентъ XIV (1700 — 21) уничтожилъ орденъ іезуитовъ, дозволенный Павломъ III; Пій VII возстановилъ оный.

Но къ чему обращаться къ столь отдаленнымъ доказательствамъ? Святѣйшій отецъ нашъ, присутствующій здѣсь, въ своей буллѣ, заключающей въ себѣ правила для настоящаго собора, не уничтожилъ ли, на случай своей смерти во время засѣданій онаго, то, что въ прошломъ могло противорѣчить ему, — даже рѣшенія своихъ предшественниковъ? Я никогда не кончилъ бы, достопочтенные братья, еслибы хотѣлъ предложить вашему вниманію всѣ противорѣчія папъ въ ихъ ученіи. Итакъ, если вы провозглашаете непогрѣшимость дѣйствительнаго папы, то вы должны или доказать невозможное, то есть, что папы никогда не противорѣчили одинъ другому, или иначе заявить, что по откровенію Св. Духа, вамъ бывшему, непогрѣшимость папства имѣетъ свое начало только съ 1870 года. Осмѣлитесь ли вы сдѣлать это?

Простой народъ весьма легко можетъ относиться безразлично и пропускать безъ вниманія тѣ богословскіе вопросы, которыхъ не понимаетъ и которые считаетъ маловажными; но какъ бы безразлично ни относился онъ къ религиознымъ вопросамъ, касательно фактовъ онъ держитъ себя иначе. Теперь не обольщайте себя. Если вы подпишете догматъ папской непогрѣшимости, то наши враги — протестанты тѣмъ смѣлѣе войдутъ въ протестъ,

что имѣють на своей сторонѣ исторію, тогда какъ мы имѣемъ противъ нихъ только наше собственное отрицаніе. Что мы скажемъ имъ, когда они выставляютъ предъ нами всѣхъ римскихъ епископовъ — до его святѣйшества Пія IX? Ахъ! — еслибы они всѣ были какъ Пій IX, то мы дѣйствительно торжествовали бы, — но, увы! это не такъ. (*Крики: „замолчи, замолчи; довольно, довольно“.*) Не кричите, монсиньоры! Бояться исторіи значить считать себя побѣжденными; и, сверхъ того, еслибы вы могли вылить на нее всю воду Тибра, то и это не изгладило бы въ ней ни малѣйшей страницы. Позвольте мнѣ говорить: я буду по возможности кратко относительно этого весьма важнаго вопроса.

Папа Вигилій (538) купилъ папство у Велизарія, полководца императора Юстиніана. Конечно, вѣрно и то, что онъ нарушилъ свое обѣщаніе и ничего не заплатилъ за него.

Согласно ли съ постановленіями апостольскими покупать тиару? Второй халкидонскій соборъ положительно запретилъ это. Въ одномъ изъ его постановленій мы читаемъ слѣдующее: епископъ, получающій свой санъ за деньги, да лишится онаго, и да отлучится.

Папа Евгеній III (въ оригиналѣ IV) (1145) подражалъ Вигилію. Св. Бернардъ, блестящая звѣзда своего вѣка, порицалъ папу слѣдующими словами: можешь ли ты показать мнѣ въ этомъ великомъ городѣ Римѣ какое-либо лицо, признающее тебя за папу, если только оно не было подкуплено золотомъ, или серебромъ?

Достопочтеннѣйшіе братья! Будетъ ли вдохновенъ Св. Духомъ тотъ папа, который производитъ куплю при вратахъ храма? Имѣетъ ли онъ какое-либо право учить церковь непогрѣшимо?

Вы очень хорошо знаете исторію Формоза, чтобы прибавлять къ ней что-либо. Стефанъ IX приказалъ вырыть его тѣло, одѣть въ папское облаченіе, персты, которые онъ слагалъ для благословенія, отсѣчь; — и потомъ бросили его въ Тибръ, объявивши клятвоуреступникомъ и незаконнымъ. За это онъ былъ въ послѣдствіи заключенъ въ темницу, отравленъ, и удушенъ. Но смотрите, какъ велось дѣло въ послѣдствіи. Романъ, преемникъ Стефана, и послѣ него Іоаннъ X возстановили память Формоза.

Но вы скажете мнѣ — это басни, а не исторія. Басни! Ступайте, монсиньоры, въ ватиканскую бібліотеку и прочитайте Платина, историка папства, и лѣтописи Баронія (897).

Это такіе факты, которые, для чести папскаго престола, не слѣдовало бы обнародывать; но когда идетъ дѣло о нововведеніи такого догмата, который можетъ произвести въ нашей средѣ великій расколъ, то ужели любовь къ св. Церкви, католической, апостольской и римской — должна наложить на наши уста молчаніе? Я продолжаю.

Ученый кардиналъ Бароній, говоря о папскомъ дворѣ, замѣчаетъ (обратите особенное вниманіе на эти слова)—чѣмъ явилась римская церковь въ эти дни. Какъ она безславна! Въ Римѣ управляютъ только всеисильные придворные. Они-то — продаютъ, промѣниваютъ и покупаютъ епископство и странно сказать, — они осмѣливаются возводить на престолъ св. Петра своихъ любимцевъ, лжепапъ (Бароній—912).

Скажите ли вы, что эти лже-папы не истинные? Пусть такъ; но въ такомъ случаѣ, если въ продолженіе пятидесяти лѣтъ римскій престолъ былъ занятъ анти-папами, то какъ вы сохраните связь епископскаго преемства?

Могла ли церковь, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе полутора столѣтія, существовать безъ главы, и оставаться безъ вождя? Теперь смотрите; большая часть этихъ анти-папъ занимаютъ мѣсто въ генеалогическомъ древѣ папства, и вѣроятно тѣ самые, которыхъ описалъ Бароній; потому что даже Дженебардо, великій льстецъ папства, осмѣлился замѣтить въ своихъ лѣтописяхъ (901): это столѣтіе несчастливо, такъ какъ почти въ продолженіе 150 лѣтъ папы не имѣли ни малѣйшихъ добродѣтелей своихъ предшественниковъ, и сдѣлались скорѣе отступниками (Apostates), чѣмъ апостолами (Apostles).

Можно понять, какъ долженъ былъ краснѣть знаменитый Бароній, передавая потомству дѣянія этихъ римскихъ епископовъ. Говоря объ Иоаннѣ XI (931), законномъ сынѣ папы Сергія и Мароціи, онъ записалъ въ своихъ лѣтописяхъ слѣдующія слова: святая церковь, то есть римская, была дерзко попрана такимъ чудовищемъ. Иоаннъ XII (956), избранный папою на восемнадцати лѣтнемъ возрастѣ—по вліянію придворныхъ, былъ нисколько не лучше своего предшественника.

Мнѣ совѣстно, достопочтенные братья, осквернять вашу слухъ такими мерзостями. Я умалчиваю объ Александрѣ VI, отцѣ и любовникѣ Лукреціи; я отвращаюсь отъ Иоанна XXII (1316),

который отвергалъ безсмертіе души, и былъ низложенъ св. соборомъ констанскимъ.

Нѣкоторые возражаютъ, что этотъ соборъ былъ только частный; пусть такъ; но если вы отвергаете авторитетъ его, то, по законамъ логики, должны признать незаконнымъ и избраніе Мартина V (1417), бывшее на ономъ. Что сдѣлается тогда съ пацкимъ преемствомъ? Можете ли вы отыскать нить его?

Я не говорю о волненіяхъ и расколахъ, которые безчестили тогда церковь. Въ эти несчастные дни римскій престоль былъ занимаемъ двумя, а иногда тремя соперниками. Кто изъ нихъ былъ истинный папа?

Повторяю еще разъ, если вы опредѣляете непогрѣшимость настоящаго римскаго епископа, то должны признать непогрѣшимость всѣхъ его предшественниковъ, безъ всякаго исключенія. Но можете ли вы сдѣлать это, когда исторія съ ясностію солнечнаго свѣта подтверждаетъ, что папы заблуждались въ своемъ ученіи? Можете ли вы сдѣлать это и доказать, что корыстолюбивые, кровосмѣсители, убійцы, святокупцы—папы были намѣстниками Иисуса Христа? О! достопочтенные братья, доказывать подобную чудовищность,—поистинѣ было бы гораздо хуже, чѣмъ предательство Иисуса Христа Іудею: это значило бы бросить грязью въ Его лицо. (*Крики: „Долой съ кафедры, скурте! заградите уста еретика!“*)

Достопочтеннѣйшіе братья! Вы покрываете воплями мой голосъ: но гораздо достойнѣ васъ было бы взвѣсить мои основанія и мои доказательства въ виду спорнаго вопроса. Повѣрьте мнѣ, исторію нельзя перевернуть по своему; она есть, и останется навѣки, самымъ энергичнымъ протестомъ противъ догмата папской непогрѣшимости. Вы можете провозгласить оный единодушно; но я никогда не подамъ за него своего голоса.

Монсиньоры! Истинно вѣрующіе обращаютъ къ намъ свои взоры, ожидая отъ насъ хоть какого-нибудь врачества для излѣченія безчисленныхъ золь, безчестящихъ церковь; ужели вы обманете ихъ надежды? Какова будетъ наша отвѣтственность предъ Богомъ, если мы оставимъ безъ всякаго вниманія этотъ торжественный случай, посланный намъ Богомъ для уврачеванія истинной вѣры?

Воспользуемся имъ, мои братья; вооружимся святою храбростію; сдѣлаемъ сильное и благородное усиліе; возвратимся къ

ученію апостольскому, потому что безъ него мы имѣемъ одни только заблужденія, тьму и ложныя преданія.

Воспользуемся нашимъ разумомъ и уметвенными силами для того, чтобы признавать единственно непогрѣшимыми учителями въ дѣлѣ нашего спасенія апостоловъ и пророковъ.

Твердые и непоколебимые на камнѣ Боговдохновеннаго Священнаго Писанія, мы съ полною вѣрою пойдемъ предъ лицомъ міра, и, подобно апостолу Павлу, въ присутствіи вольнодумцевъ, *мы будемъ знать единого Іисуса Христа, и сего распята.* Мы одержимъ побѣду проповѣдію *безумія Крестнаго*, какъ Павелъ побѣдилъ ученыхъ людей Греціи и Рима, — и римская церковь будетъ имѣть свой славный 89 годъ, (*Бурные крики: „Долой! Вонъ протестанта, кальвиниста, предателя церкви!“*)

Ваши крики, монсиньоры, не страшатъ меня. Если мои слова пламенны, то мой умъ холоденъ: Я ни Лютеровъ, ни Кальвиновъ, ни Павловъ, ни Аполлосовъ, но Христовъ. (*Новые крики: „анагема, анагема отступнику!“*)

Анагема, монсиньоры, анагема! Вы хорошо знаете, что протестуете не противъ меня, но противъ святыхъ апостоловъ, подъ покровомъ которыхъ находится св. церковь. Ахъ! Еслибы, покрытые саванами, они могли выдти изъ своихъ гробницъ, ужели они сказали бы что либо иное, несогласное съ моею рѣчью?

Что вы сказали бы имъ, когда своими писаніями они говорятъ вамъ, что папство уклонилось отъ Евангелія Сына Божія, возвѣщеннаго ими и такъ безкорыстно запечатлѣннаго ихъ кровію? Ужели вы осмѣялись бы сказать имъ—предпочитаемъ вашему ученію нашихъ собственныхъ папъ, нашего Беллармина, нашего Игнатія Лойолы? Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ,—если только вы не заградили вашъ слухъ, чтобы не слышать, не закрыли ваши очи, чтобы не видѣть, не притупили вашъ умъ, чтобы не разумѣть. Ахъ! Если Всевышній Царь желеть наказать насъ, — пусть Десница Его такъ же тяжело падаетъ на насъ, какъ нѣкогда на Фараона. Онъ не имѣетъ нужды для этого дозволить солдатамъ Гарибальди изгнать насъ изъ этого вѣчнаго города. Ему стоитъ только дозволить имъ обоготворить Пія IX, какъ мы обоготворили Пресвятую Дѣву.

Оставьте, оставьте, достопочтенные братья, ваши угрожающіе жесты; спасите церковь отъ гибели, которая грозитъ ей: ищите

единственно въ Священномъ Писаніи то правило вѣры, по которому мы должны вѣровать и исповѣдовать. Я сказалъ: „да поможетъ мнѣ Богъ!“

Эти послѣднія слова, замѣчаетъ журналъ, были приняты съ такими знаками неодобренія и шума, какъ будто все это происходило на театрѣ, а не на соборѣ.

Всѣ отцы встали; многіе оставили залу. Весьма многіе изъ итальянцевъ, американцевъ и нѣмцевъ, и нѣкоторые изъ французъ и англичанъ, окружили смѣлаго оратора, и, дружески пожимая ему руки, свидѣтельствовали свое полное съ нимъ согласіе.

Эта рѣчь, которая, по замѣчанію того же журнала, въ шестнадцатомъ столѣтіи могла бы доставить отважному епископу славу умереть на кострѣ, въ настоящее столѣтіе вызвала только пренебреженіе Пія IX и всѣхъ тѣхъ, которые желаютъ извлекать свою пользу изъ невѣжественнаго состоянія народовъ. Бѣдныя слѣпцы, они сами упадутъ въ ту яму, которую ископали для другихъ (Ис. VII, 16)!

Взглядъ англичанина на воссоединеніе.

„Да будетъ всѣ едино: какъ ты, отче, во мнѣ, и я въ тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино; да увѣруетъ міръ, что ты послалъ меня (Іоан. XVII. 21).“ Такова была молитва, вознесенная великою главою Церкви, Христомъ, за великое Его тѣло Церковь, которая отнынѣ должна была свидѣтельствовать о немъ въ этомъ зломъ мірѣ, доколѣ Онъ не придетъ паки на судъ. И какъ осуществилась и исполнилась эта молитва? Сохранила ли Церковь то великое и совершенное единство, которое Божественный учитель сравниваетъ здѣсь съ достославимымъ единствомъ Тріединаго Божества? Пусть дастъ на это отвѣтъ христіанскій міръ настоящаго времени (1869 год.), разьединенный, раздѣленный, ослабленный ересями и расколами. Впрочемъ каковы бы ни были разногласія относительно цѣли и значенія воссоединенія и средствъ къ достиженію онаго, по крайней мѣрѣ всѣ ревностные христіане, къ какой бы вѣтви Церкви они ни принадлежали, должны единодушно согласиться въ сознаніи великой важности этого дѣла. Всякій разъ, какъ члены греческой, римской и англиканской

Церкви, читають Никейскій Символь Вѣры,—самое слово „вселенскій“ (Catholick) возбуждаетъ въ нихъ воспоминаніе о временахъ Апостольскаго благочестія, увы! давно прошедшихъ, когда Востокъ и Западъ были одно. И часто будетъ спрашивать себя служитель Божій: ужели Церковь не можетъ сдѣлаться снова Вселенскою (Catholick), въ вышемъ и истиннѣйшемъ смыслѣ? каковою она была во времена Апостольскія? Ужели это только одна мечтательная надежда, пустой сонъ, что Востокъ и Западъ должны снова выступить вмѣстѣ, рука объ руку, не какъ соперники, но какъ братья, подъ побѣдоноснымъ знаменемъ креста для евангельской проповѣди всему міру и обращенія язычниковъ въ христіанство?

Отвѣтъ на эти вопросы можно найти въ словахъ самого Христа: Съ Богомъ все возможно. Мы не знаемъ, когда и какъ исполнится это великое дѣло; но если слово Божіе истинно, то ни одинъ христіанинъ не долженъ сомнѣваться въ возможности онаго. Ужели должна остаться нынѣ безъ всякаго исполненія собственная молитва нашего Господа, когда она такъ полно и совершенно оправдалась въ первенствующія времена Церкви? Поистинѣ, отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно—значитъ избличать въ себѣ недостатокъ вѣры; и вотъ одно изъ самыхъ многозначительныхъ знаменій времени, что въ каждой изъ трехъ вышеупомянутыхъ Церквей находятся люди, которые смотрять на вопросъ о воссоединеніи не какъ на одну только идею, но какъ на дѣло возможное, для котораго они обязаны трудиться и молиться. Простой фактъ существованія двухъ такихъ великихъ Обществъ, каковы: Общество, имѣющее дѣлю водвореніе единства въ христіанскомъ мірѣ, и Общество Восточной Церкви, изъ которыхъ первое заключаетъ въ себѣ нѣсколько тысячъ членовъ отъ Церквей — римской, греческой и англиканской, а второе многія сотни отъ греческой и англиканской,—самъ по себѣ служитъ яснымъ доказательствомъ, что много, очень много есть такихъ христіанъ, которые не только что смутно мечтають о воссоединеніи, но и стараются употреблять все возможно лучшія средства съ своей стороны для дѣйствительнаго достиженія онаго.

Впрочемъ мы имѣемъ теперь въ виду главнымъ образомъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній собственно о возможности соединенія между Церквями греческою и англиканскою; Церковь римская, въ

настоящее время, можетъ быть оставлена въ сторонѣ, такъ какъ мы разсуждаемъ о такомъ дѣлѣ, въ которомъ заинтересованы болѣе непосредственно мы сами, и, тѣмъ болѣе, что предположенія относительно воссоединенія между этими двумя Церквами приняты въ послѣднее время болѣе замѣтное направленіе. Что касается Англіи, то тридцать лѣтъ тому назадъ, мысль о возобновленіи единенія между англиканскою и восточными Церквами считалась не болѣе, какъ мечтою немногихъ отдѣльныхъ англійскихъ богослововъ (ecclesiastical theorists); и если бы кто предсказалъ, что въ скоромъ времени высшимъ начальствомъ одной Церкви будутъ открыты, — а другою Церковію благопріятно будутъ приняты официальные сношенія по этому дѣлу, того осмѣяли бы, какъ мечтателя и энтузіаста. Но что тогда казалось невозможнымъ дѣломъ, то начало осуществляться въ 1862 году. Семь лѣтъ тому назадъ генеральное собраніе (General Convent) американской Церкви открыло предположенія для воссоединенія американской Церкви съ восточною, и съ этою цѣлію учредило особенный комитетъ. Въ 1863 г. нижняя палата Кентерберійскаго собранія (of the Convocation of Canterbury) назначила свой собственный комитетъ для сношеній по этому дѣлу съ американскимъ комитетомъ; и въ 1866 г., при содѣйствіи обѣихъ палатъ собранія и съ утвержденія покойнаго Кентерберійскаго архіепископа, который принималъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ, цѣль дѣятельности онаго значительно разширилась. Въ своемъ послѣднемъ засѣданіи 4-го іюля 1868 г., нижняя палата собранія единодушно приняла слѣдующее рѣшеніе:

„Члены этой палаты должны покорнѣйше просить его преосвященство президента, чтобы онъ соизволилъ, вмѣстѣ съ своими братьями по епископству, принять должныя мѣры къ открытію прямыхъ сношеній съ восточными патріархами и митрополитами, въ видахъ установить такія отношенія между двумя Церквами, которыя дали бы возможность духовенству и мірянамъ греческой и англиканской Церкви взаимно участвовать въ таинствахъ и богослуженіяхъ той и другой, не прерывая при этомъ общенія съ своею собственною Церковію.“

Здѣсь также должно замѣтить и то, какъ ни грустно дѣлать намъ подобное заявленіе, что въ настоящее время, когда такъ много и пишутъ и говорятъ касательно разногласія религіозныхъ

мнѣній между членами англиканской Церкви, фактъ, подобный настоящему, дѣлается вдвойнѣ многозначительнымъ и многозначительнымъ, показывая самымъ дѣломъ, что по крайней мѣрѣ въ этомъ великомъ вопросѣ согласны между собою все партіи. Каждый безпристрастный наблюдатель не можетъ отвергнуть теперь того, что мы очевиднымъ образомъ переходимъ изъ области теоріи въ область фактовъ, и что, по крайней мѣрѣ, въ этомъ святомъ дѣлѣ англиканская Церковь одушевлена самымъ сильнымъ единодушіемъ.

Въ подтвержденіе нашихъ словъ, мы могли бы указать и на другіе случаи, какъ напр: на посланіе епископовъ, присутствовавшихъ въ Ламбетскомъ Синодѣ (At the Synod of Lambeth), въ 1867 г., къ епископамъ православной Церкви. Но быть можетъ, и вышеказаннаго нами будетъ достаточно для засвидѣтельствованія о томъ, что англиканская Церковь, хотя постепенно, но тѣмъ, быть можетъ, вѣрнѣе приходитъ къ ясному сознанію своего назначенія, стремясь къ соединенію съ великою Церковію восточною. Конечно, въ настоящее время, здѣсь могутъ встрѣтиться нѣкоторыя неопредѣленности и недоразумѣнія, какими средствами можно достигнуть желаемого единенія, но существованіе самаго желанія къ единенію и сильно распространяющагося духа любви христіанской,—одушевляетъ насъ надеждою, что, быть можетъ, вскорѣ мы достигнемъ чего-либо и опредѣленнаго.

Поистинѣ, трижды будетъ благословенъ тотъ изъ насъ, кто поможетъ, хотя бы въ самой меньшей степени, проложить путь къ будущему возсоединенію, и постарается потрудиться для дѣла, которое воистину есть дѣло самого Христа, князя міра. Мы не знаемъ, приведетъ ли Господь дожить намъ до осуществленія онаго, но несомнѣнно вѣруемъ, что оно исполнится въ свое благоприятное время въ отвѣтъ на любвеобильную молитву нашего Господа.

Значеніе возсоединенія.

Не безъ основанія можно предполагать, что значительный недостатокъ довѣрія, или по крайней мѣрѣ одушевленія, замѣчаемый нами въ вопросѣ о возсоединеніи, происходилъ отъ непониманія настоящаго значенія этого слова. Если мы представимъ

себѣ хотя на минуту, что воссоединеніе означаетъ совершенное тождество не только въ ученіи, но и во внѣшней обрядности, то неудивительно, что всякое предположеніе касательно воссоединенія разомъ падетъ, какъ утопія и мечта; потому что внѣшняя обрядность находится въ такой строгой зависимости отъ народныхъ свойствъ, вкусовъ и характеровъ, что всякая коренная перемѣна касательно какого-либо народа или какой-либо Церкви, по отношенію къ внѣшнимъ церковнымъ обрядамъ, могла бы сдѣлаться безразсудною, и даже нежелаемою (*undesirable*) мѣрою. Такимъ образомъ желать этого было бы несправедливо, а требовать—неразумно.

Истинное значеніе и смыслъ этого слова, повидимому, очень ясно обозначены въ рѣшеніи нижней палаты конвокаціи, помѣщенномъ въ предыдущемъ отдѣлѣ статьи.

Въ немъ взаимно-общеніе (*intercommunion*) опредѣлено такъ: „Это есть установленіе такихъ отношеній между двумя Церквами (Восточною и Англиканскою), которыя могли бы дать возможность духовенству и мірянамъ той и другой Церкви взаимно участвовать въ таинствахъ и богослуженіяхъ каждой изъ нихъ, безъ нарушенія при этомъ общенія съ своею собственною Церковію.“ Еще болѣе ясное и отчетливое объясненіе этого слова можно найти во второмъ докладѣ (*Report*) Общества Восточной Церкви, который не бесполезно привести здѣсь, для блага православныхъ читателей. „Взаимно-общеніе, или воссоединеніе, говорится въ немъ, не есть, какъ многіе воображаютъ, сліяніе (*fusion*) одной Церкви съ другою; въ этомъ дѣлѣ вопросъ нисколько не касается того, чтобы намъ самимъ подчиниться православною Церкви Восточной, или требовать отъ нея подобной же подчиненности. Какъ, съ одной стороны, воссоединеніе не означаетъ того, чтобы мы привили (*engraft*), въ нашей собственной Церкви какія либо ученія, обряды и чиноположенія, свойственныя другимъ Церквамъ, такъ, съ другой стороны, оно не означаетъ и того, чтобы мы требовали отъ нихъ, чтобы они оставили все представляющееся намъ излишнимъ и сообразовались съ мѣрою нашей простоты. Нѣтъ; взаимно-общеніе, къ которому мы стремимся, есть простое, взаимное признаніе, чтобы всѣ Церкви, которыя суть едино—относительно истиннаго епископства, едино

въ таинствахъ, едино въ своемъ исповѣданіи вѣры, были обязаны допускать другъ друга къ полному общенію въ молитвахъ и таинствахъ, какъ членовъ одного и того же домостроительства Вѣры. Мы желаемъ „единенія духа,“ а не однообразія во внѣшней обрядности. Того же самаго жаждаютъ теперь тысячи въ каждой вѣтви Св. Христовой Церкви, и это самое они горятъ желаніемъ засвидѣтельствовать передъ невѣрующимъ міромъ.“

Еще менѣе воссоединеніе означаетъ поглощеніе (absorption). Виѣ ограды каждой вѣтви нѣкогда нераздѣльной Церкви находится общества нонконформистовъ (Nonconformists, раскольниковъ), которыхъ безъ сомнѣнія каждая церковь желаетъ нѣкогда снова принять въ свое общеніе. Таково, на примѣръ, обширное и вліятельное общество „Уэслейанскихъ методистовъ“ по отношенію къ Церкви Англиканской; таково, далѣе, общество „старовѣровъ“ (Old believers) по отношенію къ православной Церкви. Восприятіе этихъ сектантовъ въ церковное общеніе предполагаетъ въ нѣкоторомъ родѣ признаніе того факта, что они прежде находились внѣ ограды католической Церкви, управляемой незаконнымъ священствомъ, и были участниками въ недѣйствительныхъ таинствахъ. Это было бы фактически поглощеніе одного общества другимъ, тогда какъ воссоединеніе, какъ мы разумѣемъ оное, означаетъ возстановленіе единства между раздѣленными членами одного и того же тѣла, съ равенствомъ ихъ взаимныхъ служителей и взаимнымъ участіемъ въ таинствахъ, однако же безъ всякаго отрѣченія отъ законной независимости.

Итакъ каковы же должны быть основанія и условія къ подобному воссоединенію? По всей вѣроятности, основаніе должно быть не иное, какъ исповѣданіе одной общей вѣры. И здѣсь можно замѣтить, что есть существенное различіе между римскою теоріею къ воссоединенію и теоріею, о которой говоримъ мы теперь, и которая только усиливаетъ надежды къ воссоединенію между Церквами Православною и Англиканскою и дѣлаетъ оныя болѣе многозначательнымъ, чѣмъ надежды къ воссоединенію между Римскою и двумя означенными Церквами, въ которыхъ мы ближе заинтересованы; потому что очевидно, что ни православная церковь не желаетъ, чтобы Англиканская Церковь сдѣлалась российско греческою, ни Англиканская, — чтобы Восточная Церковь сдѣлалась Англиканскою. Тогда какъ вѣтъ ничего яснѣе, что Рим-

ская Церковь требует отъ обѣихъ этихъ Церквей совершенной подчиненности Римскому престолу, т. е. ищетъ дѣйствительнаго поглощенія, какъ православной, такъ и англиканской Церкви. Тонъ приглашенія на вселенскій соборъ самымъ яснымъ образомъ показываетъ, что папская теорія воссоединенія христіанства состоитъ въ намѣреніи учредить одну исполнскую Римскую Церковь, тогда какъ мы стремимся только къ учрежденію единой, истинной, католической Церкви. Сохрани насъ Боже, что бы мы думали чрезъ это относиться съ презрѣніемъ или равнодушіемъ къ какому бы то ни было предположенію, имѣющему цѣлю—славу Великаго Господа Церкви, или единеніе Его раздѣленныхъ членовъ; но одинъ взглядъ покажетъ, что при настоящемъ развитіи человѣческой мысли, въ то время, когда каждая вѣтъ Церкви старается упрочить свое положеніе, въ вѣкъ независимости и свободы мнѣній, Римская теорія дѣлается безнадежною.

Нѣтъ, намъ кажется, что всякое предположеніе къ воссоединенію, для того, чтобы сопровождаться какимъ-либо успѣхомъ хотя въ отдаленномъ будущемъ, должно основываться на любви, свободѣ и взаимномъ уваженіи. „In essentialibus unitas, in non essentialibus libertas et in omnibus caritas“ (въ существенномъ единство, въ несущественномъ свобода и во всемъ любовь)—эти слова должны быть лозунгомъ, съ которымъ разъединенное христіанство должно собраться около креста единаго Верховнаго Господа, для соединенной борьбы съ невѣріемъ и грѣхомъ. Послѣ долговременнаго и несчастнаго разъединенія, Церкви должны встрѣтиться, подобно друзьямъ стараго времени, которыхъ временная разлука была скорѣе слѣдствіемъ взаимнаго охлажденія и недоразумѣній, чѣмъ положительной антипатіи и врожденной непріязненности. Впрочемъ отношеніе одной Церкви къ другой никакъ не должно быть унижительнымъ. Пропедевшая исторія, какъ Англиканской, такъ и Православной Церкви докажетъ, что единеніе не есть совершенная необходимость для существованія той или другой изъ нихъ; но, стремясь къ единенію, онѣ сознаютъ только одинъ общій недостатокъ, порванную связь, восполнить которую требуютъ отъ нихъ не только собственные интересы, но и слава Святаго имени Божія и распространеніе истины Искупителя. Много уступокъ должно быть сдѣлано съ той и другой стороны. Послѣд-

ствія могутъ показать (мы не говоримъ, они покажутъ), что тамъ, гдѣ одна Церковь сдѣлалась слишкомъ либеральною, другая осталась слишкомъ строго консервативною, и, безотносительно къ вопросу о соединеніи между двумя великими Церквями—Англиканскою и Русскою, кто осмѣлится утверждать, что нельзя ожидать великихъ послѣдствій отъ вліянія восточнаго консерватизма на самую либеральную Церковь Запада — съ одной стороны, и отъ распространенія нѣкоторыхъ западныхъ понятій въ почти изолированной Церкви Востока—съ другой стороны?

Соотвѣтственно съ симъ, какъ, съ одной стороны, всякое предположеніе къ воссоединенію, дабы быть успешнымъ и надежнымъ, должно основываться на одномъ общемъ исповѣданіи вѣры, такъ, съ другой стороны, отнюдь необходимо, чтобы Церкви, какъ бы то ни было, отказались отъ своей независимости въ церковныхъ чиновположеніяхъ и обрядахъ. Если однажды достигнуто сердечное единеніе въ ученіи, то разнообразіе въ внѣшней обрядности не только можетъ сдѣлаться позволительнымъ, но даже и необходимымъ; потому что внѣшняя обстановка той или другой Церкви всегда должна оставаться различною, какъ по отношенію къ государству, такъ, безъ сомнѣнія, и по отношенію къ народу.

Внѣшняя обрядность, приспособленная къ нуждамъ русскаго или греческаго общества, можетъ оказаться совершенно неподходящею къ потребностямъ и понятіямъ западныхъ христіанъ. Это только второстепенные вопросы, рѣшеніе которыхъ долгъ благоразумія требуетъ предоставить мудрому усмотрѣнію каждой церкви.

Два существенно-великихъ вопроса, на которыхъ дѣйствительно основывается воссоединеніе, суть вопросы о церковной Іерархіи (orders) и объ исповѣданіи вѣры. Безъ законной іерархіи не можетъ существовать Церковь, какъ живая вѣтвь каеолическаго тѣла; безъ чистаго исповѣданія вѣры, она не можетъ имѣть права считаться православною. Когда удовлетворительно будутъ разрѣшены эти вопросы, то взаимная христіанская любовь скоро устроитъ остальное.

Трудности воссоединенія.

Доселѣ мы занимались только общимъ обзоромъ, теперь должны приступить къ болѣе частному и подробному обсужденію

великаго вопроса о воссоединеніи и соединенныхъ съ онимъ затрудненій. Для большаго удобства ихъ можно раздѣлить на четыре слѣдующіе разряда:

- 1) Затрудненія относительно сущности Церкви.
- 2) Затрудненія касательно ученія.
- 3) Затрудненія касательно формы и обрядности.
- 4) Затрудненія, происходящія отъ невѣдѣнія и предразсудковъ.

Очевидно, что два первые разряда, по преимуществу, самые важные и самые трудные для разрѣшенія; третій и четвертый не только менѣе трудны сами въ себѣ, но и рѣшеніе ихъ должно вытекать почти какъ естественное слѣдствіе, если удовлетворительно будутъ разрѣшены два первые.

Такимъ образомъ, слѣдуя означенному порядку, мы должны съ самаго начала, хотя кратко, рассмотреть то великое затрудненіе, которое лежитъ, такъ сказать, при корнѣ всего дѣла и касается самой сущности Церкви.

Дѣйствительно весь вопросъ зависитъ отъ того, что если Англиканская Церковь не есть истинная Церковь, то для Восточной Церкви оказывается невозможнымъ какъ предпринимать какія-либо мѣры, ведущія къ взаимно-общенію, такъ, тѣмъ мѣнѣе, привѣтствовать ее, какъ свою сестру, съ которою она находилась долгое время въ разлукѣ. Итакъ, какое же главное, общее понятіе можно дать о Церкви? Краткій отвѣтъ на это находится въ слѣдующей древней формулѣ:—*Ubi Episcopus, ibi Ecclesia.* *) Или какъ пишетъ св. Киприанъ (*Epist. LXVI § 7*). *Scire debes, Episcopum in Ecclesia esse, et Ecclesiam in Episcopo; et si qui cum Episcopo non sint, in Ecclesia non esse.* **) Св. Игнатій точно также пишетъ: (*Epist. ad Smugn. § VIII*) — ὅπου ἔν σαλή ὁ ἐπίσκοπος, ἐκεῖ τὸ πλῆθος ἔστω, ὡσπερ ὅπου ἀν ἡ Χριστός Ἰησοῦς, ἐκεῖ ἡ καθολικὴ ἐκκλησία. ***) Слѣдовательно, безъ епископа не можетъ быть никакой Церкви; такимъ образомъ

*) Гдѣ Епископъ, тамъ Церковь.

**) Ты долженъ знать, что Епископъ находится въ Церкви и Церковь въ Епископѣ; и если кто не будетъ съ Епископомъ, тотъ не есть въ Церкви.

***) Если гдѣ Епископъ, тамъ да будетъ собраніе вѣрующихъ, какъ гдѣ Христосъ Иисусъ, тамъ Каоолпческая Церковь.

рѣшеніе перваго затрудненія, на самомъ дѣлѣ, всецѣло зависитъ отъ точнаго изслѣдованія касательно дѣйствительности священной, англиканской Церковной іерархіи.

Мы такъ мало надѣемся въ предлагаемомъ краткомъ очеркѣ исчерпать весь вопросъ, обсужденіе котораго могло бы наполнить цѣлые томы, что намъ ничего не остается болѣе, какъ только предложить нѣсколько общихъ замѣчаній касательно онаго. Что касается до Восточной Церкви, то дѣйствительность ея Епископства и священства никогда не была подвергаема сомнѣнію. Даже Римъ, который никогда не опускалъ случая открыть какой-либо, хотя бы то воображенный недостатокъ въ правахъ со стороны различныхъ христіанъ на каѳоличество, удовольствовался обвиненіемъ православной Церкви въ *схимъ* и никогда не нападалъ на ея Церковную іерархію. Итакъ только съ нашей собственной стороны требуется нѣкоторая апологія и защита; и для члена Англиканской Церкви очень грустно видѣть себя поставленнымъ въ положеніе защитника своей духовной матери. Чѣмъ сильнѣе его любовь къ ней, тѣмъ болѣе чувствуетъ онъ нерасположенія допускать ту мысль, что она требуетъ, хотя-бы то мгновенной, помощи его слабаго заступничества.

Итакъ что же должно сказать здѣсь вообще о дѣйствительности Англиканской Церковной іерархіи? Ужели Англиканская Церковь безъ всякихъ основаній всегда считала себя вѣтвію великаго Каѳолическаго тѣла? Былъ ли когда какой-либо перерывъ въ ея Апостольскомъ преемствѣ?.. Или не оказались ли также истинными и въ этомъ случаѣ слова одного вдохновеннаго англійскаго писателя, что *тройной союзъ не скоро можетъ быть расторгнутъ?*⁴ Эти вопросы можно разсматривать съ двухъ сторонъ—теоретической и исторической.

Теперь главное ученіе Англиканской Церкви состоитъ въ томъ, что непрерывное епископское преемство совершенно необходимо для существованія самой Церкви, и что, слѣдовательно, она владѣетъ такимъ преемствомъ сама въ себѣ. Въ предисловіи къ ея служебнику (*Ordinal*) *) мы читаемъ слѣдующее:

*) Книга, въ которой содержатся обряды рукоположенія въ различныя степени священства. Она была составлена при Эдуардѣ VI и утверждена парламентомъ.

„Для всѣхъ людей, прилежно читающихъ священное писаніе и древнихъ Отцевъ, очевидно, что съ самыхъ апостольскихъ временъ въ Христовой Церкви находились слѣдующія три степени священно-служителей: епископы, священники и діаконы. Эти степени всегда были въ такомъ высокомъ уваженіи, что никто не могъ надѣяться получить какую-либо изъ нихъ, если бы онъ сначала не былъ призванъ, испытанъ, изслѣдованъ и дознанъ, что имѣть всѣ качества, потребныя для прохожденія оной; онъ долженъ быть также одобренъ и допущенъ законною властію къ прохожденію оной по общественной молитвѣ и возложеніи рукъ. А посему, дабы эти степени священства могли продолжаться и съ благоговѣніемъ проходиться и цѣниться въ Англиканской Церкви, никто не будетъ признаваться и считаться законнымъ епископомъ, священникомъ, или діакономъ оной, или допускаться къ прохожденію какой либо изъ сказанныхъ выше должностей, если онъ не будетъ призванъ къ ней, согласно съ нижеслѣдующею формою, развѣ только прежде уже имѣлъ епископское посвященіе, или рукоположеніе.“

Далѣе, весь порядокъ богослуженій Англиканской Церкви основывается на ея каоличествѣ. Если бы она не владѣла истиннымъ преемствомъ, то не могла бы имѣть никакихъ притязаній на каоличество, и, слѣдовательно, сдѣлалась бы простымъ протестантскимъ обществомъ, въ сущности, смотря на дѣло съ каолической точки зрѣнія, не была бы вовсе Церковію. А мы видимъ, что ея чада во всѣхъ ея богослуженіяхъ научены молиться за каолическую Церковь. Въ ея символическихъ книгахъ, равно и молитвахъ, это слово употребляется неизмѣнно. Только однажды въ продолженіе времени, слѣдовавшаго за Реформаціею, пуританская партія сдѣлала было попытку набросить на нее ненавистное имя *Протестантской*, но оно было отвергнуто съ свойственнымъ негодованіемъ. Лица, которыя даютъ Англиканской Церкви наименованіе протестантской, дѣлаютъ такъ по невѣдѣнію, или по презрѣнію къ ея ученію, постановленіямъ и исторіи. И это заблужденіе главнымъ образомъ вызвано совершенно ошибочнымъ пониманіемъ, такъ называемой, Реформаціи. Безъ всякаго сомнѣнія, Реформація раздѣлила общій недостатокъ всѣхъ сильныхъ реакціонерныхъ движеній. Она зашла даже гораздо далѣе. Многіе обряды, которые не были римскими,

но чисто католическими, были тогда отвергнуты среди заботъ очистить Церковь отъ существенныхъ римскихъ заблужденій. Но нельзя при этомъ не указать и на то и не вспомнить того, что результаты, вызванные Реформаціею въ Пруссіи, Даніи, и Шотландіи, не нашли себѣ приложенія въ Англіи. Англія не измѣнила въ то время древнюю римскую Церковь на новую Протестантскую, но та же самая Церковь продолжала непрерывно обладать всѣмъ во все время, за исключеніемъ отмѣннаго въ краткій періодъ республики, когда на семнадцать лѣтъ было временное упраздненіе Церковной системы, совершенно соответствовавшее бывшему во Франціи между упраздненіемъ государственной Церкви въ 1793 году и конкордатомъ Бонапарта съ Папою въ 1802 году. Если находящееся въ развалинахъ зданіе поросло мохомъ, плеледами и плющемъ, то, можетъ быть, необходимо очистить всѣ чужеродныя растенія, которыя помрачали его красоту; но когда работа кончилась, и каждая колонна, арка и карнизъ являются въ своемъ возобновленномъ величіи, оно, быть можетъ, по наружности и измѣнилось нѣсколько въ своихъ частностяхъ, но, при всемъ томъ, продолжаетъ оставаться тою же самою развалиною.

И мы надѣемся вѣлѣть за симъ, что не составитъ большаго затрудненія доказать съ исторической точки зрѣнія, что англиканская Церковь сохранила надлежащее преемство епископовъ, священниковъ и діаконовъ. Здѣсь невозможно входить въ подробную защиту дѣйствительности англиканской церковной іерархіи. Все, что мы можемъ сдѣлать, то это предложить нѣсколько общихъ замѣчаній касательно этого дѣла и въ особенности избличить злую клевету, извѣстную подъ названіемъ *Негсъ-Хедской басни*, о которой въ прошлое время такъ много говорили и писали. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что главныя доказательства касательно дѣйствительности нашей церковной іерархіи были представлены ученымъ издателемъ *Священныхъ Англиканскихъ Списковъ*, въ письмѣ къ одному русскому другу, по тому же самому вопросу. Онъ говоритъ въ немъ, что самое главное, древнее возраженіе противъ дѣйствительности англиканской церковной іерархіи есть знаменитый (или постыдный) вымыселъ, будто бы Матѳей Паркеръ, первый Кентерберійскій архіепископъ, посвященный послѣ конечнаго разрыва между Римскою и Англи-

канскою церквами, никогда не принималъ должнаго епископскаго посвященія, но просто подвергся искаженному и богохульному обряду посвященія на митингѣ реформатскаго духовенства, бывшимъ въ Тавернѣ *Негсъ-Хедъ*, (Nag's head) въ Чепсайдѣ. Но, во-первыхъ, должно замѣтить, что эта нелѣпная басня была разглашена только послѣ 1604 года, ровно пятьдесятъ пять лѣтъ спустя послѣ вымышленнаго происшествія, когда, не безъ основанія, можно было предполагать, что не остается въ живыхъ ни одного очевидца для опроверженія оной. Впрочемъ, по Божественному благому промыслу, въ это время оставалось еще въ живыхъ одно лицо, которое было очевидцемъ истинной церемоніи, происходившей въ архіепископской капеллѣ, именно Карлъ Хаурдъ, графъ Ноттингемскій, который разбилъ Испанскій флотъ (Армаду) въ 1588 году; онъ съ перваго раза объявилъ крайнюю ложь этой басни, столь хитро придуманной. Знаменитый церковный историкъ Тома Фюллеръ разсматриваетъ это обстоятельство довольно подробно и объясняетъ настоящее происхожденіе онаго. По его словамъ, весь авторитетъ, на который опирается пресловутое посвященіе въ Негсъ-Хедъ, главнымъ образомъ основывается на одномъ свидѣтельствѣ нѣкоего Тома Нила, капеллана и профессора еврейскаго языка въ Оксфордѣ, и поводомъ къ этой баснѣ служить слѣдующее: каждый архіепископъ, или епископъ долженъ былъ являться въ церковь Бо (Bow) въ сопровожденіи церковныхъ законовѣдовъ и другихъ лицъ, дабы тамъ могли быть выслушаны какія-либо законныя возраженія противъ его избранія, еслибы подобныя встрѣтились. По этому случаю для нихъ былъ приготовленъ обѣдъ въ Тавернѣ Негсъ Хедъ (Nag's head), такъ какъ она находилась почти подъ рукою, и *изъ этой искры*, пишетъ ученый Фюллеръ, *произошелъ весь пожаръ*. И далѣе, подлинная записка о посвященіи Паркера доселѣ еще хранится въ архіепископскомъ спискѣ въ Ламбетѣ и самыя слова, произнесенныя при означенномъ рукоположеніи, приводятся въ письмѣ, на которое мы указали выше *).

*) Въ Ламбетскихъ спискахъ о рукоположеніи Паркера говорится такъ: „По окончаніи литавій, послѣ молитвъ по формѣ книги, изданной властію парламента, четырьѣ епископа, возложивши руки на вновь избраннаго архіепископа, произнесли слѣдующія слова: „Прими Св. Духа, и помни, что

Слѣдующее возраженіе состоитъ въ томъ, что нѣтъ никакой записки о посвященіи епископа Барло (Barlow) одного изъ епископовъ, рукополагавшихъ Паркера. Дѣйствительно, въ архіепископскомъ списокѣ въ Ламбетѣ не существуетъ страницы, на которой должно бы быть записаннымъ его посвященіе, да и самый списокъ епархіи С. Девиса, на каковую кафедру онъ былъ посвященъ, былъ затерянъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Такимъ образомъ нѣтъ ни какого прямаго, письменнаго свидѣтельства, касательно посвященія Барло (Barlow). Но что его епископство было признаваемо, какъ римскими, такъ и англиканскими его современниками, и только спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти было подвержено сомнѣнію, это есть несомнѣнный, историческій фактъ. Впрочемъ если бы даже Барло и не былъ никогда посвященъ, (что мы только допускаемъ въ видѣ предположенія), то симъ нисколько не ослабляется дѣйствительность посвященія Паркера, потому что Паркеръ былъ рукоположенъ кромѣ Барло тремя другими епископами: Скори, епископомъ Хирфордскимъ, Ходскиномъ, Викаріемъ епископа Бедфордскаго, и Милемъ Ковердалемъ, прежде бывшимъ епископомъ Экзетерскимъ. Этихъ трехъ епископовъ, помимо Барло, было достаточно для священнаго рукоположенія, и если бы даже Барло дѣйствовалъ и не будучи рукоположенъ въ санъ епископа, то странно и не логично воображать, будто обманъ одного человѣка могъ сдѣлать недѣйствительною таинственную силу рукоположенія трехъ другихъ епископовъ, и могъ воспрепятствовать благодатной помощи Всемогущаго Бога. Конечно, правда то, что чрезъ ослабленіе ученія, лжемудріе враговъ и индеферентизмъ маловѣрующихъ, принадлежащихъ къ Церкви, весьма нерѣдко могла подвергаться сомнѣнію или даже быть игнорированною великая важность епископскаго рукоположенія и непрерывнаго апостольскаго преемства, въ самой средѣ членовъ Англиканской Церкви, но, при этомъ, со всею справедливостію должно признать и то, что голосъ Церкви въ ея богослуженіяхъ и во всей ея прошедшей, разнообраз-

ты долженъ воспламенять въ себѣ даръ Божій, который въ тебѣ, отъ моего рукоположенія, ибо не духъ боязни далъ намъ Богъ, но духъ силы, любви и здравомыслія“. Эта же самая формула употребляется и нынѣ въ Англіи при совершеніи таинства священства.

ной исторіи, всегда торжествовалъ надъ всѣми шумными криками тѣхъ, которые старались ослабить все то, что есть самаго святаго и истиннаго въ таинствахъ Божіихъ. Прямые нападки, направленные противъ дѣйствительности Англиканской Церковной Іерархіи, какъ можно предполагать, вышли первоначально изъ Рима, однако не должно забывать и того, что папа Юліи въ своей буллѣ въ 1553 году не сомнѣвался призвать нашу іерархію, что аббатъ Коврейеръ написалъ цѣлое сочиненіе въ защиту оной, которое даже и въ настоящее время считается образцовымъ твореніемъ, и что знаменитый римско-католическій историкъ Лингардъ никогда не выражалъ сомнѣнія касательно этого вопроса. Итакъ, если въ прошедшія времена, образованные и ученіе римскіе католики, (а тѣмъ болѣе въ настоящее время) отвергали недѣльную и съ злымъ намѣреніемъ вымышленную басню, на которой основывалась недѣйствительность нашего преемства, то не можемъ ли мы надѣяться на гораздо болѣе благородное вниманіе со стороны великой Церкви Восточной, отъ которой мы никогда не удалялись въ такой сильной степени: и къ которой устремлены теперь наши самыя пламенныя надежды! *).

*) Помѣщая означенную статью, мы не беремъ, конечно, рѣшить, на сколько приводимыя имъ доказательства и факты въ пользу законности англиканской церковной іерархіи могутъ служить для православной Церкви основаніемъ къ признанію дѣйствительности оной; это дѣло церковныхъ авторитетовъ; но думаемъ, что какъ этотъ вопросъ, такъ и другіе вопросы, относящіеся къ дѣлу сближенія и соединенія церквей православной и англо-американской, заслуживаютъ серьезнаго разсмотрѣнія и обсуждения. Въ Англіи съ нѣкотораго времени выходитъ отдѣльный журналъ по дѣлу взаимнообщенія церквей (*Occasional paper*)... Печатаются рапорты или доклады конвокаціи... Нерѣдко являютъ отдѣльныя брошюры въ защиту своего ученія какъ напр. „*Apostolical succession*“ .. Ознакомленіе съ ними православныхъ читателей въ переводѣ, и обсужденіе ихъ конечно разъяснило бы много недоразумѣній въ этомъ важномъ вопросѣ.

Рѣчь д-ра Деффа на Миттингѣ британскаго Библейскаго Общества о всепобѣждающей силѣ Библии.

На Митингѣ британскаго и иностраннаго Библейскаго Общества, бывшемъ въ началѣ 1871 года въ Лондонѣ, д-ръ Деффъ произнесъ замѣчательную рѣчь, отличающуюся сколько вѣрностію безпристрастнаго сужденія, столько же и силою краснорѣчія. Онъ говорилъ о христіанскихъ доказательствахъ, подлинности и боговдохновенности Священнаго Писанія, о теоріи Дарвина и всепобѣждающей силѣ Библии.

Въ виду важности разбираемаго въ рѣчи вопроса, позволяемъ себѣ привести заимствованное изъ отчета Англійскаго Библейскаго Общества, сужденіе англійскаго ученаго касательно двухъ послѣднихъ отдѣловъ, которое, какъ надѣмся, будетъ не безъ интереса для нашихъ читателей.

Вотъ что говорилъ, между прочимъ, извѣстный англійскій ораторъ:—Настоящее время не есть время для молчанія. Есть время молчать, но есть время и говорить. Нападенія противниковъ Библии на Библию имѣютъ слишкомъ много общаго съ цѣлю этого Общества. Это Общество распространяетъ Библию, а Библия повѣствуетъ о сотвореніи человѣка Всемогущимъ Богомъ въ началѣ,—о сотвореніи его святымъ и чистымъ, по Его собственному образу и подобію. По поводу этого, я не могу не замѣтить, что не такъ давно была издана книга, признанная за превосходную книгу. Теорія этой книги находится въ самомъ разительномъ противорѣчій съ библейскимъ повѣствованіемъ, и если она истина, то Библия ложь. Доколѣ авторъ касается въ ней естественной исторіи, дотолѣ ничто не можетъ сравняться съ нею по красотѣ слога, живости, увлекательности; книга читается какъ романъ, и авторъ здѣсь совершенно на своей почвѣ. Но лишь только начинаетъ вдаваться въ область психологической науки, то походить на рыбу, вынутую изъ воды: онъ внѣ своей стихіи. Главною задачею своею онъ поставилъ себѣ доказать, что человѣкъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ есть, вълѣдствіе нѣкотораго саморазвивающагося (Selfdeveloping) процесса, такъ какъ непосредственнымъ его прародителемъ была обезьяна, прежде же оной—нѣчто другое, низшее въ ряду сотвореннаго, а прежде сего—еще другое

болѣе низшее. Позвольте мнѣ замѣтить одно. Для подтвержденія его теоріи необходимо, и онъ самъ допускаетъ это, имѣть возможность доказать, что въ низшихъ животныхъ есть точно такія же нравственныя и умственныя способности, какія и въ человѣкѣ; потому что, если эти способности, какъ онъ соглашается самъ, отличны отъ человѣческихъ, то его системою невозможно объяснить происхожденіе человѣка вслѣдствіе саморазвивающагося процесса. Вотъ главное звено въ цѣпи его доказательствъ, и я утверждаю, что онъ крайне, совершенно, безнадежно несостоятеленъ въ своихъ стараніяхъ подтвердить это. Онъ представляетъ нѣсколько ничтожныхъ поясненій; обходитъ затрудненія, избѣгаетъ ихъ, перескакиваетъ черезъ нихъ и пишетъ нѣчто такое объ умственныхъ и нравственныхъ способностяхъ, что постыдился бы написать всякій профессоръ логики или психологіи въ нашей странѣ; и если бы вы отправились въ Шотландію, то и тамъ, вѣроятно, не нашлось бы ни одного студента изъ десяти, слушающихъ лекціи метафизики, который не постыдился бы сказать это. Что пользы въ огромной цѣпи изъ тысячи звеньевъ, столь сильныхъ, что они могутъ поддержать десятки пудовъ тяжести, если центральное звено такъ хрупко и слабо, что можетъ быть разбито въ дребезги отъ ничтожной тяжести воробья?— Я доказываю, что это центральное звено такъ хрупко и слабо, что все сочиненіе дѣлается ничтожнымъ, и вся система распадается въ куски; тогда какъ Библия, какъ и всегда, стоитъ на своей неприступной скалѣ. Я остановился долѣе на этомъ предметѣ, чѣмъ намѣревался. Но время очень кратко, а жизнь очень неизвѣстна; и — Святое Божественное Слово Добраго Пастыря пойдетъ съ нами въ вѣчность. Да, оно пойдетъ съ нами въ вѣчность. Души искупленныхъ преобразуются здѣсь силою этого святаго слова: и любовь, проповѣдуемая на каждой страницѣ Библии, будетъ царствующею на небѣ. Но я сказала прежде, что есть и практическое, поразительное доказательство божественности Библии. Я утверждаю теперь, что настоящее чтеніе этого отчета есть одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ истины и боговдохновенности Библии. За всѣмъ тѣмъ въ Библии есть особенная, сверхъестественная сила и могущество, которыхъ вы не найдете ни въ какой другой книгѣ. Для засвидѣтельствованія этого, мы укажемъ на одинъ только тотъ фактъ, что на памяти

многихъ здѣсь присутствующихъ, святая библейская вѣсть, — эта вѣсть мира и прощенія, любви, милосердія и доброжелательства ко всѣмъ людямъ, была пронесена вѣстниками спасенія по всему земному шару, отъ полюса до полюса. Да, неизнемогшая отъ тропическаго зноя, неоцѣненѣвшая отъ арктическаго холода, она можетъ указать на трофеи креста во всякомъ климатѣ. Вотъ здѣсь есть лица изъ странъ холоднаго Сѣвера, которые, подобно архидіакону Хунтору, могутъ сказать намъ о торжествѣ Библии въ землѣ Руперта (?). Здѣсь есть также лица изъ странъ палящаго зноя, которые, подобно моему другу, сидящему по правую сторону, могутъ повѣдать намъ о торжествѣ ея подъ тропическимъ солнцемъ. Да, она взошла, какъ побѣдитель, въ дворцы царей и въ укрѣпленныя жилища сильныхъ вельможъ. Она возвысила болѣе чѣмъ до земнаго царскаго величія, обитателей убогихъ индійскихъ хижинъ. Она провѣрила рѣшенія сенатовъ. Она успокоила волненія татуированныхъ воинственныхъ дикарей — съ ихъ смертоносными томагавками (индѣйская сѣкира). Она остановила и усмирила кочующія орды пустыни, заставивъ ихъ бѣжать отъ своихъ кумировъ и гонговъ; да, — вдохновенные ею, они оставили и свою татуировку и свои перья, которыя только усиливали безобразіе ихъ наготы. Она коснулась грубаго языческаго разумѣнія, пробудила къ дѣятельности ихъ дремлющія способности и оживотворила ихъ въ духовной дѣятельности. Она довела до сокрушенія самое загрубѣлое сердце дикаря, и покорила злыя необузданныя его желанія и властолюбивыя стремленія; да, и очистила, и благоустроила его съ такимъ могуществомъ и силою, которыя далеко превосходятъ все, что когда либо представляла себѣ надежда и страхъ. Въ тысячахъ случаевъ, она сдѣлала вора честнымъ, лжеца правдивымъ, скупаго щедрымъ, расточительнаго бережливымъ. Въ тысячахъ случаевъ, она обратила жестокое, нечувствительное сердце къ состраданію и любви; безпорядочность и шумныя, неистовыя пиршества она превратила въ гармонію священной пѣсни. Она проложила себѣ путь въ мрачныя пещеры глубокаго невѣжества, и освѣтила ихъ лучами небснаго свѣта; она спустилась въ вертепы гнуснаго разврата, и воздвигла въ нихъ алтари благочестія; она смѣшала свой голосъ съ ревущею бурей. Она, какъ мы уже слышали изъ отчета, явилась на окровавленныхъ поляхъ битвъ, и пролила бальзамъ

утѣшенія въ душу умирающаго героя. Она, какъ вѣстникъ милосердія, посѣтила мрачныя темницы, не убоялась голода, смѣло стала лицомъ къ лицу съ чумою и моромъ. Она вырвала желѣзный жезлъ изъ руки притѣснителя, и отдалила горькую чашу отъ устъ невоздержанія. Она усеяла цвѣтами могилы прежнихъ враговъ, и обвила гирляндами алтарь храма мира.

Вотъ тѣ немногіе, заключилъ ораторъ, изъ тѣхъ могущественныхъ подвиговъ, которые, какъ блестящая свита, слѣдуютъ за этою святою книгою на ея пути по всему земному шару, отъ одного полюса до другаго.

Рукоположеніе въ санъ старокатолическаго епископа Рейнкенса *).

1873 годъ ознаменовался для старокатоликовъ важнымъ событіемъ. 4-го іюня по новому стилю, въ Роттердамѣ былъ рукоположенъ епископомъ Янснитской церкви, монсиньоромъ Хейкампомъ, въ санъ перваго старокатолическаго епископа, — профессоръ Іосифъ Губертъ Рейнкенсъ, мужъ, почти по общему отзыву современниковъ, отличающійся высокимъ умомъ, прекраснымъ образованіемъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Другое не менѣе важное событіе въ мірѣ старокатоликовъ, — это открытіе третьяго по счету, послѣ мюнхенскаго и кельнскаго, констанцскаго, происходившаго 12 сентября, конгресса, — съ успѣхомъ упрочивающаго благое дѣло старокатоликовъ и служащаго для него твердымъ основнымъ камнемъ въ будущемъ. Оба эти событія не могутъ не вызывать сердечной симпатіи со стороны членовъ церкви православной, постоянно съ интересомъ слѣдящихъ за развитіемъ старокатолическаго движенія, и потому-то въ настоящій день годовщины Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія, не неумѣстнымъ считаемъ коснуться этихъ знаменательныхъ фактовъ въ средѣ старокатоликовъ, — съ тѣми подробностями, о которыхъ сообщаютъ иностранныя газеты.

*) Статья эта читана въ годичномъ собраніи общества любителей духовнаго просвѣщенія 1873 года сентябри 23 дня.

Первоначально предполагали, говорить англичанинъ, — корреспондентъ газеты *Guardian*, — рукоположить въ санъ епископа Барлемскаго на мѣсто умершаго архіепископа Лооса, а потомъ уже, чрезъ нѣсколько дней, и Рейнкенса; но этотъ планъ былъ оставленъ, такъ какъ чрезъ то налагался двойной трудъ на епископа Девентерскаго, и такимъ образомъ оба епископа были рукоположены въ одинъ день — въ понедѣльникъ. Уполномоченные отъ германскихъ конгрегацій прибыли въ Роттердамъ въ субботу и воскресенье, 3 и 4 юня, въ количествѣ около пятидесяти чело-вѣкъ. — Особенно выдавались въ средѣ ихъ — представители синада, — съ тремя профессорами богословія изъ Бонна, — и уполномо-ченные изъ Кельна, Грифельда, Эссена и большей части Рейн-скихъ городовъ. Профессоровъ Фонъ-Шульте, Фридриха и Ми-хелиса не было; они прислали письма съ изъявленіемъ своего со-жалѣнія, что по неожиданнымъ обстоятельствамъ, лишены воз-можности присутствовать на конгрессѣ.

Янсенистская церковь въ Роттердамѣ находится на площади *Oppert Straat*, № 27; это, собственно говоря, небольшое красивое зданіе, между двумя улицами, съ боку котораго расположенъ домъ для резиденціи епископа. Въ церкви, красиво убранной, находится три алтаря, — одинъ въ срединѣ и два — по бокамъ, а кругомъ тянется галлерей. Въ этомъ-то храмѣ должно было совершиться рукоположеніе. — Въ воскресенье Рейнкенсъ совершилъ литургію. На слѣдующій день церковь наполнилась многочислен-ными посѣтителями. Замѣчательно, что мѣста предъ алтаремъ были предоставлены германскимъ уполномоченнымъ. Въ 10-ть часовъ изъ ризницы выступила процессія, состоящая изъ избран-ныхъ епископовъ съ ихъ капелланами, держащими въ рукахъ жезлы, — двадцати священниковъ, и епископа Девентерскаго. Мон-сеньоръ Хейкампъ, епископъ Девентерскій, былъ облаченъ въ полное епископское облаченіе съ митрою на головѣ и епископ-скимъ перстнемъ на рукѣ. Епископъ Девентерскій, долженство-вавшій рукополагать, по замѣчанію англійскаго корреспондента, не одаренъ особенно представительною наружностію, но онъ — чело-вѣкъ высокаго ума, глубоко ученый и очень добрый. — Епис-копъ Гарлемскій чело-вѣкъ не высокаго роста и повидимому сла-баго тѣлосложенія впрочемъ съ добрымъ выразительнымъ лицемъ. Рейнкенсъ смотрѣлъ вполне *ὄναξ ἰνδρών*, что называется епис-

копомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Священнодѣйствіе началось чтеніемъ грамоты на избраніе новыхъ епископовъ, сперва на голландскомъ, потомъ на нѣмецкомъ языкахъ. Грамоту читалъ профессоръ Нудтъ. Епископъ Девентерскій занималъ средній алтарь, — избранные епископы боковые; при всѣхъ нихъ находились ихъ ассистенты и капелланы.

Рейнкенсу помогали въ священнодѣйствіи Рейшъ и Нудтъ, оба въ красныхъ ризахъ, и другіе капелланы, одинъ изъ нихъ г. Нуффра держалъ его епископскій жезлъ. За чтеніемъ грамоты слѣдовало испытаніе епископовъ, занявшихъ мѣста ниже ступеней алтаря. Рукополагавшій епископъ предлагалъ имъ многочисленные вопросы, и епископы отвѣчали на нихъ словами: *volo, credo, assentio* или *anathemazo*. За симъ они удалились въ боковые алтари для облаченія, а епископъ Девентерскій кадлъ въ это время алтарь и престоль. — По ихъ возвращеніи въ митрахъ и съ епископскими крестами, они преклонили колѣна предъ рукополагавшимъ епископомъ, который возложилъ на нихъ руки, равно какъ и прочіе священнодѣйствовавшіе, — генераль-викаріи Гарлема и Утрехта, также возложили на него свои руки съ словами: „*Accipe Spiritum Sanctum*“. Въ то время, когда епископы стояли на колѣняхъ, пѣвчіе пѣли *Veni Creator* и во все время призванія Св. Духа, когда рукополагавшіе возлагали свои руки на главу епископовъ, сослужащіе ассистенты держали по открытому большому Евангелію на шеѣ и плечахъ cadaго изъ нихъ. По окончаніи гимна, епископы снова преклонили колѣна для принятія мѣропомазанія, и были мѣропомазаны сперва на челѣ крестообразно, а потомъ кругомъ головы — кругообразно. Затѣмъ слѣдовало чтеніе другой длинной молитвы, и вслѣдъ за нею епископъ сдѣлалъ помазаніе св. мѣромъ на большомъ пальцѣ каждой руки епископовъ и на ладоняхъ рукъ. По совершеніи мѣропомазанія, епископъ подаль имъ по Евангелію, пастырскому жезлу и перстню, который первоначально благословилъ и надѣлъ на четвертый палецъ правой руки; подавая каждую вещь, онъ произносилъ слѣдующія слова: *accipe baculum etc.; annubum etc.; Evangelium etc.* За симъ епископы удалились въ боковые алтари и, по выходѣ оттуда, преклонивъ колѣна, поднесли рукополагавшему епископу дары, именно по двѣ восковыхъ свѣчи, два маленькихъ деревянныхъ боченка (*tunlet*) съ золотыми обручиками, и два бѣлыхъ хлѣбца съ позо-

лоченными крестами. Велѣдъ затѣмъ послѣдовало лобзаніе мира, а за нимъ епископъ Девентерскій принялъ и подалъ каждому епископу по митрѣ и перчаткамъ, и новорукоположенные уже въ полномъ епископскомъ облаченіи вышли изъ алтаря въ храмъ для благословенія народа. По возвращеніи въ алтарь, они отдали честь рукополагавшему ихъ епископу; именно: приблизившись на три шага къ нему, при каждомъ шагѣ произносили слова: *ad multos annos*, а затѣмъ обнимали его. Это было послѣднее дѣйствіе церемоніала, который, вмѣстѣ съ обѣдней, продолжался около трехъ часовъ, и заключился проповѣдью епископа Девентерскаго Монсиньоръ Хейкампъ обращался въ проповѣди къ новоизбраннымъ епископамъ, духовенству и народу; сильно и краснорѣчиво было это слово объ обязанностяхъ епископа къ народу и народа къ епископу. Главная суть проповѣди выражалась въ словахъ, сказанныхъ епископомъ. *Чѣмъ долженъ быть епископъ? Долженъ ли онъ съ строгостію господствовать надъ насльдіемъ Божиимъ? нѣтъ; онъ долженъ господствовать не железомъ, а любовію; добрый епископъ долженъ быть отцемъ для своего народа.* На эту тему была произнесена вся проповѣдь, сказанная съ сильною энергіею. — При произнесеніи оной, — епископъ неоднократно заявлялъ свою радость, что ему, епископу, „*Янснитской секты въ Голландіи.*“ суждено было первенствовать при настоящемъ знаменательномъ церковномъ событіи. Тоже самое чувство проявлялось и въ послѣдовавшемъ затѣмъ собраніи въ домѣ епископа Девентерскаго, на которомъ онъ обратился съ нѣсколькими словами къ делегатамъ съ изъявленіемъ своей радости о совершившемся. Въ этомъ собраніи былъ составленъ и подписанъ всеми присутствовавшими протоколь событія. По изъявленіи благодарности монсиньору Хейкампу, собраніе разошлось, и каждый чувствовалъ, что теперь съ успѣхомъ положенъ основной камень новой церкви Германской.

Быть можетъ, замѣчаетъ корреспондентъ, нѣкоторые скажутъ, что все это не доказываетъ сильнаго движенія впередъ въ Анти-ватиканской партіи, и что въ частностяхъ церемоніала весьма мало замѣтно реформъ; но несомнѣнный успѣхъ дѣла заключается въ томъ, что при церемоніи съ начала до конца не было сдѣлано ни малѣйшаго намека на Римскій престолъ и не было упомянуто ни одного слова о томъ, что рукоположеніе Рейнкенса въ санъ епископа должно быть признано папою.

Мало того, — новопоставленный епископъ самъ заявилъ въ своемъ пастырскомъ посланіи, что «*Римскій престолъ долженъ считаться въ настоящее время вакантнымъ и папа низложеннымъ, потому что онъ упорно пребываетъ въ лжеученіи;*» и не ограничиваясь словами, онъ выразилъ это и на дѣлѣ, именно отказомъ извѣстить папу о своемъ посвященіи. Весь церемоніаль рукоположенія (*Ronficabis ordo*) былъ соблюденъ со всею точностію, и это конечно, на томъ основаніи, чтобы папская партія не могла въ послѣдствіи указать на какіе либо пробѣлы при совершеніи таинства рукоположенія. Въ заключеніе корреспондентъ сообщаетъ нѣсколько подробностей касательно принадлежностей облаченія новаго епископа. Епископскій жезлъ сдѣланъ изъ чернаго дерева съ серебряными рожками. Подъ ними находится медальонъ съ изображеніемъ главы Христа Спасителя, вырѣзанный въ аметистъ и осыпанный брилліантами. Надпись съ одной стороны гласитъ слѣдующее: «*Старокатолическія конгрегации Германіи своему первоизбранному епископу, Иосифу Губерту, Рейнкенсу*», а съ другой выражено по гречески: «*пасите стадо Божіе, и пр*» Золотой перстень имѣетъ на срединѣ аметистъ, осыпанный брилліантами, съ слѣдующею надписью: *юня 4 дня 1873 г. Иосифъ Губертъ Рейнкенсъ*. Епископскій крестъ сдѣланъ изъ золота съ аметистомъ и брилліантами по срединѣ. На крестѣ наведены финифтью 13 цвѣтковъ, изъ коихъ въ каждомъ по срединѣ находится алмазъ,— всѣ, они вмѣстѣ съ облаченіемъ, принесены ему въ даръ отъ народа.

Переписка православнаго съ членомъ Континентальнаго общества въ Англіи *).

Милостивѣйшій государь! Моя сестра прислала мнѣ копію съ вашего письма къ ней, въ которомъ я, между прочимъ, встрѣтилъ слѣдующія строки.... „Мы (т. е. англикане), напротивъ, имѣемъ такое понятіе, что вы (т. е. восточные) презираете насъ,

*) Заимствовано изъ годичнаго отчета за 1875 г. англо-континентальнаго Общества (*Twenty first year's report of the Anglo-continental Society For. 1875*).

какъ протестантскую секту и... пр.“ Я былъ очень смущенъ такимъ предположеніемъ! Должно полагать, что вы знакомы съ нами очень, *очень* мало; иначе не составили бы о насъ такого понятія. Мы твердо привержены къ нашей вѣрѣ, мы вѣруемъ въ истину нашей религіи, но мы не относимся съ презрѣніемъ ни къ одному (христіанскому) обществу, а тѣмъ болѣе къ англиканскому. Позвольте мнѣ предложить вашему просвѣщенному вниманію копію съ моего письма, написаннаго нѣсколько дней тому назадъ къ одному извѣстному члену Бонской конференціи (члену англиканской церкви) въ отвѣтъ на его прекрасную (able) брошюру „*письмо Деллимеру*“. Я надѣюсь, что оно дастъ вамъ нѣкоторое понятіе о нашихъ отношеніяхъ къ западнымъ вообще, и въ частности, къ англиканамъ и послужить доказательствомъ, что мы совершенно не имѣемъ къ нимъ чувства презрѣнія... Позвольте ли мнѣ, теперь, сдѣлать нѣсколько замѣчаній?... Прежде всего, какъ членъ восточной церкви, я считаю себя обязаннымъ признать любезность вашего непредубѣжденнаго мнѣнія объ этой церкви; вы совершенно правы въ своемъ замѣчаніи, что мы полагаемъ великую важность на „*здоровость нашею вѣрованія*“ (Soundness of our Creed). Мы считаемъ оное нашею охраною, нашимъ палладіумомъ, и я полагаю, что оно не разъ спасало Россію, особенно въ началѣ 17 столѣтія, во время нашей борьбы съ Польшею, предводимой іезуитами и ея іезуитскимъ королемъ, Сигизмундомъ III. Я увѣренъ, что оно предохранило нашъ національный характеръ отъ очень дурныхъ вліяній...

Ваше первое замѣчаніе, что наша церковь не очень дѣятельна (съ внѣшней стороны), „*импассивна*“, — справедливо; я думаю, что мы не умѣемъ и не желаемъ приобрѣтать многихъ, особенно по образцу католиковъ (въ Индіи и Китаѣ въ началѣ 18 стол.), кромѣ того вы не должны забывать, что наша церковь находилась (и частію доселѣ находится) подъ варварскимъ игомъ татаръ и турокъ, что мы ратовали за нашу самую жизнь, что наша церковь была принуждена защищать своихъ собственныхъ чадъ, и не имѣла никакихъ средствъ для высылки миссіонеровъ. Я не вполне понимаю ваше второе замѣчаніе, что восточная церковь „*не прогрессивна*“. Что такое прогрессивность въ церкви? Она *можетъ* только означать прогрессивность въ ученіи, — т. е. *развитіе* (development) *догмата*. Если же такъ, то я не считаю не-

обходимымъ или благоразумнымъ, или даже возможнымъ, исправлять, развивать догматъ. Впрочемъ это столь трудный вопросъ, что и не имѣю намѣренія распространяться о немъ теперь. Я вполне согласенъ съ вами, что восстановление единства можетъ быть достигнуто только общими усилиями востока и запада; но я не знаю, на сколько *латинская* церковь можетъ содѣйствовать англиканамъ, старокатоликамъ и восточнымъ выполнить это великое дѣло. Я думаю, что роли (parts) въ этой важной драмѣ должны быть (и въ дѣйствительности будутъ) раздѣлены такъ: старокатолики служатъ пограничною линіею между востокомъ и западомъ и ихъ роль весьма важна, какъ первыхъ двигателей задачи воссоединенія. Мы можемъ показать вамъ догматъ, который мы наслѣдовали отъ нераздѣльной церкви. Вы можете показать намъ возможно широкое и полное приложеніе догмата (христіанской истины, потому что догматъ есть ничто иное, какъ истина) къ жизни; это примѣненіе религіозной истины къ жизни есть единственное развитіе, на которое я согласенъ; оно должно быть *пространно* и *сильно*, число послѣдователей Христовыхъ должно увеличиваться съ каждымъ днемъ, и ихъ нравственныя качества должны совершенствоваться съ каждымъ днемъ. но истина сама въ себѣ (догматическое ученіе) не можетъ быть развиваемо ни въ какомъ другомъ смыслѣ.

Эти три церкви, хотя тѣсно соединенныя между собою, должны каждая сохранять свое индивидуальное устройство, и внѣшнюю форму; *единеніе безъ поглоченія*—должно быть нашимъ девизомъ.

Теперь,—какая можетъ быть роль латинской церкви въ этой великой драмѣ? Вы говорите: латиняне провозгласили универсальность (universality) церкви, и защитили то великое правило (principle), которое Восточное христіанство поставило въ опасность; что законы Божіи независимы отъ законовъ человѣческихъ; это, милостивый государь, я обязанъ *строю опровергнуть*. У насъ, Восточныхъ, нѣтъ Папы Григорія VII, чтобы разсчитывать на путешествіе императоровъ въ Каноссу; у насъ нѣтъ свѣтской власти, какъ въ лицѣ папы соединяется духовная власть съ свѣтскою; нѣтъ ружей системы шаспо для поддержки нашей независимости, какъ политическаго общества; но мы умѣемъ, какъ умирать за нашу вѣру, и на это мы готовы рѣшиться для поддержки нашей религіозной свободы, для защиты закона Божія

противъ закона человѣческаго. Объ этой полной независимости нашей церкви отъ всякаго свѣтскаго вліянія ясно учить нашъ катихизисъ, и ни одинъ могущественный Русскій Императоръ никогда не рѣшится измѣнить какой либо догматъ или провозгласить новый. Напротивъ мы, Восточные, гораздо болѣе гарантированы отъ всякаго вторженія въ нашу вѣру, чѣмъ латиняне. Вы, конечно, знаете гораздо лучше меня, что слова: *Filioque* были силою навязаны латинской церкви Карломъ Великимъ, не смотря на упорное сопротивленіе папы Льва III, и вы хорошо знаете точно также, — по закону ли Божію осуществилось провозглашеніе догмата: *о непорѣшимости и непорочномъ зачитіи*? Я полагаю, что въ дѣлѣ нашего воссоединенія для латинской церкви не найдется *какого бы то ни было мѣста*, равно какъ, къ несчастію, и для Протестантскаго Общества, которое, конечно, *можетъ* научить и *научить* насъ многому полезному, хотя не какъ *церковь, христіанское общество*, но какъ *алломерация ученыхъ и благодѣтельныхъ мужей*. Я, съ своей стороны, ничему не научился отъ протестантской „церкви“, но мои религіозныя идеи сильно (хотя и косвенно) укрѣпились и усовершенствовались подъ вліяніемъ Канта и Фихте.

Таковы то, милостивый государь, мои чувства и понятія относительно этого вопроса. Говоря объ англиканской церкви, я разумѣю тѣхъ ученыхъ джентльменовъ, съ которыми имѣлъ честь встрѣтиться на Бонской конференціи. Вопросъ состоитъ только въ томъ, всѣ ли члены учрежденной церкви согласны съ своими представителями въ Боннѣ, — какъ напр. съ вами или каноникомъ Лиддономъ, и другими? Это очень важный вопросъ (надѣюсь, впрочемъ, не въ родѣ гордіева узла). Историческій фактъ преемства рукоположенія, конечно, будетъ доказанъ (но по крайней мѣрѣ для меня — это рѣшенный вопросъ): но что мы будемъ дѣлать съ вопросомъ о взаимнообщеніи, если нѣкоторые члены англиканской церкви не согласятся съ вами и вашими друзьями, — станутъ представлять широкія, протестантскія идеи, отвергая, или скорѣе исключая *идею церкви*? Это трудный и очень важный вопросъ. Согласится ли епископъ Колензо во всѣхъ пунктахъ (*necessariis*) съ епископомъ венчестерскимъ? Думаете ли вы, что Достой согласится съ каноникомъ Лиддономъ или съ вами самими?

Церковь есть общество, въ которомъ всѣ члены обязаны со-

глашаться не только на принятіе всякаго догматическаго ученія церкви (*in necessariis unitas*), но точно также и на отверженіе всякаго догматическаго ученія, противнаго этому ученію. Можемъ ли мы надѣяться видѣть такое единодушіе *между всѣми* законными представителями англиканской церкви? Не желательнѣе ли будетъ подождать, прежде чѣмъ мы подвергнемъ это единодушіе испытанію, которое можетъ оказаться безуспѣшнымъ? Какovy будутъ слѣдствія происходящаго теперь вопроса о *дисестаб-лишментъ* (*disestablishment* *) англиканской церкви? Я былъ бы очень радъ узнать ваше мнѣніе объ этомъ вопросѣ.

Надѣюсь, милостивый государь, что вы извините меня за откровенность и не припишете моихъ замѣчаній о затрудненіяхъ по вопросу взаимно-общенія узкой ограниченности и недостатку любви, но опасенію, чтобы дѣло, къ осуществленію котораго я стремлюсь всѣмъ моимъ сердцемъ и душою, не было скомпрометиrowано какимъ либо слишкомъ поспѣшнымъ шагомъ!

— Милостивѣйшій государь! Очень обязанъ вамъ за ваше письмо, которое я прочиталъ съ большимъ интересомъ, и весьма тща-тельно обсудилъ. Въ присланномъ вами отрывкѣ находится весьма немного, или лучше почти ничего не заключается, что могло бы вызвать возраженія съ моей стороны. Замѣчу только одно. Вообще соглашаюсь съ вами, что латинская церковь, въ настоящемъ своемъ состояніи, по своему формальному характеру, подчиненная папѣ и пропитанная іезуитскимъ духомъ и духомъ курии, вовсе не можетъ имѣть мѣста въ какой бы то ни было задачѣ католическаго воссоединенія, но я при этомъ надѣюсь, что въ ней находится много личностей, а можетъ быть и нѣ-сколько національныхъ церквей, которыя пожелають сбросить съ себя иго папской монархіи, и, собравшись вокругъ истинной главы и центра церкви, могутъ содѣйствовать съ нами и вами, подобно старокатоликамъ, великому долгу церковной реставраціи. Сдѣлавъ это замѣчаніе, перехожу къ вопросу, лично обращенному ко мнѣ.

*) Господствующая церковь въ Англіи называется *established* (учрежденная); *disestablishment* называется вопросомъ, волнующій теперь нѣкоторыхъ членовъ, о переформированіи оной.

Я вполне понимаю, что большая распространенная свобода мысли и мнѣній въ вѣдрахъ англиканской церкви, естественно можетъ служить затрудненіемъ и камнемъ преткновенія для членовъ восточной церкви.

Мы дозволяемъ себѣ подвергать критическому анализу болѣе вопросовъ, (to be questioned), чѣмъ вы, и сверхъ того, если встрѣчается между нами какое либо разномысліе, то мы открыто объявляемъ оное, и стараемся вывести его на свѣтъ, вмѣсто того, чтобы пытаться скрывать оное. Тѣмъ не менѣе между нами есть существенное единство, хотя мы и даемъ полную свободу разногласіямъ, проистекающимъ отъ разности темпераментовъ, характеровъ и воспитанія.

Вы спрашиваете: всѣ ли члены учрежденной церкви захотятъ согласиться со мною и каноникомъ Лиддономъ?

Отвѣчаю на это: *да* и *нѣтъ*. Въ одномъ смыслѣ каноникъ Лиддонъ и я не согласны; есть пункты разномыслія между имъ и мною, точно также какъ есть пункты разномыслія между мною и деканомъ Хаусономъ и имъ самимъ. Но эти разномыслія не касаются существеннаго. Они не касаются догматическихъ опредѣленій нашего „молитвенника“. Есть существенное и глубоко укоренившееся въ средѣ насъ единство, хотя мы и пользуемся свободою разномыслія другъ отъ друга въ менѣе существенномъ. Въ необходимомъ члены оной всегда согласны,—въ сомнительномъ они свободны разномыслить другъ отъ друга.

Но вы не должны забывать и того, что во всѣхъ большихъ человѣческихъ обществахъ, въ которыхъ дозволена свобода мысли и слова, всегда найдутся лица, впадающія въ излишество, и, быть можетъ, дѣлающія тѣмъ болѣе шуму, чѣмъ менѣе ихъ численность. Вотъ почему вы встрѣтите въ Англиканской церкви нѣсколько ритуалистовъ, нѣсколько пуританъ, нѣсколько вольнодумцевъ (Latitudinarians), которые внѣ согласія съ великимъ обществомъ церковниковъ (churchmen) послѣдователей Англиканскаго вѣроисповѣданія, а разномыслятъ съ ними въ вопросахъ, по всей справедливости, существенныхъ. Но безпристрастный судъ не смѣшаетъ этихъ личностей съ главнымъ обществомъ церковниковъ-англиканъ, хотя безъ всякаго сомнѣнія, для народа и затруднительно издали различать и оцѣнивать ихъ по дѣйствительному достоинству, которое очень не велико.

Вы говорите объ епископѣ Коленсо. Онъ былъ низложенъ и отлученъ и англиканская церковь ни коимъ образомъ не отвѣчаетъ теперь за его иновѣріе (*heterodoxy*). М.,—по моему мнѣнію, удаленъ отъ служенія церкви, и въ дѣйствительности, самъ отлучилъ себя отъ оной, впрочемъ я не знакомъ съ нимъ, и не слишкомъ много знакомъ съ его исторіею. Безъ сомнѣнія, вась должна смущать подобная личность, какъ N.—Онъ такъ сказать „enfant gate“ англиканской церкви. Вы знаете, что въ обществѣ иногда дозволяютъ дѣлать какому либо изъ членовъ странности, а народъ только смѣется и говоритъ; что это такая его манера. Точно также и Г.—въ церковныхъ вопросахъ. Онъ постоянно что либо говорить или дѣлаетъ оскорбительное для чувствъ англиканскихъ церковниковъ, но въ немъ столько геніальности, мягкосердечія, и безкорыстія, что мы прощаемъ ему, и говоримъ:—Это только его.—Я не говорю, что это справедливо, но часто въ каждомъ обществѣ встрѣчаются подобныя эксцентричныя особы, и ихъ не должно принимать за образцы этого общества.

Вы спрашиваете о дѣйствіи *дисстаблшмента* (выхода изъ нѣдръ господствующей церкви). Я не сомнѣваюсь, что оно будетъ сдѣдующее. Каждая изъ очень крайнихъ, вышеупомянутыхъ партій, будетъ всевозможно стараться въ національномъ снудѣ о поддержаніи самой себя. Каждая изъ нихъ встрѣтитъ неудачу, и очень можетъ быть, что они со временемъ образуютъ свою собственную маленькую секту, и при имѣющей послѣдовать несостоятельности оной, они будутъ поглощены—одна часть римскою церковію,—другая протестантскими диссентерами, а третья—скептиками. Между тѣмъ, церковь, продолжая свое существованіе, будетъ такъ ослаблена ихъ потерею и потерпитъ отъ этого такія затрудненія въ другихъ отношеніяхъ, что утратитъ половину своей дѣйствительности. Если и можетъ выдти что либо хорошее изъ *дисстаблшмента*, то будетъ очень ничтожно сравнительно съ громаднымъ зломъ, которымъ онъ будетъ сопровождаться.

Надѣюсь—вы получили мою рѣчь, сказанную въ Линкольнѣ о Боннской конференціи, и я надѣюсь въ скоромъ времени прислать вамъ подобную же проповѣдь, произнесенную Д-мъ Перри въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, вмѣстѣ съ моею проповѣдью, произнесенною въ прошлое воскресенье, въ Оксфордѣ, въ собраніи членовъ университета.

Посланіе Д-ра Деллингера къ Мюнхенскому Архіепископу *).

Ваше преосвященство двумя посланіями просили меня изъяснить мое положеніе относительно римскихъ декретовъ отъ 18 іюля 1870 г., обнародованныхъ вами.

Въ кругу Вашего соборнаго капитула ходитъ слухъ, что Вы намѣрены дѣйствовать противъ меня такими понудительными мѣрами, которыя употреблются только противъ священниковъ, виновныхъ въ грубыхъ нравственныхъ преступленіяхъ, и даже рѣдко противъ нихъ; такъ будетъ поступлено со мною, если я, въ извѣстный періодъ времени, не признаю двухъ новыхъ членовъ вѣры, касательно вселенскаго господства (Allgemalt) и непогрѣшимости папы.

Въ то же самое время, я слышу, что въ скоромъ времени долженъ собраться въ Фульдѣ соборъ (митингъ) германскихъ епископовъ.

Въ 1848 г., когда въ Вюрцбургѣ собирався митингъ всѣхъ германскихъ епископовъ, честь приглашенія была оказана и мнѣ, и я принималъ участіе въ его засѣданіяхъ. Ваше преосвященство, быть можетъ, благоволите устроить дѣло такъ, чтобы я былъ приглашенъ на предстоящій митингъ, на этотъ разъ не для того, чтобы принимать участіе въ его засѣданіяхъ, но чтобы, хотя на нѣсколько часовъ, имѣть на немъ аудіенцію.

Я готовлюсь доказать предъ этимъ митингомъ слѣдующія положенія, которыя имѣютъ неоспоримую важность для настоящаго положенія германской церкви, равно какъ и моего личнаго.

Во-первыхъ, новые члены вѣры основаны на текстахъ Священнаго Писанія, Св. Матѣ. XVI. 18 и Св. Іоанна XXI. 17, и касательно непогрѣшимости—на текстѣ Св. Луки, XXII. 32, опираясь на которые, въ библейскомъ отношеніи, они должны устоять или пасть. Но мы обязаны торжественною клятвою, которую я самъ далъ дважды, принимать и изъяснять Священное Писаніе не иначе, какъ по единодушному согласію отцевъ. Отцы церкви

*) Въ одной изъ книжекъ „Чтеній“ было помѣщено краткое извлеченіе изъ посланія д-ра Деллингера мюнхенскому архіепископу. Приводимъ вполнѣ со словъ англійской газеты *Church Revieff*.

всѣ, безъ исключенія, изъясняли означенные тексты въ совершенно противномъ смыслѣ новымъ декретамъ и особенно въ текстѣ св. Луки ни малѣйшимъ образомъ не находили основанія для непогрѣшимости, приписываемой папѣ. Посему, если бы я принялъ съ декретами это изъясненіе, то совершилъ бы грѣхъ клятвопреступленія. Но я, какъ уже сказалъ, готовъ доказать это предъ епископами на соборѣ.

Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ епископскихъ посланіяхъ и нотахъ, явившихся недавно, приводятся доказательства, или же стараются подтвердить историческимъ путемъ, будто въ новый догматъ, теперь исходящій изъ Рима, касательно вселенской власти папы надъ каждымъ отдѣльнымъ христіаниномъ и касательно папской непогрѣшимости въ рѣшеніяхъ церкви по вопросамъ вѣры, съ самаго начала, во всѣ времена, повсемѣстно или почти вездѣ вѣровали и проповѣдывали оный. Я готовъ доказать, что эти доказательства основаны на совершенномъ непониманіи преданій церкви въ первое тысячелѣтіе оной, и на совершенно ложномъ толкованіи церковной исторіи. Они прямо противорѣчатъ самымъ яснымъ историческимъ фактамъ и свидѣтельствамъ.

Въ-третьихъ, я готовъ доказать, что епископы латинскихъ странъ—Испаніи, Италіи, Южной Америки, Франціи, составлявшіе значительное большинство въ Римѣ, были увлечены въ заблужденіе съ своимъ духовенствомъ классическими учебниками, изъ которыхъ почерпали свои идеи во время семинарскаго образованія, такъ какъ доказательства, приводимыя въ этихъ учебникахъ, болѣею частію ложны, вымышлены или извращены. Я докажу это, во-первыхъ, двумя главными, и вообще принятыми твореніями въ новѣйшихъ богословскихъ школахъ и семинаріяхъ, именно: “*Нравственною философіею св. Альфонса Лигори* (особенно касательно содержащагося въ ней трактата о папѣ), и *Богословіею іезуита Керрони*; далѣе, твореніями архіепископа Кордони и епископа Гиларди, которыя раздавались въ Римѣ во время собора, и, наконецъ, богословіею вѣнскаго ученаго Шветца.

Въ-четвертыхъ, я ссылаюсь на тотъ фактъ, который готовъ доказать публично, что два ватиканскихъ собора и нѣсколько папъ уже въ пятнадцатомъ столѣтіи рѣшили торжественными декретами, состоявшимися на соборахъ и неоднократно подтверждаемыми отъ папъ, вопросъ о границахъ папской власти и его непогрѣши-

мости, и что декреты 18 июня 1870 г. находятся въ самомъ поразительномъ противорѣчїи съ означенными рѣшенїями, и потому по всей вѣроятности не могутъ считаться обязательными.

Въ-пятыхъ, я думаю, что могу доказать, что новые декреты совершенно несовмѣстны съ устройствомъ европейскихъ государствъ, и въ частности Баварскаго, и что я нахожу невозможнымъ для себя, давшаго присягу этой конституціи, при недавнемъ моемъ поступленїи въ палату государственныхъ совѣтниковъ, принять новые декреты, и, какъ необходимое слѣдствїе оныхъ, Буллы и Упашъ Санкташъ и Сумъ ехъ Апостолатусъ officio, Силлабусъ Пїя IX, съ многими другими папскими заявленїями и постановленїями, которыя принимаются теперь за непогрѣшимыя, и вмѣстѣ съ тѣмъ находятся въ непримиримомъ противорѣчїи съ государственными законами. Я ссылаюсь по поводу этого на мнѣніе, высказанное юридическимъ факультетомъ въ Мюнхенѣ, и готовъ отдаться въ этомъ на рѣшенїе всякаго германскаго юридическаго факультета, какой только будетъ угодно назначить для сего вашему преосвященству.

Я только прошу о двухъ условїяхъ для переговоровъ, предложенныхъ мною, или, лучше, желаемыхъ; первое, чтобы мои доводы, вмѣстѣ съ возраженїями противниковъ, были записаны въ протоколъ съ цѣлю будущаго ихъ обнародованїя; второе, чтобы мнѣ было предоставлено избрать лице съ научнымъ образованїемъ, которому было бы позволено присутствовать на конференціи.

Если это невозможно предъ германскими епископами въ Фульдѣ, то я почтительнѣйше осмѣливаюсь предложить другую просьбу, не будетъ ли благоугодно вашему преосвященству образовать изъ членовъ вашего каедральнаго капитула комитетъ, предъ которымъ я могъ бы защищать свое дѣло вышеупомянутымъ образомъ. Нѣкоторые изъ этихъ достопочтенныхъ докторовъ были прежде профессорами богословїя, и въ то же самое время моими прежними учениками. Я могу надѣяться, что для нихъ будетъ гораздо прїятнѣе разсуждать со мною на основанїи логическихъ доказательствъ, опровергать меня, если возможно, путемъ умозаключенїй и фактовъ, чѣмъ на судейскомъ креслѣ предписывать противъ меня обвинительные приговоры и подвергать меня громовымъ ударами вашего преосвященства, какъ носятя о томъ слухи.

Если вапе преосвященство согласитесь предсѣдательствовать

на этой конференціи, и соизволите исправить какую-либо ошибку, въ какую я могъ бы впасть въ цитатахъ и изъясненіи свидѣтельствъ и фактовъ, то почту это великою для себя честію, и отъ этого можетъ только выиграть дѣло истины. Но когда вы рисуете предъ моими глазами картину вашего пастырскаго могущества, я все-таки надѣюсь, что вы первоначально предпочтете употребить противъ меня самый утонченный, благородный, благосклонный и христіанскій атрибутъ этого могущества, именно обязанность наставника.

Если бы меня достаточно убѣдили свидѣтельства и факты, то я обязываюсь отказаться публично отъ всего, что писалъ по этому вопросу, и признать себя побѣжденнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ результаты должны быть весьма благотворны для церкви и для успокоенія умовъ, потому что это касается не меня только одного; тысячи духовенства, сотни тысячъ мірянъ, думаютъ точно такъ же, какъ я, и находятъ невозможнымъ принять новые члены вѣры.

Даже до сего дня ни одинъ, даже изъ подписавшихъ декларацию, не сказалъ мнѣ, что онъ дѣйствительно убѣжденъ въ истинѣ этихъ тезисовъ. Всѣ мои друзья и знакомые подтверждаютъ меня въ этомъ мнѣніи; *никто не трусетъ въ это* — вотъ что ежедневно я слышу отъ всѣхъ. Предполагаемая мною конференція и обнародованіе засѣданій оной во всякомъ случаѣ дали бы тѣ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, которыхъ такъ многіе желаютъ.

Быть можетъ, ваше преосвященство укажете мнѣ на свое архіепископское посланіе, недавно изданное вами, какъ на источникъ, изъ котораго я могу почерпнуть достаточныя свѣдѣнія и по которому могу исправлять мои мнѣнія; но я долженъ сознаться, что оно имѣло на меня совершенно противоположное дѣйствіе, и я готовъ доказать, что въ немъ находится длинный перечень ложно понятыхъ, извращенныхъ, искаженныхъ или вымышленныхъ свидѣтельствъ, которыя, при намѣренномъ умолчаніи о важнѣйшихъ фактахъ и церковныхъ событіяхъ, рисуютъ самую невѣрную картину истиннаго преданія.

Конечно, то лице, которому ваше преосвященство препоручили этотъ трудъ, не самъ выдумалъ эти подлоги, но простодушно заимствовалъ ихъ изъ другихъ, какъ наприм. изъ сочиненія Кордони; но еслибы онъ имѣлъ намѣреніе защищать свое твореніе

на предполагаемой конференціи, то я охотно готовъ доказать мои положенія въ нѣсколько часовъ, и еслибы не успѣлъ въ этомъ, то готовъ составить для оныхъ публичную апологію. Я прошу только одного условія въ виду важности предмета, именно прошу правительство позволить присутствовать на конференціи одному изъ государственныхъ лицъ, свѣдущему въ историческихъ и церковныхъ наукахъ. Такъ какъ это дѣло величайшей важности для всѣхъ вообще правительствъ, то можно надѣяться, что въ этой просьбѣ не будетъ отказа.

Нѣтъ недостатка въ примѣрахъ изъ прошедшей исторіи церкви, которые показываютъ, что мое предложеніе согласно съ правилами, равно какъ и съ практикою церкви. Въ 411 году, была составлена конференція изъ 286 католическихъ и 279 епископовъ донатистовъ, которая, подъ предсѣдательствомъ императорскаго чиновника, Марцеллина, имѣла три засѣданія, и спорный вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу католическихъ епископовъ, въ 1433 г. богемскіе каликстины (Calixtines) явились на Базельскій соборъ, и декретъ, изданный тому назадъ 18 лѣтъ соборомъ Константинопольскимъ касательно приобщенія подъ однимъ видомъ, былъ теперь подвергнутъ новому разсмотрѣнію и изслѣдованію, вслѣдствіе чего была сдѣлана уступка (признанная и папскою каедрю), имѣвшая величайшую важность для богемцевъ и слишкомъ разнствовавшая отъ прежняго декрета. Еще болѣе сходства съ сдѣланнымъ мною предложеніемъ можно найдти въ конференціи, столь извѣстной въ французской исторіи, между епископомъ Дю Перронъ и протестантомъ, государственнымъ лицомъ и ученымъ, Дю-Плеси Морни, бывшій въ 1600 году въ Фонтенебло, подъ предсѣдательствомъ короля Генриха IV. Вопросъ былъ поднятъ о томъ, что Морни извратилъ и неправильно приводилъ значительное число авторитетныхъ свидѣтельствъ въ своей книгѣ на Евхаристію. Предсѣдательствовалъ самъ Генрихъ, а въ качествѣ свидѣтелей здѣсь находились самые видные люди той и другой церкви. Хотя конференція и окончилась чрезъ нѣсколько дней, по болѣзни послѣдняго, и послѣ того какъ было тщательно изслѣдовано и провѣрено нѣсколько цитатовъ Мори, тѣмъ не менѣе она произвела значительно благоприятное дѣйствіе для католическаго дѣла въ возбужденныхъ умахъ этого періода.

Достопочтеннѣйшій архіепископъ, я вполне предоставляю ва-

шему выбору дать ту или другую форму конференціи, столь мною желаемой, и назначить оппонентовъ мнѣ, какихъ пожелаете; въ вашей епархіи вѣроятно нѣтъ недостатка въ опытныхъ богословахъ, которые охотно воспользуются вашимъ приглашеніемъ.

Церковная практика показываетъ, что всякій вопросъ вѣры есть сколько дѣло духовенства, столько же и мірянъ, и что послѣдніе могутъ принимать участіе въ ученомъ изслѣдованіи и опредѣленіи преданій—это фактически призвано какъ папами, такъ и богословами. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣло идетъ объ историческихъ доказательствахъ, я охотно готовъ подчиниться приговору знаменитѣйшихъ историковъ германской націи и католической вѣры. Подобные историки, какъ Фикеръ, Рьюмонъ, Геелеръ, Арнетъ, Кампштуль, Корнелій, Лоренцъ, Вегель, Ашбахъ, могутъ судить, справедливы или нѣтъ мои доказательства съ критической и исторической точки зрѣнія.

Вашему Преосвященству было угодно нѣкогда отозваться одобрительно о моей книгѣ „*Первыя времена апостольской церкви*“; въ средѣ германскихъ католиковъ она вообще считалась вѣрнымъ изображеніемъ времени основанія церкви, даже іезуито-ультрамонтанская партія пропустила ее безъ критики. Но если новые декреты истинны, то, въ такомъ случаѣ, я могу подвергнуться порицанію, что ложно представилъ исторію Апостольскую, что весь отдѣлъ моей книги, касающійся устройства первенствующей церкви, мое описаніе отношеній, въ которыхъ Павелъ и другіе апостолы стояли къ Петру, существенно ошибочны, и я долженъ осудить мою собственную книгу, и сознаться, что не понялъ ни Дѣяній Апостольскихъ св. Луки, ни ихъ посланій.

Декретъ такъ тщательно обдумавъ, что для епископовъ не остается другаго положенія и власти, кромѣ названія папскихъ повѣренныхъ и уполномоченныхъ. И такимъ образомъ, какъ въ томъ сознается каждый знакомый съ церковною исторіею и отцами, существенно подрывается епископство первенствующей церкви, и апостольское учрежденіе, которому, по суду отцевъ, принадлежитъ величайшая важность, и высшій церковный авторитетъ остается только ничтожнымъ призракомъ.

Никто не признаетъ возможнымъ, чтобы въ одной и той же епархіи могли существовать два епископа, изъ которыхъ одинъ есть въ то же самое время папа, а другой—просто епископъ, и

мы думаемъ, что папскій викарій или епархіальный уполномоченный, не есть епископъ, или преемникъ апостольскій; онъ можетъ быть очень силенъ по власти, даруемой ему изъ Рима, доколь позволяетъ ему господствовать его начальникъ, точно также какъ іезуитъ, или нищенствующій монахъ, получившій отъ папы множество привилегій, владѣеть великою силою; и я хорошо знаю, что они держались такихъ размѣровъ власти относительно римскихъ епископовъ, что имъ безпрестанно повторялось: *чѣмъ непобдимѣе папа, тѣмъ сильнѣе будете вы, потому что лучи обилія его власти падутъ также и на васъ*. Меньшинство епископовъ хорошо понимали обманъ этихъ общаній: они ясно видѣли, какъ то показываетъ Analytical Synopsis, что лишь только признается вселенское епископство папы, они должны будутъ остаться только сановниками церкви, но не истинными епископами. Вы сами, достопочтенный отецъ, принимали участіе въ депутаціи, сдѣлавшей такія сильныя возраженія и заявленіе папѣ, 5 іюля, 1870 г., вы знаете, что эти представленія были безплодны. Единственное утѣшеніе, доставленное сѣтующимъ епископамъ о потерѣ ихъ церковнаго достоинства, ограничилось заявленіемъ въ декретѣ, что епископская власть есть „обыкновенная“ (ordinary one) т. е. potestas ordinaria subdeligata—какъ обыкновенно называютъ ее римскіе канонисты, и что папа считаетъ своею обязанностию поддерживать ихъ; въ подтвержденіе этого приводилось искаженное изреченіе Григорія Великаго, такое мѣсто, которое, приведенное вполнѣ, конечно могло бы доказать всему міру, что этотъ папа седьмого столѣтія съ величайшимъ ужасомъ отвергалъ отъ себя подобное вселенское епископство, считая оное богохульнымъ злоупотребленіемъ.

Прежде, и въ продолженіи собора, не было также недостатка въ просьбахъ, представленіяхъ и предостереженіяхъ. Вы сами, достопочтеннѣйшій отецъ, участвовали въ оныхъ вышею собственноручною подписью. Епископы меньшинства заявили въ адресѣ къ папѣ, отъ 12 генваря, за вашей личною подписью, что *заявленія и акты отцевъ церкви, истинные документы исторіи, самая католическая система воспитанія — представляютъ самую серьезнѣя затрудненія для провозглашенія ученія о непогрѣшимости* — они страшались даже, по ихъ собственнымъ словамъ, рассматри-

вать эти затрудненія и молили папу освободить ихъ отъ необходимости подобнаго труда. т. е. оставить свою непогрѣшимость. Но когда папа настаивалъ на томъ, что соборъ долженъ заниматься этимъ вопросомъ, германскіе епископы требовали отъ 11 марта отдѣльныхъ конференцій по вопросу о непогрѣшимости, которыя должны были составлять избранные депутаты съ обѣихъ сторонъ. Въ этомъ имъ было отказано, и они должны были довольствоваться рѣчами въ ватиканѣ, въ которомъ всякое правильное разсмотрѣніе вопроса было совершенною невозможностію.

Относительно вопіющей необходимости подобнахъ конференцій, я приведу здѣсь только одинъ примѣръ. Значительное число итальянскихъ епископовъ, въ извѣстномъ адресѣ, требовало, чтобы папская непогрѣшимость была возведена на степень догмата вѣры, такъ какъ два лица, оба итальянцы, и оба гордость своего народа, Тома Аквинасъ и Альфонсъ Лигори, эти блестящіе свѣтила церкви, проповѣдывали оный. Теперь это хорошо извѣстно, и доказано какъ мною, такъ и Гратри, что Тома былъ вовлеченъ въ заблужденіе длиннымъ рядомъ вымышленныхъ свидѣтельствъ, такъ какъ въ дѣйствительности онъ основываетъ свое ученіе въ этомъ случаѣ почти исключительно на означенныхъ подложныхъ доказательствахъ и нигдѣ не основываетъ оное на подлинныхъ мѣстахъ отцевъ соборовъ. Что же касается до Лигори, то одинъ взглядъ на его сочиненія достаточно убѣждаетъ каждаго опытнаго богослова, что его обращеніе съ подложными мѣстами еще хуже, чѣмъ у Тома. Сдѣланное мною изобличеніе обмана, которому поддался послѣдній, произвело сильное впечатлѣніе въ Римѣ. Авторъ брошюры, изданной тогда и направленной противъ меня, говорить, что по этому вопросу возбудились сильныя споры. Посему необходимо слѣдовало бы разсмотрѣть этотъ вопросъ подробнѣе. Дѣйствительно, такое изслѣдованіе, тщательно и всесторонне начатое, могло бы повести очень далеко; тогда могло бы открыться, что теорія папской непогрѣшимости была введена въ церковь единственно на основаніи многочисленныхъ вымышленныхъ и подложныхъ свидѣтельствъ, и затѣмъ была распространяема и поддерживаема силою, намѣреннымъ умолчаніемъ о древнемъ ученіи, и многочисленными способами и хитростями, находящимися въ распоряженіи правительствующей власти.

Всѣ старанія, представленія и прошенія были тогда безплодны,

ни въ чемъ не было уступлено, и однако примѣръ такъ часто упоминаемаго собора флорентійскаго былъ передъ ихъ глазами, когда заявленія грековъ, что имъ предлагаютъ ложныя мѣста отцовъ, повели къ изслѣдованіямъ, которыя продолжались нѣсколько мѣсяцевъ, и производились весьма тщательно. Вашему Преосвященству заподлинно извѣстно, что отъ каждаго истиннаго Вселенскаго собора неизмѣнно требовалось самое внимательное и зрѣлое обсужденіе преданія, прежде чѣмъ имъ издавались догматическія рѣшенія. Какой огромный контрастъ въ этомъ отношеніи между соборомъ Триентскимъ, и соборомъ, собравшимся въ Римѣ въ 1870 году! Конечно, трактатъ архіепископа Кордони, принятый сразу предварительнымъ комитетомъ, и который долженъ былъ потомъ подвергнуться разсмотрѣнію собравшихся епископовъ, не могъ бы выдержать критики даже ни на одинъ часъ.

Во всей церковной исторіи я знаю только одинъ Вселенскій соборъ, на которомъ, какъ на семь послѣднемъ, люди, имѣющіе власть, устранили рѣшительно всякій вопросъ о преданіи, и это былъ второй Ефесскій соборъ въ 449 году; здѣсь, на такъ-называемомъ Разбойничьемъ соборѣ, достигли этого силою и тираниею. На ватиканскомъ соборѣ, порядокъ дѣлопроизводства, предписанный собранію, папскій комитетъ и воля большинства не допустили ни малѣйшаго правильнаго и критическаго изслѣдованія преданія. Такое изслѣдованіе, конечно, могло бы обнаружить много незаконнаго и непріятнаго, но оно предохранило бы церковь отъ того плачевнаго состоянія, которое должно казаться вамъ самымъ достойнымъ сожалѣнія. Если же, несмотря на это, вы утверждаете, что ватиканскій соборъ былъ совершенно свободенъ, то принимаете слово *свободный* въ такомъ смыслѣ, который ни мало не придается ему въ кругу наукъ богословскихъ.

Соборъ тогда только свободенъ съ богословской точки зрѣнія, когда на немъ имѣло мѣсто свободное изслѣдованіе и обсужденіе всѣхъ возраженій и затрудненій, когда были допущены противныя мнѣнія, и все было провѣрено согласно съ правилами, удостоверяющими преданіе. Что въ этомъ отношеніи не было сдѣлано самаго скромнаго начала, что огромное большинство епископовъ изъ латинскихъ странъ дѣйствительно нуждалось или въ желаніи, или въ способности отличать истину отъ лжи, справедливость отъ заблужденія, это доказывается брошюрами, появив-

шимися въ Италіи и раздаваемыми въ Римѣ, какъ напр. брошюрами доминиканскаго епископа Мондора, Гиларди, и далѣе тѣмъ фактомъ, что сотни этихъ епископовъ, не краснѣя, могли положить въ этомъ дѣлѣ на неприкосновенный авторитетъ Альфонса Лигори.

Хорошо извѣстно, что іезуиты, составивши планъ возвести въ церкви и государствѣ, въ воспитаніи и администраціи, папскій абсолютизмъ на степень догмата, придумали такъ называемую *Sacrificio dell'intelletto* (жертву ума), и увѣрили своихъ приверженцевъ и учениковъ, кромѣ того, многихъ даже епископовъ, что высшее и прекраснѣйшее благоговѣніе къ Всемогущему, благороднѣйшій христіанскій героизмъ, состоятъ именно въ томъ, чтобы человекъ, отказавшись отъ духовнаго совѣта своего разумнѣя, съ слѣпою вѣрою бросился въ объятія непогрѣшимаго папства, какъ единственный вѣрный источникъ религіознаго значенія.

И этотъ религіозный орденъ, конечно, имѣлъ значительный успѣхъ, возвышая въ глазахъ большинства умственную неподвижность на степень достоинства религіозной жертвы, полной заслугъ, и побуждая къ оной такихъ людей, образованіе которыхъ давало имъ полную возможность дѣйствовать на пути историческихъ изслѣдованій. На сколько мы можемъ судить по епископскимъ посланіямъ, германскіе епископы доселѣ еще не поддались этому искушенію. Они доселѣ еще оставляютъ права за человѣческимъ знаніемъ, изысканіемъ, изслѣдованіемъ, и даютъ имъ должную сферу дѣятельности. Вы сами обращаетесь къ исторіи, какъ то видно изъ посланія, явившагося подъ вашимъ яменемъ.

Въ епископскомъ посланіи, только что полученномъ мною, епископъ Лотарь фонъ Кюбель въ Фрейбургѣ на 9 стр. говоритъ:— *получаетъ ли папа новыя откровенія? Можетъ ли онъ создавать новые члены вѣры? Конечно нѣтъ. Онъ можетъ только объявлять, что ученіе содержится въ Св. Писаніи и преданіи, посему открыто Богомъ, и должно быть принимаемо съ всеобщю вѣрою.* Я не сомнѣваюсь, что ваше преосвященство и всѣ другіе германскіе епископы вполне согласны съ этими словами. Но вопросъ въ такомъ случаѣ, при настоящемъ бурномъ состояніи церкви, чисто исторической, который должно рассмотреть и рѣшить сообразно съ средствами, находящимися въ нашемъ распоряженіи,

и правилами, приспособленными къ каждому историческому изслѣдованію прошедшихъ фактовъ, т. е. такихъ, которые принадлежатъ исторіи. Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ особенныхъ или тайныхъ источниковъ, которыми имѣютъ право и власть пользоваться одни папы. Какъ папа, такъ и епископы, въ этомъ дѣлѣ необходимо должны стать (если только можно употребить подобное выраженіе) подъ одинъ общій законъ, т. е. если ихъ рѣшенія должны быть основательны, то пусть они усвоятъ себѣ тѣ приемы, и начнутъ съ такого изслѣдованія свидѣтельствъ при должномъ разсмотрѣніи и критическихъ доказательствахъ очевидности, которое, по мнѣнію всѣхъ людей, извѣстныхъ своею спеціальностію въ историческихъ наукахъ, одно только можетъ дать намъ истину и достовѣрность. Итакъ существуютъ и остаются доселѣ два вопроса, на которые должно дать отвѣты согласно съ вышеуказаннымъ изслѣдованіемъ. Во-первыхъ, справедливо ли, что изреченія Господа Иисуса относительно Петра съ самаго начала, во всѣ вѣка, въ цѣлой церкви принимались въ томъ смыслѣ, который даютъ имъ въ настоящее время, именно, что въ нихъ содержится основаніе для непогрѣшимости и безграничной вселенской власти, приписываемой папамъ? Во-вторыхъ, справедливо ли, что церковное преданіе всѣхъ временъ въ писаніяхъ отеческихъ, и историческіе факты, доказываютъ всеобщность признанія этого двоякаго права?

Если на означенные вопросы должно отвѣчать отрицательно, то не позволительно указывать (какъ то дѣлаютъ епископъ фонъ Кюбель и другіе) на помощь Св. Духа, какъ бы обѣщанную папѣ, и на повиновеніе вѣры, должное ему въ этомъ случаѣ, потому что наше изслѣдованіе, сдѣланное на основаніи историческихъ данныхъ, справедливо, хотя бы ему и была обѣщана эта помощь. И гдѣ это было сдѣлано? По всей вѣроятности не на соборѣ, потому что, какъ видно изъ главнаго трактата Кордони, на немъ не избѣгали даже подлоговъ, и совершенно исказили и извратили преданіе, съ умолчаніемъ о самыхъ замѣтныхъ фактахъ и важнѣйшихъ свидѣтельствахъ. Это-то именно я готовъ доказывать.

И здѣсь я прошу ваше преосвященство обратить вниманіе на то, что ученіе, которое мы готовимся теперь принять, по самому своему существу, по заявленію самого папы, по признанію всѣхъ

поборниковъ непогрѣшимости, составляетъ существенный членъ вѣры, правило вѣры (*regula fidei*), которое должно рѣшить, во что вѣровать и во что не вѣровать. Въ будущемъ, каждый католическій христіанинъ на вопросъ: почему онъ вѣруетъ въ то или другое, можетъ отвѣчать только слѣдующее: *Я вѣрую или отвергаю это, потому что непогрѣшимый папа приказалъ мнѣ такъ вѣровать или отрицать*, и это главное правило вѣры никогда не можетъ быть заподозрѣно въ церкви — оно должно во всякое время, и среди всякаго народа, руководить всею церковію, подобно блестящему свѣтилу, и стоять въ главѣ всякаго образованія, и мы всѣ ждемъ объясненія, какъ понимать то, что *только по прошествіи 1830 лѣтъ* церковь возымѣла мысль составить членъ вѣры изъ такого ученія, которое папа, въ письмѣ къ вашему преосвященству, отъ 28 октября, называетъ *самымъ существеннымъ правиломъ католической вѣры и ученія*? Какъ могло стать, что папы въ теченіе многихъ столѣтій освобождали всѣ страны, всѣ богословскія школы отъ вѣрованія въ этотъ существенный членъ вѣры? И могу ли прибавить, какъ объяснить то, что вы сами, ваше преосвященство, такъ долго и настойчиво противились обнародованію этого догмата? Потому что было не благовременно, отвѣчаете вы. Но можетъ ли быть когда либо неблаговременнымъ давать вѣрующимъ ключи отъ всего храма вѣры, возвѣщать имъ существенный членъ, на которомъ основываются всѣ прочіе. Всѣ мы въ головкруженіи стоимъ предъ тою бездною, которая открылась предъ нами 18 іюня прошлаго года.

Тотъ, кто желаетъ измѣрить огромную важность послѣдствій декретовъ, необходимо долженъ сравнить третью главу соборныхъ декретовъ съ четвертою и представить себѣ, какая здѣсь открывается система вселенскаго господства и духовнаго деспотизма. Это полномочіе надъ всею церковію, равно какъ надъ каждымъ отдѣльнымъ членомъ, котораго постоянно домогались папы со времени Григорія VII, которое провозглашено въ многочисленныхъ буллахъ, начиная съ буллы *Unam Sanctam*, которое потому долженъ принимать съ вѣрою и признавать во время своей жизни каждый католикъ. Это могущество безграничное и неизмѣримое, оно можетъ, какъ сказалъ Иннокентій III, поражать повсюду грѣхи, можетъ наказывать cadaго человѣка, не допускаетъ никакихъ возраженій, есть преобладающее и непо-

средственное, потому что, по словамъ Бонифація VIII, *papa committit omnia iura in seipsum*. Такъ какъ онъ сдѣлался теперь непогрѣшимымъ, то онъ можетъ въ одно мгновеніе, однимъ краткимъ словомъ: *ergo* (т. е. показывая, что онъ обращается ко всей церкви) превращать каждый тезисъ, каждое ученіе, каждый вопросъ въ безошибочный и неопровержимый членъ вѣры.

Предъ лицомъ его теперь уничтожаются всѣ права, всякая личная и общественная свобода, или, какъ говорятъ канонисты, судилище Бога и папы—одно и то же. Эта система чисто римскаго происхожденія, и ей никогда не проникнуть въ германскія страны. Какъ христіанинъ, какъ богословъ, какъ историкъ, какъ гражданинъ, я не могу принять это ученіе. Какъ христіанинъ, потому что оно непримиримо съ духомъ Евангелія, и съ самимъ словомъ Христа и апостоловъ: оно стремится къ власти надъ міромъ, которую отвергалъ Христосъ, къ господству надъ всѣми общинами, которое Петръ возбранилъ всѣмъ и самому себѣ; какъ богословъ, такъ какъ все чистое церковное преданіе совершенно несовмѣстно съ нимъ; какъ историкъ, я не могу признать это ученіе, такъ какъ знаю, что настойчивое стремленіе осуществить эту теорію всемірнаго господства стоило Европѣ потоковъ крови, опустошенія и уничтоженія всѣхъ земель, разрушенія прекрасныхъ церквей старой постройки, и кромѣ того, оно породило, питало и поддерживало страшныя злоупотребленія въ церкви. Наконецъ, какъ гражданинъ, я долженъ уклоняться отъ этого ученія, такъ какъ оно коренится на безконечномъ пагубномъ раздорѣ государства и церкви, духовнаго и свѣтскаго сословія, чрезъ стремленіе къ подчиненію государствъ и монарховъ, и всего политическаго устройства подъ папскую власть, и чрезъ свое исключительное положеніе. Я не могу скрыть отъ себя, что это ученіе, результатомъ котораго было разрушеніе древняго германскаго царства, преобладая въ католической части германской націи, вноситъ съ собою сѣмя неминуемой гибели для новой, только что устроенной имперіи. Примите и пр.

(Подписано). Г. фонъ Деллингеръ. Мюнхень, марта 28, 1871.

Пастырское посланіе епископа Рейненса.

(Заимствовано изъ англійскаго журнала: Guardian № 1147, авг. 27 1873 г.).

Иосифъ Губертъ, Рейненсъ, католическій епископъ, духовенству и мірянамъ въ Германіи, пребывшимъ въ старо-католической вѣрѣ, посылаетъ привѣтствіе о Господѣ.

Болѣе 50,000 германскихъ католиковъ, для которыхъ истина доселѣ не оцѣнена и ничѣмъ не замѣнима, избрали меня своимъ епископомъ, какъ бы *не обычнымъ образомъ*, именно, чрезъ своихъ уполномоченныхъ, въ согласіи съ вѣрующими священниками; но этотъ, повидимому, новый образъ избранія, въ сущности, есть старый, только отмѣненный, апостольскій и истинно церковный образъ избранія; въ этомъ дѣлѣ, которое представляется намъ, возлюбленные о Господѣ, какъ бы новымъ, мы возвратились только къ первенствующему и законному образу. Въ продолженіе слишкомъ тысячи лѣтъ, какъ о томъ свидѣтельствуется св. Бернардъ Клервскій, даже въ двѣнадцатомъ столѣтіи, и даже *единственно* въ западной церкви, подобный образъ избранія въ епископы считается законнымъ съ церковной точки зрѣнія, — т. е. вполне согласнымъ съ преданіемъ апостольскимъ, заповѣданнымъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, такъ какъ оное было совершаемо *духовенствомъ и народомъ*. Несомнѣнно, что предъ этимъ временемъ уже были введены отступленія и нарушенія означеннаго апостольскаго преданія. Когда санъ епископскій сталъ болѣе и болѣе окружать себя внѣшнимъ достоинствомъ, свѣтскою властію и княжескою пышностію, когда послѣдующіе сыны (церкви) начали обнаруживать поползновеніе къ приобрѣтенію епископства за деньги, — тогда свѣтскія державы, въ числѣ которыхъ также вращался и римскій папа, сдѣлали оное предметомъ купли и продажи, тогда они насильственно отняли у конгрегацій, вѣрующихъ мірянъ и духовенства право голоса на избраніе, и стали постепенно злоупотреблять онымъ подъ различными предлогами; такъ наприм. римскій папа подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ исключительный намѣстникъ Божій на землѣ, тогда какъ, уже въ теченіе многихъ минувшихъ вѣковъ, разные епископы *въ совокупности* (сопротегively) именовали себя намѣстниками Божиими. Послѣ мно-

го-вѣковой борьбы, сопровождавшейся самыми тяжкими послѣдствіями для существеннаго народнаго благосостоянія и для самой христіанской религіи, результатомъ этого въ западной церкви оказалось полное нарушеніе свободы избранія въ епископы, и *чрезъ то самое нарушеніе апостольской законности епископовъ*. Католическіе государи назначаютъ извѣстное лице для рукоположенія въ епископы, и римскій папа утверждаетъ его; низшіе не-католическіе правители и извѣстные клирики, называемые канониками, пользуются привилегіею избранія въ епископы по взаимному согласію между папою и государями (которые, между прочимъ, никогда не вправѣ приходятъ къ такому взаимному согласію безъ согласія церкви), и здѣсь также папа окончательно утверждаетъ выборъ; въ странахъ языческихъ, и тамъ, гдѣ церковь и государство болѣе или менѣе разъединены между собою, назначеніе въ санъ епископа слѣдуетъ прямо изъ Рима. Такой образъ дѣйствій, достигаемый и обезпечиваемый злоупотребленіемъ и силою, считается нынѣ „*дѣйствительнымъ закономъ*“, хотя этотъ законъ, чисто человѣческаго изобрѣтенія, не имѣетъ ничего общаго съ апостольскими канонами для избранія въ санъ епископа.

И такъ, если бы среди насъ возстали изъ мертвыхъ великіе епископы древней церкви, — Кипріанъ, Иларій, Мартинъ, Амвросій, Августинъ или римскіе папы — Левъ I, Иннокентій I, Григорій I, то они, конечно, не признали бы законнымъ ни одного избранія во епископы римско-католической церкви изъ епископовъ, нынѣ живущихъ, ни даже самого епископа римскаго, потому что ни одно изъ нихъ не совершилось по неизмѣннымъ правиламъ Отцовъ. При своей жизни, они никогда не согласились бы принять въ свой соборъ, въ качествѣ *каволическаго*, такого епископа, который не былъ бы избранъ народомъ и духовенствомъ, потому что этотъ образъ избранія считался и цѣнился учрежденіемъ божественнымъ, а потому неизмѣннымъ, хотя, по причинѣ рукоположенія, они вѣроятно, не отказались бы почитать подобное лице истиннымъ епископомъ.

И уже съ шестаго вѣка стало обнаруживаться направленіе, ведущее къ ниспроверженію этого апостольскаго епископскаго устройства (*constitution*), дававшего доселѣ выраженіе единству народа съ духовенствомъ, или всей конгрегациі, въ свободно избранномъ епископѣ, — стало обнаруживаться въ чрезмѣрной роско-

ши извѣстныхъ римскихъ папъ, въ разныхъ выдумкахъ и ясныхъ подлогахъ (falsifications). Эта система, развивавшаяся пока незамѣтно, была сосредоточена въ девятомъ вѣкѣ Лже-Исидоромъ въ непримѣрный обманъ, именно въ такое время, когда историческія очи западнаго христіанства давно смежились, и затѣмъ въ Римѣ, не разъясненная и темная для народа эта система была облечена въ самую дерзкую форму папами Григоріемъ VIII, Иннокентіемъ III, Григоріемъ I и Бонифаціемъ VIII, побѣдоносно была защищаема преемственно слѣдовавшими другъ за другомъ папами посредствомъ ужасовъ инквизиціи, отлученій, запрещеній, и чрезъ явныя сдѣлки съ свѣтскими государями, посредствомъ, такъ называемыхъ, конкордатовъ, вопреки всѣмъ тенденціямъ гуманности и христіанскаго духа, — и наконецъ, посредствомъ изумительной дѣятельности болѣе чѣмъ 8000 иезуитовъ съ ихъ безчисленными сообщниками, — насильственно была навязана Піемъ IX, какъ мнимый догматъ Римской церкви и ея членовъ въ другихъ земляхъ, и выдана за Божіе Слово и откровеніе.

И такъ поелику римскій папа и служащіе ему какъ *своему владыкѣ*, епископы явно нарушили Богомъ учрежденное церковное устройство и, скажу болѣе, исказили Слово Божіе человѣческими прибавленіями, относясь съ презрѣніемъ къ священному писанію и преданію, и такимъ образомъ употребили свое церковное вліяніе и значеніе не къ созданію общества вѣрующихъ, а къ разрушенію его, то мы, основываясь на томъ, что всѣ эти епископы ни во что поставили наши горячія моленія, и даже грозили крайнимъ насиліемъ нашей совѣсти, — были наконецъ вынуждены возвратиться къ апостольской формѣ избранія въ епископы, дабы возстановить такое епископство, которое повинуетея болѣе Богу, нежели человѣку, и только въ одномъ Богѣ признаетъ *своего Владыку*.

Жребій епископства палъ на меня, хотя я и употребилъ всѣ позволительныя средства для уклоненія отъ онаго. Послѣ сильной внутренней борьбы, причиною которой служила не сущность дѣла, но просто и единственно сознаніе моего личнаго недостойнства и недостаточности по отношенію къ сему высокому и чрезмѣрно важному служенію, я принялъ избраніе, послѣ долгаго отказа, побѣжденный усиленнѣйшими просьбами двадцати священниковъ и пятидесяти шести уполномоченныхъ отъ конгрегацій. — И те-

перь, когда въ силу этого избранія и рукоположенія я вступаю въ епископское служеніе, то полагаюсь не только на довѣріе, столь искренно оказанное мнѣ тысячами истинно вѣрующихъ въ Германіи, но и на законность этого избранія въ первый разъ, послѣ столь долгаго перерыва, совершеннаго въ Германіи *народомъ и духовенствомъ*. — Я не назначенъ римскимъ папою, и не искалъ его санкцій (sanction) и не обязался передъ нимъ никакою присягою. Если бы въ сознаніи вѣрующихъ хранились въ полной силѣ каноническія правила, тогда, безъ сомнѣнія, мысль каждаго вѣрующаго приняла бы то же самое направленіе, именно, что апостольскій престолъ въ Римѣ въ настоящее время празденъ, такъ какъ папа, упорно пребывающій въ лжеученіи, долженъ считаться низложеннымъ безъ необходимости производить надъ нимъ съ этою цѣлю какой либо особенный судъ. Несомнѣнно, что Пій IX впалъ въ тяжкія заблужденія и возсталъ противъ католической церкви, такъ какъ 18 іюля 1870 г. присвоилъ себѣ церковное главенство (supremacy) въ обычномъ *вселенскомъ епископатѣ*, какъ нѣкоторое божественное право, чѣмъ самымъ нарушилъ апостольское устройство церкви, — и такимъ образомъ объявилъ, что его собственныя рѣшенія (ex cathedra) въ вопросахъ вѣры и нравственности суть неизмѣняемы сами по себѣ (ex sese), а не въ силу согласія церкви, или согласія съ церковію (non autem ex consensu ecclesiae), т. е. Матери церкви, такъ имъ презираемой. — Христосъ Господь нашъ и Спаситель, Женихъ церкви, никого не поставилъ ни на небѣ, ни на землѣ выше своей невѣсты. Онъ уполномочилъ церковь быть высшимъ судіею въ вопросахъ нравственности, и объявилъ, что всякій не слушающій ея суда долженъ быть *для насъ какъ язычникъ и мытарь* (Мат. XVIII, 15—17). Но Пій IX ставитъ свой судъ выше суда церкви и утверждаетъ, что онъ, въ качествѣ высшаго судіи нравственности, не имѣетъ нужды повиноваться оному. Какъ же могу я связывать себя присягою такому лицу, которое, противясь Господу, ставитъ себя выше суда церковнаго, и такимъ образомъ желаетъ втянуть меня въ свои преступныя заблужденія? Впрочемъ то обстоятельство, что я не обязался присягою предъ папою, нисколько не уменьшаетъ значенія епископства, потому что подобная присяга не существуетъ для епископовъ Востока, и для епископовъ Запада она была введена только въ послѣдніе средніе вѣка; и, скажу

болѣе, въ этой присягѣ, которую даютъ римскому папѣ, какъ *своему Господу* и неограниченному Владыкѣ, подчиненные ему римскіе епископы, при возведеніи ихъ въ санъ епископа, — упоминается только о личной отвѣтственности предъ Богомъ, безъ малѣйшаго указанія на религію или обязанности въ отношеніи къ вѣрующимъ, -- и въ ней больше всего заключается обѣщаній заботиться о расширеніи папскихъ правъ, обѣщаній уничтоженій, жертвъ и отвѣтственности предъ римскою кафедрою. Требованіе подобной присяги есть ничто иное, какъ злоупотребленіе и грѣхъ противъ церкви.

Законно избранный епископъ дѣлается истиннымъ епископомъ не чрезъ папское назначеніе и утвержденіе, а чрезъ рукоположеніе и чрезъ посвященіе. Таково ученіе и практика древней церкви болѣе чѣмъ въ теченіе тысячи лѣтъ. — И такимъ образомъ *дѣйствительность* епископства зависитъ не отъ случайнаго церковнаго общенія рукополагающаго епископа съ римскимъ епископомъ, но отъ непрерывности возложенія рукъ — т. е. отъ непрерывнаго преемства епископовъ, возлагающихъ свои руки и посвящающихъ, начиная съ временъ апостольскихъ до настоящаго времени.

Въ подобное непрерывное преемство возложенія рукъ я принять теперь, чрезъ рукоположеніе въ санъ епископа, которое совершилъ надо мною старокатолическій епископъ девентерскій, монсеньоръ Хейкампъ. Несправедливости и насильственныя дѣйствія, оказываемыя съ 1700 года римскою куріею, подушаемою іезуитами Утрехтской и, вообще, Старо-голландской церкви, и которая, въ теченіе болѣе чѣмъ полутора вѣковъ, защищалась отъ нихъ нелѣною и надменною мыслию, будто папа, будучи вселенскимъ епископомъ, въ качествѣ его, могъ уничтожить епископства и церкви и возстановлять ихъ, какъ ему угодно, — далѣе, насильственное учрежденіе въ Голландіи въ 1853 г. новой іерархіи, слѣпо привязанной къ Риму, посредствомъ которой папа воздвигъ алтарь противъ алтаря, и основаніе которой было соединенно съ такою ложью, что архіепископъ Сантевъ, по необходимости, долженъ былъ заподозрить подлинность такъ называемаго *Epistola Apostolica*, — наконецъ, клевета на Утрехтскую церковь, распространенная всюду даже до сего дня, соединенная съ явною ложью, что она впала въ яansenистскія заблужденія: — все это не могло измѣнить нашего дѣла. — Я теперь въ ряду

тѣхъ тысячъ епископовъ, которые приходили и уходили, не имѣя утвержденія отъ римскаго папы, большею частію даже не будучи извѣстны ему, но которые, при вземъ томъ, были католическими епископами и, въ качествѣ таковыхъ, восхваляются даже самими нашими противниками и врагами.

Посему я принимаю на себя это служеніе, въ силу законнаго избранія и апостольскаго преемства, и принимаю оное съ тѣмъ, чтобъ ускорить помощію страшной, всеми сознаваемой, нуждѣ, въ которой находятся вѣрующіе католики, сами по себѣ ни въ чемъ невинные. Григорій Великій называлъ всякое покушеніе на вселенское пастырство, или епископство, со стороны какого бы то ни было лица — будь то епископъ римскій, или константинопольскій—*безславнымъ покушеніемъ на заповѣдь Божию, на Евангеліе, на церковныя правила, на церковное устройство на епископское достоинство,—оскорбленіемъ для цѣлой церкви, богохульствомъ* (Евр. V, 18, 20 и 21). Съ паденіемъ такого человѣка, по его словамъ, должна пасть вся церковь (VIII. 27). И — вотъ намъ суждено было видѣть на Ватиканскомъ соборѣ осуществленіе давно замышленнаго и предпринятаго богохульства, отъ котораго предостерегаль великій папа Григорій I то усиленными мольбами, то грознымъ пророчествомъ. Несмотря на самое разительное противорѣчіе съ свящ. Писаніемъ (Мат. XX 25; Пет. V, 2 и д.), предъ которымъ оказалась безсильною всякая софистика, — несмотря также на противорѣчіе съ тѣмъ фактомъ, что Христось прямо запретилъ Своимъ ученикамъ господство, — духовное главенство всетаки было провозглашено, такое главенство, которое подавляетъ всякую разумную дѣятельность, изгоняетъ всякую свободу и радость изъ церковной жизни, уродуетъ благороднѣйшія творческія способности людей, уничтожаетъ сознаніе индивидуальной отвѣтственности и саморѣшенія, съуживаетъ значеніе человѣческаго и христіанскаго достоинства, обезпечивающаго челоѣчество противъ грѣха, — и такимъ образомъ затемняетъ и изгоняетъ возвышеннѣйшія идеи Евангелія. Цѣль была дурна, употребленныя для достиженія оной средства — не лучше. Римская курія не въ состояніи была скрыть подлинную исторію Ватиканскаго собора отъ очей вѣрующихъ, несмотря на всѣ старанія.

Христось, въ то время, когда основывалъ духовное царство *не отъ міра сею* (Іоан. XVIII. 36), для облагороженія, нрав-

ственного усовершенствованія и оживотворенія чловѣчества, достигая своей возвышенной цѣли самыми чистыми средствами: просвѣщеніемъ разума, пробужденіемъ совѣсти, укрѣпленіемъ силы къ добру,—встрѣгилъ препятствіе въ испорченномъ священствѣ, которое пренебрегало внутреннимъ чловѣкомъ, выражало религію во внѣшнихъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ и, домогаясь народнаго расположенія, стремилось къ эгоистическимъ, свѣтскимъ и политическимъ цѣлямъ. Вожди народа оказались невѣрными своему призванію, и хотя Моисеево сѣдалище было еще занято, но Господь называлъ народъ не имѣющимъ пастыря. — Онъ Самъ былъ достоинъ большей славы предъ Моисеемъ (Евр. III. 3), Онъ Самъ былъ великимъ пастыремъ народа, тѣмъ *Пастыреначальникомъ*, отъ котораго должны получить *неувядающій вѣнецъ славы* овцы, вѣрно слѣдующія за Нимъ (Пет. V. 4); поелику Онъ есть *Архіерей вѣрующихъ благодать*, который, *вошелъ... въ самое небо, чтобы предстать нѣмъ за насъ предъ лице Божіе* (Евр. IX. 11—24). Но, по вознесеніи Своемъ на небо, куда восшелъ и откуда снова придетъ, Онъ оставилъ на землѣ пастырей, наученныхъ Имъ Самимъ, и которые, подобно Ему, должны пасти не самихъ себя, но народъ. Его царство есть вѣчное: пастыри являются и исчезаютъ; въ средѣ ихъ могутъ быть добрые, и злые, и тѣ, которые потеряли силу *первой любви*, которые *ни холодны, ни горячи, тѣ живутъ тамъ, гдѣ престолъ сатаны* (Откр. 11),—и вотъ, отъ времени до времени, является животворящее дыханіе Господа, проникающее и обновляющее Его царство, и тогда народы востаютъ въ религіозномъ оживленіи и стремятся къ идеалу *Первосвященника* и Пастыря въ духѣ Іисусъ-Христовомъ — И вотъ теперь наступило для Римской церкви подобное время. Ея іерархія снова заражена тенденціями этого испорченнаго іудейскаго священства, которое поставляетъ сущность религіи въ многочисленныхъ молитвахъ и запрещеніяхъ, постоянно искусственно создаетъ новые грѣхи, провозглашаетъ основной законъ рабства, ищетъ для себя политическаго могущества, и оказывается ненасытнымъ въ своихъ вождельніяхъ къ внѣшнему блеску и роскоши.

Впрочемъ, испорченность въ настоящее время еще хуже, чѣмъ во времена Іисуса Христа,—къ іудейскимъ обрядовымъ дѣйствіямъ присоединяется нѣчто въ родѣ языческой примѣси, именно стараніе сдѣлать величіе Божіе видимымъ въ санѣ священника,—

обратить религиозное человеческое чувство къ лицу, носящему этотъ санъ, какъ будто бы Богъ назначилъ его своимъ представителемъ и облекъ его благоговѣннѣмъ, подобающимъ Ему единому. Притязая и содѣйствуя боготворенію этого сана, пастыри и епископы питаютъ самихъ себя,—и это боготвореніе сана, въ сущности есть почти столько же языческое, какъ и признаніе чудесъ, совершаемыхъ чрезъ неодушевленные изображенія (?!).

Вмѣсто того, чтобы вести народъ на пожить Иисуса Христа, римская іерархія сдѣлала изъ народа пожить для самой себя; и этого они достигли своими постоянными представленіями народу, устными и письменными, что они сами по себѣ суть церковь, и что всѣ дѣйствительныя права, привилегіи и обѣтованія церкви предоставлены только папѣ и епископамъ. Дѣти воспитываются въ этихъ притязаніяхъ, свѣтскіе государи подтверждаютъ оныя, потому что въ своихъ конвенціяхъ и конкордатахъ они заботятся не о церкви, но просто и единственно входятъ въ сдѣлку съ папою, дабы чрезъ это удобнѣе держать въ оковахъ духовенство и народъ передъ своимъ трономъ.

Такимъ образомъ іерархи успѣли самопроизвольно окружить себя божественнымъ ореоломъ (halo), для символическаго изображенія котораго имъ казалась достаточною только тройная тиара съ ея надменно придуманными атрибутами. Съ этимъ ореоломъ на главѣ они попрали законъ и правосудіе; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снова явилось то предъщеніе, о которомъ говорится въ посланіи къ Галатамъ (III. 1), отвращающее многихъ отъ истины. Золото и почести получаютъ они отъ народа, надъ которымъ властвуютъ, и непрестанно мучатъ себя заботами объ усиленіи своего политическаго значенія и о томъ, чтобы сдѣлать папу царемъ сего міра, съ высочайшимъ титуломъ царя царей. И папа не отклоняетъ отъ себя этой почести, какъ нѣкогда сдѣлалъ это Господь Иисусъ (Іоан. VI. 15); напротивъ онъ ищетъ оной. И что же за все это получаетъ народъ?

Съ Евангеліемъ върующіе римской церкви знакомы очень мало. Вмѣсто слова Божія они слышатъ съ кафедръ различныя пренія, вмѣсто Христа проповѣдуется папа, вмѣсто истины и милосердія рассказываются вымышленныя исторіи о чудесахъ, — провозглашается ненависть вмѣсто любви къ ближнему, и проклятіе вмѣсто благословенія. И если кто, не довольствуясь симъ, же-

лаетъ истинной проповѣди Божественнаго слова; или хочетъ читать книгу, могущую открыть ему истину, — то такого устрашаютъ слѣдующимъ предлогомъ: кто слушаетъ или читаетъ что либо другое, помимо предлагаемаго римскими епископами и священниками, тотъ совершаетъ смертный грѣхъ; девизомъ въ этомъ отношеніи служить: *не испытуй!*

Развращающая нравы раздача индульгенцій, соединенная съ самымъ грубымъ суевѣріемъ касательно папской власти надъ чистилищемъ, заглушаетъ и подавляетъ жизнь, которая состоитъ, по апостолу, (Ефес. IV 24) *въ праведности и святости истинны*. Не вѣра, но рабская покорность восхваляется, какъ корень оправданія. Отрицаютъ то, что законъ усыновленія Богу и любви служить путемъ къ небу, вопреки точному выраженію словъ Христовыхъ; мало того—самая любовь безчестится своею суетностію, и участіе въ церковной сокровищницѣ благодати поставляютъ въ зависимость частію отъ денегъ, частію отъ неслыханныхъ и несомѣстныхъ съ истинною вѣрою условій.

Германскіе епископы, бывшіе въ Римѣ свидѣтелями истины, и теперь въ своемъ отечествѣ выдающіе римскія изобрѣтенія за Слово Божіе, требуютъ непремѣннымъ условіемъ для принятія всѣхъ таинствъ, отъ крещенія до елеосвященія, всецѣлой покорности чудовищнымъ вагиканскимъ догматамъ 18 іюля 1870 г., которая можетъ быть достигнута только пожертвованіемъ разумной дѣятельности и духовной свободы. При крещеніи каждаго дитяти,—ее требуютъ отъ отца и отъ воспріемниковъ.

Какъ было во времена Господа Иисуса Христа, такъ и нынѣ исполняется слово пророка Іезекіиля (XXXIV. 5 и пр.), что стадо — безъ пастыря, и что пастыри, пасущіе самихъ себя, служатъ только изъ пропитанія, и овцы стада, преданныя своему Господу, разсѣяны повсюду. Впрочемъ, въ настоящее время еще хуже; потому что если бы кто вздумалъ собрать разсѣянныхъ, то такого злословятъ и клеветуютъ на него, что онъ расхищаетъ наслѣдіе Божіе.

Такъ нынѣ осуществляется жалоба пророка Іереміи (XII. 10): „Они суть пастыри, которые разрушили виноградникъ“. Краткій трехлѣтній промежутокъ времени былъ достаточенъ для повсемѣстнаго распространенія нравственной распущенности въ страшныхъ размѣрахъ въ массахъ инфальбилистовъ. Имъ незнакома

уже теперь любовь къ своему ближнему. Святое служеніе тѣхъ священниковъ, которые не желаютъ лгать предъ очами Божиими, они называютъ святотатствомъ, и умирающихъ въ истинѣ они стараются оскорбить, предписывая совершать надъ ними погребеніе, назначенное для самоубійць; да и во время ихъ жизни они отказываютъ въ привѣтствіи старокатоликамъ (въ чемъ, по ученію Спасителя, не должно отказывать даже и язычникамъ), и не хотять знать болѣе прежнихъ отношеній и обязанностей, даже обязанности благодарности. Они считаютъ также своею задачею—отнимать у своихъ старокатолическихъ сосѣдей средства къ ихъ содержанію, и безчестятъ ихъ въ народныхъ массахъ клеветами самаго ужаснаго свойства. Они насильственно дѣйствуютъ чрезъ прессу на своихъ послѣдователей, обязывая неопытныхъ то распространять, то читать оную,—что, несомнѣнно, губительно дѣйствуетъ на христіанскую нравственность и сердечное благородство, оскорбляетъ и раздражаетъ чувства нисшихъ степеней общества и убиваетъ чувства законности. И всѣмъ этимъ завѣдуетъ и направляетъ духовенство при участіи, и явномъ одобреніи со стороны епископовъ, даже при постоянномъ и открытомъ поощреніи со стороны папы, который нерѣдко беретъ на себя предводительство въ самыхъ безчестныхъ дѣйствіяхъ противъ своихъ противниковъ. Знамя духовнаго назиданія опускается все ниже и ниже, суевѣріе распространяется болѣе и болѣе,—фанатизмъ дѣлается грубѣе, насмѣшки надъ знаніемъ—громче и сильнѣе,—противленіе свѣтской власти—открытѣе.

Поистинѣ, нужда настоятъ самая крайняя, впрочемъ и *Господь весьма близко отъ насъ*. Многія тысячи спаслись отъ общаго развращенія; они разсѣялись по высотамъ, гдѣ доселѣ еще сіяетъ Божіе слово и заповѣдь—и по долинамъ, гдѣ оныя исполняются ими въ смиреніи. — Въ этомъ также нельзя не видѣть осуществленія и другаго слова пророка Іезекіиля, что Господь воспламенится гнѣвомъ противъ пастырей, освободитъ стадо изъ руки ихъ, посѣтитъ и снова соберетъ ихъ вмѣстѣ изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ они были разсѣяны въ темную мрачную годину, — поведетъ ихъ обратно на гору Израилеву, на которой они и почиютъ на тучной пажити подѣ добрымъ надзоромъ.

И мы всѣ слышали святѣйшій гласъ Его въ проповѣди апостола Павла, которую не можетъ замѣнить даже ангель съ неба

другимъ благовѣствованіемъ; мы всё — вѣрующіе, что эта проповѣдь обращена къ намъ, къ всему обществу (congregation), а не къ одному только итальянцу, притязающему на исключительное право владѣть ключемъ разумѣнія для апостольской проповѣди, которой онъ никогда не читаетъ; мы всё,—разумъ которыхъ не закрытъ для свѣта свѣтозарнаго Слова Божія, достойнаго Бога и людей. Вотъ этотъ Божественный гласъ Его: *Все испытывайте, хорошо держитесь* (1 Тесс. V. 21). *Вы свѣтъ въ Господь: поступайте какъ чада свѣта... испытывайте, что благоугодно Богу* (Ефесс. V. 8—10). *Гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода* (2 Кор. III. 17). *Къ свободѣ призваны вы, братія* (Гал. V. 13). *Для чего моей свободѣ быть судимой чужою совѣстію?* (1 Кор. X. 29). *А все, что не по сѣрцу, утѣхъ* (Рим. XIV. 23). Вотъ свѣтилики и маяки, при свѣтѣ которыхъ мы вступаемъ на правый путь, послѣдуя гласу добраго Пастыря, обращающагося къ намъ съ призваніемъ: *истина сдѣлаетъ васъ свободными... Если Сынъ освободитъ васъ; то истинно свободны будете* (Іоан. VIII. 32). Это призваніе Того, Который есть истинный Пастырь и Блосититель душъ нашихъ (1 Петра II. 25).

Итакъ, съ яснымъ сознаніемъ нашей нравственной отвѣтственности предъ людьми и божественною заповѣдію, мы пришли вкупѣ изъ селъ и городовъ, и собрались вмѣстѣ, дабы снова воспріять церковное сокровище благодати,—воспріять съ нелицемѣрною вѣрою, съ чистымъ сердцемъ, съ доброю совѣстію, и исполнить *конецъ заповѣди, любовь* (1 Тим. 1, 5). Когда же овцы стада собрались о Господѣ вмѣстѣ, они просили меня принять на себя епископское служеніе,—дабы не прекратилось священство, боящееся болѣе Бога, чѣмъ человѣка, дабы снова въ обилии могло быть раздаваемо Слово Божіе, сдѣлавшееся драгоценнымъ, дабы не принуждали покупать ложью и деньгами участіе въ таинствахъ и благодати, дабы всё, отклоняя отъ себя первенство другъ надъ другомъ, совершенствовались въ любви, въ полномъ терпѣніи распространяя, и исполняя оную, и стремясь къ осуществленію закона для чадъ Божіихъ.

Итакъ, я спрашиваю, въ чемъ же должно состоять мое служеніе? Съ епископствомъ моимъ несовмѣстно основывать княжескій дворъ съ роскошною обстановкою, съ пышностію и великолѣпіемъ для служенія епископу. Все это, даже роскошь цвѣта,

драгоценныя матеріи, шелкъ, пурпуръ и горностаѣ перешло въ дома епископовъ изъ древнихъ императорскихъ дворцовъ. Съ моимъ служеніемъ несовѣстно также принимать на себя высокіе титулы, и окружать себя церемоніями религіознаго свойства, подобающими Единому Богу, а самое главное *не господствовать*. Господь Иисусъ Христосъ съ особенною силою запретилъ это апостоламъ, и ап. Петръ съ особенною ясностію и значеніемъ предостерегалъ противъ этого епископовъ. Бернадъ Клервскій спрашиваетъ у папы Евгенія III, дѣйствительно ли онъ держится того мнѣнія, что наслѣдовалъ отъ ап. Петра право господства, и отвѣчаетъ ему на это такъ: ни одинъ человѣкъ не можетъ дать тебѣ того, чѣмъ не владѣетъ самъ. Внихни въ слова апостола: *не господствуйте надъ Божиимъ, но подавайте примѣръ стаду* (1 Петр. V. 3), и дабы ты не подумалъ, что это было сказано только по смиренію, а не по истинѣ (т. е. согласно съ дѣйствительными отношеніями, указанными Христомъ), то вотъ тебѣ слова Самого Господа въ Евангеліи: *цари господствуютъ надъ народами, а владѣющіе ими благодѣтелями называются*, и къ сему Господь прибавилъ: *а вы не такъ* (Лук. XXII, 25). Изъ сего ясно, что апостоламъ запрещено было господствовать (De consid. 11. 6). Конечно, было бы странно, если бы Самъ Господь, имѣющій Славу Отца прежде бытія міра (Іоан. XVII, 5), и пришедшій *не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить* (Мѡ. XX, 28), предоставилъ своимъ слугамъ право, въ качествѣ благодѣтелей, господствовать и пользоваться служеніемъ другихъ.

Св. Бернадъ такъ говорить о папѣ, который захотѣлъ бы присвоить себѣ, какъ догматъ вѣры, господство надъ людьми, что надъ таковымъ возобладаетъ всякая неправда. *Я боюсь за тебя*, обращается онъ къ Евгенію III, *ни одинъ ядъ, ни одинъ мечъ такъ не опасенъ, какъ наше желаніе*, т. е.: къ господству (III, 2). Итакъ, что было недозволительно для перваго изъ епископовъ, то не можетъ быть законнымъ для всѣхъ прочихъ епископовъ. Апостоль Павелъ называетъ себя рабомъ вѣрующихъ ради Иисуса Христа (2 Кор. IV, 5): *Епископъ есть рабъ въ дому чадъ Божіихъ, а не властитель надъ онымъ. Будучи*

свободенъ отъ всѣхъ, говорить о себѣ апостоль, *я вѣствъ по-работилъ себя* (Кор. IX. 19).

Было бы обольщеніемъ представлять себѣ, что епископскому служенію предоставлено право служить представителемъ Божественныхъ почестей на землѣ, въ силу нѣкотораго постоянного чуда, совершающагося въ лицѣ одного епископа?! Епископское служеніе не есть какая либо личная привиллегія для обезпеченія немногихъ избранныхъ, но есть служеніе для вѣрующихъ.

Итакъ, въ чемъ же будетъ состоять мое служеніе? Въ слѣдующемъ: въ провозглашеніи того, что Богъ открылъ *младенцамъ*, въ проповѣди на кровляхъ того, что Онъ открылъ своимъ ученикамъ въ тайнѣ. Для сего вѣтъ ничего неблаговременнаго, но все благоременно, все составляетъ желанную вѣсть, не для одной какой либо предпочтительно касты, но все для всѣхъ во всякое время. И такъ что же это такое? Это не есть какой либо уголовный кодексъ, и еще менѣе смертный приговоръ, изреченный въ формѣ проклятія, потому что долгъ человѣчества былъ пригвожденъ ко кресту и омытъ кровію Того, Который никого не осудилъ, но предалъ жизнь свою за насъ,—это есть Евангеліе,—благовѣстіе,—не ужасъ, но радость для человѣческаго рода, это—истина, которая, поелику дѣлаетъ свободными, можетъ распространять свой свѣтъ только въ свободѣ, и озарять насъ свѣтомъ мира. Христосъ есть эта истина. Онъ, Который сначала входитъ въ сердце въ тихомъ сіяніи утренней звѣзды, дабы не ослѣпить очей, давно привыкшихъ къ мраку, и потомъ восходитъ какъ солнце правды для души, укрѣпленной истиною, разливая живительные лучи по небу и землѣ, открываетъ тайну нашего бытія, провозглашая оное таинствомъ безконечной любви Божіей. Посему истинный вѣстникъ Евангелія проповѣдуетъ не о самомъ себѣ, не объ интересахъ своего сословія,—но знаетъ только Иисуса Христа, и притомъ Распятаго (1 Кор. II. 2), онъ занятъ единственною проповѣдію о томъ, что народы должны взирать на Того, Котораго пронзили, и изъ прободеннаго ребра Котораго изливаются нынѣ небесная сила для человѣческой природы, и таинства Богочеловѣка, посредствомъ которыхъ человѣчество возвышается до соучастія съ Божествомъ.

Къ епископскому служенію, принятому нами, относится такъ

же быть служителем Христовымъ и домостроителемъ Тайнъ Божіихъ (1 Кор. IV). Въ этомъ прежде всего должно заботиться о томъ, чтобы такой домостроитель былъ вѣренъ, вѣренъ иначе предъ Богомъ Господомъ, чтобы онъ не покушался занять мѣсто Господа, когда будто бы былъ полнымъ обладателемъ сокровищницы благодати. Только Онъ Единый имѣеть ключъ Давидовъ, который отворяеть—и никто не затворить, затворяеть—и никто не отворить (Откр. III. 7); и Онъ ввѣрилъ тайну ключей *единственно церкви*; а тѣ, которые пользуются ими, суть не болѣе, какъ домостроители. Раздавать сокровище, не отказывать въ немъ—вотъ ихъ призваніе. Сверхъ того, домостроитель, дабы соблюсти вѣрность, долженъ внимать гласу церкви. Онъ служить въ дому Божіемъ, а между находящимися въ немъ нѣтъ рабовъ, но всё чада Божія: онъ не можетъ предписывать имъ никакихъ самопроизвольныхъ правилъ, присвоивая себѣ тайное невѣдомое сношеніе съ Св. Духомъ и ставя отъ сего въ зависимость участіе чадъ въ наслѣдіи Божіемъ. Онъ не въ правѣ и не можетъ предлагать новыя церковныя правила и за нарушеніе оныхъ придумывать новыя смертныя грѣхи, дабы, пользуясь предлогомъ неповиновенія, подать чадамъ Божіимъ камень вмѣсто хлѣба, змію вмѣсто рыбы, проклятіе вмѣсто благословенія, и такимъ образомъ отдалить ихъ отъ дома отеческаго. И если истинный домостроитель вѣрно раздаетъ чадамъ сокровища благодати, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ заботиться и о томъ, чтобы чада получали отъ своего наслѣдія туне и безмездно. Онъ долженъ знать, что самъ взимаетъ туне отъ царства Іисуса Христа, а потому и давать долженъ туне, дабы кто не подумалъ, что религія служить только для прибытка. (1 Тим. VI. 5).

Далѣе къ епископскому служенію относится утвержденіе въ умахъ и сердцахъ вѣрующихъ религіи Іисусъ - Христовой, т. е. царства свѣта и любви, какъ первой и главной добродѣтели. Пій IX, конечно, можетъ увѣрять себя и другихъ, что совершенно бесполезно принимать законъ любви къ ближнему за конечную цѣль вѣчнаго дѣйствія, если онъ не признаеть его съ его божественнымъ прерогативомъ. Слово апостола всегда остается вѣрнымъ и истиннымъ, *любовь не дѣлаетъ ближнему зла*; и такъ *любовь есть исполненіе закона* (Рим. XIII. 8 — 10). Она заключаетъ въ себѣ любовь къ Богу, какъ сказано: *кто говоритъ: я*

люблю Бога, а брата своего ненавижу, тотъ лжеецъ (1 Иоан. IV. 20). Любовь къ ближнему есть религія, и эта религія Иисуса Христа. Гдѣ не господствуетъ къ ближнему любовь, тамъ всякое высшее проявленіе религіи есть видимость и лицемѣріе. Пѣніе гимновъ Господу и принесеніе Ему жертвъ только тогда имѣетъ цѣну, когда воспѣвающіе хвалу и приносящіе жертву Богу любятъ другъ друга. Кто считаетъ любовь дѣломъ маловажнымъ, тотъ презираетъ Бога; кто презираетъ любовь или насмѣхается надъ оною легковѣрнымъ отношеніемъ къ ней, тотъ богохульствуетъ. По любви къ нашему ближнему, люди познають, что мы ученики Иисуса Христа. Господь Иисусъ Христосъ не поставилъ иного отличительнаго знака для своихъ послѣдователей (Иоан. XIII 35), кромѣ любви къ ближнему.

Наконецъ, епископъ долженъ поддерживать и развивать въ сознаніи вѣрующихъ то направленіе, которое указалъ Самъ Богъ. Почтеніе къ преобладающей власти, чувство законности и вѣрно-подданничества, любовь къ отечеству, — суть не только нравственныя правила и добродѣтели, не касающіяся церкви и христіанства, но истинно и дѣйствительно суть церковныя и христіанскія добродѣтели. Хорошо извѣстныя выраженія христіанства: *любите братство* (т. е. братьевъ), *бойтесь Бога, чтите царя!* излились изъ одного духа, изъ одной христіанской мысли. Они содержатся въ первомъ посланіи Петра (II. 17), въ которомъ любовь къ Богу представляется побужденіемъ для повиновенія царю и исполнителямъ его воли. *Будьте покорны всякому человеческому начальству для Господа* (II — 13); и апостоль требуетъ повиновенія не только кроткимъ и добрымъ, но и суровымъ, и называетъ это угоднымъ Богу, такъ какъ эта покорность происходитъ изъ религіознаго сознанія (II, 18—16).

Апостоль языковъ заповѣдуетъ то же самое. Изъ всѣхъ апостоловъ, апостоль Павелъ по преимуществу можетъ быть названъ *каволическимъ*, потому что онъ самымъ глубокимъ образомъ постигъ идею каволичности христіанства и самымъ живымъ образомъ осуществилъ оную въ своей дѣятельности; онъ обнималъ своимъ взглядомъ и любовью весь человѣческій родъ, истинныхъ послѣдователей Иисуса Христа, и его проповѣдь была постоянно проникнута убѣжденіемъ въ необходимости просвѣщенія и освященія для человѣческой природы не только отдѣльныхъ личностей, но

и всего рода. Отъ его взгляда не укрылась ни одна религіозная обязанность въ какомъ бы то ни было состояніи человѣческой жизни, и онъ также признавалъ отношенія христіанъ къ свѣтской власти основанными на религіи. *Нѣтъ власти не отъ Бога, говоритъ онъ, существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Мы должны подчиняться власти*, продолжаетъ онъ, подобно апостолу Петру, *не только отъ страха наказанія, но и по совѣсти* (Рим. XIII. 1—5). Здѣсь нельзя допустить ни малѣйшаго невысказаннаго условія, точно такъ же какъ не допускалъ онаго и Иисусъ Христосъ въ словахъ: *отдавайте Кесарево Кесареви* (Мѡ. XXII. 21). Кесарю принадлежитъ не территорія вѣры, но территорія власти и закона, и оная непосредственно предоставлены ему самимъ Богомъ. Посему долгъ епископовъ, какъ преемниковъ апостольскихъ, — убѣждать вѣрующихъ къ повиновенію свѣтской власти ради Господа и по совѣсти; и епископъ, увлекающій вѣрующихъ противъ совѣсти къ неповиновенію, дѣлается измѣнникомъ своему служенію, безчеститъ дѣло Иисусъ-Христово.

Таковы суть, возлюбленные о Господѣ, вѣтви епископскаго служенія, начатаго мною, произрастающія отъ одного корня.

На пути къ исполненію моего долга стоятъ два могущественныхъ врага — церковный матеріализмъ и индефферентизмъ — оба возрожденные и воспитанные гибельнымъ романизмомъ въ западной церкви.

Церковный матеріализмъ поставляетъ задачею религіи умственное возбужденіе и механическое управленіе церковію и ея обрядностію; онъ связываетъ понятіе о Божественности съ извѣстными мѣстностями и случайными лицами, дѣлая оная предметами боготворенія, и питается постояннымъ изобрѣтеніемъ чудесъ для удовлетворенія суевѣрій народа, искусно отдаленнаго отъ св. писанія и преданія. Въ средѣ такихъ матеріалистовъ нѣтъ болѣе религіозной жизни, и духъ исчезъ. Если бы мы стали проповѣдывать вѣрующимъ, зараженнымъ такимъ матеріализмомъ, слѣдующія слова Христовы: *Духъ животворитъ, плоть не пользуетъ ни мало; — слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь* (Іоан. VI. 63), то они насъ не поняли бы.

Число индефферентистовъ, которые въ заботахъ суетнаго міра сдѣлались глухими къ небесной вѣсти о славѣ Божіей, равно какъ

къ гармоніи вѣчнаго міра и царства любви, доходящей до нашего слуха изъ странъ надзвѣздныхъ чрезъ Евангеліе, — составляетъ безчисленный легіонъ. Они — готовый матеріалъ для нашихъ противниковъ, и ихъ съ полною готовностію они включаютъ въ свои ряды. Сверхъ того по правую и лѣвую сторону нашего пути стоятъ слабѣйшіе противники. Одни изъ нихъ кричатъ: *Вы идете слишкомъ далеко для насъ*, другіе: *Вы идете недостаточно далеко для насъ!* Такимъ я отвѣчаю: *Мы поидемъ настолько, насколько поведетъ насъ духъ Іисуса Христа, и не далѣе; если вы считаете себя болѣе исполненными и руководимыми Св. Духомъ, въ такомъ случаѣ, придите и помогите намъ, или руководите нами.* Но зачѣмъ же вы стоите цѣлый день праздными, тогда какъ виноградникъ Господа требуетъ обработки и дѣлателей? Не дѣлаете ли вы черезъ то тяжкій грѣхъ?

Съ благодареніемъ къ Господу, мы признаемъ, что многіе изъ увлеченныхъ матеріалистическимъ романизмомъ въ религіи, уже съ радостію возвратились къ церковной жизни, въ которой они снова могутъ молиться достойнымъ, истинно-религіознымъ образомъ.

А намъ, возлюбленные о Господѣ, достигшимъ по благодати Божіей полной ясности, предстоитъ еще особенный трудъ — незбылемо водворить въ себѣ царство Божіе, чистую истину и праведность, дабы проявленіемъ нашей духовной жизни мы могли достигнуть предъ очами людей истиннаго возобновленія христіанства въ его первобытномъ свѣтѣ и плѣнительной для сердца красотѣ. Такимъ образомъ отрадная, одушевляющая насъ, надежда будетъ все болѣе и болѣе возвышаться и укрѣпляться мыслію, что, наконецъ-то, уничтожится великое зло, послужившее причиною къ основанію духовнаго главенства въ церкви.

Большое современное несчастье состоитъ также въ разъединеніи между восточною и западною церковію, — и также въ разъединеніяхъ, послѣдовавшихъ въ послѣдней. Подъ римскимъ владычествомъ выработалось не единство, но многоразличныя разъединенія, потому что оно свергло съ престола любовь, а на ея мѣсто поставило насиліе. Мы снова стремимся къ единству, но въ борьбѣ на нашемъ знамени, съ одной стороны находится надпись: *инаго основанія никто не можетъ положить, паче лежащаго*, т. е. Іисуса Христа, — съ другой: *все что не по вѣрѣ — грѣхъ.*

Воззвание къ клигу и мірянамъ I. I. Овербека.

(Переводъ съ латинскаго).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Достопочтенный Овербекъ, докторъ богословія и философіи, членъ коммиссіи, состоящейся въ Петербургѣ для возстановленія православнои католической западной церкви, въ 1871 г. издалъ въ Галлѣ новую брошюру подъ заглавіемъ: *Libellus invitatorius ad clerum laicosque Romano-catholicos, qui antiquam ecclesiam catholicam occidentis ad pristinam puritatem et gloriam restauratam, videre cupiunt* (т. е. воззвание въ клигу и мірянамъ, римско-католикамъ, желающимъ видѣть древнюю католическую западную церковь возстановленною въ первоначальной чистотѣ и славѣ).

Брошюра посвящена блаженной памяти, въ Бозѣ почившаго Митрополита Литовскаго, Иосифа Симашко, „который по выраженію автора, отвергнувшимъ римскія заблужденія, пылая ревностію къ возвращенію схизматиковъ въ стадо православнои католической церкви, приобрѣлъ, при помощи Божіей благодати, Христовой церкви великое число своихъ соотечественниковъ...“ Главное содержаніе оной состоитъ въ опроверженіи римскихъ заблужденій и нововведеній, особенно относительно таинства; кромѣ того въ ней содержится прошевіе о присоединеніи въ святѣйшій правительствующій Синодъ, съ присовокупленіемъ греческаго текста, на которомъ это прошевіе было послано Овербекомъ къ Константинопольскому патриарху еще въ 1868 году, и—декретъ Флорентинскаго собора о соединеніи, изданный въ первый разъ съ оригинальною лѣтвини, хранящейся въ Британскомъ музеѣ.

Авторъ такъ объясняетъ въ предисловіи цѣль составленія означенной брошюры: „Я написалъ нѣсколько страницъ этой записки на латинскомъ языкѣ, чтобы всѣ образованные люди, какой бы то ни было націи, знали о намъреніи святѣйшаго Синода Русской церкви, предпринятомъ для возстановленія западной церкви въ древней чистотѣ, и чтобы они внимательно размыслили сами съ собою, что имъ остается дѣлать. Такъ какъ весьма необходимо, чтобы читателемъ ясно и совершенно поняли средства и пути къ осуществленію этого предпріятія, то очевидно я долженъ былъ стараться болѣе объ ясности дѣла, чѣмъ о латинскомъ языкѣ...“ и пр. Нельзя также не обратить вниманія на два эпиграфа, характеризующіе цѣль изданія брошюры. Первый, на латинскомъ языкѣ, взятъ изъ II-го посл. къ Коринтянамъ (VI. 2): *Ecce! nunc tempus acceptabile; ecce! nunc dies salutaris*. (Вотъ, теперь время благоприятное, вотъ, теперь день спасенія). Второй на итальянскомъ — изрѣченіе Д. Мельхіора Кано: *Mal conose a Roma, qui en pretiende sanavla*. (Мало знакомъ съ Римомъ тотъ, кто думаетъ излѣчить его).

Изложивши эти краткія замѣчанія о вновь вышедшей брошюрѣ, мы предлагаемъ оную вниманію нашихъ читателей въ русскомъ переводѣ.

Возлюбленнѣйшіе братья.

Находясь, безъ сомнѣнія, при самомъ важномъ переворотѣ церковныхъ событій, мы не можемъ не обратить вниманія на испорченное, раздираемое партіями, положеніе Римской церкви. Здѣсь слышимъ проповѣдь Ультрамонтанъ и послѣдователей Иезуитовъ, что церковь должна управляться по волѣ Папы, должна слушаться голоса Папы и находиться подъ его ферулою, и что не только церковь, но даже и государство и ихъ правители подчинены въ свѣтскихъ дѣлахъ Папѣ. — Тамъ слышимъ возгласъ такъ называемыхъ либеральныхъ Католиковъ, что они никогда не потерпятъ произвола и злоупотребленія папской власти, что они мужественно намѣрены противиться Папѣ, который преступилъ законныя границы и присвоилъ себѣ новыя и неслыханныя права, что они энергически намѣрены отвергать монополію Папы—учить и господствовать, которую онъ присвоилъ себѣ, отвергнувши авторитетъ Епископовъ и Соборовъ. Конечно это прекрасныя и громкія фразы,—но не болѣе какъ фразы. Спрашиваю, кто докажетъ эти слова дѣломъ? Кто угрозы подтвердитъ дѣйствиємъ? Кто остановитъ бѣгъ быстрой торжественной колесницы, или кто нарушитъ движенія тайной механики? Ни тѣ, ни другіе. Ультрамонтаны, и либералы-Католики признаютъ за священное правило, что Папа дѣйствительно поставленъ главою церкви *по божественному праву*. А если вы думаете, что Папа поставленъ главою Церкви дѣйствительно *свыше*, то намъ ничего болѣе не остается, какъ только немедленно и безропотно повиноваться ему. Можетъ ли существовать тѣлесная природа и жизнь, когда глава разъединена съ членами, или когда члены разъединены съ главою? И такъ доколѣ вы почитаете Папу главою церкви, поставленною *свыше*, вамъ должно повиноваться ему и не должно сѣтовать на логическіе выводы, которые вытекаютъ изъ предыдущихъ посылокъ, вами самими принятыхъ. Если же выводы, по вашему мнѣнію,

представляются не вѣрными, то рассмотрите предшествующія положенія и вы дойдете до источника заблужденія.

Съ какимъ-то удивительнымъ предубѣжденіемъ Римляне выдаютъ за истину, что это ученіе о Божественномъ происхожденіи и авторитетѣ папства можно подтвердить свидѣтельствами священнаго писанія и церковнаго преданія, хотя несомнѣнно извѣстно, что они въ мѣстахъ, приводимыхъ изъ священныхъ книгъ въ защиту своего ученія, никакъ не слѣдуютъ толкованію св. Отцевъ, но скорѣе, по примѣру Протестантовъ, вводятъ новизну въ истолкованіяхъ, неслыханную въ древности. Авторитетъ же Отцевъ церкви для Римлянъ имѣетъ на столько значенія, на сколько они могутъ обратить его въ свою пользу. Ибо они не за тѣмъ изслѣдуютъ отеческія писанія, чтобы найдти въ нихъ „*во что всеіда, повсюду и всѣ вѣровали*“; но для того, чтобы отыскать и заимствовать изъ нихъ только нѣкоторыя мѣста или не совсемъ ясныя, или сомнительныя, или неосторожно выраженныя, или удобныя для поддѣлки, — которыя то легко можно сократить, то хитро подправить и дополнить, съ цѣлію подтвердить оными свое ученіе. Но какая польза въ томъ, что, расторгнувши *согласіе* Отцевъ, они приводятъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ *въ отдѣльности*, такъ что одинъ противорѣчитъ другому, или даже одинъ и тотъ же противорѣчитъ самому себѣ? Отцы церкви, взятые *въ отдѣльности*, не суть ли люди подверженные погрѣшностямъ? Только одно *согласіе* Отцевъ составляетъ *непогрѣшимый голосъ и свидѣтельство церкви*. Что же? Кто обращается къ согласному свидѣтельству отцевъ и изыясняетъ священное писаніе по ихъ указанію, тотъ не найдетъ въ нихъ даже и тѣни папскаго ученія.

Уже съ третьяго вѣка нѣкоторые Папы и богословы заявляли *это папское ученіе какъ личное мнѣніе*, но доколѣ церковь была нераздѣльна, оно никогда не было принимаемо какъ *откровенное ученіе*. Истина этого положенія видна уже изъ того, что какъ скоро совершилось разьединеніе между Востокомъ и Западомъ, первую заботою Папы было, чтобы западные соборы признали за догматъ *божественное право* Папства. Если бы это ученіе было догматомъ *нераздѣльной церкви*, то какая была нужда въ послѣдствіи, въ тринадцатомъ вѣкѣ (1215) обнародовать этотъ догматъ?—Возьмемъ, или лучше представимъ себѣ, то, что восточная церковь знала этотъ догматъ, спрашиваю, какъ могло

случиться, что исчезли всё до одного слѣды онаго? Какъ могло стать, если бы папскій догматъ былъ частію завѣта восточной вѣры, что клиръ и міряне могли совершенно забыть такое преданіе въ столь краткій промежутокъ времени? Какъ ни былъ великъ авторитетъ Фотія и Михаила Керуларія, однако имъ никогда не удавалась попытка изгладить и уничтожить изъ памяти своихъ соотечественниковъ ученіе, которое они доселѣ не только считали за истинное и несомнѣнное, но съ уничтоженіемъ котораго (даже по мнѣнію самихъ папистовъ) могло пасть самое зданіе церкви. И такъ тѣ, которые осмѣливаются утверждать, что съ раздѣленіемъ церковей, папскій догматъ, непостижимымъ образомъ, вдругъ исчезъ съ востока безъ слѣда и признака — эти люди, говоримъ, совершенно уничтожая историческую истину, не болѣе какъ пустословятъ. Папскій догматъ осуждается и отвергается, какъ подлогъ, церковно-историческимъ преданіемъ. Впрочемъ преданіе ни во что ставится Ультрамонтанами и ихъ непогрѣшимымъ главою. Слова, приписываемыя Папѣ молвою: *преданіе* — я не суть ли слова старца, впавшаго въ ребячество? Впрочемъ этотъ старецъ долженъ знать, что онъ дѣлаетъ Римскую церковь предметомъ посмѣянія и, по справедливости, раздражаетъ членовъ оной. „*Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi*“. — „За безуміе царей наказываются народы“.

Когда западная церковь, впавши въ расколъ, отступила отъ католической древности, которую восточная церковь, твердо держащаяся постояннаго и чистаго преданія, ревностно сохраняла и защищала отъ враговъ, Папы единственно стремились къ тому, чтобы сколько можно болѣе расширить границы самовольно присвоенной себѣ власти и господства. Это-то догматическое нововведеніе, это-то папское ученіе проникло въ цѣлый кругъ догматовъ, измѣнило и заразило оный. Все, что казалось въ вѣрѣ противорѣчающимъ означенной теоріи, мало по малу было преобразуемо въ другой видъ, какъ на примѣръ, ученіе о независимой и непосредственно установленной свыше власти и авторитетѣ епископовъ, ученіе о верховной власти Вселенскихъ соборовъ, и пр Вездѣ, гдѣ только какой-либо догматъ представлялъ папистамъ случай къ зловредному умствованію въ пользу усиленія папской власти, они жадно пользовались возможностью извлекать изъ истинныхъ положеній ложные выводы съ добавленіями, и выду-

мывать новыя и неслыханныя ученія. Такъ были постепенно введены папскія ученія о чистилищѣ, объ индугенціяхъ, о словахъ *Filioque* и проч. Такъ Папы постоянно имѣли случай къ паденію своей совѣсти, и число этихъ паденій съ каждымъ днемъ умножалось болѣе и болѣе. Впрочемъ, когда ложь папскаго ученія дѣлалась слишкомъ очевидною, то паписты старались прикрыть вину нововведенія покровомъ древности, и это предпріятіе удавалось имъ весьма счастливо. — „Безъ сомнѣнія, для достиженія этого они переимчивали, извращали, насилывали, поддѣлывали опредѣленія Соборовъ, Отцевъ церкви и церковную исторію. Мы не видимъ необходимости излагать эту систему лжи, которая въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ господствовала въ Римской церкви, когда самые члены папской церкви собрали и изложили предъ глазами всѣхъ эту живую массу свѣдѣній, которая служить основаніемъ папскаго авторитета. Правое дѣло не нуждается во лжи, но, по самой своей сущности, уничтожаетъ оную. Папство же не отвергло лжи, такъ какъ самый духъ папскій зараженъ ложью. *Homogenium homogenio delectatur.*

Итакъ не удивляйтесь, что Папство, на подобіе яда, проникающаго въ жилы какого-либо тѣла, заразило порчею вѣру и составъ западной церкви. Эта злотворная сила ослабляетъ, обезсиливаетъ, сокрушаетъ всѣ составы и члены тѣла.

Не излишне привести здѣсь нѣсколько примѣровъ того, какимъ образомъ этотъ живой духъ папской системы, жадный до нововведеній, измѣнилъ и извратилъ ученіе и обряды западной церкви.

Обычай изображать крестное знаменіе, очевидно, былъ изначала общимъ, какъ символъ и знакъ между вѣрующими. Посему прежде раздѣленія церковей оное совершалось одинаково, какъ на востокъ, такъ и на западъ. Докторъ Рокъ, весьма уважаемый Римско-Католическій писатель, говоритъ: *даже до половины пятнадцатаго вѣка, одинъ и тотъ же способъ существовалъ во всей Латинской церкви изображать оное* (т. е. Греческій), *какъ-то видно изъ различныхъ источниковъ* (Heurgia сост. Д. Рокъ. Втор. изд. Лондонъ 1851 стр. 368). Папа Иннокентій 3-й около 1198 года, въ своемъ сочиненіи: *о святомъ Таинствѣ алтаря* (Lib. XI cap. 45 *Quomodo signum crucis sit exprimendum*, какъ должно осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ), говоритъ: крестное знаменіе должно изображать тремя перстами, такъ какъ оно совершается при при-

званіи ся. Троицы. . . такъ чтобы оно сходило сверху внизъ, съ праваго плеча на лвое, поелику Христосъ сошелъ съ неба на землю и отъ Иудеевъ перешелъ къ язычникамъ. . . Извѣстно также, что когда изображаемъ надъ другими знаменіе креста, то мы знаменуемъ ихъ съ лва на право. Впрочемъ если внимательно размыслимъ, то и надъ другими мы должны совершать знаменіе креста справа на лво, поелику знаменуемъ ихъ, обращенныхъ къ намъ лицомъ, не спиною *). Нѣкоторые же, уже во время Иннокентія, начали вводить новый обычай, употребляющійся теперь на всемъ западѣ. Спрашиваю, свидѣтельствуеть ли это нововведеніе западной церкви о духѣ неизмѣнности и Апостольской охраны преданія, или намѣренно уничтоженъ этотъ общій какъ бы символъ, и связь вѣры и любви, между христіанами, чтобы и въ этомъ древнѣйшемъ обычѣ разъединеніе между востокомъ и западомъ запечатлѣлось и увѣковѣчилось новою гранью?

Теперь въ ученіи и образѣ совершенія Таинствъ, Римскій духъ нововведенія не оставилъ нетронутымъ ни одного изъ семи Таинствъ.

Г). Извѣстно, что крещеніе съ самыхъ Апостольскихъ временъ совершалось чрезъ троекратное погруженіе. Хотя и было дозволено и считалось дѣйствительнымъ крещеніе надъ опасными больными (clipicus), совершаемое, въ случаяхъ крайней необходимости, чрезъ обливаніе, впрочемъ церковь не только не дозволяла общее употребленіе онаго, но даже и не принимала клиниковъ, какъ неправильно крещеныхъ, въ клиръ. Въ церкви сохранилось такое благоговѣніе къ этому Апостольскому обычаю, что самые еретики держались древняго обряда, не исключая даже и Валентиніанъ, которые, хотя и прибавляли къ крещенію водою — крещеніе огнемъ, впрочемъ совершали крещеніе должнымъ образомъ чрезъ погруженіе въ воду. Евноміане, самая крайняя партія Аріанъ, первые ввели обливаніе, или лучше частное погруженіе. Потомъ Папа Григорій, безъ сомнѣнія, легкомысленно и необдуманно и не безъ противорѣчія со стороны многихъ, позволилъ Испанцамъ-Католикамъ однократное погруженіе, чтобы отличить

*) Этимъ замѣткамъ о крестномъ знаменіи я обязанъ доктору Секкомбе, за который ему весьма благодаренъ. Авт.

ихъ отъ Испанцевъ - Арианъ, которые употребляли троекратное. Тѣмъ не менѣе на западѣ троекратное погруженіе оставалось обычнымъ правиломъ, по крайней мѣрѣ, до двѣнадцатаго вѣка. Novel (Cap. et Decret. Eccles. Brit. p. 24 et 95). говоритъ: „въ древности младенцы въ Англіи всегда крестились чрезъ троекратное погруженіе, съ заклинаніями нечистыхъ духовъ, съ дуновеніями и миропомазаніемъ. Одинадцатое правило собора Целихтскаго (Celichthensis) (въ 816 г.) состоитъ въ слѣдующемъ: „Ни Епископъ, ни Присвитель не долженъ входить въ чужую Епархію кромѣ одного Архіепископа, который есть глава своихъ Епископовъ. Крестить же и посещать больныхъ позволено и въ чужой Епархіи; пусть даже знаютъ Пресвитеры, чтобы, при совершеніи крещенія, они не возливали святуя воду на главы младенцевъ, но всегда погружали ихъ въ купель, по примѣру Сына Божія, Который трижды погрузился въ водахъ Иорданскихъ. Изъ сего видно, что злоупотребленіе обливанія или окропленія уже тогда начало вкрадываться въ Западную церковь, но твердо было отвергнуто Британскою Церковію. Кашельскій соборъ (Кашель—городъ въ Ирландіи) (1171 г.) имѣетъ слѣдующее первое постановленіе: Младенцевъ должно приносить (sic) въ церковь и тамъ крестить въ чистой водѣ чрезъ троекратное погруженіе.... и это должны исполнить священники, кромѣ случаевъ смертной опасности, когда должно совершаться другимъ лицомъ и другимъ образомъ“. Мало по малу злоупотребленіе обливанія обратилось на Западѣ въ общій обычай. Отъ Папистовъ, какъ бы по наслѣдству; это злоупотребленіе заимствовали и Протестанты. И сіи послѣдніе, превративши омовеніе въ окропленіе, часто даже не касаются младенца кашлею воды, такъ что, гдѣ существуетъ неправильно понимаемая практика Протестантовъ, тамъ, по справедливости, можетъ быть подвержена сомнѣнію дѣйствительность совершаемыхъ ими крещеній. Но кто сообщникъ и виновникъ этого гибельнаго заблужденія, какъ не Римлянинъ, который показалъ Протестанту путь къ нововведенію?

II). Что въ древности миропомазаніе въ Британской церкви совершалось вслѣдъ за крещеніемъ, т. е. въ одно и то же время, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ же Novel, на слова котораго

мы только что, сослались. И обычай, еще доселѣ существующій на востокѣ, — былъ обычаемъ древней церкви, хотя на Западѣ, уже съ давняго времени, Епископы присвоивали себѣ совершеніе этого Таинства ¹⁾.

Впрочемъ это не исключало Пресвитеровъ отъ совершенія Таинства, такъ какъ Епопепскій Соборъ (E p o p e n s e) (въ Бургундіи) (въ 517 г.) XVI-мъ постановленіемъ, въ краснорѣчивыхъ фразахъ, даетъ Пресвитерамъ позволеніе мвропомазывать большихъ еретиковъ, обращающихся въ Христіанство. Подобное же, въ нѣкоторомъ родѣ, правило постановилъ уже Соборъ Аравиканскій 1-й (прав. 11.) въ 441 г.: *„Еретиковъ, находящихся въ смертной опасности, если пожелаютъ быть православными, въ случаѣ отсутствія Епископа, могутъ запечатлывать и Пресвитеры Св. мвромъ и благословеніемъ“*. Не мвропомазуютъ ли и въ настоящее время своихъ прихожанъ Аббаты Кассиненскій, хотя онъ и не Епископъ? Авраамъ Екхеленцій Маронитъ (Римскій-Католикъ) такъ отвѣчаетъ Иоанну Морину на нѣсколько предложенныхъ имъ вопросовъ касательно Маронитскихъ обря-

¹⁾ Самъ Іезуитъ Перроній (Praellectiones Theologicae. Ebit. Migne—Parisii. 1842 г. tom. 11 p. 152 seg) сознается въ этомъ Римскомъ нововведеніи; онъ говоритъ: *Въ латинской церкви въ древности мвропомазаніе совершалось тотчасъ послѣ крещенія, какъ то доказываетъ Мартеній почти безчисленными свидѣтельствами* (De antiquis Ecclesiae ritibus lib 1. cap. 2. art. 2); *каковой обычай существовалъ почти въ продолженіи 12 вѣковъ, когда въ началѣ 13 вѣка, уже началъ исподоволь выходить изъ употребленія.... хотя въ нѣкоторыхъ частныхъ западныхъ церквахъ, особенно въ галликанскихъ, онъ держался долѣе. Что же касается до греческой и другихъ Восточныхъ церквей, тамъ доселѣ существуетъ древняя практика* (cf. Renandotium. 1 с.). Ассеманій (Cod. liturg. III. p. 187) свидѣтельствуегъ, что даже оныя древнія иновѣрныя Восточныя церкви удержали этотъ первенствующій обычай соединять вмѣстѣ таинства крещенія и мвропомазанія. Перроній не можетъ уничтожить противорѣчія о мвропомазаніи младенцевъ, находящагося въ Римскомъ чиновникѣ и Римскомъ Катихизисѣ. Безъ сомнѣнія Римскій Катихизисъ неправильно говорить: (Р. 2. Cap. 3. qu. 17) *„что, хотя надъ всѣми можно совершать таинство мвропомазанія послѣ крещенія, но впрочемъ, не совсѣмъ необходимо поступать такъ, прежде чѣмъ дѣти станутъ разсуждать“*. Не тоже ли самое рационалистическое основаніе для этой новой практики, какъ и то, которое запрещаетъ преподавать младенцамъ Таинство Евхаристіи? О семъ смотри ниже.

довь: Ты спрашиваешь, должны ли Пресвитеры помазывать мѣромъ младенцевъ, какъ то бываетъ у Грековъ? Отвѣчу: необходимо, ибо такъ какъ въ древности крещались взрослые, то и мѣропомазывались тотчасъ вслѣдъ за крещеніемъ¹⁾. Что Пресвитеры могутъ законно совершать таинство мѣропомазанія, объ этомъ свидѣтельствуеетъ и ученіе древнихъ Отцевъ. Св. Амвросій (De Myster. cap. 7.), разсуждая о крещеніи и мѣропомазаніи, говоритъ, „что совершитель оныхъ есть Священникъ“. Св. Иеронимъ (Epist. ad Evang. 145,1) говоритъ: „Что дѣлаетъ Епископъ, чего не могъ бы совершить Пресвитеръ кромѣ рукоположенія“? И Св. Златоустъ (In. 1 Tim. Hom. 10,1) говоритъ: „Τῆ γὰρ χειροτονίᾳ μόνῃ ὑπερβεβήχασι, καὶ τούτῳ μόνου δοχοῦσι πλεονεχτεῖν τοὺς πρεσβυτέρους“. (Ибо они т. е. Епископы) превзошли однимъ рукоположеніемъ, и только этимъ однимъ преимуществуютъ предъ пресвитерами).

Письмо Святаго Григорія къ Январію, Епископу Калаританскому, (Epist. III. 26) возбудило большой споръ на Тридентскомъ Соборѣ, но западные не могли обратить его въ свою пользу. Римскіе же Первосвященники, вопреки древнему обычаю церкви, ввели святотатственное и нечестивое нововведеніе мѣропомазывать вновь²⁾ лицъ, тѣхъ надъ которыми совершили означенное таинство православные Пресвитеры. Приведемъ нѣсколько

1) Antiquitates Ecclesiae Orientalis. Londini 1682. p. 468.

2) Фотій въ своемъ окружномъ посланіи (Edit. Valettae, Londini 1864. p. 170) въ слѣдующихъ словахъ опровергаетъ Римскую практику: „Οὐ γὰρ ἔξεστι, φασίν, ἱερεῦσι τοὺς τελουμένους μύρω ἀγιάζειν. Ἀρχιερεῦσι γὰρ μόνοις ἐνομισθή. Πόθεν ὁ νόμος; τίς δὲ νομοθέτης; ποῖος τῶν Ἀποστόλων; τῶν Πατέρων δέ; ἀλλὰ τῶν Συνόδων; ἢ ποῦ καὶ τότε συστάσα; τίνων κρατήσασα ψήφοις;“ (говорить, что невозможно іереямъ помазывать мѣромъ крещаемыхъ, потому что это признается законнымъ только для Архіереевъ. Откуда законъ? Кто законодатель? Какой изъ апостоловъ, или изъ Отцевъ? или изъ Соборовъ? Гдѣ и когда состоялся подобный Соборъ? На чьихъ опредѣленіяхъ онъ утверждается?); къ этому мѣсту ученѣйшій и достопочтенѣйшій мужъ А. Деметракопулъ (Ἱστορία τοῦ Ζυγίσματος и проч. въ Лейпцигѣ 1867 p. 7) прибавляетъ, что Аѳинскій профессоръ Константинъ Контогепъ (Φιλολογ. καὶ κριτικ. ἱστορ. τῶν ἁγίων Πατέρων tom. 1 p. 212 Athenis 1851) ошибается, утверждая, что уже во 2 вѣкѣ право мѣропомазывать сдѣла-

мѣсть въ объясненіе Папской практики. „*Краткое наставленіе* ¹⁾ ст. 3 говоритъ: *Латинскіе Епископы должны мѣропомазывать дѣтей и друиыхъ крещенныхъ Греческими Преевитерами, и дѣйствительно запечатльныхъ на чель мѣромъ: и для безопасности, кажется, что они должны платитъ это съ осторожностію и подѣ условіемъ...*“ Тамъ же ст. 6: „*Если Латинскій Епископъ пожелаетъ рукоположить кого либо изъ Грековъ, который дѣйствительно былъ запечатльнъ при крещеніи Греческимъ Преевитеромъ на чель мѣромъ, долженъ прежде мѣропомазать его, по крайней мѣрѣ подѣ условіемъ...* (Cf. Bulla Innocentii IV. ibid. p. 12 seq., et Decreta Innocentii I., Innocent. III. et Innocentii IV. ibid. pp. 29—33). Тридентскій соборъ. (Sess. VII. Cap. 3 de Confirm.) осторожно выразился, что „*обыкновенный совершителъ*“ Таинства мѣропомазанія есть одинъ Епископъ. Это выраженіе совершенно не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что Апостолы и ихъ преемники Епископы, съ самаго начала, были единственными обыкновенными совершителями всѣхъ Таинствъ, пока не присоединили въ сослуженіе и содѣйствіе себѣ Преевитеровъ и Діаконовъ. Впрочемъ, какъ ни слаба и ни малозначительна была означенная формула — она была выражена словами ²⁾ не иначе какъ послѣ долгаго спора и послѣ сильныхъ возраженій со стороны многихъ Отцевъ. Постановленіе было предложено безъ слова *обыкновенный*,

дось привилегіею однихъ Епископовъ. Между тѣмъ профессоръ Контогенъ, повидимому, оставилъ свое первое мнѣніе, ибо въ слѣдующей своей книгѣ (*Ἐκκλησιαστικὴ Ἱστορία*, tom. 1 p. 370). утверждаетъ, что эта западная практика возникла въ половинѣ третьяго вѣка.

1) *Краткое наставленіе*, касательно нѣкоторыхъ греческихъ обрядовъ Латинскимъ епископамъ, въ приходахъ которыхъ находятся Греки, живущіе по греческому обряду. И нѣкоторыя Апостолическія посланія, касающіяся самихъ Грековъ и ихъ обрядовъ. Также форма, какъ Греки должны совершать исповѣданіе Православной вѣры, переходя въ единеніе съ святою Римскою церковію. (Mandato Sanctiss. D. N. D. Clementis Papae VIII simul excussae. Romae ex typographia Rev. Cam. Apostol. 1597—et iterum typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1671).

2) *Istoria del Concilio di Trento scritta dal Padre sforza Pallavicino, con annotazioni da F. A. Zaccaria. Roma. Propag. Fid. 1833 tom. II. pp. 375—380.*

но послѣ долгаго спора (dopo lunga disputazione), при которомъ нѣкоторые Отцы желали прибавленія онаго (che l'articolo si tralasciasse) положено было въ оное внести слово „обыкновенный“. Такимъ образомъ, съ рѣшеніемъ этого затруднительнаго вопроса, хотя и были устранены затрудненіе и камень преткновенія для постановленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе потеряло почти всю свою силу и значеніе. Паллавичинъ упоминаетъ о *древнѣйшемъ обычаѣ восточной церкви. по которому простые пресвитеры муропомазываютъ дѣтей послѣ крещенія* ¹⁾; но онъ думаетъ, что такому обычаю не достаетъ яснаго одобренія со стороны римскихъ папъ ²⁾. Вотъ основаніе для повторенія муропомазанія. И можетъ ли быть истиннымъ это основаніе? Никакимъ образомъ; ибо если мы представимъ себѣ, что папа имѣетъ власть вторгаться (invadere) въ распредѣленіе таинствъ,—то такое право, хотя и можетъ сдѣлать совершеніе оныхъ недозволеннымъ, — впрочемъ не уничтожаетъ ихъ дѣйствительности. Что же касается до священнической степени, то папа не выше какого-либо другаго епископа, ибо Востокъ и Западъ сходятся между собою въ ученіи, что епископство есть *высшая степень священства* (Ἡ ἄκρην τῆς ἱερωσύνης). На что претендуетъ папа,—есть не болѣе какъ высшая степень юрисдикціи, что на огромное разстояніе отстоитъ отъ вопроса іерархическаго. Обыкновеніе, существующее въ настоящее время въ православной церкви, существовало и прежде раздѣленія церквей. Итакъ ужели и въ то время муропомазаніе Восточной церкви было *недѣйствительно, или по крайней мѣрѣ сомнительно?* Почему папы не отвергли это древнѣйшее обыкновеніе, прежде раздѣленія церквей? Римлянамъ остается на выборъ одно изъ двухъ: или они видѣли прежде раздѣленія это восточное заблужденіе, но не захотѣли обнаружить оное, и тѣмъ совершили грѣхъ, затемнивши суть дѣла:—или они не замѣчали этого заблужденія, поелику не считали оное заблужденіемъ, но впослѣдствіи измѣнили свое мнѣніе относительно этого ученія, чтобы тѣмъ болѣе усилить папскую власть.

1) „Antichissima consuetudine della Chiesa orientale, ove i preti semplici confermano gl'infanti dopo il battesimo“.

2) „A tal consuetudine manca la chiara approvazione de Romani pontefici“.

III) Тайнство святой Евхаристіи подверглось въ римской церкви многимъ нововведеніямъ. И во первыхъ римляне заблуждаются касательно причащенія отъ чаши, такъ какъ нашъ Спаситель заповѣдалъ: *пійте отъ нея вси*. Можетъ ли человекъ присвоить себѣ право какъ бы исправлять Божественную заповѣдь. Весь Востокъ не только православный, но даже иновѣрный, удержалъ тайнство причащенія подъ обоими видами. Одинъ Римскій западъ отмѣнилъ древнее канолическое правило и постоянно отвергалъ оное, сколько ни требовали возстановленія Господней заповѣди. И что же, паписты въ пользу своей практики приводятъ не болѣе какъ только обычай. Хотя Эккій (Euchirid cap. 10) въ удивительномъ ослѣпленіи или невѣжествѣ, или глупости, и говорить, что Римъ не сдѣлалъ въ этомъ дѣлѣ никакого нововведенія, но выслушаемъ самаго авторитетнаго свидѣтеля относительно объясненія литургіи, разумью кардинала Бона (Reg. liturg. lib 11. cap. 18 p. 1.): *„известно, говоритъ онъ, что повсемѣстно, какъ клиръ, такъ и міряне, мужчины и женщины, принимали въ древности св. тайны подъ обоими видами, когда находились при торжественномъ совершеніи оныхъ, и дѣлали приношенія и причащались отъ принесенныхъ даровъ... Съ первою частію положенія согласны всѣ, какъ католики, такъ и сектанты: и ее можетъ отвергнуть разве только тотъ, кто весьма несведущъ и поверхностенъ въ знаніи церковной исторіи. Ибо всегда и повсюду, отъ самаго начала церкви, даже до 12 вѣка вѣрующіе причащались подъ видомъ хлѣба и вина: обычай употребленія чаши началъ мало по малу выходить изъ употребленія съ начала этого вѣка, когда многие Епископы воспрещали оный народу вслѣдствіе опасности неблагоговѣнія (!) или пролитія“.* Ошибка въ предшествующемъ мѣстѣ слѣдующая: *Внѣ же богослуженія и внѣ церкви преподаніе тайнства Евхаристіи всегда и повсюду употреблялось подъ однимъ видомъ.* Бингамъ (The Antiquities of the Christian Church, lib XV. cap. 5, sect. 1) ясно доказываетъ свидѣтельствами отцевъ, что это положеніе Бона весьма ложно и что онъ видимо противорѣчитъ самому себѣ. Наконецъ достаточно привести свидѣтельство папы Геласіа (ар. Gratian de Consecrat. Dist. 2. cap. 12): *мы узнали, говоритъ онъ, что нѣкоторые, принявъ только часть св. тѣла,*

удерживаются отъ приобщенія св. кровію. Не знаю какое суевѣріе научило ихъ сему, но безъ всякаго сомнѣнія, они или должны принимать таинство подъ обими видами, или не допускаться къ тому и другому, поелику раздѣленіе одного и того же таинства не можетъ быть безъ великаго святотатства. Бингамъ заключаетъ, что эти слова сказаны не противъ Манихеевъ въ частности, но вообще противъ всѣхъ суевѣрій.

Другое римское нововведеніе, есть лишеніе св. причащенія младенцевъ. Причащеніе младенцевъ было въ употребленіи во всей церкви по крайней мѣрѣ въ продолженіе первыхъ восьми вѣковъ. Такъ и доселѣ православная восточная церковь, даже Армянская церковь свято чтить это древнее постановленіе и оно называется въ ней *scherthnahaghortuthin* или *приобщеніемъ чрезъ чашу*. Кипріанъ, Августинъ, папа Иннокентій, Геннадій и многіе другіе воспоминаютъ и восхваляютъ этотъ обычай ¹⁾. Даже нерѣдко указываютъ, какъ это приобщеніе необходимо для спасенія. Приведу одно только свидѣтельство: св. Августинъ (*De Rescator. Merit. lib 1. cap. 20*) говоритъ: *аще не съѣсте и проч...* *Осмѣлятся ли кто утверждать послѣ сего, что это изрѣченіе не касается младенцевъ, и могутъ ли они имѣть въ себѣ жизнь безъ причастія сего тѣла и крови?* Можетъ ли быть, чтобы римлянинъ, признающій ученіе о дѣйствиі таинства *ex ore operato*, сталъ утверждать, что младенцы не могутъ получить великую пользу отъ причащенія, потому что они приступаютъ святыми и невинными къ трапезѣ Господней? А если онъ не утверждаетъ сего и не можетъ утверждать, то не долженъ ли сознаться, что *римская церковь лишаетъ своихъ младенцевъ величайшей благодати?* Сколько поверхностно разсуждаетъ о древности Тридентскій соборъ (*Sess. XXI. cap. 4*), доказываютъ его легкомысленныя выраженія. Наконецъ достаточно замѣтить и то, что римское нововведеніе открываетъ путь къ рационалистическому нечестію, что будто бы должно отказываться въ причащеніи младенцамъ на томъ основаніи, что они не могутъ еще понимать сущности вещей. Поистинѣ, — весьма легко открыть въ романизмѣ сѣмя протестантства.

¹⁾ P. Zorn. Hist Euchar. infantum. Berolini 1737.—C. E. Weismann: de praepostera Euchar. infantum reductione. Tubingae 1744.

Слѣдующее нововведеніе римское касается до хлѣба употребленнаго въ евхаристіи. Это былъ общій хлѣбъ, который вѣрные приносили въ церковь и возносили къ Богу. Изъ этихъ обычныхъ хлѣбовъ принесенныхъ служащій священникъ избиралъ, какой былъ потребенъ. Такъ какъ этотъ общій хлѣбъ, обыкновенно, былъ кваснымъ (кромѣ пасхальнаго времени у Іудеевъ), то поэтому св. Евхаристія св. отцами просто называется *fermentum* (закваскою). Какъ кажется, съ девятаго вѣка мало по малу начало проникать на западъ употребленіе опрѣсночнаго хлѣба (*azymus*). По крайней мѣрѣ прежде девятаго вѣка нѣтъ яснаго свидѣтельства въ пользу опрѣсночковъ, такъ какъ свидѣтельства, собранныя докторомъ Іосифомъ Джіезе (*Giese*) ¹⁾ или явно искажены или переиначены (e. g. p. 87 *locus Gregorii M. a Thoma Aquinate citatus*) ²⁾ или никакъ не относятся къ дѣлу. Этотъ опрѣсночный хлѣбъ въ послѣдующее время подвергся такимъ видоизмѣненіямъ, что отъ него едва остался видъ хлѣба, и тончайшій кружокъ скорѣе походить на облатку, чѣмъ на человѣческую пищу. Армяне, какъ кажется, приняли опрѣсночки отъ римлянъ во времена крестовыхъ походовъ, хотя Іоаннъ Имаздазеръ у Тсамича (*History of Armen. vol. 11 p. 649*) старается отнести употребленіе оныхъ ко временамъ Григорія Просвѣтителя. На древность опрѣсночковъ изъ римлянъ нападали Іезуитъ Сирмонъ и Кардиналъ Бона, защитникомъ же оной покушался быть Мабильйонъ.

Наконецъ должно замѣтить о злоупотребленіи весьма частымъ причащеніемъ и даже безъ предварительной исповѣди. Этою практикою въ особенности пользовались Іезуиты для того, чтобы привлечь къ себѣ благочестивыхъ женщинъ. Хотя и весьма желательно, чтобы вѣрующіе сколь можно чаще укрѣплялись и освящались

¹⁾ *Erörterung der Streitfrage über den Gebrauch der Azyma als Element der hh. Eucharistie. Von J. Giese. Münster 1852.*

²⁾ Всѣмъ извѣстно, что сочиненіе Оммы Аквината и въ особенности его книга противъ Грековъ совершенно не заслуживаетъ довѣрія относительно цитатъ изъ отцовъ. Казиміръ Оудинъ доказалъ, что эта книга наполнена весьма важными погрѣбностями. См. нашу книгу „*Der einzige sichere Ausweg für die liberalen Mitglieder der römisch-katholischen Kirche.* Halle 1870. p. 94.“ (т. е. единственный вѣрный исходъ для либеральныхъ сочленовъ римско-католической церкви).

тайнствомъ св. причащенія, впрочемъ что же будетъ, если эта святѣйшая пища отъ ежедневнаго употребленія сдѣлается какъ бы обыкновенною пищею?

IV. Тайнство *Покаянія* въ такой степени обезображено римскими нововведеніями, что одни обратили оное въ обманъ, другіе—въ предметъ отвращенія, а нѣкоторые въ средство возбуждать недоумѣнія и безпокойства совѣсти. Быть можетъ, протестанты и не преслѣдовали бы Исповѣдь съ такою ненавистію, если бы эту ненависть не вызвали римскія злоупотребленія, и не обратили, какъ бы въ пословицу, беззаконія и гнусности оной.

Потребовалось бы много времени для исчисленія вѣхъ заблужденій, относящихся къ Тайнству Покаянія. Представимъ только нѣсколько примѣровъ.

Говорятъ, что *пробабиллизмъ*—т. е. такое ученіе, по которому позволительно, отвергнувъ вѣроятнѣйшее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безопаснѣйшее мнѣніе, послѣдовать другому, если только сіе послѣднее заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго вѣроятія ¹⁾. „первоначально былъ придуманъ и одобренъ Испанцемъ Варооломеемъ Мединою, Доминиканскимъ монахомъ (ум. 1581 г).“ Но въ слѣдующемъ 17 вѣкѣ, пробабиллизмъ приобрѣлъ весьма многихъ послѣдователей въ средѣ докторовъ нравственнаго Богословія, и, быть можетъ, изъ онаго, какъ изъ обильнѣйшаго источника, проистекли въ послѣдствіи весьма многія положенія для свободомыслія въ ученіи, заключающіяся въ ихъ книгахъ (Dieckhoff. p. 61). Иезуиты не могли не замѣтить, что если они присвоятъ себѣ подобное послабленіе, конечно, весьма лестное для природы падшаго и развращеннаго человѣка, то это удивительнымъ образомъ усилитъ власть ихъ ордена. Пробабиллизмъ въ рукахъ иезуитовъ сдѣлался такою удобопримѣнимою системою, что, на основаніи онаго, было позволительно слѣдовать всякому мнѣнію, которое утверждается на какихъ бы то ни было основаніяхъ. Ескобаръ и Бузенбаумъ говорятъ: „Достаточно мнѣнія даже одного доктора, чтобы оно сдѣлалось для насъ правиломъ для безопаснаго дѣйствованія“⁴. Такимъ образомъ были по-

1) Compendium Ethicae Christianae catholicae. In usum lectionum academicarum conscripsit B. Dieckhoff. Paderbornae, 1864 p. 59.

трысены и ослаблены всё начала Христіанскія и общественныя, семейныя и государственныя. Хотя, впрочемъ, иногда отдѣльными положенія іезуитовъ и были осуждаемы папами (Алекс. VII, Иннок. XI, Алекс. VIII), но гибельный корень оставался не тронутымъ, доколѣ Григорій XVI не объявилъ торжественно, что духовникамъ позволено во всемъ слѣдовать ученію Альфонса Лигорія (пробабиллиста). Это папское одобреніе пробабиллизма произвело въ Римской церкви въ сильной степени неизлѣчимый нравственный развратъ и заразу. Мы не видимъ здѣсь необходимости перечислять гнусныя, жестокия, безчеловѣчныя положенія пробабиллистовъ, Ескобаръ, Санхеъ Маріана, Суареъ, Молина, Кастро-Палао, Филлицій, Генрихъ, Ж. Гордонъ (Шотландецъ), Тамбурины, Бауни, Карденасъ, Еммануиль Са, Баяенбаумъ и его истолкователь Клавдій Лакруа, Сирмондъ—вотъ, по крайней мѣрѣ, нѣсколько именъ изъ шестидесяти четырехъ іезуитовъ, которые защищали пробабиллизмъ со времени Генриха (1600) до Клавдія Лакруа (1757); тогда какъ семьдесятъ два изъ того же самаго ордена поддерживали Регидія со времени Эммануила Са, Дельриа и Филоцатора (1593) до Александра и Матоса (1759). Но касательно этого я отсылаю читателей къ моей прежней брошюрѣ¹⁾.

Какъ положеніями пробабиллизма ослаблялась нравственность, такъ произвольными правилами казуистическаго Богословія, которыми пользовались богословы и папы, чтобы опредѣлить и ограничить смертныя грѣхи нѣкоторыми вѣрными и какъ бы математически точными границами, (несправедливо и незаконно отягчалась совѣсть.) Кто кромѣ Бога праведно и законно можетъ взвѣшивать и судить личныя и случайныя обстоятельства, которыя насъ или обвиняютъ, или оправдываютъ? Итакъ подобныя разграниченія суть вымыселъ, и притомъ вымыселъ весьма гибельный, который служитъ причиною дѣйствительныхъ смертныхъ грѣховъ. Ибо человекъ, совершающій грѣхъ, который твердо считаетъ смертнымъ, этотъ человекъ уже въ дѣйствительности связываетъ себя смертнымъ грѣхомъ. Такимъ образомъ папская казуистика,

¹⁾ „Die orthodoxe katholische Anschauung, Halle 1865 p. 16—33. Смотри также книги: Die Moral und Politik der Jesuiten. Von Ellendorf. Darmstadt 1840 г. Histoire des jesuites par le Dr. Guettee. Paris 1859. Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи—Самар., перев. Бутурлина, Парижъ 1867 (смотри въ особенности стр. 151—69).

приводя въ заблужденіе совѣсть, содѣлываетъ осужденныхъ и служить власти діавола.

Одно изъ нововведеній Ультрамонтановъ, касающееся покаянія, неизвѣстное, если не ошибаюсь, Цисмонтанамъ, состоитъ въ томъ, что часть грѣховъ можетъ отпускаться, а часть удерживаться. Такъ въ Римской церкви свв. Пудента и Пуденцианы находится надпись, полный текстъ которой мы привели въ нашей брошюрѣ: „Der einzige sichere Ausweg etc.» р. 12. Въ этой надписи говорится: „Ежедневно посѣщающіе эту церковь получаютъ индугенцію на три тысячи лѣтъ и отпущеніе третьей части своихъ грѣховъ и проч.“ Итакъ кто чѣмъ болѣе обремененъ грѣхами, тотъ тѣмъ большую получаетъ пользу отъ посѣщенія церкви. И если отпускается третья часть грѣховъ, то какіе грѣхи отпущены и какіе удержаны? Впрочемъ не наше дѣло разрѣшать эти затрудненія, или, лучше сказать, нелѣпости. И въ этомъ ученіи виденъ также грубый матеріализмъ Римско-католиковъ.

Вся древность, даже до 12 вѣка, свидѣтельствовала, что сокрушеніе о грѣхахъ (*contritio*) составляетъ часть покаянія. Послѣ же того была введена Тридентскимъ соборомъ (Sess. XIV cap. 4) и одобрена такъ называемая „*Аттриція*“ (или несовершенное сокрушеніе). Означенное названіе, неизвѣстное въ священномъ и отеческихъ писаніяхъ, начало распространяться въ школахъ только въ началѣ XIII вѣка, какъ свидѣтельствуеетъ Моринъ (De Poenit. lib. VIII cap. 2)³⁾: „Издrevле было мнѣніе Богослововъ, что совершенно необходимо полное сокрушеніе о грѣхахъ, дабы можно было приступать къ таинству съ пользою. Извѣстно, что это мнѣніе господствовало въ школахъ до Тридентскаго собора, и даже послѣ собора имѣло преслѣдователей въ лицѣ многихъ извѣстныхъ Богослововъ. Но теперь потеряло свою силу (!!), и всѣ вообще учатъ, что „нѣтъ необходимости въ томъ сокрушеніи, которое достигается любовію“ (Liebermann. *ibid.* р. 621). Итакъ что нѣкогда было признано всѣми, то въ послѣдующее время потеряло силу и уступило мѣсто доселѣ неслыханному нововведенію!

³⁾ Institutiones theologicae auctore F. L. B. Liebermann. Moguntiae 1861 tom. II. p. 620.

Наконецъ спрашиваемъ, по какому праву папы могутъ присвоить себѣ власть произвольно рѣшать и дѣйствовать въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и вопросахъ вѣры? По какому праву, безъ законной причины, могутъ они лишать священника сана, который, при рукоположеніи, свыше получилъ власть вязать и разрѣшать? Неужели это епископское позволеніе разрѣшать „въ надлежащее время“ тщетно и напрасно? Власть рукоположенія не можетъ уничтожаться притязаніями юрисдикціи.

Въ нашей брошюрѣ мы уже подробно показали ¹⁾, что ученіе объ индугенціяхъ, которое весьма тѣсно связано съ Римскимъ ученіемъ о покаяніи, есть постыдное и гибельное нововведеніе; поему отсылаемъ читателя къ означенной брошюрѣ.

V. Таинство *Священства* такъ сильно затемнено Римлянами, что доселѣ еще не рѣшенъ вопросъ, въ чемъ состоитъ матерія (вещество) этого таинства. Относительно сего между Богословами существуютъ три мнѣнія. По одному изъ нихъ, необходимая и существенная матерія (вещество) состоитъ единственно въ возложеніи рукъ, врученіе же посвящаемому различныхъ священныхъ предметовъ есть только случайность и частность. По другому— не признается иной существенной матеріи кромѣ означеннаго врученія (rogge-tionem); самое же возложеніе рукъ или смѣшивается съ врученіемъ, или, если и различается, то въ этомъ видятъ одну только обрядность и случайность. Наконецъ по третьему существенная матерія (вещество) состоитъ, какъ въ возложеніи рукъ, такъ и въ врученіи посвящаемому священныхъ предметовъ (Liebman I. c. tom. II. p. 720); замѣчательно, что богословы, затрудняясь въ рѣшеніи этого вопроса, обращаютъ свои взоры къ Востоку, какъ къ руководителю и надежной пристани. Въ оправданіе же этого говорятъ: „Рукоположенія Восточной церкви всегда признавались дѣйствительными въ Западной. Но Восточная церковь признаетъ веществомъ (матерією) таинства единственно возложеніе рукъ. Итакъ эта матерія должна быть существенною и достаточною. Далѣе прибавляютъ, что „древняя церковь, даже Латинская, въ продолженіи десяти вѣковъ всегда рукополагала чрезъ возложеніе рукъ; о передачѣ же священныхъ предметовъ

¹⁾ Der einzige sichere Ausweg etc. p. 10—14.

нигдѣ не упоминается“ (Libegman I с. р. 720). Посему и это также таинство заклеено нововведеніемъ Римской церкви.

Съ восьмага вѣка, какъ въ томъ со стыдомъ признаются сами Римляне, въ Римской церкви употреблялись святотатственные повторенія рукоположеній и продолжались до двѣнадцатаго вѣка. Доказательства этого можно найдти у Януса (стр. 298—300). Въ высшей степени безславіемъ повторенія рукоположеній ознаменовалъ себя оный нечестивѣйшій папа Стефанъ VII, который вырылъ изъ могилы своего предшественника Формозу, осудилъ мертвое тѣло и бросилъ оное въ Тибръ ⁵⁾.—Хотя повторенія рукоположенія были сильно порицаемы и въ настоящее время порицаются всеми Римлянами, но главная важность дѣла полагалась въ томъ, что повторяющіе рукоположенія утверждались на еретическомъ основаніи, такъ какъ епископъ продающій священство (simoniacus) не можетъ дѣйствительно рукополагать и недостойный священнослужитель недѣйствительно совершаетъ таинства. Это еретическое заблужденіе было въ послѣдствіи отвергнуто, какъ протестантское. Тайственная власть священства была подорвана папами и отвесена къ господству юрисдикціи. Когда же будетъ конецъ этимъ папскимъ притязаніямъ? Очевидно папы стремятся къ тому, „чтобы всякая епископская и священническая власть исключительно была положена и сосредоточена въ папѣ, чтобы самъ онъ назначалъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ; чтобы таинство рукоположенія не сообщало никакой дѣйствительной власти, но только дѣлало бы рукоположеннаго мужа готовымъ къ исполненію всѣхъ папскихъ приказаній, тогда какъ одинъ папа долженъ считаться дѣйствительнымъ епископомъ, пресвитеромъ и діакономъ; чтобы уклоненіе отъ повиновенія папѣ не только дѣлало незаконнымъ совершеніе священнослуженія, но даже и недѣйствительнымъ. Наши читатели едва повѣрятъ, что такъ предаются и приносятся въ жертву папской юрисдикціальной жадности существеннѣйшія католическія истины. Но пусть прочтутъ слѣдующія мѣста и изумятся. Кардиналь Кайэтанъ (ар. Roccabert. Bibl. maxim. pontificia. Romae 1699, XIX р. 449) говорить: „По-

⁵⁾ Die Politik der Päpste. V. R. Waxmann. Elberf 1869 vol. II. p. 70—599.

ставилъ Петра... съ тѣмъ, чтобы отъ него переходила преемственно на всѣхъ власть юрисдикціи и *рукоположенія*⁴. Сильверетъ Пріеріасъ (магистръ папскаго дворца) говоритъ: „Ибо отъ блаженнаго Петра произошла вся власть юрисдикціи и епископскаго рукоположенія всѣхъ Апостоловъ“. Кардиналь Якобатій: „Папа и Христосъ составляютъ одинъ и тотъ же совѣтъ, такъ что, за исключеніемъ грѣха, *папа можетъ дѣлать почти все, что и Богъ*“. Декретъ Граціана (ed. Migne 1861 p. 1324): „Святѣйшая Римская церковь даетъ право и авторитетъ святымъ постановленіямъ, но не связывается оными“. Іезуитъ Лэнецъ (одинъ изъ папскихъ пословъ на Тридентскомъ соборѣ) убѣждаетъ отцовъ: „чтобы они, желая отнести постановленіе епископовъ къ Божескому праву, тѣмъ самымъ не уничтожили іерархію“. Онъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „что нѣтъ ни одной власти, или юрисдикціи, которая не произошла бы отъ него самого (т. е. папы), но была получена отъинуду“.

Обязательное безбрачіе духовенства есть безславное Римское нововведеніе. Чѣмъ угоднѣ Богу безбрачіе свободное и добровольное, тѣмъ ненавистнѣ ему безбрачіе принудительное. Но объ этомъ намъ нѣтъ необходимости распространяться подробнѣ, это мы уже сдѣлали въ предыдущей брошюрѣ ¹⁾.

VI. Таинство *Брака* у Римлянъ страдаетъ нововведеніями и заблужденіями. Выше упомянутое обязательное безбрачіе духовенства ввели Римскіе первосвященники, не для того чтобы сдѣлать клиръ ангелоподобнымъ, но чтобы тѣмъ удобнѣ преобразовать людей, свободныхъ отъ узъ семейства, въ папскую когорту. На основаніи историческихъ свидѣтельствъ ²⁾ намъ извѣстно, что это безбрачное духовенство часто проводило жизнь нечистую и порочную. Что нововведеніе обязательнаго безбрачія духовенства противно каноническимъ постановленіямъ — это мы видимъ изъ Сигеберга Гембляцензійскаго около 1074 г. (ар. Prstorium Scriptores Rerum German. Ratisbonae 1733 tom 1. 841): „Папа Григорій (VII) извѣстномъ соборѣ отлучилъ женатыхъ священниковъ отъ Боже-

1) „Der Einzig sichere Ausweg. p. 78 not.“

2) „Die orthodoxe katholische Anschauung“ p. 51—58 et. p. 118—122. Der einzige sichere Ausweg. p. 6. seb.“—„The Orthodox Catholic. Review“ London. 1869 Vol. II. p. 244—256. („Obligatory Clerical Celibacy“).

ственного священнодѣйствія и воспретилъ мірянамъ слушать ихъ миссу (обѣдню), по новому примѣру (какъ многимъ казалось) по необдуманному предубѣжденію вопреки свидѣтельству многихъ святыхъ Отцевъ...“ Ибо Гаягreekій соборъ, правила котораго приняты всею Вселенскою Церковію, имѣеть слѣдующее четвертое постановленіе: „*ἔι τις διακρίνοιτο παρὰ πρεσβυτέρου γεγαμηχότος, ὡς μή χρῆναι λειτουργήσαντος αὐτοῦ προσφοράς μεταλαμβάνειν, ἀνάθεμα ἔστω*“ (Если кто станетъ разуждать о женатомъ священникѣ, что не должно отъ него принимать просфоры, при совершеніи имъ Литургіи, тотъ да будетъ анаѳема). Итакъ что предписалъ Григорій, то уже въ продолженіи семи вѣковъ *воспрещала Вселенская Церковь поди страхомъ отлученія отъ церкви!* Ужели Григорій своимъ авторитетомъ могъ уничтожить постановленіе, принятое Вселенскою церковію? Припомнимъ слова Льва Великаго, Папы Римскаго (Посл. 62 къ Максиму, епископу Антиохійскому): „*Тишина всеобщаго мира ничѣмъ инымъ не можетъ охраниться, какъ только ненарушимымъ благоговѣніемъ къ постановленіямъ церкви.*“

Несомнѣнно то, что Церковь имѣеть власть устанавливать вновь извѣстныя супружескія узаконенія меньшей важности и измѣнять прежнія, смотря по духу времени и обстоятельствамъ. Но эти узаконенія суть не болѣе какъ *дисциплинарныя*, и потому не могутъ касаться сущности таинства, такъ чтобы дѣйствительный бракъ можно было признать въ послѣдствіи не дѣйствительнымъ. Изъ сего слѣдуетъ, что церковь можетъ устанавливать „*Препятствія возбраняющія*“ (*impedimenta prohibentia*), но никакъ — *препятствія уничтожающія* оный — (*impedimenta dirimentia*). Такъ православная Церковь воспрещаетъ пресвитеру вступать въ бракъ послѣ рукоположенія, и если онъ вступаетъ въ оный, то подвергаетъ его каноническимъ наказаніямъ, но впрочемъ, самый бракъ признаеть дѣйствительнымъ. *Impedimenta Dirimentia* имѣють свое начало со временъ Апостольскихъ; они установлены не людьми, а Богомъ. Посему, какъ и догматы, ихъ нельзя ни увеличивать, ни уменьшать. Римская церковь въ этомъ ученіи слѣдуетъ *новому правилу*, такъ какъ тридентскій соборъ (Sess. XXIV de sac. matr. Cap. 4) учитъ, что церковь можетъ постановлять препятствія, расторгаящія бракъ. Кто желаетъ подробно ознакомиться съ этимъ вопросомъ, тотъ пусть прочтетъ брошюру Антонія Тейнера подъ

заглавиємъ: *Variae doctorum Catholicorum opiniones de jures statuendi impedimenta matrimonium dirimentia*⁴. Vratislaviae 1825. Тейнеръ, повидимому, не одобряетъ означенное Римское притязаніе, Николай же Мюнхенъ, уроженецъ Кельна, защищаетъ это Римское „право“ въ книгѣ озаглавленной такимъ образомъ: „*De jure Ecclesiae Catholicae statuendi impedimenta matrimonium dirimentia*“ Coloniae 1827.

Хитрое и весьма гибельное нововведеніе Римлянъ въ брачныхъ дѣлахъ суть *Денежныя пошлины* (*Dispensationes*)¹⁾. Самъ докторъ Бангенъ, усерднѣйшій защитникъ Римской курии, сознается, что денежныя пошлины, предоставленныя Апостольскому казнохранилищу, введены только въ теченіе тринадцатаго вѣка²⁾. Дѣйствительно, эта папская выдумка самая прибыльная. Супружества какъ совершаются, такъ и расторгаются одинаково за деньги. Сколько среди Римлянъ совершается бракосочетаній, которыя въ древней Каѳолической церкви никакъ не были бы признаны законными! Сколько браковъ, освященныхъ папою, которые передъ Господомъ суть ни что иное, какъ палочничество, или прелюбодѣяніе, или кровосмѣшеніе! Денежныхъ пошливъ при совершеніи браковъ не существуетъ въ православной Каѳолической церкви, какъ-то подробно и ясно засвидѣтельствовалъ Цишманъ³⁾.

Римляне хвалятся тѣмъ, что они сохранили совершенную *нерасторжимость* брака, даже болѣе совершеннѣйшую, чѣмъ то заповѣдалъ Самъ нашъ Спаситель, Который прямо сказалъ, что бракъ расторгается влѣдствіе прелюбодѣянія. Впрочемъ эта *нерасторжимость* болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, такъ какъ Римская хитрость легко нашла заднюю дверь, которою можетъ выдти человекъ, недовольный своею судьбою. Восточная церковь признаетъ единственное основаніе для расторгенія брака именно прелюбодѣяніе. Но, по мнѣнію Римлянъ, можно растор-

1) „Das Verbot der Ehe innerhalb der nahen Verwandtschaft, nach der heiligen Schrift und nach den Grundsätzen der christlichen Kirche dargestellt von H. W. J. Thiersh“. Nordlingen. Beck. 1869.

2) Die Römische Curie ihre gegenwärtige Zusammensetzung und ihr Geschäftsgang. Von. I. H. Bangen. Munster 1854. p. 398.

3) Das Eherecht der Orientalischen Kirche. Von. Dr. Jos. Zhishman. Wien. 1864 p. 713 seq. Cf. p. 709 seq.

гать брак „условленный, но еще не совершившийся“ *Различіе религиознаго культа* служить для Римлянъ поводомъ къ расторженію брака, хотя не въ Европѣ, ⁴⁾ но въ южной Америкѣ. Я сказала: „хотя не въ Европѣ“, но весьма недавно одна женщина Римско-католическаго исповѣданія, соединенная бракомъ съ Русскимъ православнымъ, получила въ Римѣ расторженіе брака, якобы „по причинѣ неизмѣннѣя свободнаго согласія“. Впрочемъ эта-же самая женщина никогда не жаловалась прежде на это неизмѣннѣя свободнаго согласія, и супруги жили мирно вмѣстѣ, и имѣли многихъ дѣтей!

Что Римляне при совершеніи бракосочетаній ищутъ не Каѳолической истины, но Латинской корысти, это можно видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ, находящихся въ вышеупомянутой книгѣ: *Perbrevis Instructio... Mandato Papae Clementis VIII. excus. Romae 1597 et 1671 p. 7*: „Мужъ Римскій католикъ не долженъ слѣдовать обрядамъ жены Греко-каѳолички (Уніатки). Жена Римско-каѳоличка не должна слѣдовать обрядамъ своего мужа Греко-каѳолика. Жена-же Греко-каѳоличка должна слѣдовать обрядамъ своего мужа Римско-католика.... Дѣти должны слѣдовать обрядамъ своего отца, если только мать ихъ не будетъ Римско-католичка“. Вотъ все поглощающій и все сосредоточивающій въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ духъ Романизма!

VII. Таинство *Елеосвященія* страдаетъ у Римлянъ въ особенности тремя нововведеніями. Во-первыхъ Апостоль Іаковъ (V. 14) увѣщаетъ больного призвать пресвитероѡ (не говорить пресвитера), которые „помолились бы надъ нимъ, помазавши его елеемъ во имя Господне“. Посему въ православной церкви это Таинство, если есть возможность, совершается при соучастіи нѣсколькихъ (семи) пресвитероѡ. Отсюда въ нѣкоторыхъ частяхъ Россіи оно называется „таинствомъ Соборованія“ (т. е. совершаемымъ соборомъ пресвитероѡ)

Въ православной церкви елей, употребляемый при елеосвященіи, освящается пресвитерами, а въ Римско-католической одними только епископами.

⁴⁾ Die 19 junii 1793 a Congregatione Concilii matrimonia coram ministre Aetholico inita *valida* declarata sunt. Cf. Die Gemischten. Ehen. Von Dr. Fried. Kunstmann. Regensburg. 1839. p. 180.

Главнѣйшимъ образомъ Римляне и Православные не сходятся между собою касательно времени, въ которое можно совершать это таинство. Ученіе Римско-католиковъ, что это таинство можно совершить только тогда, когда уже нельзя надѣяться на жизнь больного и человѣкъ можетъ выздороветь только какимъ-либо чудомъ,—несправедливо и незаконно. Слова Іакова „и молитва твоя спасетъ болящаго и воздвигнетъ его Господь“ ясно указываютъ, что еще не наступила минута крайней опасности. Римляне думаютъ иначе, когда преподаютъ это таинство, какъ напутствіе, однимъ только отчаянно больнымъ, почти умирающимъ. Отъ этого обыкновенія или, лучше сказать, злоупотребленія Римлянъ, таинство елеосвященія получило названіе у нихъ: *послѣдняя помазанія* (*extremae unctionis*); каковое наименованіе было введено вмѣстѣ съ нововведеніемъ послѣ двѣнадцатаго вѣка (Mabillon. Praef. in saec. 1. Bened. n. 98)

Вотъ эти критическія замѣчанія о семи таинствахъ для образца и доказательства, какъ безнадежно, подобно желѣзу, съѣденному ржавчиной, повреждены Римскимъ духомъ нововведенія святѣйшія таинства религіи. Изслѣдуй догматы и постановленія Римской церкви, прослѣди исторію оной, во всѣхъ ея тайнахъ и изгибахъ и ты найдешь тотъ же самый духъ нововведенія. Но откуда этотъ духъ? Кто его родители? Не есть ли этотъ духъ нововведенія, одинъ и тотъ же, какъ и духъ стремленія къ исподству, который, постепенно усиливаясь, уничтожаетъ препятствіе за препятствіемъ? И этотъ духъ стремленія къ господству не есть ли духъ *папизма*, который озаботился соединить вмѣстѣ духовную и свѣтскую власть для скорѣйшаго своего паденія?

Жребій брошенъ! Какой-то неумолимый судъ (*ἀττι*) стремительно увлекъ отцевъ Ватиканскаго собора въ бездну папской непогрѣшимости. Новый догматъ, признанный недавно всѣми учеными и благочестивыми епископами, бывшими на соборѣ, неслыханномъ въ древности, нарушающемъ церковное устройство, противорѣчащемъ исторіи, открывающемъ путь къ схизмѣ—этотъ новый догматъ, говорю, теперь уже открыто принять и обнару-
 свори. пропов. и рѣч. 53

дованъ тѣми же самыми несостоятельными въ своихъ убѣжденіяхъ епископами, которые незадолго до сего мужественно защищали древнюю вѣру пасомыхъ, вѣранныхъ ихъ попеченію. Это епископское малодушіе не болѣе ли всего доказываетъ, что привычка къ раболѣпству передъ папою заглушаетъ всѣ благороднѣйшія стремленія духа и привлекаетъ всѣхъ къ постыдной покорности? Что теперь должно дѣлать овцамъ, покинутымъ своими пастырями? Ужели они должны повиноваться голосу своихъ епископовъ-отступниковъ, и предпочесть панскую похвалу—порицанію совѣсти, т. е. голосъ человѣческой — голосу Божиюму? Обстоятельства располагаются такъ, что, быть можетъ, весьма многіе безразсудно, съ повязкою на глазахъ, послѣдуютъ за своими епископами.

Но посмотримъ, что за люди эти послѣдователи. Во первыхъ это *непостоянная чернь*, которая, избѣгая труда мыслить, ослѣпленная невѣжествомъ, руководится индифферентизмомъ, или фанатизмомъ. Во вторыхъ, это *фанатики и фанатички*, увлеченные видимостію благочестія, и слѣдующіе совѣтамъ людей безпокойныхъ и мятежныхъ, такихъ людей, которые „*ad majorem Dei gloriam*“ разжигаютъ и поощряютъ борьбу партій для того, чтобы самимъ получить власть; которые злоупотребляютъ исповѣдью для усиленія и своихъ доходовъ и своего авторитета; которые, поселяя въ семействахъ раздоры, *раздѣляютъ чтобы властвовать* (*dividunt ut imprent*) и желаютъ панской непогрѣшимости единственно для того, чтобы самимъ управлять обезсиленнымъ (*veurobпастъ*) папою. Въ третьихъ, это многочисленный разрядъ тѣхъ людей, для которыхъ религія составляетъ *условное дѣло*, а не дѣло совѣсти и правило жизни. Эти недѣятельные и разслабленные люди любятъ спокойствіе, не желаютъ раздражаться, согласны признать лучше какой бы то ни было догматъ, чѣмъ нарушать свой покой, слѣдуютъ за большинствомъ, и если хорошо имъ, то держатъ сторону тѣхъ и другихъ. Въ четвертыхъ, это *низшій клиръ*, подчиненный власти высшихъ, и достойный всякаго сожалѣнія. Эти несчастные жалуются одинъ другому: „*Что мнѣ дѣлать; господина моего отниметъ отъ меня управленіе домою? Копать не могу, просить стыжусь*. Знаю, что дѣлать: „*буду безуменъ съ безуменными*“.

Остается цвѣтъ и сила войска, которое, оставаясь вѣрнымъ

своему Вождю Христу, не страшась ни тиары, ни митры, старается охранить истину: „Не бойся, малое стадо! ибо Отецъ Вашъ благоволилъ дать вамъ царство“. (Лук. 12—32). А это малое стадо, какъ кажется, чуждо всякаго малодушія, когда члены онаго не поколебались всенародно заявить свои имена.

Пій IX, увлеченный нечестивымъ совѣтомъ Іезуитовъ, является какъ бы осужденный грознымъ судомъ Божиимъ. Онъ хотѣлъ утвердить церковь и вѣру—но поколебилъ ту и другую. Онъ намѣревался подчинить православную церковь Римской—но самъ невольно сдѣлался сильнѣйшимъ орудіемъ Провидѣнія для приготовления умовъ Римско-католиковъ въ пользу Православія. Онъ общалъ чрезъ Ватиканскій соборъ водворить на землѣ всеобщій миръ и спокойствіе—и вотъ, лишь только обнародованъ декретъ о непогрѣшимости, какъ открылась смертоносная война между двумя величайшими народами. Папа царъ лишается своего царства. Плебисцитомъ самихъ Римскихъ гражданъ онъ низводится съ царскаго трона. Изъ всѣхъ владыкъ Римско-католическаго міра ни одинъ ни дѣлаетъ ни малѣйшаго усилія для поддержанія разваливъ панства. По истинѣ злосчастно было папство Пія *).

Но что должно дѣлать либеральнымъ Римско-католикамъ, отвергающимъ папскую непогрѣшимость? Будутъ ли они попрежнему признавать папу-еретика? Или, быть можетъ, замѣнятъ его анти-папою? Или наконецъ вступятъ на единственно безопасный и вѣрный путь и пожелаютъ возвратиться къ тому времени, когда востокъ и западъ, нераздѣленные еще схизмою, составляли одну недѣлимую и нераздѣльную Каѳолическую церковь?

Восточная Православная церковь ненарушимо сохраняетъ первенствующую вѣру и церковные обряды, тогда какъ Римская церковь, переходя отъ нововведенія къ нововведенію, нарушаетъ непрерывность вѣры и церковнаго устройства.

Возлюбленнѣйшіе братья! Возвратясь къ этому Каѳолическому Правленію. Ваши западные обряды останутся неприкосновенными. Подпишите подъ ниже слѣдующимъ прошеніемъ и препроводите

*) Достоинно замѣчанія, что изъ словъ: Πίος Πάππας Ῥώμης, если обратитъ вниманіе на числовое значеніе буквъ (80+10+70+200+80+1+80+1+200+100+800+40+8+200=1870) выходитъ прошедшій 1870 годъ.

ваши подписи въ Святѣйшій Савктъ-Петербургскій Синодъ, который уже одобрилъ желанія прошенія. Греческій текстъ я препроводилъ къ Константинопольскому патріарху 25--13 января 1868 года.

Вслѣдъ за опроверженіемъ римскихъ нововведеній въ ученіи о таинствахъ, авторъ брошюры, д. Овербекъ, предлагаетъ прошеніе въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ русской церкви, написанное на латинскомъ и греческомъ языкѣ. Предлагаемъ вниманію читателей декретъ флорентинскаго собора объ единеніи. Въ предисловіи къ нему авторъ замѣчаетъ слѣдующее:—

„Если между соборами „Ефесскій Разбойничій“ представляетъ грубое насиліе, а „Ватиканское Послѣшнице“ отсутствіе свободы, лживость доказательствъ и деспотизмъ большинства, то флорентинскій, подлинно, совмѣщаетъ въ себѣ характеристическія черты того и другаго собора. Всякій изъ насъ, кто только внимательно и безъ раздражительности прослѣдитъ исторію флорентинскаго собора, не только найдетъ въ немъ заблужденія и погрѣшности папской системы и шаткія положенія римскихъ догматовъ, но и увидитъ, что нѣтъ другаго пути къ возстановленію древней католической западной церкви, кромѣ указаннаго нами выше, именно, состоящаго въ возвращеніи къ тому церковному положенію, которое существовало прежде великаго разъединенія.

„Главная суть, и, какъ бы, вся сущность флорентинскаго собора заключается въ декретѣ единенія. По тому самому мы рѣшились издать этотъ документъ съ оригинальной, писанной на пергаментѣ, рукописи, сохранившейся въ британскомъ музеумѣ, чтобы читатель изъ этого новаго примѣра могъ ясно видѣть тотъ духъ лжи, который заразилъ, на подобіе яда, римскую церковь, ея устройство и догматы. Вотъ два текста декрета, противорѣчащіе одинъ другому. Одинъ цѣльный, другой поддѣланный. Тотъ и другой засвидѣтельствованъ собственноручными подписями отцевъ. Одинъ пространно учитъ о главенствѣ папы, и не признаетъ власти патріарховъ; другой же менѣе настаиваетъ на папскій авторитетъ, и болѣе обращается къ привиллегіямъ патріарховъ. Кому не ясно, что эта хитро-составленная двоякая форма декрета придумана нарочно съ цѣлю, чтобы одною оградить римскія привиллегіи, или, лучше сказать, злоупотребленія, а другою подставить ловушку для неосторожныхъ грековъ, и тѣмъ болѣе уловить

чихъ въ свои сѣти словами, которыя отзываются неправославнымъ духомъ.

„Мы подробно издаемъ текстъ, и ничего не измѣняемъ въ немъ, развѣ только, слѣдуя принятому обыкновенію, приводимъ вполнѣ сокращенія словъ и заглавныя буквы“.

За тѣмъ въ брошюрѣ слѣдуетъ самый декретъ. Передадимъ его, по возможности, ближе къ тексту, придерживаясь буквального перевода Вотъ онъ:

Евгеній Епископъ рабъ рабовъ Божіихъ для вѣчной памяти о событіи, по согласію на нижеписанное любезнѣйшаго сына нашего, преславнаго Римскаго императора Іоанна Палеолога, и соизволенію достопочтенныхъ нашихъ братьевъ патріарховъ и прочихъ представителей Восточной церкви. Да радуются небеса; и да веселится земля; ибо разрушено средостѣніе, раздѣлявшее Восточную и Западную церковь, и возвратились миръ и согласіе, сущу краеугольну камени оному Христу, который привелъ къ единенію ту и другую, соединилъ крѣпчайшими узами любви и мира — ту и другую стѣну, — связалъ и упрочилъ союзомъ вѣчнаго единства; и вотъ, послѣ долговременной печали и прискорбнаго сильнаго мрака продолжительнаго разединенія, возсіялъ для всѣхъ яркій свѣтъ желаннаго единенія. — Да радуется и мать церковь, видя, что ея чада, доселѣ находившіяся между собою въ несогласіи, теперь возвратились къ единству и миру; и пусть она доселѣ горько оплакивавшая ихъ разъединеніе, съ несказанною радостію возблагодаритъ теперь Всемогущаго Бога за ихъ удивительное настоящее согласіе. Пусть привѣтствуютъ другъ друга съ радостію всѣ вѣрные, по всей землѣ, и всѣ носящіе имя христіанъ пусть сорадуются матери католической церкви. Ибо вотъ западные и восточные отцы, послѣ весьма долговременнаго раздора и несогласія, подвергаясь опасностямъ на морѣ и сушѣ, и преодолевъ всѣ трудности, съ радостію и поспѣшностію стеклись на сей священный вселенскій соборъ, одушевленные желаніемъ священнѣйшаго единенія и возобновленія древней любви, и они никакъ не обманулись въ своемъ намѣреніи. Ибо послѣ долгихъ тщательныхъ изслѣдованій, они, наконецъ, по милости Св. Духа, достигли вожделѣннѣйшаго и святѣйшаго единенія. Итакъ, кто въ состояніи достойно возблагодаритъ Господа за Его благодѣянія? Кто не изумится предъ богатствомъ Божественнаго милосердія? Чье сердце,

хотя бы то и желѣзное, не смягчится отъ величія толикой бла-
 гости? По истинѣ, это Божескія дѣла, избрѣтенныя не человѣ-
 ческою немощію, и потому должно взирать на оныя съ величай-
 шимъ благоговѣніемъ и превозносить Божескими похвалами. Тебѣ
 хвала, Тебѣ слава, Тебѣ благодареніе Христе, Источниче мило-
 сердія, Тебѣ, Который даровалъ столько благъ Твоей невѣстѣ,
 католической церкви, и явилъ въ нашемъ родѣ чудеса Твоего ми-
 лосердія, дабы всѣ повѣдали объ оныхъ. Столь великій и божест-
 венный даръ низпослалъ намъ Господь, и мы, во очію, видимъ
 то, чего многіе, хотя и сильно желали, не могли видѣть. Ибо
 собравшіеся римляне и греки, весьма ревностно, общими силами,
 заботились на этомъ святѣйшемъ вселенскомъ соборѣ—сколь воз-
 можно внимательнѣе и тщательнѣе, между прочими членами, об-
 судить и оный членъ о Божественномъ исхожденіи св. Духа, —
 Когда были представлены свидѣтельства изъ Божественныхъ пи-
 саній и весьма многихъ авторитетныхъ св. учителей восточныхъ
 и западныхъ, когда одни говорили, что Св. Духъ исходитъ отъ
 Отца и Сына, а другіе—отъ Отца чрезъ Сына, и когда всѣ, вы-
 ражаясь различными словами, приходили къ одному и тому же
 смыслу, при чемъ греки, впрочемъ, утверждали, что они предла-
 гаютъ свое ученіе объ исхожденіи св. Духа отъ Отца не въ томъ
 смыслѣ, чтобы исключать Сына, но поелику имъ казалось (гово-
 рять они), что римляне признаютъ исхожденіе св. Духа отъ От-
 ца и Сына какъ бы отъ двухъ началъ и двухъ дыханій (?)
 (spiracionibus), а потому они и уклонялись отъ ученія, что св.
 Духъ исходитъ отъ Отца и Сына.—Римляне же утверждали, что
 они не въ томъ смыслѣ учатъ объ исхожденіи св. Духа отъ От-
 ца и Сына, чтобы исключать Отца, что онъ не есть источникъ
 всего Божества, т. е. Сына и Святаго Духа, или что исхожденіе
 Св. Духа отъ Сына не дано Сыну отъ Отца,—и не полагаютъ,
 что есть два начала или два исхожденія,—но что признаютъ одно-
 только начало и одно исхожденіе св. Духа точно такъ, какъ ут-
 верждали и доселѣ. И когда во всемъ этомъ выразился одинъ и
 тотъ же смыслъ истины, то они единодушно согласились и соиз-
 волили на нижеуказанное святое, пріятное Богу, единогласное и
 единомысленное единеніе.—И такъ во имя Св. Троицы, Отца и
 Сына и Св. Духа, съ одобренія сего священнаго вселенскаго Фло-
 рентинскаго Собора, мы опредѣляемъ, чтобы всѣ христіане въ-

рили въ эту истину и принимали оную, и чтобы все такъ исповѣдывали ее, что Св. Духъ вѣчно есть отъ Отца и Сына, и свое существо и свое бытіе имѣетъ отъ Отца и вмѣстѣ отъ Сына, и отъ обоихъ исходить вѣчно, какъ отъ одного начала и одного дыханія (?) (spiratione). Мы объявляемъ, что ученіе Св. Учителей и Отцевъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына, направлено къ тому, что бы чрезъ сіе обозначить, что, по мнѣнію грековъ. Сынъ есть причина, по мнѣнію же римлянъ, начало бытія Св. Духа также, какъ Отецъ. И по елику все, что имѣетъ Отецъ, Самъ Отецъ далъ рожденіемъ Единородному Своему Сыну, кромѣ Отчества, то слѣдовательно исхожденіе Св. Духа отъ Сына—Самъ Сынъ вѣчно имѣетъ отъ Отца, отъ Котораго вѣчно и рожденъ. Сверхъ того опредѣляемъ, что прибавленіе оныхъ словъ *и отъ Сына* сдѣлано въ Символѣ законно и основательно для объявленія истины, и вслѣдствіе настоявшей тогда необходимости. Также опредѣляемъ, что опрѣсночный или квасный пшеничный хлѣбъ истинно прелгается въ Тѣло Христово, и что священники должны совершать таинство Тѣла Господня на каждомъ изъ нихъ, конечно, всякій по обычаю своей церкви, Западной или Восточной. Еще опредѣляемъ, что если истинно кающіеся умрутъ въ любви Божіей, прежде чѣмъ заглядятъ свои грѣхи и проступки плодами достойными покаянія, — души ихъ послѣ смерти очищаются муками чистилища, и что для облегченія этихъ наказаній имъ помогаютъ ходатайство живыхъ вѣрующихъ, именно принесеніе безкровной жертвы, молитвы и милостыни, и другія дѣла благочестія, которыя обыкновенно дѣлаются вѣрующими за вѣрующихъ по установленіямъ церкви. Еще опредѣляемъ, что души тѣхъ, которые послѣ крещенія не запятнали себя совершенно никакимъ грѣхомъ, а также и тѣхъ, которые, согрѣшивши, очистились вышесказаннымъ способомъ или при жизни, или по своей смерти,—тотчасъ принимаются на небо и ясно созерцаютъ Самого Тріединого Бога, какъ Онъ есть; впрочемъ, по различію заслугъ, одинъ совершеннѣе другаго. Души же тѣхъ, которые умираютъ въ дѣйствительномъ смертномъ грѣхѣ или одномъ прародительскомъ, тотчасъ нисходятъ во адъ, впрочемъ будутъ подвержены не одинаковымъ мукамъ. Также опредѣляемъ, что святая апостольская кафедра и римскій первосвященникъ имѣютъ первенство во всей вселенной и что самъ римскій первосвящен-

никъ есть намѣстникъ блаженнаго Петра, верховнаго изъ апостоловъ, и истинный Викарій Христовъ и глава всей церкви, и отецъ и учитель всѣхъ христіанъ, которому Господомъ Нашимъ Иисусомъ Христомъ въ лицѣ Св. Петра дана полная власть пасти и управлять вселенскою церковію, какъ это излагается въ дѣяніяхъ Вселенскихъ соборовъ и въ Святыхъ Правилахъ. Въ заключеніе повторяемъ порядокъ, переданный въ постановленіяхъ, въ какомъ должны слѣдовать прочіе достопочтенные патріархи, именно, что вторымъ послѣ святѣйшаго Римскаго Папы долженъ считаться патріархъ Константинопольскій, третьимъ — Александрійскій, четвертымъ Антиохійскій и пятымъ — Иерусалимскій, разумѣется, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ. Данъ во Флоренціи въ соборномъ общественномъ засѣданіи, торжественно происходившемъ въ великой церкви, въ тысячу четыреста тридцать девятомъ году отъ Воплощенія Господня, наканунѣ Іюльскихъ Нонъ, на девятомъ году нашего папства.

Лондонскій экземпляръ Флорентійскаго декрета объ Единеніи.

(Извлечено изъ Augsb. Allg. Zeitung. 20 Mai 1870).

Ридингъ (Англія), 16 Мая. — 9 числа означеннаго мѣсяца я отправился отсюда въ Лондонъ съ цѣлію розыскать подлинный оригинальный документъ, посланный папою Евгеніемъ IV, къ королю Англійскому Генриху VI, прежде чѣмъ разѣхались отцы собора. Послѣ нѣсколькихъ разспросовъ я отыскалъ его въ Коттонскомъ (Cottonishen) собраніи рукописей Британскаго музеума. Какъ текеть для сличенія, я имѣлъ при себѣ акты Флорентійскаго собора, изданные въ Римѣ однимъ Бенедиктинскимъ монахомъ (о. Ансельмомъ Никк'омъ), Греческіе въ 1864, а Латинскій въ 1865 году.

Лондонскій документъ помѣщается на большомъ, широкомъ, пергаментномъ листѣ, и написанъ въ двухъ соответствующихъ колоннахъ по-латыни и по-гречески. Латинскій шрифтъ красивѣе и явственнѣе Греческаго, но такъ что, при этомъ, и Греческій текстъ нельзя назвать неявственнымъ. На нѣкоторыхъ сгибахъ пергаментнаго листа оказалось около четырехъ или пяти словъ

неразборчивыхъ и не четкихъ. Я обратилъ на это вниманіе хранителя рукописей (архиваріуса), и онъ обѣщаль мнѣ расправить рукопись на особенной, приспособленной для сего доскѣ.

Изъ сличенія моего документа съ текстомъ Никк'а (который, безъ всякаго сомнѣнія, заимствованъ изъ Римскихъ рукописей) оказалось точное согласіе *) того и другаго, какъ въ Латинскомъ, такъ и въ Греческомъ текстѣ. Естественно, что о. Никк'ъ привелъ вполнѣ сокращенія, и передѣлалъ по новѣйшему орфографію и пунктуацию, но текстъ (хотя и не всегда какъ текстъ) въ буквальномъ отношеніи передаетъ онъ вѣрно. Единственная вольность (впрочемъ не маловажная), позволяемая имъ себѣ, состоитъ въ томъ, что новѣйшую, дополненную по Латинскому, рецензію, онъ выставляетъ за самый текстъ, а разногласія между собою въ словахъ и выраженіяхъ Диптиха отмѣчаетъ на поляхъ рукописи, какъ отступленія. Такимъ образомъ хотя онъ и не скрываетъ истину, но я предоставляю разсудить каждому безпристрастному читателю, не есть ли указаніе на первоначальный текстъ въ такихъ примѣчаніяхъ, которыя легко можно просмотрѣть на поляхъ рукописи, или игнорировать, въ нѣкоторомъ родѣ іезуитская продѣлка? Теперь просмотримъ внимательнѣе на извѣстное мѣсто о папскомъ главенствѣ. Но прежде должно замѣтить, что въ документѣ, находящемся предъ нами, оба текста—*оффициальные* (officiell), и ни одинъ изъ нихъ нельзя считать добавленіемъ другаго, потому что собственноручныя подписи одинаково находятся какъ подъ греческимъ текстомъ, такъ

*) Безъ сомнѣнія есть незначительныя измѣненія между нашимъ и Диптихомъ Никк'а; впрочемъ оныя не измѣняютъ смысла, развѣ только за исключеніемъ слѣдующаго мѣста во вступленіи:—„... Ἀδελφῶν ἡμετέρων (τῶν) πατριάρχων (καὶ τῶν λοιπῶν) τῶν τῆν ἀνατολικῆν ἐκκλησίαν παρίστανόντων.“ Это латинизированный текстъ Никка. Словъ, которыя мы ограничили скобками, нѣтъ въ нашемъ Диптихѣ. Нашъ текстъ прямо и откровенно представляетъ столь ненавистную Риму теорію патріарховъ. Тогда какъ Никк'ъ измѣненіямъ своего Диптиха даетъ весьма скромное мѣстечко на поляхъ рукописи; такимъ образомъ очень легко можетъ быть что его Диптихъ и сходствуетъ съ нашимъ, но что, при этомъ, онъ забылъ просмотрѣть измѣненія своего текста, или отмѣтить отступленія. Что нѣчто подобное встрѣчается легко и часто (къ сожалѣнію по большей части въ важныхъ мѣстахъ)—это давно извѣстный фактъ.

и подъ латинскимъ; такъ императоръ Иоаннъ Палеологъ подписался подъ греческимъ, а папа Евгенийъ съ 42 прочими латинскими епископами подъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Хотя автографы и хорошо сохранились, но большею частію почеркъ ихъ дурень. Если подпись Евгения дѣйствительно принадлежитъ ему, то должно сознаться, что онъ владѣлъ удивительно красивымъ почеркомъ.

Но обратимся къ вышеупомянутому мѣсту. Оно гласитъ слѣдующее:

<p>Item diffinimus, sanctam apostolicam sedem et Romanum pontificem, in universum urbem tenere primatum et ipsum pontificem Romanum succes- sorem esse beati Petri etc.</p>	<p>Ἐτι ὀρίζομεν τὴν ἁγίαν ἀποστολικὴν καθέδραν καὶ τὸν ρωμαϊκὸν ἀρχιερέα διάδοξον εἶναι τοῦ μακαρίου Πέτρου χ. τ. λ.</p>
---	--

Итакъ поставленные здѣсь въ латинскомъ текстѣ курсивомъ слова, не добавлены при перепискѣ въ послѣдующее время какимъ либо неизвѣстнымъ лицомъ, но официально поддѣланы и засвидѣтельствованы собственноручными подписями императора, папы и 42 епископовъ.

И (Ватиканскій) Диптихъ о. Никк'а содержитъ латинско-греческій текстъ означеннаго мѣста, точно въ томъ же видѣ, какъ я привелъ его выше. Греческій текстъ о. Никк'а хотя и имѣетъ греческое дополненіе латинскаго текста: εἰς πᾶσαν τὴν οἰκουμένην τό πρωτεῖον κατέχειν, αὐτόν τι τὸν ρωμαϊκὸν ἀρχιερέα безъ дальнѣйшаго прибавленія, но въ одномъ изъ замѣчаній на поляхъ сказано: λείπει ἐν τῷ διπτύχῳ. Такимъ образомъ означеннаго мѣста нѣтъ даже и въ томъ Диптихѣ, который о. Никкъ получилъ изъ Рима. Въ этомъ требуютъ исправленія Бреквиньи и Янусъ (замѣч. 360), которые, кромѣ англійскаго документа, по видимому, не знали никакого другаго имѣвшаго греческій текстъ съ вышеупомянутымъ дополненіемъ.

Извѣстное καὶ ὃν τρόπον καὶ въ нашемъ документѣ переведено черезъ quomodo etiam, что также первоначальное, а не позднѣйшее измѣненіе.

Замѣчательно то, что греческій текстъ въ нашемъ документѣ занимаетъ столько же мѣста, какъ и латинскій, хотя въ первомъ и не достаетъ отъ 9 до 12 словъ выпущеннаго латинскаго вводнаго предложенія.

Просто ли это случай, или напротивъ хотѣли избѣгнуть даже самаго вида сокращеннаго текста? Едва ли можно было опасаться въ Англии точнаго сличенія обоихъ текстовъ при низкой степени образованія того времени. Тѣмъ менѣе можно было подумать о пропускѣ въ греческомъ текстѣ, что оба эти текста въ теченіе долгаго времени считались одинаковыми. Далѣе, сложныя сокращенія въ греческомъ дѣлали затруднительнымъ чтеніе онаго. Наконецъ подпись греческаго императора, написанная красными чернилами, большими и крупными буквами, видимо уничтожала всякое сомнѣніе въ подлинности и достовѣрности засвидѣтельствованнаго ею текста. Сверхъ всего этого документъ имѣлъ подъ собою подпись папы. Такимъ образомъ довольствовались чтеніемъ красиваго, вездѣ четко написаннаго, латинскаго текста, и греческій принимали за вѣрное, истинное воспроизведеніе латинскаго.

Профессоръ д-ръ I. I. Овербекъ.

Когда уже было написано все вышеозначенное, то явилась брошюра д-ра Фромана о флорентійскомъ декретѣ единенія *). Авторъ оной съ истинно нѣмецкимъ трудолюбіемъ и большою ученостію собралъ матеріалы для своего труда, но, къ сожалѣнію, въ нихъ недостаетъ должной обработки и критическаго обсуждения; посему можно только отчасти обременять себя напраснымъ трудомъ. Если д-ръ Фроманъ (Augsb. Allg. Z. Juni. 1870.) упрекаетъ меня, что я въ предыдущей статьѣ не разсмотрѣлъ ближе подписи моего манускрипта, то и я съ своей стороны напрасно искалъ въ его брошюрѣ такого мѣста, гдѣ бы онъ это сдѣлалъ. Въ особенности я долженъ назвать неудавшимся то отдѣленіе его брошюры, въ которомъ онъ старается разъяснить отступленія въ томъ и другомъ текстѣ. Какъ бы ни было остроумно разсужденіе о пунктуаци, но едва ли оно кого убѣдитъ. Во всякомъ случаѣ двойной текстъ не простое, случайное явленіе, но направленное къ извѣстной цѣли. Если бы существовали многіе различные тексты, тогда, пожалуй, можно было бы думать о случаѣ, небрежности и т. п. Но теперь существуютъ только

*) Zur Kritik des florentiner Unions dekrets. Leipzig. 1870.

два текста. Подробнѣйшій, явно провозглашающій папское главенство, существуетъ только въ одной парѣ экземпляровъ. Кратчайшій, намѣренно умалчивающій объ ономъ, заключается во всѣхъ остальныхъ многочисленныхъ экземплярахъ и копіяхъ. Подробнѣйшій очевидно назначенъ къ тому, чтобы быть архивнымъ, не легко доступнымъ кабинетнымъ достояніемъ, къ которому можно было бы прибѣгнуть только въ случаѣ нужды для подтвержденія ученія о папскомъ главенствѣ. Кратчайшій явно былъ назначенъ для распространенія и гласности. Но (спросить), если кратчайшій текстъ назначенъ преимущественно для Грековъ и имѣтъ въ виду особенно ихъ, то за чѣмъ оный распространенъ на всемъ Западѣ? Отвѣтъ: 1) потому что Западъ уже давно вѣровавшій въ папское главенство могъ принимать кратчайшій текстъ только въ смыслѣ подробнѣйшаго, и такимъ образомъ чрезъ это не могло произойти ни малѣйшаго вреда для папскихъ видовъ на Западѣ; 2) скорѣе должно было бы опасаться вреда для папства, если бы Греки узнали, что на западѣ существуетъ другой текстъ, пространный Греческаго. Теперь, можно было уничтожить всякое недоразумѣніе со стороны Грековъ, показавши имъ, какъ повсюду на западѣ распространенъ этотъ краткій текстъ. Но это повсемѣстное распространеніе было только хитрою ловушкою, черезъ которую думали имѣть возможность спастись отъ обвиненія въ намѣренномъ подлогѣ. Если бы Греки уніаты сдѣлались когда-либо послушными учениками, если бы другое, болѣе рѣшительное поколѣніе вознамѣрилось дѣйствовать въ видахъ римскихъ интересовъ, то этотъ дубликатъ можно было обнародовать всегда, такъ какъ цѣль уже достигнута. Вотъ совершенно естественное объясненіе такого явленія, которое, безъ всякаго сомнѣнія, предполагаетъ со стороны папистовъ „оффициальный подлогъ“, заслуживающій тяжкаго обвиненія, котораго едвали можно избѣгнуть, не смотря на ни на чемъ не основанныя возраженія Пихлера, помѣщенныя недавно въ *Augsb. Allg. Z.* Или быть можетъ, въ будущемъ дадутъ другое, сколько нибудь основательнѣйшее объясненіе? Ни одинъ разсудительный человекъ не можетъ и не станетъ представлять себѣ здѣсь случай. Весь безпримѣрный, запутанный интригами, лицемѣрный ходъ Флорентійскаго собора составляетъ не только предполагать, но и даетъ чувствовать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ глубоко обдуманномъ планомъ хитраго

Евгенія и его сото арищей. Сверхъ того уже давно доказано фактически, что *официальная ложь* совсѣмъ не принадлежитъ къ рѣдкостямъ въ папской церкви.

Въ заключеніе замѣтимъ еще слѣдующее, что было бы гораздо лучше: если бы въ своей брошюрѣ д-ръ Фроманъ воздержался отъ косвенныхъ нападеній на православную церковь. Это было бы исполнѣ желательнѣ и совершенно для него полезно *).

Бесѣды Д. Овербена о возстановленіи западной православной церкви **).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый вниманію читателей рядъ бесѣдъ, обращенныхъ къ западнымъ православнымъ, — понуждаетъ меня высказать нѣсколько предварительныхъ словъ. Вотъ уже прошло 10 лѣтъ съ того времени, какъ я обратилъ вниманіе Святѣйшаго, Правительствующаго, Россійскаго Синода на возможность и желательность — возстановить нашу древнюю, западную, существовавшую до схизмы, церковь. Такъ какъ неизмѣнная и неизмѣняемая православная церковь есть единая, каѳолическая и апостольская церковь Христова, и ни какое другое христіанское общество, по мимо оной, не можетъ присвоивать себѣ названіе истинной церкви Христовой, то, очевидно, на обязанности каждаго христіанина лежитъ — быть, или сдѣлаться, членомъ этой церкви. Теперь, такъ какъ Западъ отказался отъ православія, то восточная церковь служить въ настоящее время единственною представительницею православія. Впрочемъ, такъ какъ духъ Востока сильно разнится отъ западнаго, то на восточную церковь обращали очень мало вниманія, и народъ удовлетворялся — оставаясь въ римско-католической схизмѣ и ереси, такъ какъ западная форма была ероднѣ ему, чѣмъ восточная. Несомнѣнно, если бы православіе пред-

*) Въ концѣ брошюры Овербена приложена таблица подписей отцевъ Флорентійскаго собора

**) Читано въ засѣданіи Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія 15 марта 1881 года.

ставилось ему въ западной формѣ, то онъ толпами устремился бы къ своей древней церкви, свв. Кипріана, Августина, Льва и Григорія, вмѣсто того, чтобы непрестанно заражать себя римскими заблужденіями и нововведеніями, которыми теперь переполнена и обезображена древняя вѣра въ иностранныхъ церквахъ. Если бы римская церковь очистилась отъ этихъ заблужденій и наростовъ и снова обратилась къ тому времени, когда Востокъ и Западъ были единою церковію, соединенные единою вѣрою и церковнымъ общеніемъ, то наша истинная, католическая церковь была бы возстановлена. Святѣйшій Синодъ русской церкви одобрилъ эту задачу „возстановленія“; назначенная имъ особая коммиссія пересмотрѣла и очистила римскую литургію, или обѣдню, съ согласія вселенскихъ патріарховъ. Перемены патріарховъ и затруднительныя политическія обстоятельства прервали и затянули ходъ дѣла. Но по отношенію къ намъ православнымъ западнымъ осуществленіе этой задачи есть вопросъ жизненной важности, особенно по отношенію къ нашимъ дѣтямъ, которые, возрастая безъ устно проповѣданнаго Слова Божія, и только присутствуя при службѣ, совершаемой на чуждомъ языкѣ, должны сдѣлаться холодными, индифферентными, такъ какъ частныя домашнія молитвословія не могутъ замѣнить силу дѣйствительной христіанской жизни. Потому я рѣшился ѣхать въ Константинополь для выясненія означеннаго вопроса и — пріобрѣтенія содѣйствія вселенскаго патріарха. По прибытіи, патріархъ пригласилъ меня быть своимъ гостемъ во все время пребыванія въ столицѣ. Такимъ образомъ я имѣлъ честь и милость пользоваться помѣщеніемъ въ патріаршемъ домѣ, — ежедневно видѣть его святѣйшество, и имѣть продолжительныя съ нимъ бесѣды. Теперь я могу увѣдомить моихъ читателей, что св. Константинопольскій синодъ обѣщался немедленно заняться обсужденіемъ западнаго церковнаго вопроса. Въ то же время патріархъ уполномочилъ меня произносить поученія западнымъ православнымъ, для удовлетворенія ихъ духовной, насущной потребности, и защищать православіе письменно и устно, *когда бы и идъ бы ни потребовалось*. Конечно мои бесѣды, произносимыя въ моемъ домѣ по воскресеньямъ (въ 4 часа по полудни), говоря строго, имѣютъ въ виду не исключительно западныхъ православныхъ, но и всѣхъ желающихъ присутствовать при оныхъ; только, во всякомъ слу-

чаѣ, я долженъ попросить ихъ увѣдомлять меня за день, или за два, о своемъ намѣреніи, такъ какъ занимаемое мною помѣщеніе довольно ограничено и на случай многочисленности можно достать залу большихъ размѣровъ.

Нижепомѣщаемыя бесѣды напечатаны въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ были произнесены, безъ всякихъ измѣненій, добавленій и сокращеній.

Б е с ѣ д ы.

I.

Ц ѣ л ь ж и з н и.

28 сентября (н. с.) 1879 г.

Причина и цѣль настоящаго собранія есть ощущение присушей каждому изъ насъ алчбы въ томъ духовномъ брашнѣ, которое необходимо и потребно не только для усиленія и развитія религіозной жизни, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить единственнымъ средствомъ для сохраненія онаго въ цѣлости. Мы все вполне убѣждены (я увѣренъ въ этомъ), что одѣться однажды въ недѣлю по праздничному, сходить въ церковь для выслушанія Богослуженія, какъ то дѣлаютъ все порядочные люди, и за тѣмъ въ продолженіе остальныхъ шести дней погрузиться въ рутину обыденныхъ мірскихъ занятій,—повторяю, мы все вполне убѣждены, что это не христіанская жизнь, по крайней мѣрѣ, не тотъ образъ жизни, который указалъ намъ Господь Иисусъ Христосъ, когда приходилъ на землю,—не тотъ образъ жизни, который оканчивается счастливою и блаженною вѣчностію. Грустно, но въ то же время и полезно для насъ присматриваться по временамъ къ жизни лицъ, вращающихся въ мірѣ, и наблюдать, какъ они небрежно относятся къ дѣлу религіи, довольствуясь только внѣшнею религіозною одеждою для прикрытія наготы развращеннаго сердца, которое служитъ ареною игры страстей, или, какъ бы, гробницею мертвой души! Между тѣмъ, какъ ни очевидна эта истина, значительное большинство христіанъ—свѣтскіе мужчины и женщины, только обольщаютъ себя, думая, что эта видимая, кажущаяся религія есть христіанство, есть надежный путь къ небу. И вотъ для того, чтобы придать большую силу своему мнѣнію, они придумали множество оскорбительныхъ словъ, кото-

рыми осыпають истинно религіозныхъ христіанъ, думая тѣмъ совратить ихъ на свою сторону, а съ другой стороны утрашить тѣхъ малодушныхъ, которые и желали бы внять благому совѣту, но не имѣють въ себѣ довольно мужества для того, чтобы противостать міру и его общественному мнѣнію. Для сихъ послѣднихъ невыносимы названія фанатика, лицемѣра, притворщика, ханжи, и другія тому подобныя прозвища, которыя князь міра и отецъ лжи внушаетъ первымъ для досажденія добрымъ христіанамъ. Впрочемъ, не смотря на то, даже мнимые христіане чувствуютъ въ глубинѣ своего сердца угрызенія совѣсти, серьезныя опасенія относительно своего религіознаго состоянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое уваженіе, не безъ примѣси глубокой зависти, къ истиннымъ христіанамъ. Но, увы! всеильный примѣръ большинства неудержимо влечетъ ихъ въ свѣтскій водоворотъ,—въ немъ гибнуть поколѣніе за поколѣніемъ, и волны времени сглаживаются надъ ними. О смерти ихъ говорятъ нѣкоторое время, — потому они постепенно предаются забвенію; затѣмъ никто не говоритъ о нихъ, никто не думаетъ о нихъ, никто не знаетъ ихъ, какъ будто ихъ никогда и не существовало. Однако—они живы; ихъ исторія, хотя и окончилась въ настоящей жизни, но не окончилась въ будущей, а продолжается непрерывно, точно такъ же, какъ она нѣкогда продолжалась въ здѣшней жизни. Гдѣ они? Что съ ними стало? То знаетъ Господь Богъ, Правосудный Господь, предъ судище Котораго они предстали послѣ своей смерти. И сей Правосудный Господь запечатлѣлъ свой судебный приговоръ въ слѣдующихъ не многихъ, но грозныхъ, словахъ: *много званыхъ, а мало избранныхъ!* Остановимся нашею мыслию на означенныхъ словахъ. Постараемся внимательно вникнуть въ истину этихъ словъ и въ важное значеніе этого суда,—въ виду той счастливой случайности, — что настоящее жизненное поприще еще не пройдено нами, и что, съ Божіею помощію, мы можемъ еще такъ докончить оное, что Милосердый Судія и насъ удостоитъ причислить къ числу Своихъ немногихъ избранныхъ.

Слова: *много званыхъ, а мало избранныхъ* производятъ на большинство какъ бы потрясающее дѣйствіе громоваго удара. Одни, слыша ихъ, приходятъ въ отчаяніе; другіе — стараются заглушить ихъ новою, разсѣянною, свѣтскою жизнію; третьи, наконецъ, во все заграждають свой слухъ и закрываютъ свои очи,—

отвергаютъ отъ себя всякую вѣру въ будущность, такъ какъ она не свойственна естественному человѣку, и продолжаютъ вести нечестивую, безотрадную и безнадежную жизнь.

Слова: *много званнѣхъ, а мало избраннѣхъ* суть слова Самого Господа, произнесенныя имъ какъ бы въ бурномъ вихрѣ. Прислушаемся теперь къ тихому вѣянiю Божественнаго глагола Бога, Отца нашего, и Его возлюбленнаго Сына: *Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, гсворить Онъ, и Я успокою васъ. Возьмите шю Мое на себя, и научитесь отъ Меня; ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо шю Мое благо, и время Мое легко* (Мат. XI, 28 — 30); эти отрадныя слова могутъ наполнить наше сердце единственно надеждою и радостію. Если первыя слова: *много званнѣхъ, а мало избраннѣхъ*—поражаютъ насъ страхомъ, трепетомъ и отчаяніемъ, яко бы по причинѣ кажущейся невозможности пріять вѣнецъ славы, и быть сопричисленными къ сонму немногихъ избраннѣхъ; то въ послѣднихъ вышеприведенныхъ словахъ мы слышимъ, что не такъ *трудно*, какъ кажется, принадлежать къ числу немногихъ, имѣющихъ наслѣдовать царство небесное, и что многіе, отказавшіеся отъ Божественнаго зова, получаютъ тѣмъ тягчайшее наказаніе, что, *не смотря на легкій доступъ къ небу*, они предпочли ему извилистые пути сего міра, — мрачныя стези страстей, пороковъ и преступленій, ведущихъ къ безславію и вѣчной гибели.

Если бы въ эту минуту среди нашего собранія явился Господъ Іисусъ Христосъ, какъ Онъ часто являлся, по воскресеніи, среди Своихъ учениковъ, и предложилъ вамъ торжественный вопросъ: желаете ли вы принадлежать къ числу многихъ, или не многихъ? Желаете ли вы быть Моими чадами, или чадами міра сего?

Что отвѣтили бы на это вы?—Да, друзья мои, *Іисусъ Христосъ здѣсь*. Онъ также дѣйствительно и истинно присутствуетъ среди насъ, какъ истинно и дѣйствительно то, что я вижу cadaго изъ васъ тѣлесными очами, поелику Онъ, Богъ истины, Самъ сказалъ:—*идѣ двое или трое собраны во имя Мое; тамъ Я посреди ихъ* (Мат. XVIII, 20). И такъ какъ Онъ здѣсь, среди насъ, то и предлагаетъ всѣмъ намъ слѣдующій многозначительный вопросъ:—*Желаемъ ли мы быть Его чадами?* Онъ спрашиваетъ это не грознымъ гласомъ судіи, но тихимъ голосомъ

нѣжной любви, съ убѣдительнымъ взоромъ любвеобильнаго и сострадательнаго сердца, съ привѣтливымъ зовомъ добраго пастыря, ищущаго погибшую овцу и несущаго ее на своихъ раменахъ домой. Онъ Самъ говоритъ: *Если будутъ грѣхи ваши, какъ багряница, то сдѣлаются бѣлыми, какъ снѣгъ: если будутъ красны какъ пурпуръ, сдѣлаются какъ бѣлая волна* (Исаи 1, 18). И какой отвѣтъ послѣ того дадите вы на вопросъ Господа Иисуса? Я надѣюсь, что съ увѣренностію могу отвѣчать отъ лица всѣхъ васъ слѣдующее: *Господи Иисусе, мы все желаемъ бѣть Твоими во овцы овечьи!*—великое и торжественное слово! Слово столь же священное, какъ и клятва!

Что же требуется для осуществленія этого слова на самомъ дѣлѣ? Твердая рѣшимость, добрая воля отъ всего сердца, не колеблющаяся, измѣнчивая воля, но воля, презирающая всѣ житейскія превратности, воля, переживающая самую жизнь, стремящаяся въ вѣчность и твердая какъ „скала овечьи“. Вооружитесь непреклонною рѣшимостію и стыдитесь когда либо нарушить ваше слово; гордитесь имъ и оставайтесь всегда вѣрными ему!

Случалось ли вамъ бывать когда на биржѣ въ разгаръ дѣятельности членомъ оной? Слѣдили ли вы тогда за группами купцовъ, рѣшающихъ свои торговья дѣла? Замѣчали ли вы тогда, какъ продавцы и покупатели денежныхъ бумагъ всею душою предавались своему дѣлу? Какъ они при своихъ занятіяхъ не обращали ни малѣйшаго вниманія на происходящее кругомъ ихъ? Какая же тому причина? Та, что они занимались своимъ дѣломъ со всевозможнымъ усердіемъ,—что они погрузились въ него всецѣло, всею душою и сердцемъ. И между тѣмъ здѣсь дѣло касается только пріобрѣтенія денегъ, которыми биржевикъ можетъ пользоваться въ продолженіе большаго или меньшаго числа лѣтъ, но съ которыми за тѣмъ, по своей смерти, онъ неминуемо долженъ растаться. Если бы вы оказали хоть на половину подобное же усердіе и ревность въ дѣлѣ вашей души, то все было бы прекрасно. Люди очень часто забываютъ, что настоящая жизнь служить только приготовительною станціею для жизни будущей, что всѣ мы здѣсь, какъ бы, въ преддверіи вѣчности, и что каждый изъ насъ во время земной жизни долженъ выполнить задачу оной такъ, чтобы могъ дать отчетъ въ страшный часъ смерти. Но, увы! Осмотритесь внимательнѣе кругомъ этого преддверія, и

что вы увидите? Одинъ сидить и читаетъ газеты, другой считаетъ деньги, третья вертится передъ зеркаломъ, примѣривая на себѣ новыя моды и уборы, четвертая болтаетъ съ своею сосѣдкою и критикуетъ свою знакомую, пятая покоится въ праздномъ бездѣльи и т. д. Но, вотъ, изъ за двери слышится голосъ Великаго Судьи, зовущій того или другаго изъ присутствующихъ въ судебную Залу, въ другой міръ, прежде чѣмъ тотъ началъ выполнять свою жизненную задачу. Страхъ и трепеть объемлютъ тогда оставшееся общество. Они внезапно одушевляются благими намѣреніями, — поддерживаютъ ихъ въ себѣ день или два, — а затѣмъ страхъ мало по малу исчезаетъ, и они снова принимаются за старую, мертвенную жизнь.

Въ виду того, что гласъ Господень можетъ позвать каждого изъ васъ во всякую минуту жизни на судъ Его, не укусите приняться немедленно, со всевозможнымъ усердіемъ, за выполнение жизненной задачи, возложенной на васъ Господомъ.

Теперь, положимъ, что вы готовы служить Господу, и идти путемъ ведущимъ къ небу, но васъ приводитъ въ недоумѣніе вопросъ: что это за путь, ведущій къ небу, и кто можетъ указать его намъ? — Слушайте же, я укажу его вамъ и, при томъ, такъ убѣдительно, что вы повѣрите мнѣ безъ всякихъ сомнѣній и противорѣчій. Господь Иисусъ Христосъ сказалъ о Самомъ Себѣ: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Іоан. 14. 6). И такъ, если Онъ — Истина, то лучше всѣхъ можетъ указать, къ кому обращаться намъ за подробными свѣдѣніями относительно истины и пути. Оставляя Своихъ апостоловъ передъ страданіями, Онъ заповѣдалъ имъ — проповѣдывать евангеліе всему міру, снабдивъ ихъ предварительно необходимыми для сего дарами благодати. *Идите*, сказалъ Онъ, *и научите всь народы, крестя ихъ во Имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ; и се, Я съ вами во всь дни до скончанія вѣка* (Мат. XXVIII. 19—20). Такимъ образомъ Господь Иисусъ отсылаетъ насъ къ апостоламъ, какъ къ законнымъ и полномочнымъ своимъ представителямъ, для наученія насъ пути спасенія; и означенное полномочіе Онъ далъ имъ не на извѣстный какой срокъ — напр. до времени появленія Библии, — но на всегда, — до самого скончанія міра. Они суть живые учителя, вмѣстѣ съ святою Библиею, которая, къ сожалѣнію лже толкуется многими сектантами

по личному разумѣнію, и вслѣдствіе того неоднократно, служила поводомъ къ появленію многочисленныхъ разногласныхъ сектъ, противорѣчащихъ одна другой даже въ существеннѣйшихъ пунктахъ христіанскаго вѣроученія. Само собою очевидно, что Богъ истины не могъ даровать людямъ одно Священное Писаніе безъ священнаго преданія; и такимъ образомъ, по волѣ и заповѣди Божіей, мы имѣемъ живыхъ учителей, — а такъ какъ апостолы не всегда жили, то Иисусъ Христосъ естественно разумѣетъ подъ именемъ апостоловъ и ихъ законныхъ преемниковъ — т. е. епископовъ. Епископы, совокупно съ вѣрующими, составляютъ церковь, основанную Христомъ. Съ этою церковію Онъ пребудетъ во все дни до скончанія вѣка, и врата ада не одолѣютъ ее. Этой церкви Христосъ обѣщаль Духа истины, наставляющаго ее на всякую истину. Такимъ образомъ церковь непогрѣшима, потому что въ ней обитаетъ Духъ Истины. И эта церковь — нерушима, такъ какъ Христосъ пребудетъ съ нею во вѣки. Потому то св. апостоль Павелъ называетъ ее въ Посланіи къ Тимофею *церковію Бога живаго, столпомъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. III. 15). Замѣтьте слово *живаго, означающее „непрерывную дѣятельность въ церкви“* такъ какъ Онъ есть Глава церкви, составляющей Его таинственное тѣло. Отъ Христа, какъ Главы, исходитъ источникъ жизни — Его двоякая церковь, — воинствующая на землѣ и торжествующая на небеси, которыя неразрывно соединены между собою общеніемъ святыхъ, и составляютъ единую, неразрывную церковь. Въ этой церкви — получила свое начало и составила Библия, написанная по вдохновенію Святаго Духа пророками и апостолами, — и единственно эта церковь владѣетъ ключемъ къ надлежащему и правильному истолкованію оной. Но еретики, самовольно отнявшіе Библию отъ церкви, извращаютъ и искажаютъ драгоцѣнное Слово Божіе по своему погрѣшному, ошибочному, личному разумѣнію, и такимъ образомъ превращаютъ благословеніе Слова Божія въ средство къ распространенію заблужденій и ересей.

Протестантскій вымыселъ относительно того, что совершенно достаточно одной только Библии, вполне опровергается апостоломъ Павломъ, который во второмъ посланіи къ Солуніянамъ пишетъ такъ: *И такъ, братія, стойте и держите преданія, которыя вы научены или словомъ или посланіемъ нашими*

(2 Сол. II. 15). Такимъ-то образомъ Христось указаль Своей церкви учить насъ пути спасенія. Но такъ какъ истина можетъ быть только едина, то и Христова церковь, хранительница единой истины, только едина. Въ настоящее же время существуетъ очень много разнорѣчащихъ между собою церквей, и именующихъ себя также христіанскими. Только единая изъ нихъ можетъ быть истинною церковію, по своей непогрѣшимости и неразрушимости. Всѣ же прочія христіанскія общества злоупотребляютъ своимъ названіемъ, и не имѣютъ никакого права на преимущества единой, истинной церкви. До десятаго столѣтія не могло быть никакого затрудненія и сомнѣнія, гдѣ найти единую Христову церковь, такъ какъ существовала единая только церковь, обнимающая собой Востокъ и Западъ. Но вслѣдъ за тѣмъ Западъ, алча могущества и вводя въ вѣроученіе новшества, отдѣлился отъ Востока, и увлекъ съ собою большую часть христіанства въ бездну схизмы и ереси, тогда какъ Востокъ пребылъ твердымъ и не подвижнымъ на древнемъ основаніи апостольскаго залога вѣры. Такимъ образомъ православная, католическая, восточная церковь служитъ единственною законною представительницею церкви не раздѣльнаго христіанства; и каждый изъ насъ, желающій быть живымъ членомъ единой истинной церкви, долженъ присоединиться къ ней. Впрочемъ эта церковь требуетъ только единства въ вѣроученіи, но не однообразія въ обрядности. Какъ западная церковь св. Кипріана, Амвросія и Августина, была столько же истинно католическою и православною, какъ и церковь свв. Василія, Григорія и Златоуста, такъ и мы можемъ, и даже должны оставить за собою, при единствѣ вѣроученія, западную обрядность, которая единственно сродна Западу. Мы — самые искренные православные, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы уроженцы Запада; и какъ невозможно измѣнить дубъ въ пальму одною пересадкою его на восточную почву, точно также невозможно измѣнить нашъ образъ жизни и наклонности. Потому, оставаясь ревностными и вѣрными членами православной церкви, мы чувствуемъ себя чужеземцами, или лучше жильцами, въ восточномъ жилищѣ, пока не устроится нашъ собственный домъ, и при содѣйствіи нашей возлюбленной восточной сестры церкви, — не будетъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для восполненія нашихъ религіозныхъ нуждъ.

Сущность религіи.

5 октября 1879

Девятнадцатый вѣкъ есть, по преимуществу, вѣкъ экспериментальныхъ, прикладныхъ, знаній. Простыя интеллектуальныя, философскія, идеальныя знанія—не въ ходу. Онѣ—быстро падаютъ. Будущее принадлежитъ прикладнымъ къ жизни и практическимъ знаніямъ. Богословы качаютъ головою и жалуется на это, совершенно опуская изъ виду то обстоятельство, что сама религія есть, по преимуществу, экспериментальное и практическое знаніе. Если бы духовныя ученые побольше трудились надъ развитіемъ практической стороны христіанства, вмѣсто того чтобы почти исключительно обращаться къ головѣ и разуму, то имъ не пришлось бы такъ горько жаловаться на невѣріе и безнравственность. Религія, какъ экспериментальное знаніе, есть могущественнѣйшій рычагъ человѣчества, несравненно могущественнѣйшій, чѣмъ какое другое изъ прикладныхъ знаній. Если религія насаждена только въ головѣ, то неизбѣжно явятся сомнѣнія, такъ какъ одна голова не въ состояніи разсѣять, даже съ помощію самыхъ остроумныхъ и изысканныхъ аргументовъ, множество недоумѣній, представляемыхъ разумомъ, и даже поверхностнымъ знаніемъ исторіи и природы. Напротивъ перенесите религію въ жизнь, измѣните ученія и заповѣди въ правила жизни, и вы застрахуете себя отъ всевозможныхъ сомнѣній и недоразумѣній. Почему такъ? Потому что только христіанская жизнь служитъ полнымъ доказательствомъ и неопровержимымъ подтвержденіемъ всякой христіанской истины. Таково значеніе словъ св. Іоанна: *И жизнь была свѣтъ чловѣковъ* (Іоан 1, 6). Если вы не живете и не поступаете по ученію Евангелія, то находитесь въ крайней тѣмѣ даже относительно правильнаго пониманія онаго, какимъ бы отличнымъ богословомъ вы ни были. Подобный богословъ можетъ обратиться со временемъ въ атеиста; а христіанинъ, осуществляющій требованія религіи на самомъ дѣлѣ, никогда не можетъ. Какая тому причина? Та именно, что для христіанина живущаго однимъ разумомъ, религія есть ничто иное, какъ философская система, мечта, не имѣющая ничего общаго съ дѣйствительною жизнію. Всякую такую систему гораздо легче можно опровергнуть, чѣмъ создать, такъ

какъ основанія оной суть не болѣе, какъ плодъ человѣческаго умствованія. Истину нашей религіи нельзя доказать уму съ математическою точностію; да оно такъ и слѣдуетъ; потому что если бы насъ *понуждали* къ вѣрѣ математическія данныя, то въ чемъ заключалась бы сила вѣры? Господь далъ Свое Откровеніе свободномыслящему существу, которое можетъ или принять, или отвергнуть оное по своему произволу. Конечно—Онъ при этомъ не отнимаетъ у него доказательствъ, доказательствъ отъ разума, доказательствъ отъ исторіи, но болѣе всего доказательствъ отъ внутренняго опыта; и сіи послѣднія такъ сильны, такъ убѣдительно. такъ не погрѣшны, что скорѣе можно усомниться въ любой, положительной, математической истинѣ, чѣмъ въ этомъ внутреннемъ личномъ опытѣ.

Если вы возразите, что я сражаюсь съ воображаемымъ врагомъ, такъ какъ никто никогда не утверждалъ, будто бы христіанство существуетъ единственно для головы, а не для жизни, то въ вашихъ словахъ заключается только подобіе истины, а не самая истина; потому что хотя и никто не говоритъ, будто бы христіанство назначено не для жизни, но при этомъ значительное большинство христіанъ живетъ такъ, какъ будто бы христіанство во все не имѣло никакого вліянія на ихъ жизнь. Они вообще знаютъ начала христіанскаго ученія, знаменуютъ себя крестнымъ знаменіемъ, присутствуютъ въ извѣстные дни при Божественномъ Богослуженіи, прочитываютъ по временамъ нѣкоторыя молитвы механически, или лучше одними устами, а не сердцемъ; но—это ли религія?!

Другіе какъ будто и на самомъ дѣлѣ люди религіозные. Они много и долго молятся, любятъ ходить въ церковь, ненавидятъ свѣтъ и свѣтскихъ людей, показываютъ своею одеждою и внѣшнею наружностію, что они желаютъ принадлежать къ разряду религіозныхъ. На улицахъ они опускаютъ свои глаза въ землю, принимаютъ на себя угрюмый видъ и, по видимому, благодарятъ Бога, что они не таковы, какъ прочіе. Мимоходящіе улыбаются на нихъ, и думаютъ про себя, какъ скучна должна быть религія, и что случилось бы съ мірскими, общественными дѣлами, если бы всѣ люди сдѣлались религіозными на подобіе ихъ. Хорошо, посмотримъ, состоитъ ли въ этомъ сущность религіи, въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ разумѣлъ ее Господь Іисусъ Хри-

стось. Заглянем поближе въ жизнь подобнаго религіознаго челоуѣка. Онъ очень строгъ и жестокъ въ порицаніи своего ближняго, беспощадно громить каждый малѣйшій недостатокъ въ другихъ, но, при этомъ, не смотря на свое притворное смиреніе, имѣеть очень высокое мнѣніе о самомъ себѣ. Онъ раздражается грозною рѣчью противъ страстей, но при каждомъ удобномъ случаѣ самъ предается, хотя и не явно, удовлетворенію оныхъ. Онъ скупъ и жаденъ, но называетъ это мудрою экономією; онъ недобросовѣстенъ въ торговлѣ и коммерціи, но считаетъ это дѣломъ практически умнымъ. Онъ порицаетъ даже невинныя удовольствія жизни, но втайнѣ лично не чуждается самыхъ грубыхъ. Это-ли религія?! Нѣтъ; это фарисейское лицемѣріе, — храненіе буквы закона, при совершенномъ отсутствіи Духа Христова. Подобный родъ лже-религіи тѣмъ опаснѣе, что дѣлаеть религію ненавистною, препятствуетъ распространенію истинной религіи, и доставляетъ благовидный предлогъ людямъ свѣтскимъ чуждаться религіи.

Не стану упоминать здѣсь о тѣхъ религіозныхъ лицемѣрахъ, которые умышленно дурны и ненавидятъ религію въ своемъ сердцѣ, но считаютъ ее удобнымъ средствомъ для увеличенія числа своихъ жертвъ и преслѣдованія своихъ грѣховныхъ цѣлей. Я могу только назвать подобную религію—религією дьявола, который, при искушеніи Христа, показалъ, какой онъ эластичный и опытный библейскій ученый.

Есть еще другой, очень многочисленный, классъ христіанъ, которые дѣйствительно и искренно желаютъ имѣть религію, считая ее не только средствомъ для расширенія своихъ умственныхъ знаній, но и составною частію своей жизни. Они по достоинству цѣнятъ превосходство практической религіи, и желаютъ сохранить добрыя отношенія къ Богу и вмѣстѣ съ тѣмъ добрыя отношенія къ міру. Вслѣдствіе сего они придумали нѣчто въ родѣ сдѣлки между Богомъ и міромъ; и для сего проводятъ пограничную черту, переступить за которую, по ихъ мнѣнію, не можетъ ни одна изъ этихъ силъ. Они не хотятъ, чтобы міръ требовалъ отъ нихъ явныхъ грѣховъ, гнусныхъ пророковъ и преступленій, или чего либо постыднаго, отвѣтственнаго и безчестнаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ они не хотятъ также, чтобы и Богъ требовалъ отъ нихъ какой либо геройской добродѣтели, какого либо подвига само-

отверженія, который могъ бы серьезно мѣшать имъ домашнему комфорту, или свѣтскимъ удовольствіямъ. — Богъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ простирать Свои требованія выше того, что только можетъ быть легко исполнено человѣкомъ. Онъ не можетъ требовать отъ человѣка соблюденія Своихъ заповѣдей въ слишкомъ строгомъ смыслѣ, но всегда долженъ снисходить къ человѣческой немощи. Очевидно, что при подобной двойственности служенія міру и Богу, міръ выигрываетъ, а Богъ теряетъ, и что, въ концѣ концовъ, религія превращается въ жалкій, безжизненный скелетъ. Потому-то Христосъ и говоритъ: *Никакой слуги не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть* (Луки XVI. 13), Любовь въ истинномъ значеніи этого слова, есть нераздѣльная сила, которою вы всецѣло влечетесь къ извѣстному лицу, посвящая ему всѣ ваши душевныя способности. Любовь не есть только любленіе; она есть страсть, все поглощающая, практическая страсть. Въ этомъ смыслѣ Богъ называется „*Любовію*“ (I Иоан. IV. 8), и религія, состоящая въ служеніи Богу, вкратцѣ можетъ быть опредѣлена словами: *Любовь къ Богу*, иначе—жизнь единственно посвященная любви—къ Богу. Это понятіе прекрасно выразилъ слѣдующими словами св. Августина: *Люби Бога, и за тѣмъ дѣлай все, что тебѣ угодно*. И св. Павелъ, говоря такъ часто и съ такою силою о проклятіи закона въ Ветхомъ Завѣтѣ, разумѣетъ, что данное намъ прежде, какъ законъ, обратилось теперь въ свободное и любвеобильное дѣло чады Божіихъ, „*потому что любовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ*“ (Рим. V. 5). Міръ, напротивъ того есть олицетвореніе ненависти и коварства. Если міръ предлагаетъ вамъ розу, то не потому что любить васъ и хочетъ доставить вамъ удовольствіе, но просто съ цѣлью привлечь васъ и воспользоваться вами для своихъ собственныхъ цѣлей, потому-то мірская роза всегда имѣетъ тернія, и чаша сладкаго вина, предлагаемая міромъ, всегда имѣетъ опьяняющій, обезсиливающій ядовитый осадокъ. „Міръ предлагаетъ вамъ богатства, и вы жадно хватаетесь за нихъ; но вы слѣпы—потому что не видите, что эти богатства суть не болѣе какъ золотыя цѣпи, приковывающія васъ къ колесницѣ тройственной похоти міра сего, на которой, своротивъ съ пути религіи, вы прямо мчитесь въ бездну вѣчныхъ мученій.

Несомнѣнно, что, христiанинъ, думающій раздѣлять свое служенiе между мiромъ и Богомъ, предпочитаетъ мiръ—Богу, а князь мiра сего въ своемъ лукавствѣ, съ цѣлю большаго успѣха, коварно маскируется религiозною личиною съ тѣмъ, чтобы скрыть свой собственный обликъ, для сего онъ старается распространить свое обольстительное ученiе, яко-бы религiя совмѣстима съ мiромъ. Онъ порицаетъ религiозную ревность, называя ее ханжествомъ; онъ насмѣхается надъ созвательнымъ соблюденiемъ Христовыхъ заповѣдей, перетолковывая ихъ, называя ихъ преувеличенными, непрактичными, простыми риторическими фразами; онъ вооружается противъ лицъ, стремящихся распространять истину, обзывая ихъ фанатическими ревнителями прозелитизма; онъ совѣтуетъ каждому мирно и бездѣйственно покоиться въ нѣдрахъ той церкви, или секты, въ которой рожденъ, такъ какъ, по его внушенiю, между оними не существуетъ никакой значительной разницы. Вотъ пунктъ—въ которомъ особенно успѣваетъ мiръ,—повсюду развивая и разсеивая религiозный индифферентизмъ. Если для васъ все равно—находитесь ли на прямомъ пути къ небу, или на стези проложенной людьми, оставившими небо, то вы уже измѣнили Господу Иисусу, Который яснымъ и положительнымъ образомъ отсылаетъ васъ къ Своимъ апостоламъ для наставленiя въ истиннѣ, и къ Своей церкви, столпу и утверженiю истины, — Своей церкви, которая единая хранитъ апостольскiй залогъ вѣры, которая единственно владѣетъ ключемъ къ православному уразумѣнiю Слова Божiя. Индифферентизмъ порождаетъ, или лучше, вмѣщаетъ въ себѣ средину между холодностiю и горячностiю; и судъ Божiй надъ такими людьми особенно выразительно и грозно выраженъ въ слѣдующихъ словахъ Откровенiя, обращенныхъ къ Лаодикiйской церкви: *Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни юрчъ; о если бы ты былъ холоденъ, или юрчъ. Но поелику ты теплъ, а не юрчъ и не холоденъ; то изверину тебя отъ устъ Моихъ* (Откр. III, 15—16).

Доселѣ мы слышали только то, въ чемъ *не состоитъ* религiя; посмотримъ теперь въ чемъ *состоитъ она*. Апостоль Павелъ называетъ оную *праведностiю и миромъ и радостiю во Святомъ Духѣ* (Рим. XIV, 17). Не завидное ли это состоянiе? Только вообразите себѣ такое семейство, въ которомъ всегда царствуетъ миръ и радость, такъ какъ всѣ члены онаго стараются дѣлать

только хорошее и приятное другъ для друга! Но если бы вамъ пришлось жить въ такомъ семействѣ, а на вашей совѣсти лежало бы какое-либо пятно, и ваше сердце точилъ червь какой-либо преступной страсти, то могли ли бы вы наслаждаться окружающими миромъ и радостію? Конечно нѣтъ; потому что апостолъ называетъ религію въ указанныхъ словахъ *Царствіемъ Божиимъ*, намекая на слова Христовы: — *Царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 21). Да; ваша собственная душа есть это небесное жилище, въ которомъ обитаютъ правда, миръ и радость, если вы только и проникнуты истинною религіею.

Теперь, если мы ближе всмотримся въ смыслъ словъ ап. Павла относительно религіи, то найдемъ, что миръ и радость суть слѣдствія перваго, вышеуказаннаго пребыванія, т. е. праведности. Что есть праведность? Кто—праведенъ? Тотъ, кто дѣлаетъ угодное предъ очами Божиими. Самъ Господь Іисусъ Христосъ объясняетъ намъ это, когда, посылая апостоловъ учить всѣ народы, прибавилъ слѣдующія слова: *уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ*. Такимъ образомъ Господь заповѣдуетъ здѣсь не только общее соблюденіе нравственнаго закона, написаннаго въ сердцахъ всѣхъ людей; но и соблюденіе онаго въ частности, въ болѣе глубокомъ смыслѣ, въ болѣе обширномъ значеніи, именно въ томъ смыслѣ и значеніи, въ какихъ Онъ Самъ объяснилъ оный въ Своей нагорной проповѣди. Потому-то запрещаются не только извѣстные дѣла, но и слова, мысли и желанія, ведущія къ такимъ дѣламъ, такъ что душа при этомъ дѣлается совершенно чистою и чуждою всякой грѣховной скверны. Всякій исполняющій одну букву закона не можетъ рассчитывать на праведность; онъ долженъ при этомъ выполнить и духъ закона. Это вовсе не легкій трудъ; это трудъ всей человѣческой жизни,—тяжелый трудъ, который едва ли въ состояніи всецѣло выполнить кто либо изъ смертныхъ. И вотъ Спаситель говоритъ: *Иго мое благо и бремя Мое легко* (Мат. XI, 30). Какъ должно понимать это? Сейчасъ скажу вамъ;—вы должны сдѣлать этотъ трудъ—*трудомъ любви*. Истинная любовь нисколько не тяжела, нисколько не трудна, нисколько не невозможна. Взгляните на безсловесныхъ животныхъ, которыя любятъ своихъ дѣтенышей. Они пренебрегаютъ всеми опасностями, всеми трудами, для ихъ защиты. Ужели же любовь человѣка слабѣе, чѣмъ у животныхъ? Есть Богъ, Который еже-

минутно изливаетъ Свои щедроты и благодѣянiя на человѣка, и человѣкъ ли останется такъ нечувствительнымъ, такъ не благодарнымъ, что не найдетъ въ своемъ сердцѣ даже искры любви къ этому великому Благодѣтелю?! Да, конечно, быть можетъ, и найдется нѣсколько людей, которые по временамъ чувствуютъ, или, по крайней мѣрѣ, стыдятся отсутствiя въ своемъ сердцѣ любви къ Богу; но, увы! лишь только проникаетъ въ душу этотъ небесный лучъ, какъ вслѣдъ за нимъ вторгается блестящiй, ослѣпляющiй, мiръ, и прогоняетъ ангела свѣта. Научитесь изъ сего, мои дорогiе друзья, что первый шагъ къ праведности состоитъ въ твердой рѣшимости разстаться съ мiрскимъ духомъ, съ любовью къ мiру и его грѣховнымъ наслажденiямъ. Если ваше сердце не занято и свободно отъ мiра, то въ немъ есть мѣсто для Бога, и Онъ скоро наполнитъ оное Своимъ отраднымъ присутствiемъ. Изъ дня въ день вы будете болѣе и болѣе знакомиться и сближаться съ Нимъ. Религiозныя обязанности будутъ исполняться вами, какъ нѣчто родное и прiятное, а не какъ трудъ; и не разъ вы скажете, или подумаете въ себѣ: о, отчего я не могу сдѣлать для Тебя что либо большее? Какъ велики Твои благодѣянiя, и какъ ничтожна моя оплата? — Таковъ то вздохъ истинной, пламенной любви,—и кто надлежаше можетъ описать эту сокровенную жизнь съ Христомъ въ Богѣ?! — А какъ легко достигнуть сего дружескаго общенiя съ Богомъ! Начните съ твердой, непоколебимой рѣшимости. За тѣмъ приготовьте вашъ домъ, т. е. вашу душу, къ принятию Господа, Который есть въ то же время вашъ Отецъ,—очистивъ оную всецѣлымъ, искреннимъ раскаянiемъ во всѣхъ грѣхахъ прошедшей жизни. Потомъ принимайте Христа съ Его Божествомъ и человѣчествомъ, съ Его душою и тѣломъ, съ Его плотiю и кровiю, въ таинствѣ св. причащенiя, и молитесь Ему пребыть съ вами вѣчно. Вотъ Онъ въ васъ;—держитесь Его, какъ держится дитя, не умѣющее еще ходить, за руку своей матери.—Вотъ около васъ ангель хранитель научающiй васъ, предостерегающiй васъ, помогающiй вамъ, ободряющiй васъ, ведущiй васъ шагъ за шагомъ. Не забывайте же, что Господь находится въ васъ, и ожидаетъ, чтобы вы обращались съ Нимъ, какъ съ другомъ. И такъ откройте Ему ваше сердце не въ искусственныхъ молитвахъ, но въ естественной бесѣдѣ, подобной той, какую вы ведете съ посѣтившимъ васъ другомъ.

Совѣтуйтесь съ Нимъ; пусть Онъ будетъ участникомъ въ вашихъ радостяхъ и горѣ, — въ вашихъ планахъ и предпріятіяхъ; потому что, хотя Онъ и знаетъ все, безъ вашихъ разъясненій, но Ему угодно слышать все это изъ вашихъ собственныхъ устъ, какъ скоро вы довѣрились Ему. Если вы кого любите, вы не наговоритесь о немъ, — и постоянно имѣете тему для своихъ разговоровъ; такъ и теперь, если васъ посѣтятъ когда тяжелыя минуты, — то присмотритесь только къ Божественному промыслу въ вашей прошлой жизни, и вы получите не скончаемую тему для своихъ разговоровъ. Не преставайте говорить о Немъ, или думать о Немъ, дабы не потерять Его изъ виду; потому что какъ скоро вы забудете объ Его присутствіи, то сейчасъ же въ вашу душу проникнетъ мръ, въ своей лучшей и благовидной одеждѣ, съ Библіею въ рукахъ, подобно искустителю Христа въ пустынѣ. Вотъ не многословный, краткій очеркъ проявленій любви, которая есть праведность непрестанно растущая и усиливающаяся, праведность — отрадная и легкая, — праведность, обращающая землю въ небо!

Есть христіане, которые понимаютъ такъ, что эта праведность касается одной нравственности, нравственныхъ обязанностей, и считаютъ весьма маловажнымъ вопросомъ относительно самаго вѣрованія. Во что бы ни вѣровать, лишь бы исполнять требованія закона нравственнаго — таковъ ихъ девизъ. Такіе люди, къ сожалѣнію, совершенно забываютъ, что Христосъ заповѣдалъ Своимъ апостоламъ неуклонно требовать соблюденія всего, что Онъ повелѣлъ имъ. Это „*все, что*“ заключаетъ въ себѣ всецѣло ученіе Христово, въ нерушимой его неизмѣнности и цѣлости, какъ преподаваемое единою церковію, которую основалъ Христосъ и съ которою Онъ общался быть всегда, даже до скончанія вѣка, руководя ее Святымъ Духомъ, Духомъ истины, такъ, что *врата ада не одолѣютъ ея* (Мѣ. XVI, 18). Теперь, если бы какой отецъ приказалъ своему сыну сдѣлать нѣсколько различныхъ дѣлъ, а сынъ выбралъ бы нѣкоторые изъ нихъ, а прочія оставилъ не оконченными, или положительно отказался исполнить ихъ, то думаете ли вы, такой сынъ сдѣлалъ бы угодное своему отцу? — Тотъ, кто нарушаетъ одну заповѣдь, нарушаетъ ихъ все, такъ какъ не имѣетъ въ себѣ той любви, которая въ сущности есть исполненіе закона. Вышнее исполненіе закона не есть то же, что

внутренняя дѣятельность, составляющая плодъ вѣры, надежды и любви, которыя въ свою очередь, суть составныя части любви Божіей. Само собою разумѣется, что если бы кто удовольствовался однимъ вѣрованіемъ въ православное ученіе, сдѣлавшись членомъ православной, истинной церкви, но пренебрегъ исполненіемъ требованій, постановленій и заповѣдей, налагаемыхъ на него означенною церковію, то такому человѣку не только не помогло бы православіе, — но и послужило бы новою причиною къ его осужденію, такъ какъ онъ зналъ путь къ небу, но не захотѣлъ слѣдовать по нему. Относительно подобныхъ праздныхъ вѣрующихъ св. Іаковъ написалъ слѣдующія замѣчательныя слова: *Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбѣяхъ, и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра* (Іак. I, 27). И въ другомъ мѣстѣ: *Кто соблюдетъ весь законъ, и согрѣшитъ въ одномъ чемъ нибудь, тотъ становится виновнымъ во всемъ* (Іак. II, 10).

Гдѣ праведность, тамъ обитаютъ миръ и радость о Святомъ Духѣ. Какая отрада находится постоянно въ мирѣ съ Богомъ, самимъ собою и ближними!—Христосъ не находитъ лучшаго и высшаго дара для насъ, какъ миръ, потому что, при всѣхъ Своихъ явленіяхъ, Его единственнымъ привѣтствіемъ служатъ слова: *миръ вамъ!* Какъ мнѣ изяснить вамъ, въ чемъ состоитъ этотъ миръ, когда даже апостоль Павелъ говоритъ, что онъ превосходить всякое разумѣніе человѣческое? Этотъ миръ основанъ на святости, общеніи съ Богомъ, общеніи съ святыми и ангелами, поелику всѣ они любятъ cadaго, кого только любить ихъ Богъ и Отецъ. Никакія распри и войны, никакая вражда и злоба, никакія возмущенія и перевороты въ этомъ мирѣ, не могутъ потрясти миръ истинно религіознаго человѣка; онѣ могутъ возмутить поверхность, — но имъ не проникнуть въ глубину, въ святилице души, которая есть храмъ Святаго Духа. Впрочемъ не думайте, что такой, исполненный мира, христіанинъ, относится индифферентно и безопасно къ служебной дѣятельности. Совершенно напротивъ. Онъ исполняетъ обязанности своего званія, дѣла своей гражданской или другой службы, съ религіозною добросовѣстностію, потому что такъ повелѣваетъ ему Богъ. Всегда занятый, и жаждущій прибыли, свѣтскій чиновникъ, исключительно

преданный міру, вполонину не имѣть такого успѣха въ служебныхъ дѣлахъ, какую имѣть религіозный сотоварищъ; такъ какъ первый весьма часто дѣйствуетъ съ увлеченіемъ, а послѣдній всегда съ тѣмъ душевнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ, которыя охраняють умственное око въ чистотѣ и даютъ твердую рѣшимость. И, сверхъ того, первый не знаетъ тайны всякаго дѣйствительнаго успѣха—благословенія Божія. Такимъ образомъ истинно религіозный человѣкъ имѣетъ миръ даже среди тревогъ и дневной злобы міра сего,—миръ среди страданій и преслѣдованій,—миръ въ болѣзняхъ и бѣдности. Правда, онъ имѣетъ также своего рода борьбу, но это борьба направлена противъ грѣха и искушеній, и онъ несомнѣнно увѣренъ въ побѣдѣ, такъ какъ Всемогущій его помощникъ. Разставаясь съ Своими возлюбленными учениками передъ страданіями, Господь Иисусъ Христосъ не нашелъ лучшаго утѣшенія для нихъ, лучшаго завѣщанія, кромѣ *мира*.—*Миръ оставляю вамъ*, сказалъ онъ, *миръ Мой даю вамъ; не такъ какъ міръ даетъ, Я даю вамъ* (Іоан. XIV, 27).

Естественно необходимымъ слѣдствіемъ мира служить радость особаго рода, продолжительная радость, не кончающаяся даже съ жизнію, не прерываемая даже смертію; радость—постоянно усиливающаяся, и простирающаяся на всю житейскую обстановку религіознаго человѣка. Эта радость, замѣчаемая, но не понимаемая человѣкомъ, предавшимся міру, есть отраженіе небесъ, занимающееся уже здѣсь на землѣ въ сердцѣ религіознаго человѣка. Всякая земная радость измѣнчива; за нею всегда слѣдуетъ какая либо тѣнь, или облако; но эта радость души всегда блестяща и безоблачна. Даже духовная борьба, неизбѣжная въ жизни религіознаго человѣка, утѣшаетъ и укрѣпляетъ его, подобно тѣлесной гимнастикѣ. Изъ сего явствуется, что истинная религія всегда есть радостная и мирная, чего нельзя сказать о ложной религіи. Истинная религія не рисуется, не заботится объ аффектаціи, или о томъ, чтобы обратить на себя вниманіе внѣшняго міра; нѣтъ,—она есть скрытая жизнь съ Христомъ въ Богѣ. А теперь, мои дорогіе друзья, позвольте мнѣ заключить мою бесѣду слѣдующимъ прекраснымъ приглашеніемъ Псалмопѣвца: *Вкусите, и увидите, какъ близъ Господь! Блаженъ человекъ, который уповаетъ на Него* (Псал. XXXIII. 8)!

III.

Молитва: условія, обѣтованія, и дѣйствія оной.

12 окт. 1879 г.

Въ прошлое воскресенье я объяснилъ вамъ, въ чемъ состоитъ сущность религіи, и въ чемъ не состоитъ; сегодня же я намѣренъ побесѣдовать съ вами о томъ, въ чемъ заключается самая *душа* религіи, ея *жизненное дыханіе*, съ прекращеніемъ котораго несомнѣнно прекращается духовная жизнь въ человѣкѣ. Душею, сущностію и дыханіемъ жизни религіи служитъ молитва. Слово религія латинскаго происхожденія; Цицеронъ производитъ его отъ глагола *religare* т. е. обязывать, связывать, соединять, въ томъ значеніи, что религія есть союзъ, соединяющій человѣка съ Богомъ. Медіумомъ означеннаго соединенія служитъ молитва,— эта золотая вервь, спускающаяся съ неба къ землѣ, эта музыкальная струна, натянутая между небомъ и землею, по которой возносятся къ небу людскія печали и радости, и черезъ которую свиспосылаются намъ съ неба утѣшеніе и успокоеніе, эта лѣствица, видѣнная Іаковомъ, по которой восходятъ и нисходятъ ангелы; — восходятъ, вознося наши прошенія передъ престолъ Божій, и нисходятъ съ драгоцѣннѣйшими небесными дарами— миромъ и радостію; этотъ туманъ нашихъ несовершенныхъ желаній и стремленій, смѣшанный съ слезами и воздыханіями, тихо поднимающійся отъ земли къ нему, и ниспадающій отсюда въ видѣ благотворной, небесной росы, ниспадающей изъ той страны, въ которой нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Такова молитва!

Молитва есть возношеніе нашего ума и сердца къ Богу, являемое благоговѣйнымъ словомъ человѣка къ Богу. Во время молитвы христіанинъ или прославляетъ Божественныя совершенства, или благодаритъ Бога за Его благодѣянія, или проситъ о своихъ нуждахъ. Простая мысль о Богѣ, размышленіе, созерцаніе, не есть молитва. Въ молитвѣ непрестанно должно быть какое либо личное начало, личное приложеніе. Молитва никогда не можетъ быть теоретическою; она необходимо должна быть практическою. По сему-то молитва собственно можетъ быть названа бесѣдою

человѣка съ Богомъ. Молитва исходитъ изъ предположенія о вседѣствующи Божіемъ, объ Его близости къ намъ, слѣдовательно первое условіе молитвы есть вѣра, потому что человѣкъ невѣрующій не можетъ молиться.

Молитва предполагаетъ также въ лицѣ молящемся и надежду, потому что если бы мы не надѣялись, что Господь можетъ и хочетъ даровать намъ просимое, то не стали бы и обращаться къ Нему. Но гдѣ вѣра и надежда—тамъ и любовь. То, что религія и Библия называютъ милосердіемъ, милостынею (charity), мы вообще называемъ любовью, т. е., тою любовью, которая не ограничивается только дѣлами милости тѣлесной,—но и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ дѣла милости духовной. Если вы думаете молиться, то въ вашей душѣ должна быть, по крайней мѣрѣ, искра подобной любви. И если вы надѣетесь и уповаете получить просимое въ молитвѣ, то значить вѣруете. Такимъ образомъ надо всегда, во всякомъ молитвенномъ дѣйствіи, вмѣщать въ себѣ вѣру и любовь. Изъ сего можете видѣть, что молитва какъ бы въ одномъ фокусѣ совмѣщаетъ три необходимѣйшія существеннѣйшія условія христіанской жизни, т. е. три богословскія добродѣтели—вѣру, надежду и любовь.

Первымъ знакомъ жизни въ новорожденномъ дитяти служить вопль. Что означаетъ этотъ вопль? Для родителей онъ служить вѣстникомъ радости,—они узнаютъ по оному, что родился въ міръ здоровый малютокъ, — они знаютъ, что крикъ расширяетъ легкія и приготовляетъ прочіе органы къ ихъ различнымъ управленіямъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопль служитъ также громкимъ заявленіемъ беспомощности ребенка, краснорѣчивымъ его воззваніемъ о помощи. Точно таковъ же первый признакъ жизни въ человѣкѣ, возрожденномъ крещеніемъ и благодатію Святаго Духа. Это вопль христіанской души, вопль радости и благодарности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вопль безсилія и беспомощности. Когда Савль, во время преслѣдованія христіанъ, былъ ослѣпленъ небеснымъ свѣтомъ, и лишился на три дня тѣлеснаго зрѣнія, онъ потерялъ въ то же время свою духовную слѣпоту, и обратился къ Господу. Онъ былъ отведенъ за руку въ Дамаскъ, гдѣ Господь, явившись Ананіи, ученику апостольскому, повелѣлъ ему сходить и навѣстить Павла. Господь сказалъ Ананіи: *вставъ войди въ утробу, такъ называемую прямую, и спроси въ иудиномъ.*

домъ тарсянина, по имени Савла, онъ теперь молится (Дѣян. IX. 11). Это былъ первый вопль души христіанина Павла. Съ этимъ воплемъ началась, обнаружилась и стала развиваться его новая жизнь. Это первое бѣненіе пульса, первые звуки дѣтскаго лепета. Истинно христіанская жизнь начинается молитвою, продолжается въ молитвѣ, и оканчивается молитвою; или, лучше, никогда не оканчивается, такъ какъ продолжается за предѣлами ея жизни и вѣчно будетъ продолжаться. Молитва и христіанская жизнь — понятія однородныя; потому что молитва есть не только слово, но и дѣло. Одна только устная молитва есть самообольщеніе и лицемѣріе. Какъ бы ни были прекрасны сборники молитвъ, составленные святыми, но онѣ все не то, что я разумѣю подѣ молитвою. Она должна быть самопроизвольнымъ движеніемъ сердца, а не повтореніемъ мыслей другихъ лицъ. Вы можете, конечно, стремиться къ подражанію мыслямъ и влеченіямъ другихъ, и на самомъ дѣлѣ производить онія въ своей душѣ такъ, что печатная молитва дѣлается какъ бы излияніемъ вашего собственнаго сердца; хорошо и это;—но всетаки существенною и необходимою для спасенія служить ваша собственная, естественная, безыскусственная молитва, вмѣщающая въ себѣ всѣ ваши нужды, и заключающая въ себѣ все то, о чемъ вы имѣете бесѣдовать съ Богомъ. А о чемъ вамъ нужно бесѣдовать съ Богомъ? Кто можетъ исчислить это? Однако мы можемъ различать четыре различные рода молитвы.

1) Молитва хвалы, являющаяся вслѣдствіе созерцанія Божественныхъ совершенствъ, какъ-то: Его благодати, милосердія, всемогущества, правосудія и т. п. Этотъ родъ молитвы употребляется не такъ часто, какъ слѣдовало бы, хотя она тѣмъ болѣе угодна Богу, что совершенно безкорыстно и единственно служитъ благороднымъ выраженіемъ любви. Она есть глубоко прочувствованное удивленіе къ любвеобильной благодати Божіей, къ мудрымъ и чуднымъ дѣйствіямъ Его Промысла, изливающееся въ пѣсняхъ хваленія, многіе образцы которыхъ мы находимъ въ книгѣ Псалмовъ.

Второй родъ молитвы есть молитва *поклоненія*. Богъ есть нашъ Отецъ, потому мы, какъ Его чада, не только имѣемъ дерзновеніе, но и нѣкоторое право приступать къ Нему съ тою близостию и короткостію, какія обыкновенно существуютъ между родителями и дѣтьми. Однако, при этомъ Онъ не только нашъ

Отець, но и Царь нашъ, — Верховный Владыка и Господь. Въ рудѣ Его—наша жизнь и все судьбы оной. Онъ управляетъ нами, указываетъ намъ наши обязанности, назначаетъ намъ должное мѣсто и кругъ дѣятельности, и наблюдаетъ за тѣмъ — исполняемъ ли мы, и какъ исполняемъ—задачу нашей жизни. Если короткость отношений вызываетъ иногда небрежность, или, по крайней мѣрѣ, легкомысліе въ нашемъ обращеніи къ Господу, то Онъ напоминаетъ намъ, что мы не только Его дѣти, но вмѣстѣ съ тѣмъ подданные и рабы, посему мы должны приближаться къ Нему, не съ одною довѣрчивостію и любовію дитяти, но съ почтеніемъ и страхомъ, какъ къ Верховному Владыкѣ и Господу. Этотъ родъ молитвы совершенно необходимъ для насъ, поелику онъ поддерживаетъ и развиваетъ добродѣтель смиренія, составляющаго основаніе и корень всехъ христіанскихъ добродѣтелей. Убѣжденіе въ томъ, что мы царскія дѣти, могло бы сдѣлать насъ гордыми, надменными и самонадѣянными; но единовременная мысль о томъ, что мы бѣдныя созданія, всецѣло зависящія отъ милосердія и щедротъ нашего Небеснаго Царя, такъ что Онъ можетъ прекратить нашу жизнь въ каждую минуту, въ какую Ему угодно—это чувство и убѣжденіе, при нашей близости къ Нему, наполняютъ насъ благоговѣніемъ и священнымъ ужасомъ, столь естественными и приличными, когда мы приближаемся къ Царю царствующихъ.

Третій родъ молитвы есть молитва благодаренія за все благодѣянія Божіи, непрестанно изливаемая Господомъ на насъ и на весь міръ. Приятно и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно благодарить Господа за полученные дары отъ Него; и однако сколь многіе принимаютъ эти дары, какъ нѣчто должное, даже и не подумавъ о Дателѣ? Не виновцы ли все мы въ этой неблагодарности? Сколь многочисленны, неизсчитаны, дары Божіи, и какъ слаба, ничтожна наша благодарность! Св. апостолъ заповѣдуетъ: *За все благодарите; ибо такова о васъ воля Божія во Христѣ Исусѣ* (1 Фессал. V, 18). Пренебрегая обязанностію благодаренія, мы, конечно, ничего не отнимаемъ у Бога, но безумно навлекаемъ на самихъ себя тяжкое наказаніе, такъ какъ Господь даруетъ Свои благодѣянія людямъ по мѣрѣ ихъ благодарности къ Нему. Вамъ хочется, напр., сдѣлаться зажиточнымъ и богатымъ. Хорошо, — вы можете рассчитывать здѣсь на эту вѣроятность; нѣтъ, вы мо-

жете имѣть даже увѣренность, что—получите богатство одною молитвою. Въ ней, какъ въ безпроигрышной лоттерей, — дается каждому по его желанію. И, когда получите просимое, вамъ остается только искренно и отъ всего сердца благодарить Господа, изливающего щедроты Своя на людей Своихъ. Припадите же къ этой милосердой рукѣ, и цѣлуйте ее, говоря, или думая въ себѣ: *О блаій Боже, какъ мнѣ возблагодарить Тебя!* Затѣмъ, вамъ нѣтъ уже нужды просить у Него какихъ-либо новыхъ даровъ. Въ то время, когда изъ вашего сердца лилась молитва благодаренія, Онъ уже приготовилъ для васъ новый даръ, въ которомъ вы болѣе всего нуждаетесь, посылая оный неожиданно, прежде чѣмъ окончилась ваша молитва. Но пренебрегая благодареніемъ Бога за Его благодѣянія, вы подвергаетесь опасности потерять и то, что вамъ дано. Поучительное евангельское повѣствованіе о десяти прокаженныхъ да послужить вамъ предостереженіемъ.—Изъ десяти, исцѣленныхъ Иисусомъ, только *одинъ, видя что исцѣленъ, возвратился, громкимъ голосомъ, прославляя Бога, и палъ ницъ къ ногамъ Его; и это былъ самарянинъ. Тогда Иисусъ сказалъ: не десять ли очистились! Гдѣ же девять? Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромъ сего иноплеменика?* (Лук. XVII. 15—18).

Четвертый родъ молитвы есть молитва прошенія, въ которой мы просимъ у Господа для себя, или для другихъ, о своихъ потребностяхъ и нуждахъ. Говоря о молитвѣ, мы, по преимуществу, разумѣемъ этотъ родъ молитвы. Большая часть нашихъ молитвъ принадлежать къ этому роду. Мы постоянно просимъ, и просимъ больше того, чѣмъ должны просить, или — въ чемъ нуждаемся. Если бы мы понимали силу и дѣятельность молитвы хвалы, поклоненія и благодаренія, то, несомнѣнно, болѣе упражнялись бы въ означенной молитвѣ, чѣмъ—въ молитвѣ просительной.—Уже однимъ своимъ приближеніемъ къ извѣстному лицу въ то время, когда нуждаетесь въ его помощи, вы обнаруживаете, что вашъ характеръ не чуждъ эгоизма и своекорыстія. Много чище молитва просительная, если въ ней заключается ходатайство за вашего ближняго, и еще чище, если она есть моленіе за усопшихъ вѣрующихъ. Впрочемъ мы никакъ не можемъ обойтись безъ молитвы просительной, поелику ея Господь желаетъ разумить насъ, что мы въ Его очахъ не болѣе какъ бѣдные нищіе,

что мы беспомощныя созданія, всецѣло зависящія отъ Него и Его воли, что все наши труды и усилія ничего не значать, если благодать Его не поможетъ намъ. Если молитва не изгоняетъ гордости и самонадѣянности, или она не возбуждаетъ истиннаго смиренія, то она ни къ чему не ведетъ, и крайне бесплодна.

Доселѣ мы бееѣдовали о различныхъ видахъ молитвы; теперь поговоримъ объ условіяхъ истинной молитвы. Мы видѣли въ началѣ нашей бесѣды, что молитва уже предполагаетъ въ лицѣ молящемся вѣру, потому что какъ я могу обращаться къ кому либо, если не вѣрю въ его существованіе? Если *безъ вѣры не возможно угодить Богу* (Евр. XI. 6), то, очевидно, что безъ вѣры нельзя и молиться. Далѣе, если *вѣра есть осуществленіе ожидаемаго* (Евр. XI. 1), то молитва должна включатьъ въ себѣ и надежду. И, наконецъ, если вѣра и надежда *мертвы* безъ животворнаго духа любви, то молитва должна истекать изъ любящаго сердца. Сердце же, въ которомъ обитаютъ вѣра, надежда и любовь, не есть сердце, обремененное смертными и тяжкими грѣхами, потому что *далекъ Господь отъ нечестивыхъ, а молитву праведныхъ слышитъ* (Пр. XV, 29). Впрочемъ изъ сего правила есть исключеніе. Когда грѣшникъ раскаявается въ своихъ грѣхахъ и вознамѣрился возвратиться къ своему Богу и Отцу, тогда онъ изливаетъ свою молитву предъ Господомъ объ освобожденіи отъ узъ грѣховныхъ;—и вотъ добрый Пастырь немедленно спѣшитъ къ нему на помощь; или лучше, добрый Пастырь въ поискахъ за овцею погибшею неусыпно слѣдитъ за той минутой, когда она обратитъ къ нему свои очи, чтобы взять ее на свои рамена и отнести въ Отчій домъ. Покаянные псалмы особенно проникнуты глубокими чувствами раскаявающихся грѣшниковъ, и они такъ назидательны и умилительны, что ихъ постоянно читаешь съ чувствомъ искренняго сокрушенія о грѣхахъ. Такимъ образомъ первое требованіе всякой истинной молитвы состоитъ въ томъ, чтобы молящійся имѣлъ въ себѣ вѣру, надежду и любовь, или иначе, чтобы былъ праведенъ. Посему св. Іаковъ говоритъ: *много можетъ усиленная молитва праведнаго* (Іак. V. 16). Раскаявающійся грѣшникъ также стоитъ въ преддверіи праведности. Напротивъ все тѣ, которые услаждаются грѣхомъ, не хотятъ освободиться отъ грѣховныхъ привычекъ, упорно погрязаютъ въ грѣхѣ, все тѣ не могутъ молиться, и вообще не мо-

лятся, да если бы и стали молиться при такомъ душевномъ настроеніи, то это было бы богохульствомъ.

Слѣдующее за тѣмъ условіе всякой доброй молитвы есть *истинное* смиреніе. Я говорю *истинное*, потому что если какой добродѣтели давали постоянно прехватное значеніе и толкованіе, то именно добродѣтели смиренія. И при всемъ томъ нѣтъ добродѣтели естественнѣе и легче, такъ какъ она есть единственно подтвержденіе выраженія истины. Спрошу васъ: считаете ли себя въ правѣ разсчитывать на царскія почести? Конечно нѣтъ, отвѣтите вы, такъ какъ было бы безуміемъ притязать на царскія почести, которыя принадлежать и воздаются одному царю.

Чѣмъ же можетъ гордиться человѣкъ? Своими талантами? Но они суть даръ, туе подаваемый Богомъ, и благодарить за нихъ мы должны единственно Бога. Своею красотою и богатствами? Но то и другое не существенно и скоропреходяще, какъ тѣнь на стѣнѣ. То и другое не болѣе, какъ куча пыли; подулъ вѣтеръ и онѣ исчезли. То и другое суть красивые, радужные цвѣта въ мыльномъ пузырьѣ, пущенномъ на воздухъ; пузырь лопнулъ и ничего не осталось. Удивительно, какъ люди знаютъ все это, ни сколько не сомнѣваются въ этой истинѣ, и, при всемъ томъ, бѣгаютъ, чуждаются добродѣтели смиренія. Только одно смиреніе можетъ показать намъ всѣ вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, обозначающемъ наши отношенія къ Богу, ближнему и природѣ. Смиреніе есть только другое названіе для засвидѣльствованія истины. Наши отношенія къ Богу истины могутъ быть только истинными, слѣдовательно мы должны быть смиренными. — Потому св. Іаковъ пишетъ: *Богъ гордымъ противится, и смиреннымъ даетъ благодать* (Іак. IV, 6).

Третье условіе всякой доброй молитвы состоитъ въ томъ, что она должна быть методически—правильная, т. е. что въ ней долженъ быть наблюдаемъ извѣстный порядокъ; именно — сначала мы должны просить необходимаго, а потомъ, постепенно, менѣе существеннаго. И это болѣе или менѣе существенное должно опредѣляться не нашими, мірскими соображеніями, но волею Божіею. Потому-то Спаситель и говорить: *Ищите прежде Царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ* (Мѡ. VI, 33).

Четвертое условіе всякой доброй, истинно полезной молитвы

состоитъ въ томъ, что она должна быть поклоненіемъ въ духъ и истинѣ, т. е. должна быть полнымъ и искреннимъ выраженіемъ нашего внутреннѣйшаго бытія. Господь Иисусъ сказалъ самарянскій женщины: *Настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духъ и истинѣ; ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ Себѣ. Богъ есть Духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истинѣ* (Іоан. IV. 23, 24). Но молиться въ духъ и истинѣ не значитъ только, чтобы молитва изливалась изъ глубины нашего сердца, или изъ однихъ нашихъ устъ; нѣтъ; заключается другое, высшее значеніе въ слѣдующихъ словахъ апостола Павла: *Также и Духъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ; ибо мы не знаемъ, о чемъ молиться какъ должно; но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіями неизрѣченными* (Рим. VIII. 26). Мы должны разумѣть въ означенномъ мѣстѣ подъ словомъ *Духъ* не личный, индивидуальный, духъ въ человѣкѣ, но Третье Лице Св. Троицы. Да; Самъ Духъ Святой зоветъ и возбуждаетъ насъ къ молитвѣ, руководитъ насъ во время молитвы, учитъ насъ, какъ должно молиться и т. д. Вотъ гдѣ причина таинственной и удивительной силы молитвы; она не только человѣческой трудъ, но и *Божественное ходатайство*. Таково именно значеніе словъ: *воздыханіями неизрѣченными*. „Воздыханія“ служатъ самымъ поразительнымъ заявленіемъ скорби и сокрушенія сердечнаго; по своему апостолъ и употребляетъ это выраженіе о Св. Духѣ; но прибавляетъ, что эти воздыханія такъ различны по своему характеру и силѣ отъ обыкновенныхъ воздыханій человѣческихъ, что ихъ также нельзя передать на обыкновенномъ языкѣ человѣческомъ, — какъ нельзя ограниченному существу понять и представить себѣ безконечное Божество. Нѣтъ достаточныхъ, надлежащихъ словъ, для выраженія всей полноты и силы подобной молитвы.

Пятое условіе истинной молитвы есть ея *непрерывность*. Апостолъ заповѣдуетъ намъ: *непрестанно молитесь* (1 Тим. V, 17). Эта заповѣдь очень важная и строго обязательна для всѣхъ насъ. Конечно, мы должны правильно понимать смыслъ оной. Апостолъ здѣсь не заповѣдуетъ намъ оставить всѣ наши дѣла и занятія, отбросить въ сторону все житейское, слагать постоянно руки, непрестанно преклонять колѣна, перелистывать непрестанно мо-

литвенникъ, не давая себѣ отдыха ни днемъ, ни ночью. Если бы даже и было возможно такъ дѣйствовать, то заключалась ли бы въ этомъ истинная молитва? Безъ сомнѣнія, нѣтъ; такъ какъ предварительное условіе молитвы состоитъ въ вѣрномъ исполненіи всѣхъ обязанностей нашего званія. Потому то хозяйка дома, которая ежедневно бѣгаетъ въ церковь, читаетъ продолжительныя молитвы, и самоуслаждается своею собственною набожностію, тогда какъ въ домѣ все въ разстройствѣ, мужъ безъ призора, — дѣти предоставлены попеченіямъ кормилицъ и служанокъ, такая хозяйка, говоримъ, не молится, но грѣшитъ. Ея молитвы и склонность къ безпрестанному хожденію въ церковь не болѣе, какъ прозрачная личина, прикрывающая ея лѣность по отношенію къ исполненію своихъ хозяйственныхъ обязанностей, чего она старается избѣгнуть всевозможнымъ образомъ. Теперь посмотримъ, что означаетъ, повидимому, неимѣющая практическаго приложенія заповѣдь апостола. Представьте себѣ, что васъ собрался навѣстить дорогой другъ. Вы готовите все, чтобы лучше принять его. Вы только что и думаете о немъ. Само собою разумѣется, что сначала вы показываете ему вашъ домъ и хозяйство, — при чемъ объясняете ему, почему устроили такъ, а не иначе, и выслушиваете въ то же время многія практическія замѣчанія отъ него, какъ можно было бы лучше устроить. Затѣмъ вы ведете его въ вашъ огородъ и фруктовый садъ, — потомъ знакомите съ прекраснымъ видомъ окрестностей; — возвратившись послѣ того домой, вы дружески болтаете съ нимъ, — передаете ему ваши планы и намѣренія, спрашиваете его мнѣнія, спорите о предметахъ, имѣющихъ общій интересъ. Наконецъ вы проводите съ нимъ всѣ остальные часы въ вашемъ семейномъ кругу, въ которомъ вашъ другъ съ самой первой минуты какъ дома. И не только тогда, но даже и во время отсутствія, такъ сказать, постоянно съ вами, по крайней мѣрѣ, въ вашихъ мысляхъ. Во время вашихъ занятыхъ, служебныхъ, часовъ, когда наступаетъ краткій отдыхъ, — вы думаете о вашемъ другѣ. Когда блестящіе лучи солнца проникаютъ въ ваши окна, вы желали бы сидѣть съ нимъ рядомъ, и любоваться вмѣстѣ природою.

Когда по вашимъ дѣламъ вамъ приходится встрѣтиться съ пріятнымъ, образованнымъ, благомыслящимъ молодымъ человекомъ, вы думаете: *совершенно какъ мой другъ, только тотъ еще*

лучше! Кратко всё ваши мысли и желанія сосредоточены на вашемъ другѣ, вы постоянно воспоминаете и думаете о немъ. Теперь дорогіе друзья, приложите эту притчу къ себѣ. Этотъ другъ есть Богъ, есть Иисусъ Христосъ. Если вы на самомъ дѣлѣ любите Его, какъ возлюбленнѣйшаго друга, и полагаете, что такъ непременно должно быть, то вы будете обращаться съ Нимъ, какъ съ другомъ, и будьте увѣрены, что Онъ съумѣетъ оцѣнить вашу привязанность. Иисусъ Христосъ даже общалъ: *кто любитъ Меня, тотъ слово Мое соблюдетъ; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и мы придемъ къ Нему, и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. XIV: 23). Такимъ образомъ для того, чтобы исполнить апостольскую заповѣдь: *непрестанно молитесь*, вы должны поступать такъ, какъ вы поступали бы съ вашимъ лучшимъ другомъ. Непрестанно думайте о Немъ, — никогда не теряйте Его изъ виду. Отправляясь по дѣламъ — въ городъ, всегда возвращайтесь оттуда съ какимъ либо хорошимъ подаркомъ для Него; приносите Ему что либо въ даръ, или поработенную вами страсть, или помощь, оказанную вами бѣдному человѣку, или терпѣливо перенесенную несправедливость, или доброе слово, посѣянное въ сердца молодыхъ людей, или утѣшеніе, доставленное вами скорбящей и озлобленной душѣ и т. п. Это постоянное обращеніе и дума о Богѣ не такъ трудны, какъ обыкновенно то думаютъ люди, никогда не испытывшіе оныхъ и онѣ нисколько не могутъ препятствовать отправленію нашихъ обычныхъ обязанностей, напротивъ, онѣ побуждаютъ насъ добросовѣстнѣ относиться къ исполненію оныхъ, поелику мы знаемъ, что Богъ всевидящъ, и не престаётъ взирать на насъ. — Онѣ не могутъ также препятствовать нашимъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. Господь Иисусъ наслаждается нашею радостію, доколѣ она невинна и чиста. Не присутствовалъ ли Онъ Самъ на брачномъ торжествѣ въ Канѣ Галилейской? Но не будемъ позволять себѣ ни одного удовольствія, при которомъ не могъ бы присутствовать Иисусъ Христосъ. Одно затрудненіе — сохранить постоянно общеніе съ Богомъ; — оно состоитъ въ томъ, что мы не можемъ видѣть Его. Въ такомъ случаѣ поступайте такъ, какъ будто бы другъ вашъ находился въ сосѣдней комнатѣ дверь, въ которую отворена. Вы не можете видѣть Его, но можете бесѣдовать съ Нимъ также свободно, какъ и прежде. Это замѣнить личное свиданіе. Если у васъ нѣтъ времени для долгой бе-

сбды съ Нимъ, пользуйтесь краткими молитвами, т. е. молитвами, состоящими изъ нѣсколькихъ словъ, или изъ одного даже восклицанія, напр.: „Какъ благъ Ты!—Помоги мнѣ!—Благодарю Тебя!—Дай мнѣ силу перенести это!—Просвѣти мой умъ къ разумѣнню Твоихъ заповѣдей“! Говорите все это Богу, какъ бы другу, стоящему близъ васъ, и Онъ благословитъ и отвѣтитъ вамъ, и вы скоро научитесь понимать Его голосъ въ отвѣтъ на ваши слова. Не пропускайте ни единого часа, не обратившись къ Нему съ дружескимъ словомъ, не посовѣтовавшись съ Нимъ, или не попросивши Его о чемъ. Вскорѣ это обратится у васъ въ привычку, въ пріятную, отрадную привычку;—и когда Господь внезапно отзоветъ васъ отъ сего міра въ другой, загробный, міръ, то вы возьметесь за ризу Его.—и Онъ поведетъ васъ ровною стною къ вѣчнымъ обителямъ, въ которыхъ приметъ васъ, какъ своего друга!

О молитвенномъ призваніи ангеловъ и святыхъ я побесѣдую съ вами въ слѣдующее воскресеніе на тему: *о церкви и общинѣ святыхъ*. Теперь же позвольте мнѣ сдѣлать здѣсь два замѣчанія: первое, что наша молитва никогда не должна быть на показъ (Мѡ. VI. 5—7), хотя въ этихъ словахъ Господь Спаситель и не отвергаетъ общественную молитву въ церкви, которая очень сильна, неизбежна, и соединяетъ церковь во едино. Второе — истинный характеръ непрестанной моляты выясненъ еще Моисеемъ (Быт. XVI, 1);—*Богъ сказалъ Аврааму: Я Богъ всемогущій; ходи предо Мною, и будь непороченъ. Или, по еврейскому тексту, ходи предъ Моими Очами* (устремляя постоянно твой взоръ на Меня), *и ты будешь совершенъ*.

Что же касается до обѣтованій и дѣйствій молитвы, то мы читаемъ въ Евангеліи Матѡея слѣдующее: *Просите, и дано будетъ вамъ; ищите и найдете; стучите и отворятъ вамъ. Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находитъ, и стучащему отворятъ* (Мѡ. VII, 7—8). Обѣтованіе непреложное;—*всякій просящій получаетъ*, говорить Господь, слѣдовательно это истинно. Но что бы возымѣть надлежащее дѣйствіе—наша молитва должна обладать всѣми вышеуказанными условіями.—Хозяйка дома, непрестанно посѣщающая храмъ, и въ то же время не брегущая объ исполненіи своихъ обязанностей, не можетъ надѣяться получить отвѣтъ на свою неправедную молитву. Тотъ,

кто оскорбилъ своего ближняго, или враждуетъ съ нимъ, — не можетъ ожидать, чтобы молитва его была услышана; потому что въ Евангеліи Матѳея мы читаемъ: *И такъ если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику, и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и поиди, прежде примиришься съ братомъ твоимъ, и тогда прійди и принеси даръ твой* (Мѳ. V, 23—24). Если ты совершилъ тяжкій грѣхъ и не раскаиваешься въ немъ; если ты упорно держишься своихъ грѣховныхъ привычекъ, — или не прекращаешь сообщеній съ нечестивыми, — то твои молитвы не принесутъ никакой пользы. А что мнѣ сказать о тѣхъ, которые въ своихъ молитвахъ желаютъ сдѣлать Бога участникомъ своихъ преступленій? Всѣ подобныя молитвы — не молитвы, но только пустыя, лицемѣрныя слова; — *и ихъ, возстаемый вътрюмъ (съ лица земли)* (Ис. 1. 4). Теперь обратимся къ дѣйствительнымъ и добрымъ молитвамъ. Будутъ ли онѣ услышаны? Да; каждая изъ нихъ. Но, скажете вы, не учить ли опытъ, что многіе изъ этихъ молитвъ остаются безъ отвѣта? Нѣтъ; опытъ не учитъ, что онѣ остаются безъ отвѣта; онъ показываетъ только, что онѣ исполняются не такъ, какъ бы намъ того хотѣлось. Если малолѣтнее дитя просить у васъ поиграть блестящею, острою бритвою, то вы, конечно, не дадите ему, такъ какъ любите свое дитя и не хотите подвергать его опасности, но, вмѣсто того, дадите ему какую-либо другую, безвредную игрушку и, сверхъ того, горсть плодовъ. Или, положимъ, человекъ, страдающій горячкою, станетъ просить у васъ мяса. Разрѣшить ли это ему докторъ? Конечно нѣтъ. — Разрѣшить ему мясо въ подобномъ состояніи — тоже самое значило бы, что дать ему яду. Онъ не даетъ ему мяса, но даетъ что либо лучшее и полезнѣйшее.

Точно также поступаетъ Господь и съ нами. Одинъ изъ насъ, напримѣръ, просить себѣ богатства. Но всевѣдущій Господь знаетъ, что богатство сдѣлаетъ его нечестивымъ и послужитъ ему къ вѣчной гибели; и вотъ, вмѣсто богатства, Онъ посылаетъ ему терпѣніе и безропотность въ бѣдности. Развѣ не услышана подобная молитва?! Да, — несомнѣнно услышана, и осуществленіе оной оказалось гораздо полезнѣйшимъ для насъ, чѣмъ если бы она исполнилась буквально. Въ нашихъ молитвахъ мы большею частію поступаемъ какъ малыя, неразумныя дѣти. Посему Богъ,

нашъ любящій Отець, отвѣчаетъ на наши молитвы только соотвѣтственно съ дѣйствительными потребностями и нуждами. Да и въ томъ отношеніи, что мы особенно просимъ и молимся о житейскихъ благахъ и рѣдко о духовныхъ, мы подобимся малымъ дѣтямъ, думающимъ только объ игрушкахъ. Вы просите себѣ у Бога скоропреходящей славы и почестей, а Господь посылаетъ вамъ вмѣсто того Свою небесную благодать. Не даетъ ли Онъ вамъ несравненно болѣе, чѣмъ вы просили у него? Большая часть нашихъ молитвъ ограничивается единственно потребностями тѣлесными и житейскими нуждами, и обнаруживаютъ въ насъ недостатки вѣры въ Бога, несмотря на непреложныя Его обѣтованія. Прочтите шестую главу Евангелія отъ Матѳея, и устыдитесь. Развѣ Господь оставлялъ васъ когда безъ Своей помощи? Развѣ Онъ не помогаль вамъ въ то самое время, когда вы все считали потеряннымъ?

Св. апостолъ Петръ, во время хожденія по водамъ, не оттого ли сталъ тонуть, что поколебалась его вѣра? Если вы добросовѣстно исполняете свой долгъ, и, затѣмъ, возлагаете свое упованіе на Бога, то, конечно, не посрамитесь, и избавитесь отъ многихъ тревогъ и смущеній, овладѣвающихъ вами, единственно вслѣдствіе вашего маловѣрія. Никто не былъ и не будетъ оставленъ Богомъ, кромѣ тѣхъ, которые сами оставляютъ Его. *Я былъ молодъ, говорить самъ о себѣ Псалмопѣвецъ, и состарился, и не видалъ праведника оставленнымъ, и потомковъ его просящими хлѣба* (Пс. XXXVI. 25). Вы такъ много заботитесь обозначать въ вашихъ молитвахъ ваши личныя требованія и нужды, что, какъ будто, Богъ и не знаетъ лучше васъ самихъ въ чемъ именно вы нуждаетесь; потому я посоветую вамъ говорить просто: *Господи, пошли мнѣ то, что для меня всего нужнѣе въ извѣстную минуту!* и будьте увѣрены вы получите это не отчасти только, но доброю, преизбыточною, мѣрою. Но что выше и главнѣе всего, просите себѣ у Бога прежде всего благъ духовныхъ, — царствія Божія и правды Его; позаботьтесь сначала о безсмертной душѣ и о духовномъ благосостояніи всѣхъ тѣхъ, которые близки и дороги вамъ. Міръ, и всѣ его удовольствія, заботы, тревоги — скоропреходящи. Онѣ недостойны приковывать такъ сильно къ себѣ нашу душу. Къ сожалѣнію — люди чувствуютъ и понимаютъ эту истину только тогда, когда лежатъ на смертномъ одрѣ. По-

дите къ умирающему богачу, спросите у него, что значать его сокровища, и онъ отвѣтитъ вамъ: *меньше, чѣмъ ничто, такъ какъ они служили только препятствіемъ на пути къ небу*. Благодарите Бога, что вы не носите на себѣ этихъ золотыхъ цѣпей, что отъ васъ устранены эти препятствія, затрудняющія доступъ къ небу. У васъ есть все потребное и необходимое, такъ какъ Господь обѣщаль пещись и заботиться о васъ, если вы будете Его добрыми, послушными дѣтьми.

О людяхъ всѣхъ Господь печется,
Своимъ, тѣмъ иль другимъ, путемъ,
На всѣхъ ихъ выну съ неба льется
Его щедрота и любовь!

* *
*

Господь печется непрестанно
Въ годину тяжкую для насъ,
Для всѣхъ Онъ Воевода взбранный
Въ минуту каждую и часъ!

* *
*

Господь печется, будь увѣренъ,
Какъ мать о сынѣ, о тебѣ,
Пребуди только выну вѣренъ
Ему всегда, во всемъ, вездѣ!—

Грѣхи Парижа и слабыя стороны Галликанской церкви.

Въ одномъ—изъ англійскихъ духовныхъ журналовъ Church—Review (№№ 76 и 77 1871 г.) помѣщены статьи подъ заглавіемъ Грѣхи Парижа и слабыя стороны Галликанской церкви.

Въ то время, говоритъ авторъ, когда весь цивилизованный міръ приходитъ въ ужасъ отъ страшной катастрофы, постигшей величайшій и прекраснѣйшій городъ континентальной Европы, съ нашей стороны не неумѣстно и не излишне серьезно вникнуть въ причины этихъ великихъ бѣдствій, и пораздумать, не грозятъ

ли и намъ эти причины въ темномъ будущемъ подобными же бѣдствіями.

Свѣтскіе журналы, по обыкновенію, объясняютъ эти событія причинами второстепенными—общимъ ослабленіемъ власти, колебаніемъ и слабостію Тьера, организаціею тайныхъ обществъ въ Европѣ, но несомнѣнно то, что ужасные нравственные феномены, совершившіеся на нашихъ глазахъ, произошли скорѣе вслѣдствіе религіозныхъ, чѣмъ политическихъ причинъ.—Уже въ продолженіе цѣлаго столѣтія, или даже болѣе, Галликанская церковь чувствовала себя не въ силахъ бороться съ подвижными, безпокойными, страстными Парижанами. Ослабленіе Галликанской церкви въ 18 столѣтіи довело общество до отвратительнаго невѣрія и богохульства; ослабленіе же Галликанской церкви въ 19 столѣтіи привело къ оскверненію и закрытію церкви, убійству архіепископа и сожженію собора въ 1871 году. — Авторъ сопоставляетъ далѣе состояніе современной Англиканской церкви съ французскою, и находитъ, что какъ ни слаба первая, но Галликанская сестра ея еще слабѣе. Конечно, говоритъ онъ, на взглядъ чужестранца во Франціи все шло прекрасно и въ религіозномъ и въ воинскомъ отношеніяхъ. Императорская гвардія Наполеона III считалась однимъ изъ превосходнѣйшихъ войскъ въ Европѣ, и однако ни эта гвардія, ни эта непобѣдимая Франція, не могли ни на шагъ устоять предъ образцово-дисциплинированою милиціею Германіи. Страшныя, постепенныя пораженія при Саарбрюкенѣ, Седанѣ, Мецѣ, Орлеанѣ, Парижѣ во очію всей Европы доказали малосиліе оной. Такъ и Галликанская церковь, при всей своей блестящей, поражающей иностранца на первый взглядъ, внѣшней обстановкѣ и обрядности, въ разгарѣ революціи оказалась безсильною передъ бурей воцѣленившагося невѣрія и богохульства. Французы заключаютъ въ темницу, предають смерти своего архіепископа, не обвинивъ его ни въ одномъ преступленіи. Какое Государство дозволило бы безнаказанно сдѣлать подобное преступленіе? Въ Англіи оно, по всей вѣроятности, подняло бы страшную бурю негодованія по всей странѣ; въ Пруссіи было бы въ высшей степени опасно; въ Россіи оно даже не мыслимо. А въ Парижѣ сдѣлано ли было что для освобожденія архіепископа Дарбуа, кромѣ нѣсколькихъ устныхъ протестовъ... Закрытіе церкви въ Парижѣ почти безпримѣрно въ исторіи.

Даже самые худшіе изъ тиранновъ позволяли народу молиться, если не въ одной, то въ другой формѣ, въ самомъ разгарѣ релігіозныхъ преслѣдованій; однако Парижане безропотно дозволили закрыть почти на цѣлый мѣсяцъ многія изъ своихъ прекрасныхъ церквей.

Есть еще и худшій признакъ. Даже между самыми язычниками предъ войною и во времена общественныхъ бѣдствій возносились и возносятся моленія къ небесамъ. Въ средѣ христіанскихъ народовъ это было всеобщимъ правиломъ; и однако во Франціи только послѣ девяти-мѣсячнаго страшнаго и неожиданнаго ряда бѣдствій, какія едва ли приходилось переживать другому народу въ теченіи цѣлаго столѣтія, въ первый разъ подумали о всеобщемъ народномъ моленіи, тогда какъ Германія, прежде чѣмъ послѣдовалъ первый пушечный выстрѣлъ, уже смирилась въ мольбѣ предъ Богомъ.

Итакъ какія же слабыя стороны Галликанской церкви?

Первая великая опасность Французской церкви, равно какъ государства, по мнѣнію автора, заключалась и заключается въ излишней централизаціи. При томъ въ Французской церкви существовала самая худшая форма централизаціи, именно около иностраннаго центра, т. е. Рима. Быть можетъ Галликанская церковь, даже гораздо болѣе чѣмъ Англиканская, нуждается въ единеніи съ другими великими церквами латинскаго христіанства; но она ни сколько не сдѣлалась лучше отъ того, что, отказавшись отъ своей національности, строго сообразовалась съ чужеземнымъ правленіемъ. — Это самымъ разительнымъ образомъ доказалъ архіеп. Дарбуа, недавно пріившій мученическій вѣнецъ; онъ храбро ратовалъ за національность французской церкви, и его имя долго будетъ памятно въ исторіи. Французы не чувствуютъ, да и не могутъ чувствовать истинной привязанности къ своей церкви, какъ церкви французской; она для нихъ не болѣе какъ провинція, управляемая намѣстниками чужеземнаго владыки, который отнюдь не французъ ни по происхожденію, ни по чувству, ни по симпатіи, ни по политикѣ. Такимъ образомъ патріотизмъ и христіанство приходятъ въ разобщеніе между собою и люди, управляющіе Франціею и руководящіе французскою мыслию, всегда были людьми, взиравшими на церковь, какъ на врага свободы. Далѣе, говоритъ авторъ, выборъ галли-

канскаго духовенства, производимый въ столь значительной мѣрѣ изъ низшихъ классовъ, имѣлъ бѣдственныя слѣдствія не только для религіозной, но, быть можетъ, и для политической жизни народа. Если въ Англіи мы впали въ заблужденіе — устроить чисто аристократическое духовенство, то во Франціи противоположное зло оказывается еще болѣе бѣдственнымъ. Если наша церковь не терпитъ священниковъ изъ низшихъ классовъ, то французская потеряла для церкви не только высшіе и средніе классы, но даже лучшихъ изъ ремесленныхъ классовъ въ большихъ городахъ. Чтобы руководить мірянами въ вѣкъ изслѣдованій и критики, каковъ настоящій, духовенство должно стоять много выше своихъ пасомыхъ и въ интеллектуальномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Французскіе священники дѣйствительно таковы въ сельскихъ приходахъ, и такимъ образомъ крестьяне остаются христіанами; но въ городахъ, какъ ни благородна борьба нѣкоторыхъ изъ нихъ съ невѣріемъ, мужское развитое народонаселеніе видимо потеряло къ нимъ довѣріе. Потому-то, сила интеллектуальнаго движенія — пресса и литература Франціи являются не только не религіозными, но часто даже противохристіанскими. — Одна изъ причинъ этой потери для церкви образованныхъ классовъ можетъ заключаться въ исключительно техническомъ воспитаніи въ богословскихъ семинаріяхъ Франціи; но едвали не важнѣйшая — принудительное безбрачіе духовенства, препятствующее людямъ, занимающимъ высокое общественное положеніе и интеллектуально развитымъ, принимать на себя санъ священника. Въ этомъ отношеніи какъ Галликанская, такъ и Англиканская церковь, страдаютъ одинаково отъ противоположныхъ причинъ — одна отъ всеобщаго и принудительнаго безбрачія, другая отъ слишкомъ укоренившагося, вообще распространеннаго, обычая вступать въ бракъ духовенству. — Сравнительная рѣдкость церковныхъ службъ на отечественномъ языкѣ, обыкновенно считаемая главнымъ недостаткомъ въ Галликанской церкви, по мнѣнію автора, не такъ важна въ дѣлѣ вліянія церкви на народъ, чѣмъ то думаютъ въ Англіи. Не должно забывать, говорить онъ, что Французскій языкъ есть не болѣе какъ Романскій діалектъ латинскаго, и что церковная латынь чрезвычайно легка. Такимъ образомъ съ помощію ихъ переводовъ (оригинальнаго латинскаго на одной сторонѣ и французскаго на другой).

посѣтитель храма безъ большого труда можетъ слѣдить за службою. Никто изъ слушавшихъ вечернюю службу, въ хорошо устроенной приходской французской церкви, не можетъ сказать, чтобы она оставалась безъ богомольцевъ... Впрочемъ, если бы французская церковь имѣла болѣе церковныхъ службъ на родномъ языкѣ, то она лучше могла бы возбудить жизнь въ своемъ народѣ; тогда могли бы скорѣе понимать ея богослуженіе, и, слѣдовательно, справедливѣе цѣнить оное. Болѣе существенное зло въ французской церкви, по замѣчанію автора, это крайнее нерадѣніе о воскресномъ днѣ. При существующемъ ходѣ занятій французскаго народа, рабочіе городскіе классы могутъ присутствовать въ церкви только вечеромъ, а по вечерамъ церкви бывають закрыты, а на мѣсто ихъ открыты театры. Въ большей части епархій Франціи по цѣлымъ недѣлямъ сряду совсѣмъ не бываетъ вечернихъ воскресныхъ службъ, слѣдовательно значительная часть народонаселенія не можетъ посѣщать храмъ Божій, если бы и хотѣли того. Галликанская церковь, заключаетъ авторъ, есть твореніе Святаго Духа въ французской націи, и потому намъ остается только молиться, чтобы Св. Духъ такъ руководилъ и направлялъ епископовъ и пастырей оной, чтобы они могли уврачевать всѣ раны въ ея организаціи. Только тогда Франція снова сдѣлается истинно христіанскою націею, а Европа навсегда будетъ избавлена отъ ужаснаго зрѣлища невѣрія коммунизма.

Гора—Кармилъ въ Палестинѣ.

Кармилъ считается самою прекрасною горою въ Палестинѣ, какъ она считалась и прежде, въ древнія времена, когда „Красота Кармила“ обратилась въ пословицу. Со всѣхъ сторонъ она покрыта зеленью. На вершинѣ ея растутъ сосны и дубы, а по склонамъ оливковыя и лавровыя деревья. Со всѣхъ сторонъ она обильно орошается водою. Значительное число кристалльных источниковъ беретъ свое начало на этой горѣ; самый большой изъ нихъ—такъ-называемый „Ручей пророка Іліи“; всѣ они текутъ между береговъ, густо покрытыхъ кустарниками, въ Кисонъ. Подъ этимъ чуднымъ, ясно-голубымъ небомъ съ особенною щедро-

стію вознаграждается всякій трудъ земледѣльца. Видъ съ вершины горы на Акрскій заливъ и на голубыя вершины Ливана самый очаровательный. Флора Кармила—одна изъ самыхъ богатыхъ и самыхъ разнообразныхъ, какую только можно найти на землѣ; и въ этомъ мірѣ разнообразныхъ цвѣтовъ существуетъ безчисленное множество рѣдкихъ насѣкомыхъ всякаго рода, такъ что ботаникъ и зоологъ могутъ находить здѣсь въ теченіе цѣлаго года богатую почву для своихъ интересныхъ занятій. На склонахъ Кармила находятся двѣ или три деревни и нѣсколько разбросанныхъ хижинъ. Такимъ образомъ отсюда можно видѣть, что одушевленные указанія вдохновенныхъ пророковъ и поэтовъ на эту прекрасную гору до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ могутъ быть отнесены къ ней, и достаточно объясняются ея дѣйствительнымъ положеніемъ. Такъ напр., Исаія указываетъ „на превосходство Кармила“.

Гора состоитъ изъ плотнаго известняка, и какъ часто случается въ горахъ подобной формаци, въ ней находится очень много пещеръ, полагають, болѣе тысячи. На одной сторонѣ ихъ находится около четырехъ сотъ; здѣсь онѣ примыкають одна къ другой, снабжены окнами и мѣстами для спанья, избѣченными въ скалѣ. Особенность нѣкоторыхъ кармилскихъ пещеръ состоитъ въ томъ, что входъ въ нихъ такъ узокъ, что только одинъ человекъ можетъ пройти въ нихъ заразъ, и онѣ такъ извилисты, что взошедшій тотчасъ скрывается изъ вида. Это обстоятельство достаточно объясняетъ 3 ст. 9-й главы пророка Амоса, гдѣ Господь говоритъ о тѣхъ, которые стараются избѣгнуть его наказаній: хотя бы они скрылись на вершинѣ Кармила, я найду ихъ и извлеку оттуда. Что пещеры кармилскія, даже въ самыя древнія времена, служили убѣжищемъ для пророковъ и другихъ—это хорошо извѣстно. Пророки Илія и Елисей часто скрывались въ нихъ; и по связи рѣчи можно заключать, что въ этихъ пещерахъ были скрыты и пропитываемы Авдіею пророки Господа, во времена Ахава.

Еще болѣе интересна для насъ эта гора въ библейскомъ отношеніи. Она была нѣкогда сценою самаго величественнаго зрѣлища, когда пророкъ Илія одинъ выступилъ передъ царемъ язычникомъ и народомъ, и съ спокойнымъ достоинствомъ вѣры низвелъ огонь съ неба на жертву, который тщетно, съ бѣшенствомъ,

призывали жрецы Ваала. Здѣсь онъ требовалъ отъ народа, чтобы онъ пересталъ отсель хромать на оба коляна, и его слова были покрыты безчисленнымъ множествомъ громогласныхъ восклицаній: „Господь есть Богъ! Господь есть Богъ“!

Penny christiän magazine. february 1869 г.

Исповѣдь Франціи.

Какъ есть раскаяніе частное, личное, такъ есть раскаяніе цѣлыхъ народовъ и государствъ. Последнее особенно проявляется въ годину страшныхъ бѣдствій для народа и государства, когда надъ ними видимо тяготѣетъ рука Божественнаго гнѣва, и когда имъ остается только одно — ожидать себя спасенія и помощи свыше, отъ Господа силъ. Такъ именно и было съ Франціею въ 1870 году. Доведенная до послѣдней крайности, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, она приноситъ всенародное раскаяніе въ своихъ грѣхахъ и преступленіяхъ и сознаетъ праведность надъ собою суда Божія. Мы думаемъ такъ на основаніи превосходной, потрясающей душу, статьи, помѣщенной въ духовномъ французскомъ журналѣ: *L' Eglise libre* (отъ 7 окт. 1870 г.), подъ заглавіемъ *La Confession de la France* (Исповѣдь Франціи). Статья перепечатана въ англійскомъ журналѣ: *The Christian Work* (нояб. 1870 г.), со словъ котораго мы и проводимъ ее въ извлеченіи для нашихъ читателей.

„Мы, народъ французскій, начинаетъ авторъ, на который Богъ излилъ богатые свои дары, и котораго безпечность и нерадѣніе Онъ терпѣлъ столь долгое время, мы, наконецъ, истощили Его терпѣніе, и теперь пали подъ ударами Его наказующаго жезла. — Господи, мы признаемъ, что судъ твой праведенъ. Наказанія, которыми Ты поражаешь насъ, совершенно заслуженны. — Мы были горды и тщеславны, — любили суетную славу, особенно воинскую, считали себя непобѣдимыми, относились съ презрѣніемъ ко всѣмъ народамъ, считали за ничто проливаемую кровь, если это не была наша собственная кровь. — И вотъ Ты, Господи, смирилъ насъ неслыханными досель бѣдствіями. Армія, которою мы такъ гордились, истаяла, какъ воскъ отъ пламени. Наши крѣпости во власти чужеземца, который немилосердно по-

пираетъ и опустошаетъ почву нашихъ отцевъ.—Мы были самолюбивы и пристрасны къ чувственнымъ удовольствіямъ,—любили роскошь, удовольствія стола, воздавали поклоненіе деньгамъ, дурно или хорошо пріобрѣтеннымъ — и вотъ расточены наши богатства, вмѣсто удовольствій, пировъ и празднествъ—повсюду ужасъ и слезы.—Наша нравственность была испорчена. Мы были распущенны, надменны и вѣроломны, считали совѣсть и правду старинными предразсудками, относились съ презрѣніемъ ко всему, что есть чистаго и святаго между людьми, сдѣлали нашъ театр и нашу литературу школою безнравственности, предметомъ осмѣянія женщину, бракъ и его святые обязанности, и вотъ Ты, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ, излилъ огонь и сѣру на новый Содомъ и Гоморру“. Въ заключеніе авторъ говоритъ: „чтобы получить отъ Тебя, Господи, наши потерянные владѣнія, миръ и благосостояніе, мы приносимъ Тебѣ въ жертву не дымящіяся развалины (smoking ruins) нашихъ городовъ, не опустошенія полей, не кровь убитыхъ нашихъ сыновъ, но сердечное самоуничженіе и сокрушеніе предъ Тобою“..... Но довольно! Намъ остается только отъ всего сердца пожелать, чтобы Франція оправдала дѣломъ эти прекрасныя изліянія сокрушеннаго сердца, вызванныя страшною для нея годиною бѣдствій, и мы вполне увѣрены, что возрожденіе Франціи начнется именно съ того самаго дня, когда она рѣшится вступить на новый нравственный путь.

Вотъ и другой образецъ общественаго покаянія, заявленнаго отъ лица могущественной морской націи въ мірѣ, именно отъ лица Англій. Въ одной изъ своихъ передовыхъ статей подъ заглавіемъ; *England, Russia and Christianity* (*Англія, Россія и христіанство*), англійскій духовный журналъ *Church Review* (отъ 25 нояб. 1870 г.), сознается въ заблужденіяхъ, корыстолюбіи и національномъ эгоизмѣ Англичанъ, особенно въ дѣлѣ распространенія ими христіанства въ колоніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предрекаетъ славную будущность Россіи и Русской церкви. Статья такъ интересна, что мы позволяемъ себѣ остановиться на ней болѣе подробно, чѣмъ на предъидущей, хотя, какъ кажется, она и вызвана опасеніемъ со стороны Англій за потерю своего первенства на Востокѣ.

„Въ то время какъ мы пишемъ, говоритъ авторъ, исходъ Русской деклараціи не вышелъ еще изъ сомнительнаго положенія;

впрочемъ, если мы возьмемъ самое худшее, т. е. намѣреніе Россіи снова начать свои попытки (?) къ осуществленію «старой мечты» (?) относительно первенства въ Константинополь, и если эти попытки начнутся при болѣе много общающихся обстоятельствахъ, чѣмъ прежде,—то мы легко можемъ представить себѣ, что Провидѣніе, быть можетъ, устраиваетъ подобный ходъ событий для осуществленія великихъ цѣлей.

„Конечно, продолжаетъ статья, при громадной численности англійской націи, многіе думаютъ, что первенство Англичанъ должно продолжаться до послѣдней минуты страшнаго суда; но болѣе безпристрастные изъ зрителей за ходомъ политическихъ событий не могутъ замѣтить ничего особеннаго въ прошедшей исторіи этого государства и въ его настоящемъ положеніи, — никакого признака особеннаго предназначенія Англіи къ достиженію великихъ религіозныхъ цѣлей“. Далѣе авторъ статьи задается вопросами:—не совершила ли уже Англія своего особеннаго назначенія, какая была ея задача, сдѣланное ею доселѣ не было ли слишкомъ скудно и бѣдно, и рѣшаетъ оныя слѣдующимъ образомъ: „Англія захватила множество территоріи, развила торговлю, открыла безчисленные источники къ своему обогащенію, наполнила золотомъ свои сундуки (что при всемъ этомъ, конечно, было ея главною и единственною цѣлію), но насколько все это принесло пользы въ дѣлѣ распространенія религіи? Даже говоря безотносительно къ миссіонерской міровой дѣятельности, каково внутреннее состояніе дѣлѣ въ нашей отечественной странѣ, при этомъ непримѣрномъ благосостояніи? Каково наше религіозное, нравственное, общественное состояніе, отношеніе между различными классами въ государствѣ, матеріальное и духовное состояніе нашихъ бѣдныхъ? Счастливыѣ-ли, религіозныѣ-ли, довольныѣ-ли Англія сама въ себѣ, чѣмъ она была 350 лѣтъ тому назадъ?...“ Далѣе авторъ обращается къ миссіонерской колоніальной дѣятельности Англіи и находитъ, что она постыднымъ образомъ злоупотребила своимъ внѣшнимъ благосостояніемъ. „Все вѣрующее въ Бога, говоритъ онъ, какъ въ Правителя вселенной, вѣрують также и въ то, что Онъ возвышаетъ христіанскіе народы и распространяетъ ихъ владычество единственно съ цѣлію скорѣйшаго распространенія другаго высшаго владычества, благодатнаго царства Господа Иисуса Христа. Признавала ли когда Англія эту

обязанность главнымъ для себя побужденіемъ? Присвоива себѣ различныя территоріи, имѣла ли она когда другое какое побужденіе, кромѣ побужденій торговли? И когда въ колоніяхъ постепенно вводились христіанскія начала національнаго прогресса, не смотрѣла ли она на это съ подозрѣніемъ, не налагала ли на нихъ свою тяжелую руку, не соразмѣрляла ли развитіе оныхъ съ своими коммерческими разсчетами?...“ За симъ слѣдуютъ нѣсколько сильныхъ примѣровъ этой отрицательной, или этой, дѣйствительно, антихристіанской политики Англичанъ въ ихъ колоніяхъ. Выводъ, по мнѣнію автора, таковъ, что если назначеніемъ Англій было распространеніе христіанства, то она не выполнила онаго, не употребила, даннаго ей Богомъ, вѣшняго благосостоянія для распространенія Его Благодатнаго Царства между людьми. „Теперь, продолжаетъ онъ, мы не видимъ никакого основанія для того, чтобы намъ занимать долѣ по волѣ Божіей, преобладающее положеніе среди народовъ. Быть можетъ, въ совѣтѣ Божіемъ давно положено, что мы довольно уже странствовали по свѣту, твердя всемъ народамъ и языкамъ, что мы чада Авраама, и, весьма вѣроятно, что, наконецъ, Господь благоволитъ воздвигнуть истинныхъ чадъ Авраама даже изъ *этихъ Русскихъ камней* (?)“⁴. Далѣе, по мнѣнію автора, протестантизмъ не былъ и никогда не можетъ быть миссіонерскою религіею. Это родъ интеллектуальной роскоши, заимствовавшій отъ христіанства только нѣсколько религіозныхъ понятій, впрочемъ, какъ бы онъ ни льстилъ національному чувству Англичанъ, но очевидно ни какъ не примѣнимъ къ осуществленію цѣлей всемірной религіи.—Для этого нужны два условія—во-первыхъ, христіанство въ католической, а не въ національной формѣ; и, во-вторыхъ, дѣятельная помощь великаго народа, быстро стремящагося къ прогрессу.

„Есть одинъ народъ, заключаетъ авторъ, и только одинъ на лицѣ земли, въ которомъ соединяются оба эти условія, — этотъ народъ Русскій. Это Греческое христіанство, которое такъ долго страдало отъ послѣдователей Магомета и оно именно должно сокрушить своего врага. Мы совершенно отчаялись бы въ судьбахъ міра, если бы не надѣялись снова видѣть христіанство возстановленнымъ въ стѣнахъ св. Софіи... Мы употребили благодѣтельные дары цивилизаціи и торговли не для распространенія вѣры, но для своихъ собственныхъ интересовъ,—потому это дѣло

должно перейти къ другому народу и Россія есть единственная держава въ мірѣ, которая въ состояніи выполнить оное. Назначеніе сокрушить Магометанство въ Европѣ весьма естественно можетъ заключать въ себѣ другое высшее назначеніе—сокрушить оное въ Азіи, и для достиженія того и другаго Россія имѣетъ всѣ данныя, какъ по своему географическому положенію, такъ и по своему нравственному вліянію на востокъ...⁴ и т. д. До здѣ Англійская газета.—Что сказать намъ въ заключеніе съ своей стороны? Скажемъ одно: не въ этой ли вѣрной и справедливой оцѣнкѣ восточнаго христіанства, не въ этомъ ли очевидномъ недоуверіи къ протестантизму, кроются уже давно возникшія стремленія и попытки со стороны Англиканской церкви къ воссоединенію съ восточными?

Рѣчь Д-ра Кеннеди о религіозномъ воспитаніи народа.

На англійскомъ церковномъ конгрессѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1875 года въ Стокѣ на Трентѣ, между прочимъ, происходили разсужденія о религіозномъ народномъ воспитаніи. Д-ръ Кеннеди, извѣстный педагогъ, въ своей рѣчи, сказанной по означенному вопросу, указывалъ на то, что религіозное воспитаніе можетъ быть проводимо въ народныя массы двумя способами—посредствомъ религіозныхъ книгъ и посредствомъ примѣра и практики. При изученіи дѣтьми священной исторіи, по его мнѣнію, дѣлжно ихъ болѣе знакомить съ новозавѣтною, чѣмъ съ ветхозавѣтною. Было бы гораздо полезнѣе, говоритъ онъ, чтобы дѣти подробно ознакомлялись съ жизнію и ученіемъ Христовымъ—вообще съ Новымъ Завѣтомъ, равно также катихизисомъ и церковною исторіею, чѣмъ заучивали частности о судіяхъ и царяхъ іудейскихъ и израильскихъ. Мы должны имѣть по каждому изъ означенныхъ предметовъ три или четыре хорошо составленныхъ и одобренныхъ руководства. За тѣмъ онъ продолжалъ слѣдующее. Оставляя въ сторонѣ это ученіе, заимствованное изъ книгъ, и отчетъ въ которомъ обыкновенно требуется на испытаніяхъ учениковъ, я намѣренъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно того религіознаго воспитанія, которое касается совѣсти и сердца дѣтей, и должно служить руководителемъ всей ихъ жизни.

Это вопросъ очень важный, и особенно важный по отношенію къ настоящему времени. Мы живемъ въ необычайное и, къ сожалѣнію, очень грустное время, — въ которое христіанство подвержено тяжелымъ испытаніямъ, — и главнѣйшая опасность для души заключается въ такъ называемомъ „*матеріализмъ*“. Мы все любимъ знаніе и желаемъ учиться, мы признательны людямъ науки не только за матеріальныя блага, но и за тотъ свѣтъ, который они могутъ въ нѣкоторой мѣрѣ проливать на изясненіе свящ. писанія, потому что все мы любимъ истину болѣе всего. *Amicus Plato, magis amica veritas*, но противъ ученія тѣхъ мудрецовъ, которые проповѣдуютъ чистый матеріализмъ и отрицаютъ „*Господа и Подателя жизни*“ мы обязаны вести непрестанную войну—вести храбро, неутомимо и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ благоразуміемъ,—не только вооружаясь противъ матеріализма въ проповѣдяхъ,—но и предварительно снабжая молодыя души противоядіемъ противъ опаснаго яда. Но какъ достигнуть сего? Какимъ образомъ давать это противоядіе въ нашихъ школахъ? Отвѣтъ на эти вопросы простой: въ видахъ достиженія сего мы должны постепенно и фундаментально развивать въ душахъ нашихъ молодыхъ воспитанниковъ живое чувство совѣсти, вѣру въ бытіе Божіе и безсмертіе души; и я опасаясь, что безъ этого основанія имъ грозитъ крайняя опасность. По мудрому замѣчанію Самуила Тойлора Калриджа, каждый въ душѣ или „*послѣдователь Аристотеля, или Платоникъ*“, говоря другими словами, каждый изъ насъ склоненъ или къ матеріализму, или къ тому, что я называю спиритуализмомъ. Теперь, мы должны позаботиться сдѣлать нашихъ учениковъ, такъ сказать, *Платониками*; мы должны дать имъ почувствовать, что они суть существа не только тѣлесныя, но и духовныя, связанныя съ міромъ невидимымъ и міромъ будущимъ... Мы должны пробудить въ нихъ, выражаясь словами Ричарда Хукера, то чувство, что человѣкъ долженъ стремиться къ тройному совершенству не только, во первыхъ, къ совершенству тѣла и, во вторыхъ, къ совершенству ума, но и, въ третьихъ, къ совершенству души, которая сотворена для неба и вѣчности,—и соединяется съ Богомъ молитвою, вѣрою и любовію. Теперь намъ предстоитъ рѣшеніе двухъ вопросовъ, первый относительно возраста, съ котораго должно начинать религіозное воспитаніе дитяти, и второй — относительно

средствъ, какъ оно, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, можетъ быть проводимо въ нашихъ школахъ.

На насъ часто нападаютъ за то, что мы начинаемъ обучать дѣтей религіи съ самыхъ первыхъ лѣтъ ихъ дѣтства, но я не сомнѣваюсь въ томъ, что мы совершенно правы въ этомъ отношеніи. Дѣтство, неоспоримо, есть возрастъ, быть можетъ, единственный возрастъ для всего послѣдующаго образованія души въ духѣ истины, т. е. въ духѣ вѣры, любви и благочестія. Въ этомъ возрастѣ совѣсть бываетъ чище, живѣе, болѣе открытою для всего хорошаго и честнаго, чѣмъ въ послѣдующіе годы, — и, по истинѣ, въ этомъ возрастѣ легче всего привить и *укрѣпить* въ душѣ живую, постоянную мысль о Богѣ, безсмертіи и отвѣтственности.

Не должно опускать изъ виду также и того, что впечатлѣнія дѣтства и первые уроки онаго долго держатся въ памяти во время всей послѣдующей жизни, составляютъ, такъ сказать, *κτῆμα εἰς ἀεί* (пріобрѣтеніе на всегда).

Далѣе авторъ рѣчи говорить, что для лучшаго успѣха религіознаго воспитанія въ школахъ, должно тщательно заботиться о выборѣ наставниковъ, т. е. имѣть въ виду, чтобы они при своей учености, были люди строгой вѣры и нравственности. „Вообще говоря, замѣчаетъ онъ, школьный наставникъ, не долженъ самоудовольно хвалиться, или безпрестанно выставлять на видъ свою религіозность, но въ тоже время, — пусть онъ пользуется каждымъ благоприятнымъ случаемъ — развивать въ ученикахъ сознаніе ихъ духовной, безсмертной природы, и — выну бдящаго надъ челоувѣкомъ Промысла. Воздухъ школы долженъ быть пропитанъ такимъ вѣрованіемъ“.

Частныя обязанности каждаго наставника, по мнѣнію автора, заключаются въ слѣдующемъ: пусть наставникъ соблюдаетъ съ своей стороны возможную добросовѣстность при исполненіи своихъ обязанностей. Пусть онъ точно и исправно является въ классъ въ назначенное ему время; пусть онъ будетъ рачителемъ въ школѣ, — строгъ и наблюдателемъ въ отношеніи къ самому себѣ, справедливъ и честенъ при оцѣнкѣ ученическихъ отвѣтовъ. При этомъ онъ долженъ обращать особое вниманіе — на молитвы читаемыя въ классѣ, и самъ, во время оныхъ, долженъ молиться съ наружнымъ и внутреннимъ благоговѣніемъ. Нѣтъ лучшаго учи-

теля, какъ примѣръ. Ученикъ со временемъ дѣлается тѣмъ же, чѣмъ и учитель. Тотъ, кто желаетъ направить другихъ къ религіозной, христіанской жизни, постоянно долженъ быть готовъ явить образцы оной въ самомъ себѣ.

Сверхъ того наставникъ долженъ, на сколько то возможно и зависитъ отъ него, — тщательно ознакомиться съ характеромъ и направлениемъ каждаго ученика; потому что различные температуры требуютъ различнаго обхожденія. Мало того; онъ долженъ принимать возможное участіе въ каждомъ изъ учениковъ, лично, и при нѣжности и разсудительности въ обращеніи съ ними никогда не долженъ отдавать ихъ отъ себя какою либо несправедливостію, или, даже, сарказмомъ. Пусть онъ внушаетъ каждому ученику правила чистоты, опрятности и приличія, въ которыхъ, къ сожалѣнію, такъ много нуждаются бѣдные. Пусть онъ стремится къ тому, чтобы каждое дитя съ измалѣтства привычало къ хорошимъ и добрымъ поступкамъ всякаго рода, — ощущало внутреннее удовольствіе при прощеніи обидъ, чувствовало внутреннюю слабость при сознаніи своихъ погрѣшностей, практиковалось постепенно въ самоотверженіи, и первое было расположено дать поцѣлуй примиренія. Но при всемъ этомъ — пусть старается разъяснять дѣтямъ великую тайну нашей природы, т. е. что они ничего не могутъ сдѣлать добраго своими собственными силами, и что, подобно всѣмъ людямъ, для сего нуждаются въ помощи свыше. Да; христіанство не теорія, но практика; и школа, руководимая такимъ образомъ, снабдить ученика самымъ надежнымъ орудіемъ для борьбы въ это тяжелое, смутное время. Въ послѣдующіе годы, когда онъ станетъ мужемъ и вступитъ на путь общественной дѣятельности, то, при такомъ воспитаніи, не смотря на всѣ житейскія превратности и искушенія, онъ извѣдавъ самымъ опытомъ силу совѣсти, истину благости, дѣйствительность молитвы, — сердцемъ своимъ *окусиши и видѣвши, сколько благъ Господь*“, онъ будетъ имѣть самую лучшую и надежную гарантію въ томъ, что устоитъ въ вѣрѣ и не падетъ подъ власть современнаго утонченнаго матеріализма. Онъ долженъ имѣть свои часы искушеній. Кто не имѣетъ ихъ? И въ эти-то тяжелые часы — ему, конечно, не столько поможетъ знаніе всѣхъ біографій и статистическихъ данныхъ отъ Маѳусаала до Малахіи, сколько знаніе новаго завѣта, которому вы научили

его, сколько учение Христово, вынесенное имъ изъ вашей школы. Онъ вспомнить, что имѣеть Отца, который видитъ тайное и желаетъ, чтобы Ему молились тайно. Онъ вспомнить трогательную притчу о неотступной вдовѣ и неправедномъ судіи, и съ довѣрчивостію, неотступно будетъ прибѣгать въ своихъ молитвахъ къ праведному Судіи. Онъ будетъ, говорю, поступать такъ, потому что вы научили его молитвамъ въ вашей школѣ. А если какія изъ молитвъ и забудутся, то, по крайней мѣрѣ, въ его памяти удержатся тѣ церковныя пѣнопѣнія, которымъ вы научили его въ дѣтствѣ. Такъ воспитанный и укрѣпленный ученикъ, безъ сомнѣнія, въ послѣдующее время смѣло противопоставитъ всѣмъ сомнѣніямъ и замысловатымъ умозаключеніямъ современнаго матеріалистическаго ученія. Ему будутъ говорить, что совѣсть есть ни что иное, какъ врожденное чувство пользы и удобства, что, все сотворено силою присущею матеріи и дѣйствующими силами природы, что все мы не болѣе какъ автоматы, но все это будутъ говорить напрасно; онъ съ презрѣніемъ отнесется ко всѣмъ этимъ доводамъ матеріалистовъ, имѣющихъ, конечно, коварную цѣль—затмить идею о безсмертіи и поколебать его вѣру въ Бога.

Взглядъ англичанъ на классическое образованіе. *)

Постепенно суживающійся объемъ классическаго *studium* въ высшихъ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ, начавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время обнаружился реакціею, которая грозитъ напасть не только на усиленные занятія классическими языками, но даже и на самые языки.—Друзья классицизма въ Англіи сильно озабочены этимъ, по ихъ мнѣнію, не нормальнымъ явленіемъ въ педагогическомъ мірѣ, и время отъ времени помѣщаютъ въ своихъ газетахъ и журналахъ различныя, болѣе или менѣе сильныя статьи въ защиту пользы и важности классицизма въ дѣлѣ воспитанія юношества.—Одну изъ подобныхъ статей, заимствованныхъ изъ Англійской газеты *The Guar-*

*) Изъ газеты *The Guardian* 1880.

dian (dec. 10.1879) помѣщаемъ и мы для тѣхъ изъ читателей, которые въ наше время, время особенно усиленных занятій классическими языками въ нашихъ гимназіяхъ и семинаріяхъ, сомнѣваются въ пригодности и практичности подобныхъ занятій, какъ воспитательнаго элемента.

Усиливающееся съ каждымъ годомъ ознакомленіе съ исторією и литературою современныхъ европейскихъ націй,—говоритъ англійская газета,—и, въ особенности, съ нашими собственными;—гигантскіе шаги, дѣлаемые научными изысканіями, и практическое приложеніе оныхъ къ жизни;—особенно сильное развитіе международныхъ сношеній, вслѣдствіе постепенно открывающихся удобствъ для совершенія различнаго рода путешествій, по нуждѣ-ли-то, или для удовольствія;—и, потому гораздо сильнѣе проникнувшее въ общество теперь, чѣмъ прежде, сознаніе великой важности знакомства съ новѣйшими языками,—всѣ эти и подобныя тенденціи нашего времени, взятыя вмѣстѣ, усиливаютъ запросъ на болѣе обширный воспитательный *сиггисулум*, чѣмъ тотъ, который считали необходимымъ наши отцы. *Не большой запасъ латыни, и еще меньшій запасъ эллинизма*, приобретаемый школярами, на курсахъ старой общественной школы, долженъ быть дополненъ въ настоящее время языками англійскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ; исторією, химією, ботаникою, зоологією, музыкою, и, Богъ вѣсть, какими еще другими добавочными предметами. Всѣ означенные предметы, безъ сомнѣнія, полезны, и всѣ, конечно, желательны для интеллектуальнаго украшенія всякаго воспитаннаго джентельмена, хотя „всѣ ли можно усвоить ихъ въ предѣлахъ училищнаго курса“—вопросъ совершенно другой. Извѣстная поговорка: „*поверхностное знаніе не вѣкъ дѣлаетъ богословами*“, быть можетъ, нѣсколько справедлива относительно означенной новѣйшей системы; и хотя мы не намѣрены совершенно одобрять узкость старой классической дрессировки въ латинской и греческой грамматикѣ, въ синтаксисѣ оныхъ, переводахъ, и т. п. и, напротивъ того, радуемся при видѣ того, какъ классическіе языки дополняются другими науками, тѣмъ не менѣе мы достаточно вѣримъ въ силу и важность этой дрессировки для того, чтобы смотрѣть съ нѣкоторою недовѣрчивостію на простую возможность замѣны оной“ *небольшимъ запасомъ французскаго, и еще меньшимъ запасомъ нѣмецкаго языковъ* потому что, исходя отъ того предполо-

женія, что лингвистическія занятія необходимо существенны для исполнѣя правильнаго воспитанія, въ чемъ, безъ сомнѣнія, не усумнится ни одинъ изъ нашихъ читателей, — тѣмъ болѣе мы вѣримъ въ то, что классическіе языки имѣють гораздо болѣе важности и значенія, чѣмъ общепотребительные языки новой Европы, какъ фундаментъ и основаніе для изученія сихъ послѣднихъ. И если нѣкоторые говорятъ на вѣтеръ и безъ толку, — каковыя рѣчи часто приходится слышать въ настоящее время, — что было бы гораздо лучше, если бы мальчики не тратили такъ много времени на изученіе бесполезныхъ языковъ Латинскаго и Греческаго, но занимались болѣе Французскимъ, Нѣмецкимъ, и другими предметами, которые могли бы быть полезными для нихъ въ послѣдующей жизни, — то такіе люди, вѣроятно, не потрудились разсудить что составляетъ дѣйствительную цѣль высшаго воспитанія, какия — лучшія къ тому средства, — и — почему.

Цѣль высшаго воспитанія, полагаемъ мы, состоитъ въ упражненіи и развитіи умственныхъ силъ. — Лучшими средствами къ тому служатъ именно тѣ, которыя лучше всего возбуждаютъ и, такъ сказать, отполировываютъ эти способности; и если мы будемъ говорить единственно о лингвистическомъ значеніи, по отношенію къ умственному воспитанію, то, по всей вѣроятности, не найдемъ въ этомъ отношеніи никакого сравненія между Французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, и древними классическими языками.

Не будемъ говорить о важномъ значеніи той литературы, къ изученію которой — эти древніе, мертвые языки служатъ единственнымъ ключемъ.

Было бы чисто общимъ мѣстомъ указывать на тѣ великія, мастерскія произведенія древней литературы, которыя, каждое въ своемъ родѣ, служатъ, такъ сказать, образцемъ, по которому развивалось литературное направленіе поколѣнія за поколѣніемъ, мысли которой пережили многія и многія вѣка, языкъ которой, сознательно или безсознательно, въ родѣ отечественнаго, сдѣлался обычнымъ для всѣхъ просвѣщенныхъ и образованныхъ людей. Напрасно мы стали бы оспаривать несомнѣнно важное значеніе Илиады и Одиссеи, Агамемнона или Эдипа, этики Аристотеля, республики Платона, исторіи Фукидида, справедливо названной имъ самимъ „*достояніемъ всѣхъ вѣковъ*“; сочиненія Демосеена

„де согопа“ (о вѣнцѣ), образцовѣйшаго произведенія древне-міроваго краснорѣчія, безцѣннаго по своей увлекательности.—Цѣлыхъ двѣ тысячи лѣтъ процвѣтало и плѣняло собою всехъ необыкновенно сильное умственное развитіе Греціи; но величайшая изъ ея побѣдъ была выиграна только тогда, когда, съ паденіемъ Греческой свободы, обаяніе ея литературы охватило собою и ея побѣдителей—Римлянъ, и когда явившіеся въ свое время Virgilій и Гораций, Цицеронъ и Тацитъ, приобрѣли себѣ такое же неоспоримое право на безсмертную славу, какое и незабвенные греческіе поэты и ораторы. Переводы, комментаріи, „*Древніе классики для Англійскихъ читателей*“, *Древняя литература* и прочія въ этомъ родѣ произведенія, конечно, могутъ нѣсколько знакомить юношество съ великими литературными произведеніями древности,—и самыя постоянно являющіяся въ свѣтъ изданія оныхъ служатъ въ нѣкоторомъ родѣ подтвержденіемъ общераспространеннаго сознанія въ томъ, что воспитаніе и образованіе немислимы безъ Греческой и Латинской литературы; но какъ бѣдны и жалки подобныя произведенія сравнительно съ самыми великими подлинниками и оригиналами! Какъ въ самомъ дѣлѣ, можетъ основательно ознакомиться съ мастерскими литературными произведеніями древнихъ тотъ, кто не въ состояніи читать оныя на томъ самомъ языкѣ, на которомъ онѣ написаны? Какое слабое подражаніе, наиримѣръ, представляетъ намъ переводъ сочиненія Демосоена „De Sogopa“—„Этой величественной музыки, которая доселѣ приводитъ въ восторгъ всехъ, обладающихъ поэтическимъ развитіемъ?“ Гдѣ, какъ не въ Иліадѣ Гомера, или въ Энеидѣ, мы поражаемся особенно величественнымъ тактомъ, звучнымъ историческимъ размѣромъ гексаметра? И такъ то во всехъ произведеніяхъ древней литературы. Допустивъ разъ, что большее или меньшее знаніе оной существенно важно для высшаго образованія, мы не можемъ не допустить при этомъ необходимости изученія тѣхъ языковъ, на которыхъ она написана. Если каждый образованный человекъ долженъ быть болѣе или менѣе знакомъ съ твореніями Гомера, Virgilія, Демосоена и Цицерона, то онъ долженъ для сего основательно изучить языки Латинскій и Греческій.

Эти мертвые (какъ ихъ обыкновенно называютъ, хотя и ошибочно) языки и независимо отъ своей литературы, служатъ наи-

лучшими и драгоценнѣйшими пособіями къ лингвистическому образованію. Ихъ опредѣленность, ихъ сложность, ихъ сильно измѣняемый, „синтетическій“, характеръ, совершенно отличный отъ *аналитическаго* характера новыхъ языковъ, одинаково дѣлаютъ ихъ самыми лучшими орудіями къ лингвистическому образованію. Общеупотребительные новые языки могутъ быть изучены въ дѣствѣ, или во время путешествія, безъ нарочитаго учителя, безъ особой борьбы съ какими либо серьезными лингвистическими затрудненіями, даже съ однимъ поверхностнымъ знаніемъ великихъ законовъ и началъ человѣческой рѣчи. Сложное синтаксическое строеніе, которымъ выражаются безъ перифраза и разноглагольствованія самые нѣжные оттѣнки и тончайшія подраздѣленія мысли, не существуетъ въ новыхъ языкахъ. Оно чуждо гевію Англійскаго, или Французскаго, или другаго. какого либо *аналитическаго* языка. Ни одинъ изъ этихъ языковъ не представляетъ для ученаго и половины тѣхъ грамматическихъ трудностей, какія представляютъ собою Латинскій и Греческій языкъ,—и которые носомнѣнно требуютъ болѣе умственныхъ усилій, и болѣе тщательной оцѣнки различій въ идиотизмѣ и строеніи, чѣмъ новѣйшіе языки. Такимъ образомъ переводъ съ одного какого либо новаго языка на новый другой—легче и проще, чѣмъ переводъ съ какого либо изъ новыхъ языковъ—на Латинскій и Греческій. Переводитъ съ Французскаго на Англійскій, или съ Англійскаго на Французскій,—безъ всякаго сомнѣнія, весьма полезно и даже необходимо для тѣхъ, кто желаетъ вполне изучить Французскій языкъ; но въ видахъ умственнаго развитія и лингвистическаго образованія вообще, этотъ трудъ ни какъ нельзя сравнить съ занятіями, необходимыми напр. для перевода Демосѳена или Цицерона на Англійскій, или Бурка и Маколея на Латинскій языкъ. Распространяться подробно объ этомъ — здѣсь неумѣстно, такъ какъ понудило бы насъ пуститься въ такія тонкости, которыя требуютъ много мѣста и времени; достаточно сказать одно, что польза изученія Латинскаго и Греческаго языка, по отношенію, къ лингвистической сторонѣ образованія, засвидѣтельствована вѣковыми опытомъ.

Мы не поднимаемъ здѣсь, какъ сказали и выше, открыто вопросъ о необходимости и желательности лингвистическаго образованія; и не входимъ въ обсужденіе взаимныхъ границъ об-

щаго и технического воспитанія, равно какъ и того, въ какой степени должно входить послѣднее въ программу нашихъ общественныхъ школъ и университетовъ. Многие, безъ сомнѣнія, думаютъ, что оно не должно входить въ означенную программу въ широкихъ размѣрахъ, и этотъ-то практической и утилитарный взглядъ на воспитаніе и объясняетъ намъ загадку—современныхъ криковъ и нападокъ на классическія занятія. Латинскій и Греческій языкъ, по мнѣнію ихъ, не оплачивается непосредственно въ жизни; за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда студентъ изучаетъ оныя въ такой степени, что получаетъ возможность занять мѣсто адъюнкта Профессора, или школьнаго учителя; а потому для него было бы де гораздо лучше учиться чему либо другому, что коммерчески оплачивается на другихъ поприщахъ жизни. И этотъ взглядъ такъ нравится практическому здравому смыслу, что въ настоящее время вообще признано считать негодною ту старую систему, по которой дѣти не учились ничему иному, кромѣ Латинскаго и Греческаго языка. Но, не смотря на все это, мы никакъ не можемъ отказаться отъ принятаго нами положенія, что общій характеръ высшаго воспитанія долженъ быть по преимуществу литературнымъ, а не техническимъ, что главная цѣль онаго заключается главнымъ образомъ въ развитіи умственныхъ силъ, а не въ приготовленіи къ той или другой должности, и что доколѣ преслѣдуется эта общая цѣль, дотолѣ языкъ и литература древней Греціи и Рима останутся не только существенною чертою, но и главнымъ предметомъ воспитанія. Границы, до которыхъ должны простираться спеціальное—классическое и реальное образованіе въ дѣлѣ общаго воспитанія—составляютъ вопросъ широко открытый для обсужденій; но на предварительномъ поприщѣ Латинскій и Греческій языки доселѣ должны являться, въ средѣ прочихъ пособій къ умственному развитію,

Velut inter ignes
Luna minores.

И всякая серьезная уступка со стороны университетовъ тѣмъ лицамъ, которые желаютъ свести классицизмъ съ подобающаго ему мѣста, съ его благотворнымъ вліяніемъ на все высшее отечественное образованіе, дотолѣ будетъ казаться намъ преждевременною и мало-обдуманною,— доколѣ мы не увидимъ яснѣе, что именно должно занять мѣсто классиковъ, послѣ ихъ низложенія.

Французское остроуміе.

Вотъ образчикъ Французскаго остроумія, помѣщенный въ *Almanach des Familles* на 1880 годъ, относительно того, что станется съ свѣтскою, французскою школою въ 1885 году:

Сцена представляетъ классную комнату; учитель сидитъ на кафедрѣ; Пуарье, Робень, Серизье и пятьдесятъ другихъ учениковъ сидятъ за классными столами.

Учитель. Прежде чѣмъ приступить къ началу, я долженъ побранить нѣкоторыхъ изъ васъ за сдѣланную кражу. Напоминаю вамъ, что по нашимъ гражданскимъ законамъ, воровство наказуется заключеніемъ въ тюрьму и иногда каторжною работою.

Пуарье (со смѣхомъ). Ба! Для избѣжанія сего должно только позаботиться о томъ, что бы не видали.

Учитель (очень важно). Есть Нѣкто Всевидящій. (Въ сторону), Кажется, я иду слишкомъ далеко.

Пуарье. Кто же это, г. наставникъ?

Учитель (колеблясь и заинаясь). Это.... Это.... Законъ.

Пуарье (смѣясь ему въ лице). О, превосходно!

Учитель. Довольно объ этомъ! Приготовьтесь писать! (Онъ диктуетъ). „Въ первобытныхъ лѣсахъ какъ прекрасны буковыя деревья—эти патріархи“....

Робень. Патріархи? Патріархи?

Учитель. Да.

Робень. Я думалъ, что слово патріархъ приложимо только къ людямъ.

Учитель. Въ метафорическомъ значеніи его можно приложить ко всему долго живущему.

Пуарье. Вѣрите ли вы, г. наставникъ, тому, что говоритъ священная исторія о долговѣчности патріарховъ? Что это басня или дѣйствительная правда?

Учитель. Мнѣ нѣтъ дѣла до этого вопроса: Спросите объ этомъ у министра духовныхъ дѣлъ. Продолжайте! (онъ диктуетъ).

„Какія таинственныя церемоніи и обряды происходили подъ сѣнію оныхъ!“

Пуарье. Какія же г. наставникъ?

Учитель. Это долго объяснять. По мимо того—это религиозный вопросъ, рѣшеніе котораго подлежитъ министру духовныхъ дѣлъ.

Серизье. Онъ не знаетъ!

Учитель. Что вы сказали?

Серизье. Я сказалъ: конечно такъ!

Учитель. Замолчите. (Онъ диктуетъ). „Какія жертвы приносились подъ ихъ зелеными сводами!“

Пуарье. Правда-ли г. наставникъ, что древнія жертвоприношенія служили прообразомъ жертвы Христовой?

Учитель. Да; т. е. я ничего не знаю объ этомъ. Оставьте меня съ своими вопросами, рѣшеніе ихъ подлежитъ министру духовныхъ дѣлъ.

Пуарье. Это слишкомъ! Нельзя сдѣлать ни одного вопроса безъ того, чтобы вы не сослались на министра духовныхъ дѣлъ. Я полагаю, что вы заставляете насъ писать нашъ диктантъ совершенно машинально.

Учитель. Пуарье, оставьте ваши разсужденія при себѣ!

Пуарье. За чѣмъ-же, если онѣ справедливы?

Учитель. Въ наказаніе напишите глаголь: „разсуждать“ десять разъ.

Пуарье. Наказаніе—не отвѣтъ.

Учитель. Пишите двадцать разъ!

Пуарье (съ бѣшенствомъ). Именемъ....

Учитель (важно). Пуарье, вы останетесь въ карцерѣ на восемь дней—въ наказаніе за страшное богохульство, которое сейчасъ произнесли.

Пуарье. Богохульство, если оно только существуетъ, есть оскорбленіе, до котораго вамъ нѣтъ никакого дѣла; оно подлежитъ суду министра духовныхъ дѣлъ, такъ какъ воспрещено Десятисловіемъ, а не гражданскимъ закономъ. Въ каждой свѣтской школѣ богохульство есть ни что иное, какъ междометіе.

Робенъ и Серизье. Конечно такъ, Пуарье совершенно правъ!
Вся школа (хоромъ). Онъ правъ; онъ правъ; онъ правъ!
Mallborough j'en va-t-en guerre!

Учитель. Молчать!

Вся школа (хоромъ). „Marchons! Marchons! и проч.

Учитель. О, Боже мой! Боже мой!

Пуарье. Молчать! Мы въ свѣтской школѣ, имя Божіе не должно быть произносимо здѣсь. Это противно закону и правиламъ.

Вся школа. Пуарье совершенно правъ.

Учитель. Вонъ отсюда! Оскорблена свобода совѣсти! Нарушены законы и правила!

(Школьники въ смущеніи разбѣгаются).

Поученіе предъ отпѣваніемъ раба Божія, Сергія Александровича Колесова *).

(Произнесено 20 августа 1887 года въ Спасо-Преображенской, въ сельцѣ Богородскомъ, церкви).

Грустно, прискорбно и тяжело, вообще бываетъ, братіе, предстоять гробу нашихъ родныхъ, близкихъ и знаемыхъ, умершихъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ, или въ преклонной старости, — но еще грустнѣе, прискорбнѣе, тяжелѣе дѣлается на сердцѣ, когда предстоишь гробу, въ которомъ покоится бездыханное тѣло отрока, или юноши, сражаемыхъ неумолимою рукою смерти на самой утренней зарѣ жизни, или въ самомъ, такъ сказать, цвѣтѣ лѣтъ, и развитіи силъ физическихъ и нравственныхъ.

Земля еси, и въ землю отыдеши, таковъ непреложный и грозный судъ, произнесенный еще въ Раю надъ нашими прародителями, послѣ ихъ грѣхопаденія, — а въ лицѣ ихъ надъ всѣмъ человѣчествомъ; и вотъ, въ силу онаго, всѣ мы земнородніи *отъ земли создахомся и въ землю туюжде поидемъ... а може вси челоувѣцы поидемъ*, какъ воспѣваетъ св. Церковь въ одномъ изъ своихъ погребальныхъ пѣснопѣній.

Вотъ и теперь предъ нами, въ храмѣ семъ, въ силу того же неумолимаго приговора Божія, возвышается свѣжій гробъ, съ безжизненнымъ тѣломъ усопшаго раба Божія, боголюбиваго юноши *Сергія* восхищеннаго изъ среды живыхъ еще такъ рано, почти преждевременно, по нашему людскому сужденію, — гробъ, окруженный скорбящими родителями, братьями, знавшими и близкими къ нему, и всѣ мы готовимся теперь дать *послѣднее изъловіаніе* мирно и безмятежно покоящемуся въ этомъ тѣсномъ гробѣ. Жить бы тебѣ, да жить, долго и счастливо, на радость родителей, на честное служеніе отечеству и обществу, такъ невольню думается намъ, при этомъ свѣжемъ гробѣ, въ эти скорбныя минуты, и вотъ

*) Это поученіе не вошло въ составъ I отдѣла сборника потому, что оно было произнесено, когда отдѣлъ былъ уже законченъ печатаніемъ.

какъ нѣжный, только что распутившійся цвѣтокъ, гибнетъ твоя молодая жизнь отъ безопадно — суроваго дуновенія смерти, а вмѣстѣ съ нею безвозвратно сходятъ въ хладную могилу всѣ отрадныя надежды и упованія, возлагавшіяся и почивавшія на тебѣ.

Преждевременно восхищенъ отъ насъ, изъ среды живыхъ, усопшій рабъ Божій, благородный юноша Сергій; положимъ, это правда, когда и самъ псалмопѣвецъ исчисляетъ жизнь человѣческую, семидесятью, и, *еще въ силахъ*, осмидесятью годами; и эта преждевременность еще болѣе усиливаетъ нашу скорбь и горе; *но да не скорбимъ, яко же и прочіи, не имущіе упованія* (1 Сол. IV. 12); да растворяется наша скорбь вѣрою и упованіемъ, что онъ призванъ отъ насъ къ Господу въ самую лучшую пору, во время самое *благодѣтельное* для него,—что онъ достаточно созрѣлъ здѣсь на землѣ для вѣчной жизни на небѣ, и потому-то, какъ пшеница добрая, благовременно вземлетъ въ житницу Отца Небеснаго.

И въ природѣ растительной, какъ это извѣстно всѣмъ намъ, братіе, плоды созрѣваютъ не всѣ одинаково; одниѣ ранѣе и скорѣе, другія позже и медленнѣе. Этотъ законъ примѣчается и въ людяхъ; люди тоже разное созрѣваютъ для жизни будущей; одни въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ при закатѣ дней своихъ, другіе въ самые молодые годы на зарѣ своей жизни. Потому, будетъ ли самоувѣренно и преувеличено съ нашей стороны, если еще разъ повторимъ, что почивающій въ гробѣ семъ, и во время малой жизни своей, на землѣ, достаточно приуготовился, и созрѣлъ для жизни будущей? За чѣмъ оставаться плодамъ на деревѣ, когда они поспѣли и созрѣли; за чѣмъ и человѣку продолжать жить въ этой жизни когда онъ достаточно приуготовился и созрѣлъ для будущей.

Угодна бо бѣ Господеву, душа его: сею ради потщася изъ среды лукавствія, замѣчаетъ премудрый объ одномъ умершемъ, какъ видно, въ юныхъ лѣтахъ, праведника. А въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ слѣдующее: *восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или леть прельститъ душу его* (Прем. IV. 11).

Въ приведенныхъ словахъ премудраго заключается отчасти и объясненіе великой тайны, почему люди восхищаются изъ среды живыхъ, такъ сказать, преждевременно, въ раннихъ лѣтахъ от-

рочества, и юности, или, вообще, въ молодыхъ лѣтахъ. Почему? Потому что душа ихъ *угодна бѣ Господеву*, — потому что они возлюблены были Богомъ, потому что Господь пожелалъ сберечь ихъ для царствія своего небеснаго, и вотъ Онъ, всемилосердый, не медлитъ брать ихъ отсюда, чтобы здѣсь среди мірскихъ суетъ и соблазновъ неизмѣнилась, и не потерялась доброта и чистота душъ ихъ. Если отъ сихъ общихъ разсужденій, мы снова обратимся съ сего свящ. мѣста къ *предлежащему безгласнымъ и бездыханнымъ* во гробѣ семь, усопшему рабу Божию Сергію, то увидимъ, что не долговременна была его здѣшная, земная жизнь; она ограничивалась и измѣрялась не болѣе какъ два-десятию и тремя годовыми поприщами. Но и въ этотъ сравнительно-краткій періодъ жизненной дѣятельности много и много хорошаго и свѣтлаго могутъ сказать и засвидѣтельствовать о немъ, какъ о добромъ чадѣ, о кроткомъ отрокѣ, о скромномъ, благонравномъ юношѣ, лица близко стоявшіе къ нему и хорошо знавшіе его. Не для восхваленія его дерзаемъ мы высказывать это, теперь онъ неимѣетъ уже никакой нужды ни въ людскихъ похвалахъ, ни въ свѣтскихъ одобреніяхъ, такъ какъ предстоитъ передъ престоломъ неумытнаго и нелицепріятнаго Судіи и Бога, — но въ утѣшеніе предстоящихъ гробу сему, и, въ особенности, въ назиданіе всѣмъ юношамъ и молодымъ людямъ, здѣсь присутствующимъ. — Семья, гимназія, Лицей Цесаревича Николая, въ которыхъ проходило дѣтство, отрочество и первые годы его юности, по правдивымъ отзывамъ лицъ близко стоявшихъ къ нему, — родныхъ, учителей и воспитателей всегда видѣли въ немъ послушное, смиренное дитя, прилежнаго ученика, благонравнаго воспитанника, отличавшагося благородствомъ характера, кротостію и незлобіемъ сердца, — любовію къ посѣщенію церковныхъ богослуженій и, вообще, къ храму Божию. Неоднократно, какъ передавали намъ, посѣщалъ онъ съ своимъ боголюбивымъ родителемъ иноческія обители, отличающіяся подвижническою жизнію и строго-аскетическимъ характеромъ иночествующей братіи, и въ числѣ ихъ, Введенскую оптину пустынь, и сколько отраднхъ впечатлѣній, сколько одушевленныхъ разсказовъ, сколько духовныхъ наслажденій, выносили онъ изъ этихъ благочестивыхъ путешествій. Видно было, что юная душа его неудержимо, хотя и тайно,

стремилась ко всему духовному и святому, подобно тому, какъ олень стремится на источники водные.

Приводило въ немалое изумленіе родныхъ и друзей почившаго и его не малое терпѣніе, и его христіанская малоропотность, если не совсѣмъ безропотность во все, то долгое время, когда злой мучительный недугъ, противъ котораго оказались безсильными всѣ медицинскія пособія, и даже благодѣтельный климатъ южной Россіи, — какъ нѣкій ядовитый червь постепенно подтачивалъ его тѣлесный составъ, пока окончательно не подточилъ его, и не свелъ окончательно въ могилу молодую жизнь.

Не поэтому ли, неволью думается намъ опять при гробѣ семь, онъ такъ рано и *восхищенъ бысть* изъ среды живыхъ, *потщася изъ среди мукавствія*, подобно тѣмъ лицамъ, о которыхъ упоминаетъ премудрый, — что *угодна бѣ Господеву душа ея*, — да не злоба *измѣнитъ разумъ ея*, или *лестъ прельститъ душу ея*?

Сія дума, и нѣкоторая даже увѣренность подкрѣпляется, братіе, еще болѣе тѣмъ отраднымъ обстоятельствомъ, что предъ вполне христіанскою кончиною, Господь сподобилъ его неоднократно приобщиться св. Христовыхъ таинъ и принять таинство Елеосвященія; слѣдовательно, можемъ несомнѣнно заключить, что усопшій о Господѣ братъ нашъ взялъ себѣ путеводителемъ на тотъ свѣтъ Самаго Господа Иисуса Христа. Да, кто удостоивается передъ смертію со страхомъ Божиимъ и вѣрою приобщиться пречистаго Тѣла и крови Христовой, тотъ беретъ себѣ путеводителемъ на тотъ свѣтъ Самого Иисуса Христа; того Онъ безопасно проведетъ долиною смерти, въ жизнь вѣчную, того будетъ защищать и охранять тамъ Самъ Иисусъ Христосъ и потому-то причащеніе тѣла и крови Христовой въ предсмертные часы называется у насъ напутствованіемъ, или напутіемъ живота вѣчнаго.

Не знаменателенъ ли, наконецъ, братіе, и тотъ фактъ, что христіанская кончина усопшаго о Господѣ раба Божія Сергія совпала именно съ тѣми днями, въ которые по церковному чиноположенію продолжается еще празднованіе всечестнаго Успенія Пресвятой и Пренепорочной Богоматери? *Источникъ жизни во гробѣ полагается, и мѣтвими къ небеси гробъ бываетъ*, воспѣвается св. церковь въ одномъ изъ своихъ пѣснопѣній. *Преставилася еси къ животу, Мати сущи живота, и молитвами твоими*

избавляеши отъ смерти души наша воспѣваетъ она въ другомъ. Спасаси присно, Богородице, наслѣдіе твое въ третьемъ. Сколько отраднаго и утѣшительнаго, говоримъ, слышится въ этихъ трогательныхъ церковныхъ пѣнопѣніяхъ для всѣхъ скорбищихъ и болѣзнующихъ о ранней потерѣ своихъ родныхъ, друзей и близкихъ сердцу?

Но довольно. Все, что можно было сказать утѣшительнаго въ утѣшеніе болѣзнующихъ, скорбящихъ и плачущихъ при гробѣ семь, сказано. И такъ, *да не скорбимъ братіе, и друзи, сродницы и знаемые яко же и прочи не имущи упованія* о преждевременной потерѣ дорогаго вамъ существа; но будемъ, лучше непрестанно молиться о немъ Христу Богу, *да не низведенъ будетъ на мѣсто мученія, но да очинитъ его, Всемилосердый, молитвами въ молитвахъ неусыпающей Богородицы и въ предательствахъ непреложнаго упованія, идѣже свѣтъ животный. Аминь.*

О П Е Ч А Т Ь И.

Стран.			Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
6	12	строка	сверху памятно, что	памятно то
19	13	"	снизу славящихъ Христа	слушатели христіане
—	8	"	" считается	хвалиться
21	17	"	сверху соединять	поддерживать
—	11	"	снизу принято	принятаго
70	10	"	сверху то	ю
74	5	"	" правильности	праведности
101	16	"	" дни	дниє
130	11	"	" который ему	который далъ ему
131	1	"	снизу апрѣля	Генваря
213	6	"	" Christmos	Christmas
231	1	"	сверху грѣшника	рыбаря
248	7	"	" перtems	perotes
255	1	"	снизу самъ	намъ
282	4	"	сверху совершилъ, но	совершенно
—	3	"	" христовой	Христовой
292	15	"	снизу Quartekly	Quaterly
326	15	"	" patietus	patietur
—	14	"	" quem	quem
387	13	"	" Ptiest	Priest
—	19	"	сверху которые, служить	которые служите
406	6	"	" который	Который
416	1	"	снизу Archacology Уольота	Archaeology Уольотта
421	5	"	" a gloria	и gloria
422	10	"	сверху сына	Сына
443	16	"	снизу ризу	визу
—	3	"	" Христосу	Христову

II

Стран.			Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
449	6	"	сверху отличаетъ	обличаетъ
460	2	"	" вполнѣ	волнѣ
485	17	"	" Agni	Agni
499	14	"	снизу традиціональную	традиціонную
504	4	"	" морѣ	море
507	5	"	сверху іезуитовъ	іезуитскихъ
510	14	"	снизу Римъ ademe	Римъ, idem
—	11	"	" Макдуфами Макдо- надалдами	Макдуфами, Макдо- надами
523	1	"	сверху Iarop	Iarop
529	3	"	" мочильщики	могильщики
539	3	"	" оцѣпененны	въ оцѣпененіи
543	13	"	снизу заботливою	заботливую
—	6	"	сверху <i>ισχυρός</i>	<i>ισχυρός</i>
—	5	"	" <i>Θεός</i>	<i>Θεός</i>
557	18	"	снизу сына	Сына
—	9	"	" Pat-	Patro-
607	1	"	снизу Distinctire	Distinctive
609	18	"	сверху invitatoreus	invitatorius
—	13	"	снизу et	ex
614	2	"	" Occumeniques,	Oecumeniques
—	1	"	" tradtionele et lice- val. Par le D. Mie- land Bevne	traditionelle et libera- le. Par le D. Michaud Bevne
616	11	"	" иди	или
—	4	"	" oflord	Oxford
618	13	"	сверху инословія	инославія
—	1	"	снизу ibeta	liberté
647	14	"	" волкамъ	волнами
649	16	"	" вазадъ	назадъ
655	4	"	" Стофенсону	Стефенсону
708	4	"	сверху Единомъ	Единымъ
714	16	"	снизу представленное	предоставленное
739	5	"	сверху почившаго	мѣститаго
775	12	"	" ученіе	ученые
781	5	"	снизу ahnubum	annulum

Стран.			Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
783	7	„	сверху Pontificabis	Ponticalis
788	7	„	снизу Churchem	Churchmen
789	3	„	сверху hetevodofy	Heterodoxu
814	13	„	„ надъ Божиимъ	надъ наслѣдіемъ Бо- жѣимъ
817	15	„	снизу царю	царю
826	6	„	сверху заклинаніями не- чистыхъ	заклинаніями отъ не- чистыхъ
—	13	„	снизу μρῶ	μῶρῶ
830	4	„	сверху ove	dove
841	1	„	„ jures	jure
850	17	„	снизу Neitung	Zeitung
851	19	„	„ просмотримъ	посмотримъ
867	1	„	сверху имъ	ихъ
901	2	„	„ который	Который
902	18	„	„ латыны	латыни
—	6	„	снизу праведника	праведникъ
